КОМРАТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 24-ОЙ ГОДОВЩИНЕ ОБРАЗОВАНИЯ КОМРАТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

«НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ. КУЛЬТУРА»

11 ФЕВРАЛЯ 2015 ГОД

I I ТОМ

Составители
Л.В. Федотова, Т.Г. Великова
Под общей редакцией
Л.В.Федотовой

КОМРАТ, 2015

Утверждено и рекомендовано на заседании
Научного Совета КГУ

Научный комитет
Председатель:
Арикова З.Н., ректор КГУ, доктор экономических наук, доцент.
Сопредседатель:
Федотова Л.В., проректор по научной работе КГУ, доктор сельскохозяйственных наук, доцент.
Заместители председателя:
Пармакли Д.М., доктор хабилитат экономических наук, профессор КГУ.
Сахарняну Е.Д., доктор хабилитат философии, профессор, Молдавский государственный университет.
Теоса В.В., доктор хабилитат политических наук, профессор, Молдавский государственный университет.
Морару В.И., доктор права, профессор, Молдавский государственный университет.
Рокачук В.Н., доктор философии, доцент Каменец-Подольского национального университета им. И.Огиенко, Украина.
Винокуров Н.И., доктор исторических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет, РФ
Еремия Н.Г., доктор хабилитат, профессор UASM, Молдова.

Члены редколлегии:
Таушанжи К.П., декан экономического факультета, доктор экономических наук, доцент КГУ.
Захария С.К., декан юридического факультета, доктор исторических наук, доцент КГУ.
Яниогло М.А., декан факультета национальной культуры, доктор педагогических наук КГУ.
Кара С.В., декан аграрно-технологического факультета, доктор с/х наук КГУ.
Великова Т.Г., доктор педагогических наук, КГУ.
Сиркели В.П., доктор физико-математических наук, КГУ
Карабет М.А., доктор экономики, доцент, КГУ.
Сулак С.К., доктор филологических наук, доцент, КГУ.
Ботезату Л., доктор румынской филологии, доцент, КГУ.
Банкова И.Д., доктор гагаузской филологии, доцент, КГУ.
Генова С.И., доктор экономики, доцент, КГУ.
Куртева О.В., доктор педагогических наук, КГУ.
Султ Г.Г., доктор права, КГУ
Папцова А.К., доктор философии, КГУ

Descrierea CIP a Camerei Naţionale a Cărţii

"Наука, образование, культура", международная научно-практическая конференция (2015; Комрат). ″Наука, образование, культура″: Международная научно-практическая конференция: Посвященная 24-ой годовщине образования Комратского Государственного Университета, 11 февр. 2015 г. / сост.: Л.В. Федотова, Т.Г. Великова [и др.]; науч. ком.: Арикова З.Н. [и др.]; редкол.: Таушанжи К.П. [и др.]. – Комрат: Комратский государственный университет, 2015 (Тип. "A&V Poligraf").– **ISBN 978-9975-83-001-0.**

Том 2. – 2015. – 524 p. – Antetit.: Комрат. гос. ун-т. – Texte: lb. rom., engl., rusă, alte lb. străine. – Bibliogr. la sfârşitul art. şi în subsol. – **ISBN 978-9975-83-003-4.**

082:378.4(478-21)=00
H 34

© Комратский Государственный Университет 2015

УДК: 811.111’342(043.3)

FONETICA ŞI IMPORTANŢA EI LINGVISTICO-DIDACTICĂ[1]

Babâră N. M.
doc. hab., prof. univ., USM
Sandu T.I.
doctorandă, USM

Abstract. The article deals with the importance of Phonetics and Phonology, interconnection with the other sciences such as: social, human, concrete and with the aspects of the Language. In the article the authors also show the Phonetics interdependence/interrelation with the Applied Linguistics, its conection with pure Linguistics, Acoustics, Electronics, Mathematics, Music, Mechanics, Anatomy, Physiology, Medicine etc. The article stresses the importance of Phonetics in the process of teaching and learning foreign languages.

Key-words: Phonetics, Phonology, Linguistics, Orthoepy, Orthography, sound, syllable.

Noţiunea de *fonetică* are două sensuri: ştiinţa, ce reprezintă o ramură a lingvisticii şi se ocupă de studierea structurii sonore a limbii, avându se în vedere producerea, transmiterea, audiţia şi evoluţia sunetelor vorbite; prin *fonetică* sau *fonetism* se mai înţelege însuşirile, caracteristicile fiziologice şi acustice ale articulării sunetelor unei limbi, ceea ce constituie specificul ei sonor.

Tot în *fonetică* sunt expuse diferitele teorii ale silabei, caracteristicile accentului şi intonaţiei, precum şi relaţiile dintre forma sonoră şi cea scrisă a limbii. Studierea aspectului funcţional al sunetelor vorbite s-a detaşat într-o nouă ramură a lingvisticii numită *fonologie,* care cercetează funcţiile distinctive ale sunetelor: semantice, lexico-gramaticale, morfologice, sintactice etc. Precursor al fonologiei este considerat Baudouin de Courtenay [20, p. 170].

Despre importanţa incontestabilă a *foneticii* pentru cercetările lingvistice, gramaticienii şi-au expus părerile încă din antichitate. În gramatica sanscrită a lui Panini găsim informaţii despre consoane ca unităţi fonetice şi despre funcţia distinctivă/fonologică a sunetelor vorbirii. *Fonetica* se ocupă nu numai de studierea fiziologică şi acustică a sunetelor articulate izolat, dar şi de legităţile de îmbinare a lor în componenţa unităţilor lingvistice.

Ca disciplină lingvistică, *fonetica* include mai multe aspecte de studiere a structurii sonore a limbii: *Fonetica* – studiază producerea, transmiterea, audiția și evoluția sunetelor limbajului articulat; *Fonologia* – numită și fonetică funcțională, se ocupă de studiul sunetelor limbii din punctul de vedere al valorii lor funcționale, stabilind sistemele de foneme ale unui idiom și caracterul diferitelor variante; *Ortoepia* – *expune regulile de rostire corectă; Ortografia* – stabilește regulile de scriere corectă a lexemelor și a morfemelor.

[1]Prezentul articol este un material de sinteză, compilativ în care autorii prezintă interconexiunea *Foneticii* cu alte științe socio-umane, concrete cu aspectele limbii, demonstrează interdependența ei lingvistico-aplicativă (didactică) și rolul pe care îl are în procesul de predare-învățare a limbilor străine.

Astfel, rolul *foneticii* în contextul teoretico-lingvistic şi practico-didactic este deosebit de important. *Fonetica* reprezintă una din ramurile esenţiale ale lingvisticii şi se ocupă de studierea sistemului sonor: al sunetelor limbii vorbite, al accentului, ritmului, intonaţiei, a regulilor prin intermediul cărora sunetele limbii sunt combinate în silabe, cuvinte, expresii, propoziţii şi alte construcţii fonologice; se ocupă de corelaţia dintre limba vorbită şi cea scrisă.

A cunoaşte o limbă înseamnă a poseda patru abilităţi: *a audia, a comunica* (abilităţile date se referă la comunicarea orală), *a citi* şi *a scrie* (abilităţi ce se referă la comunicarea scrisă). Audierea şi comunicarea presupun capacitatea de a produce şi a recunoaşte corect sunetele vorbirii. Comunicarea orală este primară şi serveşte drept bază celei scrise. Profesorul de limbă pe care o predă şi studentul care învaţă limba trebuie să recunoască şi să articuleze sunetele din limba dată la fel ca şi purtătorul nativ al acestei limbi; să posede cele patru abilităţi: audierea, comunicarea, scrisul şi cititul; să posede cunoştinţe solide ce ţin de structura fonetică a limbii respective. Aceste deziderate pot fi realizate doar având cunoştinţe fundamentale în domeniul *foneticii*. Din punct de vedere teoretic, înţelegerea şi scrierea completă a unei limbi nu este posibilă fără descrierea structurii sunetului şi sistemului sonor al acestei limbi. Din punct de vedere practic, cunoştinţele din domeniul *foneticii* **sunt absolut necesare şi** pot fi aplicate: la alcătuirea alfabetelor, la îmbunătăţirea sau înlăturarea unor defecte de vorbire, în utilizarea dispozitivelor electronice de comunicare, la predarea şi învăţarea limbilor străine, **la stabilirea normelor ortografice, la elaborarea normelor ortoepice.**

Despre importanţa teoretică şi practică, locul şi rolul *foneticii* în ştiinţa lingvistică au menţionat mai mulţi fonetic ieni şi lingvişti ca: Ferdinand de Saussure, V. Bogorodiţki,
L. Şcerba, V. Vasiliev, A. Trahterov, R. Lado, D. Jones, H. Sweet, M. Bogdan, G. Gogin,
Vl. Zagaevschi, N. Corlăteanu, S. Semcinski, L. Skalozub, A. Baker, A. Heilman, P. Roach,
P. Ladefoged, M. Neiland(e), J. O'Connor, A. Tătaru, Al. Rosetti, A. Avram, D. Chițoran,
I. Stan, V. Ștefănescu-Drăgănești, A. Turculeț, N. Vicol, G. Cantemir, A. Chirdeachin, A. Pomelnicov, M. Agachi-Mutruc, L. Usatîi, N. Banaru, M. Fuciji, S. Dermenji-Gurgurov et al.

Importanța *foneticii* este menționată și în *Cartea Cărților/Carte Sacră* unde se menționează că sunt multe feluri de limbi în lume, totuși nici una din ele nu este fără sunete înțelese. Dar dacă nu cunosc înțelesul sunetului, voi fi un străin pentru cel ce vorbește, și cel ce vorbește va fi un străin pentru mine *(Undoubtedly there are all sorts of languages in the world, yet none of them is without meaning if then I do not grasp the meaning of what someone is saying, I am a foreigner to the speaker, and he is a foreigner to me)* (1 Corinteni, 14:10-11). De amintit că și Marele nostru gânditor M. Eminescu s-a referit la *fonetică* afirmând că: *măsurariul* civilizației unui popor astăzi e o limbă sonoră și aptă a exprima prin sunete *noțiuni*, prin șir și accent logic *cugete*, prin accent etic *sentimente* [5, p. 178].

În opinia foneticianului M. Bogdan: Cunoştinţele aprofundate de *fonetică* sînt de mare folos nu numai specialistului lingvist dar şi celui care vrea să o predea. Un profesor de limbă străină fără o pregătire *fonetică* este la fel de incompetent în materia lui, ca şi un medic căruia îi lipsesc cunoştinţele elementare de anatomie. [3, p. 8]. Constatăm că studiul foneticii este deosebit de necesar celui care învaţă limba engleză, întrucât la studierea acestei limbi ortografia este de prea puţin ajutor, dat fiind marea discrepanţă ce există între cuvântul rostit şi cel scris. Redutabilul lingvist rus A. Reformaţski consideră că, necunoscând *fonetica*, nu se poate înţelege nici ortografia contemporană, nu ne putem orienta în gramatică [17, p. 153]. În opinia cunoscuţilor lingvişti basarabeni prof. Vl. Zagaevschi şi acad. N. Corlăteanu: studentul trebuie să ştie, de la bun început, că de felul cum va fi însuşit materialul la *fonetică* (primul compartiment al limbii ca mod de succesiune metodică, dar şi în sens de importanţă ştiinţifică), va depinde trăinicia fundamentului pe care se vor clădi cunoştinţele căpătate la celelalte subdiviziuni ale limbii, la disciplinele lingvistice în general [4, p. 3]. Acad. N. Corlăteanu susţine că *fonetica* ocupă un loc special în sistemul disciplinelor lingvistice, întrucât obiectul ei de studiu îl constituie sunetul vorbit, acel element al limbii în care se evidenţiază cu toată claritatea atât latura fizică şi fiziologică, precum şi cea psihologică şi socială şi că sunetele vorbite se prezintă ca nişte atomi sonori absolut necesari la formarea diferitelor unităţi lingvistice (silabe, cuvinte, expresii, propoziţii), din care cauză *fonetica* se găseşte într-o foarte strânsă legătură cu toate celelalte compartimente lingvistice [9, p. 43].

Este bine cunoscut că studierea unei limbi străine nu poate fi concepută fără o cunoaştere în prealabil şi în amănunt a structurii ei fonetice. Foneticianul basarabean Vl. Zagaevschi ne vorbeşte despre locul şi importanţa *foneticii* in contextul teoretico-lingvistic şi practico-didactic, opinii expuse de personalităţi din

domeniul lingvisticii şi foneticii în articolul său *Fonetica pentru lingvişti şi lingviştii despre fonetică* [9, p. 42-49]. În acest studiu, sunt aduse citate ale lingviștilor şi foneticienilor redutabili. Astfel lingvistul american H. Gleason menţionează că pentru o însuşire activă a unei limbi, e nevoie de cunoştinţe de fonetică în volum de 100%, gramatică – de cel puţin 50-90%. Cât priveşte cunoaşterea vocabularului, aici deseori ne putem descurca uşor doar cu 1% sau chiar uneori şi mai puţin [15, p. 399]. Foneticianul englez H. Sweet consideră că *fonetica* reprezintă, în genere pentru ştiinţa limbii, ceea ce reprezintă matematica pentru ştiinţa astronomică şi fizică. Fără *fonetică* noi nu putem observa şi înregistra cele mai simple fenomene ale limbii. *Fonetica* este necesară atât în studiul teoretic al limbii, cât şi în cel practic. Lingvistul comparativist, cunoscutul teoretician şi filozof al limbii, W. von Humboldt insistă asupra cunoaşterii particularităţilor reale ale sunetelor ca bază în cercetările lingvistice şi subliniază că pentru a-ţi crea o idee asupra formei unei limbi, trebuie să atragi o atenţie deosebită particularităţilor reale ale sunetelor ei. De la alfabet trebuie să pornească investigațiile formei limbii, el trebuie să servească baza în cercetarea tuturor compartimentelor limbii. Acelaşi principiu este susţinut şi de renumitul filolog rus F. Fortunatov, care susține că de la *fonetică* trebuie să se înceapă studierea ştiinţifică a oricărei limbi. Renumitul lingvist român S. Puşcariu spunea că *fonetica* este o disciplină indispensabilă limbii pe care o compară cu tabla de înmulţire.

În menționatul material, foneticianul Vl. Zagaevschi ne mai vorbeşte şi despre faptul că importanţa teoretică şi practică a *foneticii* în viaţa limbilor este atât de apreciată de către lingviştii lumii, încât în anul 1886, la Paris, a fost înfiinţată de către cunoscutul fonetician francez Paul Passy o organizaţie ştiinţifică internaţională de specialitate, numită Asociaţia Fonetică Internaţională (AFI), care a întocmit un sistem de transcriere fonetică, bazat pe grafia latină. În 1891, a fost întemeiat Institutul de Fonetică pe lângă Universitatea din Paris, ai căror colaboratori au adus o contribuţie substanţială la dezvoltarea *foneticii* ca ştiinţă. În anul 1932 la Amsterdam, din iniţiativa lui E. Zwirner, ia naştere Asociaţia Internaţională a Ştiinţelor Fonetice (AIŞF). În cadrul acestei Asociaţii există un Consiliu pentru organizarea Congreselor Internaţionale ale Foneticienilor (CIF). Din anul 1979, la Universitatea din Florida (SUA), apare o revistă informativă *The Phonetician*. La Strasbourg funcţionează un Institut de Fonetică, care editează şi publicaţia *Travaux de I'Institut de Phonétique de Strasbourg. Université des Sciences Humaines de Strasbourg*. În cadrul Academiei Române, a activat şi Institutul de Fonetică şi Dialectologie, care a editat anual revista *Fonetică şi dialectologie.*

Enumerarea instituţiilor şi revistelor ştiinţifice care vizează cercetările din domeniul foneticii ar putea continua. Informaţia însă ar fi necompletă, dacă nu am nominaliza şi câteva dintre numeroasele Laboratoare de Fonetică Experimentală, întemeiate pe lângă centrele ştiinţifice şi universitare. În 1897, la Collége de France, a fost înfiinţat, de către abatele J. P. Rousselot, primul Laborator de Fonetică Experimentală din Franţa. În 1895, la Universitatea din Kazan, a fost fondat un Laborator de acest fel de către V. Bogorodiţki, iar în 1899 S. Bulič întemeiază un asemenea Laborator pe lângă universitatea din Sankt Petersburg. În România primul Laborator de Fonetică Experimentală a fost înfiinţat în 1920, pe lângă Universitatea din Cluj, de către Iosif Popovici. Menţionăm Laboratorul de Fonetică Experimentală din Grenoble, fondat în 1904, cel din Montpellier, întemeiat în 1905 şi condus de M. Grammont, Laboratorul de Fonetică Experimentală de pe lângă Institutul Pedagogic de Stat de Limbi Străine din Moscova condus de V. Artiomov şi cel de pe lângă Universitatea Naţională ,,T. Şevcenko” din Kiev, cercetările fiind pe parcursul anilor îndrumate de foneticienii experimentalişti de notorietate prof. L. Skalozub, și conferențiarii universitari I. Sunţova, Z. Dudnic, O. Bas-Kononenko, V. Cemes [18, p. 12-92].

În acest context, se desprind câteva idei marcante, emise de mari personalităţi ale lingvisticii, din care reiese că *fonetica* formează un capitol important al lingvisticii, este tabla de înmulţire fără de care nu se pot face operaţiuni complicate de calcul. *Fonetica* este chiar modul de existenţă a fiecărei limbi, de aceea cercetarea ştiinţifică a fiecărei limbi în parte trebuie să se înceapă de la *fonetică.* Anume datorită *foneticii* lingvistica a devenit una dintre cele mai exacte ştiinţe umanistice. În cele din urmă, cu cât un lingvist are cunoştinţe mai ample în fonetică, cu atât e mai bine înarmat.

În acest articol, Vl. Zagaevschi demonstrează cu lux de amănunte strânsa legătură între *fonetică* şi ştiinţele lingvistice şi nelingvistice [9, p.42-49].

Ca urmare, *fonetica* ocupă un loc-cheie în sistemul disciplinelor lingvistice, întrucât obiectul ei de studiu îl constituie sunetul rostit, adică acea parte materială a limbii care vădeşte cu toată claritatea latura

fizică şi fiziologică, precum şi cea psihologică şi socială a limbii ca mijloc de comunicare. Sunetele vorbirii aparţin universului fizic şi dispun de anumite caracteristici fizice (acustice). Acestea sunt studiate nu numai de lingvişti, ci şi de fizicieni, specialişti în domeniul acusticii. Mai ales, o parte a fizicii, şi anume electroacustica, a căpătat, în ultimul timp, o mare răspândire în legătură cu dezvoltarea radioului şi imprimării sunetelor vorbite pe benzi, plăci şi discuri. Odată cu progresul tehnico-ştiinţific, specialiştii care se ocupă de problemele transmisiunii sonore au început să fie preocupaţi şi de problemele foneticii. Când e vorba de construirea vreunui aparat de transmisiune sau amplificare a sunetului, e necesar să fie studiate şi proprietăţile acustice ale vocalelor şi consoanelor spre a evidenţia frecvenţele necesare pentru recunoaşterea unor sunete şi neglijarea altora. Fiziologia studiază modul de formare şi redare a sunetelor articulate. *Fonetica* este în strânsă legătură cu fiziologia. Logopedia se bazează pe cunoaşterea *foneticii*. Se exersează prin diverse driluri fonetice şi cu cei fără auz, pentru a-i deprinde să perceapă sunetele rostite de cei care le stau în faţă după mişcările articulatorii ale buzelor, depărtarea maxilarului inferior de cel superior.

Cu toate acestea, *fonetica* rămâne o ştiinţă aparte în sistemul disciplinelor lingvistice, deoarece ea studiază sunetele nu numai din punct de vedere acustic, fiziologic şi psihologic, ci le priveşte, în primul rând, ca unităţi lingvistice, ca cele mai mici elemente ale limbii vorbite,
iar limba vorbită este un fenomen social, cel mai important mijloc de comunicare între oameni. Întrucât sunetele lingvistice se prezintă ca nişte atomi sonori, *fonetica* este strâns legată de celelalte compartimente ale ştiinţei despre limbă.

Aşadar, legătura între *fonetică* şi *lexicologie* poate fi observată, dacă examinăm unităţile fonetice ce au capacitatea de a schimba sensul cuvântului: datorită inversării fonemelor, de exemplu: *parc – crap, arc – car – rac, urdă – rudă;* datorită schimbării accentului în cuvânt, de exemplu**:** *par´alele* ***„banii”*** *– paral´ele* ***„aparate de sport”,*** *ist´orie* ***„ştiinţă”,*** *isto´rie* ***„întâmplare neplăcută”,*** *comed´ie* ***„specie a genului dramatic”*** *com´edie* ***„întâmplare hazlie",*** *compan´ie* ***„asociaţie de producere”*** *– comp´anie* ***(oameni cu chef);*** **datorită prezenţei într-un cuvânt şi absenţa în alt cuvânt a unui sunet:** *turmă – urmă, clamă – lamă, gură – ură;* **datorită substituirii unui sunet-tip din cadrul cuvântului cu altul:** *doamnă – toamnă, rima – râmă, mare – tare, sare – care, rare – bare, pare – nare;* **datorită componenţei diferite a sunetelor rostite în cuvânt:** *lac – pod, dovleac – frunză.*

Unităţile *fonetice* au, de asemenea, o strânsă legătură *gramaticală*, datorită schimbării locului accentului sau a fonemului care schimbă atât categoria gramaticală, cât şi sensul cuvântului: *'import /'imp ɔ:t/ – to ˌim'port /tu ˌim'pɔ:t/; 'accent /'æksənt/ – to ˌac'cent /tu æk'sent/ ori /tu ˌək'sent/; 'digest /'daiʤest/ – to ˌdi'gest /tə ˌdi'ʤest/ ori /tə ˌdai'ʤest/; 'present /'prez(ə)nt/ – to ˌpre'sent /tə ˌpri'zent/ ori /tə ˌprə'zent/; 'contrast /'kɔntræ:st/ ori /'kɔntra:st/ – to ˌcon´trast /tə ˌkən'tra:st/; 'contact /'kɔntækt/ – to ˌcon´tact /tə ˌkən´tækt/; ´increase /´inkri:s/ – to ˌin´crease /tu ˌin´kri:s/.*

În limba engleză intonaţia poate transforma o propoziţie declarativă în una interogativă, de exemplu: *'Tom 'came ↓ yesterday şi 'Tom 'came ↑ yesterday? / 'tɔm 'keim ↓ jestədi şi 'tɔm 'keim ↑ jestədi/.*

Este ştiut că datorită *foneticii* engleze putem explica multe fenomene ale limbii scrise şi diverse reguli gramaticale, de exemplu: a) pluralul substantivelor nestandarde: *'man – 'men, 'woman – 'women, 'mouse – 'mice, 'foot – 'feet, 'goose – 'geese, 'tooth – 'teeth, 'louse – 'lice, 'ox – 'oxen, 'child – 'children.* Aceste modificări au apărut ca rezultat al asimilării vocalelor sau al sunetului *umlaut*; b) verbele nestandarde: *'sing – 'sang – 'sung; 'hang – 'hung – 'hung; 'meet – 'met – 'met; 'win – 'won – 'won.* Aceste modificări au apărut ca rezultat al fenomenului fonetic de gradare a sunetului *ablaut.*

Sintaxa este în strânsă conexiune cu *fonetica,* luând în consideraţie faptul că accentul şi intonaţia servesc ca mijloace de evidenţiere a unui cuvânt dintr-o propoziţie sau a unei propoziţii simple din cadrul frazei. Accentul logic are o deosebită importanţă în reliefarea unor raporturi antonimice, evidenţiind anumite unităţi sintactice în scop stilistic. **De exemplu, în versul eminescian: „***Voi credeaţi în scrisul vostru, noi nu credem în nimic”*, **crearea antitezei se datorează nu numai opoziţiei dintre cele două pronume personale** *(noi/voi),* **ci şi accentului logic, care scoate în evidenţă relaţiile antonimice din context.** Morfologia stabileşte relaţii de interdependenţă, deoarece, de exemplu în română, discrepanţa formelor de persoana I şi II indicative, prezent ale unor verbe se realizează prin alternanţa unei consoane *dure* cu alta *moale (pup – pupi; cer – ceri).* La substantive se diferenţiază forma de singular-plural (rob –

robi; papagal – papagali) etc. Accentul are un rol morfologic: *recītă* (el, ea, ei, ele) – prezent, indicativ şi *recită* (el, ea) – perfectul simplu etc.

Fonetica este în strânsă legătură şi cu *stilistica*, cu teoria literaturii, cu poetica. Sunetele limbii vorbite exprimă un anumit grad de expresivitate, utilizat de către poeţi şi scriitori pentru a crea anumite efecte stilistice. ***Metrica* şi *ritmica* versificaţiei se construiesc pe baza datelor *foneticii*. Sunetul şi sensul sunt cu neputinţă de separat. Sonoritatea muzicală a comunicării este şi ea un mijloc de transmitere a informaţiei. Un rol însemnat, în acest, sens îl joacă aliteraţia din sintagme. De exemplu:** *Sara pe deal buciumul sună cu jale...Apele plâng clar izvorând din fântâne...Prin vulturi vântul viu vuia* **(M. Eminescu).**

E de remarcat valoarea expresivă a consoanelor nazale, care pot reda anumite note de monotonie şi tristeţe adâncă: *Şi totu-mi pare veşted, căzut şi uniform; Sunt însetat de somnul pământului s-adorm* **(M. Eminescu). Sonantele lichide** (/r/ **şi /l/) redau scurgerea timpului:** *Şi se duc ca clipele, scuturând aripile...*

În acest context, din punct de vedere teoretic, înţelegerea complexă precum şi analiza unei limbi nu este posibilă fără descrierea structurii sunetelor şi a sistemului ei sonor. De asemenea, e necesar de menţionat contribuţia considerabilă a *foneticii* la dezvoltarea lingvisticii ca ştiinţă. Lingvistica a fost înfiinţată spre sfârşitul secolului al XVIII-lea. La baza acestui eveniment au stat datele căpătate în urma metodei comparative. Studiul elaborat conform metodei date a evidenţiat similitudinile *fonetice* ale cuvintelor ce aparţin diferitelor limbi. Astfel, a fost descoperit gradul lor de legătură, fapt ce a contribuit la clasificarea familiilor de limbi şi la prezentarea sistematică a schimbărilor istorice ce au avut loc în structura *fonetică* a cuvintelor. Conceptul de fonem, unitate fundamentală a fonologiei, reprezintă contribuţia majoră în teoria limbii.

Din punct de vedere practic, *fonetica* joacă un rol important în procesul de predare şi învăţare a limbii străine. Orice profesor de limbă trebuie să fie în mare măsură şi fonetician. Este imposibil să predăm o limbă străină, fără a atrage atenţie pronunţării, adică foneticii. Un profesor de limbă străină trebuie să posede cunoştinţe atât despre modul în care sunt produse sunetele vorbirii de către organele vorbirii, cât şi despre structura *fonetică* a limbii materne şi a celei străine.

Lingviştii foneticieni susţin că la predarea şi învăţarea limbii străine este necesar să se ţină cont de doi factori de bază: particularităţile fonetice/fonematice ale limbii materne; particularităţile fonetice/fonematice ale limbii străine. Prin confruntarea acestora, avem posibilitatea de a evidenţia deosebirile şi similitudinile fonetice/fonematice dintre limba maternă şi cea străină, fapt care contribue în mod substanţial la studierea celei străine, pe de o parte, şi la aprofundarea cunoştinţelor de limba maternă, pe de altă parte. Lucrările scrise în domeniul lingvisticii comparativ-contrastive au o mare importanţă teoretico-practică sub aspect lingvistico-didactic, postulat susţinut de mulţi lingvişti: acad. L. Șcerba, acad. S. Berejan, acad. N. Corlăteanu, prof. Vl. Zagaevschi, prof. M. Bogdan, prof. A. Evdoşenco, prof. O. Dikuşina, prof. G. Torsuev, prof. V. Vasiliev, prof. A. Trakhterov, prof. D. Jones et. al.

În acest context lingvistul R. Lado, afirma expres că: comparaţia lingvistică este fundamentală şi, într-adevăr, inevitabilă, dacă vrem să progresăm, iar comparaţia a două sisteme fonetice, deşi plicticoasă, seacă şi abstractă, dă rezultate de un mare folos practic [11, p. 3]. Predarea *foneticii* limbii străine în plan contrastiv cu cea maternă este legată de sarcinile cele mai serioase ale lingvisticii, psihologiei, pedagogiei, foneticii experimentale şi trebuie să aibă suport/*să fie susţinută de date ştiinţifice*, obţinute în domeniul lingvisticii tipologice, fiziologiei, psihologiei, *foneticii experimentale*.

Fonetica ține de mai multe aspecte. Comunicarea prin intermediul vorbirii implică o persoană care vorbeşte şi una care ascultă, astfel investigaţiile în domeniul vorbirii sunt strâns legate de producerea şi perceperea sunetelor. Comunicarea mesajului prin intermediul sunetelor limbii vorbite necesită următoarele etape din partea vorbitorului: formarea mesajului, transmiterea lui de la sistemul nervos la organele de vorbire şi apoi crearea sunetelor, ca rezultat al mişcării organelor de vorbire. În dependenţă de aceste etape, deosebim trei aspecte ale foneticii: *articulatorie* sau *fiziologică*; *acustică* sau *fizică* şi *perceptivă*. Structura sonoră a limbii este deosebit de complicată, de aceea studierea ei se realizează din mai multe puncte de vedere. În sensul acesta, distingem: *Fonetica Generală* ce se ocupă de studiul sunetelor vorbirii, de studierea modului de articulare, de particularităţile aparatului vorbitor de a rosti aceste sunete. În timp ce *Fonetica Specială* se ocupă de studiul sistemului fonetic al unei singure limbi. *Fonetica Descriptivă (Sincronică)* – se ocupă de studiul sistemului fonetic al limbii şi este bazată pe

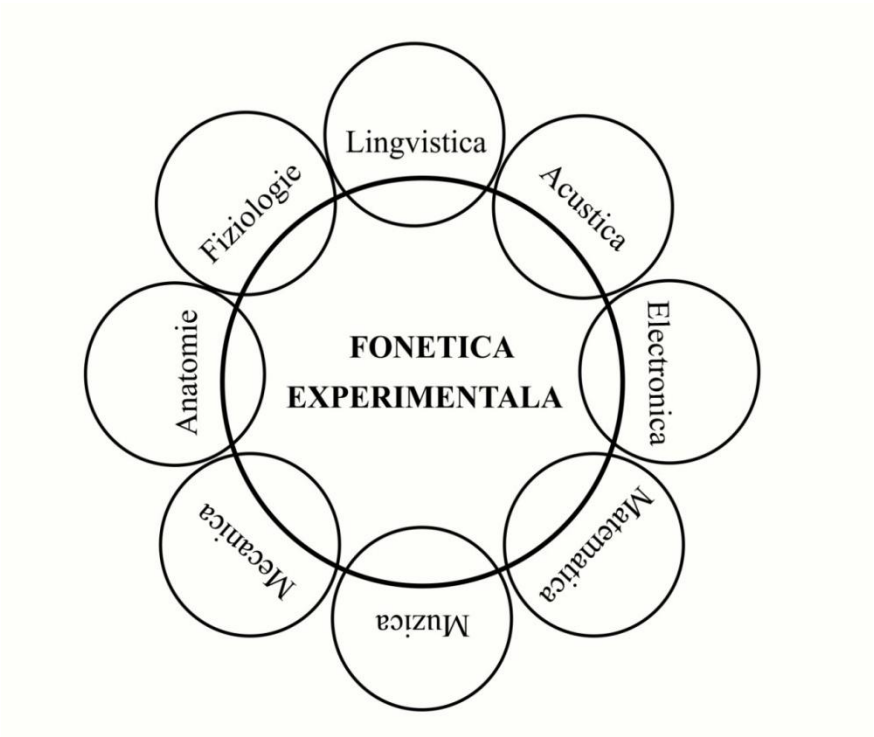
analiza auditivă sau pe analiza făcută cu ajutorul diferitelor aparate. Sarcinile *Foneticii Descriptive* sunt de a descrie şi a clasifica sunetele limbii în procesul lor de dezvoltare. Compararea se poate referi la situaţia contemporană sau evoluţia istorică. *Fonetica Istorică* sau *Diacronică* studiază structura fonetică a unei limbi în dependenţă de dezvoltarea acesteia, stabilind legităţile lor de transformare. *Fonetica Sintactică* studiază diferite modificări fonetice dintr-un cuvânt, cauzate de influenţa cuvintelor vecine cu care se află în raporturi sintactice. *Fonetica Comparativă* compară sistemele sunetelor a două sau mai multor limbi cu scopul de a demonstra similitudinile şi disimilitudinile acestora. *Fonetica Instrumentală* se ocupă de analiza sunetelor prin intermediul aparatelor speciale şi al unor mijloace tehnice: fonograful, glotograful, gramofonul, intonograful, laringoscopul, magnetofonul, oscilograful, palatograful, radiograful, roentgenul static şi dinamic, spectrograful şi altele. *Fonetica Experimentală* se bazează pe calculul numeric, rezultat al experimentelor în diverse domenii: acustică, lingvistică, anatomie, fiziologie, mecanică, electronică. După I. Stan, *Fonetica Experimentală* este în strânsă legătură cu lingvistica, acustica, electronica, matematica, muzica, mecanica, anatomia, fiziologia [7, p. 23].

Fonologia numită şi *Fonetică Funcţională* utilizează datele celorlalte „ştiinţe fonetice” in scopul descrierii funcţionării sistemului fonologic ca parte integrantă a sistemului lingvistic.

Academicianul *N. Corlăteanu* şi profesorul *Vl. Zagaevschi* accentuează faptul că studierea aspectului funcţional sau fonologic al elementelor de limbă vorbită precizează sensul, valoarea semantică a cuvintelor şi a îmbinărilor lor în funcţie de modificările fonetice. Pentru a înțelege un fenomen din cadrul limbii se impune al privi prin prisma studierii fonetice (fonologice), morfologice, lexicale, sintactice. De aici reiese că *fonetica (fonologia), morfologia, lexicul (vocabularul) şi sintaxa sînt nemijlocit legate intre ele. În același timp se cere a fi subliniat și faptul că fiecare din ele își are obiectul său de studiu aparte* [4, p. 21].

În *concluzie,* este necesar de menţionat că *fonetica,* fiind o ramură foarte importantă a lingvisticii, este studiată ca o știință aparte și posedă diverse subramuri. *Fonetica* joacă un rol important în procesul de predare şi învăţare a limbii străine. În cele din urmă, ea necesită o atenţie deosebită, deoarece cunoştinţele în acest domeniu stau la baza procesului efectiv de însușire calitativă a limbii străine. Anume sistemul *fonetic* constituie forma materială de exprimare a cuvintelor, prin intermediul cărora, limba îşi îndeplineşte marea ei funcţie de comunicare umană.

A se vedea interconexiunea *Foneticii Experimentale* cu alte științe în materialul ilustrativ ce urmează:

Referinţe bibliografice

1. Avram A. Cercetări asupra sonorității în limba română. București: Editura Academiei RPR, 1961. 168 p.
2. Berejan S. Studierea confruntativ-contrastivă a microstructurilor lexicale. În: RLŞL, 1991, nr. 4, p. 59
3. Bogdan M. Fonetica limbii engleze. Cluj: Editura Ştiinţifică, 1962. 312 p.
4. Corlăteanu N., Zagaevschi Vl. Fonetica. Chişinău: Lumina, 1993. 272 p.
5. Gogin G. Problema „devocalizării" hiatului în limba română (studiu de fonetică experimentală). Chișinău: UPS „Ion Creangă", 2004, p. 178.
6. Sandu T. Fonetica în contextul teoretico-lingvistic şi practico-didactic. În: Interconexiuni metodologice pragmatice şi didactice în ştiinţele limbii. Materialele Conferinţei ştiinţifico-practice republicane consacrată aniversării a V-a de la fondarea IRIM, 18 aprilie 2008. Chişinău: IRIM, 2009, p. 35-38.
7. Stan I. Fonetica. Cluj-Napoca: Editura Presa Universitară Clujeană, 1996. 138 p.
8. Şerban V. Fonetica. Timişoara: Editura Augusta, 1997. 52 p.
9. Zagaevschi Vl. Fonetica pentru lingvişti şi lingviştii despre fonetică. În: Limba Română, Chişinău, 2005, nr. 4. p. 42-49.
10. Jones D. An Outline of English Phonetics. Cambridge: Cambrige University Press, 1987. 328 p.
11. Lado. R. Linguistics Across Culture, Ann Arbor, the University of Michigan Press, 1963. P. 3.
12. Neiland(e) M. The Phoneme Theory. The Syllabic Structure of English. New Tendencies in Articulating English Vowels.Riga: P. Stučkas Latvijas Valsts universitāte, 1981. 32 p.
13. Бондарко Л.В., Вербицкая Л.А., Гордина М.В. Основы общей фонетики. Санкт-Петербург: Изд-во СПб ГУ, 2001. 150 с.
14. Борисова Л.В., Метлюк А.А. Теоретическая фонетика английского языка. Москва: Высшая школа, 1980. 144 с.
15. Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. Москва: Из-во Иностранной литературы, 1959, с. 339.
16. Златоустова Л.В., Потапова Р.К., Потапов В.В. и др. Общая и прикладная фонетика. Москва: Изд-во МГУ, 1997. 416 с.
17. Скалозуб Л. Г. Основні наукові досягнення: розвиток експериментально – фонетичного методу та одержані результату. В кн.: Загальна та експериментальна фонетика. Київ: Видавничий Дім «Соборна Україна» 2001. с. 12-92.
18. Реформатский А.А. Введение в языковедение. Фонетика. Москва: Аспект Пресс, 2005, с. 157-243.
19. Чемес В. Ф. Фонетична система мови. Ін: Вступ до мовознавства: Частина 2. Київ: ВПЦ Київський університет, 2010, с. 5-52.
20. Mic dicţionar enciclopedic. Bucureşti: Editura Ştiinţifică şi Enciclopedică. 1986. 1908 p.

УДК 811.512.165´373.611

GAGAUZ DİLİNDÄ AZ PRODUKTİV HEM DİİL PRODUKTİV AFİKSLÄR (adlıkların kurulmasında)

Bankova İ., Mileva V.
Komrat devlet universiteti, Moldova

Annotation. The issue of affixed word formation in the Gagauz language is of current importance and needs further investigation and description. This article discusses the nominal word formation in terms of the productivity of affixes used in the formation of nouns. The most productive way of forming nouns is morphological. It consists in joining the affixes to the root. In modern Gagauz word formation there are productive, semi-productive and nonproductive affixes. The authors make an attempt to distinguish between semi-productive and nonproductive derivational affixes in the Gagauz language.

Key words: word formation, affixed word formation, derivation, semi-productive affixes nonproductive affixes, archaic affixes.

Türkologiyada laf kurulmasını taa çoyu lingvistikanın kendibaşına bölümü sayêr. İlk haberlär türk dillerindä laf hem forma kurulması için başladılar peydalanmaa XIX-ncu asirin sonunda [Казем-Бек, 1846; Мелиоранский, 1900; h.b.], zeedelendilär XX-nci asirin çeketmesindä [Богородицкий, 1933; Дмитриев, 1940]. Taa derindän laf kurulmasınnan baalı soruşları türkologiyada bilgicilär ortaya çıktı XX-nci asirin 60-ıncı yıllarında [Гарипов, 1959]. Bundan sora başladılar tipardan çıkmaa kimi türk dillerin laf kurulmasında problemaları için monografiya aaraştırmaları [Дмитриев, 1962; Севортян, 1962; Ганиев, 1974].

Hep bu arada gagauz dilinin gramatikası da seftä bilim temelindä aaraştırlı hem yazdırılı dünneyä çıkêr [Покровская, 1964]. Laf kurulmasınnan baalı soruşları açıklêêr L.A.Pokrovskaya bilim işlerindä [Покровская, 1964; Покровская, 1990; Покровская, 1997]. Ama büünkü günädän gagauz dilindä maasuz laf kurulması için monografiyalar yok, bütündän laf kurulmak sistemi taa diil düzülü. Bu üzerä bu soruş gagauz dil bilimindä pek aktualdır.

Bu artikol çevresindä avtorlar koydu neetinä bakmaa gagauz dilindä produktiv hem az prodiktiv laf kuran afikslerin kullanılmasını (adlıkların kurulmasında).

Gagauz dilindä adlar taa sık kurulêrlar morfologiya, leksika-sintaksis, leksika-morfologiya-sintaksis laf kurmak kolaylıklarınnan. Onnardan en produktiv olêr morfologiya laf kurulması – köklerä-temellerä eklenerlär laf kuran afikslär. Laf kuran afikslär eni leksika maanasında lafları düzerlär, butakım kurup eni leksema, eni laf: *say – say-**gı** – saygı-**lık***.

Gagauzça laf kurmak sistemindä bir bölük laf kuran afiks kullanılêr, ama kimisi taa sık (da dildä peydalanêr çok laf birtürlü afikslän), kimisi dä taa siirek (da dildä siirektä birär-ikişär laf bulunêr birtürlü afikslän). Bu aspekttän zamandaş laf kurulmasında gagauzçada belli butakım laf kuran morfemalar – produktiv, az produktiv hem diil produktiv afikslär.

Produktiv afikslär otakım laf kuran morfemalardır, ani dayma kullanılêrlar eni lafları kurmakta hem kolay ayırılêrlar başka morfemalardan (*saman-**nık**-ta, tütün-**cü**-lär*). Çünkü produktiv afikslär taa üürenilmiş hem taa az problema çıkarêrlar, artikolda biz onnara ilişmeeriz, bütündän bakacez sade az produktiv hem diil produktiv afiksleri.

Az produktiv sayılêr o afikslär, angıların büünkü gündä laf kurulmak proţesindä büük rolu yok, ama, bakmayarak buna, laflara morfema analizini yaparkan, onnarı ayırı bir morfema sayêrız. Çetin bir kural da bu afikslär için yok, ama dilimizin olgunnuuna görä, sistemaya sırayca yakın karşı gelärsäk dildä bir laf kuran afikslän, olur sayılsın az produktiv.

Gagauz gramatikasında **diil produktiv afikslerin** dä definiţiyası yok. Gagauz dilindä diil produktiv afikslär için dä ayırı bilim aaraştırmaları yok. L.A. Pokrovskaya belli eder diil produktiv afiksleri, açıklayarkan kendibaşına söz payların afikslän kurulmasını. Kiyadında "Грамматика гагаузского языка (краткий очерк)" L.Pokrovskaya produktiv, az produktiv hem diil produktiv afiksleri ayırı-ayırı sıralêêr [Покровская, 1990, 15-18], ama kiyatta "Современный гагаузский языка (курс лекций)" az produktiv hem diil produktiv afikslär birerdä bakılêr, yok açıklamak onnarın ayırı nışannarı için [Покровская, 1997, 77-78].

Sırasınca deneyelim bakmaa az produktiv afiksleri gagauz dilindä.

1) ***-tı,-ti,-tu,-tü.*** Bu afiksin yardımınnan türlü ses ötmelerini adlayan bir bölük adlık kurulêr: 1) ***-l, -r*** konsonnan bitän ikikısımnı ses uyduran lafların temelindän: *uul-**tu**, patır-**tı**, gürül-**tü**, lumbur-**tu**, fisir-**ti** h.b.* [Покровская, 1990, 18]; 2) kendilik zalogunda işlik temelindän predmeti yada nışanı adlayan adlıklar: *korun-**tu**, silin-**ti**, iyin-**ti**, gorün-**tü** h.b.* [Покровская, 1990, 18]. Burada kayıl olêrız A.N. Kononovun poziţiyasınnan, ani afiks *-(ı)ntı,-(i)nti,-(u)ntu,-(ü)ntü* iki komponenttän düzülü: zalog afiksi *-(ı)n,-(i)n,-(u)n,-(ü)n* + *-tı,-ti,-tu,-tü.* Bizim aaraştırmamız gösterer, ani bu işliklär kendilik zalog formasında kullanılmêêr, onnar bu modeldä kaluplandı da sade bu strukturada adlık maanasını tutêrlar, adlayıp işi yada işin çıkışını: *kırın-**tı**, biçin-**ti**, sızın-**tı**, bulun-**tu**, gülün-**tü** h.b.*

2) ***-gı,-gi,-gu,-gü,-ga,-gä/-kı,-ki,-ku,-kü,-ka,-kä.*** Bir bölük adlık abstrakt hem konkret maanaylan kurulêr bu afikslerin yardımınnan: *bıç-**kı**, bil-**gi**, iç-**ki**, bit-**ki**, uy-**ku**, sür-**gü**, oy-**gu**, duy-**gu**, **bas-kı**, **as-kı** h.b.* Kiyatta "Современный гагаузский языка (курс лекций)" variantlar ***-ga, -gä /-ka, -kä*** hesaba alınmêêrlar [Покровская, 1997, 77]. Türk dilindä afiksi ***-ga, -gä*** A.N. Kononov diil produktiv sayêr,

neçinki sade birkaç lafta bu morfema korunmuş*: dal-ga, dam-ga, yon-ga, çekir-gä, gar-ga.* Adlıklarda *çekirgä, garga* afikslär ses uyduran laflara eklendilär: *çekirgä < çekir, garga < kar* [Kononov, 12, 121]. Gagauz dilindä bu grupayı girer laf *şişiri-ga.*

Bizim bakışımıza görä, gagauz dilindä var nicä artık saymaa bu afiksleri produktiv. Onnarın geniş kullanılan fonetika variantların yardımınnan gagauz dilindä çok laf kurulêr (*yon-**ga**, süpür-**gä**, böl-**gä**, ver-**gi**, oy-**gu**, ser-**gi**, çal-**gı**, say-**gı**, duy-**gu**, iç-**ki** h.b.*), o beterä var hakımız afiksi produktiv saymaa, hesaba alarak bu afiksin tendenţiyasını ileri dooru da laf kurmak sistemindä kuvedini kaaviletsin.

3) ***-ı,-i,-u,-ü.*** Az produktiv afiks, angısı işlik temelindän türlü maanada bir sıra adlık kurulêr: 1) işin adını gösterän adlıklar: *kork-**u**, yat-**ı**;* 2) işin çıkışını, subyektini ya obyektini gösterän adlıklar (adını gösterän adlıklar): *yaz-**ı**, çiz-**i**, bat-**ı**, kok-**u**, say-**ı**, kes-**i**, çek-**i**, seç-**i**, yar-**ı** h.b.* 3) abstrakt/durum yada predmet maanasında adlıklar: *ölç-**ü**, yap-**ı**, ört-**ü**, koş-**u**, kaz-**ı** h.b.* Yazdırarak türk dilindä adlikların kurulmasını, A.N. Kononov geler bir fikirä, ani kimi laflar afikslän ***-ı,-i,-u,-ü*** nışannık maanasında kullanılêrlar [Kononov, 119,153].

Gagauz dilindä materiallar gösterer, ani A.N. Kononovun lafları gagauz dilindä dä aslı çıkêr. Sözlüktä bulunêr bu strukturada işliktän kurulu laflar, angıları dildä predmetin nışanını gösterelär: *dol-**u**, sık-**ı**, öl-**ü**, ayır-**ı*** [GRRS]. Sayêrız, ani hep bu grupaya girer laf *sap-**a*** da, angısı hep işliktän kurulêr, ama çünkü o yalnız bir örnek, afiks ***-a*** var nicä diil produktiv afikslerä geçirilsin.

4) ***-ın,-in,-un,-ün.*** Ta siirek, ama gagauzçada var bu afikslän dä kurulmuş laflar*: yıv-**ın**, ek-**in**, tüt-**ün**, gel-**in,** bur-**un**.* Bu sıraya var nicä koymaa lafı *yal-**ın** < yal* – пылать, пламенеть.

5) ***-ım,-im,-um,-üm,-am.*** Bu afiks az produktiv sayılêr, ama onun hepsi fonetika variantları laf kurmak sistemindä aktiv kendini göstererlär: *yar-**ım**, at-**ım**, biç-**im**, öl-**üm**, bildir-**im**, tut-**am**/tut-**um**, kıp-**ım,** dur-**um** h.b.*

Diil produktiv afikslär zamandaş gagauz dilindä "işlämeerlär", onnar diil aktiv. Bizimcä, bölä afikslerin yardımınnan zamandaş gagauz dilindä eni laf düzülmeer yada dildä pek siirek bu afikslärlän örnek kullanılêr.

1) ***-gıç, -giç, -gaç, -geç / -kıç, -kiç, -kaç, -keç.*** Bu diil produktiv afiksin yardımınnan gagauz dilindä büün dä kullanılêr küçüräk bir bölük adlık, angıları göstererlär: 1) işi yapmaa bir kolaylık: *kıs-**kıç**, dayan-**gaç**, sallan-**gaç**, sür-**geç**, bur-**gaç**;* işin adı ya subyekti: *bil-**giç**.*

2) ***-maca, -mecä/-meycä.*** Bu afikslän gagauz dilindä işliktän kurulu adlıklar: *at-**maca*** (kuş), *çek-**mecä**/çek-**meci**, bil-**meycä**, bul-**maca**, seç-**mecä**, yak-**maca*** (ot). Nicä görüner, bu az produktiv afikslän kurulu adlıkların maanası taa çok baalı işin çıkışına ya predmetinä. A.N. Kononov türk dilindä seçer afiksi ***-maca/-mece*** [Kononov, 115-116]. Gagauz dilindä razgelmedik bir dä laf afikslän ***-mece***. Düşüneriz, ki *-mece* gagauz dilindä te bu afiks variantlarına döndü *-meci, -mecä (-meycä).*

A.N. Kononovun bakışına görä, afiks ***-maç, -meç*** var nicä sayılsın ***-maca, -mece*** afiksin kısaldılmış variantı [Kononov, 116]. Az produktiv afikslän adlıklar gagauz dilindä hep işin adına, çıkışına hem iş predmetinä baalı: *ört-**meç**, yırt-**maç*** (bu sırada ayırı durêr *sıır-t-**maç**).* Kimi laflarda laf kuran afiks eklener işliin intensiv temelinä [Kononov, 116, 209]: *yanılt-**maç**, bul-a-**maç**, dön-e-**meç**.*

Hep bu sıraya girer laf ***kortmaç*** ta, ama ayırı isteeriz onu bakmaa *kort-maç*. Afiks ***-maç*** açık belli olêr bu lafta, ama kökü saklı kalêr, bulunmêêr büün gagauz dilimizdä butakım köklän başka laflar. Bezbelli, oldu nesoysa diişilmeklär onun strukturasında, neyi biz debeyecez sökmää.

Bu köklän laf kullanılêr tatar dilindä. Nurmuhametova R.S. artikolunda belli eder, ani *kort* süttän bir katık soyu, imäk: «**Корт** – обозначает сыр. В современном литературном языке *корт* – кушанье, красный творог, приготовленный путём кипячения скисшего молока на медленном огне, и это слово в современом литературном языке уже не употребляется в том значении, которое было зафиксировано в словарях XIX века [корт – сыр], кроме мензелинского говора, где обозначает молочный продукт, приготовленный путём высушивания и скатывания в форме лепёшки» [Юсупова, 2012, 189]. Neredän geler bu lafın kökü?

Nicä yazêr Dyaçok M.T., laf *kurut* büün dä geniş kullanılêr altay dillerindä: «Слово *курут* хорошо известно в алтайских языках. Везде оно обозначает особый молочный продукт, высушенный или спрессованный творог, традиционное блюдо алтайских народов. *Курут* часто заготавливался впрок и в значительной мере заменял кочевникам хлеб или сухари» [Дьячок, 2004]. İlei dooru avtor bir alay örnek gösterer türk dillerindän, angılarında laflar *kort* hem *kurt, kurut* süttän yapılan katık soyunu adlêêr: «Тюркские языки: татар. *корт* 'сыр', киргиз. *курут* 'сыр', турец. *kurut* 'сыр', куманд. *курут*

'сыр', др.-тюркск. *kurut* 'курут, высушенный сыр' и т.д. В форме *корт, курт* или *курут* слово распространено практически во всех тюркских языках и в популярной литературе является непременным экзотизмом при описании быта кочевых тюркских народов» [Дьячок, 2004]. Butakım, çıkışêr, ani gagauzça lafın *kortmaç* var derin kökleri, hem ani o işliktän kurulu. Biliner, ani uzun istoriya vakıdında dildä, elbetki, diişilmeklär olêr, ama lingvistika, istoriya, etnologiya, etnokultura kaynakları yardımcı olerlar lafların özünü bulmaa.

Tatar dilindä kullanılêr başka laflar da afikslän ***-maç*** (*umaç, tokmaç*), ani hep imekleri göstererlär [Нурмухаметова, 2014, 165]. Gagauz dilindä sä kaldı sade laf *kortmaç* (buzaalamaktan sora ilk günnerdän inään südü) hem *kortmaç pitası* (ilk süttän hem undan sinilerdä fırında pişirilmiş pita). Yaşamakta çok diişilmeklär olduu üzerinä dilimizdä dä kimi laflar yavaş-yavaş siireler. Ölä olêr bu laflan da. Siirek çorbacıyka şindi kortmaç pitasını pişirer, onuştan dilimizdä o az kullanılêr.

3) ***-daş.*** Materiallara görä, gagauz dilindä diil produktiv var nicä sayılsın bu afiks tä ***-daş:*** *vatan-**daş**, yol-**daş**, kol-**daş**, ba-**daş***. Lafta *kardaş* afiks ***-daş*** yapıştı lafın kökünä da büünkü gündä çok kısımnı kökün bir payı olêr: *kar-daş* < karnı – живот, утроба. Türkologiyada bu afiksin peydalanmasına türlü bakışlar var. K.G. Zaleman [13] sayardı, ani afiks *-daş* kurulu hal afikstän *-da* hem kendibaşına laftan *eş* "друг, товарищ". A. Zayonçkovskiyin [14] hem A.G. Gulämovun [15] bakışlarına görä, afikstä var iki element – işlikleri kuran afiks *-la/-da* hem zalog afiksi *-ş*. A.A. Yuldaşev sayêr, ani afiks *-daş* düzülü hal afiksindän hem çokluk maanasında afikstän *-ş* [16].

Mahtiev H.A. nışannêêr, ani afiks ***-daş,-deş*** yakut dilindän kaarä hepsi türk dillerindä var da gösterer iki üzün birtakım nışanını [Махтиев, 2000].

N.K. Dmitrievın bakışına görä, afiks ***-daş,-deş*** gösterer iki predmetin barabar ya birerdä bulunmasını, halını (eki ani o iki predmeti nesoysa bir ortak nışan birleştirer) [Дмитриев, 1940, 84]. Bizä görä, bu versiya taa yakın aslıya, neçinki afikslän –daş hepsi lafların maanasında duyulêr iki predmetin, kişinin katılması, biri-birinä baalantısı. Deyecez, *yoldaş* – o, kim birkimseylän bir yoldan gider, bir yolda bulunêr; *kardaş* – onnar, kim bir karnıda bakılmış, bir karnıdan çıkmış; *koldaş* – onnar, kim birerdä yannaşık bir işi götürerlär (kol-kola işleerlär); *badaş* – onnar, kimin arasında iki taraflı annaşmak var bir iştä, bir izmettä (ki işi barabar götürmää) [GRRS].

Diil produktiv afikslerin arasında var arhaik afikslär, angıların afiks funkţiyası zamandaş gagauz dilindä hiç duyulmêêr yada duyulêr, ama laflara morfema analizini yaparkan, onnarı ayırı bir morfema saymêêrız. Sade etimologiya analizi verer kolaylık bulmaa büünkü gündä sadä sayılan temellerdä butürlü afiksleri. Bu prinţipä görä, gagauz dilindä arhaik var nicä sayalım afiksleri:

4**) *-ç, -ıç, -iç, -uç, -üç, -aç***. Gagauz dilindä var adlıklar, angılarında afiks *-ç*, eklener işlik temelinä (*tıka-**ç,** çek-**iç,** kıl-**ıç*** h.b.), adlı temelä (*top-**aç*** h.b.).

5) ***-man,-men.*** Gagauz gramatikasında ***-man, -men*** afiks için haberlär yok. Ama gagauzça-rusça-romınca sözlüktä [GRRS] bulêrız adlıkları, angıları kuruldular bu afikslän: *bez-**men**, der-**men**, göç-**men**, şiş-**man**, koca-**man**, kara-**man***. A.N. Kononov belli eder, ani türk dilindä bu afiks XX-nci asirin ortasına kadar diilmiş produktiv da korunmuş sade kimi nışannıklarda hem adlıklarda. Ama XX-nci asirin 30-uncu yıllarında bu afiksi enidän kullanmaa başlamışlar da onun yardımınnan (taa sık işlik temelindän) düzülmüş çok türlü adlık: *der-men* < *değirmen* "мельница", (*değir* – "круг", "жернов"); *üüret-men "преподаватель"* < *öğretmen* "учитель", *seç-men* "избиратель", *göç-men* "переселенец", *uç-man* "летчик", *uz-man* "специалист" [Kononov, 105]. Bir bölük adlık bu afikslän ***-man, -men*** açıklêêr obyekti işlem tarafından, ne iş yapandır o obyekt, ne instrumenttir o: üüret-men – o, kim üüreder; tercüman – o, kim tercuma eder; göç-men – o, kim göçer.

Bizim hesabımıza gorä, afikslän ***-man*** başka bir bölük adlık gösterer, ani obyekti intensiv bir nışannan, ani zeedesinnän nışanı belli olêr (köktä gösterili leksika maanası) da harakterizat eder onu. Deyecez, *kara-**man*** – pek kara bişey ya nesä; *şiş-**man*** – pek tuyan, tavlu, şiş hem büük nesä osa kimsä; *koca-**man*** – büük yaştan, çok vakıtlı, çok yıllık, kart bişey ya birkimsey.

Nicä gördük, bu afikslär birär-ikişär örnektä sade razgelerlär, onuştan halizdän diil produktiv. Başka taraftan, onnarın maanasını bulmaa deyni, lääzım derindän etimologiya analizini yapmaa, yaraştırıp onnarı başka türk dillerinnän hem aarayıp derin türk köklerini.

Butakım, bizim bakışımıza görä, gagauz dilindä yukarda sıralanmış afiksleri var nicä az produktiv hem diil produktiv saymaa büünkü laf kurmak proţesinä görä. Ama çünkü gagauz dili ilerleer, funkţiyası genişlener, dildä kullanılan laf kurmak modellerinä görä bu az produktiv afikslär var nicä kursunnar eni

laf, eni termin. Bu fikirä bizi getirer termin örnekleri, angıları bitki vakıtta zamandaş gagauz dilindä kuruldular, leksika fonduna uygun girdilär da kullanılêrlar: ***ur-gu, çiz-gi, gör-gü, toplan-tı, saklan-tı, paklan-tı*** *h.b.*

Başka taraftan, gagauz dilin ilelrlemäk çevresindä olur olsun, ani az produktiv hem diil produktiv afiksleri diişilsinnär. Dilin ilerlemesinnän bu az produktiv afikslär, kuvetleştirip laf kurmak funkţiyasını, olur diiştirsinnär statusunu da produktiv sayılsınnar. Terminologiya oluşması etapında dilin öz resursaları derindän hem bütündän lääzım kullanılsın, da diil produktiv afikslär dä olur kullanılsın, aktivleşsin. Bu aspektti alarak hesaba, gagauz dilindä diil produktiv hem az produktiv afiksleri ileri dooru lääzım aaraştırmaa.

Kullanılmış kaynaklar

1. Богородицкий В.Д. Этюды по татарскому, тюркскому языкознанию. Казань, 1933.
2. Ганиев Ф.А. Суффиксальное словообразование в современном татарском литературном языке. Казань, 1974. 231с.
3. Гарипов Т.М. Башкирское именное словообразование. Уфа, 1959. 235с.
4. Гулямов А.Г. Об аффиксе –daş./ Бюл. АН УзССР. 1947, № 1
5. Залеман К.Г. Легенда про Хаким-Ата/ Изв. АН 1898, Т. IX, № 2
6. Дмитриев Н. К. Грамматика кумыкского языка. – М., 1940.
7. Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. Москва, 1962. 607с.
8. Казем-Бек М.А. Общая грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1846. 452с.
9. Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. Москва–Ленинград, 1956. 569 с.
10. Махтиев Х.А. Именное словообразование в кумыкском языке (в сравнительно историческом освещении). Махачкала, 2000.
11. Мелиоранский П.М. Араб филолог о турецком языке. СПб., 1900. 297с.
12. Покровская Л.А. Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. Москва, 1964. 298 с.
13. Покровская Л.А. Грамматика гагаузского языка (краткий очерк). Кишинев, 1990. 64 с.
14. Покровская Л. А. Современный гагаузский языка (курс лекций). Комрат, 1997. 191с.
15. Севортян Э.В. Аффиксальное глаголообразование в азербайджанском языке. М., 1962. 643с.
16. Хабичев М.А. Карачаево-балкарское именное словообразование. Черкесск, 1971. 302с.
17. Юлдашев А.А. Историческое развитие взаимного залога / СТ. 1980. № 4
18. Gagauzça-rusça-romınca sözlük. Chişinău, 2002. 740 p.
19. Zajączkowski A. Sufiksy imienne i czasownikowe w języyku zahodnio karaimskim. Krakow, 1932.
20. Дьячок М. Т. КУРУТ (ОБ ОДНОЙ АЛТАЙСКО-АРИЙСКОЙ ИЗОГЛОССЕ) // (Techne grammatike (Искусство грамматики). Вып. 1. Новосибирск, 2004. С. 132-138). http://www.philology.ru/linguistics4/dyachok-04.htm
21. Нурмухаметова Р.С. ВЛИЯНИЕ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛЕКСИКИ ПИЩИ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА // ФИЛОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА. PHILOLOGY AND CULTURE. 2014. №4 (38). С. 164-168. http://philology-and-culture.kpfu.ru/?q=system/files/33_10.pdf
22. Юсупова А. Ш. ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА В ТАТАРСКО-РУССКИХ СЛОВАРЯХ XIX ВЕКА http://www.gramota.net/materials/1/2012/10/61.html

УДК: 82.09 (07) =111

IDENTIFYING PLOT TECHNIQUES: FLASHBACK, FLASH-FORWARD AND FORESHADOWING IN A NARRATIVE

Blajin Cristina
MA, University Lecturer,
Moldova State University, Republic of Moldova
Duhlicher Olga
PhD, Associate Professor**,**
Moldova State University, Republic of Moldova

Abstract. This study focuses on plot techniques – flashback, flash-forward and foreshadowing. Flashback provides a backstory to explain what caused the surprise outcome. On the other hand, a flash-forward is the presentation of a future event before its proper time. Foreshadowing provides an implicit hint about the surprise. Then, examples and types of these plot techniques are presented. Lastly, tips for identifying these plot techniques are specified.

Keywords: narrative, flashback, foreshadowing, flash-forward, plot, chronological order, suspense.

A typical plot follows time order. From fairy tales, with their "once upon a time" beginnings and "happily ever after" endings, to modern classics, many great stories feature chronological order. The events follow a linear structure - that is, they take place one after the other.

Sometimes, a writer plays with time by interrupting the chronological order of events. He or she may suddenly focus on an event from the past or hint at future events. Thus, many plots have less predictable structure. For example, some plots start with falling action and then jump to the introduction; others jump around in time. A writer may manipulate time for a variety of reasons - for example, to give you a deeper sense of the characters and conflicts or to keep you wondering what will happen next because the choice of structure can affect the meaning of the story and the impact it has on the reader [1].

Thus, narrative events may be related in different orders: for example, chronological/ linear (natural order), *in medias res* (in the middle of things) or begin in the present and return to the past and in such cases we are dealing with different forms of 'anachronies'.

The two main types of anachrony are flashbacks and flash-forwards [3]. *Flashback* is an account of a conversation or action that happened before the beginning of a story, or at an earlier point, flashbacks interrupt the chronological order of events [1]. It focuses more on *why* things happen, rather than on *what* happens [5].

The following excerpt is an example of flashback. Little Red Riding Hood is thinking back to something that happened earlier in the story.

The wolf went up to Little Red Riding Hood and told her that he knew a shortcut. Little Red Riding Hood thought back to what her mother told her. "Don't talk to any strangers and watch out for the wolf in the woods!" But it was too late, she had already listened to the wolf's directions [2].

Flashbacks are interruptions of the story to show the reader an incident that occurred in the past. Writers use flashbacks to "jazz up" the chronology of the plot - it makes the revelation of events more interesting. In Louis Sachar's *Holes,* for example, flashbacks are used to foreshadow events that will take place in the present. N.A. Nelson uses flashbacks extensively throughout this novel. [7]

Narratologists distinguish different types of flashback (retrospection or analepsis): an *external flashback* presents an event occurring before the beginning of the primary story line (i.e., in the pre-history) [3]. Thus, a flashback that reaches outside of the limits of the narrative's extreme ends and stays there - say a flashback that returns to the 1800s in a story where the dominant timeline is 1960 to 1965 - is called an *external analepsis*. One that remains within the bounds of the narrative is called an *internal analepsis* (or homodiegetic) [13].

On the other hand, a flash-forward is the presentation of a future event before its proper time. An example of flashforward is Charles Dickens' novel *A Christmas Carol*, in which the protagonist Ebenezer

Scrooge is visited by the “Ghost of Christmas Yet to Come” who shows him his future. Scrooge sees himself dead, and people finding comfort and happiness in his death [8].

Similarly, there are different types of flash-forward (anticipation or prolepsis): an *external flashforward* involves an event happening after the end of the primary story line [3]. *External prolepses*, Gerard Genette says, “function most often as epilogues, serving to continue one or another line of action to its logical conclusion” [13]. An *objective flash-forward* or *certain anticipation* presents an event that will actually occur; a *subjective flash-forward* or *uncertain anticipation* is just a character's vision of a likely future event [3]. *Internal prolepses*, like internal analepses, become entangle with the first narrative, and Gerard Genette sees them as serving at least two functions, to provide *advance notice* and *advance mention.* Thus they may result, and often do, in *repeating prolepses*, that give advanced notice of what will be narrated later. *Advance notice*, is distinguished from more subtle analepses that Gerard Genette calls *advanced mention*, and what I think most American’s would refer to as foreshadowing. Advance notice then might be called a flash-forward - a more explicit hint at what’s to come [13].

Alongside flashback and flash-forward, foreshadowing is worth mentioning, as it is the literary term we give to the author’s subtle clues left to give us a hint about what will happen later in the story. In Lemony Snicket's books, *A series of unfortunate events*, the last picture of each book contains a sign that foreshadows the next book in the series. For example, in the last picture of the second book (*The Reptile Room*), one man is wearing a shirt that says 'Lake Lacrymose', the setting of the third book. In the movies, today’s best examples of foreshadowing can be found in the films of M. Night Shyamalan (*The Sixth Sense, Signs, The Lady in the Water,* etc.), where symbols and character traits are sprinkled throughout the story before they become crucial parts of the ending [7].

Thus, *foreshadowing* is the technique of hinting about something that will occur later in a story. The outcome of a conflict is often hinted at or "foreshadowed" before the climax and resolution. These clues are usually very subtle; you don't realize they are foreshadowing clues until you've finished the story [4]. *Once upon a time, there was a little girl who lived with her mother. Her mother asked her to take her old and lonely grandmother some food one day.*"*Don't stop along the way. Go straight to your Grandma's house and back. Don't talk to any strangers and watch out for the wolf in the woods! Now get along!"*

This excerpt is an example of foreshadowing. Little Red Riding Hood’s mother is warning her about the wolf in the woods, which hints at what may happen next [2].

Thus, foreshadowing helps to create *suspense*, which is the uncertainty or anxiety that a reader feels about what will happen next in a story. Suspense is the feeling of anxious curiosity [9].

When she arrives she notices Granny looking rather strange, and we experience a higher level of tension. “My, what big teeth you have!”, Red eventually says after a suspenseful conversation, to which the wolf, who is disguised as Granny, replies, “The better to eat you with,” and swallows her whole [2].

Flash-forward is similar to foreshadowing. However, foreshadowing hints at the possible outcome in future without any interruption and using events or dialogues of characters in the current time. It may also be present in the titles of narratives or chapter titles. Flash-forward, on the other hand, is an interjected scene in a narrative that takes the narrative forward in time. The events presented in a flash-forward are bound to happen in the story. Foreshadowing predicts the future events, but the events do not necessarily take place in the future – as in “red-herring” (a kind of fallacy that is an irrelevant topic introduced in an argument to divert the attention of listeners or readers from the original issue; in literature it is often used in detective or suspense novels to mislead readers or characters or to induce them to make false conclusions [7, 14].

Ask your students to follow the following directions in order to find a flashback in a piece of literature:

✓**Identify events that hint of things to come.** Look for events that suggest key story conflicts arc about to develop or change direction. Ask yourself:

- Why is this section tense?
- How does the writer make the story suspenseful?
- Are the events troubling or mysterious in some way?

✓**Look for dialogue or descriptions that hint at change.** Look for clues in the characters’ dialogue or behaviour, as well as descriptions that seem to hint at change.

- ✓**Predict what will happen next in the story.** Use the clues in action, description, and dialogue, plus what you already know from prior story events or your own experience to predict what lies ahead for the characters.
- ✓**Keep track of the chronological order.** Look for a place where the writer breaks into the chronological order of events to tell about something that took place earlier-a flashback. Also, look for places where the forward progression of events is disturbed. This may indicate foreshadowing.
- ✓**Locate starting and stopping points.** To identify flashbacks, look for words and phrases that show time, such as *several years ago, in the past, yesterday, then* etc. Examples: *I thought about what had happened earlier.... Images from years ago flooded my brain.... A memory from the distant past surged up...*[10]
- ✓**Look for dates and the characters' ages and words about youth or old age.** Examples: *When Carla was nine, her father taught her to swim... Before I became the old man you see before you...*

In some cases, the flashback may appear in a different typeface, or it may be written in a different tense. Writers often use details of sight or sound to connect a flashback to the story.

EXAMPLE: Back in fifty-two.
I thought about what had happened earlier . . .
Years ago, when I was barely able to reach the doorknob …..

- ✓**Look for time words such as now, today, and these days.** Such phrases can indicate the stopping point of a flashback. Examples: *Now I am a grownup.... These days I live more slowly than when I was in the army...* [11]

Ask your students to follow the following directions when analysing foreshadowing:

* Think about plot events
* Look for clues in dialogue or description
* Predict what will happen next [6].

In literature, foreshadowing usually consists of only one or two sentences, and is especially effective when ending a scene or chapter. An example of foreshadowing: *Sam wished he could rid himself of the sick feeling in his gut that told him something terrible was going to happen, and happen soon* [6].

- ✓**Think about purpose.** Think about why the writer included a flashback or foreshadowing. Ask yourself the following questions:

- How does a flashback help me understand a character's behaviour or conflict?
- How has the mood shifted?
- How have my feelings as a reader changed? [10]

Draw the attention of your students to the fact that *foreshadowing* frequently serves two purposes.

1. It builds suspense in literature by raising questions that encourage the reader to go on and find out more about the event that is being foreshadowed.
2. Foreshadowing is also a means of making a narrative more believable by partially preparing the reader for events which are to follow.

Also, it is necessary to be mentioned that not all foreshadowing is obvious. Frequently, future events are merely hinted at through dialogue, description, or the attitudes and reactions of the characters [5].

Ask your students to take into account the following directions when analysing suspense:

- Examine their <u>feelings</u> as they read;
- Identify the <u>rising action</u> of the plot;
- Focus on the main questions they have about the story's <u>outcome</u> [12].

In conclusion, it should be mentioned that flashbacks are often used to recount events that happened before the story's primary sequence of events, a flash-forward (or prolepsis) reveals events that will occur in the future. Both flashback and flash-forward are used to create suspense in a story, develop a character, or add structure to the narrative. Thus, it is important to find plot techniques in a narrative as it is easier to understand the elements of plot and to understand the order of events in a narrative.

References

1. Allen, Janet. *McDougal Littell Literature: Student Edition Grade 9*. Evanston, IL: McDougal Littell, 2008.
2. Gregory, Victoria, and Kate Ryan. "Foreshadowing and Flashback." N.p., n.d. Web. 12 Sept. 2014. <http://staff.comalisd.org/JAN.BROWN/My_Site/Powerpoints_Videos_files/Foresh%26Flashback-12.pdf>.
3. Jahn, Manfred. "Narratology: A Guide to the Theory of Narrative." N.p., n.d. Web. 12 Sept. 2014. <http%3A%2F%2Fwww.uni-koeln.de%2F~ame02%2Fpppn.htm>.
4. "Elements of Fiction." N.p., n.d. Web. 29 Jan. 2015. <http://learn.lexiconic.net/elementsoffiction.htm>.
5. "Elements Of Literature." (n.d.): n. pag. Web. <http://www.nps.gov/mora/forteachers/upload/background-elements-of-literature_sr.pdf>.
6. "Flashback and Foreshadowing." (n.d.): n. pag. Web. 30 Jan. 2015. <http://teacherweb.com/OK/DCIS/6thgradeteamC/Flashback-and-Foreshadowing-pdf.pdf>.
7. "Flashback, Foreshadowing, and Red Herrings in Bringing The Boy Home." (n.d.): n. pag. Web. 29 Jan. 2015. <http://www.ninanelsonbooks.com/CurriculumFiles/16FlashbackForeshadowing.pdf>.
8. "Flash-forward - Definition and Examples of Flash-forward." *Literary Devices*. N.p., n.d. Web. 12 Sept. 2014. <http://literarydevices.net/flash-forward/>.
9. "Foreshadowing and Conflicts." N.p., n.d. Web. 30 Jan. 2015. <http://www.pkwy.k12.mo.us/homepage/kkloth/file/Foreshadowing,%20notes.pptx>.
10. "Foreshadowing and Flashback - Lesson 8." *Standard Lesson Files Book 1 Literature Grade 10*. N.p., n.d. Web. 12 Sept. 2014. <http://www.mychandlerschools.org/cms/lib6/AZ01001175/Centricity/Domain/963/Foreshadowing%20and%20Flashback%20Packet.pdf>.
11. "Foreshadowing and Flashback - Lesson 8." *Standard Lesson Files Book 1 Literature Grade 9*. N.p., n.d. Web. 12 Sept. 2014. <http://www.wuhsd.org/cms/lib/CA01000258/Centricity/Domain/593/E1%20Week%202.pdf>.
12. "Foreshadowing and Suspense - Lesson 8." *Standard Lesson Files Book 1 Literature Grade 6*. N.p., n.d. Web. 12 Sept. 2014. <http://www.wuhsd.org/cms/lib/CA01000258/Centricity/Domain/593/E1%20Week%202.pdf>.
13. "Narrative Time." *Semioteur-On Words, Art and Meaning*. N.p., n.d. Web. 30 Jan. 2015. <http://semioteur.tumblr.com/page/3>.
14. "Red Herring - Definition and Examples of Red Herring." *Literary Devices*. N.p., n.d. Web. 12 Sept. 2014. <http://literarydevices.net/red-herring/>.

УДК: 821.135’38

SINTAXA AFECTIVĂ ŞI METODA ANALIZEI EMFATICE

Botezatu Liuba
dr. conf. univ.
Universitatea de Stat din Comrat

Abstract. Syntax is thinking, attitude; it is the expression of the soul in a word; it is harmony, music, sensibility, pleasure of enjoyment; it is context, empathy and value. But the perception of systematization of the axis of the authentic of values can be estimated only on the level of a method of emphatic analysis, calibration of which is available in extensor.

Key words: syntax, theory of empathy, emphatic method

Teorie și interpretare

Dupa H. Riemann(8), sintaxa 1.este disciplina realizarii marilor forme muzicale, cu accentul pe evoluțiile armonice din interiorul acestor forme. Opusă în spirit sintetic analizei, s.a reunite într-o viziune unitară și sistematică, inclusiv elementele microstructurii(vezi structura) celulă/cuvînt-sintagmă, nucleu frastic, motiv, laitmotiv, perioadă/superfraza..., ceea ce servise și pînă atunci ca bază a conceptualizarii formelor, iar prin virtuțile ei propriu-zis gramaticale, poate fi apropiată de către cercetările structuraliste actuale..2. În sens actual, termenul Sintaxa se refera la relațiile care se stabilesc între obiectele sonore, ele putînd fi examinate sub două aspecte: cel abstract/fictiv și cel real/nonfictiv. Sintaxa abstractă care nu ține de natura obiectelor sonore, constituie baza conceptului formal în muzică; ea opereaza cu două coordonate: succesivitatea și simultanietatea. Sintaxa reală este dependentă de natura obiectelor aflate în relații și reclamă pluralitatea apariției, atestată de culturile, epocile sau stilurile existente, definindu-se ca un caz particular al sintaxei abstracte.

Metoda analizei emfatice, ca drept edvidență axiologică complinitorie, activează exercițiul proeminenței senzitive în favoarea finalități care încununează opera complexă a vieții - Omul. Funcțiile acestei metode sunt cele de rostuire a angajărilor emfatice la opera de complinire și manifestare spirituală.

Prin conexare în aceast mod la opera eminesciană, menționăm că ,,Sara pe deal buciumul sună cu jale" – este un enunț sintagmatic în/prin care (la nivelul metodei simpatetice) de mai multe ori se preia vocala închisă - U - producînd un efect fonic interpretativ- suferința în vogă - ,,buciumul sună cu jale", preluat în emfază: apele plîng clar izvorînd în fîntîne,/sub un salcîm , dragă, mă aştepţi tu pe mine... Este surprinzătoare modalitatea complinitorie a faticului, angajat la maximum pînă la ultimele versuri ale poeziei, prevestind deznodămîntul fericit: Lîngă salcîm sta-vom noi noaptea întreagă..., Ore întregi spune-ți-voi cît îmi ești dragă ... Sub înaltul, vechiul salcîm. În această superbă ramplasare, retenţia şi impactul, întregului conținut angajează reflexiv - tranzitivitatatea trăirilor depline la condiţia identicului mioritic: Sara pe deal. Or, Sara pe deal semnifică indiciul prefigurărilor noastre genetice în spațiu și timp; faticul ca drept reprezentare specifică a trăirilor sensibilizatorii: miros, culoare, trăire, simțire – în fine – extaz admirativ ,,Astfel de noapte bogată, cine pe ea n-ar da viața lui toată!?". Sara pe deal..., sub Înaltul, Vechiul Salcîm!

Ăsta e cuprinsul vederilor noastre simpatetice, ca drept urmare a reluărilor/aprofundărilor faticului prin tehnici ale lecturii expresive, prin recital, teatralizare poetică, elaborare de texte, într-un exerciţiu continuu de simţire a profunzimii limbii în toată ponderea genialității care ne înveșnicește. Or, la nivelul fenomenologiei geniului poprului nostru întreaga operă eminesciană, ca și cea blagiană poartă caracter emfatic-sintetuzator.

Sintaxa şi Semantica, ştiinţe ale lingvisticii moderne se ocupă de perspectiva plinătăţii ,, unicum"-u-lui în esență și raportarea specificității lui la identicul epistemic universal ca și ,, corolă de minuni a lumii". Sau rostuirea univocității esenței este una purtătoare de conținut și formă în măsura plinătății întregului constituant. Prin urmare, în acest chip, desprindem adevărul bipolarizant al plinătății întregului, prin care se dovedește că Sintaxa şi Semantica, repurtînd/însumînd o axă specifică de valori, circumscriu dimpreună(prin limbaj) traiectul reîntoarcerii la esenţă - la valoarea extinderii începutului atît dinspre hermeneutic spre hermetic, cît și dinspre hermetic spre hermeneutic. Dacă după Boalo *sintaxa caracterizează părţile de vorbire în mişcare de sens*, după noi, sintaxa definește studiul sintetizării axei de valori, pe/prin care îşi repurtează rostuirea în deplină funcțiune Principiul Axiologiei Generale/Globale, constituit pe cele două principii coșeriene: al creativității şi al alterităţii, pe principiile școlii lingvistice de la Praga*: principiul structural*, și *principiul logico-semantic și funcțional*. Aspectul valorizant al Sintaxei ca drept știință a sintetizării valorilor prin Cuvînt se definește prin /din modalitatea funcţionalităţii Principiului Axiologiei Generale la nivel de principiu logico-semantic, prin urmare, la nivel de principiu axiologic edificator. În consecință, dacă Axiologia este ştiinţa care se ocupă cu studiul valorilor la modul general al funcționalității lor în societate; apoi Sintaxa trebuie să fie ştiinţa sintetizării/ordonării valorilor,unităților de valoare/de sens într-un circuit identitar-unitar. *Observaţia și analiza*, în ipostaza lor de tehnici aplicative de muncă, sunt solicitate prin esență să circumscrie în mod ordonat o nouă procedură interactiv- sintetizatoare: Om-Cuvînt-Divinație.

Empatia, din punctul nostru de vedere, este marcată axiomatic: ,,*valoarea este sens"(10)*. Or, sintactic vorbind, *axioma prefigurează sintetizarea axei de valori ca și simultanietate a exteriorizării interiorizărilor în/prin Cuvînt*. În această vigoare complinitorire(enunț-text) sunt elocvente premărgător luările de atitudine ale mai multor experți în domeniu.

După noi, *sintaxa şi semantica* se ocupă de perspectiva plinătăţii epistemice a esenţei ca şi ,, corolă de minuni a lumii". Sau rostuirea univocității esenței ei este una purtătoare de conținut și formă în măsura plinătății întregului constituant. Prin urmare, în acest chip, desprindem adevărul plinătății bipolarizante a întregului prin care se dovedește încă o dată în plus că *sintaxa şi semantica* circumscriu dimpreună traiectul reîntoarcerii la esenţă - la valoarea hermetic/hermeneutică a unui fel inedit de a spune lucrurilor trăite/simțite pe nume.

Dacă după Boalo, *sintaxa caracterizează părţile de vorbire în mişcare de sens*, apoi după *William H. Calvin Sintaxa este inteligenţă:„Fără îndoială, cam tot ce înseamnă inteligenţă umană este sintaxă – fără sintaxă noi am fi cu foarte puţin mai isteţi decât cimpanzeii."*

Din perspectivele analizei emfatice, ne asumăm responsabilitatea să insistăm aici asupra dezvăluirii conținutului seductiv a ceea ce numim sintaxă a limbii române.

,,Enunţul este expresia unui *dat iniţial* asupra căruia se face analiza şi este acceptat de la sine ca drept unitate de bază în sintaxă. Prin enunţ se înţelege o secvenţă fonică(un flux sonor), limitată prin pauze şi caracterizată printr-un contur intonaţional şi care poartă o anumită informaţie semantică, reprezintă deci o comunicare(7).

,,Enunţul este o unitate sintactică, cuprinsă între pauze, conturată info-naţional şi formată din una sau mai multe propoziţii.(9).

Enunţul este unitatea de bază a limbii în desfăşurarea ei ca act de comunicare şi cunoaştere, care se caracterizează prin:

- unitate de înţeles(componentele planului sau semantic se înscriu în continuitate şi simultanietate pe temeiul principiului coerenţei).
- unitate de structură(termenii componenţi ce dezvoltă între ei relaţii sintactice în temeiul coerenţei logico-semantice şi al coeziunii structurale);
- unitate prozodică(este delimitat prin pauze şi are o singură desfăşurare intonaţională)./ D. Irimia, Gramatica limbii române, Iaşi 1988, p.353.

După noi, din cele expuse mai sus, enunțul este :

- O unitate ipotetico/axiomatică... cu caracter moralizator de structurare inelară a textului la nivelul celor trei evidenţe, marcate incipient (a se vedea modalitatea confesivă a ,,necuprinsului interpătruns" în: Eu nu strivesc corola de minuni a lumii/Blaga, Sara pe deal/Eminescu, Mama/Vatamanu, Sania/Druţă).
- Unitate emfatică - laitmotiv -..(I. Druţă, D.Matcovschi, Gr. Vieru). Simbol (N. Dabija, L. Lari, Iu.Filip).
- Unitate esenţială/ previzibilă (formă – conţinut). De intrare în ispita dezvăluirii unui fel aparte de a fi((V.Vasilachi, Vl. Beşleagă).

Or, anume ca și unitate logico-semantică purtătoare de esență (de ,,unicum") în toate diversele manifestări, enunțul, la orele de muncă asupra textului, este pertinent al mai multor funcții comunicative prin excelență: cognitivă, concluzivă/critică, creativ-formativă.

Părtinitoare textului, fraza este în felul ei un enunț ,,o unitate didactică superioară, care este alcătuită din două sau mai multe propoziţii gata constituite, cu condiţia ca acestea să contracteze între ele cel puţin unul dintre raporturile sintactice posibile în frază, în română".(6).

Pe cît Sintaxa definește inteligența în toată plinătatea ei, fiecare enunț în parte este predispus să configureze o stare inteligibilă; stare prin care textul să se confirme atît ca valoare intrinsecă cît și extrinsecă în toată complexitatea lui reprezentativă.

Sintaxa nu este altceva decît forma de exteriorizare a procesului cognitive, a stării volitive și afective ale vorbitorului…(A.Ciobanu/5,p.24).

Datorită acestor reprezentări, avansăm ideea că textul urmărește, prin forma sa constituitivă, o finalitate formativă. Prioritățile enunțului, ca și parte indispensabilă a întregului, sunt cele de startizare/angajare/ancorare a tuturor modalităţilor logico-semantice la interrelaţionarea lor într-un

anume conţinut ficţional/funcţional. Funcţiile implicite ale enunţului, din acest punct de vedere, sunt cele de mobilizare a întregului potenţial sensibilizator la opera de angajare a actului/procesului de creativitate pe făgaşul revalorizărilor constituitive. Acesta este motivul, prin care conchidem, că *enunţul* reprezintă în sine *stropul de dor-plăcerea de durere ca și plăcerea de dăruire* în favoarea vitalizării întregului; că datorită diverselor modalităţi de poziţionare a lui, a tipului de enunţ în text (la locul cuvenit), textul se certifică a se reglementa ca drept semn valoric complex purtător de viaţă, de suflet, de dăruire empatetică.

SINTAXA, ca drept compartiment al gramaticii limbii, prefigurează valoarea la nivel de,, taină ascunsă în Cuvînt". Prin valorizare/revalorizare, cuvintele ca și oamenii se îngemănează, interrelaționează. Cîmpul de interacțiune a unităților logico-semantice, rămînîne a fi de fiecare dată textul ca și conținut valorizant, ca și ca și spațiu interactiv/formativ.

Felurile de interacţiune a tuturor lucrurilor, iar mai ales ale celor animate, de la începuturi, au purtat, poartă caracter interpolarizant specific productiv. ***Interrelaţia bipolarizantă: Corpul calos - valoare/lucru interiorizat în sine; Corpul graţierii - valoare/lucru exteriorizat/revalorificat în afara sinelui prin sine. Prin urmare, ambele faţete ale întregului (Eul nevalorificat din interior-pretendent la valorificare, şi celălalt Eu, valorificat în exterior-pretendent activ la valorizare prin depuneri în subconştient) în mod interactiv formează un continuu circuit ca și reacţie complinitorie de răspuns provocărilor intuitive de realizar.***(3)* În acest chip, întregul proces de valorizare/revalorizare se reconsemnează ontologic ca drept efort complinitor așteptărilor. Dealtfel, fiecare societate îşi reprezentă într-un fel anume profilul axiologico/axiomatic, îl defineşte şi îl individualizează în/prin Cuvînt.

La estimarea complinirilor empatetice, la nivel de contemplare artistică, ținem neapărat cont de gradul de interferență a celor trei teorii definitorii: a spontanietății, a expresiunii, a imitației. În privința originii creației artistice, menționează P. Andrei, există mai multe teorii, dintre care trei mai importnte:

1. Teoria spontanietății, care susține că arta rezultă din instinctul spontan al jocului, din trebuința de a cheltui un surplus de energie. Se pune însă, în acest caz, problema: de ce se exprimă acest instinct general al jocului în forme multiple și variate și nu numai într-o singură formă?Notorii în acest sens, după noi, sunt *Sara pe deal*, de M. Eminescu ; Basm, de P.Boțu;

2. Teoria expresiunii, se consideră creația artistică ca o expresie a personalității artistului. Zola, afirmă același expert, a definit arta ca natura văzută prin prisma unei personalități;

3. Teoria imitației consideră arta drept un rezultat al imitației naturii(prin contemplare- not noastre).

Plăcerea estetică variază de la individ la individ sau de la o stare a spiritului la alta a aceluiași individ, vzavi de disponibilizările Corpului calos de a reacționa la provocările Corpului grației(în variata lor interactivitate:,, tipul senzoric-vizual- simte plăcerea estetică prin excitații vizuale și auditiv-prin excitații auditive; tipul motor-plăcerea în activitate; tipul discursiv -plăcerea în înțrlegerea operei"). Astfel se face că omul de creație reprezintă în sine valoarea supremă ca drept unitate de măsură a frumosului pe care-l incorporează - proiecția sinelui în obiect-subiectul estetic.

Plăcerea estetică, subliniază P. Andrei în aceeași lucrare ,,Filosofia valorii*", este o transpunere de viață în sufletul altuia. Cînd vorbim despre valori estetice, se pune problema: noi ne referim la creația estetică, la plăcerea estetică ori la opera de artă? Desigur că atunci noi avem în vedere plăcerea estetică, care este determinată de opera de artă. Trebuie să facem o largă deosebire între plăcere estetică și înțelegere estetică, căci o operă de artă poate fi înțeleasă, fără însă a fi gustată. Se poate însă ca Rafael să fie mai bine simțit de un necunoscător de artă, decît de un specialist, căci acel profan va avea sentimentul mistic al religiozității în fața ,,Sixtinei", pe cînd un specialist va admira compoziția genială a culorilor și a limitelor. Primul va avea plăcerea estetică, cel de al doilea înțelegerea estetică.*

În cazul nostru, în cadrul unei eventuale analize emfatice, vom căuta să răspundem celor două tipuri de interpretări. Primei: Ce am simțit la prima lectură realizată individual, Ce am simțit din recitalul expresiv al omului de artă(profesor, actor)? Celei de a doua: Cărei modalități de descifrare a înțelegerii estetice mă pot referi? Despre ce vorbește nodul interferențial al celor două motivații(intrinsecă și extrinsecă) prezentat în de autor în operă? În ce măsură opera de artă poate fi subiectivă sau obiectivă? Ce criteriu poate fi considerat ca drept unitate de măsură/de analiză a valorii estetice?

Astfel J. Burckhard în: Asthetik und Sozialwissenschaft, 1913, afirmă că orice operă estetică cuprinde doi factori: forma și conținutul, care colaborează, producînd opera frumoasă. *Forma este individuală*, afirmă J. Burckhard , *iar materia socială*, deoarece orice artist se inspiră din fenomene

social-trăite, dînd numai o formă personală... este un raport de reciprocitate între artă și societate, căci societatea dă artei conținutul-ideile sociale- pe de o parte, iar, pede alta, momentul formal-individual al operei de artă influențează societatea. Finalitatea estetică constă deci în ordonarea intuițiilor pentru a ne reda viața(1,p.182).

Astfel B.Christansen (Philosophie der Kunst,10909,p.34.)a afirmat existența unei unități de valoare estetică, pornind de la niște considerații psihologice. El crede că ,,instinctele fundamentale ale indivizilor, în care își au originea valorile, concordă. Este o explicație psihologică cu temeiuri serioase, vizavi de care însăși Kant a făcut existentă supoziția unui acord general,de simțire subiectivă a plăcerii, aceeași la toți oamenii(Kritik der Urtheilskraft,ed. II, Vorlander, 1902).

Dacă este posibilă o o unitate de valoare estetică-și este posibilă- atunci același P. Andrei impune problema: care e acea unitate? În ce constă această valoare tipică?

Pentru o mai bună înțelegere a lucrurilor vom cita în continuare atitudinile lui P.Andrei față de teoria empatiei:,, Noi credem că acea valoare este valoarea empatică, valoarea produsă prin Einfuhlung... E știut din experiență că simt frumosul acei oameni care au o mare excitabilitate psihică, au mai multă mobilitate sufletească, pot ieși din propria lor stare sufletească momentană și pot iradia viața lor asupra altor lucruri. Cine n-a simțit, fiind înaintea unui peisaj frumos, că se depersonalizează înrtucîtva, că ceva din sufletul său a trecut în lucrurile înconjurătoare? Așa se explică tendința scriitorilor de a face imagini, comparații umanizate. *Este deci, un transfer psihic,* de aceea omul transmite lucrurile ceva din sufletul său. Ba chiar sunt unele firi, unii oameni, care vor să vadă viața concretizată. De pildă: sunt unii oameni a căror plăcere estetică – în admirația unui peisaj – e cu mult mai mare atunci cînd văd alți oameni în acel peisaj, sau cînd văd acolo animale. Noi căutăm în artă pretudindeni viața, pentru că punem ceva din viața noastră. Tot așa înr-un tablou –în practică-noi căutăm expresiuni ale vieții psihice. De ce ne plac portretele lui Rembrandt? Pentru că ele exprimă viața... Dar în muzică? Diferitele sunete joase, înalte nu exprimă ele sentimente de tristețe, de veselie? Nu exprimă ele viața noastră? Oare muzica lui Wagner nu este ea fermecătoare tocmai că este expresia dramelor sufletești? Noi găsim și simțim frumosul acolo unde găsim viață, acolo undeputem transpune mai lesne și mai mult din sufletul nostru. Această proprietate a sufletului de transpunere în altceva este interpretată emfatic de Empatie, de Einfuhlung-ul lui Lips."(1, p.183-184)

După noi, Empatia este evidența primă *a plăcerii de dăruire* ca și măsurariu al transpunerii sufletului în acel altceva estetic. ,,Cînd conținutul nostru sufletesc se proiectează în obiecte/în produse creative, atunci le animează pe acestea" desemnînd simultan finalitatea plăcerii de dăruire/de transfigurare a subiectului într-un veritabil produs creator . Astfel încuviințăm că plăcerea de dăruire, aflată la bara interconexiunii de vîrf a momentului situativ/transfigurativ se certifică a fi drept rezultat al lucrării părților armonizante (Corpul calos/lumea din sine – Corpul grației/lumea dinafara sinelui) într-un întreg emfatic omniprezent(3) . Empatia, ca și măsură a faticului în întreg , ca și stare emfatică – interconexă de producere și reproducere a sinelui se demonstrează a fi cel mai sigur indiciu, al Complinirii Măsurii de Sine în speță(or, cheile rezolvării problemei se află în problema însăși). Despre acest adevăr vorbește și P. Andrei în *Valori estetice și teoria empatiei*,,Obiectul estetic nu este o realitate externă, ci e o realitate construită de un subiect, care pornește de la impresiuni deșteptate de către realitate, dar care îmbină aceste impresiuni, după anumite idei ale sale, într-o oarecare formă. În felul acesta e ușor de înțeles că obiectul estetic nu e ceva transcendent, dar nici ceva pur subiectiv, ci are și elemente reale și elemente ideale. De aceea realismul și idealismul estetic nu se exclude, deoarece vedem că esența, obiectului valorii estetice este exprimarea ideilor și sentimentelor în intuiție. Izvovorul ideilor e realitatea care trzește în noi anumite sentimente, pe care apoi le îmbrăcăm într-o formă oarecum obiectivă- sensibilă- în opera de artă.Obiectul estetic este deci în funcție de subiect, nefiind însă redus în mod absolut la subiect, căci el are și momente obiective"(1,p.226) În felul acesta ne convingem că Empatia este unitatea de măsură a cuprinderii nivelului personal de dăruirie/de resemnare a subiiectului într-un lucru. Întregul instrumentariu de măsurare a plinătății emfatice diferă de la obiect la obiect vizavi de domeniul aferent de activitate; vizavi de proeminența stilului de muncă al creatorului în domeniul aferent, dar în fond exprimă cuprinderea frumosului integru -universal.

Avem certitudinea că orice interacțiune omniprezentă este condiționată de momentul estetic. Prin excelență, armonia ca și domeniu vital intermediar este marcată anume de estetic.,,După Munsterberg, valoarea estetică se reduce la o armonie de voință, la o armonie dintre voința noastră și voințele naturii.

(Armonizarea are loc nu atît la nivel volitiv cît la nivel captiv interactiv. Or, anume finalitatea ca drept produs creator este rezultanta armonizărilor interactive -Not. Noastre). Nu e just, afirmă Munsterberg, că noi transpunem sufletul nostru în fenomenele și lucrurile înconjurătoare, ci natura, prin voința sa vine în contact cu noi. Voințele naturii se proiectează în noi. Raportul dintre voința noastră și voința naturii e posibilă numai prin eliminarea oricărui interes practic al nostru. Deci pentru Munsterberg /empatia nu poate servi la dobîndirea unității de valoare estetică, ci acea unitate e armonia dintre cele două voințe: a noastră și a naturii. Empatia e înțeleasă de noi ca drept reciprocitate a celor două tipuri secvențiale ale ei: estetică, practică de proemanare în fine a celui de al treilea tip empatetic- empatia *captivantă(un mod captiv/molipsitor-interactiv al* plăcerii de dăruir. Reiese că înafara acestei de a treia modalități ale ei empatia își pierde eficacitatea seductivă, vizavi de care fapt accede adevărul: Omul de artă creator/emanator norme de norme etic-esttice. Or, dacă ne interesează transferul psihic, el se produce anume la nivelul empatiei captive.„Personalitatea creatoare de valori culturale- măsură de valoare. Primele două tipuri de empatie(estetică și practică) sunt recunoscute în literatura de specialitate anterior. Cel de al treilea tip-empatia captivă- ne aparține. Rosturile Empatiei captivante sunt cele de ținere a trăirilor seductive în suspans ca și reflecție fragmentară a sinelui prin lectură, recital, joc de rol, și de ieșire din suspans- profilarea sinelui în produs creator la nivel de ideal estetic individual: Eu- Alt Eu; apoi și social: Eu-Noi, cazul empatiei sociale, după Lips-,,Introducerea vieții noastre în sufletul altor oameni".

Empatia, rezultantă a plăcerii tendențioase de dăruire, vine odată cu ispita măsurarii încăperii sinelui în cele două obiecte ale reciprocității substanțiale, vizavi de care fapt putem spune că ,,În valoarea estetică noi simțim ceea ce este omenesc, simțim valoarea ca fiind în același timp și în noi și în obiect. Simțim o empatie estetică pentru orice obiect, unde punem viață și această,,simpatie estetică este sîmburele general al oricărei plăceri estetice în genere." (Ibid. p.181)

Întrucît *evaluarea* este stimulentul prim *al evoluării*, suntem mereu ghidați de faptul că pe receptorul operei de artă îl interesează mai cu seamă măsura încăperii sinelui în actul dăruirii reciproce.

Valoarea estetică există, iar empatia este formularea criteriului de a o găs, atenționează P. Andrei accentuînd faptul că caracteristicile evidente ale empatiei sunt autonomia și absolutul:

- Autonomia - norma frumosului și-o dă subiectul;

,,Norma e aceeași, deși este subiectivă –căci e o subiectivitate general-omenească"(p.230 sus)

- Absolutul - care înglobează binele, frumosul, adevărul și se întreține reciproc. Arta are un scop în sine. Valorile estetice pot fi și valori etice, și valori religioase.

Valoarea estetică poate servi ca actor etic, atunci cînd contribuie la realizarea unor scopuri etice. Valorile estetice au caracter social numai prin aceea că reflectă realitatea socială așa cum a trăit-o și a văzut-o artistul(ibid,p.182).

Parafrazîndu-l pe P. Andrei – avansăm ideea că problema care ni se impune acum – este problema motivării eficienței Metodei Analizei Emfatice, prin care ne apropiem de comun acord de funcționarea unei teorii definitorii a Empatiei- Einfuhlung-ul după cum fost formulată pentru prima dată de Th. Lipps**.**

Concluzii:

Eficiența funcțională a Metodei Analizei Emfatice/MAE se centrează pe:

- Teoria complexă a empatiei: naturală; estetică;dispozițională; socială: Eu-Noi/ Individ- Societate; captivă - plăcerea de complinire prin dăruire: Eu-Celălalt - sinele complinit.
- Cele trei teorii ale creativității: 1. teoria spontanietății, 2. teoria expresiunii, 3. Teoria imitației.
- Coraportul specific armonizant(Corpul calos-Corpul grației).
- Cele două principii coșeriene: al Creativității și al Alterității.
- Principiul Axiologiei Globale: posibilitatea de reîntoarcere la esență, posibiloitatea de reconsemnare creativă- personlitatea creatoare de valori culturale-valoare absolută, posibilitatea de înălțare prin spiritualitate.
- Metoda Analizei Structuraliste.
- Metoda Estimării Complinirilor Axiologice.
- Caracter triplu argumentativ: intuitiv, autonom, universal.

Teoria în cauză obligă la a conștientiza:

- raportul evolutiv-evaluativ al formărilor de sine dinspre enunț spre text;

- încărcătura senzitivă inițială în crescendo și cea finală, raportată la conținutul valoric al textului în întregime: comunicare verbală –comunicare nonverbală;
- coraportul interactiv-senzitiv: autor- declamator – spectator/receptor;
- afectivitatea la nivel de analiză fonologică- accent fonic, la nivel morfosintactic – accent logic;
- la nivel imagistic – Intonație ascendentă; intonație descendentă. Intonație uniformă, hermetică- explozivă. Efecte de suspans, pauză, ritm.

Metoda Analizei Emfatice se exercită în ordinea evidentă a analizei structuraliste/ retorică-lectură-recital; la nivelul funcțiilor generale ale comunicări: cognitivă, energetică, reglativă cu accentul pe efect: speculativ-normativ- metafizic. Grăitoare în acest sens sunt luările de atitudine ale autoarei(cf: L.B.) la conferințe și simpoziumuri naționale și internaționale în republică și înafara ei: *Eterna reîntoarcere la Pătratul Ipotenuzei; Preponderențele axiologice ale Principiului Grației în creația lui Ion Druță; Adverbul – Miss Grație a eleganței durative; Miracol al plinătății de sine- Cuvîntul...*

Bibliografie

1.Andrei P. „Filosofia valorii POLIROM, Iaşi, 1997.
2.Botezatu L. „Retroacţiunea şi Graţierea în educaţia lingvistică şi literar – artistică la etapa de parteneriat”//,Tip,,Safin-grup” S.R.L., Comrat ,2008.
3. Botezatu, Liuba. „THE PRIORITIES, OF THE PRINCIPLE OF GRACIOUSNESS IN THE PROFESSIONAL PREPARATION. VERSUS FOR A CULTURE OF PHILOLOGICA EDUCATION AXED ON COMPETENCES”// Journal of International ScientificPublications:Educational Alternatives, Volume10, Part -4.ISSN,1313-2571,2012,European Union,Published at:http:// www.scientific-publications net.
4. Coşeriu, E. Linguistique historique et histoire des langues, în „Communication & Cognition”, 1992, vol. 25, no. 2-3, p. 191-198.
5. Ciobanu,A. Sintaxa şi Semantica, Chişinău: Ştiinţa, 1987.
6. Irimia, D. Tratat de gramatică a limbii româneîn: Sintaxa limbii române, Bucureşti, 1988, p. 883.
7. Ghuţu-Romalo,V. Sintaxa limbii române. Probleme şi interpretări, Bucureşti, 1973,p.29
8. Riemann, H.(Musikalische Syintaxis, 1877.
9. Trandafir, Gh. D. Probleme controversate de gramatică a limbii române actuale, Craiova, Scrisul Românesc, 1982.
10. Dicționar de filozofie.Editura Politică. București,1978.

УДК: 378.146

PRINCIPIUL AXIOLOGIEI GLOBALE ŞI METODA EVIDENŢEI COMPLINIRILOR AXIOLOGICE

Botezatu Liuba
dr. conf. univ.
Universitatea de Stat din Comrat

Abstract. The principle of global axiology is based on so defining possibilities of morality which are explained in magazines about specialization because of participations at the dissensions at the national and international conferences. A language reflects the means of life; a nation that is why is based predominantly on the principle of its dignity towards the method of evidence of axiological complements.

Key words: epistemology, the principle of the global axiology, the method of appraisement of axiological complements.

Extenso

Prin Principiul Axiologiei Globale/PAG, ne apropiem de epistemologia genetică, teorie întemeiată de J. Piaget, dezvoltată de el și de colaboratorii săi de la ,,Centrul internațional de epistemologie genetică"(1955), care își propune transformarea epistemologiei dintr-o disciplină filosofică într-o știință experimentală, având posibilitatea deciderii problemelor pe baza unui control experimental strict. După J. Piaget ,,epistemologia genetică este o cercetare esențialmente interdisciplinară, care își propune să studieze semnificația cunoștințelor, a structurilor operatorii sau a noțiunilor, făcînd apel la istoria și la funcționarea lor actuală, la aspectul lor logic, la formarea lor psihogenetică sau la relațiile lor cu structurile mintale. Astfel înțeleasă epistemologia nu mai este o chestiune de simplă reflecție, ci, propunîndu-și să sesizeze cunoașterea în creșterea ei (căci formarea este ea însești un mechanism de creștere, care nu comportă niciodată un element absolut) și presupunînd că această creștere ține întotdeauna simultan de chestiuni de fapt și de normă, ea se străduiește să concilieze logica, istoria ideilor și psihologia dezvoltării lor."(4)

Din punct de vedere axiomatic, fiecare lucru este potenţat spre valoare în măsura în care acest lucru îşi repurtează sensul/rostul/utilitaritatea. În același Dicţionar de Filozofie, denumirea Axiologie formală, este dată de Robert S. Hartman tentativei sale de reconstrucţie ştiinţifică a axiologiei, care, pornind de la axioma de bază ***„valoarea este sens",*** consideră că ,,***sensul este plenitudine de proprietăţi , ...mulţimile de proprietăţi sînt intensiuni şi, ca atare, un lucru are valoare în măsura în care posedă proprietăţi apte să satesfacă intensiunea conceptului său"***. Centrîndu-ne pe PAG (Principiul Axiologiei Generale/Globale) din perspectiva intesiunii/extensiunii conceptului, conchidem că metoda- mamă a întregii strategii: armonizarea contrariilor, reglarea cauzei prin efect, ascensiunea conștientă - liberul arbitru- este METODA REVENIRII LA ESENŢĂ, ***la unitatea întregului valorizant-la PRINCIPIUL IDENTITĂŢII*** prin MEA- Metoda Analizei Emfatice; prin MECA –Metoda Estimării/Evidenţei Complinirilor Axiologice - AXIOMA, realizîndu-se anume în baza coraportului: PAG-MRE, MAS/MAE-MECA.

Eficacitatea prezentei abordări este una formativă - purtătoare de dialog, de comunicativitate interactivă, la nivel pluridimensional: a) speculativ- normativ- metafizic; b) cognitiv- energetic-reglativ.

După DF, aplicînd în studiul valorii generice teoria mulţimilor cu operaţiile booleene corespunzătoare, ,,Axiologia Formală realizează dezideratul reformulării mai riguroase a axiologiei, prin utilizarea unor metode cărora ştiinţele moderne le-au probat fertilitatea: axiomatizarea şi formatizarea. Axiologia Formală, deschide o cale către măsurarea valorii generice şi către o testare, dincolo de alegerile efective, dar pornind de la ele la receptivitatea valorică a subiectului; ea cuprinde modalităţi explicite de relaţii cu experienţa, aşa cum o probează şi aplicaţiile ei practice în estetică, antropologie, psihologie şi psihiatrie. Chiar dacă testele hartmaniene asupra capacităţii de valorizare neglijează raportul dialectic dintre momentul obiectiv şi cel subiectiv al valorii reduc ,,dezacordul de atitudine" la un simplu,, dezacord de convingere", care ar putea fi soluţionat exclusiv prin perfecţionarea cunoaşterii. Este un fapt prin care se constată că ,,De la axiologia fenomenologică a lui Nicolai Hartman, la axiologia formală a lui Robert Hartman, studiul valorilor a efectuat o întoarcere de 180 grade; pentru primele, valorile se opuneau cunoaşterii şi erau simple,,intuiţii emoţionale", pentru cel de-al doilea, care se înscrie în cîmpul de posibilităţi deschis de revoluţia ştiinţifico-tehnică contemporană, se pune problema, care rămîne în continuare deshisă. A cunoaşterii ştiinţifice a valorii"(3p.59).

Axioma silogismului, denumire dată principiului după care este derivată concluzia din premisele unui silogism aristotelic, reprezentînd structura duală a noţiunilor ce intră în alcătuirea unui silogism.

Principiul Graţierii şi condiţia interpolarizantă a ,,datum"-u-lui unic/Corpul calos, din interior-Corpul graţierii, din exterior. Condiţia hermetic/hermeneutică a Dorului...demnităţii cui ne are. Dorul, conceput la noi ca şi prim stimulent al mişcării de sens/de valoare, acoperă sensul funcţional al vieţii prin sinteză.(2)

*Metoda axiomatică constituie atît o modalitate de expunere a unor rezultate ştiinţifice deja obţinute, cît şi una de descoperir*e. Folosită pe scară largă în logică, matematică, fizică, biologie, lingvistică (în general, în ştiinţele care au atins un grad înalt de elaborare teoretică), ea nu poate fi absolutizată ca fiind unica modalitate a deplinei maturizări a oricărei ştiinţe.

Metoda axiomatică permite dezvăluirea structurilor interne a teoriilor, a relaţiilor dintre teorii, introducînd precizie, rigoare, sistematicitate şi un mare grad de explicitate conceptuală în cadrul cunoaşterii.

Axiomă (gr. Axioma,,demnitate"), (în teoria,, ştiinţei demonstrative" a lui Aristotel) propoziţie evident adevărată, certă, necesară, indemonstrabilă şi care serveşte la demonstrarea altor propoziţii.

În literatura logică şi filosofică ulterioară, axioma a primit o mare diversitate de interpretări, în funcţie de idealul sau concepţia filosofică, dominantă în cunoaşterea ştiinţifică. Astfel Axioma a fost considerată: un enunţ simplu (stoici, F. Bacon); un principiu metafizic evident (Descartes); un adevăr experimental, obţinut prin generalizare, plecînd de la observaţii(J. St. Mill şi empirismul modern);. o simplă convenţie (Poincare); ***o definiţie implicită a termenilor primi ai unei teorii (Hilbert);o consecinţă a unor definiţii rale, deci a principiului identităţii(3).***

În cunoaşterea ştiinţifică şi în filosofia contemporană, înţelegerea tradiţională a conceptului axiomă, a fost supusă unei profunde critici epistemologice ca rezultat, anume axioma şi-a pierdut valoarea de adevăr prim, necesar, evident, devenind un adevăr ipotetic relativ la un sistem teoretic determinat(verificabil prin consecinţele sistemului), luat ca punct de plecare în derivarea şi interpretarea altot propoziţii. În sistemele formale Axioma reprezintă o expresie primitivă, indemonstrabilă, validă, din care sînt derivate alte expresii(teoremele) prin regulile de inferenţă admise.(ibid, p.60).

Acuzaţia adusă prezentei Axiome, de către critica epistemologică, este certă, datorită faptului că ea, axioma trecînd prin secole de vremi (a mai pierdut din prospeţimea resemnărilor ei de altă dată) s-a îdepărtat oarecum de la esența rostuirilor sale pe treaptă. Astăzi nu mai face față lucrurilor. Nu răspunde imperativului zilei! Sintetizarea/generalizarea se face la modul teoriei *formei fără fond*, (vorba poetului: ,,înşirînd cuvinte goale ce din coadă au să sune"). Se evită ***implicit, în circuitul deductiv al efortului uman, factorul postmodernist- epistemic/aplicativ - dialogul culturilor/civilizaţiilor, dialogul Eului cu Supraeul ca şi evidenţe formativ - interactive complinitorii*** . Axioma, prin esența eficacității sale funcţionale de la începuturi-*demnitate*- este necesar să axeze întregul proces formativ/deductiv pe posibilități, pe competenţe, pe competența generică: *A şti să-ţi porţi cu demnitate mandatul divin-Om*. Or, aceasta este/trebuie să fie ponderea ,,de adîncime şi de suprafaţă" a Principiului Axiologiei Globale prin care e necesar să capete curs inovator/reformator Metoda Axiomatică.

În contextul nostru investigaţional, axioma se cerifică a fi drept o modalitate/o metodă funcţională prin faptul că este predestinată caracterului epistemologic implicit în a da curs inlănţuirii unităţilor logico-semantice într-un text/într-un concept bine argumentat teoretic , fie el, acest text literar sau chiar nonliterar. Din punct de vedere axiomatic, fiecare lucru este potenţat spre valoare în măsura în care acest lucru îşi repurtează sensul/rostul/utilitaritatea. În *Dicţionar de Filozofie. Ed.P. Bucureşti,1978*, denumirea de Axiologie formală, este dată de Robert S. Hartman tentativei sale de reconstrucţie ştiinţifică a axiologiei, care, pornind de la axioma de bază ***„valoarea este sens",*** consideră că ,,***sensul este plenitudine de proprietăţi , ..mulţimile de proprietăţi sînt intensiuni şi, ca atare, un lucru are valoare în măsura în care posedă proprietăţi apte să satisfacă intensiunea conceptului său"***. Centrîndu-ne pe PAG (Principiul Axiologiei Generale/Globale), din perspectiva intesiunii-extensiunii întregului, conchidem că întreaga strategie legiuitoare se sprigină pe suportul mai multor metode interactive: Metoda Revenirii la esenţă, ***la unitatea întregului valorizant prin valorizare continuă –MRE,*** Metoda Analizei Structuraliste de contestare a,,Matricei stilistice a neamului/MAS, Metoda Analizei Emfatice-MAE, Metoda Evidenţei Complinirilor Axiologice-MECA. – Vezi Mircea Eliade-Un principiu al identității, dar care nu este chiar identitatea.

AXIOMA constituirii întregului, îşi complineşte misiunea sintetizatoare anume în baza coraportului PAG: MRE- MAS-MAE-MECA. Întrucît MAS şi cu MAE se suprapun, ne permitem să numim doar una din ele care prefigurează o semnificație mai nouă.

Funcţia primă a coraportului PAG: MRE- MAS/MAE-MECA este una interactiv- comunicativă, marcată plurivalent : a) cognitiv- energetic-reglativ; b) speculativ- normativ- metafizic.

Rosturile lui PAG în toată funcționalitatea lui strategică MAS/MAE-MRE-MECA se dovedesc a fi edificatorii în plan epistemologic social/global prin diagnosticarea și pronosticarea măsurii de adîncime și excelare în universalitate a Principiului Identității Particulare.

Ca şi enunţ incipient, axioma incită spre a fi dezvoltată, a fi încheiată/estimată. Altfel spus, orice enunţ poate avea proprietăţi axiomatice inductiv-deductive. La nivel inductiv - de inițiere, de provocare a

unei confesiuni/de integrare într-un discurs şi de a-l încheia demn. La nivel deductiv - de sintetizare/ generalizare a teoretizării, avînd drept scop luarea unor decizii cu predestinaţie aplicativă pe scară.

Interferenţa inducţie-deducţie face trimitere la contestarea unor adevăruri indubitabile, vizavi de PAG (Principiu al Axiologiei Generale) prin care se certifică elocvenţa logico-semantică ca drept finalitate armonizant-productivă, prepoonderentă celor două metode reperate aplicativ: MAE-metoda analizei emfatice şi MECA-metoda evidenţei complinirilor axiologice – prin a o lua de la început pe o nouă treaptă a devenirii. În acest mod, întreaga teorie a lui PAG se dovedeşte a fi de complexitate epistemică/epistemologică, vizavi de aplicarea în practica de toate zilele a Teoremei lui Pitagora: *Suma catetelor pătratelor este egală cu Pătratul Ipotenuzei*. După teoretizările noastre, Pătratul lui Pitagora trebuie să semnifice Spaţiul Valorizărilor spre care pretindem - ca şi sumă a catetelor pătratelor sau a pătratelor catetelor- fiecare catetă purtînd încărcătura ,,unicum"-ului, reperat la principiul identităţii prin esenţă, iar Ipotenuza-Principiul Axiologiei Globale(PAG)- Linia verticalităţii- linia valorii- linia care ne unește prin același ideal al ,,bunului simț", în același crez ca drept evidență a proporției creșterii sau descreșterii pe axa verticalității.

În concluzie venim cu convingerea că înafara Metodei Evidenței Complinirilor Axiologice, Principiul Axiologiei Globale cu toate cele zece posibilități ale moralității evidențiate în nenumărate rînduri de noi, nu și-ar purta deplina eficacitate complinitorie. Or, o evoluare de perspectivă e necesar să fie meru încurajată evaluativ.

Bibliografie

1.Botezatu L. „Retroacţiunea şi Graţierea în educaţia lingvistică şi literar – artistică la etapa de parteneriat"//,Tip,,Safin-grup" S.R.L., Comrat ,2008.
2. Botezatu, Liuba. ,,THE PRIORITIES, OF THE PRINCIPLE OF GRACIOUSNESS IN THE PROFESSIONAL PREPARATION. VERSUS FOR A CULTURE OF PHILOLOGICA EDUCATION AXED ON COMPETENCES"// Journal of International ScientificPublications:Educational Alternatives, Volume10, Part -4.ISSN,1313-2571,2012,European Union,Published at:http:// www.scientific-publications net.
3. Dicţionar de filosofie, p.237,Ed.Politică Bucureşti, 1978).
4. Dicţionar de Filozofie. Ed.P. Bucureşti,1978

УДК: 821.135.02

AXIOMA GÂNDIRII POETICE DAMIANIENE

Cuţitaru Natalia
doctor, lector superior, Universitatea de Stat din Comrat
Republica Moldova

Abstract. The first two books of Liviu Damian, "Darul fecioarei" and "Ursitoarele" come with an exalted vision of the ego and the world, expression of a internal specific state of the youth's author, yet a general rhetoric that dominated epoch poetry. Dedication and sacrifice in this poem are the mark of an exceptional life status. Under the auspices of this statute exists Lover, who loves for the first time in life, and Poet, who gives "half life" for an "inspired word". But the way of seeing the world to exceptional mode romantic through the viewpoint of constant sacrifice and of a permanent dedication are the common place of soviet literature of the time. It's about an official romanticism with roots in revolutionary romance postulated by dogma of the socialist realism, which was once the thaw hrusciovian, updated and relaunced as an emblem of the new communism "with a human face". "Ursitoarele" announces a convulsive Damian, problematized, the poet counting on the paradox, on the acidulos response. He is not the open-hearted objector, but the protest is felt, reserved, firmly with the power starting to show character.

Key words: synchronization, tradition, modernity, socialist realism, metamorphosis, neo-modernism, resistance, convention, authenticity, alchemy, artistic subversion, oxymoron.

O bună parte a exegeţilor şi criticilor literari au convenit că Liviu Damian e autorul unei creaţii de notaţie, durându-şi opera cu reală „*mândrie şi răbdare*” (Eliza Botezatu), ori că se manifestă ca un ,,*precursor al modernităţii în Basarabia*” (Ana Bantoş), „*poet al dialecticii*” (Leons Briedis). Dacă ţinem totuşi să vedem o evoluţie în acest flux continuu de aprecieri, observăm că după volumul *Sânt verb*, poetul rămâne constant un nume de referinţă al poeziei române din Basarabia. Cu toate acestea, în ciuda elogioaselor aprecieri, trebuie să constatăm că posteritatea critică a lui Liviu Damian, rămâne (încă) o lacună a culturii şi literaturii române. Opera acestui scriitor, puţin investigată în profunzimea aspectelor ei estetice şi de mesaj, nu s-a bucurat încă de o analiză pe măsura valorii ei.

După 1990 există foarte puţine studii pe această temă, opera scriitorului riscând să treacă într-un plan secund al istoriei literare tocmai din lipsa unor puncte de vedere noi, care să-i pună în valoare originalitatea. Majoritatea investigaţiilor apărute în perioada 1965-1990, deşi sunt realizate de nume importante ale criticii literare, cele mai multe sunt articole de circumstanţă. Interesante în observaţii de detaliu sau în unele generalizări de ansamblu, printre ele nu regăsim nici un studiu care să facă din creaţia poetului - obiectul unei cercetări de amploare.

Se ştie că fiecare poet intră, diacronic si sincronic, într-o „formulă” estetică, antropologică, generationistă, sociologică etc., primatul rămânând *imaginarul estetic* sau „corectitudinea estetică”, în exprimarea autorului. De-a lungul istoriei, dialogul politicii cu literatura, al omului de stat cu scriitorii, cu poeţii n-a fost totdeauna lipsit de tensiune. ,,Considerată, în regimul comunist, o formă a ideologiei şi o modalitate eficientă a propagandei, literaturii i s-a cerut mereu de către puterea politică să fie progresistă şi optimistă” [1].

Scritorii au cunoscut cât de mutilantă poate fi pentru spirit forţa murdară a unui regim totalitar. Comunismul, din păcate tăia elanul cunoaşterii, prin masacrarea culturii. Influenţa ,, *greţos- malefică*,, (Alex Ştefănescu) a acestei ideologii tulbură şi poezia lui Liviu Damian, prin cenzură şi interzicere de a publica. Refuzul ideologiei comuniste şi opţiunea pentru estetic, trebuie să accentuăm în mod deosebit, n-a fost o hotărâre *ad hoc*, promtă, ci un proces îndelungat, dificil, cu momente de cedări inevitabile, dar şi cu exemple de opunere deschisă ori mai ascunsă, cu confruntări dramatice, din care nu întotdeauna a ieşit biruitoare poezia.

E de menţionat şi alt aspect al problemei. Opţiunea pentru estetic a însemnat, de fapt, opţiunea pentru o cale proprie de creaţie. Poeţii au trebuit să-şi definească atitudinea faţă de tradiţie, să-şi găsească fiecare în căutările neomoderniste ale poeziei locul său şi să demonstreze viabilitatea modalităţii de creaţie adoptate. Nu a fost uşor. În lipsa unui mediu sănătos, normal de creaţie, în absenţa unei tradiţii constituite şi recunoscute, cu golurile de cultură estetică şi cultură generală inerente şcolii sovietice din care abia ieşiseră tinerii scriitori de atunci, tatonările de creaţie semănau mai degrabă cu nişte dibuiri a unor fiinţe abia trezite la viaţă, nu mai vorbim de faptul că uneori orgoliul unei afirmări rapide îi arunca, totuşi, pe unii în braţele întotdeauna deschise ale ideologiei. Şi mai era „tradiţia” sovietică, pentru orice carte de debut, a poeziilor obligatorii „cu mesaj civic”. Liviu Damian, alături de confraţii de generaţie, a trebuit să treacă printre aceste *furci caudine*, conştient, totuşi, de o misiune mai importantă decât cea de versificator umil la temele indicate de partid.

În cadrul regimului comunist oprimant, Liviu Damian e în căutarea identităţii *sinelui* în ambele sensuri: comunitar şi particular, căutări ce stau sub semnul riscului, având „*multe şicane de suportat*”[2], din partea „*ipocriţilor apărători ai purităţii ideologice*” (A. Ţurcanu), impunând prin lirica sa o nouă sensibilitate estetică, descendentă din instituirea unei relaţii originale cu verbul poetic.

Dat fiind că drept o condiţie obligatorie a oricărui scriitor trebuie considerată situarea acestuia în spiritul unei culturi din care face parte, scriitorii realizându-se numai în cazul asumării tradiţiei (A. E. Baconsky), fenomenul întoarcerii la tradiţii în Basarabia postbelică a fost/este unul complex, tradiţia extinzându-şi aria de semnificaţii, de la revendicarea valorilor folclorice până la cele ale literaturii clasice, moderne şi postmoderne, – toate acestea făcând parte dintr-un „program” de promovare a receptivităţii şi a creativităţii.

Întoarcerea poeziei de la festivismul ideologic la sentimentul sărbătorii ca glorificare a vieţii şi a fiinţării umane, precum şi trecerea genului liric de la tematismul dogmatic al luptei de clasă la sentimentul patetic şi dramatic al durerii ca „*alchimie”* a creaţiei înseamnă pentru literatura anilor şaizeci şi, în particular, pentru poezia lui Liviu Damian, un salt decisiv pentru opţiunea estetică. În continuare, chiar

dacă unii critici literari îşi manifestau „vigilenţa”, atrăgând atenţia asupra mesajului „*ceţos*” ori asupra unor „*ambiguităţi*” de sens, cuceririle din aceşti ani rămân decisive, emblematice. Cărţi precum „*Sânt verb*”, „*Numele tău*”, „*Aripi pentru Manole*”, „*Melodica”*, „*Firul Ariadnei*” ş.a. rămân un etalon, pentru unii autori, în creaţia de mai departe, pentru alţii – un model cu care să-şi măsoare puterile şi să-şi traseze drumul propriei creaţii

Este necesar de subliniat că poetul, îndeosebi în perioada anilor’60-’70, reuşeşte să transmită semnale de redeşteptare şi de recuperare a valorilor general-umane, precum şi a identităţii naţionale în lucrări de o veritabilă ţinută artistică (*Sânt verb, Dar mai întâi ş.a.*).

Fără a fi interesat de *înnoiri exprese de suprafaţă*, de originalitate cu orice preţ, poezia lui Liviu Damian progresează lent şi sigur, iar forţa verbului rămâne capitală, decisivă pentru tot ceea ce face. Modernitatea şi noutatea sunt trăsături definitorii ale acestei poezii născute în numele unei tradiţii supuse înnoirii estetice. Liviu Damian asimilează experienţe ale folclorului, ale poeziei româneşti şi universale şi le valorifică într-o experienţă personală, afirmând în contextul liricii noastre o nouă realitate estetică. În consecinţă, modernitatea poetului se edifică prin complexa operă de sinteză poetică.

În pofida interdicţiilor de tot felul, un fluid cultural şi poetic a comunicat peste oprelişti, afirmând încă o dată importanţa unei „*matrice culturale şi a unei tradiţii comune*” [3]. Influenţa lui Nichita Stănescu, Marin Sorescu, Adrian Păunescu, Ioan Alexandru şi a altora este incontestabilă la Liviu Damian, Grigore Vieru şi la colegii lor, evident în doze diferite, ceea ce le conferă o notă artistică comună, o certă similitudine cu generaţia simetrică de poeţi din România.

Generaţia resurecţiei poetice „descătuşează” eul liric-şi odată cu acesta, eul-ui general- redându-i „libertatea cosmică”. Acestor poeţi li se datorează dinamitarea „câmpurilor proletcultiste de stihuiri în *limba de lemn*, anihilarea modelului poetic proletcultist, redescoperirea tradiţiei, a modelului poetic autohton.

Promoţia şaizecistă a relansat literatura română din Basarabia, a plasat-o pe coordonatele credibile, a eliberat-o din marasmul realismului socialist, din epoca neagră a proletcultismului. Aceşti poeţi au valorificat şi valorizat, deopotrivă, candoarea şi luciditatea, patosul trăirii autentice şi interogaţia morală cu un acut ecou expresiv. Accentele interpretării lumii se mută de pe revelarea mesajului preconizat de dogmele realismului socialist pe noutatea viziunii, încadrarea formulelor artistice într-o tradiţie vie, organică.

Dacă primele sale cărţi de versuri, *„Darul fecioarei”, şi „Ursitoarele”* scoteau în vileag înclinaţia lui Liviu Damian spre o estetică a obişnuitului, a cotidianului, iar condeierul căuta să *„extragă”* poezie din elementele prozaice ale vieţii, să convertească cotidianul în momente de extaz liric, atunci, doar, spărgând *„ighemoniconul liric al anilor ’60*” şi savurând ca *„o băutură ocultă*” textele stănesciene, poetul reuşeşte „*să rupă*” tiparele exterioare şi formale ale poeticii sale şi să se aprofundeze mai adânc, în *Verbul Matern*, afirmând, cu anii, o prezenţă tot mai răscolitoare şi mai matură. Universul tradiţiei naţionale se regăseşte în poezia sa într-o formulă interiorizată, purtând amprenta unui *eu convulsiv, trepidant*, oscilând între extreme existenţiale antinomice a toatelor celor *ce sânt*, prin concentrarea lor în focusul unui *eu-destin*.

Dornic de dialog, fascinat, mai întâi, de universul imaginar al poeziei lui Nicolae Labiş, Damian face primele încercări, construindu-şi un stil personal, asimilând marea experienţă poetică naţională şi universală. Înalta sugestivitate a poeziei (şi deci bogăţia subtextului, a metaforelor şi simbolurilor), reticenţa în faţa expresiei bombastice, limbajul firesc, necăutat, integrat armonic întregului artistic sunt câteva particularităţi ale poeziei lui Liviu Damian ce îşi durează opera cu reală „mândrie şi răbdare”.

Zbătându-se mereu între actual şi general-uman, între discursul reportericesc al cotidianului şi discursul pur al adevărurilor absolute, între modern şi tradiţional-clasic, Liviu Damian a găsit formula cea mai potrivită pentru propriul său mod poetic. Două calităţi, susţine el, îţi conferă titlul de scriitor modern: „ ...artistul de azi stă între mit şi reportaj, adică între notarea, pătrunderea faptului crud şi încercarea de a ajunge prin suma acestor fapte la esenţe, la un contur de nouă mitologie. Astfel spus, e vorba de starea de martor, de participant, de cronicar şi de starea de vizionar, de profet, stări care decurg una din alta şi care trebuie să se afle într-o fericită simbioză, fără a absolutiza pe una în dauna celeilalte. De aici, în concepţia lui Liviu Damian, însuşi creatorul e văzut printr-o prismă paradoxal-oximoronică. Poetul e alcătuit din contrarii: „Poetul-prunc al falnicei naturi/ E plămădit din tină şi din soare”. La fel şi opera

acestuia: „Ce e poemul ? Poate-o întâlnire din stări aprinse, de porniri contrarii,/ de vorbe prăbuşite în iubire/ pe marginea vuindelor fruntarii.”

Cultivând o poetică a „rezistenţei şi continuităţii”, apelând la „simbolurile rădăcinilor, cetăţii, salcâmului, codrului, mitului…” (M. Cimpoi), Liviu Damian tinde să pătrundă mai adânc în vibraţia ascunsă a *Verbului* esenţial, angajând comunicarea în zona conexiunilor multiple ale textului cu contextul, a sugestiei cu expresia ce adevereşte nu doar simpla tribulaţie afectivă, ci trăirea ridicată la starea de ardere lăuntrică.

Astfel, Liviu Damian impune, prin lirica sa, o nouă sensibilitate estetică, instituie relaţii originale cu verbul poetic. Poetul reuşeşte să înlocuiască tiparele formale ale poeziei prin introducerea în textul poetic a unor tensiuni de conştiinţă care pot fi percepute până la nivelul fonic al versului. Acel „*verb matern, verde matern*” are un timbru inconfundabil în toată poezia română. Verbul, sfântul verb al eternei fiinţări, se întâlneşte deloc întâmplător cu poetul-verb în verbul matern. Baudelaire spunea: „Există în cuvânt, în verb ceva sacru care ne interzice să facem din el un joc de noroc. A mânui savant o limbă înseamnă a practica un soi de vrăjitorie evocatoare” [4, p. 80]. E o lecţie a modernismului de care L. Damian devine conştient odată cu volumul *Sânt verb*, poezia de început *Verb matern* fiind, putem spune, o artă poetică magistrală în toate sensurile. Expresie a dăinuirii, verbul nu poate fi decât verde, „*verde matern*”, ceea ce M. Cimpoi a calificat drept „veghea conştiinţei”, exigenţa morală: „Când vorba mă minte alunec din minte/ Şi intru supus în infern/ Decât să vântur pe vânt cuvinte/ Din marele verb matern.//” Aici se şi produce osmoza, legătura intimă dintre destinul „*verbului matern*” şi cel al poetului.

Din planul onticului poezia trece în cel al imaginarului şi ontologicului, rotunjind un destin unic, comun cu al semenilor de sânge şi având toate însemnele unui destin dramatic: „Mă văd peste vremi ce demult au apus:/ În vârfuri de suliţi e capul meu dus/ Şi-n urmă huma lacomă strânge/ verbe materne – lacrimi de sânge.” Eliza Botezatu trăgea o concluzie plauzibilă: „Să nu comitem păcatul uitării sau al neglijării, acesta este subtextul poeziei” [5, p. 81].

Acest lirism al esenţelor se încheagă în tipare poetice de o mare densitate şi forţă. *Alchimia* scrisului este alimentată constant de combustii „ancestrale” din adâncuri. Poetul este deopotrivă animat de aflarea sensului tragic al istoriei neamului, cât si de magia a aceea ce Rimbaud numea „*alchimia cuvântului*” [6, p. 2-4].

Ne aflăm în această alchimie a verbului la intersecţia istoriei naţionale cu sondările de adâncimi ale conştiinţei la care recurge poezia modernă de la Rimbaud încoace. Interioritatea devine condiţia definitorie a poeziei. Dar condiţia creatorului nu poate rămâne închisă ca o crisalidă, preluând multiple faţete pe care le impune realitatea, într-un periplu de oglinzi interioare cu multiple refracţii, distorsiuni, multiplicări de imagini, care, toate la un loc, creează o imagine complexă a eului şi a lumii, a poetului martor şi a poetului vizionar, a cronicarului fidel curgerii evenimentelor şi a profetului deschizător de orizonturi inedite.

Poetul este totalmente adâncit într-o interioritate interogativă, care le conţine şi le cuprinde pe toate într-un unic orizont de cultură şi de trăire, de memorie personală ori istorie colectivă. Ceea ce-i rămâne *eului poetic* e să fixeze interogaţia lirică în jurul unui ax, simbolic, livresc, biografic sau din istoria naţională şi să scoată din această întâlnire neaşteptată de „*contrarii*”, printr-o veritabilă *alchimie a verbului*, o tensiune lirică maximă. De aici şi definiţia foarte exactă a procesului de creaţie propriu şi a poeziei pe care o scrie Liviu Damian: Ce-i poezia?/ Un altoi/ De gânduri vechi pe gânduri noi/. Şi invers, am mai zice noi/. Un fel de junghi/ În verde trunchi//. Un fel de rană ce ascute/ Simţirea ramurilor mute/ Până-o preface-n verde clar/ Rodind căpuşă şi pojar//. Un fel de junghi/ În verde trunchi/ Ce parcă-n glumă, parcă-n joacă/ Două dureri se întorloacă/ şi-apoi se-aruncă-n plină vară:// să piară, să răsară/. Din rană creşte ramul.

Cunoscând bine poezia modernă, cu plusurile şi minusurile ei, Liviu Damian s-a zbătut mereu între lirismul modern şi poezia de factură tradiţional-clasică în scopul de a afla acel mijloc de aur, care i-ar asigura creaţiei sale nu numai o adevarată noutate de expresie, ci şi o adevarată noutate de mesaj ideatic, ambele fiind sincronizate cu spiritul epocii atât în plan artistic, cât şi în plan uman. Însuşind critic ce are mai bun poezia modernă, cum singur o mărturiseşte, poetul nostru s-a decis să efectueze şi unele corective de rigoare, mai ales în anumite teze şi puncte de vedere principiale. Alte principii ale poeziei moderne au fost preluate de către L. Damian, dar cu unele modificări şi ameliorări.

Întrebat „de unde vin ambiţiile unui creator de literatură?” L. Damian răspunde: „Din miezul furtunii, din somnolenţă şi din lâncezeală ele nu pot veni niciodată. Sunt recunoscător clipelor de drasctică încleştare, de incertitudine, tocmai pentru că ele mi-au dat preţul adevărat al cuvântului limpede, spus la timp” [7, p. 119-120].

Este în această confesiune a poetului o recunoaştere a unui principiu de creaţie aflat în totală opoziţie cu cele oficiale. Atragem atenţia în mod deosebit asupra „clipelor de incertitudine”, străine, după câte ştim, creatorului de artă socialistă. Mai mult, autorul stăruie şi asupra altor lucruri, incompatibile cu preceptele dogmatice: „De la o vreme încoace mă preocupă o stare, care s-ar putea defini printr-o expresie mai cunoscută – „*elan vital*”. Pe mine, cel puţin, mă domină totul ce e în devenire” [ibidem, p. 115]. Expresia „elan vital” aparţine filozofului francez Henri Bergson. L. Damian îi dă o interpretare proprie. Elanul vital, susţine el, „nu este numai o stare biologică, este poate mai mult un câmp de tensiune care vibrează neîncetat între cele făcute de tine azi şi intenţiile tale, în înglobarea, adăugarea efortului propriu la ceea ce se cheamă dezvoltarea societăţii şi artistică. Deci, această programare la nivel de tensiune spirituală este singura care mai poate da sens şi izbânzilor, şi eşecului tău, şi paginii scrise, dar şi ezitării în faţa foii albe...A şti să te reţii, să pândeşti cuvântul, ideea, sinteza, iată o artă nu mai puţin dificilă decât exprimarea, scrisul” [ibidem, p. 118]. Dincolo de sensurile de poetică pe care le dezvoltă autorul în aceste consideraţii, dorim să atragem atenţia asupra acelei tensiuni de depăşire a eului pe care el o atribuie noţiunii date.

În *Altoi pe o tulpină vorbitoare*, carte apărută în 1978, autorul se întreba: „Ce-i poezia?”, găsind un răspuns foarte original, care trimite la împletirea organică a tradiţiei cu modernitatea, a culturii trecutului cu „jocul” căutărilor înflăcărate, pline de taină şi de vitalitate: Ce-i poezia? Un altoi/ de gânduri vechi pe gânduri noi./Şi invers, am zice noi./Un fel de junghi/ în verde trunchi.// Un fel de rană ce ascute/simţirea ramurelor mute/până-o preface-n verde clar/rodind căpuşă şi pojar.//Un fel de junghi/în verde trunchi/ce parcă-n glumă, parcă-n joacă/două dureri le întorloacă/şi-apoi se-aruncă-n plină vară:/să piară, să răsară./Din rană creşte ramul.”

Din această înţelegere a complexităţii actului de creaţie şi a creaţiei însăşi vine şi imaginea de excepţie, neordinară a poetului, figura sa de ins supus mai degrabă unor impulsuri divine decât pământeşti şi, în consecinţă, soarta sa ieşită din comun, tragică, marcată de un demon al neînţelegerii, urii şi însingurării: „Câtă ură era în pocalul/ ce cu zâmbet i-a fost întins?/ Dar poetul credea în iubire/ şi în codrul de moarte neatins.// Când bău şi, nedat cu otrava/ el zbură printre mese buimac/ încurcă lunecarea cu slava/ şi iubita c-o lună pe lac.// Lună, lună, ce râzi nebuneşte?/ Luna fuge, iar apele cresc.// Sta un plop însingurat/ ca un vis decapitat.// Sta/ şi/ tre-/ mu-/ ra.” Dacă această extraordinară piesă lirică poartă în sine o pronunţată alură de romantism de *fin de siècle*.

Actual, opera lui Liviu Damian urmează a fi revalorificată şi impusă în conştiinţa publică, în manualele şcolare şi universitare ca unul din reperele (modelele) valorice de referinţă.

Bibliografie

1. Simuţ Ion., O farsă poetică. În: România literară, nr. 32, 2006
2. Ţurcanu A., Martor ocular. Chişinău, Literatura Artistică, 1983. 222 p.
3. Ungheanu M., Taina care mă apără. În: Limba Română, 2009, nr. 1-4, anul XIX, p. 7-9.
4. Călinescu M., Conceptul modern de poezie. Bucureşti, Editura Eminescu,1990. 240 p.
5. Botezatu E., Patosul patriotic şi internaţionalist al poeziei. Chişinău,Literatura Artistică, 1979. 259 p.
6. Damian L., Coroana de umbră. Chişinău.Literatura artistică, 1982. 94 p.
7. Damian L., Clipa deciziei ar trebui să fie una din primele noastre teme literare. În:Saka S. Aici şi acum, Chişinău: Lumina, 1976, p. 280-281.

УДК: 821.135

RÉSISTANCE ET COMMUNION À LIVIU DAMIAN

Cuţitaru Natalia
doctor, lector superior, Universitatea de Stat din Comrat
Republica Moldova

Annotation. The article offers a new reading of the poem „But first...” by Liviu Damian. Written on the occasion of the 100 th anniversary of Lenin’s birth, the poem was treated with much suspicion by ideological authorities of the time. The cause lies in the deeply subversive nature of the message that is found beyond the appearance of a so-called „in line” writing. Through a technique of subtext, but also the overlap of optical the poet removes ideological pillars which circulated around the head of the revolution, carrying the idea of inutility of this revolution as well as its harmful and anti-human consequences.

La génération des âgés de soixante ans, surnommée de même « retour aux sources » (après le titre heureux de la monographie de Mihai Cimpoi sur la création de Grigore Vieru), c’est la génération de création, d'or, la plus fondée et la plus prolifique, organiquement liée aux traditions classiques (« La génération de Grigore Vieru peut être considéré comme la génération la plus liée à Eminescu de la littérature roumaine moderne », a noté le critique roumain, Mihai Ungheanu) et à la spiritualité de la nation en général, la plus sensible aux inquiétudes et aspirations de la communauté. Elle, cette génération, rencontre des talents profondément originaux et d’une grande diversité de modes et styles poétiques tels que: Liviu Damian et Dumitru Matcovschi, Ion Vatamanu et Anatol Codru, Arhip Cibotaru et Anatol Ciocanu, Ion Bolduma et Agnesa Roşca, Nicolae Esinencu et Mircea Lutic, Mihai Prepeliţă et Gheorghe Bosi-Dumeneanu,Vlad Zbârciog et Tudor Pallady...

La plupart de ces auteurs ont fait et font des demandes déraisonnables dans l'ordre de rentrer dans leurs propres droits la subjectivité artistique (« auto-expression ») et l'esthétique, la vérité et le sens humain, de régénérer les langages lyrics et stimuler l’expérience innovatrice. L’uniformité stylistique est dépassée, l'intérêt pour le débat des problèmes de nature générale humaine et pour la méditation philosophique, pour l'exploration diverse de la métaphore et du symbole, de la parabole et du mythe est intensifié. Le contact plu libre avec la grande littérature roumaine, y compris la littérature universelle dénote un bénéfice sur les poètes moldaves des années 60-70. C'est un moment lorsque en poésie cohabite en symbiose tout l'élan romantique avec la notation réaliste le lyrique avec l’épique, le métaphorique avec le discours folklorique, l’observation sociale avec le monologue intérieur. Deux grandes orientations stylistiques ont dominé jusqu'aux années 80, notre poésie après la guerre: celle traditionnelle classique et celle moderniste métaphorique, les deux conjuguant effectivement la poétique culte et la poétique lyrique populaire, le facteur de culture avec les vers folkloriques, le caractère visionnaire avec l’intertextualité, en délectant le lecteur avec des vers d’une musicalité conquérante et émotivité, les vers qui « respire », concomitant par des visions et solutions artistiques modernes.

Alors, nous transitons, avec confiance, une euphorie des révisions. Juste que, comme une personne dit, sous les masques brisées ont apparu des autres, plus subtilement et intelligemment fait.

Le controverse fait contour autour deux axes, *Tradition* et *Modernisme*, qui ne semble pas des parallèles maudites qui s’atteignent, mais des lignes convergent qui, dans certains cas, se chevauchent ou s’entrecoupent dans les palpitations énergiques de zigzag.

Tout d'abord, il n'est pas justifié de faire référence généralisatrice à une génération ou autre d'écrivains, parce qu'elles ne sont pas homogènes, avec diverses personnalités et représentants comme formule et conception esthétique.

Dans ce contexte, apparaît et la poésie de Liviu Damian qui demande à être recherchée aujourd'hui avec une autre optique, sous d’autres points de vue.

Le poème *Dar mai întâi...* (en traduction « Mais premièrement...) a été publié à l'occasion du jubilé des 100 ans de Lénine. Il prit part, en d'autres termes, à l'époque de ce que l'on appelait «léniniste». Mais, curieusement, alors que d'autres écritures dédiées à cet événement ont été décernées des prix (*Spaţii* par Arh. Cibotaru, par exemple), le poème de Liviu Damian, malgré les commentaires critiques plus

tardives, qui l'encadré immédiatement dans la lyrique civiques du moment, les fonctionnaires de partie n'étaient pas si bienveillantes, tout en conservant une certaine réticence, qui souvent se rendit en molestations directes ou indirectes (par l'intermédiaire d'un Mihail Garaz, pour donner un exemple). Le poème, par exemple, était détesté par les manitous de CC parce que... l'auteur n'a pas utilisé de virgules, fait qui l'a déterminé, plus tard, à donner en préface à la Couronne d'ombre une explication pathétique. « Mes amis, les enseignants, ont demandé plusieurs fois : pourquoi je ne met pas la virgule à la fin du verset ? Je peux assurer le lecteur dès le début : pas du motif que je ne sais pas la règle et pas du motif que je ne le respecte pas et pas une lubie ou tromperie d'ambition littéraire d'être originaux à tout prix. Loin de moi une telle chose.

Il y a 12 ans, en 1970 alors que je travaillais au poème *Dar mai întâi...*, j'ai remarqué une chose : la syntaxe poétique de mon écriture rend souvent la période qui doit être marquée avec une virgule pour coïncider avec la fin du verset. Dans ce poème sont les chapitres où à la queue du verset doit être maintenue dans une ligne sur une page par 20-25 virgules. En termes de graphiques est vue quelque chose de désagréable. Savez-vous qu'est ce qu'a attiré l'attention sur le fait ? Un ouvrier en typographie et pas seulement l'aspect visuel. Cette chaîne de virgules est dénuée de sens. Si le verset ne remplit pas la fonction élémentaire du temps, alors à quoi bon écrire dans la nouvelle ligne? " [1, p.8] dans cette explication pathétique est la référence aux « enseignants », « Amis » naïfs du poète, bien que celui avec les reproches (pas de questions) était le responsable de littérature du Comité Central. Dans son livre „Bunul simţ" (en traduction « Bon sens ») A. Ţurcanu a écrit que « Liviu Damian, notre chevalier de la dignité poétique, ... a rencontré beaucoup de chicanes » au nom des « défenseurs hypocrites de la pureté idéologique" [2, p.73].

Lit avec l'optique d'aujourd'hui, le poème « Dar mai întâi... » explique beaucoup des soupçons des autorités. Le dérange n'est pas le manque des virgules pour Vasile Stati, mais quelque chose différent, nous croyons, était au milieu. Sous la marque « léniniste » Liviu Damian a écrit un poème avec des connotations profondes étrangères de l'idéologie dominante. L'idée, écrit l'auteur dans la préface, a été suggérée des lettres de Lénine de l'exil sibérien. Peut-être que cette confession soit une mystification comme celle avec « les bons amis, les enseignants ». Mais on n'exclut pas toute hypothèse que l'auteur était vraiment stimulé par ces lettres de Sibérie.

Il est sûr qu'au centre du poème est un personnage fictif de l'exil, un obsédé par son destin exilé, par la signification de cet exil supposé. Ou, dans un « libre et imposant Union », tout représentant d'une nation petite et surtout un écrivain qui a eu un devoir sacré missionnaire, comme s'avérait dans le livre précédent de Liviu Damian « Je suis verbe » à un moment de scrutation lucide de sa condition, ne pouvait pas arriver à une conclusion différente que c'est un exilé sur sa propre terre, dans sa propre maison. Un exilé, le sort duquel est fait pour le destin d'un autre « exilé » du début du siècle, en Sibérie. Ainsi, l'exile du poète contemporain, grâce à un jeu de hasard de l'histoire, interfère avec, « l'exil » de Lénine, comme le poète, aussi un visionnaire, qui rêvaient, à sa manière, pour le bien de nombreuses.

« Dar mai întâi... », nous pouvons dire avec certitude, c'est un livre sur la condition tragique de l'exil et de l'exilé toute entière. Dans le centre du poème, de toute évidence, c'est l'homme qui a eu la condition d'exil comme une exception, et dans le sens d'une existence en réclusion, mais aussi dans le sens d'une virtualité exceptionnel insurrectionnelle. C'est une créature qui, dans la structure de l'ouvrage est divisé en 21 chapitres, chacun avec un aspect de titre annoncé de cette créature «être ... source, livre, bois, mouvement, etc." Intéressant de noter qu'au début du poème il y sont les paroles célèbres de Grigore Vieru : „Dar mai întâi/ să fii sămânţă./ Tunet să fii./ Ploaie să fii." La Vieru, după câte ştim, urmează: „ca să ai dreptul/ a săruta acest pământ/ îndurerat/ de-atâta rod" (ce qu'en traduction approximative sera: « Mais premièrement/soit une graines./Tonnerre soit./ Pluie soit. »). A Vieru, nous savons, que suivit: „ca să ai dreptul/ a săruta acest pământ/ îndurerat/ de-atâta rod" (« pour avoir le droit/à baiser cette terre /attristée/ pour tant fruit »). Liviu Damian transforme l'impératif « soit ! » dans l'infinitif de la créature « être » – une façon de passer d'une forme de futur impératif à un éternel présent assumé. Il n'y a aucune chance à tout ce que la première séquence porte le titre « Être une source ». « Devant à une source, le poète commence, vous ne pouvez pas penser seulement à vous-même. » C'est un accord qui annonce un sens majeur autour duquel toutes les autres séquences dans le processus pivotent – le détachement de toute manifestation d'auto adoration (egolatrie) en faveur d'une mission avec des implications collectives, historiques, même ontologiques: « devant une source/demeurent les ombres

des autres./Et vous attendez pour que le grand-père boive / avec ses mains tremblantes, avec les lèvres brûlées. / Et votre père attend silencieusement./ Mais il ne se dépêche pas/et son tour arrive/au-dessus de l'eau avec noir murmure/ il rassemble ses lèvres âpres./ à côté de lui sont quelques frères, un cheval, une fleur / et personne ne sait qui suivra. / Mais le cheval est aussi tranquille / mais la fleur – aussi belle./et quelque part à l'arrière/les successeurs trépignent impétueuses / et poussent/les épaules en ondes/ les épaules en ondes", la variante roumaine : „În faţa unui izvor/ stau umbrele celorlalţi./ Şi tu aştepţi ca să bea bunicul/ cu mâinile lui tremurânde, cu buzele arse./ Şi tatăl tău aşteaptă şi el în tăcere./ Dar nu se grăbeşte/ şi rândul îi vine degrabă/ peste apa cu negru murmur/ el buzele aspre şi-adună./ alături stau câţiva fraţi, un cal, o floare/ şi nu se ştie cui îi va sosi rândul./ Dar calul e tot liniştit/ iar floarea – la fel de frumoasă./ iar undeva în spate/ urmaşii tropăie aprig/ şi-mping/ umerii tăi în valuri/ umerii tăi în valuri/ umerii tăi în valuri." Le rendre de la succession des générations par la poussée de l'héros lyrique est remarquable dans les eaux de la source, ce qui suggère son amalgame avec un destin collectif, un destin où l'ego est perdu, anonymement et concilié. Aucune convulsion, aucun drame narcissique n'est pas possible devant la source, seulement la conscience pleine de l'appartenance sans reste à cette totalité créative intégrative. Le poète reconnaît et moments de suspension, les moments de blocage (Devant la source/souvent/la soif passe sans eau / et le souffle tombe lentement /et le couteau de la solitude/illumine près de ton cœur. »), mais seulement de rendre le plus fort le sentiment de communion avec le TOUT organique, sans lequel son existence n'a aucune prise. Dans ce sens du lien étroit des générations et de l'union mystérieuse des toutes environnantes (cheval, fleur, cerfs, etc.) devant la source est quelque chose d'étranger, l'aversion du sentiment «révolutionnaire» des ruptures violentes, du nihilisme ontologique qui *remplace le TOUT organique* [3, p.127], avec le vide d'une fiction utopique. La source de Liviu Damian n'a rien, au contraire, c'est quelque chose de contraire aux celles « Trois sources et trois partes composantes... « du leader bolchevique.

« Perte » sur les ondes de la source n'est pas ce que semblerait à première vue, une résignation, un geste fataliste. La source signifie la soif. Mais la soif à la source commune signifie aussi une vocation à son dévouement, un sens du sacrifice. L'idée de la dédicace apparaît à Liviu Damian même dans le titre des premières paroles des vers « Le cadeau de la Vierge » (1963), en perpétuant du livre au livre tout au long de ses activités créatives. Bien sûr, les volumes ultérieurs «dédicace » n'auront pas cet aspect romantique d'adolescent du livre de début, en gagnant des accents sérieux d'une vocation éthique assumée avec lucidité. Amalgame dans l'anonymat de la source est non seulement une soif apaisée, mais aussi une venue «à pleine » des contributions substantielles propres, un rapport personnel qui justifierait l'alignement sur le destin commun. Cela signifie, pour un poète, la nécessité du nouement des liens spirituels ou, comme il le dit dans le titre des séquences suivantes, signifie «être livre ». Ou, c'est notamment la soif non- apaisée qui définit l'exil: « j'attends quelques livres de quelque part. / Mais les livres ne viennent pas. / (...) Ils sont sortis quelque part) devant mes livres / et la loupe, et le crayon. Et le virgules sous loupe/ est devenu signe d'interrogation mais le crayon a souligné/ ou n'a pas souligné rien entre files/ c'est pas important, mais les livres ne sont pas arrivés. / Et maintenant assis/allongé sur ces eaux / ma vie passe/ en imaginant les livres qui ne sont pas arrivés / chez moi /. Voila qu'est ce que l'exil signifie. » Nous remarquons dans ces confessions de l'exil, les signes certes des certains réalités autochtones, avec des livres roumaines attendus, mais lesquels ne venaient plus, arrêtés quelque part par la vigilance des loupes d'un censeur. C'était une pratique régulière. Mais quelle prémonition a eu le poète! C'est comme il a énoncé l'avenir du son poème, comme « le virgule sous loupe est devenu signe d'interrogation ». Le manque de livres le rend devant la source du peuple inconsistante, sans personnalité, inutile: « Je fondre dans les majeurs solitudes/arrive à la source/sans visage/en inventant des choses depuis long temps existantes/ arriver à la source sans sens/parce que je tente la chance de prendre d'eux / et je ne donne rien à mon tour. » Nous rencontrons ici le drame humain de culture de Basarabia limité dans ses aspirations de lecture et synchronisation, la tragédie de l'homme de Basarabia, toujours prédestiné a une soif de livre non apaisée, la conscience des limites d'augmentation et devenue intérieure en qualité de personnalité créative à laquelle il est soumis dans son exil forcé. Par conséquent, immédiatement après le sentiment de la communion organique avec la peuple, vient le sentiment acharné de l'attente du LIVRE, sauver du livre : « habitué à attendre et tolérer/attend une cascade, un lit/ habitué à comprendre, d'être en souffrance/j'attends obtenir aide d'un livre/ pensé loin... ». [4, p.155].

Dans le prolongement de la création, de la source comme un symbole du donné organique, de la communion avec le sang, le livre comme un emblème du donné culturel, le poème passe à l'image de la forêt comme une pure création dans un cadre vierge et sauvage. Détails plus concrets envoyé a l'exil sibérien de Lénine, dont l'auteur les volatilise dans la poéticité d'un sentimentalisme marquée par les signes autochtones du chant « au sifflet d'hêtre », l'instrument « sanctifiés dans les eaux du désir ». Vers final la vision essaye de traduire un sentiment « eminescien et blagian » (du nom propre des poètes Eminescu et Blaga) de plongement et oubli de soi-même de la paire d'amoureux dans un cadre archaïque, originaire: « puis avec la bien-aimée leur pied (des forêts) / vous êtes resté enneigés de pétales / et dans des herbes séchées des centaines d'années / vos mains se sont jouées. / Vous avez souvent atteint avec le visage / des silencieux turquoises de cèdre/ tandis que des lézards vielles montaient / grisonnantes / dans vos armes. » L'hésitation du poète attire de lois l'attention, « diversion » ne passe pas le seuil de ce qu'en époque était appelé «forme nationale», impliquant l'effusion romantiques de ses premiers livres au lieu du pathos des débats internes auxquelles il adhère décisivement en « Je suis verbe ». Ce pathos revient dans la séquence suivante, « être mouvement », dans lequel nous rencontrons, nous pourrions dire, l'essence non seulement du poème analysé ici, mais de toute la poésie de Liviu Damian. La séquence est construite dans le style des monologues shakespeariens, contenant un dialogue avec la Mer, symbole absolu du mouvement éternel, du tourment sans arrêt. C'est un monologue dans le miroir, le poète étant, en même temps, la conscience ardente devant les lourds fardeaux du son peuple, mais aussi le caractère qui entrevoit dans l'agitation interminable de la mer sa propre image agitée et l'image de son peuple déchiré par graves problèmes existentiels, sociales et historiques.

La terre volée et le morceau de ciel tué sont des images qui envoient directement aux troubles de l'homme de Basarabia exilé dans son propre pays. Il est vrai, le poète, en tenant compte de son pathos insurrectionnel, « mouille la note », exactement, cache le lézard antirusse sous la convention de l'exile révolutionnaire, en passant aux inquiétudes sur le sort de la Russie qui « se plonge dans l'eau de vie » : au bord de la mer je viens pour ne voir pas/parce qu'il n'est pas tôt et il y a encore de neige / que la Russie se plonge dans l'eau de vie / et le sang sur le trottoir est vivant. » En fait, cependant, cette Russie accaparée par des neiges éternelles, d'alcool et le mémoire du sang sur les trottoirs intensifie le message subversif des vers. Au-delà des problèmes d'un sens national blessé dans ses aspirations de liberté est la racine des vices d'un Empire qui se déclare d'être le fabricant de la plus grande utopie sociale. Dans un peu de temps, dans le poésie « Mode bizarre », l'épidémie de l'alcoolisation sera puni radicalement par le poète comme faisant déjà partie d'une nouvelle habitude, profondément enracinée dans les réalités de la Bessarabie: "qu'est-ce que le sens où vous aller chez nous/dans des portes de ville ou vigne/t'attendent un baril frais?// Quelle mode, quelle mode bizarre, à faire d'un baril un symbole/comme un lieu ou un pays/peuvent dire quelque chose à travers un vide... //... qu'est ce qu'il y a au cœur de ce banquet?/ qu'est-ce que ce passe avec cette soif folle?/en ce qui concerne la hâte qui mène le verre?/ qu'est ce que se passe avec ce vin qui gronde? » Dernièrement, la mer a dans le poème le sens d'une présence emblématique qui stimule la concentration et la connaissance de soi et qui facilite la clarification des objectifs, des significations existentielles: „La malul mării calculul mi-l fac/ cu fulgere tăcerile desfac/ şi cheltuit în gânduri şi mişcare/ la malul mării uit mereu de mare." (" je fait mes calculs au bord de la mer // avec des éclairs je trouble les silences / et fondu dans ses pensées et mouvement /au bord de la mer j'oublie toujours de mer. ») Seulement dans cette hypostase profondément personnalisée, l'ego du poète, revigoré et édifié dans ses calculs d'avenir, préfigurant le retour, la renaissance dans un lever sûr, admet l'idée de « disparition », de trempage dans l'anonymat des éléments primaires des vers de la nature: „În soarele cel proaspăt răsărit/ m-a-nconjurat nisipul şi-a venit/ să mă îmbrace-n alge şi în sare/ un val trimis de beznele din mare./ Am dispărut în râsul ei amar/ ca să răsar cândva, ca să răsar." « dans le soleil frais levé/le sable m'entourée et est venu/pour m'habiller en algues et sel / une onde envoyé par la mer./j'ai disparu dans son rire amère/pour me lever parfois, pour me lever. » Apparaître par le fait réel, par la lutte ouverte, d'après le texte, si nous suivons la logique du poème consacré déclaré au conducteur de la révolution bolchevique, mais en exprimant en sous texte de l'auteur vos propres sentiments. Cette supposition est soutenue et par les sens dégageant de la séquence suivante, « Être harmonique ». C'est une polémique avec « l'opéra » de Lénine, un détachement de la farde idéologique de sa finalité humaniste. Celui « avec la harmonique », déclare sincèrement, qu'il n'a pas besoin de sa bénédiction et sa générosité. En outre, ce «bien» l'agasse avec dégoût et réveille l'opposition, avec le titre d'une écritures d'époque – «Je ne veut

plus que vous me faites de bien!»: "Je, celui du chemin/avec l'harmonique et avec vodka/me regardait aux fenêtres illuminées/du raisonnable lumineux qui passe la nuit/canonné entre livres./Il regarde le tourment du pauvre homme / qui veut réfléchir à ma place et pour moi. » Cette logique volontariste bolchevique de croire en l'existence d'une élite révolutionnaire, une élite « d'éclairés », l'unique capable de comprendre et de réaliser les aspirations des autres, est rejeté par tout un représentant de la masse anonyme. Identifié, l'auteur lui permettre d'être mordante et sarcastique: « pourquoi ce torture, Dieu?/ probablement Il n'a pas voulu que je boive / probablement Il a voulu que je sois spirituellement riche/bien sur/collecte l'argent à chaussette./ Dit lui, Dieu, d'éteindre la lumière / et qu'il endorme. /j'ai mon pays. Mon pays avec des champignons et pommes de terre. /j'ai mon chanson et, peut-être, / ma raison. Beaucoup d'hommes sages ont voulu m'échapper/beaucoup d'apôtres ont traversé parmi isba / ainsi que, en étant sans occupation je les oublié/j'ai oublié leur nom/nom de ceux qui voulaient me faire après leur image et la ressemblance/sans essayer pour un moment / être, d'exister à ma place / sortir à faucher avec moi/boire une lampée en chemin/et embrasser le clôture. » Le verdict peut être blessant pour celui qui s'est engagé à l'ingrate mission de « rendre heureux » le peuple (les peuples) qu'à la faire oublier? Il est naturel que, dans ce contexte, comme son effort « la torture » de frayer un destin pour le pauvre anonyme d'après l'image et ressemblance de ses utopies réductionnistes facilement superflu. Le mot « Utopie », bien sûr, n'apparaît pas dans le texte de Liviu Damian. D'autre part sont abondamment décrits des signes des utopistes des « généreux » révolutionnaires, rompus de réalité « rêveurs» dans un sens parallèle à la vie, incapable de comprendre les aspirations humaines, de ses aspirations normales, « naturelles », de liberté, de pensée et d'action : « Je DORS sous la clôture quand je veux/mais ils n'ont pas le courage le faire / et où pourrions nous rencontrer?/Laisse lui, Dieu, à rêve/or à écrire s'il veut/pour lui c'est comme embrasser une femme/or baiser avec l'ours sur le terrain vague./dire lui qu'au-delà de sa lampe,/ et ici, en nuit, sur le chemin/ et au-delà, dans les forêts/sont les mêmes personnes. / Et chacun a sa lampe / plus grande ou plus petite/et un Dieu qui le querelle/avec sévère commandement / et un Dieu qui lui permettre à boire. » Au-delà de la question rhétorique « où pourrions nous rencontrer? », dans lequel le sens d'une discordance flagrante entre les destins de deux personnes, de l'anonyme du peuple et du révolutionnaire professionnel, totalement subversive, apparaît l'idée d'existence d'une forces supérieure transcendante, devant laquelle le désir de transformation « révolutionnaire » du monde et de l'homme est impuissante. Ou, vous le savez, c'est pourquoi les marxistes et Lénine, détestaient la religion, être convaincu que la nature en général et la nature humaine, en particulièrement, peut être vaincue et taillée de nouveau, après les « lois » générales, uniques, de la ration révolutionnaire. Identifier le postulat « change de l'existence » avec un acte volitif démiurge, ils ont limité les pouvoirs de la liberté, simplement pour leurs propres fins, en les refusant comme nécessité naturelle aux autres. Contrainte par le recul, réveille la rébellion. Monologue « de l'harmoniste » reçoit des inflexions folkloriques, de ballade. Il s'oppose à son destin tragique tracé par « rêveur » de la révolution (un destin « avec la larme dans le désert») les cris d'une vie libre vécue selon les lois de la nature: « pas ce que je voulais être / avec la larme dans le désert / avec une fleur au chapeau/ /avec la femme aimée sous la Lune / et avec l'harmonica à la main ».

La conclusion finale qui se dégage de cette séquence du poème, est l'un de l'extraordinaire par ses sens subversifs, en marchant ouvertement contre les postulâtes idéologiques du totalitarisme communiste: « Tu feras beaucoup, le sage des livres / mais je continuerai à boire la coupe / je resterai dans l'obscure / aussi comme tu en lumière / et quelque part dans l'avenir / nous nous rencontrerons à la croisée des chemins. / Je encore sans pantalons / ne savoir pas me justifier / et tu – ayant toujours raison. / Et je baiserai / ton joue de pierre et de bois? Parce qu'il y a quelqu'un / plus grand que nous / quelque part dans le sanctuaire, quelque part dans la vodka / et il préfère jouer / mais pas jusqu'à la fin. » Parce que les significations insurrectionnelles d'un tel texte n'ont pas été appliquées à la critique littéraire jusqu'en 1990. Jusqu'alors, le poème ne pouvait être lu que par la grille officielle « léniniste ». Mais le silence plein d'embarras gardé par critique sur cette écriture dans les années après de la chute du communisme ne peut s'expliquer que par l'obtusion ou par la paresse d'une nouvelle lecture. Seulement ce dernier extrait, lu dans la sincérité de ses vérités revendiquées avec tant puissance de persuasion artistique, est capable de décider les causes douteuses avec lesquelles a été traité « Dar mai întâi...” (Mais premièrement…) par les dirigeants idéologiques du moment et de changer l'optique sur le poème entier.

Au moment littéraire des années 70 quand le thème de la force divine trouvait un point culminante de sa laïcisation « à un point de performance, » et en « état totale » qui dénomme un temps de plénitude,

Liviu Damian récupère le thème mythique de la fête dès le passé, dans la saison de l'enfance, situé dans le Centre du cycle de poèmes« *De-a baba iarba »*: (*Jouer à cache-cache*).
Une fois demandé quelle est l'expérience de la vie de l'enfance à la campagne, Eugène Ionesco donne la réponse suivante: « Plénitude, un symbole du paradis, si vous voulez. ». Liviu Damian adopte une optique similaire en évoquant *le pressentiment de la liberté.*

Il faut noter que, en général, à Liviu Damian est présente tant l'état de liberté tant que le processus torturante de la libération. *Le Vol et l'élan* ferment dans soi-même la lutte dramatique, l'effort et les impulsions contradictoires: d'une part, la spatialité est conçue « avec les pareilles effrois » et d'autre part, l'immensité de l'espace est considérée comme force protectrice: *Viaţa ne era ca-n palmă (La vie a été comme dans la paume)/În văzul întregului sat (Au vue du village entier)/În văzul rotundului cer, (Au vu du rond ciel)*

La deuxième condition correspond à la volonté de l'invincible de se rallier à une harmonie universelle. D'ici début effectivement essayer de « sauvegarder » les réminiscences d'un univers mythique après lequel le dernier puisse être reconstituée.

« Ursitoarele » (Les fées) – le titre d'un volume vielle du poète – est un premier signe de la recherche du modèle cosmogonique mythique. Il est connu que les fées sont les fées qui décident les futurs humains dès la naissance. Mircea Eliade nous prévoit qu'elles doivent être considérées dans le contexte de l'image du fil, de la corde (qui à l'origine, jusqu'à la chute de l'homme dans le péché, reliait le ciel de la terre) et du tissu. « Lui-même le Créateur « est tisseur », ce qui signifie qu'il est liée par l'intermédiaire de fils ou cordes invisibles, Les mondes et créatures qu'il produit». La pensée spéculative indienne, comme l'auteur de *Mefistofel et Androgine* démontre avant de découvrir que la Créature est UNE, a découvert que la diffusion et la désarticulation équivaille avec le non-être, pour quelque chose exister vraiment il faut d'être unifiée et intégrée. Les images les mieux adaptés pour exprimer, cependant, était *le fil, l'araignée, la trame, le tissu*, Dans la tradition d'Eminescu, celui de la quatrième partie du « Empereur et prolétaire », le poète remet en question la possibilité même de changement révolutionnaire du monde et de l'homme. Le seul véritable « change » que l'anonyme présuppose «avec l'harmonique» est, dans le futur (un futur déjà présent au moment de l'écriture du poème) « le joue de pierre et de bois » du visionnaire révolutionnaire au lieu de son image naturelle.

Sinon, la parole d'Eminescu: « Le course éternelle …et une pensée vous séduit: / Que rêve de la mort éternelle et la vigne du monde entier. » Liviu Damian préfère au lieu du rictus amer le rire sardonique. Une personne « plus supérieures que nous » laisse chacun à jouer son rôle bien-aimé, mais seulement « par un peu » et pas « jusqu'à la fin ». Au-delà de la volonté et des grandeurs humaines il y est implacable le destin lequel met tout à son place, y compris les visages taillées dans des immenses dalles de granit, comme s'est passé et avec les monuments de Lénine.

La création cosmologique et le Cosmos symbolisés à travers le tissu. La présence des Fées dans la création de Liviu Damian doit être interprétée dans le sens du sacré avec la laïcité. Dans l'image des religieuses blanches, des témoins silencieux avec lesquels sont associées les saules sur la rivière Răut, révèlent la même chose. De prendre en compte le fait que « l'attribut constante de la religieuse qui signifie nonne, comment est décrit ce caractère dans la plupart des variantes (de Mioriţa – *A. B.*) [5] est la fourche, tourillon, torse – des symboles clairs de la *Fée* – (Praca): Fileuse : symboles utilisés dans la figure de la Vierge Marie dans le folklore roumain ».

Notes bibliographiques

1. Damian L. Coroana de umbră), Chişinău, Literatura Artistică, 1982.
2. Ţurcanu A. Bunul simţ, Chişinău, Editura Cartier, 1996.
3. Botezatu E. Patosul patriotic şi internaţionalist al poeziei , Chişinău, Literatura artistică, 1979.
4. Dolgan M. Poezia: adevăr artistic şi angajare socială, Chişinău, Literatura artistică, 1988.
5. Cimpoi M. Liviu Damian. – În: Profiruli literare, Chişinău, Lumina, 1972.

УДК: 81

УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ КАК СПОСОБ ПРЕЗЕНТАЦИИ КУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ

Hîrbu Stella
lector superior universitar, Academia de Studii Economice a Moldovei, RM

Annotation. The article highlights the significance of individual fragments of the language world picture for speakers of the European languages. These fragments are verbally identified by using similes. These as phraseology as a whole, have cultural and national-specific features and reflect the culture, mythology, history and traditions of each nation. The unawareness of national images and stereotypes can lead to confusing situation within the process of intercultural communication, which makes the linguistic study of similes in cross-cultural aspect advisable and promising.

Keywords: similes, cross-cultural analysis, language world picture, mentality, national images and stereotypes.

«Через многообразие языков для нас открывается богатство мира и многообразие того, что мы познаем в нем; и человеческое бытие становится для нас шире, поскольку языки в отчетливых и действенных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия».

В. фон Гумбольдт

В век многостороннего сотрудничества наций и так называемой «глобализации» многие ученые - социологи, психологи, а также лингвисты уделяют особое внимание такому феномену как восприятия одной культуры другой. Эти исследования имеют огромное практическое значение, поскольку такие факторы как вековые традиции, разобщенность культур и языковые различия влияют на взаимоотношения между людьми разных культур и народов а, следовательно, и на эффективность их сотрудничества и взаимопонимания. В последнее время, проводятся всевозможные исследования языковых картин мира носителей разных языков, создаются ассоциативные словари, дающие богатый материал для изучения особенностей восприятия действительности в рамках той или иной культуры, всесторонне обсуждается проблема взаимосвязи культуры, языка и сознания. Словом, по прежнему, актуальной остаётся высказанная Л.В. Щербой, ещё в начале прошлого века, мысль о том, что «мир, который нам дан в нашем непосредственном опыте, оставаясь везде одним и тем же, постигается различным образом в различных языках, даже в тех, на которых говорят народы, представляющие собой известное единство с точки зрения культуры…» [5].

Данная статья посвящена одному из аспектов языковой репрезентации культурного многообразия. Материалом исследования являются фразеологизмы и паремии, метафоры, устойчивые сравнения, обладающие наиболее яркой языковой особенностью, в которой отражена культура народа.

В каждом естественном языке отражён определенный способ восприятия и организации, то есть концептуализации окружающего мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему ценностей и взглядов, своего рода коллективную философию, которая из поколения в поколение передаётся всем носителям языка. Концептуальное осмысление категорий культуры воплощается в языковых единицах через их ассоциативно-образное содержание. Согласно И.М. Сеченову "…всё, что человек воспринимает органами чувств, и всё, что является результатом его мыслительной деятельности (от целостных картин мира до отдельных признаков и свойств, отвлечённых от реалий, до расчленённых конкретных впечатлений), может соединяться в нашем сознании ассоциативно " [4, с.13]. Следовательно, вся совокупность этих ассоциаций у представителей одной и той же речевой общности складывается в некую систему, так называемый *универсальный предметный код*, который находит своё языковое выражение в метафорах, фразеологизмах, паремиях, а также в устойчивых сравнениях. Последние представляют собой не только средство познания действительности, но и её оценивания в образах-эталонах, отчасти

универсальных, отчасти национально - специфичных, так как носители разных языков видят мир немного по-разному, через призму своих языков и культур.

В сознании носителей определенного языка присутствует ряд образов-эталонов, которые по функциям приближаются к универсальным носителям признаков. Обобщенный образ, выбираемый для сравнения или презентации признака, опирается, как было ранее сказано, на национальные ориентиры восприятия действительности и предопределяется сложившейся в сознании носителей языка позитивной или негативной оценкой его денотата. Так например образ лошади в европейском сознании ассоциируется с заслуженным, много поработавшим на своем веку животным, поэтому и человек, много и тяжело работающий сравнивается с этим животным: в немецком – *arbeiten wie ein Pferd*, *to work like a horse* в английском, в румынском – *a lucra precum calul*. Однако особой привлекательностью в сознании носителей данных языков этот образ не обладает, а скорее вызывает чувство жалости. Русское выражение - *работать как лошадь* применительно для образной оценки труда женщины, которая работает наравне с мужчиной, *как мужик / как вол.* Если в европейском сознании образы домашних животных обладают, чаще всего, негативной коннотацией, то у народов Востока и Азии эти животные отождествляются с положительными человеческими качествами. В Индии считается, что корова обладает такими качествами, как доброта, спокойствие, миролюбивость. Она олицетворяет изобилие, чистоту, святость и рассматривается как благостное животное. У народов Восточной Европы это животное имеет негативную окраску; коровой могут оскорбительно обозвать толстую, неуклюжую и неповоротливую женщину, либо это лишний, не вписывающийся в коллектив человек; обуза. [7] Павлин, например, в фразеологии индоевропейских языков символизирует тщеславие и высокомерие: *sich wie ein Pfau spreizen* oder *stolz sein wie ein Pfau* в немецком, в английском - *as proud as a peacock,* в румынском мы встречаем устойчивое сравнение с тем же значением и образом *a fi mândru ca un păun, ходить павлином* – в русском языке. Негативные черты этой птицы появляются в тексте раннехристианского «Физиолога» («Psygiologus»), где говорилось: павлин «ходит вокруг, с удовольствием смотрит на себя самого и трясет своими перьями, раздувается и смотрит высокомерно.». Для миннезингеров эта птица была олицетворением самомнения, чрезмерной гордости («он гордо прохаживался туда-сюда, словно павлин», Гуго фон Тримберг). А в Китае было перенято положительное толкование этого символа из Индии (богиня Сарасвати скачет верхом на павлине, Индра сидит на павлиньем троне); павлин (к'унг-х'иао) олицетворяет красоту и достоинство, изгоняет злые силы и танцует при виде красивых женщин. [8]

Поскольку соотношение между универсальным носителем и признаком обусловлено национальными и культурными традициями, то понятийные представления, складывающиеся в разных языковых коллективах, не всегда соответствовали и соответствуют друг другу. Например, *глупость,* в языках среднеевропейского стандарта олицетворяет осел; в русском - *глупый, как осел*, в немецком – *dumm wie Esel,* в английском мы встречаем - *stupid like a mule*. В румынском языке, *глупость* отождествляется с ночью - *prost ca noaptea*, либо с сапогом - *prost ca cizma.* В немецком языке мы сталкиваемся с тем же образом *ночь* в основе устойчивого сравнения - *dumm wie die Nacht sein*, либо с бобовой соломой - *dumm wie Bohnenstroh sein*. В русском языке глупость также отождествляется с неодушевленными предметами - *глуп, как пробка*, *тупой, как валенок*. У народов территориально, исторически и культурно близких друг другу значительный пласт устойчивых образных сравнений оказывается общим. Например, в европейских языках носителем признака лукавства, хитрости и коварства является лиса, отсюда сравнение в румынском *viclean ca o vulpe*, в русском – *хитрый, как лиса* , в немецком – *listig wie ein Fuchs sein,* в английском – *cunning / smart like a fox.* Но если *хитрого* человека в русском назовут *старый лис*, то в английском хитрец будет *a sly dog.*

И наоборот, чем, сильнее выражена культурная дистанция, тем труднее восприятие определенных метафорических сравнений представителями другой культуры. Неуклюжесть, традиционно ассоциируется в русском сознании с медведем, либо со *слоном в посудной лавке*. Этот же образ встречаем в немецком - *sich benehmen wie ein Elefant im Porzellanladen,* а вот в корейском языке неуклюжесть отождествляется с гусеницей. Во вьетнамском языке, по данным А.С.Мамонтова, медведь ассоциируется с наглостью, осел олицетворяет терпение, а не глупость,

собака – грязь, курица – трудолюбие, а с глупостью отождествляется свинья. [3, с.75 – 76]. Образ мыши у разных народов имеет разные смысловые значения. В русском языке существует словосочетание - *тихий, как мышь*, в корейском языке – *болтливый, как мышь*, в немецком языке – *проворный, как мышь*.

Фразеологизмы, метафоры и устойчивые сравнения с зооморфным компонентом дают нам представления о некоторых моделях поведения, принятых в определённом лингвистическом сообществе. Так русские говорят *влюблена как кошка* , но у французов и немцев можно быть влюбленным как *обезьяна*: фразеологическое выражение *an j-m einen Affe gefressen haben* имеет значение *быть безумно влюбленным*. Образ обезьяны, возможно, связан не с тем, что человек ведет себя как-то безрассудно в состоянии влюблённости, просто вероятно здесь нашла свое продолжение индоевропейская традиция, в которой обезьяна олицетворяет низшие инстинкты, символизирует сексуальность. В западном искусстве обезьяна обычно изображалась с яблоком в зубах, как символ грехопадения Адама и Евы. На Востоке обезьяна, имеет более высокий символический статус, чем на Западе. В Китае она символизирует плодородие и материнскую заботу, а в Индии бесплодные женщины обнимают статую священной обезьяны, чтобы испытать естественное чувство материнства. Совершенно очевидно, что количество и качество фразеологических единиц языка, отражающих положительную либо отрицательную оценку тех или иных человеческих качеств, можно считать показателем этических норм, правил социальной жизни и поведения в обществе, отношения нации через ее культуру и язык к миру, к другим народам и культурам.

Полагаем, что дальнейшие исследования, затронутой в данной статье проблемы относительно особенностей восприятия действительности в рамках той или иной культуры на материале двух и более языков актуальны в условиях глобализации. Как писал В. фон Гумбольдт, «... нельзя в достаточной мере познать характер одной нации, не изучив одновременно и другие, находящиеся с нею в тесной связи, контрастные отличия которых, с одной стороны, собственно и сформировали этот характер, а, с другой стороны, единственно и позволяют полностью его понять...» [2, с 319].

Библиография

1. Гумбольдт В., Язык и философия культуры, М., 1985, с. 349.
2. Гумбольдт. В. Избранные труды по языкознанию. – М., 2000. – 400 с.
3. Мамонтов А.С. Проблемы восприятия и понимание текста (лингвистический анализ семантики номинативных единиц текста). Дисс. канд. филол. Наук. М., 1984,
4. Сеченов И.М., Кому и как разрабатывать психологию. Психологические этюды. – СПб., 1873.- 190 с.
5. Щерба Л.В., Избранные работы по языкознанию и фонетике. №1, Ленинград, 1958.
6. Энциклопедический словарь по культурологии. – М., 1997.
7. http://dic.academic.ru
8. http://www.symbolsbook.ru

УДК: 821.135.06

DOGMA TOTALITARISTĂ CA SUPREMAŢIE A IDEOLOGICULUI ASUPRA ESTETICULUI

Mititelu Oxana
doctor, lector universitar, Universitatea de Stat din Comrat
Republica Moldova

Summary. Communist totalitarianism manifests itself in literature by violent and aesthetic dogmatism. Forms of coercion aimed at subjecting literary commanders ideological factors. Any deviation is punished severely in the first instance, by suppressing physical or sending in the GULAG authors, then by eradication the undesirable books and works.

Key words: Literature, ideology, history, culture, terror, dehumanization.

În perioada sovietică, elitele au fost distruse prin decimare fizică, supuse exilului, recluziunii în lagăre şi închisori sau, pur şi simplu, au fost excluse din viaţa culturală a ţării. Ţărănimea ca purtătoare a tradiţiilor milenare şi a spiritului naţional, a fost anihilată şi ea prin epurare de elementele cele mai active, colectivizare forţată sau masacrare prin înfometare. Muncitorimea, redusă la o masă amorfă şi ascultătoare, a devenit „clasa zisă «conducătoare», de fapt alibiul ideologic al aristocraţiei de partid, care a format, printr-un proces de «generaţie spontanee», noua elită a ţării" [1, p. 79].

Începea o nouă istorie, o nouă epocă şi o nouă cultură care trebuiau să se deosebească totalmente de cele vechi.

Literatura, artele în general erau chemate să răspundă la imperativele ideologice ale partidului, devenind instrumentul predilect de spălare a creierilor maselor de „oameni ai muncii". Dacă e să ne referim la exemplul literaturii sovietice din fosta RSSM, ea trebuia să cultive cu entuziasm cultul soldatului sovietic eliberator, a eroului proletar care se jertfeşte pentru binele norodului, cultul conducătorului suprem, demiurgic (Lenin, Stalin), cultul „noii biserici" aducătoare a fericirii terestre (ne referim la partid, bineînţeles), cultul omului nou mântuit prin „dreapta credinţă", cultul violenţei împotriva presupusului „duşman de clasă". Literatura de propagandă a acelor ani e suprasolicitată de simbolurile drapelului roşu, a steluţei cu cinci colţuri (din Kremlin), a lampei lui Ilici. Vechiul trebuia negat cu vehemenţă, iar noul – cântat cu uitare de sine. În rezultat avem, pe de o parte – violenţă şi cruzime, iar pe de altă parte – jubilaţie, patos, încântare, slăvire. Acestea sunt atitudinile fundamentale pe care încearcă să se ridice noua literatură a realismului socialist, căreia i se atribuie o funcţie „educativă" şi mesianică expresă, univocă. Factologie de habitat sovietic obligatorie, conţinut social conform ideologiei dominante comuniste şi, pentru o presupusă accesibilitate la „mase", un limbaj primitiv şi o imagistică rudimentară. Acestea sunt elementele care nu trebuiau să lipsească din literatură. Personajul principal trebuia să fie un Homo sovieticus care să-şi renege istoria, neamul, ţara, familia, convingerile, tradiţiile de dragul structurilor şi valorilor noului regim care, se afirma întruna, le va înlocui pe toate acestea, aducându-i la picioare paradisul terestru al comunismului. în fond, rolul literaturii şi al artelor trebuiau să fie unul pur ideologic, cu efecte expres dezumanizante, de scoatere a omului din capsula ontologică şi artificializare a lui.

Atitudinea faţă de duşmanii de clasă, identificaţi în fosta RSSM cu „burghezii români", trebuia să fie de ură şi de răzbunare. Conform unei vechi teorii a Kominternului, românii erau în Basarabia exploatatori şi trebuiau nimiciţi, iar România era văzută drept regim de ocupaţie. Noua literatură sovietică din RSSM urma docilă linia ideologică kominternistă. Mila, compasiunea, iertarea nu aveau ce căuta în acest regim al luptei de clasă. „«Răzbunarea» şi «ura de clasă» sunt sentimente glorifice în permanenţă şi reprezentate drept valori morale capabile să suprime «vestigiile» trecutului şi să stea la temeliile unei lumi noi" [2, p. 222]. Lupta de clasă justifica orice acţiune oricât ar fi de abominabilă în sine. Personajele primelor proze „realist-socialiste" („Hartene" de Gr. Adam, „Tovarăşul Vania" de S. Şleahu, „Codrii" de I. C. Ciobanu etc.) sunt zugrăvite în două culori predominante antitetice: alb şi negru. Cele pozitive erau luptătorii pentru puterea sovietică şi, mai încoace, muncitorii care construiau oraşe noi, comsomoliştii, timoroviştii, octombreii zeloşi în a urma modelul micului Ulianov, comuniştii conştienţi de menirea lor de a lupta în numele unui viitor luminos. Personajele negative erau exponenţi ai vechiului: jandarmul român şi „acolitul" acestuia – chiaburul lacom, ţăranul ignorant şi încăpăţinat care refuză să înţeleagă „beneficiile" noilor orânduieli. Lumea interioară a acestor personaje nu reţine atenţia decât în măsura în care avea tangenţe cu viaţa socială, cu imperativele ideologice ale partidului. În general, omul prezintă interes doar ca element al noilor colectivităţi revoluţionare, industriale sau agricole. Individualitatea umană apare reliefată doar în cazul în care prezintă un destin „revoluţionar", de erou luptător. Pentru a exista ca model de virtute comunistă, acesta trebuia extras din mediul social anonim, din colectivitatea sa generică, pentru ca, mai apoi, să fie conectat la pulsul maselor ca purtător al noului, ca generator de idei şi impulsiuni „revoluţionare". Această metamorfoză a lui lansa speranţa că oricine poate deveni ca el, cu condiţia să-şi asume conştiincios preceptele ideologice dominante. Imaginea omului în literatura sovietică oscila între figura instinctuală şi „întunecată" a omului de ieri şi, pe de altă parte, figura luminoasă, plină de virtuţi a activistului de partid. În consecinţă, prezentul este zugrăvit utopic, idealizat şi e văzut ca o sărbătoare perpetuă, în contradicţie cu trecutul sumbru, marcat de instinctele de acaparare şi de reminiscenţe religioase. Nu lipsea (mai ales din poezie) nici comparaţia antitetică a prezentului încântător

al URSS cu Occidentul capitalist, „în putrefacţie”, cu nelipsitele epitete dintre cele mai bombastice pentru zugrăvirea în contrast a acestor două lumi.

Dincolo de zelul propagandistic al literaturii ar trebui să vedem un anumit oportunism de circumstanţă al unor autori fără talent, dar, în primul rând, atitudinea coercitivă permanentă a regimului totalitar comunist, veghea constantă a unui sistem de cenzură sofisticat şi fără menajamente, vigilenţa intransigentă a structurilor poliţiei politice şi a celor de partid. În primii ani ai puterii sovietice, dar şi mai târziu, scriitorii care nu au cedat au sfârşit în GULAG, ca N. Costenco ori A. Marinat. Exemplul clasic pentru România este basarabeanul nostru Paul Goma. Teroarea a fost calea cea mai sălbatică, dar în acelaşi timp şi cea mai eficientă de „prelucrare şi de eliminare a materialului uman care avea îndrăzneala sau „prostia” să se opună procesului în cauză” [3, p. 177].

Literatura de sertar din ţările fostului lagăr socialist, atât cât a reuşit să supravieţuiască vigilenţei, este cea care depune mărturii şocante despre chinurile scriitorilor care au supravieţuit terorii din închisorile comuniste. Pentru criminalii regimului, capitularea ta nu e o simplă izbândă profesională – ci însăşi raţiunea de a fi, susţine Adam Michnik [4, p. 16]. „Bunul simţ îţi mai spune că dacă semnezi declaraţia de loialitate, pui în mâna poliţailor un bici. Îl vor mânui şi te vor obliga să semnezi şi declaraţia următoare, înţelegerea de colaborare cu ei. Astfel, declaraţia ta de loialitate se transformă într-un pact cu diavolul. Din această cauză nu trebuie să întinzi acestor inchizitori ai poliţiei nici măcar vârful degetului: pentru că imediat au să-ţi înhaţe toată mâna” [idem, p. 17]. Experimentul Piteşti arată clar, prin mărturiile victimelor, atrocitatea strategică a reeducării prin demascare şi autoflagelare. Prin tortură, victima se demasca, iar pentru a se reeduca până la capăt trebuia să devină ea însăşi călăul care să aplice cu zel idealurile comuniste. Cel care nu putea fi reeducat, era omorât. Mărturiile celor care au rezistat terorii sunt şocante. Aristide Ionescu afirmă: „Era ceva aşa de neimaginat şi te gândeai în momentele când erai torturat, primul gând te gândeai ca să scapi de tortură prin sinucidere. Ei bine, acei care au avut această şansă, au fost la început şi cel de la Gherla, care a sărit peste balustradă, dar de a doua zi au apărut plasele şi nu mai puteai“. Privitor la autoflagelare acelaşi autor confirmă : „Noi eram obligaţi întâi la autodemascări să arătăm că suntem dintr-o familie unde … mama a «trăit» cu un copil, sau suntem dintr-o familie unde copiii erau cei care se «culcau » cu mama; sau te «culcai» cu o soră. Adică trebuia să fabulezi…“ [4, fragmentul nr. 7]. Rezultatul acestor fabulaţii era căderea la cel mai jos nivel al antiumanului, de unde victima nu se mai putea ridica. Victima era determinată să spună lucruri cu care mai târziu conştiinţa sa nu mai putea să se împace, văzându-se, în oglinda acestei conştiinţe nealterate, drept un monstru. Că aceasta era miza torţionarilor reiese dintr-o altă mărturie a lui Aristide Ionescu, prin care reproduce cele spuse de şeful torţionarilor, Eugen Ţurcanu: „Măi, de aicea veţi ieşi atât de dezumanizaţi încât vă va fi ruşine să vă uitaţi în oglinzi! Voi care nu vreţi să fiţi alături de noi, veţi deveni nişte monştri pentru voi, chiar în faţa voastră veţi arăta ca nişte monştri, cu metodele pe care le avem“ [4, fragmentul nr. 9]. În Fragmentul nr.10, Aristide Ionescu explică efectul destructurant al „reeducării“ spunând: „Când intru în biserică am un sentiment de reţinere că n-ar trebui să mai intru după ce am văzut ce-am văzut şi nu am luptat suficient ca să nu se producă ceea ce s-a produs cu fiinţa umană“ [4].

O analiză pertinentă a coerciţiei şi a cruzimei constitutive regimurilor totalitare ne-o oferă interpretarea lui Rorty din *Contingenţă, ironie şi solidaritate,* în care caracterizează atrocităţile totalitare din perspectiva lui Orwell. Un fragment scris de Orwell în 1944, pe care-l invocă Rorty, arată că libertatea interioară a individului nu avea cum supravieţui: „Falsul“, este să crezi că sub un guvern dictatorial poţi fi liber în interior... Cea mai mare greşeală este să-ţi imaginezi că fiinţa umană e un individ autonom. Libertatea secretă de care se presupune că te poţi bucura sub un guvern despotic e o prostie, pentru că gândurile tale nu sunt niciodată integral ale tale. Filosofii, scriitorii, artiştii, chiar oamenii de ştiinţă, nu numai că au nevoie de încurajare şi de o audienţă, dar au nevoie de stimulare constantă din partea altor oameni... Suspendaţi libertatea vorbirii – şi facultăţile creative se vor atrofia” [6, p. 277-278]. Totalitarismul, ne avertizează Orwell, este acel tip de monstru pe care, dacă nu îl conteşti public, te înghite – indiferent cât de pure crezi că sunt gândurile pe care le ai în sinea ta. În acest sens, Rorty susţine că „finalitatea torturii nu este durerea, ci sfâşierea minţii umane, desfacerea lumii acelei minţi în aşa fel încât ea să nu se mai poată recompune, să nu se mai poată redescrie prin limbaj. În cele din urmă, victima ajunge să fie privată de limbaj, de capacitatea de a-şi povesti sieşi evenimentele traumatizante prin care a trecut. Forma ultimă de cruzime nu este cea prin care victima urlă de durere, ci aceea prin care torţionarul

foloseşte durerea în aşa fel încât, chiar când tortura este întreruptă, victima nu se mai poate reconfigura la nivel identitar" [idem. p. 280].

Ion D. Sârbu, un om de stânga de altfel, care şi-a petrecut o parte din viaţă în închisorile comuniste, s-a felicitat pentru că n-a aplaudat niciodată regimul. Analizând universul concentraţionar, scriitorul urmăreşte simptomele maladiei totalitare, pătrunde în morfologia fenomenului totalitarist, încercând să vadă unde şi cum anume s-a produs „gravul divorţ cosmic", alienarea totală, „îndemonirea lumii". Cauzele sunt căutate în inconştientul colectiv, în nucleul existenţial pitit în psihologia mulţimilor docile. Teroarea a fost posibilă din cauza pasivităţii oamenilor a confuziei de valori care s-a produs (şi cu voia lor) în conştiinţă. Propria biografie de deţinut al universului concentraţionar îl conduce spre ideea că starea de închis are legături strânse cu morala şi metafizica [7, p. 81-82]. O probă elocventă în acelaşi sens este şi literatura lui Paul Goma, cel care a supravieţuit închisorilor, păstrându-şi coloana vertebrală intactă. Scriitorul mărturiseşte că şi-n cel mai atroce penitenciar a reuşit să simtă gustul libertăţii prin experimentele muzicale, explorările puterii de revelaţie a visului, reflecţiile literare, jocul imaginaţiei.

Luată în ansamblu, cu cedările, cu compromisurile dar şi cu datele ei de rezistenţă sau chiar de disidenţă, literatura scrisă sub totalitarism necesită o abordare complexă. Eugen Negrici avertizează că literatura perioadei comuniste trebuie studiată cu multă atenţie, deoarece aceasta a apărut în condiţii contextuale deosebite, fapt care o situează sub semnul unei „patologii stilistice". Coabitarea în cadrul aceleiaşi ecuaţii a trei factori patologici „scriitorul (paleativ), cenzorul (complezent) şi lectorul (pervertit)" [8, p. 127] nu putea produce decât anomalii literare. Criticul invocă o analiză a literaturii sub comunism din perspectiva mentalităţilor sociale, concluzionând că o astfel de literatură nu e corect să fie rezumată în câteva epitete dispreţuitoare. „Pentru a o descrie adecvat şi exact, afirma şi Ion Simuţ, literatura perioadei comuniste trebuie neapărat cercetată şi definită în raport cu puterea politică, aşa cum a fost, de fapt, constrânsă să existe" [9, pag. 10]. Analiza acestei literaturi, în formele ei contradictorii, nu e deloc uşoară, întrucât este important „să depistăm şi să conştientizăm în multitudinea de date şi fenomene literare, în momentele de stagnare, de regres şi momentele imprevizibile de regenerare valorică şi afirmare a voinţei de creativitate sensul adânc dramatic al rezistenţei artisticului în cadrul unei totale subordonări a creaţiei scopurilor strict propagandistice", susţine Andrei Ţurcanu despre literatura din Basarabia, atrăgând atenţia asupra dramei interioare a literaturii, cu toate tentativele ei de rezistenţă sau cu dizolvările în oportunism, cu etapele de căderi în dogmă sau urcuşurile creatoare [2, p. 213].

Mihai Cimpoi consideră că într-un fel sau altul, scriitorii postbelici din Basarabia au realizat o literatură „a rezistenţei şi de rezistenţă" şi, dacă pentru scriitorii proletcultişti, rezistenţa faţă de regim a luat forme foarte lejere, sporadice sau n-a luat deloc, pentru autorii recalcitranţi discursului oficial aceasta, mobilizată de isteria ideologiei sovietice canalizată în orice izbucnire de artă autentică, se manifesta în forme diversioniste, definite de Mihai Cimpoi drept „moartea artistului, evazionismul esopian şi anonimatul cultural" [10, p. 166]. Evident, moartea artistului era alternativa cea mai păgubitoare. În malaxorul comunist au pierit majoritatea scriitorilor din stânga Nistrului, supuşi arestărilor în fatidicul an 1937. Al doilea val de arestări şi nimicire fizică a urmat în 1941, odată cu cotropirea de către soviete a Basarabiei. Împreună cu alţi scriitori care nu s-au mai întors din lagărele comuniste, şi N. Costenco, pomenit mai sus, a fost deportat în Siberia doar pentru că a afirmat că „e de acord cu comunismul, numai să fie construit în româneşte" [idem, p. 168]. Mai târziu au urmat alte forme de rezistenţă antitotalitară, cu reacţiile adecvate ale regimului. Pentru aluziile transparente la un neam împărţit de un râu cenzura comunistă trimite la cuţit cartea „Descântece de alb şi negru" de D. Matcovschi. Aceeaşi sortă a împărtăşit-o şi „Săgeţi" de P. Cărare, volum care conţinea o mulţime de aluzii esopice la realităţile socialiste deloc înfloritoare. Alte cărţi şi autori au căzut în vizorul vigilenţei partinice pentru diferite „culpe" în faţa ideologiei comuniste: „Temerea de obişnuinţă" de Mihail Ion Cibotaru, „Ornic" de Pavel Boţu, „Măslinul oglindit" de Ion Vatamanu etc. Nici „evazionismul" nu a trecut neremarcat, autorii fiind învinuiţi de „metaforizare abundentă", de „încifrare" a scrisului. Pronunţându-se, în 1982, pe marginea cărţii lui Ion Vatamanu *Balade de pe două margini de război*, Vera Malev, spre exemplu, afirma în spiritul criticii dogmatice a vremii că sunt unele poezii nebuloase, pe care, citindu-le, pur şi simplu nu le-a înţeles. Grigore Vieru era suspectat de restrângerea ariei tematice la motivul poetic al mamei. Ion Ciocanu ne oferă motivaţia antitotalitară a acestei restrângeri: „Limitarea la motivul mamei a avut (în contextul timpului concret-istoric) o semnificaţie deosebită, poetul sustrăgându-se conştient şi ingenios „datoriei" de a evoca „artistic" cuceririle şi aspiraţiile omului sovietic,

binefacerile „prieteniei popoarelor” şi alte teme şi sarcini înscrise în hotărârile de partid şi în indicaţiile forurilor conducătoare.” [11, pag. 438]. Foarte sugestivă în acest context este afirmaţia lui Theodor Codreanu: „Instinctul poetic al lui Grigore Vieru a intuit pericolul (mancurtizării. – n.n.) când a pus simbolul *mamei* în centrul liricii sale, căci mancurtul este atât de orb, încât nu ezită să trimită săgeata ucigaşă în pieptul mamei sale. Mancurţii aruncă ploi de săgeţi asupra tuturor celor ce nu şi-au pierdut *memoria părinţilor*” [12, pag. 98].

Ce-a avut convergent această „triadă a fatalităţii” (Mihai Cimpoi) a fost faptul că, dintr-o pornire mai mult inconştientă şi instinctivă scriitorii n-au renunţat în totalitate la legătura salvatoare cu tradiţia, în sensul memoriei ei arheale. Chiar şi în condiţiile de negare a valorilor trecutului, a existat, măcar şi pentru perioade scurte, o atenţie sporită faţă de istoria şi cultura naţională. Bineînţeles că nu e vorba de o tendinţă generală, dar de personalităţi concrete: Vasile Coroban, criticul indizerabil, văzut de putere ca un „oracol fals”, Grigore Vieru, Ion Druţă, sporadic şi parţial Andrei Lupan, George Meniuc, Liviu Deleanu ş.a. Realizări artistice notabile apar în anii 60, prin apariţia romanelor: *Povestea cu cocoşul roşu* de Vasile Vasilache, *Zbor frânt* de Vladimir Beşleagă, *Singur în faţa dragostei* de Aureliu Busuioc, *Vămile* de Serafim Saka. Douăzeci de ani a trebuit să aştepte în sertar o operă extraordinară, *Viaţa şi moartea nefericitului Filimon* de Vladimir Beşleagă. Romanul poartă subtitlul „sau calea anevoioasă a cunoaşterii de sine”. E calea anevoioasă a cunoaşterii de sine a omului în totalitarism, a unui personaj rupt de mama sa, despărţit de soră, urât de un tată îndoctrinat şi înrăit pe toată lumea, un antierou tipic al unei societăţi care mizează pe violenţă şi dezumanizare.

Referinţe bibliografice

1. Lucian Boia, Istorie şi mit în conştiinţa românească. Bucureşti: Humanitas, 1997, p. 79.
2. Andrei Ţurcanu, Procesul literar postbelic între dogmă şi creativitate. În: Bunul simţ. Chişinău: Cartier, 1996, p. 222.
3. Iulian Fruntaşu, O istorie etnopolitică a Basarabiei (1812-2002), Chişinău: Cartier, 2002, p. 177.
4. Adam Michnik, Scrisori din închisoare şi alte eseuri. Iaşi: Polirom, 1997, p.16.
5. Sorin Ilieşiu, Alin Mureşan, Genocidul sufletelor. Experimentul Piteşti – reeducarea prin tortură, Transcriere Texte Videoclipuri, http://www.experimentulpitesti.org/public/assets/docs/ExperimentulPitestiReeducareaPrinTorturaTranscriereTexteVideoClipuri.pdf, (accesat 6. 06. 2011)
6. Richard Rorty, Contingenţă, ironie şi solidaritate. Bucureşti: Editura ALL, 1998, p. 277-278.
7. Ion D. Sîrbu, Jurnalul unui jurnalist fără jurnal (vol. I,) Craiova: Scrisul Românesc, 1996, p. 81-82.
8. Eugen Negrici, Literature and Propaganda in Communist Romania, The Romanian Cultural Fundation Publishing House, Bucharest, 2000, English version by Mihai Codreanu, translation revised by Brenda Walker, p. 127.
9. Ion Simuţ, Incursiuni în literatura actuală. Oradea: Cogito, 1994, p. 10.
10. Mihai Cimpoi, O istorie deschisă a literaturii române din Basarabia. Ediţia a treia revăzută şi adăugită. Bucureşti: Fundaţia cultural română, 2002, p.166.
11. Ion Ciocanu Literatura română. Studii şi materiale pentru învăţământul preuniversitar. Chişinău:Prometeu, 2003, p. 438.
12. Codreanu Theodor, Basarabia sau drama sfâşierii. Chişinău: Flux, 2003, p. 98.

УДК: 372.8:811.135

PREDAREA LIMBII ROMÂNE – ÎNTRE TRADIŢIE ŞI INOVAŢIE

Galina Mutcoglo
lector universitar, Universitatea de Stat din Comrat, RM

Summary. The teaching of Romanian language is an actual problem in this moment. Reveals traditional methods and innovation in the methods of teaching which give reverse information and decide problems.

Keywords: teaching, methods, inovation.

În prezent suntem martorii unei lupte între vechi şi nou, între tradiţie şi inovaţie. Profesorii stabilesc "itinerariile" celui mai indicat model de urmat, analizând şi păstrând ceea ce este etichetat drept 'bun' pentru a înlocui metodele demodate, nefolositoare. De exemplu, principala preocupare în predarea limbii române este diversificarea activităţii dintre studenţi şi profesori pentru a depăşi clasicul model al profesorului care interacţionează cu întreaga grupă şi a-i face pe studenţi mai degrabă să comunice între ei decât să adreseze profesorului comentariile lor, profesorul jucând rolul de mediator.

Predarea este un ansamblu complex de acţiuni şi comportamente didactice specifice, destinate producerii învăţării. Predarea e un act de comunicare, o ofertă de experienţă educaţională, o dirijare a învăţării, o gestiune a învăţării şi o interacţiune comportamentală. În modelele didactice tradiţionale, predarea se rezumă la o simplă prezentare a materiei, în timp ce în didactica modernă, predarea este un complex de funcţii şi acţiuni multiple şi variate. Predarea ca şi management al învăţării înseamnă a prevedea lecţia, a prevedea schimbările dorite, a le orienta într-o direcţie precisă, a preciza obiectivele învăţării, a stabili natura respectivelor schimbări, adică a determina conţinutul acestora, a stimula participarea activă a studenţilor, a adapta conţinuturile la studenţii prezenţi, a organiza contextul în care se produce învătarea - să mă asigur că am materiale, să organizez grupul, să mă folosesc şi de ceea ce este în jurul meu, etc.[2]

Predarea este un act foarte complex şi înseamnă ce se întâmplă înainte de oră, în timpul orei şi după terminarea acesteia.

Dat fiind faptul că conceptul de predare a evoluat în timp şi că a căpătat multe semnificaţii, putem vorbi despre două tipuri de predare, una tradiţională şi una modernă. În ce tip de predare îi este uşor profesorului din zilele noastre? Pentru profesorii debutanţi şi cei care nu sunt de foarte mult timp în sistem, predarea modernă este cea pe care au învăţat-o şi pe care cred că o folosesc. Pentru profesorii care au multă vechime în învăţământ şi care erau obişnuiţi cu tipul de predare tradiţional, adaptarea la modern survine mai greu (din cauza comodităţii sau a neadaptării) sau poate chiar deloc, ei limitându-se doar la predarea tradiţitională, pe alocuri cu tentă modernă. Când predă, profesorul are un scop de tip educaţional. În atingerea acestor scopuri, profesorii folosesc strategii didactice: metode şi procedee didactice, resurse şi mijloace de învăţământ. În afară de metode, despre care o să vorbim în continuare, mijloacele de învăţământ îi pun în dificultate pe unii dintre profesori (de exemplu, utilizarea calculatorului în demersul didactic) şi iarăşi ne întoarcem la traditie - tablă şi creta. Un alt obstacol în predarea modernă o reprezintă şi grupa. Există studenţi care nu cooperează şi ca atare nu vor să participe la o oră desfăşurată într-un alt stil decât cel tradiţional. Dar, din proprie experienţă, studenţii sunt captivaţi de ideea de a fi incluşi în procesul de predare ca actori şi nu ca spectatori (expunerea, exerciţiile îi plictisesc, deşi ele sunt necesare, însă pentru a fi atrăgătoare expunerea ar putea fi „condimentată" cu întrebări la care studenţii să răspundă, exerciţiile ar putea fi lucrate în grup de doi sau patru studenţi, aceştia fiind motivaţi extrinsec (veţi primi o notă, etc), etc. Profesorul trebuie să cunoască grupa şi să simtă pulsul acesteia.[1]

Revenind la conceptul de metodă, aceasta provine din grecescul „methodos" care înseamnă „drum spre", desigur, spre învăţare. Aceste metode sunt şi ele ca şi predarea tradiţionale şi moderne:

1. Tradiţionale: expunerea didactică, conversaţia didactică, demonstraţia, lucrul cu manualul, exerciţiul;

2. Moderne: algoritmizarea, modelarea, problematizarea, instruirea programată, studiul de caz, metode de simulare (jocurile, învăţarea pe simulator), învăţarea prin descoperire.

Metodele tradiţionale limitează sau estompează participarea activă şi conştientă a studentului la actul de predare- învăţare. În cadrul învăţământului, metode gen expunere, conversaţie nu dezvoltă gândirea studentului, acesta doar ascultând pasiv, învăţând pe dinafară ştiind că trebuie să repete la un moment dat (această metodă îi rupe pe studenţi total de practică) sau chiar dacă profesorul apelează la cealaltă metodă convorbirea cu toată grupa, ei participă ceva mai mult, dar fără a şti ce se întâmplă, fiind doar ghidaţi. Prin aceste metode profesorul informează studentul, nu-l formează, studentul este obiectul instruirii şi nu subiectul procesului educativ, acesta reproduce ce învaţă şi nu învaţă prin descoperire, prin cooperare, este motivat extrinsec (i se spune învaţa pentru că îţi voi da notă zece, de exemplu) şi nu intrinsec (învăţa pentru că îi place), etc. Ele pot fi utilizate cu succes în faţa unui auditoriu mai numeros, la facultate de exemplu în cadrul cursurilor universitare.

Metodele activ-participative pun accent pe învăţarea prin cooperare, aflându-se în antiteză cu metodele tradiţionale de învăţare. Educaţia pentru participare ii ajută pe studenţi sa-şi exprime opţiunile în domeniul educaţiei, culturii, timpului liber, pot deveni coparticipanţi la propria formare. Studenţii nu sunt doar un receptor de informaţii, ci şi un participant activ. În procesul instructiv-educativ, încurajarea comportamentului participativ înseamnă pasul de la „a învăţa" la a „învăţa să fii şi să devii", adică pregătirea pentru a face faţă situaţiilor, dobândind dorinţa de angajare şi acţiune. Principalul avantaj al metodelor activ-participative îl reprezintă implicarea studenţilor în actul didactic şi formarea capacităţii acestora de a emite opinii şi aprecieri asupra fenomenelor studiate. În acest mod, studenţilor le va fi dezvoltată o gândire circumscrisă abilităţilor cognitive de tip superior, gândirea critică. Aceasta reprezintă o gândire centrată pe testarea şi evaluarea soluţiilor posibile într-o situaţie dată, urmată de alegerea rezolvării optime pe baza argumentelor. A gândi critic înseamnă a deţine cunoştinţe valoroase şi utile, a avea convingeri raţionale, a propune opinii personale, a accepta că ideile proprii pot fi discutate şi evaluate, a construi argumente suficiente propriilor opinii, a participa activ şi a colabora la găsirea soluţiilor. *Principalele metode de dezvoltare a gândirii critice* sunt: metoda Ciorchinelui; metoda Mozaic; metoda Cubul; metoda Turul Galeriei; metoda 6/3/5; metoda Lotus; metoda Pălăriile gînditoare; metoda Frisco; metoda Schimba perechea; metoda Explozia stelara; diagrama Venn; metoda Cauza-efect.

Pentru ca învăţarea prin cooperare să se bucure de un real succes, se impune respectarea unor reguli. Pentru ca studenţii să fie dispuşi să lucreze în echipă, se impune respectarea a două condiţii: asigurarea unui climat pozitiv în auditoriu; formularea unor explicaţii complete şi corecte asupra sarcinii de lucru, astfel încât aceasta să fie înţeleasă de toată lumea.

În vederea asigurării unui climat pozitiv în auditoriu este necesar ca studenţii să aibă impresia că au succes în ceea ce fac. Factorii care asigură succesul într-o grupă sunt: formularea de expectanţe pozitive faţă de studenţi; utilizarea unor strategii de management educaţional eficient; stabilirea de obiective clare şi comunicarea acestora studenţilor; valorificarea la maxim a timpului destinat predării; evaluarea obiectivă.[4]

Eficienţa muncii în grup depinde de claritatea explicaţiei pentru sarcinile de lucru. Profesorii trebuie să ofere explicaţii cât mai clare şi să se asigure că ele au fost corect înţelese de către studenţi.

Din toate cele menţionate rezultă faptul că profesorul trebuie să-şi schimbe concepţia şi metodologia instruirii şi educării, să coopereze cu studenţii, să devină un model real de educaţie permanentă, să se implice în deciziile educaţionale, să asigure un învăţământ de calitate. Pregătirea managerială a profesorului, însuşirea culturii manageriale, nu numai cea tradiţională psihopedagogică şi metodică, pot asigura înţelegerea şi aplicarea relaţiei autoritate-libertate, ca nou sens al educaţiei, prin predare-învăţare şi rezolvarea altor situaţii din procesul educaţional.

Bibliografie

1.Dumitru I., Dezvoltarea gândirii critice şi învăţarea eficientă, Editura de Vest, Timişoara, 2001
2.Guţu V., Dezvoltarea şi implementarea curriculumului în învăţământul gimnazial: cadru conceptual, Grupul Editorial Litera, Chişinău, 1999
3.Ionescu M., Radu I., Didactica modernă, Editura Dacia, Cluj-Napoca, 2001
4.Marcu V., Filimon L., Psihopedagogie pentru formarea profesorilor, Editura Universităţii din Oradea, 2003.

УДК: 811.135'34

LIMBA ROMÂNĂ ŞI ALOFONII

Ludmila Nedu
lector univ., Universitatea de Stat din Comrat, RM

Summary. This article reveals the problems of Russian-speaking in the study of the Romanian language. In the article are used some statistics information. The problems of studying of Romanian language not only of pupil's, but and adults who want to integrate in economical society. More detailed information about learning of the state language in different institutions of education.

Keywords: education, learning, problems, methods.

Educaţia lingvistică a elevilor alolingvi, la toate treptele de învăţământ, se fundamentează pe un sistem deschis de modernizare, asigurînd noi perspective şi soluţii în predarea-învăţarea-evaluarea limbii române în corespundere cu provocările societăţii în tranziţie orientată către principiile şi valorile europene. În acest context, competenţa de comunicare în limba română a elevilor alolingvi reprezintă o necesitate socială vitală, de aceea dezvoltarea acesteia marchează un obiectiv major în educaţia lingvistică. Mai mult, competenţa de comunicare în limba română nu implică doar capacitatea de a emite mesaje, de a fi un bun vorbitor/comunicator, dar presupune în egală măsură şi capacitatea de a fi un bun ascultător, odată ce 50% din procesul de comunicare reprezintă ascultarea. Conform datelor specialiştilor în domeniu, dintre cele patru tipuri de activitate verbală, perceperea mesajului la auz are ponderea cea mai mare - 45 % în comparaţie cu celelalte activităţi: vorbirea - 30 %, lectura - 16 % şi scrierea - 9 %, un argument ce confirmă necesitatea şi importanţa studierii unui fenomen oarecum marginalizat la noi. Chiar dacă în practica predării limbii române în învăţământul preuniversitar se aplică variate tehnologii didactice, în literatura de specialitate nu sunt delimitate totuşi tehnologiile recomandabile formării competenţei de audiere, fapt ce a determinat identificarea argumentelor privind necesitatea formării competenţei de audiere.

Despre problema studierii limbii române în rîndul alolingvelor se vorbește deja de ani buni. Nu e noutate că o bună parte din ei nu o studiază decît pentru a susține Bacalaureatul, deși în mediul din care vin nu o comunică deloc. Sînt însă alții puși pe treabă care vor să se integreze în societate, prin studierea limbii de stat.

La ultimul Recensământ realizat în Republica Moldova, în 2004, în jur de 16% din numărul total de populație s-au declarat vorbitori de rusă. Alte circă 4% s-au declarat vorbitori de ucraineană, iar puțin peste 3%- vorbitori de găgăuză. Dacă circă 380 000 de cetățeni ai Republicii Moldova au declarat limba rusă ca limba maternă, peste 500 000 persoane au indicat rusa ca limba pe care o folosesc de obicei, indeferent că se declară moldoveni, ucraineni, găgăuzi, români sau bulgari. Datele Recensământului desfășurat în luna mai curent nu au fost făcute deocamdată publice. Biroul Național de Statistică a precizat anterior pentru Moldova Org că rezultatele despre etnie, limbă și religie vor fi făcute publice în 2016.[3]

Dacă vorbim despre ceea că multe persoane au declarat că limba rusă e limba lor maternă, e un fapt corect din considerentele științifice, limba vorbită din fragedă copilărie este limba maternă. Anume la găgăuzi, unde aproape toți vorbesc în rusă, limba găgăuză a rămas numai la pereferie, în sate, o vorbesc numai persoanele în vîrstă. Este o problemă destul de mare, că majoritatea vorbesc în rusă.

Pentru o studiere eficientă a limbii române avem nevoie de un mediu, de vorbitri ai acestei limbi. Așa consideră și lingvistul Alexandru Bantoș „mediul nostru nu este unul tocmai propice pentru alolingvi șă nu există un climat favorabil așa cum ar fi în alte țări europene- Oamenii vin, fac cursuri, învață, dar ies de aici, merg la lucru sau în oricare alte medii și discută din nou rusă. Nu există un mediu, de aceea avem ce avem."

Specialiștii din domeniu au păreri împărțite vizavi de problema studierii limbii. În timp ce unii cred că alolingvii sunt cei care trebuie să își asume, pe cont propriu, studierea limbii de stat, alții spun că nu s-au creat condiții și că ar mai fi de lucru aici. „Este vorba de interesul personal, dar mai ales și material. Fiecare trebuie să învețe dacă vrea și dacă ei vor să se integreze într-o societate, atunci trebuie să învețe." De această părere este directorul Institutului de Filologie al Academiei de Științe, Vasile Bahnaru, care e de părere că alolingvii sunt de fapt cei care decid dacă vor sau nu să cunoască limba. „De 20 de ani și mai bine, și ursul învață să meargă pe bicicletă. Dacă ei nu vor, nu vor!", ne spune scurt lingvistul.

În Republica Moldova sunt suficiente materiale pentru instruirea alolingvilor. Este şi dorinţa minorităţilor naţionale de a învăţa limba oficială. Este nevoie doar despre o colaborare cu autorităţile centrale pentru susţinerea celor care vor să se integreze în societatea moldovenească, cel mai mare interes pentru însuşirea limbii române este în UTAGăgăuzia.

Sunt binevenite aceste instruiri, dar o problemă este lipsa spaţiului de comunicare în Găgăuzia. Cele 60 de ore, prevăzute în programa şcolară, sunt suficiente pentru un curs de bază, dar cunoştinţele trebuie aprofundate. Cu ajutorul autorităților trebuie de realizat o practică de vorbire, unde mediu este corespunzător. Această practică va fi binevenită pentru persoane care vor să învețe limba națională. Majoritatea care vor să învețe limba română doresc să se angajeze în cîmpul muncii.

Societatea trebuie să înţeleagă că o atare tratare a limbii oficiale nu înseamnă asimilarea cuiva de către cineva. În viaţa privată fiecare poate vorbi în limba maternă. Nimeni nu are dreptul să pretindă ca pe teritoriul Republicii Moldova să se vorbească o singură limbă. Toate limbile etniilor minoritare trebuie să se bucure de condiţii prielnice pentru dezvoltarea şi funcţionarea lor. Limba oficială, limba majorităţii populaţiei este una integratoare. Promovarea ei este necesară pentru a se realiza coeziunea socială. Cunoaşterea limbii oficiale trebuie să devină o necesitate vitală pentru toţi cetăţenii care doresc să se integreze în procesul economic, cultural al ţării.

Dacă vorbim de UTA Găgăuzia trebuie să spunem că minorităţile de aici trebuie mai întîi să dorească să învețe această limbă, pentru că dorința de a învăța joacă un rol foarte important. Fără dorință și muncă nu vom face nimic pentru țara noastră.

La momentul actual, nivelul de predare al limbii române în şcolile alolingve este unul bun. Sunt manuale, metodica este reuşită, profesorii la fel. Dacă în familie se simte o atitudine neglijentă sau lipsită de respect faţă de limba română, atunci apare nedorința de a o studia. În ceea ce priveste adulţii, aceştia aleg cursurile de limbă română din diverse motive. Bunoară funcţionarii publici *lucrează cu actele oficiale, care sunt în limba română şi cu publicul. Fiind angajat la stat, funcţionarul public este obligat să cunoască limba de stat.*[4]

Examenul de Bacalaureat la limba română pentru alolingvi pare îngrozitor pentru cei care îl susțin, dar cred că problema aceasta va reuși cu anii. Toate condițiile care sunt create pentru candidați, îi fac pe elevi să se pregătească foarte serios pentru examen. Rolul principal al instituţiilor de învăţământ este de a forma şi a pregăti studenţi/elevi pentru viitoarea lor profesie, cât şi pentru viaţă. Scopul alolingvilor de a învăța limba română este acela de a se descoperi prin intermediul unei alte culturi, de a se forma pentru viaţă, de a- și cunoaşte calităţile şi limitele.

Problema care se pune este, în aceste condiţii, aceea a elaborării unor metode/manuale de predare susceptibile să reducă natura conflictuală a relaţiei care se stabileşte, de exemplu, între codul preexistent, corespunzător limbii materne, şi noul cod care urmează a fi însuşit; între nevoile de comunicare întinse pe o scară foarte largă şi mijloacele de expresie reduse de care „studentul” dispune în limba străină, cel puţin în primele etape ale învăţării (ceea ce duce la o stare de inconfort psihic, dacă nu chiar la o blocare a comunicării în noul cod); etc.

Termeni contradictorii se întâlnesc la nivel de „elev/student”, cel care învaţă. Tot în „elev/student” se şi rezolvă contradicţia. De aceea, există temeiuri pentru a susţine că problema-cheie la care ar trebui să răspundă metodele – în înţeles larg, materialele utilizate în procesul de predare-învăţare a limbilor străine – o reprezintă “adaptabilitatea” lor la capacităţile, motivaţia şi interesele proprii, cel puţin fiecărei categorii de „elev/student” în parte, în funcţie de limba-bază, de pregătirea anterioară, de vârstă, de profesie, de scopul învăţării etc.[1]

Pentru a pătrunde mai profund într-o limbă, ea trebuie studiată din mai multe puncte de vedere: istoric, etnic, cultural. „Unitatea culturii este o unitate deschisă. O cultură străină se deschide mai larg şi profund doar altei culturi şi respectiv, o limbă se deschide mai profund alteia, dacă i se acceptă anumite principii, reguli, legităţi.[2] O altă problema primordială în predarea limbii române se axează pe faptul că profesorii nu pun accent suficient pe mijloacele, metodele de traducerer, astfel , studenţii/elevii traducînd mot a mot efectuează o multitudine de erori în exprimare. Într-o accepţie simplistă se credă că traducerea înseamnă a găsi pentru cuvintele unei limbi cuvintele-echivalente în altă limbă. Considerîndu-se că lexemele sunt un fel de “etichete” ale obiectelor fenomenelor , calităţilor, acţiunilor etc., se poate ajunge foarte uşor la ideea eronată că traducerea ar fi un simplu schimb de etichete.

Limba română este limba oficială a statului, iar însuşirea ei de către cetăţeni devine, în primul rînd, o necesitate dictată de imperativele comunicării în cadrul vieţii sociale, economice, politice şi culturale. Însuşirea corectă a limbii române de către elevii alolingvi este una dintre condiţiile de bază în vederea realizării obiectivului fundamental al învăţământului secundar general: formarea omului în perspectiva integrării cu succes în societate, obiectiv important promovat şi de Curricula la limba şi literatura română pentru instituţiile cu instruire în limba rusă. Însuşirea calitativă a limbii române contribuie la exprimarea productivă orală şi scrisă, la întreţinerea relaţiilor interumane pozitive pe diverse planuri de activitate, la cultivarea disponibilităţii de a colabora cu semenii, la însuşirea eficientă a altor limbi - imperativ categoric al dezvoltării învăţământului modern, tendinţei spre multilingvism funcţional. Proba de evaluare, la finele etapei primare, permite stabilirea nivelului de cunoaştere a limbii române, informaţie

necesară elevilor, profesorilor, părinţilor, persoanelor interesate de calitatea educaţiei în general. Programa de examen are statut de document normativ şi caracter obligatoriu, se adresează cadrelor didactice, elevilor, părinţilor etc.

După părerea mea fiecare cetățean al Republicii Moldova trebuie să pună toate eforturile să comunice în limba de stat. Posedarea limbii ajută la integrarea persoanelor în societate, în viața economică economică a țării.

Bibliografie

1. Condrea Irina, Semiotica textului artistic tradus, Chisinău 2003(p.36)
2. Bahtin M. Problemele poeticii lui Dostoievski, Editura Univers, 1970
3. Doca Gheorghe, Predarea limbii române ca limbă străină: o structură mod, Editura Fulger (p.103)
4. Didactica.Pro…, reviste de teorie şi practică educaţională nr.4(56),septembrie 2009(noile educaţii ca stare a conştiinţei pedagogice,Vlad Pîslaru)

УДК 81’342:811.135:811.111

АРТИКУЛЯТОРНАЯ ДИНАМИКА МОНОФТОНГОВ /U/ РУМЫНСКОГО И /U/ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ (ПО ДАННЫМ КИНОРЕНТГЕНОГРАФИРОВАНИЯ)

Бабырэ Никонор
доктор хабилитат, профессор,
кафедра иностранных языков, КГУ;
Усатый Лариса
старший преподаватель,
кафедра английской филологии ГПУ им. Ион Креангэ

Abstract. The Romanian monophthong /u/ is investigated in a comparative way with the English monophthong /u/ on the basis of roentgenocinematography (X-ray cinema) as the main method of Experimental Phonetics. For the first time the articulatory dynamic characteristics is given and compared with the aim of finding their resemblance and differences. It is proved that the articulatory dynamics of these two monophthongs correspond to the syllabic model and have the same borders and top. The compared Romanian and English monophthongs are alike in monosyllabic words as : nu, cu, bum, sun, nun; put, bush, cushion, good, do, room etc.

Key words: monophthong, X-ray cinema, Experimental study, articulation analysis, top, pitch, border, syllabic model, articulatory dynamics, roentgenocinematography, dynamic characteristics, monosyllabic word, uvula.

Монофтонг |u| румынской речи был изучен в последовательности слогов /i/ - /u/ -/ei/. Английский монофтонг был изучен в последовательности слогов слов /'mi:/ - /u/ -/'si:/ - 'me, 'see, 'sea. В артикуляции этих гласных выделяются три участка – первый -80 мсек, второй участок – 140 мсек- третий участок- 140 мсек, связанных между собой определенными отношениями развития артикуляторной активности.

Первый участок артикуляторной динамики /u/ является переходным от предшествующего относительно напряженного состояния артикуляторов к начально-слоговому усилению. Он является наиболее закрытым, в нем устанавливается локализация языка, определяющая качественные признаки таких гласных непереднего ряда- их принадлежность к звукам названного ряда. Этот участок определяется нами как начальный консонантно-вокалический сегмент процесса произнесения гласных в анализируемом контексте (последовательности).

Далее в динамике монофтонгов /u/ и /u/ выделяется второй участок артикуляции. В данном сегменте наблюдается З МИЯ (микроимпульсация языка). Начинается этот участок сегментом,

являющимся самым напряженным по развитию усиления активности вокалического типа и отличающимся увеличенной скоростью ИЯ (импульсация языка), наиболее типичной локализацией для артикуляции гласных звуков /u/ и /u/. Следующие два сегмента в этом участке, являются продолжением, сохранением и завершением наиболее типичной и относительно стабильной фазы для гласного |u|. Здесь МИЯ ($1м^3$- $1м^4$) развиваются синхронно с преларинтальными усилениями (3-ий и 4-ый ИПЛ -импульсация приларинтальной зоны фаринкса) и отличаются одинаковой длительностью (по 60 и 40 мсек). Выделенные три сегмента представляют, по видимому, однородную по напряженности и типичную для монофтонгов /u/ и /u/ вокалическую активность. Однородность динамики проявляется в синхронности развития язычной и приларинтальной импульсации, в одинаковой длительности МИЯ и ИПЛ, а также в возрастании скорости их развития. Таким образом, этот сегмент может быть признан относительно стационарным. В течении этого сегмента сохраняется артикуляционный максимум вершины слога монофтонгов /u/ и /u/. Последующие сегменты динамики данных монофтонгов отличаются увеличением длительности, непрерывностью МИЯ и ИПЛ, а также несинхронностью язычной микроимпульсации и приларинтальных циклов движения вниз-вверх. Здесь наблюдается явно выраженное удлинение и сужение фарингальной зоны надгортального резонатора, четко прослеживается движение стенки фаринкса вперед-назад, происходящее в соответствие с движениями вниз-вверх ПЛ (приларингальной) зоны фаринкса. Амплитуды этих движений меньше тех наблюдавшихся в начале второго участка, в его первом сегменте. Далее наблюдается движение назад языка, челюсти, а также стенки фаринкса, что было характерно и для начального сегмента второго участка монофтонгов /u/ и /u/. В это же время общее сжатие языка почти достигает этой стенки, которая наблюдается в начале стационарного сегмента. Однако, амплитуда движения вниз-вверх ПЛ зоны меньше. При этом заметно сужается нижняя часть фарингального участка надгортального резонатора, и , главное, значительно опускается его нижняя преларингальная граница, что отличает этот сегмент участка от начала второго стационарного. Следовательно, конечное усиление динамики монофтонгов /u/ и /u/ происходит в отличающихся от стационарной части резонаторных условиях при несинхронности МИЯ и ИП импульсации. Завершающий сегмент артикуляторной динамики /u/ и /u/ длится 80 мсек., что свидетельствует о его большей напряженности. В этом участке артикуляционный процесс характеризуется учащением ПЛ импульсации, а также продолжающимся сужением ПЛ зоны с одновременным движением вниз её крайней точки. В это время язык резко перемещается вперед, соответственно смещается нижняя челюсть и подъязычная кость. увула приобретает расслабленную форму и перемещается вниз. Все эти модуляции являются следствием сильного завершения конечного, относительно напряженного предшествующего переднего ряда сегмента артикуляционной динамики гласного |u|. Все, сказанное выше, доказывает особый способ организации артикуляции гласных монофтонгов /u/ и /u/, динамическая артикуляторная структура которых состоит в определенном соотношении активности языка и ПЛ зоны фаринкса . Это убеждает в том, что такой способ артикуляции монофтонгов /u/ и /u/ - определенная целостность, с присущими ей вершиной, составляющими и границами. На протяжении артикуляционной динамики монофтонгов /u/ и /u/ наблюдается как консонантно-вокалический, так и вокалический тип активности, что дает полное основание считать артикуляцию гласных /u/ и /u/ в потоке речи, происходящей в соответствии с моделью слога.

Гласные звуки /u/ румынского и /u/ английского языков представляют слоги и являются слогообразующими. Они составляют «материю слога» как в румынском, так и в английском языках: ud, urc, ulm, urm, urs;unu, unde, unchi; ucis, uhu, uluc, uman, unire, umed, umor, ură, urî, uşar; cu, nu, mu, tu, du; bum, bund, but, cuc, cum, cult, duc, duş, drum, dur, dud, muc, nuc, suc, slut, hup, hun, lud, lup, nul, nut, puc, pud, pur, pus; bubă, cupă, culcă, dublă, după, dură, muma, fugă, frunză; abundă, adună, bunică, cunună, cultură, furnică, duzină, lustru, bulbuc, bunuţ, cupru, gutural, jubileu etc. (румынские); stood, look, could, wood, soot, hood, should, would, good, took, rook, hook, nook, food, hoof, rout, shoot, full, push, booth, put, shook, bull, butcher, pussy, cuckoo, sugar, fulfil, book, cook, foot, wool, childhood, roombosm, woman, worsted, could, chewing, puss, gooseberry, putsch (английские), что наблюдается и в контрастивных словах двух языков: buc /buk/ - book /buk/; bun /bun/ - boon /bu(:)n/, bust /bust/ - boost /bu(:)st/, but /but/ - boot /bu(:)t/, cuc /kuk/ - cook /kuk/, luk

/luk/ - look /luk/, grup /grup/ - group /gru(:)p/, mu /mu/ - moo/mu(:)/, nu /nu/ - gnu /nu(:)/, puci /putʃ/ - putsch /putʃ/, pud /pud/ - pood /pu(:)d/, pul /pul/ - pull /pul/, pun /pun/, poon /pu(:)n/, pup /pup/ - poop /pu(:) p/, pus /pus/ - puss /pus/, put /put/ - put /put/, ruj /ruʒ/ - rouge /ru(:)ʒ/, rut /rut/ - root /ru(:)t/, sun /sun/ - soon /su(:)n/, şu /ʃu/ - shoe /ʃu(:)/, şut /ʃut/ - shoot /ʃu(:)t/, tul /tul/ - tool /tu(:)l/, tun /tun/ - tune /tun, tju:n/, uz /uz/ - ooze /u(:)z/, fux /fuks/ - Fuchs /fuks/ и др.

В практических/дидактических целях предлагаем дать следующие характеристики сопоставляемых монофтонгов:

При образовании монофтонга /u/ молдавско - басарабской речи румынского языка губы вытянуты вперед и округлены, отверстие между верхней и нижней губами приобретает кругообразную форму, губы вытянуты вперед. В связи с положением челюстей и губ при артикуляции /u/ соответственно изменяются форма и объем переднего ротового резонатора. Кончик языка при монофтонге /u/ отпускается вниз, к альвеолам нижних средних резцов, спинка языка сильно отодвигается назад и этим увеличивается объем ротового резонатора. Монофтонгу /u/ соответствует более высокое положение наивысшей точки языка, чем при артикуляции монофтонга /o/. В связи с оттягиванием назад спинки языка соответственно сужается проход между мягким небом и поднятой спинкой языка. Гортанно-глоточный резонатор при артикуляции /u/ более сужен, чем при образовании /o/. Монофтонг /u/ является закрытым лабиальным звуком с непередним подъемом и характеризуется большим объемом ротового и сравнительно меньшей величиной гортанно-глоточного резонаторов. Монофтонг /u/ румынского языка встречается в начальном положении слов и слогов: unde, uvula, ucis, uhu, ulm, uşar, uscat, undă, ursuz, uzat, usual, unison; в конечном положении: unu, nu, mu, tu, du, şu, lucru, lulu, cupru, jubileu; в середине слогов и слов: nulă, numit, rută, muton, luptă, lucid, judeţ, punct, rupt, rund, rulant, dungă, duzină, furnică, cutremur, bufniţă, abundă, cunună, cutremur, guturai, vuruitură, vulgar, turtit, lupus, luminat, multişor etc.

Монофтонг /u/ английской речи является лабиализованным кратким не напряженным гласным непереднего продвинутого вперед ряда, широкой разновидности высокого подъема (back – advanced, close (a broad variation of the high position of the tongue), slightly rounded, short and lax). При его произнесении язык оттянут назад. Кончик языка опущен и отходит от нижних резцов, оставляя за ними довольно значительное свободное пространство. Задняя спинка языка приподнимается к передней части мягкого неба, губы заметно округлены и не выдвигаются вперед. Монофтонг /u/ может находиться в начале слова и слога (Uruguay, ooze), в конце слов (to, do, you), в середине слов и предшествует его: гласные губно-губные – put, book, wood, moustache; губно-зубные – foot, vocation; альвеолярные – book, douane, soot, zoological, look, nook; начально-альвеолярные – should, chewing, July; заальвеолярный – rook; среднеязычный – you; непереднеязычные – cook, good; фарингальный - hook.

Монофтонг /u/ может находиться перед согласными : губно- губными - room; альвеолярными – put, hood, puss, gooseberry, bull; - альвеолярными – push, putsch, Gouge; непереднеязычным - took. Монофтонг /u/ характеризуется консонантностью своего качества и не имеет отчетливо аллофонических различий (воспринимаемых слухом) которые были бы обусловлены типом соседних гласных. Аллофны этого английского монофтонга являются артикуляторными/ артикуляционными.

Литература

1. Бабырэ Н.М. Фонетическая природа монофтонгов и дифтонгов румынского языка.- Кишинэу: ГУМ, 1994, 352 с.;
2. Безпаленко А.М. Морфонологічна (проміжна) система мови// Вступ до мовознавства. Чистина. Київ: ВПЦ, Київський університет, 2010, с.53-77.;
3. Гожин Г.М. Артикуляционная и акустическая характеристика гласных // Материалы коллоквиума лабораторииэкспериментальной фонетики и психологии речи. Вильнюс: Вильнюсский государственный педагогический институт, 1966, с. 81-91;
4. Голубовська І.О. Поняття артикуляторної динаміки в сугасній фонетиці // Українське мовознавство. Випуск 37. Київ: КНУ ім. Т.Шевченка, 2007, с.19-21.;

5. Дудник З.В. Артикуляторний жест: онтологія і аналіз (експериментально- фонетичне дослідження). Автореф дис. … канд. філол. наук. Київ, 2004, 23 с.;
6. Скалозуб Л.Г. Динамика звукообразования (по данным кинорентгено-графирования). - Киев: Вища школа, 1979, 132 с.;
7. Скалозуб Л.Г Артикуляторная динамика словообразования (по данным кинорентгенографирования)// Экспериментально-фонетический анализ речи - Вып. I. - Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1984, с. 18-29.;
8. Торсуев Г.П. Строение слога и аллофоны в английском языке.- Москва: Наука, 1975, 240 с.;
9. Трахтеров А.Л.Практический курс фонетики английского языка.- Москва: Высшая школа, 1976, 312 с.;
10. Чемес В.Ф. Фонетична система мови// Вступ до мовознавства: Частина 2. Київ: ВПЦ Київський університет, 2010, с.5-52;

УДК: 811.163.2(478-21)

ОСОБЕНОСТИ НА БЪЛГАРСКАТА РЕЧ В ГР. КОМРАТ (МОЛДОВА)

Бойкова Л.В.
доктор филологических наук, ст. преподаватель, КГУ, РМ

Abstract. At the article are represented the main phonetic, morphological, syntactic and lexical features of Bulgarian speech in Comrat city. Carriers of the idiolects of the type "c" are representatives, who have not studied the Bulgarian language neither at school, nor at the University.

Key words: idiolect, phonetic, morphological, syntactic and lexical features, *c*-fomation.

В нашата статия представяме особеностите на българската реч на билингвите носителите на идиолектите от тип *c*. Предложената в изследванията на М. Виденов и Б. Байчев езикова триада [2] е изградена от *a-формации* (градска книжовна норма, типична за интелигентските прослойки); *b-формации* (урбанизирани териториални диалекти); *c-формации* (слабо урбанизирани териториални диалекти) – форми на съществуване на езика (варианти, подсистеми и др.), която успешно бе приложена в проучването на смолянския градски говор [3].

За българския говор на жителите на гр. Комрат под прояви на *a-формации* разбираме: книжовно-разговорна реч със слабо проникване на диалектни особености и руски елементи; под прояви на *b-формации* разбираме: книжовно-разговорна реч с много (повече) диалектни особености и руски елементи; под прояви на *c-формации* разбираме: териториални диалекти с руски елементи. И трите компонента на българската разговорна реч в Комрат са под влияние на руския език и се отличават помежду си по признаците ‘степен на използване на диалектните маркери’ и ‘степен на интерференция’. Тези признаци се използват, за да бъдат определени *контрастните* и *неконтрастните* маркери, характерни за езиковата ситуация.

Носителите на идиолекти тип ***c*** са всички представители, които не са завършили българска филология и не са учили български език в училище. В комратските училища (и то само в две) българският език като предмет е въведен от 1996 година. Основната част от записите са направени сред имигранти, преселили се в Комрат (главно след 50–60 години на XX век) от различни български селища. Затова носителите на норма тип ***c*** са представители на различни говори.

Езиковите особености на българските говори в Молдова и Украйна се отнасят главно към източните български говори [5, 1].

За нуждите на описанието приемаме за незначителни междудиалектните различия на селищата, изходен пункт за миграция към града, и в такъв случай говорим не за различни диалектни формации, а за една *c*-формация.

Комратската градска *с*-формация се представя от следните по-съществени *фонетични особенности*:

1. Силна редукция на неударените широки гласни [о] и [е], които обикновено минават в чисти [у] и [и]. Редукция на неударената фонема [а] е по-слаба. Например при Т. А-ян [/ дѐту куп̨ ва̨т убликлò /], Е. Н-на [// идѝн дѐн бàба̨та̨ пуйскạ̀ла̨ да̨_йдѐ рѝба /];[// дувѐди_гу ду_нѐгу м’àсту //]; А.Ш-ан [/ мнòгу трỳдну ми_бѐш’и /].

2. Преглас на етимологичното [а] в [е] след латералното [й], например Т.А-ян [/ твòйту йѐде̨не̨ /]; А.И-ва [// свòйо йѐдини /]; Р-на [/ на̨чѐна̨ла̨ да̨_йа̨_е̨дѐ /].

3. Лабиализация на гласната [и] в [у] след съгласната [ж], например Р. Р-на [/ и_тòй сѐа̨ жувѐй тàм /]; А.И-ва [/ и_н’àма̨ къ̀к да̨_жувѐй /]; А. И-им [/ ду_свàдба̨та̨ нŒй не̨_жув’àхми /];

[и] в [о] след мека съгласна – при някои информатори се среща деформация в думата [о̨т’òва̨т], която се дължи на 1) ударението [и] от книжовната форма *отивам* се лабиализира в [у] с предходна мекост и 2) замяната на лабиалното [у] с [о] под ударение се обяснява с фонетическата аналогия, със семантиката на глаголните форми *ходя* и *отивам*, например Т. А-ян [/мнòгу врѐме̨ о̨т’òва̨т на̨_урòците̨ //]; Т. В-ва [/ сутринті ут’òвът /].

4. Наличие на гласна [’а] от стб. Ѣ в абсолютно краесловие, например Т. А-ян [/ е̨днà гудѝна̨ / дв’à //], [/ сѐтн’а̨ със̀_спе̨цàл’н’а хòра̨ /]; А.И-ва [/ ф_инà киш’à /] – застъпено е в много от идиолектите на информаторите. Наличие на [е] от стб. Ѣ под ударение в глаголните форми за 3 л., ед. число, минало свършено време на глаголи от I и II спрежение: явлението не е характерно за всички носители на диалекта, напр. Р. Р-на [/ бàба̨ ни_гу_видѐ /], [/ на̨_уніс а̨н’̨та лѐл’у / дѐту умрѐ //]; А. Ш-ан [/ и_мнòгу трỳдну са̨_жувѐ //].

5. Съчетанието [tj] се е развило като [к] в думата *’защото’* и като [шк] в думите от типа *ср’àшка̨*, например Т.В-ва [/ за̨кòту тий гудѐни /]; [/ ги_ср’àшка̨ свикърва̨та̨ с_кра̨вàй //]; Т.А-ян [/ за̨кòту / кàту кàзва̨т /]; А.И-им [// два̀ мѐсица̨ са̨_сре̨шкàхми].

6. Наличие на мека съгласна [л’] пред друга съгласна, например А.И-ва [/ ф_пундѐл’ник ф_нàс слàткạ̀ ра̨кийа̨ /], [/ дàваа̨ рòкл’а и_шѐл’чи /], [/ ра̨збỳл’вът бỳлка̨та̨ /]; Р.Р-на [/ инъ̀ пе̨тѐл’ка̨ /]; [/ дудѐ са̨_напъ̀л’ни //]; А.Ш-ан [// да̨_ви_ра̨скàжъ къ̀к жув’àхми уд_мàл’ки /] – застъпено е в много от идиолектите на информаторите.

7. Пълна асимилация на съгласната [д] в съчетанието [дн], което се превръща в [нн], например Т.А-ян [/ а_ужѐ пудър плàнн’а̨ /]; Е. Н-на [// кàтуу пугл’ѐнна̨ла̨ /]; Р. Р-на [/кò ни_мòиш да̨_идиш на̨_плàнн’а̨ да̨_видиш /]. При някои информатори се опростява до [н], например при А. И-ва [/ ф_инà киш’à /].

8. Нестабилен характер има веларът [х], който в началото на думите изпада, например Т. В-ва [/ да̨_срѐшна̨т млàдити със̀_л’àп /]; В. Д-чи [/ са̨_пунрàвилу и_ф_а̨рмàн’а̨ /], [// лàпиту са̨_ужѐни /]. В средата на думите и в интервокална позиция [х] обикновено изпада или преминава в [й], например М. С-ов [/ дòда̨а ут_са̨бàл’а̨н /], [/ тугискạ̀ жув’àйми ду_тàта̨ /]; Р.Р-на [/ ний б’àйми мънŒнки //]; [/ му_ удр’àзаа̨ кра̨кò /]; Т. В-ва [/ ми_дунѐса̨а журнàли /]. При някои информатори в тази позиция [х] се запазва, например А. И-им [/ ни_пускàха да̨_ма̨_зѐма̨т ут_сѐлуту /]. В краесловието веларът се съхранява, например А. И-им [// б’àх мумичи //]; А. Ш-ан [// сѐтн’а̨ ста̨нàх ужѐ пò гул’àма̨ /], а при информатор М. С-ов [х] > [ў], например [// ас_òдиў тàм /], [/ пàк са̨_върна̨ў /]. Съгласната [х] във всички позиции се среща само при информатора Ю. Б-ов [/ àми нàй_ми_са̨_харѐсва свàдби /], [/ и_нàс ни_закàра̨ха̨ в_други грàт /], [// мнòгу играх свàдби /].

В идиолекта на информаторката Т. В-ва се наблюдава обратно [й] > [х], например [/ га̨_извида̨ нѐхнийа̨ бъштà /]. В този случай явлението е индивидуално и не се подчинява на лингвистически закономерности.

9. Синкоп на съгласната [в] в начална и интервокална позиция е застъпен при повечето информатори, например Т.А-ян [/ сичкити чàка̨т /], [/ пàска зимами за̨_тòва̨ дѐн /]; Т.В-ва [/ и_тò фъф_ỳйчу /]; М.С-ов [/ кò ша̨_пра̀ими /], [/ зѐхми бỳлка̨та̨ /]; Е.В-ан [/ и_испра̀тила̨ д’àдуту да̨_на̨лỳи //], [// ии_ зѐла̨ да̨_збира̨ рибата̨ /]. Срещат се случаи, когато [в] > [ў], например А.И-ва [/ ут_нѐгуўта̨ ста̨рнà /]; А.К-ов [// има̀ми ўн̨ки / ўн̨чки //], [/ ут_чѐркуўта̨ ду_дòма̨ /].

10. Наличие на вмятане на съгласната [в] в думата [стуви] и протеза на [й], например А.И-ва [/ стуви напрѐт к̨нта̨ /], [/ т̨ргът гурѐшту йѐдини /]; Р. Р-на [/ йедѐм вѐки /], [// тòй тàм тій и_стуви /]; А. Ш-ан [/ йединийа̨ бутна̨т на̨_тъй /], [/ ф_читвъртък збират муми и_йергѐни //].

11. Наличие на африкати [ц] и [s], например М. С-ов [/ прàими вąртà / цàми /]; А.Ш-ан [/ кіту ги_винчàйът сą_вірнąт нąсàт]; Р. Р-на [// ysàди гàшти сą_рąспрàли /]; В.Д-чи [// вързąни с_т'àвą /], [/ унò цàмą стуви /], [/ идин пąтлąцàн /].

12. Наличие на меки съгласни в краесловието на думи като *кон', сол', ден'* и др., например А И-ва [/ с_магàри_ли / със_кòн'_ли /], [/ и_лàп и_сòл' /]; Ю. Б-ов [/ ц'àл' дèн' /]. Явлението не е широко застъпено сред информаторите, срв. Ю.Б-ов [/ нą_други дèн мъшка //].

13. Наличие на меки съгласни [ж'], [ш'], [ч']: явлението не винаги обхваща всички случаи, напр. А. Ш-ан [// мàйкą_ми куту бèш'и бòлна /], [// къшт'à б'àą мънѝнинкич'ки /]; А. И-им [/ и_мòйта систра бèш'и //], [// и_млąдуж'èникą / дèту мòйą уж'è ж'ęних /], [/ кòй пąнич'ки / кòй ж'иту /].

14. Наличие на затвърдели предфлексийни съгласни в глаголните форми за 1 лице, ед. число и 3 лице, мн. число, сег. време, II спр., например В.Д-чи [/ ąйгò сиді дòмą /], [/ Œскът цъклà дą_прумѐнът //]; Т. В-ва [/ рąзришàвą дą_сидът //], [/ ф_гудинą хòдъ един пъ̀т /], [/ дą_идą дą_рàбутą //]; М. К-ва [/ чи_дą_ни_изгурът //], [/ криштà / ąтąнàсе / дунèс пàлиу /]. Явлението се среща и при типичните носители на тип *а*.

15. Макар и не при всички носители, но все пак се появяват "ъкави" форми при съществителните имена от ж. род, ед. число, завършващи на гласна, и съгласуваните с тях имена, например Р. Р-на [/ духàждąш ут_рàбутъ /], [// тур'àх нą_бàбą уді /]; Г. К-як [/ тòчим идні гул'àмъ курі /], [/ тàйą пèкąнтъ курі /].

16. Облик на футурната частица *ще* като *шą, шъ, ше, ши, ш, жą*. В идиолектите на *с*-формацията най-често футурната частица *ще* се среща като *шą* или *жą*, напр. Т.А-ян [/ хòртą шą_рąзрęшіт /]; М.С-ов [/кò шą_прàими /]; М. Н-ва [//т'à със_мèн'ъ жą_жувèй /]; М.С-ди [/ шę_гу_испрàт'ą ф_шкòлтą //].

17. Кратките местоименни форми (книж. *ме, те, се*) са с облик *мą, тą, сą* (*съ*) в повечето идиолекти, например В. Д-чи [/ кòй мą_нądą҆ми тъй //], [// лàпиту сą_ужèни /]; Т. В-ва [// свàдбąтą сą_прàй нąйнò //], [/ ни_мą_бàрайти /]; А.Ш-ан [/ а_тугàвą òд'аă ф_ чèркǫ̆тą дą_съ_винчàвът //].

18. Обликът на наречието *напред*: *нąпрèш* (от стб. на прѢжДь, в която [д] > Ø) се среща в повечето идиолекти, например В. Д-чи [/ и_зąкò пò_нąпрèш ни_нąпрàй //]; Т.В-ва [// нąпрèшнъ сèдни кумъ̀ зą_стòлą /].

19. Наличие на [ръ] и [лъ] от стб. ръ, рь / лъ, ль: явлението е разпространено при повечето информатори, напр. А.И-им [/ гą_ връsàйą нą_бъйрàк /], [// тъй у_нàзи връви /], [/ нą_мръ̀твийą вęликдęн /]; Р.Р-на [/ кòлку връвиш /]; В.Д-чи [// н'àмą кò дą_тръ̀сим /], [// вàнąтą длъ̀гą //];.

20. Наличие на метатеза на [ра] > [ър], [ąр] в думите *врата* и *старна*, например Т. В-ва [/ нą_свòита_си стърнà //]; М. Н-ва [// уткривъм вąртàтą /]; А.Ш-ан [/ зълвити сидът нą_вътàтą].

21. За носителите на формацията тип *с* е характерна употреба на наречието *нąйнò* (от *наедно*) вм. *заедно*, напр. М.С-ов [/и_ǫтивąми нąйнò със_ рòтствęникити /]; Т.В-ва [/ чи_къ̀ту ги_видити нąйнò /].

22. Широко е разпространено изпускането в лингвопотока на гласни и съгласните фонеми, които са с недостатъчна функционална натовареност в комуникативния акт, напр. В.Д-чи [/ и_сą_срèшнąлą з_гèн'ту /], [// н'àмą кò дą_тръ̀сиш /], [/ у_нàс гàту бèш'и /]; А.И-ва [/ уд_нàшта стъ̀рнą /], [/ уд_нèгуўтą стąрнà /], [/ дą_кąлèсвąт крісникą /], [/ и_кàзвą квà с҆мą /], [/ ф_пундèл'ник ф_нàс слàткą рąкийą /], [/нąпрет_кў̀нтą/].

В областта на *граматиката* по-характерните *особености* са:

1. Пъстра е картината при формите на показателните местоимения и наречия – *тòą, тòзи, тòс, тà, тъс, тòвą, тò, тў̀й, тèс, тèз, тè, тийą, т'àвą*; *òнзи, òн'аą, унà, унъс, унвà, уно, ун'à, òнийą*; *тąкъу, тąкòą, тąкòс, тąкис, тòлкус*, напр. А.И-ва [/ тąкòс н'àмąшę /], [/ зимąт унà тąлигą /], [/ но_тугивą тąкòс н'àмąшè /], Р.Р-на [/ шę_ ą_устàйъ тіс мąшинкą /], [/ ąми тąкòс / жàкèти / мъшки //], [/ бàбътą ą_дàлą нą_дъштир'а_си / нą_унъс ąн'҆та лèл'у /], [// тò казàнчи ни_сą_й_ ли_ступи/]; Е.Н-на [// ф_туй врèм'и /]; М. Н-ва [// у_нàс тàм тąкòą дąвлèниę /], [/ жą_си_зèмą тąкъу …/], [// ас ф_тąкѝс далгѝ /].

2. Формите на личното местоимение за 3 л., мн. число, им. падеж са *тŁй, тŁйą, тŁйъ, те*, напр. М.Н-ва [/ ни_знàм кò тий прàйът тàм //]; М.С-ов [/ тийą убичąт нàс /], [/и_тѐ имąт /]; А.И-ва [/ ний си_прàийми аддèл'ну свàдбą / тийъ аддèл'ну //].

3. Формите на личното местоимение за 1 л., мн. число, им. падеж са *ний, ниę*, по-рядко *мий*, напр. М. Н-ва [/ и_ний гą_уткл'учąхми //]; М.С-ов [/ ний сą_ужѐнийми_сą /], [/ ниę шą_изл'àвąми /]; А.И-ва [/ ний си_прàийми /], [/ ниę сą_збрàхми /]; А.И-им [/ ний нę_жув'àхми /], [/ а_пък нийę чąкàйми //]; Г.К-як [// и_мий съ_дилихми /].

4. Формите на личното местоимение за 3 л., ед. число, ж. род, вин. падеж са *гą (ą)*, по-рядко *йą*, напр. М. Н-ва [/ ти тр'àбą дą_гą_чàкъш /]; А. Ш-ан [/ тугàвą гą_вòдąт при_млądужѐникъ /]; [/ тòй дą_ą_ нąстіпи /], [// тòй йą_прǫвądѐ ду_дòмą /]; А.И-им [/ гą_ връsàйą нą_бъйрàк /].

5. В идиолектите на някои информатори се срещат форми на личното местоимение за 1 и 2 лице, мн. число, дат. падеж: *нàзи* и *вàзи*, напр. А. И-им [// тъй у_нàзи връви /]; В.Д-чи [// тà спрàвкą дą_дàм нą_вàзи //].

6. Формите за определеност при съществителните, прилагателните и числителните имена от м. род, ед. Число са *-ъ (-ą)*, напр. Р. Р-на [/ аз дѐй нą_пąзàръ /]; А .И-ва [// гудęnŒкą ужѐ приминѐн /]; Т.А-ян [/ ф_пѐрвийą клàс /]. По рядко се среща членна морфема под ударение *-о*, без ударение *-у*, напр. Е. Н-на [/л'ѐгнąлą пусрѐт път'ò //], [// вілку зѐл дą_си_дръпą /]; Р.Р-на [/ му_удр'àзаą крąкò /], [/ и_сѐą стуви пуд_дивàну /], [// му_удр'àзаą крąкò / тòй гуркийǫ сѐгą //]. При всичките информатори от *с*-формация се среща члениване на собствените имена с членни морфеми [-тą], [-ту], [-ą], [-у], напр. Р. Р-на [/ чи_йˌртą дѐ видѐ //], [//с'àдąми с_бàбътą и_с_димчиту дą_йдѐм /], [// лѐл'а ивàнкą духàждą със_сàшку /]; М.Н-ва [// слàвикą ш'àс жą_пулучи /].

7. Среща се употреба на пълни форми за винителен падеж *него*, *нея* вм. показателно местоимение, но явлението няма широко разпространение, напр. М. Н-ва [/ тòй и_сą_би с_нѐгу мъш /], [/ дą_прудàм нѐйą кąлòнкą /].

8. Инверсия на кратките местоименни форми и възвратната частица *се*, напр. А. И-им [/ им_пумàгąм /], [// сą_срęштàхą нàшти рądители /]; Т. В-ва [/ гą_извидą нѐхнийą бъштà /]; Г. К-як [// гу_устàвъш пàк нą_три чѐтири чàсą /].

9. Употреба на наречието *дѐто (дѐту)* за връзка при подчинено определително изречение, напр. В. Д-чи [// упрàх тà крąмплиноvą рòклą и_унà / дѐту бурдòvą бѐши /]; А.И-им [/ тà мˌзикą / дѐту свири на_свàдбąтą /], [/ мòйти ęргѐнч'итą / дѐту сą_ут_сѐлу]; А. Ш-ан [// ф_читвъртък збйрът мумй и йергѐни / ближ'н'и дѐту /].

10. В идиолектите от тази група широко е разпространен синтактичният солецизъм, напр. Г. К-як [// àс най_силну ми_сą_нрàвиши /]; В.Д-чи [// тàм нѐ_й къкту ний //].

11. По-особена морфологическа и словообразователна особеност в преобладаващия тип идиолекти е смесването и пренасянето на словообразователни елементи въпреки схващанията, че морфологическите системи остават незасегнати от процесите на интерференцията [4]. Например българската глаголна флексия *-увам, -овам, -вам* се композира с руски корен и се получават производни от типа на *приглашàвам, фстричàвам, красувам* и др. – М. Н-ва [// натàшą *ąбиш'àвą* дą_си_дòй /], [// искàхą дą_гу_*пąзнąкòмът* със_инò мумичи /]; А. И-им [/ сą_*фстрęч'увàхми* с_нѐгу /], [// гàту съ_*пузнąкòмийми* с_нѐгу /]; В. Д-чи [// *крąсувàлą* бˌлкąтą и_утпрѐжи //]. Съществителните и прилагателните имена, заети от руски език, се подчиняват на правилата за членуване в българския език, напр. Т.А-ян [/ си_дòди ǫт_*шкòлтą* /]; М.С-ов [/ пудир *àрмийąтą* пàк сą_вірнąў нąзàт /]; Ю.Б-ов [пу_идин чил'àк ф_*кòмнатата* /].

Друг характерен маркер, който е резултат от интерференцията от руския език е *акавизмът* – широко разпространен в идиолектите тип *с*, напр. Т.А-ян [/ мòйти рądители /]; М.С-ов [/ и_ас пугąварих със_жęнàтą //]; А.И-ва [/ тòжę радител'ти б'àхą /].

Употреба на предлози под руско влияние: предлог *за* вм. *на*, напр. М. К-ва [/ сѐднąхми зą_màсътą /]; Т.В-ва [/ зą_màсти с'àдът в_двà чàсą дин'à /]; предлог *към* вм. *при*, напр. А.И-ва [/ идът гòсти към_гудениką //]; предлог *про (пру)* вм. *за*, напр. А. Ш-ан [/ мòй дą_рąскàжъ / пру_мòйтą *ж'изн'ą* /].

В диалектната норма присъстват и по-особени *лексикални* елементи. Днес на мястото на книжовната лексема *стая* се използват двете лексеми *кішта* и *кòмната* (заемка от руски), като множествена и събирателна е словоформата *къшт'à*, напр. при информаторите А.Ш-ан [// къштtą_ни бѐш'и мąнинкич'кą / три *кòмнąти* / *кумòркą* / ąйà и_гул'àмątą къштą //] (срв. *casa mare* в румънски – букв. 'голяма къща'; така се нарича гостната стая в една селска къща); [//

и_ф_къшт'àтạ пустилạхми слàмạ / н'àмạши къту *ш'àс* ('сега') *кạвръ* (килими) /]; В.Д-чи [// приз_нèзинтạ къштạ фл'àвạă *дàл'ще* /], [/ и_къ̀кту нạпрàину ф_къшт'àтạ //].

В идиолектите на В.Д-чи срещаме турската лексема *чамур*, която оззначава 'кал'. *Чамурът*, като строителен материал за зидане у татарите, е усвоен и от българите [ра] (Титоров 1903 : 46-47). И днес още в южната част на Бесарабия понякога се строят къщи от чамур, напр. [// и_зạ_чạм̩р и_зạ_унвà н'àмạ /]. Тази лексема е позната по цялата територия на компактното българско население.

В идиолектите на информаторите от *с*-формацията се срещат и редица други лексикални диалектизми, напр. *сạдè* вм. *само* А Ш-ан [/ мумичиạтạ сạдè /]; В.Д-чи [// тàм сàдẹ унà дạскà /]; А. И-ва [/ утивạт при_кумъ / сạдè тъй / нèкọлкọ *нàри* //]; *сàл* вм. *само*, напр. А. И-им [// иннò дитè имạм сàл /]; *плạчè* вм. *килимче, пътека*, напр. А.И-ва [/ и_стàвạт нạ_инò плạчè тъ̀й /]; *пẹшкир* вм. *кірпа*, напр. А. Ш-ан [/ ризạ тàм или _пẹшкир //]; А.И-ва [/ ризạ тàм / пẹшкири //]; *сạбàạлạм* вм. *сутрин*, напр. А. И-ва [/ ф_чàсạ дèсẹт ẹдинàйси сạбàạлạм /]; Р.Р-на [// сабàл'ạн ше_стàниш ф_шèс чàсạ /]; *пъшдй* вм. *царевица*, напр. А. Ш-ан [/ и_пъшòй сạд'àхми /]; тур. *ạйà* вм. *антре*, напр. А.Ш-ан [/ ạйà и_гул'àмạтạ къ̀штạ //]; *киш'à* вм. *ъгъл*, напр. А.И-ва [/ ф_инà киш'à фъф_къ̀штạтạ /]; тур. *алàлем* (като че ли): *аллùм*, напр. Р.Р-на [// къ̀ту димиту ạллèм /]; *пạчèрвичкạ* вм. *кърпа*, напр. Р.Р-на [// пạчèрвичкạтạ ни_дунèси //]; *алис* вм. *точно*, напр. А.И-им [// алис бръзнà / бръзнàтạ //]; *мạнинкạ пàскạ* вм. *Софиин ден* (особено почитан празник в Комрат, а и в цяла Южна Молдова) – [// тà гудинạ *сạфпàдạвạ* и_мạнинкạ *пàскạ* /].

Освен руски и турски заемки, които са най-многобройните в идиолектите, срещаме и заемки от молдовски (румънски) език. Заемки, като апелативна частица *мей (мъй)*, лексемите *улдй* (олио), *л'аушт'àн* (девесил) и др., се използват не само от българите, но и от представителите на другите народности в Комрат.

Библиография

1. Бернщейн, С.Б., Е.В.Чешко, Э.И.Зеленина. Атлас болгарских говоров в СССР. ч. I. Вступительные статьи. Комментарии к картам; ч.II. Карты. М., 1958.
2. Виденов, М., Б.Байчев. Великотърновският език. В.Търново, 1999.
3. Каневска-Николова, Е. Смолянският градски говор. С., 1998.
4. Кючуков, Хр. Социолингвистика и психолингвистика. Психолингвистични аспекти на ранния билингвизъм. С., 1997.
5. Стойков, С. Българска диалектология. София, 2002, с.188-200.
6. Титоров, И. Българите в Бесарабия. София, 1903.

УДК 811.161'37

КОМПЬТЕРНАЯ ДИАГНОСТИКА ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕКЛАМЫ АВТОМОБИЛЬНЫХ БРЕНДОВ

Исакова А.А.
кандидат филологических наук, доцент,
Тюменский государственный нефтегазовый университет, Россия

Abstract. The following article is devoted to the computer diagnostics of automobile advertizing texts. Advertizing is an integral part of our modern life without which we can't exist. People prefer advertizing texts which caused feeling of tranquility and an emotional coziness. The advertizing direct on the good purposes is a problem of modern mankind. Action of the advertizing text always has internal persuasiveness. As a rule the consumers don't want to recognize that their actions and behavior is a result of advertizing impact on mentality including even purposeful programming. Really good advertizing creates not only new needs for goods but it also forms much more difficult mental formations, such as

outlooks, esthetic tastes, social and moral values etc. The psychoanalytic model focuses attention on the relation of people to things and respectively recommends to influence this relation or to change it in order to motivate acquisition of goods or service.

The purpose of our research is to try objectively to estimate a language field and efficiency of advertizing texts by means of the standard technologies quite available to any user of computer means. Our task is to analyze results and to make an approximate portrait of the consumer advertized goods and service. The texts of advertizing of vehicles are in the center of our researching attention.

Our obtained data showed that the semantic perception of a foreign-language pragmonim (commodity brand, a brand) is a problem of its general understanding and orientation of the recipient that is the purpose or the main motive of the received message.

Computer diagnostics of a foreign pragmonim allows assuming and specifying reaction of the consumer to these or those goods. Thus effective advertizing has to be directed at once both on conscious and on unconscious, and on subconscious in the person.

Key-words: The computer diagnostics, automobile advertizing texts, consumers, advertizing impact on mentality, purposeful programming, difficult mental formations, the psychoanalytic model, to focus attention, the relation of people, to estimate a language field, the standard technologies, the consumer advertized goods and service, advertizing, the semantic perception of a foreign pragmonim, commodity brand, a brand, the main motive of the received message, pragmonim, effective advertizing, conscious, unconscious, subconscious.

Реклама является неотъемлемой частью нашей современной жизни, без которой мы не можем существовать, а подсознательная зависимость от рекламы становиться все более действенной и предсказуемой. Люди хотят видеть в ней уважительное отношение к себе и предпочитают, чтобы рекламные тексты вызывали чувство спокойствия и эмоционального уюта. Научиться направлять рекламу на благие цели - такова задача современного человечества. Рекламные тексты являются примерами авторитарного слова адекватно словам матери, отца, взрослых, учителей. В авторитарном слове всегда звучит одна позиция, оно соответствует одной правильной точки зрения. Авторитарное слово требует от нас признания и усвоения, оно навязывается нам независимо от степени его внутренней убедительности и ассоциируется с авторитетностью. [Бахтин, 1986]

Реклама, сама по себе, очень настойчива и агрессивна, требует признания и усвоения, она изначально авторитетна, сообщая нам, на каком автомобиле лучше ездить, о каком можно помечтать, и какой лучше подойдет вашему партнеру. Действие рекламного текста всегда обладает хорошо сделанной внутренней убедительностью. Здесь важно отметить, что потребители, как правило, не хотят признавать, что их действия в рамках покупательского поведения – это результат воздействия рекламы на психику, включая даже целенаправленное программирование. Редко люди могут признаться, что им навязали не существовавшую ранее потребность, лишили возможности сознательного выбора. На самом деле это правда [Исакова 2010]. В связи с этими предлагаемое исследование имеет вполне конкретную практическую направленность: прежде чем начать формировать целенаправленную, грамотную рекламу, необходимо иметь максимально возможную точную информацию о реальной языковой и социокультурной ситуации в рекламе, которая в настоящее время все еще находится в стадии становления.

Когда говорят, что реклама не способна создавать потребности, что она лишь информирует о товарах, которые могут удовлетворить имеющиеся желания, что право выбора остается за потребителем, это не так. Кроме того, хорошая реклама действительно не только создает новые потребности в товарах, но и формирует куда более сложные психические образования, такие, как мировоззрения, эстетические вкусы, социальные и нравственные ценности и др. Причем, происходит это незаметно для человека, на основе действия множества психических процессов.

Психоаналитическая модель акцентирует внимание на отношении людей к вещам и соответственно рекомендует влиять на это отношение или изменять его таким образом, чтобы мотивировать приобретение товара или услуги.

Целью настоящего исследования является попытка объективно оценить языковое поле и эффективность рекламных текстов с помощью стандартных технологий, вполне доступных любому пользователю компьютерных средств. Задача – проанализировать результаты и для того, чтобы составить примерный портрет потребителя рекламируемого товара/услуги. В центре нашего внимания – тексты рекламы транспортных средств. Целевая группа такой рекламы – в основном, автолюбители, конечно, каждая конкретная реклама направлена на более узкую социальную группу.

Для достижения поставленной цели был выбран метод анализа с помощью встроенной в текстовой редактор Microsoft Word 7.0 подпрограммы "Статистика удобочитаемости". Графическая и статистическая обработка результатов анализа была проведена с помощью Microsoft Excel 7.0. Подпрограмма "Статистика удобочитаемости" показывает общие средние количества символов, слов и предложений, а также позволяет оценить показатели легкости чтения текста. Это показатели, характеризующие текст с точки зрения того, насколько должен быть подготовлен читатель для его восприятия [Исакова 2008].

Уровень образования основан на образовательном индексе Флеша-Кинсайда (Flesch-Kincide Grade Level) и показывает, каким уровнем образования должен обладать читатель исследуемого текста. Подсчет делается на основе вычисления среднего числа слогов в слове и слов в предложении. Значение показателя варьируется от 0 до 20. Значения от 0 до 10 означают число классов школы, оконченных читателем. Следующие пять значений - от 11 до 15 соответствуют курсам высшего учебного заведения. Высшие пять значений относятся к сложным научным текстам. Рекомендуемый диапазон - от 8 до 10.

Легкость чтения. Данный показатель основан на индексе легкости чтения Флеша (Flesch Reading Ease). Подсчитывается по среднему числу слогов в слове и слов в предложении. Варьируется от 0 до 100. Чем выше значение, тем легче прочесть текст и тем большему числу читателей он будет понятен. Рекомендуемый интервал значений - от 60 до 70.

Благозвучие. Указывает на удобочитаемость текста с фонетической точки зрения. Подсчет основан на вычислении среднего количества шипящих и свистящих согласных. Интервал изменения показателя - от 0 до 100. Рекомендуемый диапазон значений - от 80 до 100.

Таблица 1. Статистическое сопоставление изучаемых рекламных текстов (реклама автомобилей)

Среднее значение (n= 7)	Количество слов в тексте	Уровень образованности	Легкость чтения	Благозвучие
Тексты рекламы транспортных средств	52.1	4.4	92,9	91,1

Таблица 2. В таблице приведены средние показатели удобочитаемости (уровень образованности, легкость чтения и благозвучие) для всех рекламных текстов в целом

условное название рекламы	уровень образования	показатель легкости восприятия	благозвучие
1.MERCEDES-BENZ	4,6	92,4	89,8
2. SAAB	2,9	97,2	92,2
3. CADILLAC	8,2	82,4	92,5
4. OPEL	3,2	95,2	90,9
5. MITSUBISHI	6,1	89	93,4
6.FORD	1,6	100	89,6
7. CHEVROLET	4,3	93,8	89,4

Итак, проанализируем полученные данные. Как уже говорилось выше, благозвучие текста определяется количеством шипящих и свистящих согласных. Из приведенного ниже графика можно сделать вывод, что уровень благозвучия рекламных текстов очень высок – оптимальный диапазон значений от 80 до 100.

Распределение параметра легкости чтения-восприятия текста, приведенное на рисунке 2, также отличается линейностью. Интересно, при обработке текста рекламы «FORD» компьютерная программа выдала самый высокий показатель –100.

Измерение уровня образованности, требующегося для наиболее эффективного восприятия приведенных рекламных текстов показало, что для их восприятия и понимания не нужно обладать большим запасом знаний.

Рис1. благозвучие рекламных текстов

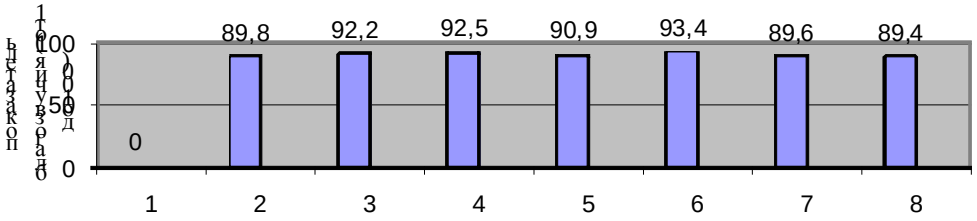
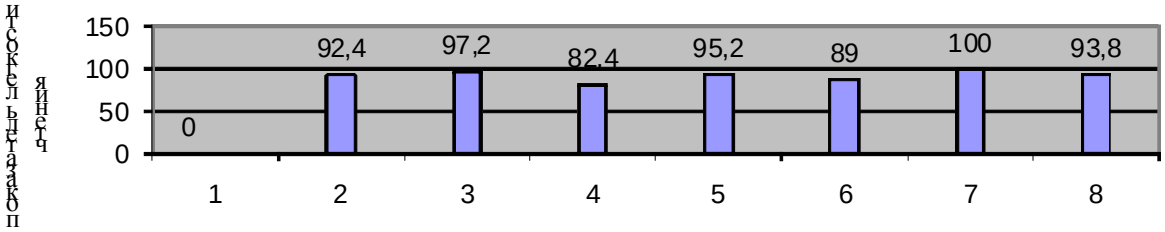

Рис.2 Легкость восприятия текста

Проведенный компьютерный анализ позволяет сделать следующие выводы.

1. Средний уровень образованности зрителя данных рекламных текстов должен соответствовать 5классу средней общеобразовательной школы.

2. По легкости чтения весь анализируемый текст находится вблизи верхней границы рекомендуемых значений, то есть характеризуется как легко воспринимаемый.

3. Среднее значение параметра благозвучия для всех обработанных текстов практически идеально соответствует оптимальному значению (90), что свидетельствует о сбалансированности языка по шипящим и свистящим согласным.

4. Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что данные рекламные тексты полностью соответствуют требованиям к написанию таких текстов, а значит, эффективно выполняют свою основную функцию – побуждают зрителей к покупке.

Полученные нами данные показали, что смысловое восприятие иноязычного прагмонима (товарной марки, бренда) совместно с его прагмонимическим полем – это не только и не столько проблемы общего его понимания, как, прежде всего, проблема ориентации реципиента в том, что является целью или основным мотивом получаемого сообщения. В свою очередь любое рекламное сообщение, как известно, способствует именно продвижению того или иного товара. «Товар – это все, что может удовлетворить нужду, потребность и предлагается рынку с целью привлечения внимания, приобретения, использования и потребления» [Крюкова 2004].

Подводя итог нашего исследования, хотелось бы отметить, что компьютерная диагностика иноязычных прагмонимов позволяет предположить и уточнить реакцию потребителя на тот или иной товар, так как эффективная реклама должна быть направлена сразу и на сознательное, и на бессознательное, и на подсознательное в человеке. Рекламная продукция может быть изготовлена по-разному, в результате чего переданное сообщение также по-разному воспринимается и запоминается, вызывая разной степени готовность к действию. Восприятие и переработка рекламной информации осуществляется под воздействием множества факторов, среди которых

основными являются только три: когнитивный, эмоциональный, поведенческий [Мокшанцев 2000].

Библиография

1. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи в 2-х тт., М: Художественная литература, 1986. – 543с.
2. Исакова А.А. Имя собственное в производстве: эволюция прагмонимического пространства – Тюмень: Печатник, 2008. – 120 с.
3. Исакова А.А. Современная прагмонимия в психолингвистическом аспекте // Известия Самарского научного центра РАН, т. 12, №5(3), 2010. – С. 754-761.
4. Крюкова И. В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности: Монография. - Волгоград, Перемена, 2004. - 288с.
5. Мошанцев Р.И. Психология рекламы. – М., 2000 – 257 с.

УДК 004.9 + 372.881.111.1

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОСТАНОВКИ ПРОИЗНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ НАВЫКОВ УСТНОЙ РЕЧИ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

Кирдякин А. А.
доктор (кандидат) филологических наук, доцент,
Молдавский международный независимый университет, Республика Молдова

Abstract. Current political, economic and social conditions put forward new requirements for the training of specialists in different areas, one of which is the mastering of foreign languages. The concept of foreign language mastering implies the ability to be a participant of the communication process in it. Touching upon the process of communication, we mean primarily oral communication, primary in relation to the writing. Teaching of a foreign language should be organized so that production would be in the leading place in the context of oral communication practices. Mastery of pronunciation and of any other didactical language material covers three levels: knowledge (and understanding), application and integration, as well as all didactical process components: teaching, learning, assessment, generalization.

Keywords: foreign language mastering, communication process, oral communication skills, pronunciation, didactical process.

Современные политические, экономические и социальные условия выдвигают новые требования к профессиональной подготовке специалистов в разных областях, к степени их конкурентоспособности на рынке труда. Это, в свою очередь, выдвигает качественно новые требования к содержанию, формам и способам проведения учебного процесса и профессиональной подготовки.

Одним из таких требований является владение иностранными языками. Понятие владения тем или иным языком предполагает способность быть участником процесса общения на данном языке. Процесс общения является процессом обмена информацией продуктивного и рецептивного (перцептивного) характера на устном и письменном уровне, что, в свою очередь, предполагает наличие коммуникативных навыков: говорение, аудирование (устное понимание), чтение и письмо. Говоря о процессе общения, мы имеем в виду, прежде всего устное общение, первичное по отношению к письменному. То, что после рождения ребёнок овладевает сначала навыками устной, а затем и письменной речи, причём способность овладения письмом зависит от того, как усвоены навыки устной речи, является подтверждением этого. Ещё одним доказательством в пользу первичности устной речи по отношению к письменной является отсутствие собственной письменности во многих языках мира, равно как и само явление неграмотных людей, хорошо умеющих говорить, но не умеющих читать и писать.

Таким образом, первостепенным в практическом овладении языком является овладение произношением на данном языке. Об этом свидетельствует и то, что даже в случае родного языка человек овладевает сначала звуками речи, с помощью которых он может впоследствии образовывать слова и фразы. С другой стороны, наименьшей языковой единицей является фонема, служащая «строительным материалом» и знаком отличия (на синтагматическом и парадигматическом уровнях) для более сложных языковых единиц. Следовательно, преподавание иностранного языка должны быть выстроено так, чтобы одно из ведущих мест занимала постановка произношения в рамках практики устного общения.

Овладение произношением, равно как и любым другим учебным языковым материалом, охватывает три уровня: знания и понимания, применения и интеграции, а также все компоненты учебного процесса: преподавание, обучение, оценивание, тотализацию.

На первом уровне закладывается собственно знание, что служит базой для дальнейшего превращения его в способность или умение на уровне применения и затем в навык на уровне интеграции. Учитывая это, а также то, что в вузе мы имеем дело с взрослыми людьми, привыкшими подходить логически к изучаемым явлениям (как известно, механическая память, присущая ребёнку, с возрастом всё более и более отходит на задний план, уступая место памяти логической), необходимым и обязательным условием для запоминания является понимание. Кроме того, без понимания невозможно практическое применение. Это говорит о необходимости соблюдения принципа сознательности, что, в свою очередь, предполагает в данном случае роль родного языка (а также ранее или параллельно изучаемого другого иностранного языка в соответствующих случаях) как отправной точки в изучении иностранного, как вообще, так и на уровне отдельно взятых языковых разделов и единиц в частности. На практике реализация роли родного языка (а также ранее или параллельно изучаемого другого иностранного языка) в постановке произношения изучаемого языка осуществляется путём сравнительно-сопоставительного анализа звуков речи первого (первых) и второго от последнего к первому.

Степень усвоения фонетического материала языка и выработки связанных с ним продуктивных и рецептивных навыков определяет способность учащегося усваивать языковой материал, относящийся и к другим разделам языка, и вырабатывать продуктивные и рецептивные навыки как устного, так и письменного общения. Те или иные типичные ошибки в грамматике или лексике или неспособность (полная или частичная) усвоить связанный с ними материал и выработать впоследствии на его основе соответствующие умения и навыки зачастую обусловлены факторами, причины которых кроются в проблемах, связанных с неусвоением или неполным усвоением фонетического материала либо с невыработкой или недостаточной выработкой связанных с ним соответствующих умений и навыков.

Говоря о преподавании грамматики и лексики, следует отметить, что в данном процессе, имеющем целью достижение уровня спонтанного общения в повседневной и профессиональной жизни, целесообразно начинать со связности, поскольку она, обеспечивая смысловое и структурное единство иноязычной речи в целом, в спонтанной речи приобретает особую значимость. При помощи совокупности связующих средств достигается не только строгая последовательность изложения, благодаря которой становится возможным однозначное понимание смысла, столь необходимое для повседневного и общения, но и реализуется очень существенная для изложения сведений профессионального характера способность удерживать предмет обсуждения, поворачивая его различными сторонами и плавно переходя от одного предмета к другому.

Навыки спонтанного общения на иностранном языке с изложением не только необходимой информации, но и подбором языковой формы, в которую она облечена, приобретается постепенно. Этому способствует подражание образцам, в частности упражнение, направленное на близкое к образцу воспроизведение деловых речевых оборотов определенной тематической направленности. В результате подобных упражнений у учащихся вырабатывается навык синтезирования с опорой на конкретный образец. Затем должны следовать более самостоятельные упражнения, уже с отходом от образца. Сюда относятся составление развернутых планов и упражнение с целевыми заданиями: сформулировать предложение, сделать запрос/отказ, оформить заказ и т. п., выразив свою точку зрения, привести доводы в пользу или

против чего-либо и т. д. Так постепенно учащийся от этапа познавательного переходит к этапу творческому, от ориентации на образец — к синтезу собственного на основе знаний, полученных путем анализа, и проходя через этап воспроизведения (подражания образцам). Переход к самостоятельному творчеству значительно облегчается, если обучение иноязычной речи представляется как деятельность познавательно-коммуникативного характера.

Как видно из вышеизложенного, роль произношения в процессе обучения иностранному языку состоит не только в том, чтобы заложить основы для дальнейшей выработки навыков устного общения, но и в том, чтобы преодолеть трудности, связанные с неусвоением или недостаточным усвоением учебного материала, относящегося к другим языковым разделам.

Литература

1. Babâră N. Pronunţarea şi ortografia engleză în contextul didacticii (studiu lingvistico-statistic)//Probleme de lingvistică generală şi romanică. Vol. II. – Chişinău, 2003. – P.17-22.
2. Cadrul european comun de referinţă pentru limbi: învăţare, predare, evaluare. – Chişinău, 2003.
3. Enache, Maria. Competenţa comunicativă şi oportunităţile de învăţare: o perspectivă interacţionistă (aplicaţii la limba engleză). – Bucureşti, 2009. URL: http://www.editurauniversitara.ro/media/pdf/4ead08e97e86eCompetenta_comunicativa_si_oportunitatile_de_invatare_..._pagini_tehnice,_cuprins,_introducere.pdf (accesat la 15.11.2014).
4. Богомазова Т.С., Подольская Т.Е. Теория и практика по фонетике немецкого языка (для повышения квалификации преподавателей высшей школы). – Москва, 2005.
5. Волохова Н.Г., Руга Е.И., Кирдякин А.А. Некоторые аспекты применения инновационных методов обучения деловому иностранному языку//Dezvoltarea inovaţională din Republica Moldova: problemele naţionale şi tendinţele globale. Conferinţa internaţională ştiinţifico-practică, 7-8 noiembrie 2013. – Comrat, 2013. – С. 556-559.
6. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика. – Москва, 2004.
7. Коряковцева Н.Ф. Теория обучения иностранным языкам: продуктивные образовательные технологии. – Москва, 2010.
8. Розов Н.Х. Теория и практика инновационной деятельности в образовании. – Москва, 2007.
9. Щерба Л.В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании//http://philology.ru/linguistics1/shcherba-74a.htm#1 (проконсультировано 30.01.2015).

УДК: 372.8:811.111:004

ИНТЕРАКТИВНАЯ ДОСКА КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ МОТИВАЦИИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ

Куртова Е. Р.
магистр, преподаватель,
Комратский Государственный Университет, Молдова

Annotation. The article deals with the analysis of the most effective ways to use the interactive whiteboard in teaching foreign languages, the most successful techniques and types of exercises that lead to increasing the motivation and allow to realize the principle of formation of communicative competences and the principle of learning the language.

Key words: external and internal motive, teaching foreign language, interactive whiteboard, motivation.

В условиях поиска более современных форм и методов работы с целью повышения уровня образования повысился интерес к интерактивным технологиям, использование которых способствует формированию успешной языковой личности.

Как отмечает Г.Л. Салтовская в своей статье: «Теоретические основы новых технологий обучения иностранным языкам», главной целью современной лингводидактики является формирование языковой личности нового типа. Это такая личность, которая способна и готова осуществлять межкультурное общение в разных формах речемыслительной и социокультурной деятельности в условиях активного социального взаимодействия с представителями других культур.

Для формирования такой личности преподаватель должен организовать обучение таким образом, чтобы учащиеся были нацелены на самостоятельный поиск знаний, непрерывное желание находить и постигать новое. Как известно, современное образование это не просто обучение, а становление личности. Личности со сформированными компетенциями, а не просто обученной. Личности, способной мыслить критически, давать свою оценку событиям, происходящим в мире. То, что мы даем нашим учащимся должно быть им необходимо и полезно. Им не интересно заниматься тем, что, как им кажется, в жизни никогда не пригодится. Они хотят действовать здесь и сейчас, а не работать на дальнюю перспективу. Помимо этого крайне важно умение учащихся взаимодействовать не только с учителем, но и между собой во время учебных занятий. Благодаря совместной работе процесс обучения превращается не просто в диалог между учителем и учеником, а в комплексную, системную работу, которая так необходима человеку, вступающему в жизнь в современном мире, который нуждается в конкурентоспособных людях, умеющих решать разносторонние задачи. Именно в этой связи, применение интерактивных методов является не просто полезным, а необходимым.

Психологи рассматривают мотивацию как источник активности. Исходя из этого, важнейшим источником активности является потребность, желание, интерес. То есть, всякое отношение у учащегося строится на потребностях. Часто встречается отрицательное отношение у учащихся к изучению иностранных языков, и они объясняют это сложностью изучения или тем, что изучаемый язык не является практической необходимостью. Низкая мотивация в обучении – одна из главных проблем стоящих перед преподавателями.

При изучении иностранных языков у одного учащегося в качестве потребности могут выступить иноязычные знания, а у другого – возможность сдать сессию без “хвостов”. Итак, в первом случае мотив является побуждающим ученика к деятельности, внутренний по отношению к личности и к учебной деятельности, во втором случае мотив по отношению к учебной деятельности является внешним. Таким образом, в зависимости от связи мотивов с разного вида деятельностью различаются внешние и внутренние мотивы.

Внешние мотивы на занятиях по иностранному языку в первую очередь исходят от преподавателей. Впоследствии принимающих форму, например, подсказок, требований, указаний, и в некоторых случаях принуждений. Они действуют на учащегося, но их действие оказывает негативное последствие, выражающиеся в спаде или полном отсутствии заинтересованности личности учащего в изучении предмета. Поэтому внешние мотивы недостаточно эффективны в процессе изучения иностранного языка.

Под внутренними мотивами понимается осознанная познавательная потребность, которую можно удовлетворить, погружаясь в учебную деятельность. Познавательный мотив приобретает в деятельности личностный смысл, благодаря которому изучение иностранных языков приобретает для учащегося самостоятельную ценность. И именно при такой мотивации учащийся с большей легкостью может справиться с трудностями, появляющимися на пути усвоения. Иными словами сам учащийся должен захотеть что-то сделать. Мощный источник мотивации учащегося находится в нем самом.

По мнению многих преподавателей, информационные технологии являются мощным средством обучения, и одним из актуальных нововведений стало активное использование интерактивной доски как средства повышения мотивации и совершенствования коммуникативных компетенций за счет интерактивности, наглядности и динамичности подачи материала. Если учащийся от мотива “внешнего” придет к “внутреннему” мотиву, то это значительно повысит

продуктивность и качество изучения иностранного языка. Использование в процессе изучения интерактивной доски способствует решению этой задачи и несет в себе огромный мотивационный материал.

Интерактивные доски есть во многих учреждениях образования нашей республики, но не везде ими активно пользуются, так как для работы с доской необходимо лицензионное программное обеспечение, найти его не просто, да и опыта работы с подобным обеспечением у преподавателей нет.

На сегодняшний день наиболее популярным программным обеспечением для интерактивной доски являются программные оболочки «Notebook» и «Lynx 4», они просты в применении, удобный интерфейс облегчает процесс создания интерактивных заданий. Данное программное обеспечение позволяет одновременно работать с текстом, графическим изображением, видео, и аудиоматериалами, управляя процессом работы с помощью указки по сенсорной поверхности доски.

Возможность анимации, перемещение объектов, изменение и выделение наиболее значимых элементов при помощи цвета, шрифта позволяют задействовать визуальные, аудиальные, а также кинестетические каналы усвоения информации, что особенно актуально для учащихся, для которых именно кинестетический способ восприятия информации является наиболее эффективным. Рассеянные ученики лучше воспринимают информацию, размещенную на большом экране, это активизирует их воображение, и усвоение материала не вызывает затруднений. Студенты работают сообща, придумывают и обсуждают новые идеи, комментируют изображение. Они учатся успешно проявлять свою самостоятельность, сотрудничать с одноклассниками и учителем, развивают коммуникативные качества. В результате повышается мотивация и активизируется познавательная деятельность учащихся. Создание на уроках и во внеурочной деятельности доброжелательной атмосферы доверия и сотрудничества поднимает авторитет учащихся среди одноклассников, помогает верить в себя.

Кроме того, программные оболочки «Notebook» и "Lynx 4” позволяют четко структурировать занятия. Возможность сохранять уроки, дополнять их записями улучшает способ подачи материала. Страницы можно просматривать в любом порядке, демонстрируя определенные темы и возвращаясь к изученному материалу, а рисунки и тексты перемещать с одной страницы на другую. Очень удобно размещать иллюстрированные задания на слайде при выполнении тестовых заданий и самостоятельных работ или в рамках обобщающего урока. Большой экран и наглядность позволяют разрешить вечную проблему раздаточного материала.

Особыми преимуществами обладает интерактивная доска для обучения иностранным языкам. Заранее подготовленные тематические тексты, обучающие и проверочные упражнения, иллюстрации, аудио и видеоматериалы служат опорой для введения или активизации материала урока, повторения и закрепления речевых моделей и грамматический структур, совершенствования навыков чтения и восприятия иноязычной речи на слух, контроля и самоконтроля знаний.

Работа с интерактивной доской обеспечивает преемственность, полноту и согласованность логической подачи материала при изучении языковых аспектов и совершенствовании умений и навыков учащихся, а также в процессе формирования социокультурной компетенции для презентации страноведческого материала по географии, культуре, истории, традициям стран изучаемого языка. Необходимую информацию можно найти непосредственно в процессе работы с доской, т.к. программные оболочки снабжены функциями «Поиск» и «Поиск Google». Большим подспорьем учителям иностранного языка в процессе подготовки уроков и интерактивных заданий станут рекомендуемые производителями ссылки www.iwb.org.uk, www.skolplus.se, www.teachers.tv.

На уроках английского языка интерактивная доска может применяться на различных этапах урока и при обучении различным видам речевой деятельности: во время фонетической и речевой зарядки, введения и отработки лексики и речевых моделей, активизации грамматического материала, обучению правописанию и восприятию иноязычной речи на слух.

При обучении чтению используются приемы «Установление соответствий», «Восстановление деформированного текста», «Текст с пропусками», «Выделение необходимой информации».

Коммуникативную ценность при обучении говорению имеют задания «Незаконченное предложение», «Соотнесение реплик в диалоге», « Установление соответствий». Полезной при создании подобных заданий является флэш-анимация, готовые схемы можно найти в интернете и заполнить их необходимым тематическим материалом.

При введении лексического материала наиболее эффективными являются такие приемы как: «Распределение на группы», «Убери лишнее», «Сопоставление», «Заполнение пробелов». Для разработки данных заданий используется функция клонирования, которая позволяет увеличить количество одинаковых объектов. На их материале можно не только вводить новые лексические единицы, но и обучать постановке вопроса, составлению высказывания, организации речевой ситуации, что способствует развитию коммуникативных умений.

Аудиозаписи, сделанные носителями языка, удобный интерфейс, игровая форма позволяет заинтересовать ученика и добиться определенных результатов при обучении восприятию и пониманию иностранной речи на слух. Анализируя возможности программных оболочек при работе с аудио и видеоматериалами, следует отметить, что в программной оболочке "Notebook" процесс прослушивания и просмотра непрерывен. Программная оболочка "Lynx 4" позволяет останавливаться, повторять, возвращаться к нужному моменту, что облегчает процесс восприятия и понимания иноязычной речи и дает больше возможностей для работы с фрагментами аудиотекста и видиофильма. На интерактивной доске можно захватывать видео изображения и отражать их статично, чтобы иметь возможность обсуждать и добавлять к ним свои комментарии.

При обучении письменной речи и правописанию наиболее эффективными являются задания «Заполнение пробелов», «Восстановление деформированного текста», «Текст с пропусками». Большим подспорьем выступают функции «Шторка», которая позволяет быстро и эффективно организовывать контроль, и «Прозрачность», благодаря которой можно высвечивать правильные варианты.

При отработке грамматического материала можно использовать приемы: «Найди ошибку», «Убери лишнее», «Заполнение пробелов», « Текст с пропусками», «Создание схем», «Лингвистические игры». В данном виде деятельности нам на помощь приходит режим Граффити. Написать-начертить, дорисовать-нарисовать, подчеркнуть-зачеркнуть – все это доступно с помощью электронных перьев (на лотке, либо на панели инструментов). Во время презентации грамматического явления можно представить схему, используя разные цвета для привлечения внимания учащихся к тому или иному аспекту. Часть материала можно скрыть, используя функцию «шторка». При изучении отдельных речевых конструкций целесообразно использовать тесты с пропусками, которые позволяют контролировать сформированность грамматических навыков быстро и эффективно. Можно использовать электронные учебники и видеоуроки. Интерактивную доску можно использовать не только на уроках, но и на факультативных занятиях, во время проведения внеклассных мероприятий, например страноведческих викторин.

Использование интерактивной доски в учебном процессе значительно повышает эффективность усвоения материала учащимися при значительной экономии времени, а также мотивирует учеников на получение знаний и успешность. Работа на уроке становится живым действием, вызывающим у ученика неподдельную заинтересованность, а также способствует совершенствованию практических знаний и речевых умений, развитию социокультурной компетенции учащихся, совершенствованию навыков общения на иностранном языке.

Наряду со многими преимуществами, подготовка урока с использованием интерактивной доски является трудоемким процессом и требует больших затрат времени. Применение ее на уроке должно быть дозированным. Согласно нормативной документации требуется учитывать, что при компьютерном сопровождении уроков общее время работы ученика с компьютером не должно превышать 15-20 минут, то есть менее половины урока. Можно использовать компьютер и интерактивную доску фрагментами по 2 - 5 минут, распределяя время взаимодействия детей с компьютерными программами в режиме фронтальной деятельности на протяжении всего урока. Для групповой формы обучения можно организовать компьютерную поддержку в рамках одного

урока с помощью метода проектов или приема обучения в сотрудничестве. Интерактивная доска в этом случае может быть использована как для постановки проектных задач перед классом, так и для презентации результатов проекта отдельными группами, причем есть возможность переносить изображение с доски на локальные компьютеры и обратно, что увеличивает эффективность работы.

Интерактивная доска позволяет подготовить и провести занятие по иностранному языку на качественно новом уровне, что способствует формированию положительного отношения к учебе, активизирует познавательную деятельность учащихся, усиливает мотивацию в обучении.

Использование интерактивной доски на занятиях по иностранному языку на сегодняшний день может конкурировать с электронными учебно-методическими комплексами, печатными изданиями, во многом превосходя по разнообразию дидактических средств представления языкового материала и по уровню мотивированности учащихся.

С использованием интерактивной доски занятия становятся интереснее и увлекательнее. Учащиеся, которые с неохотой занимались изучением иностранного языка, постепенно вовлекаются в учебный процесс. Это объясняется тем, что многие хорошо ориентируются в интернет пространстве и активно используют в повседневной жизни различные электронные устройства. Зная, что многим интересно работать с различными техническими устройствами, и учитывая подобные интересы и увлечения учащихся, можно построить такое занятие, где будет совмещено “приятное и полезное”. Так почему же это не использовать?

Но не следует забывать, что интерактивная доска не способна сама ничему научить, так как это всего лишь технический инструмент в руках педагога и учащихся. И результаты работы зависят от того как умело она будет “играть” в процессе обучения обратной связи, сочетания коллективных, групповых и индивидуальных форм работы, а также личностно-ориентированного обучения.

Таким образом, педагогические возможности электронной доски как средства обучения по ряду показателей намного превосходят возможности традиционных средств реализации учебного процесса, способствуют совершенствованию учебного процесса, активизируют и делают творческой самостоятельную и совместную работу учащихся и учителя. Благодаря интерактивной доске дети с большим удовольствием учатся и их результаты улучшаются.

Библиография

1. Зубрилина Инесса Владимировна «Интерактивная доска на уроках иностранного языка» http://pedsovet.su/
2. Казарьянц К.Э., Кочарова Е. Интерактивные технологии обучения // Материалы всероссийской конференции: Молодая наука Ч. 14. Пятигорск, 2009. С.153-154.
3. Красножонова Е. С. Использование интерактивной доски на уроках иностранного языка в средней школе // Иностранные языки в школе № 9, 2011. С.28-32.
4. Балабанов В.Б., Перунова А.В. О некоторых особенностях использования электронных учебно-методических комплексов при обучении иностранным языкам/В.Б.Балабанов, А.В.Перунова // аспекты современной лингвистики и лингводидактики: материалы Междунар. науч. конф., г. Волгоград, 18 окт. 2013 г. / под.ред: Н. Л. Шамне; Федер. гос. авт. образоват. учреждение высш. проф. образования «Волгогр.гос. ун-т», Ин-т филологии и межкультур. коммуникации, Каф. ром.-герм. филологии. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2013. – 709 с., С.571-575
5. Маслоу А. Мотивация и личность / А. Маслоу // PSYLIB [Электронный ресурс]. – 2000. – Режим доступа:http://www.psylib.ukrweb.net/books/masla01/index.htm
6. Никишина В.О. Интерактивные методы обучения иностранному языку URL:http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2012/II/uch_2012_II_00022.pdf С.1-5
7. Перунова А.В. Значение мотивации при изучении иностранного языка / А.В. Перунова // Актуальные вопросы права, образования и психологии : сб. науч. трудов / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилевский высший колледж Министерства внутренних дел Республики Беларусь»; редкол.: Ю. П. Шкаплеров (отв. ред.) [и др.]. – Могилев: Могилев. высш. колледж МВД Респ. Беларусь, 2014. – 200 с.

8. Перунова А.В. Интерактивная доска как средство повышения мотивации в изучении иностранных языков // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 10 URL: http://human.snauka.ru/2014/10/8040
9. Салтовская Г.Н. Теоретические основы новых технологий обучения иностранным языкам // Материалы международного научно-методического симпозиума: Лемпертовские чтения VIII. Пятигорск, 2006. С.192-197.

УДК: 811.111’373.43

NEOLOGISMS AND THEIR CRITERIA AT THE SYNCHRONIC ANALYSIS

Куртова Е. Р.
магистр, преподаватель, КГУ, РМ
Сулак С.К.
доктор, доцент, КГУ, РМ

Abstract. Language as a social phenomenon is a means of human communication and it is in constant movement. Nowadays, the study of neologisms and their fate in the language can be a serious and interesting research process of changing the lexical structure of the language. In this context, in the given article there is touched upon the study of neologisms in modern English language, the analysis of the neologism from synchronic aspect and its impact on the lexical structure of the language, the determination of the reasons for the appearance of neologisms in the language and the ways of translating of neologisms.

Key words: neologisms, reasons for the appearance of neologisms, synchronic aspect.

Neologisms as a linguistic phenomenon can be seen from different aspects: time (synchronic), geographical, social and communicative. Nowadays, the study of neologisms and their fate in a language can be a serious and interesting research process of the changing lexical structure of the language. Any language is a phenomenon that is changing and developing. Every era leaves its marks on the language: it calls into being new words and carries away old ones which are useless for the language.

Marjorie Garber, American academic and writer precisely describes the subject under discussion “Yesterday's neologisms, like yesterday's jargon, are often today's essential vocabulary”[1]

The main point is that yesterday's neologisms and slang words turn into usual and habitual words today. The author of the above mentioned quote points out the importance of the new words that enrich the language and allow us to describe successfully our new reality. It is impossible not to agree that the epochs are changing, the values of our society are reorganizing, new kinds of activity make it possible for neologisms to appear and new things that must bare their names are always invented. In short, we suggest talking about neologisms if to translate word-for-word from Greek, about new words.

Neologisms may also happen to have temporality. They assimilate to contemporary words and they have a short existence. Nevertheless, the neologisms are dynamically developing language facts which are worth getting acquainted with. After all it allows us to march in step with the reality of the language we study and learn.

Any changes in social development inevitably involve an alteration in the dictionary. *I. A. Baudouin de Courtenay* wrote, “There is no immovability in the language”.In the language, as well as in general in the nature, everything lives and moves and changes”. This is a striking illustration of the dynamics of the language as a process that creates new words. By the way, the word “neologism” entered the English language at the beginning of the 19th century. In the Russian language it appeared 50 years later.

Neologisms are new words, word-combinations or fixed phrases that appear in the language due to the development of social life, culture, science and engineering. New meanings of existing words are also accepted as neologisms.

Neologisms are new words or expressions, its freshness and singularity are clearly felt by native speakers.

Perhaps, it should be mentioned that the distinctive characteristic of our modern culture is the information revolution. Information technologies and the wide application of them in industry, commerce and everyday life are causing a revolution without parallels in the history of mankind.

As a result, the lexicon connected with computer science is actively replenishing. Among the well-known designations in this area there have appeared such words as *Bug, cable, Dooming, Erob, Floppy, Frob, Gronk, hack, hackish, Hackmemory, HP, IBM, Lamer, mainboard, motherboard.*

The reasons for the appearance of neologisms in the language are usually the following circumstances:

a) expansion of international relations;
b) expansion and increasing role of mass media;
c) scientific and technological revolution;
d) diversity of ideological and political struggle.

The fate of new words is composed in the language differently: some of them obtain recognition very quickly; others have to stand the test of time and they have consolidated their grip on, but not at once and sometimes they are not admitted at all and thus are forgotten. The words that become widespread join the active vocabulary of the language.

The concept of the neologism is variable and relative in time. The word remains a neologism until its novelty is felt. The attention here is drawn to the fact that neologisms have a component of "duration" within the internal time.

This means that there are neologisms which are standard. They are known by native speakers and the frequency of their usage is quite high, but nevertheless they are perceived as something new. For example, the word *"television"* at one time was very quickly adopted into common vocabulary and it became obvious to everybody.

A new word can quickly become widely known and widely used (if the word is succeeding, but the phenomenon that it defines has become a part of life) and only then it ceases to be a neologism and enters the active reserve of the vocabulary.

B. Fleischer, in particular, has written that neologisms cover "a new" unit, the new words that rather soon are not perceived as new, whose novelty is eventually obliterated in due course. Such words as *abstractionism, aircraft, astronaut, bionics, H-bomb, immunize, loud-speaker, plastic, radio, receiver, record, robot, spacecraft* used to be neologisms but gradually due to constant use have lost their novelty and are not considered neologisms any more. Such words may refer to the rank of neologisms only in the historical sense and, consequently, are usually neutral according to synchronous approach.

However, as the facts of the language indicate new lexical items (neologisms), created in a productive way, can appear in speech any time, hence they are not often perceived by speakers as quite common and regular units.

This distinguishes them from the "nonce-words" which usually bear a special stylistic colouring.

Nonce words are neologisms made up by writers and publicists for a special literary effect. They are rarely adopted into common language. For example: *maghag* - "женщина-журналистка, работающая в каком-нибудь печатном издательстве Нью-Йорка". This word was formed from two simple words - *mag(azine) + hag* (ведьма, карга, колдунья, чародейка). It is clearly defined as something negative. This word was appeared once or twice in a New-York newspaper. It appeared as suddenly as it disappeared.

Interestingly, the fate of some of the neologisms which were unable to gain a position in active vocabulary remains in the passive reserve as historicisms.

Neologisms that appear in the language as names of new objects for a long time may remain as a part of the passive vocabulary, if the relevant concepts are not generally recognized. We cannot predict what may happen with such words as, for example, neologisms *a pulsar* (устройство электронного зажигания, используемое автомобилистами), *televiewer* -телезритель , *atomic pile* -атомный реактор, *half life* -период полураспада, *tracer atom*- меченый атом, *to dieselize* - установить дизель, оборудовать дизелем. But as time passes they will either make themselves known or will be forgotten. For instance "*screen sickness*" - что-то вроде "экранной болезни" - то, что вы получите в результате

чрезмерного брожения по интернету или долгого и вдумчивого сидения перед монитором and may be adopted into the common language.

New words which have had very little time to be got used to and which are not registered in the dictionary, have always been of great stylistic interest. For example, *campylobacteriosis* - 2011, Clamorous Reed Warbler (a large Song Thrush-sized warbler at 18-20 cm, 1999), *cyberwidow* (the wife of a man who spends a lot of time working or playing on his computer - used humorously, 2010), *horseburger*, Patagonian toothfish (fish found in cold, temperate waters (between depths of 45 to 3850 m) of the Southern Atlantic, Southern Pacific, Indian, and Southern Oceans on seamounts and continental shelves around most Antarctic islands, 1999), *portfolio career, xenozoonose.*

The use of neologisms in speech is a matter of serious difficulties because the lexical, grammatical, syntactical and stylistic characteristics of many new words have not been fully defined yet. When resorting to the neologisms it should always be stylistically motivated; they should be created in accordance with literary and linguistic norms.

Thus, speaking about new words in the English language and the difficulties of their usage, again and again there should be stressed the need for more accurate knowledge of the semantics of tumors, particularly of the terms as well as the ability to use neologisms, which requires a special care. We should also be careful using the names of everyday and legal significance and we should not confuse them. It is also necessary to remember that many words have changed their assessment, stylistic colouring and the scope of their usage and acquired extraordinary importance or lost their applicability.

One should distinguish between two kinds of neologisms: new words and new meanings, which appeared instead of the "old" words. Both of them present difficulties for translation, because such words and meanings are not found in ordinary English-Russian dictionaries and can not always be found even in the newest English-English dictionaries.

Every translator is well aware that any dictionary is behind in the recording of new words and meanings, at least for a few years. The fact that now new words either are not registered in the dictionaries later than they appear in the language or are not registered at all is not the most serious problem for translators and interpreters.

Another factor hindering the registration of the neologisms both in bilingual and monolingual dictionaries is their temporary, fleeting existence in the language which is also characteristic of slang. Neologisms and other figurative words and phrases, as well as slang appear so quickly, especially in the language of journalism, science and technology, that according to I.R. Galperin, "No dictionary can or should immediately fix their appearance"

That's why the British lexicographers call many neologisms "occasional" which are used unusually or accidentally. The element of "occasionalism" is even more amplified when the neologism is a new word from slang vocabulary which in general, as it has been mentioned above, is characterized by great variability.

What is the translator supposed to do when he encounters a neologism? Therefore, they have to find out the meanings of very new neologisms based mainly on the context.

Ways of translating of neologisms:

- Selection of an appropriate analogue in a target language (*UFO* (unidentified flying object) => НЛО (неопознанный летающий объект))
- Transcription and transliteration (*disk jockey* => диск-жокей)
- Loan translation and calque (*wet market* => мокрый рынок)
- Explanatory translation and descriptive translation (*blue sky laws* => законы различных штатов, регулирующие выпуск и размещение ценных бумаг в целях защиты покупателей от махинаций).

Neologisms are usually formed on the basis of words and morphemes that already exist in the language. The analysis of these words and morphemes is an additional helpful tool in finding out the meaning of the neologism. For this purpose, the translator should remember word-formation rules, in particular the following:

1. Giving words new affixes (i.e. suffixes, prefixes, and endings attached to words/word stems to form new words):

ballistics, n - баллистика - *ballistician*, n - специалист по баллистике *sucker*, n - тунеядец, неудачник, глупец -- *suckerdom*, n - тунеядство, безделье *union*, n - профсоюз - *unionize*, v - входить

в профсоюз *show,* n - выступление, *man,* n - человек - *showman,* n - шоумен - *showmanship,* n - умение показать себя публике

2. Creating of new meaning of existing words:

footprint – an impact on our planet, summit, n - основное значение - пик, вершина горы; новое значение - саммит, встреча на высшем уровне , *egg, n* - основное значение - яйцо; новое значение - авиационная бомба

3. Loanwords (mostly professional and scientific terms borrowed from other languages):

glasnost (from Russian: publicity, openness), *ponzu* (from Japanese: *a sauce* made with *soy sauce* and *citrus* juice), *chuddies* (from Hindi: underpants),

4. Semi-abbreviations (words made up of parts of other words), abbreviations and acronyms: *biosecurity, nomophobia (*an abbreviation for *"no-mobile-phone phobia"* which means a fear of being out of mobile phone contact), *FSU* (the Former Soviet Union) *x-ray, n* – рентген *radar, n* - радар *(Radio Detection And Ranging)laser, n* - лазер *(Light Amplification by Stimulated Emission of Radiation)*

Thus, the actuality of our work is determined by the importance of studying new vocabulary as a means to reflect on the changes occurring in contemporary linguistic culture under the influence of such socially significant factors as computerization, information technology, globalization, etc. In the transitional period of social and economic development, the question of linguistic changes has become one of the central problems in scientific research, as it is an index of dynamics of social and industrial transformation.

Bibliography

1. Marjorie Garber, American academic and writer.*Academic Instrincts,* 2001.
2. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т.- М.: Изд-во АН СССР, 1963.
3. Green J. Bloomsburry Dictionary of New Words. - M.:Вече, Персей. 2000.
4. Linguistics, New words in English, Rice University – 2006.
5. The Oxford Dictionary of New Words (Paperback) by Sara Tulloch, Elizabeth Knowles, 2006.

УДК: 821.512.165.09-Filioglu

VASİ FİLİOGLUNUN YARATMALARI UŞAKLARA DEYNİ

Мутаф Г.Н.
преподаватель, КГУ

Аннотация. The article analyzes the works for children by Gagauz poet Vasily Filioglu. We consider the themes of his works and describe their peculiarities.

Key words: artistic media, metaphor, epithet theme works.

Vasi Filioglunun yaratmaların geniş tematikasında büük er kaplêêr uşak poeziyası da. Küçüklär için şiirlär pek meraklı, çok süretli, ilin düzülü. Şiirlerin dili hem stili kolay, annaşılı, açık. Bu verer uşaklara kolay annamaa, ne isteer sölemää yazıcı.

2004-cü yılda tipardan çıktı Vasi Filioglunun bir kiyadı uşaklara deyni - “Ha, tutunalım kol-kola!”, nereyi girdilär çok şiir, angılarında annadılêr, ani dostluk hem kardaşlık lääzım kol-kola gitsin. Peetçi teklif eder atılmamaa ana dilindän, Vatandan. Kendi şiirlerin çoyunu avtor yazêr uşaan adından. Bölä bir yazmak stili kolayladêr uşaa annamaa peeti, sansın kendini bu şiirdä.

Uşaklar için şiirlerindä yazıcı kullanêr taa sık diil sade üüretmäk neetini, ama şiirlerin önemnii var terbietmäk tarafından da. Okuduynan şiirleri, uşaklarda uyanêr sevda duyguları ana-bobalarına, duuma erinä, naturaya, hayvannara. Şiirlerin stili keskin, zengin, duygulu, çemrek. Peetçinin şiirleri diil pek uzun, ama onnarda saklı derin üüretmäk var. V.Filioglunun uşaklara deyni şiirlerindän annaşılêr, ani avtor bıkmêêr metetmää ana topraamızın gözelliini, yalpaklıını. Hepsi şiirlerin var üüsek maanaları. Onnarın

dili gözäl, pak da kalêrlar uşakların cannarında hem dä aklılarında. Sedef gibi ayırılma sözlär yok nicä unudulsunnar.

Peetçinin tematika genişliindä uşaklara deyni dil teması önemni bir er tutêr. Ana dilinin bürcü kokusunu uşak duyêr ilk sallangaç türküsündän, anasının laflarından. Ana dilini dedelerimiz bizä brakmışlar. Onnar geçirmişlär asirlerdän, kendi dilini koruyarak. Bizä deyni dili koruyup, bezbelli, inanmışlar, ani biz dä onu geleceemizä deyni koruyacez. Ana dili teması açıklanêr bölä peetlerindä, nicä "Ana dilim", angısında avtor acızgannı duygularlan açıklêêr ana dilinin persengeli yolunu hem ecelini:

Ana dilim, ana dilim,
Persengeliydir ecelin ... (8, 4)

Avtor gösterer dilimizin derin köklerini hem açıklêêr can acısını kendi ana dilinä. Yazıcı uydurêr gagauz dilini körpä cannan, bir küçük uşaklan, angısı kalkıncasına kendisi ayaa, geçirer çok zorluk.

Kendi şiirindä V.Filioglu açıklêêr can acısını gagauz dilinä, onun ecelinä, ani pek çok köstek koydular gagauz dilinä, o kalkıncasına ayaa. Yazıcı uydurêr gagauz dilini bir küçük uşaklan, angısı kalkıncasına kendisi ayaa, geçirer çok zorluk. Ölä dä bizim ana dilimiz yavaş-yavaş kalktı ayaa. V.Filioglu şükür eder M.Çakira hem başka gagauzlara, ani onnar ömür verdilär, çalıştılar gagauz dili için: *Ömür verip, çalıştılar*

Çakir-boba hem agalar:
Düzen konup, açıldı iş,
Ana dili olup eriş. (8, 4)

Bu şiirdä var bölä yaraştırmaklar, nicä *'ana dili olêr eriş', 'herbir iplik - diriydir laf''*. Bununnan yazıcı isteer bizä göstermää, nicä bizim dilimiz enikunu kalkındı da başladı peydalanmaa seftä kiyatlar. Sora geler bir çirkin bela gagauz insannarın başına:

Ana dilim hastalanêr:
Okullarda yok ona er,
Hem bu uzêêr kayet yıraa ... (8, 4)

Gagauzlar dayandı buna da. Çok vakıt geçti, ama gagauz dili bildirdi kendisini. Bunnarı hepsini Vasi Filioglu yazêr şiirin bitkisindä. O sansın danışêr gagauz dilinä:

...Mutlu dilim, şükür sana,
Senin bu büük dayanmana!
Çok beklenän geldi günnär,
Gagauzu bildi dünnä! (8, 4)

Ana dili yazıcıya büük kuvet, hoşluk verer. Onsuz o sansın soluksuz. Peetçi danışêr ana dilimizä, nicä bir sevgili dostuna, angısınnan o lafeder, açêr ona üreeni, düşünmeklerini, annadêr ona kahırlarını, umutlarını.Vasi Filioglu sayêr, ani ana dilini insan lääzım sevsin canından. Kendi peetlerindä o ayırdı tenä-tenä uygun lafları, ayırdı öz fikirleri birär-birär. Peetçi danışêr uşaklara, korusunnar ana dilimizi, braksınnar onu ölä gözäl hem şıralı, nicä braktı bizä dedelerimiz.

V.Filioglunun var çok şiiri foklor esabına yazılı, var peetleri masal esabına yazılı. Folklor oynadı pek büük rolu gagauz literaturanın ilerletmäk yolunda.

Peetçinin şiiri "Fasıl dernek" yazılı halk masalına görä**.** İşlär olêrlar bir yortu günündä. Dernää toplaşêrlar hepsi zarzavatlar, angıları, nicä masalda, lafederlär insancasına. Herbiri kendi-kendini meteder. Patlacan deer, ani onun var pek haşlak canı hem kırmızı benizi:

Benizim da kırmızı,
Gözelliim geçlär sizi. (49, 4)

Biber sa kalmamaa deyni geeri, söleer, ani o da kırmızıymış, ama bundan kaarä taa yakıcıymış ta: *Kim burada en yakıcı,*

Göz yaşı akıdıcı? (49, 4)

Bu lafları işittiynän ardey, o da alatlêêr metetmää kendini da deer suvana:

Paralanmaa boşuna,
Almayasın başına. (49, 4)

Sora lafeder başka zarzavatları: morkva, çukundur, trup hem laana, angısı kabarêr onunnan, ani 'en büük baş'. Ama sonunda yaklaşêr bu kabarık dostlara bordey da uslandırêr onnarı, verip bir izin: *Ya gerlişin kol-kola*

(Sevinsin bütün dolay)

Oynamaa bir düz ava,
Siz topraan ki oolları,
Yaşamak hem yolları,
Da insan herbir sizä
Ürektän kär peet düzär. (49, 4)

Şiirdä personajlar – zarzavatlar, angıları lafederlär insancasına hem kaldırêrlar o soruşları, angıları kalkêrlar insanın da arasında, herkezi savaşêr üünmää hem kendini kaldırmaa taa üüsek uura, nekadar kalanı. Bu konuşmayı bitirer bordey, angısı bir aksakal gibi, üüreder, birleştirer hem koyêr zarzavatları düz yola.

Vasi Filioglunun var peetleri, angıları yazılı fabula esabına. Ölä peetlär, nicä: "Avcılar", "Bir tauk, bir horoz" h.b. Peettä "Avcılar" avtor gösterer, nicä iki dost gitmişlär avlanmaa, gezä-gezä karşı gelerlär ayıylan. Ayı savaşêr tutmaa onnarı, ama onnar kaçêrlar, zorlan kurturêrlar. Sora bakêrlar, sanêrlar, ani o tilki, ama, öldürdüynän, görerlär, ani o 'kelemedä sıçan'. Bölä geçer onnarın avcılık günü. Evä gelerlär bişeysiz, boş ellän:

Ozaman yavaş, gelä-gelä,
Saalıklan etiştik evä.
Alêrız kadadan iişi turşu –
Da bu olêr avcı şu konuşu. (80, 7)

Avtor bu peetindä gülmää alêr bölä avcıları, angıları becerämedilär bişey tutmaa. Avtor üüreder bizi, ani lääzım olmaa hererdä hem herzaman açık göz, ozaman hepsi, ne koyacan neetinä, halizdä olacek.

V.Filioglunun var peetleri cümbüş esabında yazılı, angılarında o gösterer gagauzların adetlerini. O ölä peetleri, nicä "Kurban", "Evlenmäk" hem başka da.

Peetindä "Evlenmäk" avtor cümbüş esabına gösterer, nicä ilerki vakıtlarda evlenmää deyni, güvä bir hısımınnan gidärdilär da sorardılar kayılık kızın anasına, bobasına hem kıza. İlktän biz göreriz, ani bu genç olan aarêêr kısmetini gençlerin arasında, ama uurlêêr evli karısına:

Ayol, gidin, durmayın,
Hiç köpää saldırmayın,
Ki duyursaydı kocam,
Ya biri uşaklardan,
Evlenmäk olurdur tez, –
Çıkmaycek bir da ses... (73, 7)

Gördüynän, ani gençlerin arasında kısmeti çıkmêêr, aarêêr taa kartça, ama düşer heptän karda:

- Büün hiç bişey adamam,
Durun, yapayım ikram.
(Neredäydir bastoncuum? –
İhtärlik bastı çocuum.)
Da çıktı topal-topal... (73, 7)

Bunu gördüynän, genç olannarın birisi deer:

- Zor bundan görcän şopar,
Yada pırıldak dönmäk -
Hay geeri biz kaçarak... (73, 7)

Bununnan şiir biter, ama bu genç olan kısmetini ölä da bulamêêr.

V.Filioglu kendi peetlerindä kaldırêr bölä problemayı, nicä naturayı korumak. Büünkü gündä çirkin durumuda bulunêrlar çayırlar, sular, derelär, göllär. Büük acıylan avtor peetindä "Çöşmä" gösterer bizä çöşmenin paasını. Bu belli te bu sıralarda:

Şu yamaç o altında,
Günduusu tarafında,
Kaç yıllar tä aykırlêêr,
Ayozlu bir su akêr... (77, 7)

V.Filioglu yaraştırêr çöşmeyi anaylan, nicä anadan istediynän su, o çevirmeer, ölä dä çöşmä-susuz hiç brakmadı:

... çöşmä, nicä ana,
Brakmadı susuz yanmaa.

Büün da o izmet eder,
Sevgili kalıp bir er. (77, 7)

Avtor çok şükür eder o kişilerä, ani kurdular bu çöşmeyi:

...Kim kurmuş bu çöşmeyi?
Neçin büün dä diil belli?
Bu uura dökmüş kim ter –
Büst görsün lääzımdı er!.. (77, 7)

Ama te geçti vakıt, da avtor, bakıp bu çöşmeyä pek canı acıyêr ona, ani çöşmenin dolayanı kalmış çıplak, bir dä fidan, bir dä çiçek. Yazıcı kabaatlêêr o insanı, ani bakêr evin dolayanını.

Aaraştırarkan V.Filioglunun temasını ana tarafı için, yok nicä esap almamaa, ani bu tema baalı ekmek temasınnan. Peetçi kendisi dä söleer, ani ekmek sıkı baalı topraklan, yaraştırêr anayı topraklan, nicä ana bakêr uşaanı ölä dä toprak besleer bizi. Ekmeecii kabletmää deyni, lääzım toprakta çok işlemää. Nasıl sevinerlär uşaklar, atlayarak mamunun dolayanında, açan o çıkarêr fırından sıcak ekmekleri! Önümüzdä tombarlak, haşlak ekmecik tüter, ama nekadar yol, nekadar zeet o geçti, bizim soframıza düşüncä. Peetindä "Ekmek için söz" V.Filioglu açıklêêr ekmään paasını, onun büük faydasını.

Okuduynan bu şiiri, uşaklar annêêrlar, ani aslıdan ekmeksiz hem susuz biz yokuz, "ekmek-ömür": *Vat mı sanki ölesi,*

"Bän bıktım imää", - desin,
Sofranın ya donaklıı
Laflardan bu azetsin?... (19, 7)

Avtor başarêr şiiri bölä strofalarlan:

-Yok!,- sanêrım diil salt bän –
Büü küçüü hem herbir can,
Düülmesi ki üreemin
Hem saalıı bütün evin
Dalından kopma onun
Nasıl unutmaa bunu!?! (20, 7)

Çıkıp çiftçi aylesindän, Vasi Filioglu unutmêêr dinmäz çiftçileri dä, ekmää büüdenneri, baacıları. O şükür eder onnara, kimin zeetindän, hatırından, terindän düşer ekmecik bizim soframıza. Bu peetin sıralarından görüner çiftçinin raatsız yaşaması, uykusuzluu.

V.Filioglunun tematikasında var şiilär ana için. Laf 'mamu' – ilk laf, angısı uşak söleer çekettiynän lafetmää. Ne var nicä olsun taa ayozlu laftan – mamu. Makar bu laf herbir dildä sölener başka türlü, ama onun paalılıı, temezlii birtakım hepsi halklarda. Yok bişey taa ayozlu bu dünnedä ananın sevdasından kaarä. Anada sevda bitmäz – nicä çöşmedä su. Ana sevda uçsuz-kenarsız.

V.Filioglu gözäl yazdırêr bu gözäl duyguyuyu kendi peetlerindä O deer, ani uşak anasız, nicä sakat kolsuz, nicä kuş kanatsız, nicä daa fidansız, nicä toprak yaamursuz.

Peetindä "Mamu" avtor gösterer, nicä analar büüderlär bizi, gecelärlän uyumêêr. Bu belli te bu strofalarda:

Mamu!...
Hiç bitmäz onda kahır.
Hepsinä güdür hatır:
Kim hasta, kim dedikçi,
Kär yansın bütün içi. (13, 4)

Bu şiirini Vasi Filioglu yazdı ozaman, açan kendi boba oldu. Gördüynän karısının sevinmeeliini peetçi annadı, ne o ana sevinmelii. V.Filioglu üüreder uşakları analara iilik yapmaa, unutmamaa onnarı. Avtor gösterer kendi anasının örneendä hepsi karıların zor ecelini. Ama bakmadan zorluklara, analar ayledä savaşardılar olmaa şen, sevinmää uşaklarına. Bunu Vasi Filioglu gösterer peetindä "Mamu şen güler". O gösterer, nicä zor vakıtlarda uşaklar yardım edärdilär anasına, ani ilinnetmää onun işlerini:

Payettik kär işleri,
Yoktur ne demää:
Doyurêr kim kuşları,
Kim yapêr imää. (76, 4)

Bu peetini avtor yazmış maasuz mamusunun duuma günü için. Burada gösterili onnarın aylesin birleşmesini: kim kuşları doyurêr, kim imää yapêr, kim sofrayı donaklêêr – hepsi savaşêr anaya büük hayır yapmaa. Bu belli te bu strofalarda:

Donaklêêrız sofrayı –
Baka, batü, bän,
Anaya bu – bir hayır,
Sevindir can.
.....
Karanfil, pembä, laalä,
Vazada yok er,
Büün toplu bütün aylä -
Mamu şen, güler. (76, 4)

Bu ayledä mamunun şennenmesi pek paalıydı, ayozluuydu, zerä o çok zeet çekmiş, ama altı uşaa büüttü, ayaa koydu.

Kendi peetlerindä ana-karı tematikasında V.Filioglu açıklêêr bizä anaların-karıların zor yaşamasını, ecelini, kahırlarını, düşünmeklerini. Bu peetlär yazılı büük can duygusunnan, avtor gösterer karının cömertliini, çok türlü raatsızlıını.

Peetindä "Acı türküsü" peetçi gösterer anasının zeetlenmeklerini:

...Göz atêrım kapuya -
zemperä uslu.
Yok kim kaldırsın ayaa,
Yok kim versin su. (22, 7)

Avtor çaarêr bizi unutmamaa en paalı bu dünnedä insanı – anayı. O isteer, ki ananın "kraalı saçları" gücendirmesinnär onu, ama sevindirsinnär uşakların kısmetinnän. Okuduynan bu peetleri uşaklar lääzım bir çıkış kendilerinä yapsınnar, ani anaları lääzım sevmää, korumaa, yardım etmää, ilinnetmää onnarın yaşamasını.

Yazarkan şiirleri uşaklara deyni, belli olêr, ani kendi Vasi Filioglu pek uşakçı. Maasuz oolunun duumasına o yazdı bir şiir 'Ooluma', nerdä gösterer büük sevinmeliini:

O ilk, seftä esnemeciin, -
Güüs dolusu soluk çekmäk,
Haberledi, ani senin
Bizä gelmäm – ii yaşamak. (26, 4)

V. Filioglu isteer, ani oolu hiç bilmesin, ne o prost, insana salt hatır gütsün, bütün yaşamasında neetlerini savaşsın tamannamaa, ayırsın kendi dooru yolunu:

Ha, uyu, da büü gündän.
Üreciim – dolu güldän,
Durmayıp herbir açsın,
Hem sevinç, kısmet saçsın:
Güneşli bitmäz günnär,
Güneşli ballı dünnär,
Çok oluruklunda maavi
Yıldızlar şafklı sünmär. (30, 4)

Vasiliy Georgieviç pek çalışmıştı yapmaa uşaklarına türlü oyuncaklar, ani onnarın küçüklüü olasın kasavetli. Şiirindä 'Sallangaç' avtor danışêr sallangaca bir yalvarmaklan:

Sallangaç, sän, sallangaç,
Üreeni uşaan ya aç.
Küçüklük hoşluu fasıl
Yaşamasına kalsın. (27, 4)

Avtor kullanêr bu şiirdä ölä artistik kolaylıklarını, nicä yaraştırmak, metafora: '*yortarak nicä beygir*', '*bulutlar karşılasın*', '*ürekli duygu yansın*'. Bu artistik kolaylıkları yardım eder avtora taa uygun, taa gözäl düzmää şiirini. Vasi Filioglu isteer, ki hepsi uşakların küçüklüü geçsin meraklı.

Yazıcının uşakları artık büük. Avtorun ilk çocuu evli, onun var kızı. Maasuz unukasına peetçinin var bir şiiri ‘Uyku türküsü’. Avtor yaraştırêr küçük uşaa piliççiklän, güllän. O gösterer, ani dua eder unukasına, isteer, ki onun uykusu raat olsun da saalık ona versin:

Uyu, uyu, piliççiim,
Uykucuk – saalık için.
Gecelär geçsin uslu,
Güüdeciin raatlık duysun.
Bal gibi gelsin düşlär
Çan sestä hem gülüşlär. (29, 4)

Okuduynan şiiri, biz esap alêrız, ani avtor pek isteer unukası çeketsin okumaa da, okuyup onun şiirlerini, dädusunu ansın. Avtor gösterer bütün aylenin sevdasını, hepsi çalışêr bu uşacaa deyni. Bunu biz göreriz bölä sıralarından:

Yum gözçeezini, kızım,
Mamun da ko dinnensin,
İsteycän sucaaz açan,
Maliciin kapu açar,
İşidärsä sesini,
Çuçun da brakmaz seni,
Raat uyu, kızım benim. (29, 4)

Kendi şiirlerinnän V.Filioglu terbi eder uşakları yapmasınnar ölä, ani analar kahırlansınnar, savaşsınnar herkerä analara haber vermää. Peetçi isteer, ki uşakların cannarında herkerä bulunsun er sevgiyä o insannara, angıları baaşladılar onnara yaşamayı.

Vasi Filioglunun şiirlerin tematikası alınma kendi Beşalma küüyün yaşamasından. Burada en ilkin meraklı hem çok gözäl küü tabiatı: daayın, baaların, kırın gözellekleri sabaa zamanında ya avşam vakıdında. Peetçi sevdalıydı ana tarafın gözelleklerinä da, bezbelli, onuştan bulêr şiirlerindä en uygun epitetleri, metaforaları. Vasi Filioglunun şiirleri süretli hem derin fikiri. Onnarda nicä boncuk dizisindä, annaşılı laflarlan açıklanêr peetçinin iilikçi hem inan ürää halkımızın aydın geleceenä. Bucaan şekili da büük er kaplêêr avtorun yaratmalarında, neçinki ilk adımnarı o bu toprakta yaptı, burada büüdü, topraanı hem insannarı sevdi da bütün yaşamasını onnarlan kendisini baaladı.

V.Filioglunun lirikası zengin hem türlü-türlü, onuştan onu yok nicä esaba almasın bir da okuyucu. Peetçinin yaratmaları çok açık göstererlär gagauz halkın zengin sözünü hem şen tabeetini.

Bibliografiya

1. Bulgar S.S. Vasi Filioglu.// Sabaa yıldızı. № 9, 1999., s.14-17
2. Bulgar S.S. Vasi Filioglu.// Sabaa yıldızı. № 37, 2007., s.5-8
3. Bulgar S.S. Vasi Filioglu.// Sabaa yıldızı. № 44, 2009., s.3-5
4. Filioglu V. Ha, tutunalım kol-kola! Komrat. 2004., 92 s.
5. Filioglu V. Can sızıntısı. Kişinöv. 2005., 191 c.
6. Илкйаз туркусу. Под ред. С.С.Куроглу. Кишинев. !989., 300 с.
7. Филиогло Васи. Йыл кушаан корафлары. Пеетлäр. Кишинев. 1995., 111 с.

УДК: 81(100):008:1:316.74

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

Начогло Н.В.
магистр, старший препод.
Комратский государственный университет, Молдова

Abstract. The article deals with the notion of ‘picture of the world’, and suggests the interpretation of the terms ‘linguistic picture of the world’ and ‘scientific picture of the world’. The views of scholars concerning the ‘picture of the world’ are mentioned.

Keywords: picture of the world, linguistic picture of the world, scientific picture of the world.

В основе современной цивилизации лежит многообразие культур, которые находятся в постоянной взаимосвязи и взаимодействии. При этом каждая культура имеет свою языковую систему, с помощью которой её носители общаются друг с другом. Значение языка в культуре любого народа трудно переоценить. Каждая наука в этой оценке обычно подчёркивает свой акцент. В культурологической литературе значение языка чаще всего сводится к следующим оценкам:

- язык – зеркало культуры, в котором отражаются не только реальный, окружающий человека мир, но и менталитет народа, его национальный характер, традиции, обычаи, мораль, система норм и ценностей, картина мира;
- язык – носитель культуры, так как именно с помощью языка она передаётся из поколения в поколение; дети в процессе инкультурации, овладевая родным языком, вместе с ним осваивают и обобщённый опыт предшествующих поколений;
- язык способствует идентификации объектов окружающего мира, их классификации и упорядочению сведений о нём;
- язык – инструмент культуры, формирующий личность человека, который именно через язык воспринимает менталитет, традиции и обычаи своего народа, а также специфический культурный образ мира.

Язык является продуктом ментальной деятельности, средством общения человека, и отражает различные стороны его жизнедеятельности, среду обитания и восприятие бытия. Основными функции языка являются отражение и построение модели мира, опыта и передача этой модели мира и опыта.

В современной научной литературе, помимо термина *языковая картина мира*, можно встретить также словосочетания *картина мира*, *научная* и *наивная картина мира*. В связи с этим **целью** данной статьи является определение термина *языковая картина мира,* что необходимо для практических аспектов изучения языковой картины мира гагаузского этноса, определения временных и пространственных отношений в гагаузской языковой картине мира.

Теоретической базой послужили труды зарубежных ученых-лингвистов В.Гумбольдта, Э.Сепира, Б.Уорфа, Й.Л.Вайсгербера, и О.А. Корнилова.

Понятие «Картина мира» используется весьма активно представителями самых разных наук: философии, психологии, культурологии, гносеологии, когнитологии, лингвистики. Конкретизируясь дополнительными определениями — «научная», «историческая», «физическая», «биологическая»..., «языковая», понятие «картина мира» входит в обиход еще большего числа областей научного знания.

Согласно доктору культурологи Корнилову О.А.«любое толкование понятия ЯКМ не может претендовать на абсолютную истинность, поскольку это не объективно существующая реалия, а умозрительное построение, используемое его создателями для решения каких-либо теоретических или практических задач» [3, с. 4]. Разные исследователи, исходя из своих научных интересов и целей, могут наполнять понятие ЯКМ различным содержанием, подразумевать под ним нечто отличное от других толкований.

Применительно к лингвистике *картина мира* представляет собой систематизацию плана содержания языка. «Любой национальный язык выполняет несколько основных функций: функцию общения (коммуникативную), функцию сообщения (информативную), функцию воздействия (эмотивную) и, что особенно важно, функцию *фиксации и хранения всего комплекса знаний и представлений данного языкового сообщества о мире*» [3, с. 4]. Такое универсальное, глобальное знание — результат работы коллективного сознания — зафиксировано в языке, прежде всего в его лексическом и фразеологическом составе.

В современном понимании картина мира – это своего рода портрет мироздания, это некая копия Вселенной, которая предполагает описание того, как устроен мир, какими законами он управляется, что лежит в его основе и как он развивается, как выглядят пространство и время, как взаимодействуют между собой различные объекты, какое место занимает человек в этом мире и т.п. Наиболее полное представление о мире дает его научная картина, которая опирается на важнейшие научные достижения и упорядочивает наши знания о различных свойствах и

закономерностях бытия. Это целостная и одновременно сложная структура, в которую может быть включена как общенаучная картина мира, так и картины мира отдельных частных наук, которые в свою очередь могут опираться на целый ряд различных концепций, постоянно обновляющихся и видоизменяющихся.

Наивная картина мира отражает материальный и духовный опыт какого-либо народа, говорящего на том или ином языке. Наивная картина формируется под влиянием культурных ценностей и традиций той или иной нации, актуальных в определенную историческую эпоху и находит свое отражение, прежде всего, в языке – в его словах и формах. Используя в речи слова, несущие в своих значениях те или иные смыслы, носитель определенного языка, не осознавая, принимает и разделяет определенный взгляд на мир.

Так, например, в языковом сознании гагаузов, очевидно, интеллектуальная жизнь связана со словами «kafa»/ «akıl», а эмоциональная — с «ürek», «canım»: *aklına gelmää, aklına getirmä, aklında tutmaa akıl vermä, akıllı çocuk, akılsız adam, akılsızlık, akıldan bozulma*a; *kafalı, derin kafalı, iilin kafada, boş kafa, kafa düümää; kafa yapêr – ayaklar çeker; nända yok kafa, yazık ayaklara; akılsız başın zaametını ayaklar çeker; can acısı, canım acêêr, canı suada (отходчивый), canı yakmaa (canımı yaktı), can sıkılmaa (canım sıkılda), cana yakın, üreenä görä, ürek vermää, ürek satmaa, üreklenmää, (bütün) ürektän, açık ürekli* [ГРМС].

В языковом сознании тюрков концепты *день* как освещенная часть суток и *солнце* неразрывно связаны между собой, так как эти два значения исторически сочетались в одной лексеме *kün* ʻсолнце; день’ [ДТС]. Таким образом, тюрки зафиксировали в языке периодичность появления светила на небе, а не его круглую форму, яркость, исходящие от него свет и тепло, совершение видимого вращения вокруг Земли [10, с 101]. Хоть в современном гагаузском языке, как и в современном турецком, в значении *ʻсолнце’* используется не слово *gün*, а производное от него *güneş*, устаревшее значение *gün* продолжает жить в языке и сознании носителей: *gün duuması* ʻвосход солнца’ (букв. ʻрождение солнца’ или ʻрождение дня’), *gün batısı* ‘запад, заход (солнца)’, *gün kauşêr* ʻсолнце садится’, *gün kauşmasında* ‘на закате (солнца)’, *gündüz* ‘днем (в светлое время суток)’.

В повседневной жизни люди сознательно пользуются наивными понятиями. Объективные научные знания имеются в виду, но не разрушают наивного миропостроения, сложившегося в период «оязыковления» донаучно познаваемого мира. Ядро ЯКМ остается практически неизменным.

Вопрос о языковых картинах мира восходит к работам основоположника теоретического языкознания немецкого ученого Вильгельма фон Гумбольдта (1767-1835).

Лингвистикой В. фон Гумбольдт в основном занимался в последние полтора десятилетия жизни, после отхода от активной государственной и дипломатической деятельности. Одной из первых по времени работ был его доклад «О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития, в котором он высказывает идеи, связанные с так называемой стадиальной концепцией языка. Эти идеи были основаны на анализе значительного количества языков: ученый обладал огромными познаниями, охватывающими языки от баскского до туземных языков Америки в одном направлении и до малайско-полинезийских в другом. Такая масштабность познаний обеспечивала ему необычайную широту лингвистического кругозора и служила основой для точных наблюдений и выводов.

В. фон Гумбольдт выделял три этапа развития языка. Первый этап - период происхождения языков. На первом этапе происходит «первичное, но полное образование органического строения языка». Второй этап связан со становлением языков, формированием их структуры. Третий и последний этап языковой истории начинается с момента, когда язык достиг «предела законченности организации». Язык уже не развивается, но и не деградирует. Однако в органическом строении языка и его структуре может до бесконечности происходить более тонкое совершенствование языка. Совершенствование языка тесно связано с историческим развитием соответствующего народа.

В. фон Гумбольдт заявляет, что мышление не просто зависит от языка вообще, т.к. в определенной степени определяется каждым отдельным языком. Здесь уже сформулирована так называемая гипотеза лингвистической относительности, выдвигавшаяся учеными, в частности, Б.

Уорфом, и в XX в.

Гумбольдт указывает на прочную взаимосвязь национального языка и характера народного мышления. По мнению ученого, язык неотделим от человеческой культуры и представляет собой важнейший её компонент. По сравнению с другими сферами культуры язык менее всего является сознательным творением: он исходит из таких глубин народного духа, которые народ и сам не осознает. Ни один носитель языка не может произвольно вмешиваться в него, менять его по своему желанию, но в то же время каждый из нас в каждодневной своей речи оказывает неизбежно определенное влияние на язык.

В. фон Гумбольдт утверждает, что язык развивается по законам духа. Психологический склад народа, его образ мыслей, философия, наука, искусство и литература, то есть все, что входит в понятие духа народа, определяет мировидение этого народа, которое находит отражение в языке. Язык является, таким образом, своеобразным промежуточным миром, находящимся между народом и окружающим его объективным миром. Таким образом, В. фон Гумбольдт ставит вопрос о языковых картинах мира, высказывая точку зрения о том, что многое в представлении каждого человека о мире обусловлено его языком.

Глава неогумбольдтианского направления в Германии, Йохан Лео Вайсгербер (1899–1985), один из крупнейших лингвистов XX века, ввел понятие *языковой картины мира* в лингвистику. Он выдвигает на первый план мировоззренческую, субъективно-национальную сторону языковой картины мира, проистекающую из факта, что в каждом языке представлена особая точка зрения на мир - та точка зрения, с которой смотрел на него народ, создавший данный язык. Сам же мир будет оставаться в тени этой точки зрения. Начиная с 50-х годов Л. Вайсгербер указывает в языковой картине мира на аспект, связанный с воздействием картины мира, заключенной в том или ином языке, на познавательную и практическую деятельность ее носителей. Он считал, что воздействие языка на человека, в первую очередь проистекает из своеобразия его языковой картины мира.

Основными характеристиками языковой картины мира, которыми её наделяет Л. Вайсгербер, являются следующие:

- языковая картина мира - это система всех возможных содержаний: духовных, определяющих своеобразие культуры и менталитета данной языковой общности, и языковых, обусловливающих существование и функционирование самого языка;
- языковая картина мира, с одной стороны, есть следствие исторического развития этноса и языка, а, с другой стороны, является причиной своеобразного пути их дальнейшего развития;
- языковая картина мира как единый «живой организм» чётко структурирована и в языковом выражении является многоуровневой. Она определяет особый набор звуков и звуковых сочетаний, особенности строения артикуляционного аппарата носителей языка, просодические характеристики речи, словарный состав, словообразовательные возможности языка и синтаксис словосочетаний и предложений, а также свой паремиологический багаж. Другими словами, языковая картина мира обусловливает суммарное коммуникативное поведение, понимание внешнего мира природы и внутреннего мира человека и языковую систему;
- языковая картина мира изменчива во времени и, как любой «живой организм», подвержена развитию, то есть в вертикальном (диахроническом) смысле она в каждый последующий этап развития отчасти нетождественна сама себе;
- языковая картина мира создает однородность языковой сущности, способствуя закреплению языкового, а значит и культурного её своеобразия в видении мира и его обозначения средствами языка;
- языковая картина мира существует в однородном своеобразном самосознании языковой общности и передается последующим поколениям через особое мировоззрение, правила поведения, образ жизни, запёчатлённые средствами языка;
- картина мира какого-либо языка и есть та преобразующая сила языка, которая формирует представление об окружающем мире через язык как «промежуточный мир» у носителей этого языка;

- языковая картина мира конкретной языковой общности и есть её общекультурное достояние.

Особенно сильным, с точки зрения Л. Вайсгербера, является воздействие языка на такие сферы духовной культуры, как религия, наука, искусство и политика. Это воздействие в истории культуры в одних случаях способствовало культурной эволюции, а в других - препятствовало.

Л. Вайсгербер допускал лишь относительную свободу человеческого сознания от картины мира, навязываемой родным языком. Человек в рамках этой картины может совершать некоторый маневр, который и делает его индивидуальностью. Но своеобразие личности, о котором говорит ученый, всегда ограничено национальной спецификой его языковой картины мира. Вот почему француз всегда будет видеть мир из своего языкового окна, русский – из своего, китаец – из своего и т.д. Вот почему, как и Э.Сепир, Л. Вайсгербер мог сказать, что люди, говорящие на разных языках, живут в разных мирах, а вовсе не в одном и том же мире, на который навешаны лишь разные языковые ярлыки.

Развитие ряда идей Гумбольдта, касающихся понятия языковой картины мира, было представлено в рамках американской этнолингвистики, прежде всего, в работах Э.Сепира и его ученика Б.Уорфа, известное сейчас как гипотеза лингвистической относительности, согласно которой структура языка определяет структуру мышления и способ познания внешнего мира. Она была разработана в 30-х годах XX в. в США в рамках этнолингвистики. Согласно этой гипотезе логический строй мышления определяется языком. Характер познания действительности зависит от языка, на котором мыслит познающий субъект. Люди членят мир, организуют его в понятия и распределяют значения так, а не иначе, поскольку являются участниками некоторого соглашения, имеющего силу лишь для этого языка.

Познание не имеет объективного, общезначимого характера; “сходные физические явления позволяют создать сходную картину вселенной только при сходстве или, по крайней мере, при соотносительности языковых систем”.

Необычность взгляда Э. Сепира на язык выражается в том, какие функции языка он выделял в качестве основных. Лингвистическая традиция выдвигала коммуникативную функцию языка как важнейшую. Сепир же видел символическую функцию языка главной. Согласно Сепиру язык представляет собой совершенную символическую систему, использующую абсолютно однородные средства для обозначения любых объектов и передачи любых значений, на которые способна данная культура, независимо от того, реализуются ли эти средства в форме реальных сообщений или же в форме такого идеального субститута сообщения, как мышление. Таким образом, ученый вновь ставит проблему обусловленности культуры языком. Истоки этой лингвистической проблемы, как уже говорилось, находятся в трудах В. фон Гумбольдта.

Интерес Э. Сепира к взаимоотношениям языка и культуры нашел отражение в концепции его ученика Бенджамена Ли Уорфа (1897-1941). Уорф придал более категоричную формулировку мыслям Сепира, полагая, что мир представляет собой калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашей языковой системой. Уорф пишет в статье «Отношение норм поведения и мышления к языку»: «Между культурными нормами и языковыми моделями есть связи, но нет корреляций или прямых соответствий. Эти связи обнаруживаются. Он отмечает принципиальное единство мышления и языка, а точнее, влияние языка на нормы мышления и поведения.

Уорфу утверждал, что языки различаются не только тем, как они строят предложения, но также и тем, как они членят окружающий мир на элементы, которые являются единицами словаря и становятся материалом для построения предложений. Для современных европейских языков, которые представляют собой одну языковую семью и сложились на основе общей культуры (Уорф объединяет их в понятии "общеевропейский стандарт" – SAE-Standard Average European), характерно деление слов на две большие группы - существительное и глагол, подлежащее и сказуемое.

Согласно гипотезе Сепира - Уорфа, язык действительно оказывает влияние на познавательную деятельность его носителей. Особенно заметным это явление оказывается в детстве. Так, маленький эскимос потому обращает внимание на разные виды снега – падающий, талый, несомый ветром и т.п., что его заставляет это делать родной язык, поскольку в нём имеются специальные лексемы для обозначения этих видов снега. Напротив, подобные лексемы

отсутствуют во многих других языках. Стало быть, дети, говорящие на этих языках, будут свободны в данной области от направляющей роли родного языка в познании.

Ошибочность взглядов авторов гипотезы состояла в том, что они несколько преувеличивали руководящую роль языка в познании, поскольку познавательная деятельность человека может осуществляться и без языка. Так, европейские дети могут узнать о разных видах снега из непосредственных наблюдений за ними.

Б. Уорф выделил основные черты научной картины мира в сравнении с языковой. Так, языковые картины мира, с его точки зрения, неизмеримо старше научных и, следовательно, по степени информационной насыщенности языковая картина мира значительно превосходят научные. Языковая картина мира старше и информационно богаче научных. Вышеуказанные черты языковой картины мира привели Б. Уорфа к выводу о том, что языковая картина мира, а не объективная действительность должны стать основным источником научных знаний.

Современные представления о ЯКМ в изложении академика **Ю.Д. Апресяна** выглядят следующим образом. Каждый естественный язык отражает определённый способ восприятия и организации (концептуализации) мира. Выражаемые в нём значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка. С другой стороны ЯКМ является “наивной” в том смысле, что во многих существенных отношениях она отличается от “научной” картины.

Итак, любой конкретный человеческий язык отражает определенный способ восприятия и понимания мира, причем все носители данного языка разделяют (зачастую не отдавая в том себе отчета) эту своеобразную систему взглядов на окружающую неязыковую действительность, так как это особое мировидение заключено не только в семантике лексических единиц, но и в оформлении морфологических и синтаксических структур, в наличии тех или иных грамматических категорий и значений, в особенностях словообразовательных моделей языка и т.п. (всё это и входит в понятие языковой картины мира).

В повседневной жизни люди сознательно пользуются наивными понятиями.

Каждое новое поколение получает в наследство определенную модель мироздания.

Библиография

1. Вайсгербер Й. Л. *Родной язык и формирование духа* Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Едиториал УРСС, 2004, 232с.
2. Гумбольд В. Ф. *Избранные труды по языкознанию*.- М: ОАО ИГ «Прогресс», 2000, 400с.
3. Корнилов О.А. *Языковые картины мира как производные национальных менталитетов.* 2-е изд., испр. и доп. - М.: ЧеРо, 2003, 349с.
4. Маслова В.А. *Лингвокультурология*: Учеб. пособие для студ. высш. учеб, заведений. -- М.: Издательский центр «Академия», 2001. -- 208с.
5. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1988. с. 8-69.
6. Потебня А. А. Мысль и язык. –Харьков, 1913 (онлайн книга).
7. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологи. М.Издательская группа «Прогресс – Универс», 1993. 123 с.
8. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира.-М: «Наука», 1988,216с
9. Уфимцева А.А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1988. с. 108-140.
10. ГРМС - Гайджарги Г.А. и др. Гагаузско-русско-молдавский словарь под ред. Проф. Н.А. Баскакова,-М: «Советская энциклопедия», 1973, 664 с.
11. ДТС - Наделяев В. М., и др. Древнетюркский словарь**.** - Ленинград: Наука, 1969, 716с.

УДК: 821.111Austen.091

THE ROLE OF COUNTRYSIDE IN JANE AUSTEN'S WORKS

Палик О.П.
мастер, препод., КГУ, РМ

Аннотация. В статье рассказывается о роли провинции в жизни английской писательницы Викторианской эпохи - Джейн Остин. Нравы, ценности времен Викторианской эпохи и любовь к провинции выражена в её произведениях.

Ключевые слова: ровинция, нравы, ценности, характерные особенности, жизнеописание.

Jane Austen's life was rather short and rather poor for events. She was born in the county Hampshire in a family of the priest. The family was having many children: Jane grew in an environment of six brothers and sisters. The Austin's were poor. They didn't keep servants; only from time to time the rural girl came to help about the house. Mrs. Austen smoked gammons, cooked honey and beer; Cassandra prepared; Jane needled for all family.

In spite of the fact that rural existence didn't indulge a variety — life in a rural solitude played a salutary role for creativity of the writer. All her works don't apply on anything more, than the description of life of two-three modest provincial families. But magnificent knowledge of the author of human nature and psychology, her subtle humor, her jeweler feather nowadays, two centuries later, don't cease to amaze and admire, granting full authority to rank the novels created by her as masterpieces of the world literature. [6, p.120]

Jane Austen possessed one quality which not often meets in novelists: she knew her opportunities and their limits. The fifteen-year-old girl, composing in a corner of the cool room the first unfinished novel, already firmly outlined by a school piece of chalk that circle of subjects, characters and the relations which she recognizes; that circle which won't cross and in the years of mature creativity. According to the writer, the most interesting subject to her was "life of several families living in rural areas". [1, p.498]

It can seem to someone small and modest, but in Jane Austen's this field she was succeeded to create surprisingly capacious images and situations which with purely English humor described life of people of middle class of the English province, and to be entitled "the queen of the English novel". The Secret of her popularity is simple: she wrote about those things that she knew in detail, knew proceeding from her supervision and her experience taken from everyday life because she was born in province too. [4, p.57]

The quiet cozy place of rural England where everybody more or less worthy people are familiar with each other, visit to each other, discuss each other; it is unusually stable world. The world, where there is no place to cataclysms and accidents, where the relations are simple and clear, where people have time enough to consider and deeply to analyze events occurring to them; where there is a place to feelings, they are important, essential significance is attached to them.

Quietly and without intensity it conducts the reader on lines of a plot of the novels. It is undoubted that Jane Austen is a shrewd psychologist of human characters, doesn't distract on detailed descriptions of appearance, an interior, the nature, the interior of a person is important for her; she reveals all it through dialogues between characters of the novel. Jane Austen looks at era events in her own peculiar foreshortening.

Having analyzed life of the mother of the classical ladies' novel, it is possible to see through a prism of irony of a feather real people which she had to face, somewhere even her, her experiences and problems, to make out almost transparent haze of the most undercover corners of her soul between lines, to hear whisper of the most intimate secrets of her life in the novel. She wrote about that sphere of life in which she grew, she knew problems of provincials internally. At the same time, unlike the predecessors as E. Baker truly noticed, Austen wasn't the novelist at the heart she wasn't "sententious or moralizing". [4, p.58]

The novelist consciously gravitated to economical use of art and graphic means. She aspired to express the most important and necessary in a few words, without any verbal frills. It is characteristic that these figure of speech Austen sought to scoop from the sphere of that daily reality which surrounded her.

Her perceptions are always based on actual facts and aspirations of her heroes. Taken in a broad sense, they are always social. Human happiness in her understanding is not so abstract principle. [3, p.145]

Creativity of the writer stands at the origins of English critical realism of the 19th century. Her literary heritage is made by six novels about life and customs of the English small estate nobility and rural clergy. Observation of Austen as her novel show was unusually aggravated, but she wrote far not about everything that knew and saw. She was interested in psychological background of usual, everyday actions in provincial corners of England. "We can't say about such writer as Jane Austen, even that she is original, - she is simple and natural as the nature", - one of the most acute critics G.-K. Chesterton wrote. [7, p.227]

Jane Austen is a master of life writing; with ease she depicts characters and persons through a prism of a subtle humor and irony. The secret of unfading popularity of novels of Jane Austen is simple: for some centuries having outstripped the time, she wrote about what so strongly excites human minds and souls. Jane Austen wrote how simply and not easy to combine love and prejudices, sincere love and need "to correct" a financial state at the expense of a successful marriage. Reading any novel of Jane Austen claims in thought that only the one, who experienced fight of these inconsistent beginnings, could represent them so truly.

The English province is a key element of art space in the novel "Pride and Prejudice". The image of the province isn't new, throughout centuries it is present at works of many authors, but Jane Austen brought in it the most difficult, thorough knowledge of human nature thinking in an available statement, English humour and love in purely her "female" understanding.

Ordinary life of ordinary people, little things in life of provincial existence – are that art space of the novel "Pride and Prejudice" where Austen, thanks to keen wit and brilliant irony, reaches a deep water. [9, p.136]

The description of the province is very laconic and reserved; Jane avoids the excessive descriptions, unnecessary details, strictly subordinating all elements of a narration to the main development. She criticizes novels in which "there are the circumstances having visible value, however, don't conduct to anything". [10, p.103]

In her novels there was no such circumstances; there are all descriptions, all landscapes are used for further development of action or characters.

The landscape in the novel almost is absent: some lines of the description of Rosings and Pemberli. Names of the cities and estates quite often happen Meryton, Hunsford, Westerkham, etc. are invented, for example, Netherfield-park.

Action of the novel develops in Longbourn, "the settlement in which they [The Bennets] lived and where the family Bennet occupied a foreground". [8] The Name of the settlement is also invented. In the neighborhood The Lucases live with who the family Bennet was in the amicable relations. Nearby, in Netherfield, Mr. Bingley with sisters and his friend, Mr. Darcy appear. They were here occasionally, bringing new subjects for conversations of all people around, adding a variety in daily occurrence of provincial inhabitants. [4, p.36]

In her novels Jane Austen combines a closed nature of the image of life of provincial English families — "invoicing of miniatures by a thin brush" as the writer herself defined her art manner — with the surprising width of coverage of the vital phenomena. Reading the novel, we recognize about the most different aspects of life in England of a boundary of the 18th- the 19th centuries: about economy, policy, the social device, church, marriage institute in those days, about customs, a life, manners, and clothes. The English province as a key element of art space of the novel is necessary for the characteristic of that era, for development of action and for brighter comic effect.

There are no descriptions of dresses, a situation in the house, but the reader clearly imagines a place of an origin of actions by means of dialogues and caustic comments of the novelist. [1, p.135]

Small nuances of human relationship are told very in detail that together with bewitching "Old English" dialogues causes feeling of immersion in the atmosphere of the 19th century and in the world of

separately taken English family. The following dialogues of heroes of the novel "Pride and Prejudice" are interesting:

"The country," said Darcy, "can in general supply but a few subjects for such a study. In a country neighbourhood you move in a very confined and unvarying society."

"Yes, indeed," cried Mrs. Bennet, offended by his manner of mentioning a country neighbourhood. "I assure you there is quite as much of that going on in the country as in town."

"I can't see that London has any great advantage over the country, for my part, except the shops and public places. The country is a vast deal pleasanter, is it not, Mr. Bingley?"

"When I am in the country," he replied, "I never wish to leave it; and when I am in town it is pretty much the same. They have each their advantages, and I can be equally happy in either." [2]

"Aye-that is because you have the right disposition. But that gentleman," looking at Darcy, "seemed to think the country was nothing at all". [2, p.45]

It is possible to note very simple tenor of life of families of the English province. The man is engaged in financial security of a family, the inheritance is transferred only on the man's line, and thus, daughters still have only one hope is a marriage. What female half of England is doing? – Visit of balls and discussion of the events occurring in vicinities. Reasoning on life is very simple too. "Who is interested in dances that can fall in love?" [2, p.64]

"- Ah, if I happened to see one of my daughters Netherfield's happy mistress, - Mrs. Bennet told the husband, - and as it is successful to marry the others - then I would have nothing to wish more." [2, p.33]

A female half by all means meets after balls for discussion of the occurred events on a ball; it is an integral part of their life. They discuss each detail, each sounded word during dances, plan further actions on a gain of man's hearts.

Where else if not in the province, the problem of a marriage is especially property problem. That is why characters of Austen so often in the conversations put nearby such words, as match (marriage) and fortune (state). "As to a fortune it is a most eligible match" — one of heroines of the novel "Pride and Prejudice" in connection with marriage of Mr. Collins and Charlotte Lucas notices. [2, p.225] Therefore not only negative characters, but also those with whom the writer sympathizes, constantly have conversations on the states, favorable parties and inheritances.

Immersing the reader in the atmosphere of the English province, Jane Austen gives the chance to us to understand more deeply acts of characters of the novel, to compare actions of various layers of gentry. On each page of the novel "Pride and Prejudice" the English province acts as a key background of succession of events.

Literature

1. Anikin G. V. Histiry of English literature: student training manual / V. Anikin, N. P. Mikhalskaya. M.: Vishaya shkola, 1985 – 431p.
2. Austen J. Pride and Prejudice / Com. E. Geniyeva, N. Demurova M.: Literature, 1989-450p.
3. Dyakonova N. Ya. English romanticism: Problem of esthetics / N Ya. Dyakonova Edition M. P. Alekseev; Acad. researchers of the USSR. - M.: Nauka, 1978 – 206p.
4. Geniyeva E.U. Jane Austen. / Bibl. Decree. / Edition of M. V. Chechetko. – M.: Izdatelstvo, 1986 – 66p.
5. Ivasheva V. V. "Century present and century past... ": The English novel of the 19th century in modern sounding / V.V. Ivashev - 2nd prod. - M.: Literature, 1990 – 477p.
6. Ivasheva V. V. Destinies of English writers: Dialogues yesterday and today / V.V. Ivashev. - M.: Sovremenniy pisatel, 1989 – 443p.
7. Kettl A. Introduction in history of the English novel: Translation from English / A. Kettl; Predisl. V. Ivasheva; Com. V. Skorodenko. - M.: Progress, 1966 - 446 p.
8. Maugham U.S. Art of the word / Maugham - M.: Literatura, 1989-238 p.
9. Sakhuranyan A.P. English literature 1945-1980 / A. P. Sarukhanyan, G. A. Andzhaparidze, G. V. Anikin, etc.; Editor A. P. Sarukhanyan; Akkad. researchers of the USSR; Un-ty of world literature of A. M. Gorky. - M.: Nauka, 1987 - 510 p.
10. The guide to English literature//under the editorship of M. Drebbl and J. Stringof. – M.: Raduga, 2003 – 275p.

УДК: 821.16

НАЧАЛА НОВОГО РЕАЛИЗМА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XXI ВЕКА. О МАНИФЕСТАХ ПИСАТЕЛЯ И КРИТИКА

Паулина Сегень
филологический факультет, Гданьский университет, Польша

Abstract. In the beginning of 21st century in Russia emerged a new literary movement called New Realism. This name is being used for description of informal group of writers that were first published after the year 2000. Presented paper focuses on the role of two literary manifestos in the process of creation of the New Realism. The first manifesto has been written by 21-year old writer Sergey Shargunov and second one by literary critic Valeriya Pustovaya. Both pieces were profound for describing the ideological content of New Realism literature.

Key words: Russian literature, literary manifesto, literary critic, New Realism

Последние несколько лет русские литературные критики, а также филологи-русисты за границей обсуждают появление нового течения в современной русской литературе - нового реализма. В своей статье я хочу рассмотреть два манифеста, писателя Сергея Шаргунова и критика Валерии Пустовой, которые несомненно стали истоком этого нового течения, а в крайней мере, истоком его определения как "новый реализм".

Для объяснения специфики творчества писателей нулевых, надо вернуться на несколько лет назад. Писатели нулевых, к числу которых можно отнести в частности Михаила Елизарова, Сергея Шаргунова, Романа Сенчина, Германа Садулаева и, конечно, Захара Прилепина, это поколение людей рожденных в 70-80 годах. Они росли еще при Советском Союзе, отчасти во времена перестройки, в юности были свидетелями развала СССР, трудный подростковый возраст их попал на непростые 90-ые годы, называемые в России лихими [1]. Взрослую жизнь им пришлось жить в государстве управляемым Владимиром Путиным.

Когда они были детьми, перестройка и гласность естественно повлияли на русскую литературу и литературный процесс в России вызывал потрясение.

Отмена цензуры привела к нескольким судьбоносным явлениям в сфере культуры. Во-первых, это время воссоединения русской литературы, которая десятилетиями развивалась двухсторонним образом, как советская литература в стране и эмигрантская литература за границей. Процесс воссоединения русской литературы проходил не только посредством публикования в Советском Союзе произведений запрещенных авторов, которые издавались раньше только на Западе, он был более наглядным: в страну возвращалась не только литература, но и сами литераторы, среди других: Юрий Мамлеев, Александр Зиновиев и Эдуард Лимонов, который вскоре стал покровителем нового литературного поколения. Завершением этого процесса стало торжественное возвращение Александра Солженицына в 1994 году [4, с.11-12, 175-180]. Вместе с возвращенной литературой, появилась и волна литературы ревиозионистской, критически переосмысляющей советское время, в том числе и советскую литературу, чаще всего сохраняющую черты соцреалистического канона, обязательного с 1934 года. В это время в русском словаре появляется термин «тоталитаризм», который может быть понят через отражение его в многочисленных исторических, публицистических и литературных позициях[3, с.11-12].

Но уже в 90-ые годы, когда волна возвращенной и ревизионисткой литературы успокоилась, стали созревать новые тенденции в русской литературе. Правильна ассоциация этого периода с постмодернизмом. Как литературное течение он несомненно в девяностые годы одержал победу над другими. Так в России, как и на Западе, к этому времени сразу на ум приходят фамилии Виктора Пелевина, Владимира Сорокина и Виктор Ерофеева. Постмодернисты освободили

литературу от внелитературного послания[4, с.29], иронично относясь так к соцреализму, как и русской классике. Постмодернистская литература 90-х стала также отличным отражением политической и социальной ситуации в России. Распад Советского Союза завершил время единственного повествования, универсальной истории и опыта. Мир бывших советских граждан распался, не хватало авторитетов, потому, что те, кто ними считался раньше, как Солженицын, скоро оказались неуместными в новых условиях[2,с. 156]. Жители советского союза внезапно потеряли идентичность и не смогли приобрести новую. Писатели-постмодернисты сумели передать настроение этого времени. В постмодернистский период из русской литературы не исчезали все-таки реалисты, уже в это время называемые новыми реалистами. Янина Салайчикова видит в постмодернизме и новом реализме два главные течения в литературе десятилетия 1985-1995. Среди новых реалистов она перечисляет Людмилу Петрушевскую, Владимира Маканина, Олега Ермакова, Татьяну Толстую[3, с.53-117]. На первый взгляд видно, что это не то поколение, о котором скоро пойдет речь как о новых реалистах. Но это показывает, что реалистическое течение всегда присутствовало в русской литературе, а новый реализм нулевых годов, это лишь следующий новый реализм.

Кроме постмодернистов и новых реалистов, которые в 90-ые создавали литературный облик эпохи, появилось в этот период и совсем новое для России явление: популярная, массовая литература. На издательском рынке сначала появились западные представители этого литературного вида, но скоро и в России нашлись писатели создающие высокотиражную, популярную литературу. Два имена, которые стали символом этого течения, это Дарья Донцова и Александра Маринина. Русская интеллигенция относилась к этой литературе всегда крайне негативно, называя ее паралитературой, псевдолитературой. Если во времена Советского Союза высокая, элитарная литература пользовалась интересом и востребованием, возникающим из ее ограниченной доступности, то в 90-ые она очень быстро надоела простому читателю. Ее вытеснила *попса* (в разговорной речи этим понятием называют все, что относится к массовой культуре; у понятия *попса* отрицательный оттенок).

Все эти новые явления и течения формировались в совершенно новых условиях, а именно в условиях капитализма. Литература стала подвергаться рыночным процессам, издательства превратились в предпринимательства, вынужденные работать по коммерческим принципам. При необыкновенном обеднении жителей России, связанным с политической и экономической трансформацией, разрушились прежние основы отношения между писателем, критиком, издательством и читателем. Об скором разочаровании, которое принесла с собой перестройка и литературная свобода пишет критик Сергей Беляков в статье *Новые Белинские и Гоголи на час*: *В середине 90-х только ленивый не говорил о скором и неизбежном конце “серьезной” (“качественной”) литературы и ее многолетней спутницы — русской литературной критики. То было время отрезвления, разочарования, пессимизма. Отрезвления после перестроечного литературного бума, разочарования в читателе, который, как выяснилось, оказавшись перед выбором — подписаться на “толстый” журнал или купить килограмм колбасы, — избрал последнее. Десятилетиями русские писатели и критики — западники и почвенники, реалисты и модернисты — упорно расшатывали здание советского государства, боролись против советской цензуры, стремились освободить “художника от оков”. Оковы пали, но одновременно печатное слово девальвировалось. Недавние властители дум в один прекрасный день обнаружили, что они, в сущности, никому не нужны, как не нужны их романы, повести, рассказы, статьи и очерки. Журналы, которые еще вчера рвали из рук счастливчиков (вспомним, как тяжело было подписаться на “Новый мир” или “Дружбу народов” до конца 80-х), теперь превратились, выражаясь языком Льва Данилкина, в прессованную пыль*[5]. Капитализм на издательском рынке стал, мол, самым большим землетрясением для русской литературы.

Бурное время 90-х годов в русской литературе оценивается по-разному. Александр Немзер говорит о *замечательном десятилетии*[8], а Ольга Мартынова (критик, проживающая в Германии) пишет, что тогда русская литература, процветала[13]. Но чаще всего к ситуации российской литературы на рубеже столетий, критики относились пессимистически. Алла Латынина написала о сумерках литературы, Андрей Столяров о безвременье, обозначающим пустое и безнадежное для литературы время[4, с.23]. Постмодернистское отчуждение,

сохранившийся реализм и залив массовой литературы, распад прежней модели литературной деятельности, учитывающей значимую роль критики – все это стало предпосылкой и фоном зарождения нового, наступления нового поколения русских литераторов.

Отрицание траура. Литературный манифест Сергея Шаргунова

Новое началось с Сергея Шаргунова, который в 21 год получил премию «Дебют» за роман *Малыш наказан*. Это было в 2001 году, и в этом же году Шаргунов в «Новом мире» напечатал статью-манифест *Отрицание траура*, став таким образов, в весьма молодом возрасте, отцом-основателем нового поколения нового реализма. В *Отрицании траура* мало известный тогда Шаргунов, студент журфака МГУ, разбирается со всеми болезнями последнего десятилетия: с глянцевым чтивом, которое в руках держит каждый третий пассажир столичного метро, с провалом постмодернизма, который не мог пробиться к широкому кругу читателей, который, согласно Шаргунову, является цирковым номером, фокусом. *Человеку нового российского поколения не придет в голову пародировать окружающую его родную реальность, да еще через гримасы неродного советского периода. В этом исключительная прерогатива постмодернистов* – пишет Шаргунов, замечая, что: *Постмодернизм как тенденция заведомо исчерпан, должен пересохнуть*. Критике постмодернизма Шаргунов посвящает очень много места в *Отрицании траура*: *Молодой человек инкрустирован в свою среду и в свою эпоху, свежо смотрит на мир, что бы в мире до того ни случилось... Два старших брата (Пелевин и Сорокин) раскатисто похохатывают над беспомощным отцом Ноем (традиционная литература), но младшенький не желает смеяться. Уже идет новое поколение: Грядет смена смеха.* ***Грядет новый реализм***. Согласно Шаргунову *реализм не исчерпывается. Реализм нескончаемо обновляется вместе с самой реальностью, остается волшебно моложе постмодернизма. (...) Реализм — «постмодернизм постмодернизма» — неотвратим*[10]. Шаргунов постигает реальность как нечто неизбежное, а новому реализму ставит задачу ей отмстить: *Человек не в силах побороть расползающуюся убийственную реальность. Но можно выделить две попытки «отмститься», очень схожие на подсознательном уровне. Либо реализоваться самому, обрести некий «статус», успеть подпрыгнуть над черной ямой. Либо продублировать реальность, клонировав ее в искусство (мир идеального). Тут и раскрывается особый смысл реалистического метода. Реалист застает и «вяжет» время на месте преступления*[10].

Свой манифест Шаргунов заканчивает четко: *Я повторяю заклинание: новый реализм! В прозу юных возвращаются ритмичность, ясность, лаконичность. Альтернатива постмодернизму. Явь не будет замутнена, сгинет саранча, по-новому задышит дух прежней традиционной литературы. Надо сказать просто: литература неизбежна*[10].

Таким образом, в статье, которую А. Немзер назвал *нахрапистой, бескультурной*[7], Шаргунов провозгласил новое литературное течение, исполнителем которого станет новое поколение (напомним, что в это время Шаргунову 21 год). Задача новых реалистов состоится в победе над отчужденным постмодернизмом и возврате серьезной литературы читателю, который предался масслитетартуре.

Литературный критик Сергей Беляков, который к писателям собранным под названием новый реализм относится отрицательно, подчеркивает, что значимость *Отрицания траура* не только в его послании. Манифест Шаргунова стал началом нового явления тоже в другом смысле. Беляков считает, что новый реализм писателей поколения нулевых, с самого начала был явлением не литературным, а проходящим в сфере критики. Это новые, молодые критики создали, по мнению Белякова искусственный, быт нового реализма. Беляков пишет: *Изначально «новый реализм» был конструктом, созданным молодыми критиками. В декабрьском номере «Нового мира» за 2001 год Сергей Шаргунов, тогда молодой писатель и критик, студент журфака МГУ, опубликовал свой знаменитый манифест "Отрицание траура". Хотя «предвестники» нового реализма появлялись и раньше, а сам термин уже не одно десятилетие гулял по страницам филологических сборников, литературных журналов и даже газет."Отрицание траура" не только породило миф о "новом реализме", но и стало манифестом не столько нового*

литературного направления, сколько нового поколения. Не поколения писателей, а именно нового поколения критиков[6].

Манифест новой жизни. Валерия Пустовая - критик литературы нового реализма

Скоро после своего манифеста, Сергей Шаргунов печатает роман *Ура!* который, в свою очередь стал фундаментом следующего литературного манифеста: *Манифеста новой жизни*[9], молодой выпускницы того же журналистского факультета МГУ, Валерии Пустовой. Пустовая вскоре приняла на себя роль главного критика-идеолога нового реализма, и заодно стала молодой звездой литературной критики, которую некоторые пессимисты уже успели похоронить. В *Манифесте новой жизни* Пустовая пишет о трех персонажах вокруг которых она строит свою картину роли России в мировой культуре: об Освальде Шпенглере, немецком философе, прославившимся работой *Закат Европы*, изданной в 1917 году, Татьяне Толстой и ее романе *Кысь*, как символе духовного и ценностного кризиса и, о самом главном, о своем сверстнике Серегее Шаргунове и его свежеизданном романе *Ура!*, который символизирует возрождение России. В *Манифесте* Пустовая пишет, что закат и исчезновение любой культурной формации неизбежно. Скончался Вавилон, Египет, античный и арабский мир (можно конечно с Пустовой поспорить по этому поводу), так и скорый конец американо-европейскому миру, а то, в свою очередь, равнозначно процвету следующего большого культурного круга – России. Согласно Пустовой, Европа – это старость, цивилизация и скептицизм. Россия – это молодость, культура и вера. Пустовая обширно ссылается на Шпенглера, который предсказал России рождение новой, молодой души после 2000 года. Модернизация Петра Первого привела к заимствованию западного дискурса, в котором русский дух не мог поместиться. Спор между западниками и славянофилами, революцию Пустовая называет попытками отыскать душу, что может сбыться лишь в 21 веке.

Воплощение мечты о русской душе Пустовая видит именно в романе Шаргунова *Ура!* В *Манифесте* она относиться к обвинениям романа в фашизме, объясняя: "*Соль, кровь, сила" как атрибуты "свежей крови" – вот против чего протестовал матерый Волк критики, вот в чем он видел "девственный фашизм". Поразительно, как грехи прошлого могут извратить понимание настоящего. Для Шпенглера и Шаргунова кровь вовсе не стоит в одном ассоциативном ряду с кастовостью, кровожадностью, жертвами, насилием. Кровь для них – символ жизненности, слитности с мощью природы, налитой силы тела, рода, народа. Для Шпенглера "кровь" олицетворяет силу новой нарождающейся культуры*[9]. Если Шпенглер, создавший *Закат Европы* в 1917 году мог еще утверждать подобное, то уверенность слов Пустовой, после второй мировой войны и Холокоста, естественно приводит читателя в изумление.

Раскритикованный (Кострыко, Немзер, Славникова[7,11]) за инфантилизм, нарциссизм и идеализирование фашизма роман *Ура!* рассказывает историю альтер-его автора, даже под тем же самым именем и фамилией. Сергей из романа, тоже как и настоящий Шаргунов, является выпускником журфака, отрицающим интеллектуальность, предпочитавшим ей культ физической силы, испытывающим презрение к геям, наркоманам и интеллигентам. Ольга Славникова правильно замечает параллели к эгоцентричному лимоновскому герою[11]. С момента, когда Шаргунов передал денежное содержание премии Дебют из 2001 Лимонову, никто и не сомневался, кто является покровителем новой волны нового реализма.

Валерия Пустовоая не менее яркими лозунгами, как те, которые можно найти на страницах *Ура!* обороняет Шаргунова, одновременно пробиваясь себе дорогу в критики. В *Манифесте* Пустовая пишет о романе Шаргунова: *"Закат Европы" - предчувствие, повесть "Ура!" – сбывается мечта. И дело тут не в литературе. В Сергее Шаргунове пишет молодость, а не литература. Молодость не его собственная, двадцатитрехлетняя, а наша общая, русская, новорожденная ("мой победный атакующий пафос не связан с моим возрастом"). В основе повести - вне-литературные лозунги типа "бросай курить - вставай на лыжи" - они-то и есть сияющий знак, космические сигналы, они и предопределяют судьбу*[9]. Пустовая восхищена тоже от призыва Шаргунова стать членом, нет не членом какой-либо партии и организации, а просто запросто: мужским членом. Пустовая пишет: *"Читатель, стань членом! Навязчивая мысль о том,*

что все бренно, - это мысль импотентов", - в повести "Ура!" Шаргунов культивирует жизнеспособность и жизнь-деятельность[9].

Пустовая поддерживает антибуржуазные позиции Шаргунова, утверждая, что молодое общество не создает среднего класса, что он, средний класс или буржуазия – это черта устаревшего социума. Молодая культура, которая на наших глазах, по мнению Пустовой зарождается в России, буржуазии и капитализму говорит краткое, шаргуновское: *"Смерть деньгам!"* Пустовая считает, что Шаргунов, новая русская кровь, уже чувствует в себе новую русскую душу, что Шаргунов преодолевает описанный Толстой кризис русской душевности, и что в нем сбывается предсказание Шпенглера.

Я позволила себе столь обширно привести фрагменты *Манифеста новой жизни*, чтобы понять как в случае нового реализма писатель и критика идут рука об руку, создавая новое качество, несмотря на другие, отличающиеся голоса и оценки. Эти положения, которые Пустовая формулирует в своем первом манифесте, во многом будут соответствовать и произведениям самого известного писателя поколения новых реалистов, Захара Прилепина, несмотря на то, что в это *Ура!* Шаргунова и *Манифест новой жизни* были напечатаны еще перед дебютом Прилепина романом *Патологии*, изданном в 2004 году.

Если звезда Шаргунова погасла и он после *Отрицания траура* не напечатал ни гениального романа ни одной значимой критической статьи, Валерия Пустовая выросла до уровня *ведущего молодого критика*[16], как говорит о ней Захар Прилепин. В своей работе она сосредоточилась на новом реализме, писала о Шаргунове, Сенчине, Прилепине и других. Она печаталась в Октябре, где в 2005 году вышла ее известная статья *Пораженцы и преображенцы. О двух актуальных взглядах на реализм*, а потом *Ракета и сапоги. Как отменяли постисторию*, в Новом Мире (*Скифия в серебре. "Русский проект" в современной прозе*), в Континенте (*Матрица бунта*). Характерно, что в своей критике она всегда много места посвящает теме истории и возрождения русской культуры и духовности. На вопрос, читает ли она западных авторов, она отвечает: *Я не слушаю даже зарубежной музыки. Мне очень важна оригинальная русская речь. И потом, я считаю, что, как это громко ни звучит, Запад выработал свой творческий ресурс. Там много интересных вещей в социальной и предметной сфере, но преобразить мир в духовном смысле он больше не сможет. Духовное слово и инициатива теперь за нами*[13]. Ее отношение к писателям-новым реалистам можно свести к надежде, что им этот русский проект удастся реализовать. Поэтому ее положительная критика писателей поколения нулевых связана скорее всего с мировоззренческой установкой, чем с литературными категориями.

Заключение

С самого начала своего развития, как литературного течения, новый реализм был тесно связан с литературной критикой. Основополагающим событием для определения группы писателей, дебютировавших после 2000 года, стали два манифеста. Манифест Отрицание траура писателя Сергея Шаргунова и впечатленной его произведениями литературной критик Валерии Пустовой. Анализируя литературные произведения писателей-новых реалистов стоит возвращаться к этим двум манифестам.

Список литературы

1. Humphrey C. *Koniec radzieckiego życia. Ekonomie życia codziennego po socjalizmie*, Wydawnictwo Marek Derewiecki, Kęty 2009
2. Remnick D., *Na wygnaniu* [в:] *Zmartwychwstanie. Walka o nową Rosję*, Warszawa 1997
3. Sałajczykowa J., *Dziesięciolecie przemian. Proza rosyjska lat 1985-1995*, Gdańsk 1998
4. Wołodźko-Butkiewicz A., *Od pierestrojki do laboratoriów netliteratury. Przemiany we współczesnej prozie rosyjskiej*, Warszawa 2004
5. Беляков С., *Новые Белинские и Гоголи на час*, Вопросы Литератры, но. 4, 2007, http://magazines.russ.ru/voplit/2007/4/be13.html
6. Беляков С., *Истоки и смысл «нового реализма»: к литературной ситуации нулевых*, http://www.rospisatel.ru/konferenzija/beljakov.htm
7. Немзер А., *Малыш обласкан*, http://www.ruthenia.ru/nemzer/DEB.html
8. Немзер А., *Замечательное десятилетие русской литературы*, Москва 2003

9. http://news.a42.ru/news/item/153067/
10. Пустовая В. *Манифест новой жизни*, http://ijp.ru/razd/pr.php?failp=01501200215
11. Шаргунов С., *Отрицание траура*, „Новый мир”, но. 12, 2001, http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2001/12/shargunov.html
12. http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2002/9/slav.html
13. http://mikhail-boyko.narod.ru/interview/pustovaya2.html
14. http://www.ng.ru/fakty/2007-08-23/2_kritika.html
15. http://www.ruthenia.ru/nemzer/jurnaly06_18.html
16. http://www.zaharprilepin.ru/ru/litprocess/intervju-o-literature/valeriya-pustovaya-esli-kajdyi-iz-nas-preobrazitsya-preobrazitsya-i-rossiya.html

УДК: 811.512.165:323.329(=512.165)

GAGAUZ DİLİNİN GELİŞMESİNDÄ BİLİM ADAMNARIN, YAZARLARIN – HEPSİ İNTELİGENŢİYANIN ROLÜ

Radova-Karanastas Olga
istoriyä bilgileri dokturu, Moldova N.Milesku Spataru adına
bilim adamnarı asoţiaţiyanın bilim sekretarı,
Gagauziya M.V.Maruneviçin adına
Bilim-aaraştırma merkezin bilim adamı

Herbir millettin ölä aydın adamnarı var, angıların dolay yanında insannar, nicä tä o güneşin, hepsi planetalar gibi dönüşerlär. Gagauz aydın adamnarın birisi – protoierey Mihail Çakır. Gagauzlarda bu ayoz adam çok kerä anılêr, neçinki ömüründä pek çok çalışmış din hem bilim uuruna deyni. Okullarda, bibliotekalarda onun çalışmaları için annadılêr, onnarı gagauzların evlat boylarına üürederlär.

Gagauzlar kendi ana dillerindä yazmaa deyni çeşitli alfavit kullanmışlar[2] - grek, romîn, rus, voloh hem başka da olabilir. Örnek olarak, deyceyz, protoierey Mihail Çakır XX asirin başlantısında gagauz dilinä Allaa kiyatlarını çevirdi, sözlük yazdı, kendi aaraştırmalarına görä gagauzlar için çok statyalar yazdı, 1934 yılda da bir ayırı kiyat “Besarabiyalı gagauzların istoriyası” gagauzça yazdı.[3] Ozamannar o romîn alfavitini gagauz dilinä uygunlaştırarak, gagauzça yazılarını yayınnamıştı. Sora onun yazıları gagauzların ofiţial alfavitinä deyni da bir temel oldular, angısı 1957 yılda kiriliţa bukvalarına görä kuruldu, otuz sekiz yıldan sora da, 1995 yılda, latiniţaya görä enidän temellendi.

Başlantıda bizim literaturamıza deyni da Mihail Çakırın yazıları bir kaynak gibiydilär. Din kiyatlarını gagauz dilinä çevirmää o bir kolay iş diildir. Mihail Çakır bir yaradıcıydı, dil ustasıydı, yazılarında örüttü gagauz dilini. O pek istärdi bilmää kimiz biz gagauzlar, neredän geler soylarımız, köklerimiz. Da ne kuvedi varsa çalıştı bulmaa ucunu, cuvap vermää bu soruşlara.

Şindiki zamanda gagauzların uşaklarını uşak başçalarında, okullarda gagauzça üürederlär, benim sa akrannarım okullarda ana dilimizi – gagauz dilini üürenmedik. Okullarımızı, Universitetlerimizi rus dilindä başarıp, giriştik kendi ana dilimizi – gagauz dilini yaşatmaa. Eelbetki, bu uurda çalışmalarda en büük gagauz milletin inteligenţiyasının rolü oldu – din hem bilim adamnarın, yazıcıların, üüredicilerin - hepsi aydın adamnarın. Gagauzça yazarkan, çok zorluk çekeriz, çünkü gagauz dilindä çoyu terminnär yazılarda örüdülmemiş, birazı da unudulmuş da şindi, bilim statyalarını yazarkan, biz o terminnerin maanalarını da gagauz dilindä açıklêêrız, artık Türkiya türkçesindä da yazabileriz.

Burada sölemeliyiz (lääzım söleyelim), ani gagauz dilindä bilim statyalarını yazarkan, ilkin lääzım biläsin terminnerin maanalarını da onnarı gagauzça okuyculara açıklayabiläsin. Bizlär, yabancı dillerdän

[2] Gagauz dilinin gelişmelerinnän ilgili taa geniştän yazıları bak kaynakta: *Radova-Karanastas, Olga*, “XX-XXI Yüzyıllarda Moldova ve Ukrayna Cumhuriyetlerinde Gagauz Dilin Gelişmesi”, Uluslararası sosyal bilimler lisansüstü öğrenci sempozyumu (İnternational Social Sciences Postgraduate Aymposium), 28-30.04. Ordu, 2011, s.150-157.
[3] *Çakır, M.*, Besarabiyalı gagauzların istoriyası, Chişinev, 1934, 40 .

okuyup, çeşitli konularda bilgilerimizi geliştireriz, ani olsun kolayı onnarı gagauzça annatmaa deyni, terminnerin maanalarını dip notlarda açıklêêrız da öleliklän, yavaş-yavaş, gagauz dilindä terminneri zeedelederiz.

Sovetlär Birliindä yaşayan gagauzlar okullarda ne ana dillerini vardı nasıl üürensinnär (çünkü XX asirin 60-cı yıllarında gagauz dilini okullarda başka üüretmäzdilär), ne bir yazı yazsınnar. Gagauz küüylerindän kasabalara gittiimiz zaman, deyceyz Kişinöva, Benderä, Moskovaya yada başka bir erä, artık hiç birinnän gagauz dilindä sölpet edämäzdik, türkülerimizi bilä işidämäzdik da, gittikçä, ana dilimizi – gagauzçamızı, kulturamızı artık kaybetmää başladıydık, da ozamannar gagauz bilim adamnarın, yazarların, başka gagauz inteligenţiyanın da hatırınnan, onnarın çalışmalarınnan, devletimizi terbiyedän başkannarımıza danışa-danışa, tekerlää yavaşıcık erindän kıpırdattık.

Moldovada gagauz dilinnän, yazılarınnan, literaturasınnan baalı, bu son yıllarda çok toplantılar olêrlar. Gagauz dili için hem gagaz dilindä literatura gelişmeleri için taa ileri da yazmıştık,[4] ama bu konularlan ilgili hepbir lääzım yazılsın, sade ozaman biz dilimizi kaaviledäbiliriz, hem pek önemni o yazılar vakıdında tiparlansınnar.

Kimi gagauz yazıcıları annadêrlar, ani gagauz yazılarına hem literaturasına sade 58 yılmış. Acaba bu doorumuydur?

Herbir halkın dili, literaturası istoriyaylan baalı. Nasıl yok istoriya halksız, ölä da yok halk istoriyasız, dilsiz, kulturasız. Yok küçük halk, küçük dil, küçük kultura, ama var sayısı az (*yeki* sayısı çok) milletlerin dili, literaturası, kulturası - gagauz milleti da onnarın biriydir. Gagauzların pek evelki hem zengin istoriyası var, o üzerä dä onnarın derin köklü kulturası, literaturası, çoktan, taa evelki zamannardan beeri da yazıları varmış, bunu bilim aaraştırmalarımızda, kaynaklara görä açıklama yaptık,[5] çünkü bunnarı kaynaklar - gagauz milletin kultura mirasını göstererlär, angılar korunabilmişlär gagauzların folklorunda, antroponimnerindä (laablarında (*yeki* soyadlarında)), toponimnerindä (yerlerin adlarında) h.t.b.

Anılmış Günduusu bilimcisi N.A.Baskakovun klasifikaţiyasına görä, gagauz dilini, türk dillerin Üülen-Batı dalında bulunan, oguz grupanın, oguz-bulgar alt grupasında bulunmasını gösterer.[6]

Aaraştırmalarımız[7] göstererlär, ani gagauz türkçesi Balkannarda, bütün Üülen-Günduusu Evropada ayrı (özel), en evelki zamannardan kalma bir türk dilidir.[8]

---

[4] *Olga Konstantin Radova (Karanastas)'ın* "III. Uluslararası Kıbrıs-Balkanlar-Avrupa türk edebiyatları sempozyumu" nda sözleri ("29 Eylül – 3 Ekim 1999, Köstence, Romıniya"). Bu konuşmalar temellendilär saygılı *Olga Радова-Каранастас*ın "Gagauz literaturanın gelişmesi" statiyasının materiallarına (*Bak:* "Gagauz literaturanın gelişmesi" // Türk dünyası incelemeleri dergisi "Bir", №8, İstanbul, 1997, s.93-98; *hem taa bak*: Jurnal "Sabaa yıdızı", №4, 1997, s.12-14; *Olga Radova-Karanastas*. XX-XXI Yüzyıllarda Moldova ve Ukrayna Cumhuriyetlerinde Gagauz Dilin Gelişmesi // Uluslararası sosyal bilimler lisansüstü öğrenci sempozyumu (İnternational Social Sciences Postgraduate Aymposium). Ordu (Türkiye) – 2011. Basım Tarihi: Ordu. -2012, s.150-157.

[5] *Радова-Каранастас О.К., Пушней Д.А.* Древнетюркские – булгаро-огуро-огузские компоненты в культуре и этногенезе гагаузов (на примере этимологии антропонима Пушней) // Матеріали Другої всеукраїнської науково-практичної конференції з міжнародною участю (12 жовтня 2013 р., м. Бахчисарай, АР Крим). ЧАСТИНА ІІ. Бахчисарай – Дніпропетровськ, 2013, с. 175-178.

[6] Согласно классификации востоковеда Н.А.Баскакова, гагаузский язык относится к огузо-булгарской подгруппе огузской группы юго-западного ареала тюркских языков и является самостоятельным тюркским языком. (Bak kaynakları: *Radova,Olga,* The Problem of Gagauz Ethno-Demographic Development in the 19 th Century, Dergi "Südost-Forschungen" – internationale Zeitschrift für Geschihte. Kultur und Landekunde. Südosteuropas Begründet von Fritz Valjavec, Band 54, München, 1995, z. 263-270; ve bak: Zeitschrift für Türkeystudien (ZfTS), Institut an der Universitet GH Essen, Heft 1, 8. Jahrgang, 1995, z.67-74; *Radova, Olga,*19. Yüzyılda gagauzların etno-demografik gelişmeleri problemine dair, Dergi «Türk kültürü», Ankara, 1995, s.389, s.556-565; *Радова, О.К.,* К проблеме этнодемографического развития гагаузов в XIX веке, "Штиинца" Академии наук Республики Молдова, Kişinev, 1995, s. 11; *Каранастас-Радова, О.К.,* Гагаузы в составе задунайских переселенцев и их поселения в Буджаке (конец XVIII – первая четверть XIX вв., изд.: Типография Комратского университета, Kişinev-Komrat, 2001, 131 с.; *Радова-Каранастас, О.К.,* Путь к себе: Аспекты истории, культуры, демографии, этнографии, этногенеза гагаузов. *Сборник научных статей Радовой-Каранастас,О.К..,* Второе дополненное издание, Kişinev, 2009, s.194; *Radova-Karanastas, Olga,* "İstoriya bakımından gagauzların hem onnarın dedelerinin ortodoks dinini kabul etmeleri", Gagauz Yerinin 15-ci yıldönümünä baalı "Gagauzologiyanın ilerlemesi: dil, kultura, istoriya, literatura" halklararası bilim-praktika konferenţiyanın materialları, 2010, Komrat, s. 143-152; *Radova-Karanastas, Olga,* "XX-XXI Yüzyıllarda Moldova ve Ukrayna Cumhuriyetlerinde Gagauz Dilin Gelişmesi", Uluslararası sosyal bilimler lisansüstü öğrenci sempozyumu (İnternational Social Sciences Postgraduate Aymposium), «Ordu Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü», 28-30.04.2011, Ordu, 2011, s.150-157.

[7] Bu statyanın yazıcısı, *Olga Radova-Karanastasın* bilim araştırmaları.

[8] *Радова-Каранастас О.К., Пушней Д.А.* Древнетюркские – булгаро-огуро-огузские компоненты в культуре и этногенезе гагаузов (на примере этимологии антропонима Пушней) // Матеріали Другої всеукраїнської науково-практичної конференції з міжнародною участю (12 жовтня 2013 р., м. Бахчисарай, АР Крим). ЧАСТИНА ІІ. Бахчисарай – Дніпропетровськ, 2013, с. 175-178; *Радова-Каранастас О.К.* Болгары и гагаузы Юго-Восточной Европы: общие этноисторические реалии и современность // Межкультурная коммуникация: современная теория и практика. Материалы VII Конвента РАМИ. 28-29 сентября 2012 г. МГИМО. – Университет. Изд-во «Аскет-Пресс», изд-во «МГИМО - Университет». Москва, 2013, с.210-231.

Gagauzlar hem onnarın dedeleri taa evelki zamannardan beeri Bucakta, Dobrucada, Makedoniyada, Frakiyada erleşmişlär.[9] Osmannı İmperatorluu çökmää başladıı zaman (XVIII üzyılın sonu – XIX asir) hem çöktüktän sora (XX asirin başlantısında), hem Sovetlär Birlii daaldıktan sora (XX asirin sonunda), Üülen-Günduusu Evropada eni baamsız devletlär kuruldular. Gagauzlar istär-istemäz çeşitli devletlerin sınırları içerisindä yaşamaa kalêrlar: büünkü Moldovada, Ukrainada, Romıniyada, Türkiyada, Bolgariyada, Makedoniyada, Greţiyada.[10]

Herbir milletin gelişmesindä - onun etnik istoriyası, kulturası, dini, dili, demografiyası hem erleşim erleri bir temel şartıdır.[11] Bunu çok ii annayarak, gagauz bilim adamnarı, yazarları, inteligenţiyası soruyu kaldırdılar, ani gagauz dilin resmi yazılarını temellemää.

Sovetlär Birliindä, 1957 yılda, gagauz dilinin ilk ofiţial alfaviti kirilița bukvalarına görä kuruldu. Gagauz dilinin alfavitini hem gramatikasını temellemää deyni, saygılı Prof. Dr. Dionis Tanasoglu, Prof. Dr. Lüdmila Pokrovskaya çok çalıştılar, büün var nicä demää, ani bu iki insan şındıkı gagauz dilinin gramatikasını temelledilär, bilim hem okullara deyni kiyatları hazırlayıp, onnarı tiparladılar. Elbetki, burada diil lääzım unudalım büük aydın adamnarın adlarını – N.Arabajının, B.Tukanın, N.Tanasoglunun,[12] angılar 1946-1947 yıllarda Prof. Dr. Dionis Tanasogluylan barabar çalıştılar, gagauzlara yazı versinnär deyni üüsek kurumnara kiyat yazıp, danıştılar.

XX asirin 90-cı yıllarında türk devletlärarası simpoziumnarda kararlar kabledildi, ki türkçä sölpet edän milletlär, hepsicii latin alfavitinä (bukvalarına) geçsinnär. Bölä bir simpozium 1991 yılda, Stambulda, Marmara Universitetindä oldu. Moldova Bilim Akademiyanın Gagauzologiya bölümün başkanı saygılı Prof. Dr. Stepan Kuroglu orada pay alêr. Simpoziumdan memleketä döndüktän sora, saygılı Prof. Dr. Stepan Kuroglu Gagauz bölümündä bir yazılı yaprak gösterdi, neredä simpoziumda pay alannarın, saygılı Prof. Dr. Stepan Kuroglunun da, imzaları vardı, ani gagauz dilini hem başka türk dillerini latin bukvalarına geçirmää.[13]

Bundan sora Moldova Bilim Akademiyasında bir komisiya kuruldu, saygılı Prof. Dr. Stepan Kuroglu da Gagauz bölümün başkanı olduu için, o komisiyanın kuruluşunu temelledi. Öleliklän Moldova Bilim Akademiyanın tarafından o resmi komisiyaya girdilär: saygılı Prof. Dr. Gavril Gaydarji – başkan, saygılı Prof. Dr. Lüdmila Pokrovskaya, Elena Kolţa, Valentina Kotenko.[14] Komisiya çalışarkan, dayma orayı katılardı saygılı Prof. Dr. Stepan Kuroglu da. Çok kerä Moldova Bilim Akademiyanın Gagauz bölümündä çalışan bilim zaametçilerinä (uzmannarına) - gagauz dilindä sözlükleri hazırlayannara – Prof. Dr. Gavril Gaydarjiya, Elena Kolţaya, Dr. Olga Radova-Karanastasa hem başka gagauz dilini bilän uzmannara – tarihçilerä (istoriya bilimcilerinä), folklorculara danışardılar, sorardılar, nasıl onnar düşünerlär da öleliklän çalışmalarına ilk adımnarda aprobaţiya yapardılar.

Ayrıca, kendi bilgilerinä görä, gagauz latin alfavitinin proektını saygılı Prof. Dr. Dionis Tanasoglu da hazırladı. Komrat Devlet Universitetin adından saygılı Prof. Dr. Dionis Tanasoglu kendisi çalıştı, kendi bilgilerinä görä ayırı gagauz alfavitini hem gramatikasını latin bukvalarına görä hazırladı.[15] Ozamannar gagauz dilinin orfografiyası, latin bukvalarına görä, Moldova Bilim Akademiyanın hem Komrat Devlet Universitetin proektlarına görä hazırlandı.[16]

---

[9] Gagauzların dedeleri orta asirlerdä Anadoluda da olabilir erleşmiş olsunnar; bütün Evroaziyä bölgelerindä.

[10] *Каранастас-Радова*, О.К., Гагаузы в составе задунайских переселенцев и их поселения в Буджаке (конец XVIII – первая четверть XIX вв.), Kişinev-Komrat, 2001, 133 с.; *Karanastas-Radova, O.K.,* Tuna ötesi göçmenleri ve Gagavuzlar (18. Yüzyıl sonları - 19.Yüzyıl başları), Rusça'dan Türkçe'ye Çeviren *Musaoğlu, Mehman*, Türk dünyası yazarlar ve sanatçılar vakfı "TÜRKSAV", Ankara, 2004, 149 s.; *Радова-Каранастас, О.К.,* Путь к себе. Аспекты истории, культуры, демографии, этнографии, этногенеза гагаузов. Сборник научных статей. Второе дополненное издание. Kişinev, 2009, 371 с.

[11] *Radova-Karanastas, Olga,* Güneydoğu Avrupa gagauzların tarihini ve kültürünü korumak – etnosun gelişmesinde bir şart temeldir, 38.ICANAS 10-15/09/2007/. Bildiri özetlerin Kitabi ABSTRACTS, Ankara, 2007, s.829-830.

[12] *N.Tanasoglu* – gagauz yazarın hem bilim adamın, saygılı *Prof. Dr. Dionis Tanasoglunun* bobası.

[13] Dokumentin kopiyasını bak *Olga Radova-Karanastasın* kendi arhiv fondunda. Saygılı *Prof. Dr. Stepan Kuroglunun* imzası ilk yaprakta beşinci.

[14] İlkin "Pravila orfografii i punktuaţii gagauzskogo yazıka" - proektını yıkarda yazdım, komisiyaya girän uzmannar hazırladıydılar, ama tiparlandı zaman, kitaba başkası sorumnu oldu. *Bak kaynaa:* Pravila orfografii i punktuaţii gagauzskogo yazıka. Yayına sorumnu: *Stoletnäyä, A., Kotenko, V., Vasilioglu, K.,* Kişinev, 1995.

[15] *Tanasoglu, Dionis*, "Cu privire la perfecţionarea scrisului limbii găgăuze pe baza grafiei latine" // Gazeta "Literatura şi arta", № 11, 1992; Moldova Respublikanın Bilim hem Üğretmek Ministerliği. Proekt. Gagoğuz Türkçesinin ortografiya kuralları (Türkoloji bilim temellerinä görä). Proektı hazırladı *Prof. Dr. Dionis Tanasoglu,* Komrat Devlet Universiteti. Redaktörlük kolegiyası: *Prof.Dr. Dionis Tanasoglu,* Universitetin üüredicileri: *L. Baurçulu, E.Sibova, P.Kınçeva, İ.Kristioglu.* Universitetin Bilim konseyindä kabul edildi. Sentyabri, 1993 yıl // Gazeta "Ana sözü", mart, 1994 yıl.

[16] Pravila orfografii i punktuaţii gagauzskogo yazıka. Yayına sorumnu: *Stoletnäyä, A., Kotenko, V., Vasilioglu, K.,* Kişinev, 1995.

Sora Moldova Bilim Akademiyanın, Gagauzologiya bölümünün tarafından, gagauz latin alfavitin proektı hem saygılı Prof. Dr. Dionis Tanasoglunun proektı, Moldova Respublıkanın Halk Üüredicilik Ministerliinä yollanıldı da orada enidän bir komisiya kuruldu: saygılı F.Angeli – başkan, E.Kolţa, V.Kotenko, A.Stoletnäyä, K.Vasilioglu. O komisiyanın amacıydı, o iki gagauz dili alfavitinin hem gagauz türkçesinin orfografiya kurallarının proektlarına analiz yapıp, en iisini hem uygununu kabletmää.

Bildiimiz kadar, o komisiya çalışarkan, fikir ayrılıkları çıktı,[17] ama Moldova Üüredicilik Ministerliindä komisiya, o iki proektä temelleneräk, kendi görüşlerini gerçekleştirdilär. Ne Moldova Bilim Akademiyanın tarafından bilim uzmannarı – Prof. Dr. Gavril Gaydarji, Prof. Dr. Lüdmila Pokrovskaya, Elena Kolţa, ne da saygılı Prof. Dr. Dionis Tanasoglu imzalarını Moldova Üüredicilik Ministerliin proektinä koymadılar; istämedilär onnarın adları hem laabları kiyadın kabında, avtor gibi, yazılı olsunnar, çünkü onnar kimi çalışmalarlan (gagauz alfavitinnän hem gramatikasınnan ilgili) kayıl diildilär. Bu iki grupanın arasında dartışmalar okadar uzun sürdülär, ki devlet kendi tarafından, ofiţial karar gagauz latin alfaviti için birtürlü çıkaramazdı da ozaman, sorumu kendi omuzlarına ükledip, A.Stoletnäyä, V.Kotenko, K.Vasilioglu aldılar da Moldova Üüredicilik Ministerliin tarafından proekta imzalarını koydular hem o yayına (baskıya) sorumnu oldular.[18]

Latin alfavitini kablettiktän sora gagauz dili hem literaturası taa hızlı gelişlenmää hem örümää başladı. Türk dünääsınnan büük baalantıları oldu da o tarihsel (istoriya) kopuklar(ı) eklenildi. Gagauzların kolaylıı oldu yaratmalarını, fikir düşünmelerini ana dilindä yazıp, tiparlasınnar diil sade kendi ülkelerindä, ama devletlär arası jurnallarda da. Moldovadakı Halk Üüredicilik Ministerliinä Türkiyadan o zamannar 100 bin dollar yardım geldi gagauz dilindä çıkan okul kiyatlarını tiparlamaa deyni.[19]

Gazetalarda, bilgisayarda ikidä-birdä gagauzlar için yannış düşünmeklär yazêrlar hem böleliklän dünnääda gagauz halkının var olduunu reetetmäk isteerlär. Buna hiç bakmayıp, 2012 yılın, kasım ayın 2-dä hem 3-dä Dünnää Gagauzların Üçüncü Kongresi, Gagauziyanın (Gagauz Yeri) baş kasabasında, Komratta oldu.[20] Dünnää Gagauzların Kongreslerinä (I-nci, II-nci hem III-ncü), Gagauziyaya türlü devletlerdän - Rusiyadan, Türkiyadan, Greţiyadan, Bolgariyadan, Ukrainadan, Kanadadan, Amerikadan, Braziliyadan hem başka devletlerdän, nerelerdä gagauzlar yaşêêrlar, delegaţiyalar geldilär. Dünnää Gagauzların Kongreslerinä başka milletlerdän dä musaafirlär (konuklar) geldilär. Öleliklän gagauzlar bütün dünnääya taa bir sıra bildirdilär, ani onnar dünnääda var.

Orhon yazıları dünnääya anıt taş gibi yazılı kaldılar, gagauzlar sa o eski türk dilini, onnarın dedelerinin (gagauzların) kultura miraslarını cannı olarak binnärcä yıl koruyup, bu günä kadar yaşatmışlar hem yaşadêrlar da.

XIX asirin sonunda gagauz dilinnän hem Orhon yazılarınnan ilgili dünnääda önemni bilim açıklamaları yapıldı, onnarı anılmış bilim adamnarı – Tomson hem Radlov dünnääya açtılar. Orhon yazılarını çözmää gagauz dili yardımcı olmuştu, demek ki, bizim dedelerimiz hem biz, o eski, çok evelki türk dilini hem kulturasını cannı, devam ettirip, korumuşuk. Düşüneriz, ki Orhon yazılarınnan hem gagauz dilinnän büük bir baalantıları olduu için XIX asirin sonunda – XX asirin başlantısında Rus İmperatorluu (Orhon yazıları dünnääya açıklandıı zaman) Besarabiyaya ekspediţiya yolladı da rus etnografı V.A.Moşkov gagauzların kultura zenginniini toplayıp, onnarlan ilgili dünnääya bir anıt taş dikti, gagauzların kultura mirasını korudu.[21]

Büünkü gündä globalizaţiya dünnääyı kaplayıp, milletlerin cannarını, kulturalarını diiştirmää savaşêr. Gagauzların material kulturaları hem istoriya izleri Stambulda, Balıklı Ortodoks Mezarlıında,[22]

---

[17] Kolţa, E.K., bu statyanın yazarına o zamannar dediydi: "Bän onnarlan kayıl diilim, onun için dedim benim adımı hem laabımı kiyadın kabında yazmasınnar, ...". Söz gider, "Pravila orfografii i punktuaţii gagauzskogo yazıka. Otvetstvennıye za vıpusk: *Stoletnäyä, A., Kotenko, V., Vasilioglu, K.*, Kişinev, 1995, kitab için.

[18] Pravila opfografii i punktuaţii gagauzskogo yazıka. Yayına sorumnu: *Stoletnäyä, A., Kotenko, V., Vasilioglu, K.*, Kişinev, 1995.

[19] *Radova-Karanastas, Olga*, "XX-XXI Yüzyıllarda Moldova ve Ukrayna Cumhuriyetlerinde Gagauz Dilin Gelişmesi", Uluslararası sosyal bilimler lisansüstü öğrenci sempozyumu (İnternational Social Sciences Postgraduate Aymposium), «Ordu Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü», 28-30.04.2011, Ordu, 2011, s.150-157.

[20] 2006 yılın orak ayın (iyül) 20-21-dä Dünnää Gagauzların Birinci Kongresi hem 2009 yılın harman ayın (avgust) 18-19-da da Dünnää Gagauzların İkinci Kongresi hep Gagauzyanın (Gagauz Yeri) baş kasabasında, Komratta gerçekleşti.

[21] *Радова (Каранастас), О.К.*,"Историко-демографическое развитие гагаузов Молдовы и Украины в XVIII-XX вв.", "Вести Гагаузии", №112-113 (7108-7109), от 2 августа, Komrat, 2005; bak daha: *Радова-Каранастас, О.К.*, Путь к себе: Аспекты истории, культуры, демографии, этнографии, этногенеза гагаузов. *Сборник научных статей О.К. Радовой-Каранастас.*Кишинев, 2008,297 с.

[22] *Radova-Karanastas, O.K.*, "Güneydoğu Avrupa Gagauzların tarihini ve kültürünü korumak – etnosun gelişmesinde bir şart temeldir", Puti k sebe: Aspektı istorii, kul'turı, demografii, etnografii, etnogeneza gagauzov. Sbornik nauçnıh statey *O.K.Radovoy-Karanastas.* Vtoroye dopolnennoye izdaniye, Kişinev, 2009, s. 194-217, 218-276.

V.A.Moşkovun hem başka yazarların çalışmalarında bu günä kadar korunulmuşlar, cannı olarak da büün Bucakta hem Üülen-Günduusu Evropa bölgelerinin başka erlerindä dä gagauzlarlan korunulmuşlar. Asimiläţiya proţesları çok hızlı giderlär, bu sebeptän dolayı söleyäbiliriz, ki nicä Orhon yazıları dünnääda korunursalar, gagauzların istoriyası, dili hem kulturası da, ölecä, bütün dünnää tarafından, korunulması lääzımdır, çünkü gagauz halkı hem onun kulturası, bütün dünnää ţivilizaţiyanın bir parçasıdır.

2012 yılda Moldova Respublikanın Gagauziya Avtonom Bölgesindä Bilim-araştırma merkezi (GBAM) açıldı, orada önderci Prof. Dr. Stepan Varbandı, sora bir yıla yakın gagauz yazıcısı, "Sabaa yıldızı" jurnalın redaktoru Stepan Bulgar oldu, şu an da GBAM direktoru istoriya bilgileri doktoru, saygılı Dr. Piotr Paşalı. GBAM uzmannarı (zaametçileri) hem aaraştırıcıları gagauz dilinnän, kulturasınnan hem istoriyasınnan ilgili bilim çalışmalarını devam ederlär.

2014 yılda Gagauziya M.V. Maruneviçin adına Bilim-aaraştırma merkezi, Gagauziya Genel üüretmäk müdürlüü hem Komrat Devlet Universiteti barabar, enidän gagauz dilinin yazı kurallarını çıkardılar.[23]

Gagauz dilinin gelişmesi için çok faydalı olabilir türk hem dünnää klasik çalışmaları gagauz dilinä çevirilsinnär. Bu çalışmalar gerçekleşsin deyni, nesoy hem nasıl programaları lääzım çözelim hem ne kösteklär yolumuzda çıkêrlar biraz açıklayabiliriz.

Eskidän, Sovetlär Birliinä girän respublikaların milletlerini biri-birilerinnän annaştıran rus diliydi, çünkü o devlet diliydi. Şu an Sovetlär Birlii daaldı, ama bilgilär, angılarını milletlär sovetlär zamanında kazandılar, kaldılar. O varlıın da birisi – rus dili, angısı devletlärarası milletlerin (türk milletlerin da aralarında) sölpetlerindä, annaşmalarında köprü olêr. Bu ilk adımnarda, rus dili yardımcı olabilir çeşitli türk dillerdän gagauz dilinä çevirmelerdä. Elbetki, burada Moldovada, Gagauziya Avtonom Bölgesindä hem eskidän Sovetlär Birliinä girän respublikalarda yaşayan gagauzlar için söz gider. Türkiyada yaşayan gagauzlara, Türkiyadakı türkçä yardımcı olabilir; Bolgariyada yaşayannara - bolgar dili yardımcı olabilir, Greţiyada – grek dili hem t.b., ama geneldän türk dili – gagauz dili bizi birleştirebilir.

Bakınca başka türk milletlerinä, kimin kendi respublikaları var, gagauz dili ilerlesin deyni, çok çalışmalar lääzım olsunnar. Faydalı olabilir gagauzlar kulturalarını, dilini, türk dünnääsında yaradılan literatura varlıklarınnan, bilimnerinnän zenginnetsinnär. O üzerä bu çeviri çalışmaları gerçekleşsinnär deyni, şu çalışmalar paralel lääzım olsunnar da bizim gagauz dilimiz örüsün, türk dünnääyın kulturası kökündän kurumasın deyni. Zerä gagauz dilini - türk dünnääyın en eski zamannardan kalma cannı öz türkçesini koruyabilämärsak, dünnää toplulukları yardımcı olmarsa, ki gagauz dili cannı ileri dooru örüsün, var nasıl bütünnä türk dilleri da kurumaa başlasınnar, çünkü fidanın kökü kuruyarsa, bütün dallarına da yazık, onnara da zarar olar.

Gagauz dili ţivilizaţiyamızın en eski zamanından kalmalıydır. Orhon yazıları salt taşlarda kalmışlar, gagauzlar sa o eski türk dilini cannı olarak korumuşlar.[24] O üzerä, gelecek unukalarımıza (evlat boylarına) deyni da gagauz kulturasını, dilini etiştirmäk için, uygun olabilir şu çalışmalar paralel gerçekleşsinlär:

- Dünnää Türk literatura klasik yaratmaları gagauz dilinä çevirilsinnär.
- Çok önemni "Gagauz terminologiya merkezi" çalışmaa başlasın, ozaman gagauz dilinin gelecää olacêk.
- Bunun yanında (tercümä çalışmaların yanında) "Gagauz dilinin temel sözlüü" hem üç-dört dildä "Gagauz terminnerin sözlüü", gagauzça – Türkiya türkçesi – rusça - moldovanca dillerdä hazırlansınnar lääzımdır.[25]

Bu çalışmalar paralel olursa, çeşitli türk dillerdän hem dünnää klasik yaratmalardan da gagauz dilinä tercümelär olabilir olsunnar.

Moldovadakı Gagauziya Avtonom Bölgesindä "Bilim, terminologiya hem tercümä merkezi" lääzım birerdä olsunnar, ozaman çalışmalar biri-birilerinnän koordine ediläbilirlär da Gagauziyada[26]

---

[23] Правила орфографии и пунктуации гагаузского языка / Научно-исследовательский центр Гагаузии им. М.В.Маруневич, Главное управление образования Гагаузии, Комратский Государственный Университет. Ответст. за выпуск *П.А.Чеботарь, М.И.Копущу, И.Д.Банкова*. Кишинев, 2014, 72 с.

[24] Bak. *Dr. Olga Radova-Karanastasın* «Gagauzların tarihi, yerleşim yerleri, dili ve kültürü»18.04.2008 yılında "Türk Dili Kurumu" (Ankarada) konuşmasını.

[25] Bu fikirlärlän paylaşmıştım Uluslararası «Türk lehçeleri arasındakı aktarma çalışmaların bugünkü durumu ve karşılaşan sorunlar" Simpoziumunda, angısı 2009-cu yılda T.C.Maltepe Universitetindä oldu, organizatorlar – TURKSOY, İstanbul T.C.Maltepe Universitesi, T.C.Kültür ve Turizm Bakanlığı, TİKA, Gazi Üniversitesi, Avrasya Yazarlar Birliği.

[26] Ozaman Ukrainada, başka Respublikalarda da ilerlenir.

gagauz dili gerçektän, Hukuka görä, kendi statusunu kazanabilir hem kendini ömürün herbir erindä cannandırabilir. Büün dä büük umutlan gelecek zamannara bakêrız, ani Evropa Birliindä, Türk Dünyasında çalışan yaradıcılar, devlet hem bilim adamnarı, gagauz milletin ihtiyaclarını kendi kultura miraslarını korumak için (ileri dooru, devamnı, cannı yaşatmak için) çok ii annayaceklar hem yardım edeceklär.

Sonuç olarak söleyäbiliriz, ani gagauz dili Balkannarın hem bütün Üülen-Günduusu Evropanın en evelki, özel bir Balkan türkçesidir. Gagauz türkçesi bizim dedelerimizin çok bilimsel oldukları için hem onnarın hatırıları için taa evelki zamannarda Üülen-Günduusu Evropada tutturulmuş hem orada kökleşmiş. Gagauz dili, gagauz milletin kultura mirası, onu biz läázım koruyalım hem ileri dooru da örüdelim.

УДК: 811.161.1

МЕСТОИМЕНИЕ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ОБЪЕКТА ПРИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ СУБКАТЕГОРИИ ОТНОШЕНИЯ

Соколова А.А.
кандидат филологических наук, доцент,
Тюменское высшее военно-инженерное командное училище (военный институт) имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова, Россия

Annotation. Process phraseological units can to express different relationship, such us: 1) between a person and a thing, 2) a person and a person, 3) a thing and a thing, 4) a thing and a person. For example, to have a deal with, to pay attention to and other. It can to have different meaning. Pronouns are a means of expressing the object.

Keywords: process phraseological units, pronoun, object.

Процессуальные фразеологизмы субкатегории отношения в современном русском языке характеризуются обязательным наличием объекта. Субъект отношений инициирует отношения с объектом, вступает в них, отношения между субъектом и объектом могут быть взаимонаправлены, субъект может доминировать в отношениях над объектом и т.д. Например: **вставлять палки в колёса** кому-л., **вступать / вступить в брак** с кем-л., **заключать / заключить контракт** с кем-л., **есть поедом** кого-л., **лезть под кожу** кому-л., **налаживать отношения** с кем-л. и т.д.

Объект отношения - это элемент синтаксической связи, который может быть выражен именем существительным, местоимённым существительным, субстантивированными прилагательным и причастием, количественно-именным сочетанием и числительным во всех косвенных падежах с предлогом и без него, и в предложении является прямым или косвенным дополнением.

Данные о морфологической природе объектов отношений процессуальных фразеологизмов субкатегории отношения приведены в таблице 1.

Таблица 1

№ п/п	Морфологическая природа правого члена отношения	Кол-во употр-й	%	Пример
1.	Имя существительное	3854	38	разведчик,
2.	Местоимённое существительное	3550	35	меня, никого
3.	Субстантивированное прилагательное	142	1,4	встречный, злой
4.	Количественно-именное сочетание	10	0,1	пятерка соперников
5.	Субстантивированное причастие	41	0,4	приходивший
6.	Имя числительное	10	0,1	первый
7.	Не выражен в контексте	2535	25	-
Итого	-	10142	100	-

Из таблицы видно, что чаще всего объект отношения выражен именем существительным и местоимённым существительным.

Местоимения в роли объекта по частотности употребления практически не уступают существительным. 3550 употреблений местоимений в косвенных падежах представлены разнообразием разрядов, служащих для обозначения одушевленного и неодушевленного членов отношения, что нашло отражение в таблице 2.

Таблица 2

Часть речи	Хар-р объекта	Кол-во употр-й	%	Разряды	Пример	Кол-во употр-й	%
Местоимение	Одушевленный	3296	93	Личные	его (него), ему (нему), с ним, о нем	872	25
					меня, мне, мной, мною	568	16
					её (неё), ей (ней)	507	14
					их (них), им, ими (ними)	254	7,2
					нам, нами, нас	203	5,7
					тебе, тебя	160	4,5
					вас, вам, вами	152	4,3
				Определи-тельные	каждого (-ых), другого, любого, всех, всеми	162	4,5
				Относи-тельные	кого, кому, кем, которого (-ому)	202	5,7
				Вопроси-тельные	с кем, кого, кому	9	0,3
				Отрица-тельные	никого, ни у кого, никому, ни к кому, ни перед кем, не с кем, ни с кем	40	1,1
				Указа-тельные	того, тех, тем, таким, обоим	19	0,5
				Неопреде-лённые	кого-то, кому-то, кем-то; кого-нибудь, кому-нибудь, кем-нибудь; кое-кого, кое на кого, кой-кому	50	1,4
				Возвратн.	себя	39	1,1
				Притяжа-тельные	ничье, мое, наше, твое, ваше, его, ее, их	59	1,7
	Неодушевленный	254	7	Личные	его (него), ему (нему), с ним	42	1,2
					её (неё), ей (ней)	51	1,4
					их (них), им, ними	40	1,1
				Указа-тельные	тому, тем, этому, этого, то	20	0,5
				Определи-тельные	другой (-ое, -ие), всем (-и)	6	0,2
				Относи-тельные	что, которого (-ому, -ым)	61	1,7
				Вопроси-тельные	что	30	0,8
				Отрица-тельные	ни к чему, ни на что	4	0,1
Всего		3550	100	-	-	3550	100

Из таблицы видно, что процессуальное отношение фразеологизма чаще всего направлено на одушевлённый объект. Это отражает общую особенность всех процессуальных фразеологизмов выражать отношения между людьми. Преобладают личные местоимения 1, 2 и 3 лица единственного и множественного числа в винительном и дательном падежах (*его, ему, меня, мне, ее, ей, их, им, нас, нам, тебя, тебе, вас, вам*). В контексте местоимения выполняют дейктическую функцию, указывая на объект отношения, но не называя его:

Перед Островзоровым все заискивали, готовы были **носить** *его* **на руках**, только бы выручил их. *А. Новиков-Прибой. Жещина в море*.

Голос на него **подняла** Лизка. *Б. Панкин. Время и слово*.

Вчерашний флигель-адъютант **делал** ему **упреки**, зачем он не остановился во дворце... *Л. Толстой. Война и мир*.

В пушку оказалось и рыльце Аветика Джигартаняна: хотя и мелкой рыбешкой он слыл, но "плавал" на черном рынке до поры вольно, и к нему **подбирало ключи** ГПУ. *Н. Горбачев. Белые воды*.

Но все я сомневался, захотите ли вы меня **держать на помочах** или нет. *А. Кольцов. Письмо В.Г. Белинскому*.

Дайте честное слово, что вы предадите вечному завбвению мои глупости и перестанете **колоть** мне ими **глаза**. *И. Гончаров. Обыкновенная история*.

<...> и она давно успела и институт кончить, и пожить года два-три в Москве, с богатой теткой, которая **вывозила** ее **в свет**. *А. Чехов. ПСС, т. 9, с. 64.*

Я **не кинула бы** в нее **камнем**, если б она честно заявила мужу, что любит другого. *П. Боборыкин. Перевал.*

За всю долгую историю "Чайки" ни один из деятелей просвещения и педнауки **не протянул** ей **руку**. *И. Синицын. Торможение.*

А он их **крыл на чем свет стоит**. *С. Алексеев. Рой*.

Я ж им (дочерям) недолго **глаза мозолить буду**. *И. Тургенев. Степной король Лир*.

Скажу откровенно: если бы тот человек **прижал** нас **к стене**, мы бы сопротивлялись сколько могли, сударь, сопротивлялись бы до последнего, и никто бы не поставил нам этого в упрек. *Б. Васильев. Были и небыли.*

Заметим, что в роли субъекта отношения чаще всего выступает личное местоимение *я* в форме именительного падежа (793 употребления, 8%), а в роли объекта отношения возрастает количество употреблений местоимений *он, она, они* в косвенных падежах как в личном, так и в предметном значении. Местоимение *я* обозначает говорящего, местоимения третьего лица обозначают человека, не участвующего в беседе, и предмет речи. Разница в значениях подчеркивает более пассивный характер объекта, выраженного местоимениями третьего лица, и активность субъекта, инициатора отношений.

В количественном соотношении преобладают притяжательные местоимения в роли объекта по сравнению с субъектом отношения (59 и 2 соответственно):

- Но ты, - сказал, - **войди** и в мое **положение**, Антонида. *П. Нилин. Впервые замужем*.

- И долго ты, дармоед, **будешь** на моей **шее сидеть**? *Г. Петров. Терпеливый Арсений*.

Айтматов и Троепольский **приковали** наше **внимание**. *Б. Панкин. Время и слово*.

Вполне **разделяю** ваше **мнение**. *А. Чехов. ПСС, т. 8, с. 365*.

Каждому твоему **слову верю** и знаю, что ты меня не обманывал никогда и впредь не обманешь; а я тебя всё-таки не люблю. *Ф. Достоевский. Идиот*.

Настораживался он лишь тогда, когда пытались **копнуть** его **нутро**. *А. Приставкин. Городок.*

<…> мать Тамары наконец **поддалась на** ее **уговоры** и сняла опять дачку в наших краях… *В. Набоков. Другие берега*.

Все обратили на это внимание, **прошлись на** их **счет**, прошутились и ... И все. *АиФ, № 44, 1999.*

Несмотря на то, что в предложении притяжательные местоимения выполняют функцию согласованного определения, а не дополнения, они, тем не менее, содержат в себе информацию о втором члене отношения.

Возможность употребления процессуальных фразеологизмов субкатегории отношения с объектом в форме возвратного местоимения *себя* переводит фразеологизм из субкатегории отношения в субкатегорию состояния. В.А. Лебединская выделила 3 семантические субкатегории процессуальных фразеологизмов: деятельности, состояния и отношения[27]. В диссертационной работе Б.В. Туркиной проведено подробное исследование формальных и семантических свойств процессуальных фразеологизмов субкатегории состояния[28].

Сравните:

-На корабле, особенно командиру, приходится себя **в узде держать**. *А. Зонин. Морское богатство*.

А, впрочем, знаете что: я убежден, что нашего брата подпольного нужно **в узде держать**. *Ф. Достоевский. Записки из подполья*.

Им, конечно, не нравится, что она не умеет **держать** класс **в узде**. *В. Потанин. Снег*.

<…> общественная уже формула, всеми принятая на Западе и которой все там служат и в нее верят? По крайней мере, все те, которые стоят над народом, которые **держат** его **в узде,** которые обладают землей и пролетарием и стоят на страже «европейского просвещения». *Ф. Достоевский. Дневник писателя. 1880.*

У фразеологизма **держать в узде** кого-л. не меняется характер субъекта-лица и объекта-лица, но объект-лицо может быть выражен возвратным местоимением *себя*, формируя значение «оставаться спокойным, держать под контролем свои чувства». Это даёт возможность определить субкатегориальное значение единицы как процессуальное состояние.

Таким образом, характер объекта, способ его выражения влияет на формирование субкатегориального значения процессуальных фразеологизмов. Форма лица местоимённого существительного может влиять на характер пассивности – активности объекта отношения. Разряд местоимений часто указывает на определённое субкатегориальное значение фразеологической единицы.

Список литературы

1. Лебединская В.А. Взаимодействие семантических и грамматических свойств процессуальных фразеологизмов: Дис… д-ра филол. наук. – Курган, 1996. – 312 с.
2. Туркина Б.В. Процессуальные фразеологизмы субкатегории состояния в современном русском языке: Дис. … канд. филол. наук. – Тюмень, 2002. - 220 с.

УДК 378.147:811'373

TEACHING VOCABULARY WITH USE OF MULTIMEDIA

Сукман А.Г.
мастер, преподаватель, КГУ, РМ;
Палик О.П.
мастер, преподаватель, КГУ, РМ

Annotation. Статья рассматривает новые подходы обогащения словарного запаса учащихся. Выявляется важность, как новых методов, так и традиционных. Рассматриваются способы обучения лексике английского языка с помощью таких технологий, как видео, презентации, песни, интернет, электронный словарь. Мультимедиа не рассматривается как решение всех проблем, для достижения высоких результатов необходимо владеть знаниями, полученными в области педагогики, психологии, методики.

Key words: словарный запас, новые технологии, традиционные подходы, новые слова, видео, песня, презентация, электронный словарь.

[27] Лебединская 1996, 143.
[28] Туркина 2002.

Teaching vocabulary is a very important field; it is not just presenting and introducing new vocabulary to the learners. Learning or knowing words is not filling papers with new words and then memorising them. Students need to understand the word meaning in context and how words are used. The teacher can do this with both with traditional methods and new, different ways and techniques.

During the presentation of the new vocabulary special attention should be paid to the peculiarities of the items presented. The teacher needs to make sure that the students have perceived both graphic and phonetic forms of a new word. It is also important to provide the learners with information about the grammatical form of the words. While teaching students vocabulary, the words should be introduced in sentence patterns. The teachers should use different techniques for presenting the meaning of new items. The teacher should use techniques which are useful, special, and suitable for the learner and his level.

To make the learning more interesting and productive it is recommended to use different modern methods while teaching vocabulary. Today there are many possibilities to enhance vocabulary acquisition with the help of technology. A teacher must be ready to switch from tasks which are unsuccessful in her class, and reorganize the learning process in such a way that even the most boring and challenging information is adopted perfectly by students. A teacher must organize memorization and vocabulary practice in such a way that even rarely used words are memorized by students so that they can be used when they are required. The teacher should use her imagination for creating her own song exercises, movie exercises, and presentations which will be suitable for the students;

Visual aids, especially movies or videos, is considered one of the most useful and effective way to teach and to learn English vocabulary. Using videos makes students pay attention to the lesson, arouses their interest in it, and creates a good learning atmosphere during the lesson. Moreover, through movies or videos with sound and picture, learners can enjoy themselves, release stress and have an open mind to learn and perceive words. Besides, learners can benefit a lot from widening communication expressions and phrases. However, several teachers do not take full advantage of them when teaching vocabulary. Some teachers often complain that it would take much time to find the relevant movies or videos for the lessons. Besides, in the videos and movies, there may be some redundant new words, so they have to spend much time explaining them.

Language teachers like video because it motivates learners, brings the real world into the classroom, contextualizes language naturally and enables learners to experience authentic language in a controlled environment. Video can give students realistic models to imitate for role-play and can increase awareness of other cultures by teaching appropriateness and suitability.

On the other hand, besides advantages, the disadvantages of video should also be taken into account. The main disadvantages are cost, inconvenience, maintenance and in some cases, fear of technology.

For working in class with films, the teacher should first watch the film and take notes on any words and expressions she wants her students to learn because they will be useful to them. A teacher should pay attention to the plot and characters and write down important events and character features. She has to be to be creative and to make worksheets full of exercises for the students to do before and after watching the film. The vocabulary exercises are done in class before and after watching the film. It is important to choose films the students will feel motivated to watch. Not all films will give the same results. The best are comedy, animated or adventure films. It is also recommended for beginner English students to choose movies that they have already seen, or movies with subtitles. For more advanced English students we shouldn't turn the subtitles on. Students have to write down difficult words while watching the video and after watching the movie in order to find them in the dictionary. Before watching a film some vocabulary exercises should be done. It is suggested to work with nouns, verbs, adjectives and expressions. After having watched the film the students should do some activities to work on the plot and characters, using new words, so that teacher can check their comprehension.

There are many interesting Vocabulary exercises, some of them are: matching words and expressions to their translations; matching words and definitions; matching words and synonyms or opposites; completing sentences with the words taken from the film; completing a piece of dialogue extracted from the film; multiple choice tests: choosing the correct word to complete the sentences from 3 given options; working on some specific vocabulary related to the plot: hotels, love, luck, travelling,

holidays, food, cooking, weddings, the airport; matching the beginnings and endings of phrases or expressions; finding the odd one out, and others.

Thus, watching video films should be different from passive television viewing. So, the teacher should encourage the learners to watch the films actively, by using the supplementary materials, such as worksheets prepared by her or supplied with the films. The learners should participate in the activities. Shortly, the role of the learner is not to be a passive viewer but an active member in the triangle of the video, the teacher and the learner. To reach successful and effective results while teaching vocabulary through video films should be chosen carefully.

Songs also can be used in the classroom for teaching vocabulary in a lot of various ways. All skills such as listening, reading, writing and speaking can be practiced, and the same with linguistic areas starting with vocabulary, grammatical structures, and ending with rhythm, stress, fluency and pronunciation. The rhythm of the verse helps the learner to put the stress in the right place, creating a natural flow of language and building up fluency. Songs are also "especially good at introducing vocabulary because they provide a meaningful context for the vocabulary". However, it depends on the choice of songs since there are also some songs without meaningful context. Songs and song exercises, and movies with pre watching and post watching exercises, can help students retain vocabulary at the levels of application and integration.

While preparing lesson plans, the internet can be helpful for finding different activities and interesting tasks involving movies, clips, and pictures. Web resources on the internet can be helpful assistants for studying vocabulary. There are many internet games based on vocabulary learning, but they should be chosen correctly. And when a teacher uses internet resources, the following principle should be taken in consideration: “Do not harm”. While using Internet we should be prepared, patient, organized, critical and realistic. Technology is just a tool. In terms of getting the kids working together and motivating them, the teacher is most important. The role of the internet in teaching vocabulary is doubtless, it helps us as teachers, but we should know how to use it, when to use it, and for whom to use it.

PowerPoint presentations can be used in the classroom for teaching vocabulary, grammar, phonetics. It can be used for student projects, for practice and drilling, for games, for reviews, and for tests. Power Point allows teachers to vary their teaching methods and make lessons interesting. Some scientists consider that PowerPoint is a fun and motivational tool which presents knowledge in an interactive way. Teachers should be moderate in their use of animations, transitions, and other multimedia effects. Overusing PowerPoint can bore learners and reduce the effectiveness of this teaching tool. PowerPoint can be a very helpful tool in the English language classroom, but it is not the solution to every problem. Instead, we should simply understand when to use Power Point Presentations and how to use them. We shouldn’t forget that in order to achieve high results in the teaching process, all the tools available should be combined. Power Point, when combined with other methods, can engage students' interest and thus help make English lessons more memorable.

An electronic book can serve as a vocabulary through its ability to easily locate a needed word. Electronic books can find a word by simply entering a search keyword. An e-book, created by a teacher, can be used to increase students' interest and motivation in studying foreign languages. Teachers of the English language can create electronic vocabulary appendixes with visual aids for different traditional books. The electronic vocabulary can provide vocabulary notes on different topics and thus help students to memorize new words in a better way. Words and word-combinations should have pictures, though not all words can provide pictures, for example for word “to believe” it is too abstract for a proper picture to be located, at least one that would help convey the meaning to the students and improve their understanding of the word. We have customized an electronic vocabulary, complete with pictures, as an appendix to the traditional book “Practical Course”. When students see the vivid background of the vocabulary and see the pictures in addition to words and phrases, their levels of motivation and interest are greatly increased. Therefore they memorize words more quickly, and since their resource is electronic the students also have the possibility to look through it at home and to use in along with the internet. The internet can be used to send all students the e-book.

Power- point Presentations, Internet and electronic vocabularies can serve as the perfect visual aids for introducing new words at the levels of knowledge and comprehension.

While teaching Vocabulary we should combine both traditional and modern methods. Modern life and a new generation of students demand new ways of teaching, but we shouldn't forget all those old traditional ways of teaching; we should follow the principle of using a variety of activities, because if we use only new or only old methods, students can get bored; we have to combine all the methods we know and learn and teach with these. While using multimedia we should take into consideration certain psychological factors- a learner's age, for example.

Multimedia can be a helpful tool in teaching foreign languages, but it shouldn't be considered a solution to all the problems. The computer itself, without proper pedagogy, psychology, or methodology, doesn't work. Using multimedia isn't simply switching the computer on- it requires more effort to organize the learning process with use of new techniques than without them.

Bibliography

1. Abbas P. The Significant Role of Multimedia in Motivating EFL Learners' Interest in English Language Learning //Modern Education and Computer Science, 2012, №4, p. 57-66.
2. Allen V. F. *Techniques in Teaching Vocabulary* Oxford , 1983. p. -135.
3. Crystal, D. Language and the Internet Cambridge, 2001.p.- 272.
4. Griffee D. T. *Songs in action* Hertfordshire: Phoenix, 1995.p.7.
5. Hemei J. *Teaching with Video in an English Class* // Journal of English Teaching Forum.1997.- vol.35-2, p.45-47.
6. Is an intervention using computer software effective in literacy learning? A randomized controlled trial/ G. Brooks, J.N.V. Miles, C.J. Torgerson, D.J. Torgerson//Educational Studies. - 2006. p.133-143.
7. Katchen J.E. (1996) Using authentic video in English language teaching: Tips for Taiwan's teacher //The Korea Association of Teachers of English International Conference - 2002. p. 256-259.
8. Mayer R. E. Multimedia aids to problem-solving transfer // International Journal of Educational. Technology Press, 1997.p.3-14.
9. Murphey T. *Music and Songs* Oxford University Press, 1992.p.-130.
10. Papa M., Iantorno G. *Famous British and American songs* Longman Group Limited, - 1979.p.20-25.
11. Phillips R. The Developments handbook to Interactive Multimedia: A Practical Guide for Educational Applications London: Kogan Page, 1997.p.-77.
12. Richards J., Rodgers T. Approaches and Methods in Language Teaching: A description and analysis Cambridge, 2001.p. -117.

УДК: [811.111:161.1:811.512.165]'374:33

О КОНЦЕПЦИИ СОСТАВЛЕНИЯ АНГЛО-РУССКО-ГАГАУЗСКОГО СЛОВАРЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Сулак С. К.
доктор, конференциар университар,
Комратский государственный университет, Молдова

Annotation: In compiling the specialized dictionaries it is very important to develop the conceptual foundations of designing the lexicographical sources, which are inseparable from the concept of the language for special purposes, since the terminological vocabulary and special terms appear primarily in the sphere of professional activity, which broadly provides a language for special purposes (LSP). The identification of the range of sources, as a part of the selection process of special vocabulary, is a key direction in compiling the terminological dictionaries. It depends largely on methodological arrangement of the dictionary and it is aimed at obtaining the information about the term taking into account its conceptual form, systemic and intrasystem communication of terminological system.

Keywords: term, special vocabulary, terminology system, conceptual framework, dictionary of economic terms

Переход к рыночной экономике вызвал повышенный интерес к экономической терминологии, необходимость в четкости используемых экономических категорий, понятий.

Научные достижения в области языкознания вызывают все больший интерес у отечественных и зарубежных исследователей к изучению новых возможностей лексикографического отображения, описания и перевода понятийных аппаратов различных областей знаний на современном этапе, в том числе и области экономики. Вопросами теоретической и практической лексикографии занимаются многие исследователи, однако становление и развитие терминологии предметной области знания «Экономика» во многих работах рассматривается с точки зрения ее лингвистических особенностей. Вопросы систематизации понятийно-терминологического аппарата науки приобретают в периоды её интенсивного развития особую важность.

Вполне справедлива точка зрения И. М. Кантора о необходимости выработки новых принципов описания и фиксации терминологической лексики в словарях: «Скачкообразность движения к новым научным результатам приводит к тому, что новые достижения не укладываются в устоявшуюся систему научных понятий и терминов, возникает необходимость их совершенствования» [Кантор 1968: 164].

В качестве одного из способов упорядочения нами понятийно-терминологического аппарата выступает при создании экономического терминологического словаря словарно-энциклопедический жанр.

Разработка концептуальных основ проектирования отраслевых лексикографических источников неотделима от понятия языка для специальных целей, так как терминологическая лексика и специальные понятия фигурируют в первую очередь в сфере профессиональной деятельности, которая в широком смысле обеспечивается языком для специальных целей (LSP). Этот язык неоднороден по своему составу, в нем вычленяется несколько языковых страт в зависимости от степени кодифицированности и информационной содержательности используемых единиц: терминология, профессиональная лексика (профессионализмы, используемые чаще всего в форме устной речи), профессиональные жаргонизмы, номенклатура.

Терминологическая лексика составляет ядро языка профессии, представляет собой особую систему с присущими ей специфическими характеристиками и внутрисистемными связями.

Под профессиональной коммуникацией принято понимать коммуникацию в рамках профессиональной сферы между представителями определенных профессий.

По справедливому замечанию Е. И. Головановой, профессиональную коммуникацию целесообразно разделить на три типа: обучающую, познавательную, деятельностную (включенную в деятельность); иными словами – коммуникацию в процессе обучения профессии, коммуникацию для решения профессиональных задач, коммуникацию в процессе самой деятельности [Голованова 2003: 73–79].

Определение типов профессиональной коммуникации позволяет определить типы источников для отбора терминологических единиц – неких знаков-интерпретантов, описывающих отдельную область знания и подлежащих включению в лексикографические издания.

Значимость термина как единицы необходимой для усвоения определенного количества информации при овладении профессией подчеркивает Т. М. Дридзе «...термин как когнитивно-коммуникативная единица знаковой природы задает программу деятельности и поведения» участникам профессиональной коммуникации [Дридзе 1994: 35].

Е. С. Кубрякова, характеризуя знак как некий интерпретант, несущий информацию, подчеркивает: «Знак только потому знак, что он интерпретируется как знак неким интерпретатором, т.е. имеет некую интерпретанту. Более того, понять то, к какой интерпретанте готовит интерпретатора знак, можно только путем обращения к другим знакам. Знаки живут в системе, данной интерпретаторам, и не случайно одно из определений знака гласит, что знак существует исключительно как единица определенной семиотической системы. Знак – это посредник между человеческим сознанием и миром, а системы знаков объединяют их в еще более высокую целостность» [Кубрякова 2004: 503].

Термины, являясь единицами языка для специальных целей, соотносятся с соответствующими единицами сознания, которое отражает часть деятельности и не может рассматриваться как нечто самостоятельное. Всякая терминологическая система представляет собой когнитивно-логическую

модель отдельной области знания и деятельности человека. Отражая познавательный опыт какого-либо сообщества людей, термин, как отмечает М. Н. Володина, обеспечивает возможность конвенциональной ориентации специалистов [Володина 1997: 38].

Термин как языковой знак объединяет в себе в совокупности знание трех видов: языковое – результат обыденного познания, рациональное – рационально-логическое, энциклопедическое, научное (в широком смысле) и собственно специальное –основанное на профессиональном опыте и возникшее как результат профессионального познания определенных объектов. Таким образом, каждый из видов знания, репрезентированных в термине как языковом знаке, проецирует частный опыт взаимодействия человека с миром.

Важное значение при составлении терминологических словарей имеет отбор терминологических единиц. При их отборе возникает вопрос о границах профессионального пространства, внутри которого функционирует термин, о сфере, противопоставленной ему по ряду существенных признаков. Большое значение уделяется противопоставлениям лексических и терминологических единиц, взятых из повседневной речи и научной. Обе эти сферы составляют единство мира, в котором живет человек, однако содержаниие деятельности человека по-разному интерпретируется и оформляется в языке.

Б. Н. Головин и Р. Ю. Кобрин определяют различие между бытовым и научным понятиями степенью существенности отражаемых в них признаков предмета, степенью проникновения в сущность отражаемых предметов [Головин, Кобрин 1987: 39–42]. В соответствии с такой точкой зрения, бытовое и научное понятия оказываются в отношениях взаимосвязи и взаимообусловленности, они выступают как разные ступени развивающегося понятия и восходят к общей основе – исходному представлению (начальной точке познания). Их соотношение можно сравнить с соотношением «ближайшего и «дальнейшего» значений в теории А. А. Потебни. Отсюда специальное понятие – это достигшее определенного уровня зрелости знание о том или ином предмете, явлении, отношении реальной действительности. В современной лингвистике этот уровень характеризуется как высший (ср. с определением термина как знака специального понятия. У П. А. Флоренского: «зрелое слово», «высшее слово»).

Таким образом, в осмыслении термина как специфического языкового знака мы исходим из того, что термин является вербализованным результатом профессионального мышления, значимым лингвокогнитивным средством ориентации в профессиональной сфере и важнейшим элементом профессиональной коммуникации. В термине реализуется результат познания той или иной специальной области знания или деятельности, в нем репрезентированы структуры специального знания, которые служат отправной точкой в осмыслении профессионального пространства и способствуют оптимальной организации деятельности специалиста [Голованова 2007: 29–30]. И уже нет сомнений в том, что и по семиозису, и по функционированию термины связаны со специальным характером деятельности.

Таким образом, понимание теоретических аспектов интерпретации термина как знака особого типа является важнейшим принципом при создании отраслевых словарей, ибо эти аспекты в целом учитывают структуру и номенклатуру материалов (источников) описываемой отрасли и позволяют определить принципы логического выделения и подачи лексических единиц в каждом отдельном словаре, – это и есть одна из собственно лексикографических проблем, решать которую и признаны конкретные словари.

Учитывая эти аспекты, мы переходим к вопросу о выборе и принципах описания источников специальной лексики для характеристики языка ПО «Экономика». Выбор словарей, описывающих экономическую терминологию на гагаузском языке отсутствует, он ограничен небольшим количеством терминов, отраженных в терминологических словарях ПО «Право», авторами которых являются: доктор юридических наук, Баурчулу А.П. и филолог, Баурчулу Л.К. и словаря-справочника русско-гагаузско-румынских лингвистических терминов под соавторством доктора филологических наук Е. Сорочану и доктора филологических наук Т. Шаршовой, представляющих собой справочное учебное пособие.

В значительной мере системную разработку проблем, в частности лексикографии, на стыке языка и экономики вызывает само общество, в котором активизировались процессы миграции, межкультурного диалога, банковских систем на международном уровне, информационно-

пропагандисткие и другие, требующие обеспечения прав каждого участника в экономических процессах.

Процессы, происходящие на международной арене, неизменно сопровождаются расширением понятийного аппарата предметной области «Экономика» и «Внешнеторговая экономика».

Специалистам, работающим в этой сфере, крайне важно иметь под рукой надежный лексикографический источник, который содержал бы необходимую для работы профессиональную лексику и терминологию (spin doctor, publicity, background plan, communication strategy, company profile, external publics, keynote address).

Актуальность изучения методов и принципов отбора источников и становления терминологического корпуса предметной области знания «Экономика» очевидна. Лексикографические источники по экономическим проблемам входят в группу популярных специальных справочников, представляющих для современной терминографии не только научный, но и практический интерес.

Англо-русско-гагаузский словарь экономических терминов включает свыше 15000 наиболее употребительных терминов ряда экономических дисциплин: управления экономикой, рыночной инфраструктуры, финансов, денежного обращения, кредита, страхования, внутригосударственного ценообразования, ценообразования на мировом рынке, торговли и внешнеэкономических связей, международных валютных отношений, системы маркетинга, менеджмента, микроанализа экономических процессов и макроанализа развития национальной экономики, экспертизы государственного регулирования экономики, моделирования, экономической статистики, методов анализа, эффективности экономического развития. Данный словарь включает также термины по ценным бумагам, бизнесу, приемам формирования уровней цен на товарных рынках, видам сделок, курсу валют, рискам, надежности и др.

Цель словаря — разъяснение в относительно сжатой, простой и доступной форме широкому кругу разнообразных понятий рыночной экономики, раскрытие их смысла и отражение взаимосвязи, формирование терминологического каркаса рыночной экономики и построение развернутой системы ее понятий и терминов.

При подготовке словаря использованы данные многообразных источников (монографий, учебников отечественных и зарубежных авторов, справочной литературы, периодических изданий), результаты собственных исследований и обобщений, а также проведена соответствующая редакционная работа. При составлении словаря авторы старались избегать расплывчатых формулировок и определений.

Англо-русско-гагаузский словарь экономических терминов рассчитан на широкий круг читателей, интересующихся вопросами рыночной экономики, независимо от уровня подготовки, и окажет необходимую помощь предпринимателям, бизнесменам, исследователям, преподавателям и слушателям школ, занимающихся подготовкой бизнесменов, а также лицам, самостоятельно изучающим вопросы рыночной экономики.

Словарь состоит из 3-х частей, каждая из которых является, по сути, отдельным словарем каждого из языков, а перевод терминов предложен в соответствующей части.

Такая структура обусловлена принадлежностью каждого из языков к различным языковым группам, где противопоставлены неродственные языки и все же просматриваются параллели схожести. Несмотря на то, что в лексической терминологии всех трех языков есть некоторые параллели, каждый из них располагает собственным терминологическим фондом.

Выводы

Исследуя такую область знания, как «Экономика», нельзя исключать такие источники, как международные банковские документы, договора, соглашения, тексты конвенций, ценные бумаги, номенклатурные справочники, классификаторы, где специальная лексика представлена в систематизированном виде, и если речь идет о международных договорах в области внешнеэкономических связей, то нельзя исключать классификаторы и номенклатурные справочники, где содержится много наименований специальных объектов – изделий, товаров, торговых марок, – здесь особое внимание привлекают тексты документов внешнеторговой экономики, международной рыночной экономики и международного авторского права.

Мы сочли также необходимым проанализировать распространенные виды специальной литературы – статьи в журналах и сборниках, где содержится новая и авторская терминология. В этих источниках терминология рассеяна по всему тексту, поэтому их обработка довольно трудоёмка. Мы использовали также рефераты, в которых насыщенность терминологией предельно высока при небольшом объеме текста.

Следующей большой проблемой составления терминологического словаря является непосредственный отбор лексики. При этом необходимо решать проблему отделения концептуального содержания специальной лексики от лексики общенационального языка. Выделение специальной лексики связано с проблемами ее стратификации, то есть распределения по типам и определения целесообразности включения в словарь отдельных групп специальной лексики. И здесь мы рассматривали положение термина как основной специальной единицы номинации, поскольку статус других специальных лексических единиц принято определять путем их соотнесения с термином.

Библиография

1. Володина М. Н. *Теория терминологической номинации*. М.: Изд-во Моск. унта, 1997. С. 38.
2. Голованова Е. И. *Теоретические аспекты интерпретации термина как языкового знака* // Лексикология. Терминоведение. Стилистика : сб. науч. тр. (посвящ. Юбилею В. М. Лейчика). М.: Рязань, 2003. С. 73–79.
3. Головин Б. Н., Кобрин Р. Ю. *Лингвистические основы учения о терминах*: учеб. пособие для студентов филол. спец. вузов. М.: Высш. шк., 1987. С. 39–42.
4. Дридзе Т. М. *Язык и социальная психология*. М.: Либроком, 1994. С. 35.
5. Кантор И. М. *Педагогическая лексикография и лексикология*. М.: Просвещение, 1968. 200 с.
6. Кубрякова Е. С. *Язык и знание* / Рос. Академия наук, Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004. 503 с.

УДК: 811.11-115

ANALYSE DER VERWANDTSCHAFTSBEZIEHUNGEN DER GERMANISCHEN SPRACHEN

Тодорич Т. А.
магистр, преподаватель, КГУ, РМ

Аннотация. Уже на древнейшем этапе развития германские языки обнаруживают наряду со сходствами и различия, характерные для каждой из групп в отдельности. В современных германских языках общие тенденции развития также проявляются в сходствах и различиях между ними. В данной статье рассматриваются отличительные особенности германских языков, выделяющие их среди других индоевропейских. Цель данной статьи - представить общие характеристики германских языков и показать, по каким критериям они были объединены в отдельную группу, почему считаются родственными; что в каждом из германских языков сохранилось от общеиндоевропейского периода, а что развилось на германской и собственно национальной почве.

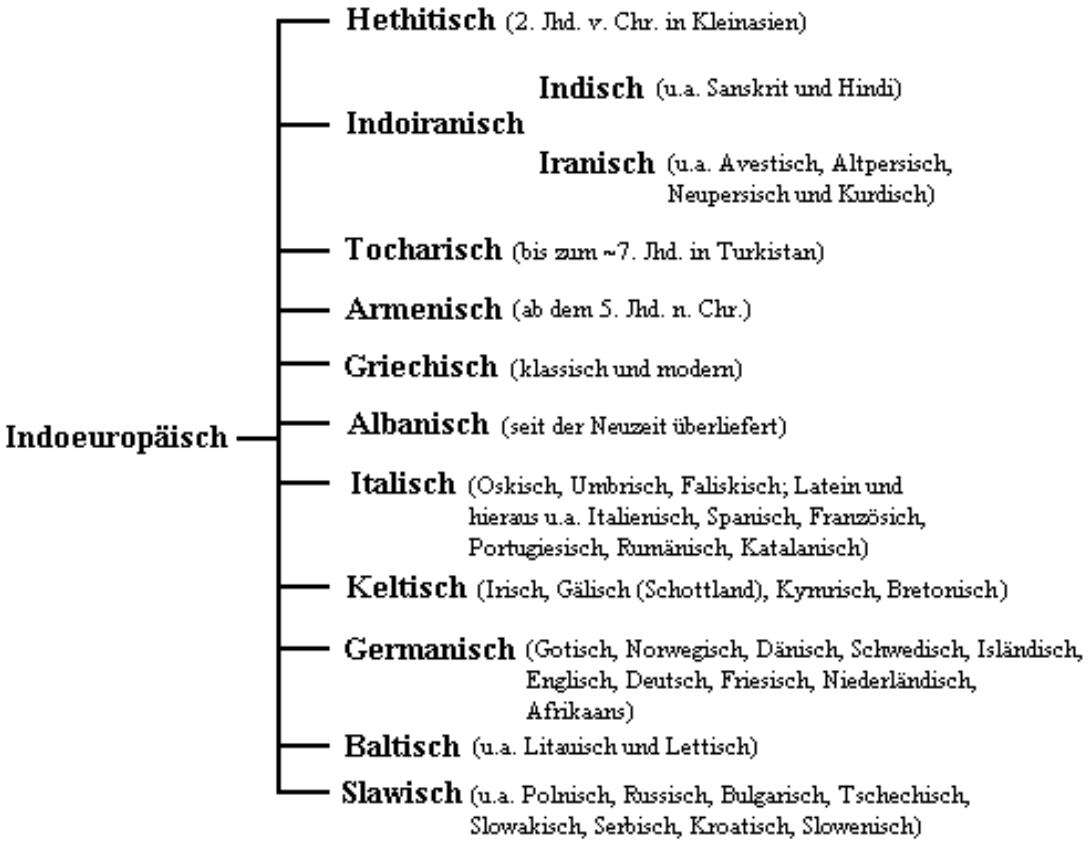
Ключевые слова: общегерманский вокализм, аблаут, редукция, динамическое ударение, консонантизм, общегерманское передвижение согласных.

Germanische Sprachen sind eine Gruppe von Sprachen, deren Zentrum in Europa liegt. Die germanischen Sprachen gliedern sich in zwei Untergruppen:

1. die *nordgermanischen Sprachen*: Isländisch, Färöisch, Norwegisch, Schwedisch und Dänisch;
2. die *westgermanischen Sprachen*: Englisch, Niederländisch, Friesisch und Deutsch.

Die *ostgermanischen Sprachen*, deren bedeutendster Zweig das Gotische war, sind ausgestorben.

Die germanischen Sprachen gehören zur indoeuropäischen (früher indogermanischen) Sprachfamilie, von der sie sich vermutlich im 1. Jahrtausend v. Chr. abzweigten.

Die Verwandtschaft der germanischen Sprachen beruht auf gemeinsamer Abstammung von den Stammesdialekten der alten Germanen. Sie lebten um die Mitte des I. Jahrtausends vor unserer Zeitrechnung rund um die westliche Ostsee, zwischen der Oder und der Elbe, in Jütland und in Skandinavien und waren in einige große Stammesverbände zusammengeschlossen. Mit dem Wachstum der Stämme vollzog sich ihre Aufspaltung und das brachte noch vor Beginn unserer Zeitrechnung die sprachliche Aufspaltung herbei. Aus den germanischen Stammesdialekten bildeten sich später mehrere germanische Sprachen.

Von den anderen indoeuropäischen Sprachen unterscheiden sich germanische Sprachen durch folgende Merkmale:

In lautlicher Hinsicht:

- die Erste germanische Lautverschiebung (betrifft Konsonanten)
- diverse Veränderungen im Vokalismus
- die Festlegung des freien (dynamischen) Wortakzents auf die erste Silbe (Stammsilbenbetonung)

• <u>Vokalische Veränderungen</u>

- indogermanisches kurzes o + a = urgermanisches a
- langes a + langes o = urgermanisches langes o
- ai + oi = ai
- a + ou = au
- ei = i

In morphologischer Hinsicht:

- die Einführung grammatischer Neuerungen in der Flexionsmorphologie
- der Abbau grammatischer Kategorien bei Substantiven und Verben

Dazu gehören:

• Ablaut der starken Verben wird in Ablautreihen weiter ausgebaut
• schwache Deklination im Nomen („n“-Deklination)
• Ausbau einer schwachen Adjektivreflexion, d.h. doppelte Deklination des Adjektivs
• Ausbau eines schwachen Präteritums mit Dentalsuffix -te (sage – sagte)

Die germanischen Sprachen sind durch eine gemeinsame Urform gekennzeichnet, die man als *Urgermanisch* bezeichnen könnte, die aber nicht überliefert ist; (vielmehr traten die germanischen Sprachen sprechenden Einzelstämme mit erheblichen dialektalen Unterschieden in die Geschichte ein).

Schon an der ältesten Etappe der Entwicklung der germanischen Sprachen findet man außer den Ähnlichkeiten auch ihre Unterschiede, die für jede Gruppe im Einzelnen charakteristisch sind. Auch in modernen germanischen Sprachen zeigen sich die gemeinsamen Tendenzen der Entwicklung durch ihre Ähnlichkeiten und Unterschiede zwischen denen. Das Ausgangssystem des allgemeingermanischen Vokalismus unterzieht sich bedeutend Modifikation infolge zahlreicher phonetischer Prozesse (die große Vokalverschiebung im Englischen, Veränderungen in der Sammlung und Verteilung von langen und kurzen Vokalen im Isländischen u.a.). Für die germanischen Sprachen ist die Opposition zwischen langen und kurzen Vokalen charakteristisch, wobei die Unterschiede zwischen einigen Phonemen nicht nur quantitative, sondern auch qualitative sind. Die Diphthonge sind fast in allen germanischen Sprachen vorgestellt, aber ihre Zahl und Charakter unterscheiden sich. Für Konsonantismus ist eine Gegenüberstellung zwischen stimmlosen und stimmhaften Lauten typisch (Ausnahme: Isländisch, Dänisch, Färöisch). Die dynamische Betonung im Norwegischen und Schwedischen, die für alle germanische Sprachen charakteristisch ist, wird mit musikalischer Betonung kombiniert, im Dänischen entspricht ihr genetisch der sogenannte Anstoß.

Für den grammatischen Bau der germanischen Sprachen ist die Tendenz zur Analytismus charakteristisch, die in den einzelnen Sprachen mit verschiedenem Vollständigkeitsgrad realisiert wird (vrgl. analytisches Englisch und Afrikaans gegenüber den flektiven Isländischen und Färöischen). Besonders deutlich wird sie sich in der Nomendeklination gezeigt. Die Kategorie des Kasus ist in den mehreren Sprachen vor der *Nominativ-Genitiv-Opposition* vorgestellt. Die Beziehungen zwischen dem Kasus prägen sich durch die Wortfolge und Satzkonstruktionen. Die Tempuskategorien sind *Plural* und *Singular*, aber formell ist nur Plural geäußert. Die Klassifikation von Substantiven, die in drei Genera geteilt wird (m, f, n), bleibt in 5 aus 11 germanischen Sprachen. In einigen davon Sprachen gibt es nur 2 *Genera* (Neutrum und Allgemeines). Im Englischen und Afrikaans gibt es keine Kategorie des Genus. Für die germanischen Sprachen sind 2 Typen der Adjektivdeklination charakteristisch: *schwache und starke Deklination*. Im Deutschen und Skandinavischen sind 2 Typen erhalten. Aber im Niederländischen und Afrikaans ist sie durch 2 Formen des Adjektivs vorgestellt.

Für das Konjugationsystem ist Klassifikation von Verben charakteristisch, die nach der Bildungsart der Präteritumformen klassifiziert werden:

- *Starke Bildung mit Hilfe von Ablaut;*
- *Schwache Bildung mit Hilfe vom Dentalsuffix (-te)*

Die germanischen Sprachen unterscheiden sich durch:

- *Inventar*
- *Gebrauch von Tempusformen*

Englisch hat 16 Formen, Dänisch als auch Afrikaans haben nur 6.
Weit vorgestellt sind analytische Verbformen, die aus Hilfsverben und unpersönlichen Formen bestehen (Futurum, Perfekt).
Es gibt 2 Genera verbi**:**

- *Aktiv*
- *Passiv*

Sie sind durch die persönlichen Formen oder durch Konstruktion des Partizip II vorgestellt.
Es gibt 3 Moduskategorien:

- *Indikativ*
- *Imperativ*
- *Konjunktiv*

Für die Struktur der einfachen Sätze sind charakteristisch:

- *Tendenz zur festen Wortordnung im Satz, besonders des Verbs (Prädikats).*
- *Inversion in Frage-, Ausrufe- und Nebensätzen.*

Die Verwandtschaft der germanischen Sprachen kann man auch heute trotz Jahrhunderte langer eigenständiger Entwicklung feststellen. Sie kommt:

a) im gemeingermanischen Wortschatz, b) in der Morphologie, c) in der Wortbildung zum Ausdruck.

Als Beispiel des gemeingermanischen Wortschatzes seien folgende Wortgleichungen angeführt:

d.	*Vater*	*Wort*	*bringen*	*neu*	*frei*	*kommen*
e.	*father*	*word*	*bring*	*new*	*free*	*come*
nl.	*vader*	*woord*	*brengen*	*nieuw*	*vrij*	*komen*
schw.	*fader*	*ord*	*bringa*	*ny*	*fri*	*komma*

Die Ähnlichkeit in Formenbau sollen folgende Beispiele veranschaulichen:

a) Der Ablaut in den Grundformen der starken Verben, z.B. :

d. trinken - trank – getrunken
e. drink - drank – drunk
nl. drinken - dronk - gedronken
schw. dricka - drack - drucken

b) Bildung der analytischen Formen des Verbs:

d. ich habe getrunken
e. I have drunk
nl. ik heb gedronken
schw. jag har druckit

c) Bildung der Steigerungsstufen der Adjektive:

d. lang – länger – längst
e. long – longer – longest
nl. lang – langer – langst
schw. long – längre - längst

d) Wortbildunssuffixe :

d.	*-schaft:*	*Freundschaft*
e.	*-ship:*	*friendship*
nl.	*-schap:*	*vriendschap*
schw.	*–skap:*	*vänskap*

Die Zugehörigkeit der germanischen Sprachen zur indoeuropäischen Sprachfamilie mögen folgende Beispiele gemeinindoeuropäischer Wörter im Germanischen mit regelmäßigen Lautkorrespondenzen veranschaulichen:

d. Bruder, e. brother, nl. broeder, schw. brodor, russ. брат, lat. frater, franz. frere, ital. fratello
d. drei, e. three, nl. drie, schw. tre, russ. три, lat. tres, franz. trois, ital. tre, span. tres
d. neu, e. new, nl. nieuw, sche. ny, russ. новый, lat. novus, franz. nouveau, ital. nuovo, span. nuevo, griech. neos

Die folgenden Tabellen stellen einige Wortgleichungen aus den Bereichen *Verwandtschaftsbezeichnungen, Körperteile, Tiernamen, Umweltbegriffe*, *Verben, Pronomina* und *Zahlwörter* für wichtige alt- und neugermanische Sprachen zusammen. Man erkennt den hohen Grad der Verwandtschaft der germanischen Sprachen insgesamt, die besondere Ähnlichkeit der westgermanischen und nordgermanischen Sprachen untereinander, die stärkere Abweichung des Gotischen von beiden Gruppen und letztlich die Beziehung des Germanischen zum Indogermanischen (letzte Spalte, hier sind die Abweichungen natürlich größer). Da die germanischen und indogermanischen Formen nur rekonstruiert sind, sind sie mit einem * versehen.

Tabelle 1. Germanische Wortgleichungen I – Nomina

Deutsch	Ahdeutsch	Nieder-länd.	Afri-kaans	Alt-sächsisch	Englisch	Gotisch	Germanisch	Indogerm.
Vater	fater	vader	vader	fadar	father	fadar	*faðer	*pətér
Mutter	muoter	moeder	moeder	modar	mother	.	*mōðer	*mater
Bruder	bruoder	broeder	broer	brođar	brother	broþar	*brōþer	*bhrater
Schwester	swester	zuster	suster	swestar	sister	swistar	*swester	*suesor
Tochter	tohter	dochter	dogter	dohtar	daughter	dauhtar	*duχter	*dhugəter
Sohn	sunu	zoon	seun	sunu	son	sunus	*sunuz	*suənu
Herz	herza	hart	hart	herta	heart	hairto	*χertōn	*kerd
Knie	knio	knie	knie	knio	knee	kniu	*knewa	*genu
Fuß	fuoz	voet	voet	fot	foot	fotus	*fōt-	*pod
Aue**	ouwi	ooi	ooi	ewwi	ewe	aweþi	*awi	*owi
Kuh	kuo	koe	koei	ko	cow	.	*k(w)ou	*gwou
Schwein	swin	zwijn	swyn	swin	swine	swein	*swina	*sus/suino
Hund	hunt	hond	hond	hund	° hound	hunds	*χundaz	*kuon
Wasser	wazzar	water	water	watar	water	vato	*watar	*wod
Feuer	fiur	vuur	vuur	fiur	fire	.	*fewur	*pehwr̥
(Baum)	.	.	.	trio	tree	triu	*trevam	*deru
(Rad)	.	wiel	wiel	.	wheel	.	*χwegula	*qweqwlo
neu	niuwi	nieuw	nuut	niuwi	new	niujis	*neuja	*neujo

** Aue = Mutterschaf (veraltend, landschaftlich)

Tabelle 2. Germanische Wortgleichungen II – Pronomina, Verben, Zahlwörter

Deutsch	Ahdeutsch	Nieder-länd.	Afri-kaans	Alt-sächsisch	Englisch	Gotisch	Germanisch	Indogerm.
ich	ih	ik	ek	ik	I	ik	*ek	*eg(om)
du	du	.	.	thu	thou	þu	*þu	*tu
wer?	(h)wer	wie	wie	hwe	who	hwas	*χwiz	*kwis
essen	ezzan	eten	eet	etan	eat	itan	*etana	*ed
(er) weiß	weiz	weet	weet	wēt	.	wait	*wait	*woida
ein(s)	ein	één	een	en	one	ains	*aina	*oino
zwei	zwa/zwo/zwei	twee	twee	twa/two/twe	two	twai/twos	*twajina	*dwou
drei	dri	drie	drie	thria	three	þreis	*þrejes	*trejes

vier	fior	vier	vier	fi(u)war	four	fidwor	*feđwōr	*kwetwor
fünf	fimf	vijf	vyf	fif	five	fimf	*femf(e)	*penqwe
sechs	sehs	zes	ses	sehs	six	saihs	*seχs	*seks
sieben	sibun	zeven	sewe	sibun	seven	sibun	*sebun	*septm̥
acht	ahto	acht	agt	ahto	eight	ahtau	*aχtau	*oktou
neun	nium	negen	nege	nigun	nine	ni'un	*newun	*(e)newn̥
zehn	zehan	tien	tien	tehan	ten	taihun	*teχun	*dekm̥
hund-ert	hunt	hond-erd	hond-erd	hund	hund-red	hund	*χunđa	*km̥tóm

Literaturverzeichnis

1. Claus Jürgen Hutterer: *Die germanischen Sprachen. Ihre Geschichte in Grundzügen*. 4. Auflage. VMA-Verlag, Wiesbaden 2008, ISBN 978-3-928127-57-8.
2. Moskalskaja O. J. *Deutsche Sprachgeschichte*. – Moskau Hochschule, 1977
3. *Metzler Lexikon Sprache*.
4. Peter von Polenz *Geschichte der deutschen Sprache*. — Berlin, New York, 1987
5. Rolf Bergmann, Peter Pauly, Stefanie Stricker E*inführung in die deutsche Sprachwissenschaft*. – Universitätsverlag WINTER Heidelberg, 2005
6. Schmidt W. *Geschichte der deutschen Sprache. Ein Lehrbuch für das germanistische Studium Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung.*
7. Stefan Sonderegger. *Althochdeutsche Sprache und Literatur: eine Einführung in das älteste Deutsch. Darstellung und Grammatik*. — Berlin, 1987
8. Арсеньева М.Г., Балашова С.П., Берков В.П., Соловьева Л.Н. *Введение в германскую филологию*. – Москва, изд. «ГИС», 2000
9. Берков В.П. *Введение в германистику* Учебник для университетов. – Москва, «Высшая школа», 2008
10. Сизова И. А. Германские языки// Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990.
11. http://de.wikipedia.org/wiki/Germanische_Sprachen
12. *Commons: Germanische Sprachen* – Sammlung von Bildern, Videos und Audiodateien
13. Ernst Kausen, *Die Klassifikation des Indogermanischen und seiner Zweige* (DOC; 220 kB)
14. Ernst Kausen, *Germanische Wortgleichungen* (DOC; 40 kB)

УДК: 821.161.1:23/28

ОБРАЗ КНЯЗЯ МЫШКИНА В КОНТЕКСТЕ ХРИСТИАНСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Умудова Кямаля
Бакинский славянский университет, Азербайджан

Summary. Dostoyevsky's novels like religion books. Everytime when you read it inspection district increases, new aksioloji values emerge. "Idiot" novel represents very important things. Knyaz Mishkin's dominant character brings nearer to Jesus Christ, but doesn't identify with him. This doesn't fit to the idea of positive nice people. Mishkin is the main objective of pravoslav saint. He believes the existence of holiness, sees and appreciate these people as part of the divine ultimate truth. Knyaz Mishkin's character is appreciated as the christian tradition of context, sobor mind frame and this reveals the essence of Dostoyevsky's polifonism.

Keywods: Christian tradition, yurodivy, sobor mind, polifonism

В поэтике Достоевского особое место занимает жанр романа. В силу потенциальных возможностей художественного освоения действительности, романы этого писателя заключают в себе универсальную концепцию, в которой утверждается имманентная основа бытия. Картина мира и человека разворачивается в творчестве Достоевского не в рамках релятивных понятий. Риторика, понятийная конкретика уступают место поэтике. В сложной архитектонике его романов причудливо таится авторская позиция, сцепляющая разные несоединимые жизненные проявления – персонажи, события, портреты, символические детали – в единой интенции поиска новой правды о мире человеке в нем.

Идейная направленность романа «Идиот», как и в целом всего творчества Достоевского, основана на утверждении метафизической сущности человека и мира. Решение этого вопроса для него было важнее, чем изображение эмпирической стороны жизни. Суть его «особого реализма», «реализма в высшем смысле» заключается в том, что духовное и социальное начала выступают в творчестве писателя в диалектическом единстве. При этом раскрытие, разгадка тайн человеческой души, бездны добра и зла в ней являются для него важнее живописания среды и условий быта.

Литературоведы уделяют много внимания роману «Идиот». Г. К. Щенников подчеркивает мифологичность структуры романа и отсюда проблематичность [7, 98] позиции Мышкина. В романе, на первый взгляд, существует тематическая двуплановость: изображение картин социальной жизни петербургского общества конца 60-х годов и создание характера идеального человека. Между ними кажущееся противоречие, что позволяет часто исследователям спорить по поводу вопроса о том, что считать главной темой романа «Идиот». Для адекватного понимания философии человека и определения поэтической структуры романа важно, во-первых, исходить из того, что социальный мир и идеал «положительно прекрасного человека» изображаются Достоевским как противоположные, но равносильные начала; во-вторых, учитывать «персоналистичность» [4, 353] замысла «Идиота», первичность желания реализовать концепцию праведника.

Достоевский прикоснулся в этом романе к тайне рождения человека – сына божия, воплощения чуда святости. Это была задача очень трудная, непомерная для художественного произведения. Успех всего романа для Достоевского зависел от того, насколько ему удастся представить образ человека, идеальное совершенство которого должно раскрыться читателю по мере того, как перед ним встает и в нем отражается Россия с ее многочисленными проблемами. Писатель ожидал «великого обновления» (1, XXVIII, кн.1; 206), которое, как он верил, должно и может наступить через русскую православную мысль. Как известно, размышляя над образом «положительно прекрасного» человека, Достоевский мысленно оглядывался на ряд положительных образов мировой литературы, на Дон-Кихота Сервантеса, Пикквика Ч. Диккенса, Жан Вальжана В. Гюго. Но во всех трех случаях прекрасное, по мысли писателя, находится в глубоком противоречии с жизнью.

В черновиках романа «Идиот» Достоевский называет своего главного героя Мышкина «князем Христом». В самом романе достаточно ситуаций, раскрывающих тему «Христос среди мытарей и фарисеев», «Христос и грешница». Недалекий генерал Епанчин первый замечает: «Точно Бог послал!» (VIII, 44). Вслед за тем и жена его подчеркивает почти в тех же выражениях: «Я верую, что вас именно для меня Бог привел в Петербург из Швейцарии» (VIII, 70). Подобным образом, но без всякого высокомерия, Мышкин сам думает о себе еще по дороге в Петербург: «Теперь я к людям иду» (VIII, 64), хотя он ведь был с людьми и в своей швейцарской лечебнице.

Реальным человеком, возвысившимся до примера Христа, воспринимают Мышкина самые разные герои романа: Настасья Филипповна с благодарностью повторяет в день своего рождения, что князь – первый истинно преданный человек в ее жизни, а, убегая, бросает: «В первый раз человека видела!» (VIII, 148). Так же прощается с ним перед попыткой самоубийства Ипполит: «Я с Человеком прощусь» (VIII, 348). Генерал Епанчин представляет князя своим гостям: «… Я говорил, что Лев Николаевич человек… человек, одним словом.…» (VIII, 456). Лизавета Прокофьевна готова прогнать все аристократическое общество, а оставить одного Мышкина: «вот он какой человек!» (VIII, 460).

Таким образом, при анализе характера Мышкина, как композиционной оси романа, речь может идти о психологической близости задуманного писателем литературного персонажа к образу Христа. Называя Мышкина «князем Христом», писатель имел в виду христианский характер нравственных идеалов князя, его отношения к жизни, те убеждения, на которые он опирается в своем жизненном поведении. Во всем же остальном Мышкин мыслился Достоевским как реальное лицо со своей сложной, вполне земной, индивидуальной биографией и жизненной судьбой. Перед писателем стояла задача детерминировать, обосновать характер нравственно совершенной личности и указать на прочные внутренние связи положительного героя с русской почвой, как носителем православной культуры, христоцентристского мировоззрения.

Как же так происходит, что самый незаметный в социальном статусе человек, т. е. Мышкин, становится осью, объединяющей вокруг себя других? Как он добивается единства всех людей, обеспечивая одинаковое расположение и расстояние между ними? Мышкин противопоставлен другим действующим лицам романа своей жаждой любви ко всему и всем. «Свобода от сословного, - пишет И. А. Слизина, - обусловлена в Мышкине его индивидуальным складом – «естественностью» «юродивого» [6, 37]. Но писателю важно найти и показать «общие точки», роднящие его героя со всеми русскими. Писатель убежден, что «мышкинское» существует в духе русского народа. Чувство равенства всех перед Богом, причастность к сакральному, таинственному (но не мистическому) облагораживает, возвышает души людей, возвращает им вечную память о жизни и создает необходимую для выживания и заложенную в человеке веру в свое бессмертие.

Вопрос о «детскости» Мышкина – очень важный с точки зрения раскрытия его характера и психологии. Мышкин непосредственен как ребенок. В отличие от других, он не скрывает своих чувств. «Шнейдер мне высказал одну очень странную мысль, он сказал мне, что он вполне убедился, что я сам совершенный ребенок, то есть вполне ребенок, что я только ростом и лицом похож на взрослого, но что развитием, душой, характером и, может быть даже умом я не взрослый, и так я останусь, хотя бы до шестидесяти лет прожил (VIII, 65). Быть взрослым, оставаясь при этом ребенком, означает у Достоевского сохранить «самую живую натуральность, самый глубокий и основной корень законов жизни, здесь источник ее последней управляющей мудрости» [6, 178]. «Детскость» князя, его вера в людей и доверие к ним, нетронутость в нем изначальной человеческой природы соответствуют в широком национальном плане «патриархальной естественности русского народа» [6, 97]. Речь идет о мудрости соборного сознания русского человека.

Князь радуется, когда во взрослых видит ребенка. Аглая из высокомерной девушки превращается в маленького, когда рассказывает Мышкину о своих мечтаниях. И в ребенке - Аглае он замечает впервые, какая она домашняя, неопытная, невинная. Он удивляется искреннему смеху Гани Иволгина. Рядом с этой способностью мыслить и поступать как ребенок, нелепыми кажутся ему заносчивость и суровость Аглаи, ротшильдовская идея Гани. Чувствовать себя ребенком, эта наивная открытость души для чужого, нелюбящего глаза кажется нелепым и непривлекательным зрелищем. Камердинеру «князь почему-то нравился, в своем роде конечно. Но, с другой точки зрения, он возбуждал в нем решительное и грубое негодование» (VIII, 19). В обществе все соблюдают светские приличия. Основная черта русского народного характера – «пафос совлечения, жажда совлечься всех риз и всех убранств, совлечь всякую личину и всякое украшение с голой правды вещей» [3, 328] – неприлична в обществе и способна только унизить его.

Человеческий подвиг князя заключается в том, что он преодолел «тяжесть» общения со взрослыми и вывел самое сокровенное в своей душе в общество. Мыщкин говорит о красоте и вере в русского человека, зная, что в обществе смешно говорит на эту тему. Он хочет вынести на его суд собственный опыт Богообщения, устройства земного рая: в швейцарской деревне он смог создать любовное братство детей вокруг себя и несчастной и отвергнутой всеми Мари. Детская мечта Мышкина – это вера в совесть как в духовную единицу, указывающей на «божественное содержание» [(3, 333] личности.

Миссия Мышкина выражена в его глубокой тоске объединить русское общество в новозаветной истине. Все слова и действия героя подсознательно тяготеют к Образу Христа,

уподоблено его имени. В душе Мышкина живет вера в воскресение, он вечно жив этим духом Божественного обещания. В романе через образ Мышкина звучит призыв к раскаянию и всепрощению. Он сам готов осознать свою неправду, когда ловит себя на несправедливой мысли о других. Но волнения Князя перед «бездной отсталых и недобрых» (VIII, 458) оказались небеспричинными. Каявшийся спаситель становится жертвой беспорядка и хаоса. По меткому замечанию Вяч. Иванова, соборный, внутренний опыт русского народа отличается именно этой жаждой Нового Иерусалима – небесного города, где спасутся все искупленные. Но раскаяние князя недостаточно, чтобы не пасть жертвой всеобъемлющей тьмы, и не способно спасти тех, кого окончательно соблазнили тщеславие и гордость, кто никогда не готов доверять «таким простым мыслям» (VIII, 458) юродивого Мышкина.

Таким образом, в романе «Идиот» в образе положительно-прекрасной личности мы видим выражение: 1) традиции юродства как православного типа духовности; 2) соборного человеческого сознания, грани которого имманентны Божьей правде о мире [2]. Оценка образа князя Мышкина в контексте христианской традиции, с точки зрения отражения в нем идеи обновления человека и воскресения его характеризует подлинные границы полифонизма Достоевского.

Библиография

1. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30-ти т., Л.: Наука, 1972-1990.
2. Есаулов И. А. Новые категории русской филологии для понимания поэтики Достоевского//Есаулов И. А. Русская классика: новое понимание. – СПб.: Алетейя, 2013. с.138.
3. Иванов В. О русской идее//Иванов В. По звездам. С.Петербург: Оры, 1909, с.309-337.
4. Мочульский К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. – М.: Республика, 1995, 607с.
5. Скафтымов А. П. Тематическая композиция романа «Идиот»//Творческий путь Достоевского. – Л.: Сеятель, 1924. - с.131-186.
6. Слизина И. А. Литературные и эстетические источники образа Мышкина в романе Ф. М. Достоевского «Идиот»// Русская литература 1870-1890 годов. Эстетика и метод. – Свердловск: Ур.ГУ, 1987. с.95-109.
7. Щенников Г. К. Эволюция сентиментального и романтического характеров в творчестве раннего Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. – Л.: Наука, 1983, т.5. с.90-112.

УКД: 372.8:811112.2

DIE ENTWICKLUNG DES HÖRVERSTEHENS IM DEUTSCHUNTERRICHT

Чавдарь О. И.
магистр, преподаватель,
Комратский Государственный Университет

Аннотация. Неотъемлемым компонентом устной речи является аудирование. Однако, как показывает практика обучения иностранным языкам, особое внимание уделяется говорению, чтению, письму и лишь незначительное количество времени аудированию. Однако аудирование является самостоятельным, необходимым и наиболее трудным видом речевой деятельности для учащихся. Проблема обучения восприятию иностранной речи на слух представляет собой один из самых главных аспектов обучения, и именно поэтому развитие и разработка методов обучения аудированию, отвечающих запросам времени, крайне важны. Аудирование дает возможность овладеть звуковой стороной изучаемого языка, его фонемным составом и интонацией: ритмом, ударением, мелодией. Через аудирование осуществляется освоение нового лексического состава и грамматической структуры. Смысловые восприятия речи на слух является перцептивной, мыслительно-мнемической деятельностью, которая осуществляется в результате выполнения целого ряда сложных логических операций: анализ, синтез, дедукция, сравнение, абстракция и др.

Ключевые слова: аудирование, язык, ударение, звук, метод, навыки.

Das Hörverstehen als sprachausübende Tätigkeit ist im Ünterricht vernachlässigt, denn es gibt leider nur sehr wenig attraktives, altersgemäßes, abwechslungsreiches Hörmaterial für den Anfangsunterricht. Das gilt besonders für jugendliche Lerner und hat bestimmte Gründe dafür.

Im traditionellen Sprachunterricht ging es in erster Linie um die Aussprache, das Sprechen, die Grammatik, das Übersetzen und die Lektüre. Hörverstehen „wird auf klangreine Aufnahme der Laute und bestenfalls noch auf gewisse prosodische Elemente reduziert". Unter Prosodie versteht man die Betonung mit Hilfe von Rhythmus.

Hörverstehen wurde (und wird) als etwas Selbstverständliches angesehen; man ging (und geht) davon aus, dass es sich mit der Zeit von selbst einstellt und keine besondere didaktische Beachtung im Unterricht nötig hat.

In der Grammatik- Übersetzung- Methode lag der Schwerpunkt der Arbeit hauptsächlich auf Grammatik, Übersetzung und intensivem Lesen. Es gab damals keine Kassetten. Die Sprache wurde einzig und allein über die Lehrerstimme gehört (lautes Vorlesen, Fragen stellen. Korrigierenin der Zielsprache usw.).

In der audiovisuellen/ audiolingualen Methode wurde zwar Hören (audio) und Sprechen (lingua) als Gegensatz der Grammatik- Übersetzungs- Methode. Aber obwohl die Alltagssprache im Vordergrund stand, gab es keine speziellen Übungen für das Hörverstehen. Es gab zwar Kassetten und Psrachlabore, aber Hörverstehen beschränkte sich auf Hören und Nachsprechen, Hören und Antworten sowie Hören und Umformen von gehörten Sätzen.

Erst in den 70er Jahren beginnt man, weitergehende Überlegungen zum Thema Hörverstehen zu entwickeln. Aber auch bis heute gibt es noch viel zu wenig Übungsmaterial zum Hörverstehen für Anfänger, besonders aber für jugendliche Lerner.

Es gibt allerdings auch fachliche Gründe, das Hörverstehen im Unterricht mehr oder weniger zu betonen. Wichtig ist die Schulung des Hörverstehens für Deutschlernende, die direkten Kontakt zu Deutschen haben, entweder bei Reisen in deutschsprachige Länder oder im Heimatland (Touristen, Geschäftsleute). Deutschlerner in fernen Ländern, die die deutsche Sprache lernen, um z. B. fachsprachliche Texte auf Deutsch zu lesen, brauchen weniger Hörverstehenstraining.

Das Ziel der Hörverstehensübungen besteht darin, die Lernenden in die Lage zu versetzen, natürliche gesprochene Sprache dem jeweiligen Höranlass entsprechend zu verstehen, sei es nun in einem Gespräch von Angesicht zu Angesicht oder als Zuhörer in einer nichtreziproken Situation.

Die gesprochene Sprache unterscheidet sich in mancher Sicht von der geschriebenen Sprache. Sie weist mehr reduzierte Elemente und Wiederholungen auf und hat im Allgemeinen einen geringeren kognitiven Gehalt als vergleichbare Passagen eines schriftlichen Diskurses, obwohl die gesprochene Sprache einen beachtlichen emotionellen Gehalt aufweisen kann. In der gesprochenen Sprache tauchen gelegentlich ungrammatikalische Formen auf, weniger wichtige Elemente können verschluckt oder ausgelassen werden. Weitere Schwierigkeiten können sich aus der Sprechgeschwindigkeit ergeben, aus einem nicht vertrauten Sprachrhythmus oder Betonung, aus der Anzahl von Sprechern, starker regionaler Färbung, schlechter Aussprache, stark emotioneller Sprache oder Hintergrundgeräuschen. Um die Fertigkeiten und Strategien zu entwickeln, die erforderlich sind, um mit natürlicher gesprochener Sprache zu Rande zu kommen müssen die Lernenden mit authentisch klingenden Texten vertraut gemacht werden. Es ist wichtig, dass die Lernenden im Anfangsunterricht nur mit kurzen Passagen konfrontiert werden und dass sowohl der sprachliche als auch der kognitive Gehalt dieser Textpassage dem Kenntnisstand der Lernendenentspricht. Während des Anfangsunterrichts ist es wichtig und für die Lernenden hilfreich, wenn die ausgewählten Texte weder zu schnell noch zu undeutig gesprochen sind. Wenn die Anzahl der Sprecher nicht zu groß ist und die Lernenden nicht mit einem Übermaß an unbekannten Wörtern und Strukturen oder mit einer Vielzahl verschiedener Akzente konfrontiert werden. Wenn der Schwerpunkt im Unterricht eher auf die Vermittlung neuer Fertigkeiten als auch auf die Überprüfung der bereits bestehenden Sprachkenntnisse liegt, müssen die Lernenden Gelegenheit bekommen, die Bandaufnahmen mehrmals zu hören. Mit zahlreichen Übungen (W-Fragen, Richtig-Falsch-Übungen) kann man den Lernenden einen Verstehensanlass bieten und zusätzlich in den Hörprozess steuernd eingreifen.

Man soll auf zwei Methoden des fremdsprachlichen Deutschunterrichts eingegangen werden, die für die Fertigkeit Hören wichtige Entwicklungsstadien darstellen. Das sind die audiolinguale, die auch die

audiovisuelle verstritt, Methode und die kommunikative Didaktik.

Wie schon früher erwähnt wurde, war das Hörverstehen im fremdsprachlichen Deutschunterricht lange Zeit eine vernachlässigte Fertigkeit. Bis zur Einführung der audiolingualen Methode gab es keine nennenswerte Hörverstehensschulung. Dies lag hauptsächlich daran, dass die klassischen Fremdsprachen wie (Alt-)Griechisch und Latein als Bildungsgut unterrichtet wurden und nicht mit dem Ziel, eine „kommunikative Kompetenz" der Lernenden zu erreichen. Die einzige „Hörverstehensschulung" bestand im lauten Vorlesen des Textes durch den Lehrer, teilweise wurden auch die Vokabeln in der Zielsprache erklärt.

Die Erkenntnis, dass „lebendige" Fremdsprachen in erster Linie mit dem Zweck gelernt werden, sie auch in konkreten Situationen anzuwenden, setzte sich nach dem Zweiten Weltkrieg immer stärker durch. Aufgrund lernpsychologischer Forschungen in den USA wurde die audiolinguale Methode entwickelt, die die Kommunikationsfähigkeit in der modernen Umgangssprache in den Vordergrund stellte. Die audiolinguale Methode forderte das^ Hören (lau, *audire)* und das Sprechen (lat. *lingua* = Sprache). Seit dieser Zeit gehören Kassetten zur Standardausrüstung eines Sprachlehrprogramms. Ein Beispiel soll verdeutlichen, wie Ende der 60er, Anfang der 70er Jahre nach dieser Methode im Unterricht gearbeitet wurde.

In der audiolingualen Methode verlaufen alle Lektionen im Prinzip nach demselben Schema: Das Hörverstehen wird durch mehrfaches Abspielen eines Alltagsdialogs, durch Fragen und Antworten sowie durch Vor- und Nachsprechen geübt.

Folgende Elemente sind im Hinblick auf die Entwicklung des Hörverstehens in der audiovisuellen Methode wichtig:

- Es gibt in der kurzen Hinführung zum Text eine Vorbereitung für die anschließende Hörszene.
- Es gibt Alltagsdialoge, die von Muttersprachlern (meist Radiosprechern) gesprochen wurden. Allerdings wirken sie sehr künstlich, da sie um ein Grammatikpensum herum konstruiert sind und stark von der natürlichen Sprechüblichkeit abweichen.
- Es gibt Verständnisfragen zum Alltagsdialog, die allerdings immer erst nach dem Hören der Hörszene gestellt wurden. So konnten sich die Schüler nicht gezielt auf bestimmte Informationen konzentrieren. Außerdem erforderten die offenen Fragen immer schon eine gewisse produktive Sprechfertigkeit, obwohl Wortschatz und neue Strukturen erst nach den Hörverstehensfragen in der Nachsprechphase erklärt wurden. Immerhin wurde bei den Fragen schon zwischen Global- und Detailverständnis unterschieden.

In den 70er Jahren wurde diese Unterrichtsmethode durch die Entwicklung der kommunikativen Didaktik abgelöst. Dazu trugen die wachsenden internationalen wirtschaftlichen Beziehungen, die Möglichkeiten weltweiter Kommunikation durch technische Medien und die steigende Mobilität des Menschen in Freizeit und Beruf entscheidend bei. Das Schlagwort *Kommunikative Kompetenz* bezeichnete nun als wesentliches Ziel des Sprachunterrichts, dass die Lernenden befähigt werden sollten, sich im den wichtigsten Situationen des Alltags und Berufs in der Fremdsprache kommunikativ, d. h. sprachlich angemessen, zu verhalten. Im Zentrum des Sprachunterrichts steht also nicht mehr das Sprachwissen, sondern das Sprachkönnen, d. h. die Anwendung der Sprache in konkreten Situationen.

Die audiolinguale Methode hatte hierzu schon einige Weichen: Man hatte versucht, den neuen Lernstoff in Alltagsgespräche einzubetten, man versuchte umgangssprachliche Elemente aufzugreifen,* die Beherrschung von Alltagsdialogen in der Fremdsprache war ein wichtiges Unterrichtsziel, Hören und Sprechen standen im Vordergrund.

Wir haben auch gesehen, dass die starre Ausrichtung auf eine Grammatik- Wortschatz-Progression dazu führte, dass die Dialoge unecht und komisch wirkten. Auch einer systematischen Schulung des Hörverstehens waren in der audiolingualen Methode enge Grenzen gesetzt, obwohl gerade das eines ihrer Hauptanliegen war.

Was bewirkte nun die kommunikative Didaktik im Bereich Hörverstehen? Da gibt es einige Schwerpunkte:

> Die kommunikative Didaktik befreite die Lehrbuchdialoge aus ihrer grammatischen „Zwangsjacke" und rückte die natürliche Sprachverwendung in Alltagssituationen in den Vordergrund.

> Sie lenkte den Blick auf die vielen unterschiedlichen Hörsituationen (und unterschiedlichen Textsorten), die im Alltag bewältigt und deshalb auch in den Fremdsprachenunterricht hereingeholt

werden mussten

> Sie entwickelte vielfältige Übungsformen (vor dem Hören, während des Hörens, nach dem Hören), die genau auf den jeweiligen Lernzweck abgestimmt waren.

Es wurde schon erwähnt, dass die kommunikative Didaktik nicht nur möglichst viele in der Realität vorkommende (authentische) Textsorten in den Unterricht hereiholt. Sie berücksichtigt bei der Auswahl der Themen und Inhalte auch die reale Lebenssituation und die Interessen der Lerner. Dazu gehört auch, dass das reale Hörinteresse der Lerner in einer bestimmten Situation oder zu einem bestimmten Thema in die Unterrichtsplanung einbezogen wird.

Die kommunikative Didaktik hat gezeigt, wie wichtig es ist, für das Hörverstehen neue Aufgaben zu entwickeln. Das gilt sowohl für die Vorbereitung als auch für die Überprüfung des Hörverstehens.

Zur Entwicklung der Hörverstehensfertigkeiten dienen eine Reihe von Übungen: vorentlastende Übungen - Übungen vor dem Hören, Begleitübungen - Übungen während des Hörens, nachbereitende Übungen - Übungen nach dem Hören. Die Lernenden können auf verschiedene Weise auf den Hörtext vorbereitet werden, bzw. an ihn herangeführt werden. Dazu dienen die vorentlastenden Übungen zu Hörtexten, deren Ziel ist Hinführung zum Thema, Motivation der Schüler, Aufbau einer Hörerwartung, Aktivierung des Vorwissens durch Aufbau einer Hörerwartung, Aktivierung des Vorwissens durch folgende Aufgaben;

- Assoziogramme (Signalwort, Signalsatz),
- visuelle Impulse (Illustration, Bild, Foto, Bildsalat, Video, Skizze usw.),
- akustische Impulse (Geräusche, Musik, Stimmen),
- Besprechung des Themas in der Mutter- oder Fremdsprache,
- Arbeit mit Satzkarten.
- Zuordnungsübungen (Bild - Text, Bild - Bild. Text - Text).
- Richtige Reihenfolge herstellen (von Bildern, Texten usw.),
- Vorsprechen / Vorspielen einer sprachlich (und inhaltlich) vereinfachten Version des Hörtextes,
- Besprechung eines Lesetextes mit ähnlicher Thematik, Lesen einer inhaltlichen Zusammenfassung,
- phonetische Vorentlastung.

Man kann folgende Übungen durchfuhren:

- den Lernenden mitteilen, welche Art vom Text sie hören werden und so ihr Wissen über die betreffenden Textsorte aktivieren, z. B.: Nachrichtenmeldungen, ein Verkaufsgespräch;
- den Lernenden die nötige Hintergrundinformation über den Text zur Verfügung stellen, z. B.: der Lehrer kann sagen: *Sie hören ein Gespräch über ...* ;
- die Lernenden darauf vorbereiten, dass der Text sehr schnell gesprochen wird und sie beim ersten Anhören nicht gleich alles verstehen werden, dass es zu Beginn jedoch genügt, wenn sie einen groben Überblick gewinnen und sie jedes Mal, wenn sie den Text wieder hören, ein wenig mehr verstehen werden;
- den Lernenden eine gekürzte vereinfachte oder langsame aufgenommene Version des Textes Vorspielen, bevor man sie mit dem eigentlichen Hörtext konfrontiert;
- den Lernenden Fotos oder Zeichnung zeigen, die ihnen gewisse Erwartungen bezüglich des Sprechers und der im Text behandelten Ereignisse vermitteln;
- mit den Lernenden über das im Text behandelte Thema diskutieren, so bekommen die Lernenden ihre eigenen Ansichten. Gefühle und ihre eigene Erfahrung vor und nach dem Anhören des Textes zur Sprache zu bringen:
- mit den Lernenden eine Zusammenfassung lesen, z. ß. in Form ungeordneter Sätze, die von den Lernenden nach ihrem Gutdünken geordnet werden müssen. Ob die Sätze richtig aneinander gereiht wurden oder nicht, kann beim Anhören des Textes geprüft werden;
- mit den Lernenden einen kurzen Paralleltext lesen, z. B.: einen Zeitungsartikel, eine Meldung, die sich auf dasselbe Ereignis bezieht wie eine Meldung im Fernsehen- und Radionachrichten.

Die nächste Art von Übungen zu Hörtexten sind die Begleitübungen, deren Ziel intensives Hören,

extensives Hören, selektives Hören ist. Dazu gehören: Fragen, Erkennen, Zuordnen, Einweisungen ausführen, Notieren, Verwendung transkribierter Texte, Interpretation, Vervollständigen.

Zur Gruppe *der Fragen* gehören Multiple-Choice-Aufgaben, Richtig- Falsch-Übungen, Weiß-ich-nicht-Übungen u. a. Das sind die bekanntesten Übungsarten dieser Gruppe.

Das Erkennen teilt sich in zwei Arten. Die erste Art ist *das Erkennen von Sprechintentionen.* Die Lernenden zeichnen die einzelnen Dialoge in eine Dialogtabelle ein, wobei sie für jeden Dialog eine andere Farbe verwenden. So wird die Aufmerksamkeit der Lernenden auf die Diskursstruktur gelenkt. Als weitere Ergänzung könnten die Lernenden miteinander ähnliche Unterhaltungen führen, z. B. in Gruppen könnte über Berufswünsche und Gründe, die für oder gegen den einen oder anderen Beruf sprechen, diskutiert werden.

Die Ergebnisse der Gruppendiskussion können anschließend in Form von Kurzberichten niedergeschrieben werden, die wiederum zu einem Gesamtbericht über die Berufswünsche der Klasse zusammengefasst werden soll. Die Aufmerksamkeit der Lernenden wird auf die unterschiedlichen Arten gelenkt werden, auf die man je nach der Beziehung zwischen den Sprechern denselben Inhalt formulieren kann, z. B. den Lernenden wird erklärt, dass sie 6 Dialoge hören werden, wobei in drei davon ein Sprecher den anderen anbietet, ihn im Auto mitzunehmen und in den drei anderen jmdm. etw. zu trinken angeboten wird. Vor den Lernenden steht folgende Aufgabe: sie stellen fest, worum es im jeweiligen Dialog geht, sie sollen erkennen, ob die Sprache, die verwendet wird eher förmlich oder mehr oder weniger neutral oder informel ist. Dazu könnte der Lehrer den lernenden einige Tips geben, in dem es erklärt wird, dass förmliche Äußerungen für gewöhnlich länger wesentlich komplizierter und eher grammatikalisch vollständig sind als weniger förmliche Sprache.

Die andere Art des Erkennens ist *das Erkennen von Schlüsselwörtern* oder Schlüsselausdrücken. Die Lernenden notieren in welcher Reihenfolge die Wörter Vorkommen. Die Aufgabe lautet so:

Hören Sie und notieren Sie die Schlüsselwörter!

„Petra und Thomas planen eine Party“

z. B.: 1) Fußball; 2) spazieren gehen; 3) große Torte; 4) nach Hause gehen; 5) schönes Abendessen; 6) Kuchen; 7) Apfelsaft; 8) Stohlen.

Zuordnen teilt sich auch in zwei Gruppen: *Zuordnen von Sprechintentionen und Äußerungen* und *Zuordnen einer mündlichen Personenbeschreibung zu einem Bild.* Beim *Zuordnen von Sprechintentionen und Äußerungen* erstellen die Lernenden in Partnerarbeit zwei Stapel von Karten, wobei es darum geht Sprechintentionen und verwendete Sprache zu identifizieren. Während die Lehmenden Stücke einer Konversation hören, schreibt einer von den beiden auf eine Karte, was er für die korrekte sprachliche Äußerung hält, während sein Partner auf eine seiner Karten schreibt, welche Intention der Sprecher hat: einen Vorschlag machen, Begrüßung, Sympatie zeigen, Fragen nach dem Weg, Beschreibung einer Person, Mitteilung von verschiedenen Informationen.

Beim *Zuordnen einer mündlichen Personenbeschreibung zu einem Bild* hören die Lernenden Ansagen, die über den Lautsprecher eines Kaufhauses gemacht werden. Es werden Kinder beschrieben, die im Kaufhaus ihre Eltern verloren haben. Als vorentlastende Arbeit können die Lernenden abwechselnd die Kinder beschreiben, während der andere zu erraten versucht, welches Kind gemeint ist. Einer der beiden Partner könnte sich eines der Kinder vorstellen und den anderen durchgezielte Fragen herausfinden lassen. Auf diese Weise könnten die Lernenden mit dem anspruchsvolleren Wortschatz vertraut gemacht werden.

Und schließen die Arbeit an den Hörtexten die nachbereitenden Übungen ab, deren Ziel *Kontrolle und Arbeit am Text sind.* Diese Übungen sollten die Lernenden zu einer kreativen Reaktion auf Hörtexte veranlassen, d. h. sie motivieren den Inhalt des eben gehörten Textes mit ihren eigenen Erfahrungen in Zusammenhang zu bringen, ihre persönliche Ansichten zum Ausdruck zu bringen oder den Text in einem Rollenspiel zu verbreiten oder zu verarbeiten. Diese Art der Übungen basiert auf Aufgabenstellung, die die Lernenden im Anschluss an die Hörübung selbst zu Diskussionen in der Gruppe veranlassen. Die Lernenden können z. B.:

- einen Titel für einen Text vorschlagen oder aus einer Reihe vorgeschlagener Titel den passenden auswählen;
- neue Texte produzieren; man könnte z. B. Notizen über ein Interview mit einem Topstar für einen Zeitungsartikel verwenden;

- auf der Basis ihrer eigenen Interpretation des eben Gehörten Fragen und Antworten zusammenstellen wie z. B.: *Was wurde N. Auf die folgende Aussage antworten.*
- für einen unvollendeten Dialog / eine Erzählung ein Ende finden und anschließend in Form eines Rollenspiels präsentieren:
  - ihre eigene Meinung zum jeweiligen Thema zum Ausdruck bringen;
  - ihre eigene Reaktionen beschreiben, z. B.: *Was hast du gefühlt als N. sagte. ...?*
- man kann die Haltung des Interviewers diskutieren.

Die Übungen während des Hörens und nach dem Hören können sich auf bestimmte Aspekte des Sprachgebrauchs konzentrieren:

a) Vokabular (Wörter aus dem Text in bestimmte Kategorien einteilen, z. B. zum Thema „Sport“);
b) Grammatik (z. B.: Notieren Sie welche Zeit und Kausalität zum Ausdruck gebracht werden).

Literaturhinweise

1. Bredel, U., Hartmut, G. Didaktik der deutschen Sprache. Paderborn: F. Schöningh, 2003.
2. Desselmann, G., Hellmich, H. Didaktik des Fremdsprachenunterricht. Leipzig: Enzyklopädie, 1986.
3. Krumm, H. J. Methodenlehre: Handlungsanweisungen für den Fremdsprachenlehrer. Frankfurt am Main: Diesterweg, 1981.
4. Strauss, D. Didaktik und Methodik. Deutsch als Fremdsprache. Berlin: Langenscheidt, 1994.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ. АРХЕОЛОГИЯ.

УДК:902.2(478)

ИЗ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА БУДЖАКЕ (ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ У ГОРОДОВ ВУЛКАНЕШТЫ И КОМРАТ)

Агульников С.
научный сотрудник,
Научно-исследовательский центр Гагаузии им.М.В.Маруневич,
Институт культурного наследия Академии Наук Республики Молдова
agulnikov-budjak@mail.ru

Аннотация. Систематические археологические исследования на территории Южного региона Республики Молдова - в Буджаке, производились после окончания II-й Мировой войны. В 1962-1969 гг. на поселении Вулканешты II проводились археологические раскопки. В процессе раскопок было выявлено и исследовано 5 наземных глинобитных жилищ, а также два углубленных жилища в виде землянок. Получен разнообразный керамический и производственный инвентарь культуры Гумельница, конца IV тыс. до н.э. В 1960 г. на многослойном археологическом памятнике Комрат-I исследованы комплексы позднего бронзового века XII-XI вв. до н.э., римского времени III-IV вв. н.э., а также грунтовый могильник периода позднего Средневековья-XVI-XVII вв. н.э.

Ключевые слова: Буджак, культура Гумельница, Комрат-I, Вулканешты –II, грунтовый могильник

Annotation. On the history of archaeological research in Budjak. The systematic archaeological research in the Southern region of the Republic of Moldova, a part of historical region called Budjak, started after the end of the World War II. During 1962-1969, the archaeological excavations were carried out on the settlement Vulcăneşti II. The excavations revealed vestiges of five adobe dwellings, as well as two in-depth dugouts. A variety of pottery and inventory of the Gumelniţa-Karanovo culture dated back to the end of IV millennium BC were collected. In 1960, the archaeological complexes of Late Bronze Age dated back to XII-XI centuries BC, and of the Roman time dated back to III-IV centuries were discovered in the multilayered archaeological monument Comrat-I, as well as the Late Middle Age ground burial complex of XVI-XVII centuries.

Key words: Budjak, Gumelniţa-Karanovo culture, Comrat-I, Vulcăneşti II, ground burial complex

Систематические археологические исследования на территории Южного региона Республики Молдова, в который входят участки нижнего течения степных рек Ялпуг и Кагул, производились в период после окончания 2-й Мировой войны. Интерес представляют археологические раскопки памятников первобытных культур и позднеантичного периода у населенных пунктов Вулканешты и Комрат.

Наиболее представительным археологическим памятником, исследованным в послевоенные годы в окрестностях г. Вулканешты является поселение культуры Гумельница-Вулканешты-II. Энеолитическое поселение Вулканешты-II относится к периоду энеолита и датируется IV-III тыс. до н.э. Поселение было открыто в 1961 году знаменитой советской исследовательницей культур энеолитической эпохи Причерноморья Татьяной Сергеевной Пассек, которая и проводила раскопки на этом памятнике в 1961-1965 гг. В 1969 г поселение Вулканешты-II продолжил известный молдавский археолог Виктор Стефанович Бейлекчи. Поселение культуры Гумельница (вариант Болград-Алдень) расположено на левом, пологом берегу р. Кагул в 0,5-0,7 км к северу от г. Вулканешты в долине под местным названием Дей Сырта. В 1962-1965 гг., а также в 1969 г. на поселении проводились археологические раскопки. В процессе раскопок было выявлено и исследовано 5 наземных глинобитных жилищ, сохранившихся в виде платформ из обожженной глины, а также два углубленных жилища в виде землянок. Кроме того раскопано множество хозяйственных ям, служивших в древности для хранения провизии. На поселении Вулканешты-II археологами было прослежено 2 строительных горизонта, самый древний из которых был представлен именно этими 2 землянками и окружавшими их хозяйственными ямами. Там же были выявлены наземные и углубленные очаги, служившие в древности для приготовления пищи и обогрева. Наиболее поздними на поселении являлись наземные глинобитные жилища [1, с.1-15].

В результате археологических раскопок был найден различный инвентарь, который в древности использовали обитатели Вулканештского поселения. Это разнообразные керамические сосуды, украшенные росписью цветными красками и прорезным орнаментом причудливых форм. Там же найдены ритуальные статуэтки, изображающие преимущественно женщин, одна из которых выполнена в форме «Оранты»-богини с поднятыми вверх руками, то есть производящей, своего рода молитву. Статуэтки, в свою очередь, были украшены оригинальным врезным орнаментом в виде сложных узоров. Орудия труда с поселения Вулканешты-II представлены изделиями из кремня-скребками, ножами, долотами, все они выполнены из привозного добруджанского кремня желтого цвета. Орудия из камня представлены растиральниками разных форм, зернотерками, и сверленными топорами. Костяные орудия-шилья, иглы преимущественно служили для шитья одежды и обработки шкур животных и шитья одежды. Следует отметить , что в развалах жилых построек, и некоторых крупных сосудов найдены остатки зерновых культур. Это, хорошо сохранившиеся к настоящему времени обугленные семена пшеницы - одно и двузернянки, ячменя, проса. Что свидетельствует о развитом земледелии у племен-носителей культуры Гумельница. Земледелие, скорее всего, было пахотным. Эти факты свидетельствуют о достаточно высоком культурно-хозяйственном уровне обитателей поселения. Вызывают интерес находки виноградных косточек в материалах поселения Вулканешты-II. По определению исследователей, эти косточки принадлежат не к дикорастущим, а к культивированным сортам винограда [7,с.19]. По мнению специалистов, этот сорт винограда произрастал вблизи жилищ, был ухожен и культивирован. Не исключено наличие такой отрасли хозяйства у гумельницких племен как виноградарство и виноделие в IV-III тыс. до н.э. В целом, культура Гумельница на территории степной зоны Пруто-Днестровского междуречья представляла собой культурное общество, достигшее в эпоху энеолита достаточно высокого уровня цивилизации.

Немаловажное значение имело обследование Траянова Вала, пересекавшего пойму реки Кагул, к северо-западу от Вулканешт, произведенное в 50-е годы XX- столетия экспедицией Академии Генерального штаба СССР из города Ленинград, под руководством полковника Д.В. Раевского. В результате работы, проведенной военными картографами, была определена точная протяженность этого древнего сооружения (126 км). Была дана характеристика отдельных участков вала, где отмечена наибольшая глубина рва-2-3 м, а высота до вершины-5-6 м. Первый сектор вала, наиболее сохранившийся к настоящему времени, находится, находился в между с. Вадул – луй- Исак и с. Табаки, в окрестностях города Болград. Выяснилось, что на данном участке длиной 34 км вал лучше всего сохранился и снабжен бермой-площадкой между валом и рвом, шириной 3 м, высотой до 3,5-5,5 м (участок в урочище Флэмында). По мнению исследователей, данный отрезок вала прикрывал от вторжений противника наиболее опасный участок Нижнедунайской границы Римской Империи, связанный с пограничными пунктами возле древних

переправ у современных сел Сату-Ноу (Новосельское) и Картал (Орловка). Версия о сооружении Траянова вала (или же Нижнего Бессарабского) во II половине I-II вв. н.э., находится в прямом соответствии со стратегией усиления римского влияния в Северо-Западном Причерноморье после серии дакийских войн императора Траяна [2, с.134].

Ряд памятников археологии и древней истории был исследован и в окрестностях города Комрат. В 1960 году группой молдавских археологов был доисследован полуразрушенный курган, находившийся в пойме реки Ялпуг, неподалеку от строившегося в 60-у годы XX столетия кукурузокалибровочного завода и элеватора, где было раскопано захоронение Ямной культуры раннего бронзового века и ряд других археологических памятников.

Так на поселении Комрат-I был выявлен культурный слой позднего бронзового века. Выявлены 2 землянки и серия хозяйственных сооружений. Одно из земляночных жилищ представляло собой котлован прямоугольной формы размерами 8,1 х 6,1 м, со входом выполненным в виде покатой аппарели. На дне котлована были найдены ямы от опорных столбов диаметром 12-14 см, на которых крепилась крыша жилища. Кроме этого, в полу жилища имелось 2 очага и остатки 4-х переносных жаровен. В заполнении и на дне жилища найдено большое количество индивидуальных находок представленные костяными изделиями-проколками, лощилами для керамики, бронзовый нож. Кухонная посуда из жилища бронзового века с поселения Комрат-I представлена баночными сосудами и горшками с лощеной поверхностью, орнаментированных валиками под венчиком, глиняными мисками, сковородками с высоким бортиком. Столовая посуда представлена тонкостенными лощеными кубками, чашами и корчагами - крупными сосудами для жидких продуктов. Керамический и материальный комплекс бронзового века с поселения Комрат-I связан с Белозерской культурой Северо-Западного Причерноморья и датируется XII-XI вв. до н.э. [4, с. 53-66]. На территории юго-западного Буджака исследован целый ряд поселений этого времени – в том числе Чалык-II, Болград, Криничное, Томай, Зализничное, Ялпуг-IV.

Могильник сарматской культуры -I-II вв. н.э. также находился в зоне строительства кукурузокалибровочного завода. В процессе строительных работ в траншеях были найдены человеческие кости, серебряное зеркало с ручкой сарматского типа и различные бусы, выполненные из стекла и пасты [5, с.29]. Наиболее показательными являются материалы позднеантичного горизонта поселения Черняховской культуры Комрат-I, которое находилось между кукурузокалибровочным заводом и правым брегом реки Ялпуг, у места впадения в Комратское водохранилище. На глубине 0,25 м были обнаружены остатки наземных очагов, черняховская сероглиняная керамика, фрагменты римских амфор, следы железоделательного производства. При раскопках было вскрыто 1511 кв. м. площади. Обнаружено 8 наземных построек, 4 землянок, остатки ограждения древней усадьбы, обугленные зерна злаков-пшеница, рожь, просо[5, с.56-57]. В целом на поселениях открытых в окрестностях Комрата был собран материал позднего бронзового века и Римского времени, связанный с Черняховской культурой III-IV вв. н.э. 14 поселений на одном сравнительно небольшом участке территории, в окрестностях современного города Комрат свидетельствуют о плотной заселенности этой территории в позднеантичный период - Римское время. Группа многослойных поселений позднего бронзового века и Черняховской культуры находится по обоим берегам реки Ялпуг и Комратского озера, на северо-западной окраине города. В целом, их площадь сравнительно небольшая и составляет на каждом из поселений примерно 200 х 120м.[5,с.46]. Также известен крупный грунтовый могильник, где в 1961 году было раскопано более 100 ногайских захоронений [6], а скорее родовое кладбище ногайской культуры, исследованное на левом берегу реки Ялпуг, и примыкающее с востока к территории Комратского кукурузокалибровочного завода. Следует отметить, что именно в этой зоне следует искать и более раннее поселение периода позднего средневековья, связанного с ногайским топонимом «Коныpат», что в переводе означает Черная лошадь. Или же «комю-рат»-словом тюркского наречия, также означающего коня черного или вороного цвета. Данное этническое название буджакские татары (ногайцы) восприняли еще у монголов в XIV веке [3, 39]. Следует отметить, что один из участков Комратского поселения (Комрат-1) был обследован весной 2013 года и судя по сохранности культурного слоя вполне доступен для дальнейших археологических исследований. На данном участке, расположенном к востоку от территории

Комратского кукурузокалибровочного завода, площадью примерно 150 х 80 м, сохранился культурный слой и собрана керамика периода поздней бронзы и Римского времени III-IV вв. н.э., а также индивидуальные находки в виде зернотерки и отдельных каменных растиральников.

Библиография

1. Бейлекчи В.С. Ранний энеолит низовьев Прута и Дуная, Кишинев, Штиинца, 1978, 214 С.
2.Дзыговский А.Н.Очерки военного дела сарматов. Одесса, 2003,240 С.
3.Еремия А.И. Названия Молдавии рассказывают, Кишинев1990, Штиинца, 125 С.
4.Рафалович И.А., Черняков И.Т, Комратское поселение эпохи поздней бронзы В: Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья, Киев, Наукова Думка 1982
5.Рикман Э. А. Памятники сарматов и Черняховской культуры. АКМ-V. К.: Штиинца,1975.
6.Рикман Э. А., Кетрару Н.А., Отчет о раскопках у г. Комрат в 1960 году. Кишинев, 1961 г.Архив МНАИМ.
7.Янушевич З.В.Культурные растения Северного Причерноморья (по палеоботаническим исследованиям). Кишинев:Штиинца, 1986,147 С.

Иллюстрации

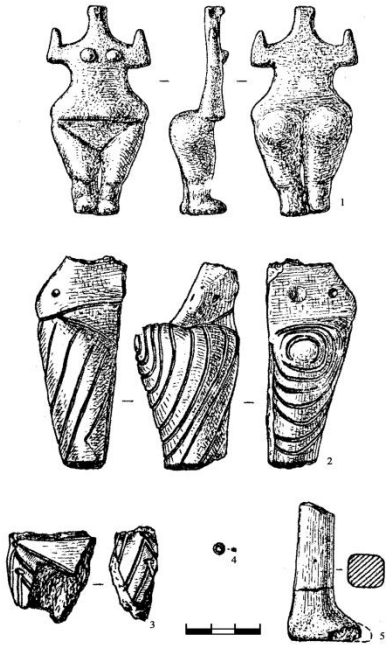
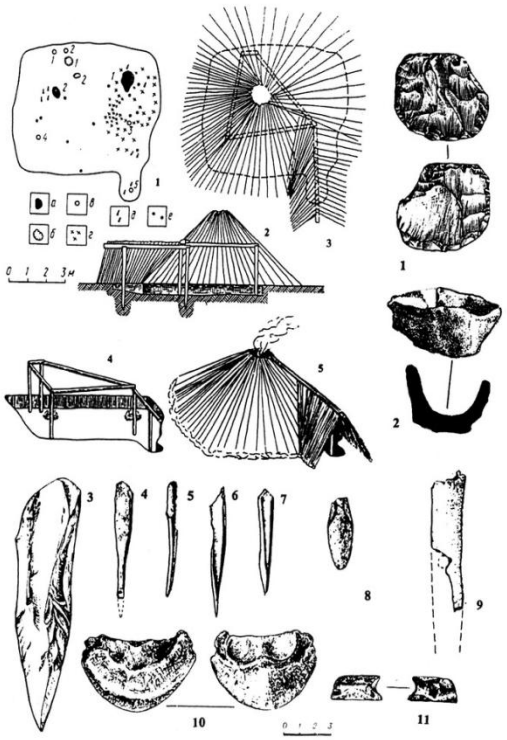

Рис.1 Антропоморфная пластика с поселения культуры Гумельница –Вулканешты-II

Рис.2. Фото участка Траянова Вала в урочище Флэмында у Вулканешт

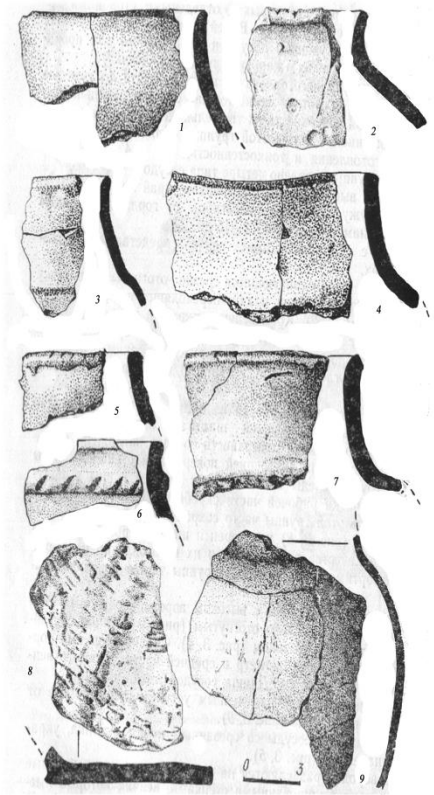

Рис.3.Жилое сооружение и орудия позднего бронзового века с поселения Комрат-I (по Рафалович, Черняков 1982, реконструкция жилища- землянки Л.В. Субботин).
Рис.4. Керамика позднего бронзового века с поселения Комрат-I (по Рафалович, Черняков 1982)

УДК: 903.3(478)

ГОРОДИЩЕ КАРАСУ У С. КОНГАЗ В БУДЖАКСКОЙ СТЕПИ

Агульников С.
научный сотрудник,
Научно-исследовательский центр Гагаузии им.М.В.Маруневич,
Институт культурного наследия Академии Наук Республики Молдова
agulnikov-budjak@mail.ru
Попович С.
научный сотрудник,
Национальное Агенство Археологии РМ
sergiupopovici1986@gmail.com

Аннотация. Летом 2012 года у с. Конгаз, Комратского района, (АТО Гагаузия), в урочище Кара-Су было выявлено укрепленное городище - новый памятник позднего бронзового века в Буджакской степи. Археологическое местонахождение было выявлено на аэрофотоснимке в системе Geoportal MD. Местонахождение обследовалось С. Агульниковым и С. Поповичем. Собран подъемный материал и проведены обмеры территории городища. Городище овальной формы окружено рвом шириной 20-21 м. Общая площадь поверхности, окруженной рвом, составляет 150526 m2 . На площади городища был собран подъемный материал, представленный

фрагментами лепной посуды позднего бронзового века XII-XI вв. до н.э. и Римского времени III-IV вв. н.э.

Ключевые слова: урочище Кара-Су, укрепленное городище, поздний Бронзовый век, село Конгаз

Annotation. Fortified settlement Carasu, the new Late Bronze Age monument from Bugeac steppe. A new fortified settlement of the late Bronze Age was discovered in Cara-Su valley of Bugeac steppe near Congaz village (Comrat district, Gagauzia) during the archaeological exploration of the summer 2012 field campaign. The archaeological locality was identified on the aerial photograph from the Geoportal MD. The settlement was surveyed by S. Agulnicov and S. Popovici. As a result of the preliminary survey, a surface archaeological material was collected and measurements of the territory of the ancient settlement has been made. The fortified settlement with oval general plan was surrounded by a moat with 20-21 m width. The total surface area inside the moat attains 150526 m2. The surface archaeological material includes fragments of Late Bronze Age molded pottery dated back to XII-XI centuries BC and pottery of the Roman time dated back to III-IV centuries BC.

Keywords: Kara-su valley, fortified settlement, late Bronze age, Congaz village

Летом 2012 года у с. Конгаз, Комратского района, (АТО Гагаузия), в урочище Кара-Су было выявлено укрепленное городище - новый памятник позднего бронзового век в Буджакской степи. Исследования проводились в два приема. Вначале археологическое местонахождение было выявлено на аэрофотоснимке в системе Geoportal MD. Далее памятник обследовался С. Агульниковым и С. Поповичем. Был собран подъемный материал и проведены обмеры территории городища. Городище находится в 3,8 км к северу от края села Конгаз (окончание улицы Федько, с. Конгаз), на пологом склоне правого берега ручья Большое Кирсова, правого притока реки Ялпуг, в урочище под местным названием Кара-Су. Городище окружено рвом шириной 20-21 м. Общая площадь поверхности, окруженной рвом, составляет 150526 m^2 (рис.1). Сооружение в плане имеет овальную форму. Длина городища по линии Север-Юг составляет 445 м, ширина по линии Восток-Запад составляет 310 м. Ширина рва, окружающего площадь городища составляет 21-25м. В целом сооружение имеет неправильную овальную форму. В Западном секторе городища просматривается углубление округлой формы, диаметром около 15 м и примыкающем ко рву, возможно, там находятся остатки башни или бастиона, детали оборонительного или дозорного сооружения, связанного со рвом. Следует отметить, что из этого пункта городища просматриваются все возможные доступы и современные дороги, находящиеся в непосредственной близости от памятника. В пределах видимости с территории городища могут находиться объекты на расстоянии от 3,5 к Западу до 5,5 км к Юго-востоку от оборонительного сооружения (рис.2). В Юго-Западной части городища, по данным системы Geoportal MD, просматривается серия углубленных сооружений прямоугольной формы, размерами примерно 20 х 6, 17 х 5, 16 х 4,5 м. На площади городища был собран подъемный материал, представленный фрагментами лепной посуды позднего бронзового века и Римского времени. Керамика позднего бронзового века представлена фрагментами банковидных и горшковидных сосудов, орнаментированных налепными валиками-гладкими и с насечками, имеются фрагменты небольших кубков с лощеной поверхностью и профилированными выделенными венчиками (рис.3). Найдены фрагменты корчаг-крупных сосудов с горизонтальными налепами на крае устья. Выделяется фрагмент баночного сосуда, орнаментированного прорезным геометрическим орнаментом (рис.3,10). Найдено кремневое орудие-отбойник округлой формы, выполненное из серого Днестровского кремня (рис.3, 23). Керамика Римского времени представлена редкими фрагментами красноглиняных амфор и круговой серолощенной посуды. Материалы позднего бронзового века могут датироваться поздним Сабатиновским-ранним Белозерским временем-XII-XI вв. до н.э. В крайне небольшом количестве имеется и керамика времени I-го Болгарского Царства (Бвлкано-Дунайская культура, культура Дриду?). Керамика Римского периода, скорее всего, относится к культуре Черняхов-Сынтана де Муреш или же к локальному варианту, известному в научной литературе, как культура Этулия, и датируется III-IV вв. н.э.Эта культура получает распространение в 1-х веках н.э., а 2 поселения этого времени исследовались в 1980 гг. Т.А. Щербаковой в окрестностях села Конгаз. Следует отметить тот факт, что городище в

урочище Кара-Су является первым укрепленным памятником позднего бронзового века в юго-западной части Буджакской степи. Дальнейшие исследования городища в урочище Кара-Су помогут изучению Древнейшей истории Южного региона Республики Молдова. Стационарные исследований на данном памятнике археологии позволят в будущем организовать археологическую практику для студентов Исторического факультета Комратского Государственного Университета. Этот уникальный исторический объект, находящийся на территории АТО Гагаузия нуждается в долговременном и планомерном археологическом исследовании.

Иллюстрации

Рис.1. Аэрофото городища Конгаз-Карасу(по данным Geoportal MD).

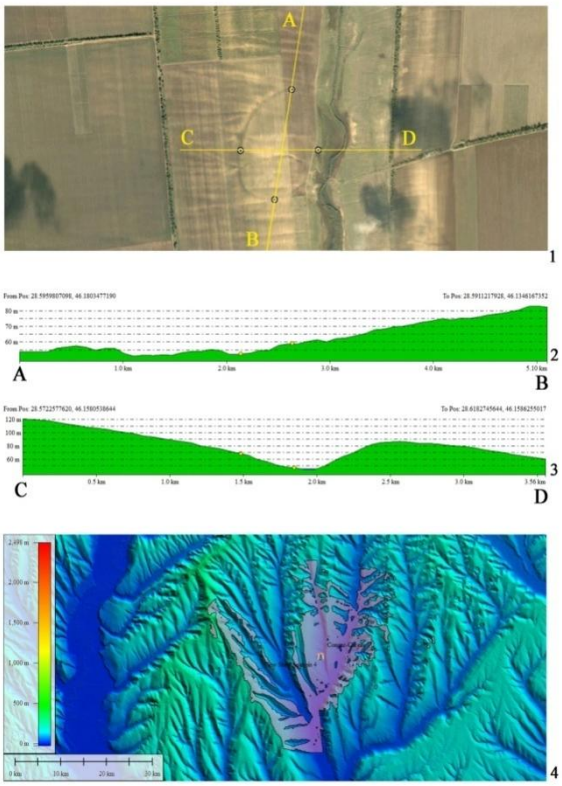

Рис. 2. Топографические данные городища Конгаз-Карасу

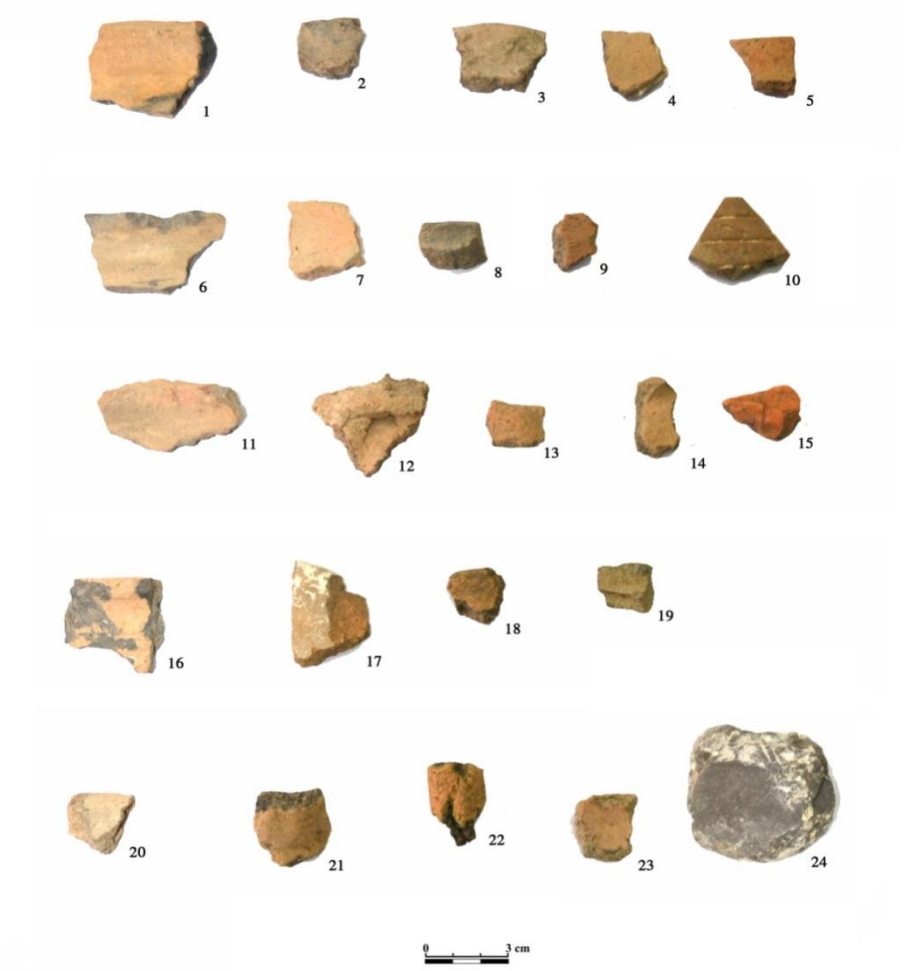

Рис.3. Керамический материал и находки с поверхности городища Конгаз-Карасу. 1-22-керамика позднего бронзового века, 10-фрагмент керамики с прочерченным орнаментом, 23-кремневре орудие, отбойник, выполненный из речной гальки

УДК:910.4(470):(63)

ЭКСПЕДИЦИИ ИМПЕРАТОРСКОГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В ЭФИОПИЮ В КОНЦЕ XIX-НАЧАЛЕ XX В. И ИХ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Агуреев С.А.
кандидат исторических наук, доцент
Московский городской педагогический университет, (ФБГОУ ВПО МГПУ), Москва, Россия
stas.agureev@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена научным экспедициям и исследованиям Императорского Русского Географического общества в Эфионии в конце XIX – начале XX века. Автор делает заключение о важных научных результатах, достигнутых в ходе русских экспедиций во многих сферах научного знания – истории, географии, минералогии, культуре Эфиопии.

Ключевые слова: научные экспедиции, Эфиопия, этнография, история Африки

Annotation. This article is devoted the history of science expeditions and researches by Russian Geographic Science in Ethiopia to the end XIX –XX century. Author made a conclusion about important scientific result received Russian expeditions in many region: history, geography, mineralogy, ethnography, cultural the Ethiopia.

Key words: science expeditions, Ethiopia, ethnography, history of Africa.

Несмотря на обилие научных исследований и журнальных публикаций, посвященных проблематике географического изучения африканских стран зарубежными и российскими исследователями тема участия Императорского Русского Географического Общества (далее – ИРГО) в исследовании Африки практически не получила самостоятельного отражения в трудах отечественных историков. Немного известно и о том, как происходило изучение членами Общества африканского континента, формировались научные представления о его природе и фауне, этнографических особенностях населявших его народов, их обрядах и традициях, географических особенностях. Вплоть до II половины XIX в. африканский континент занимал весьма скромное место в деятельности ИРГО, направлявшего свои усилия на изучение российских регионов, а также Средней Азии, Афганистана, Ирана и Дальнего Востока. Но и впоследствии, несмотря на кратное увеличение количества материалов, полученных исследователями ИРГО об Африке, она по-прежнему оставалась второстепенным направлением деятельности русских ученых и путешественников.

И все же, накопленные Обществом материалы об африканском континенте, как и сама история его географического изучения, остается крайне интересной страницей отечественной и мировой науки, т. к. в период с середины XIX – нач. XX вв. русскими учеными были получены уникальные научные сведения о странах Северной, Центральной, Южной и Восточной Африки. Опубликованы десятки и сотни исследовательских работ, статей, отчетов и записок по истории африканских племен, их обычаям и религиозным обрядам, были собраны богатые зоологические и этнографические коллекции.

Особую роль в этих научных исследованиях в 1880-1900 гг. играла находящаяся в Восточной Африке христианская Эфиопия, на протяжении полутора десятилетий привлекавшая к себе отечественных ученых и путешественников и ставшая первой африканской страной, установившей дипломатические отношения с российской империей (1898 г.). Десятки россиян побывали в этой стране в составе множества экспедиций – ученых, инженеров, военных, врачей, оставивших по возвращении крайне интересные материалы об Эфиопии, ее государственном и общественном устройстве, полезных ископаемых, климате, плодородии почв - эти сведения стали ценнейшим вкладом в развитие отечественной эфиопистики в последующие годы.

На страницах отечественных газет и журналов регулярно публиковались результаты проведенных ими новейших исследований на территории Африки, знакомившие читателей с жизнью и бытом населяющих эфиопское нагорье африканских народов. Наиболее влиятельные и популярные отечественные издания, такие как «Вестник Европы», «Нива», «Русское богатство», «Гражданин», «Новое время», «Наблюдатель», «Нижегородские Ведомости», «Московские Ведомости», публиковавшие статьи и заметки, посвященные политической истории и религиозным верованиям Абиссинии, анализировали и внешнеполитическую деятельность в регионе крупнейших колониальных держав.

Экономическая заинтересованность российских промышленных и деловых кругов в зоне Красного моря приводила к еще более внимательному изучению российской прессой политических событий в Восточной Африке, порождая невиданный доселе интерес россиян к истории и культуре Эфиопии. Особое значение в формировании этих общественных и научных представлений об Эфиопии, имели и издававшиеся в России отчеты и дневники ИРГО, являвшиеся первоисточниками.

Период конца XIX –начало XX вв. был отмечен появлением специальных исследований, освещающих жизнь эфиопского народа, особенностей его менталитета, религии, культуры. Среди них следует отметить исследования Е.Е. Долганева [1] монографию В. Бучинского и С. Бахланова «Наши черные единоверцы» [2], диссертацию профессора Н.Г. Бровцына [3], посвященную изучению антропологических особенностей эфиопского народа, научные труды известного востоковеда Б. А. Тураева [4], религиоведческие сочинения В. В. Болотова [5].

Посвященные исследованию эфиопских средневековых рукописей труды В.В. Болотова и Б.А.Тураева, способствовали научному открытию страны и всплеску интереса к ней со стороны образованной части российской общественности. Существенно изменилась и сама специфика и характер публикуемых ИРГО научных исследований. Если в период 1850-1870 гг. в основном публиковались материалы известных европейских исследователей Абиссинии – Антуана д’

Аббади [6] (1850 г.), Роже д' Эрикура [7] (1851 г.), Р. Лепсиуса [8] (1852 г.), Г. Гейглинга об Аксумском царстве [9] (1862 г.), Лежена – «планы абиссинских городов» [10] (1863 г.), экспедиции Бреннера [11] (1867 г.); а в 1870 гг. в «Известиях ИРГО» вышло несколько статей о торговом значении Абиссинии в связи с Суэцким каналом и итальянских экспедициях 1869-1870 х. гг., то вскоре положение кардинально изменилось.

Изучение Красноморского региона с середины 1880 х. гг. стало систематическим и носило комплексный характер, о чем свидетельствует не только увеличение числа публикуемых материалов и статей в периодических изданиях общества, но и тематика исследований, богатство фактического материала об Абиссинии. В этих изданиях общества особое место занимали выдержки из мемуаров многих российских путешественников, являвшихся действительными членами ИРГО: В.Ф. Машкова, К.С. Звягина, А.К. Булатовича, Л.К. Артамонова, П.Н. Краснова. Наибольшее число статей посвященных Эфиопии и Африке в целом пришлось на период с конца 1880- конец 1890 х. гг. в «Известиях РГО», годовых отчетах.

С начала 1890 х. гг. появились материалы о климатических особенностях Эфиопии и Эритреи в «Метеорологическом вестнике», приводились данные о динамике климатических изменений [12]. Более редкими являлись заметки по разделу «Мелкие известия», кратко знакомящие читателей с происходящими в Абиссинии политическими событиями, анализировались и успехи основных колониальных держав в этом регионе.

Сами же имеющиеся записки и дневники ИРГО об Эфиопии данного периода условно делились на несколько основных направлений:

1) Описание быта, условий жизни эфиопских племен, сбор этнографических коллекций;
2) Проведение аэросъемки, определение высот и составление карт, барометрических исследований;
3) Изучение природы и фауны, описание существующих животных видов и условий их обитания:
4) Изучение структуры существующих языков, запись отдельных слов и терминов, анализ древних эфиопских рукописей;
5) Публикация научных материалов, рецензий, записок иностранных исследователей;
6) Сведения о государственном строе Абиссинии, внешней политике европейских стран в ее отношении.

Заметное внимание уделялось критике приводимых материалов, содержащих подробные научные комментарии, публикации рецензий, извлечений из трудов российских и европейских путешественников. Каждый материал тщательно проверялся и отбирался, оценивался с точки зрения полученных научных результатов, а сами они подлежали подробной систематизации. Однако ИРГО не только печатало на страницах своих изданий страноведческие материалы об Абиссинии и выдержки из воспоминаний российских и зарубежных путешественников, но и также самым непосредственным образом участвовало в организации исследовательских экспедиций, сборе фактического материала о стране, ее народе, географических условиях, природе и фауне африканского государства.

Отчеты ИРГО, а также другие периодические и непериодические издания Общества позволяют судить о характере научного исследования этой страны и степени реальной заинтересованности российской элиты и различных общественных слоев в отношении Эфиопии, дают достаточно полную и обстоятельную картину экономико-политического и социального развития государства, содержат уникальные материалы о географии, орографии, топонимике, местных обычаях и культуре, населяющих Эфиопию народов, особенностях их религиозных верований, помогают лучше представить структуру эфиопского феодального общества.

«Известия ИРГО» и другие периодические издания общества могут служить полезным источником для изучения отношения российской общественности и научных кругов к этой стране, ее богатой истории и культурным традициям, содержат крайне ценные в научном отношении сведения о том, как последовательно проводилось исследование Восточной Африки отечественными учеными.

Благодаря сугубо научному подходу, энтузиазму и непредвзятости своих членов, а также стремлению со стороны Общества дать качественную оценку происходящим в этом регионе

событиям, ИРГО сумело поставить исследования по Эфиопии в России на подлинно научную основу.

В целом же деятельность ИРГО в отношении изучения Эфиопии в этот период носила не только сугубо научный характер, но и являлась отражением официальной государственной политики России в отношении африканских стран, своего рода формой государственного участия в освоении богатого ресурсами красноморского региона.

Библиография

1. Долганев Е.Е.Современная Абиссиния. Важнейшие монастыри. Сергиев Посад. 1897; Он же: Страна эфиопов. СПб., 1890.
2. Бучинский В., Бахланов С. Наши черные единоверцы, их страна, государственный строй и входящие в состав государства племена. СПб., 1900.
3. Бровцын Н.Г. Материалы для антропологии Эфиопии. Абиссинцы провинции Шоа. СПб., 1909.
4. Тураев Б.А. «Богатство царей»: Трактат о династическом перевороте в Абиссинии в XIII в.В: Записки Восточного отделения императорского Российского археологического общества. СПб., 1901.Вып. II-III. Т. XIII (1900).
5. Болотов В.В. Несколько страниц из церковной истории Эфиопии. В: Христианское чтение. 1888. № 1-2; 7-8.
6. См: Географические Известия за 1850 г.
7. См.: Вестник ИРГО, Ч. 2 за 1851 г.
8. См.: Вестник ИРГО, 1852 г.
9. См. :Записки ИРГО, Кн. 3, 1862 г.
10. См.: Записки ИРГО, Кн. 4, 1863 г.
11. Метеорологический вестник. СПб., 1896. № 5, 9

УДК: 94(410ю1) «15 16»

СПОРЫ О ГРАНИЦАХ ДУХОВНОЙ И СВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА РУБЕЖЕ XVI-XVII В СВЯЗИ С ПРИХОДОМ ДИНАСТИИ СТЮАРТОВ В АНГЛИИ

Батшев Д.А.
магистрант кафедры истории древнего мира и средних веков им.проф.В.ФСеменова,
Московский педагогический государственный университет, (ФБГОУ ВПО МПГУ), Москва, Россия
denisbatshev@yandex.ru

Annotation. The article is about the political thought in the Early Modern Period and the dividing between the spiritual and temporal powers at the end of XVI and the beginning of the XVII century. It is based on R. Persons' "A conference about the next succession to the crowne of Ingland" and James VI of Scotland and I of England's "Basilikon Doron" and "The true law of free monarchies". The main themes of the work are: what is the difference between a good prince and a tyrant; could people or the Pope fight against and depose the governor if the contract is broken; what relationships are between the king and the law?

Key words: R. Persons, James VI and I Stuart, monarchy, governor, spiritual power, temporal power, law, Jesuits, oath, contract, political thought.

Аннотация. Статья обращается к политической мысли периода раннего Нового времени (конец XVI - начало XVII вв.), когда с новой силой вспыхнул спор о главенстве духовной и светской властей. Данная работа опирается на сочинения Р. Парсонса "Рассуждение о наследовании английского престола", короля Англии Якова I "Basilikon Doron" и "Истинный закон свободной монархии". На страницах этих произведений ведется полемика о границе между

хорошим правителем и тираном, ставятся вопросы о возможности призыва к свержению последнего, о том, что выше - закон или королевский указ.

Ключевые слова: Р. Парсонс, Яков I Стюарт, монархия, правитель, духовная власть, светская власть, закон, иезуиты, присяга, политическая мысль.

Изменение общественных отношений ведет за собой и трансформацию в политической сфере общества. Особенно ярко данные процессы проявляются на изломе Средневековья и Нового времени. Англия эпохи XVI-XVII веков не была исключением, скорее даже наоборот, была на передовой спора о границах власти разных субъектов политических отношений. Речь прежде всего идет о борьбе между властью светской и властью духовной - правом короля и вмешательством Папы Римского в дела, не касающиеся религии. Важным является то, как это делалось, какие аргументы приводили авторы и к каким теориям прибегали. Данная тема, являющаяся важным этапом становления современной системы политических отношений, а также отдельные ее части, исследовались Серегиной А.Ю., Ч.Г. Макилвейном (McIlwain), Т.Г. Ло (Law) и другими.

Во время становления абсолютизма ключевыми проблемами политической мысли были идеи государственного суверенитета, связь между политикой и теологией, но, что самое главное, взаимоотношение государя и его подданных в условии раскола Европы на религиозной почве. Интеллектуалы всех направлений, а также сами монархи включились в эту борьбу.

В данной работе будут рассматриваться некоторые аспекты интеллектуальной борьбы Роберта Парсонса, иезуита, и Якова VI Стюарта, короля Шотландии и Англии.

"Золотой век" Елизаветы Тюдор подходил к концу, прямых наследников трона не было. Поставленный таким образом вопрос активно обсуждался в интеллектуальном сообществе Европы. Произведение Роберта Парсонса «Рассуждение о наследовании английского престола» увидела свет в 1595 г. и сразу же вызвала волну обсуждений и критики [6, с. 4]. Трактат разделен на две части: в первой приводятся общие положения политической теории, которой пришлось разработать иезуитам для укрепления папской власти; во второй - предоставление на суд читателя разных кандидатур, имеющих права на английский престол после смерти королевы. Актуальность этой темы для современников подтверждается тем фактом, что она была поднята еще на парламентских дебатах 1593 г. в Палате Общин, несмотря на запрет королевы [6, с. 32].

Парсонс, стоя на вполне логичных для его времени этатистских позициях, утверждает, что государство и общество - суть деяния Бога (как власть сама по себе, правительства или права магистратов). Вслед за Платоном он выделяет три формы правления - демократию, аристократию и монархию, последнюю считая наилучшей, ведь она древнейшая, напоминает власть Господа и приносит меньше бед народу.

Автор подчеркивает, что форма правления - это частный политический случай каждого отдельно взятого народа [6, с. 114]. Однако избрание есть худший из возможных вариантов на пути процветания общества, так как ему сопутствуют мятежи и соперничество [6, с. 185]. Исходя из своих предпочтений о форме государственного устройства, а также с учетом сложившегося положения в Англии, Парсонс рассуждает о монархии как самом оптимальном пути для его Родины. И прежде всего, он говорит о суверенитете государя.

Основной его тезис сводится к тому, что в любом правлении основной задачей власти является процветание государства. Следовательно и власть может передаваться не всегда по наследству [6, с. 127-128]. Правитель, по его словам, не только походит мудростью на Бога, но и подвержен страстям как смертный [6, с. 125]. Поэтому общество дает ему закон и советников (парламент). Кроме того, оно может также отвергнуть "неподходящих" законных наследников и того, кто уже находится у власти, если им не исполняются законы. То есть, когда монарх превращается в тирана. Но делается это всем обществом как суверенным субъектом политики, а не отдельными людьми. Конечно же, сам Господь будет способствовать такому развитию событий (ведь он одобряет ту форму правления, которую выберет народ) [6, с. 130-131]. Таким образом, карать подобных правителей - закон Божественный и человеческий. Государь голова, а народ – тело, а общество имеет право лечить или отсекать свою голову [6, с. 137].

Народ здесь - источник власти, которую он деллигирует, при этом ее ограничение может быть оговорено во время коронации. Стороны заключают договор (сравненный Парсонсом с брачным), при нарушении которого государь может лишиться власти. Тоже самое может произойти и когда договор не нарушается, но его действия угрожают общему благу [6, с. 158-160]. Например, имущества и мирские блага принадлежат не государю, а подданным - иначе бы они были рабами, что противоречит естественному порядку вещей [6, с. 156-157]. Лишать их он не имеет никакого права.

Клятва, данная монарху, таким образом, может быть нарушена, особенно если ее исполнение несет вред вере, благочестию, справедливости или общему благу. И хотя Парсонс умалчивает вопрос о конфессиональной принадлежности монарха, но в памфлете 1592 г. указывает, что нельзя допустить к власти врага католической церкви [6, с. 160] (в данном, конкретном случае - Якова VI Стюарта в Англии).

Идея о том, что общество имеет право как минимум высказать свое мнение относительно предполагаемого наследника было хорошо знакомо англичанам – закон престолонаследия не представлялся нерушимым - сами Тюдоры способствовали этому [6, с. 60-61]. Этот вопрос стоит для иезуита очень остро, и он выдвигает ряд контраргументов, при которых наследник не может занять трон: малолетство, пренебрежение традициям, неспособность управлять по разным причинам, бедствия, которые принесет стране, враг или соперник государства, нехристианин. При этом неважна национальная принадлежность. Он должен быть сильным, чтобы защищать своих подданных, великим, чтобы раздавать им награды, отправлять правосудие и обеспечивать процветание всей страны [6, с. 234].

Яков VI Стюарт, как человек, против которого в значительной степени была направлена работа Парсонса не мог ее оставить без ответа. В данной работе будут затронуты идеи изложенные королем в "Basilikon Doron" ("Королевский подарок", 1599 г.) и в "Истинном законе свободной монархии" (1603 г.).

"Basilikon Doron" написан в виде наставления сыну Генриху, принцу Уэльскому и делится на три части: король-христианин, управление государством, повседневная жизнь короля. При этом нужно отметить, что книга изначально была составлена для внутреннего пользования, но стала неожиданно для Якова достоянием общественности - пришлось напечатать официальную версию с пояснениями (говоря, например, что под пуританами король имел в виду радикалов-анабаптистов). Король также заявил, что если ни пуритане, ни паписты не нарушают закон, то могут жить в мире под его руководством [1, с. 7]. Эта идея четко отражает настроение Якова в отношении религии и политической власти.

Понятие хороший христианин и хороший король для автора слиты воедино, так как необходимо быть примером для своего народа. Король был направлен Богом народу, а не народ королю. Он правит мудро и принимает справедливые законы, и обеспечивает стране мирное процветание - по сути он является отцом и любящим господином. В его обязанность входит пресечение деятельность Парламента, если принимаются плохие законы. Справедливость нужно совмещать с милосердием, но всегда быть готовым применить силу против нарушителей закона [1, с. 18-20].

Необходимо, чтобы знатные люди подчинялись законам, а любой честный человек мог обратиться к королю напрямую. Нобилитет должен быть инструментом в руках государя, также как и его слуги [1, с. 25, 30]. Спрашивать с любого человека нужно по всей строгости закона.

Королю также необходимо следить и за экономикой и посещать все области страны каждые три года для обеспечения ее процветания. Войну должно вести с умом, выбирая опытных офицеров и завоевывая сердца своих солдат [1, с. 26-29]. Не обошел вниманием Яков вопросы брака и наследования - женщина должна быть помощником мужчине, конфессионально принадлежа к одной религии. Государство же должно остаться одному наследнику, дабы не посеять раздора (по сути, отсылка к феодальному праву) [1, с. 36-37]. Постоянное обучение - залог хорошего правления: учить, прежде всего, необходимо Писание, законы, историю и математику [1, с. 39-40].

Бог видит истинные намерения человека, и отчитываться за свои деяния нужно будет только перед Ним. Хороший король будет блаженствовать на небесах, ведь трон, на котором он сидит - это Божий трон [1, с. 21-22]. В этих положениях главное отличие хорошего государя от тирана.

Тиран руководствуется своими амбициями и своими действиями, нарушает баланс политических сил, принимая законы в пользу отдельных групп политиков. У него печальная судьба - он потеряет фактическую власть, а его падение не вызовет отклика в сердцах его подданных [1, с. 19].

Особенно Яков предупреждает своего сына о проблемах в религиозной сфере. Нужно опасаться папистов, которым присущи амбиции и жадность; пуритан, которые клевещут и подстрекают народ к мятежу. Против последних меры предлагаются самые серьезные вплоть до изгнания (именно здесь Якову пришлось внести поправки об анабаптистах) [1, с. 23-24].

Таким образом, монарх - это образец для подданных, вникающий в разные тонкости управления, с хорошим образованием, гарант справедливости и процветания государства, ответственный только перед Богом. Знания, который использовал Яков для написания своего произведения, основан, в основном, на материале Шотландии и поэтому не всегда оказывались применимы в ту пору, когда он стал королем Англии.

Идеи, которые были намечены в "Basilikon Doron" король развивает в "Истинном законе свободной монархии". Эта работа играет значительную роль в прояснении политических взглядов монарха. В тексте сразу видно некоторое пренебрежительное отношение к оппонентам - автор их просто стыдит за невежество относительно знаний о взаимных обязанностях между абсолютной монархией и ее подданными. Сам текст построен на системе трех доказательств - 1. Писание, 2. Законы государства, 3. Естественные законы [2, с. 54].

Опора по первой линии доказательств идет в основном на основе Ветхого Завета (1 Цар, Иер), но используется и Новый Завет (Мф), [5, с. 279, 698, 1062] с упором на то, что король правит в своем государстве подобно Богу, правящем над всем сущим. Яков играет цитатами, приводя свою собственную трактовку некоторым эпизодам.

Власть монарха установлена Богом, и только Ему он подотчетен. В ответ на то, что государь может быть свергнут народом, опираясь на Библию, автор говорит: древние пророки призывали не поднимать восстание против правителей, даже если они были тиранами. Они даются народу за его грехи и как никто не вправе установить себе царя не по воле Божьей, так никто не вправе без Божьей воли его и свергнуть. Так как монархия была установлена иудеями, то она распространяется и на все христианские государства по Божьей воле [2, с. 59]. Позор тому христианину, который требует те права и свободы, которые даже Бог не дал своему избранному народу. Своему государю должно повиноваться во всем, кроме действий, направленных против Господа. Борьбу с тираном Яков представляет следующим образом: нужно подчиняться и молиться чтобы плохой правитель ушел [2, с. 57, 60-61].

Что же касается законов государства, то здесь автор говорит о том, что согласно хроникам король Фергус стал править в Шотландии и установил первые законы страны. Таким образом разрешался вопрос о соотнесении этих правовых понятий. Король стоит над законом, но сам должен быть примером в своем правлении. И как ученики не могут сместить учителя или подсудимый - судью, так и народ не может сместить своего государя [2, с. 62-64]. Что же касается договора, который заключается между королем и народом, то этот контракт не может быть расторгнут лишь одной стороной. Король исполняет его по доброй воле, и только он сам может освободить народ от этого договора. И даже если идет речь о восстании, то государь не в праве отказаться от своей клятвы и уничтожать народ и страну, но его задача - справедливо наказать виновных [2, с. 68-69].

Государь является отцом своих подданных, и в таковом статусе он обязан о них заботиться, а также наказывать в случае неповиновения. Он - голова, подданные - члены его тела; ему решать - нужно ли его лечить или отсечь, если он неизлечим, дабы воспрепятствовать распространению заразы [2, с. 55, 65].

Проводя свои абсолютистские взгляды на практике Яков, будучи уже и королем Англии ввел в 1606 г. новую Присягу на верность королю [3, с. 1]. Сперва требуя ее от должностных лиц, а с 1610 г. для всех подданных [4, с. li-lii]. За отказ от нее налагался штраф. С одной стороны, она была мягче, чем присяга времен Елизаветы, так как не требовала признавать монарха религиозным главой. Яков же требовал только признать его законным и полноправным королем и отречься от доктрины о возможности его свержения. Эта теория была выдвинута Р. Беллармином и включала в себя идею о непрямой власти Римского папы, в том числе, и его право на призыв народа или

любого государя (и даже просто убийства) для свержения монарха-еретика (не католика) [4, с. xxvi]. Именно в этот общий контекст вписываются рассуждения Роберта Парсонса. То есть иезуитам пришлось разработать теорию ограничения королевской власти в интересах народа и раздела религиозной и светской сфер.

Используя эту клятву, удалось расколоть английских католиков - на сторонников и противников доктрины Беллармина. Это произошло, потому что на первый взгляд, клятва носит сугубо гражданский характер, однако суть ее религиозна. Она не вызвала восторга у Парламента, так как считалась не достаточно радикальной с религиозной точки зрения (Яков по своим взглядам в этих вопросах был более умерен) [4, с. liii].

В заключении можно отметить, что развернувшаяся борьба между сторонниками светской и религиозной власти велась достаточно активно и продолжалась еще ни один год. Не последнюю роль в ней играли Роберт Парсонс и Яков VI Стюарт. Их работы сложно назвать оригинальными (ведь ценность этого понятия появилась не так давно). Множество отсылок к общепризнанным авторитетным источникам являлось важным доказательством тех или иных взглядов. При этом интересно отметить, что ссылок на Священное Писание не так много: у Парснонса не более 1/3, у Якова (в "Basilicon Doron") не более 1/4. Все остальное - это сочинения философов, историков или юристов. В конце, концов, стремление Стюартов к абсолютизму впоследствии привело страну к Гражданской войне. Но именно в этих спорах была заложено отделение светской власти от духовной - одной из важных политических концепций дальнейшего развития европейского общества.

Библиография

1. James I. Basilikon Doron // The political works of James I. Intr. by Ch. H. McIlwain. London, 1918.
2. James I. The True Law of Free Monarchies // The political works of James I. Intr. by Ch. H. McIlwain. - London, 1918.
3. The oath of allegiance // [Электронный ресурс]. URL: http://faculty.history.wisc.edu/sommerville/361/oath%20allegiance.htm (дата обращения: 02.01.2015).
4. The political works of James I. Intr. by Ch. H. McIlwain. - London, 1918.
5. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М., 2007.
6. Долеман Р. (Парсонс Роберт) Рассуждения о наследовании английского престола. 1594 г. / Пер. с англ., вступ. статья и комм. А.Ю. Серегиной. М., 2013.

УДК: 94 (477+478) «18 19»

ШТЕТЛ В ИСТОРИИ И ПОЛИТИКЕ ИМПЕРИЙ XIX-XX ВВ. (НА ПРИМЕРЕ МЕСТЕЧЕК УКРАИНЫ И МОЛДОВЫ)

Венгерская В. А.
кандидат исторических наук, доцент,
Житомирский государственный университет им. И. Франко, Житомир, Украина
vengerska@ukr.net

Аннотация.Уникальная культура идиш Восточно-Европейского еврейства, которая долгое время сохранился на территории поселков –штетлов (местечек), ныне почти утрачена. В данной статье рассматриваются этапы и причины упадка и постепенного исчезновения штетлов. Она нацелена на изучение формирования государственного антисемитизма, его специфики в условиях различных политических систем.

Ключевые слова: штетл, местечки, культура идиш, Холокост, антисемитизм

Annotation. **Shtetl in the history and politics of the empires of the XIX-XX centuries (On example of Ukrainian and Moldovan villages)** Unique Yiddish culture of Eastern European Jewry, which for a long time was stored on the territory of the villages (shtetls), nowadays is almost lost. This article discusses the steps and reasons for the decline and gradual disappearance of the shtetls. It focuses on the

study of the formation of the governmental anti-Semitism, with its specificity in terms of different political systems.

Key words: shtetl, Pale of Settlement, Yiddish culture, the Holocaust, anti-Semitism.

Пребывание на маргинесе исторической науки пост-советского пространства определенных «неудобных» тем остается элементом наследия предыдущей эпохи. К подобным проблемам относится история еврейских местечек (штетлов), существовавших в свое время и на территории современных Украины и Молдовы, а также истоки и сущность антисемитизма, элементы которого сохраняют свою живучесть не только на бытовом уровне. В советские времена в условиях развития так называемого интернационализма и создания «новой формации» - «советского народа» не принято было акцентировать внимание на проблемах полиэтничности СССР. С момента провозглашения государственной независимости Украины, в условиях строительства нового государства и нации, политики и историки ориентировались на этноцентризм, который закреплял за «титульной» нацией ключевую роль. Другие этносы и народы служили лишь своеобразным фоном, на котором происходило развитие украинской нации. Однако, в последние годы в отечественной науке и образовательной сфере сформировалась критическая масса исследователей, которые подвергли подобной подход критике, отметив целесообразность изучения истории Украины с позиций ее поликультурности и многоэтничности [1].

Среди относительно новых инструментов исторической науки, использование которых позволяет максимально «окунуться» в реалии советского довоенного и послевоенного периода, особое место принадлежит устной истории. Заслуга в формировании архива устной истории евреев бывшего Советского Союза, с особым акцентом на периоде войны и Холокосте принадлежит Институту визуальной истории и образования Фонда Шоа Университета Южной Калифорнии (США) [2]. Как правило, содержание интервью охватывало всю жизнь респондентов, поэтому среди свидетельств украинской коллекции есть несколько сотен, содержащих информацию о Голоде 1932-1933 гг. и послевоенном периоде. Институт Фонда Шоа начал проводить интервью в Украине в октябре 1996, в нашей стране открытый доступ к коллекции из 56 свидетельств, которые представлены в Украинском центре изучения истории Голокоста [3]. Материал, который использован в этой статье представлен в архиве устной истории фонда, расположенного в Карловом университете в Праге (Чехия).

Штетлы представляли собой поселения полугородского типа на территории Восточной Европы с доминирующим либо же значительным еврейским населением. Под этим термином имеется в виду также своеобразный характер бытового и духовного уклада восточноевропейского еврейства. Местечка иногда насчитывали до 20-25 тысяч жителей, но были и маленькие – в несколько тысяч (штетеле). Они возникли на территории Польши, особенно в восточной её части в течение XV–XVI вв. Польские короли и магнаты стимулировали переселение евреев на заброшенные места. Объяснялось это необходимостью развития разоренных в результате продолжительных войн земель, возрождения на их территории ремёсел и торговли. Начиная с XVIII в. штетлы доминировали в качестве типичных еврейских поселений на территории Восточной Европы.

В течение первой половины XIX в. евреи сохраняли традиционные для себя формы сосуществования. Как диаспорная группа с принципиально отличными и давними культурными традициями, они пытались уберечь свою уникальность. Ко второй половине века большинство евреев оставались сторонниками традиционализма. В 1835 г. специальным царским указом были определены границы черты оседлости евреев, просуществовавшие вплоть до Первой мировой войны [4]. Исторические земли Подолии и Бессарабии, к которым непосредственное отношение имеют современные Украина и Молдова, входили в эту черту.

Исторически так сложилось, что евреи из-за запретов, имевших еще средневековые корни, не работали на земле. В 1882 г. появились Временные правила, в соответствии с которыми евреям в очередной раз запрещалось селиться в сельской местности, а также покупать и арендовать там землю [4]. Поэтому статус населенного пункта был чрезвычайно важен. Штетл оставался островком, на котором сохранялась совершенно уникальная культура, безграничный мир со своим языком, традициями, укладом жизни. Особое место принадлежало религиозным традициям, они

фактически и определяли содержание жизни местечка. От субботы до субботы, от одного до другого праздника, протекало оно, наполненное атмосферой идиш, непревзойденными еврейскими хохмами, трогательно-лирической и радостно-взрывной музыкой клезмеров.

Изменения в национальной политике империй, на территориях которых жили евреи (в первую очередь, Российской и Австро-Венгерской) имели определенную цикличность, от которой зависели и отношения с ними. Одна из первых массовых волн антисемитизма приходится на начало 80-х гг. XIX в. Это явление приобрело общеевропейский характер. Первыми объявили очередной «поход» против евреев в Германии, выдвинув лозунг «Жид грядет», поскольку в ее экономической жизни евреи играли заметную роль. Сутью новой фобии, модернизированного варианта антисемитизма стал страх перед потерей экономических позиций, по которым, гипотетически, могли потянуться следующие неизбежные потери [5]. Следующая волна антисемитизма, которая нашла проявление в погромах и была вызвана последствиями экономического кризиса, приходится на начало XX в. Революция 1905 г., причиной которой помимо экономического, стал и политический кризис, снова превратила евреев в «козла отпущения» и спровоцировала погромы. В условиях обострения внешнеполитической ситуации накануне войны, дело поиска внутренних врагов приобрело особую актуальность. И снова виновными во всех проблемах оказались евреи. В черносотенной печати, выступлениях депутатов от монархических партий, с особым энтузиазмом была подхвачена идея ритуального убийства православного мальчика Андрея Ющинского приказчиком киевского кирпичного завода М. Бейлисом. Дело имело широкий резонанс во всем мире, его течение стало предметом активного обсуждения на страницах российской и зарубежной прессы. Подобные волны антисемитизма подталкивали все большее количество евреев к эмиграции, а сионистские идеи получали широкую популярность и новых последователей.

Уже в годы Первой мировой войны усилились элементы упадка штетла и культуры, с ним связанной. Символической в этом смысле стала смерть в самый разгар войны, в 1916 г. певца культуры идиш, и всего, что ее олицетворяло - Шолом Алейхема. Не менее символичным было и то, что в последние годы своей жизни он провел в США, а образ идеального штетла его детства и юности остался на страницах произведений писателя.

Период с 1917 по 1921 гг. стал очередным в череде испытаний, которые выпали на долю восточноевропейского еврейства в XX в. С деятельностью Украинской Центральной Рады связывается первое в истории предоставление национальным меньшинствам права на создание национально-персональных автономий, которое было распространено и на евреев. Позитивные изменения в это время шли рядом с негативными явлениями. Каждая смена власти, происходившая с калейдоскопической скоростью, как правило, сопровождалась новими еврейскими погромами. «Благодаря» советской пропаганде сформировались стереотипы, в соответствии с которыми погромная деятельность связывалась исключительно с петлюровцами, представлявшими украинские национальные формирования. Однако, как утверждают архивные источники, очевидцы тех событий, в погромах участвовали как деникинцы («белые»), так и котовцы («красные»). Эти тяжелые четыре года привели к сокращению жителей штетлов.

По воспоминаниям современного писателя Б. Хандроса [6], детство которого прошло в типичном подольском местечке Озаренцах, перед Первой мировой войной в городке было около 1 тыс. евреев, после революций и гражданской войны осталось 700 человек. Часть эмигрировала, часть пострадала от погромов. Сохранились свидетельства и архивные документы о шести погромах в Озаренцах. Автором этих текстов был родной дядя Б. Хандроса, историк по специальности. В документах отражены все «цвета» погромов. Бориса Хандроса удивлял факт успешности советской пропаганды даже среди тех, кто пережил эти погромы. Первый погром был «полупетлюровским» в нем участвовали крестьяне из окрестных сел. Два последующих были «белыми» – их устроили деникинцы. Четвертый снова был петлюровским. Два последних окрашены в красные цвета – устроили их бойцы 41 дивизии Первой конной армии (котовцы). Часть, возвращавшаяся после неудачного похода на Варшаву, устроила погромы в Озаренцах. Хандрос отмечает, что местные крестьяне никогда не участвовали в погромах. В самые трагические моменты, крестьяне (не евреи, среди которых и учителя), вступали в переговоры с

погромщиками и пытались не допустить погрома. Традиции доброжелательности сохранялись и в начале войны, местные крестьяне оказывали евреям всяческую помощь.

Начало реализации политики коренизации в апреле 1923 г. связывалось с кардинальними изменениями в национальной политике советской власти, которая в качестве «двух шагов назад» пошла на значительные уступки национальным общинам. В первую очередь это касалось включения представителей коренного населения советских республик и автономий в органы местного партийного руководства и предоставления официального статуса их национальным языкам.

В штетлах одновременно с традиционными хедерами, начали открываться и функционировать так называемые евтрудшколы. Хедер это начальная еврейская религиозная школа в которой обучались только мальчики. Хедер был частной школой, учитель которой (меламед) получал плату от родителей. Преподавание всех предметов в них велось на идиш. Представить типичное местечко без этого языка было невозможно. По воспоминаниям Б. Хандроса, все его детство прошло в атмосфере идиш. Как утверждал автор воспоминаний, этот язык имеет право остаться одним из межнациональных языков еврейского народа. «На всех языках разговаривают, а идиш говорит сам за себя» [6]. Школа в жизни города играла значительную роль. Евтрудшкола стала первым светским учебным заведением. Во вновь открытых школах работали бывшие меламеды, именно они, як правило, преподавали русский язык. Однако, обучение в евтрудшколах охватывало только средние классы. Старшая школа уже была, в зависимости от региона либо русской, либо украинской. В 20-е гг. в штетлах, несмотря на появление советских элементов (создание еврейских колхозов, ячеек коммунистической партии, пионерских и комсомольских организаций), в целом сохранялся привычный уклад жизни. Функционировали синагоги, праздновались еврейские праздники и соблюдались традиции. На этот же период приходится развитие идиш-литературы (в рамках реализации политики «коренизации»). Однако самым популярным автором оставался Шолом Алейхем, о любви к произведениям которого вспоминали практически все, кто давал интервью.

Со временем, общее наступление на права национальных общин, законы по борьбе с церковью коснулись и штетлов. В начале 30-х гг. были закрыты все синагоги, перед этим закрыли и хедеры. Ушла в прошлое практика национального районирования, резко сократилось количество названий и тиражи литературных и периодических изданий на идиш. Еврейские национальные учебные заведения постепенно были преобразованы в обычные, смешанного типа.

Все изменения, происходившее в стране, обуславливались формированием в СССР авторитарного политического режима. Тридцатые годы прошли под знаком террора. Значительное количество евреев, государственных, партийных, военных деятелей, представителей творческих профессий, которых заподозрили в потенциальный нелояльности к коммунистическому режиму, были репрессированы. Голод 1932-1933 гг. затронул и жителей еврейских местечек. Практически в каждом интервью упоминается то страшное время и явление, которое не обошло и еврейские семьи. В Житомире на еврейском кладбище в начале 2000-х гг. был установлен памятный знак в честь погибших во время голода как украинцев так и евреев.

В межвоенный период в Украине по политическим мотивам было осуждено 264 тыс. евреев, еще 87 тыс. проходили по уголовным делам. 70 тыс. взрослых и 35 900 - членов семей осужденных евреев - «врагов народа» были высланы за пределы Украины [7]. Характерной чертой общественной жизни в СССР второй половины 1930-х гг. стала скрытая борьба сталинского руководства против «еврейского засилья» - постепенное ограничение численности евреев в составе органов государственной и партийной власти, силовых структурах. Все в комплексе способствовало и стремительному разрушению местечек.

Наибольшие испытания, выпавшие на долю еврейского народа, связаны со Второй мировой войной. Холокост, или Катастрофа – одна из наиболее ужасных страниц в истории человечества, признанная международным сообществом геноцидом еврейского народа. В приговорах Нюрнбергского трибунала было озвучено количество жертв ШОА - 6 миллионов евреев Европы [8].

По воспоминаниям свидетей, эвакуация из местечек шла ужасно, их жителей просто предали. Было время предупредить, однако о людях никто не думал, в первую очередь

эвакуировали заводы, технику и оборудование, выехать смогли только единицы. Условия оккупации, пребывание евреев в гетто, их массовое уничтожение чрезвычайно негативно сказалось на общественном отношении к евреям. Гетто как явление воздвигнуло не только стену из кирпича, а превратило евреев в изгоев, обреченных на массовое уничтожение. Сформировавшееся во время войны и послевоенный период отношение к евреям, как к нации обреченных, определило дальнейший всплеск антисемитизма, который к тому же был поддержан на официальном уровне. Не все смогли эту стену преодолеть.

В послевоенный период И. Сталин со всей очевидностью начал демонстрировать стремление в очередной раз «решить еврейский вопрос». По стране прокатилась волна закрытия еврейских школ и театров, аресты политических деятелей и работников образования и культуры. Начала активно распространяться информация о возможном выселении миллионов евреев в Биробиджан.

В апреле 1952 г. были расстреляны еврейские писатели, поэты и ученые, входившие в состав «Еврейского антифашистского центра». Готовилось громкое «дело врачей», что свидетельствовало о сгущении туч над советскими евреями. Неизвестно, как в дальнейшем сложилась их судьба, если бы не смерть главного инициатора антисемитской политики в марте 1953 г. Волна антисемитизма, которая захлеснула население Советского Союза, способствовала «забыванию» самого факта уничтожения евреев во время войны. Последовавшая после смерти Сталина эпоха борьбы с «мировым сионизмом» как воплощением «всемирного зла», сохранила эту традицию.

На памятниках, которые устанавливались в советские времена в местах массовых расстрелов евреев никогда не упоминалось, кому именно они установлены. Использовалось вполне размытая формулировка – «мирные граждане». Более того, значительная часть мест массовых расстрелов евреев вообще никоим образом не отмечалась. С целью изъятия этой страницы истории из памяти, земли, на которых происходили массовые расстрелы, использовали в сельском хозяйстве строительстве. Уже после развала Советского Союза, как правило, на средства и по инициативе самих евреев, чудом пережившие то страшное время, начали возводиться памятные знаки и мемориалы.

Уникальными островками еврейской жизни и в послевоенный период оставались некоторые местечка Подолии и Молдовы. Их жители смогли избежать негативних последствий сталинской политики. На неофициальном сайте молдавского местечка Бельцы представлены чрезвычайно колоритные рассказы о жизни штетла с конца 40 –х до 60-х гг. XX в. Небольшой отрывок из воспоминаний бывшей жительницы местечка передает его атмосферу: «На юге летние ночи теплые. Черные, звездные, луна светит, как сумашедшая, жары нет, все дела сделаны. В двор выносятся маленькие скамеечки и женщины усаживаются каждая у свого входа. Идет неспешный разговор, и то и дело слышится: а хосн из шен…, а ингалэ шен…, а мэйдалэ шен…

- А сын в институте учится на все пятерки, профессор его так любит, и после окончания оставляет у себя на кафедре…

- А мой зять – он же занимает такой большой пост – он же главный технолог в завод….

- А мне завтра надо проведать золовку, она что-то болеет… наверно сэрдце… Вчера у нее было два приступа: один запорный, другой поносный (на полном серьезе, с большим сочувствием!). Все родные красивые, все умные…

А у русских? Зять сволоч, муж идиот, сын пьет, внук хулиган…» [9].

Чем объясняется тот факт, что на этих территориях до 80-х годов XX в. сохранялись еврейские местечка (хотя и утратившие свой религиозный традиционализм)? Дело в том, что евреи, проживавшие на территориях между Южным Бугом и Днестром во время Второй мировой войны оказалась под румынской оккупацией. В городах были созданы гетто, в которых находились депортированные евреи Буковины и Бессарабии. Хотя и здесь они подвергались притеснениям и унижениям, переносили все ужасы обитания огромного количества людей на ограниченных территориях, однако в целом, число погибших от массовых расстрелов было меньшим.

Подводя итоги, подчеркнем, что империи использовали финансовый и интелектуальный потенциал богатой и образованной части евреев. В большинстве своем представители названных категорий выходили за рамки изолированного существования в традиционном еврейском штетле, постепенно ассимилируясь с государственными нациями. Одновременно, империи (Германия, Российская, Советская, в меньшей степени Австро-Венгерская) делали все для дискредитации евреев, превращения их в народ-изгой. В условиях авторитарних и тоталитарных политических режимов антисемітизм достиг своих наиболее ужасных и низменных проявлений.

Штетл, как вопрощение «другой», часто «чужой» культуры под давленим модернизационных процессов постепенно утрачивал свои уникальные черты. В послевоенное время, несмотря на постепенное восстановление евреев в правах, их эмиграция из бывшего СССР носила массовый характер. Своего максимума она достигла в 80-х гг. XX в. Связывалось это с реализацией одного из самых уникальных национальных проектов XX в., воплощенного в идеологии сионизма и создании государства Израиль. Руководство страны разработало и реализовывало программы для репатриантов из бывшего Советского Союза. К сожалению, это поставило окончательную точку в существовании такого уникального феномена как еврейское местечко (штетл) с присущей им идиш-культурой в восточной Европе.

Библиография

1. Касьянов Г. В. Украина 1991-2007. Очерки новейшей истории. К.: Наш час, 2008 С.132; Касьянов Г. В. Современное состояние украинской историографии: методологические и институционные аспекты В: Ab imperio, № 2, 2003. Режим доступа к журн.: http: // www. abimperio.net; Яковенко Н. М. Кілька спостережень над модифікаціями українського національного міфу в історіографії .В: Дух і Літера, 1998, № 3-4. Режим доступа к журн.: http: // www.duh-i-litera.kiev.ua; Портнов А. В. Упраженения с историей по-украински. М., 2010, 78 с.
2. Войтенко О. На зустріч пам’яті. Навчально-методичний посібник до фільму про Голокост в Україні "Назви своє ім'я". К.: Оранта, 2007,20 с.
3. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.holocaust.kiev.ua
4. Электронная еврейская энциклопедия. Электронный ресурс. Режим доступа: ihttp://www.eleven.co.il/article/11955
5. Миллер А. Еврейский вопрос в политике властей и русском общественном мнениии. - Электоронный ресурс. Режим доступа: www.polit.ua/ Серия «Публичные лекции».
6. Хандрос Борис Наумович. Интервью от 22 января 1997 г., г. Киев.В: Центр визуальной истории Малах (Прага, Чехия). USA Shoah Foundation the instute for Visual History and Education.
7. Большой террор (1936-1939 гг.). Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.eleven.co.il/article/15416#08
8. Ференц Бенжамин Б. Холокост и Нюрнбергский процесс. - Хроника ООН, Выпуск XLII. - № 4. - декабрь 2005 г.- февраль 2006 г. -Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.un.org/ru/holocaustremembrance/nurnberg/
9. Фомина И. Майн штэйталэ Бэльц. http://shtetlbelts.ru/meinshtet.html# http://beltsy.org/index.html

УДК:904(4-924.71)

ГОРОДИЩЕ И НЕКРОПОЛЬ АРТЕЗИАН В КРЫМСКОМ ПРИАЗОВЬЕ. ОСНОВНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Винокуров Н.И.
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков им.В.Ф.Семенова
Московский педагогический государственный университет, (ФБГОУ ВПО МПГУ), Москва, Россия
vinokurovn@list.ru

Аннотация. Городище «Артезиан» представляет собой одну из крупных крепостей Крымского Приазовья со сложной планировкой разновременных жилых кварталов и оборонительных сооружений, имеет первоклассное значение как эталонный стратиграфический объект для изучения центральных поселений царской хоры Боспора первых веков нашей эры.

Городище и некрополь Артезиан Городище является многослойным памятником с очень сложной стратиграфией. Мощность слоев энеолетического, античного и средневекового времени достигает шести метров. Раскопки городища и некрополя ведутся силами международной российско-крымской Артезианской археологической экспедицией *Московского педагогического государственного университета* (ААЭ)) с 1987 г. Эти исследования весьма перспективны и помогут получить новые хронологические индикаторы по истории Боспорского царства, расширят представления о материальной и духовной культуре боспорских военных поселенцев, насельников царских резиденций и крепостей

Ключевые слова: городище и некрополь Артезиан, Боспорское царство, грунтовые могилы, плитовые гробницы, цитадель

Annotation. The settlement "Artezian" constitutes one of the largest FORTS Crimean Azov with complex multi-temporal layout of residential quarters and fortifications, has excellent value as a reference stratigraphic study of the Central settlements of the Royal choirs of the Bosporus first centuries of our era. A settlement and a necropolis artesian Settlement is multilayer monument with a very complex stratigraphy. Power layers analiticheskoi, ancient and medieval time reaches six meters. The excavations of the settlement and necropolis is carried out by the international Russian-Crimean Artesian archaeological expedition of the Moscow state pedagogical University (AAE)) since 1987, These studies are very promising and will help to obtain new chronological indicators on the history of the Bosporan Kingdom, enhance understanding of material and spiritual culture of the Bosporan military settlers, the inhabitants of the Royal residences and fortresses

Key words: the settlement and necropolis of Artezian, the Bosporan Kingdom, soil graves, tombs of the plates, the citadel

Городище и некрополь Артезиан находятся в пяти километрах к востоку от Азовского моря и в 2,5 километрах к северо-западу от поселка Чистополье, Ленинского района Республики Крым. Некрополь и городище занимают северный водораздел урочища Артезиан. Раскопки этих памятников ведутся силами международной российско-крымской Артезианской археологической экспедицией *Московского педагогического государственного университета* (*ААЭ*)) с 1987 г.

Городища Артезиан

Топография.

Античное городище Артезиан расположено на мысу, между северной и южной балками одноименного урочища. Балки в древности имели большую глубину и более обрывистые склоны, прикрывавшие жилые кварталы городища с наиболее опасной юго-западной стороны. Естественная возвышенность, оказавшаяся в центре поселенческой застройки, была дополнительно защищена искусственными крепостными сооружениями: глубокими и широкими рвами, монументальными крепостными стенами и башнями. В центральной части городища возвышается "Цитадель", а по краям - четыре зольника. Зольники в виде больших холмов,

типичные для многих боспорских городищ первых веков нашей эры, являлись сакральными объектами и маркировали важнейшие календарно-астрономические явления, игравшие исключительную роль в духовной и практической жизни древних социумов. Зольники Артезиана выполняли, в числе прочих, функции пригоризонтных обсерваторий. Восходы и заходы культовых, календарно-значимых светил (прежде всего, Солнца) определяли время религиозных праздников и сельскохозяйственных работ.

Удобный подход к поселению имелся только с восточной стороны, где располагались три зольника, а за ними – обширный некрополь, разделенный несколькими грунтовыми дорогами, шириной два-четыре метра. С юго-западной стороны поселения северная и южная балки соединяются и образовывают естественную котловину округлой в плане формы, которая в древности использовалась в качестве водохранилища. Его глубина достигала 3-4, а ширина - 100 м.

Площадь городища около 7 га. Вся территория террасирована. Границы городища четко выделяются по топографическим ориентирам, проходят с севера, юга и запада по склонам балок, с востока – за зольниками. Однако, за пределами основной зоны расселения, на территории некрополя выявлен античный культурный слой.

Раскопы и стратиграфия.

Городище является многослойным памятником с очень сложной стратиграфией. Мощность слоев энеолетического, античного и средневекового времени достигает шести метров.

На городище четыре раскопа общей площадью более 6600 кв. м. Исследованный культурный слой городища Артезиан разделяется на два горизонта: античный первой половины IV в. до н. э.-начала IV в. н. э. и салтовский VIII-IX вв. Кроме того, непосредственно под напластованиями античного времени обнаружены 11 погребений эпохи энеолита-бронзового века - остатки курганного могильника, насыпи которого были срезаны в античный период.

Фортификация и планировка городища

Городище укреплено рвами и крепостными стенами. Наиболее интересными сооружениями являются остатки «Цитадели» рубежа нашей эры - первых веков нашей эры. Она занимает центр городища и доминирует над местностью. *«Цитадель»* возникла в I в. до н. э. – начале I в. н. э. и представляла собой прямоугольник каменно - земляных укреплений со сторонами 40-45х50-55 м.

В ходе раскопок прослежены два основных этапа формирования ее оборонительных сооружений – I в. до н. э. – 44/45 гг. н. э. и середины I-II вв. н. э.

Ранняя цитадель имела небольшие размеры, почти квадратную форму. Сохранился ее полуподвальный ярус из 10 помещений, в основном, хозяйственного назначения. Площадь ее по периметру стен достигала около 773 кв. м (внутри – в пределах 482 кв. м), что близко по значению к подобным крепостям Боспора, типовым для второй половины первого века до н. э. – начала первого века нашей эры. Их распространение можно связывать с периодом правления царей Асандра и Аспурга. Ранняя цитадель имела один полукруглый бастион и несколько святилищ. По меньшей мере, одно из них располагалось внутри крепости, два – в пространстве между ее оборонительными стенами и рвом.

Первый период существования крепости завершился трагически: она была взята штурмом в ходе боспоро - римской войны и полностью сгорела. При боспорском царе Котисе I (45-68 гг.) на руинах первой цитадели возникла новая постройка с мощными прямоугольными башнями и крепостными стенами, сооруженными из больших рустованных квадров. При этом почти вдвое увеличились ее размеры, и возросла толщина стен. Крепость защищал менее глубокий, но более широкий ров, шириной до 10-12 м, с дополнительной внешней стеной – протейхизмой. Но это была уже цитадель иного типа, не только лучше укрепленная, но и выстроенная с применением последних фортификационных новаций. Башни крепости отличались тщательной кладкой, почти математически правильных пропорций. Цокольная часть башен несколько утолщалась, чтобы придать им большую антисейсмическую устойчивость и усилить сопротивление действию таранов.

Районирование городища Артезиан прослеживается, пока не вполне отчетливо, хотя раскопами вскрыты значительные его участки. Определенно отделяются друг от друга центральная часть городища, занятая цитаделью, северная – более равнинная – с кварталами

застройки, внешне напоминавшие большие усадебные комплексы, и южная – сильно террасированная – с более плотной, но также регулярной системой застройки.

Внушительное впечатление производят нижние этажи казарм времени Митридата Евпатора Диониса, расположенных на нескольких террасах в южной части городища. Они поражают сложенными из квадров мощными стенами, правильностью планировки, монументальностью и техникой «шахматной» кладки, необычной для архитектурных сооружений Северного Причерноморья.

На территории городища открыты два изолированных форта первых веков нашей эры с круглыми башнями и примыкавшими к ним помещениями. Они не входили во внешнюю систему обороны. Башни, судя по мощным фундаментам, имели высоту не менее 8-12 м. Они возвышалась над другими постройками и были важными локальными узлами обороны. С их верхних этажей хорошо просматривались окрестности, Азовское побережье и даже мыс Казантип. Первый этаж был полуподвальным и использовался для хранения припасов, имущества и сельскохозяйственного инвентаря, весьма ценного для земледельцев.

Хозяйственные и жилые здания городища имели правильную планировку. Они группировались в кварталы, вытянутые вдоль вымощенных улиц, повторявших очертания террас. Стены построек, сложенные на каменном цоколе из сырцовых кирпичей, покрывала штукатурка, а крыши имели черепичные кровли. Вода и стоки отводились с территории жилой застройки городища. Отдельные постройки включали мраморные архитектурные детали. Все это в сочетании с разнообразным и богатыми находками свидетельствует о достаточно высоком уровне жизни обитателей этого населенного пункта.

Историческая интерпретация.

Городище «Артезиан» представляет собой одну из крупных крепостей Крымского Приазовья со сложной планировкой разновременных жилых кварталов и оборонительных сооружений, имеет первоклассное значение как эталонный стратиграфический объект для изучения центральных поселений царской хоры Боспора первых веков нашей эры. Городище было передовым форпостом в сложнейшей системе боспорских укреплений – валов и рвов, усиленных крепостями и фортами, оберегавших жизненно важные центры Боспорского царства от кочевников, вторгавшихся в Крым со стороны Перекопа. Его гарнизон контролировал важнейший узел коммуникаций, который связывал центральные районы страны с Азовским побережьем, прикрывая «царскую» дорогу вдоль северного склона Артезианского урочища – от Азовского моря к Пантикапею и собственно урочище – значительную по площади естественную локально-территориальную зону Боспора. Крепость защищала удобные подходы к дорогам на Пантикапей, Зенонов Херсонес, Порфмий и на переправы через пролив.

Исследователи полагают, что на месте городища располагалась древняя Пароста (Parosta, Παρόστα), упомянутая римским автором Плинием и выдающимся греческим географом Клавдием Птолемеем. Этот пункт был передовым форпостом в сложнейшей системе боспорских укреплений – валов и рвов, усиленных крепостями и фортами, оберегавших жизненно важные центры Боспорского царства от кочевников, вторгавшихся в Крым со стороны Перекопа. Городище на протяжение 1200-летней истории неоднократно горело и разрушалось в ходе варварских штурмов и мощных землетрясений, но всегда восстанавливалось.

На сегодняшний день это единственный реперный памятник в Восточном Крыму, дающий дату начала активного военного проникновения Римской империи на территорию Боспорского государства. Здесь был открыт слой пожара времени римско-боспорской войны 44/45-49 гг. Обилие редчайших артефактов в слое пожара, среди которых десятки фрагментированных терракотовых фигурок, тысячи монет, остатки оружия, украшений, бытовой утвари и различных сакральных предметов, делает этот памятник эталонным для изучения истории Причерноморья и Средиземноморья. Это открытие является столь значительным, что ставит античное городище Артезиан в Крымском Приазовье в ряд наиболее важных памятников мирового культурного наследия, достойных музеефикации.

Некрополь городища Артезиан

Топография.

Античный некрополь городища Артезиан площадью 15 га расположен к северо-востоку от городища, на равнинном плато, между южной и северной балками, с запада ограничен городищем, с севера – современными грунтовыми дорогами. С запада могильник ограничен пустырем перед зольниками городища, а с востока – пологой равниной, плавно уходящей к слабо выраженной в рельефе возвышенности с близкими к поверхности скальными выходами перед заброшенными взлетными полосами Багеровского военного аэродрома. Перепад высот в районе некрополя составляет с запада на восток до 3,5-4,2 м, что делает его доминирующим над находящимся заметно ниже городищем (на 3,5-11,0 м.). Интересно, что верх зольников 1-3 городища, являющиеся своего рода сакральной границей между поселением и могильником, в настоящее время находятся практически на одном уровне с основной центральной частью некрополя.

Планиметрия некрополя.

Благодаря исследованию некрополя широкими площадями удалось археологически зафиксировать древнюю планировку различных участков некрополя, разделенных грунтовыми дорогами и дренажными канавами. Достоверно было установлено, что микрорельеф местности, древние коммуникации и дренажи определяли особенности локальной планиметрии некрополя, расположение и отчасти ориентировку погребальных сооружений. Удалось выделить по меньшей мере три участка некрополя: северный, центральный и южный. Раскопки затрагивали центральный и северный участки.

Раскопы и стратиграфия.

Раскопками затронута центральная часть некрополя. На 11 раскопах найдено более 245 погребальных объектов, включая восемь монументальных каменных склепов. Некрополь изучен на площади 3290 кв. м.

Историческая интерпретация.

Некрополь городища Артезиан появился в период наиболее интенсивной жизни крепости - в первые века нашей эры. Его формирование происходило вдоль грунтовых дорог, отходящих к северо-востоку и востоку от городища в сторону Зенонова Херсонеса и Пантикапея. На изученных участках артезианский некрополь представляется довольно однородным.

Среди погребальных сооружений некрополя преобладали прямоугольные грунтовые могилы (иногда с округленными углами) с заплечиками для установки каменного перекрытия из одной-четырех каменных плит. Грунтовые могилы с подбоем в целом не характерны для некрополя. Всего найдено пятнадцать таких могил. Еще малочисленней плитовые гробницы, которых найдено семь. Детских захоронений в каменных саркофагах – четырнадцать. Подкурганных монументальных каменных склепов обнаружено – восемь. Могил с захоронениями собак – четыре, с захоронениями лошадей – пятнадцать. Таким образом, как и на других боспорских могильниках в целом преобладали грунтовые могилы, прежде всего - с каменным перекрытием, а подбойные могилы и земляные склепы – малочисленны. Преобладает трупоположение, кремации не выявлены.

Благодаря раскопкам широкими площадями удалось вполне отчетливо установить зависимость плотности расположения захоронений от социального ранга умерших, выделить в центральной зоне могильника несколько участков, отделенных друг от друга дорогами и дренажными каналами. Вполне допустимо, что эти участки отражают не столько различные хронологические зоны освоения территории могильника, но и определенные социально-религиозные, родовые и не исключено – этнические различия в составе населения царской крепости.

Своего рода центрами притяжения или, правильней говоря, композиционного оформления некрополя, оказываются подкурганные каменные склепы - захоронения аристократической, наиболее зажиточной и родовитой прослойки населения крепости. Такое выделение верхушки, погребаемой особым образом, является знаковым для традиционных обществ. Древние тем самым переносили бытовавшие социальные реалии, имущественную и, видимо, религиозно-этническую дифференциацию на представление о загробном существовании.

Каменные склепы имели дромос и прямоугольную в плане погребальную камеру. Конструкция стен склепов и находки клиновидных камней в заполнении предполагают наличие купольного перекрытия, высотой от пола камеры не менее 2,2-2,6 м. Вероятно, склепы были

перекрыты курганными насыпями. Они были хорошо заметны на поверхности, что обусловило ограбление склепов еще в античное время и частичную выборку их стен.

На основании датировок погребального инвентаря основной массив погребальных объектов относится к периоду I-II вв. н. э., более поздние объекты – единичны. Богатый некрополь городища Артезиан является источником ценных данных о погребальной и материальной культуре, обычаях и религиозных воззрениях боспорских военных поселенцев.

Население и культы.

За годы раскопок на городище Артезиан найдено большое количество граффити и дипинти – надписей на стенках пифосов, амфор, на фрагментах простой гончарной и краснолаковой посуды, пирамидальных глиняных грузилах, кружках из гончарных стенок, игральных и гадательных костях (астрагалах). Это в основном надписи, нанесенные на керамику буквами греческого алфавита. Среди них преобладают сокращения греческих слов и личных имен, хозяйственные и бытовые надписи. Широкое использование греческого языка жителями городища Артезиан на протяжении всей его многовековой истории свидетельствует о культурной преемственности и определенном образовательном уровне детей и взрослых.

Присутствие в составе населения крепости определенного воинского контингента, по крайней мере, военных поселенцев, часть из которых являлась воинами-всадниками, не вызывает особых сомнений. В состав гарнизона крепости могли входить отдельные воинские подразделения царской армии или наемники. В этой связи не кажутся случайными находки на городище и некрополе терракотовых фигурок вооруженных всадников и их фрагментов. *М*олодой безбородый *конный охотник* на многих фигурках представлен в греческом или скифском (иранском) костюме с поднятой правой рукой, в которой он держал копье или плеть, поражая бегущего зайца. Охотника, как правило, сопровождает собака, преследующая зайца. Изображение конной охоты – это не просто устоявшийся художественный образ, отражавший рядовой бытовой сюжет, – а воплощение темы космогонического мифологического сюжета, весьма популярного в древности. Вполне допустимо, что образ небесного охотника Ориона мыслился на Боспоре именно как всадник-охотник, поражающий зайца. Характерно, что уже античные писатели не понимали присутствия созвездия Зайца в данном комплексе, полагая, что такому великану как Орион следует сражаться с большими животными, например, с Тельцом и не пристало гоняться за Зайцем (Гигин. II, 33). В этом свете находки из погребений некрополя Артезиан могут отражать изначальные, «законсервированные» представления об иконографии небесной охоты, связанные, прежде всего, с образами собаки и зайца. Ориентация основной части погребений городища Артезиан может быть соотнесена с комплексом небесной охоты не только в привязке ко дню зимнего солнцестояния. Весьма примечательно, что такая же астрономическая картина наблюдалась и в дни осеннего равноденствия перед восходом солнца (т.н. гелиакическое положение), то есть с моментом начала умирания мира и в дни весеннего равноденствия после захода солнца (акроническое положение), причем весь комплекс Охоты оказывается точно на юго-западе, а генеральная ось погребений направлена точно на Сириус. Отсюда следует, что в *трех из четырех* важнейших культово-календарных моментов в направлении генеральной оси погребений некрополя Артезиан на небе располагался комплекс небесной охоты.

Сцена охоты отражает идеи победы и подвига, что лежало в основе героизации и обожествления, а значит возрождения к жизни после смерти. Это обусловило популярность конного бога среди воинов, в особенности служивших в кавалерии.

Деметра, Кибела, Дионис, Афродита, Аттис или Мен-Аттис – самые почитаемые божества у обитателей городища. Они покровительствовали природе и ее возрождению, плодородию всего сущего, военным победам и героическим подвигам, и были наиболее близки мировоззрению воинов и земледельцев – катойков, занимавшихся на Артезиане сельским хозяйством и военным делом, в частности, службой в конных отрядах. Эти боги были одинаково почитаемы греками, фрако- и ираноязычными боспорцами, которые составляли основную категорию жителей городища. Распространение среди них фракийских личных имен в сочетании с популярностью фрако-фригийских божеств предполагает, что фракоязычные поселенцы составляли заметное количество полиэтничного гарнизона крепости. Вполне допустимо, что на Боспор они попали при царе Понта Митридате Евпаторе Дионисе, широко привлекавшем на службу балканских и

малоазийских фракийцев, или при царе Аспурге, супруга которого – фракийская принцесса Гипепирия – могла способствовать включению в состав военных поселенцев боеспособных фракийцев.

Впрочем, на первом месте, несомненно, среди культов было почитание Деметры и матери богов Кибелы. Это обусловлено глубоким почитанием местными поселенцами в античный период женских культов, ассоциированных с плодородием и чадородием. Известно, что изображение Деметры есть на звездном небе – это созвездие Девы. Такой образ женщины – носительницы плодородия – имеет истоки еще в глубокой древности – каменном веке - и тесно переплетен с традициями, сохраняющимися в античном социуме, и нашел закономерное отражение в многочисленных мифах и космогонических системах. На всех известных древних изображениях созвездий Дева обязательно стоит с колосом в руках. Это правомерно рассматривать как дублирование символа плодородия. Таким образом, выбор богини-матери с колосом в руках как символа летне-осеннего плодородия в рамках общеиндоевропейской традиции представляется совершенно оправданным. Лингвистически колос плодородия обозначен в созвездии Девы яркой звездой Спика (Spica – лат. «колос»). Спика – одно из важнейших календарных светил. В I в. н. э. Восход этой звезды в районе городища Артезиан происходил точно на востоке, а заход – точно на западе, т. е. в точках, на которые ориентированы древняя дорога на Пантикапей (там же некрополь) и святилище в ранней Цитадели на раскопе III. Звезда Спика играла в этой местной системе координат определенную роль. Тем более, что в день осеннего равноденствия она находится в соединении с солнцем. На городище Артезиан, как и на всем Боспоре, использовался македонский календарь, по которому новый год начинался в этот день.

Другой важной календарной звездой в Деве является звезда Вендимиатрикс. Название этой звезды является феминизированной формой слова Vindēmitor, латинского перевода её древнегреческого названия Προτρυγητήρ, что можно перевести как «сборщик винограда» (в феминизированной форме – «виноградница»). Античные источники это название объясняют тем, что эта звезда восходила в пору сбора винограда. Об этом прямо свидетельствуют схолии к поэме Арата Солийского: «На правом плече Девы расположена яркая звезда, называемая Виноградарь, ибо она восходит незадолго до времени сбора плодов» (Schol. Arat. 137). Примечательно, что азимут восхода этой звезды совпадает с азимутом восхода солнца в день летнего солнцестояния, а азимут захода с азимутом захода в тот же день, над зольником № 4. Терракотовые изображения и посвящения Дионису были весьма популярны у населения городища. Почитание Деметры и Диониса, ритуальный комплекс святилища в ранней цитадели связаны с культом земледелия и календарно с днем летнего солнцестояния, созвездием Девы-Деметры и звездой Виндемиатрикс.

Дальнейшие раскопки городища и некрополя Артезиан весьма перспективны и помогут получить новые хронологические индикаторы по истории Боспорского царства, расширят наши представления о материальной и духовной культуре боспорских военных поселенцев, насельников царских резиденций и крепостей.

УДК: 904(4-924.71)

ХРИСТИАНСКАЯ ТОПОГРАФИЯ ОКРАИНЫ ГОРОДИЩА ЭСКИ-КЕРМЕН В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ

Гайдуков Н.Е.
кандидат исторических наук,
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия
gaidukovn@mail.ru

Аннотация. В работе представлены результаты исследования пещерных храмов, расположенных на юго-восточной оконечности городища Эски-Кермен в юго-западном Крыму (Бахчисарайский район АРК), их устройстве и положении в городе. Исследуются 4 храма: «Судилище», «Трех всадников», «Большой пещерный храм» и «Пещерный храм у городских

ворот». Все четыре пещерных храма были созданы в разное время и обладали различными функциями.

Ключевые слова: пещерный храм, городище Эски-Кермен, Византия, триконхиальная форма

Annotation. The paper presents the results of a study of cave temples, located on the southeastern tip of the settlement of Eski-Kermen in South-Western Crimea (Bakhchisarai district ARC), and their structure and position in the city. Studied 4 of the temple: "the Judgment seat", "Three horsemen", "Large cave temple and a Cave temple at the city gates". All four cave temples were created at different times and had different functions.

Key words: cave temple, the settlement of Eski-Kermen, Byzantium, trichohyalin form

В нашей работе речь пойдет по преимуществу о пещерных храмах, расположенных на юго-восточной оконечности городища Эски-Кермен в юго-западном Крыму (Бахчисарайский район АРК), их устройстве и положении в городе.

Городище Эски-Кермен напоминает головку сыра, практически на всем своем протяжении изрытую пещерами. Сейчас их насчитывается около 600. Причем функции всех пещерных сооружений весьма разнообразны - от подвалов до пещерных церквей.

История городища в настоящее время представляется следующим образом. На первом этапе существования были созданы не связанные с позднейшими усадьбами зерновые ямы. В VI в. здесь была сооружена византийская крепость. Впоследствии, при хазарах, крепость потеряла оборонительное значение и была частично разобрана. После 840 г., когда регион вновь вернулся под власть Византии, была произведена частичная реконструкция стен, перестроена главная городская базилика, а также сооружены некоторые пещерные храмы. На последнем этапе городище было застроено жилыми кварталами. Окончательно город погиб и был заброшен в конце 13 века [1, с 178-179].

В западной части городища, в районе проездных ворот, сохранился целый комплекс оборонительных сооружений, который относится к первому этапу существования городища. В данной работе мы пользуемся литургическими датировками храмов [подробнее об этом см. 2, с. 72–80]. Литургические датировки отличаются от археологических. Они основаны на том, что каждому периоду в истории развития храма присущ строго определенный набор литургических устройств. Археологический материал пещерных храмов крайне скуден и невыразителен, и к тому же каждый раз при перестройке или обновлении храма этот материал полностью удалялся. Некрополи также не могут служить надежным репером при датировке храмов, поскольку существовали не вместе, но параллельно с храмами, а иногда использовались уже после того, как храмы были брошены Кроме того, здесь есть несколько пещерных храмов. По крайней мере, один из них храм «Судилище» (первоначальные названия всех наших храмов неизвестны, а существующие даны крымскими краеведами 20х годов XX века) относится к первому этапу существования городища. Остальные храмы («Трех всадников», «Большой пещерный храм» и «Пещерный храм у городских ворот») сооружены позднее, когда оборонительные сооружения практически не играли никакой роли.

Приведем краткие характеристики храмов, находящихся в составе комплекса проездных ворот:

1. Храм «Судилище» – расположен к северо-востоку от городских ворот. Построен одновременно с ранним оборонительным комплексом. Но впоследствии был значительно расширен. Основная часть имеет триконхиальную форму. В центральной конхе расположен алтарь, причем алтарная преграда выдвинута вперед. Сохранился также синтрон со скальным креслом-кафедрой посередине, а также подрубка под престол. С юга к алтарю примыкает небольшое помещение - пастофорий, которое первоначально было внутри алтарной преграды. В южной и северной конхе были вырублены скальные скамьи. Позднее храм был расширен, с севера был прирублен обширный неф, а с юга - галерея, которая соединила «Судилище» с храмиком, первоначально существовавшим независимо от «Судилища».

В целом храм похож на небольшой кафедрал с мемориальными элементами. Возможно, он был связан как с «палладиумом» города - иконой, так и с городской площадью, которая была с внутренней стороны ворот.

2. «Большой пещерный храм» у подъемной дороги, находится в начале третьего марша подъемной дороги на городище. Ко времени его постройки сложная система фортификации, перибол и т.п. уже не существовала, хотя сами ворота города сохранялись вплоть до XVII-XVIII веков. Храм входил в комплекс небольшого монастыря, от которого сохранился ряд вырубленных в скале могил, несколько скальных костниц, а также небольшое вспомогательное помещение к северу от храма. Храм также имеет триконхиальную форму. Алтарная преграда в нем не сохранилась, но сохранились подрубки под нее. Вероятно, она была выдвинута вперед также как и алтарная преграда храма «Судилище».

3. «Пещерный храм у городских ворот» расположен на том же марше подъемной дороги, но значительно ближе к воротам, чем предыдущий. Храм неправильной триконхиальной формы. К югу от основного объема к храму было прирублено небольшое помещение прямоугольной формы. Ни алтарной преграды, ни престола в храме не сохранилось. Однако ряд приспособлений свидетельствует о назначении храма; это с одной стороны наличие двух полок в северной и юго-восточных частях храма, а с другой оригинальное устройство для слива воды - водосток у порога храма. И то и другое могло использоваться в обряде погребения. Таким образом, мы имеем дело со специальным погребальным или «кладбищенским» храмом.

4. Храм «Трех всадников» расположен в 300 метрах к юго-востоку от городища в отдельно стоящем валуне. Храм с двумя входами и сквозным проходом имеет выраженную триконхиальную форму. Внутри прекрасно сохранилась алтарная преграда, а также подрубка под каменный престол. В один из столбиков преграды была вмонтирована реликвия, ради которой и создавался храм. Хочется отметить также, что храм находится на краю обширного раннесредневекового могильника, который ко времени его сооружения уже не функционировал.

Строгая археологическая датировка трех храмов невозможна. Дело в том, что археологический материал в пещерных храмах уничтожался при каждой перестройке или обновлении. Зато здесь прекрасно сохранились архитектурные формы! Мы называем их литургическими устройствами. Такие устройства, а вернее их наборы, позволяют достаточно надежно датировать храмы. Наборы литургических устройств это как бы часы, на которых есть только одна большая стрелка. Не вдаваясь в излишние подробности заметим, что на основании изучения наборов литургических устройств (выдвинутая вперед алтарная преграда, отсутствие жертвенника) храм «Судилище» отнесен нами к периоду VI-VIII вв [2, с. 72–80], а остальные три храмы к X-XI вв. (там же). Заметим, однако, что существуют и иные, более поздние датировки [3 , с.40-46, 49-51].

Итак, все четыре пещерных храма были созданы в разное время и обладали различными функциями. Однако бросается в глаза одна любопытная деталь - выраженная триконхиальность всех трех. В наземной, кафедральной (?) трехапсидной базилике Эски-Кермена нет и следа триконхиальности. А впрочем, эта базилика не очень ранняя, и не был ли триконхиальным первоначальный храм, стоявший здесь? Казалось бы, различные функции должны порождать и различные независимые формы? Но формы наших храмов зависят друг от друга. Заманчиво было бы предположить здесь влияние триконхиального «Судилища» на все остальные. А что тогда повлияло на «Судилище»? Две такие базилики есть в Херсонесе. Это базилика Крузе, сооружение которой можно отнести к VI в. [4, с. 721-723], а также небольшая триконхиальная базилика VI в. на территории комплекса Уваровской базилики, которая была разобрана к XI-XII вв. [4, с. 719-721, 777]. Хорошо, а откуда тогда пришли триконхи в Херсонес? Видимо своеобразную архитектурную моду на триконхи задал храм Рождества Христова в Вифлееме, алтарной части которого в VI в. была придана триконхиальная форма. Сама триконхиальная форма алтаря использовалась и до Вифлеема в IV-V вв., но, вероятнее всего, идея перестроить храм пришла не из периферийной египетской или палестинской архитектуры, а из римской гражданской архитектуры. Триконхи в римской архитектуре использовались, например, при строительстве бань. Так, можно осторожно предположить, что прообразом Вифлеемской базилики послужили, к примеру, бани Зевксиппа в

Константинополе. Тем более в VI в. ещё свежа была память о том, что Крещение и Рождество праздновались вместе.

Можно заметить здесь одну интересную деталь - в трех храмах из четырех имеются устройства, связанные с водой - в храме «Судилище» это две водосвятильницы и специальная водоотводная канавка в полу. В «большом пещерном храме» при дороге также есть специальная канавка, ведущая от одного из запрестольных отверстий, а в «пещерном храме у городских ворот», упомянутое уже сливное устройство. В южной части всех трех помянутых храмов есть каменные полки, которые могли быть также связаны с хранением воды.

Триконхиальность всех четырех крымских храмов можно представить себе как родовой признак, который проходит, или даже «продавливается» сквозь позднейшие функциональные и литургические типы. Такое явление могло возникнуть как архитектурная мода или местная литургическая особенность. Изучение подобных «гнезд» памятников представляется нам чрезвычайно важным дополнением в общей картине типологии пещерных храмов Таврики.
Не менее важно понять, почему такое «гнездо» расположено именно в районе проездных ворот городища и как оно соотносится с городской топографией.

Существование большого подземного храма «Судилище», входящего в комплекс городских ворот, трудно объяснимо, разве предположить, что он существовал здесь до создания системы обороны, в которую он не вписывается. Строители укрепления должны были считаться с уже существующим большим храмом. Храм «Судилище», безусловно, не является храмом надвратным, храмом над проездными воротами, подобным храмам Золотых ворот Киева, Владимира или Константинополя. Скорее его надо рассматривать в паре с наземным кафедральным собором городища, на месте которого впоследствии была построена базилика. Изгиб главной улицы, сформировавшейся позднее VI в., вероятно одновременно со строительством укреплений городища ясно выдает здесь более раннее сооружение. Наземная базилика и «Судилище» - как бы два кафедральных храма, расположенные в разных концах городища.

Оба храма на третьем марше подъемной дороги связаны с системой нового городского кладбища, сменившего склеповый могильник - ряда костниц, а также вырубленных в скале могил, где совершалось первичное захоронение усопших. Кладбище было за городом, но насколько это возможно близко к городу.

Храм «Трех всадников» расположен вне городских укреплений. Скорее он связан с могильником, расположенным по соседству. Однако продолжает оставаться неясным, что явилось раньше: могильник или храм? Может быть возникновение храма-мартирия связано с реликвией, извлеченной из могильника? В таком случае храм мог служить местом малого паломничества. Впрочем, на западной стене его процарапаны изображения кораблей, и это видимо тоже не случайно.

Ни один из наших храмов не являлся в строгом смысле слова приходским, все они имели строго определенную функцию и занимали строго определенное место в городе. Можно ли рассматривать храмы как части одного сложного «механизма» средневекового города? Вероятно, да. И хотя в целом «механизм» этот давно не функционирует, а отдельные его части и вовсе затерялись, в этом механизме наши храмы наиболее сохранные и яркие из сохранившихся частей.

Библиография

1.Айбабин А.И. Византийская крепость на горе Эски-Кермен в КрымуВ: Россия – Крым - Балканы: диалог культур. Сб. научных докладов. Екатеринбург, 2004, 390 с.
2.Виноградов А. Ю., Гайдуков Н. Е., Желтов М. С. Пещерные храмы Таврики: к проблеме типологии и хронологии.В: Российская археология. М., 2005, №1. С. 72–80.
3.Могаричев Ю. М. Пещерные церкви Таврики. Симферополь, 1997.
4.Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI- первая половина X вв.) Очерки истории культуры. Ч 1-2. Харьков, 2005, 1648 с.

УДК:235.3(=163.2+=135):008

БЪЛГАРО-РУМЪНСКИ СВЕТЦИ (XIV-XVIII В.) В КОНТЕКСТА НА БАЛКАНСКАТА КУЛТУРНА ИСТОРИЯ

Григоров Григор
доктор културологии, доцент,
Юго-Западный университет «Неофит Рилски», Благоевград, Болгария
rogirg@abv.bg

Аннотация. Эпоха конца XIV- середины XVIII века отмечена вторжением Османской империи в Юго-Восточную Европу. В отличие от болгар, румыны жили в двух автономных княжесвах – Валахии и Молдове. Много болгар перемещалось в страны севернее Дуная с более либеральным режимом и общей православной традицией в поисках спасения. В тексте описаны святые болгарского происхождения, чья деятельность относится к религиозной жизни румынских княжеств. Статья посвящена святым, которые значимы для исторической и культурной памяти обеих наций.

Ключевые слова: святые, православие, Валахия, Молдова.

Annotation. Bulgarian-Romanian's saints (XIV – XVIII) in the Balkan's cultural history.The epoca from the end of the 14th to the middle of 18th century is marked with the deep invasion of the Ottoman empire in south-east Europe. Unlike the Bulgarian, the Romanian people lived in two autonomous principalities- Wallachia and Moldova. Many Bulgarians were driven by the more liberal regime and the common orthodox Christianity to seek salvation north of Danube. The text presents these saints who had Bulgarian ethnicity, but their activities were concentrated on the Romanian estates. The text also concerns saints who are common for the history and the cultural memory for both of the nations.

Key words: saints, orthodox Christianity, Wallachia, Moldova.

Настоящото съобщение има намерение да представи само някои от най-почитаните светци от периода на Османското завладяване на Балканите, които са от български произход и са свързани с историята и културата на Румъния. Както и светци просияли в българската земя с предполагаем влашки произход. Периода от края на XIVдо средата на XVIII век е най-тежкия в историята на българите. Изгубена е както българската държава, така и българската патриаршия. На север от река Дунав православните земи на днешните румънци остават относително свободни. В рамките на Османската империя функционират двете княжества Влашко и Молдова в които по-леко се понася османската тежест в културен и социален план. Много българи от всички слоеве на тогавашното общество са потърсили спасение в днешните румънски земи. Общото православно вероизповедание за двата народа допълнително улеснява движението на монаси, реликви, книги и идеи. Например едно от известните влияния от България към румънските земи е хрониката на Константин Манасий - произведение на византийската литература от 12 век. През първата половина на 14 век по поръчка на българския цар Иван Александър тази хроника е преведена от талантлив книжовник в Търново на тогавашния литературен език, който днес наричаме среднобългарски. След залеза на Българското царство в края на 14 век, като част от свободния православен свят, румънските земи са станали приемник на множество старобългарски ръкописи. Един от преписите на Манасиевата хроника се съхранява в ръкописния отдел на Румънската академия на науките. Известен факт е, че българският превод на Манасиевата хроника е използван от молдовските летописци от 17 век Макарие, Евтимие и Азарие, а също така и от монаха от Бистрица в Олтения - Михай Мокса, който е съставил своята хроника още през 1620 г. на румънски език. [1, с. 4-12]

През втората половина на XIV в. румънските земи са повлияни от всеправославното движение за духовна обнова, известно като исихазъм. Монаси власи се учат в школите на светогорските манастири и българските манастири Килифарево и Парория. Главен разпространител на исихазма особено във Влашко е българинът преподобни Никодим Тисмански, роден в Прилеп, днешна Македония, около 1310 г. Той става монах в Атон и през 1369 г. се

заселва в днешно Влашко. Основава манастири с български имена - Водица, Тисмана и Прислоп, в които налага Йерусалимския устав. Преп. Никодим умира през 1406 година.
Във Влашко често намират убежище редица православни християни южно от Дунав. Измежду тях е бил и Св. Николай Нови Софийски. Той е от град Янина в Тесалия и произхожда вероятно от етническите власи. Св. Николай, който по професия е обущар, се заселва в София. Житието му разказва, че той напуска тайно семейството си и отива във Влашко, където е назначен за придворен обущар на войводата Мирчо II Чобан (1546-1554). По-късно св. Николай се връща в София. Тук е обрязан с измама и когато публично се отрича от исляма, той е изтезаван, пребит с камъни и изгорен на клада (17 май 1555 г.). Житието на светеца е написано от софийския книжовник Матей Граматик. Това мъченическо житие е най-обемното в старобългарската литература и дава ценни исторически сведения за живота от двете страни на река Дунав[5, с. 308-378]. На мястото на екзекуцията на новомъченика днес в София се издига храм, посветен на него.
Виден светец, който и до днес свързва Българската и Румънската църква е преп. Димитър Басарбовски (честван на 27октомври). През XV в. османските фискални регистри споменават манастира с името “Басараба” по влашката династия от предишния век, чиято собственост са земите на това село до Русе. Най-вероятно св. Димитър се подвизава през XVI в., защото през следващото столетие в османските фискални регистри Басарбовският манастир до Русе вече носи неговото име “Св. Димитър”. Житието разказва как неизвестен угровлахийски воевода пожелава да има мощите на преподобни Димитрий в своята домашна църква. С такава мисия той изпраща в Басарбово боляри и свещеници. Но светецът не разрешава да пренесат мощите му през Дунава. Удивени, пратениците решават да разберат волята на Божия угодник. Поставят мощите в кола с невпрягани дотогава телци и оставят животните свободни. Те отиват с колата направо в Басарбово и спират пред църквата.

В 1774 г., когато се води поредната руско-турска война, руският генерал Иван П. Салтиков заповядва мощите на преп. Димитрий да бъдат отнесени в Русия. Букурещкият българин Димитър Поклонник, който служи като преводач при генерала, го помолва да ги остави в Букурещ като обезщетение срещу загубите на румънския народ във войната. Генералът се съгласява[3, с. 539-540].Тези свети мощи днес почиват в митрополитската, а сега патриаршеска църква "Св. Константин и Елена" в Букурещ, а св. Димитър Бесарбовски се смята за небесен покровител на град Букурещ. На 27 октомври 2005 г. по молба на българския патриарх Максим румънският патриарх Теоктист направи ценен дар на Басарбовския манастир - икона с образа на св. Димитрий, в която е вградена частица от светите му мощи.

Животът на Румънската църква в началото на XIX в. е свързан и с личността на видния български просветител епископ Софроний Врачански. Неговият живот на свещеник и книжовник е много богат и бурен. Последните му години са свързани с Букурещ. През 1803 г. се заселва за постоянно в Букурещ, където е назначен за епископ от Цариградския патриарх. Тук той служи като висше духовно лице, като за периода 1802-1812 г. ръкополага десетки свещеници от румънски произход. С това свое дело той стеснява влиянието на гръцкото духовенство, като сближава румънския народ с църквата и духовенството. От 1806 до 1812 г. той е един от най-видните представители на българския народ в отношенията с руското командване по време на Руско-турската война (1806-1812). По-късно се оттегля в манастир край Букурещ. Неизвестна е датата на смъртта му, но е след последния подписан от него документ от 2 август 1813 г. Св. Софроний Врачански е бил игумен на манастира Михай Вода [2, с. 59-87].Гробът му не е известен, но има твърде интересни хипотези за предполагаемото място.

Ще спомена и някои твърде почитани светци в България и в Румъния, без български или румънски произход, които са с големи заслуги към културната история на двата народа. Светец, свързан с румънските земи след основаването на местните църкви е св. мъченик Йоан Нови Сучавски. Той е гръцки търговец от Трапезунд в Мала Азия, загива мъченически в Акерман, днес Белгород Днестровски в Украйна (паметта му су чества на 2 юни). Българинът Григорий Цамблак, който в началото на 14 век е митрополит на Молдова (и за който има версия, че е от предполагаем влашки произход) е написал изящно житие на светеца.

Вероятно най-почитаната от жена светица от българи и румънци е св. Параскева Епиватска (14 октомври). Пътят на нейното нетленно тяло подсказва единството на балканските православни

народи. Днешният земен дом на светицата е митрополитската катедрала в град Яш. Преди да достигнат до там мощите са лежали последователно в Епиват, Константинопол, Търново, Видин, Белград и Цариград.

Светица закрилница на българи и румънци е преп. Филотея, родена в Поливот, Тракия. Светите й мощи се оказват нетленни и извършват множество чудеса. В началото на XIII в. те са тържествено пренесени в Търново. След падането на България под османско иго (1393 г.) нейните мощи са пренесени във Видин, а сега се намират в Куртя де Арджеш (чества са на 7 декември).

През последната трета на XVIII в. румънските земи стават огнище на една школа, която възкресява забравения след XV век исихазъм. Главен вдъхновител и двигател на този православен ренесанс е преп. Паисий Величковски (чества се на 15 ноември). След като пребивава в руски и молдовски манастир, през 1750 г. приема пострижение на Атон. Тук св. Паисий издирва намиращите се в забрава древни преписи на монашески текстове. Благодарение трудовете на стареца се появяват на славянски език настолните книги за всеки монах "Добротолюбието", "Лествицата" и поученията на св. Исаак Сирин. Известно е огромното влиянието на Паисий върху руското православие [4, с.159-208] Между учениците на стареца Паисий има и немалко българи. Най-видният сред тях е рилският йеромонах Спиридон, автор на книгата "История во кратце о болгарскомъ народе славенскомъ". И до днес в манастирското книгохранилище на Рилския манастир се пазят ръкописи, донесени от монаси от Нямц.

Направеният кратък обзор подчертава дълбоките обвързаности на църковната памет от двете страни да река Дунав. Искам да подчертая, че църквата като институция минимално се влияе от фактора време. За църквата и за вярващите времето тече по друг начин. Ето защо българо-румънските светци не принадлежат на променливото историческо време. Те са извън историчното време и неговите идеологии. Те принадлежат на настоящето време и на вечността.

Библиография

1.LETOPISETUL PREAÎNTELEPTULUI MANASSES CUPRINZÂND ANII DE LA FACEREA LUMII SI AJUNGÂND LA DOMNIA LUI CHIR NICHIFOR BOTANIATES. Traducere din slavona mediobulgară de Maria OSMAN ZAVERA şi Olga STOICOVICI. Bucureşti, 2015.
2.Георгиев Е. Софроний Врачански История на българската литература. Литература на Възраждането. Т 2, София, 1966.
3.Жития на светиите. София, 1991.
4.Протоиерей Сергий Четвериков. Старец Паисий Величковский. Минск, 2006.
5.Стара българска литература. Т. 4. Житиеписни творби. София, 1986.

УДК: 94 (38)

СТРАТЕГИЯ ФИЛИППА II МАКЕДОНСКОГО: ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИИ

Гюмюшлю Г.В.
магистрант кафедры общественных дисциплин,
Комратский государственный университет
giumiushliu@mail.ru
Папцова А.К.
доктор философских наук, старший преподаватель кафедры общественных дисциплин,
Комратский государственный университет
papcova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу соотношения традиции и инновации в стратегии Филиппа II Македонского. Сочетание традиций, существующих в рамках македонского общества и тех возможностей, которые существовали в античном обществе, представлялось тактической уловкой, позволяющей решать одну за другой актуальные для Македонии внешнеполитические задачи. Вместе с тем, в результате реформ, во многом трансформирующих традиции, а не

вводящих абсолютные инновации, были созданы предпосылки для создания нового для античности типа государства – империи. Умение трансформировать традиции представляется самой сильной стороной стратегии Филиппа II

Ключевые слова: традиция, инновации, империя, Филипп II Македонский, македонская фаланга, Дельфийская амфиктиония, Коринфский Союз.

Annotation. The article considers the analysis of the relation between tradition and innovation in the strategy of Philip II of Macedon. The combination of traditions existing within the framework of the Macedonian society and the opportunities that existed in ancient society, presents itself the tactical ploy. This combination allowed to solve one by one objectives, which were relevant for Macedonia's foreign policy. However, as a result of reforms,which largely transformed the tradition rather than were an absolute innovation, were the preconditions for the creation of a new type antiquity of the state of the Empire. The ability to transform the tradition seems to be the strongest feature of the strategy of Philip II

Key words: tradition, innovation, Empire, Philip II of Macedonia, the Macedonian phalanx, the Delphic Amphictyony, Corinthian League

Предметом исследования в рамках данной статьи является анализ стратегии Филиппа II Македонского, синтезирующей элементы традиции для создания первой в истории античного мира империи. Создание нового типа государства не стало результатом естественного развития античного полиса. Все существующие в тот период античные политические практики создания надполисных структур в виде амфиктионий, симмахий, архэ не вели к созданию такой устойчивой структуры. Позже Рим пройдет этот путь, но трансформация республиканских структур будет сопровождаться серией гражданских войн, займет много времени, включая период принципата, когда имперское содержание существовало в декорациях республиканских идей и структур. Для создания империи не существовало идеологического проекта. Философская мысль в лице Платона и Аристотеля была занята реставрацией и модернизацией полисной системы. Значимая для эллинской культуры идея похода на Персию не предполагала институционализацию коллективного взаимодействия в форме превосходящей существующие практики разного рода союзов. Во многом Филипп II действовал в рамках традиций. Важно, что традиции это были разные. Сочетание традиций, существующих в рамках македонского общества и некоторых достижений эллинской военной техники представлялось тактической уловкой, позволяющей решать одну за другой актуальные внешнеполитические задачи.

Однако, эффект от их использования превзошел предполагаемые результаты. Это было отмечено в древности, в частности, Диодор Сицилийский назвал Филиппа II «величайшим из царей Европы». Однако, в легендах и мифах и в центре внимания исследователей оставался его сын Александр. Интересно, что Александр – единственный исторический деятель, которые упомянут в скудной легендарной традиции гагаузов. Правда, его образ деформирован, контекст модернизирован: Александр посылает телеграммы и т.д. Отсутствие интереса к Филиппу Ю.Н.Борза склонен объяснять тем, что образ Филиппа II в европейской традиции формировался во многом под влиянием оценок Демосфена, сформировавшего афиноцентричный взгляд на события середины IV века.[2, с.257]. Стоит предположить, что это является преувеличением. Действительно, идеализированный образ Афин как образца демократии оказался весьма востребован в период демократических преобразований в Европе, совпавших со временем важного этапа в развитии антиковедения, связанного с теми возможностями, которые были созданы освободительной борьбой греков, поддержанной Европой. Сами греки в значительной степени разделяли этот стереотип, что проявилось в том, что в период реконструкции Парфенона именно слои V в до н.э. наиболее тщательно восстанавливались [1]

Таким образом, идеализация Афин и идеи свободы, которая мыслилась утраченной после битвы при Херонее связаны скорее с политическими идеалами Нового времени, нежели определялись прочтением Демосфена. Изменение отношения к деятельности Филиппа связано с рядом обстоятельств. В значительной степени этому способствовало появление трудов, посвященных деятельности Филиппа, в частности Д.Г.Хогарта и в особенности Н.Г.Л.Хаммонда. Отмечен Филипп и в «Кембриджской древней истории»: как в первом, так и во втором издании. Помимо этого, в 70-80-е годы XX века в результате раскопок в Македонии в научный оборот был

введен богатый археологический материал. Появились труды Дж.Г.Эллиса и Г.Вирта, посвященные Филиппу II и труды Ю.Борзы, посвященные ранней Македонии и возвышению ее при Филиппе II . Распад Югославии и становление македонской историографической школы вызвали интерес к ранним страницам истории Македонии и македонским традициям. Помимо этого, еще с конца XIX века идеализированный образ античности подвергается коррекции в концепции Ф.Ницше, затем в трудах Э.Р.Доддса. Этот образ постепенно утрачивает значение эталона, а во второй половине XX века под влиянием постмодернизма интерес исследователя смещается к процессам становления, трансформации, соотношения традиций и инноваций.

Деятельность Филиппа II представляется многообещающим предметом исследования: впечатляющие достижения Александра способствовали накоплению источников, в то же время «периферийность» фигуры Филиппа на фоне Александра оставляют поле для анализа.

Стоит подчеркнуть, что ряд обстоятельств, вынуждавших Филиппа II действовать, сложился задолго до его воцарения. К одному из весьма значимых относится культурное давление эллинов.

До некоторой степени оно уравновешивалось персидскими политическими амбициями, в связи с чем использование указанного культурного влияния Александром I, провозглашенного эллинами Филэллином не вызвало такой реакции македонян, какую действия Скила вызвали у скифов. Впрочем, будь у Александра I такие политические соперники, каким был для Скила Октамасад, интерес к эллинской культуре мог быть поводом для переворота. Александр I был допущен к участию в Олимпийских играх [5, с.34].

Вместе с тем, македонские отряды в битве при Платеях сражались на стороне персов, так что умение лавировать, используя эллинско-персидские разногласия стало полуторавековой традицией династией Аргеадов.

Необходимость лавирования диктовала значение дипломатических рычагов в решении внешнеполитических противоречий. Позже, Филипп II виртуозно будет использовать все имеющиеся в его распоряжении дипломатические рычаги, сделав золото, добываемое на захваченных им рудниках Пангеи убедительным аргументом в переговорах. Само по себе использование золота не было инновацией Филиппа. Но достаточно часто его использовали в большей мере для привлечения наемников. Наиболее масштабной и дерзкой была тактика фокидян, не просто нанявших огромную армию наемников, но и разграбивших для этого сокровищницу Дельф. То, что Филипп II делает ставку на трансформацию военной организации македонян, хотя и использует возможности, предоставляемые наличием золота, ярко высвечивает его умение использовать традиционные структуры для решения новых задач.

Такого рода задачей стало для него ликвидация военной угрозы со стороны эллинов и в особенности со стороны афинян. Решение ее стало результатом кропотливой работы по расширению ресурсной базы, где значение имели самые разнообразные ресурсы: финансовые (захват рудников Пангеи), военно-организационные (создавалась постоянная, подготовленная структура), политические (привлечение знати к осуществлению общемакедонских задач, перераспределение власти), идеологические (идеологическое обоснование необходимости участия в Священной войне, затем обоснование необходимости консолидации для похода против персов). В каждом отдельном случае можно наблюдать сочетание традиций и инноваций – Филипп II не просто захватывает рудники, но увеличивает добычу и использует золото для реализации государственных задач. Он не просто использует фалангу, а модернизирует ее. Правитель Македонии ищет и находит архаичные структуры для решения задач современности – так, вмешиваясь в дела Эллады он делает это на «законных основаниях», вступив в архаичную Дельфийскую амфиктионию.

Ему удается строить структуры в условиях хаоса: Эллада сотрясается от междоусобных сражений, полисные структуры во многом выхолощены. Ярким показателем кризиса полиса является использование наемничества. Это нарушало гармоничную связь между военной, политической и социальной организацией полиса, когда землевладелец был гражданином и воином, воин – гражданином и землевладельцем и т.д. Надполисные структуры в виде амфиктионий, симмахий, симполитий не преодолевали полисной автономии, уже не обеспечивавшей порядок, но не уступающей позиции ради более стабильной структуры.

Персидская империя тоже переживала структурный кризис, а Рим еще не обеспечил гегемонии даже в масштабах Апеннинского полуострова.

Стоит согласиться с Ф.Шахермайром, что несмотря на все перечисленные реформы Филипп в то же время сохранял верность обычаям предков и, как бы высоко ни подняла его судьба, никогда не порывал унаследованных от предков связей. Все, к чему он стремился, не выходило за рамки традиционных понятий и македоняне воспринимали устремления Филиппа как свои собственные [5, с.45]. Изменения, шедшие в его правление, соответствовали, во многом, запросам времени и шли сравнительно плавно и не встречали особого сопротивления в народных массах. Идеи общеэллинского союза и совместного похода всех греков на Восток под лозунгами Войны Отмщения высказывались давно и многими и были в итоге сформулированы и идеологически обоснованы Исократом. Так что, несмотря на репутацию реформатора Филипп, в то же время, был правителем во многом традиционным, за что его любили его военачальники и простые воины.

Широкий спектр реформ Филиппа II оказывался взаимосвязанным и осуществлялся постепенно. Стоит согласиться с Г.Т.Гриффитом и Ю.Борзой, что реформирование армии Филиппа происходило в течение длительного времени и что ее история представляет собой также часть социальной истории, что преобразование армии не может быть отделено от перемен в людских и материальных ресурсах Македонского государства [2, с.264]. Значение некоторых преобразований, например, строительства городов, проявлялось не сразу.

Важным качеством Филиппа II являлось умение извлекать максимум возможного из имеющихся у него в наличии ресурсов и наиболее рационально использовать достижения тогдашней технической и военной мысли.

Филипп II умел поддерживать личные связи и использовать их. Познакомившись с Никомахом, служившим при Аминте III, он впоследствии доверил его сыну воспитание своего сына Александра. Но сыном Никомаха был величайший энциклопедист античного мира Аристотель. Собирая при дворе детей знатных македонян, он не только использовал достаточно традиционный институт заложников, свойственный многим древним обществам, но создавал для своего наследника круг преданных друзей. Эта мера способствовала укреплению центральной власти. Широко использовал Филипп и династические браки, укреплявшие как международные, так и внутренние связи. Так, он выдал свою дочь за сына Пердикки III Аминту, который первоначально унаследовал престол и чьим опекуном Филипп некоторое время был.

Прибегая к дипломатическим способам решения политических проблем, Филипп не избегал военных сражений, что укрепляло его авторитет в племенном мире. Стоит согласиться с тезисом о том, что именно применение силы в конце концов сформировало границы Македонии с «варварским миром» [2, с.267].

В отношениях с эллинами Филипп также сочетал дипломатию и применение военной силы. В укреплении позиций в эллинском мире использовались все традиционные и «принимаемые» всеми способы: и вступление в Дельфийскую амфиктионию, и строительство Филипейона в Олимпии, и участие Филиппа в состязаниях на колесницах на Олимпийских играх [2, с.295]. Важно то, что Филипп умел заставить архаичные структуры «работать» на него. Так, он стал главой Дельфийской амфиктионии и, использовав, как повод обвинение в Амфиссы в покушении на священную землю храма, вторгся в Элладу и захватил проход в Беотию [3, с.335]. Но и в отношениях с эллинами у дипломатических средств были пределы. Дельфийская амфиктиония могла быть использована для укрепления позиций, но для создания более устойчивой структуры потребовались военные действия. Только победа в битве при Херонее могла стать основой для создания Коринфского союза.

И в дальнейшем, Филипп способствует преобразованиям, опираясь на традиции. Основными лозунгами Коринфского договора стали «свобода» и «автономия» всех эллинов. Эти традиционные для Эллады ценности обретали новую жизнь в новых условиях. Согласно М.А.Кондратюку свобода для большинства эллинских государств была лишь формальной, а «автономия», сохранявшая для эллинов прежнее значение реально приобретает новое значение[4, с.42].

Стоит особо подчеркнуть использование Диодором особых терминов «гегемон» (для обозначения исполнительного главы Союза) и «стратег-автократор» (для обозначения командующего войсками) [4, с.26], что свидетельствует о попытке выстраивания новой идеологемы власти. Однако и здесь можно видеть опору на традицию в условиях модернизации.

Создание Союза обеспечило возможность осуществления давней эллинской мечты – похода против персов. Мотивы Филиппа – повод для острых дискуссий. Если Эллис и Коквелл считают, что Филипп задумал кампанию против персов уже в начале 40-х гг IV века и она служила фоном для его греческой политики, то Эррингтон оспаривает это, полагая, что план персидской кампании был составлен по итогам неудачной политики Филиппа в Центральной Греции, а Ю.Борза предполагает, что, поскольку нет свидетельств о том, что Эллада была целью политики Филиппа, то значит, было какое-то другое устремление [2, с.299]. Однако, представляется, что подчинение Эллады выглядело как нарушение равновесия, усиливающего Персию. Представитель династии, которая полтора столетия провела в лавировании между персидским и эллинским миром, Филипп должен был восстановить равновесие, используя для этого покоренных эллинов. Лавирование продолжилось, только теперь царь Македонии поднялся над схваткой.

В итоге можно сделать следующие выводы: то, что Филипп II сумел не только обрести и удержать власть в Македонии, но и произвести многомерные и эффективные реформы, способствовавшие возвышению Македонии и превращению ее в крупнейшую державу Восточного Средиземноморья стало результатом использования и трансформации традиции. Реформируя и трансформируя, он параллельно укреплял новые структуры архаичными связями. Благодаря этому его преобразования принимались и усваивались македонским обществом и стали основой для создания качественно новых структур. Анализ деятельности Филиппа II необходим для осмысления взаимодействия традиций и инноваций в ходе трансформационных процессов результатом которых стало создание империи.

Библиография

1. Берд М. Парфенон.М.: Эксмо, СПб: Мидгард, 2007, 224 с.
2. Борза Ю.Н. В тени Олимпа: возвышение Македонии. В: История античной Македонии (до Александра Великого). СПб: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2013, 592 с.
3. История Европы. Т.1.Москва: Наука, 1988, 704 с.
4. Кондратюк М.А.Коринфская лига и ее роль в политической истории Греции 30-х-20-х годов IV века до н.э. ВДИ, 1977, №2 с.24-42
5. Шахермайр Ф. Александр Македонский. Ростов-на-Дону: Феникс,1997, 576 с.

УДК: 94 (35)

О РОЛИ СПАРТАНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРА ВСЕОБЩЕГО МИРА 387/6 Г. ДО Н.Э.

Дегтярева А.Д.
магистрант кафедры истории древнего мира и средних веков им.проф.В.Ф.Семенова
Московский педагогический государственный университет (ФБГОУ ВПО МПГУ), Москва, Россия

Аннотация. Заключение договора всеобщего мира в 387/6 г. до н.э. было определено не только политическим весом Персидской державы, но и интересами Спарты. Искусная спартанская дипломатия способствовала их достижению: установленные Анталкидом мирные отношения с Персией обеспечили Спарту поддержкой, уступка царю малоазийских полисов позволила обеспечить автономию греческим городам. Однако, политические амбиции спартанцев и их агрессивная политика в отношении автономных полисов привели к скорой денонсации мирного договора и началу новых межполисных конфликтов.

Ключевые слова: греки, Персия, Спарта, дипломатия, Анталкидов мир

Annotation. General Peace Treaty concluded in 387/6 B.C. was not determined solely by the Persian political power, but it was also influenced by the interests of Sparta and facilitated thanks to its skillful diplomacy. Peaceful relations with Persia achieved by Antalcidas ensured a guaranteed support to Sparta. Concession as a compromise of Polis in Asia Minor let the Greek towns gain their autonomy. However, political ambitions of the Spartans and their aggressive policy towards the autonomous Polises soon brought to the denunciation of the Peace Treaty and to the new wave of internecine wars.

Key words: Greeks, Persia, Sparta, diplomacy, Peace *of* Antalcidas

Особое внимание в контексте греко-персидских дипломатических отношений в классический период современная историография нередко уделяет «персидскому фактору»[См.: 3, 5, 6, 8, 10]. Безусловно, возникновение Персидской державы и ее начальная завоевательная политика определяли греко-персидскую дипломатию с позиции силы персидских царей и вынуждали греческие полисы воздерживаться от осложнения в отношениях с могущественным соседом. В период ожесточенной военной конфронтации дипломатические контакты Персии и греческих полисов были неоднозначны: желание разрешить конфликт одних определяло у других стремление к сопротивлению. Однако, Пелопонесская война и последующие межполисные конфликты перевели греко-персидские отношения на другой, более высокий уровень. Борьба за гегемонию в Греции послужила основой для укрепления отношений между греками и персами. Ярким примером греко-персидского взаимодействия являются контакты в период Коринфской войны 395-386 гг. до н.э. Дипломатические переговоры этого периода определили политическую роль Персии в межполисных отношениях – роль посредника в решении конфликтных ситуаций и гаранта выполнения соглашений. Однако, несмотря на дипломатический успех Персии в отношениях с греками, исход Коринфской войны, а именно заключение мирного договора в 387/6 г. до н.э., нельзя признать единоличной победой персидского царя. Важную роль в разрешении этого конфликта сыграли спартанские дипломаты, особую роль – Анталкид.

Для определения роли спартанской дипломатии в заключении всеобщего мира в 387/6 г. до н.э. мы обратимся к дипломатической ситуации в период Коринфской войны. Но прежде нам необходимо определить, каково было военно-политическое положение Спарты в этот период. Потерпев поражение на море при о. Книд в 394 г., Спарта утратила свое влияние в Малой Азии. Утратив острова Кикладского архипелага, о. Кифера, спартанцы понесли серьезные потери. Несмотря на победы при Немее и Коронее, положение Спарты было отягощено. Еще более его осложнял тот факт, что антиспартанская коалиция получала финансовую поддержку от персов. Ситуация вынуждала Спарту завершить военные действия на два фронта и приступить к урегулированию конфликта с Персией.

В «Греческой истории» Ксенофонта мы находим подробные сведения о начале переговоров воюющих сторон с сатрапом Тирибазом в Сардах в 393/2 г. до н.э., где с инициативой заключения мира на условиях, «совпадающих с волей царя», выступил спартанский представитель Анталкид[9, с. 366][См.: 2, 4]. По условиям договора полисы Малой Азии оставались в подчинении персидского царя, все остальные же получали автономию. «Афиняне не желали согласиться на автономию островов, боясь, что им придется лишиться Лемноса, Имброса и Скироса ; фиванцы – из страха, что их заставят признать независимыми беотийские города; аргивяне – полагая, что при таком мирном договоре они теряют всякую возможность владеть Коринфом как частью Аргосского государства, что было предметом их постоянных вожделений.»[9, с. 366] .Отказ союзников принять условия мирного договора завершил ничем мирные переговоры в Сардах.Однако, спартанцы не уступили ситуации; они намеревалисьпривлечь сатрапа на свою сторону в борьбе против антиспартанской коалиции[9, с. 366]. Анталкиду удалось убедить Тирибаза заключить мирное соглашение, и даже получить средства на поддержание флота. Тем не менееТирибаз не получил согласие царя возобновить помощь Спарте, и был вынужден уступить свой постСтруфу[9, с. 367].

В 392/1 г. до н.э. конфликтующими сторонами была предпринята новая попытка заключить мирный договор. В контексте переговоров особый интерес для нас представляет речь афинского посла Андокида, из которой следует, что «лакедемоняне выдвинули ряд условий». Сравнивая ихс условиями договора 404 г. до н.э., Андокид в своей речи говорит афинянам о выгодах, советует

заключить мир с лакедемонянами:«Обратитесь же к самим документам и сравните, что у нас написано на стелеи что представляют из себя условия, на которых теперь можно заключить мир. Там предписывается срыть стены, нынешние же условия разрешают их строить; там разрешается иметь двенадцать кораблей, здесь же - сколько пожелаем; Лемнос, Имброс и Скирос тогда объявлялись принадлежащими тем, кто их населял, а теперь они признаются нашими; и изгнанников теперь вовсе не требуется возвращать из изгнания, а тогда это требовалось»[7,кн. III, гл. 12]. Однако, условия нового мира требовали вернуть малоазийские полисы под власть царя, и именно это «позорное» условие стало официальной причиной отказа Афин заключить мир [11, фр. 149 (а)]. Тем не менее по результатам переговоров в Спарте фиванцы согласились дать автономию Орхомену, а аргосцы заключили сепаратный мир со Спартой и больше не участвовали в войне [7, кн.III, гл. 27].

Обострение афино-персидских отношений во время Кипрской войны позволили Спарте надеяться на возобновление союза с Персией. В начале 387 г. до н.э., объединенные против одного врага – Афин, спартанцы и персы вновь приступили к переговорам в Сузах [9, с. 378]. Согласие Артаксеркса II было определено ситуацией на Кипре и в Египте. По сведениям Ксенофонта, царь дал согласие на союз с лакедемонянами, «если афиняне и их союзники не примут мирных условий, предложенных им»[9, с. 378].Однако, вполне очевидно, что целью спартанской дипломатии было двусторонне соглашение на первичных условиях Анталкида. В некоторой степени условия были соблюдены – Спарта получила от Персии военную помощь.

Союз Спарты и Персии осложнил положение Афин и антиспартанской коалиции. Это позволило Анталкиду выступить с предложением о мирных переговорах в Сардах, где были представлены условия царя: «Царь Атраксеркс считает справедливым, чтобы ему принадлежали все города Азии, а из островов – Клазомены и Кипр. Всем прочим же эллинским городам, большим и малым, - должна быть предоставлена автономия, кроме Лемноса, Имброса и Скироса, которые по-прежнему остаются во власти афинян. Той из воюющих сторон, которая не примет этих условий, я вместе с принявшими мир объявляю войну на суше и на море и воюющим с ними окажу поддержку кораблями и деньгами»[9, с. 379]. Этот рескрипт говорит о роли царя как посредника в урегулировании межполисных конфликтов и гаранта исполнения мирного договора, однако не признает его участником[1, с. 37-38]. Ксенофонт сообщает, что «это был первый мир между лакедемонянами, афинянами и союзниками», а также называет его «Анталкидовым»[9, с. 380]. Формулировки «Анталкидов мир», «мир при Анталкиде» наиболее часто встречаются у античных историков. Это позволяет предполагать, что именно Анталкиду и Спарте греки отводили ведущую роль в заключении мирного договора 387/6 г. до н.э.

Подтверждениетому, что Спарта была более всех сторон заинтересована в соглашении на условии автономии греческих полисов (а значит, выступала инициатором договора) мы находим в ее политике после заключения мира. Используя персидскую поддержку, спартанцы занялись восстановлением своей гегемонии в Греции. Принудив фиванцев предоставить автономию городам, они добились роспуска Беотийского союза [9, с. 379-380]и ликвидировали союз Коринфа и Агроса. В 386 г. до н.э. спартанцы предприняли ряд репрессий против своих бывших союзников. Такая политика Спарты вызвала недовольство греческих полисов, которые обвинили лакедемонян в нарушении условий Анталкидова мира и объявили договор недействительным [9, с. 396].

Таким образом, заключение договора всеобщего мира в 387/6 г. до н.э. было определено не только политическим весом Персидской державы, но и интересами Спарты. Искусная спартанская дипломатия способствовала их достижению: установленные Анталкидом мирные отношения с Персией обеспечили Спарту поддержкой, уступка царю малоазийских полисов позволила обеспечить автономию греческим городам. Однако, политические амбиции спартанцев и их агрессивная политика в отношении автономных городов привели к скорой денонсации мирного договора и началу новых межполисных конфликтов.

Библиография
1. Badian E. The King’s Peace. // Georgica. Greek Studies in Honor of G. Cawkwell, BICS, Suppl. 58. 1991. P.37-38.
2. Cawkwell G.L. Agesilaus and Sparta // CQ. NS. 1976. Vol. 26. № 1. P. 68.
3. Cawkwell G.L. The King’s Peace // CQ. 1981. Vol. 31 № 1. P. 69-83.
4. DeVoto J.G. Agesilaos, Antalcidas and the Failed Peace of 392/1 B.C.//CPh. 1986. Vol. 81. № 1. P. 191.
5. Lewis D.M. Sparta and Persia. Lectures delivered at the University of Cincinnati, autumn 1976 in memory of Donald W. Bradeen / Cincinnati Classical Studies. № 1. Leiden, 1977.
6. Olmstead A.T. Persia and the Greek Frontier Problem // CPh. 1939. Vol. 39. № 4. P. 305-322.
7. Андокид. Речи или история святотатцев [Электронный ресурс] URL: http://simposium.ru/ru/node/1189 (дата обращения: 29.01.2015).
8. Дандамаев М.А. Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985.
9. Ксенофонт. Греческая история / Пер. С.Я.Лурье. М., 2011.
10. Рунг Э.В. Рунг Э.В. Греция и ахменидская держава: История дипломатических отношений в VI-IV вв. до н.э. СПб., 2008.
11. Филохор. Аттида [Электронный ресурс] URL: http://simposium.ru/ru/node/11471 (дата обращения: 29.01.2015).

УДК:903(4-924.56)

ДОЛНИЯТ ДУНАВ, ЗАПАДНОТО ЧЕРНОМОРИЕ И ДОБРУДЖА ПРЕЗ ПРАИСТОРИЧЕСКАТА ЕПОХА

Димов Т.К.
доктор истории
Регионален исторически музей-Добрич, България
tkonstantin@mail.bg
Исмаил А.И.
магистр экологии
Регионален исторически музей-Добрич, България
aylya_ismail@abv.bg

Аннотация. Авторите на статията представят кратка обща информация за три археологически находища от Южна Добруджа. Между тях, разбира се, водеща роля принадлежи на Археологическия комплекс „Дуранкулашко езеро“ – място, обитавано с незначителни прекъсвания повече от шест хилядолетия. Представени са изследваните в границите на комплекса обекти, които го правят своеобразен културно-исторически и хронологически „еталон“ за земите на Долния Дунав, Добруджа и Западното черноморие. В контекста на темата важно е значението и на останалите две находища – Драганово-Долапкулак и Крагулево-Черна, както и подробното описание на откритата в гроб № 453 от праисторическия некропол в Дуранкулак изправена глинена женска фигурка с медна гривничка на една от ръцете и врязан на гърдите знак (пиктограма). Фигурката е представена като анекс към текста. Статията е адресирана към специалисти, любители на древността и старините, и към студенти.

Ключови думи: Южна Добруджа, „Дуранкулашко езеро“, Драганово-Долапкулак, Крагулево-Черна, археологическия комплекс

Annotation. The authors present a summary of General information about the three archaeological sites in South Dobrudja. The archaeological complex Durankulak lake" - a place habitatsa, with few interruptions, for more than six millennia. Submitted investigated within the boundaries of the set of objects that make it unique, culturally and historically and chronologically Etalon to the lands of Lower Danube, Dobrudja and the West coast.

Key words: South Dobrudja, Durankulak Lake, archaeological complex

Праисторическо селище в местността „Долапкулак“ край село Драганово, област Добрич, България

Праисторическото находище край днешното село Драганово, област Добрич принадлежи към категорията на укрепените „височинни” селища, появили се през късната каменно-медна епоха в много части на Балканския полуостров и обитавани с различна продължителност до края на енеолита, а някои и в по-късно време (Табл. 1) [23, с.7-10]. Първите археологически разкопки на това находище датират от 1975 г. Проведени са от Александър Г. Бонев и Росен Бошнаков. Изчерпателен отговор на въпроса „какво е предизвикало това явление“ ще трябва да се търси в други изследвания. Едно е сигурно: някакво събитие с глобални измерения на Балканския полуостров и в Югоизточна Европа е накарало хората през късната каменно-медна епоха, и особено в нейния край, да изграждат селищата си на непривични по-рано за тази цел места, които са започнали да ги привличат с други ландшафтни или топографски достойнства, обичайно обусловени от високия релеф на местността, даже и в отсъствието на известни (високо ценени преди от същите тези хора) природни дадености, ресурси и удобства (Табл. 2)[10, с.136-137]. Какво точно е станало ние все още не знаем. Не знаем също дали отговорът е еднозначен и къде да го търсим. Има различни (в основната си част хипотетични, а понякога и твърде фриволни) построения: от междуплеменни конфликти, икономически или екологични проблеми на авторитетни изследователи [26, с.221-227] до опити за етническо определяне на праисторическите общности въз основа на имена от по-късно време, топоними, библейски ръкописи и предания [29, с.7-188].

Такова е и селището в местността „Долапкулак”, южно от днешното село Драганово, област Добрич (Фиг. 1). Открити са различни находки – каменни, кремъчни и костени сечива и оръжия, фрагменти и цели глинени съдове. Сред тях присъства и глинено капаче, пластично изобразяващо глава на прасе с релефна и геометрична орнаментация от набодени триъгълничета, врязани линии и други мотиви (Фиг. 2).

През 1993 година бяха проведени нови разкопки в селището Драганово-Долапкулак под ръководството на Тодор Димов и Александър Бонев [18, с. 9-26], [3, p. 107-123]. В горния хумусен слой, с дебелина между 25 и 30 см, бяха намерени фрагменти от глинени съдове, датиращи към началото на ранната желязна и късната бронзова (II-I хил. пр. Хр.) (Отбелязвам, че територията на селището не е обработвана за съвременно земеделие и наблюденията направени през 1975 и 1993 години съответстват на историческата реалност. Открита беше и изцяло запазена глинена чашка тип ***киатос***, която възприемам като реплика на златните киатоси от Вълчи трън (Фиг. 3)), и средата на каменно-медната епоха (V хил. пр. Хр.). Под това ниво има два строителни хоризонта от първата половина и средата на каменно-медната епоха. Типологията на находките датира тези две нива на селището към това време – последната фаза (Текиргьол) на култура Хаманджия в Добруджа, Долния Дунав и Западното черноморие, както и културите Сава и Варна на юг[26, с. 96-132].

Неолитно селище „Крагулево-Черна“, област Добрич, България

Находки от селище на култура Хаманджия, открити при разкопки на тракийски некропол между селата Крагулево и Черна, област Добрич, през 1972 година. Сред тях има и стилизирана седяща глинена женска фигурка, богато украсена с редици от плитки овални алвеоли, псевдоканелюри и грижливо полирана повърхност (Фиг. 4). Иконографията е силно геометризирана, с подчертана стеатопигия. Типологично тя принадлежи към третата фаза (Чамурлия де Жос) от развитието на културата [19, с. 24], [16, с.122-130] [17, 20-34]. Изследователите – Любка Бобчева и Иван Василчин – тогава са отбелязали в полевата документация на разкопките, че Хаманджийските материали са били открити “...концентрирани в петна...”, което по-късно позволи предположението това да са били вкопани жилищни съоръжения (землянки), каквито бяха открити по-късно в селището от фазата Блатница на култура Хаманджия на западния бряг на Дуранкулашкото езеро [15, с. 33-48].

Находката намира паралели с подобни идоли от некропола край града Черна вода в Северна Добруджа. От този некропол произхождат и шедьоврите в Хаманджийската пластика – мъжка и женска седящи фигурки с реалистично моделирани лица – сполучливо наречени от

изследователите “Мислителят” и “Седящата жена” от Черна вода (Фиг. 5). Мъжът е седнал на столче с четири ниски крачета и е подпрял главата си с ръце. Жената седи направо на земята със свит в коляното десен крак, върху който са поставени китките на двете й ръце. Статуетките са открити в един гроб и са уникални не само за географската зона на разпространение на култура Хаманджия, но и в историята на праисторическото изкуство въобще [1].

Археологически комплекс „Дуранкулашко езеро”, област Добрич, България

Докато представените дотук две археологически находища имат стойност предимно в контекста на чистата наука и в музейните зали, основно поради географското си разположение – отдалечени са от съвременната пътна мрежа – то нещата с комплекса „Дуранкулашко езеро“ стоят по друг начин. Той се намира на около 500 м източно от международното шосе Е 87 и на 4,5 км западно от брега на Черно море (Карта 1). Това обстоятелство, а и културно-историческата му характеристика – мястото е обитавано, с незначителни прекъсвания, повече от шест хилядолетия – го определят като привлекателна дестинация, задоволяваща както всяко любопитство и интерес на туристите и любителите на древността, така и потребностите на онези „нещастни души“, които се осмеляват да се занимават или да изследват праисторията на Североизточните Балкани, Долният Дунав, Западното черноморие и Югоизточна Европа.

Село Дуранкулак, от 1942 до 1963 г. – Блатница.

От 1975 г. насам на Големия остров в западния край на Дуранкулашкото езеро се провеждат археологически разкопки на селищна могила от каменно-медната епоха (Фиг. 6). В нейните пластове са разграничени 8 стратиграфски хоризонта – 6 от енеолита, 1 от ранната бронзова епоха и 1 от времето на Първото българско царство. Във всяко от енеолитните нива бяха открити останки от най-древната каменна архитектура в Континентална Европа (Фиг. 7 и Фиг. 11).

През 1978 г. на западния бряг на Дуранкулашкото езеро беше открито еднослойно селище от вкопани в жълтия льос землянки, датиращи от късната новокаменна епоха. Намереният в него археологически материал позволи типологично да бъде разграничена дълго търсената от специалистите най-стара (първа) фаза на праисторическата култура Хаманджия. На практика това е най-древното, установено с методите на археологията, население в района на Западното Черноморие, Долния Дунав и Добруджа (5 250-5 000 кал. пр. Хр. – Табл. 3).

Южно от това селище през 1979 г. бяха намерени и първите праисторически гробове. Започнаха разкопките на най-големия, известен до днес в археологическата наука праисторически некропол в света, използван непрекъснато от началото на късния неолит до края на енеолита. Оформилият се по такъв начин Археологически комплекс „Дуранкулашко езеро” сега изпълнява ролята на хронологически и културен „еталон” за района на Добруджа, Западното Черноморие и Долния Дунав, от последната четвърт на VI хил. пр. Хр. до края на Първото българско царство (началото на XI в. сл. Хр.). Накратко археологическата му характеристика изглежда така:

1. Неолитно селище Дуранкулак-Блатница на западния бряг на Дуранкулашкото езеро – втора половина на VI хил. пр. Хр. Открити и изследвани са три землянки, обитавани от най-старите, практикуващи земеделие и животновъдство, обитатели на Добруджа. На това място беше разграничен типологически и дълго търсения от археолозите най-ранен етап в развитието на култура Хаманджия, утвърден вече в специализираната литература като фаза Блатница, наречена така по старото име
на селото Дуранкулак от 1942 година (Фиг. 8)[15, с. 33-48], [19, с. 20-25], [16, с. 122-130],[2, pp. 61-110].

2. Праисторически некропол – функционирал непрекъснато близо хилядолетие и половина. С откритите в него 1 204 гроба от новокаменната и каменно-медната епоха това е най-голямото, изследвано на цялата му площ, праисторическо явление в света. Разкопките дадоха богата археологическа, антропологическа, социална и демографска информация за населението на Долния Дунав и Западното Черноморие от края на новокаменната и цялата каменно-медна епоха. Придобити бяха много нови знания за появата на медната металургия, търговските контакти на хората, обитаващи Западното Черноморие, със земите на днешните Украйна, Молдова, Средния Дунав и други по-далечни територии. Открит бе богат гробен инвентар – глинени съдове, идолна пластика, каменни, кремъчни, костени и медни сечива, наки ти от злато, мед, малахит, халцедон, спондилус, денталиум и други[20, с. 74-88][24, с. 23-71],[11, с. 75-84], [13, с. 77-82].[6, pp. 291-

310],[12, с. 20-34 и с. 35-70],[7], [22, с. 23-29], [21,с. 15-24]. Обща хронология – култури Хаманджия, Сава и Варна – 5 250-4 100 кал. г. пр. Хр. (Табл. 3).
3. Тракийско селище от XIII-XII в. пр. Хр. – късна бронзова епоха, култура Кослоджени. Засега това е единственият изцяло изследван археологически обект на Балканския полуостров от времето на Троянската война. Селището е разположено на защитения от студените северни ветрове южен склон на Големия остров в Дуранкулашкото езеро[28, с. 21-26], [25, с. 56-71], [8].
4. Античен храм на Тракийската велика богиня-майка Кибела (края на IV-I в. пр. Хр.). Изградено в карстова пещера светилище на това трако-фригийско божество (Фиг. 7 и Фиг. 9).
5. Античен некропол на западния бряг на Дуранкулашкото езеро (III в. пр. Хр.-IV в. сл. Хр.). Открити са 41 погребални съоръжения с различна типология, архитектура и културна принадлежност. Мобилното племенно присъствие в района на Дуранкулашкото езеро предопределя и широката хронология на некропола[14, с. 11-31 и Приложенията на с. 349-363], [4].
6. Старобългарско селище от IX-X в. сл. Хр. на Големия остров – изследвано на цялата му площ. Открити са повече от 240 постройки, някои от които с кръгла юртообразна форма и архитектура. Части от селището са укрепени, консервирани и експонирани на открито (Фиг. 7).
7. Старобългарски некропол на западния бряг на езерото (втора половина на IX-X в. сл. Хр.). Оставен от обитателите на селището на Големия остров и разположен на западния бряг на езерото. Там са открити 282 гроба, а на острова (около християнска църква в централната част на селището и южния склон на острова) – други 27.
8. Селищна могила Големия остров в Дуранкулашкото езеро. Обитавана през цялата каменно-медна епоха (цялото V хил. пр. Хр.), а и в по-късно време. Седемте праисторически строителни нива на могилата представят развитието на селищната система и архитектурните традиции по време на зараждането на една от най-високо развитите култури в тогавашния свят, намерила своя апогей във феномена култура Варна (Фиг. 10). Засега това е единственият изцяло разкопан многослоен археологически обект от каменно-медната епоха в района на Западното Черноморие. Интерес представляват най-долните строителни нива на могилата, които датират от
средата на V хил. пр. Хр. и малко преди това. В тях се долавя началото на първата протоцивилизация в човешката история. Отговор на глобалния въпрос: „По какви причини и защо точно в земите на Западното Черноморие и долината на река Дунав, почти две хилядолетия преди Египет и Месопотамия, човечеството е застанало на прага на създаването на писменост?" ще трябва да се търси и намери в бъдещи археологически изследвания [24, с. 23-71].
Анекс.

Глинен идол от праисторическия некропол в Дуранкулак. гроб № 453 – кенотаф, погребение на идол (Фиг. 12)

Изправена женска фигурка с медна гривничка на лявата от разперените встрани, правоъгълно моделирани ръце. Главата е стилизирана в триъгълно-кубични пропорции. Носът е релефно издаден напред, с овален връх. Гърдите са малки, допълнително прилепени към торса пъпчици. Между тях има знак (пиктограма) от плитко врязани, овални жлебчета (Фиг. 13). Две такива вертикални жлебчета ограждат гърдите отляво и отдясно. Торсът под ръцете и ханшът са пластично моделирани. Коремът е леко изпъкнал, а под него с врязани линии е предаден половия триъгълник. Надолу, под него, има геометрична врязана украса, най-вероятно предаваща облеклото по запазената част от дясното бедро на фигурката. Стъпалата не са се съхранили добре поради ниската температура на изпичане на находката, около 400-450о С. Сега те са раставрирани по запазилата се малка част от плоското стъпало на десния крак на идола. Повърхността на фигурката е грижливо полирана с червен, на места преливащ към тъмнокафяво цвят.
Размери: височина – 24,3 см.; ширина на разперените ръце – 12,4 см.; ширина на талията – 5,3 см.; ширина на ханша – 7,3 см.; дебелина на фигурката в областта на таза – 4,8 см.
Хронология: Култура Варна I, среден енеолит, 4 550/4 500 г. пр. Хр.
Инвентарен номер: Ап 0160.

Библиография

1. Berciu D. Cultura Hamangia. Noi contributii I, Bucuresti, 1966, 321 pp. .
2. Boiadjiev J, Dimov T., Todorova H. Les Balkans Orientaux. Bases chronologiques. In: Atlas du Neolithique europeen. L'Europe orientale. E. R. A. U. L., 1993, pp. 61-110.
3. Dimov T. Prehistoric settlement in "Dolapkulak" location near Draganovo village, Dobrich district, Bulgaria. – In: Culture and Civilisation at Lower Danube, vol. XXIV, Calarasi, 2008, p. 107-123.
4. Dimov T. A late Iron Age an cemetery on the west bank of the Durankulak lake, Bulgaria. In: Durankulak, vol. 3 (In print).
5. Europe and its Near eastern connections, Varia Archaeologica Hungarica II, 1989, Budapest, pp. 291-310;
6. Todorova H, Dimov T. Ausgrabungen in Durankulak 1974-1987. In: Neolithic of Southeastern Europe and its Near eastern connections, Varia Archaeologica Hungarica II, 1989, Budapest
7. Todorova H, Dimov T. et al. Durankulak, Band 2, Teil 1 und Teil 2, Sofia, 2002;
8. Todorova H, Dimov T et al. Durankulak, Band 3 (In print).
9. Todorova H., Dimov T., Bojadziev J., Vajsov I., Dimitrov K., und Avramova M. Die prahistorischen Graberfelder. – In: Durankulak, Band II, Teil 2, Sofia, 2002, S. 52 und 103.
10. Whitehouse D., Whitehouse R. Archaeological Atlas of the World. Thames and Hudson, London, 1975, p. 136-137 and 157.
11. Аврамова М. Накити от праисторическия некропол при с. Дуранкулак, Толбухински окръг. – В: Сб. Добруджа, 1986, кн. 3, с. 75-84;
12. Вайсов Ив. Антропоморфната пластика на култура Хаманджия. В: Сб. Добруджа, 1992, кн. 9, с. 20-34 и с. 35-70;
13. Вайсов Ив. Погребение с идоли от праисторическия некропол в село Дуранкулак, Толбухински окръг. – В: Сб. Добруджа, 1987, кн. 4, с. 77-82;
14. Димов Т. Античен некропол на западния бряг на Дуранкулашкото езеро. В: Сб. Добруджа, 2000, кн. 17-18, с. 11-31 и Приложенията на с. 349-363;
15. Димов Т. Землянка от неолитното селище при с. Дуранкулак, Толбухински окръг. –В: Археология XXIV, 1982, кн. 1, с. 33-48.
16. Димов Т. Культура Хаманджия в Южной Добрудже. В: Studia Praehistorica, 11-12, Sofia, 1992, с. 122-130.
17. Димов Т. Културата Хаманджия в Южна Добруджа. В: Сб. Добруджа, кн. 9, 1992, с. 20-34.
18. Димов Т. Праисторическо селище в местността „Долапкулак" край село Драганово, област Добрич. В: EURIKA. In honorem Ludmilae Donchevae-Petkovae, София, 2009, с. 9-26;
19. Димов Т Приноси към проучванията на новокаменната епоха в Южна Добруджа. В: Terra Antiqua Balcanica, Acta III, Sofia, 1988, с. 20-25.
20. Димов Т., Бояджиев Я., Тодорова Х. Праисторическият некропол край село Дуранкулак, Толбухински окръг. В: Сб. Добруджа, 1984, кн. 1, с. 74-88;
21. Костов Р.И., Димов Т., Пелевина О. Гемологична характеристика на карнеолови и ахатови маниста от халколитните некрополи при Дуранкулак и Варна. В: Геология и минерални ресурси, 2004, кн. 10, с. 15-24
22. Костов Р.И., Димов Т. Минералогична и гемологична характеристика на неметални украшения от праисторическия некропол на западния бряг на Дуранкулашкото езеро. В: Геология и минерални ресурси, 2003, кн. 10, с. 23-29;
23. Николов Б. Криводол, древни култури, С., 1984, с. 7-10
24. Тодорова Х. Добруджа през праисторическата епоха. В: История на Добруджа, том I, С., 1984, с. 23-71.
25. Тодорова Х. Добруджа през Преходния период и през бронзовата епоха (края на V хил. пр. н. е. – началото на XII в. пр. н. е.). В: История на Добруджа, том I, С., 1984, с. 56-71
26. Тодорова Х. Каменно-медната епоха в България, С., 1986.
27. Тодорова Х. и колектив. Дуранкулак, том 1, С., 1989, 311 стр.
28. Тодорова Х , Димов Т. Селище от късната бронзова епоха на Големия остров при село Дуранкулак, Толбухински окръг. В: Сб. Североизточна България – древност и съвремие, С., 1985, с. 21-26;

29. Цонев В. Тайните на човешкия и българския род. В: Избрани произведения в три тома, т. 3, С., 2008, с. 7-188.

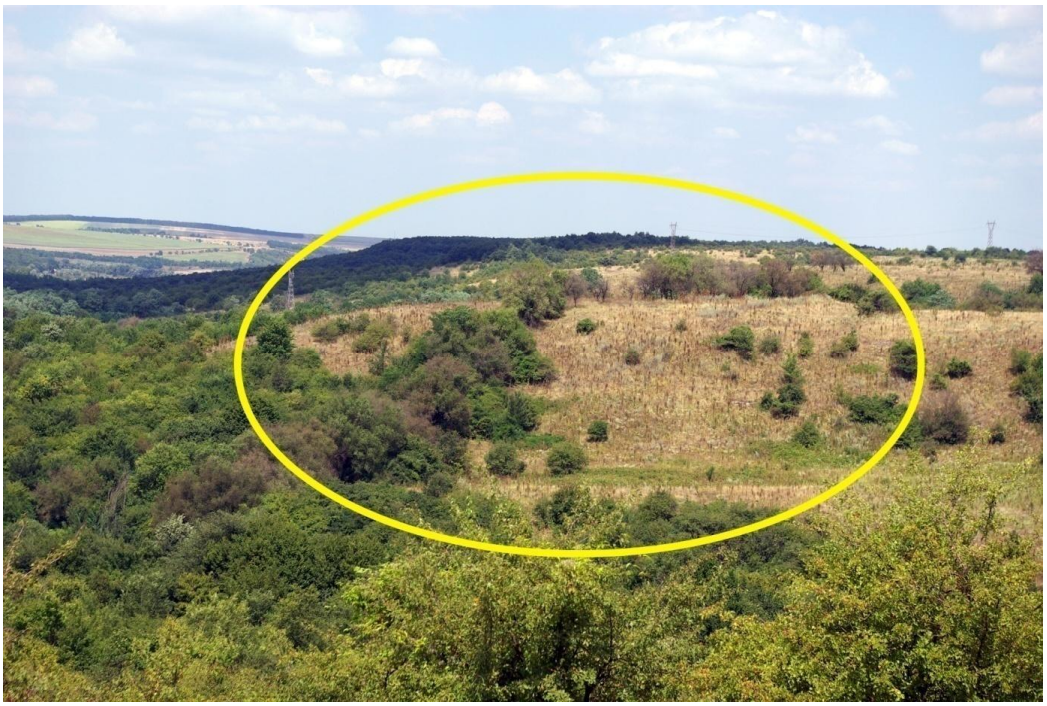

Рис.1.Височинно праисторическо селище в местността „Долапкулак“ край с. Драганово – поглед от изток.

Рис.2. Глинено зооморфно капаче отсъд, изобразяващо глава на прасе от Драганово. Култура Хаманджия IV – средатана V хил.пр. Хр.

Рис.3. Чашка с висока дръжка тип *киатос* от Драганово

Рис. 4. Стилизиран седящ идол от неолитното селище „Крагулево-Черна“.Култура Хаманджия III – началотона V хил.пр. Хр.

Рис. 5. Шедьоврите в пластиката на културата Хаманджия от некропола в Чернавода. Култура Хаманджия III

Рис. 6. Аерофотография на Дуранкулашкото езеро с Големия остров.

Рис. 7. Аерофотография на селищната могила „Големия остров“ в Дуранкулашкото езеро – камена архитектура от VII енеолитен хоризонт, старобългарско селище и храмна Кибела

Рис. 8. Аерофотография на западния бряг на Дуранкулашкото езеро и сектора на селището „Дуранкулак-Блатница“

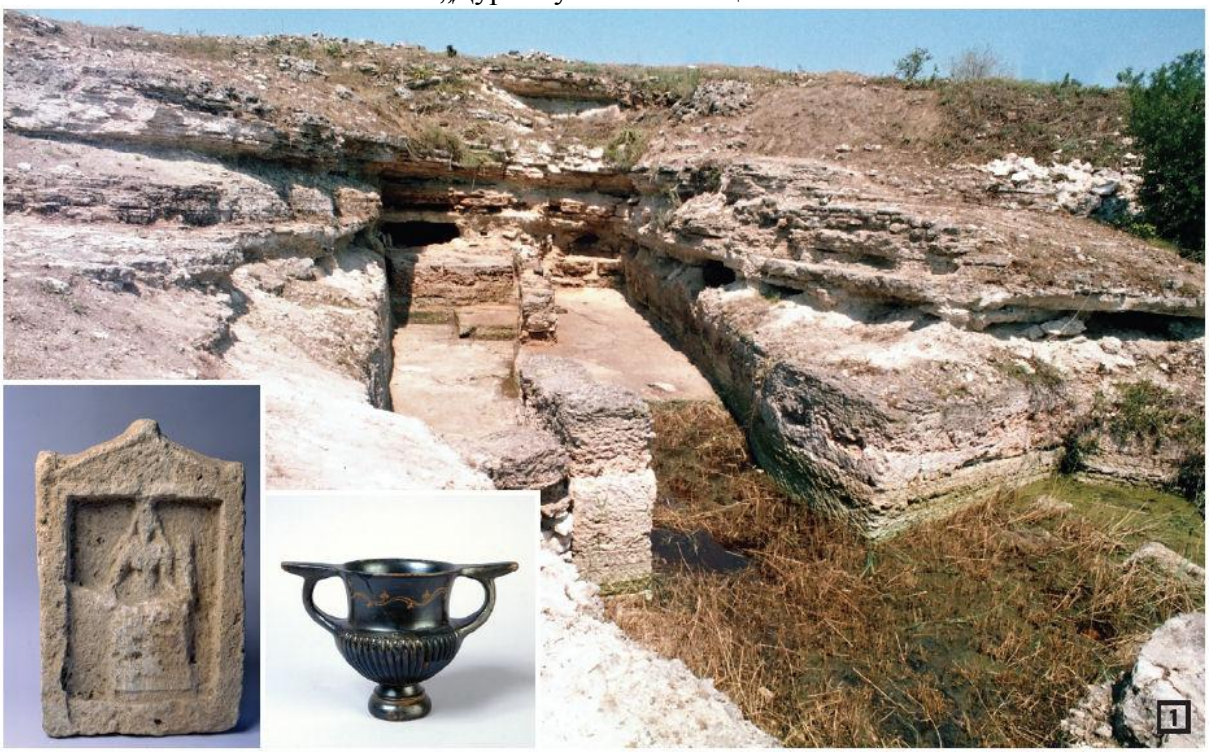

Рис. 10. Антично светилище на богинята-майка Кибела на южния бряг на Големия остров в Дуранкулашкото езеро

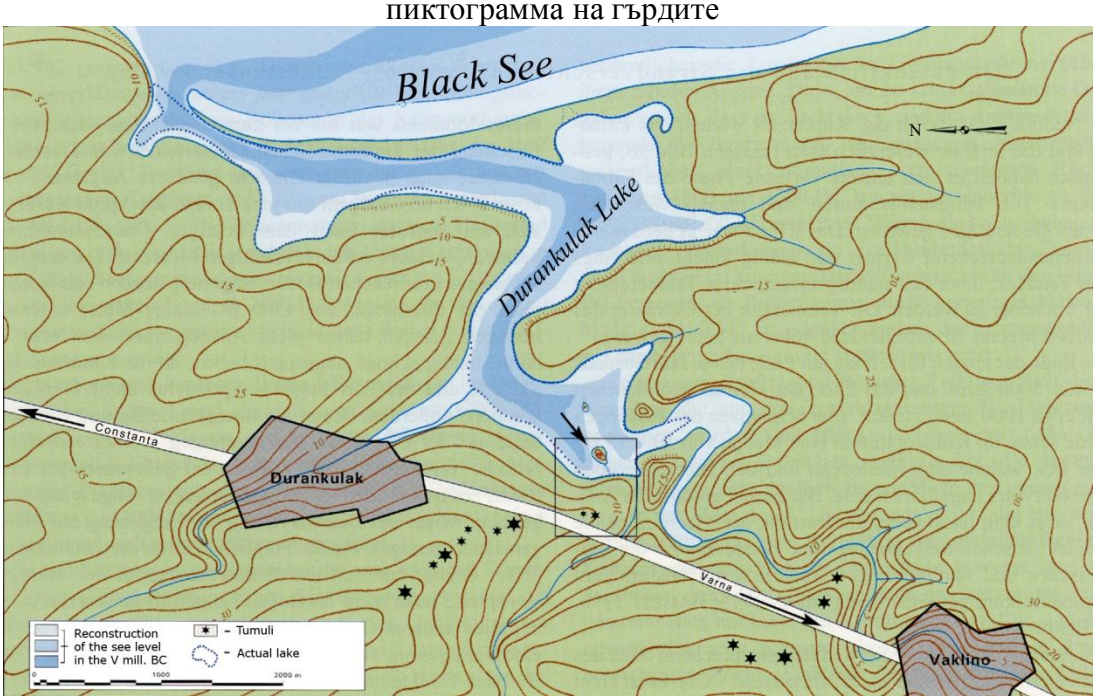
Рис. 11. Сграда № 5 от VII хоризонт на селищната могила „Големия остров“.Най-древната камена архитектура в Континентална Европа – култура Хаманджия IV, средатана V хил.пр. Хр.

Рис. 12. Гроб № 453 (погребение на идол) от праисторическия некропол на западния бряг на Дуранкулашкото езеро.Култура Варна I – началото на късния енеолит

Рис.13. Изправена глинена женска фигурка с медна гривничка на лява таръка и пиктограмма на гърдите

Карта 1. Дуранкулашкото езеро с Големия остров, международното шосе Е 87 от Варна за Констанца и брега наЧерно море

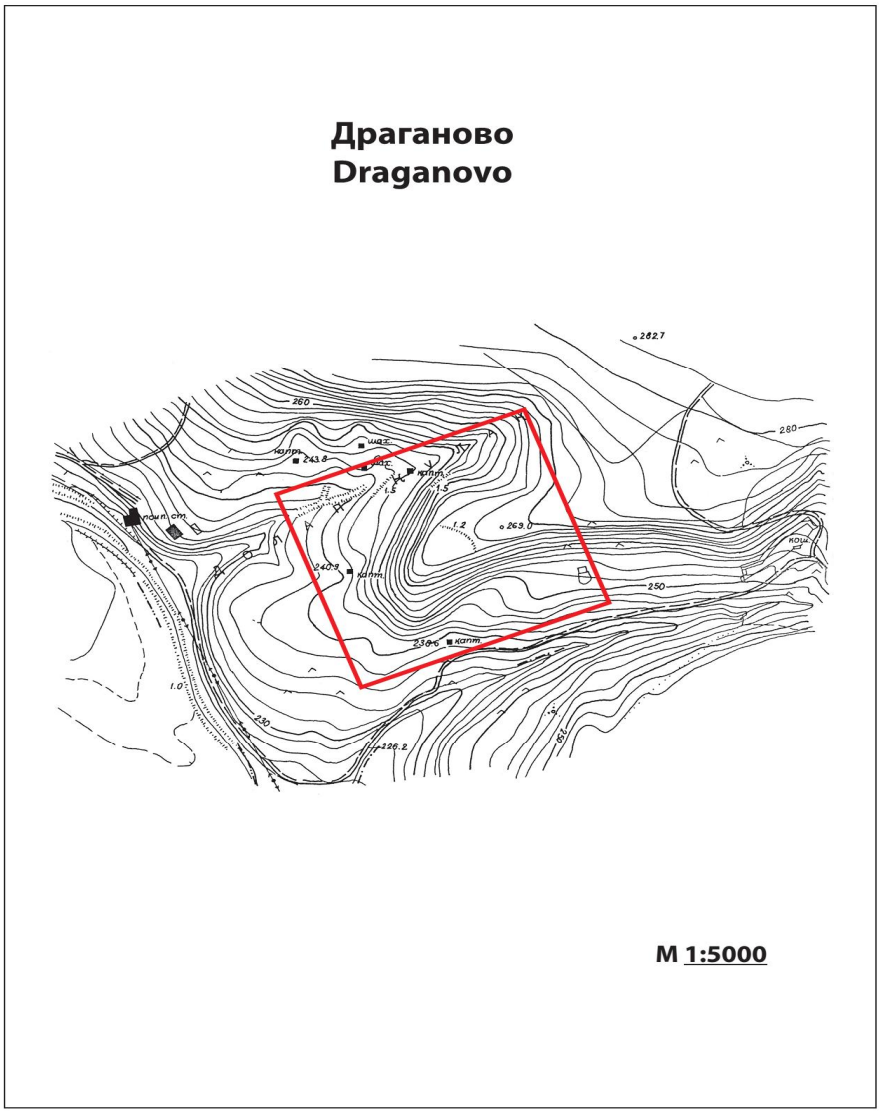

Табл.2. Височинно праисторическо селище „Драганово-Долапкулак“, топография

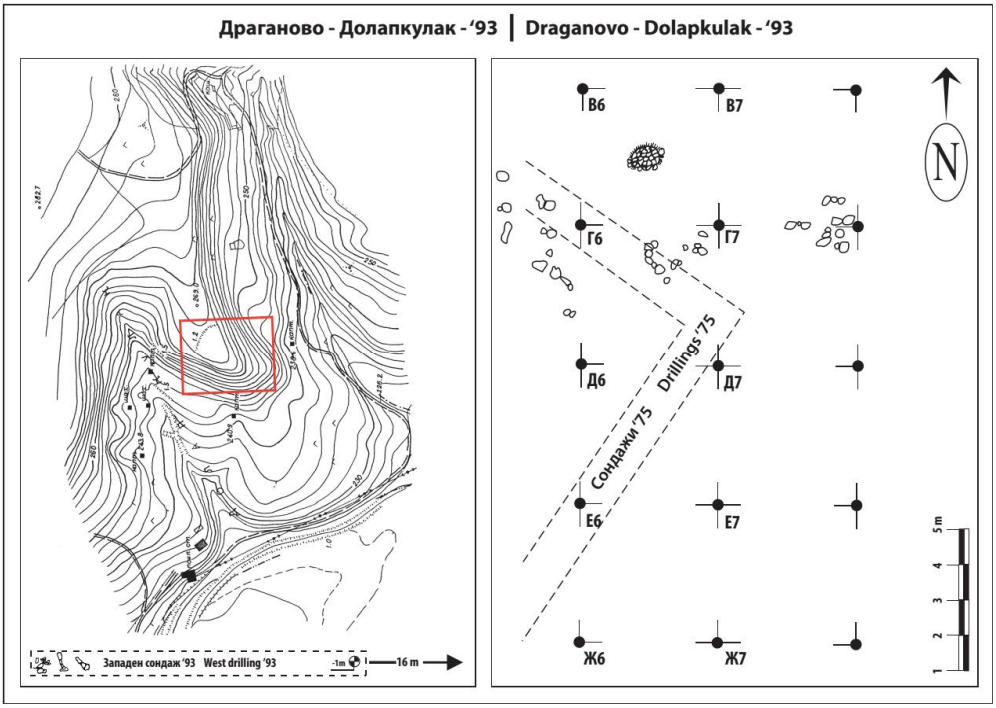

Табл. 2. „Драганово-Долапкулак“.Топография и планнаразкопкитеот 1993 година

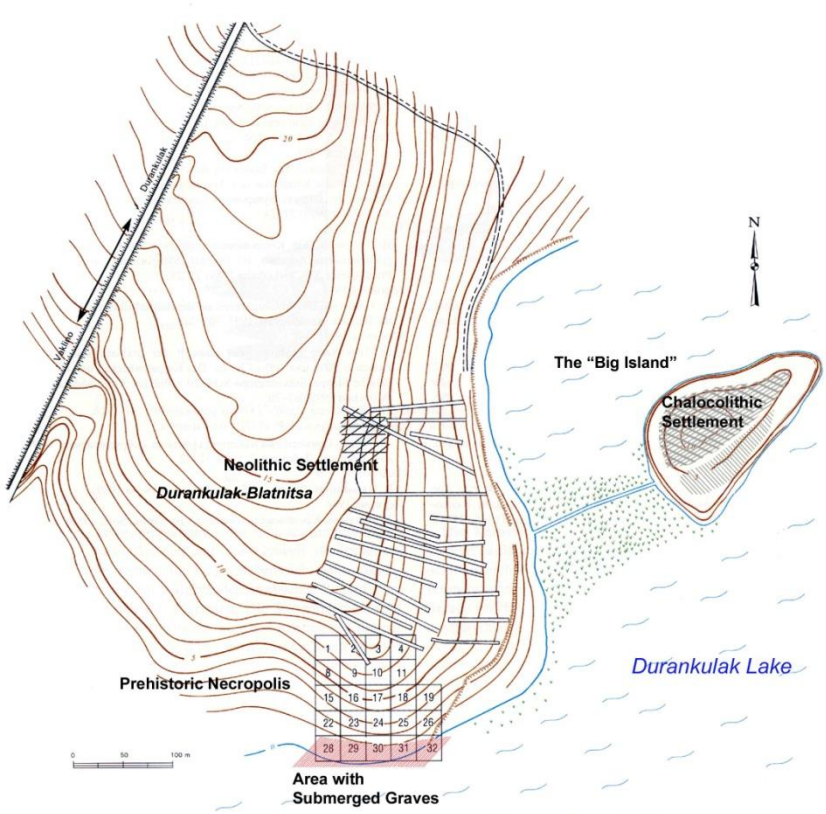

Табл. 3. Топографски план на Археологическия комплекс „Дуранкулашко езеро“: селищната могила „Големия остров“, селището „Дуранкулак-Блатница“ и праисторическия некропол на западния бряг на езерото

УДК: 001.8^94(470) «17 18»:572

ЖУРНАЛ ИЛИ ЗАПИСКА ЖИЗНИ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ» ДМИТРОВСКОГО КУПЦА И.А.ТОЛЧЕНОВА: ИСТОРИКО–АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Зайцева А.А.
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Российский институт культурологи, Россия
azaitseva00@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению образца купеческого мемуарного наследия. В исследовании применяется историко-антропологический подход, который предполагает использование метода реконструкции ментальных представлений и образов мыслей конкретных людей.

Ключевые слова: купеческое мемуарное наследие, историко-антропологический подход, метод реконструкции ментальных представлений.

Annotation. The article considers the sample merchant memoir heritage. The study used historical-anthropological approach, which involves the use of the method of reconstruction of the mental representations and images of thoughts of concrete people.

Key words: merchant memoir heritage, historical-anthropological approach, the method of reconstruction of mental representations.

Купеческое мемуарное наследие – неотъемлемая часть культуры русского купечества, которая являлась особой субкультурой внутри городской культуры в целом. «Журнал или записка

жизни и приключений» крупного хлеботорговца, первогильдийского дмитровского купца И.А.Толченова, впервые опубликованный в 1974 г., рисует быт, нравы, образ жизни провинциальной купеческой семьи и городского общества II пол. XVIII – нач. XIX вв. История торговой деятельности, ее взлета и постепенного падения, приведшего к разорению самого И.А.Толченова и рассемеиванию клана, были предметом внимания в литературе [1, с. 9-10, 74-98], [2, С. 188-191], [8, С.3-18].

Новые подходы в гуманитарном знании, в частности, историко-антропологический, изучающий феномен человека во всем многообразии его бытия, а также информационная неисчерпаемость источника позволяют осмыслить этот известный материал с точки зрения взаимосвязи личности и социокультурной среды и восприятия человеком окружающей действительности. Среда при этом предстает как совокупное предметно-пространственное, социальное и духовное окружение человека. Проходя через сознание человека, среда трансформируется в определенную личностную картину мира, окрашенную чувствами и оценками человека.

Исходными в данном случае для нас являются положения, уже обозначенные в литературе последнего времени. Это мысль о социокультурной функции мемуаристики, заключающейся в целеустремленной деятельности личности по запечатлению опыта своего участия в историческом бытии [9, С. 37], а также положение о «личностном типе культуры» переходного периода [10, С.36-37].

Историко-антропологический подход предполагает использование метода реконструкции ментальных представлений и образов мыслей конкретных людей. Успехи, достигнутые к настоящему времени в плане источниковедческого аспекта историко-психологического изучения русской дворянской мемуаристики [7], побуждают использовать предложенные методы к исследованию мемуаров, вышедших из других слоев русского общества, в том числе, купечества. Системный подход к этому источнику как к культурному тексту породившей его эпохи, оказывается плодотворным в научном отношении. Использование метода структурного анализа текста, выяснение способа создания авторского образа, в данном случае с преобладанием показа событийной стороны жизни мемуариста, пропущенной через индивидуальное восприятие, семиотическое осмысление материала позволяют посмотреть на изучаемый памятник как на отражение культуры своего времени, в частности, субкультуры русского купечества на изломе эпох.

Действительно, как из этих записей семейно-биографического и хозяйственного содержания, с временной точностью фиксирующих торговую деятельность Толченова, его поездки, посещения столиц, рождения и смерти близких, события дня и важнейшие перемены в жизни города Дмитрова, приезд высокопоставленных лиц, постройку церквей, наблюдения за погодой, стихийными бедствиями и пожарами, перемены на престоле, выявить эту не явно выраженную информацию, характеризующую самосознание купца, его подлинный духовный мир?

Способ создания авторского образа является в данном случае главным в выяснении психологического и мировоззренческого мира личности нашего мемуариста. Сам характер отбора событий, внимание к внешней стороне своей жизни свидетельствует о том, что Толченов еще не выделяет себя из непрерывного потока событий[9, с.52]. Эта тенденция является общей для развития мемуарных источников указанного времени. Вместе с тем сам факт внимания Толченова к собственной биографии, к своим истокам, к прошлому своей семьи, попытка проанализировать собственные поступки и душевные переживания означает обращение к внутреннему миру своей личности, к развитию представлений о собственном «я».

В своеобразный диалог с мемуаристом превращается выяснение побудительных мотивов создания «Журнала». Автор начал вести черновые систематические записи, когда ему было 14-15 лет. В таком возрасте во время своей второй поездки в Петербург юноша стал интересоваться книгами. Возможно, это побудило его заняться ведением своих автобиографических записок. Само заглавие произведения «Журнал или записка жизни и приключений Ивана Алексеевича Толченова», а также стиль его изложения близки известным мемуарам А.Т.Болотова «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков» [9, с.70].

Факт написания купцом Толченовым мемуарных автобиографических записок является свидетельством стремления отразить память о своем времени и о месте самого автора в нем. Применительно к купечеству, которое именно в XVIII в. консолидируется в единое сословие, эта тенденция имела особое значение как доказательство осознания представителями этой части городского населения своей роли и значения в жизни общества, своей социальной значимости.

«Почтенное», по словам Толченова, купеческое звание, в отличие от «презрительного» мещанского, давало богатство и почести, положение первых людей в городе, укрепляя тем самым социальный престиж[5, с.318]. Повышению сословного статуса способствовало и исполнение общественных служб. Если отец автора мемуаров А.И.Толченов был депутатом от Дмитрова в Уложенной комиссии, то сам И.А.Толченов в течение длительного времени исполнял обязанности городского головы и бургомистра.

Исходным началом своей торговой деятельности И.А.Толченов считал, безусловно, оставленный родителем капитал[5, с.294,с.318]. Вообще родительский авторитет, являвшийся одним из незыблемых устоев средневековой морали, был непререкаем и служил опорой успешного функционирования семейного дела.

Анализ торговой деятельности купца, его отношение к членам своей семьи, выделение сыновьям отдельного капитала после разорения позволяют выявить значение в купеческом самосознании семейных родовых традиций. Купеческий род, купеческая семья составляли органическую часть социальной структуры городского общества. Семья выступала непременным условием функционирования предпринимательского и торгового дела, преемственности социальных функций купечества, а также первоосновой купеческого мировосприятия вообще, средством социализации личности. Немаловажное значение для купеческой фамилии имела традиция сохранения родовой памяти, что выразилось в составлении поминальников. Это явление мы также встречаем в «Журнале» Толченова.

Другой основополагающей ценностью жизни горожанина, его морали и образа действий была религия. Мемуарист фиксирует ежедневные, по нескольку раз в день, посещения церкви – слушание литургии, обедни, всенощной. Торжественные службы, благодарственные молебны, крестные ходы совершались в дни значительных событий. В числе таковых автор упоминает благодарственные молебны в Дмитрове по случаю победы русских войск над турецкой армией при реке Рымник и под Очаковым, над шведским флотом у острова Гогланда, торжественные вседневные звоны по случаю обручения вел. князя Константина Павловича, рождения вел. княжны Елены Павловны [5, С. 233, 240, 313, 49, 75, 232]

Для исторической антропологии характерно внимание к структурам повседневности. Исследуемые мемуары дают богатейший материал для изучения этих сюжетов. Неотъемлемой частью жизненной природной среды обитания было окружающее пространство. Природный ландшафт, климатический фактор воспринимались как повседневная реальность, исторически сложившаяся традиционная среда обитания. Ежедневно, в течение десятилетий, с хронологической точностью по временам года и числам месяца фиксировал Толченов явления природы. Его внимание привлекали пропущенные через личностное восприятие изменения погоды – бури, грозы, дожди, метели, состояние атмосферы, ледоход на реках, паводки(«водополи»), высыхание рек, установление и роспуск дорог. Незримое присутствие автора и реальность происходящего ощущаются в каждом таком описании. Природные явления воспринимаются им на бытовом уровне – «11 и 12 августа при небольшом дожде и сильной буре столь холодно было, что все в шубах ходили, а некоторые и покои протапливали»[5, с.244] (лето 1790 г.); на эмоциональном – «на деревах лист пожелтел ныне ранее прежних осеней и даже к 10-му сентября весь мой сад желтой вид принял»[5, с.238] (осень 1798 г.); на рационально-практическом, подсказывающем, что от климатических условий зависели созревание и урожайность хлебов, огородных культур, лесных даров, а, следовательно, и цена – «Хлеба всякого родилось в сем году посредственно и можно сей год причислить к малоурожайному. Причина сему последовала как от сухости лета и жаров……и по причине недовольного урожая и цена осенью во всех губерниях на всякий хлеб повысилась»[5, с.281](осень 1792 г.).

В этих наблюдениях Толченова отразилась глубинная взаимосвязь с миром природы, идущая от традиционных крестьянских представлений об окружающем мире. В его отношении к природе

прослеживаются черты, характерные для народной культуры, которая в этом смысле являлась одной из составных частей городской культуры То же самое мы можем сказать и о жителе города, среди занятий которого преобладали земледельческие. Окружающий мир природы в его представлении находился в тесной взаимосвязи с его жизненным укладом, образом жизни и деятельности.

Повседневное бытовое окружение также являлось составной частью жизненной среды обитания купца. Подробнейшее описание мельчайших деталей создания и устройства его городской, по образцу дворянской, усадьбы в стиле классицизма, ставшей визуальным воплощением его мечты – преодолеть барьер сословной неполноценности и приблизиться к дворянскому образу жизни, свидетельствует о том, насколько велико было для купца значение предметно-бытового окружения[5, с. 205, 213, 220, 188].

Семиотическое осмысление материала также приводит к интересным выводам. Во всех проявлениях русской культуры II пол. XVIII в. отразились особенности социально-психологического облика как различных общественных слоев, так и человеческой личности в отдельности. Например, педантизм Толченова, его любовь к количественным характеристикам (фиксация в «Журнале» точного времени, денежных расчетов, количества выловленной рыбы в штуках и т.д.) можно объяснить не только свойствами его личного характера. Основу самосознания купечества составляла психология торгового коммерческого сословия, для которого, по мнению А.Я.Гуревича, была характерна «арифметическая ментальность» - склонность и вкус к счету, точности[4, С. 115, 128]. В Новой истории убыстрялся ход времени, что требовало повышенного внимания к нему. Для купцов как деловых людей изменившееся чувство времени было свойственно в первую очередь.

Описание многочисленных деловых поездок купца в уездные и губернские города, посещений театра, книжных лавок, музеев, где он активно приобщался к культурным достижениям эпохи и новым образцам жизни, свидетельствуют о проникновении в среду купечества новой культуры, которая ориентировала торговое сословие на расширение социального и умственного кругозора и необходимость овладения знаниями.

Роковая приверженность Толченова к игре в азартные игры отразила проникновение в купеческую среду провинциального города из дворянской культуры новых ментальных философско-романтических установок, для которых был характерен культ непредсказуемости. Карты, по мнению Ю.М.Лотмана, в дворянской среде сделались «своеобразной моделью жизни», символизируя роль случая, успеха, психологически обещая мгновенное обогащение[6, С.141]. Дмитровский купец Толченов, проигрывая крупные суммы денег[5, с.227, 293], не избежал участи многих ему подобных и был подвластен умонастроениям своего времени.

Итог своей жизни в Дмитрове Толченов подвел сам, анализируя причины разорения. Честолюбивые замыслы купца уподобиться выходцу из дворянского рода, строительство роскошной усадьбы, широкая церковная благотворительность, азартная карточная игра требовали громадных затрат. В 1799 г. Толченов делает в журнале запись, подытоживающую его жизнь в Дмитрове. «В сем году принужден я сделался разстаться с любезным отечеством своим, городом Дмитровым, в коем 42 года с лишним препровел жизни своей, в нем родился, вырос и все земные блага вкушал в полной мере, имея довольный, родителем оставленный капитал, притом десять лет и сам торговал успешно и с пользою и на приращенную торговлею сумму выстроил прекрасный каменный дом, оранжерею, имел сады, рыбную ловлю, хорошую услугу и всего оного лишил себя и невинное семейство свое излишною роскошью и безпечностию о делах своих….таким образом из почтенного звания первого по городу купца дошел до звания презрительного, а из прекрасного дому переселился жить в темные и беспокойные покои, в московскую квартиру[5, с.318, 319]».

Беспристрастный анализ причин крушения своих надежд, желание найти мотивацию своих поступков, соответствующие мировоззрению человека XVIII в., означало обращение к внутреннему миру своей личности, к развитию представлений о собственном «я». Это свидетельствовало о повышении степени индивидуального самосознания, являющегося отличительной чертой новой культуры. Помимо того, для дмитровского купца город, где он родился и вырос – «любезное Отечество», столичная же Москва в противовес этому – «темные и

беспокойные покои». Такое понимание своей малой Родины чрезвычайно ценно для характеристики самосознания купечества этого времени[3, с.27-28].

Историко-антропологический подход к жизнеописанию купца Толченова позволяет посмотреть на изучаемый памятник как на отражение культуры своего времени, воспринимаемой как единая система среды, человека и традиций. Мемуары дают возможность увидеть неповторимую личностную картину мира конкретного человека. Она представляет собой сплав, переплетение обычаев, устоявшихся традиций, религиозных ценностей, а также элементов новой культуры. В основе субкультуры русского купечества на изломе эпох лежала опора на преемственность поколений, семью, родовую память, религиозное начало, на привычность и устойчивость окружающей среды обитания. Культура же Нового времени ориентировала торговое сословие на расширение социального и умственного кругозора. На примере отдельных ярких представителей купечества, каковым является Толченов, мы наблюдаем как процесс формирования самосознания этого сословия, стремящегося выйти за рамки традиционности и сословно-корпоративного статуса, приблизившись к достижениям дворянской культуры. Характерными чертами рассматриваемого процесса являются усиление личностного начала, выразившееся в создании мемуаров, понимание значимости своего сословия в русском обществе, изменение социально-психологических установок в соответствии с духом времени.

Библиография

1.Аксенов А.И. Очерки генеалогии уездного купечества XVIII в. М. 1993. с. 9-10, 74-98
2.Аксенов А.И. Генеалогия и уездное купечество. В:Отечество. Краеведческий альманах. Подмосковье. М. 1996. С. 188-191.
3.Вдовина Л.Н. Национальное самосознание как системообразующий фактор русской культуры XVIII века (К постановке проблемы). В: Русская культура в переходный период от средневековья к Новому времени. Сб. ст. М. 1992. С. 27-28
4.Гуревич А.Я. Средневековый купец. В: Одиссей. Человек в истории. Личность и общество. 1990. М. 1990. С. 115, 128
5.Журнал или записка жизни и приключений Ивана Алексеевича Толченова. М. 1974.
6.Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб. 1994. С.141
7.Минц С.С. Мемуары и российское дворянство. Источниковедческий аспект историко-психологического исследования. СПб. 1998.
8.Павленко Н.И. И.А.Толченов и его журнал В: Журнал или записка жизни и приключений Ивана Алексеевича Толченова (далее – Журнал или записка жизни…). М. 1974.
9.Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX вв. М. 1991. С. 37.
10.Черная Л.А. Проблема человека в русской культуре «переходного периода».В: Русская культура в переходный период от средневековья к Новому времени. Сб.ст. М. 1992. С. 36-37

УДК:903(497.2)

ДРЕВНИЙ ФРАКИЙСКИЙ РИТОН ИЗ БОЛГАРИИ

Крыкин С.М.
доцент кафедры всеобщей истории
Московский городской педагогический университет (ФБГОУ ВПО МГПУ), Москва, Россия
smkrykin@mail.ru

Аннотация. Эта статья посвящена первой публикации уникального памятника искусства из древней Фракии. Серебряный ритон начала IV в. до н.э. был открыт около 140 лет назад в Болгарии и попал вскоре в Россию. Он был сделан фракийским мастером и подарен царю Котису. Ритон происходит из раскопанного кургана или случайно найденного клада. Пока хранится в частной коллекции.

Ключевые слова: серебряный ритон, Фракия, Котис, Болгария.

Annotation. The article is devoted to the first publication of the unique art moment from ancient Thracia. The silver rhyton of the beginning of the IV century B. C. was discovered in Bulgaria about 140 years ago and then came to Russia. It was made by a Thracian master and then was presented to the king Kotys. Rhyton is originated from either an excavated barrow or a hidden treasure found by chance. It is being kept in a private collection.

Key words: Rhyton silver, Thracia, Kotys, Bulgaria

Рис.1. Ритон. Серебро. Литье, ковка, соединение деталей, пластическая деформация; листовая позолота. 17 х 17 х 7 см.Начало IV века до н.э. Частная коллекция

Серебряный ритон с позолотой ряда деталей (древняя техника листовой позолоты) представляет собой изделие из категории фракийских историко-археологических ценностей образца найденных в Розовце (Рахманалий), Панагюриште, Луковите, Летнице – то есть значимых памятников древней торевтики первой половины IV в. до н.э. Сразу же стоит заметить, что именно ритоны и фиалы из благородных металлов являлись культовыми инсигниями фракийских царей [10, с. 101].

Изделие выполнено из высокопробного серебра, хорошей сохранности (явно подверглось очистке, но при этом, похоже, местами оказалась затерта часть позолоты). Ритон изготавливался в технике литья из нескольких частей. Внутри просматриваются швы пайки (спекания). Ритон помимо широкого функционального отверстия (отвора) диаметром 7 см имеет три крохотных отверстия – рот лани (серны? – но кое-кто из болгарских специалистов всё-таки увидел в ней олениху, стало быть, лань) и ноздрей льва (одно из двух на ободе-тулове изображений со сценами терзания львами копытных – оленя и оленихи (лани)). Ритон имеет вполне обычные для фракийской торевтики габариты: высота - 17 см, длина морды лани – 10 см, ширина (разлёт ушей лани) – 17 см. Вес изделия – примерно 420-430 г. У края раструба (отвора) ритона прорезана надпись ΚΟΣΥ – тогда как обычно надписи на фракийских изделиях выбивались точками пуансоном. Судя по всему, надпись была прорезана позднее, на уже готовой вещи. Так, на одном из предметов золотого Панагюрского сокровища были, похоже, позднее вырезаны мерные значки, которые серьёзно повлияли на попытки датировать этот уникальный клад и локализировать его изготовление – поначалу же предполагалось изготовление золотых артефактов в малоазийском Лампсаке и маркирование предполагалось в эту пору – в конце V – начале IV вв. до н.э. [5, с. 132]

Если же маркировка наносилась позднее, в период правления во Фракии эллинистического властителя Лисимаха (конец IV - первая четверть III вв. до н.э.), то она могла обозначать и достижения местных, фракийских мастеров – отныне возобладала такая точка зрения знаменитейшего болгарского археолога - «курганщика» Г. Китова [4], [5, с. 132-142], [12, с. 208-210, илл. 67] . Изоформа имени великого владетеля из династии Одрисов (в дат. падеже – намёк на приношение уже готовой вещи, а не специально изготовленной для него изначально – Котису, а не Котиса) акцентирует на времени правления этого царя (прим. 383-359), но всё же возможно и ещё большее уточнение. Поскольку Котису было предназначено уже готовое изделие, то не исключено, что изготовили его даже немного раньше воцарения этого последнего великого одрисского владыки и уже потом, при оформившейся ситуации оно было ему преподнесено с адресной надписью.

Торевтика северных соседей античных эллинов – фракийцев и иллирийцев оформилась как историко-художественное явление под явным прямым влиянием южных соседей в позднеархаическое и раннеклассическое время. В нынешней Республике Македония в Требенище исследован некрополь второй половины VI в. до н.э. [15]. Памятник этот в последние годы связывают с появлением там греческих наемников или же основателей государственности в древней Македонии (те же наемники и могли стоять у истоков этой знаменитой спустя века древней страны со смешанным, греко-фракийским населением). На юго-западе Сербии у Нови Пазара исследован иллирийско-греческий комплекс [16], где открыты предметы импортной торевтики первой половины V в. до н.э. Соседи греков быстро переняли базовые технологии изготовления художественных изделий из цветных металлов, и их производство торевтики стало вполне качественным и современным [2, с. 15]. Если обратить внимание на стилистические особенности, то позднее появился ещё один этнокультурный компонент – влияние оформившейся в Нижнем Подунавье Малой Скифии. У северных фракийцев-гетов длительная этнокультурная интерференция со скифами не могла не отразиться в культуре. Так, у Порoйны на территории Румынии был случайно обнаружен зооморфный ритон [1, с 165, 190, фото 62-64],[6, с. 144-147] [3, илл.], [10, с. 101], [8, с. 58-62, рис. 54-57], немного напоминающий исследуемый в этой статье и датируемый концом IV - началом III вв. до н.э. Следует помянуть в связи с особенностями такой интерференции и весь клад из Крайовы. Это важно, поскольку в Добрудже геты соседили с южными фракийцами и могли ретранслировать скифское влияние. При этом мир художественных образов у фракийцев был и оставался самобытным, логически дополняя порой комплекс сюжетов великой эллинской мифологии [17], [14],[10]. Каждый новый обнаруженный клад фракийской торевтики привносит нечто новое в особенности интерпретации культовых образов не только собственно у фракийцев – при этом используются сравнения со многими изделиями не только из фракийского ареала (той же Порoйны, например [9, с. 61]), но и из просторов подчиненных некогда скифам территорий и всего порядком варваризированного Северного Причерноморья.

Что касается сюжетов изображений, то ближайшим аналогом является ритон из села Розовец (Рахманлий), Пловдивско, открытый среди погребальных приношений в курганном захоронении начала IV в. до н.э. в 1879 (1851?) г. [13, рис. 108], [14, p. 84 etc.]. Тот ритон представляет такую же почти голову лани с укороченной шеей, но явно худшей сохранности с одной стороны головы. Вообще исследованию ритонов из древней Фракии посвятил специальную монографию известный болгарский искусствовед Ив. Маразов, в которой нашлось место и детальному рассмотрению изделию из кургана при с. Розовец (Рахманлий в момент находки) [8, с. 68-74 ил. 66-70]. Ив. Маразов вполне логично рассматривает далее и похожие изделия – ритон середины IV в. до н.э., хранящийся в Триесте, и ритон с головой оленя из двух найденных в составе уникального золотого клада из Панагюриште [8, с. 74-82, ил. 71-81] Следует заметить, однако, что тщательная проработка складок и бровей животного уподобляет рассматриваемый в нашей статье ритон именно аналогичному изделию из знаменитого Панагюрского клада. Аналогично отворы этого и золотого ритона из Панагюрского клада (в виде головы оленя) предельно просто украшены овами [5, с. 138-139, ил. 98-99].

В отличие от ритона из Розовца (Рахманлий), где шея украшена парой силена с менадой, здесь шея служит фоном для двух сцен терзания копытных львами. Олень выступает передними ногами горельефно, рога его немного напоминает лосиные (не случайно в болгарском языке

«лось» - « елен лопатар»). Доказывает это лишь то, что во фракийской торевтике изображали традиционно именно конкретную разновидность оленя, точнее, его женскую ипостась – лань («европейскую лань», «даниэль») – то есть копытных особого вида (Dama dama L., 1758). Имеются высказывания, что лани не водились в древней Фракии и их завозили на Балканы из Малой Азии или даже севера Африки, но при этом Аристотель уже считал их частью местной фауны. Замечу так же, что серна (Rupicapra rupicapra L., 1758), иначе же «черный козел», тоже водилась (и водится) на Балканах и при стремлении древних мастеров передать облик животного максимально реалистично эти два разных вида парнокопытных трудно перепутать. Кстати, сравнительно короткая шея явно отличает в данном случае лань при сравнении, скажем, с благородным оленем. Четко выдержанные пропорции тел этих близких копытных также убеждают, что мастер изобразил именно оленя и олениху (лань). Получилось вполне убедительно и реалистично, как и воспроизводство кудрявогривых двух львов-«терзателей». Стилистически изделие тем самым претендует на датировку началом IV в. до н.э., точнее 80-ми —70 –ми гг. до н.э. Позолочены только тела копытных, гривы львов и обод раструба (отвора) с овами.

Сцена «звериного стиля», роднящего культуру фракийцев со скифо-сарматским миром, имеет в центре Балкан условные аналоги в ещё двух фракийских кладах – из Луковита и Летницы. Конечно, скромные аппликации – не ритон, но и там лев (львы дожили в естественных условиях на Балканах до II в. до н.э.) неизменно терзает оленя [10, с. 46-47], [14, p. 121],[13, с. 116 и сл.]. Однако эти сюжеты в Луковите и Летнице исполнены для фракийских владык более схематично и условно, менее реалистично – что намекает на несколько более позднюю датировку – близко к середине IV в. до н.э. (при этом никак не позднее 359 г. до н.э. – вероятного времени гибели последнего великого властителя Фракии из династии Одрисов – Котиса Первого). Эти два клада были открыты около 1963 г. и более ранних аналогов со сценами терзания фракология не располагала до открытия в 1986 г. знаменитого Рогозенского клада: на двух кувшинах - №№ 155 и 156 [7, с. 61 и илл.], [11, с. 101- 128]. И тогда стало ясно, что данный сюжет связан с образом Великой богини – покровительницы верховной власти у фракийских племен. Рогозенский клад характеризируется сбором культовых приношений с конца VI до середины IV вв. до н.э. и упомянутые кувшины являются среди них ни самыми ранними, ни самыми поздними. Такие представления не менялись до демонстрации учёным коллекции миллиардера Васила Божкова [12], привезенной для обозрения и в Москву в ГИМ в октябре-ноябре 2013 г. Помимо фонда «Фракия» с музеем «Васил Божков» были представлены и некоторые иные по месту хранения и экспозиции фракийские раритеты. Так, оказалось, что в Софии в Национальном историческом музее хранится ритон первой половины IV в. до н.э. – как и в нашем случае с головой лани, но на фризе верхней части серебряного с позолотой изделия представлена сцена охоты на вепря при участии помимо двух людей-охотников также двух атакующих жертву собак [12, с. 148-149, илл. 50]. К аппликациям из Луковита и Летницы [12, с. 183-201, илл. 64,1, 64,2; 64,5; 64,6; 64,17] коллекция Васила Божкова добавила серебряные детали конских наборов как второй половины IV в. до н.э. в том же «зверином стиле» [12, с. 164-165, илл. 57], так и первой половины – середины III в. до н.э. [12, с. 166-167, илл. 58]. Наконец, данная коллекция позволила дать обозреть серебряный с позолотой ритон с протомой кентавра, обладающего чертами сходства с известными портретами Александра Македонского [12, 244-245, илл. 84]. На среднем фризе ритона III-I вв. до н.э. изображена охота всадников на кабана, а на нижнем фризе в традиции «звериного стиля» собака атакует козла и оленя. В этом изделии синкретически слились сразу несколько этнокультурных художественных традиций, фиксируя специфику эллинистической культурной амальгамы.

Предлагаемый в скором времени для технологической экспертизы серебряный ритон с позолотой из частной коллекции в России стилистически изготовлен вполне в лучших традициях изделий из Розовца, Панагюриште, Луковита и Летницы, при этом ближайшим аналогом является всё-таки ритон из Розовца (Рахманлий). Если древняя фракийская аутентичность этого ритуального сосуда подтвердится, то понадобится углублённый поиск-исследование конкретного места и времени обнаружения такого памятника культуры и, полагаю, всё же получит признание датировка его примерно первыми годами правления Котиса Первого (383-359 гг. до н.э.) в Одрисской Фракии.

Библиография
1. Берчу Д. Даки. Древний народ Карпат и Дуная. М.: ЗАО Центрполиграф, 2008, 192 с.
2. Василев В. П. Бронзове съдове от некропола при Требенище. Изследвания върху античното металообработван.В: Разкопки и проучвания (РП). Кн. XIX. София: Издателство на БАН, 1988, 124 с.
3. Гочева Зл. Завещано от траките. София: Отечество, 1987, 112 с.
4. Китов Г. Панагюрското съкровище. Варна: Славена, 2006,127 с.
5. Клады фракийцев. Каталог выставки. Археологический музей – Варна 20 мая -20 сентября 2006 г. Варна: Славена, 2006, 152 с.
6. Никулицэ И.Т. Северные фракийцы в VI-I вв. до н. э. Кишинев: Штиинца, 1987, 270 с.
7. Маразов И. Фракийский клад из Рогозена.София: Балкан, 1986, 64 с.
8. Маразов Ив. Ритоните в древна Тракия. София: Български художник, 1978, 179 с.
9. Маразов Ив. Съкровището от Якимово. София: Български художник, 1979, 91 с.
10. Тракийски легенди. А.Н. Фол, И.Й. Венедиков, И.Р. Маразов, Д.П. Попов. София: Наука и изкуство, 1981, 171 с.
11. Тракийското съкровище от Рогозен. А. Н. Фол, и кол. София: Издателство на БАН, 1988, 160 с.
12. Фракийское золото из Болгарии. Ожившие легенды. М.: Кучково поле, 2013, 360 с.
13. Цончева М. Художественото наследство на тракийските земи, София: Наука и изкуство, 1971, 289 с.
14. Fol A., Marazov Iv. Thrace and the Thracians. London: Cassel, 1977, 160 p.
15. Katalog nalaza iz nekropole kod Trebeništa. Lj. B. Popović Narodni Muzej. Belgrad. Antika I. Belgrad: 1956, 127 s. i Tabl.
16. Novi Pazar. Ilirsko-grčki nalaz . Đ, Mano-Zisi, Lj. B. Popović. Narodni Muzej – Belgrad. Belgrad: 1969, 132 s. i Tabl.
17. Thracians legends / A. Fol, Iv. Venedikov, Iv. Marazov, D. Popov. Sofia: Sofia press, 1976, 144 p.

УДК 94(3)

УЗУРПАЦИЯ ИНГЕНУЯ.

Куликова Ю.В.
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков им. профессора В.Ф.Семенова, Московский педагогический государственный университет (ФБГОУ ВПО МПГУ), Москва, Россия
glanam_yul@mail.ru

Аннотация: Рим всегда проводил агрессивную внешнюю политику. К середине III в. особенно ярко выявились негативные факторы провинциальной политики. Усугубляющим фактором стали нестабильность центральной власти и потеря авторитета императорами. Недоверие ставленников Валериана к Галлиену, недовольство его политикой, а, главное, отказом предпринять меры для освобождения своего отца, стали причинами сепаратистских настроений в легионах. Первым из известных нам узурпаторов был провозглашен Ингенуй, наместник Паннoний и Мёзий. Галлиен жестоко подавил восстание, наказав не только восставшие легионы, но и местное население, оказавшее поддержку узурпатору.

Ключевые слова: император, узурпация, армия, Галлиен, Ингенуй.

Annotation: Rome always *carried out* aggressive foreign policy. To the middle III B.C. the negative factors of provincial policy especially vividly appeared. The instability of central authority and the loss of authority by emperors became the aggravating factor. The distrust of the proteges of Valerianus to Gallienus, dissatisfaction with his policy, and, the main thing, by failure to undertake

actions to the release their father, became the reasons for separative moods in the legions. The first of the usurpers known to us was proclaimed Ingenuus, controlling Pannoniae and Moesiae. Gallienus severely choked uprising, after punishing not only the risen legions, but also the local population, which showed support to usurper.

Key words: power, emperor, army, Gallienus, Ingenuus.

Рим всегда проводил агрессивную внешнюю политику. Это позволило расширить территорию, создав мощную Римскую империю. Огромные ресурсы завоеванных территорий поступали в Италию и Рим, концентрируясь в «вечном городе», благодаря особенностям провинциальной политики римских императоров. Италия в этом случае обладала особым статусом, отличным от остальных провинций. Нельзя сказать, что провинции находились в бедственном положении. Большинство из них были процветающими, с роскошной архитектурой в городах, школами и публичными библиотеками, они экспортировали значительное количество своей продукции, большая часть из которой была предназначена непосредственно для Италии и Рима.

С самого начала становления политической системы управления Октавиана Августа – принципата, сенат пытался ухватить ускользавшие из его рук нити власти, включая назначение принцепса. Однако у этого органа власти появился очень сильный конкурент, чьи амбиции были не менее значительными. Проведенные реформы не только способствовали формированию профессиональной армии и появлению в ее составе отрядов наемников, но и расширению полномочий командного состава. Армия стала представлять собой реальную политическую силу со своими специфическими интересами. Корпоративный дух армии привязывал ее к военному лидеру, чей авторитет неизмеримо возрастал по мере побед и раздач денежных средств, подарков, земель. Связь армии с императором и его правительством все более укрепляется, благодаря проводимым ими политико-экономическим мероприятиям, а также продуманной идеологической пропаганде. После того, как центральная власть значительно ослабла, а солдаты поняли, что сами могут избрать того, кто исполнит их надежды – началось противостояние армии как политической силы против Сената. Разные группы общества хотели видеть у власти такого императора, который осуществил бы их собственную программу, поэтому в III в. происходит чрезвычайно быстрая смена императоров, причем все они погибали насильственной смертью.

Провинциальная политика римских императоров к этому же периоду принесла свои печальные плоды. Усугубляющим фактором стали нестабильность центральной власти и потеря авторитета императорами. В условиях политической нестабильности провинции не готовы были отдавать часть своих финансов для поддержки амбиций императоров и армии, требующей постоянных денежных выплат и земельных раздач в награду за поддержку, в то время как в регионах приходили в упадок города, подвергались варварским набегам поселения, а система оборонительных сооружений разрушалась.

Наиболее опасными для императорской власти были тесные контакты между наместниками тех провинций, которые имели в своем распоряжении большие группы римских войск. Так, например, на Дунайской границе дислоцировалось восемь легионов. Эти войска пополнялись, в основном, из числа местных уроженцев и были привязаны к местам своего расположения, становясь выразителями настроения господствующих кругов провинциальной земельной знати.

Время правления императора Валериана и его сына Галлиена считается периодом максимального углубления политического кризиса. Происходит активизация военных действий практически на всех рубежах, на западных и восточных границах.

Император Валериан пришел к власти, редкий случай в этот сложный период, поддерживаемый сенатом и армией, в среде которой он имел авторитет и влияние (SHA Val. Duo., V). Для управления Империей, Валериан разделил полномочия, отдав под управление своего сына Галлиена западные провинции и поставив его наместником Италии, а сам мог заняться восточными провинциями, тем более, что дела в этом направлении шли из рук вон плохо. Персидский шах Шапур (Сапор) продолжал одерживать победы, вытесняя римские легионы из Месопотамии. Однако не лучше дела обстояли и на Западе, где активизировались германские племена. Воевать на два фронта было бы очень затруднительно с одним главнокомандующим и

императором, поэтому Валериан решил, что такое разделение обязанностей и полномочий вполне соответствует насущным задачам Империи. Интересно, что еще император Деций пытался разделить в Римской империи военную и гражданскую власть [7, с.325], последняя как раз и была предложена выходцу из знатной семьи Валериану, занимавшему на тот момент должность принцепса сената (SHA Val. V. 4).

Валериан стремился обеспечить защиту западным провинциям, поставив во главе их талантливых полководцев и умных людей, имеющих авторитет, очевидно, не слишком надеясь на полководческий гений Галлиена. Флавий Сиракузянин утверждает, что император Валериан настоял, чтобы основная часть западного контингента войск были в руках верного и разумного человека, который одновременно будет помощником и советником Галлиена (SHA. Aurel., VIII. 2). Выбор императора пал на уравновешенного и испытанного наместника Галлии и обеих Германий Постума [4]. Тем не менее, в придунайских провинциях было достаточно военной силы.

На самом деле, Галлиен, проводил множество мероприятий, которые должны были способствовать изменению ситуации. Он оказывал поддержку городам, стремился облегчить жизнь ремесленников и мелких собственников. Прекратил гонения на христиан, а своей военной реформой стремился заручиться поддержкой в армии [8, с.432]. Фигура Галлиена неоднозначно воспринимается отечественными и зарубежными исследователями. Кто-то склонен превозносить его как личность и реформатора [10], кто-то видит в нем жестокого правителя (Eutr., IX. 9.7; Aur.Vict. De Caes., XXXIII. 6; Epitom., XXXII). Согласно источникам, Галлиен был неординарным человеком, обладающим талантами военачальника (SHA. Gall. duo., VII; VIII; XI; XVI-XVIII), но только греческая историографическая традиция относится к нему негативно.

В 257 г. Галлиен, стремясь уменьшить влияние дунайских легионов, назначил своего старшего сына Корнелия Валериана командующим войсками в Иллирике [2, с.246].

Ситуация на рейнской и дунайской границах осложнилась. Известие о пленении и позорном рабстве Валериана вызвало широкий общественный резонанс. Никогда в истории Римской империи император не оказывался в столь унизительном положении. Бездействие Галлиена в отношении участи отца было крайне негативно воспринято в военной среде, чью доблесть, честь и отвагу подвергли сомнению. Кроме того, никто не отменял присягу, а значит, Галлиен не может обладать всей полнотой власти. Между тем ситуация на рейнском и дунайском лимесах осложнилась. Не поддерживаемые в должном состоянии оборонительные сооружения не могли выдержать натиска варварских племен, которые вторглись на территории провинций, опустошая их. Возможно, наместники ждали от Галлиена каких-то распоряжений, поскольку его бездействие стало последней каплей терпения (SHA. Gall. Duo, XXII; Aur. Vict., XXXIII).

Ингенуй был провозглашен императором сразу после указанных событий. Проблема в том, что в источниках нет упоминания, ни о его происхождении, ни об этапах карьеры. Однако ничуть не удивительна путаница в имени узурпатора среди античных авторов: Ingenuus (SHA. Tyr. trig. IX), Ingebus (Aur. Vict. De Caes. XXXIII), Genuus (Oros. VII. 22, 10). Подобные примеры можно видеть и в отношении других императоров, например, Регалиана, которого Евтропий называет Требеллианом (Eutr., IX. 8. 1), или мятежника Лелиана, которого ошибочно называют Лолианом и даже Эмилианом (SHA, Tyr. Trig., V; Epiitom., XXXII. 4). Это связано с тем, что источники относятся к более позднему периоду, когда события середины III в. н.э. были подвергнуты забвению, что ясно видно на победном алтаре из Аугсбурга, на котором сделана попытка уничтожить имя галльского императора Постума и факт вхождения провинции Реция в состав «Галльской империи», а также отдельные факты, приписываемые уже официальным римским императорам, например, победа над ютунгами [5].

Также мы точно не знаем, какой пост занимал Ингенуй к моменту своего провозглашения. Источники упоминают, что он «Pannonias tunc regebat» (SHA. Tyr. trig, IX. 1). На основании этого некоторые исследователи утверждают, что он был наместником обеих Панноний и Мёзий, по крайней мере, его поддержали легионы Паннонии, Мёзии, когда «imperator est dictus» (SHA. Tyr. trig, IX. 1). По данным Аврелия Виктора (De Caes. XXXIII), Ингенй «curantem Pannonios». Сложно определить и точную дату провозглашения Ингенуя императором.

В источниках сообщается (SHA. Trig. Tyr. IX.1), что его провозглашение состоялось в консульство Марка Нуммия Туска и Муммия Басса, которые были консулами в 258 г. [14, с.457].

Спор в датировке [11, с. 99] вызывает причина провозглашения Ингенуя - пленение императора Валериана (Aur. Vict. De Caes., XXXIII), которое состоялось в 259 г., когда консулами были Помпоний Басс (CIL 06, 03836a-b (p 3142, 4767) = CIL 06, 31747a-b), занимавший эту должность вместе с Эмилианом [14, с.155-156]. Кроме того, провозглашение Ингенуя связывается также с вторжением сарматских племен (SHA. Tyr. trig. IX), как указано в источниках, или племен маркоманнов, как утверждают современные исследователи. Эти племена опустошили дунайские провинции [13, с. 27], а Галлиен не предпринял никаких решительных мер, что также могло быть вероятной причиной, или оправданием для захвата власти.

В этой связи ряд исследователей предлагает дату 260 г., когда император Валериан уже находился в плену, а маркоманны нанесли значительный ущерб, вызывая недовольство местного населения из-за бездействия императора Галлиена [13, с.27; 12, с. 42]. Однако, известное недовольство назначением сына Валериана Галлиена соправителем (Aur. Vict. De Caes., XXXIII), под контроль которого переданы западные провинции, могло также вылиться в мятеж. С другой стороны, консульские полномочия завершаются зимой, поэтому автор «Биографий…», творивший десятилетия спустя, мог воспринять событие до перехода полномочий от одних консулов к другим. Думается, пока не будет решена проблема очередности восстаний в западных провинциях, датировка: зима 258-259 гг., будет более верной, поскольку именно на этот период приходятся восстания других иаместников, начавшиеся сразу после пленения императора Валериана

Монет и надписей Ингенуя не сохранилось, поэтому мы не знаем точно срока его правления, но, судя по всему, он был не слишком продолжительным. Если уж галльский император Марий, правивший несколько месяцев [4, с.172-176], сумел отчеканить значительное количество монет, то, видимо, правление Ингенуя было и того меньше. В немалой степени отсутствие монет может быть связано с тем, что, опасаясь усиления дунайских наместников, Галлиен закрыл монетный двор в Виминации [6, с.114]. Кроме того, военные дела по защите региона сразу же поглотили внимание новопрозглашенного императора.

Ю.К. Колосовская утверждает, что под контролем Ингенуя оказались легионы Реции, Норика, Паннони Верхней Мёзии и Дакии [2, с.246], однако никаких доказательств этому нет. Тем более, если Ингенуй был среди самых доверенных военачальников Валериана, поставленных им во главе провинций, то, обладая такой военной силой, он вряд ли был бы разбит в столь короткий срок.

Время провозглашения тем более важно определить, поскольку действия Галлиена оказались достаточно решительными. Если бы он, как утверждает И.П.Сергеев [6, с. 113-114], пытался подавить восстание Постума, то Ингенуй восстал намного позднее. Но, как известно, Галлиен не был лично на Рейне, а первая карательная операция против «Галльской империи» была организована в 261-262 гг. и результат ее был не в пользу римского императора [4, с. 62-63].

Для борьбы с восставшим наместником Галлиен привлек значительные силы, передислоцировав их с Рейна, Британии, Дакии, поставив во главе Авреола, командующего реформированной конницей. По подсчетам Ю. К. Колосовской, в военных действиях против Ингенуя участвовали вексилляции 17 легионов [1, с. 238]. И здесь кроется ответ на вопрос о времени восстания. Дело в том, что в состав «Галльской империи» вошли, добровольно присягнув, Галлия, Верхняя и Нижняя Германия, Британия, Испания и Реция [5]. Если Галлиен воспользовался силами этих провинций, то, значит, восстание Ингенуя началось раньше восстания Постума, что не противоречит сообщениям античных авторов (Eutr., IX. 8. 1; Aurel. Vict. De Caes., XXXIII; SHA. Trig. Tyr. IX.1).

Вместе с командующим конницей Авреолом Галлиен жестоко подавил восстание. Источники указывают, что решающее сражение произошло у Мурсы в Паннонии. Ингенуй был разгромлен, а вот о его дальнейшей судьбе информация достаточно противоречива. Требеллий Поллион указывает, что он утопился (SHA. Trig. Tyr. IX), Евтропий указывает, что Галлиен убил Ингенуя лично (Eutr., IX. 8. 1), а Аврелий Виктор сообщает только о его поражении (Aurel. Vict. De Caes., XXXIII), хотя И.П. Сергеев утверждает, что он был убит своими же солдатами [6, с. 114]. Во всяком случае, о гибели Ингенуя можно говорить с уверенностью.

Галлиен покарал не только нарушивших верность легионы, но и жителей провинций, поддержавших узурпатора, «во многих городах не оставив в живых ни одного мужчины» (Aur.

Vict. De Caes., XXXIII; SHA. Trig. Tyr. IX). Такая расправа заставила задуматься остальных наместников не только о своей судьбе, но и о жизни подвластных легионов и населения. Так, галльский император Постум отразил два карательных похода Галлиена и Авреола и правил десять лет.

В честь победы над Ингенуем Галлиен, вероятно, выпустил монеты, прославляющие легионы, участвовавшие в подавлении восстания [9, с. 102].

Важно, что неспособность Галлиена взять под контроль внешнеполитические угрозы стала одной из причин сепаратизма в Римской империи в середине III в.н.э.

Таким образом, одним из первых восставших против Галлиена был Ингенуй, о котором мы не знаем ни полного имени, ни титулатуры, ни должности, в которой он был в момент своего провозглашения императором. Расправа над сочувствующими и поддержавшими Ингенуя стали причиной мятежа другого придунайского узурпатора Регалиана.

Каковы были взаимоотношения наместников, поставленных Валерианом, мы не знаем, однако только после гибели Ингенуя они, вероятно, задумались о заключении союза [3, с.161-164].

Библиография

1. Колосовская Ю.К. Паннония в I — III веках. М., 1973.
2. Колосовская Ю.К. Рим и мир племен на Дунае в I-IV вв. н.э. М.., 2000.
3. Куликова Ю.В. Внешняя политика «Галльской империи» // Clio-Science. Проблемы истории и междисциплинарного синтеза. Сб. научных трудов. Вып. IV. М., 2013., С.161-164
4. Куликова Ю.В. «Галльская империя» от Постума до Тетриков. Спб., 2012.
5. Куликова Ю.В. Территориальный состав «Галльской империи» и победный алтарь из Аугсбурга.В: Древний Восток и Античный мир: Труды кафедры истории древнего мира: вып. V. М., 2002, с. 140-150
6. Сергеев И. П. Римская империя в III веке нашей эры: Проблемы социально-политической истории. Харьков, 1999.
7. Циркин Ю.Б. Император Деций: попытка возрождения Рима .В: Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 8. СПб., 2009, С. 313—328.
8. Штаерман Е.М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957.
9. Alföldi A. Studien zur Geschichte der Weltkrise des 3. Jahrhunderts nach Christus. Darmstadt, 1967.
10. Blois, L.,de. The Policy of the Emperor Gallienus. Leiden, 1976.
11. Christol M. Essai sur l'évolution des carrières sénatoriales dans la seconde moitié du IIIe siècle ap. J.C. Nouvelles Editions Latines, 1986.
12. Drinkwater J.F. The Gallic Empire: separatism a.continuity in the North-West provinces of the Roman Empire A.D. 260-274. Stuttgart, 1987.
13. Fitz J. Ingenuus et Regalien. Brussels, 1966. - (Collection Latomus, 81).
14. Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. I : A.D. 260–395. / A. H. M. Jones, J. R. Martindale, J. Morris. Cambridge University Press, 1971.

УДК:903 (323)

МИКЕНСКИЙ ДВОРЕЦ В ФИВАХ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Можайский А.Ю.

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков им. профессора В.Ф.Семенова, Московский педагогический государственный университет (ФБГОУ ВПО МПГУ), Москва, Россия

a.mozhajsky@mail.ru

Annotation. In this article I try to summarize selected archaeological data that deals with Mycenaean palace complex of Thebes and to consider different theoretical approaches towards its

interpretation. One theory is that in Mycenaean Thebes two successive palaces were built, now known as the “Old Kadmeion” and the “New Kadmeion. Another theory that seems to be in my point of view more appropriate, supposes that there were not two different palaces built in succession, but a single palace complex, with occupied a very extensive area in the acropolis.

Key words: Thebes, Kadmeia, Old Kadmeion, New Kadmeion, Mycenaean palace.

Автор обратился к микенским древностям Фив поскольку в 2013 и 2014 годах участвовал в раскопках акрополя Фив – Кадмеи. Раскопками руководит почетный эфор Беотии, доктор ВассилисАравантинос. Автор выражает глубокую признательность доктору Аравантиносу за возможность участвовать в данном археологическом проекте.

Фивы – уникальный объект археологического исследования. Уникальность обуславливается тем, что поселение существовало здесь непрерывно, начиная с неолитического времени. В Микенское время Фивы были значительным дворцовым центром. Так, Фивы и Орхомен контролировали главные узлы коммуникаций с внутренними районами и прибрежными зонами Беотии, а также многочисленные поселениями между ними. Эти дворцовые центры имели порты на севере и юге Евбейского залива, что связывало их с Эгеидой и Восточным Средиземноморьем. К тому же Фивы имели выход к Коринфскому заливу через Евтресис и Кревсии, что являлось обеспечением прочных связей с Пелопоннесом [3, с. 65].

В настоящее время в Фивах можно видеть совсем не много древних строений, поскольку они практически полностью перекрыты современным городом [4, с. 202]. С начала прошлого столетия и по сегодняшний день археологические исследования практически полностью ведутся именно греческими археологами.

В Микенский период (ок. 1600 – 1100 гг. до н.э.) основная часть поселения находилась на Кадмее, холме размерами приблизительно 800 х 500 м. [6, с. 20; 2, с. 699].

В начале XX столетия главной фигурой фиванской археологии был Антониус Керамопулос, который первый начал раскопки помещений здания дворцового комплекса [6, с. 20; . Раскопки, предпринятые Керамопулосом вскрыли рядом с центром Кадмеи (на улице Пиндара, за современным рынком) остатки большого микенского здания, которое было уничтожено пожаром. Керамопулос решил, что это знаменитый «Дворец Кадма». В соответствии с описанием Павсания «Дворец Кадма» был внутри Кадмеи в области Фиванской Агоры. Традиция приписывает разрушение дворца Кадма Зевсу, а руины дворца так и остались нетронутыми как священное место до времени Павсания (Paus. 9.12). Здание, раскопанное Керамопулосом, имело маленькие комнаты и коридоры. Его строение не похоже на знаменитые микенские мегароны, известные из других микенских дворцов. Находки включали несколько фрагментов большой фрески, изображающей процессию женщин, несущих приношения в руках, знаменитый сюжет микенских росписей. Здесь было также огромное количество керамики, включая знаменитые стремянные кувшины с надписями линейного письма Б. Здесь также были найдены украшения из золота и агата [5, с.40-45, 213-225; 6, с.23].

После Керамопулоса, в 1960-ых годах и далее греческие археологи продолжали работу по раскопкам дворца. К сожалению эти раскопки – в современном городе, поэтому они несколько разрозненны и не могут вестись широкими площадями и находятся в разных частях центра Фив.

Не все остатки стен в различных раскопках имеют туже самую ориентацию. К примеру, стены Дворца Кадма имеют ориентацию Северо-Восток – Юго-Запад. Ряд стен в других местах имеют ориентацию Север – Юг. Таким образом было выявлено как минимум два разных дворцовых строения. В таком случае встает вопрос были ли эти строения одновременными? Т.к. стены с ориентацией Север – Юг имеют другой тип кладки и находятся на другом уровне (выше), то предполагают, что новый дворец сменил старый. Соответственно теория следующая, что в Микенских Фивах было два наследующих друг другу дворца – Старый и Новый [6, с. 25].

Другая теория, однако, предполагает, что не было двух дворцов, но был единый крупный комплекс, который располагался на огромной территории акрополя, центральная часть которого имела ориентацию Север – Юг, тогда как периферийные сектора имели ориентацию как у Дворца Кадма.В этой связи должно отметить, что исследование стремянных кувшинов из «Дворца Кадма» поставило под вопрос более ранее разрушение «Дворца Кадма» в конце 14 в. до н.э. Если верить

Рэйсону, то «Дворец Кадма» гибнет примерно тогда же, когда помещение Сокровищницы (Новый дворец) – в LHIIIB1 [2, с. 698].

Современные раскопки показывают, что было как минимум три разрушения дворцового комплекса. Одно – в конце 14 в. до н.э., когда гибнет Дворец Кадма (как считает ряд исследователей [6, с. 25]), второе – или в середине 13 в. до н.э. или чуть позже (LH III B1 1300-1225), а третье, в конце LH IIIB2 (ок. 1225 – ок. 1190) [2, с.698].

Здания Кадмеи имели грубо обработанный известняковый цоколь шириной 1,10-1,70 м, сырцовую надстройку и плоскую или наклонную черепичную крышу. Многие здания Кадмеи определенно имели второй этаж. Полы обычно представляли собой прессованную землю или покрывались глиняной штукатуркой, однако иногда встречаются полы, покрытые каменной плиткой, известковой штукатуркой или сырцовым кирпичем. Помещения имели полки и скамьи, дренаж, очаги и печи, столешницы, помещения для хранения тары [2, с. 699].

Материалысовременных раскопок затрагиваютв первую очередь центральный дворцовый комплекс. Открыты мастерские, которые производили ювелирные изделия высочайшего уровня. О высоком уровне изобразительного искусства говорит фресковая живопись. Различные артефакты показывают широкую торговую активность, так расписанные стремянные кувшины, найденные в Каемее, привозили из Кидонии (Крит).

Характеризуя микенский период в Фивах нельзя не сказать о табличках с линейным письмом Б. Большая их часть (236 табличек) происходит из раскопок Кадмеи на улице Пелопида, что к западу от «Арсенала» (об «Арсенале» будет сказано ниже). В основном записи касаются распределения съестных припасов для религиозных празднеств. Кроме того, речь идет о количестве скота, шерсти, кожи, а также других материально-производственных запасов. Эти таблички происходят из LH IIIB1 контекста [2, с.701].

Похоже, что дворцовый комплекс в Фивах имел масштабнейший персонал. Так в Пилосе во дворце на основании архива с линейным письмом Б находились около 8 000 человек, в Фивах персонал должен был быть не меньше [3, с. 64-65]. Здания дворца на основе их местоположения, строений, собраний артефактов и табличек могли быть архивами, перераспределительными комнатами, офисами, жилыми комплексами, мастерскими, хранилищами. Все вместе – это политический и экономический, административный центр.

Перейдем к финальной части нашего экскурса и кратко представим исследование двух секторов, где в 2013-2014 гг. автор статьи принимал участие в раскопках. Первый сектор – «Сокровищница» – в 40 м к Юго – Западу от «Дворца Кадма», на углу улиц Пиндара и Антигоны. Данный секторбыл так назван т.к. здесь пол был усыпан драгоценностями из золота, ляпис – лазури и агата, объектами из слоновой кости и уникальными восточными цилиндрическими печатями.Всего здесь найдено 42 цилиндрические печати, 39 из ляпис – лазури и 3 из фаянса. Эти печати когда-то принадлежали восточным царям. В сокровищнице они лежали на полу, вероятно упав. Когда-то они хранились в деревянной коробке, которая сгорела. Цилиндрические печати Фив не были однородной коллекцией, а были разделены на малые группы, которые прибыли из разных стран Востока и принадлежали к разных хронологическим периодам. Здесь были довавилонские и вавилонские (2500-1700 гг. до н.э.), некоторые – Касситские-вавилонские (14-13 вв. до н.э.), другие митаннийские (15-14 гг. до н.э.), одна Хеттская (14 или 13 в. до н.э.) и несколько кипрских (15-13 вв. до н.э.). Сюжеты на печатях различны, и изображают восточных божеств, героев и демонов, а также другие мифические существа, священные деревья, фигуры жрецов. Никогда еще не находили одновременно такую большую группу сразу, даже на востоке. Похоже, что правители Фив были очень состоятельны и передавали из поколения в поколение такую коллекцию. Предполагают, что большинство печатей Фивы получили через Кипр, но касситская группа, похоже была даром касситско-вавилонского царя. Находка этих печатей в Фивах вызывает в памяти миф, согласно которому мифический основатель Фив – Кадм прибыл в Беотию с Востока [6, с. 52-53].

Что касается нынешних раскопок Сокровищницы, то сейчас глубина раскопа 6 м (2013 г). Копать действительно сложно, да и опасно и дорогостояще. Здесь найден пол помещения микенского времени покрытый остатками пожаров, мощность этого слоя 1 метр. В этом слое пожара, читается гибель дворца, найдена многочисленная керамики, всевозможные собрания

сосудов, для еды, для приготовления пищи (треножная посуда), однако найдена и более роскошная тонкостенная керамика: кубки, килики,скифосы, амфоры, алебастроны, а также два кратера. Количество керамики и другие изделия показывают, что это пространство было хранилищем как кухонной утвари, так и качественной посуды. Особенно важной находкой явился фрагмент микрографической настенной росписи, которая изображает охоту на оленей [1, с. 34]. Что касается других фресок, то они были найдены в 24 местах Кадмеи. В основном это розетки, спиральные волны, щиты в форме восьмерки, птицы, дельфины, сцены охоты, различные животные (собаки, козы), женские процессии (в двух случаях размером с человека) и др. [2, с. 700].

Второй сектор работ 2013-2014 г. – это часть здания, известного как «Арсенал», которое перекрывает Среднеэлладское кладбище на улице Пелопида. «Арсенал» назван так, потому что здесь было найдено бронзовое оружие наряду с предметами из слоновой кости и табличками линейного письма Б. В новых исследованиях в нескольких глубоких секциях, найдены микенские стены дворцового и постдворцового периодов. В двух слоях раскопок найдены керамические антропоморфные статуэтки типа ФИ и типа ПСИ, а также статуэтки, изображающие животных и лезвия из обсидиана. Судя по материалам раскопок данное место следует определить, как мастерская и хранилище. Во второй секции также найдены упомянутые два слоя где были стены и много керамики. В нижнем слое к тому же следы разрушения. Найдено много микенских с декорацией черепков, которые принадлежат в основном к LH II – LH IIIB1 периоду (1500 – 1225 гг. до н.э.). Среди интересных находок следует отметить декорированные объекты из слоновой кости, обсидиана, пирита и фрагменты штукатурки [1, с.36-37].

В целом, несмотря на сложности, обусловленные наличием современного города, раскопки Фив за более чем сотню лет принесли свои результаты, благодаря которым увеличились наши знания о микенском периоде в Фивах, Беотии, да и других регионах Материковой Греции. На наш взгляд, в настоящее время, учитывая комплекс археологическим свидетельств и интерпретаций, выглядит более реалистичным наличие единого дворцового комплекса в Фивах, который распространился на значительную часть Кадмеи. «Дворец Кадма», раскопанный Керамопулосом в данной интерпретации выглядит одним из зданий этого комплекса. Дальнейшая систематизация, а также передатирование материалов ранних раскопок в будущем определенно дополнит имеющиеся сведения и поможет установить более точную хронологию дворцового комплекса в Фивах.

Библиграфия

1. ΤΟ ΕΡΓΟΝ. ΤΙΣ ΑΡΧΑΙΛΟΓΙΚΗΣ ΕΤΑΙΡΕΙΑΣ ΚΑΤΑ ΤΟ 2013, - ΑΘΗΝΑΙ, 2014.
2. Dakouri-HildA. “Thebes.” In E.H. Cline (ed.), Oxford Handbook of the Bronze Age Aegean / Oxford University Press. Oxford, 2010, 690-711.
3. Aravantinos V. The Archaeological Museum of Thebes / John S. Latsis Public Benefit Foundation, Athens, 2010.
4. Fossey J.M. Topography and population of ancient Boiotia / Ares Publishers, INC., – Chicago, 1988.
5. Symeonoglou S. The Topography of Thebes from the Bronze Age to Modern Times / Princeton University Press. Princeton, New Jersey, 1985.
6. Demakopoulou K., Konsola D. Archaeological Museum of Thebes / General Direction of Antiquities and Restoration. Athens, 1981.

УДК 94 (477) +32.019

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИЕЙ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРОТИВ АВСТРО-ВЕНГРИИ В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Мосиенко А.В.
аспирант кафедры истории Украины,
Житомирский государственный университет имени Ивана Франко, Украина

Annotation. The article deals with the ideological confrontation between the Austro-Hungarian and Russian empires at the beginning of the First World War. On the basis of the propaganda implementation examples the importance of the war informational support that considers the religious, national, political peculiarities of the region where the military actions takes place is outlined.

Key words: The First World War, propaganda, ideology.

Информационная война, в отличие от войны в ее классическом понимании, ведется постоянно, зачастую она предваряет боевые действия, сопровождает их и не заканчивается с установлением мира. Эффект от информационного воздействия также сказывается не сразу и может иметь самые различные последствия для армии и населения. Задачи пропаганды, ее направленность определяются политической властью. И главной задачей становится оправдание начала боевых действий, обоснование справедливости войны. Изучение содержания пропаганды помогает по-новому осмыслить исторические события вековой давности. Исследование проблематики информационно-психологического воздействия в условиях Первой мировой войны началось сразу после окончания боевых действий. Причиной этого было чрезвычайно широкое применение агитации и пропаганды на всех фронтах, особенно на Западном и Итальянском. Исследования носили прикладной, практический характер. Первыми учеными, занимавшимися этими проблемами, были Г. Лассвелл, У. Липпман, П. Лазарсфельд и К. Ховланд [8, с. 130]. В отечественной историографии большинство работ, посвящённых изучению этого аспекта политики противоборствующих империй – Российской и Австро-Венгерской – лишь опосредованно касаются вопросов пропаганды и контрпропаганды во время войны. Но постепенно ситуация изменяется, ученые все больше внимания уделяют изучению содержания борьбы в информационном пространстве во время Первой мировой войны. Наиболее известным украинским ученым, изучающим информационные и психологические войны, является Г. Почепцов [8].

Датой рождения пропаганды считается 1633 год, это момент основания конгрегации пропаганды в качестве комитета кардиналов, отвечающий за иностранные миссии католической церкви, римским папой Урбаном VIII [8, с.92]. Ф. Тэйлор определяет пропаганду как использование коммуникации для передачи сообщений, предназначенных для удовлетворения интересов человека или групп людей, осуществляющих коммуникацию [8, с.93]. Пропаганда выступает инструментом ведения информационной войны.

Украинские исследователи выделяют 2 уровня информационной войны: стратегический и тактический. К стратегическому уровню относят акции внешней и внутренней политики. Это формирование негативного восприятия врага, поддержка дружественного отношения к союзникам и сохранение нейтральных или положительных отношений с невоюющими странами. Стратегическому уровню соответствует собственно пропаганда. Тактический уровень предусматривал осуществление воздействия на собственные и вражеские войска, информационное обеспечение действий собственных войск на занятой вражеской территории, формирование позитивного отношения местного населения и ведения контрпропаганды. Это осуществлялось информированием и агитацией [5, с.189].

Отечественные историки отмечают такую характерную особенность российской имперской системы в начале XX века: наличие мессианской идеи и управления общественным сознанием с помощью мифов и символов [7, с.89]. Имперские культуры строят модель собственного прошлого с целью легитимации себя. Такой моделью накануне Первой мировой войны стал постулат о

наследии Киевской Руси, принадлежащей Российской империи. Территориальным наследием России считались западные окраины, входившие в состав Руси в эпоху средневековья, в данном случае Червонная (Карпатская) Русь или Галиция. Борьба за Галицию началась еще в конце XIX века. Велась она как военными разведками, так и посредством установления контроля за настроения местного населения со стороны двух империй. Как показал пример 1914 года, информационные атаки разной интенсивности предшествовали военным.

Для экспансии в соседние территории использовалось культурно-религиозное влияние и усиление через него своего политического присутствия в регионе. Такое влияние было проще осуществить именно в Галиции и Буковине, учитывая религиозное и национальное «лицо» региона. Перед войной в России господствовало мнение, что греко-католики такие же православные, и поэтому после воссоединения этих территорий с империей состоится добровольное обращение населения в православную веру. Австро-Венгрия поддерживала украинское национальное движение, с перспективой распространения сепаратистских настроений в Юго-Западном крае Российской империи. Предвидел опасность украинского национального движения в Галиции еще накануне Первой мировой войны граф В. А. Бобринский, председатель «Галицко-русского благотворительного общества». Поддержка русофилов, пропаганда идеи воссоединения должна была воспрепятствовать проникновению идей украинского и польского сепаратизма на украинские и польские губернии Российской империи. Соответственно, российские деятели видели в пророссийской пропаганде в Галиции передовую линию обороны малороссийских губерний Российской империи [3, с. 42].

Средства создания идеологических сообщений не ограничивались лишь листовками и воззваниями. Средствами, несущими идеологическую нагрузку, могут быть архитектурные достопримечательности, театр, музыка, живопись, и, конечно же, религия [8, с. 97].

23 июля 1914 года, через месяц после убийства в Сараево наследника австрийского престола, сербскому правительству был вручен австро-венгерский ультиматум. Среди других положений в нем содержалось требование остановить вражескую Австро-Венгрии пропаганду в сербских печатных изданиях, закрыть общественные организации и освободить лиц, замеченных в антиавстрийской деятельности и пропаганде [1, с. 9]. Таким образом, еще до начала Великой войны правительственные круги и военные понимали значение информационной войны.

Сразу после объявления войны основной декларативной целью России стала защита Сербии от агрессии Австро-Венгрии. Впоследствии этот тезис трансформировался в идею освобождения малых народов. Лозунг «Свободу Карпатской Руси» звучал с самого начала войны. Исторически Галиция подразделялась на западную (с преобладанием польского населения) и восточную (здесь проживало украинское население – в соответствии с местной традицией, их называли русинами или руськими).

Военные и гражданские власти Российской империи, вступившие летом 1914 г. на территорию Галиции, стремились заручиться поддержкой, прежде всего поляков, раздавая неопределенные обещания создания польского государства. От имени Верховного главнокомандующего русской армией, великого князя Николая Николаевича, были издано воззвание к полякам от 1 августа 1914 г., в котором говорилось: «Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части Польский народ. Да воссоединится он воедино под скипетром русского царя. Под скипетром этим возродится Польша, свободная в своей вере, в языке, в самоуправлении» [4, с. 9]. 5 августа были выданы воззвания к русскому народу и народам Австро-Венгрии. Там были и такие строки «Да не будет больше подъяремной Руси. Достояние Владимира Святого, земля Ярослава Осмомысла, князей Даниила и Романа, сбросив иго, да водрузит стяг единой, великой, нераздельной России» [4, с. 11].

Российская исследовательница А. Ю. Бахтурина отмечает, что эти воззвания сместили акценты в идеологии войны. Начатая с декларируемой целью защиты Сербии и южных славян, идеология войны трансформировалась в идею сбора русских земель под скипетром Николая II [2, с. 34].

Религиозной формой пропаганды в генерал-губернаторстве Галиции (1914-1915 гг.) стало создание православных приходов на занятых русскими войсками территориях. Архимандрит

Почаевского монастыря, Виталий, распространял воззвания, в которых освобождал «галицийских братьев» от присяги на верность австрийскому императору [9, с. 89].

Информационная кампания осуществлялась специально созданными отделами. Можно проследить взаимодействие гражданских и военных институтов. Так, в российской армии была образована литературная редакция типографии Генерального штаба [5, с. 188]. В июле 1914 г. отдел военной цензуры при штабе русского Юго-Западного фронта для командного состава армий, вступающих на территорию Галиции, выпустил брошюру. Она содержала сведения о политических партиях Галиции и их отношение к России [9, с. 76].

Министерство иностранных дел Российской империи 11 августа 1914 г. рекомендовало с вступлением на территорию Австро-Венгрии распространять обращения, главным образом для успокоения населения, не содержащих никаких обязательств [3, с. 71]. В свою очередь, 6 августа в разговоре с немецким послом в Стокгольме канцлер Германии Бетман-Гольвег сформулировал лозунг войны на Восточном фронте – «освобождение угнетенных народов России». Позже, 11 августа он издал указание органам печати направить пропагандистскую деятельность «в пользу Польского и Украинского буферных государств» [2, с. 24].

Национальная политика империй особенно ярко проявлялась на пограничных территориях. Стратегия боевых действий была неразрывно связана с довоенной внешней и внутренней политикой Российской и Австро-Венгерской империй. На каждом фронте – Северо-Западном, Юго-Западном и Кавказском, российским государственным деятелям приходилось учитывать особенности этих территорий, населения и ситуации в регионе. Соответственно варьировалось и идеологическое обеспечение проводимых здесь действий. Такими особенностями на Юго-Западном фронте стали:

1. Довоенное убеждение в религиозном, культурном, ментальном единстве местного населения Галиции и Буковины с населением Российской империи;
2. Установка на «воссоединение» частей Древней Руси;
3. Существование польских и еврейской общин;
4. Необходимость контрпропаганды против австрийской агитации, украинского национального движения.

Позиции противоборствующих сторон раскрывались не только в государственных правительственных документах, но и в средствах информации, озвучивались военными, публицистами, общественно-политическими и религиозными деятелями. Идеологические функции в Российской империи в начале XX века выполняла религия, поскольку развитие науки и промышленности отставало от стран Западной Европы. Но во время войны религиозное трактование любых явлений постепенно заменялось политической или экономической аргументацией. С точки зрения идеологии, война оправдывалась Россией не только религиозными причинами – помощью православным сербам и воссоединением с единоверными русинами Галиции и Буковины. Исторической наукой еще перед войной была подготовлено общественная позиция, рассматривающая присоединение некоторых территорий соседней Австро-Венгрии как восстановление исторической справедливости. Российская империя позиционировалась как правопреемница Руси, соответственно инкорпорирование Галиции и Буковины расценивалось в качестве возвращения исконных исторических регионов. Тесно связанной с религиозной и исторической трактовкой причин и целей войны был национальный вопрос. Местное население воспринималось как русское, отделенное от единого русского народа историческими событиями. С политических соображений, существование приграничной территории, с которой велась австрийская пропагандистская кампания с целью отрыва национальной окраины от империи, было постоянной угрозой национальным интересам. Накануне войны угроза польского и украинского сепаратизма нейтрализовалась поддержкой русофильского движения в Австро-Венгрии. С началом боевых действий польский вопрос российская власть пыталась устранить обещаниями создания польского государства. Касательно украинского вопроса, российская контрпропаганда действовала в основном религиозными средствами, учитывая социальные и образовательные особенности русинского населения.

Библиография

1. Айрапетян М. Э., Кабанов П. Ф. Первая мировая империалистическая война 1914-1918 гг. М.: Просвещение, 1964, 206 с.
2. Бахтурина А. Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914-1917 гг.) М.: РОССПЭН, 2004, 388 с.
3. Бахтурина А. Ю. Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М.: АИРО-XX, 2000, 262 с.
4. Год войны с 19 июля 1914 г. по 19 июля 1915 г. Высочайшие манифесты и воззвание Верховного главнокомандующего. Пг., 1915, 588 с.
5. Куцька О. М. Воєнна пропаганда періоду Першої світової війни. В: Перша світова війна у військово-історичному вимірі (до 100-річчя події): Збірка матеріалів Міжнародного наукового форуму 26–28 червня 2014 р. Львів: АСВ, 2014, С.188-191
6. Лассуэл Г. Техника пропаганды в мировой войне. М.: Изд. ГИЗ, 1929. – 200 с.
7. Пасічник В. М. Російська імперська суспільна система: сутність, ознаки, та етапи розвитку (злам XIX – XX ст.) В: Перша світова війна у військово-історичному вимірі (до 100-річчя події): Збірка матеріалів Міжнародного наукового форуму 26–28 червня 2014 р. Львів: АСВ, 2014, С.89-91
8. Почепцов Г. Г. Информационные войны. Основы военно-коммуникативных исследований. М.: Рефл-бук, 2000, 213 с.
9. Ронге М. Разведка и контрразведка. М.: Воениздат НКО СССР, 1939, 244 с.

УДК:321.01(398.9)

К ВОПРОСУ О ФАКТОРАХ И ТЕНДЕНЦИЯХ ПОЛИТОГЕНЕЗА У СЕВЕРНЫХ ФРАКИЙЦЕВ

Папцова А.К.
доктор философии, старший преподаватель кафедры общественных дисциплин,
Комратский государственный университет
papcova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена некоторым аспектам политогенеза у северных фракийцев. К факторам политогенеза относится необходимость реагировать на вызовы окружения как природного, так и социального и использование возможностей, обеспечиваемых окружением. Большое значение имеют социокультурные трансформации обуславливающие необходимость усложнения механизма управления обществом.

Ключевые слова: северные фракийцы, политогенез, геты, даки, парадинасты

Annotation. The article considers the some aspects of politogenesis the Northern Thracians. The factors of politogenesis were not only the need to respond to the challenges of the environment, both natural and social, but also the use of the opportunities provided by the environment. Great importance were the social and cultural transformation causing the need for the complication of the mechanism of social control.

Key words: the Northern Thracians, politogenesis, the Getae, the Dacians

Проблема выявления факторов политогенеза у северных фракийцев имеет не только практическое, но и методологическое значение. Процесс политогенеза можно представить как процесс усложнения политической структуры того или иного древнего общества, ставший следствием широкого комплекса факторов – как внешних, так и внутренних. Л.Е.Куббель, характеризуя процесс политогенеза, говорит об институционализации власти, превращении ее в политическую, о выделении политической культуры в качестве специфической составной части культуры в целом [23, с.124] Одним из наиболее изученных вариантов развития этого процесса является создание государств. Однако, стоит согласиться с теми исследователями, которые, подобно Л.Е.Гринину, считают, что раннее государство являлось не единственной формой

политической организации усложнившихся обществ. Были и иные типы политий, которые длительное время составляли достаточную альтернативу раннему государству [14, с.10]. Тем не менее, именно ранние государства долгое время были в центре внимания исследователей. Действительно, эта форма политической организации общества, доказав, свою эффективность, постепенно стала практически единственной. Однако, даже в современности возможна ситуация, когда в реальной политической жизни государства, обладающего полным комплектом демократических правовых норм, действуют вполне архаические практики. Значение подобных практик возрастает в условиях радикальных политических и экономических трансформаций, когда именно они способствуют построению порядка из хаоса.

Вместе с тем, изучение подобных практик осуществлялось прежде всего в рамках политической антропологии, или в терминологии Л.Е.Куббеля, потестарно-политической этнографии. Н.Н. Крадин, определяя цель политической антропологии как выявление особенностей политической организации в исторической динамике [20, с.14] указывает на различие в подходах к ее изучению истории, археологии, этнографии и отдает преимущество методам этнографии [20, с.20]. Действительно, феномен власти универсален, и хотя источники ее и методы ее осуществления переживает трансформацию, сам он проявляет устойчивость, будучи, по удачному определению Н.Н.Крадина, важной регулирующей константой функционирования любого социального организма [20, с. 89]. На разных этапах социокультурных трансформаций архаические структуры и механизмы реализации власти вновь и вновь актуализируются. Проявлением этого является и роль афинской аристократии в демократических преобразованиях и династические браки как гарантии международных договоров и способ легитимизации власти и притязаний на нее и сакрализации правителя в тоталитарных государствах. Анализ этих реликтов архаичных структур и практик помогает понять как работал механизм управления, в том числе в периоды кризиса и трансформаций. Но выявление причин возникновения государства в ту или иную историческую эпоху, в том или ином социуме требует установления набора объективных и субъективных факторов, приводящего в движение механизм политогенеза. И это обстоятельство предопределяет обращение к истории и археологии, к разного рода источникам и методикам источниковедческого анализа. Но это ставит проблему интерпретации источников, извлечения информации, нужной для осмысления процесса политогенеза.

Попытки найти корреляцию между артефактами, социальными явлениями, индикаторами которых они являются и уровнем развития того или иного общества неоднократно предпринимались историками и антропологами. Однако чаще всего исследователи, вслед за А.Фергюсоном, пытались обосновать выделение уровня, называемого цивилизацией. В.Г.Чайльд указывает десять археологических критериев сложно организованного общества - цивилизации. Среди них и археологические памятники, такие как, например, монументальные, культовые, дворцовые и общественные сооружения, а также явления, наличие которых можно подтвердить посредством археологических источников, такие как наличие резкой социальной стратификации, образование государства и т.д. Дж.Мердок и К.Провост также выбрали десять признаков, к числу которых отнесли письменность, оседлость, земледелие, урбанизацию, технологическую специализацию, транспорт, деньги, плотность населения, политическую иерархию и социальную стратификацию и ввели шкалу для оценки переменных для рассматриваемых ими 186 обществ. Н.Н.Крадин, анализируя эти попытки, приводит свою систему археологических критериев обществ высшей сложности. Он относит к ним развитую (не менее чем трехуровневую) классовую структуру, постоянную оседлость, земледельческое хозяйство как основу экономики, обработку и использование металлов (например, для престижного потребления) [19, с.196] Наличие указанных критериев сложно доказывать, опираясь лишь на археологические источники. В целом, такого рода характеристики относятся к тем обществам, в которых процесс политогенеза уже привел к созданию государства.

Важнее определить категории данных, отличающих культуры, где уровень развития предполагает необходимость усложнения системы управления, что активизирует процесс политогенеза. Ю.Е.Березкин относит к ним крупные общественно-культовые сооружения; наличие изделий, производство или доставка которых объективно дороги, а утилитарная полезность не оправдывает затраченного труда; сокровища в захоронениях, кладах и

жертвенниках; крупные поселения; иерархия поселений по размеру и различия между ними в типах сооружений [9, с.193-194].

Общая схема процесса политогенеза включает создание определенного набора обстоятельств, создающих возможности интенсификации социально-экономической жизни и обстоятельств, требующих оптимизации системы управления. К числу последних могут быть отнесены как внешние факторы (военные конфликты и угроза их возникновения и т.д.), так и внутренние (острота противоречий, вызванных социальной стратификацией). Сочетание обстоятельств индивидуализирует механизм институционализации власти в процессе политогенеза, но возможно выявление наиболее типов с повторяющимися элементами. В частности, Л.Е.Куббель выделяет три возможных пути политогенеза: военный, аристократический и плутократический, хотя и отмечает, что они редко встречаются в чистом виде, а являются преобладающей тенденцией развития [23, с.135].

Сохранение позиций выделившейся в результате социокультурных трансформаций верховной власти может быть обеспечено разными способами. Т. Далтрой и Т. Эрл выделили два типа экономических рычагов: обеспечение лояльности местных элит путем создания условий для престижного потребления и удовлетворение основных потребностей населения в продуктах массового потребления.

Но лояльность элите не может быть обеспечена только прагматическими, рациональными способами. Ю.Е.Березкин придает особое значение контролю над тайным знанием, воплощенным в текстах и ритуальных практиках. Ценность этих знаний условна, но до тех пор пока общество ее признает, люди сохраняют лояльность определенной элите.

В этой связи особое значение приобретает эллинская версия о возникновении культа Залмоксиса, приведенная Геродотом: «Салмоксис (Залмоксис) познакомился с ионийским образом жизни и обычаями, более утонченными, чем фракийские, так как ему пришлось общаться с величайшим эллинским мудрецом Пифагором. Салмоксис велел устроить обеденный покой для мужчин, куда приглашал на угощение знатнейших горожан. При этом он доказывал друзьям, что ни сам он, ни они — его гости и даже их отдаленные потомки никогда не умрут, но перейдут в такую обитель, где их ожидает вечная жизнь и блаженство. Между тем, устраивая упомянутые угощения с такими речами, Салмоксис велел соорудить для себя подземный покой. Когда этот покой был готов, Салмоксис исчез из среды фракийцев, спустился в подземелье и там жил три года. Фракийцы же страстно тосковали по нем и оплакивали как умершего. На четвертый год, однако, Салмоксис вновь явился фракийцам, и те, таким образом, уверовали в его учение» (История, IV, 95)[1, с.211]. Если задача элиты состоит в том, чтобы регулярно убеждать общество в своей уникальной способности контролировать сакральные тексты и ритуалы, то Геродот описал конкретный способ ее реализации.

Религиозные аспекты свидетельства Геродота рассмотрены многими авторами, в частности М.Элиаде, который посвятил ему особый труд а также множество глав в других сочинениях. М.Элиаде отмечает, что сведения Геродота указывают на мифо-ритуальный сценарий «умирания» (сокрытия) и «возвращения на землю»(эпифании) и подчеркивает сближение культа, установленного Залмоксисом, с греческими и эллинистическими мистериями[32, с.151]. Комментируя описанный Геродотом ритуал отправления гонца к Залмоксису, когда избранного по жребию человека подбрасывали, подставляя снизу копья (История, IV, 94) [1, с.21], М.Элиаде указывает, что жертвоприношение и посылка гонца представляли собой в некотором роде символическое (либо ритуальное) повторение установления культа; вновь совершалась эпифания Залмоксиса после трехгодичного пребывания под землей – со всем, что она несла: с подтверждением веры в бессмертие и блаженство душ [32, с.151]. Важно то, что если задача элиты состоит в том, чтобы регулярно убеждать общество в своей уникальной способности контролировать сакральные тексты и ритуалы, то Геродот подчеркивает активность гетской элиты в конструировании такого знания. Подтверждение наличия такой тенденции можно найти посредством анализа и других культурных объектов. В частности, отражение структурных изменений во фракийских сообществах исследователи пытаются увидеть в образцах изобразительного искусства, находя в них свидетельство того, что общая мифология фракийских

племен быстро трансформировалась в идеологическую доктрину, назначение которой состояло в легитимации царской власти [27, с.19].

Особый уровень знания, полученного Залмоксисом как от Пифагора, так и от египтян в ходе путешествия отмечает Страбон (География, VII, 3, 5) [5, с.272-273]. Роль Залмоксиса меняется. Как указывает М.Элиаде, происходит отождествление бога Залмоксиса и его верховного жреца, причем последний отныне обожествлен под тем же именем, мистериальный характер культа не сохраняется [32, с.152].

Интересно то, что подчеркивание осведомленности Залмоксиса в философии будет значимым и для последующей эпохи, когда Иордан, возводя происхождение готов к гетам, по существу отождествляя готов и гетов, особо отметит их культурный уровень, указав, что «среди всех варваров готы всегда были едва ли не самыми образованными, чуть ли не равными гетам» (Getica, 40) [2, с.68].

Важным индикатором и фактором развития является переход к металлургии железа в Балкано-Дунайском регионе и в Днестровско-Карпатских землях. Культуры раннего железа в Венгрии, Румынии и Болгарии обнаруживают влияние культур Северного Кавказа и Кубани. Археологический материал, столь значимый для анализа политогенеза у северных фракийцев, в конце XX века был систематизирован и интерпретирован, важнейший вклад был внесен И.Т.Никулицэ и Д.Берчу.

В Румынии культура раннего железа VII в. до н. э. получила название "фракийского гальштата" в связи со своеобразием развития фракийских областей в раннем железе. Одной из наиболее известных культур фракийского гальштата является культура басарабь (на юго-западе Олтении у с. Басарабь). Формирование гальштатских культур началось сразу в трех регионах: Добрудже, Юго-Западной Румынии и в Северо-Восточной Венгрии [27, с.126]. На юго-западе Олтении около VII-V вв. существовали культуры, связываемые с иллирийцами. Во второй половине VI в. - начале V в. до н.э. в Молдове и Северной Олтении существовала культура Бырсешти-Фериджиле, отмеченная иллирийским и скифским влиянием [10, с.147]. И.В.Бруяко отмечает «практически полное сходство ряда керамических форм из поселений и могильников Добруджи с комплексом Фериджиле-Бырсешти» [11, с.205]. Но если М.Е.Ткачук полагает, что образование болгарской группы памятников – следствие продвижения в регион населения Фериджиле-Бырсешти, то И.В.Бруяко считает обе области самостоятельными в той своей роли, «которую они играли в процессе трансформации фракийской культуры на стыке эпох среднего и позднего гальштата» [11, с.207].

Формирование фракийской общности, в процессе которой название одного племени распространилось на остальные родственные племена, завершилось не ранее VIII века до н.э.[26, с.3] Вопрос об их количестве и расположении являлся предметом дискуссий. В.Томашек указывает 86 племен, другие исследователи доводят их количество до сотни. Территориальные различия, в том числе проявившиеся в путях и результатах процесса политогенеза обусловили выделение южных и северных фракийцев. К северным фракийцам относят племена, проживавшие между Старой Планиной и Днестром. Тисой и Черным морем [26, с.3]. И.Т.Никулицэ, вслед за Д.Берчу разделяет территорию северофракийского мира на 4 зоны: Истро-Понтийскую,северную и центральную части Молдовы, Трансильванию, Банат [26, с.5]. На протяжении всего времени существования фракийский ареал переживал сложные трансформации. Это в особенности касается Карпато-Днестровских земель. И.В.Бруяко так формулирует предмет дискуссий: «Этно-(культурно-)генетическая ритмика фракийского массива видится либо в виде территориально-хронологической (эволюционной) преемственности (теория «континуитета»), либо в виде той же преемственности, но уже дискретной» [12, с.245]. А.Н.Левинский видит причину устойчивости концепции о раннем появлении гетов в лесостепной части Днестровско-Прутского междуречья и о формировании их материальной культуры в авторитете В.Пырвана, сформулировавшего ее еще в 20-е годы XX века [24, с.255]. Поддерживая критические замечания в адрес этой концепции И.В.Бруяко и приводя свои замечания относительно выводов В.Л.Лапушняна, М.Т.Кашубы, В.П.Хахеу, О.Г.Левицкого, Т.Арнаута и других сторонников концепции континуитета А.Н.Левинский поддерживает точку зрения М.Е.Ткачука, согласно которой процесс генезиса и кристаллизации культуры исторических гетов происходил в районе Южной Добруджи [24, с.261].

Выводы М.Е.Ткачука, в свою очередь, подверг резкой критике И.Т.Никулицэ. А.Н.Левинский смело связывает причины появления гетов в молдавской лесостепи с походом Дария [24, с.262-263].

Стоит отметить, что вопрос о трансляции культурных форм чрезвычайно сложен и не сводим к вопросу об этногенетической связи между носителями тех или иных культур. В частности, независимо от происхождения жителей того или иного полиса (дорийцы, ионийцы, эолийцы, ахейцы), для культуры Эллады была важна связь с создателями Микенской цивилизации. Создатели Критской (Минойской) цивилизации не были греками. Стоит особо отметить, что о прямом наследии не приходится говорить даже в отношении именно культурных явлений, в частности письменность создается заново. Однако, при указании на различия между Микенской и античной цивилизациями, и при учете конкретных исторических реалий, возможность включения «крито-микенского этапа» или «крито-ахейского этапа» в периодизацию истории Древней Греции не оспаривается. В этой связи концепция континуитета обретает новое прочтение, при уточнении того о какой именно преемственности идет речь.

Именно в свете осознания значимости трансляции культурного опыта для понимания процесса политогенеза у северных фракийцев необходимо рассмотреть процесс возникновения государства у южных фракийцев, изученный многими исследователями, в частности, Х.Дановым, А. Фолом[29], Т.Д. Златковской [17].

Стоит учесть и то обстоятельство, что население обширного припонтийского (причерноморского) региона в раннем железном веке было крайне пестрым по своему этническому состав, в силу чего Цицерон говорит о том, что побережье Греции «кажется как бы пришитым к землям варваров» (О государстве, II, 4, 9) [7, с.36]. Этому способствовали большие перемещения племен, войны. Влияние культур средиземноморского мира стало более непосредственным, возросли культурные и торговые связи племенного мира Европы с Грецией и Италией.

Важны были и разнообразные контакты внутри племенного мира Европы. А.И.Мелюкова рассмотрела связи фракийского мира со скифским, а С.М.Крыкин – с античным Северным Причерноморьем. В начале XXI века различные аспекты культурного взаимодействия скифов и фракийцев были рассмотрены И.В.Бруяко.

Как южно-, так и северофракийские племена испытывали заметные культурные и политические влияния со стороны иллирийцев с юго-запада и киммерийцев, а затем скифов с северо-востока. Особенно сильное воздействие на фракийскую культуру оказали греки.

Интенсивность культурных влияний была обусловлена обстановкой в регионе. В VIII-VI вв.до н.э. разворачивается Великая греческая колонизация, результатом которой стало появление греческих колоний в Северном Причерноморье в VII-VI вв.до н.э. Это обстоятельство сказалось на ускорении процессов политогенеза, хотя непосредственный результат в виде создания государства имел место лишь в Боспоре Киммерийском в V в до н.э. греческом государстве с «местным элементом» (содержание которого менялось со временем).

Но влияние эллинского мира этим не исчерпывалось. Практически сразу после появления первых греческих колонистов начинается интенсивный процесс взаимодействия и взаимопроникновения культур, возникают поселения со смешанным населением, появляются синкретические формы искусства, в которых комбинируются декоративные элементы различного происхождения и т. д.

Подобно более ранней финикийской колонизации, греческая способствовала проникновению урбанизма и товарно-денежных отношений.

Политическую ситуацию в Западном и Северном Причерноморье изменил скифский поход Дария I. В конце VI в. до н.э. (датировки колеблются от 519 до 512 г.) войско персидского царя, перейдя Босфор по наведенному мосту, вторглось на территорию фракийских племен [18, с.376]. Пройдя через Фракию и подчинив при этом ряд местных племен, из которых лишь геты оказали персам упорное сопротивление, царь подошел к Истру и по понтонному мосту, построенному греком Мандроклом, переправился на левый берег Дуная. События скифского похода изложены Геродотом (История, IV, 83-142) [1, с.208-222]. Согласно Страбону (География,VII, 3, 14) [5, с.279], войско персов дошло до Гетской пустыни (совр. Буджакская степь) и вынуждено было

повернуть назад, едва не погибнув от нехватки воды и продовольствия. Геродот сообщает, что войско Дария, пройдя через северочерноморские степи, за 30 дней достигло побережья Меотиды (Азовское море).

Хотя скифский поход Дария не имел успеха, но способствовал активизации процесса политогенеза у фракийцев и скифов. Часть Южной Фракии оказалась под властью персов. Это способствовало становлению государственности у фракийцев. В ходе борьбы с персидской агрессией консолидировалось Скифское царство. Оно само перешло в конце VI в. до н.э. к экспансии: сначала объектом стали лесостепные земледельческие племена, затем фракийцы. Геродот (История, VI, 40) [1, с.285] упоминает об их походе в 496 г. до н.э. через всю Фракию вплоть до Херсонеса Фракийского. Фрако-скифская конфронтация в еще большей степени активизировала процесс политогенеза: в начале V в. до н.э. сложилось единое Фракийское царство во главе с племенем одрисов. Важно то, что как подчеркивает Т.Д.Златковская, это государственное образование сложилось до включения фракийского общества в «сферу глубокого социального и политического влияния греческой цивилизации» [17, с.4]. По свидетельству Фукидида (История, II, 95-97) [8, с.125-126], одрисы подчинили большинство фракийских племен, а также установили протекторат над греческими полисами фракийского побережья, включая и города Левого (Западного) Понта. Те и другие, по крайней мере, начиная с царя Ситалка, а может быть, еще его отца Тереса, обязаны были платить одрисским правителям дань, достигшую при преемнике Ситалка Севте I огромной суммы - 400 талантов ежегодно; на такую же сумму они получали даров в виде изделий из драгоценных металлов, а сверх того - подношения из дорогих и простых тканей и т. п. [17, с.378]. Эта подать распределялась между царем и парадинастами. Включенные в состав Одрисского царства северные фракийцы из Истро-Понтийской зоны подверглись столь мощному культурному влиянию, что И.Т. Никулицэ говорит о слиянии племен [26, с.5].

Важной вехой в истории Причерноморья стал рубеж V-IV вв. до н.э. Это время, когда Одрисское царство вступает в затяжную полосу политического кризиса и династической борьбы, первые симптомы которых дали о себе знать уже в конце V в.

Политическая ситуация в Дунайско-Балканском регионе коренным образом меняется около сер.IV до н.э., когда в условиях кризиса полисной системы в Греции происходит возвышение Македонии.

Падение Одрисского царства позволило македонянам захватить власть в регионе и выступить в роли его преемников. Александр Македонский придя к власти, предпочел упрочению позиций в регионе создание огромной державы с центром на Востоке. Однако порядок на северных границах навел и создал достаточно гибкую систему, где племена Нижнего Подунавья, в том числе геты, став вассалами македонского царя, обрели автономию.

Держава достаточно быстро распалась на эллинистические государства и борьба диадохов создала благоприятные условия для оживления процесса государственных образований на ее окраинах.

Именно этот набор обстоятельств - восприятие культурных форм и возможность их самостоятельной реализации в условиях ослабления внешнего давления представляется достаточно благоприятным для активизации процесса политогенеза.

Идет процесс укрепление власти правителей мелких государственных образований, сопровождаемый имущественным расслоением, о котором свидетельствуют захоронения с богатым погребальным инвентарем, характерные для IV - начала III в. до н.э.

В этот период, когда преимущества разнообразного взаимодействия с экономическими развитыми греческими городами, а также внутренние процессы, стали фактором социокульурного и политического развития, для активизации процесса политогенеза важна была благоприятная внешняя обстановка.

В условиях полицентризма политическая консолидация занимает много времени и, например, грекам, достаточно долго преодолевавшим ее посредством создания разных форм союзов (амфиктионий, симмахий) так и не удалось это сделать окончательно. У фракийцев же времени было немного, поскольку в это самое время начинается вторжение кельтов. Кельты проникли с Запада и осели в Трансильвании, Олтении и Буковине.

Тем не менее, применительно к первой половине III в. до н. э. можно говорить о существовании во Фракии небольших государственных образований, которые во многом еще сохраняли черты племенных союзов. В III в. до н. э. у задунайских гетов возникло объединение племен под главенством царя Дромихета. Дромихет в 292 г. до н. э. захватил в плен выступившего против восставших гетов Лисимаха, сподвижника и полководца Александра Македонского, но затем отпустил его. В окрестностях Аполлонии Понтийской находилось небольшое государство Котиса, а недалеко от Месембрии - Одрисское царство Садала. До вторжения кельтов фракийские племена были разобщены. Каждому фракийскому племенному вождю хотелось предстать в глазах соплеменников и греков наиболее могущественным, и, как сказал об этом Полибий «навсегда избавиться от войны они не могут, так как во Фракии много народов и владык» (Полибий, IV, 45, 46) [3, с.312].

Господство кельтов нарушало традиционные связи фракийской знати с греческими полисами и не прошло бесследно для фракийцев региона: благосостояние отдельных племен ухудшилось, внутренние районы страны оказались отрезанными от моря, что вызвало изменение торговых путей. Последнее сказалось на положении племенной знати, доходы которой сократились [18, с.517].

Борьба с кельтами стимулировала консолидацию сил фракийцев. И если бы не существовало других сильных внешних центров, то это могло бы стать важным фактором создания мощного государства. Однако такие центры были. Прежде всего, это относится к эллинистическим государствам Македонии и государству Селевкидов.

К концу III в. до н.э. в ситуацию в регионе активно вмешивается Рим. Римляне прежде всего стремятся разгромить македонян, но действуют в соответствии со своей стратегией «разделяй и властвуй», создавая антимакедонские коалиции, что некоторое время пытались использовать селевкидские правители.

Когда в перерыве между Второй и Третьей Македонской войной, римляне разбивают государство Селевкидов, это несколько усиливает македонян. Однако очень быстро самостоятельной политике македонян приходит конец: решающим этапом римских войн на Балканах явилась III Македонская война (171-167 гг. до н.э.) с царем Персеем, но после нескольких лет войны он был разбит, Македония потеряла самостоятельность.

Активное продвижение римлян в области Нижнего Дуная начинается в I в. до н. э [17, с.511].

Отчасти это было связано с внешнеполитическими событиями на Понте и в Восточном Средиземноморье в I в. до н. э. Союз греческих городов Западного Понта с понтийским царем Митридатом VI Евпатором против Рима и помощь, оказанная ему бастарнами и сарматами, дали Риму повод вторгнуться в земли фракийских племен. Наместник Македонии Марк Лициний Лукулл разбил в 72 г. до н. э. фракийское племя бессов и некоторые другие племена Добруджи. Он дошел до Дуная и захватил все греческие города на Западном Понте, которые перешли под контроль Рима. Произвол наместника Македонии Гая Антония Гибриды вызвал в 62 г. до н. э. возмущение северобалканских племен против римлян. В этот союз вошли геты и бастарны.

В I в.до н.э. Рим раздирают гражданские войны, некоторое время острие их атак направлено на Северо-Запад и на время процесс политогенеза у фракийцев активизируется.

В истории племен на Нижнем Дунае большую роль начинают играть в I в. до н. э. племена даков. Даки достигли довольно высокого уровня своего общественного развития, имели торговые контакты с греческим и римским рабовладельческим миром.

В правление возглавившего союз родственных племен гета Буребисты, последовали войны с бойями и теврисками. Походы Буребисты стали внушать опасения римлянам. Буребиста выступил также против греческих городов Западного Понта. Но он не мог не понимать, что пределы его могущества будут определены римлянами, если огонь гражданской войны в Риме будет потушен и Буребиста шлет гонца к противнику Цезаря, Помпею, который тогда, в 48 г. до н. э., находился с огромной римской армией у Диррахия (совр. Дурацо). Но еще до укрепления власти будущего императора Августа, вскоре после смерти Цезаря (44 г. до н. э.) Буребиста был убит своими соплеменниками.

Новое продвижение римлян в области Нижнего Дуная последовало при Августе в 29-27 гг. до н. э., когда Марк Лициний Красс разбил бастарнов, перешедших по льду Дунай, а также фракийские племена мезов и сердов. Продвижение римлян из Македонии на север привело к тому, что были завоеваны области между Балканским хребтом и Дунаем.

Завоевание альпийских земель на Верхнем Дунае при Августе в 16-15 гг. до н. э., Иллирийская война 35-33 гг. до н. э. и война против паннонских племен в 12-9 гг. до н. э. завершили присоединение к Риму огромной территории. Как клиентское и зависимое от Рима государство осталась существовать Фракия. Римское господство здесь было установлено в 46 г. при Клавдии. Под власть Рима перешли обширные земли на Дунае, населенные кельтскими, иллирийскими и фракийскими племенами. Все эти области были преобразованы в римские провинции. Эти провинции играли большую роль в военном отношении: они лежали на дунайской границе, за которой обитало множество племен, враждебных Риму.

Усилиями Августа и Агриппы на северо-восточных рубежах Империи и вдоль ее восточных границ вассальные государства Понт, Боспор, Каппадокия, Иудея, Галатия, Набатея стали превращаться в защитников римских границ. В систему зависимых государств прочно вписалась и Фракия, которая должна была предохранять империю от вторжений с севера. Оплот римской политики против германцев, кельтов, сарматов и других варварских народов - Фракийское государство рассматривалось Августом и как плацдарм для действий против главного соперника римлян на востоке - Парфии.

Во Фракии на рубеже нашей эры происходило постепенное упразднение коллективной племенной собственности на землю и усиление царской земельной собственности. Для Фракии конца I в. до н. э. характерно постепенное упразднение традиционного фракийского института парадинастов, что должно указывать на укрепление позиций царя как единодержавного властителя, верховного собственника земли в государстве. На смену парадинастам пришли стратеги - наместники царя, следившие за поступлением налогов в казну; увеличился контингент "друзей царя", получавших в управление большие наделы царской земли.

Уже в середине I в. до н. э. стратегии перестали олицетворять собой племенной принцип деления страны, как это было ранее, хотя в названиях своих он сохранился. Ряд надписей показывает, что в начале I в. н. э. во главе двух-трех стратегий стоял, как правило, один человек, особо доверенное лицо царя, выбиравшееся из числа его ближайших друзей (часто даже нефракийского происхождения) или верхушки знати. Однако объединение в одном государстве способствовало скорейшему втягиванию отсталых областей в товарно-денежные отношения, установлению контактов с римскими и греческими центрами. Эллинистическая система стратегий столь прочно вошла в жизнь Фракии, что даже после установления там римского господства новые власти не решились изменить что-либо в этой структуре, оставив ее в прежнем виде вплоть до времени Траяна и Адриана. Все это подтверждает, что на рубеже н. э. Фракийское царство с помощью и в интересах Рима постепенно превращалось в единое государство. Но римляне оказались почти полными ее хозяевами. Сложившаяся ситуация привела в 21 г. н. э. к восстанию фракийских племен, недовольных засильем римских ставленников. Тацит, описывая восстания указывает причину его поражения: «и вот взялись за оружие сильные племена келалетов, одрисов и диев, каждое во главе со своими вождями, среди которых ни один не превосходил остальных известностью и влиятельностью, что и было причиною, почему они не смогли сплотиться и повести войну крупными силами» (Анналы, III, 38) [4, с.120]. В конечном итоге, римляне перешли к прямому правлению. В 46 г. н. э. последний царь сапейской династии Реметалк III, был убит в результате заговора, а Фракия объявлена римской провинцией. Показательно то, что он был римлянин по духу, воспитывался вместе с императором Калигулой.

Рим постепенно захватывал земли Причерноморья и в I веке, при Августе Дунай стал границей империи. За Дунаем обладало множество племен, но наибольшую опасность для Рима представляло объединение даков под властью Децебала [18, с.606]. Война с даками была вопросом времени. Но сразу покорить даков не удалось и последовала серия войн. При Домициане они не были для римлян успешными. Война 86-89 годов закончилась на выгодных для даков условиях. Но в правление Траяна завоевание Дакии было доведено до конца. Децебал был вынужден покончить жизнь самоубийством [18, с.608].

Таким образом, процесс самостоятельный процесс политогенеза был прерван. Однако, создание римской провинции Дакия имело важное значение для политического, культурного экономического развития региона. В дальнейшем, именно этот опыт государственности будет воспринят как значимый, что отразится в названии страны Румыния.

Как показывает анализ политической истории региона, близость культурных и экономических центров разнопланово влияла на фракийцев. Торговые и культурные связи с греками, скифами, кельтами развивались на фоне борьбы за власть в регионе. Вместе с тем сами эти торговые и культурные связи способствовали социальной стратификации во фракийских обществах, активизируя процесс политогенеза. Это особенно заметно в связи с тем, что как только в регионе происходила смена гегемона, когда прежние лидеры втеснялись, а новые еще не обретали достаточной власти, предпринимались попытки создания собственных государственных образований.

В первом тысячелетии до н.э. сложились предпосылки для активизации процесса политогенеза у фракийцев: развитое земледелие и ремесло, использование металлов, включая железо, увеличение количества укрепленных поселений. Внутренние факторы дополнялись внешними – помимо культурных, экономических и иных следствий контактов с соседями, значение имели военные конфликты и опыт вассальных отношений с сильными соседями.

О важном процессе религиозной легитимации образующихся властных структур свидетельствуют изменения в религиозной сфере. Благодаря сведениям Геродота о Залмоксисе можно видеть один из первых образцов активности элиты в идеологической сфере, каким многозначным бы ни было толкование этого фрагмента.

Как и можно было бы предположить, активность процесса политогенеза зависит от близости центров культурного влияния. Доказательством этому является тот факт, что у южных фракийцев государственные образования появляется раньше, чем у северных фракийцев. Однако именно северные фракийцы создают государство, воспринимающееся как альтернативное, «самобытное» в раннем средневековье, о чем свидетельствует попытка Иордана возвести готов к гетам, для того, чтобы, таким образом, удревнить готскую историю.

Благоприятная внешнеполитическая обстановка позволяла воспользоваться обстоятельствами, примером чему может служить государство Буребисты. Однако, столкновение с сильной государственной машиной Рима было слишком сильным испытанием.

Не существует прямой преемственности между возникавшими на протяжении половины тысячелетия государственными образованиями фракийцев. Но их появление было частью политических трансформаций фракийского общества.

Библиография

1. Геродот.История В пер.Г.А.Стратановского.Ленинград:«Наука», 1972, 600 с.
2. Иордан.О происхождении и деяниях гетов. «Гетика».Пер.Е.Ч.Скржинской.СПб: «Алетейя», 2000, 512 с.
3. Полибий.Всеобщая история.Пер. с древнегр.Ф.Мищенко.Т.1.Москва:АСТ Мидгард, 2004,765 с.
4. Публий Корнелий Тацит.Анналы.Малые произведения.Москва:Астрель, 2010, 516 с.
5. Страбон.География.В пер.Г.А.Стратановского.Ленинград: «Наука», 1964, 944 с.
6. Тит Ливий.История Рима от основании города.Т.3.Москва: «Наука», 1993, 770 с.
7. Цицерон.Диалоги.Москва: «Наука», 1966, 224 с.
8. Фукидид.История.В пер.Г.А.Стратановского.Москва: «Наука»,1981, 543 с.
9. Березкин Ю.Е.Варианты политогенеза в догосударственную эпоху и подходы к их изучению. В: Антропологический форум, 2014, №20, с.187-217.
10. Берчу Д. Даки. Древний народ Карпат и Дуная. Москва, 2008,192 с.
11. Бруяко И.В.Ранние кочевники в Европе X-V вв.до Р.Х. Кишинев, 2005, 358 с.
12. Бруяко И.В.Исторические судьбы фракийцев Карпато-Днестровских земель. В:Скифия, Фракия и эллинский мир.Stratum +, 2003-2004, №3, с.245-254
13. Венедиков И. Фракийский мотив в искусстве скифов. В: Studia Thracica I София, 1975, С.103-11
14. Гринин Л.Е.Государство и исторический процесс: Эволюция государственности: от раннего государства к зрелому.М: Книжный дом «Либроком», 368 с.

15. Гончева Г.О фракийцах нынешних Украины. Молдовы, Добруджи и Северо-Восточной Болгарии в X-VI вв до н.э. В: Studia Thracica I ,София, 1975 с.28-53
16. Данов Х.Траки. София, 1982,182 с.
17. Златковская Т.Д.Возникновение государства у фракийцев VII-V века до н.э. Москва: «Наука», 1971, 268 с.
18. История Европы Т.1.Москва «Наука», 1988.
19. Крадин Н.Н. Археологические признаки цивилизации. В: Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Под ред. Л.Е.Гринина, Д.М.Бондаренко, Н.Н.Крадина и А.В.Коротаева. Волгоград: Учитель, 2006, с.184-211.
20. Крадин Н.Н.Политическая антропология. Москва: Логос, 2004, 272 с.
21. Крыкин С.М. Фракийцы в античном Северном Причерноморье. Москва: Прометей,1993, 332 с.
22. Колосовская Ю.К.Римляне и мир племен на Дунае.I-IV вв.Москва. «Наука»,2000, 288 с.
23. Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. Москва: Восточная литература. 1988, 271 с.
24. Левинский А.Н.Два подхода к решению вопроса о появлении гетов в Молдавской лесостепи. В:Скифия, Фракия и эллинский мир.Stratum +, 2003-2004, №3, с.255-264
25. Мелюкова А.И.Скифия и фракийский мир.Москва: «Наука», 1979, 256 с.
26. Никулицэ И.Т.Северные фракийцы в VI –I веке до н.э. Кишинев: Штиинца, 1987
27. Поп И.А., Болован И.История Румынии. Москва: Весь мир, 2005, 680 с.
28. Тодорова Х., Йорданов К., Велков В., Торбатов С.История на Добруджа.Велико Тырново: Фабер, 2011, 412 с.
29. Фол А.История на българските земи в древноста до края на III в. пр.Хр.София.2008., 354 с.
30. Фол В. Древна Тракия: мълчанието проговаря.София, 2003,64 с.
31. Чаплыгина Н.А.Римляне на Дунае(I-III в.).Кишинев: «Штиинца», 1990,114 с.
32. Элиаде М. История веры и религиозных идей в 3-х тт. Т.2. От Гаутамы Будды до триумфа христианства. Москва: Критерион, 2002, 504 с.

УДК 2+321.01]:165:12(470+571 “15”

РЕЛИГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ РУССКОГО НАРОДА XVI ВЕКА

Рокачук В.Н.
Доктор философии, доцент
Каменец-Подольский национальный университет имени Ивана Огиенко, Украина
victoriarocaciuc@mail.ru

Аннотация. Работа посвящена анализу событий, которые сложились во властных структурах и народных массах России XVI века, что определенным образом отразилось в общественном сознании различных слоев русского населения, на его социальном, политическом, экономическом и религиозном положении, обострившим как внутренние, так и внешние противоречия.

Ключевые слова: религия, политика, власть, противоречия, сознание.

Annotation. The work is dedicated to the analysis of events which developed in power structures and a people at large of Russia of the XVI century that was definitely reflected in public consciousness of various layers of the Russian population, in its social, political, economic and religious status, aggravated both internal, and external contradictions.

Keywords: religion, policy, power, contradictions, consciousness.

Проблема двойственности, ее тягостное ощущение проходит через всю русскую историю, видится практически в каждой трагической эпохе и коллективной жизни русского народа, начиная

с периода крещения Киевской Руси, ибо Христианство, в отличие от иудаизма и ислама, по природе своей раздвоено, разломлено, а потому внутренне конфликтно.

Россия приняла византийскую веру, ибо нашла в ней себя, собственную тоску, раздвоенность, стремление на небеса и одновременно желание жить сытно, богато, вольготно. Византия же завершив удивительный цикл греческой цивилизации, превратившейся из античного, демократического, философствующего полиса в христианскую империю, исчезла с географической карты, перенесясь незримо в Россию, чтобы там сохранить ощущение разлома человеческой природы, когда сознание хочет божественного света, а подсознание желает сырого мяса. Или наоборот.

Русь принимала христианство душой и сердцем и оттого прежних богов низвергала безжалостно и жестоко, что имеет место и сегодня как в России, так и – Украине, когда свергают памятники, государственную атрибутику недавнего прошлого. Принятие христианства для многих русских было актом мистическим, радикально изменившим отношение к жизни, ибо уверовали они всем сердцем, словно почувствовали вдруг близкое присутствие иного, потустороннего, божественного мира[3, с. 292-295].

Очень символично для России, что в качестве первых святых земли русской были канонизированы не князь Владимир, крестивший Русь и не княгиня Ольга, принявшая христианство задолго до всеобщего крещения, а добровольные жертвы княжеской внутрисемейной распри, дети князя Владимира Борис и Глеб, убитые по приказу их старшего брата Святополка, а причинаубийства банальна – борьба за власть, что также сохранилось в сознании наших“современников”, которые стремятся к власти.

Ранняя христианская вера на Руси была наивной, простой и ясной, не замутненной витиеватыми схоластическими дискуссиями изощренных философов. В этот период христианство еще не разбудило в русских интеллектуального порыва, который отмечался во времена христианизации древнего Рима, или фонтанирующего филологического фейерверка, рожденного приходом ислама в Аравию. Россия шла по своему пути, расширяя собственное ментальное пространство глубинными религиозными ощущениями и формами преимущественно визуального характера. Русский религиозный дух был молчалив, часто косноязычным, литературно наивен и находил адекватное воплощение лишь в уникальной, ни на что не похожей архитектуре церквей, раскрывающей глубины русского религиозного сознания.

Русские интуитивно пришли к тому прозрению всех древних религий о том, что храм имеет форму Вселенной и одновременно человеческой души, где вместе обитает Бог и человек. Сохранились свидетельства о тяжелейших искушениях, через которые проходили монахи, вставшие на путь затворничества. Именно на этом пути родилась русская демонология с описаниями страшных ликов мистических существ, визуализированных образов человеческих подсознательных пороков, похотей и страданий, являвшихся перед внутренним взором затворнических монахов. Далеко не все выдерживали эти испытания. Часто случалось наоборот, люди впадали в безумие, погружались в темную пучину неконтролируемого и страшного подсознания.

XVI век, один из самых сложных периодов в развитии русской государственности, религии, национального самосознания, которые проходили в жестокой как внешней, так и внутренней борьбе различных религиозных и властвующих структур, та опричнины. Свои, почти сорок лет правления, Иван Грозный провел в жестокой борьбе со своими подданными, боярами, их семьями, дьяками, религиозными деятелями, жителями сел и небольших городов, которые постоянно подымались на борьбу с монархом, это во-первых, а во-вторых, русское государство постоянно вело ожесточенные боевые действия со своими внешними врагами. Политическая ситуация в России резко усугубляется тяжелейшими военными проблемами. На западных границах началось вторжение польско-литовских войск. Одновременно с востока двинулась татарская орда, осадившая Рязань. Положение Москвы становилось критическим. С большим трудом оба нашествия были отбиты, однако в стране воцарились страх и уныние. Все ждали изматывающей войны на два фронта. В это время Ивана Грозного вновь охватывают религиозные чувства. Он снова ездит по московским церквам и монастырям, целые дни проводит в молитвах, затем вместе с семьей, взяв с собой самые святые иконы и государственную казну, с огромной охраной покидает

столицу. Его ближайшее окружение также отправляется в путь в сопровождении семей. Оставшиеся в Москве бояре терялись в догадках по поводу намерений царя. Как видим, царь постоянно ведет интриги со своим окружением и народом, то отрекаясь от власти, то обратно возвращаясь в столицу. Решающей и движущей силой, в поступательном развитии России был простой народ, так было неоднократно.

Иван Грозный всегда, остро чувствовал свою религиозную миссию, направленную на изменение русского мира, придание ему эсхатологической динамики библейской истории. Царь Иван и русский народ хотели жить по своей вере. Эта вера в собственное предназначение была искренна и абсолютна. Ее поддерживала и питала православная церковь. В речи на царское венчание митрополит Макарий торжественно провозгласил царя Ивана божьим избранником на русском престоле. Сведения об обвинениях в заговорах и убиенных во время опричнины сохранились во многом благодаря набожности царя. В периоды отчаяния и раскаянья Иван Грозный приказывал монахам молиться за всех казненным им людей. Те обращались в опричные архивы и составляли списки для поминальных молитв.

В это время международное положение России катастрофически ухудшалось. На западных границах постоянное давление на Русь оказывали Польша, Литва и Швеция. Русские попытались отбить у шведов Ревель, но не смогли. Одновременно с Востока на Москву двинулась сорокатысячная крымская орда. Беззаконие полностью деморализовало опричное войско, превратившееся в неуправляемую банду, окончательно разорившую страну. Россия лежала в руинах. По дорогам бродили нищие, обездоленные люди. Предчувствуя катастрофу, царь попытался вернуть страну к естественному порядку. Началась такая же кровавая чистка опричнины. Теперь уже царь стал собирать доносы на опричников и безжалостно казнить их. Страх распространился в опричном стане и полностью парализовал его работу.Само слово “опричнина” было самим строгим образом запрещено, потом царь отправляет на эшафот первое послеопричное правительство и высшее духовенство сотрудничавшее с ним на эшафот. Правление Ивана Грозного привело Россию в катастрофическое состояние. Земли пустели, народ вымирал, деревни напоминали огромные кладбища. Страна оказалась в критическом положении. После военных поражений царь окончательно утратил доверие к своим приближенным. Он снова стал искать предателей и врагов в своем окружении [2, с.91-111].

Любая политическая власть, основанная на коллективном религиозном чувстве, является стабильной и прочной, как гранитная глыба, и одновременно хрупкой, как талый весенний лед. Стабильность власти определяется лишь одним обстоятельством – соответствием модели управления коллективному религиозному мифу, который самой властью и олицетворяется. При этом миф, - это не монумент, не памятник, но драматическая история, несущая в себе катастрофическое завершение.

Религиозный характер власти связан с тем, что людей уже не в стаю, но а общество собирает иррациональное мистическое чувство человеческой общности. Одновременно христианский миф создал государство – систему политической власти, где каждый член общества в той или иной степени чувствует “небесную иерархию” и мистическое разделение мира на добро и зло.Этот новый, политический мир повторяет мир потусторонний, от низших тварей до высших существ, а царь в этом новом мире оказывается персонификацией Бога-демиурга, творящего человеческую историю. Из этого ощущения и родилась иудейско-христианская идея земной власти происходящей от Бога.

Приняв христианство, Россия приняла христианскую мифологию, обьединяющую иудейскую священную историю и евангельское повествование человеческой жизни Христа. Поэтому русский царь, принимающий на себя венец христианского правителя и истово верующий в христианский миф, а, следовательно, и в свое мессианское предназначение, ментально оказывался в центре этого мифа. Он становился главным персонажем христианского мифа, обязанным сыграть свою драматическую роль. В России периода правления Ивана Грозного интеллектуальная жизнь еще не сформировалась. Россия во многом была страной природной, слитой с землей, с ландшафтом, страной не городской, но деревенской. Именно с этим связано многовековое присутствие на Руси, даже после принятия христианства, древнего язычества. В этом несоответствии “природной” реальности русского ментального пространства и разверзшихся перед верующим царем духовных

глубин христианского вероучения и состояла для власти тяжелейшая мифологическая проблема. Раскрывшиеся духовные глубины требовали своего заполнения. Они требовали действия, динамики, борьбы, мощнейшего культурного, интеллектуального, созидательного порыва. Без этого порыва они превращались лишь в бездонные душевные пропасти, что видим и сегодня, потому что падать в которые можно бесконечно, особенно, когда идет тотальная дегуманизация народного сознания.

И как подчеркивает С.А. Глузман, "Подобную психологическую ситуацию можно назвать состоянием "пустого сознания", когда человек чувствует необьятную глубину собственного внутреннего мира, но пока еще не в состоянии эту бездну чем-либо заполнить"[1, с.43]. Ужас подобной ситуации состоит в том, что, следуя собственным неосознаваемым религиозным интуициям, человек начинает использовать реальный мир и окружающих людей в качестве виртуальных персонажей религиозных борений, происходящих в его собственной душе. И тогда битва света и тьмы, добра и зла, происходящих в его собственнойдуше в рамках христианского мифа, принадлежащего лишь самому сознанию, изливается наружу. В этой битве начинают участвовать не виртуальные персонажи души христианина, который чувствует в себе одновременно силы добра и силы зла, но реальные живые люди, окружающие христианского монарха. Это он назначает окружающих его людей, граждан как своей, так и зарубежных стран, исполнять роль сил света и сил тьмы. А затем начинает между ними священную войну и тогда окружающий его мир превращается в гигантское кладбище. Следует подчеркнуть, что те страшные битвы, которые у монарха или писателя происходят внутри, в глубинах души, у царя происходят во вне, в подчиненной ему реальности, в его стране, давая самому царю, разыгрывающему политический спектакль, временное ощущение целенаправленной, осмысленной жизни. Это разделение мира на зло и добро, обязательный поиск врага – естественная и универсальная процедура восприятия внешнего, реального пространства как пространства собственного сознания [4, с.115-127].

При этом царь не чувствует подмены виртуального пространства сознания реальным миром. Он относится к живым людям, как к персонажам им же самим написанной мифологической истории. Когда он уничтожает своих врагов, ему кажется, что он уничтожает силы зла, сковывающие его собственную душу. Реки крови и огромное количество жертв не имеют для него никакого значения, ибо для закрытия страшной душевной пропасти не жаль ничего, ни враждебных бояр, ни целых городов, ни даже собственного сына. Любой террор всегда имеет психологическую и идеологическую основу. Идеология террора всегда светлая. Имя ее – свобода, последствия ее – смерть. Вместе с тем, начатая битва не приносит "пустому сознанию" никакого исцеления. Открывшаяся пропасть остается зиять, ибо внешние событияне могут заменить собой внутренних процессов религиозного сознания ищущего пути к свободе и свету. Поэтому "внешняя" война не приносит самому монарху ничего, кроме нарастающего чувства пустоты. Тогда начинает уничтожаться уже ближайшее окружение, прежде принадлежащее к "силам добра".

Уничтожение "своих", один из неизменных этапов развития "пустого сознания". Общая же его динамика – саморазрушение, самоубийство, самоуничтожение, ибо вместе с уничтожением реальности, которую это сознание приватизировало, оно уничтожает и себя. Именно этими тенденциями обусловлены попытки Грозного оставить трон, уйти в монастырь, искать убежище в Англии, частые уничижительные покаяния. XVIвек для России – время хотя и христианского, глубокого, но еще "пустого", а потому трагического сознания, когда народ и царь едины в своих подсознательных самоубийственных порывах.

В человеческой истории реализация механизмов "пустого сознания" характерна для любого глобального политико-культурного кризиса. Неспособное к продуктивной деятельности человеческое сознание начинает "проявляться" в собственные глубины, "таща" за собой и уничтожая весь окружающий мир. Это тягостное падение происходит до тех пор, пока вновь из темных и страшных глубин метущейся народной души не начинает бить мощнейший гейзер человеческой фантазии и интеллекта, создавая новый мир, новую, более глубокую культуру, которую снова надо будет прожить, изжить и, в конце концов, уничтожить. Подобная ситуация страшных падений и мощных взлетов напоминает содержание библейской книги Иова, который

услышал голос Бога лишь с самого дна пропасти своего трагического падения. Что же касается Росси, то смертью Ивана Грозного погружение русского общественного сознания в темную пропасть не закончилось. Оно продолжилось до почти полного разложения государства в период долгого Смутного времени и после него до наших дней.

Библиография

1. Глузман С.А. Ментальное пространство России. СПб.: Алетейя, 2010, 332 с. (Серия “Русский міръ”).
2. Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве / Вступит. Статья и комментарии А.Н. Медушевского. М.: Прометей, 1991, 334 с.
3. Рокачук В.Н. История развития философской мысли с древнейших времен и до наших дней в кратком изложении. Кишинэу, 2001, 400 с.
4. Рокачук В.Н. Философия. Кишинэу, 2001, 300 с.

УДК 94(477.4)“17-18”(082)

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ И БЕССАРАБИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Филинюк А.Г.
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедры истории Украины
Каменец-Подольский национальный университет имени Ивана Огиенко, Украина
afilinyuk@ukr.net

Annotation: In this article an author makes an attempt to reveal the most important aspects and features of the development of trade and economic cooperation between the Right-Bank Ukraine and Bessarabia at the end of XVIII – the first half of the XIX century.

Key words: economic and trade cooperation, Right-Bank Ukraine, Bessarabia, products, sale, importation.

Как известно, начало 90-х гг. XX в. знаменовало собой развал Советского Союза и образование и становление на его территории независимых государств. В результате политических преобразований возникли независимая Украина, Республика Молдова и Приднестровская Республика. В известной степени это послужило сокращению экономических и торговых отношений между двумя субъектами и соседними странами. Между тем, есть объективная потребность возобновить и нарастить торгово-экономическое сотрудничество в интересах братских народов. Подчеркнем, что географически и геополитически эти государственные образования соседствуют между собой и объективно призваны сотрудничать друг с другом в разных областях общественной жизни, в том числе экономики и торговли. Это, в свою очередь, закономерно обуславливает необходимость внимательно изучить и максимально использовать во благо соседних народов исторический опыт, накопленный в разные периоды нашего прошлого, особенно в конце XVIII – первой половине XIX в. Тем более что Бессарабия некоторое время после присоединения к Российской империи в 1812 г. входила в состав Подольской губернии, образованной царским самодержавием в Правобережной Украине.

Следует подчеркнуть, что некоторые вопросы экономического развития, в том числе торговых отношений между Украиной и Бессарабией изучались учеными России и Украины еще в XIX в. [1] В советское время исследованием проблемы больше всего занимались молдавские историки и экономисты. Наибольший след в этом плане оставили И. Будак, Я. Гроссул и О. Скалецкая [2]. Среди украинских исследователей свое внимание на торгово-экономические связи

между Правобережной Украиной и бессарабскими и молдавскими землями обратили В. Голобуцкий, И. Слабеев, В. Томулец [3]. Некоторые аспекты торгово-экономического сотрудничества нашли свое отражение в обобщающих трудах по экономической истории. Из современных украинских историков некоторые аспекты украинско-бессарабского сотрудничества раскрыли в своей монографии Г. Казьмирчук и Т. Соловьевой [4]. Вместе с тем комплексного, системного отражения эти вопросы в украинской исторической литературе не нашли. Учитывая возможности такого рода трудов, автор не претендует на исчерпывающее изложение проблемы. Вместе с тем, считаем, то этим будет сделан еще один шаг к более ее глубокому изучению и освещению.

Развитию торгово-экономических связей между Правобережной Украиной и Бессарабией в изучаемый период объективно содействовало несколько обстоятельств. Во-первых, исключительно важным условием было их географическое соседство. Во-вторых, важную роль играло то, что эти связи существовали и поддерживались многие годы и столетия, на протяжении которых накоплен значительный опыт. В-третьих, на развитие торгово-экономических отношений оказали воздействие принятые самодержавием России меры нормативно-правового характера. В-четвертых, на их объемы и масштабы огромное значение сыграло все возрастающие потребности во многих товарах на европейском рынке. В-пятых, существенное влияние оказало и международное положение Российской империи, которое охарактеризовано выдающимся русским исследователем Х1Х века А.Корниловым как более блестящим и могущественным, нежели положение какой-либо другой великой европейской державы [5, с.48].

Границей между Россией, в составе которой оказалось Правобережье, и Бессарабией служила река Днестр, связывающая Подольскую и Херсонскую губернии с Бессарабией. Именно по этой реке перевозились многие грузы и товары, количество транспорта на которых лишь за 1837–1846 гг. возросли из 118 до 546 галер и плотов или в 5 раз [6, с.177]. Основными таможенными пунктами, через которые осуществлялась торговля между ними, были Исаковецкая и Могилевская [7, л.5, 7], Дубосарская, Измаильская и другие таможни, наделенные не только фискальными, но и полицейскими полномочиями, в частности контролем за соблюдением норм внешней торговли и борьбой с контрабандой. Торговля промышленными товарами и сырьем с Молдавским княжеством осуществлялась и через Скулянскую таможню [8, с.93]. Особое место в транспортировании товаров в двух направлениях занимали паромные переправы, в частности в местечках Калиновка, Камянка, Новоконстантинов, Рашков, Рыбница, городе Хотин и в селе Выхватновцы, посредством которых ежегодно переправлялось по несколько тысяч голов различного скота и подвод с товарами [9, л.41]. Еще один важный путь, которым транспортировались товары с Молдавии и Валахии в Правобережье, пролегал через Одессу. По нему направлялся основной товарный поток в Винницкий уезд Подольской губернии [10, л.64].

С присоединением к России Правобережье Украины превратилось в один из основных рынков сбыта бессарабских товаров, главным образом виноградного вина, фруктов, соли, крупного рогатого скота, кожи и т.д. [11, с.79]. В свою очередь, из украинского региона в Бессарабию экспортировали преимущественно продукты питания, в частности хлеб, муку, мед, масло, сало, водку, лен и др. [12, с.178]. Одним из важных условий импортирования бессарабских товаров было наличие в купцов свидетельств на право торговли от местного начальства.

Развитие торгово-экономических связей между Правобережной Украиной и Бессарабией прошло в первой половине XIX в. несколько этапов. В первые после присоединения региона в состав России годы торговля отличалась многими трудностями и преградами. Среди них значительное негативное влияние оказывали большое расстояние между таможнями, неразвитость транспортных средств и путей сообщения, а также несовершенство функционирования таможенно-карантинной системы и правил ее организации. На этом этапе в торговлю было вовлечено значительное количество купцов и торгующих людей. Только за 1817–1826 гг. свидетельства на право закупать бессарабские товары получили почти 1200 купцов, больше трети из которых были с Украины, в том числе каждый восьмой – с Правобережья [13, с.79]. Идя на встречу Австрии, российское правительство разрешило пропуск товаров со значительно меньшей пошлиной через Гусятинскую таможню. В целом для торговли в приграничных регионах таможенные льготы предоставлялись Австрии и Пруссии, а украинское Подолье и его таможни

превращались в перевалочные центры, которыми шли товарные потоки из Украины до Данцига и Кенигсберга [14, с.24].

С начала второй четверти Х1Х в. в торговых отношениях с Бессарабией отмечается тенденция к усилению государственного контроля. К примеру, за “Правилами для торговли с Бессарабией”, введенных в 1825 г., молдавское и валахское вино, водку и бессарабскую соль разрешалось перевозить лишь через Дубоссарскую и Могилевскую таможни. Через эти таможни можно было также транспортировать незапрещенные товары. Для этого их владельцы предъявляли в таможню объявления, в которых указывались адреса предназначения. В случае продажи товаров в российских губерниях, торговцы получали свидетельства лишь после уплаты пошлины.

Завезенные из Бесарабии товары разделялись на две группы. К одной из них принадлежали хлеб, скот, сало, птица, мясо, масло, рыба, фрукты, овощи, другую составляли соль, вино, табак, мех, икра, воск, клей и другие товары. Первые товары завозились в регион без свидетельств и пошлины, на другие купцы должны были иметь свидетельства об их происхождении. Остальные товары подлежали общей юрисдикции тарифа 1822 г. [15, с.320]. В свою очередь, все разрешенные к экспорту товары «российского» происхождения отправлялись в Бессарабию без подобных свидетельств и уплаты таможенной пошлины. Однако введенные в торговлю правила вызвали многие трудности, особенно для купцов приграничных украинских губерний. Неслучайно в адрес министра финансов России поступили многочисленные жалобы. Кабинет министров вынужден был отреагировать на них принятием в 1826 году разрешения российским купцам без учета гильдий провозить через днестровские таможни и заставы экспортные и импортные товары, кроме водки и вина [16, с.95-97]. В целом же и на этом этапе самодержавие прежде всего защищало собственные интересы, российский рынок от конкуренции и эпидемий и тем самым всячески усложняло импортную торговлю.

Существенные позитивные изменения наметились только в начале 30-х гг. Х1Х в., когда было введено Положение о перемещении днестровской таможенной линии в Бессарабии [17, с.85-89], в соответствии с которым она была перенесена на Прут и Дунай, что закономерно активизировало украинско-бессарабскую торговлю, особенно в правобережных губерниях. Еще одним шагом по пути активизации торговли Правобережной Украины и Бессарабии выступил императорский указ от 26 сентября 1830 г., которым предоставлялась местным купцам десятилетняя льгота [18, с.72-73]. В соответствии с требованиями указа в первые пять лет купцы освобождались от уплаты гильдийских повинностей, в последующие три года они уплачивали их только четвертую часть, а в последние два года – половину. Такими административными и экономическими мерами российский царизм, с одной стороны, упорядочил правила торговли с Бесарабией, с другой – стимулировал и расширил социальную базу торгующих людей как из представителей украинских, российских и бессарабских слоев населения, так и иностранцев.

Этим в значительной степени объясняется тот факт, что среди лиц, которые экспортировали хлеб в Молдавию и Валахию, были не только каменецкие купцы, молдавские бояре, но и гайсинские, могилевские и ямпольские помещики [19, л. 30, 128]. Многие из них имели достаточно богатый опыт торговли. Основными поставщиками хлеба на территории Подолья были Каменецкий и Брацлавский уезды [20, л.1, 4].

В изучаемый период имели место изменения в структуре экспортной и импортной продукции. Например, в связи с увеличением посевных площадей, с 20-х гг. стали постепенно увеличиваться объемы проданного хлеба из Бессарабии в пределы Правобережной Украины. Поскольку за объемом производства вина, которое достигло на конец 50-х гг. три миллиона ведер [21, с.53], Бессарабия занимала первое место в России, одновременно возрастает количество проданного в украинский регион вина. Для этого в 1829 г. в местечке Камянка Подольской губернии даже специально была создана таможенная застава [22, с.390]. Бессарабия превратилась в крупного производителя и поставщика в Правобережную Украину соли [23, с.1220], скота и продуктов животноводства [24, с.52]. Именно поэтому увеличивалось количество людей, которые занимались посреднической торговлей [25, с.187].

Со стороны Правобережной Украины с годами стали больше продавать в Бессарабию не только хлеба и других сельскохозяйственных товаров, но и леса и лесоматериалов, изделий со

льна, конопли и ряда промышленных товаров. Ежегодно туда продавалось более четырех миллионов аршин простого полотна [26, с.333]. Преимущественно ремесленные и фабричные товары везли из Бердичева, металлические и чугунные – из Киева [27, с.83]. Основными центрами продажи украинских товаров были ярмарки Бельц, Измаила и Кишинева. В целом же ежегодно проводилось от 20 до 30 ярмарков в 17 населенных пунктах Бессарабии [28, с.178].

Таким образом, изучение научной литературы, документальных источников, архивных документов показало, что в первой половине XIX в. торгово-экономическое сотрудничество Правобережной Украины и Бесарабии имели тенденцию к развитию и существенному углублению. В целом же торговля между Правобережной Украиной и Бессарабией приобрела системный характер. И Правобережная Украина, и Бессарабия постепенно превращались в важные транзитные территории европейского континента, которыми следовали товарные потоки как сухопутными, так и речными путями. Накопленный в исследуемый период опыт может и должен служить надежной основой их взаимовыгодного экономического сотрудничества на современном этапе.

Библиография

1. Столпянский Н. П. Девять губерний западнорусского края в топографическом, статистическом и историческом отношения. СПб., 1866. 200 с.; Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. X. Ч. 2. Подольская губерния. СПб., 1849, 241 с. и др.
2. Гроссул Я. С., Будак И. Г. Очерки истории народного хозяйства Бессарабии (1812–1861). Кишинев : Карта молдовеняска, 1967, 398 с.; Скалецкая О. Ю. Русские и украинские купцы на рынках Молдавии (1791–1812 гг.). В: Россия и Юго-Восточная Европа. Кишинев, 1984, С. 50-54
3. Голобуцький В. О. Економічна історія Української РСР. Дожовтневий період. К. : Вища школа, 1970, 298 с.; Слабєєв І. С. З історії первісного нагромадження капіталу на Україні (чумацький промисел і його роль у соціально-економічному розвитку України XVIII – першої половини XIX ст..).К. : Наук. думка, 1964, 140 с.; Томулець В. М. Торгові зв'язки Бессарабії з Україною в 1812–1830 рр. В: Укр. іст. журн.1987, № 6, С. 78-85; Томулец В. Реализация товаров из Украины и других губерний России на бессарабском рынке (1812–1868 гг.) В: Историко-політичні проблеми сучасного світу: Збірник наукових статей. Чернівці, 2002, Т. 9, С. 97-116
4. Казьмирчук Г. Д., Соловйова Т. М. Соціально-економічний розвиток Правобережної України в першій чверті XIX століття. К. : ТОВ "Міжн. фінан. Агенція", 1998, 174 с.
5. Корнилов А. А. Курс истории России XIX века / А. А. Корнилов; Вступ. ст. А. А. Левандовского. М.: ООО "Изд-во Астрель", 2004, 862 с.
6. Исторические корни связей и дружбы украинского и молдавского народов. – К. : Наук. думка, 1980, 322 с.
7. Государственный архив Хмельницкой области, ф. 226, оп. 80, д. 589.
8. История народного хозяйства Молдавской ССР (1812–1917 гг.). Кишинев : Штиинца, 1977, 352 с.
9. Государственный архив Хмельницкой области, ф. 33, оп. 1, д. 5.
10. Там же, ф. 227, оп. 1, д. 404, Т. 1.
11. Томулець В. М. Торгові зв'язки Бессарабії з Україною в 1812–1830 рр. В: Укр. іст. журн. 1987, № 6, С. 78-85.
12. Исторические корни связей и дружбы украинского и молдавского народов. – К. : Наук. думка, 1980, 322 с.
13. Томулець В.М. Торгові зв'язки Бессарабії з Україною в 1812–1830 рр. В: Укр. іст. журн. 1987, № 6, С. 78-85.
14. На митних кордонах України. Дніпровський регіон. Дніпропетровськ : ІМА-прес, 2001, 116 с.
15. Гроссул Я. С., Будак И. Г. Очерки истории народного хозяйства Бессарабии (1812–1861). Кишинев, 1967, 398 с.
16. Полное собрание законов Российской империи (Далее – ПСЗРИ-II), СПб., 1826., Т. 1, № 65.
17. ПСЗРИ-II. СПб., 1826. Т. 5,№ 3968.
18. Там же, №3952.
19. Государственный архив Хмельницкой области, ф. 226, оп. 80, д. 589.
20. Центральный государственный исторический архив в г. Киеве, ф. 442, оп. 1, д. 1198, л. 1, 4.

21. История народного хозяйства Молдавской ССР (1812–1917 гг.). Кишинев : Штиинца, 1977, 352 с.
22. ПСЗРИ-II. СПб., 1830., Т. 5. № 3652.
23. ПСЗРИ-I. СПб., 1809, Т. 30, № 23922.
24. История народного хозяйства Молдавской ССР (1812–1917 гг.). – Кишинев : Штиинца, 1977. – 352 с.
25. Подольские губернские ведомости. 1848, № 29, С. 187.
26. Гроссул Я. С., Будак И. Г. Очерки истории народного хозяйства Бессарабии (1812–1861). Кишинев : Карта молдовеняска, 1967, 398 с.
27. Томулець В. М. Торгові зв'язки Бессарабії з Україною в 1812–1830 рр. // Укр. іст. журн. 1987, № 6, С. 78-85.
28. Исторические корни связей и дружбы украинского и молдавского народов. – К. : Наук. думка, 1980, 322 с.

УДК: 94(398.9)

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ В ИЗУЧЕНИИ ФЕНОМЕНА ФРАКИЙСКОГО ВСАДНИКА – РАБОТЫ А. ДЮМОНА

Щемелев А. В.
аспирант кафедры всеобщей истории
Московский городской педагогический университет (ФБГОУ ВПО МГПУ), Москва, Россия
artemvshchemelev@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению основных вех научной деятельности французского археолога XIX в. А. Дюмона, в особенности его работ, касающихся феномена Фракийского Всадника. Эти публикации практически не известны в России. Делается вывод о том, что в трудах Дюмона содержатся сведения, которые могут пролить свет на решение тех вопросов феномена Фракийского Всадника, ответ на которые ищет историческая наука на протяжении долгого времени.

Ключевые слова: Фракийский Всадник, вотивные и погребальные рельефы, древняя Фракия, историография.

Annotation. Little-known moments in the analysis of the phenomenon of the Thracian Rider – research works of A. Dumont. The paper presents a review of scientific activity of A. Dumont (1842–1884), French historian and archaeologist; his works and publications are not known to most of modern historians. The article concludes that Dumont's works can make a contribution to the research of the phenomenon of so-called Thracian Horseman.

Key words: Thracian Horseman, Thracian Heros, Cavalier Thrace, votive and funeral reliefs, ancient Thrace, historiography.

Под так называемым Фракийским Всадником в исторической науке принято понимать изображения фигуры всадника на рельефах, найденных в обширном регионе, включающем Балканы, Малую Азию, Причерноморье и близлежащие земли. Большая их часть происходит с территории древней Фракии, что и послужило основанием для появления термина. Рельефы датируются периодом IV в. до н. э. – IV в. н. э., они представлены либо на погребальных стелах, либо на мраморных (реже известняковых) посвятительных плитах. Широкая география находок и огромное число памятников (более трех тысяч) поражают.

Образ Фракийского Всадника имеет устойчивые отличительные признаки, хотя существует множество вариаций в деталях и наличии второстепенных персонажей. (Классификация изображений осуществлена в 1938 г. академиком Г. Кацаровым [9].) Изучение данного феномена ведется уже более столетия, за это время вышли в свет научные исследования археологов и историков России, Болгарии, Румынии, Франции, Германии, Италии и других стран. Но при этом многие проблемы до сих пор не решены (нет ясности по таким

важнейшим вопросам, как смысл образа, место Всадника в пантеоне древних фракийцев, особенности его культа и др.).

Одним из первооткрывателей памятников Фракийского Всадника считается французский археолог Альбер Дюмон (1842–1884). По результатам своих исследований и раскопок на территории европейской части Османской империи он опубликовал несколько работ, в которых мы встречаем наиболее раннее упоминание термина «Фракийский Всадник» («Cavalier thrace» или «Héros thrace»).

Дюмону принадлежит заслуга в обнаружении и описании ряда памятников Фракийского Всадника, однако труды ученого оказались незаслуженно забыты сегодня. В лучшем случае историки ограничиваются простым упоминанием его имени в связи с введением в научный оборот термина «Cavalier thrace». Представляется необходимым устранить этот пробел и в основных чертах осветить деятельность Дюмона, оценить тот вклад, который исследователь внес в изучение феномена Фракийского Всадника, не завершенное и по сей день.

Альбер Дюмон окончил четырехгодичный курс обучения античной истории в Школе археологии, основанной французами в Афинах. После этого, получив статус адъюнкта истории, он участвовал в экспедиции в Турцию, которую Школа организовала в 1868 г.

Путешествие Дюмона длилось несколько месяцев, за это время историк познакомился с территорией от Родопских до Балканских гор, то есть со значительной частью Западной и Восточной Фракии. Он принимал участие в раскопках в Адрианополе и Филиппополе (современные Эдирне и Пловдив). Северная Фракия, значительная часть современной Болгарии, в поле зрения Дюмона не попала. Основным объектом его научного интереса первоначально являлась античная керамика, но во Фракии ему встретилось огромное число рельефов, происхождение которых им было определено как «варварское» [6, p. 417].

Уже в своем письме, отправленном в ноябре 1868 г. из Адрианополя, историк отмечал, что на рельефах изображены «местные боги (dieux nationaux), а также греческие и римские. И те и другие сильно отличаются от традиционных типов классического искусства. <…> Среди местных богов в первую очередь следует выделить Фракийского Героя (Cavalier thrace)» [6, p. 417]. Краткое описание его типичного изображения следующее: «он одет в простую тунику, поверх которой развевается хламида, держит копье, коим атакует дикого зверя» [4, p. 159].

Исследовав несколько десятков рельефов (еще не завершив поездку, Дюмон сообщал о «более чем 30»), автор делает вывод о том, что все их можно отнести к двум разновидностям, которые не стоит путать друг с другом. То есть, он совершенно верно разделил то, что современная наука именует рельефами вотивными и погребальными.

Вернувшись из экспедиции, исследователь предоставил министру образования и науки Франции отчет. Позднее этот документ был опубликован в «Протоколах заседаний Академии надписей и изящной словесности» [4]. А семь лет спустя вышел в свет труд Дюмона «Надписи и памятники скульптуры Фракии» [5], состоящий из двух частей. В первой представлен перечень надписей и характеристики рельефов, во второй – авторские комментарии и пояснения к спискам.

На страницах издания историк размышляет и о проблеме Фракийского Всадника. Согласно его наблюдениям, Всадник на рельефах понимался по-разному. «В некоторых случаях очевидно, – пишет Дюмон, – что скульптор хотел показать героизированного умершего» [5, p. 71]. Главным доказательством этого историк считает наличие мужских имен в надписях на стелах. Но есть и другие рельефы, вырезанные на небольших плитках; на них Всадник – тот же умерший, ставший Героем, но к нему обращены вотивные надписи. Ему уже поклоняются как богу и он ассоциируем с божествами. Отсюда автор делает вывод, что некорректно говорить «Фракийский Герой», вернее следует употреблять термин во множественном числе – «Фракийские Герои». Героизация умерших и культ предков, причисляемых к богам, являются «одной из очень своеобразных форм религии данной местности», – заключает Дюмон [5, p. 71].

Проблема интерпретации иконографии Фракийского Всадника является предметом дискуссий в исторической науке. И по сей день не завершены споры о смысле отдельных элементов этого образа, его сущности и значении. Вопрос важен в том числе и с точки зрения установления возможных родственных связей Фракийского Всадника с другими образами

конников Причерноморского региона (так называемыми Боспорским и Дунайским Всадниками). И здесь Дюмон делает очень важное открытие: «Этого героя [то есть, Фракийского Всадника], – пишет он, – чтят и по сей день. Он стал Святым Георгием. Я видел свечки, горевшие перед мраморной плиткой с изображением этого Всадника в армянской церкви Филиппополя. Я могу привести и другие абсолютно похожие примеры. Сходство изображений Святого Георгия, типичного для византийской иконографии, и Всадника, почитаемого фракийцами, действительно поразительно» [6, p. 418].

В первой части «Надписей…» А. Дюмон также приводит сведения, причем не единичные, которые заставляют серьезно задуматься о генетической связи, потенциально существующей в иконографической традиции между фигурой Фракийского Всадника и образом Святого Георгия. [5, p. 13, 15, 16, 25 etc.]. Так, например, под номером 22 в списке указан рельеф из «болгарской церкви» близ села Баткун (в районе современного г. Пазарджик). Рядом с фигурой Всадника на рельефе представлены алтарь и дерево, обвитое змеей. «Это изображение почитается жителями как образ Святого Георгия», – сообщает А. Дюмон [5, p. 13].

К сожалению, слова французского археолога фактически не были услышаны. Несмотря на то, что с момента, когда сходство Фракийского Всадника с образом Святого Георгия было впервые отмечено, прошло более века, никто из последующих исследователей не посвятил этому вопросу специального исследования (не считая отдельных упоминаний факта и построения кратких гипотез [2, с. 193; 1, с. 147 и др.]).

Спустя пять лет после экспедиции во Фракию Дюмон занял пост директора Школы археологии в Риме, а еще через три года стал во главе Школы археологии в Афинах. Здесь его деятельность по организации научной работы была удостоена хороших отзывов [8, p. 18–20]. Так, по инициативе Дюмона в афинской Школе учредили научное периодическое издание («Bulletin de correspondance hellénique»), публиковавшее труды исследователей античности. В последние годы жизни Дюмон работал в Министерстве народного образования Франции, курируя вопросы высшего образования. В возрасте 40 лет он был избран членом Академии надписей и изящной словесности [3], но спустя всего два года скончался. Научное наследие А. Дюмона опубликовал его коллега историк Т. Омоль в 1892 г. [7].

Будучи вдумчивым исследователем, Альбер Дюмон прекрасно понимал, что история древней Фракии таит в себе много неизведанного, и ему удалось лишь очертить контуры важнейших проблем. В отчете о своей экспедиции он говорил о том, что многие затронутые им сюжеты достойны стать предметом особого исторического исследования и «заслуживают… отдельных монографий» [4, p. 152]. Бесспорно, это касается и феномена Фракийского Всадника, в изучении которого даже спустя более века после смерти А. Дюмона еще рано ставить точку.

Библиография

1. Крыкин С. М. Фракийцы в античном Северном Причерноморье. М.: Прометей, 1993. 332 с.
2. Ростовцев М. И. Иранский конный бог и Юг России.В: Вестник древней истории. № 2. 1990. С. 192–200.
3. Amandry P. Albert Dumont, directeur des Écoles de Rome et d'Athènes // Bulletin de correspondance hellénique. 1976. Vol. 100. P. 1–5.
4. Dumont A. Exposé sommaire des principaux résultats d'un voyage archéologique accompli en Thrace en 1868 (Provinces d'Europe, de Thrace, d'Hémimont et de Rhodope) // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 1869. 13e année. P. 151–162.
5. Dumont A. Inscriptions et monuments figurés de la Thrace. Paris: Imprimerie Nationale, 1876. 88 p.
6. Dumont A. Lettre sur voyage dans les provinces d'Europe, d'Hémimont et de Thrace // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 1868. 12e année. P. 416–422.
7. Dumont A. Mélanges d'archéologie et d'épigraphie. Paris: Edition Thorin, 1892. 663 s., 27 pls.
8. Homolle T. Nécrologie: M. Dumont // Bulletin de correspondance hellénique. 1884. Vol. 8. P. 5–28.
9. Kazarow G. Die Denkmäler des Thrakischen Reitergottes in Bulgarien. Budapest: Institut für Münzkunde und Archäologie der Pázmany Universität, 1938. 190 s.

УДК:373.5(+19) «1918 1925»

DIN ISTORIA LICEULUI PARTICULAR MIXT ARMENESC DIN CHIȘINAU (1918–1925)

Prisac Lidia
doctor în istorie
Institutul Patrimoniului Cultural, AȘM, Republica Moldova
lidiaprisac@mail.ru

Annotation. In this study based on archival documents from Republic of Moldova we were able to reconstruct the history of Armenian particular high school "Vardanant" located in Chisinau in interwar period. It was opened on 25 September 1918 at the motion of Armenian National Comity from Bessarabia (NACOBA). The occurrence and activity of the Armenian particular high school in Chisinau represented an obvious element of democracy for that period and offered to Armenian minority the possibility to consolidate and exploit their intellectual potential.

Keywords: history, pupils, particular high school, interwar period, Armenians, Bessarabia, Romania.

Privit în ansamblul istoric al epocii în care își face apariția, liceul particular mixt armenesc din Chișinău trebuie considerat consecința directă a procesului de emancipare națională din contextul prăbușirii Imperiului rus și Primului Război Mondial. Fondat la inițiativa Comitetului Național al Armenilor din Basarabia (NACOBA) [8, p. 441], liceul particular mixt armenesc denumit „Vardananț" din Chișinău și-a început activitatea în baza autorizației nr. 6878 oferită de Ministerul Instrucțiunii Publice, Directoratul din Basarabia, la 25 septembrie 1918 [3, f. 2 verso].

În studiul de față, având drept bază izvoristică documentele inedite de arhivă incluse în Fondul 1772 distribuite în 42 de dosare [7], vom trece în revistă pentru prima dată câteva aspecte care țin de istoria liceului particular mixt armenesc de la deschidere – 1918 și până la închidere în 1925.

Deși nu am găsit indicat nici într-un document semnificația denumirii liceului – *Vardananț*/*Vardananc*, în urma investigațiilor intreprinse am putut conchide că liceul a fost denumit în cinstea Sf. Vardananț, ceea ce pentru armeni simbolizează unitatea poporului armean în vremuri vitrege, inclusiv memoria și respectul pentru strămoșii care și-au sacrificat viața în lupta de la Avarair (anul 451) întru dăinuirea Armeniei [9]. Cu alte cuvinte, prin denumire, liceul determina consolidarea și determinarea identității armenilor din Basarabia.

În ceea ce privește localizarea liceului, doar pe două documente de arhivă, documente de ieșire ale liceului, am întâlnit indicat pentru anul 1918/1919 aceeași adresă – Chișinău, str. Golenișcev-Kutuzov Nr. 11 [5, f. 3; 6, f. 14], unde ar fi funcționat liceul propriu-zis. Un alt document din 22 august 1920, ne informează că administrația liceului pentru început de an școlar este în căutarea unui local pentru desfășurarea orelor de curs ale liceului [4, f. 2 verso], ceea ce ne determină să conchidem că liceul a funcționat pe tot parcursul existenței într-un local cu chirie. Conform datelor de arhivă, clădirea în care liceul își desfăcura activitatea aparținea unui oarecare Jheiching [1, f. 4].

Dintr-un raport al administrației liceului către Ministerul Instrucțiunii Publice, Directoratul din Basarabia aflăm alte câteva detalii interesante cu referire la funcționarea liceului:

1. Dacă e de băieți, fete sau mixt?	Mixt
2. Cărei naționalități îi este destinat?	Pentru armeni
3. Cu ce program funcționează?	Cu program analitic
4. În ce limbi se predau cursurile?	În limba română și armeană
5. Cu câte clase și secții funcționează?	Una clasă
6. Modul de admitere a elevilor în clasa I-a?	Cu bună voie
7. Naționalitatea și supușenia lor?	11 armeni și 1 evreu
8. Dacă școala are local propriu sau închiriat și cui aparține acesta?	Închiriat, aparține lui Jheiching
9. Numărul elevilor	12
10. Profesori plătiți de stat	Nu sunt (diferite tablouri)

Sursa: Arhiva Națională a Republicii Moldova, F. 1772, I. 53, D. 1, f. 4.

Cheltuielile necesare deschidereii, întreținerii și funcționării erau suportate parțial de Comitetul Național al Armenilor din Basarabia, Consiliul de administrație a liceului precum și din taxele școlare.
Din actele păstrate cunoaștem că directorul liceului a fost Artemii Zaharianov, ulterior, după moartea acestuia, în mai 1919, director a devenit Grigorii I. Ohanov [4, f. 1].
În 1918, liceul s-a deschis sub formă de gimnaziu cu 4 clase, având 100 de elevi după cum este prezentat în tabelul ce urmează.

Colectivul elevilor Liceului particular mixt armenesc din Chișinău în anul de învățământ 1918/1919 până la 1 ianuarie 1919.									
Clase	Elevi	Eleve	**Total**	Dintre ei					
				Armeni	**Moldoveni**	**Polonezi**	**Greci**	**Ruși**	**Evrei**
În cele mici pregătitoare	3	5	**8**	3	-	-	-	1	4
În cele mari pregătitoare	25	8	**33**	4	4	1	3	6	15
În I -a	34	5	**39**	6	5	-	4	15	9
În II -a	3	3	**6**	4	-	2	-	-	-
În III -a	6	1	**7**	3	-	1	2	1	-
În IV -a	6	1	**7**	6	-	-	-	1	-
În V -a	-	-	**-**	-	-	-	-	-	-
În VI -a	-	-	**-**	-	-	-	-	-	-
În VII -a	-	-	**-**	-	-	-	-	-	-
În VIII -a	-	-	**-**	-	-	-	-	-	-
Total	**77**	**28**	**100**	**26**	**9**	**4**	**9**	**24**	**28**

Sursa: ANRM, F. 1772, I. 53, D. 1, f. 9.

Din răspunsurile la directiva nr. 21600 a Directorului de Instrucțiune Publică din 22 decembrie 1919 aflăm că numărul de clase a liceului armenesc din Chișinău pentru anul de învățământ 1919/1920 s-a completat cu încă o clasă, astfel, mărindu-se și numărul de elevi până la 123. Ulterior, pentru 1 martie 1921, numărul elevilor era deja de 131 [1, f. 48]. Tot în datele indicate, apar și taxele de școlarizare pentru fiecare clasă: de la 600 de lei la 700 de lei.

Clasele	Elevi	Eleve	**Total**	**Armeni**	**Moldoveni**	**Ruși**	**Evrei**	**Greci**	Taxele școlare în fiecare clasă
Pregătitoare inferioare	8	6	**14**	14	-	-	-	-	600 de lei
Pregătitoare superioare	6	7	**13**	13	-	-	-	-	-//-
I-a	23	14	**37**	13	2	5	14	3	-//-
II-a	21	7	**28**	12	3	5	7	1	-//-
III-a	5	2	**7**	7	-	-	-	-	700 de lei
IV-a	5	5	**10**	9	-	1	-	-	-//-
V-a	9	5	**14**	14	-	-	-	-	-//-
Total	**77**	**46**	**123**	**82**	**5**	**11**	**21**	**4**	-

Sursa: ANRM, F. 1772, I. 53, D. 1, f. 10.

După criteriu etnic, potrivit indicilor prezentate mai sus, putem conchide că în liceu predominau elevi de origine armeană, urmați de evrei și ruși.

Pe lista elevilor de origine armeană a liceului, potrivit datelor de arhivă, figurează următoarele nume: Abraameanț Abraam, Almazova Echaterina și Maria, Avacheanț Șișanik, Bogdasarov Serghei, Eghiazarova Lidia, Eghiazarova Nazlî, Kirkorov Gabrieli, Kirkorov Ruden, Lusahanovici Maria, Mahineanț Ana, Mardirosevici Nerses, Muraciov Vartan, Ovanesov Karp, Șișmaneanț Haciaturi, Șișmanov Artemii, Tabak Fabrikantov Ovanes, Tanigheanț Ovanes, Tevanov Ivan ș.a. [1, f. 19-34].

Derularea orelor de curs precum și a examenelor avea loc după masă [6, f. 12; 2, f. 1] deoarece o bună parte din profesori erau titulari la alte licee din Chișinău [6, f. 21 verso - 22].

Cu referire la reușita elevilor din liceul armenesc din Chișinău din datele statistice ale învățământului pentru anii școlari 1918/1919 și 1919/1920 avem următorul tablou:

Nr.	**Situația elevilor în școală pentru anul de învățământ 1918/1919**	Cursul inferior clasele				
		I	**II**	**III**	**IV**	**Total**
1.	Înscriși	43	7	8	9	**67**
2.	Care au urmat regulat	42	5	7	9	**63**
3.	Promovați	28	3	4	8	**43**
4.	Repetenți	14	2	3	1	**20**
5.	Eliminați sau retrași	1	2	1	-	**4**

Sursa: ANRM, F. 1772, I. 53, D. 1, f. 13.

Nr.	**Situația elevilor în școală, anul de învățământ 1919/1920**	Cursul inferior clasele					Cursul superior				
		I	**II**	**III**	**IV**	**Total**	Clasa a V-a				
							Comercială	Clasică	Clasică modernă	Modernă băieți/fete	Reală
1.	Înscriși, care au urmat regulat	40	27	7	11	**85**		16			
2.	Promovați	19	13	1	4	**37**		7			
3.	Repetenți	2	1	-	1	**4**		1			
4.	Corigenți	18	13	6	4	**41**					
5.	Eliminați sau retrași	1	-	-	2	**3**					

Sursa: ANRM, F. 1772, I. 53, D. 1, f. 11.

La liceu erau admiși elevi din diverse categorii sociale. Astfel, conform documentelor Direcției generale a statisticii pentru anii 1918 și 1920 avem următorul tablou:

Elevii înscriși, repartizați după locuință și profesiunea părinților (1918)	**Locuința părinților**		**Total**
	La oraș	**La sate**	
Proprietari și arendași pe moșii, exploratori de păduri și bălți	13	-	**13**
Proprietari de case, rentieri, pensionari	7	-	**7**
Agricultori mijlocii și mici și muncitori agricoli de tot felul	-	-	**-**
Industriași mari și mici, meseriași, stăpâni și lucrători industriali de tot felul	3	-	**3**
Comercianți și slujbașii lor de tot felul	8	-	**8**
Funcționari publici de tot felul	6	2	**8**
Profesori, institutori, învățători și preoți	4	-	**4**
Militari	-	-	**-**
Profesiuni libere și intelectuali, avocați, medici, ingineri, artiști	2	-	**2**
Servitori pentru uzul casnic	5	-	**5**
Alte ocupații	8	-	**8**
Fără nici o ocupație sau ocupație necunoscută	9	-	**9**
Total	**65**	**2**	**67**

Elevii înscriși, repartizați după locuință și profesiunea părinților (23 septembrie 1920)	**Locuința părinților**		**Total**
	La oraș	**La sate**	
Proprietari și arendași pe moșii, exploratori de păduri și bălți	6	7	**13**
Proprietari de case, rentieri, pensionari	13	1	**14**
Agricultori mijlocii și mici și muncitori agricoli de tot felul	-	1	**1**
Industriași mari și mici, meseriași, stăpâni și lucrători industriali de tot felul	6	3	**9**
Comercianți și slujbașii lor de tot felul	20	8	**28**
Funcționari publici de tot felul	5	2	**7**
Profesori, institutori, învățători și preoți	4	2	**6**
Militari	-	-	**-**
Profesiuni libere și intelectuali, avocați, medici, ingineri, artiști	1	-	**1**
Servitori pentru uzul casnic	4	-	**4**
Alte ocupații	6	2	**8**
Fără nici o ocupație sau ocupație necunoscută	7	3	**10**
Total	**72**	**29**	**101**

Sursa: ANRM, F. 1772, I. 53, D. 1, f. 12-13.

Din datele prezentate mai ales în cel de-al doilea tabel putem conchide că cei mai mulți elevi ai liceului proveneau din familii de comercianți și funcționari – 28, urmați de proprietari de case, rentieri, pensionari – 14, proprietari sau arendași de moșii – 13 și industriași mari sau mici – 9.

Vorbind despre istoria liceului armenesc din Chișinău nu putem să nu trecem în revistă și câteva nume de profesori care și-au pus pregătirea, capacitatea și talentul în serviciul instruirii și educării tinerei generații. După cum urmează, din datele dosarelor cu referire la cadrele didactice angajate pentru materiile principale la liceul particular mixt armenesc din Chișinău am constituit parțial o listă de profesori care s-au periindat în istoria liceului: Artemii Zaharianov – științele naturale; Avocatul Grigori Ohanov – științele legilor; Grigorii Gheico, Alexandru Gobjula – limba latină; Alina Ramiuza, Edmond Ghiuo – limba franceză; Anastasia Zencenko – limba franceză la clasele I-III-a; Alexandra Zache, Marioara Țizerl – limba germană; Serhi Orlov, Pavel Runțov, Mihai Iatvenschi – limba rusă; Anastasia

Ohanova – limba rusă la clasele I-IV-a; Eva Eţichianţ – limba rusă şi aritmetica în clasele pregătitoare inferioare; Eugenia Glicsman-Vasiliu, Ştefan Botezat, Maria Botezat, Valeria Vasilescu, Constanţa Valescu – limba română; doctorul Ivan Ghiulihandaneanţ, Alexandru Eriţpohanian – limba, istoria şi geografia Armeniei; Pavel Hobeţ, Nicolae Musatov, Vera Makarova – istoria şi geografia; preotul Vasile Doncilă, preotul Martiros Zaticheanţ – religia; Ştefan Sâtmalov, Nicolae Şeglov, Nicolae Pilipencu, Ion Strepetov, Anica Popandopulo – matematica; Petrea Panteleev – fizica şi cosmografia; Constantin Malanețchi – filosofia şi pedagogia; Vasilii Blinov – desenul şi pictura; D-ra doctor Firiti – igiena; Ileana Iablonsca – lucru manual [6, f. 1, 3, 17, 19-20 verso].

Pe lângă profesori, în cadrul liceului, erau angajaţi şi un şir de institutori/supraveghetori, însă nu insistăm aici asupra acestui subiect (care presupune o analiză mult mai profundă cu luarea în consideraţie a istoriei şi activităţii profesorilor, manifestării elevilor, derulării examenelor de absolvire, înmânării diplomelor etc.), intenţionând prezentarea-i în cercetările noastre ulterioare.

În ceea ce priveşte finalizarea activităţii liceului armenesc din Chişinău, în 1925, presupunem că aceasta a fost cauzată de partea materială a existenţei şcolii, reieşind din considerentul că liceul se afla în totalitate la autogestiune. Supoziţia noastră se bazează pe o scrisoare adresată Ministerului Instrucţiunii Publice, Directoratului din Basarabia, din partea directorului liceului, în care, după cum urmează, acesta prezintă cheltuielile curente ale şcolii pentru anul 1923 semnalând totodată existenţa unui deficit bugetar:
„... bazându-ne pe numărul elevilor înscrişi până acum la liceu (107 elevi) avem venire totală pentru anul prezent – 190 600 lei
salariul profesorilor şi administraţiei pe lună – 20 640 lei
pe an (10 luni) – 206 400 lei
plata pentru local pe an – 40 000 lei
cheltuielile de cancelarie şi cele neprevăzute pe an – 10 000 lei
Total pe an – 256 400 lei
Deficitul total pe an – 66 800 lei.” [1, f. 77].

Din cele expuse în acest studiu putem schiţa câteva concluzii – documentele de arhivă demonstrează că liceul particular mixt armenesc din Chişinău, a apărut şi şi-a desfăşurat activitatea în contextul evenimentelor favorabile mişcării de emancipare şi afirmării conştiinţei naţionale în Basarabia interbelică, inclusiv a minorităţilor naţionale; abilitatea de manifestare educaţională a armenilor prin intermediul şcolii particulare proprii a reprezentat un vădit element al democraţiei pentru acea perioadă cristalizând opţiunea comunităţii de a-şi consolida şi valorifica potenţialul intelectual.

Bibliografie

1. *Arhiva Naţională a Republicii Moldova* (*ANRM*), F. 1772, I. 53, D. 1.
2. *ANRM*, F. 1772, I. 53, D. 3.
3. *ANRM*, F. 1772, I. 53, D. 5.
4. *ANRM*, F. 1772, I. 53, D. 32.
5. *ANRM*, F. 1772, I. 53, D. 33.
6. *ANRM*, F. 1772, I. 53, D. 42.
7. Fondul 1772, *Gimnaziul mixt armenesc Vardaneanţ din Chişinău*, conţine date statistice privind componenţa, reuşita şi procesul de instruire a elevilor liceului, precum şi date de ordin personal ale cadrelor didactice, elevilor (cereri, demersuri, scrisori, adeverinţe) şi certificatele de absolvire a liceului de către elevi.
8. Lidia PRISAC, *Învăţământul minorităţilor naţionale prin prisma comunităţii armene (de la Basarabia ţaristă la Basarabia românească)*, în *„Ţara Bârsei”, Revista de cultură a Muzeului „Casa Mureşenilor”*, Braşov, 2013, nr. 12, p. 441. http://tara-barsei.ro/wp-content/uploads/2014/01/prisac2013.pdf
9. Mai detaliat a se vedea pe http://www.calend.ru/holidays/0/0/492/ (accesat pe 23.01.2015)

УДК:2.327

SPECIFICUL IDENTITAȚII RELIGIOASE ÎN CONTEXTUL GLOBALIZĂRII

Barcari Dina
doctorand
Universitatea de Stat din Moldova, Departamentul Filosofie și Antropologie
barcaridina@yahoo.com

Résumé. En conditions d`aujourd`hui de la mondialisation, le plus probablement, sont en voie de risque des identités culturelles, dont religieuse. Spécificités la construction des identités religieuses suppose l'acceptation ou le rejet des règles, valeurs, significations. Les phénomènes de la diversité culturelle déterminée par les processus contemporains de la mondialisation conduire de la recherche devrait a une est interactions culturelles, dont le dialogue interculturel et interreligieuse, comment et leurs effets sur l'identité et les facteurs déterminants de son.

Mots-clés: Identité, religion, la mondialisation, identité religieuse, dialogue interculturel, dialogue interreligieuse

Identitatea este un concept analitic, ambiguu cu multe sensuri contradictorii. Cercetările asupra identității se referă predominant la realități din lumea occidentală, caracteristice modernității târzii, bazată pe un proiect reflexiv. În acest context, decurge procesul neîntrerupt de modelare și remodelare continuă a identității ca consecință la influența forțelor sociale pluraliste, la curentele culturale şi contexte personale.

Morgan și Pritchard, susțin că în societățile contemporane, identitățile sunt tranzitorii, mobile, că identitățile indivizilor se schimbă frecvent de-a lungul vieții și că acest lucru permite prezentarea teatrală a identității. Iar Baumeister consideră că identitatea modernă este compusă din mai multe fațete care sunt în permanență schimbare decât cele ale identității din epocile anterioare.

Giddens consideră că în postmodernitate sau în modernitatea târzie, avem de a face cu un proces de pierdere a identităților colective și de accentuare a identităților individuale. Conform lui Luhrmann şi Eberl, identităţile nu sunt fixe, ele se schimbă în timp. Astfel, unele schimbări situaţionale, de context, de comportament în relaţia de interacţiune aduc nevoia renegocierii identităţii [1, p. 53].

Turner susține că pe măsură ce identitatea socială împărtășită devine proeminentă în economia identității persoanei respective, percepția de sine a acesteia tinde să devină depersonalizată. Și că indivizii tind să se definească și să se vadă mai puțin ca persoane diferite și mai mult ca reprezentanți „modificați” ai unei categorii sociale.

Construirea identităţii presupune acceptarea sau respingerea unor norme, valori, semnificaţii. Ea se realizează în cadrul interacţiunilor faţă în faţă dintre indivizi (prin interpretarea şi evaluarea informaţiilor vehiculate). Formarea identităţii în termenii unei serii de comparaţii, ca şi construct relaţional, este descrisă de Erickson.

Procesul construirii identităţii în viziunea acestuia are următoarele etape: indivizii aflaţi în interacţiune îl compară pe individul ţintă cu ei înşişi, apoi informaţiile legate de această evaluare sunt vehiculate în conversaţiile dintre părţi, iar individul ţintă ia acest feedback în considerare, comparându-se la rândul lui cu cei cu care interacţionează. Aceste comparaţii influenţează felul în care se defineşte persoana ţintă.

În mediul tradițional în care a trăit de milenii, omul actual se confruntă cu invazia unei realități care-i cuprinde întreaga viață care poartă denumirea de globalizare. Scara de valori tradițională, atât teoretice, cât și comportamentale, practice este pusă sub semnul întrebării sau chiar ignorată, combătută în multe din componentele sale.

Fenomenele diversității culturale determinate de procesele contemporane ale globalizării duc la o cercetare necesară a interacțiunilor interculturale, inclusiv a dialogului intercultural, cât și a efectelor acestora asupra identității și a factorilor determinanți ai acestea.

Multilingvismul, elementele și obiceiurile preluate din alte culturi și încorporarea acestora în cultura proprie, au o parte importantă în procesul de formare a identității și anume a identității religioase. Într-o zonă de conviețuire a diferitelor culturi și confesiuni religioase, acestea sunt capabile să creeze situații

comunicative în care participanții recunosc în mod reciproc alteritatea și diversitatea. Pluralismul, una dintre caracteristicile specifice ale societății contemporane, insuflă individului o negociere a identității religioase. Pune un alt mod, capabil de a construi identitatea religioasă în baza diferitor tradiții religioase.

Aderarea la o religie, se înscrie în mod tradițional într-o tradiție religioasă și se transmite din generație în generație. Fiecare religie presupune o mobilizare permanentă a memoriei colective. În societățile tradiționale, în cazul în care lumea simbolic-religioasă este structurată pe un mit reflectând atât despre originea lumii cât și despre cea a grupului, memoria colectivă este complet conținută, de fapt, în structurile, organizarea, limba, practicile de zi cu zi. Dar această cerință se confruntă, în lumea globalizării, cu refuzul de a accepta tradițiile stabilite din timp a comunității din care face parte individul.

În contextul diversității religioase se încearcă a crea un om nou, lipsit de transcendență, adaptat tehnologiilor actuale și intereselor economice. Deși îi sunt respectate drepturile lui fundamentale, la viață, la alegerea oricărei credințe religioase, omul trăiește totuși într-un spațiu cu o spiritualitate imanentă, cultivând mereu noul, reconsiderând, reinventând mereu totul, inclusiv propria natură. Totuși luăm în considerație că majoritatea oamenilor voluntar aprobă identitatea religioasă dată de familia în care s-a născut.

În perioada globalizării au loc numeroase convertiri și un rol deosebit în acest proces îl joacă mass-media care prin difuzarea informației îi face pe tineri să adere la Islam, Iudaism sau Budism aparținând creștinismului ortodox după educație (cu o creștere anuală de 12-13% din 1993), sau deplasarea cu multiple fațete spre noile mișcări religioase inspirate din spiritualitatea Orientală, din tradiția ezoterică sau din „ecologismul radical". Într-o lume secularizată, în cazul în care credințele și practicile prevăzute de instituțiile religioase sunt din ce în ce mai neglijate, fenomenul convertirii îl face pe om mai deschis pentru o nouă identitate religioasă „…identitatea religioasă în modernitate nu mai poate fi considerată una moștenită. Persoanele își construiesc propria lor identitate religioasă reieșind din diversitatea resurselor simbolice și experiențele în care au fost implicați" [5, p. 31].

Astfel, în lumea globalizată, unde viteza de schimbare este un imperativ cultural real, tradiționalismul și păstrarea identității religioase specifice unei comunități nu mai corespund adaptărilor vieții sociale contemporane.

Bibliografie

1. Scârneci F. Introducere în sociologia identității. Editura Transilvania, Brașov, 2009. 177 p.
2. Dubar C. Criza identității: interpretarea unei mutații. Știința, Chișinău, 2003. 232 p.
3. Campiche R.J., ș.a. Croire en suisse (s). Suisse: Editions l`Age d`Homme, 1992. 329 p. https://books.google.md/books?id=TL09_t-PuxwC&pg=PA281&lpg=PA281&dq=croire+en+suisse&source=bl&ots=VKR2XPqSnp&sig=92HWS8-CzROQ7qAQQGYoPiuWpzI&hl=ro-MD&sa=X&ei=haDZVM_NAc3EPJL9gWg&ved=0CB8Q6AEwAQ#v=onepage&q=croire%20en%20suisse&f=false (visite 08.02.2015)
4. Fatio O., ș.a. Pour sortir l`oecumenisme du purgatoire. Geneve: Editions Labor et Fides, 1993. 97 p. https://books.google.md/books?id=fc3gYINAoboC&pg=PA92&lpg=PA92&dq=pour+sortir+l%60oecumenisme+du+purgatoire&source=bl&ots=k1FLUdTzIj&sig=eZ7j9IjyM2UyssTkJCppft60ito&hl=ro-MD&sa=X&ei=ZqHZVLmXIoSyPdXqgNgN&ved=0CDEQ6AEwAw#v=onepage&q=pour%20sortir%20l%60oecumenisme%20du%20purgatoire&f=false (visite 09.02.2015)
5. http://www.archipel.uqam.ca/933/1/M10163.pdf

УДК: 17.023:504

RESPONSABILITATEA MORALĂ ŞI LIBERTATEA ECOLOGICĂ ÎN CONTEXTUL SOCIETĂȚII BAZATE PE CUNOAȘTERE

Capcelea V.
doctor habilitat în filosofie, conferenţiar universitar, secretar ştiinţificl
Filialul Bălți a Academiei de Științe a Moldovei
email: vcapcelea@mail.ru
Capcelea A.
doctor habilitat în ştiinţe biologice, specialist superior pe problemele de mediu
pentru țările Europei și Asiei Centrale, Banca Mondială
email: acapcelea@worldbank.org

Annotation. The article addresses the relationships between moral responsibility and ecological freedom in the conditions of the third millennium of human civilization. It examines the issues of human responsibility in general and of ecological responsibility in particular. Furthermore it describes the current concepts of ecological freedom, of people's obligations and behavior to nature, and, in particular, towards animals. A particular attention is paid to environmental education and culture through promoting the human values and moral norms.

Key words: responsibility, moral responsibility, freedom ecological environmental education, ecological culture, knowledge-based society.

Problema responsabilităţii morale este stringentă pe motiv că dacă nu se reuşeste de a edifica o etică nouă pentru societatea actuala postmodernă bazată pe cunoaştere şi nu sunt înţelese schimbările care trebuie să se producă în privinţa responsabilităţii morale individuale şi colective si, în prim plan cu referinţă la mediul înconjurător, atunci se pune în pericol viitorul existenţei civilizaţiei umane, deoarece acest viitor se construieşte în prezent sau este, mai mult ca oricând, ameninţat de procesele ce se petrec în existenţa socială în prezent. Este deja cunoscut ca în societatea contemporana sunt frecvent încălcate normele morale universale, ele fiind profund zdruncinate şi, posibil, alterate iremediabil. În acest context examenarea coraporturilor dintre libertățile și valorile morale ce condiționează, în mare măsură, comportamentul ființelor umane față de mediul înconjurător și resursele lui, prezintă un interes și o importanță deosebită.

La general, ne raliem opiniei filozofului german, H. Jonas, care consideră, pe bună dreptate, că responsabilitatea morală, din perspectiva viitorului îndepărtat al omenirii este de natură ontologică [a se vedea: 3], pentru că de ea depinde, în mare măsura, soarta civilizației umane. Reieșind din acest postulat de importanță metodologică, noi vom aborda raportul dintre responsabilitatea morală și libertatea ecologică din perspectiva societății bazate pe cunoaștere.

Responsabilitatea poate fi definită ca o atitudine conştientă, simţ de răspundere faţă de obligaţiile sociale, îndeplinirea conştiincioasă, riguroasă a îndatoririlor ce revin persoanei sau colectivului de conducere, potrivit statutelor sociale ce le deţin. Ca o concordanţă dintre ideile, sentimentele, atitudinile individului şi cerinţele sociale, responsabilitatea era plasată, la început, pe terenul moralei, pe motiv că responsabilitatea este înţeleasă ca o dimensiune a individului ce reglementează întregul său comportament şi nu poate fi redusă numai la nivelul său moral, că există o corelaţie între toate formele de responsabilitate (morală, politică, juridică).

Evidenţiind faptul că responsabilitatea morală îndeplineşte rolul unei valori sociale deosebite, eticianul român I. Grigoraş evidenţiază această semnificaţie prin:

1. Omul nu poate fi exonerat de răspunderea faptelor sale deoarece, depinzând de societate, are datorii faţă de aceasta; responsabilitatea reprezintă astfel o necesitate socială şi o datorie de conştiinţă.
2. Responsabilitatea morală îndeplineşte funcţia extrem de importantă a formării omului în spiritul integrării sociale şi a exigenţelor societăţii în care trăieşte.
3. Valoarea morală a responsabilităţii este evidenţiată în mod deosebit de normele, datoriile şi de idealul moral ce sunt puncte de reper decisive pentru planurile devenirii de ansamblu a societăţii.

4. În procesul raportării individului la societate, responsabilitatea morală are funcţia esenţială de a provoca şi de a împlini un anumit model uman [2, p. 100-105].

La Conferința ONU *Mediul şi dezvoltarea* de la Rio de Janeiro din iunie 1992 s-a remarcat pentru prima dată principiul etic al responsabilității morale a omului pentru păstrarea naturii [a se vedea: 10]. Omul nu trebuie să „gestioneze" natura, el trebuie să se învețe a coopera cu forțele ei cu scopul de a instaura o coexistență armonioasă cu tot ce este viu pe Pământ. Însă, cel mai complicat lucru îl reprezintă dezvoltarea unei atitudini față de lumea extrinsecă în sensul că ea există și are aceleași drepturi ca și fiecare om, că ea poate să supraviețuiască numai in conditiile non-violenței asupra ei.

Pentru a realiza acest deziderat este necesară existența unei motivații personale care este condiționată de normele sociale existente, mai ales, de normele morale general-umane, „care pot fi interese bazate pe convingerile sociale ale majorității populației în ceea ce privește comportamentul adecvat în societate. În acest caz, putem spune că un anume comportament, solicitat de cerințele ecologice legale, nu poate fi obținut prin sancțiuni juridice sau economice, ci prin convingerea necesității de a respecta normele sociale" [1, p. 211]. Astfel, este necesară o motivație intrinsecă, o activitate orientată spre atingerea unor scopuri clare în domeniul mediului, activitate, care ar contribui la oferirea bunurilor publice ecologice pentru mai mulți și, în același timp, la satisfacția personală în această activitate. Un rol important îl are, în acest context și motivația biosferică, care ține de respectul față de interesul tuturor vietăților de pe pământ, și nu numai de cel al ființei umane. În această ordine de idei, savantul danez M. Olson consideră că, în schimbarea comportamentului subiecților „motivația morală are aceiași importanță ca și calculele economice ale pierderilor și beneficiilor care țin de conformare sau de neconformare" [6, p. 569]

În sens larg, responsabilitatea moral-ecologică reprezintă disponibilitatea și capacitatea omului de a acționa față de mediul ambiant și față de tot ce este viu în conformitate cu facultățile sale morale. Totodată, aceasta constituie conștientizarea de către om a activității ecologice orientată spre atitudinea armonioasă a omului față de natură în interacțiunile lor. Responsabilitatea moral-ecologică trebuie concepută ca o necesitate de acțiune ecologică orientată spre principiul coevoluției omului și naturii prin armonizarea ulterioară a interacțiunii lor. Din această cauză, responsabilitatea reprezintă ceva deosebit, pe motiv că ea nu se poate atribui la o țară sau alta, ea fiind o responsabilitate a fiecăruia dintre noi, deoarece caracterizează deciziile adoptate, care au o mare importanță pentru dezvoltarea ulterioară a umanității.

Noțiunea de „libertate ecologică" presupune posibilitatea, capacitatea şi pregătirea morală a personalității de a acționa în mediul natural al existenței sale și în relația cu ea în conformitate cu măsura culturii și/sau a constiinței sale ecologice. Libertatea ecologică este determinată de responsabilitatea morală și ecologică, care poate fi concepută ca conștientizarea de către om a necesității activității ecologice orientate spre a fi luat în considerație principiul coevoluției societății și naturii, armonizarea de mai departe a interacțiunii lor. În contextul acestei conceperi, responsabilitatea morală și ecologică apare în calitate de măsură de responsabilitate istorică, pentru că ea caracterizează adoptarea deciziilor, realizarea cărora are o însemnătate cardinală pentru procesul istoric în general.

În opinia cercetătoarei din Belarus, T. Mișatchina, responsabilitatea ecologică și libertatea moral-ecologică se fundează pe un șir de postulate principiale:

1. Este necesar de a trece de la „modelul dominației" asupra naturii spre „modelul coexistenței" omului cu natura, cu scopul instaurării unui echilibru durabil între existența ecosistemică contemporană cu cea din trecut.

2. Noua concepție a mediului înconjurător trebuie să includă în sine protecția habitatului „fraților mai mici", nu pentru om, ci de om.

3. Este necesar de a ne învăța să ne administrăm pe noi, iar pentru aceasta este nevoie de a ne dezvolta așa facultăți ca: autolimitare, responsabilitate, cinste, echitate, a consolida credința în iubire, altruism, ajutor reciproc, în drepturile omului și în drepturile altor ființe vii.

4. Trebuie să tindem spre reconcilierea conflictelor (dintre economie și producție cu ecologia) evaluând totul după criteriile moralității [9, p. 22].

Prin urmare, omul are o responsabilitate morală față de societatea în care trăiește, față de destinul acesteia – inclusiv față de viitorul său îndepărtat – dar și față de desăvârşirea sa ca personalitate morală, „ca om între oameni" şi nu ca om printre oameni. În acelaşi timp, „responsabilitatea morală este planul

cel mai înalt al responsabilităţii …este responsabilitatea persoanei care îl percepe pe Celălalt ca fiind mai important decât propria sa fiinţă… devine actul de naştere a simţului moral desăvârşit, care se descoperă responsabil nu numai pentru propriile acte dar şi pentru cele ale semenilor săi" [4, p. 156-157]. Dacă vom parafraza formula marelui existențialist francez al sec. al XX-lea J-P. Sartre conform căruia „Omul este condamnat la libertate", atunci în condiţiile contemporane, putem spune cu certitudine că „Omul este condamnat la responsabilitate".

Omul contemporan posedă un spectru întreg de posibilități pentru că bazându-se pe cunoașterea legilor ecologice să acționeze în mod conștient asupra procesului armonizării relațiilor sale cu natura stăvilind acțiunea unor legități și crearea condițiilor pentru manifestarea altora. Anume gradul de cunoaștere a legităților socio-naturale și gradul posibilității de a stăpâni și a „manipula" cu ele determină nivelul libertății obținute de către om în interacțiunea cu natura și indică conținutul obiectiv al responsabilității sale morale și ecologice.

Una din formele responsabilității moral-ecologice îl reprezintă datoria oamenilor față de natură, în mod particular, față de animale. În această ordine de idei, Im. Kant considera că aceasta reprezintă datoria indirectă a omul față de sine însuși, față de alți oameni. În atitudinea față de ceea ce este viu, deși lipsit de rațiune a unei părți a creaturilor, tratamentul violent asupra animalelor este cu atât mai dezgustător datoriei omului față de sine însuși, prin faptul că prin aceasta se slăbește simpatia omului față de suferințele lor, se atenuează și treptat, se distrug aptitudinile naturale, care sânt destul de utile pentru moralitate în relația cu alți oameni. Cu toate că oamenii au dreptul să le ucidă destul de rapid (fără chinuri) sau să le impună să lucreze destul de intens, peste puterile lor (din păcate, cu astfel de munci trebuie să se împace deseori și oamenii). Experiențele fizice chinuitoare în interesele oamenilor sânt dezgustătoare dacă scopul lor poate fi atins fără ele. Chiar mulțumirea care trebuie să existe pentru munca unui cal bătrân care s-a trudit ani mulți, sau pentru o slujbă îndelungată a unui câine (care erau ca și membri ai familiei), reprezintă o datorie indirectă a omului, față de aceste animale, însă, în mod nemijlocit, ea reprezintă o datorie a omului față de sine însuși.

Pentru formarea responsabilității moral-ecologice este necesar de a săvârși eforturi susținute din partea fiecărui om, a întregii societăți, și, în primul rând, să existe o educație corespunzătoare care să contribuie la formarea la cetățeni a unei culturi morale și ecologice active. Pentru a materializa acest obiectiv destul de important, este necesar de a efectua o restructurare cardinală a întregii conștiințe sociale, ecologizarea ei maximală, depășirea nepăsării și a analfabetismului ecologic care s-a format de mii de ani. Însă, astăzi transformarea ecologică a conștiinței trebuie să se miște de la formarea unor cunoștințe ecologice inițiale spre obținerea unei culturi ecologice înalte.

La etapa actuală de dezvoltare a societăţii este esenţial ca omul să fie educat în spiritul respectului pentru mediu, ca el să devină conştient de faptul că nu este stăpânul naturii, ci doar o parte a ei. În acest context, educarea maselor, în special a tinerei generaţii, în vederea însuşirii unei concepţii ecologice unitare, este tot mai necesară astăzi, când se înregistrează o influenţă majoră a omului asupra naturii.

Este important de menţionat că educaţia ecologică reprezintă o parte componentă destul de importantă a educaţiei generale a publicului larg, începând cu copiii şi terminând cu persoanele adulte şi specialiştii din toate domeniile economiei naţionale. În acest sens, societatea trebuie să asigure resursele adecvate şi instruirea necesară pentru o educaţie ecologică adecvată. Toate domeniile de activitate pot şi trebuie să aibă reguli proprii, care să includă o atitudine grijulie faţă de mediu în cadrul domeniului lor de activitate, precum şi să asigure respectarea strictă şi implementarea corectă a acestora.

Educaţia ecologică este orientată, în final, spre obţinerea unei *culturi şi conştiinţe ecologice*, bazate pe un sistem adecvat de *valori ecologice* [a se vedea: 5]. Cultura ecologică, presupune cunoaşterea profundă a legităţilor dezvoltării naturii şi societăţii, a interdependenţei omului cu mediul, conştientizarea necesităţii de a ocroti natura, a prognoza fenomenele ce au loc în natură, a folosi cât mai raţional şi eficient resursele naturale [a se vedea: 8]. Spre exemplu, Conform *Legii Federaţiei Ruse cu privire la reglementarea educaţiei în domeniul ecologiei*, cultura ecologică reprezintă experienţa moştenită a omului în procesul vieţii cotidiene în interacţiunile sale cu mediul înconjurător, experienţa care contribuie la un mod sănătos de viaţă, la o dezvoltare social-economică durabilă, la securitatea ecologică a ţării şi a fiecărui om [a se vedea: 11]. Conştiinţa ecologică poate fi definită și ca o formă a conştiinţei sociale, care constă în reflectarea relaţiei dintre societate şi natură, a influenței acţiunilor omului asupra naturii şi a

consecinţelor acestor acţiuni, precum şi în fundamentarea căilor şi mijloacelor de protecţie a naturii, a mediului.

Cultura ecologică este o parte componentă a culturii generale umane, care este pătrunsă profund de importanța mediului și a resurselor lui în dezvoltarea inițială a civilizației. Analizând structura culturii, în general, și a celei ecologice, în particular, filosoful rus L. Kogan distinge câteva tipuri ale culturii, care exprimă o pătrundere „verticală” atât a sferelor materiale, cât și a celor spirituale ale vieții sociale [a se vedea: 7]. Printre tipurile de cultură el evidențiază cultura economică, estetică, ecologică și politică. În acest context, cultura ecologică: a) reprezintă un element al culturii societății, care fixează modalitatea de exprimare a forțelor ființelor umane în domeniu; b) este o formă de exprimare a nivelului de conștientizare a problematicii mediului și a nivelului de implicare a societății în soluționarea problemelor ecologice; c) caracterizează nivelul de dezvoltare şi angajament al instituțiilor societății de a transmite experiența în protecția mediului; d) reprezintă o caracteristică a nivelului de conștientizare a importanței individului, a rolului său în prevenirea degradării mediului și în soluționarea problemelor ecologice; e) poate fi considerată un indicator al implicării tuturor membrilor societății în procesul formării la generația tânără a unei atitudini grijulii față de mediu [1, p. 166].

În concluzie, trebuie să remarcăm faptul că un rol deosebit în relațiile dintre mediu și societate în condițiile societății bazate pe cunoaștere îi revine nu numai conștiinței și culturii ecologice, dar, după cum am remarcat anterior și normelor morale, libertății ecologice, care se referă la cerințele intrinseci ale individului de a proteja natura, care trebuie să se transforme într-un imperativ categoric.

Bibliografie

1. Capcelea, A. *Sistemul managementului ecologic*. Chișinău: Î. E. P. Știința, 2013. 260 p.
2. Grigoraş, I. *Prelegeri de etică*. Iaşi: Ed. Universităţii Al. I. Cuza, 1973. 292 p.
3. Jonas, H. *Le Principe Responsabilité. Une éthique pour la civilisation, technologique,* trad. J. Greisch. Paris: Flammarion, 1998. 470 p.
4. Maxim, S-T. *Peripatethice*. Iaşi: Ed. PIM, 2010. 202 p.
5. Murgu Z.; Marinescu, C. *Educaţia ecologică – imperativ al lumii contemporane*. http://www.dacoromania-alba.ro/nr26/educatia_ecologica.htm.
6. Olson, M. *Dictatorship, democracy and development*. In: American Political Sciense Review, 1993, No 87 (3), p. 567-576.
7. Каган, Л. Н. *Теория культуры*. [Текст]: монография. Екатеринбург: УРГУ, 1993. 244 с.
8. Любичанковский, В. А. *Эволюция взаимоотношений общества и природы*. http://credonew.ru/content/view/726/32/.
9. Мишаткина, Т.В.;. Барковская, А.В; Богданчик Н.П. *Экологическая этика и экология человека*. Учебно-методическое пособие для студентов высших учебных заведений и колледжей со специализацией по естественным наукам под ред. Т.В. Мишаткиной. Минск: МГЭУ им. А. Д. Сахарова, 2008. 43 с.
10. *Повестка Дня на XXI век/ Agenda 21*. http://www.r-komitet.ru/s_i_d/agenda21 /index.htm.
11. *Федеральный закон О государственном регулировании в области экологии*. http://infapravo.by.ru/fed 1998/ch01/akt10928.shtm.

УДК:13.2

SPIRITUALITATEA CA REALITATE TANGIBILĂ VIEȚII COTIDIENE

Motîngă Ivan
Doctorand, Universitatea de Stat din Moldova, Departamentul Filosofie și Antropologie
sawasa22@gmail.com

Resume. Spiritualite etait en tous temps la zone de maximale densite esprit en contenu qui ont ete developpes nouvelle archetypes, ethnotypes, prototypes, stylistique complexe, cartes mentales et

paradigmes. Forces sociales survenir a partir de substrat la spiritualite: information, attitudes, orientantions qui demontre comme la spiritualite il y avait et aujourd`hui solidarite avec enseignements spirituels du temps.

Mots-cles: spiritualite, la vie qoutidienne, valeurs morales-chretiennes, unite.

Spiritualitatea de-a lungul istoriei omenirii s-a dovedit a fi „cadrul", „locul" ce-i adună pe toţi (membrii unei societăţi, unui popor, unui neam) împreună. În toate timpurile spiritualitatea a fost zona de maximă densitate sufletească în cuprinsul căreia s-au elaborat noi arhetipuri, etnotipuri, prototipuri, complexe stilistice, hărţi mentale şi paradigme. Spiritualitatea este acel substrat din care iau naştere forţele sociale: informaţiile, atitudinile, orientările şi chiar demonstrează că spiritualitatea a fost şi mai este şi astăzi solidară cu învăţăturile spirituale ale timpului. Rar se mai întâmplă că învăţăturile spirituale a unei epoci să fie adunate de cineva. Jaspers a numit aceşti oameni care reuşesc să adune învăţăturile spirituale ale epocii lui – oamenii cruciali (cum a r fi Platon pentru antichitate, Pascal pentru epoca modernă ş.a.).

De la începuturile ei, filosofia, a avut ca problemă majoră elaborarea unor criterii de apreciere a acţiunilor umane, a unor criterii de apreciere a conţinutului de sens şi de cercetare critică a pretenţiei de universalitate a unor estimări, ceea ce a dus (mai târziu, de abia în secolul al XIX - lea) la apariţia unui nou compartiment al filosofiei – axiologia (ştiinţa valorilor). Aşa şi s-a păstrat definiţia valorii, reieşind din latinescul „valori" – „a estima, a aprecia", deoarece valoarea nu este ceva constant, bine stabilit, valoarea este un raport, o relaţie. Analiza criteriilor de grupare a valorilor ne-a arătat că „fiecare valoare aparţine unui sistem raţional de coordonate" [7, p.95]. O valoare poate fi reală sau personală, materială sau spirituală, mijloc sau scop, integrabilă, neintegrabilă, liberă sau aderente faţă de suportul ei concret şi datorită ecoului ei în conştiinţa subiectului. De asemeni valorile pot fi economice, vitale, juridice, politice, teoretice, estetice, morale şi religioase. Reieşind din cercetarea noastră, ne vom opri la ultimele două tipuri de valori: morale şi religioase – care posedă aceleiaşi caracteristici cum ar fi: personale, spirituale, de scop, integrabile, aderente şi amplificative. Dat fiind faptul că „fundamentul vieţii sociale în general şi a celei naţionale. În special, este de natură spirituală" [6, p.418], orice fenomen social, orice act o conjuncţie între cele două valori creştine: Binele şi Răul. Din adâncul relaţiilor sociale ale indivizilor care creează şi emit valori, răzbate semnificaţia spirituală fără de care societatea s-ar transforma într-o simplă gesticulaţie fără sens. Astfel omul înălţa sau ridică nivelul de realitate al lucrurilor dacă va urma o linie de trăiri spirituale, înălţătoare, nu una de simplă afirmare biologică. Nici cea mai înaltă dintre instituţiile lumii nu va da o şansă în plus celui ce, punând stăpânire pe o atare instituţie, o atrage în jos, spre impulsul materialist, al interesului şi egocentrării. Ceea ce menţine şi a menţinut din toate timpurile umanitatea la un nivel ridicat de spiritualitate a fost şi sunt valorile morale – creştine, care conform clasificării efectuate de către filosoful grec Panayotis Nellas sunt determinate de patru determinări constitutive ale omului: voinţa, mintea, cunoaşterea şi gândurile. Astfel, „Omul are două dimensiuni: trupul şi sufletul – care leagă persoana umană de dimensiunea materială şi cea spirituală, a creaţiei şi fac din om o recapitulare a universului şi un microcosm". [4, p.185]. În *Mic tratat despre valori* indică valorile – repere ale existenţei umane, dintre care ideea de Dumnezeu prezintă izvorul tuturor valorilor, sau astfel spus această idee este cea mai înaltă valoare dintre câte au fost concepute [5, p.21]. Dat fiind faptul că lumea e proiecţia propriei noastre personalităţi, noi o analizăm nu prin conţinuturile ei empirice dar prin sensul general pe care ni-l relevă această lume. Până şi concepţia despre lume este determinată de nivelul spiritualităţii, e oglinda unui suflet lipsit de echilibru şi de unitate..." [2 p.406]. Şi dimpotrivă, numai aflându-ne în armonie cu noi înşine şi cu voinţa de valoare a Eu-lui putem aduce o creştere a valorii Lumii şi o creştere a propriului nostru Eu.

Unitatea lumii nu poate fi dobândită decât prin actul trăitor, iar actul trăirilor nu poate aduce nimic la unitate dacă nu-şi are temelia în ideea de Dumnezeu, adică dacă nu se duce în centrul trăirii, prezenţa iubitoare şi pacificatoare a lui Dumnezeu. Acest tip de trăire preschimbă viaţa noastră în viaţa valorificată, înălţată, adică la condiţia valorii (a binelui, frumosului şi adevărului). Tot astfel putem înţelege posibilitatea „întâlnirii" noastre, a unităţii unui spirit şi a solidarităţii în manifestări a unor inşi atât de diferiţi căci se află în situaţii atât de felurite „După cum atenţia individuală e călăuză şi garanţia succesului, la fel solidaritatea în jurul aceloraşi valori sau idealuri e călăuza şi garanţia succesului. De aceea fiecare ideal sau valoare socială este o forţă creatoare în destinul naţiunilor" [5, p.25].

Pe lângă conceptele de cadru spiritual şi tipar de trăire, următorul concept de generalitate este ipostaza spirituală sau categoria ipostazială. Ipostaza spirituală sau categoria ipostazială este ansamblu de tipare trăitoare înalt reprezentativă pentru o epocă şi pentru un anumit spaţiu de viaţă colectivă. Omul spiritual (reprezentat de homo viator - vălător) este o asemenea ipostază umană înalt reprezentativă pentru Evul Mediu. Anume în orizontul ipostazului uman medieval apare polaritatea sufletului şi a trupului, sau cum menţionează Le Goff [3, p.11] apare „unirea conflictuală a sufletului cu trupul". Făcând trimitere la unele dintre cărţile sale cele mai citite ale lui Grigore cel Mare: Moralia în Job care este un comentariu la *Cartea lui Iov*, Le Goff susţine că pentru întreg Ev Mediu, cadrul spiritual cel mai înălţător devine suferinţa. În cartea tratat *De ce Dumnezeu om* Anselm de Canterbury prin excelenţă desfăşoară esenţa spiritualităţii medievale, dacă luăm ca suport următorul citat: „Printr-o tulburătoare răsturnare de imagini, de-acum încolo omul suferinţei este prin excelenţă Dumnezeul întrupării, este Hristos. Iar în secolul al XVI-lea iese la iveală imaginea lui Iisus, aşa după Evanghelia lui Ioan: Ecce homo (Iată omul!). Acest om dintr-un moment excepţional al istoriei omeneşti devine figura simbolică a omului suferind umilit, dar divin. Dar marea taină a istoriei, pe care de-a lungul întregului Ev Mediu teologii s-au străduit s-o aplice, este ce Dumnezeu a acceptat, a hotărât să se facă om, să se umilească în Hristos" [1].

Suferinţa a mediat naşterea ştiinţei omului care, pentru medievali, cuprinde cuplul trup/suflet (corpus/animo), dar şi spiritul (spiritus) sau duhul, prin ideea de suflare şi ca un corespondent al celei de-a treia persoane a Treimii. În cadrul unui alt cuplu – medievalii distrug între cord (inima) şi intelectus (capul). Inima este ceva între suflet şi spirit şi îşi însuşeşte tot mai mult interioritatea sentimentelor, opunându-se capului. De interioritatea sentimentelor, se leagă în fine simbolistica sângelui [3, p.12]. Portretul antropologic medieval merge până la a face din om, cum ne arată Le Coff „imaginea metaforică a societăţii".

Graţie suferinţei, dobândim acces la ştiinţă şi deopotrivă la mântuire. Calea către cunoaştere trece tot prin suferinţă. Suferinţa este stigmatul definitiv, cadrul „învăţăturilor", artei, istoriei şi filosofiei spirituale din Evul Mediu. Suferinţa de pe chipul Madonei, suferinţa răstignirii lui Hristos, suferinţa de pe chipul Preacuratei Maicii, suferinţa pelerinului şi a cruciatului – iată pilonii antropologiei medievale. Că suferinţa este cadrul spiritualităţii medievale ne-o dovedesc documentele ce ţin de această tematică: de la cartea lui Iov (*Moralia în Job*) scrisă la 590, a lui Grigore cel mare, până la cartea lui Anselm de Canterbury (*De ce s-a făcut Dumnezeu om)*, documente examinate a amănunţit în cartea lui G.Le Goff, *Omul medieval* [3]. Aceste documente fac parte din principalele surse de informaţii în problematica valorilor creştine şi a spiritualităţii contemporane.

Bibliografie

1. Anselm de Canterbury. De ce un Dumnezeu om. Polirom, Iaşi, 1997.
2. Bădescu I. Dumnezeu şi unitatea interioară a vieţii noastre sufleteşti. Idealuri şi valori, naţiunile şi lumea – în: Ilie Bădescu.O Cit., p.406
3. Le Goff. Omul medieval. Iaşi: Polirom, 1999.
4. Nellas P. Omul – animal îndumnezeit. DEISIS, Sibiu, 2002.
5. Speranţia E. Mic tratat despre valori (Valoarea ca gest de convergenţă vitală) – în: *Transilvania,* an.73, nr.5-6, extras, p.21.
6. Speranţia E. Factorul ideal. Oradea: Tipografia Beres Caros, 1929, p.3 – în: Ilie Bădescu, *Noologia,* Valahis, Bucureşti, 2002, p.418
7. Vianu T. Teoria valorilor. Opere. vol. III, Minerva, Bucureşti, 1988.

УДК:281.9

ORTODOXIA ÎTRE TRADIȚIONALISM ȘI UNIVERSALISMUL ECUMENIC

Pleșca Victor
doctorand,
Universitatea de Stat din Moldova, Departamentul Filosofie și Antropologie
usm_filozofie@yahoo.com

Resume. XXe siecle restera dans l'histoire du christianisme marquee par l'apparition du mouvement œcumenique et avec une nouvelle ideologie qui est devenu un sujet de preoccupation et facon de penser beaucoup theologiens de toutes confessions chretiennes. Aujourd`hui, nous apprendre au debut de XXI siecle, nous aidons a une crise dans l'œcuménisme contemporain, la crise qui a plus de motifs: subjectif et objectif.

Mots-cles: œcumenisme, orthodoxie, l'universalisme oecumenique, theologie, mouvement oecumenique, traditionalisme.

Secolul XX va rămâne în istoria creştinismului marcat prin apariţia mişcării ecumenice şi a unei noi ideologii care a devenit preocuparea şi modul de gândire a multor teologi din toate confesiunile creştine. Pentru foarte mulţi oameni, Ecumenismul a însemnat o punte pentru apropierea credincioşilor din diferite confesiuni, spre reconciliere şi unitate. Bisericile Ortodoxe locale s-au angajat în această mişcare la început mai distanţat, dar mai târziu, unele au devenit dintre cele mai active membre ale Consiliului Ecumenic al Bisericilor (CEB).

Astăzi, aflându-ne la începutul primului deceniu al secolului XXI, noi asistăm totuşi la o criză în ecumenismul contemporan, criză care are mai multe motive: subiective şi obiective. Bisericile Ortodoxe locale care, după cum am menţionat, la început au fost foarte active în promovarea ideologiei ecumeniste, astăzi deja manifest atitudine cu totul diferită faţă de cum era ea în urmă cu 15-20 de ani.

Din momentul în care unele Biserici rămân fidele ideilor şi scopurilor mişcării ecumenice, altele deja au părăsit-o, considerând ca participarea ortodocşilor la această mişcare este incompatibilă cu învăţătura Evanghelică a Sfinţilor Părinţi.

Astfel de multe ori în disputele despre ecumenism, este trecută cu vederea cea mai importantă întrebare, anume: ideea în sine a ecumenismului, este adevărată sau nu. Ideologia, scopurile şi metodele acestei mişcări sunt în concordanţă cu învăţătura dogmatică, ascetico-mistică şi canonică a Bisericii Ortodoxe?

Dacă da, atunci noi suntem chiar obligaţi să participăm la ecumenism, dacă nu, atunci din contra, suntem obligaţi să-l părăsim. Ca să încercăm o analiză pe măsură, întâi de toate, trebuie să precizăm ce înseamnă „mişcarea ecumenică", sau „ecumenism". În cărţile cu conţinut teologic ecumenist găsim următoarea definiţie: „Mişcarea Ecumenică în sensul pe care l-a căpătat în epoca modernă, este încercarea Confesiunilor şi Bisericilor creştine de a se cunoaşte, de a se apropia, de a se studia - direct sau prin dialog - în vederea unităţii de credinţă şi a unirii lor" [3, p. 27].

Scopul ecumenismului afirmat în definiţia lui de mai sus, la prima vedere este bun şi binecuvântat; ce poate fi mai lăudabil decât revenirea la unitatea creştină a primelor veacuri, după porunca Mântuitorului „ca toţi să fie una". Dar înainte de a ne bucura, merită să ne gândim cum şi în ce chip este posibilă această apropiere şi unire. Modurile pentru atingerea acestui scop pot fi următoarele:

• Contopirea tuturor confesiunilor, precum componentele unui aliaj;

• Sincretismul religios ca unire a tuturor confesiunilor după principiul păstrării diversităţii şi specificului fiecăreia cu o eventuală bază dogmatică (adică principiul minimului dogmatic);

• Al treilea fel de unire, care se propune de obicei de către teologii ortodocşi, este de a predica şi de a face cunoscută Ortodoxia eterodocşilor, spre a-i aduce în sânul Bisericii.

Toate acestea probabil au fost rezumate din maxima care circula încă pe timpul Fericitului Augustin – „În necessariis unitas, în dubiis libertas, în omnibus caritas", or „În cele necesare - unitate, în cele îndoielnice - libertate, în toate-iubire" [5, p. 132].

Primele două feluri de unire sunt de respins din start, pentru că presupun renunţarea la adevărul

evanghelic exprimat în Sfânta Scriptură şi în învăţătura Sfinţilor Părinţi care arată că adevărul este unic şi nu multiplu şi că renunţarea la „o iotă sau o cirtă” din învăţătura apostolică, înseamnă pierderea întregului Hristos.

În ce priveşte al treilea fel de unire pare a fi, binecuvântat în sine, dar din păcate imposibil de realizat în cadrul mişcării ecumenice. Pentru că ecumenismul la ora actuală reprezintă o mişcare având un program şi o ideologie foarte bine precizată şi formulată şi care presupune tocmai primele două feluri de unire.

Ca să ne încredinţăm de aceasta, este suficient să citim definiţia Consiliului Ecumenic al Bisericilor. La cea de a treia Adunare Generală a CEB, care a avut loc în decembrie 1961 la New-Delhi, a fost adoptată următoarea definiţie, constituind articolul II al Constitutiei CEB: „Consiliul Ecumenic al Bisericilor este o asociaţie frăţească de Biserici, care mărturisesc pe Domnul Iisus Hristos ca Dumnezeu şi Mântuitor după Scriptură şi se străduiesc să răspundă împreună la chemarea lor comună, spre slava unui singur Dumnezeu: Tatăl, Fiul şi Duhul Sfînt” [3, p. 71].

Deci din această definiţie se vede clar că toate confesiunile şi grupările eretice, din start sunt recunoscute drept Biserici: „Consiliul Ecumenic al Bisericilor este o asociaţie frăţească de Biserici”. Despre care misiune şi predică a Ortodoxiei se poate vorbi, dacă abia devenind membri ai CEB, noi deja i-am recunoscut pe eretici ca părtaşi ai harului Sfântului Duh pogorât la Cincizecime şi mădulare ale trupului unic al lui Hristos.

La 3 Septembrie 1967, un ecumenist englez, Michael Moore, adjunct al secretarului general al CEB pentru relaţii externe cu Biserica Anglicană, la întrebarea: „Cum înţelege unitatea Bisericii?”, a răspuns aşa: „Ea este unitară ca Biserică nevăzută”. La altă întrebare: „Cine face parte din această Biserică nevăzută?”, a urmat răspunsul: „Toţi creştinii”. Adică, în adevărata Biserică a lui Hristos sunt incluse toate denominaţiunile, grupările şi sectele, care în trecutul nu prea îndepărtat au fost anatematizate de Biserica ortodoxă din pricina devierilor lor eretice de la adevărul lui Hristos. Michael Moore transferă eronat calităţile Bisericii cereşti biruitoare, nevăzută nouă, asupra Bisericii pământeşti, luptătoare, care este văzută, incluzând în Biserica pământească, numită de el „invizibilă”, pe toţi ereticii, cu numele comun de „creştini”.

Ar fi fost oare cu putinţă în vremea Sfinţilor Părinţi, ca ereticii să se întreţină „de la egal la egal” cu creştinii Oliodocşi şi să caute o oarecare „unitate” a Bisericii prin intermediul unor hotărâri şi acorduri de compromis? Sfinţii Părinţi nu îngăduiau nici unei grupări eretice să se numească „biserică”, dar mai ales egale ca valoare cu Biserica Ortodoxă!

Astfel pentru noi este clar că nici o convertire la Ortodoxie nu este cu putinţă în cadrul CEB-ului, pentru că ecumenismul promovează o eclesiologie cu totul diferită faţă de cea Ortodoxă exprimată în Sfânta Scriptură şi învăţătura Sfinţilor Părinţi.

Conform ideologiei ecumeniste, ca să îndeplineşti condiţiile de a fi Biserica cea adevărată a lui Hristos, nu e nevoie nici de succesiunea apostolică, nici de succesiunea în adevăr şi sfinţenie, nici de împărtăşirea cu Hristosul euharistic cel adevărat, ci doar să mărturiseşti „pe Domnul Iisus Hristos ca Dumnezeu şi Mântuitor (...) şi să te străduieşti să răspunzi la chemarea comună spre slava unui singur Dumnezeu: Tatăl, Fiul şi Duhul Sfânt” [3, p. 71].

Pentru noi, creştinii ortodocşi, această definiţie a CEB care expune condiţii pentru a deveni membru al acestei organizaţii şi care exprimă toată eclesiologia ecumenistă şi baza de unire, nu poate fi acceptată, întrucât:

- presupune existența şi lucrarea harului Sfântului Duh sfinţitor și mântuitor şi în afara Bisericii celei Una, Sfântă, Sobornicească şi Apostolească;
- în acest temei al CEB se amintește oarecum timid şi doar spre sfârşit de credinţa În treimea Dumnezeirii, fără a se defini cum anume trebuie să crezi în Dumnezeul Cel Unul în Trei Ipostasuri şi fără o legătură reciprocă directă cu credinţa în Domnul Iisus Hristos ca al doilea ipostas întrupat al lui Dumnezeu.

De aici ne dăm seama foarte clar că acest principiu „triadologic” este formulat special într-atât de confuz şi vag, pentru a deveni o punte de legătură între adevăr şi minciună. De altfel, Philippe Potter, secretarul general al CEB, a declarat că pentru a fi admise în calitate de membri ai CEB, nu se cere „bisericilor” decât să accepte „baza” respectivă; alte condiţii în acest sens nu se vor pune.

Şi de aceea, nici nu este de mirat că după zeci de ani de existenţă a CEB, nu s-a ajuns la nici un

progres în ceea ce priveşte întoarcerea eterodocşilor spre creştinismul autentic, spre gândirea Sf. Părinţi, spre Biserica mamă. Ci din contra, noi asistăm la mai multă desacralizare şi chiar profanare a celor sfinte în gândire a teologilor ecumenişti. Fără căIăuzirea după Sfânta Tradiţie a Bisericii Ortodoxe şi după învăţătura Sfinţilor Părinţi, teologhisirea poate să ne ducă la aberaţiile scolasticismului apusean şi la hula împotriva lui Dumnezeu. De aceea este foarte de înțeles regretul Î.P.S. Mitropolitului Ioannis Zizioulas al Pergamului care spune: „Adunarea nu a oferit spaţiul pentru dezbateri teologice. Teologia şi morala, gândirea şi raţiunea sunt încă separate de viziune a ecumeniştilor (...). În curând în CEB nimeni nu se va mai interesa de teologie (...). Duhul Sfânt pentru ecumenism este o temă, nicidecum o persoană a Sfintei Treimi de aceeaşi fiinţă cu Tatăl şi cu Fiul (...). Dogma Sfintei Treimi este vitală pentru Biserică şi pentru fiecare creştin în parte" [3, p. 97].

Din păcate, această ideologie neomodernistă care nu mai vede graniţele canonice ale Bisericii adevărate şi nu poate da nici o importanţă pentru mântuire faptului de a fi sau nu aderent al confesiunii creştin ortodoxe - singura mântuitoare - această ideologie aşadar a pătruns şi în minţile mai multor teologi ortodocşi. Faptul e dovedit de aceea că la conferinţele ecumeniste, mai degrabă protestanţii reuşesc să facă propagandă şi misiune printre ortodocşi, decât ortodocşii printre protestanţi. Problema eclesiologică e una dintre cele mai stringente, astfel alte confesiuni tind de a deţine adevărul şi numesc comunitatea lor ca „biserică". Ce putem spune despre aceste idei? Cred că merită să ne felicităm unii pe alţii că în sfârşit s-a descoperit învăţătura ortodoxă adevărată de eclesiologie şi soteriologie pe care pare-se că n-au cunoscut-o părinţii şi Apostolii lui Hristos, ostenindu-se vasăzică în zadar atât de mult, ba chiar au fost prigoniţi şi omorâţi în lupta lor contra ereziilor. Şi de acum cu îndrăzneală şi mândrie, putem să ne adresăm tuturor pe care i-au anatematizat Sfinţii Părinţi, spunându-le: „Dragi eretici, dumneavoastră sunteţi ai noştri, deşi n-aţi ştiut şi nici n-aţi vrut aceasta. N-aţi reuşit să fugiţi de la noi. Tot ceea ce aveţi bun vi se dă de la noi, că având noi ortodocşii plinătatea harului, mai scapă şi către voi câte o luminiţă sau bucătică de har."

Faptul că Biserica ortodoxă care singură îndeplineşte condiţiile de Una, Sfântă, Sobornicească şi Apostolească este o singură Împărăţie a harului lui Dumnezeu pe pământ, locul unde permanent este prezent şi lucrează Dumnezeul Cel în trei ipostasuri, trupul mistic al lui Hristos Mântuitorul şi că în afara Bisericii nu există mântuire, au spus-o toţi Sfinţii Părinţi. Noi putem doar să repetăm ceea ce avem descoperit în Sf. Scriptură şi Sf. Tradiţie şi în ceea ce dintotdeauna credea Sfânta Biserică.

Sfântul Ciprian al Cartaginei spune: „În afara Bisericii nu există mântuire: casa lui Dumnezeu este una singură şi e cu neputinţă să se mântuiască cineva în altă parte decât în Biserică (...). Oricine se deleapădă de Biserică, devine străin de testamentul Bisericii. Cel care strică pacea şi unitatea în Hristos, lucrează împotriva lui Hristos" [7, p. 68].

Sfântul Irineu de Lungdunum: „Unde este Biserica, acolo este şi Duhul Sfânt. De aceea cei care nu au părtăşie cu ea, nu au parte nici de trupul lui Hristos, din care izvorăşte apa vieţii" [7, p. 69].

Fericitul Augustin: „Mântuirea ni se dă prin Biserică, iar cei care sunt în afara Bisericii, ei nu vor primi viaţa veşnică" [7, p. 70]?

Este foarte greu de înțeles ce înseamnă „biserici nedepline" (aşa cum se exprimă Părintele Stăniloae) precum şi existenţa harului înjumătăţit, îndoit sau împătrit. Dacă în grupările eretice eterodoxe lucrează harul sfinţitor şi mântuitor, înseamnă că ele sunt înlăuntrul Bisericii celei Una, înseamnă că de fapt sunt ortodoxe în sensul deplin al acestui cuvânt. Atunci Sfinţii Părinţi ai Bisericii Ortodoxe care au condamnat şi au anatematizat ereziile şi pe ereziarhii lor, ar trebui să fie socotiţi ca nişte răufăcători şi călcători ai celor mai mari porunci ale lui Dumnezeu: „ca toţi să fie una şi să vă iubiţi unul pe altul, precum Eu v-am iubit pe voi." - porunci preluate strâmb şi scoase din contextul lor real mistico-dogmatic de către ecumenişti. Atunci ar trebui să scoatem din uzul Bisericesc ca pe ceva învechit şi lipsit de sens şi Dogmatica şi Dreptul Canonic şi Patrologia şi să excludem din Sfânta Scriptură Epistolele Sf. Evanghelist Ioan, ale Apostolului Iuda şi în general să facem o cenzură radicală a Evangheliei. Această teologie nouă care învaţă că în afara Bisericii Celei Una, harul Sf. Duh sfinţitor şi mântuitor, nu încetează să lucreze, ci doar îşi micşorează lucrarea, pe măsura depărtării de „sursa" ortodoxă, a fost elaborată şi pusă în circulaţie de Biserica Romano-catolică la Conciliul II Vatican cu scopul de a absorbi şi de a înghiţi Biserica Ortodoxă.

Această eclesiologie nouă, n-are nimic comun cu cea ortodoxă, exprimată de Sf. Părinţi şi confirmată de Sinoadele Ecumenice. Aici în viziunea ecumeniştilor, atunci când ei iau în discuţie

„micşorarea” harului, pe măsura depărtării de „sursa” ortodoxă, harul nu este privit în sensul ortodox, ca pe o comuniune nemijlocită cu Dumnezeu, prin participarea noastră la energiile Lui necreate, ci ca pe ceva separat de Dumnezeul Cel Viu. Baza doctrinară a acestei teorii este neoplatonismul lui Plotin, care privea lumea ca pe nişte lumini, emanate de divinitate şi care slăbesc cu cât se depărtează de izvorul lor; cel mai depărtat punct în care ajung aceste emanaţii luminoase ar fi, conform lui Plotin, cosmosul material.

Cea mai mare greşeală a acestei teorii, constă în faptul că Biserica nu este privită ca un organism integral şi viu, ca trupul mistic al lui Hristos Mântuitorul. Un mădular tăiat şi separat de organism, Încetează să mai fie un ţesut viu, el imediat moare şi începe să putrezească. Apropierea mortului de cel viu, nu-l face şi pe mort, viu, nici măcar pe jumătate. O asemănare aparentă a unor grupări eterodoxe cu Biserica Ortodoxă, nu poate să facă din ele al doilea trup al Mântuitorului Hristos. Fer. Augustin spune: „În afara Bisericii Celei Una, poţi să ai orice, afară de mântuire. Afara graniţelor Bisericii poţi să ai trepte ierarhice, „tainele”, Aliluia şi Amin, Evanghelie, credinţă şi să mărturiseşti pe Dumnezeu Cel în trei ipostasuri, dar mântuirea poţi s-o găseşti exclusiv în Biserica Ortodoxă Sobornicească”. O teză care este susţinută de adepţii ecumenismului este aceea conform căreia Sf. Duh suflă unde vrea, indiferent de eşti ortodox, schismatic sau eretic; tocmai aceasta este o mare îndrăzneală, chiar şi hulă, pentru că încearcă să subordoneze în fapt, lucrarea harului, voinţei omului. Nu se mai caută adevărata casă a lui Dumnezeu, ci este suficient să crezi în persoana lui Hristos şi după aceea poţi să stai liniştit, că Duhul suflă unde vrea, aşa că poate ajunge şi la tine, indiferent de eşti ortodox sau eretic. Aici se uită că Sfântul Duh nu suflă aiurea, spontan şi iraţional, precum vântul, ci El este Persoană divină, raţională. E adevărat că noi nu înţelegem raţiunile lui Dumnezeu şi nici nu putem pricepe judecăţile Lui, dar a spune că Duhul Sfânt Dumnezeu este prezent şi altundeva decât în casa Sa, adică în Biserică este una din cele mai mari erezii pe care le-a auzit creştinătatea. În plus, ecumeniştii ne-ar putea contrazice cu următorul citat evanghelic: „În casa Tatălui Meu sunt multe locaşuri”. Dar să bage de seamă cei rătăciţi care folosesc acest citat biblic scos din context, că este întâi de toate vorba aici despre „Casa Tatălui Meu”, adică despre Biserică şi nu despre capiştile satanei, căci ce părtăşie are Dumnezeu cu veliar?

Iată o altă întrebare care ar putea fi ridicată de ecumenişti: „Oare ajung graniţele confesionale până la cer?” [12, p. 42].

Răspunsul oricărui credincios ortodox fidel credinţei sale este că tocmai dogmele reprezintă ziduri de apărare ale Bisericii, ziduri care asigură garanţia ajungerii în cer a sufletelor tuturor acelor credincioşi care rămân în interiorul acestor ziduri. Dogmele sunt „din cer” şi nu produsul unei raţiuni umane, nişte fapte inventate - aşa cum se întâmplă în Biserica Romano-catolică unde „se fabrică” dogme în fiecare zi; în Ortodoxie, dogmele sunt revelate de la Duhul Sfânt şi formulate cu cuvinte omeneşti, pentru înţelesul credincioşilor, tocmai pentru a le garanta ajungerea „până la cer”. Ce dovadă mai clară avem decât formularea dumnezeieştilor părinţi ai Sinoadelor Ecumenice: „Părutu-sa Duhului Sfânt şi nouă?”.

Dreptul canonic bisericesc ne spune: (...) la eretici, unde nu este biserică, e cu neputinţă a primi iertarea păcatelor. Şi prin urmare, apărătorii ereticilor sunt datori sau să schimbe întrebarea (dacă lucrează sau nu Sf. Duh în tainele săvârşite de eretici sau schismatici), sau să apere adevărul, dar nu cumva să le atribuie şi biserică acelora despre care susţin că au Botez (...). Fiindcă nu poate fi valid dacă a putut să boteze, a putut să dea şi pe Duhul Sfânt; de n-a putut, din cauză că este în afară de Biserică, n-are pe Duhul Sfânt şi nu poate boteza pe cel ce vine, deoarece botezul este unul, şi unul este Duhul Sfânt şi Una Biserica întemeiată de Hristos Domul nostru (...) - Canonul 1, Sin. Cartagina, tinut pe timpul Sf. Ciprian al Cartaginei, 256 [4, pag. 181].

Crezul ortodocşilor din mişcarea ecumenică despre Biserică şi lucrarea Sf. Duh în ea, n-are nimic comun cu cel al Sfinţilor Părinţi exprimat în canonul citat mai sus, în schimb parcă repetă cuvânt cu cuvânt pe cel al fostului secretar general al Consiliului Ecumenic al bisericilor, Filipp Potter, care în ajunul celei de-a 5-a Adunări de la Nairobi scria: „În sensul comunităţii ecumenice, fiecare Biserică are puterea catolică şi universală deplină şi mărturiseşte una şi aceeaşi credinţă apostolică. Fiecare din aceste Biserici, reciproc legate printr-un singur botez şi o singură euharistie, recunoaşte ierarhiile celorlalte” [1, pag. 91].

Cum am menţionat anterior ecumenismul propagă „un minim dogmatic”, cu alte cuvinte, ni se propune o denaturare a credinţei, interzisă de Sinoadele Ecumenice şi condamnată de Sf. Părinţi, ştirbirea integrităţii confesionale a unicii Biserici Sfinte Sobornicești şi Apostolicești şi rezumarea adevărurilor

confesionale, obligatorii pentru creştinii ortodocşi, la câteva dogme esenţiale, celelalte fiind subapreciate sau chiar neglijate.

Întâi de toate, această metodă de unire cu ereticii care constă în căutarea minimului dogmatic comun, nu este cea a Sfinţilor Părinţi. Exemplu avem participanţii la primul Sinod Ecumenic de la Niceea care nu au căutat o formulă de compromis dogmatic care să împace ambele tabere şi care să conducă la o împăciuire în dauna adevărului de credinţă.

Pentru Sfinţii Părinţi, imitarea bisericească, niciodată n-a fost un scop în sine ci ţelul suprem al lor era păstrarea adevărului dogmatic ferit de orice inovaţie, adevăr dogmatic ce este singurul garant pentru mântuire. Întreaga activitate a Primului Sinod Ecumenic a fost tocmai spre găsirea acelor formule de diferenţiere care să deosebească dogma ortodoxă de erezie. Era nevoie de termenul care să fi separat adevărul de minciună şi atunci a fost propusă formula „de o fiinţă cu Tatăl” (071 Ousios). Astfel era apărat şi păstrat adevărul fără care este cu neputinţă mântuirea noastră. Teologia înseamnă tocmai căutarea formulelor de exprimare a adevărului de credinţă cât mai exact. Pe când ecumenismul nu face altceva decât să caute formule cât mai acceptabile pentru toţi. E un fel de joc de-a credinţa şi dogmele, adică ca şi cum ar fi „Ce ai cedăm noi, ce nai cedează ei, şi aşa ajungem la unire” - tot mai des poţi să auzi aşa în jurul tău şi aceasta se numeşte „progres” în dialogurile ecumenice.

Astfel ideologia ecumenistă insistă tot mai energic asupra abaterii de la dogme ca necesitate întru găsirea cu orice preţ a unităţii pierdute. Ecumenismul considerând dogmele drept ceva secundar şi lipsit de importanţă încearcă tocmai crearea unei noi credinţe supraconfesionale, unde Biserici Ortodoxe în cel mai bun caz i se va permite să-şi păstreze unele forme exterioare cum ar fi de exemplu arhitectura şi arta bisericească dar şi aceasta doar ca simplă moştenire culturală. Acest duh de decădere morală pătrunde pe nesimţite în conştiinţa participanţilor la mişcarea ecumenică.

Să luăm aminte încă o dată la ceea ce ne spun Sfintele canoane ale Bisericii Ortodoxe celei Una: „Iar dacă cineva dintre toţi, nu va păzi şi nu va îmbrăţişa Învăţăturile despre buna cinstire de Dumnezeu arătate mai sus şi nu le va cinsti şi propovădui aşa, ci s-ar apuca să se împotrivească, să fie anatema, potrivit cu hotărârea statornicită de Sfinţii şi fericiţii Părinţi arătaţi mai înainte şi să fie scos şi căzut din rândul creştinilor. Căci noi am socotit că nu se poate adăuga sau scoate ceva din cele hotărâte mai înainte. Aceasta deloc şi sub nici un cuvânt” [9, p. 158].

Una din cele mai mari aberaţii la care s-a ajuns în gândirea ortodocşilor ecumenişti este rugăciunea comună la ereticii şi chiar cu păgânii şi ceea ce este foarte interesant, se încearcă justificarea acestei practici chiar cu Sfânta Scriptură. Cel mai plauzibil, laconic şi perfect răspuns ni-l dau iarăşi canoanele Bisericii Ortodoxe: „Episcopul, prezbiterul sau diaconul numai de se va ruga împreună cu ereticii, să se afurisească, iar de le va da voie a lucra ca unor clerici, să se caterisească” - Canon Apostolic 45 [9, p. 172]. „Dacă vreun cleric sau laic va intra în sinagoga iudeilor sau a ereticilor să se roage, să se caterisească şi să se afurisească.” - Can. Apost. 64 [9, p. 172]. „Nu se cuvine a se ruga împreună cu ereticii sau schismaticii.” - Laodiceea, Can.33 [9, p. 173].

Legea morală creştină ne obligă pe noi să ne rugăm pentru ereticii ca Dumnezeu să-i întoarcă la dreapta credinţă, dar prin aceasta nicidecum nu se Înţelege că trebuie să ne rugăm împreună cu ei. Pentru că rugăciunea este şi un act de mărturisire şi când ne rugăm împreună cu cineva aceasta înseamnă recunoaşterea adevărului de credinţă a celui cu care ne rugăm împreună. Unul din cele mai preferate argumente ale teologilor modernişti, deci ecumenişti, în sprijinul convingerilor lor este că şi eterodocşii ar avea sfinţi. Aceasta înseamnă evident că lucrarea sfinţitoare şi mântuitoare a Sfântului Duh se întinde şi dincolo de graniţele Bisericii Ortodoxe şi că pentru sfinţenie n-ar avea nici o importanţă cărei confesiuni aparţii. Iată citatul în sprijinul acestei idei: „Sfântul este omul universal, omul total, care nu mai este separat de nimeni şi de nimic. În el, toate frontierele, chiar şi cele confesionale, sunt depăşite.” [6, p. 11]

„Pe culmile spiritualităţii, pe culmile desăvârşirii creştine, marile personalităţi duhovniceşti se întâlnesc. „Confesiunile” - catolici, ortodocşi, vechi orientali, vechi catolici - rămân undeva sub norii deasupra cărora se înalţă sfinţii, a căror râvnă se dirulează mai mult spre desăvârşirea morală şi spre întâlnirea cu Dumnezeu prin asceză şi prin rugăciune, situându-se în dreapta credinţă prin miracolul urcării deasupra disputelor” [8, p. 9].

Ca răspuns la aceste afirmaţii, mai bine să lăsăm să vorbească pe Înşişi „sfinţii” romano-catolici, ca Sfânta Angela (1309) sau Tereza de A villa [12, p.72].

În metodele de asceză şi rugăciune ale acestora se vede cel mai clar toată minciuna catolicismului.

Rugăciunea ortodoxă totdeauna este aşezată în partea de sus a inimii, în nici un caz mai jos. Prin multa experienţă s-a dovedit că dacă rugăciunea se aşează undeva în alt loc aceasta de fiecare dată este rezultat al înşelării duhovniceşti. Erotomania catolică se pare că este rezultatul aşezării rugăciunii în partea de jos.

Astfel dacă la „sfintele catolice" este prezent aşa-numita iubire mistică atunci pentru sfinţii Romano-catolici le este caracteristică o mândrie prin care se consideră ca nişte „dumnezei Înaripaţi". Exemplu avem la Francisc de Assisi - un „sfânt" celebru al romano-catolicilor în timpul captivităţii sale la Perugia, când prima dată a început să mediteze la viaţa de sărăcie pentru Dumnezeu spunea tovarăşilor săi de arme: „Să ştiţi însă că, acela care ca şi voi, este Încătuşat În fiare, va fi Într-o zi omul cel mai slăvit de lume" [12, p. 18].

Ar merita să mai facem o paranteză şi să luăm aminte asupra faptului că atunci când Sfinţii Părinţi interzic rugăciunile În comun cu ereticii, În afara motivului pe care deja l-am menţionat mai sus, există şi un altul, anume: rugându-ne Împreună cu cineva, chiar inconştient ne Împărtăşim şi de duhul cu care se roagă acest om, de experienţa şi metoda lui de a se ruga şi astfel ne punem Într-un mare pericol, ca încetul cu Încetul, noi Înşine să devenim părtaşii aceloraşi metode de rugăciune, aceluiaşi duh care nu este deloc duhul smereniei, al pocăinţei şi al iubirii şi de asemenea părtaşi aceloraşi patimi care sunt roade ale Înşelării duhovniceşti şi părerii de sine.

Un alt argument pentru sprijinul ideii Mişcării Ecumenice foarte des folosit de către ecumeniştii ortodocşi sună cam aşa: „După o sută de ani de când au început dialoguri ecumenice radical s-a schimbat atitudinea teologilor occidentali faţă de Ortodoxie În general; astăzi în Europa Occidentală despre teologie şi spiritualitatea ortodoxă deja se vorbeşte cu mare respect".

Înainte se obişnuia a vorbi direct - poate cam dur dar în schimb se ştia cu cine ai de a face, ce gândeşte şi ce vrea de la tine interlocutorul tău. Acum au început să vorbească ceva mai respectuos dar cu aceasta oare s-a schimbat ceva? Deşi teologii romano-catolici şi protestanţi la întâlnirile ecumenice laudă nu numai unii pe alţii şi pe ortodocşi, ci şi pe mahomedanii pentru credinţa lor într-unul Dumnezeu, pe iudeii pentru că cinstesc pe „părintele comun" al tuturor credincioşilor - Avraam, pe păgânii pentru căutarea lor unui Dumnezeu necunoscut etc., dar să întrebăm de adevăratul respect faţă de Ortodoxie pe acei creştini ortodocşi care trăiesc în vecinătate cu lumea protestantă şi romano-catolică. Să întrebăm pe românii ardeleni, pe ucraineni, pe sârbi; să ne interesăm câte biserici ortodoxe au fost dărâmate în Polonia în perioada interbelică. De asemenea, în Biserica Sârbă a sec. XX au existat nenumăraţi martiri, majoritatea fiind ucişi în al doilea război mondial, de infamul stat fascist al Croaţiei, sub conducerea liderului Ante Pavlici, care justifica toate acţiunile sale, ca având binecuvântarea Bisericii Romano-Catolice. În Croaţia şi în restul Yugoslaviei, din cei douăzeci şi unu de episcopi ortodocşi, cinci au fost asasinaţi, doi au fost omorâţi în bătaie, doi au pierit în închisoare, iar alţi cinci au fost închişi sau izgoniţi din diocezele lor; un sfert din preoţii Ortodocşi au fost ucişi şi o jumătate întemniţaţi. În Croaţia, jumătate din populaţia sârbă a pierit şi mulţi ortodocşi sau convertit la romano-catolicism sub ameninţarea pistolului [11, pag. 170]. Este foarte interesant faptul că şeful lagărului de concentrare Iasenovatz unde au fost ucişi 600.000 de sârbi ortodocşi, era un monah franciscan. În acest lagăr existau şi cuţite speciale care se numeau „serbosek" (tăietor de sârbi) [12, p. 93]. Se mai poate avea încredere în Biserica Romano--Catolică care nu vede altceva în faţa ei decât o supunere sub papucul pontificelui roman a tuturor bisericilor? Oare nu ia ea (Bisrica Romano-Catolică) aspectul unui cameleonism, sau a unor „lupi în piele de oaia care tind să sfâşie turma lui Hristos"?

Altceva e că tot mai des poţi să auzi cuvintele: „Ecumenismul este o tribună de unde se face mărturisirea valorilor spirituale şi teologice Ortodoxe către lumea eterodoxă".

CEB-ul niciodată nu poate fi folosit eficient în acest scop de către ortodocşi pentru

că:

• Bisericile Ortodoxe locale la Conferințele și Adunările Generale ale CEB sunt prezentate de delegaţi în număr foarte mic, vocea lor este contopită ca o picătură de apă în marea protestantismului şi mai ales neoprotestantismului, cum spunea un teolog „ortodocşii sunt folosiţi în CEB ca ceva aleatoriu sau de formă, într-un cuvânt să se arate lumii că şi ei sunt pro-ecumeniști şi deschişi spre colaborare, dar de fapt cuvântul nu prea contează" [13].

• În al doilea rând, ÎPS-ul Arhiepiscop Abraham (Garmelia) al Ciaturei şeful departamentului de relaţii externe la Patriarhia Bisericii Ortodoxe Georgiene explicând motivele de ce Biserica georgiană a

luat hotărârea să nu mai fie membră a CEB şi să nu mai participe la nici-o manifestare organizată în cadrul acestei organizaţii printre altele a spus şi următorul lucru: „Părăsirea mişcării ecumenice era motivată fie şi numai din simpla cauză că de fiecare dată când reprezentanţii Bisericilor Ortodoxe luau cuvântul să prezinte poziţia ortodoxă în diferite chestiuni ei au fost trataţi cu dispreţ şi chiar batjocoră, ca oameni arhaici în gândire, fanatici şi fundamentalişti" [7, p. 71].

• În al treilea rând: delegaţii grupărilor eterodoxe, în cadrul lucrărilor CEB, în nici un caz nu sunt preocupaţi de adevărul doctrinar al propriei confesiuni şi recunoscători ai imperfecţiunii lor. Ereticul şi sectantul, totdeauna se mândresc cu înstrăinarea lor de Biserică, ei tocmai încearcă să prezinte minciuna lor ca pe unicul adevăr. Ar fi o naivitate să-i credem pe eterodocşi ca pe elevi de şcoala primară care doresc să fie învăţaţi şi educaţi în duhul Sfinţilor părinţi. Oare cine a văzut vreodată ca ereticii să fie atât de smeriţi?

Vorba evanghelică: „Aşa că orice pom bun face roade bune, iar pomul rău face roade rele." (...) "De aceea după roadele lor îi veţi cunoaşte." (Mat.7:17, 20) - spune Hristos. Şi ca urmare se pune întrebarea: care sunt roadele predicii sau mărturiei valorilor spirituale şi teologice ortodoxe în cadrul CEB pentru eterodocşi? S-a întâmplat vreodată ca un protestant, romano-catolic sau monofizit, după vreo Conferinţă Ecumenică sau Adunare Generală a CEB, să se lepede de erezia lui şi să treacă la ortodoxie?

Dar din păcate, până acum, imaginile promovate adesea cu entuziasm în mass-media, ale ierarhilor ortodocşi ţinându-se de mâini cu ereticii şi strigând lozinci de unire şi de identitate de credinţă în Hristos, care mărturisesc nu adevărul Ortodoxiei, ci că orice credinţă este bună pentru a te mântui.

Faptul că în zilele noastre, mulţi din eterodocşi se convertesc la ortodoxie, aceasta nu se datorează ecumenismului, ci faptului că în secolul nostru în Europa Occidentală şi în America, au fost înfiinţate mai multe parohii ortodoxe şi cei din alte confesiuni, într-adevăr au putut să cunoască spiritualitatea şi trăirea Ortodoxă. Au fost traduse şi tipărite în diferite limbi mii de volume de teologie şi mistică a Sfinţilor Părinţi răsăriteni. Toate aceste roade, într-adevăr bune, n-au crescut în pomul ecumenismului, ci au rodit din viţa care se numeşte Hristos Dumnezeu, prezent integral în Biserica Ortodoxă şi lucrător prin energiile necreate în întreaga zidire. Astfel e că nu noi trebuie să ne facem ecumenişti şi dromotori ai ecumenismului, ci Ortodoxia trebuie să devină ecumenică. Anume aici ne apare relevant exemplul aderării la ortodoxie a unui Placide Deseille sau Olivier Clement etc. Oare aceştia au venit la Ortodoxie prin intermediul mişcării ecumenice?

Ultimul argument proecumenist care trebuie să fie luat în seamă, este că „ecumenismul ajută mai bine şi mai îndeaproape să cunoşti teologia eterodoxă, nu din cărţi sau manuale, ci prin dialoguri vii, de la persoană la persoană."

Când discutăm asupra diferitelor probleme cu caracter dogmatic sau moral cu eterodocşii, obligatoriu trebuie să fim conştienţi de anumite aspecte: din momentul în care în protestantism nu există nici un sistem teologic unitar, nu există nici o autoritate de referire, cum avem noi, Ortodocşii pe Sfinţii Părinţi, spre exemplu, ci la ei, fiecare teolog îşi creează dogmatica şi morala proprie, cu pretenţia că aşa i-a descoperit Duhul Sfânt. Încât practic este cu neputinţă să ne înţelegem cu ei. Teologii protestanţi, ei înşişi nu prea se înţeleg între ei, permiţându-şi să teologhisească şi să interpreteze Sf. Scriptură, fiecare după placul lui. Atunci oricât am discuta noi cu ei, informaţiile dobândite despre protestantismul contemporan vor rămâne totdeauna subiective şi nedepline, ca fiind schimbătoare de la caz la caz.

Apoi oare merită să mergem aiurea în Suedia sau Elveţia, ca să ne întâlnim cu baptiştii, adventiştii şi alte confesiuni, când şi aici în ţară dai peste ei la fiecare pas. E tocmai ceea ce numea Părintele Ion Bria „ecumenism local ... iar acest ecumenism local nu se cugetă şi nu se practică pe deasupra sau contra Bisericii locale, particulare, istorice, natale. Nu există Biserică locală fără elementele componentei Biserici universale, şi nici invers [2, p.18]." Creştinii ortodocşi nu au înţeles că, dacă refuză, pe baza hotărârilor canonice orice contact cultic şi sacramental cu celelalte confesiuni, atunci în mod implicit am priva de dragostea noastră oamenii în general, în planul relaţiilor social-umane. Pe plan social însă Biserica Ortodoxă se roagă conform poruncilor scripturistice pentru pace în lumea întreagă: să faceţi cereri, rugăciuni, mijlociri pentru toţi oamenii ... ca să petrecem viaţa paşnică şi liniştită întru toată cuviosenia şi bună credinţă (1 Timotei 2, 1-2). Misionarismul social, ospitalitatea creştină, bunăcuviinţa nu trebuie să aibă a face cu promovarea acelui minim dogmatic care este cerut astăzi de mişcarea ecumenică, dat ştiind faptul că „în dogmă nu există concesie", spunea Sfântul Marcu al Efesului [10, p. 65].

Bibliografie

1. Alexiev S. ş.a. Ortodoxia şi Ecumenismul. Ed. Mănăstirea Slătioara, 1997. Boghiu Ş. Ortodoxie şi secularizare. Libra, Bucureşti, 1999.
2. Cucoş C. Efectele malefice ale culturii mediatice. În: Biserica şi problemele vremii, 1998, nr. 3, p.77.
3. Evdokimov P. Ortodoxia. Bucureşti: Institutului biblic şi de misiune al bisericii ortodoxe române, 1996. 382 p.
4. Ioan V. Teologie şi Istorie - studii de patristică şi istorie bisericească. Cluj-Napoca 1999.
5. Joantă S. Cîteva gânduri despre ecumenism. În: Porunca iubirii, revistă de spiritualitate creştin-ortodoxă, nr. 5, 1988, p. 11.
6. Kierkegard S. Școala creștinismului. Adonai, București, 1995. 303 p.
7. Plămădeală A. Biserica slujitoare. Teză de doctorat, Bucureşti 1972, p. 150.
8. Tîrdea A. Ecumenismul - origini, esenţă, deziderate. În: Scara, 2001, nr. 5, p. 65
9. Toffler A. Al treilea val. Politică, București, 1983. 340 p.
10. Vlachos H. Cugetul Bisericii Ortodoxe. Sofia, Bucureşti, 2000. 192 p.
11. Кристева Ю.Б. слово, диалог и роман. В:Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму.Пер. с фр. Косикова Г.К. Москва: «Прогресс», 2000, с.427-457.
12. Vezi interviul consemnat de Greavu Octavian cu Părintele Constantin Galeriu Internetul se reveleazli ca o cale de comunicare / / în revista Planeta Internet]

УДК 165:7.01

ASPECTE ALE DEZVOLTĂRII HERMENEUTICII ÎN CONTEXTUL METODOLOGIEI STUDIULUI ARTELOR

Rocaciuc Victoria
doctor în studiul artelor, conferenţiar cercetător,
Institutul Patrimoniului Cultural al AŞM
victoriarocaciuc@mail.ru

Аннотация. Научная интерпретация – один из важнейших методов искусствоведения, связанный с анализом произведения изобразительного искусства. Данная статья посвящена изучению герменевтики в её историческом развитии, как одной из теорий интерпретации. Многие ученые занимались исследованием её различных аспектов. В статье автор делает краткое описание развития герменевтики, как теории интерпретации изобразительных искусств.

Ключевые слова: метод, герменевтика, теория, произведение, изобразительное искусство, интерпретация, анализ.

Rezumat. În studiul artelor plastice interpretarea științifică este una dintre cele mai importante metode legate de analiza operelor de artă plastică. Acest articol este dedicat studierii hermeneuticii în dezvoltarea istorică a acesteia, ca una dintre teoriile interpretării. Mulți cercetători au studiat hermeneutica în diverse aspecte. În articor se face o scurtă descriere a dezvoltării hermeneuticii ca teoriei a interpretării artelor plastice.

Cuvinte cheie: metodă, hermeneutică, teorie, operă, artă plastică, interpretare, analiză.

Annotation. The scientific interpretation is the one of important methods of art criticism connected with analysis of fine art works. This article is dedicated to the studying of hermeneutics in its historical development, as the one of interpretation theories. Many scientists were engaged in research of its various aspects. In article the author does the short description of evolution of hermeneutics, as the theory of interpretation of fine arts.

Key words: method, hermeneutics, theory, opera, fine art, interpretation, analysis.

După desfiinţarea URSS, în spaţiul post-sovietic critica artelor plastice a schimbat caracterul ei de propagandă şi educaţie într-o altă direcţie, mai puţin ideologizată. În aceste condiţii a apărut necesitatea formulării unor noi principii metodologice adecvate cerinţelor timpului. Actualmente, se vorbeşte despre o hermeneutică artistică, fiind înţeleasă ca metodologie a interpretării operelor de artă. Articolul de faţă este consacrat studierii unor etape istorice legate de procesul interpretării şi tratării operelor de artă, în contextul evoluţiei hermeneuticii.

În general, procesul de studiere a unei opere de artă plastică presupune o interpretare a acesteia sau chiar mai multe interpretări. Arta graficii de carte, spre exemplu, prin imagini şi design utilizează textele scrise. În procesul tratării unor asemenea opere drept metodă de bază poate servi hermeneutica.

Se cunosc mai multe definiţii ale hermeneuticii. Spre exemplu, (din limba greacă: ερμηνεια – a interpreta, a tălmăci) aceasta reprezintă în filosofie metodologia interpretării şi înţelegerii unor texte. Astfel, putem vorbi despre hermeneutica greacă antică şi a.m.d. [1]. Se presupune că denumirea derivă de la numele zeului grec Hermes, mesagerul zeilor şi interpretul ordinelor lui Zeus. În alte variante hermeneutica (din franceză *hermenéutique*, din germană *hermeneutik)* este ştiinţa care se ocupă cu interpretarea textelor vechi (biblice); sau este o disciplină (considerată şi artă) care se ocupă cu înţelegerea şi interpretarea monumentelor, cărţilor şi a textelor vechi; teorie a interpretării semnelor ca elemente simbolice ale unei culturi; ştiinţa sau arta de a interpreta vechile texte religioase, obscure, criptice; rezultatul interpretării; ştiinţa sau metoda interpretării fenomenelor culturii spirituale; ansamblul tehnicilor de descifrare a unui dat simbolic, teorie a procesului de interpretare a semnelor etc. Aceste divergenţe se explică prin faptul că hermeneutica la diferite etape istorice avea diferite obiecte de studiere.

Obiectul hermeneuticii, apărută în secolele al XV-lea şi al XVI-lea în perioada dezvoltării Umanismului, au fost la început scrierile autorilor clasici ai antichităţii greco-romane, apoi – în special – interpretarea conţinutului Bibliei. Teologii creştini s-au străduit să stabilească o metodă, prin care să se pătrundă sensul adevărat al Scripturii şi să uşureze înţelegerea textelor clasice. Hermeneutica iluministă avea, de asemenea, sarcina de a concilia între autoritatea tradiţiei şi exigenţele raţiunii. Critica tradiţiei trebuia făcută în mod raţional, dar raţiunea însăşi era un produs al tradiţiei.

În decursul timpului, hermeneutica devine mai amplă, având tendinţa de a da un sens comprehensibil tuturor scrierilor greu de înţeles, devine asfel o teorie generală a regulilor de interpretare. Punând accentul pe conţinut şi semnificaţie, indiferent de formă sau amănunte de redactare, hermeneutica se deosebeşte astfel de exegeză. La rândul ei, noţiunea *exegeză* (din franceză *exégèse*, din latină *exegesis*) înseamnă interpretare, comentare, explicare istorică şi filologică a unui text literar, religios, juridic. Totuşi, există şi părerea că hermeneutica este *ştiinţa exegezei*.

Hermeneutica, în concepţia populară, desemnează o interpretare, exegeză sau explicare. Ca stiinţă, ea nu este o simplă interpretare ci o teorie generală a interpretarii, o teorie despre interpretare, o reflecţie teoretică asupra activitaţii de interpretare. (Trebuie avut în vedere faptul ca în procesul hermeneutic are loc o permanentă decodificare; hermeneutica ia forma teoriei generale a limbajului, ceea ce vrea să spună că interpretare nu există decât acolo unde este un înţeles ascuns). În acest sens, studierea miniaturii şi artei caligrafice medievale, precum şi a artelor plastice în general sunt legate nemijlocit de hermenutică care poate servi drept metodă de bază a acestuia.

Există două orientări cu privire la hermeneutica, la sarcinile şi posibilităţile ei. Astfel, după Schleiermacher, hermeneutica este o artă ce instituie reguli clare de interpretare. Prin aceasta definiţie, putem observa caracterul normativ al hermeneuticii precum şi necesitatea acesteia (se poate spune că apariţia unei hermeneutici era la fel de necesară ca apariţia logicii în antichitate). Pentru alţii (cum ar fi Martin Heidegger[2], Paul Ricoeur [3]) hermeneutica trebuie să renunţe la acest ideal al normativului şi să devină o fenomenologie, o reflecţie asupra fenomenului interpretării.

Conceptul de interpretare are mai multe accepţii. Astfel, dacă se presupune că orice limbaj presupune o interpretare (permanente decodificări ale unui limbaj), atunci hermeneutica ia forma teoriei generale a limbajului. Însă, după cum spunea Nietzsche, nu se poate vorbi de interpretare decât unde este un sens ascuns, nu expresii clare. În acest caz, interpretarea este actul de transformare a ceea ce părea neinteligibil, obscur, misterios, în inteligibil. Acesta este şi obiectul hermeneuticii filosofice transformarea a ceea ce este obscur în expresii clare.

Prin urmare, obiectul hermeneuticii filosofice nu poate fi unul marginal, ci unul fundamental, înăţelegerea fiind absolut necesară. Nietzsche credea că nu lumea în sine este esenţială, ci felul în care un anumit om înţelege un fapt istoric, căci nimic nu este fapt pur, totul este interpretare. Tocmai universalitatea fenomenului interpretării stă la baza filosofiei ca ştiinţă. Având în vedere acestea, se poate spune că modernii au pus bazele a diverse hermeneutici având conştiinţă clară a necesităţii unei hermeneutici universale (Dilthey). Sunt consemnate perioade în care problema interpretării este acută, fiecare perioadă reprezentând o ruptură faţă de tradiţie (în fond, evoluţia este o istorie a crizelor). În secolul al XVII-lea, apar o serie de tratate hermeneutice ce conţin reguli de urmat pentru stabilirea sensului exact al interpretării, hermeneutica fiind un organon al ştiinţei apărut dupa Renaştere. Kant, implicând subiectul cunoscător chiar şi în domenii precum matematica şi fizica, redefineşte şi conceptul de hermeneutică. Lui îi urmează romanticii germani (Schlegel şi Schleiermacher). Ei redefinesc hermeneutica astfel încât ea să cuprindă şi aspectul subiectiv al fenomenului interpretării, pastrându-se şi regulile stabilite în mod tradiţional.

Astfel, în viziunea romanticilor germani, hermeneutica devine fundamentul tuturor ştiinţelor istorice, nu numai al teologiei, ruptura având loc odată cu Schleiermacher. Tot atunci se pun bazele şcolilor de recuperare a textelor originale (nepervetite de tradiţie). Schleiermacher detaşează hermeneutica de un domeniu anume şi o întemeiază ca teorie generală a interpretării. După romantici, secolul al XIX-lea este secolul istorismului, secol în care se descoperă efectiv istoria. Aspectul inconştient al creaţiei a favorizat interpretarea psihologică a urmaşilor. Hermeneuţii (Dilthey, Droysen, Rainken) erau preocupaţi de oferirea unei critici a ratiunii istorice, ca fundament a ceea ce neokantienii precum Windelmonnt şi Rickert au numit ştiinte ale spiritului. Astfel, hermeneutica este legată de caracterul ştiinţific al disciplinelor spiritului. Pentru Dilthey, interpretarea ar fi imposibilă dacă expresiile de viaţă ne-ar fi în întregime străine; ea nu ar fi necesară dacă în expresiile de viaţă s-ar cunoaşte totul; între aceste doua extreme îşi are locul hermeneutica.

În secolul al XIX-lea, filosofii Friedrich Schleiermacher şi Wilhelm Dilthey au lărgit orizontul hermeneuticii, incluzând şi pe cititori în procesul de analiză. După Schleiermacher, în actul lecturii, cititorul lasă libere intenţiile autorului. Interpretarea ar înseamna atunci, încercarea de a se pune în situaţia autorului şi, retrăind actul creaţiei, să se descopere sensul posibil al operei de artă.

Friedrich Schleiermacher (1768-1834) a fost preocupat, la început, de hermeneutica sacră, susţinând, însă, şi cursuri de hermeneutică generală. În viziunea filosofului german, hermeneutica reprezintă o artă a înţelegerii, existând mai multe hermeneutici speciale. Referitor la termenul de înţelegere, trebuie afirmat faptul că acesta înseamnă gândire, plecând de la expresia lingvistică. Aceasta poate apărea ca discurs, într-o anumită comunitate, dar şi ca obiectivare sau transpunere a spiritului viu în lumea obiectelor. Astfel, hermeneutica ar avea în vedere latura gramaticală, dar şi cea personală a interpretării.

Hermeneutica lui Friedrich Schleiermacher se divide în teoria interpretării gramaticale şi teoria interpretării psihologice. În continuare, trebuie să facem o distincţie între cele două tipuri de interpretare propuse de Schleiermacher, anume interpretarea gramaticală şi cea psihologică. Astfel, primul tip de interpretare se referă la gramatică. Aceasta exprimă, în viziunea lui Schleiemacher, alteritatea limbajului, acesta din urmă căpătând forma mediului care stabileşte relaţiile între oameni, astfel omul fiind limbaj. În cadrul acestei interpretări, trebuie ţinut cont de întregul text, de sensuri şi, nu în ultimul rând, de autorul textului. În cazul interpretării psihologice, aceasta vede textul ca pe o expresie a vieţii. Acest sens e intuit, simţit, fiind, în fapt, divinaţie sau empatie. Astfel, interpretul intră în rezonanţă cu sufletul autorului. Această interpretare vizează individualitatea care se află mai presus de înţelegerea generală. Din punct de vedere psihologic, limbajul se află în slujba autorului. În titlul cărţii lui Florin Maxa întâlnim termenul de comprehensiune. În gândirea lui Schleiermacher, acest termen reprezintă actul de reconstrucţie, ce porneşte de la momentul viu al concepţiei. Acceptul din gândirea lui Schleiermacher, concept amintit de Maxa, se referă la faptul că hermeneutica lui Schleiermacher se bazează pe intropatie, empatie. Arta înţelegerii mutuale este hermeneutica. Această artă e dialogul, în care ne aflăm faţă-în-faţă cu altul, o raportare la celălalt.

Acest lucru este redat în cartea lui Florin Maxa, în capitolul Hermeneutica lui Schleiermacher. De la începutul acestui capitol, este arătat faptul că hermeneutica, în viziunea lui Schleiermacher, este artă a înţelegerii şi că hermeneutica generală nu există. De asemenea, Maxa redă faptul că hermeneutica este

arta de a înţelege discursul celuilalt, acest lucru fiind, în fapt, dialogul. Maxa prezintă introducerea pe care Schleiermacher o face la Hermeneutica sa, în care se arată faptul că hermeneutica duce la o înţelegere a conţinutului gândirii, acest lucru întâmplându-se doar prin intermediul limbii. De asemenea, referitor la limbă, Schleiermacher afirmă faptul că aceasta este condiţionată de actele autorului discursului. De asemenea, Maxa vorbeşte despre ostensiune ca râvnind acceptul, ca trebuind să se lase integrată. În acel moment apare înţelegerea, care, aşa cum afirmă Schleiermacher, trebuie căutată. Înţelegerea greşită, spune Schleiermacher, trebuie evitată. Maxa prezintă afirmaţia lui Schleiermacher, precum că trebuie evitate acele neînţelegeri calitative şi cantitative. Neînţelegerea este definită de Schleiermacher ca fiind urmarea unei convingeri prealabile, aceasta din urmă fiind o eroare sau o preferinţă situată în proximitatea scopului şi respingerea a ceea ce se află în afara sa.

Maxa reia modul de formulare pozitiv al discursului, prezentat de Schleiermacher, şi anume obiectiv-istoric (modul în care discursul se inserează în ansamblul limbii); obiectiv-divinatoriu (modul în care discursul ajută la dezvoltarea limbii); subiectiv-istoric (modul în care discursul este dat în cuget); subiectiv-divinatoriu (modul în care discursul acţionează asupra autorului).

Astfel, Maxa prezintă modul în care Schleiermacher înţelege interpretarea gramaticală, ca fiind o artă lingvistică. Interpretarea gramaticală este obiectivă, raportând o expresie la cadrul lingvistic general. Aşa cum am arătat anterior, omul este limbajul iar o interpretare gramaticală ar însemna înţelegerea omului ca fiinţă socială şi ca fiinţă care utilizează gramatica. Astfel, hermeneutica, aşa cum bine arată Florin Maxa, duce la înţelegere conţinuturilor de gândire.

În ultimul subcapitol al Hermeneuticii lui Schleiermacher, Florin Maxa redă interpretarea psihologică (sau introiectivă). Autorul român evidenţiază corect ceea ce afirmă Schleiermacher despre acest tip de interpretare, şi anume faptul că este necesară o viziune de ansamblu asupra unităţii operei şi a trăsăturilor principale ale compoziţiei. Spre deosebire de interpretarea gramaticală, care se raporta la text ca la un moment al vieţii autorului, interpretarea psihologică intervine doar dacă între interpret şi autor există o afinitate psihologică, adică intropatie sau empatie. Acest tip de interpretare se referă la text ca fiind expresia spiritului unui autor. Acest text trebuie simţit, procedeul fiind numit divinaţie. În acest moment, interpretul va intra în rezonanţă cu sufletul autorului. Interpretarea psihologică constă, de fapt, în a înţelege discursul unui autor ca manifestare a trăirii acestuia. Astfel, pentru a înţelege opera unui autor, este necesar să-i studiezi biografia, dar şi discursul ce influenţează o anumită operă.

Miza interpretări psihologice este de a înţelege discursul unui autor, la fel de bine sau chiar mai bine decât l-a înţeles autorul său.

Cartea lui Florin Maxa, „Ostensiunea. Comprehensiune şi accept” [4], prezintă detaliile gândirii lui Friedrich Schleiermacher, urmărind să traseze liniile operei acestui filosof german, redând elemente biografice, dar şi o bibliografie completă.

Scopul hermeneuticii lui Dilthey era de a întreprinde interpretări sistematice şi ştiinţifice, situând fiecare text în contextul său istoric originar. El încearcă să delimiteze aspectele intelectuale ale artelor de ştiinţele naturii explicative şi consideră opera literară un „monument al limbajului” (Sprachdenkmal).

În secolul al XX-lea, Heidegger, Gadamer, Derida au pus în evidenţă universalitatea hermeneuticii. Întelegerea este o facultate specific umană, ca şi gândirea. Aşa că hermeneutica este o disciplina asemanatoare logicii sau psihologiei. Din acest punct de vedere preocuparile de interpretare, fie a textelor, fie a sistemelor de simboluri şi semne, apar ca preistorie a hermeneuticii secolului al XX-lea (Gadamer [5]).

În secolul al XX-lea, filosofii germani Edmund Husserl, Martin Heidegger şi elevul acestuia, Hans-Georg Gadamer au dat o nouă orientare hermeneuticii filosofice în sensul unei arte deschise a interpretării. Heidegger deplasează problema centrală a hermeneuticii de la interpretarea textelor la înţelegerea existenţială, pe care o consideră o prezenţă directă în lume, nemijlocită de alte simboluri şi – prin aceasta – dotată de autenticitate, deci lipsită de o simplă presupunere empirică în procesul de cunoaştere.

Hans-Georg Gadamer (1913-2005) devine cunoscut cu opera sa fundamentală „Wahrheit und Methode” („Adevăr şi metodă”, 1960). Pentru el, una din problemele fundamentale ale hermeneuticii este de a da o obiectivitate interpretării, independent de cel ce face analiza şi de contextul istoric în care este ea efectuată. A considera hermeneutica drept o metodă filosofică este doar în parte corect, este posibil şi un punct de vedere ontologic, relevând caracterul său universal în procesul de înţelegere, prezent în orice

formă de cunoaştere, şi, prin corelaţie – pentru a formula în termeni kantiani – examinând condiţiile posibile, respectiv structurile transcendentale ale gândirii umane. Accentuând caracterul necesar al fondului aperceptiv în orice mod de cunoaştere, Gadamer se distanţează de viziunea gnoseologică tradiţională a iluminismului, conform căreia cunoaşterea ar reprezenta un proces activ de identificare a subiectului cu un obiect distinct de sine, subliniindu-se autonomia reciprocă a celor doi termeni. Astfel, după Gadamer, întrucât fiecare investigator îşi iniţiază activitatea pornind de la o cunoaştere anticipată a obiectului cercetat, nu se mai poate admite o separaţie originară a celor doi termeni, ei existând de la început într-o dimensiune unică.

Filosoful francez Paul Ricoeur, în lucrările sale "Le conflit des interpretations" („Conflictul interpretărilor", 1969) şi „Temps et récit" („Timp şi expunere", 1983-1985) radicalizează poziţiile lui Heidegger şi Gadamer şi dezvoltă mai departe semnificaţia hermeneuticii, pornind de la teoriile lingvistice asupra sensurilor simbolice din filosofia lui Ernst Cassirer. În acest mod, înţelegerea trebuie să demonstreze fenomenologic o şi mai puternică componenţă social-istorică şi semantică.

Hermeneutica, în această accepţiune ontologică caracteristică, a exercitat o vastă şi fecundă influenţă asupra principalelor domenii ale disciplinelor definite în mod tradiţional ştiinţe umane: de la critica literară şi istoria artei, la interpretarea juridică. În special în acest ultim domeniu, s-au obţinut rezultate cu adevărat revoluţionare în contrast cu doctrina pozitivistă a dreptului (de exemplu: în Germania, Arthur Kaufmann, în Italia, Emilio Betti). Referitor la cele două tipuri de interpretare, Paul Ricoeur observă, cu precizie, faptul că interpretarea gramaticală „se bazează pe trăsăturile discursului care sunt comune unei culturi", iar interpretarea tehnică (psihologică), „ajunge la subiectivitatea celui care vorbeşte, limba fiind uitată; este pozitivă, pentru că ajunge la actul de gândire care produce discursul". De asemenea, programul lui Schleiermacher este atât romantic (apelează la o relaţie vie cu procesul de creaţie), cât şi critic (se vrea elaborarea unor reguli de comprehensiune universal valabile). Proiectul romantic arată faptul că există hermeneutică unde nu există înţelegere, iar cel critic, faptul că trebuie să-l înţelegem pe autor bine şi chiar mai bine decât s-a înţeles el pe sine.

Limbajul este „vehicolul" gândului, deşi există alte mijloace mai puţin importante de a exprima idei, cum sunt semnele. În mod obişnuit, noi încercăm să ajungem la gândul autorului. Deşi imaginile artistice şi chipurile sale ar putea însemna felurite lucruri, nu de fiecare dată încercăm să vedem cât de multe înţelesuri putem obţine din operele sale.

O tematică mai de studiere a hermeneuticii artelor [6] ar servi aspecte de corelare a acesteia cu fenomenologia, imagistica, imagologia, paleografia şi codicologia etc. Acestea pot servi drept teme separate pentru cercetare şi discuţie. Totodată, la etapa actuală se observă o tendinţă nouă, ctitica artelor vizuale capătă un caracter hermeneutic, de interpretare, explicativ.

Bibliografie

1. Борев Ю. Б. *Эстетика:* Учебник. Москва: Высшая школа, 2002, с. 447-478.
2. Heidegger M. Originea operei de artă, traducere Thomas Kleininger &
3. Gabriel Liiceanu, Bucureşti, Univers, 1981/1982; ed. Humanitas, 1995.
4. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. Пер. с франц. И.С.Вдовиной. Москва: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2002, 624 с.
5. Maxa F. Ostensiunea. Comprehensiune şi accept. Cluj-Napoca: Limes, 2007, 183 p.
6. Gadamer H.G. – *Wahrheit und Methode* – Tübingen, 1963. Гадамер Г. Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. Москва: Прогресс,1988, 699 с.
7. Громов Е.С. Искусство и герменевтика в её эстетических и социологических измерениях. Санкт-Петербург: Алетейя, 2004, 334 с.

УДК: 930.1:165

OBIECTIV ŞI SUBIECTIV ÎN PROCESUL ISTORIC CONTEMPORAN

Saharneanu Eudochia
Doctor habilitat, profesor universitar,
Universitatea de Stat din Moldova, Departamentul Filosofie şi Antropologie
saharneanu.eudochia@gmail.com

Résumé. La philosophie contemporaine ne pense plus en termes de dichotomie sujet-objet. De critiques distinction sujet-objet, a commence Nietzsche, continue avec Heidegger, est pour réaliser de Foucault. Comme il arrive souvent en historie événements ont lieu ne voudrez plus comme prévu. Il y a un contraste profond entre les attentes et les objectifs européens en date du lendemain de la Seconde Guerre mondiale qui se sont engages fournir la base unité politique de l'Europe et ont lance l'idée l`Etats-Unis de l'Europe, qui n`est pas une idée nouvelle, et comment ce projet a été réalisé.

Mots-clés: sujet, objet, histoire, humanisme, Union Européenne, les différences ethniques, nationalisme, discrimination.

Titlu comunicării este unul convenţional deoarece astăzi filosofia nu mai gândeşte din perspectiva dihotomiei subiect-obiect.

În secolul al XX-lea omul nu mai este privit ca subiect al realităţii înconjurătoare, ci ca obiect al ei, un „orice alt obiect" determinat cultural. Şi, pentru că limbajul ca mijloc al gândirii, este de asemenea determinant cultural, individualitatea este considerată a fi o iluzie. Subiectul este centrul unei filosofii umaniste, ce-l priveşte pe om ca stăpân al universului, „care domină, controlează şi decide" (Vattimo). Critica umanismului este cel mai bine sintetizată în „Scrisoarea despre umanism" al lui Martin Heidegger. Orice umanism, argumentează Heidegger, este metafizic, pentru că suprimă însăşi întrebarea asupra esenţei omului. Astfel umanismul creştin vede omul în relaţia lui cu Dumnezeu. Umanismul marxist defineşte omul sub aspectul relaţiei dintre clase. Orice umanism defineşte apriori omul, se elucidează prin însăşi aceasta. În acelaşi timp, orice umanism valorifică anumite atribute umane şi devalorizează altele, el devenind un vehicul al puterii, şi totodată o justificare pentru dominaţia unui grup asupra altuia, unei clase sociale (clasa muncitoare, de pildă) asupra altora, unui sex (cel masculin) asupra celuilalt, unei culturi, cea occidentală, modernă, asupra celei non-occidentale, tradiţionale.

Subiectul implică un obiect. Critica distincţiei subiect-obiect, începută cu Nietzsche, continuată cu Heidegger, este desăvârşită de Foucault. Pentru Heidegger, distincţia subiect-obiect presupune o operaţie de obiectivizare, prin care realul se prezintă ca un obiect ce stă în faţa noastră. Obiectivizarea este o operaţie de „securizare" a realului, de încadrare a lui într-o „grilă" din care nu poate evada. În termenii ştiinţelor sociale, aceasta se traduce prin dominaţie asupra realului social.

Cum se întâmplă foarte des în istorie evenimentele dorite nu au loc mai niciodată în modul neaşteptat. „Istoria adevărată este istoria care a fost. Noi avem însă reprezentări, reconstrucţii ale istoriei adevărate pe care încercăm să le facem să fie cât mai aproape de cele ce s-au întâmplat. Totul este reprezentare. Pornim în fond, în toate judecăţile de la reprezentări, nu de la esenţa ultimă a lucrurilor" a subliniat Lucian Boia în lucrarea recentă „Primul război mondial: controverse, paradoxuri, reinterpretări".

Există un contrast profund între aşteptările şi obiectivele europenilor din dată după cel de-al doilea război mondial care s-au angajat să pună temelia unităţii politice a Europei şi au lansat ideea Statelor Unite a Europei, care de fapt nu este o idee foarte nouă, şi felul cum s-a realizat acest proiect.

Obiectivul acestui proiect a fost dorinţa de a pune capăt unor istorii a războaielor şi a integra Germania într-o Europă pacifistă. Habermas în articolul *Europa sufletelor după cea a monedelor* ne vorbeşte despre trei condiţii în care o formaţiune de identitate atât de improbabilă poate să se extindă dincolo de actualele frontiere naţionale: necesitatea formării unei societăţi civile europene, constituirea unei opinii publice europene, crearea unei culturi politice care să poată fi împărtăşită de toţi cetăţenii ei. Întrebarea a fost formulată în următorul fel: vom putea oare cuceri pentru idea europeană majoritatea care respinge sau ezită sau este indiferentă.

Astăzi chestiunea care agită conştiinţa tuturor în aceste zile este tot Integrarea europeană. Doar că adevăratele probleme sunt altele.

Aşezarea noastră departe de o economie de piaţă, care reuneşte actori de calibru comparabile şi existenţa unui larg spectru a umanităţii care suferă astăzi din pricina sărăciei, a înrăutăţirii condiţiilor de viaţă şi mai ales a lipsei de perspectivă a tinerii genereţii şi care riscă să ajungă în faţa următoarei alegeri: fie printr-o multitudine de demersuri individuale să plece pentru a încerca să trăiască mai bine în ţările bogate sau mai puţin sărace şi atunci vom avea un nou val al migraţiei în faţa cărei tot mai multe ţări îşi vor închide porţile, de pildă Rusia, fie să se întoarcă împotriva păturilor sau grupurilor etnice mai înstărite din propria ţară. Ori să se focalizeze împotriva principalului deţinător de bogăţii - Occidentul.

„Cine trăieşte din lupta cu duşmanul este interesat ca duşmanul să nu moară niciodată", spunea Frederic Nietzsche. Într-adevăr, duşmanul comun a avut o contribuţie fundamentală în evoluţia societăţilor mari şi complexe, în special în evoluţia cooperării în cadrul societăţilor eterogene.

Majoritatea statelor şi ideologiilor sunt nevoite să-i identifice duşmanii „comozi" în raport cu care se mobilizează societatea. Dispariţia URSS ca duşman principal vinovat de relele existente a lăsat în ţările europene un gol în imaginarul simbolic care trebuia umplut cu imaginea unui alt dulşman.

În Ţările Europei de Est golul care s-a format în imaginarul simbolic a fost şi mai adânc, rătăcirile au fost şi mai dramatice, iar în sfera reprezentărilor ideologice şi identitare sau produs adevărate revoluţii. Profesorul american în ştiinţe politice John Mearsheimer susţinea în 1990 că datorită războiului rece a fost posibil să se pună capăt anarhiei care domina în Europa primii 45 de ani ai sec. al XX-lea. Odată cu încheiere acestei ere Europa revine la o lume multipolară cu un sistem de relaţii politice externe şi interne ce creează premise pentru comiterea agresiunilor şi violenţelor în masă. Autorul invocă şi factorul hipernaţionalismului care s-a dezvoltat pe parcursul ultimelor secole în ţările europene.

Timpul demonstrează că previziunile politologului american s-au adeverit în cazul unor ţări europene, iar în cazul altor poate să se adeverască mai tîrziu. Dispariţia comunismului a avut ca consecinţă imediata apariţie a naţionalismului virulent în unele din aceste ţări: duşmanul ca fenomen socio-politic rămâne se schimbă doar portretizarea acestuia.

În viziunea antropologului american Katherine Verdery în Europa anilor 90 ura faţă de comunişti a fost translată faţă de duşmanul etnic „Ne putem aştepta la o transformare a perechii Noi-Ei cu referire la comunişti într-o dihotomii pe diferenţe etnice". Sabina Fati, cercetător român referindu-se la specificul identificării duşmanului etnic în statele europene post-comuniste subliniază înclinaţia spre victimizarea comunităţii care are nevoie de un duşman, care să se facă vinovat pentru cele întâmplate. „Victimizarea pe criterii etnice pare să fie preferată în Europa, o zonă în care graniţa dintre duşmani şi prieteni este foarte flexibilă, o zonă în care mitologiile teritoriale au dus la stratificarea ideologiilor xenofobe".

Duşmanul este deci o componentă ce nu poate fi eliminată din mentalul unei comunităţi şi dispariţia unui duşman real sau imaginar reprezintă doar crearea locului pentru apariţia altuia. Astfel, locul duşmanului ideologic a fost ocupat de duşmanul identitar.

Cei mai proşti diagnosticieni ai unei epoci sunt contemporanii ei, scria Umberto Eco.

Astăzi, suntem fascinaţi de lumea iluzorie prezentată de mass-media sau internet, liderii politici nu mai acţionează în favoarea populaţiei, dar în aşi satisface nevoile umplându-şi buzunarele, la fel ca produsele cu tenta denaturată a realităţii, oferite pentru consumul societăţii. Agonia prezentului pentru materialism ne determină mentalitatea eronată că banul este mai presus ca spiritul nostru, deşi omul este cel care face banul şi nu invers. Şi nu trebuie să ne plângem de viaţa pe care o avem. Noi suntem cei care aleg liderii ce ne vor conduce, după care ne plângem de incapacitatea lor de a gestiona, concluzia este că omul face şi tot el desface, creează şi distruge. Atât timp cât vom fi prinşi în mrejele mentalităţii eronate care distorsionează realitatea, atât timp ne von plânge de viaţa pe care o ducem, şi asta se datorează faptului că şi cei care conduc au aceiaşi mentalitate.

Suntem prinşi în mrejele mentalităţi de "turmă", care ne îndepărtează de ceea ce suntem Noi şi cum percepem lumea, de aceea trebuie să oferim mai multă atenţie opiniilor proprii, şi să mestecăm mai bine "hrana" oferită de Ceilalţi, înainte de a o înghiţi, pentru a nu provoca „indigestii" la nivelul gândirii şi perceperii realităţii.

Bibliografie
1. Vattimo G. Societatea transparentă. Pontica, Constanța, 1995.
2. Heidegger M. Ce este metafizica. Humanitas, București, 1999
3. Heidegger M. Scrisoare despre umanism în volumul Originea operei de artă. Univers, București, 1979.
4. Deleuse G. Nietzsche. ALL Educațional, București, 1999.
5. Boia L. Primul război mondial: controverse, paradoxuri, reinterpretări. Seria de autor Humanitas, București, 2014.
6. Habermas J. Discursul filosofic al modernității. ALL Educațional, București, 2000.

УДК: 101

FUNCŢIA TERAPEUTICĂ A FILOSOFIEI

Vrabie V.
doctorandă, Universitatea de Stat din Moldova
Departamentul Filosofie şi Antropologie
vicavrabie@mail.ru

Annotation. The article is dedicated to highlighting the therapeutic aspect of philosophy. To provide continuity of philosophy is needed to highlight the facade therapeutic philosophy which is the common point between philosophy and therapy. Contemporary philosophy involving clinical philosophy has the power to change beliefs, attitudes, thoughts and behaviors of people. Counseling suggest ways to solve the problem but it always appeals to philosophical wisdom to understand human nature, problems and existential impasse in which the person being counseled.

Key words: counseling, philosophical discussions, practical therapeutic philosophy, therapeutically function of philosophy

Filosofii practicieni se bazează pe un şir de concepte cu care operează în calitate de tehnici filosofice de exemplu: pozitivism, existenţialism, scepticism, budism, hermeneutică etc. Discuţiile în cadrul şedinţei de consiliere filosofică sunt de natură psihoterapeutică operând cu teorii, gânduri, tehnici etc. Corelaţia dintre gânduri şi comportamente formează câmpul intereselor filosofiei practice. Experienţa filosofică este foarte importantă în practicarea consilierii filosofice, formarea trainingurilor filosofice care deasemenea cer implicarea abilităţilor şi tipului de gândire specific. Terapeuţii ce practică consilierea filosofică şi tehnica dialogului socratic trebuie prin discuţii să poată cuprinde un areal cultural vast. Natura filosofiei chiar şi din timpurile socratice tot purta un caracter practic având menirea de a veni în ajutorul oamenilor nu doar prin teoretizarea şi instituţionalizarea filosofiei [1, 67].

Pentru a oferi continuitate filosofiei este nevoie de a arăta „faţada” practică, terapeutică a filosofiei, dar în afară de asta este obligatorie demonstrarea şi a părţii terapeutice a filosofiei. Anume acest lucru constituie punctul comun dintre filosofie şi terapie. Ambele sunt preocupate de simbolul înţelesurilor lucrurilor, ambele sunt discipline care operează cu natura umană şi are menirea de a participa la formarea şi cristalizarea eului. Filosofia deconstructivistă reprezentată de Derrida, Vattimo declară că filosofia a murit. Filosofia contemporană presupune doar o istorie a filosofie ci nu apariţia unei metode noi de filosofare. Totodată, acestea iau diferite forme de la epistemologie care oferă baze metodologice pentru ştiinţe noi psihologie, filosofia matematicii, cât şi contribuie la naşterea unor ştiinţe hibrid bioetica, etica ştiinţelor etc. Filosofia clinică – este acel tip de filosofie care are puterea de a modifica convingerile oameniilor influienţându-le gândurile şi comportamentele acestora, utilizând capacitatea de convingere în procesul discuţilor, consultaţiilor, dialog sau analiza minuţioasă a cazurilor în particular [7, 56-58].

Interesul faţă de terapie e profesionalizată în diferite domenii şi se referă la o durată diferită de timp. Începînd cu psihanaliza freudiană apare un vădit interes faţă de descoperirea conştiinţei umane. Fiind urmată de diverse şcoli de consiliere sau diverse versiuni ale acestora este numită în general psihoterapie ulterior devine culminată de redescoperirea consilierii filosofice în ultimii 20 de ani ai secolului. Această

redescoperire a consilierii filosofice a început cu cercetările lui Bertrand Russell în lucrarea „The conquest of happiness" şi de Martimer Adler în lucrarea "The conditions of philosophy". Dar Russell la fel ca şi Aristotel nu a putut prezice că oamenii simpli vor avea priză la filosofie şi mai ales la filosofare. Cu toate acestea Adler a avut abilitatea de a prezice „moartea filosofiei teoretice" dar pe atunci el încă nu a putut prezice nici ce e de făcut cu filosofia practică [2, 52].

În anii 1970-1980 filosofii reieşind din împrejurările acelea au revitalizat curentul filosofiei renascentiste. În 1979 Paul Sharkey a publicat un articol cu titlul: „Filosoful în renaştere" numind filosofia ca cură medicală. În 1980 Seyman Hersh a publicat un articol întitulat „consilierea filosofică" [5, 78]. În 1981 Achenbach a fondat Societatea Germană a Filosofiei Practice. Mulţi alţi filosofi practicieni au început deja să atenteze la filosofia practică sau să teoretizeze serios problema şi necesitatea filosofiei practice: Maurice Friedman, Pierre Grimes, Peter Koestenbaum, Methew Lipman şi J. Michael Russell şi-au adus aportul în acea perioadă în instaurarea filosofiei practice. Cu toate astea nu erau dovezi pentru susţinerea lor şi nici convingerea fermă că filosofia este un serviciu sau o asistenţă socio-umană. Consilierea sugerează căi de soluţionare a problemei însă în permanenţă se face apel către înţelepciunea filosofică pentru a înţelege, dirija sau a rezolva unele prejudicii indiferent de ce natură sunt ele. Deci dialogul nu presupune o diagnoză, etichetă sau un clişeu şi de obicei nu se face referinţă la aşa numita prezicere sau providenţă. Pot fi identificate cel puţin trei tipuri de dialog folosit în consilierea filosofică. Dacă se pune miză pe 1. o teorie filosofică cuvenită care poate să acorde practicii filosofice un aspect artistic sau spectaculos, apelând la o tipologie, perioadă sau filosof ca mod de gândire specific şi binevenit cazului cu care s-a adresat clientul. În al 2-lea caz problema idolatrizării sau a schizmei dintre situaţia concretă şi teoria aleasă. 3. În caz că situaţia în particular permite, se poate de ales o tipologie, o teorie sau un caz din practica filosofică [4, 58].

Consilierea filosofică nu poate schimba lumea ce îl înconjoară pe client, el schimbă convingerile clientului despre lume pentru că de fapt convingerile clientului sunt impulsive, de autoconservare sau autodistrugere şi filosoful poate arăta perspective de soluţionare. Caracterul convingerilor este unul de tip conservativ şi constant. Cu toate acestea în permanenţă apar opinii noi sublimându-le pe cele vechi, fapt care conferă consilierii filosofice siguranţa de a fi posibil şi practicabil actul de terapie. Consilierea filosofică devine o proprietate atât pentru terapeut cât şi pentru client dar în cazul când această metodă este aleasă cu grijă ţinându-se cont de specificul persoanei în cauză caracterul, temperamentul, abilităţile meditative. În orice caz această terapie nu poate fi aplicată către clienţii ce nu înţeleg şi nu pot folosi cunoştinţele din domeniul filosofiei. Consilierea filosofică optează pentru analiza multilaterală a problemei fără a da o preferinţă unei laturi sau alteia [3, 10-14].

În cazul filosofiei cu copii sunt urmărite principiile teoretico-metodologice şi didactice. Filosofia cu copii a fost propusă în universitatea Montclear S.U.A., fiind aplicată în clasele 1-11. Cei mai de vază filosofi ce au contribuit la formarea domeniului filosofia cu copii este M.Lipman şi M. Sharp, R. F. Reed, şi alţii. Primele încercări a implimentării filosofiei practice apar încă în anii 70 ai secolului XX. Din acel moment filosofia cu copii işi perfecţionează domeniul de aplicare lărgindu-şi arialul [9, 56]. Ideia implimentării filosofiei ca obiect de studiu obligatoriu în şcoli pentru republica Moldova este un domeniu inovator. Însă conform studiilor efectuate anume în urma implementării filosofiei cu copii s-a înbunătăţit nivelul reuşitei şcolare în genere şi formarea abilităţilor social-morale s-a cristalizat. Prin intermediul instituţionalizării filosofiei cu copii se activează abilităţile de formare a deprinderilor cu caracter social şi moral, astfel se face simţit aplicabilitatea filosofiei preluând conţinut de training. Scopul acestor activităţi de ordin filosofic constau în faptul că prin intermediul metodelor de tip filosofic să antreneze la copii o gândire corectă, atitudine critică, abordare multilaterală a problemelor ce provoacă interes. Gândirea antrenată prin filosofie presupune formarea abilităţilor critice, raţionale, creativ, contextual etc. Astfel filosofia poate deveni o paradigmă a învăţământului şcolar şi preuniversitar făcându-se chiar apel la tipul de funcţionare a şcolilor greceşti vechi. Filosofia cu copiii este o orientare filosofică recentă, o abordare eretică, oarecum în răspăr cu tradiţia filosofiei academice. Însăşi premisa fundamentală a acestui curent – educabilitatea filosofică a copiilor – este intens discutată. Pe de o parte, filosofi ca Michel Onfray şi Karl Jaspers găsesc copilul înzestrat cu o spontaneitate filosofică specifică, prin „de ce?" – ul lor masiv şi radical. Pe de altă parte, alţi filosofi, deşi acceptă o copilărie a filosofiei (de exemplu, naşterea ei în Occident la presocratici), în nici un caz copii filosofi, pentru că «a filosofa», pentru ei, e a ieşi din copilărie (Descartes) [8, 13]. Controversele teoretice nu au împiedicat însă filosofia cu copiii să se

dezvolte vertiginos, mai ales în Statele Unite, unde Matthew Lipman fondează în 1974 Institute for the Advancement of Philosophy for Children (IAPC – Institutul pentru Promovarea Filosofiei pentru Copii). Lipman propune ca scop major al filosofiei cu copiii stimularea gândirii critice, definită de el ca o gândire care (1) facilitează judecata copiilor pentru că se (2) bazează pe reguli şi criterii, (3) se autocorectează şi (4) este sensibilă la context. ("A primary goal of Philosophy for children is to foster critical thinking, defined by Lipman as „thinking that (1) facilitates judgment because it (2) relies on criteria, (3) is self-correcting, and (4) is sensitive to context.") [10, 55]. Un alt moment important al filosofiei pentru copii este motivaţia politico-socială. Pentru Lipman, între studiul filosofiei şi studiul democraţiei trebuie stabilită o relaţie de interdependenţă. Apariţia şi dezvoltarea gândirii reflexive (abstracte) la copil în sânul unei comunităţi de cercetare va fi un mijloc de a educa democraţia. 3 E prezentă şi o schimbare de registru în ideologia pedagogică, o mutaţie «postmodernă», cu deplasarea centrului de greutate dinspre profesor (filosof) spre elev (copil). Metoda filosofiei cu copiii o rupe cu tradiţia idealizării vârstei copilăriei (dacă mai era nevoie, or, Freud în psihanaliză, William Golding în literatura universală, pentru a nu oferi decât câteva exemple extreme, au deconstruit, sperăm că pentru totdeauna, mitul inocenţei copilăriei). Apoi, însăşi condiţiile sociale în care unii copii trăiesc sunt foarte dure: plecarea părinţilor, divorţuri, foame, muncă, violenţe, tratament inuman, lipsa de dragoste din partea părinţilor, sărăcie etc. – chiar în ţările aşa-zise dezvoltate. Reflecţia filosofică, în acest caz, va învăţa copilul să ia distanţă faţă de emoţiile resimţite, şi să reziste situaţiilor angoasante.

Întrucît filosofia clinică este o parte a filosofiei contemporane, dezvoltarea practicilor terapeutice ale filosofiei deschide noi orizonturi pentru filosofia contemporană propunînd o nouă viziune asupra problemei sfîrşitului filosofiei lansat de gînditori postmoderni în ultimele decenii ai secolului al XX-lea. Valorificarea potenţialului practic al filosofiei practice deschide noi perspective pentru filosofia ca catare în condiţiile unei crize prin care ea trece începînd din a doua jumătate a sec. XX-lea. Această situaţie ne dă încă un argument în favoarea afirmării caracterului actual al studiului anunţat. Astfel conceptualizarea practicilor curativ terapeutice ale filosofiei de astăzi prin identificarea matricilor constructive ale discursului terapeutic prezintă un demers teoretic relevant pentru realităţile social economice şi culturale contemporane.

Bibliografie

1. Achenbach G. What is philosophical practice. Continuum, New York, 1998.
2. Bohart A. Phylosophy practice and discurse. Continuum, New York, 2000.
3. Foucault M. Cuvintele şi lucrurile. O arheologie a ştiinţelor umane. Univers, Bucureşti, 1999.
4. Osteen J. Cum să ai o viaţă mai bună – 7 moduri de îmbunătăţire. House of Guides, Bucureşti, 2008.
5. Reale G. Înţelepciunea antică, Terapie pentru suferinţa omului de astăzi. Galaxia, Târgu-Lung, 2005.
6. Stephen R. Covey. Eficienţa în 7 trepte sau un abecedar al înţelepciunii. ALL, Bucureşti,1995.
7. Stephen R. Covey. A 8-a treaptă a înţelepciunii. Alfa, Bucureşti, 2007.
8. Marinoff L. Înghite Platon, nu Prozac: aplicarea înţelepciunii eterne la problemele de zi cu zi. Trei, Bucureşti, 2009.
9. Борисов С. Философия для детей. Учебно-методический комплекс. Челябинск, 2001.
10. Балашов Л. Практическая философия и софология. Гнозис, Москва, 1999.

УДК:378.147:94

РЕАЛИЗАЦИЯ ТРЕБОВАНИЙ ФГОС В ПРЕПОДАВАНИИ ДИСЦИПЛИНЫ «ИСТОРИЯ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ» СТУДЕНТАМ БАКАЛАВРИАТА

Агуреев С.А.
доцент, Московский городской педагогический университет, РФ
stas.agureev@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена проблемам образовательных технологий и реализации Федерального государственного образовательного стандарта для первого цикла

университетского образования в России. Этот стандарт используется в программах подготовки специалистов в области истории, изучающих дисциплину «История стран Азии и Африки»

Ключевые слова: бакалавриат, образовательные технологии, образовательный стандарт.

Annotation. This article is devoted the problems of education technology and the realization the Federal Government standard in baccalaureate in Russia. This standard used in programs to preparation training of historic learning the History of Asia and Africa.

Key words: baccalaureate, education technology, education standard

В соответствии с современными высокими требованиями последних лет, предъявляемыми к образовательным стандартам в историческом образовании, особую роль приобретает реализация требований Федерального государственного образовательного стандарта (далее -ФГОС).

В соответствии с современным стандартом образования выделяются следующие виды образовательной деятельности бакалавров: педагогическая, научно-исследовательская, культурно-просветительская, экспертно-аналитическая и организационно-управленческая, а основные виды деятельности выпускника предполагают возможность работы преподавателем, а также в качестве сотрудников музеев, архивов, библиотек, эксперта и аналитика и т.д. Это в свою очередь предполагает наиболее комплексную подготовку студентов бакалавриата, обеспечение высокого уровня знаний по предметам согласно учебному плану.

В отличие от прежних стандартов ГОС, ориентированного на федеральный компонент и соответствующие дидактические единицы, в соответствии с современным ФГОС заданы требования не к обязательному минимуму а к результатам освоения ООП, выраженном в компетентностном подходе, что фиксируется в паспортах компетенций для того чтобы максимально исключить неоднозначность толкования содержания и наполнения образовательного процесса.

Одной из наиболее важных дисциплин в плане подготовки историков-бакалавров выступает «История стран Азии и Африки», относящаяся к вариативной части цикла профессиональных дисциплин. Программа дисциплины дает представление об основных этапах и содержании новейшей истории стран Азии и Африки, современной истории традиционного Востока. В данном курсе особое внимание уделяется концепции единства человечества и исторического процесса, в зависимости от социально-экономических и общественно-политических условий на разных этапах новейшей истории стран Азии и Африки, а также с учетом исторических традиций различных народов и обществ. В основу положен также стадиальный подход к истории с учетом цивилизационной теории.

Новейшая история стран Азии и Африки относится к числу дисциплин, завершающих подготовку историка. Поэтому предполагается, что студентами будет использована вся совокупность знаний, полученных в ходе изучения разнообразных дисциплин исторического и общегуманитарного циклов.

Рабочая программа курса «История стран Азии и Африки» рассчитана на проведение лекционных и семинарских занятий, активизацию самостоятельной работы студентов бакалавриата. Наиболее важной составляющей компетнентностно-ориентированного подхода в преподавании этой дисциплины является установление непрерывности преподавания с использованием всей совокупности современных методов, направленных на активизацию соответствующих стандарту компетенций, знаний, умений и навыков.

Освоение такого формата курса требует от студентов-бакалавров выполнения большого объема самостоятельно работы – как при подготовке выступлений к семинарским занятиям, так и при подготовке докладов и презентаций. В рамках учебного процесса предлагается три вида учебной нагрузки, которые входят в понятие общей трудоемкости изучения дисциплины:

- аудиторная работа в виде традиционных форм: семинарские занятия, доклады, презентации и т.п.;

-самостоятельная работа студентов;

- консультации, в рамках которых преподаватель, с одной стороны оказывает индивидуальные консультации по ходу выполнения самостоятельных заданий, а с другой стороны, осуществляет контроль и оценивает результаты этих индивидуальных заданий.

Самостоятельная работа студентов-бакалавров должна быть конкретной по своей предметной направленности, сопровождаться эффективным, непрерывным контролем и последующей оценкой ее результатов.

В ходе самостоятельной работы студент должен быть ориентирован на решение целого ряда задач - освоение теоретического материал по дисциплине (отдельные темы, отдельные вопросы тем, отдельные положения и т.д.), закрепление знаний теоретического материала (в виде подготовки докладов и презентаций); уметь применить полученные знания для анализа материала, участия в групповой дискуссии, решения логических задач, формирования собственной позиции, теории, модели. Самостоятельная работа студентов определяется Федеральным государственным образовательным стандартом, действующими учебными планами, рабочими программами учебных дисциплин, содержанием основной литературы учебников, учебных пособий и методических руководств и дополнительной литературой. Большое внимание следует уделять подготовке интернет-ресурсов по дисциплине, планированию работы с электронными базами и библиотеками, использованию библиотечных фондов вузовских библиотек университетов в которых осуществляется процесс непосредственного обучения.

Самостоятельная работа студентов должна быть дифференцирована по видам деятельности и уровням сложности, содержать заметный объем учебной информации и быть направленной на формирование навыков самостоятельного творческого поиска, без которого невозможно осуществление современного педагогического процесса.

Также следует помнить, что методические рекомендации и план освоения дисциплины «История стран Азии и Африки» распространяются на содержательные и деятельные компоненты обучения - последовательность изучения материала, формы и приемы деятельности преподавателя и студента-магистранта. Развитие самостоятельной познавательной деятельности студентов бакалавриата при этом рассматривается не только как средство овладения знаниями, но и как одна из главных целей обучения.

План освоения дисциплины носит рекомендательный, в значительной степени вариативный характер, что позволяет выявить разные стороны и компоненты подготовки студентов-бакалавров. Это оказывает непосредственное влияние на выбор форм занятий, выделение смысловых блоков по уровню сложности каждого из модулей, определение тематики семинарских и лекционных занятий.

Приоритетная роль в учебном курсе отводится самостоятельной познавательной деятельности студентов, ее активизации на протяжении всего изучения дисциплины согласно технической карте. Для подготовки к семинарам студентам бакалавриата должны не только заранее предоставляться вопросы для обсуждения, список дополнительной литературы, форма проведения занятия, но и учебные кейсы, конкретные предложения по проведению деловых игр, список учебных фильмов и интернет-ресурсов для самостоятельного освоения дисциплины, тестов. При оценке полученных результатов следует руководствоваться требованиями техкарты и индивидуальными способностями студентов работать как индивидуально, так и в группе.

Роль преподавателя при таком личностно ориентированном подходе к организации самостоятельной работы студентов будет заключаться не только в определении результатов и организации работы, но также в ориентировании студентов на дальнейший исследовательский поиск, повышение уровня своих знаний в соответствии с предложенными стандартом компетентностными моделями.

Формы организации семинарских занятий могут отличаться большим разнообразием – от проведения традиционных для высшей школы дискуссионных семинаров, до проведения деловых игр, тестов, использования материалов учебных фильмов. Одной из форм проведения подобных занятий может быть подготовка студентами докладов и презентаций с привлечением материалов электронных порталов и библиотек.

Эта форма является и одной из самых предпочтительных, т.к. позволяет студентам развивать навыки публичных вступлений, участия в дискуссиях, формирует умение отвечать на вопросы в рамках учебного семинара и ставить новые познавательные задачи, формулировать и обосновывать собственную точку зрения по целому ряду вопросов. Использование всевозможных тестовых заданий на семинарских занятиях позволяет охватить максимально широкий круг

учебных заданий, дать срез знаний студентов по наиболее важным темам модуля. Поэтому использование тестов различного уровня и содержания может быть рекомендовано к использованию при проведении, как промежуточной семестровой аттестации, так и итоговой по дисциплине. При подготовке тестового материала следует руководствоваться конкретными образовательными целями, уровнем и глубиной проверяемой информации, созданием эффективной модели оценки полученных результатов. Согласно рекомендациям Звонникова В.И. и Челышковой М.Б. [1] необходимо определить структуру теста и стратегию расположения заданий, разработать спецификацию теста, осуществить априорный выбор его длины, форм заданий и времени на его выполнение. Дальнейшая стадия предполагает выбор на основе трудности заданий, ранжируемых по уровням сложности, анализ качества содержания тестовых заданий. Следующий этап предполагает разработку инструкций для студентов и критериев оценки тестовых заданий.

Подготовка тестовых материалов может предполагать работу с несколькими содержательными разделами -1) знание понятий, терминов и определений; 2) умение приводить оценочные суждения на основе установления причинно-следственных связей; 3) знание хронологии основных исторических событий; 4) делать выводы и обобщения; 5) задания с выбором; 6) задания на установление соответствий; 7) задания с конструируемым ответом.

Задания с конструируемым ответом предполагают, что студент самостоятельно должен придти к правильному ответу в условиях, когда готовые ответы не даются. Однако конструируемые ответы могут быть 2 видов: когда предполагается получение кратких по содержанию и регламентированных по форме ответов; когда задание предполагает свободно конструируемый ответ – в этом случае он может выглядеть, весьма развернуто, нередко представляя собой эссе. В любом случае текст тестового задания должен содержать тщательно выверенную и понятную формулировку, не содержать при этом противоречий.

Заметно более простым видом задания является написание рефератов и небольших творческих работ по тематике курса «Новая и Новейшая история стран Азии и Африки». Однако используя эту широко распространенную форму работы студентов преподавателю необходимо контролировать постановку научных задач, определять структуру отчетной работы, которая должна соответствовать принципу логичности и решению поставленных в работе задач. Наиболее важными критериями при оценивании учебного реферата на основе ФОС должны являться – умение грамотно и четко формулировать научную проблему, использование корректных принципов цитирования и критического восприятия отобранной информации, умение работать с историческими источниками, ясность излагаемых мыслей и грамотность обобщений и выводов, работа со структурой и библиографическим оформлением реферата. Другим важнейшим критерием оценки качества выполненной квалификационной работы должно быть наличие собственных выводов и конкретного отношения к изучаемой проблеме, т.е. личное погружение автора в контекст изучаемого процесса или эпохи. Написание реферативных исследований должно быть направлено на достижение реализации в рамках компетентностного подхода умения студентов работать с историческими источниками, вести их классификацию, нарабатывать навыки начальной критики источников с использованием методов историко-сравнительного анализа. Выполнение данного вида работ одновременно является подготовкой для написания дипломных и курсовых исследований по тематике курса «Новой и Новейшей истории стран Азии и Африки», что предполагает наработку навыков работы с библиотечными фондами и интернет-ресурсами, грамотное оформление библиографических ссылок по ГОСТ, умение составлять историографические обзоры с использованием исследовательской литературы как на русском, так и на иностранных языках.

Одной из современных форм организации учебного процесса на практических занятиях могут стать интерактивные семинары в форме коллоквиумов, предполагающие защиту студентами собственных проектов по целому ряду тем курса «История стран Азии и Африки». Набор тематики может быть весьма широким -от формирования афро-азиатских обществ эпохи раннего Нового времени и заканчивая современными процессами глобализации обществ Востока в XXI в. Наряду с иллюстративными средствами обучения в процессе практических занятий могут использоваться и средства групповой деятельности студентов. Так, если занятия проводятся в

компьютерном классе, то их обычно объединяют в локальную сеть с общим или индивидуальным доступом и компьютером преподавателя. Тем самым обеспечивается возможность дистанционного управления процессом обучения с компьютера преподавателя. На компьютерных занятиях по предмету нередко используются и компьютерные средства текущего контроля, что позволяет выявить начальный уровень знаний, без чего любое занятие теряет свою эффективность как показывает исследование Б.Х. Кривицкого[2]. Не обходится без использования компьютерных средств обучения и при проведении всевозможных деловых игр, что позволяет быстро и качественно наглядно моделировать различные процессы. Эти формы обучения в последние годы приобрели особую значимость в рамках реализации требований ФГОС к образовательному процессу с использованием новейших интерактивных технологий.

Организация любой из форм учебного взаимодействия преподавателя и студентов должна исходить из понимания того, что в условиях принятия Федерального государственного стандарта роль студента не сводится только к прослушиванию и воспроизводству учебного материала, а делает их субъектами мыслительной деятельности на уровне анализа, оценки и синтеза. При этом происходит и изменение традиционной роли преподавателя с транслятора информации на медиатора, создающего необходимые условия для формирования необходимых в процессе обучения навыков и компетенций. Следует помнить, что необходимым условием успешности любых образовательных технологий является активизация взаимного диалога преподавателя со студентом, направленного на постоянное развитие творческих умений и навыков, что выступает наиболее важной предпосылкой любого современного образовательного процесса.

Библиография

1. Портал федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования http://fgosvo.ru/support/49/49/17 ЗВОННИКОВ В.И., ЧЕЛЫШКОВА М.Б. ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ПОДГОТОВКИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В РАМКАХ ТРЕБОВАНИЙ ФГОС ВПО: создание фондов оценочных средств для аттестации студентов вузов при реализации компетентностно-ориентированных ООП ВПО нового поколения: Установочные организационно-методические материалы тематического семинарского цикла. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2010. – 30 с.
2. Кривицкий Б.Х. Учебные электронные средства в вузе. Учебное пособие для преподавателей, повышающих квалификацию в МГУ. –М., МГУ. 2013. 208 с.

УДК: 378 (478):39:81

ЭТНОЯЗЫКОВАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ МОЛДАВСКИХ СТУДЕНТОВ (РЕЗУЛЬТАТЫ ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ 2011-2013 ГОД)

Волошина Т.
докторант,
Институт культурного наследия АНМ
taorlin@gmail.com

Аннотация. Цель данной статьи осветить некоторые основные выводы по итогам проведенного нами в 2011-2013 гг. этносоциологического исследования этноязыковой толерантности молдавских студентов в Пруто-Днестровском междуречье и на Левобережье Днестра. Основной задачей исследования являлось стремление продиагностировать уровень этноязыковой толерантности у молодежи титульного этноса, и отчасти у национальных меньшинств (посредством экспертного опроса).

Ключевые слова: этноязыковая толерантность, национальные меньшинства, титульный этнос, этнические группы, этносоциологическое исследование.

Anotation. The purpose of this article is to highlight some of the key findings we conducted in 2011-2013 ethno-sociological study of ethno-linguistic tolerance Moldovan students in the Prut-Dniester

interfluve and on the Left Bank of the Dniester. The main objective of the study was to diagnose the level of ethno-linguistic tolerance among the youth of the titular nation, and partly from national minorities (through the expert survey).

Key words: ethno-linguistic tolerance, ethnic minorities, the titular ethnic group, ethnic groups, ethno-sociological study.

Молдова исторически являлась зоной межкультурных контактов. Формирование добрососедских взаимоотношений между ними основывалась на различных культурно-бытовых факторах, таких как: историческая память длительного мирного совместного проживания, культурно-бытовая общность, общие праздники или «общий стол», «общий дом» [1, с. 270] единая государственная религия – православие [2, с. 244-245], и общезначимость для всех этнических групп ценности миролюбия [3, с. 210]. Но сегодня в условиях трансформационных процессов, социальных и экономических кризисов уровень этноязыковой толерантности является индикатором наличия проблем в обществе, а его диагностика и умелое использование полученных знаний приобретают особую актуальность, способствуя гармонизации межэтнических отношений, выработке наилучшей стратегии по урегулированию возникающих конфликтов.

Цель данной статьи осветить некоторые основные выводы по итогам проведенного нами в 2011-2013 гг. этносоциологического исследования этноязыковой толерантности молдавских студентов в Пруто-Днестровском междуречье и на Левобережье Днестра. Основной задачей при этом, являлось стремление продиагностировать уровень этноязыковой толерантности у молодежи титульного этноса, и отчасти у национальных меньшинств (посредством экспертного опроса). Выбор в качестве основного объекта исследования студентов ВУЗов базировался на том, что они наиболее подвержены влиянию среды, в которой находятся и отражают в себе её характерные черты [4, с. 6-7]. Основным методом был анкетный опрос, включающий 120 вопросов. Опросный лист содержал блоки вопросов, направленные на выяснение общих сведений о респондентах, их самочувствия в социуме, отношения к различным языкам и их носителям, а также к качеству преподавания языков в Молдове и вопросы раскрывающие мотивационные факторы в изучении того или иного языка. Итоги выборки представляют мнение 600 студентов молдаван, учащихся вузов Кишинева, Бельц и Тирасполя из них 289 и 311 мужчин и женщин соответственно [5, с. 328]. Для апробации данных предварительно нами был проведен пилотный опрос в государственном университете Бельц, Тирасполя, а также в ряде университетов Кишинева. Помимо основного исследования, нами там же были проведены экспертные опросы, дополненные опросами в Комрате и Тараклии. Выборка по экспертам составила 10 человек по каждой национальности. Далее мы кратко охарактеризуем полученные результаты.

В ситуациях бытового общения Молдова в большей степени показывает положительный пример исторически сложившегося добрососедского сосуществования представителей разных народов. Около 50% респондентов титульного этноса, согласно данным нашего исследования настроена в отношении национальных меньшинств нейтрально-доброжелательно. Но при этом, не смотря на глобализацию и стремление молодежи к европейской открытости, молдавское общество продолжает оставаться еще достаточно замкнутым. Между титульным этносом и национальными меньшинствами, особенно в близкой сфере отношений, существует дистанция. Больше половины респондентов (65,17%) отмечают, что для них важно, чтобы их супруг или супруга владели их родным языком. Данное предположение подтвердилось и тем, что 63,34% опрошенных студентов титульного этноса уже выбрало себе в партнеры человека родной язык которого совпадает с их собственным. В выборе друзей, респонденты демонстрируют большую открытость. Чуть больше половины опрошенных нами студентов молдаван (52,5%) отметило, что у них есть друзья, чей родной язык отличается от их собственного: русский язык (34,5%), с большим отрывом английский (7,83%) и украинский (5,83%). Но при этом, 93% отмечают, что говорят со своими друзьями чаще на своем родном языке. Только 49,01% в общении с друзьями также используют и другие языки. Несколько иная ситуация, прослеживается в случае с близкими друзьями: всего 15,33% респондентов отметило, что у них есть близкий друг, чей родной язык отличается от их собственного. В данном случае близкий друг приравнивается к семейному, ближайшему кругу общения респондентов. Таким образом, можно отметить увеличение дистанциированности

титульного этноса от других этнических общностей в круге близкого общения и уменьшение её в более дальних кругах.

В настоящее время Молдова обладает хорошим потенциалом языкового ресурса и толерантности. На создание последнего повлияли такие факторы как традиционный билингвизм (владение родным и русским языком), транслируемый от старшего поколения к молодежи, а также качественно улучшенный уровень преподавания европейских языков. В основном можно отметить склонность и способность студентов молдаван к изучению языков. Не нравится изучать языки всего 1,17% респондентов, отсутствие способностей к языкам назвали всего 3,33% . Респонденты титульного этноса большей частью ориентированы на изучение европейских языков (76,17%). Знание русского языка хотело было улучшить 18,67% респондентов. Другие языки, функционирующие в РМ, пожелали изучить не более 4%. Мотивированность в изучении того или иного языка определяется в первую очередь вектором трудовой и учебной миграции, который для граждан Республики Молдова достаточно диверсифицирован [6, с. 123]. Наибольшее предпочтение молдавская молодежь отдает английскому языку, что предполагает поворот в предпочтениях в сторону западного вектора. Большая ориентированность вовне страны с одной стороны способствует расширению кругозора, наилучшей адаптации молдавской молодежи в мире, но при этом создает предпосылки для оттока населения, а также не мотивирует молдавскую молодежь к знакомству с культурой и языками национальных меньшинств и малых народов, также являющихся гражданами Республики Молдова. Это препятствует взаимному культурному обмену и конструктивному диалогу внутри страны и её интеграции.

По мнению большинства опрошенных нами студентов молдаван русский язык продолжает считаться языком межэтнического общения, но в то же время наблюдается тенденция снижения количества тех молдаван, кто свободно владеет русским языком [7, с. 339-341]. Студенты молдаване в междуречье Прута и Днестра видят мотивацию для изучения русского языка в дополнительных возможностях в учебе и работе 33,33%, получении информации 33,17%, необходимости повседневного общения 31%, общении с друзьями (17,83%). Можно отметить, что на данный момент русский язык используется респондентами чаще в пассивной сфере (телевидение, интернет и т.д.), снижается его роль как языка общения. Обилие языков, которые приходится изучать в современной школе, а также ряд разнообразных причин от неподготовленности преподавательского состава до излишней политизированности образовательных практик может вызывать дискомфорт у учащихся. Можно отметить, что знание языков, в особенности русского приобретается молодежью в основном благодаря не образовательным практикам, а телевидению (63,17%), просмотру фильмов (68,5%), прослушиванию радио (51,83%) и общению с друзьями (39,5%). Большинство респондентов титульного этноса (53%), оценивают преподавание русского языка в молдавских школах как удовлетворительное. При этом 46,5% дают аналогичную оценку и качеству преподавания государственного языка в школах с русским языком преподавания. При этом, 44,84%, признают необходимость изучения русского языка в общеобразовательных заведениях, а 18,67% полностью её отвергают.

Согласно исследованию, проведенному в 2008 году центром Prodidactica, качественно и количественно анализирующему ситуацию связанную с изучением языков национальными меньшинствами, учащиеся выражают недовольство куррикулами, а также предпочитают больший акцент на актуальной тематике и живом общении при изучении языков [8, с. 92]. То есть куррикулумы по языковым предметам требуют дополнений и улучшений, а также необходима разработка грамотной мотивационной базы для успешного овладения различными языками, в том числе и в случае овладения государственным языком национальными меньшинствами РМ, которая бы основывалась не на общетеоретических рассуждениях (в особенности фрустрирующих), а на осознании конкретной выгоды и преимуществ от знания языка. Сегодня почтительное отношение к государственному языку у национальных меньшинств не всегда соотносится с «языковыми желаниями», основанными на «рациональной языковой стратегии» [9, с. 339]. В Молдове бытует так называемый односторонний билингвизм. Большую готовность к взаимодействию с титульным этносом, показывают украинцы. Гагаузы при позитивном отношении, ожидают увеличения уровня значимости гагаузского языка.

Как показало наше исследование, у большинства респондентов не наблюдается выраженной интолерантности к другим языкам, но при этом, респонденты не относятся равно позитивно ко всем языкам. 13,33% респондентов титульного этноса отметили, что существуют языки, к которым они негативно относятся. В основном это языки, на которых говорят национальные меньшинства. К примеру, заставляет обратить на себя внимание достаточно показательная цифра негативно воспринимающих русский язык – 12,67%. В ходе исследования также выявилась малая заинтересованность и настороженное отношение в силу скудной информированности молодежи титульного этноса по отношению к национальным меньшинствам. Всего 22,5% согласны, что общество богаче культурно и духовно, когда люди разных национальностей живут вместе. Примерно такое же незначительное количество опрошенных (21,17%) считают, что можно доверять людям вне зависимости от их национальности. Кроме того, настораживает довольно большой процент (34,33%) тех, кто отметил, что существуют национальности, к которым они негативно относятся и тех, кто согласился с утверждением, что люди одной национальности от природы лучше людей другой национальности (43,83%). В большинстве случаев этноязыковые стереотипы формируются под воздействием культурных и политических элит, посредству образования и СМИ. Поэтому, как отмечают в своих работах A.Margarint [10, с. 222] и M. Guzun [11, с. 49], для формирования толерантного пространства в РМ очень важно корректное поведение элит и этнологическое образование населения.

В ситуациях бытового общения Республика Молдова в большей степени показывает положительный пример исторически сложившегося добрососедского сосуществования представителей разных народов [12, с. 215]. Но при этом, о наличии неразрешенных проблем в обществе, которые могут иметь тенденцию к росту в зависимости от изменений политико-социального климата в стране, свидетельствует и тот факт, что более половины (56,66%) респондентов титульного этноса обеспокоены проблемой межэтнических отношений. Проблема межэтнических отношений также вызывает особое беспокойство у опрошенных нами экспертов в среде национальных меньшинств, в большей степени русских (70%). Большинство респондентов титульного этноса (56,84%) видит причину плохого взаимопонимания с представителями других этнических групп в том, что последние не знают государственный язык. Более половины опрошенных (57,33%) среди титульного этноса утверждают, что в Молдове возможен конфликт на этноязыковой почве и 49,33% отмечают, что в их окружении случаются таковые. Наиболее «проблемной» зоной является столица Республики Молдова.

По итогам исследования можно также говорить о различиях в зависимости от гендерного фактора. Девушки отличаются от юношей более высоким уровнем толерантности по отношению к представителям иных культур, этносов и носителям других языков. К примеру, они настроены более благожелательно по отношению к национальным меньшинствам, к тем, кто говорит на других языках или суржике для них менее значима языковая и этническая идентичность партнера.

Этническая толерантность понимается большинством респондентов среди молдавских студентов (37,83%) и национальных меньшинств как взаимоуважение в смысле невмешательства и отсутсвия притеснения. В частности для украинцев и гагаузов это в большей степени терпимость (80% и 70%), русские понимают её так же как добрососедство (30%).

Языковая толерантность для большинства представителей титульного этноса (37,67%) это – уважение и признание за каждым права говорить и творить на родном языке. Кроме того, 20,83% из них понимают её как несколько языков функционирования в стране. Наименьшее количество респондентов как среди титульного этноса (9,33%) так и среди национальных меньшинств (20%) обозначает языковую толерантность как интерес к языкам и культуре, что не способствует сокращению дистанции между титульным этносом и национальными меньшинствами. В формировании языковой толерантности важную роль играет положительная языковая идентичность. Для титульного населения, а также для русских родной язык выступает идентификатором их ментально-культурного пространства. Также для первых и для гагаузов он является значимым маркером их этнической принадлежности. Для украинцев, русских и гагаузов родной язык служит одним из идентификаторов семейных ценностей. Для болгар Республики Молдова родной язык не несет в себе ярко выраженную идентификационную нагрузку.

Таким образом, говоря о этноязыковой толерантности можно сделать следующие выводы:

* Для Молдовы характерно добрососедское сосуществование представителей разных народов

* При стремлении молодежи к европейской открытости, молдавское общество продолжает одновременно оставаться достаточно замкнутым. Титульный этнос и национальные меньшинства дистанциированы друг от друга, особенно в близкой сфере отношений.

* В Молдове можно говорить о хорошем потенциале языкового ресурса.

* Этноязыковая толерантность понимается титульным этносом и национальными меньшинствами как доброжелательное невмешательство.

* Выраженной интолерантности к другим языкам и народам не наблюдается, но при этом, нельзя сказать, что отношение ко всем языкам равно позитивно, а отношение к другим этническим общностям лишено негативных стереотипов.

* Наиболее высокий уровень толерантности показывают девушки.

* Для формирования благоприятной языковой атмосферы в стране необходимо продвижение грамотного этнологического образования, деполитизация образовательных процессов, создание грамотной, толерантной мотивационной базы для изучения как государственного языка, так и языков национальных меньшинств.

Библиография

1. Орлова Т. Рок в толерантности. Толерантность рока. (Песенный текст и его влияние на формирование коммуникативного пространства).В: Revista de etnologie şi culturologie, Vol. 3, Chişinău, 2008.
2. Tăbăcaru D. Toleranţa religioasă, factor eficient de integrare socială. In: Procesele integraţioniste din Republica Moldova. Elaborarea strategiei naţionale. Materialele conferinţei internaţionale martie, 2000.
3. Степанов В. Смена культурного кода в Республике Молдова – требование времени, но путь в стабильность. Социальные трансформации. Выпуск 21, Смоленск, СмолГУ 2011.
4. Блажко В. Молодежь Молдовы: особенности социализации в современном обществе, Кишинёв 2003.
5. Recesământul populației = Перепись населения = Population census, 2004: Culeg. Statistica: în 4 vol./ Biroul Național De Statistică al Rep. Moldova. Ch. Statistica 2006 (F.E.P. „Tipografia centrală"). – (Statistica Moldovei) – Text paral. lb.: rom, rusă, eng., Vol 1, Characteristici demografice, naționale, lingvistice, culturale = Демографические, национальные, языковые, культурные характеристики = Demographic, national, linguistic, cultural characteristics. 2006.
6. Мошняга В., Цуркан В. Миграция и интеграция: молдавские трудовые мигранты в Европейском союзе. В: MOLDOSCOPIE, nr.4 (LIX), USM, USPEE, AMSP, 2012.
7. Остапенко Л.В., Субботина И.А., Нестерова С.Л. Русские в Молдавии двадцать лет спустя. М.:ИЭА РАН, 2012.
8. Барбаров С. и др. Проблемы преподавания языков в школах с контингентом учащихся национальных меньшинств: Анализ потребностей, Кишинев, Tipografia Centrală, 2009
9. Губогло М.Н.Именем языка.Москва:Наука, 2006
10. Margarint A. Elita politică şi prejudecata etnică.В:Национальные образы мира: единство-разнообразие-справедливость (материалы международной научно практической конференции 22-23 октября 2003 г. Кишинев), «Бизнес-Элита», Кишинев, 2003.
11. Guzun M. Toleranţa politică şi etnică din perspectiva mediatică. Studiu. Chişinău: IMM, 2005.
12. Степанов В. Смена культурного кода в Республике Молдова – требование времени, но путь в стабильность. Социальные трансформации. Выпуск 21, Смоленск, СмолГУ 2011.

УДК 342.725.3

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ ЦИРКУМПОЛЯРНОГО РЕГИОНА: СООТНОШЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО И ЭТНОКУЛЬТУРНОГО В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Галактионова Н. А.
кандидат филологических наук, доцент ВАК, доцент кафедры культурологии и социально-культурных технологий
Тюменская государственная академия культуры, искусств и социальных технологий, Россия
nelli.galaktionova@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются образовательные традиции Тюменской области, обосновывается важность учета не только этнических образовательных традиций, но и переход к национально-государственной образовательной стратегии, единому языку образования. Подчеркивается важность единого образовательного пространства для формирования общероссийской идентичности в условиях поликультурности и усиления миграционных потоков.

Ключевые слова: национальное образование, идентичность, циркумполярный регион, история образования, образовательные тенденции, образование малочисленных народов, язык образования, национально-государственный аспект образования, этнические образовательные традиции.

Annotation.The article discusses the educational traditions of the Tyumen region, the importance of accounting not only ethnic educational traditions, but also the transition to a national public education strategy, the common language of education. Stresses the importance of a unified educational space for the formation of Russian identity in a multicultural context and strengthening of migration flows.

Key words: national education, identity, circumpolar region, history of education, educational trends, the education of indigenous peoples, the language of education, national-state aspect of education, ethnicity, educational traditions.

Образование - одна из важнейших сфер человеческой деятельности, связанная со всеми областями общественной жизни. Национальная школа – один из инструментов создания нации «сверху», школа способствовала созданию французской, итальянской, финской нации из ряда разрозненных групп, говорящих на разных диалектах. Лидер итальянского Рисорджименто (процесса объединения Италии), успешно завершившийся в 1870 году, Камилло Кавур произнес сакраментальную фразу: «Италию мы сделали, теперь дело за итальянцами», основной инструмент создания итальянской нации – унификация и распространение единого языка через обязательное бесплатное начальное образование (1877).После расширения Российского государства на восток, особую роль в формировании тесных связей Москвы с новыми территориями стал играть русский язык как государственный и школа, как инструмент формирования единого образовательного, языкового, идеологического пространства.

До революции в Российской империи проводилась насильственная политика обрусения нерусских национальностей, повсеместно открывались именно русские школы. Последнее происходило, невзирая на культурный уровень народа, на территории проживания которого создавалась школа: Кавказ вошел в состав России в XIX веке, а школы там были еще в XIII. Появление первых нерусских школ относится к середине XVI века в Казани. Они возникли для подготовки из среды иноверцев миссионеров-священников. Такие «новокрещенские» школы постепенно стали открывать в Поволжье, Приуралье, Сибири, Камчатке. Развитие школьного дела шло параллельно с миссионерской деятельностью. 2 сентября 1740 года Правительство и Синод выработали специальную инструкцию для «Новокрещенской конторы» и ряд других документов по обеспечению образования среди иноверцев. При обучении чувашей следовало руководствоваться следующей инструкцией: «Их надо обучать русской грамоте, алфавиту, десятисловию, часослову, псалтыри, катехизису, скорописи и при этом за ними смотреть, чтобы они своих природных языков не позабывали. Велено говорить все время на родных наречиях, помимо

школьных часов» [9: 27]. То есть, в этот период государство поощряло изучение родного языка наряду с русским, что было необходимым условием ведения миссионерской деятельности.

Со второй половины XIX века правительство насаждало миссионерские школы с преподаванием в них на родном языке учеников по системе Н.И. Ильминского. В 1863 году Н. Ильминский основал крещено-татарскую школу, ставшую центральной для миссионерских школ Казанской и соседних губерний (за 50 лет она выпустила свыше 6 тыс. человек, в том числе около 900 учителей). В 1872 году Ильминским была основана Казанская инородческая учительская семинария, готовившая учителей для татарских, мордовских, марийских, чувашских, удмуртских школ. Деятельность Н. Ильминского была направлена на «прочное сближение инородцев с коренным населением путем просвещения», под которым в первую очередь понимались христианско-православные идеи. Ильминский стремился приобщить нерусские народы к русской, — а через нее и к общечеловеческой, — культуре и одновременно сделать доступными для русских культурные ценности других народов России. Он разработал особую систему просвещения нерусских народностей на основе живого разговорного народного языка. Родной язык он считал основанием и первостепенным орудием школьного образования, а главную роль отводил начальной школе. В новокрещенских школах русский язык становился языком обучения только к 3 году учебы. В местностях с мусульманским населением существовали конфессиональные школы (мактабы, медресе). От других школ они отличались преподаванием ислама, остальные предметы велись на русском языке.

В 1870 году правительством были сформулированы другие политические и идеологические установки для школ. «Конечной целью образования всех инородцев, живущих в пределах нашего отечества, бесспорно, должно быть их обрусение и их смешение с русским народом». То есть, стратегия распространения обучения на государственном языке империи - общеевропейская стратегия. Параллельные процессы шли в Италии, позже в Германии и Финляндии. Российской империи В 1892 году было строго запрещено создание школ на родном языке, а также обучения родному языку во внеурочное время.

Против насильственного русификирования восставали в Армении, Грузии, Азербайджане. Постоянно боролись за открытие национальных школ в Литве и Белоруссии. Родной язык запрещали и преследовали, что сдерживало развитие национальных культур. По закону 1876 года вплоть до революции было запрещено обучение на украинском языке. Противоположной была ситуация в Финляднии и Прибалтике. До конца XIX века правительство поощряло создание национальных школ с преподаванием на родном языке для того, чтобы противостоять сильному немецкому и шведскому влиянию, но рост революционных настроений заставил изменить отношение к национальным школам. [6] С 1880-х годов в Финляндии практически утвердился финский язык в качестве второго государственного языка. Адольф Ивар Арвидссон писал:"...мы не шведы, русскими стать не хотим, так будем же финнами", и основную роль в этом сыграло развитие финского языка, который должен был цементировать нацию.

Таким образом, массовая российская школа до революции была подчинена официальной политике, которая основывалась на вовлечении нерусских учащихся в русские школы, распространении православия, изучении русского языка и русской культуры. Причем, эта политика касалась и народностей, которые имели традиционные конфессиональные образовательные системы.

После революции школы с преподаванием на родном языке учащихся развивались. Чтобы приобщить общество к социальным переменам, проводилась усиленная работа по подготовке национальных педагогических кадров, по изданию учебников, а для народов, не имеющих письменности, прилагались усилия по разработке алфавита. Была создана письменность для 40 бесписьменных языков, записан фольклор многих малочисленных народов. Начальные школы с обучением на родном языке сыграли огромную роль в распространении всеобщего обучения. Необходимо отметить, что культурное развитие Сибири после присоединения к России шло по двум непосредственно связанным друг с другом направлениям: формирование культуры русского переселенческого населения и самобытной культуры местного населения. Процессы русификации и христианизации нерусских народов Сибири подкреплялись созданием школ. Процесс становления и развития системы образования на Крайнем Севере подробно изложены в работах Д. Городенко, А.

Котова, Г. Лазарева, Н. Мелякова, З. Соколовой, Ф. Кронгауз, А. Филиппович. Исследуется роль учебных заведений в Сибири.[10: 31 - 36] Ведется активная работа по осмыслению симбиоза традиционной духовности арктических народов и современных технологических инноваций социо-экономических систем полярная, так называемой, циркумполярной цивилизации. [2] Анализируются пути создания региональной общности в северных регионах, ставших местом разработки нефтегазоноснх месторождений. [4]

Территориальная разобщенность, суровые климатические условия, отсутствие письменности и педагогических кадров обусловили почти поголовную неграмотность коренного населения Тюменского севера ко времени установления советской власти.

По данным переписи 1920 года Тюменская область занимала 48 место из 51 губернии РСФСР. Среди ханты грамотных было 5,2%, манси – 5,6%, ненцев – 6,3%. Благополучно школьное дело обстояло только у сибирских татар. До революции татары имели 55 начальных школ (мактебе), в основном принадлежащих духовному ведомству. К 1921 году функционировало уже 145 государственных татарских школ, где обучалось 7560 учащихся.[4]

В 1923 – 1924 годах стали создаваться национальные школы для коренных народов Севера. В 1914 году на всем Обском Севере имелось только 17 школ, в которых учились, в основном, дети русских (из 585 учащихся ненцев и ханты было 16 человек). В 1924 году была открыта школа в хантыйском селении Мулигорт Березовского района. В 1925 году открыта мансийская школа. К 1930 году национальных школ было уже 32. В 1929 году открылась ненецкая школа-интернат в Хальмер-Седэ Тазовского района. Учителей для национальных школ готовили в 2 учебных заведениях – на подготовительном и педагогическом отделении Тобольского пединститута и на Северном факультете Восточного института в Ленинграде. Для сравнения: по данным 1914 года языком народов севера владело только 2 учителя.

Оторванность от родных, от традиционного уклада жизни тяжело переживалась детьми. В то же время стали создаваться передвижные школы, которые действовали на зимних и летних стойбищах. Такие школы были подготовительной ступенью для дальнейшего обучения.

В 1930 году были созданы два национальных округа – Остяко-Вогульский (в 1940 он будет переименован в Ханты-Мансийский) и Ямало–Ненецкий. С этого времени заметно расширяется сеть образовательных учреждений. В 1931 году на Севере была 91 школа, к 1937 их стало 555. К концу второй пятилетки в школах училось 73 % детей. В начале 1932 года в Ленинграде состоялась 1 Всероссийская конференция по развитию языков и письменности народов Севера. Но долгое время практика изучения родных языков народов Севера была утрачена, не издавались учебники. Краеведческие программы разрабатывались бессистемно, в зависимости от научных интересов их авторов. Существовал разрыв в изучении краеведческого материала в детском саду, начальной, средней, старшей школе, был разрыв между средней и высшей школой. В 1991 году, по свидетельству Е. Айпина, в округе национальных школ на 70 поселков было 29, родной язык преподавался в 22. В 2002 году в округе было 40 национальных школ – 24 средние, 5 – основных, 10 – начальных. В них обучалось 5,5 тысяч школьников, из них около 3 тысяч – представители коренных малочисленных народов Севера. В 2007 году в Югре насчитывалось 43 национальных школы в местах компактного проживания аборигенов.

В 2007 году количество специалистов, имеющих высшее образование среди представителей малочисленных народов в ХМАО, насчитывает по разным данным от 556 и 577 человек, причем более четверти их проживает в г. Ханты-Мансийске, а в целом в городах почти 60%. В среднем по округу на 1000 жителей коренной национальности приходится 20 человек, окончивших вузы, что в 3,5 раза ниже, чем в среднем по округу. Этот показатель значительно дифференцирован по отдельным районам: от 3 человек в Сургутском районе до 52 человек на 1000 жителей вСоветском (по данным официального сайта правительства ХМАО-Югры).

Несколько лучше положение в Ямало-Ненецком автономном округе: данные по Ноябрьскому региону свидетельствуют о возрастании образовательного уровня коренного населения: в 1998 году среднее профессиональное образование имели 37 человек, в 2002 – 55 человек. В 1998 году не было ни одного аборигена, имеющего высшее образование, в 2002 году таких было 5 человек, и их число неуклонно растет.

В экспериментальных школах Тюменского севера проходит профильное обучение традиционным отраслям хозяйствования – оленеводству, охоте, национальным ремеслам. По этим предметам созданы программы, в основном направленные не на теорию, а на практическое овладение основами рыболовства, охоты, декоративно-прикладного творчества. Школы стараются налаживать связь с рыболовецкими, охотничьими, промысловыми и ремесленными предприятиями для организации практических занятий, создаются школьные родовые угодья. Требуется материальная и законодательная база для организации разъездных школ. В школах изучают родной язык, историю и культуру края. Ведется активная работа по созданию учебников и учебных пособий, создаются буквари на диалектах аганских и ваховскихханто в, на языке манси, русско-хантыйский и хантыйско-русский, коми разговорники, словари, книги для чтения. Исключительное внимание уделяется возрождению и развитию культуры народов Севера. Функционируют образовательные учреждения религиозной направленности.

Изучение национально-регионального компонента в школе невозможно без соответствующей подготовки педагогов. Поэтому кафедры Тюменского университета, Тюменской академии культуры и искусств, Сургутского государственного университета, Нижневартовскогопединстиута, других вузов включили в планы региональные курсы по основным дисциплинам. В Тюменском институте повышения квалификации для учителей различных специальностей отводится время на изучение дисциплин регионального компонента.

По-разному теперь воспринимается представителями коренного населения приход цивилизации на их землю. Отказался от романтического взгляда в изображении современной Сибири, в первую очередь, Еремей Айпин, который убежден в том, что нефть изменила традиционный уклад и психологию северного кочевника. Будущее писатель рисует в самых трагических тонах: «…у народа отнята Вера. У народа отняты Боги и Богини. Бесследно ушли и уходят Великие Шаманы, Великие Сказители, Великие Мастера. Уходят последние. И вместе с ними уходит Душа Народа. Вместе с ними уходит сам Народ. Уходит его язык. Уходит его духовная и материальная культура. И тешить себя надеждами не приходится. Тем более если твой народ мал числом. Тем более если на полпланеты идет нефть и газ твоей Земли. И всем нужен не твой народ, а его Земля».[1] Освоение тундры привело северные народы к разрушению привычного уклада жизни. В результате официальных запретов общинные нормы и правила были полностью подчинены общегосударственным нормам, подчас противоречащим издавна сложившимся традициям – так, из судопроизводства исключались нормы обычного права, в интернатах дети оказывались оторванными от жизни предков. Опыт традиционного воспитания, социализации использовался исключительно как средство привлечения подрастающего поколения к традиционным промыслам – оленеводству, рыболовству. Это объясняется, по-видимому, тем, что роль этих промыслов на Крайнем Севере была значительной именно для коренного населения, а для приезжего населения они не были престижными и не представляли интереса, либо их трудоемкость не компенсировалось получаемой выгодой. Но ситуацию, когда коренное население занято малоквалифицированным физическим трудом, постоянную конкуренцию с пришлой рабочей силой нельзя признать благоприятной. Вопросы трудоустройства женщин и молодежи – одни из самых острых на севере.

В 60-70-е годы во время постоянного притока новых людей, изменилось экономическое равновесие, материальное положение ханты и манси, нарушились основы охотничьего промысла, рыболовства и жизни в целом. Однако это не всегда отрицательный процесс, например, в Ноябрьском регионе возрастает занятость коренного населения в производственной сфере, в частности на месторождениях «Сибнефти» в 2002 году было занято 25 человек, а занятость в традиционных видах промыслов сократилась с 412 человек в 1998 году до 350 человек 2002.

Представители коренного населения нуждаются в ориентации на новые виды труда, поскольку, возникает дисбаланс между медленно развивающейся технико-технологической базой оленеводства и других традиционных отраслей хозяйства, условиями труда и быта коренных народов, с одной стороны, и возрастающими потребностям населения – с другой.

В последние десятилетия предпринимаются многочисленные попытки сохранить самобытную культуру коренного населения края, а также других народов, проживающих на территории округа. Эти процессы сопровождаются ростом национального самосознания.

К проблемам развития региональной системы образования относятся:

- Несовершенство нормативной базы в части проработки правовых гарантий и механизмов его исполнения, отсутствие в нем норм ответственности за неисполнение, несогласованность федеральной и региональной нормативной базы;

- Существующие различия в уровне финансирования по регионам и отдельным учебным заведениям, отсутствие механизма нормативного финансирования, определяющего качество образования;

- Кадровый кризис. [3: 101]

С середины 90-х годов выходит много работ с обоснованием необходимости этнокультурной направленности образования: концепции «диалога культур», «мультикультурное образование», «глобальное образование», «продуктивное образование», «социальное действие» и т.д. [15] В настоящее время упор делается н единую образовательную политику с общими базовыми государственными российскими принципами. Общая задача российского образования – стать единым (базирующимся на общих принципах государственно образования и национальной политики) социокультурным механизмом процесса модернизации российского полиэтнического социума в консолидированную надэтническую целостность.

Позитивное наполнение российской идентичности во многом совпадает с этнической. Этническая в основном базируется на языке, культуре, историческом прошлом, национальности родителей, территории. Российская идентичность – на месте в мире, геополитическом пространстве, на представлениях о ресурсах страны, достижениях, историческом прошлом. Гражданская идентичность динамичнее этнической, выбор которой не исключает, а дополняет первую.

Еще один аспект проблемы совмещения пластов социально-политической идентичности человека – общегосударственной (надэтнической) и национально-этнической состоит в том, что последняя функционирует в современном российском обществе не в социокультурном контексте, а в политико-правовом.

Многие страны мира, проводящие политику мультикультурализма, столкнулись с тем, что она превращается в систему предоставления необоснованных преференций меньшинствам за счет большинства и характеризуется как аффирмативная дискриминация [8] (С. Хаттингтон, В. Малахов и др.). При этом «сублимация категории «этническое своеобразие» в ущерб категории «общегражданское единство» создает предпосылки для раскола, а не консолидации социума». [13]

В опыте современной школы почти утрачены традиционные виды деятельности, в связи с этим происходит утрата подготовки учащихся к труду, исходя из реальных природно-климатических, социальных и культурных условий, что снижает конкурентоспособность личности на рынке труда. Этнические традиции социализации демонстрируют неизменно удачный опыт «профориентации» - практически все, чему обучался человек, использовалось им в жизни, не было бесполезных или невостребованных знаний и навыков. Но сами по себе традиции не могут быть основными средствами формирования личности - их недостатком является односторонность воздействия на личность: способствуя воспитанию у детей уважения к старшим, традиции в меньшей степени способны формировать самостоятельность, способность противостоять отрицательным воздействиям среды.

Передача социально-нравственных ценностей осуществляется через труд, созидательную деятельность, через приобщение молодежи к своей истории и произведения народного искусства – музыкально-танцевального, художественно-прикладного, народные праздники, ритуалы, эпос, легенды, малые фольклорные формы, и другие образцы устного народного творчества, которые отражают бесценный опыт народа и через них – к мировой культуре, к общечеловеческим ценностям. Знание традиционной духовной культуры способствует зарождению интереса к традициям и культуре других народов, что является основой формирования социально-этических норм поведения с высокой культурой межличностного общения и межэтнических и межнациональных отношений.

Современное образование стремится учитывать следующие принципы:

- интернационализм как основа конструктивного отношения;

- ценность культур народов и значимость народной педагогики;

- терпимость к воззрениям личности, в том числе к религиозной вере, к социокультурной среде;

- учет специфики широких социальных движений в России и мире и использование их возможностей, традиций, обычаев в развитии самобытной личности.

- необходимость гражданского и патриотического воспитания подрастающего поколения.

Последняя проблема имеет давнюю историю в российском образовательном пространстве, первые упоминания о нем можно отнести к середине XVIII века, и, к началу нынешнего столетия по сути оформились два направления в осмыслении сущности гражданского воспитания.[11]

Реализации изложенных принципов призвана способствовать система подготовки педагогических кадров, включающая расширение этнологической, этнографической и этнопсихологической подготовки педагогов, способных работать с различным контингентом детей во всех звеньях системы образования. К слову, к середине двухтысячных годов в области не сложилось мнения о необходимости и приоритетности подготовки профессиональных педагогических кадров с учетом складывающейся этнической обстановки. В программе «Профессиональное образование в Тюменской области: программа модернизации до конца 2010 года» этот аспект не рассматривался ни в наличном, ни в перспективном стратегическом ключе.[12]Концепция модернизации образования до 2020 года принята союзом ректоров в июне 2010 года, в ней уже нашли отражение сложившиеся к 2010 годупредставления о России как стране, в которой имеются большое количество миграционных потоков. В концепции указано о необходимости наличия квалификационных сертификатов не менее чем у 50 процентов мигрантов, концепция ставит целью обеспечение возможности каждому ребенку до поступления в первый класс освоить программы дошкольного образования и полноценно общаться на языке обучения. Также, ориентируясь на глобальную конкуренцию, в концепции ставится задача увеличения доли иностранных студентов, обучающихся в России, до 5 процентов общего числа студентов, создание условий для подготовки в образовательных учреждениях обучающихся из государств — участников СНГ.[7]

Уровень образования экономически активного населения Тюменского региона выше, чем в среднем по России. Не имеют специального образования 21,8% занятого населения Тюменской области, по России данный показатель - 28,1%. Численность лиц с высшим профессиональным образованием, занятых в экономике, выросла с 21% в 2002 году до 26,6% в 2007 году.[14]

В Тюменской области налицо ситуация мозаичности этнического состава учащихся средних школ. Так, по данным Областного департамента образования в 2009 – 2010 учебном году, из 55773 школьников 47193 русских, 3340 татар, 1487 азербайджанцев (из них 94 мигранта), 954 армянина (83 мигранта), 783 украинцев (3 мигранта), 332 казахов (3 мигранта), 316 немцев (2 гражданина Германии), 252 таджика (37 граждан Таджикистана), 209 узбеков (35 мигрантов), 175 грузин (3гражданина Грузии), 175 чеченцев, 140 белорусов, 139 чувашей, 99 ингушей, 26 корейцев, 21 еврей, 15 поляков (1 гражданин Польши), других национальностей 115 человек (из них 14 граждане других государств). На третьем и четвертом местах по численности – граждане Азербайджана и Армении, число которых переросло традиционное третье место украинцев, которые сохраняли его несколько десятилетий подряд.

В ближайшем будущем ситуация не будет изменяться, ибо по данным той же организации, среди воспитанников детских дошкольных учреждений в 2009 – 2010 году из 27 662 человек 24 128 русских, 464 украинца, 325 азербайджанца, 227 армян, 177 татар, 170 грузин, 157 казахов, 73 немца, 60 узбеков, 58 белорусов, 56 чувашей, 38 корейцев, 27 евреев, 27 ингушей, 15 таджиков, 11 чеченцев, 30 детей других национальностей. При этом необходимо учитывать, что очередь в дошкольные учреждения города высока, и большое количество детей не посещают детские дошкольные учреждение, и в эту статистику не попали. Согласно новому постановлению Правительства России в 2014 году Тюменская область (без учета автономных округов ЯНАО и ХМАО) должна будет принять 1680 беженцев из Украины. Всего же по расчетам специалистов на территорию страны прибудет около 150 тысяч беженцев, из них 11 тысяч примет УрФО. Тюменская область должна будет приютить 1,12% мигрантов прибывающих на территорию нашей страны. Югра и Ямал примут у себя 0,39% (чуть больше 5 сотен) и 0,65% (почти тысяча человек) соответственно. Отметим, по состоянию на 23 июля 2014 в Тюменскую область уже прибыло 2060

жителей Украины, из них 308 детей. 368 человек подали заявки на предоставление им временного убежища, 291 обратились за патентом на трудовую деятельность, 675 — за разрешением на работу.[16] Подобная обстановка складывается во многих городах области, особенно в индустриальных центрах. Просвещение молодежи о культурном многообразии и единстве жителей страны – задача всех ступеней образования, особенно «многоуровневого», о необходимости которого так много говорится в последнее время. Вместе с тем, экзотизация этнических общностей, придание этничности фундаментального характера чреваты разобщенностью граждан страны.

Библиография

1. Айпин Е. У гаснущего очага / Е. Айпин – Екатеринбург - М., 1998. С.6.
2. Винокурова У.А., Яковец Ю.В. Арктическая циркумполярная цивилизация. – М.-Якутск: МИСК – АГИИК, 2013.
3. Галактионова Н.А. Идентичность в дискурсе социализации: этнические аспекты и региональный контекст. – Тюмень: Издательство «Вектор Бук», 2009. С. 101.
4. Ганопольский М.Г. Организационно-коммуникационные аспекты формирования региональной общности // http://bva.wmsite.ru/problemy-vzaimodejstvija/vypusk4/ganopolskij
5. Из истории культурного строительства в Тюменской области: Сборник документов 1918 – 1975гг. – Свердловск, 1980. - С. 17.
6. История педагогики / Н.А. Константинов, Е.Н. Медынский, М.Ф. Шабаева. – Москва: Просвещение, 1982.
7. Концепция развития образования РФ до 2020 г. // http://edu.mari.ru/ou_respub/sh14/commondocs/Концепция%20развития%20образования%20%20РФ%20до%202020%20%20г.pdf
8. Martin T. The Soviet nationalities Polici in the 1930s.: was it fundamentalli Incoherent ? // http://bbb.livejournal.com/2247009.html
9. Никандров Н.Д. Русское Православие и российская патриотическая идея // Православное образование в России. – Тюмень, 1999. – С. 27.
10. Орлова В.В. Образовательные учебные заведения и их роль в социализации сибирской молодежи. // Almamater: Вестник Высшей школы. – 2010. - №8. С. 31 – 36.
11. Профессиональное педагогическое образование: личностный подход. Вып. 2. / Под ред. В.И. Лещинского, Е.Е. Седовой, Т.Е. Стародубовой. – Воронеж, 2003.
12. Профессиональное образование в Тюменской области: программа модернизации до конца 2010 года. – Тюмень: Изд-во «Вектор Бук», 2004. 260 с.
13. Скоробогатых Н.С. Общественные науки и современность. - 2004. - № 1. С. 135-146.
14. Социокультурный портрет Тюменской области / Под ред. Г.С. Корепанова, Г.Ф. Ромашкиной, В.А. Юдашкина. – Тюмень: Тюменская областная Дума, Тюменский государственный университет, Тюменский государственный нефтегазовый университет, ООО «Вектор-Бук». 2009. –С. 37.
15. Чистякова С. Продуктивная педагогика: прошлое и настоящее // Совместный выпуск: Школьные технологии. – 1999. №4. Новые ценности образования. 1999. № 9. С. 87-91. Яркова Е.Н. Философия поликультурного образования и ее альтернативы // Топос. -11.03.04. // http://www.topos.ru/article/2130
16. 1680 беженцев из Украины обретут новый дом в Тюменской области// http://www.tumenpro.ru/2014/07/28/1680-bezhentsev-iz-ukrainyi-obretut-novyiy-dom-v-tyumenskoy-oblasti/Опубликовано: 28 июля 2014, 14:59 | *Служба новостей ТюменьPRO*

УДК: 37.047-053.7

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ МОЛОДЁЖИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

Годорозя Д. Н.
магистр психологии, старший преподаватель, докторанд,
Независимый Международный Университет Молдовы,
кафедра психологии и образовательных наук
go.dina@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье был рассмотрен ряд психосоциальных факторов, определяющий кризис профессионального самоопределения молодёжи. Слабое развитие социальной рефлексии, диффузность представлений о профессии, отсутствие рабочих программ по профессиональному ориентированию, высокий уровень трудовой миграции родителей всё это факторы, препятствующие адекватному процессу формирования профессионального самоопределения молодёжи.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение молодежи, социальная рефлексия, профессиональное ориентирование

Annotation.In present article, we investigated some psychosocial factors defining crisis of professional self youth. Weak development of social reflection, diffusivity of ideas about the career, lack of employment programs of vocational guidance, a high level of labor migration of the parents - are factors, that influence the process of adequated formation of professional self-determination of youth.

Key words: professional self-determination of youth, social reflection, vocational guidance

Республика Молдова на современном этапе своего развития продолжает путь реформ и трансформаций. Безусловно, наряду с преобразованиями социальных структур, изменениями способа рыночной экономики, происходят серьёзные трансформации в образовательной среде. Все эти изменения интегративно влияют на изменения экономического сознания.

Как отмечает психолог А.Л. Журавлёв *экономическое сознание* одно из наиболее часто употребляемых понятий в современных исследованиях в области экономической психологии. Это понятие рассматривается как одна из основных форм отражения объективно существующих экономических отношений и как результат социализации человека [3, с.170].

Формирование *экономического сознания* тесно связано с такими процессами как: экономическая социализация, профессионализация, личностное становление, *экономическое самоопределение*.

По мнению А.Л. Журавлёва *самоопределение* является психологическим результатом работы самосознания человека, представляет собой сложную систему процессов оперирования содержательными компонентами-феноменами *экономического сознания и самосознания*, приводящего к выбору или выработке собственной системе жизненных принципов и смыслов, ценностей и идеалов, социальных норм и правил, ожиданий и притязании [3, с.10].

Социальные представления, установки, отношения, мнения личности или социальной группы о различных явлениях экономического содержания являются неотъемлемой составляющей *экономического сознания*.

Основной целью нашей статьи стало выявление базовых критериев профессионального становления, и отражение особенностей экономического сознания молодёжи Республики Молдова.

В ходе работы была выявлена диффузность представлений о профессии у студентов ещё в процессе обучения. Прослеживается размытая картина общего представления молодёжи о своём профессиональном будущем, своего места в контексте производственных отношений, своей роли в профессиональном становлении.

В течение длительного времени самый высокий процент поступлений прослеживался на факультеты права, экономики, международных отношений. По словам заместителя министра

просвещения Лоретты Хандрабура это самые привлекательные специальности для абитуриентов [4]. Однако востребованность вакансий по этим специальностям, учитывая заполненность трудового рынка, довольно низкая.

Молдова, будучи аграрной страной, нуждается в специалистах с конкретными навыками в различных производственных областях. По данным Национального агентства занятости населения на 2014 год в качестве самых востребованных профессий отмечают медицинских работников, операторов ПК, инспекторов, швей, поваров [6]. Однако в реальности происходит противоположное, ежегодно из стен ВУЗов выпускают армию экономистов и юристов, которые так же дружно приобретают статус безработных.

Всё вышеизложенное выявляет серьёзные ошибки на стадии принятия решения относительно своего профессионального будущего у выпускников лицеев. Прослеживается слабая информированность молодёжи о запросах рынка труда, о востребованности тех или иных специальностей. Приоритетными мотивами выбора профессии становится статусность профессии, видимое материальное благополучие. Однако мало учитываются индивидуальные, психологические особенности личности, её интересы и склонности.

Следовательно, мы можем наблюдать инфантильность старшеклассников в отношении профессионального выбора. А так же выявляется проблема низкого уровня профориентационной компетентности. Это подтверждают исследования социальных представлений молодёжи о профессиональном выборе, проводимое нами летом 2013 года [2].

В молодёжных кругах присутствует полюсность /полярность социальных представлений: с одной стороны, что работы на рынке труда совсем нет, с другой - что "моя личная компетентность именно мне позволит найти хорошую работу" (несколько персонифицированный подход). Последние представления можно оценить как оптимистичные, что, в общем, не плохо, но с другой стороны всё это выявляет низкий уровень *рефлексии реальной ситуации рынка*.

Итак, в настоящее время не вызывает сомнения необходимость программы профессиональной ориентации, которая должна выполнять следующие задачи:

- *информационная задача* заключается в информировании старшеклассников о многообразии различных профессий, о требованиях, которые эта профессия выдвигает; знакомит с реальными представителями различных профессий, транслирует их опыт.
- *диагностическая задача* заключается в выявлении склонностей, задатков и интересов старшеклассников, определяет индивидуальные, психологические особенности личности, предрасположенности к тому или иному виду производственной деятельности.

Профессиональная ориентация позволяет осуществлять профилактические мероприятия по преодолению кризиса несоответствия способностей, склонностей, особенностей психики и требований профессии.

Представленный выше теоретический анализ позволяет понять актуальность проблемы, связанные с кризисом профессионального самоопределения и предложить рекомендации относительно повышения уровня профессионального самоопределения.

Для успешности молодого человека на рынке труда, необходимо вовремя реализовать весь спектр мер по профессиональной ориентации. Во-первых, для того, что бы, в случае уже совершившегося профессионального самоопределения, выбранная профессия была впоследствии адекватно воспринята молодым человеком, без каких-либо преувеличений ее положительных или отрицательных качеств. Во-вторых, если профессия еще не выбрана - то выбор был сделан адекватно.

Необходимо расширять систему профориентации в целом; перейти к гибкой системе подготовки кадров на основе прогнозирования востребованности профессий и повысить информированность молодёжи о реалиях и перспективах развития рынка труда. Профессиональная ориентация должна быть направлена на повышение возможностей молодого человека в трудовой сфере.

Превентивная профориентационная работа с учащейся молодежью должна осуществляться через профессиональное консультирование, проведение классных часов о выборе профессии, информирование о ситуации на рынке труда, заработной плате, востребованных специальностях, профессиональных требованиях к работникам и т.п. И, конечно же, немаловажной составляющей

является ***акцентирование прикладного аспекта полученных знаний***, толкование школьникам необходимости практических, утилитарных знаний, которые станут основой для последующего становления профессионала, специалиста своего дела.

Задачами профконсультации являются формирования устойчивых профессиональных интересов, соответствующих особенностям личности и потребностям общества, осуществляемом на основе длительного изучения школьника. Кроме того, могут оформляться уголки службы занятости в учебных заведениях, быть организованы групповые занятия по обучению выпускников навыкам самопрезентации и эффективного поведения на рынке труда, проводиться встречи с работодателями. Одним из наиболее эффективных методом профессиональной ориентации молодежи является ярмарка вакансий - это одна из возможностей поднять статус рабочих профессий, сориентировать выпускников на приобретение необходимых знаний и навыков.

Библиография

1. Баталова, Т.В. Личностные детерминанты процесса профессионального становления: Автореф.дис. канд.психол.наук. 2004.
2. Годорозя, Д.Н. Социальные представления молодёжи о профессиональном будущем в трансформирующемся обществе. В: Весник Одесского Национального Университета, Т.18,Выпуск 24. Одесса: ОНУ, 2013, с. 77-84
3. Журавлёв, А.Л.; Купрейченко, А.Б. Экономическое самоопределение. Теория и эмпирические исследования. М: ИП РАН, 2007. 479 с.
4. Итоги поступления в ВУЗы 2013-2014 http://www.puls.md/ru/content/ne-hochu-uchitsya
5. Климов, Е.А. О становлении профессионала: приближение к идеалам культуры и сотворение их (психологический взгляд)

УДК: 39:572:316.33 (049.32)

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ЧЕШКО С.В. «ЭТНОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ: УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ДЛЯ СТУДЕНТОВ УЧРЕЖДЕНИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ. М., 2014, 240 с.

Губогло М.Н.
Доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заместитель директора Института этнологии и антропологии Российской академии наук и руководитель Центра по изучению межнациональных отношений,
Институт этнологии и антропологии Российской академии наук, Россия
guboglo@yandex.ru

Кафедра этнологии МГУ, давшая России не одно поколение первоклассных специалистов, всегда славилась профессорско-преподавательским корпусом. Вместе с учёными Института этнологии и антропологии РАН, она внёсла значительный вклад в развитие науки о народах нашей страны и мира. Мне, как выпускнику этой кафедры образца далёкого 1963 года, конечно, трудно судить, каким должен быть современный базовый учебник по этнологии вместе с ассоциированными с ним тематически ориентированными учебными пособиями, представляющими в совокупности итоги научных исследований и преподавательских практик в деле освоения и осмысления истории, системы жизнеобеспечения, опыта и культуры человечества. Однако я уверен, что новое учебное пособие С.В.Чешко «Этнология и социальная практика», совмещающее в себе итоги научных исследований автора и систематическое изложение и истолкование этнографических портретов многих народов мира, в 20 главах, отвечает высоким требованиям преподавательской деятельности на кафедре этнологии, подобно знаменитым лекциям Василия Осиповича Ключевского на истфаке МГУ.

Высокий уровень образования, получаемый воспитанниками знаменитой кафедры этнологии, обеспечивается, во-первых, лекциями и семинарскими занятиями под руководством

учёных, имеющих мировое признание, во-вторых, высоким уровнем периодически обновляемых учебников и учебных пособий, в которых сочетается как глубина осмысления, так и доступность постижения излагаемого материала, в-третьих, атмосферой воспитания глубокой мотивации студентов и аспирантов, ступивших, благодаря кафедре, на стезю этнологии и социальной антропологии.

В течение ряда лет мне довелось вместе с С.В.Чешко принимать вступительные экзамены в аспирантуру Института этнологии и антропологии РАН. Меня сегодня удивляет, как, обладая безмерной эрудицией, С.В.Чешко сумел вместить как в китайские колодки, богатейшую информацию в краткое российское учебное пособие.

В этом ему вспомоществовали, во-первых, стратегия экономного изложения материала двух важнейших разделов этнологии – теоретико-методологической и информационно-познавательной – «в одном флаконе», во-вторых, его умение и способность мыслить конкретно и системно, что сказалось на качестве учебного пособия. Экономный подход позволил без потерь оптимально изложить трудоёмкий материал, успешно пройти между Сциллой многословия и Харибдой обидных недоговорённостей из-за ограниченных размеров «социального заказа» (объёма учебного пособия).

В первом разделе, в котором мне видятся 6 глав из 20, изложены принципиальные теоретико-методологические основы этнологии и социальной антропологии.

Среди фундаментальных трудов советских этнографов и антропологов видное место занимает учебное пособие профессора С.А.Токарева «Этнография народов СССР» [9]. Книга была написана по материалам многолетней исследовательской работы и на основе курса лекций, читаемых автором с 1939 г. для студентов и аспирантов кафедры этнографии исторического факультета МГУ. Шёл 1958-й год, время ранней хрущёвской оттепели. Книга С.А.Токарева, как энциклопедическое издание по «историческим основам быта и культуры» (таков был её поясняющий подзаголовок), послужила настольной «дорожной картой» для многих выпускников кафедры этнографии МГУ.

Учебное пособие известного российского этнолога С.В.Чешко «Этнология и социальная антропология» подобно мосту над бездной, соединило через 56 лет берега вершинных достижений советской и постсоветской этнологической науки.

Между этими двумя фолиантами, как связующей нитью прошлого и настоящего, можно назвать двухтомное учебное пособие «Народоведение», созданное авторитетным авторским коллективом под руководством преемника С.А.Токарева по заведыванию кафедрой, профессора В.В.Пименова, одного из активных сторонников привнесения в 1960-1970-е годы «его Величества Числа» в методику этностатистических этнографических исследований.

Книга С.А.Токарева, сочетавшая в себе в те 1960-1970-е годы лирику (иллюстрации и ментифакты) и физику (аналитическое описание артефактов), имела чёткое функциональное предназначение: представить общественности истоки происхождения народов СССР и итоги преобразования их культуры и быта, что имело огромное теоретическое, политическое и практическое значение, в том числе в обосновании исторической справедливости в деле сохранения жизнеспособности и самобытности народов России по сравнению с исчезновением с лица земли некоторых народов на других континентах планеты.

Преклоняясь перед памятью С.А.Токарева, перед его фантастической эрудицией и личным обаянием, не могу себе отказать сказать несколько слов о книге, по которой сначала сдавал, а потом и принимал экзамены у студентов и аспирантов по основам общей этнографии народов СССР. Учебное пособие С.А.Токарева представляло собой первое систематическое обзорное издание о народах СССР в масштабах всего Советского Союза. Так сложилось в науке, что к середине XX века в стране не было ни классического учебника, ни учебных пособий по причине того, что были слабо разработаны теоретические и практические вопросы исследовательских практик и стратегий в слабо обозримой предметной области.

В отличие от учебного пособия С.А.Токарева, в котором подводились итоги развития этнографии, за истекшие несколько веков, перед учебным пособием С.В.Чешко стояла неизмеримо более сложная задача: подвести итоги преобразований за постсоветский период, а также представить панораму значительных концептуальных обновлений и состояния предметной

области этнографии, переименованной в этнологию. Смысл предлагаемой рецензии видится в изображении и в объяснении того, как С.В.Чешко успешно справился с этой задачей.

Профессора кафедры этнографии МГУ иногда в соавторстве с учёными Института этнологии и антропологии РАН создали серию интересных учебников и учебных пособий, отражающих основы жизнедеятельности народов и трансформационные процессы. Так, например, в учебнике «Этнография» [12] под редакцией Ю.В.Бромлея и Г.Е.Маркова была дана краткая характеристика этнического своеобразия народов мира на различных этапах мировой истории: в древности, в средневековье, в новое время и по состоянию на рубеже 1970-1980-х годов. Изложение приведено в региональном аспекте. Специальный раздел посвящён проблемам и фрагментам этнической истории народов СССР.

В учебнике «Этнология» под редакцией Г.Е.Маркова и В.В.Пименова [13] было обращено внимание на первые шаги постсоветской истории. Популярностью пользовались в своё время учебные пособия преподавателей кафедры в том числе: Марков Г.Е. История хозяйства и материальной культуры (в первобытном и раннеклассовом обществе –учебное пособие [5]; Основы этнологии – учебное пособие под редакцией В.В.Пименова [6]; Казьмина О.Е., Пучков П.И. Религиозные организации современного мира – учебное пособие [2].

Оценивая достижения советских этнографов 1960-1970-х гг. С.В.Чешко делает вывод о том, что главным в советской теории этноса является «признание народов-этносов в качестве самостоятельных субъектов исторического развития и социального бытия» [10, с. 7].

Это признание имеет фундаментальное значение, так как позволяет выделить два направления в освоении истории человечества, особенно с момента появления наряду с сообществами народов-этносов и государственных образований. С.В.Чешко ставит точку над i, когда утверждает, что «невозможно отрицать объективность существования этнических общностей разных типов и таксонимических уровней, которые можно объединить общим, родовым понятием – этнос [10, с. 8].

Вспоминается, как более 40 лет тому назад видный советский археолог и историк, академик Б.А.Рыбаков на пленарном заседании Всесоюзного археологического, этнографического совещания по итогам полевых исследований (1973 г., г. Ташкент) предупреждал этнографов и будущего академика РАН Ю.В.Бромлея в том, что «предметная область этнографии напоминает льдину, тающую под горячими лучами весеннего солнца». Этому, увы, фатальному, в чём-то недружелюбному прогнозу, прозвучавшему тогда как приговор профессии этнографов, не суждено было сбыться. Успехи отечественной этнографии и её законной наследницы – этнологии и социальной антропологии в убедительной форме отражённые в учебном пособии С.В.Чешко, похожем одновременно и на курс лекций, и на итоги исследовательской работы, в полной мере убеждают в несостоятельности пессимистического предсказания маститого учёного.

Предметная область этнологических исследований, как основательно показано в рецензируемой книге, не «таяли под лучами солнца», а, напротив, расширялась, благодаря не затухающему интересу общественности к соединению двух потоков исследовательских проектов – к этнологическому изучению групп людей и антропологическому + постижению повседневной жизни индивида. Именно на пересечении коллективистских и личностных мотивов, интересов и практик в лоне этнологии сохранили свои позиции и способствовали расширению предметной области этнологии – диффузионизм и фрейдизм, функционализм и французская социологическая школа, историческое и психологическое направление [10, с. 41-54].

Во второй половине XX – начале XXIвв. возникла тенденция реабилитации отечественного эволюционизма, что привело к утверждению неоэволюционизма [10, с. 54]. Из функционализма выросли британский и французский структурализм, представленные соответственно сочинениями Эванса Причарда и Леви-Стросса [10, с. 54-56].

Подчёркивая высокую значимость достижений советского этнографического знания во второй половине XX века (1950-1980-е годы) и, объясняя это наряду с другими факторами «либерализацией политического режима после смерти Сталина и XX съезда КПСС [10, с. 56], С.В.Чешко находит удачный, на мой взгляд, показатель (определитель) опредмеченной деятельности этнографов и оправданно даёт ему оригинальное название «этносология» [10, с. 57-61]. Думаю, что термин обречен на общественное признание.

Перспективы дальнейшего развития этого научного направления, вероятно, будут в немалой мере взаимозависимы с развитием пограничных научных дисциплин – этносоциологии, этнополитологии, этноэкологии, этнодемографии, этногеографии, этномедицины и ряда других [10, с. 8-9].

Антропологизация этнологии, как сподвижницы исторического знания, вероятно, будет пополняться обострённым вниманием к человеку, воспринимающему, отражающему и воспроизводящему этнокультурное наследие своего народа – этнофору (В.В.Пименов), этноличности (И.С.Кон, Ю.В.Арутюнян, Л.М.Дробижева), этноинтересанту (М.Н.Губогло).

Ядром этносологии послужили некоторые идеи С.М.Широкогорова, отражённые в его книге «Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений» [11], частично воспринятые Ю.В.Бромлеем и Л.Н.Гумилёвым. Будучи вдумчивым и въедливым исследователем, С.В.Чешко, следуя принципу справедливости, отмечает, что концепции этноса, основоположником которой является Ю.В.Бромлей, «предшествовали теоретические заходы по отдельным проблемам Чебоксарова, Кушнера, Токарева, Арутюнова и других учёных» [10, с. 58].

Не вдаваясь в острую полемику, развернувшуюся между сторонниками теории этноса – Ю.В.Бромлеем и Л.Н.Гумилёвым, С.В.Чешко считает своим долгом серьёзно отнестись к теории этногенеза, в которой чрезвычайно важная роль принадлежит «пассионариям, по той причине, что «пассионарность имеет энергетическую природу: пассионарии либо поглощают больше энергии, чем другие индивиды, либо умеют направить её на определённые цели…» [10, с. 60]. И хотя, по заключению С.В.Чешко, обе концепции и Ю.В.Бромлея, и Л.Н.Гумилёва «не пользуются популярностью в среде профессиональных этнологов», обе они занимают достойное место в истории науки и в расширении границ её предметной области.

Каждая из них в той или иной мере затрагивалась в ряде публикаций в трудах постсоветских исследователей. Более того, их отзвуки, рефлексии и сполохи нашли отражение ещё в двух подходах к разработке теории этноса, а, следовательно, в определении границ предметной области этносологии. Ассоциированными с теорией этноса подходами можно назвать, как это предлагает С.В.Чешко, информационную концепцию С.А.Арутюнова и Н.Н.Чебоксарова, а также компонентную теорию В.В.Пименова с её «изюминкой» - «Его Величеством Числом» и уже упомянутым выше «этнофором».

На закате XX и на заре XXI веков развернулось нешуточное противоборство идей в понимании объекта и предмета, сути и содержания этноса и этнических проявлений, что нашло выражение в противостоянии двух конкурирующих научных направлений - примордиализма и конструктивизма. В постсоветских условиях либерализации публикаторской деятельности, когда объявилось несметное количество адептов и той, и другой концепции, трудно было бы расставить по полочкам сторонников примордиализма и конструктивизма. Никто не взялся за чёткое проведение границ между теми и другими. Тем более что для представителей каждого направления характерны взаимные пересечения границ, явления интерференции, взаимодействия и взаимопроникновения, что привело к гибридизации и появлению инструментализма. И, осознанно обуздав свою эрудицию, С.В.Чешко, ограничивает собственную задачу краткими дефинициями сути примордиализма и конструктивизма, которые по мере определения и уточнения своих позиций, идут навстречу друг другу.

Примордиализм, согласно С.В.Чешко, «утверждает объективность существования этнических общностей, возникших в весьма отдалённые времена в результате расширения кровнородственных связей в древних общинах» [10, с. 62]. Смысл конструктивистской концепции заключается в том, что этнические общности – «это полностью или в значительной степени искусственные образования, созданные этническими элитами для достижения тех или иных политических и экономических целей посредством этнической мобилизации «соплеменников» [10, с. 62].

В критике советской теории этноса, а вместе с ней и примордиализма, как исконно заданных, изначальных свойств и признаков той или иной этнической общности, стимулирующую роль сыграла нашумевшая книга выдающегося этнолога и этнополитолога, академика В.А.Тишкова «Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии» [7]. В ней автор подверг пересмотру теорию этноса и её политические воздействия. Однако многие читатели,

особенно из среды этнических мобилизаторов, восприняли «реквием по этносу» не как критику теоретических основ примордиализма, а как отрицание объективного существования этноса как исторической реальности. С.В.Чешко не ставил в учебном пособии перед собой задачу выявления итогов критики советской теории этноса, под воздействием трудов академика В.А.Тишкова. В какой-то мере об этом сказал сам В.А.Тишков в одной из своих последующих книг, подводя итоги жизненности и востребованности советской теории этноса.

Труды академика Ю.В.Бромлея и его оппонента Л.Н.Гумилёва, - писал В.А.Тишков, «остаются востребованными, а их понятийно-терминологический язык уже вышел за пределы академических текстов и стал частью словаря даже лидеров нашего государства и некоторых других постсоветских государств» [8].

Заключая серию из 5 первых глав в начальном разделе учебного пособия о преобразованиях и достижения отечественной этнологии, С.В.Чешко сделал неутешительный вывод о том, что «В 1990-е годы быть уличённым в приверженности примордиализму означало примерно то же, что в советское время быть обвинённым в антиисторизме и идеализме. В последнее время публикации отечественных этнологов и дискуссии по теоретическим проблемам стали редкостью» [10, с. 62]. Да, это действительно так. И не совсем так. В большинстве почти 30 томов, увидевших свет по плану крупномасштабного проекта «Народы и культуры» (главные редакторы – В.А.Тишков и С.В.Чешко) вопросы этногенеза народов, фрагменты их политических историй, характеристика системы жизнеобеспечения, элементов материальной и духовной культуры освещаются с использованием традиционных подходов, присущих скорее примордиализму, чем абстрактному конструктивизму.

Сошлюсь на авторитет известного не только в России, но и далеко за её пределами, этнолога и социального антрополога, члена-корреспондента РАН, С.А.Арутюнова, высоко оценившего в трудах В.А.Тишкова полемику по поводу различных подходов к формированию и существованию этничности, в том числе примордиалистского, инструменталистского и конструктивистского. «Надо признать, - писал он в своей монографии «Силуэты этничности на цивилизационном фоне» [1], - что некоторые этносы действительно были в значительной мере сконструированы усилиями местной интеллектуальной верхушки и политиков, формировавшихся, хотя бы отчасти, под внешним цивилизационным влиянием» [1, с. 62]. Однако прямой конструктивизм, - по убеждению С.А.Арутюнова, - довольно редкое и очень новое явление. Большинство этносов появилось на свет без каких-либо конструкторских усилий, в результате более или менее стохастических процессов» [1, с. 62-63].

Важное место в восприятии и освоении этнического портрета народов имеет последовательный историзм, как профессиональное кредо С.В.Чешко, при знакомстве с каждым из них. Не случайно, вопреки сложившейся в отечественной науке традиции начинать изучение человечества с истории народов Австралии и Океании, С.В.Чешко предпочитает стартовать с изложения этнографии народов и континентов с Африки, так как «именно Африка, - по его словам, - была прародиной человечества» [10, с. 70].

Последовательность изложения истории и этнографии народов мира в учебных пособиях для школьников 9-11 классов под редакцией В.В.Пименова (2002) и для студентов высших учебных заведений, автор С.В.Чешко (2104)

Народоведение под ред. проф. В.В.Пименова. Книга 1. Народы дальнего зарубежья, М., 2002, 264 с. Книга 2. Народы России и сопредельных стран, М., 2002, 352 с.	С.В.Чешко. Этнология и социальная антропология, М., 2014, 233 с.
Книга 1. 1. Австралия: аборигены и англоавстралийцы 2. Островной мир Меланезии 3. Мореплаватели солнечного восхода 4. Народы и культуры Северной Африки 5. Жители африканского юга	1. Народы Африки 2. Народы Австралии и Океании 3. Народы Юго-Восточной Азии 4. Народы Южной Азии 5. Народы Восточной и Центральной Азии 6. Народы Юго-Западной Азии

6. Африка южнее Сахары 7. В краю оазисов и пустынь (народы Передней Азии) 8. Индия и её соседи 9. Народы Центральной и Восточной Азии 10. Страны южных морей (Юго-Восточная Азия) 11. Единая и многоликая Северная Америка 12. Латинская Америка и Карибский бассейн: этносы, общества, государства 13. Народы Западной, Северной, Центральной и Южной Европы 14. Западные и южные славяне Книга 2. Учебное пособие (книга 2) «Народы России и сопредельных стран» состоит из 11 глав, в том числе в главах 1-10 излагаются материалы по этнографии русских и других народов бывшего СССР.	7. Народы Средней Азии и Казахстана 8. Народы Кавказа 9. Народы Сибири и Дальнего Востока 10. Народы Америки: общие сведения 11. Народы Америки: традиционная культура 12. Народы Зарубежной Европы 13. Восточнославянские народы 14. Народы Европейской части России

Наряду с логически выверенным историческим подходом к изложению, а, в известной мере, и познанию народов, важное значение имеет классификация народов мира. Учебники и учебные пособия не могут быть полноценными без изложения материалов о народах в виде сгруппированных и систематизированных сведений. С.В.Чешко счёл логичным выделить проблематику классификаций, применяемых в этнологии, в отдельную 2ю главу и сделать её одной из запевных, тем самым дистанцировал её от непосредственного изложения этнографии о конкретных народах мира в 4-х промежуточных главах, в которых представил материал о предыстории и становлении этнологической науки, в том числе о её развитии с конца XIX до начала XXI вв. [10, с. 32-64].

Лично мне представляется, что главу о классификациях (географической, антропологической, языковой, религиозной, хозяйственно-культурных типов, историко-формационной) логичнее было бы поместить непосредственно перед изложением материала по этнографии конкретных народов, стран, континентов. Однако, в данном случае, композиция учебного пособия – дело вкуса.

Народы целых регионов по географическому территориальному признаку характеризуются в книге С.В.Чешко по сравнительно сходному сценарию:

- Этническая и политическая история
- Этнолого-антропологические характеристики
- Языки
- Религиозная ситуация
- Системы жизнеобеспечения (хозяйство, ремёсла, жилища, транспорт, пища, одежда)
- Социальные отношения
- Духовная культура
- Народное творчество и профессиональное искусство.

Некоторые мелкие вопросы, которые я не успел задать С.В.Чешко в ходе обсуждения («по всей строгости академического закона») рукописи его новой книги на заседании Учёного Совета Института этнологии и антропологии РАН, никоим образом не влияют на высокую оценку его оригинального, новаторского произведения. В ряду таких мелкозернистых придирок я, следуя принципиальным устоям С.В.Чешко, в частности, просил бы объяснить, по каким таким критериям в таблице 7 (с. 188) среди «народов зарубежной Европы» упомянуты баски

численностью в 2.4 млн человек и отказано в упоминании валенсийцам и каталонцам, численность которых, кстати, по не вполне точным данным достигает едва ли не 7.5 млн человек?

Отсутствие каталонцев в таблице тем более досадно, что на протяжении 2014 года Европа, затаив дыхание, ожидала референдум в Каталонии, вместо которого был проведён опрос, в ходе которого более 80% из двух миллионов избирателей проголосовали за независимость Каталонии от Испании. Что же касается Валенсии, то по данным департамента образования автономного сообщества Валенсии, с середины 1980 г. численность валенсийцев, владеющих валенсийским языком, увеличилась в 5 раз [news.flarus.ru/?topic=4326].

Хотя С.В.Чешко не наделяет особым вниманием пограничные дисциплины и пути развития междисциплинарных научных направлений, но в ряде случаев упоминает о питательной среде, в которой вырастали новые направления: например, появление неофрейдизма на основе учений Фрейда о бессознательном, теории культуры и личности на почве идей Фрейда [10, с. 45-46], формирование функционализма и структурализма на основе французской социологической школы Эмиля Дюркгейма [10, с. 47], историческая школа, давшая сильный толчок американской антропологии [10, с. 49].

К этому можно было бы добавить тенденцию к гибридизации и междисциплинарности, что нашло отражение в многообразии учебников и учебных пособий, посвящённых основам этнодемографии (Казьмина О.Е., Пучков П.И.), этносоциологии (Арутюнян Ю.В. и др.), этнической географии (Иванов К.П.), этнической психологии (Платонов Ю.П., Стефаненко Т.Г.), исторической этнологии (Лурье С.В.), исторической антропологии (Алексеев В.П., Кром М.М., 2000), этнополитической конфликтологии (Аклаев А.Р., 2005), политической антропологии (Крадин Н.Н., 2001), этнополитологии (Тишков В.А., Шабаев Ю.П., 2011; Ачкасов В.А., 2005; Кирдяшов В.Ф., 2003; Тураев В.А., 2004; Абдулатипов Р.Г., 2004).

К числу не зависящих от С.В.Чешко «недоговорённостей» из-за ограниченного объёма учебного пособия относится упоминание о «пашенных скифах», идентичность которых до сих пор вызывает споры [10, с. 196]. К прежним дискуссиям: «славяне или не-славяне», в постсоветский период широко развернулась борьба за их языковую принадлежность: иранскую или тюркскую.

Иногда встречаются редакционные шероховатости, неуместные для учебного пособия, редактирование которого требует особой тщательности. Так, например, случается, когда лингвистическая и языковая классификации преподносятся синонимически [10, с. 186], хотя первая относится к научной сфере языкознания, а вторая к сфере реальной языковой жизни.

Завершая университетский курс, выпускники задумываются о роли этнологии в общественном развитии и о практической востребованности своей профессии. Эти настроения хорошо известны автору учебного пособия С.В.Чешко – исследователю, преподавателю и воспитателю. И, оберегая предметную область этнологии, а вместе с тем и профессиональную специализацию студентов от чрезмерного расширения, или, напротив, неоправданного сокращения , С.В.Чешко завершает учебное пособие напутствием мэтра в том, что в современных условиях «прикладное значение этнологии существенно увеличилось, неизмеримо расширилась сфера использования этнологических знаний» [10, с. 219].

Вместе с автором согласимся с тем, что «этнология – с присущей ей спецификой – представляет собой один из инструментов самопознания человечества», при том, что «потребность в познании – это то, что отличает человечество от прочей живой природы» 10, с. 220].

В отличие от профессорско-преподавательского коллектива, авторов солидного двухтомного «Народоведения» (М., 2012), завершающего учебное пособие напоминанием «Чему учит народоведение (этнология)» [4, с. 242], сотрудник ИЭА РАН - С.В.Чешко указывает, кому и зачем она (этнология) нужна и в каких сферах жизнедеятельности она востребована [10, с. 221-224]. Понятное дело: в первом случае профессора кафедры этнологии МГУ озабочены обучением студентов, во втором случае авторитетный учёный, работающий в системе РАН, даёт будущим коллегам путёвку в жизнь в виде «дорожной карты».

Библиография
1. Арутюнов С.А.Силуэты этничности на цивилизационном фоне. М., 2012
2. Казьмина О.Е., Пучков П.И. Религиозные организации современного мира – учебное пособие.М., 2010
3. Народоведение под ред. проф. В.В.Пименова. Книга 1. Народы дальнего зарубежья, М., 2002, 264 с.
4. Народоведение под ред. проф. В.В.Пименова. Книга 2. Народы России и сопредельных стран, М., 2002, 352 с.
5. Марков Г.Е. История хозяйства и материальной культуры (в первобытном и раннеклассовом обществе –учебное пособие.М., 1979
6. Основы этнологии – учебное пособие под редакцией В.В.Пименова. М., 2007
7. Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003
8. Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М., наука, 2013
9. Токарев С.А.Этнография народов СССР. М., 1958, 616 с.
10. Чешко С.В. Этнология и социальная антропология, М., 2014, 233 с.
11. Широкогоров С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений.Шанхай, 1923
12. Этнография.под ред.Ю.В.Бромлея и Г.Е.Маркова.М., 1982, 320 с.
13. Этнология. под ред. Г.Е.Маркова и В.В.Пименова.М., 1994

УДК:316.4(478)-053.7

ОБРАЗ СТРАНЫ У МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Иванова Н.
доктор истории,
Институт Культурного Наследия АНМ
ninmka@gmail.com

Аннотация. Предметом исследования в данной статье является образ страны у молодежи Республики Молдова. Актуальность этого исследования предопределена необходимостью изучения социальных представлений различных групп современного молдавского общества. Образ страны как социальное представление также может стать источником прогноза формирования и трансформации идентичности на уровне государства.

Ключевые слова: образ страны, социальные представления, молодежь, патриотизм

Annotation. The subject of study in this article is the image of the country among the youth of the Republic of Moldova. The relevance of this research is predetermined by the necessity of studying social representations of different groups of contemporary Moldovan society. The image of the country as a social representation can also be a source of forecast formation and transformation of identity at the state level.

Key words: image of state, social representation, patriotism, youth

В настоящее время социальных трансформаций в Республике Молдова, получившей независимость с распадом СССР, тема изучения символического поля и представлений о стране оказывается достаточно актуальной и перспективной, хотя и мало исследованной. Одна из причин ее актуальности - насыщенная политическая жизнь Молдовы и «противостояние» исторических символов, которую можно наблюдать в последнее время. Республика Молдова также участвует в общемировых процессах глобализации и сопутствующих ей явлениях: социальной трансформации, фрагментации общества, изменениях традиционных социальных связей. Все это придает особый смысл изучению социальных представлений различных групп современного

молдавского общества. Образ страны как социальное представление также может стать источником прогноза формирования и трансформации идентичности на уровне государства.

Термин «социальное представление» ввел в научный оборот французский ученый С. Московичи, который в настоящее время руководит одним из крупнейших в мире центров социальной психологии. Прежде всего, следует отметить, что согласно Московичи, реальность социальных представлений – это не индивидуально-психологическая, а социальная реальность, которая конструируется в микро- и макросоциальном взаимодействии [1, с. 34]: «Под социальным представлением мы подразумеваем набор понятий, убеждений и объяснений, возникающих в повседневной жизни по ходу межличностных коммуникаций. В нашем обществе они являются эквивалентом мифов и систем верований традиционных обществ; их даже можно назвать современной версией здравого смысла» (Емельянова, 2006, с. 39). Важное отличительное качество социальных представлений в том, что они возникают в результате напряженности между людьми и коллективами, что подчеркивает динамизм социально-культурных явлений. В связи с этим, основной задачей исследователей становится изучение того, как люди и группы конструируют стабильный и предсказуемый мир из набора различных феноменов, какой тип логики они используют [1, с. 41].

В эмпирическом плане в ближнем зарубежье были осуществлены исследования различных социальных представлений. Вэтнонациональном дискурсе, к примеру, интерес представляют результаты, полученные группой социальных и этнических психологов относительно образа России и других крупнейших государств, формирующих геополитическое пространство в представлениях испытуемых. Исследователи поставили себе цель проследить, как воспринимаются глобальные изменения и трансформации, происходящие в современном мире представителями разных культур и народов, как люди понимают эти трансформации, каково их представление о мире (полярность мира) и месте России в современном мире [5, с. 302[. Выяснилось, что представления о России образованы в основном элементами, имеющими геополитическую и экономическую коннотацию; США - политическую и экономическую коннотацию; Япония - элементами научно-технической сферы, культуры и традиций. Таким образом, Россия по-прежнему остается центром влияния, однако мир еще не представляется многополярным, а культура не является ключевым элементом представления [5, с. 305]. Подобное исследование было бы весьма актуальным и в случае Республики Молдова, поскольку она находится в процессе формирования государственной идентичности, что непосредственно связано с ее местом в геополитическом пространстве.

Образ страны в качестве объекта исследования подводит к необходимости рассмотреть сопутствующие понятия. Так, в данной публикации под патриотизмом будем понимать любовь к своей нации и гордость за свою национальную принадлежность. Будучи, с одной стороны, внутренним чувством, патриотизм, тем не менее, попадает в зависимость от событий внутри страны, а также от целенаправленных действий политиков. Позитивная самоидентификация людей со своей страной во многом обусловлена наличием благоприятной для жизни институциональной и культурной среды. Она формирует позитивный “внутренний” образ страны [6]. Понятие *образа* позволяет переводить непознанное в узнаваемое через символы и ассоциации, которые воплощают уже сложившееся знание или создают знание нового качества на основе сочетания известных форм. Многозначность этого понятия предопределяет настоящее богатство однокоренных слов и производных словосочетаний и выражений разного смыслового и эмоционального содержания - от положительного (образцовый, образный, образование и так далее) до отрицательного (образина, образчик, безобразный).Столь же многозначно и понятие *образа страны* - знаковой модели, опосредующей представления о национальной общности и ее членах через доступные обыденному сознанию понятия и суждения. Далеко не всегда оно соответствует реальному положению дел и объективным показателям национального развития. [7]. Таким образом, патриотизм во многом зависит от внутреннего образа страны, от удовлетворенности жизни в ней, от того, насколько образ страны совпадает с внутренним образом родины. С понятием патриотизма тесно связан феномен гражданской идентичности, которая подразумевает существование общегражданской (не этнической) нации и чувство принадлежности

к ней. Гражданская идентичность существует на индивидуальном уровне и как признак гражданской общности, характеризующий ее как коллективного субъекта.

Нами было проведено эмпирическое исследование представлений о стране и ее символах среди молодежи разного этнического происхождения – студентов различных вузов Республики Молдова. В качестве методов исследования использовалась авторская анкета. Для обработки результатов использовался контент-анализ. Респондентам было предложено написать 10 ассоциаций, которые вызывает у них словосочетание «Республика Молдова». Слова-ассоциации были распределены по смысловым категориям и подсчитаны в процентах.

Вначале обратимся к содержательному аспекту категорий:

1. Негативные явления: бедность, коррупция, нестабильность, беспорядок, безработица и т.п.
2. Патриотизм: родина, родной край, гордость и т.п.
3. Культура: традиции, обычаи, танец, язык и т.п.
4. Государство: нация, независимость, народ, парламент и т.п.
5. Позитивное отношение: солнце, мир, красивая, молодая и т.п.
6. Природа: Днестр, Прут, леса, поля и т.п.
7. Отрицательные качества (населения): лицемерие, спесь, жадность, равнодушие и т.п.
8. Положительные качества (населения): труд, трудолюбивая, добродушный народ, гостеприимство и т.п.
9. Семья: род, семья, мать, родители и т.п.
10. Территория: край, маленькая, село и т.п.
11. Виноделие: вино, виноград, виноградная гроздь, Крикова и т.п.
12. Сельское хозяйство: сельское хозяйство, богатая виноградниками и садами, богатая фруктами и овощами и т.п.
13. Позитивные явления: хорошие дороги, благосостояние, богатая, спорт и т.п.
14. Дом: родительский дом, домашний хлеб, порог дома, очаг и т.п.
15. История: история, турки, Штефан чел Маре и т.п.
16. Самоотождествление: я, жизнь
17. Религия: монастырь, церковь, святая вера и т.п.
18. Дружба: друзья
19. Детство: детские воспоминания, игра и т.п.
20. Учеба: знания, образование, учеба, учителя, школа и т.п.
21. Время: время, год, поколения.

Таблица 1. Ассоциации (в %) с образом Республики Молдова у пяти групп испытуемых *(жирным выделены самые значимые категории)*

Категории (Молдова)	**Молдаване**	**Гагаузы**	**Болгары**	**Русские**	**Украинцы**
Негативные явления	**95 (27%)**	**75 (20%)**	**89 (26%)**	**99 (26%)**	**79 (21%)**
Патриотизм	**31 (9%)**	15 (4%)	18 (5%)	21 (6%)	21 (6%)
Культура	**30 (8,4%)**	**45 (12%)**	18 (5%)	**49 (13%)**	**35 (9,5%)**
Государство	**30 (8,4%)**	**40 (11%)**	**59 (17%)**	**33 (9%)**	**33 (9%)**
Позитивное отношение	**29 (8,1%)**	**60 (16%)**	16 (4,6%)	13 (3,4%)	30 (8,1%)
Природа	27 (7,6%)	20 (5,4%)	**32 (9,2%)**	**29 (7,7%)**	**32 (8,6%)**
Отрицательные качества	23 (6,4%)	1	4 (1%)	5 (1,3%)	3 (0,8%)
Положительные качества	19 (5,3%)	9 (2,4%)	6 (1,7%)	7 (1,9%)	14 (4%)
Семья	14 (4%)	9 (2,4%)	11 (3,1%)	15 (4%)	10 (2,7%)
Территория	13 (3,6%)	4 (1%)	14 (4%)	14 (3,7%)	12 (3,2%)
Виноделие	10 (2,8%)	**41 (11%)**	**36 (10%)**	**31 (8,2%)**	**39 (10,5%)**

Сельское хозяйство	10 (2,8%)	31 (8,4%)	25 (7,2%)	20 (5,3%)	20 (5,4%)
Позитивные явления	10 (2,8%)	3 (0,8%)		4 (1%)	4 (1%)
Дом	7 (1,9%)	6 (1,6%)	8 (2,3%)	9 (2,4%)	13 (3,5%)
История	3 (0,8%)	3 (0,8%)		6 (1,6%)	8 (2,1%)
Самоотождествление	2 (0,5%)				
Религия	1 (0,3%)	1	1		4 (1%)
Дружба		3 (0,8%)	4 (1%)	5 (1,3%)	7 (1,9%)
Детство		2 (0,5%)	4 (1%)	6 (1,6%)	2 (0,5%)
Учеба			2 (0,5%)	7 (1,9%)	2 (0,5%)
Время				2 (0,5%)	
Всего ассоциаций	354	368	347	375	368

Первое, что обращает на себя внимание - в образе страны во всех группах преобладают негативные ассоциации, что говорит о длительной устойчивости негативного фона, транслируемого взрослым поколением. Остальные категории используются с большим количественным отрывом. Отметим категорию «Патриотизм», которая заняла второе место в рейтинге у титульного этноса, хотя с достаточно низким процентом упоминаний (9%). В остальных группах патриотизм выражен еще слабее. В целом во всех группах чрезвычайно мало ассоциаций страны с историей, культурой, какими-либо ее объективными характеристиками. Это может объясняться, с одной стороны, недостаточной компетентностью, а, с другой стороны, низкой мотивацией к ее получению и недостаточной функциональностью каналов передачи такой информации. Привязка Молдовы к государству также достаточно слабая, что говорит о низком уровне развития гражданской идентичности молодежи. Отдельно следует выделить практически полное отсутствие ассоциаций Молдовы с историей, что говорит о существовании большой проблемы для формирования гражданской идентичности.

Интересно отметить отношение респондентов к такой важной статье экономики и культуры Молдовы как виноделие. Данную категорию выделили как значимую все группы респондентов, кроме молдаван. По всей вероятности, виноделие для молдаван является сутью социальной практики, в то время как для национальных меньшинств это часть бренда страны.

Отдельно были выделены ассоциативные элементы, получившие наибольшее количество упоминаний (от 10%). По нашему наблюдению, они составляют ядро обозначенного образа, поэтому сопоставление этих компонентов в пяти этнических группах имеет особое значение. При помощи данных следующей таблицы можно сопоставить центральные компоненты представлений о Молдове во всех группах респондентов.

Таблица 2. Центральные компоненты образа Республики Молдова для разных этнических групп

№	**Молдаване**		**Гагаузы**		**Болгары**		**Русские**		**Украинцы**	
	Компонент	%	Компонент	%	Компонент	%	Компонент	%	Компонент	%
1	Бедность	51	Виноград/ вино	80	Виноград/ вино	53	Виноград/ вино	60	Виноград/ вино	71
2	Традиции	44	Родина	28	Родина	28	Родина	38	Родина	40
3	Род/семья	27	Бедность	24	Бедность	20	Бедность	27	Дом	20
4	Родина	22	Безработица	22	Безработица	22	Безработица	22		
5	Труд/ трудолюбие	20	Мамалыга	24			Мамалыга	20		
6	Коррупция	18								

Как можно увидеть из данных таблицы, центр образа Молдовы достаточно единообразен у групп национальных меньшинств: все они выделяют виноделие, как часть бренда страны, понятие «родины», бедность и безработицу (кроме группы украинцев). Процент упоминания «родины» выше в группе русских и украинцев, у которых, вероятно, данное понятие актуализировано общей политической обстановкой в стране. Обращает внимание важность ассоциации Молдовы с

«домом» в группе украинцев. Упоминание двумя группами мамалыги, традиционного молдавского блюда, также может относиться к бренду страны.

В группе ***молдаван*** образ страны связан с традициями, которые продолжают играть важную регулирующую роль - вероятно психологической защиты в условиях нестабильной экономической и политической ситуации в стране. Приверженность молдаван традиционному укладу отмечалась многими исследователями-этнографами; некоторые из них видели в ней одну из причин сохранения молдаванами в инонациональной среде своей самобытности [4, с. 137]. Ключевая позиции семьи и рода в представлениях о стране также говорит о том, что определенный консерватизм продолжает играть важную роль по причине крайней неопределенности, пронизывающей общество. Семья остается основной опорой, поддержкой для человека. Семья, соответственно, остается важным социализирующим институтом, что в условиях масштабной трудовой миграции становится одной из проблем культурной трансмиссии, помимо общих проблем социальной адаптации. Преобладание ценностей коллективистической направленности у молодежи молдаван подтверждается результатами этнопсихологического исследования, проведенного И.И. Кауненко по методике изучения ценностной сферы Шварца [2, p.32]. Трудолюбие – также одна из отличительных черт молдаван, ценность и добродетель [3, с. 166].

В группе ***гагаузов*** особенностью восприятия Молдовы является относительно высокий процент элементов категории «Позитивное отношение» (16%), что, вероятно, свидетельствует о порождаемом своим культурным пространством и статутом национального большинства в АТО комфорте. По сравнению с другими группами для гагаузов в образе страны важными являются сельское хозяйство и виноделие, что может объясняться экономическими особенностями региона. Отметим также такой центральный компонент как мамалыга. Он входит в представления о стране у всех групп меньшинств. Будучи традиционным молдавским блюдом, она, тем не менее, отсутствует в описании страны у титульного этноса.

В образе Молдовы ***русской*** группы категория «Культура» выражена больше, чем в остальных (13%) и ее элементы относятся практически полностью к молдавской культуре и (например, Гугуцэ, Дан Балан, дойна, Дога, жок,касамаре, колорит, мамалыга, брынза, мититей, молдавский язык, мэрцишор, най, хора и т.п.). С одной стороны, это может объясняться подсознательным слиянием образа страны с культурой титульного этноса и исключением своей группы из культурного пространства страны. Однако значимость категории «культура» в образе страны, скорее всего, говорит о попытке подчеркнуть отличительность данного культурного региона от соседних. Поскольку молдавская культура является основой гражданской идентичности для групп национальных меньшинств, ее выделение может говорить о желании защитить культурные и политические границы страны от внешнего влияния. Таким образом, этнические меньшинства открыты к восприятию культурного молдавского поля, чтобы дифференцироваться от соседних культурных пространств.

Как и в остальных группах, в группе ***украинцев*** при описании образ страны доминирует категория «Негативные явления». Однако в отличие от других, акцент здесь не ставится на безработице или бедности, которую упомянули всего 13% респондентов (для сравнения – в группе молдаван это 51%). Вероятно, это связано с высокой адаптивностью украинского народа и способностью быстро ориентироваться в новых экономических обстоятельствах. С этим же может быть связано относительно высокое значение категории Позитивное отношение (8%, как и в группе молдаван). 13% респондентов, однако, выделили такое явление как национализм. В категории «Государство» тема национализма также звучит несколько активнее, чем в других группах меньшинств. Возможно, что длительное проживание на данной территории активизирует вопрос равноправного участия в политической жизни страны у некоторого процента украинской группы. Только в данной группе респондентов слово «дом» попалов образ страны, что в совокупности с высоким значением понятия «родина» (40%, в группе молдаван – 22%) говорит о слиянии в сознании части украинской группы территории Молдовы с родной страной.

В группе ***болгар*** помимо негативных явлений, важными категориями образа Молдовы являются «государство», «природа» и «виноделие». Процент упоминания элементов категории «государство» выше, чем в других группах (17%, в группе молдаван – 8,4%). Центральными

компонентами представлений о стране следующие элементы: виноград, вино–53%, родина-28%, бедность-20%, безработица-22%. В целом в группе болгар образ довольно неконкретный, а центральные компоненты повторяют последовательность других групп.

Таким образом, можно сделать предварительный вывод о недостаточной сформированности образа страны во всех группах респондентов. На данном этапе развития страны ее образ только складывается.

Сопоставление образов родины и страны проживания позволяет выяснить, насколько та или иная группа привязана к стране, насколько развита в этих группах гражданская идентичность, и что лежит или могло бы лежать в ее основе. В принципе данное сравнение говорит об удовлетворенности жизнью на данной территории. В отличии от образа страны, образ родины обладает потенциалом консолидации, поскольку гражданская идентичность формируется от ближнего круга (родина) к высшему - государству, а не наоборот. При анализе образа родины выделились такие же категории, как и в образе страны. В целом образ родины очень схож во всех пяти группах респондентов и включает, в первую очередь, ассоциации с домом, семьей и различными положительными эмоциями. Очень мало родина связывается с государством, страной и какими-либо объективными их характеристиками. Если и есть связь с территорий, то это, прежде всего, родное село, город, улицы, связанные с детством и взрослением.

В целом, образ родины эмоционально насыщен, индивидуален и позитивен. Другая его важная особенность – практически зеркальность по отношению к образу Молдовы. Родина – положительный образ, связанный с домом и семьей, Молдова – достаточно отрицательный, не связанный с домом, семьей и каким-либо существенными характеристиками. Предварительно можно говорить о конфликте между внутренним образом родины, дающей чувство принадлежности и защиты, и образом реальной страны. В таком случае государство сталкивается с проблемой непатриотично настроенного поколения с неразвитой гражданской идентичностью и большими шансами на выезд из страны. С другой стороны, конфликтность образа родины и Молдовы может объясняться тем, что образ страны проходит еще процесс формирования, который далеко не закончен. Причина этому и относительная молодость государства, и раздробленность элиты, которая должна этот образ формировать. Отрицательный внутренний образ страны препятствует также формированию гражданской идентичности молодежи, развитию чувства патриотизма. Вероятно, эти проблемы свойственны странам, проходящим через период трансформации экономической и политической системы. Важным потенциалом развития положительного образа страны является универсальная для всех групп респондентов матрица образа родины – образ, который со временем и при условии мудрой внутренней политики может быть наложен на образ страны проживания.

Библиография

1. Емельянова Т.П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М, 2006
2. Кауненко И.И. Психологические особенности ценностной сферы молдаван в период социальных изменений./Revista de etnologie şi culturologie /vol.viii chişinău, 2010 p.28-34
3. Лукьянец О.С. Образ молдаванина-кодрянина в научной и научно-популярной литературе Бессарабии (первая пол. XXвека) / Этнографические исследования в Республике Молдова. История и современность. К, 2006, с. 162-170
4. Лукьянец О.С. Традиции и инновации в народной культуре/Этнографические исследования в Республике Молдова. История и современность. К, 2006, с. 135-161
5. Стефаненко Т.Г., Бовина И.Б., Тихомандрицкая О.А., Малышева Н.Г., Голынчик Е.О. Представления о России в современном мире / Личность в межкультурном пространстве: Материалы IVМеждународной конференции, посвященной 50-летию Российского университета дружбы народов. М, 2009, с. 301-307
6. Семененко И.С. Образы и имиджи в дискурсе национальной идентичности. http://www.politstudies.ru/fulltext/2008/5/2.pdf
7. Семененко И.С. Культура, общество и образ России. http://magazines.russ.ru/nz/2007/1/se5-pr.html

УДК:101

АНТИФИЛОСОФИЯ СОВРМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Иджилов Р. Д.
аспирант,
Институт Истории АНМ РМ
idjilov@mail.ru

Annotation. In the article is analyzed the meaning and significance of anti-philosophical projects in contemporary philosophy. Particular attention was given to the reviewing of evolutions of theories and visions about the relevance and goals of philosophy. The revealing of anti-metaphysical theories in contemporary metaphilosophy raises the understanding of contemporary philosophy at a more advanced theoretical and methodological level.

Key words: anti-philosophy, metaphilosophy, anti-metaphysics, contemporary philosophy, the end of philosophy.

Современная философия представляет собой весьма сложное наслоение разнообразных, порой диаметрально противоположных, философских течений и концепций. Данное обстоятельство делает, по сути, невозможным нахождение неких общих характеристик для всех философских школ и течений. Сама историческая картина современной философии меняется в зависимости от принадлежности историка к той или иной философской концепции, то есть сама историография философии исторична. Тем не менее, выявление ряда доминирующих характеристик (но не общих) не составляет сложности и не является объектом спора среди историков. Одной их таких доминантных черт, характеризующих подавляющее большинство школ и концепций современной философии, является антиметафизическая направленность проектов преобразования философии. Основная цель этих проектов состоит в отделении философии от метафизики и в создании - в будущем - неметафизической философии, для чего были выдвинуты разнообразные методологические программы и стратегии, позволяющие реализовать данную задачу. Если проследить и проанализировать содержание данных проектов по преобразованию философии, то можно выделить ряд объединяющих характеристик, среди которых наиболее важными являются следующие: лишение философии ее гносеологической функции, отчуждение традиционного объекта познания философии, придание философии терапевтической или герменевтической функции и пр. По сути, эти проекты, критикуя метафизику и не оставляя ей никаких шансов, в стремлении создать «новую» «правильную» философию лишают будущего философию как таковую. В этой связи, представляются исторически закономерными постмодернистские концепции «конца философии».

Первая выраженная антиметафизическая концепция современной философии была сформулирована Огюстом Контом в рамках проекта «позитивной философии». Метафизика, с точки зрения О. Конта, есть одна из трех основных «теоретических стадий», которая следует за «теологической» стадией и предшествует высшей «научной, или позитивной», стадии. Метафизика пытается объяснить феномены природы, ссылаясь на абстрактные сущности, идеи или силы. На позитивной стадии явления объясняются посредством найденных в результате наблюдения закономерностей. Всем трем стадиям соответствуют три вида философии – теологическая, метафизическая и позитивная [8, стр. 192-193]. Основная роль позитивной философии состоит в логической ассоциации, систематизации и обобщении научного знания, при этом философия отсутствует в предложенной Контом классификации наук. Таким образом, философия превращается в своеобразную науку всех наук, приобретая роль методологического «компаса» для развивающегося научного знания.

Эмпириокритицизм (второй позитивизм), в лице Э. Маха и Р. Авенариуса, продолжает антиметафизическую линию преобразования философии, усилив эмпирические элементы

классического позитивизма вплоть до феноменализма и имманентного идеализма. Понятия и категории, которыми оперирует метафизика, не могут быть сведены к чувственному опыту, поэтому метафизика должна быть отброшена и признана ненаучной, с точки зрения идеологов эмпириокритицизма [8, стр. 250-255]. Кроме преобразования философии, через процесс «очищения» от метафизических понятий должна пройти и наука, которая основывается на таком метафизическом понятии как необходимость. В этом контексте, философия приобретает практическую и методологическую направленность, становясь областью глубокого и подробного анализа всего знания на наличие в нем метафизического компонента. После избавления от метафизического знания философия должна заняться установлением принципов упорядоченности явлений в сознании исследователя.

Неопозитивизм как «третий позитивизм» сохраняет критическое отношение к метафизике, дополнив традиционный сенсуализм логико-аналитическим и лингвистическим подходами. На концепцию логического позитивизма определяющее влияние имели идеи Г. Фреге, Э. Маха, Б. Рассела, Л. Витгенштейна (начальный период) и др. Б. Рассел разработал концепцию «логического атомизма», в соответствии с которой все знание, как философское, так и научное, необходимо свести к ряду элементарных суждений, «логических атомов», которые могут быть соотнесены с эмпирической действительностью [9, стр. 19-32]. После соответствующей верификации данные суждения могут быть объединены в т. н. «молекулярные суждения», на основе которых, методом индукции, могут быть выведены закономерности, завершая тем самым создание так называемого «логически совершенного языка» [7, стр. 10-53]. Отношение Рассела к метафизике неоднозначно: с одной стороны, традиционная метафизика требует серьезного преобразования, предполагающего отказ от ряда понятий и проблем, в результате «логического анализа языка», а с другой стороны, сама теория логического атомизма есть некая метафизическая концепция, основывающаяся на допущении онтологического плюрализма [10, стр. 160-161]. В более последовательной форме философия логического атомизма была разработана учеником Рассела Людвигом Витгенштейном в работе «Логико-философский трактат» (1921). Выявив трансцендентальную «логику языка», Витгенштейн показывает, что метафизика есть результат незнания этой логики и неправильного использования языка, так что все метафизические утверждения бессмысленны [2, стр. 214]. Поэтому единственно допустимое отношение к метафизическим, этическим, эстетическим и др. философским проблемам, по мнению Витгенштейна, это сохранение молчания [9, стр. 59-65]. За философской деятельностью, которая априори рассматривается как бесперспективная, признается лишь переходная функция по прояснению понятий с целью установления их логического статуса в рамках суждений. Философия логического атомизма была переосмыслена в эмпирическом ключе сторонниками неопозитивизма (Венский кружок, Львовско-Варшавская школа и др.), в рамках которого преодолению метафизики и преобразованию философии был придан более выраженный сциентистский характер. Парадигмальной для неопозитивизма является концепция Р. Карнапа, наиболее системно выраженная в работе «Преодоление метафизики логическим анализом языка». Основная цель работы состоит в сведении всех понятий и суждений («протокольные суждения») к эмпирическому опыту, что придает им статус осмысленных знаний. Метафизика, как и вся предшествующая философия, объявляется собранием бессмысленных утверждений и вопросов. Философия приобретает инструментальную функция анализа языка и очищения от метафизических суждений [4, стр. 11].

Таким образом, позитивизм в его трех формах, а также близкие этому течению мыслители, оценивают философию в сциентистском ключе, признавая за ней инструментальную, переходную функцию по очищению языка в общем контексте методологической помощи науки.

В период заката неопозитивизма на первый план в рамках аналитической философии выходит философия обыденного языка, которая выросла на основе идей Дж. Мура, Б. Рассела, Л. Витгенштейна и др. Второй этап философии Витгенштейна является наиболее последовательным воплощением философии обыденного языка. Витгенштейн сохраняет за философией функцию прояснения и осмысления суждений с целью установления их логического статуса, но теперь интерес философа сосредотачивается на разговорном языке, а герменевтическая функция философии дополняется терапевтической, так как прояснение приносит психологическое

облегчение [5, стр. 104-105]. Тем не менее, познавательная функция философии отрицается, а саму философию нельзя рассматривать как совокупность неких особых знаний.

В более поздние этапы антиметафизический настрой аналитической философии был ослаблен. В этом контексте вся метафизическая традиция была переосмыслена в новом позитивном ключе. Одной из наиболее известных «метафизических» концепций философии анализа является «дескриптивная метафизика» П. Ф. Строссона. Выявление трансцендентальных основ языка позволяет спроектировать соответствующую онтологию методом логической необходимости, что открывает возможность созданию «научной» метафизики [11, стр. 120-156]. В этом смысле, философия приобретает статус некой лингвистической дисциплины, которая претендует на роль наиболее абстрактной науки. В таком свете видится роль всей аналитической философии конца XX века.

Другая линия преодоления метафизики, которую условно можно назвать «исторической», включает философские концепции Фр. Ницше, В. Дильтея, М. Хайдеггера, Ж. Деррида и др. Иррациональный аспект концепции Ницше и всей философии жизни подрывает рациональные основы философской деятельности как мышления и рефлексии. Антиметафизическая направленность мышления Ницше усиливается в последние этапы философской эволюции, когда метафизика признается основным источником установления нигилизма в европейской культуре [6, стр. 711]. Сама рефлексия Ницше приобретает доселе невиданные формы, являясь смешением исторического и культурологического анализа с высокой долей поэтико-метафорической аргументации. Радикализм культурного проекта Ницше по выходу за рамки всех традиционных ценностей ставит его метафилософию на стезю постфилософии. В этой связи, Ницше может рассматриваться как главный предшественник постмодернистских проектов объявляющих «конец философии».

Генеалогический метод Ницше, переосмысленный и дополненный феноменологическими установками, М. Хайдеггер адаптирует на онтологической почве как метод «деструкции» всей традиционной метафизики, «забывшей» вопрос о смысле бытия. Основной проблемой философии становится поиск смысла бытия. В этой связи, Хайдеггер создает план такого поиска, который лишь частично был реализован в «Бытии и времени». После т. н. «поворота» философия Хайдеггер обогащается поэтико-метафорическим дискурсом, за которым признается особая роль в поиске смысла бытия.

Вся сложность проекта деструкции метафизики была переосмыслена Жаком Деррида, который предлагает другую, более изощренную методологическую стратегию – «деконструкцию». Целью философии становится реализация этой деконструкции, одним из окончательных результатов которой будет, в том числе, преодоление и самой философии (как, впрочем, и деконструкции). Конструктивно-познавательный элемент философии в рамках деконструктивизма как методологии постмодернизма сводится к минимуму, а философия как метафизика изначально признается обреченной на исчезновение как продукт фоно-лого-центризма [3, стр. 12-25].

Демонтаж всей западной культуры, в том числе метафизики и философии, объявлен некоторыми представителями Франкфуртской школы. Т. Адорно разрабатывает метод «отрицательной диалектики» [1, стр. 13-14]. Традиционная философия рассматривается как «безудержный» рационализм, а любая философская система несет в себе подавление свободы. Целью негативной диалектики является отрицание философии как системы. Научная философия есть анахронизм, а развитие науки оставляет философию беспредметным занятием, считает Г. Маркузе, другой видный представитель Франкфуртской школы [5, стр. 119-121].

Противоречие между традиционной философией и человеческим существованием, между сковывающей разумностью и свободой - выявляется в рамках экзистенциализма. Сама философия как абстрактная форма выражения тех или иных глубинных аспектов существования представляется несовершенной [5, стр. 109-111]. По этой причине, некоторые философы экзистенциалисты обращаются к литературе как форме наиболее четко отражающей все многообразие экзистенциального переживания (А. Камю, Ж.-П. Сартр и др.).

Таким образом, рассмотрение основных век современной философии («континентальная» и «аналитическая») демонстрирует присутствие нового понимания ее целей и задач. В этой связи необходимо отличать саму форму изложения философии и проект будущей философии.

Реформирование философии, в сущности, остается на проектной стадии, предполагающей оценку прошлого и план будущего философии. Прошедшая история философии, как правило, идентифицируется с метафизикой, излишней рациональностью, пагубной системностью, претензией на абсолютное познание и пр. Будущая философия должна избавиться от всех этих метафизических моделей. Большая часть проектов преодоления метафизики оставляют за философией функцию переходного инструмента, который очищает как философию, так и всю культуру от метафизики. Более далекая перспектива для философии не рассматривается. В этом смысле философии предписывают самоуничтожающийся план реформирования, после реализации которого, как правило, четкого места у нее нет. По этой причине, большинство проектов создания новой философии, в сущности, носит характер анти-философских систем, которые сохраняют за философией функции непознавательного характера («прояснение», «логический анализ», «деконструкция», «терапия» и пр.). Философия рассматривается либо как придаток науки, либо как культурный пережиток, не имея собственного предмета исследования. В конце концов, попытки преодоления метафизики так и остаются на проектной стадии, а философия лишь обогащается за счет попыток ее реформировать. Поэтому, все многообразие анти-философских проектов, фактически, является попыткой противопоставить что-то новое проекту Модерна, естественно вписываясь в процесс обновления и творчества, предполагающего разрушение старого для создания нового. При этом сама современная философия может рассматриваться в том числе и как вереница нереализованных метафилософских проектов.

Библиография

1. Адорно Т. В. Негативная диалектика. Москва: Научный мир, 2003. 374 с.
2. Витгенштейн Л. Избранные работы. Москва: Издательский дом «Территория будущего», 2005. 440 с.
3. Деррида Ж. О грамматологиии. Москва: „Ad Marginem”, 2000. 512 с.
4. Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка. В: «Вестник МГУ», сер. 7, «Философия», № 6, 1993, стр. 11-26.
5. Кутасова И. М. Антифилософия «новой философии». Москва: Политиздат, 1984. 143с.
6. Ницше Фр., Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. Москва: Культурная революция, 2005. 880 с.
7. Рассел Б. Философия логического атомизма. Томск: Издательство «Водолей», 1999. 192 с.
8. Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Том 4. От романтизма до наших дней. Санкт Петербург: ТОО ТК «Петрополис, 1997. 880 с.
9. Сокулер З. А. Людвиг Витгенштейн и его место в философии XX века. Долгопрудный: Аллегро-Пресс, 1994. 169 с.
10. Страуд Б. Аналитическая философия и метафизика. В: Грязнов А. Ф. Аналитическая философия. Избранные тексты. Москва: Изд-во МГУ, 1993. 181 с.
11. Суханова Е.Н. Дескриптивная метафизика П.Ф.Строссона в контексте развития аналитической философии. Диссертация на получение степени канд. филос. наук. Томск, 2008. 201 с.

УДК:39 (478)-053

ИССЛЕДОВАНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ДИСТАНЦИИ И ИЕРАРХИИ ЭТНИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

Кауненко И.И.
доктор психологии, конференциар,
Институт Культурного Наследия АНМ, Центр Этнологии
caunencoi@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются результаты эмпирического исследования иерархии этнических предпочтений и культурной дистанции этнических групп – молдаван, русских, болгар, гагаузов, украинцев. Значимыми этническими маркерами, роднящими со своей этнической

группой являются – территория, общее исторической прошлое, религия, с другими этническим группами – религия, общее место жительство. По иерархии этнических предпочтений все исследуемые этнические группы отдают предпочтение своей, либо на декларируемом уровне делят с группой русских (гагаузы, украинцы).
Результаты данного исследования необходимо учитывать при разработке программ по гражданскому воспитанию молодёжи.

Ключевые слова: этническая идентичность, культурная дистанция, иерархия этнических предпочтений, этническая группа.

Annotation. The article deals with some results of an empirical research of ethnic preferences hierarchy and cultural distance carried out among the following ethnic groups – Moldovans, Russians, Bulgarians, Gagauz, and Ukrainians. The relevant ethnic markers making the in-group akin are the territory, common historic past, religion, for the out-group these are religion and common location. According to the ethnic preferences hierarchy all the groups prefer their own one, or on the level of proclamation share it with the group of Russians (Gagauz, Ukrainians). The research results are highly important for the elaboration of the civil education programs for the young people.

Key words: ethnic identity, cultural distance, ethnic preferences hierarchy, ethnic group.

Современные изменения социального контекста побуждают в человеке поиски духовно-смыслового самоопределения, которые часто происходят в этно-культурном дискурсе. Это наиболее важная точка пересечения культуры и психологии [3, с.36].

По мнению А.В.Сухарева, именно этничность в условиях современного кризиса является исторически актуальной «точкой отсчёта» поведения человека, а этнология – базовой наукой в методологии анализа и прогноза этого поведения [9].

Для понимания вектора развития этноидентификационных процессов в нашем обществе, исследование идентичности этнических групп, должно включать как особенности культурной дистанции между этническим группами, так и понимание иерархии этнических предпочтений, т.е. «этнического зеркала».

В своём исследовании мы определяем *этнические общности*, прежде всего как общности представлений о каких-либо признаках, вера людей в то, что они связаны между собой естественными связями, а не сама по себе культурная отличительность. Общность происхождения современных этносов – это красивый миф, так как с одной и той же территорией могут ассоциироваться несколько народов; этнический язык может быть утрачен большинством населения и восприниматься как символ единства [1, с.11-12]. *Этническую идентичность* мы понимаем как переживания отношений Я и этнической среды – своего тождества с одной этнической общностью и отделения от других» [6 ,с.15].

В данной статье мы проанализируем результаты эмпирического исследования идентичности этнических групп, а именно – иерархию этнических предпочтений и культурную дистанцию.

В целом выборка составила **200** респондентов (по 40 респондентов каждой этнической группы). *Возрастной состав и образовательный статус*: студенты, **18-19 - 25** лет. *Регионы* - Кишинёв, Комрат (Гагауз Ери), Тараклия. *Этнические группы* – титульный этнос (молдаване).; русские, гагаузы, украинцы, болгары. *Период исследования* – 2013г.

Для исследования иерархии этнический предпочтений, т.е. субъективного статуса этнических групп, мы применили «Цветовой тест отношений» [1]. Данный тест предоставляет возможность, из-за *трёхступенчатая процедуры тестирования*, получить данные на интрапсихологическом уровне и практически исключить социально желательные ответы. Как точно отметила российский психолог Шлягина Е.И., исследующая этническую толерантности личности, что данный уровень диагностики является «подводной частью айсберга» - бессознательного слоя этнопсихологических характеристик личности (Шлягина Е.И., 2004. С.221).

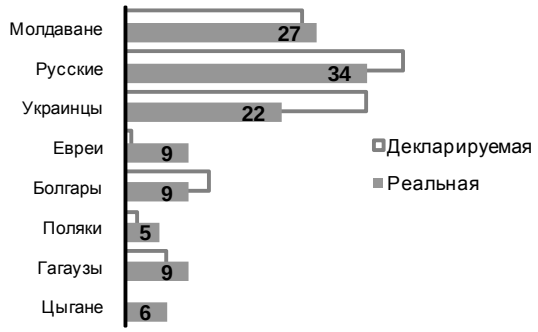
В эмпирическом исследовании иерархии этнических предпочтений было установлено, что наиболее высокий уровень в иерархии предпочтений отдан своей группе, что в принципе является нормой (таб.1). У болгар, молдаван, русских предпочтение отдано своей группе и на декларируемом уровне, и на реальном, что означает гармоничное соотношение сознательного и предсознательного уровней отношения к своей группе.

Таб.1

Иерархия этнических предпочтений (2013)

Русские

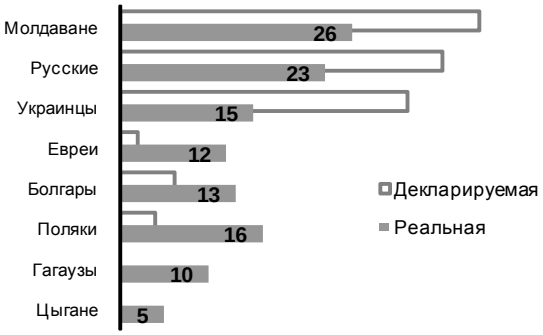
Этническая группа	Реальная		Декларируемая	
	сумма выборов	ранг	суммв выборов	ранг
Молдаване	27	2	25	3
Русские	34	1	39	1
Украинцы	22	3	34	2
Евреи	9	5	1	7
Болгары	9	5	12	4
Поляки	5	8	2	6
Гагаузы	9	5	6	5
Цыгане	6	7	0	8

Коэффициент ранговой корреляции Спирмена равен 0,86.

Молдаване

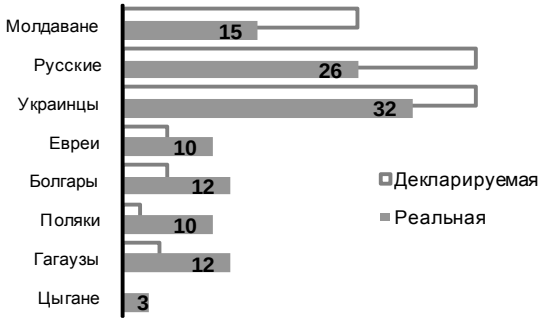
Этническая группа	Реальная		Декларируемая	
	сумма выборов	ранг	суммв выборов	ранг
Молдаване	26	1	40	1
Русские	23	2	36	2
Украинцы	15	4	32	3
Евреи	12	6	2	6
Болгары	13	5	6	4
Поляки	16	3	4	5
Гагаузы	10	7	0	7.5
Цыгане	5	8	0	7.5

Коэффициент ранговой корреляции Спирмена равен 0,92.

Украинцы

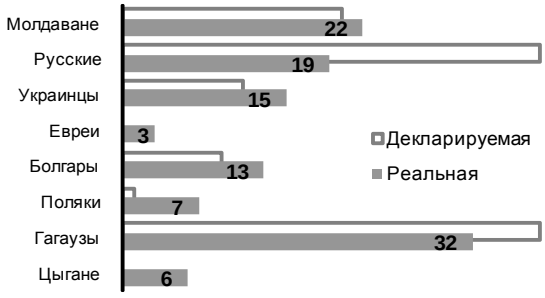
Этническая группа	Реальная		Декларируемая	
	сумма выборов	ранг	сумма выборов	ранг
Молдаване	15	3	26	3
Русские	26	2	39	1.5
Украинцы	32	1	39	1.5
Евреи	10	6.5	5	4.5
Болгары	12	4.5	5	4.5
Поляки	10	6.5	2	7
Гагаузы	12	4.5	4	6
Цыгане	3	8	0	8

Коэффициент ранговой корреляции Спирмена равен 0,92.

Гагаузы

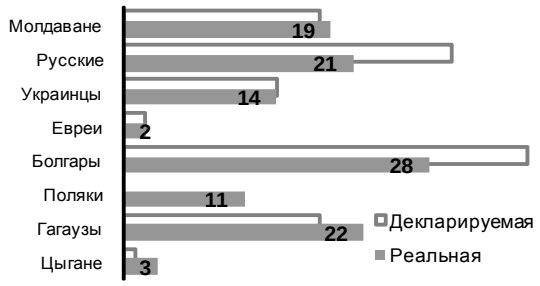
Этническая группа	Реальная		Декларируемая	
	сумма выборов	ранг	суммв выборов	ранг
Молдаване	22	2	20	3
Русские	19	3	38	1.5
Украинцы	15	4	11	4
Евреи	3	8	0	7.5
Болгары	13	5	9	5
Поляки	7	6	1	6
Гагаузы	32	1	38	1.5
Цыгане	6	7	0	7.5

Коэффициент ранговой корреляции Спирмена равен 0,95.

Болгары

Этническая группа	Реальная		Декларируемая	
	сумма выборов	ранг	суммв выборов	ранг
Молдаване	19	4	18	3.5
Русские	21	3	30	2
Украинцы	14	5	14	5
Евреи	2	8	2	6
Болгары	28	1	37	1
Поляки	11	6	0	8
Гагаузы	22	2	18	3.5
Цыгане	3	7	1	7

Коэффициент ранговой корреляции Спирмена равен 0,86.

У гагаузов, украинцев на сознательном уровне предпочтение отдаётся своей группе и русским, а на предсознательном – своей. Если сравнить с данными по иерархии этнических предпочтений молодёжи выборки 2006 г., то результаты тождественны у группы молдаван, русских, болгар. Как можно видеть – иерархия этнических предпочтений остаётся стабильной. У группы молодёжи украинцев в 2006 г.своя группа на декларируемом уровне, была на втором месте, а на предсознательном – на первом. На декларируемом уровне у молодёжи украинцев (2006 г) была группа русских. Как можно видеть из таб.5 – украинцы (2013г.) делят первое место с русским на декларируемо уровне, а на предсознательном отдают предпочтение – своей группе.

У молодёжи гагаузов так же произошёл сдвиг – в выборке 2006г. они на декларируемом уровне отдали предпочтение своей группе, а на предсознательном – русской. В выборке 2013 г. у гагаузов молодёжи на первом месте находятся - своя группа и русские. На предсознательном уровне – отдано предпочтение соей группе.

Исследование иерархии этнических предпочтений имеет для нас особо важное значение, так как межэтнические отношения детерминированы не только реальными отношениями, социальным контекстом, но и *психологической детерминацией*, а конкретнее – когнитивными процессами:

- категоризацией («мы»-«они»);
- дифференциацией (противопоставление, сопоставление)
- социальной идентификацией.

Если абстрагироваться, то можно представить себе схему межэтнических отношений следующим образом:

1) Вначале мы категоризируем себя – например «молдаване» (кто-то категоризирует по принадлежности родителей; кто-то по месту проживания, историческому прошлому и т.д.). 2) Затем в происходит процесс сравнения с кем-то *по значимым* для нас качествам : «Мы молдаване, а не русские потому что принадлежим к романским народам, романской языковой группе. А русские принадлежат к восточнословянскому народу, к группе славянских языков». 3) И потом идёт процесс отождествления себя с определённой этнической группой, этнической общностью, на основе процесса *сравнения*. В самом общем смысле, этническая идентичность – есть *результат процесса сравнения своей группы с другими этническими общностями (группами).*

Поэтому, понимание с кем себя сравнивают этнические группы, даёт возмжность глубже понять процесс как межэтнических отношений, так этноидентификационный.

Если проанализировать место титульного этноса в этноидентификационной иерархии, то молдаване занимают третье место на декларируемом уровне, за исключением болгар, у которых третье место молдаване делят с гагаузами. Это и понятно, так как исследование по болгарам было проведено в Тараклии, которая граничит с Гагауз Ери. И регионально, болгары и гагаузы длительно проживают рядом, поэтому и знают лучше другу друга и чаще взаимодействуют.

Есть расхождения между декларируемом уровнем и реальном в иерархии этнических предпочтений у гагаузов, болгар, русских. Так у русских на декларируемом уровне молдаване занимают третье место, а на реальном второе, аналогично и у гагаузов. Интересно, что у болгар гагаузы занимают более высокий ранг, чем у гагаузов. У гагаузов болгары в иерархии предпочтений – на пятом месте.

Итак в целом, по иерархии этнических предпочтений все этнические группы отдают предпочтение своей, либо делят их с группой русских на декларируемом уровне (гагаузы, украинцы). В целом, титульный этнос занимает у всех групп высокий третий ранг. Так что, этноиерархическая структура остаётся достаточно стабильной и её можно обозначит как – «норма».

Высокий статус группы русских находит своё подтверждение в биэтничности этнических меньшинств, которое было установлено при анализе этнических стереотипов. *Кардинальных сдвигов (выборки – 2006, 2013) в этноидентификационной иерархии этнических групп молодёжи не произошло, что может свидетельствовать об устойчивости этноиерархического конструкта нашего региона.*

Важным компонентом этнической идентичности являются этнические маркеры, по которым становится понятным, через что объективируется идентичность. Как отмечает Стефаненко Т.Г., значение и роль признаков в восприятии членов этноса меняется в зависимости от особенностей исторической ситуации, от стадии консолидации этноса, от особенностей этнического окружения [5,с.12].

Американский социальный психолог Г.Триандис, известный специалист в области кросс-культурной психологии, пишет, что исследования свидетельствуют, что когда люди воспринимают других как похожими на себя, они тянутся к ним эмоционально. Культурная дистанция связана с вероятностью восприятия других как непохожих на представителей своей группы [10, с.295].

Чтобы понять, почему представители разных культур относятся друг к другу или действуют по отношению к другу тем или иным конкретным образом – необходимо знать историю этих взаимоотношений, модель аккультурации, используемая одной группы по отношению к другой. Так например при интеграции личность усваивает элементы обеих культур [10, с.299]. Поэтому для нас важно знать, какие этнические маркеры являются значимыми на групповом уровне для исследуемых этнических групп в настоящее время.

Обратимся к результатом изучения *культурной дистанции*. Эмпирические данные по культурной дистанции отражены в таб.2,3,4,5,6.

Как можно видеть из.таб.2 *(Приложение)* наиболее значимыми маркерами для группы молодёжи *молдаван* являются – религии, внешний вид, общее историческое прошлое, общее место жительства. Наиболее близкая культурная дистанция у молодёжи молдаван с группами со своей, румынами и русскими.

Если проанализировать внутри группы, то наиболее значимыми маркерами являются – общее место жительства, обычаи, религия.

Для группы молодёжи русских, наиболее близкая культурная дистанция с группами – со своей, молдаванами и украинцами. Наиболее значимые маркеры – это общее место жительства, общее историческое прошлое, религия, язык. Внутри группы наиболее значимыми маркерами являются – язык, внешний вид, поведение, черты характера (*Приложение*, таб.3)

Как можно видеть, наиболее значимыми этническим маркерами для респондентов данной группы являются *общее место жительства; религия, общее историческое прошлое, обычаи, обряды.*. Наиболее близкими этническими группами для молодёжи украинцев являются – русские, молдаване. Своей группе было отдано несколько меньше маркеров, чем своей. Это подтверждает факт биэтничности, который был выявлен при изучении этнических стереотипов.

Для молодёжи *гагаузов* наиболее значимыми маркерами при отождествлении со своей группой являются – религия, общее место жительства, внешний вид, общее историческое прошлое (*Приложение*, таб.4). Наиболее близкими группами для молодёжи гагаузов являются – молдаване, русские и своя группа, которой отдано значительное предпочтение. Интересно, что по маркерам молдаване ближе к гагаузам, чем группа русских. Это подтверждает данные полученные по этническим стереотипам. В выборке 2013г. у молодёжи гагаузов, гетеростереотип стал положительным, в сравнении с выборкой 2006 г, когда он был слабо отрицательным.

Для молодёжи *болгар* значимыми маркерами являются – общее место жительства, религия, язык, поведение, черты характера (*Приложение*, таб.5). Наиболее близким по культурной дистанции для молодёжи болгар являются – русские, молдаване. При идентификации со своей

группой значимыми маркерами являются – общее место жительства, религия, общее историческое прошлое.

Для молодёжи *украинцев* наиболее значимыми маркерами являются поведение, черты характера; обычаи, обряды, религия (*Приложение*, таб.6). Наиболее близкой группой по культурным маркерам является группа русских, молдаван.

В целом, эмпирические данные по культурной дистанции позволяют сделать следующие выводы:

- при анализе важности маркера для своей и чужой группы можно выделить как наиболее значимый, для своей группы – территория, общее историческое прошлое, религия.

-маркеры, роднящие с другими этносами, это – общее место жительства, религия, внешний вид.

Итак, мы видим, что одним из базовых маркеров, консолидирующих группы – религия, общее место жительства, общее историческое прошлое.

Выводы:

- по иерархии этнических предпочтений все этнические группы отдают предпочтение своей, либо делят их с группой русских на декларируемом уровне (гагаузы, украинцы). В целом, титульный этнос занимает у всех групп высокий третий ранг. Так что, этноиерархическая структура остаётся достаточно стабильной и её можно обозначит как – «норма».

- наибольшее количество маркеров выявлено при идентификации молодёжи со своей группой (кроме группы молодёжи украинцев).

- для всех этнических групп наиболее близкими являются группы – русских, молдаван. Для гагаузов по этническим маркерам группа молдаван ближе (в срвнении с выборкой гагаузов молодёжи 2006г.). Что ещё раз подтверждает динамичность процесса межэтнических отношений на данном этапе в Молдове.

- базовых маркеров, консолидирующих группы являются религия, общее место жительства, общее историческое прошлое. Данные маркеры необходимо учитывать при разработки программ по оптимизации межэтнических отношений как на уровне региона, так и страны.

Культурная дистанция привлекает ещё особое внимание потому, что это «социально-психологический механизм – строитель». В исследовании Н.М.Лебедевой была выявлена совершенно новая функция соуиально-перцептивного образа культурной дистанции, а именно – функция конструирования новых самоидентификаций в процессе адаптации к быстроидущим изменениям этнокультурного контекста [4, с.113 *б*].

Сегодня продолжают оставаться актуальными положения, высказанные вначале 90-х годов относительно межэтнических отношений, социальным психологом П.Н. Шихиревым : «Если же выделить основные моменты объединения по этническому признаку, то они сводятся к следующем: защите территории и соотвественно возрождению чувства территориальности; предпочтению «своих» (соплеменников, соотечественников) другим, пришлым, некоренным и в то же время усилению чувства национальной солидарности и вражды (в коайних случаях – непримиримой) к иноплеменникам; наконец требованиям о перераспределении дохода и отсюда – обострению чувства справедливости при принятии решений о распределении.

Все эти признаки обладают одни общим преимуществом для массового сознания: наглядностью, самоочевидностью действительной общности языка, истории, культуры, внешности по сравнению с иными: языком, историей и т.п. Если учесть, что *территориальность*, *предпочтение своего вида*, *распределение ресурсов* – **т**ри базовых социобиологических фактор**а**, действующих уже в развитых животных сообществах, то станет понятной их связь с какими-то глубинными, доисторическими, архетипными образованиями» [13, с.32].

И в заключении, хотелось бы привести слова В.Е.Кагана, относительно значимости поликультурности нашего окружающего мира сегодня: «Надежды на то, что деление на «свое и чужое» когда нибудь отомрёт иллюзорны. Более того, такое отмирание поставило бы в крайне затруднительное положение развитие человека. Поэтому есть смысл беречь и своё, и чужое: своё без чужого умирает» [2, с.45].

Библиография

1. Бороноев А.О, Павленко В.Н. Этническая психология. Изд-во СПГУ, 1994, с.139-142
2. Каган В.Е.Homo Xenophobicus: психология «своего и чужого».В:Национальный психологический журнал №2 (6) 2011, с.45
3. Лебедева Н.М. Социально-психологические закономерности аккультурации этнических групп В:Этническая психология и общество. Материалы I-ой конференции секции этнической психологии при Российском Психологическом обществе. 23-24 октября 1997/ отв. ред. Лебедева Н.М М.: Старый сад, 1997, с.271-289 (а)
4. Лебедева Н.М. «Синдром навязанной этничности» и способы его преодоления. В: Этническая психология и общество. Материалы I-ой конференции секции этнической психологии при Российском Психологическом обществе. 23-24 октября 1997/ отв. ред. Лебедева Н.М М.: Старый сад, 1997, с.271-289 (б).
5. Стефаненко Т.Г. Социальная психология этнической идентичности. Дисс…докт.психол.наук.М., 1999.
6. Стефаненко Т.Г. Этническая идентичность: от этнологии к социальной психологии.В: Вестник МГУ сер.14.Психология, 2009.№2 с.3-17.
7. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряжённости. М.: Смысл, 1998
8. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряжённости в ситуации социальной нестабильности /Дисс…докт.психол.наук.-М., 2001
9. Сухарев А.В Этнофункциональная парадигма в проблемном поле современной этносферы. //Мир психологии. Воронеж ; Москва: Воронеж, 2009, № 3.-С.123-166
10. Триандис Гарри К. Культура и социальное поведение: учебное пособие/Пер.В.А.Соснина. М.: ФОРУМ, 2007, 384с.
11. Шихирев П.Н. Межнациональные отношения как объект социально-психологического исследования. В:Социально-психологические исследования межнациональных отношений (Сборник научных трудов). отв.ред. Шихирев П.Н,.М. Институт психологии РАН, 1993, с.13).
12. Шихирев П.Н. Современная социальная психология. М.: ИП РАН; КСП+; Академический Проект, 1999. 448с
13. Шихирев П.Н. Если разжать кулак…(межнациональные отношения: прогноз психолога) В:Гипотезы. Прогнозы (Наука и фантастики): международный ежегодник. /ред.Куксина О., М.изд-во Знание., 1991. с.32

Приложение

Таблица 2. Культурная близость к этносам *молодёжи молдаван* (2013)

Признак общности с этносом:	Этнос							По всей выборке		
	Млд	Рус	Укр	Гаг	Бол	Евр	Рум.	Сумма выборов	Ранг признака	Доля выборов
- общее место жительства	38	17	7	7	5	3	12	89	4	0,143
- общее историческое прошлое	24	24	6	5	2	4	25	90	3	0,144
- язык	31	11	2	1	0	1	33	79	5	0,127
- религия	34	24	14	8	4	1	18	103	1	**0,165**
- обычаи, обряды, традиции	37	8	4	1	1	0	19	70	7	*0,112*
- внешний вид	26	23	15	7	8	3	20	102	2	0,163
- поведение, черты характера	31	16	5	6	4	1	13	76	6	0,122
- что-то другое	5	3	2	1	0	1	3	15	8	0,024
По выборке:	226	126	55	36	24	14	143	624		1,000

Таблица 3. Культурная близость к этносам *молодёжи русских*(2013)

Признак общности с этносом:	Этнос							По всей выборке		
	Млд	Рус	Укр	Гаг	Бол	Евр	Рум	Сумма выборов	Ранг признака	Доля выборов
- общее место жительства	34	27	16	9	6	5	3	100	1	**0,184**
- общее историческое прошлое	23	30	15	4	4	2	5	83	2,5	0,153
- язык	10	38	9	1	4	2	4	68	4	0,125
- религия	18	32	17	4	8	1	3	83	2,5	0,153
- обычаи, обряды, традиции	16	29	11	1	4	0	1	62	7	*0,114*
- внешний вид	7	33	14	1	6	2	2	65	6	0,119
- поведение, черты характера	7	32	15	3	5	3	1	66	5	0,121
- что-то другое	3	4	3	2	3	1	1	17	8	0,031
По выборке:	118	225	100	25	40	16	20	544		1,000

Таблица 4. Культурная близость к этносам *молодёжи гагаузов*(2013)

Признак общности с этносом:	Этнос							По всей выборке		
	Млд	Рус	Укр	Гаг	Бол	Евр	Рум	Сумма выборов	Ранг признака	Доля выборов
- общее место жительства	33	13	10	30	22	2	3	113	2	0,175
- общее историческое прошлое	23	10	9	27	15	1	8	93	4	0,144
- язык	10	28	3	31	2	2	3	79	6	0,122
- религия	20	25	13	30	16	1	9	114	1	**0,176**
- обычаи, обряды, традиции	22	10	4	35	8	0	2	81	5	0,125
- внешний вид	19	20	10	27	12	4	5	97	3	0,150
- поведение, черты характера	6	15	7	27	4	0	0	59	7	*0,091*
- что-то другое	3	1	0	3	1	1	2	11	8	0,017
По выборке:	136	122	56	210	80	11	32	647		1,000

Таблица 5. Культурная близость со своим и чужим этносами у *молодёжи болгар (2013)*

Признак общности с этносом:	Этнос							По всей выборке		
	Млд	Рус	Укр	Гаг	Бол	Евр	Рум	Сумма выборов	Ранг признака	Доля выборов
- общее место жительства	16	33	6	9	28	4	4	100	1	**0,184**
- общее историческое прошлое	15	24	4	4	30	1	6	84	3	0,155
- язык	8	8	4	1	38	1	5	65	5	0,120
- религия	17	20	8	4	32	1	3	85	2	0,157
- обычаи, обряды, традиции	11	15	4	1	29	0	1	61	7	*0,112*
- внешний вид	15	6	6	1	33	2	2	65	5	0,120
- поведение, черты характера	14	8	5	3	32	3	1	66	4	0,122
- что-то другое	3	3	3	2	4	1	1	17	8	0,031
По выборке:	99	117	40	25	226	13	23	543		1,000

Таблица 6. Культурная близость со своим и чужим этносами у *молодёжи украинцев (2013*

Признак общности с этносом:	Этнос							По всей выборке		
	Млд	Рус	Укр	Гаг	Бол	Евр	Рум.			
- общее место жительства	39	16	16	9	5	4	3	92	1	**0,165**
- общее историческое прошлое	25	22	23	3	2	3	5	83	3	0,149
- язык	11	36	22	0	1	0	3	73	5	0,131
- религия	25	28	23	7	4	2	2	91	2	0,164
- обычаи, обряды, традиции	27	23	25	2	1	1	2	81	4	0,146
- внешний вид	15	28	21	0	1	0	3	68	6	0,122
- поведение, черты характера	5	27	26	1	1	1	0	61	7	*0,110*
- что-то другое	1	3	1	1	0	1	0	7	8	0,013
По выборке:	148	183	157	23	15	12	18	556		1,000

УДК : 94 (478)(+161.2)

ХОЗЯЙСТВЕННО-БЫТОВАЯ АДАПТАЦИЯ УКРАИНЦЕВ МОЛДОВЫ В УСЛОВИЯХ БУДЖАКСКОЙ СТЕПИ

Кожухарь В.Г.
доктор истории, заведующий сектором этнологии украинцев
Института культурного наследия Академии наук Молдовы.
vcojuhari60@gmail.com

Annotation. This article was written by the ethnographic materials collected of author in the village of Musa Taraclia district of Moldavia, as well as the scientific literature on the topic of research. The author describes the main types of economic activity Ukrainians of the South of the Moldova – agriculture (horticulture, gardening, the cultivation of industrial crops, viticulture and wine production, agricultural machinery and implements and others) and livestock (cattle, horse, pig, sheep, poultry, livestock forms of economic activities and others); reveals the influence of climatic conditions of the southern steppes, regional characteristics, borrowing cultural traditions of neighboring peoples, captures the local dialect terminology related to the economy.

Key words: Ukrainians in Moldova, the village of Musait, economic activities, agriculture, livestock, forms of of economic activities, agricultural machinery and implements, regional characteristics, the local name.

Заселение северного Причерноморья и Буджака украинцами, по данным Литовского, в период правления князей Ольгерда и Витовта. Основная масса переселенцев прибывала из Подолья [11, с. 5].

Проблемы адаптации переселенцев-хлеборобов, в том числе и украинцев, к новым, в значительной мере малоизвестным, природно-климатическим условиям степной зоны рассматривали многие исследователи – Максимов Е.В. [12], Седов В.В. [13], Козак Д.Н. [8], Балушок В.Г. [3], Космина Т.В. [9], Бломквист Е.Е. [4], Анцупов И.А. [1], Кожухарь В.Г. [7] и другие. В то же время, в большинстве работ тема хозяйственно-бытовой адаптации рассматривается опосредованно. Наиболее основательной работой в отношении проблем именно хозяйственно-бытовой адаптации является монография доктора исторических наук В.Г.Кушнира [11]. Но географически она охватывает только районы, расположенные на территории Одесской области Украины.

Мы же ставим своей целью коротко осветить некоторые проблемы хозяйственно-бытовой адаптации украинских переселенцев в степной зоне южного региона Республики Молдова. И за основу мы возьмем материалы наших полевых исследований в селе Мусаит Тараклийского района. При этом вынуждены будем ограничиться рассмотрением лишь отдельных характерных примеров.

Особенно активно потоки переселенцев из внутренних губерний России, в том числе и украинцев, устремились в южную Бессарабию в ходе русско-турецких войн конца XXVIII – начала XIX вв. и после их окончания. В результате многовекового господства турецких завоевателей, угнетение крестьян местными феодалами и длительных войн население Бессарабии, особенно в ее южной части, в первые годы после присоединения к России было немногочисленным, а хозяйство разоренным. Первоочередной задачей в освоении области было заселение необжитых земель Буджака. Уже в первом десятилетии после 1812 г. царским правительством был осуществлен ряд переселений крестьян из Харьковской, Таврической, Черниговской, Полтавской и других внутренних губерний [2, с.18]. Наравне с легальными путями пополнения крестьян в Буджаке, в их состав вливались также беглецы из внутренних губерний, видя в этом средство избавления от помещичье-крепостнического гнета, рекрутчины, и т.д. Крестьяне видели в Бессарабии благодатный край свободы, идеализируя его.

Уже во времена русско-турецкой войны 1806-1812 гг. беглецы активно заселяли южные уезды Бессарабии. Они вливались в поселения, существовавшие с древних времен или вместе с царанами, которые самовольно переселились, основывали новые хутора и села на месте опустошенных ногайских поселений. Подавляющее большинство зафиксированных царскими властями беглецов в те годы приходили из соседних Херсонской и Подольской губерний [2, с.19-20]. По данным, полученным нами от старожилов Мусаита, предки жителей села переселялись так же из Северной Буковины, Подольской, Киевской и южных губерний.

Тяжелые условия переселения (войны с Турцией, эпидемии чумы, засухи), скудная денежная помощь (по 23 руб. 50 коп. ассигнациями на семью), распределение из казенно-земельного фонда лучших земель помещикам и чиновникам, краткосрочность налоговых льгот (3 года), плохая организация переселенческой дела вообще в России, безразличное, а порой преступное отношение царского чиновничества к судьбе переселенцев требовали необычайного напряжения для обустройства в необжитых, бедных внутренними водами степях Буджака. Влияли и непривычные климатические условия, и календарь полевых работ. Трудно было приобретать новый опыт хозяйствования, выращивать новые виды сельскохозяйственных культур и домашних животных. Бедность большинства переселенцев и режим феодального гнета усиливали трудности, с которыми сталкивались искатели лучшей доли.

Наибольшие трудности испытывали переселенцы, особенно прибывавшие из более северных регионов, при адаптации к новым для себя природно-климатическим условиям. Отсутствие лесных массивов, практически голая степь, значительно меньшее количество атмосферных осадков даже по сравнению с соседними лесостепными районами, более высокая летняя температура, суховеи, которые сдувают верхний слой гумуса, оголяют корни зерновых культур и приводят к их гибели, иной состав почвы и др. Все это заставляло новых поселенцев присматриваться к опыту своих новых соседей (молдаван, гагаузов и болгар) и перенимать у них не только новые для себя формы и приемы обработки земли, но и возделывание ранее не характерных для них видов и сортов растений. А так же переориентироваться на иные формы и виды животноводства. И не все смогли адаптироваться, некоторым пришлось возвращались обратно.

Из систем хлебопашества крестьяне с наибольшим успехом использовали залежную систему, которая была хорошо знакома многим по старому опыту, используя некоторые новые приемы в нових условиях. Способствовала этому доступность земельних участков. До середины XIX в. крестьяне использовали положение местного обычного права «захваченного владения». Согласно этому праву крестьянин мог свободно выбирать незанятый участок земли и владеть им до тех пор, пока обрабатывает. Благо, свободной земли было вдоволь. На начальном этапе переселенцы использовали для выращивания зерна один участок не больше двух сезонов, затем переходили на новое место. В то же время использование залежной системы в степных условиях имело и свои недостатки. Твердые степные грунты на целинных землях заростали многолетними травами с сильной корневой системой, и их обработка была нелегким испытанием для переселенцев.

Тем не менее, уже к середине XIX в. переселенцы, на основе накопленных знаний и опыта усовершенствовали залежную систему, использовали севооборот, внедряли новые технологии обработки земли с учетом ее специфики, выращивали районированные сорта зерновых культур. Таким образом, залежная система, эволюционируя, существенно трансформировалась и в ее структуре появились элементы трехпольной и многопольной систем [11, с.59, 60].

Жители Мусаита, так же, как и остальные украинцы, выращивали различные зерновые культуры, которые по размерам посевных площадей и по значимости в экономике занимали одно из первых мест. Из зерновых традиционно выращивали пшеницу, подсолнечник (*пасолнух*[*]), рожь (*жито*), ячмень (*ячмінь*), просо, овес, горох, фасоль (*сахарну*, білу, *глазну* и *пастері* или *соусну*, которую употребляли зеленой в стручках), чечевицу (*чечевицю*), бобы и сою, а также более характерную для молдован кукурузу (*папушою*). Гречка не культивировалась.

Мусаитяне выращивали несколько сортов яровой и озимой пшеницы: *гирька, банатка, улька, арнаута*. Наиболее урожайными и распространенной была *арнаута*, из которой производили крупу (*арнаутіну*) и муку высшего сорта (*арнаутову муку*).

Крестьянам были известны два сорта кукурузы - *молдованка и чекантін* (*кінський зуб*). Как правило, кукурузу сеяли в апреле, в течение лета несколько раз пололи и собирали урожай в сентябре.

Что касается сельскохозяйственной техники и орудий, то для вспашки земли основным был громоздкий деревянный плуг (малороссийский). Корпус его состоял из "полоза" (*підошви*) и рукоятки, которые образовывали единое целое, дышла (*гряділь*), прикрепленного задним концом к левой рукоятке, а передним – к двум колесам разной величины. Рабочими частями плуга были лемех, нож и полка. В XIX в. все части плуга, за исключением *лемеша* и *чересел*, были деревянными, их изготавливали сами крестьяне или мастера, *лемех* и *чересло* ковали кузнецы.

В деревянный плуг впрягали от одной до четырех пар волов – основной тягловой силы. Со временем волов заменили лошади.

Громоздкий деревянный плуг постепенно менялся. Все рабочие части плуга, а также ось передка и спицы начали производить из железа.

Примечательно, что именно малороссийский плуг, в отличие от импортных (английские, американские, бельгийские, немецкие) местные крестьяне могли эффективно использовать для вспашки твердых, в первую очередь целинных, земель в степной зоне. Активно использовали этот плуг и немецкие колонисты, которые слыли знатоками и владельцами наиболее передовой техники в крае.

Крестьяне в Мусаите практически до середины XX в. пахали землю однолемешними (*одинарчуками*), двухлемешными (*двойчаками*) и трехлемешными плугами, которые приобретали у немецких колонистов.

Использовали местные жители, особенно в небогатых хозяйствах, и рало, причем чаще всего в качестве орудия для рыхления земли после вспашки. С этой же целью, а так же для борьбы с сорняками и заделки семян применяли борону. При этом использовали разные типы борон. Самой простой и самой примитивной была волокуша (*гілляка*) из веток терна. Начиная с середины XIX в., используются более совершенные рамочные бороны прямоугольной формы, известные восточным славянам еще со времен Киевской Руси [5, с. 91-93].

В хозяйствах жителей Мусаита издавна выращивали лук, чеснок, картофель, свеклу, капусту, баклажаны, помидоры, огурцы (*огірки*), морковь, перец (*перець солодкий; перець гиркий, або турецьки*), тыквы (*кабаки кормові*) и кабачки (*кабачки соусні*). Большая часть этих культур выращивалась на приусадебных участках, некоторые хозяева имели отдельные огороды *в степу, за річкою, коло води*. Выращивание огородных культур предполагало тщательную обработку земли, межрядное рыхление и окучивание. Для этого использовались разнообразные специальные устройства, во многих случаях – многократный полив. Бахчевые культуры – арбузы, дыни, которые отличались особыми вкусовыми качествами, выращивали, в основном, на поле.

На юге Молдовы мастерами огородничества считались болгары. Украинцы, жители Мусаита, переняли у них более совершенную агротехнику ведения огородничества.

Занимались огородничеством, главным образом, женщины. Именно на женщину возлагалась заготовка семян, их хранение, выращивание рассады и высадка ее в грунт.

Украинцы, будучи более земледельцами, чем скотоводами, впрочем, видели в животноводстве надежный источник питания и не только. И в Мусаите практически в каждом хозяйстве держали коров, волов, лошадей, овец, разнообразную птицу.

Особое внимание уделялось разведению крупного рогатого скота, что вообще характерно для украинцев. В среднем в каждом хозяйстве было по две коровы, два бычка, пара волов. Коров держали для получения молока, быков на мясо (на продажу и для собственного потребления), волов как рабочий скот (*гараби возили в степ*). Молочный рогатый скот для украинских крестьян имел большее значение, чем для молдаван, которые из-за развитого овцеводства коровье молоко часто использовали только для кормления молодняка [6, с.92]. Украинцы же использовали коровье молоко прежде всего как пищевой продукт.

Занимались жители Мусаита и коневодством. В XIX ст., когда как тягловую силу в основном использовали волов, лошадей было немного. Позже лошади занимают все больше места в крестьянских хозяйствах. Лошадей используют как тягловую силу, их запрягают в повозки, ездят верхом. Конское мясо и кобылье молоко не употребляли. В каждом хозяйстве содержали 1-

3 пары лошадей. Самая распространенная порода – немецкая.

Одной из развитых отраслей животноводства на юге края было овцеводство. В хозяйстве жителей Мусаита оно играло существенную роль. Чуть ли не в каждой семье содержалось 100-150 овец, а в крупных хозяйствах – до 1000 голов. Наиболее распространенная порода – астраханская (*каракульова*), также держали овец так называемой волошской породы, которые были известны и в южных губерниях Украины [10, с.70]. Из овечьего молока делали *бринзю* для собственного потребления и на продажу, из овечьей шкуры и шерсти изготавливали разнообразную одежду.

Исходя из устоявшейся традиции, свиноводству в хозяйстве мусаитян отводилось особое место. Вообще развитие свиноводства свидетельствует о наличии интенсивных форм земледелия, когда в хозяйстве достаточно высококачественных зерновых кормов и корнеплодов. Среди пород свиней наиболее распространенными были английская белая и, как их называли местные жители, "*свині з Банати"* (Румыния).

Хозяйство мусаитских крестьян трудно представить без домашней птицы: кур, гусей, уток, индюков (*гиндиків* или *курканів*). Мясо птицы и куриные яйца употреблялись в пищу, а из перьев и пуха изготавливали одеяла, подушки, перины. Существовали выверенные столетним опытом способы ухода за самками, которые высиживали яйца, специальные рационы кормления птенцов и т.д.

Крестьяне Мусаита использовали оседлую (*прихатню*) форму ведения животноводческого хозяйства, когда, в качестве пастбища, с определенной периодичностью использовались расположенные неподалеку от села угодья с определенным периодом стойлового содержания скота.

Формы выпаса были разнообразными и зависели от категории скота. Для выпаса крупного рогатого скота (иногда овец и лошадей) использовали форму, при которой животных выпускали на пастбище (коров в стадо, лошадей в табун), а на ночь загоняли в помещение. С этой целью нанимали пастуха – *вакаря*, договариваясь об оплате (чаще натуральной), порядке питания (обычно – по очереди у владельцев скота), режиме и сроках работы и др.

Волов и лошадей, которых в течение дня использовали на разных работах, пасли ночью их хозяева, каждый своих, собираясь по несколько человек. Лошадям при этом, как правило, связывали (*сплутували*) передние ноги, чтобы они не могли отойти на большое расстояние от пастбища.

Для выпаса овец использовали две формы – индивидуальную (хозяин, у которого было много овец, сам их и пас) и отгонную, при которой специально нанятые пастухи пасли стада с весны до осени (до Дмитрия – 8 ноября) на пастбищах, загоняя овец на ночь в кошары (*тирли*).

Одним из главных условий развития животноводства является кормовая база, которая определяется рядом факторов. Благоприятные природно-климатические условия юга Молдовы, степные земли с превосходными природными пастбищами, сенокосными угодьями в окрестностях Мусаита обеспечивали хорошую кормовую базу для успешного развития всех отраслей животноводства. При этом определяющим фактором кормовой базы были именно естественные пастбища, на которых выпасали большинство скота.

Зимой крупный рогатый скот содержали в специальных сараях, чаще всего отдельно от овец, которые находились в кошаре, коров и лошадей в *гамбарі*, свиней – в *свинюшнику*, курей – в *курнику*, где были устроены насесты и гнезда. Помещение для зимовки заранее готовили – чистили, убирали, в качестве подстилки для скота использовали солому.

Выводы. В хозяйственной деятельности жителей с. Мусаит преобладают основные виды – земледелие и животноводство, так же, как и у украинцев других районов Молдовы и большинства регионов Украины. Что касается форм ведения хозяйства, сельскохозяйственной техники и орудий, то здесь тоже проявляются в основном общеукраинские черты, что свидетельствует о сохранении местными украинцами традиций своего народа. Одновременно мы зафиксировали и существенные региональные особенности, обусловленные, с одной стороны, влиянием культурных традиций соседних народов – молдаван, болгар, гагаузов и немцев, а с другой, местными природно-климатическими условиями.

Это нашло свое отражение: 1) в агротехнике огородничества, заимствованной у болгар, которые на юге Молдовы считались мастерами этого вида земледелия; 2) в используемой сельскохозяйственной технике и орудиях (однолемешные (*одинарчуки*), двухлемешные (*двойчаки*) и трехлемешные плуги, которые покупали у немцев-колонистов, живших поблизости и т.п.); 3) в использовании сортов растений, более приспособленных к местным степным условиям и соответствующих пород домашних животных; 4) в большем распространении таких видов животноводства, как овцеводство, коневодство, что тоже связано с местными природно-климатическими условиями; 5) в сельскохозяйственной терминологии исследуемого ареала выявлено немало заимствований из молдавского, болгарского и гагаузского языков.

Перспективы дальнейшего изучения хозяйственно-бытовой адаптации украинцев в условиях Буджакской степи достаточно широкие. Своих исследователей ждут необследованные украинские села с самобытной материальной культурой, которая уходит своими корнями в глубину веков и, к сожалению, обнаруживает устойчивую тенденцию к исчезновению.

Библиография

1. Анцупов И.А. Русское население Бессарабии и Левобережного Поднестровья в конце XVIII – начале XIX в. Кишинев, 1996.
2. Анцупов И.А. Аграрные отношения на юге Бессарабии (1812-1870). Кишинев, 1978.
3. Балушок В. Роль Степу в етнокультурній та етнічній історії українців. В: Матеріали до української етнології.- Вип. 3(6).К.,2003, С.23-28
4. Бломквист Е.Е. Крестьянские постройки русских, украинцев и белоруссов (Восточнославянский этнографический сборник.М.,1956.
5. Довженюк В.І. Землеробство Давньої Русі. Київ, 1961.
6. История народного хазяйства Молдавской ССР (1917-195810. Кишинев: Штиинца, 1974.
7. Кожухар В.Г. Основні види господарчої діяльності українців півдня Молдови (на прикладі села Мусаїт Тараклійського району) В: Традиційна культура діаспори. Матеріали міжнародної наукової конференції «Одеські етнографічні читання».Одеса, 2012, с. 207-220.
8. Козак Д.Н. Етнічні процеси в Україні наприкінці І тис. до н.е – у І тис. н.е. В: Етнічна історія давньої України. К.2000.
9. Косміна Т.В. Генетична природа української хати (до проблеми ірано-кавказьких впливів) В: Україна на межі тисячоліть: етнос, нація , культура.К.,2000, Кн. 1-2.
10. Культура і побут населення Україні. К., 1993.
11. Кушнір В.Г. Господарсько-побутова адаптація українців північно-західного степу і нижнього Подунав'я (друга половина XIX – перша половина XX ст..). Одеса, 2012.
12. Максимов Е.В. Зарубинецкая культура на территории УССР.К., 1982.
13. Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян.М.,1979.

УДК: **392.8(478)(=161.2):811.512.1'373.613**

ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ В НАЗВАНИЯХ ПИЩИ И УТВАРИ В УКРАИНСКИХ ГОВОРАХ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

Кожухарь Е. С.
доктор пед наук, ст.науч.сотрудник,
Институт культурного наследия Академии наук Молдовы,
kcojuhari@gmail.com

Аннотация. В статье на основе собранных автором полевых материалов исследованы тюркоязычные заимствования в лексико-семантических группах названий пищи, питания, посуды и утвари в украинских говорах Республики Молдова.

Ключевые слова: украинские говоры Республики Молдова, названия пищи, питания и утвари, тюркские заимствования

Annotation. The article, based on field data collected by the author studied Turkic borrowing lexical-semantic groups of names food, food, dishes and utensils in Ukrainian dialects of the Republic of Moldova.

Key words*:* ukrainian dialects of the Republic of Moldova, the name of the food, food and utensils, Turkic borrowing.

В процессе анализа лексико-семантических групп (далее ЛСГ) названий пищи, питания и утвари в украинских говорах Республики Молдова, ядро которых составляет украинский субстрат, мы обнаружили достаточно обширный корпус заимствованных наименований, среди которых наиболее весом пласт восточнороманизмов **(примечание 1)** . Более детальный и глубокий анализ последних показал, что часть заимствований имеет тюркское происхождение. И поскольку тюркизмы **(примечание 2)** в ЛСГ пищи, питания и утвари в украинских говорах Молдовы до настоящего времени практически не изучены **(примечание 3),** они и составят предмет исследования данной статьи, в которой мы предполагаем решить следующие задачи:

- вычленить тюркские заимствования из зафиксированных диалектных названий продуктов питания, блюд, напитков, посуды и кухонной утвари в украинских говорах очерченного украиноязычного ареала;
- проанализировать и систематизировать выявленные тюркизмы в рамках названных ЛСГ.

Источниками исследования послужили полевые записи, осуществленные автором в течение более 20 лет (1994 – 2015 гг.) в 30 украинских / украинско-молдавских селах республики, а также указанные словари и лексикографические работы.

Проблема заимствований украинским языком из тюркских исследована достаточно глубоко (см.: [2], [3], [4], [7], [14], [15], [17], [18] и мн. др.). По мнению ученых, тюркизмы начали проникать к славянам с конца IV в. н. э.. Тюркоязычные народы – гунны (4 - 5 вв.), авары-обры (6 в.), булгары (6 - 7 вв.) и хазары (7 - 10 вв.) были вытеснены печенегами (9 - 11 вв.), те – кипчаками-куманами-половцами (11 - 13 вв.), последние же – крымскими татарами и ногайцам Золотой Орды, которые продвигались в центральную и юго-восточную Европу.

Диалектно неоднородные языки гуннов, аваров, булгар и хазар, относящихся к булгарской группе тюркских языков, активно контактировали с восточнославянскими территориальными диалектами еще со времен Киевской Руси. Определенное влияние на восточнославянские диалекты оказали печенежский и половецкий языки, о чем свидетельствуют такие древнерусские письменные памятники, как «Повесть временных лет», «Киевская летопись», «Галицко-Волынская летопись», «Слово о полку Игореве» и др. . Исследователи древних памятников письменности выявили около 1500 половецких и печенежских заимствований. Тюркские влияния на славян усилились в период формирования отдельных славянских народностей, а также во времена «чумаков» и развития казачества. В общей сложности, в современном украинском языке насчитывается около 4000 тюркизмов (без учета антропонимикума), половина из которых относится к общеупотребительной лексике [3, с. 641; 4, с. 687-688]. Среди выявленных заимствований есть названия растений, животных, одежды и украшений, транспорта, военной, социально-административной, бытовой сельскохозяйственной и др. лексики, в том числе и названия пищи и утвари. Все они зафиксированы в различных лексикографических источниках, в том числе и словарях [6, 8-13, 19, 20 и мн др.].

Что касается украинских говоров, бытующих на территории современной Республики Молдова, то обратимся к наблюдениям известных исследователей украинского населения края А. С. Афанасьева-Чужбинского и П. Несторовского. Характеризуя язык местных руснаков и малороссов, они обратили внимание не только на то, что «говор малорусский… весьма древний, не поддавшийся последующим переменам…” [1, с. 5], но и на то, что «В лексическом отношении язык бессарабских русинов представляет немало заимствований из языков: польскаго, молдавскаго и великорусскаго. Помимо того, есть группа слов, иногда целых выражений, довольно загадочнаго происхождения. Быть может, эта последняя тюркскаго происхождения.

Возможность такого предположения находит себе оправдание в том, что в течение некотораго периода времени русины близко стояли с народом тюркской расы (туркам и татарам)» [16].

Рассмотрим зафиксированные нами тюркские заимствования в соответствующих ЛСГ и микрогруппах.

I. Названия продуктов питания, блюд и напитков:

1) названия растений - фруктов, овощей, употребляемых в пищу, и блюд из них: ***ал˙и|ч'а*** «сорт сливы» ← из азербайдж. *aluča* «алыча, мелкая слива»; ***бакл˙а|жани*** – баклажаны ← из тур. *patlikan* (см. также *патла|жел'а* и др.); ***бош|тан*** – тыква ← из тур. *bostan* – огород; ***гар|буз*** – арбуз. В украинском литературном языке *гарбу́з* употребляется в значении «тыква». Ср.: рус. *арбуз*, белорус. *гарбуз* «тыква», польс. *harbuz* «арбуз», болг. *карбуз*, македон. *карпуз*, сербохорв. *ка́рпуз(а)* тыква ← из тюрк. яз.: полов. *харбуз*, *карбуз*, крым.-татар. *къарпуз*, тур. *karpuz*; **|*зарзар'і*** / **|*зарзур'і*** / **|*дзазрдзур'і*** / **|*дзердзур'і*** / **|*зерзер'і*** – абрикос-дичок (дерево и плод) ← из тур. *zerdali*; ***ка|бак*** – тыква; ***каба|ч'ок*** ← из тюрк. яз.: тур., татар., чаг. kabak; ***ка|вун, ка|ун*** – арбуз ← из тюрк. яз.: тур. *kavun, kaun* – дыня, татар. (казанское) *каун* – арбуз; дыня; узбек. *ковун;* ногайск. *ковын*, чуваш. *кавун* – тыква; ***ки|зил˙, к˙и|з'іл, к'і|з'іл˙*** – кизил ← тур. *kizil* «красный», произв. от тур. *kiz «краснеть, горячеть, разжигаться»;* ***патла|дж(')ел'а / патла|ж(')ел'а / патла|жан*** – помидор; **|*син'а патладж(')ел'а***, – баклажан ← из тур. *patlikan*;

2) *названия мучных продуктов и блюд*: ***зар|зарики*** – пончики (производное от |*зарзар'і*, образованное при помощи метонимического переноса значения по внешнему сходству с абрикосом – |*зарзар'ами*); ***лап|ша, |локша*** ← из тюрк. яз.: тур. (северн.) *lakša;* татар., уйгур., казан. *лакча* "лапша, мелкие куски теста, сваренные в бульоне";

3) *названия животных, рыб, их частей, мясных и рыбных блюд*: ***ба|лик*** – копченое мясо ← из тюрк. яз.: крым.-татар. *balyk* – рыба, тур., гагауз. *balik*, киргиз., казах., татар., якут. *балык*, узбек. *балик* и т. п.; ***бу|гай*** – племенной бык ← предположительно древнерусское заимствование из тюрк. яз.: татар. *буга*, тур. boğa, азербайдж., каракалпак. *буға*, узбек., уйгур. *бука*; ***жан|бон*** – копченый особым способом свиной окорок ← из тюрк. яз.: тур. *iambas*, гагауз. *janbon*; ***ка|бан*** ← из тюрк. яз. *kaban*; ***ковба|са*** – колбаса ← из тюрк. яз.: тур. *külbasti* – мясо, жаренное на рашпоре; жаренные котлеты; татар. *kolbasa* – колбаса; ***кавар|ма*** – особым способом приготовленное баранье мясо ← из тюрк. яз.: гагауз. *kavurma*, тур., *kavurma* – жаренное мясо ср. также *kavurmak* «жарить, распекать»

4) *названия молочных блюд*: ***йогурт*** ← из тюрк. яз. *yoğurt*;

5) *названия сладостей*: ***і|з'ум*** ← из тюрк. яз. ; ***кура|га*** ← из тюрк. яз. : **|*сахар'***, ← из тюрк. яз.; ***хал|ва*** ← из перс. яз. через арабо-тур. посредничество: тур. helva; азерб. halва; узб. халво; туркм. халва;

6) *номинация специй и приправ:* ***сала|маха*** – приправа к мамалыге из перьев молодого чеснока с солью и подсолнечным маслом. Этимология не до конца выяснена. Зафиксировано в северо-тюрк. диалектах *solomat*, телеут. *salamat* «каша», казах. *салма* «суп».

II. Названия посуды и кухонной утвари:

бак|лага, бак|лаж‴ка «посуда для воды или др. жидкости» ← из тюрк. яз. (ср.: татар. *бакла́к* «вид посуды», крым.-татар. *бакла* «мерка для зерна); ***ґава|нос***– 1) глиняный кувшин (от 2 до 12 л.) для хранения сухих и жидких продуктов; 2) большая кружка (1,5 л.) для воды ← из тюрк. яз. *gavanós;* ***казан*** – 1) ведро, 2) чугунная посуда, суженная книзу для приготовления первых и вторых блюд, а также для других целей ← из из тюрк. яз. *cazan*; ***та|ва / та|вич'ка / та|веч'ка*** ← из тур. *tava* (*taba*) «сковорода» (ср.: болг. *тава* «лист, жаровня», македон., сербохорв. *тава* «сковорода; ***та|ган, таган|ок*** – триног для казана ← из тюрк. яз. Tagan (ср.: болг. *тиган* «сковорода»); ***таз*** / **|*тазик*** / **|*таз'ік*** – 1) таз (для варенья); 2) металлическая круглая открытая посудина ← из тюрк. яз.: тур. *tas* «чаша, чашка, миска, таз», тат., крым.-татар. *тас* – «большой таз для обмывания», азерб. *тас* «таз, чаша»; **|*тапц'іja*** / **|*тепс'іja*** – сковорода ← из тур. *tepsi* «поднос, блюдо» (ср. венгр. *tepsi* «лист, жаровня» ← из тур.) ; ***са|петка*** – плетеная корзина ← из тюрк. яз: тур. *sepet* – корзина; крым.-татар. *säpät*; ***су|сак*** – сосуд из высушенной тыквы для хранения сыпучих продуктов, прежде всего соли ← из тюрк. яз.: башк. *çeçke*, *сәсәк;* тур. *susak* «жаждущий; ведро, ковш» (от *su* «вода»), киргиз.. *сууса* – «хотеть пить», татар. *сусау;* ***ча|вун*** / ***чаў|не‴к*** – чугунная посудина сферической формы для приготовления вторых блюд ← из тюрк. яз.: чуваш.

tšugun; кар. крым.-татар. *чojун*; балкар. *чоюн* и др.; ˈ***ч(')арка*** – рюмка, деминутив от *чара* "чаша, рюмка" в памятниках древнерусской письменности фиксируется с XII в. По одной из версий тюрк. происхождения (ср.: алт., татар. *čara* – большая чашка).

Перечисленные заимствования попали в исследуемые украинские говоры Молдовы несколькими путями: непосредственно из тюркских языков либо через языки-посредники. Одним из таких языков-посредников был румынский язык и его диалекты, поскольку в них функционирует достаточно большое количество тюркизмов: *bosˈtan, jamˈbon, ˈzarzăr / ˈzarzar / ˈzarzîr*; *pătlăˈgea / pătlăˈjan* др.. При этом тюркские языки в большинстве случаев также были языками-посредниками, заимствовавшими перечисленные названия из персидского и арабского. Однако это тема следующей статьи.

Выводы:

- корпус тюркских заимствований в исследуемых ЛСГ диалектных названий продуктов питания, блюд, напитков, посуды и кухонной утвари в украинских говорах Республики Молдова включает значительную группу номенов (мы проанализировали более 30);
- большинство из зафиксированных тюркизмов известны украинскому литературному языку (*бугай, кабан, кавун, ізюм, локшина, халва, чарка* и др.) и его диалектам (*маˈва, каˈбак* и др.);
- многие из выявленных тюркизмов функционируют в современном румынском языке и его диалектах (*bosˈtan, jamˈbon, ˈzarzăr / ˈzarzar / ˈzarzîr*; *pătlăˈgea / pătlăˈjan* и др.), что свидетельствует о тесных этнических и языковых контактах славянского, восточнороманского и тюркского населения с древних времен;
- ввиду вышеизложенного вопрос о языке-посреднике в процессе заимствования и усвоения выявленных в украинских местных говорах номенов требует дополнительного исследования;
- специального рассмотрения требует также вопрос лингвогеографического аспекта функционирования тюркских заимствований в языковом пространстве Республики Молдова;
- зафиксированный материал представляет несомненный интерес для этнологии, истории, диалектологии, истории языка и языкознания в целом, поскольку обеспечивает «надежным материалом области языкознания и смежных наук, непосредственно связанных с реконструкцией древнего состояния материальной и духовной культуры носителей языков» [18, 3: перевод – Е. К].

Примечания

1.О восточнороманских заимствованиях в украинских говорах Республики Молдова см.: Кожухарь Е. С. Восточнороманский компонент в украинских говорах севера Молдовы // Славянские культуры в инонациональной среде. Кишинев, 1995. С. 154 – 157; Кожухарь Е. С. Украинский говор села Дану // В земле наши корни (История, традиции и фольклор сел Дану, Николаевка и Каменкуца Глоденского р-на. Кишинев, 1996. С. 117 – 132; Кожухарь Е. С. Украинские говоры севера Молдовы // Ежегодник Института межэтнических исследований Академии наук Республики Молдова. Т. 1. Кишинев, 2000. С. 112 – 127; Ее же: Восточнороманские заимствования в названиях пищи и продуктов питания в украинских говорах Республики Молдова // Славянские чтения. Кишинев, 2014. С. 17 - 30; Кожухар К. Східнороманські запозичення в назвах продуктів харчування, страв, посуду і начиння в українських говірках Республіки Молдова // Чернівці, 2014. С. ; Кожухарь, Е. С. Локальные особенности названий пищи и питания в украинском говоре села Булаешты Оргеевского района Республики Молдова. *Revista de etnologie si culturologie*. 2014, vol. XVI, 50 - 59; Кожухар К. С. Назви їжі і харчування в говірці села Булаєшти Оргеївського району Республіки Молдова // *Етнокультура порубіжжя: локально-територіальні особливості. Одеські етнографічні читання*. Одеса: Одеський національний університет імені І.І. Мечникова, 2014, 193-210; Cojuhari E. Pastele făinoase în sistemul alimentar al ucrainenilor din Republica Moldova: nominaţie tradiţională regională. În: *Rezumatele comunicărilor ale conferinţei ştiinţifică cu participare internaţională "Probleme actuale ale arheologiei, etnologiei şi studiului artelor"*. Chişinău, 31 mai – 1 iunie 2012. Ch., Profesional Service, 2012, 45-46; Cojuhari, E. Împrumuturi estromanice în numele de alimente şi ustensile în dialecte ucrainene din Republica Moldova. În: Rezumatele comunicărilor Conferinţei ştiinţifice cu participare internaţională (ediția a V-a), 22-24 mai 2013. Chişinău: Profesional Service, 2013, 44 и др..

2.Тюркизмами, как правило, называют разновидность лексических заимствований слово, его отдельное значение, выражение и т. д., заимствованные из тюркских языков либо через их посредничество из других языков (преимущественно из арабского и персидского) или образованные по их образцам [3, с. 641].

3. Отдельные замечания о тюркских заимствованиях в украинских говорах Республики Молдова содержатся в перечисленных выше работах, а также см.: Cojuhari E. Orientalisme în denumirile produselor alimentare în dialectele ucrainene din Republica Moldova // *Probleme actuale ale arheologiei, etnologiei şi studiului artelor*. Rezumatele comunicărilor Conferinţei ştiinţifice internaţională (ediţia a VII-a), 26-28 mai 2015. Chişinău, 2015. P. 72

Библиография

1.Афанасьев-Чужбинский А.С. Поездка в Южную Россию. Ч. 2. СПб., 1863. С. 5.

2. Болдырев Р. В. Некоторые вопросы историко-этимологического изучения тюркских лексических элементов украинского языка .В: Тюркизмы в восточнославянских языках. М., 1974. С. 44–60.

3. Гаркавець О. М. Тюркізми .В: Українська мова. Енциклопедія. Київ, 2000. С. 641.

4. Гаркавець О. М. Українсько-тюркські мовні контакти .В:Українська мова. Енциклопедія. Київ, 2000. С. 687-688.

5. Гриценко П.Ю. Моделювання системи діалектної лексики. К., 1984.

6. Грінченко Б. Словарь української мови. К, 1958-1959. Т. I –I V.

7. Данилюк Н. М. К вопросу исследования ориентальной лексики в украинском языке.В: Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации» Том 26 (65). № 1 С. 200 - 208.

8. Дикционар диалектал (кувинте, сенсурь, форме): ын 5 в. / Ред респонсабил Удлер Р. Кишинэу: В. I. (А−Г). 1985.

9. Дикционар диалектал (кувинте, сенсурь, форме): ын 5 в. / Ред респонсабил Удлер Р. Кишинэу:.В. II. (Д−К). 1985.

10. Дикционар диалектал (кувинте, сенсурь, форме): ын 5 в. / Ред респонсабил Удлер Р. Кишинэу: В. III. (Л−П (Прас)). 1986.

11. Дикционар диалектал (кувинте, сенсурь, форме): ын 5 в. / Ред респонсабил Удлер Р. Кишинэу: В. IV. (П (Прасади кы) – Т). 1986.

12. Дикционар диалектал (кувинте, сенсурь, форме): ын 5 в. Ред респонсабил Удлер Р. Кишинэу: В. V. (У– Я). 1986.

13. Етимологічний словник української мови.В: 7 т. К., 1982-2006. Т. I-VII.

14. Ковалів П. Лексичний фонд літературної мови Київського періоду X–XIV століть. Запозичення. Нью-Йорк: Наукове товариство ім. Т. Шевченка, 1964. Т. II.

15. Могила О.А. Тюркські лексичні елементи в лексиці українських говірок.В:Науковий часопис НПУ імені М. П. Драгоманова. Серія 9. Сучасні тенденції розвитку мов. С. 154 – 157.

16. Несторовский П. Бессарабские русины (историко-этнографический очерк). Варшава, 1905.

17. Рогаль М. С. Тюркські лексичні запозичення в українських літописах кінця XVII – початку XVIII ст. / М. С З історії української та інших слов'янських мов (Збірник статей). К., 1965. С. 171–192.

18. Халимоненко Г. І. Тюркська військова лексика у мовленні українського козацтва: дис. … канд. філол. наук : 10.02.01. К., 1993.

19. Dicţionar explicativ al limbii române. Ediţia a II-a. Bucureşti, 1998.

20. Dicţionarul limbii romîne moderne. Bucureşti, 1958.

УДК: 323.14(+163.2)

К ВОПРОСУ О ФЕНОМЕНЕ БОЛГАРСКОГО ЛЕВОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Коларов Г.И.
кандидат политических наук, докторант
Российский университет дружбы народов, Москва, РФ
gikolarov@yandex.ru

Аннотация. Предметом рассмотрения в данной статье является возникновение, характер и эволюция болгарского левого национализма. Делается вывод о его пророссийской, анти-турецкой и анти-исламской направленности. Рассматривается роль и перспективы болгарского левого национализма в современной политической жизни Болгарии.

Ключевые слова: национализм, либерализм, национальный левый либерализм, пророссийская ориентация

Annotation. The subject of consideration in this article is the emergence, nature and evolution of the Bulgarian left nationalism. The author concludes that the Bulgarian left nationalism is Pro-Russian, anti-Turkish and anti-Islamic orientation. Examines the role and perspectives of the Bulgarian left nationalism in the modern political life of the Bulgarians

Keywords: nationalism, liberalism, national left-liberalism, Pro-Russian orientation

Воссоздание независимого болгарского государства сопровождалось развитием болгарской национальной идеи и болгарского национализма. Изучением болгарского национализма занимались М.Арнаудов, П.Мутафчиев, Г.Велев, А.Гълъбов, Г.Бакалов, Г.Марков, Д.Зафиров, Д.Иванов, Е.Александров, Н.Илиева, О.Загоров, С.Воденичаров и другие. Сложные исторические реалии в которых шло становление Болгарского государства в Новое время и в современности предопределили эволюцию болгарской национальной идеи и различные походы к ее пониманию.

Г.Велев указывает что в своей новой истории болгарская нация сформулировала несколько национальных идеалов, лишь некоторые из которых осуществлены. Согласно этой концепции первый национальный идеал был сформулирован о.Паисием Хилендарским в 1762 году и он гласил: «За национальное самоопределение», второй сформулирован во время «народно-церковной борьбы 1860 гг. Его содержанием стал лозунг «Независимая болгарская церковь и болгарское просвещение». Болгарские национал—революционеры Раковский, Каравелов, Левский, Ботев провозгласили третий национальный идеал: «Свободная и независимая болгарская держава».Эти национальные задачи были осуществлены. Однако, по мнению Г.Велева, коллизии, связанные с территориальными решениями Берлинского конгресса поставили перед болгарами задачу национального объединения с девизом «Объединенная и целостная Болгария»,.Однако, эта задача решена не была [3, с.37]. Реалии XX века откорректировали национальный идеал в следующем виде: «Свободная, независимая, демократичная и благоденствующая Болгария, духовный объединитель болгарской нации и опора болгар мира» [2, с. 7] . Именно такая формулировка содержится в «Болгарской национальной идее», одобренной коллективом авторов, среди которых Г.Велев, А.Гълъбов, Г.Бакалов, Г.Марков, Д.Зафиров, Д.Иванов, Е.Александров, Н.Илиева, О.Загоров. Авторы данного документа сформулировали и перспективы развития Болгарии – члена Европейского Союза и НАТО.

Но это не единственная трактовка болгарской национальной идеи.

Другой ее вариант представлен в концепции болгарского левого национализма.

Возникновение феномена болгарского левого национализма связано с тем обстоятельством, что в отличии от многих других стран Восточной Европы, Болгария освободилась от 500-летнего турецкого рабства только благодаря решительному вмешательству императора Александра Второго и двум сотням тысяч жизней воинов русской армии. Правда, как указывает председатель Мирового Парламента Болгар, бывший председатель Государственного Агентства Болгар за Рубежом, профессор Пламен Павлов: „Почти 60% потребностей в пропитании, отеплении, медицинской помощи обеспечивались средствами болгарских общин, доставками, которые

делались болгарскими крестьянами… Все мы знаем о решающей роли нашего Ополчения, однако рядом с ним, с оружием в руках участвовали еще тысячи болгар. Нельзя недоценивать и роль так называемых “милиций”, которые принимают на себя защиту своих земляков, борясь с турецкими бандами и мародерами… В некоторых случаях они насчитывают не меньше 1000 человек. Вооружались они преимущественно турецким трофейным оружием… В войне, с оружием в руках, участвовало не меньше 25-30 000 болгар. Неизвестное, но значительное число болгар находилась в рядах румынской армии… Кроме военных, они выполняли и разведывательные задания…Они дали возможность русским приобрести стратегическое преимущество над противником, хотя Османская Империя владела этими землями многие века”.

Профессор уточняет, что стремление болгар к свободе “в конце 1877 г. было возможно только путем войны и в конкретном моменте это совпадало с интересами России… Россия никогда не отказывалась от идеи иметь сильное влияние на Балканах и создать на территории Болгарии марионеточное государство, покорное ее интересам. Александр Второй начал эту войну также и для того, чтобы показать, что Россия может нести свободу. Иными словами, чтобы улучшить образ России в глазах европейской общественности. На первом месте, однако, оставался её имперский интерес”. Трудно возразить Пламену Павлову.

Именно события, которые он проанализировал в своем интервью, посвященном 136-й годовщине Болгарского Освобождения 03.03.1878г. (когда был подписан Сан-Стефанский Мирный Договор – символ национального объединения болгар) приводят к размышлениям “кто мы, какие мы, почему мы такие и какими нам следует быть…”.

Конкретный факт, что освобождение Болгарии однозначно связывалось с Россией и предопределелил возникновение феномена болгарского пророссийского национализма, или так называемых “русофилов” (некоторые из них в последнее время предпочитают называть себя “евразийцами”, как например председатель ПБК - Партии Болгарских Коммунистов, профессор, доктор философских наук Минчо Минчев). После Октябрьской революции и возникновения Болгарской Коммунистической Партии – БКП болгарский пророссийский национализм стал связыватся с идеалами мировой революции и социальной справедливостью и, таким образом, сильно полевел. Осталась, однако его анти-турецкая и анти-исламская направленность.

Именно болгарский левый национализм, с ясной и четкой пророссийской ориентацией, в межвоенный период противостоял правому болгарскому национализму с проевропейской ориентацией и правому кемалистскому национализму турецкого меньшинства.

Во времени социалистического строительства, после 1944 г. очень быстро традиционный интернационализм БКП перерос в левый национализм просоветской ориентации. Для этого были все основания – бедная, обнищавшая, послевоенная Болгария вдруг стала наращивать экономические показатели быстрее остальных стран социалистического лагеря. После ухода из власти (и жизни) первых ее руководителей – самых высших коминтерновцев, к власти пришел Тодор Живков и сразу принял курс на улучшение социальной ситуации для большинства населения, а также, на возрождение национального самосознания. Именно он на протяжении 35 лет являлся символом болгарского левого национализма. Кстати, долголетний директор уже закрытого австрийского Института Восточной и Юго-восточной Европы, славист и болгарист Петер Бахмайер считает, что ни Тодор Живков, ни Людмила Живкова не разделяли интернационалистских взглядов, а постепенно насажали патриотические чувства среди болгар (которых тогда так не хватало) и возрождали настоящие болгарские духовные ценности [1]

В самом начале так называемых “демократических” перемен в Народной Республике Болгария, в конце 1989 – начале 1990 лет, на политической сцене было слышно очень мало разумных, трезвых голосов. Это было время разрушения построенного и уничтожения накопленного за десятилетия социалистического строительства. Были обруганы моральные и культурные ценности болгарского народа, утвержденные веками. Экстремисты всех мастей, хорошо проплаченые западными спецслужбами усердно занимались компрометированием политики руководства Болгарской Коммунистической Партии – БКП и высших государственных органов. Проплаченные западными спецслужбами СМИ обругали все достижения последних 45 лет истории страны.

Особенно опасным стало перечеркивание достигнутых успехов в сфере единения и консолидации болгарской нации и отражение атак соседних государств, которые готовы были отделить плоть от плоти болгарского национального организма. В этом плане самым шокирующим для болгарского народа стало возвращение мусульманских имен гражданам с исламским вероисповеданием и помутненным национальным самосознанием. Когда в свое время руководство БКП приняло решение установить единую именную систему для всех граждан страны, это конечно вызвало противодействие со стороны турецких националистов и исламских фанатиков внутри болгарского государства. Этим не преминули воспользоваться Турция и некоторые арабские и другие мусульманские диктатуры. Однако решительные действия партийных и правоохранительных органов пересекли вовремя все попытки вмешательства во внутренние дела Народной Республики Болгарии. Виновные в организации и проведение терактов, приведших к гибели невинных людей, получили заслуженные приговоры и были казнены без промедления. Таким образом, БКП и болгарское государство стали примером для отстаивания национальных интересов перед наступлением исламского фундаментализма и экстремизма, которые сейчас провоцируют кровавые террористические акты по всему миру. В эти годы в братской Армении повсюду в кабинетах партийных и государственных деятелей вешали портреты Тодора Живкова.

В конце декабря 1989 г. – начале января 1990г. в печатных и электронных СМИ стало мелькать одно имя – Минчо Минчев, которое неизменно связывалось с защитой национальных интересов, с отпором поползновений США, Турции и НАТО (быстро занявшие упраздненное со стороны СССР место “старшего брата”) и с сохранением целостности и функциональности Болгарской Коммунистической Партии. Причем одновременно это имя появлялось в информациях о протестных демонстрациях болгар – патриотов городов Кырджали, Хасково и Смолян (где мусульман больше чем в других регионах страны) против возвращения исламских имен этническим туркам и болгарам-мусульманам; с появлением новой еженедельной газеты “Зора” (которая очень быстро стала во главе болгарской лево-патриотической прессы); с попытками сохранить единство и целостность БКП вокруг политического движения “Марксистская Альтернатива” (быстро объединившая настоящую партийную гуманитарную интеллигенцию).

Только потом стало ясно, что это три разных человека – полковник госбезопасности, философ Минчо Минчев из Кырджали; народный поэт, журналист, бывший железнодорожник Минчо Минчев; профессор философии, бывший внутрипартийный диссидент Минчо Минчев. Все трое возглавили разные политические формирования и издавали разные печатные органы: первый, одолевая либерала Димитра Арнаудова, стал во главе Общенародного Комитета Защиты Национальных Интересов, который перерос в Отечественную партию труда (в которой началась политическая карьера будущего президента Георгия Пырванова) и издавал газету “Болгария”; второй отстранил от своей газеты «Зора» («Заря») провокаторов и проходимцев, впоследствии переименовал ее в «Нова Зора» и на ее основе основал партию «Нова Зора»; третий, после того, как возглавляемая им внутрипартийная фракция “Марксистская Альтернатива” (издававшая газету “Мысль”) не сумела одолеть ренегатов и оппортунистов в БКП (которые и переименовали ее в Болгарскую Социалистическую Партию – БСП), вышел из партии со своими людьми и основал Партию Болгарских Коммунистов, которая сейчас издает газету «Работническо дело» («Рабочее дело»). Таким образом, все трое уже две десятилетия реализуются самостоятельно на болгарской политической сцене, упорно отстаивая болгарский национальный интерес и идеалы социальной справедливости и прогресса.

Хотя их партии и печатные органы хорошо известны по всей стране, они в силу ряда причин не смогли стать первостепенными политическими игроками. Основная причина – это конечно противодействие со стороны прозападных сил, связанных с НАТО-вскими спецслужбами и турецкое националистическое Движение Прав и Свобод, которое финансируется Анкарой. Не менее важен тот факт, что за эти две десятилетия они не смогли объединиться в коалицию, которая дала бы им возможность пройти вперед и дать настоящий бой антиболгарским силам на политической сцене.

Однако в последнем времени наметилась тенденция их единения. Когда одна из партий организует какой-нибудь научный или социально-политический форум, представители обеих

других всегда присутствуют. Троих Минчо Минчевых можно все чаще увидеть вместе. Координация между их заместителями тоже идет полным ходом.

Налицо разного рода соглашения, которые они, в качестве партийных руководителей, подписали между собой. Будем надеяться, что на следующих европейских и потом парламентских выборах они выступят вместе и как-нибудь поменяют политический пейзаж нашей многострадальной Родины. Трудно предсказать, как будут развиваться политические события в Республике Болгария («демократы» четверть века тому назад решили, что она не народная), однако хочется предположить, что ее спасение будет всё чаще связываться с именем Минчо Минчев.

В итоге можно сделать следующие выводы: болгарский левый национализм имеет пророссийскую, анти-турецкую и анти-исламскую направленность. Пророссийская ориентация его объясняется ролью России в освобождении Болгарии. Влияние России сохранялось и позже. Так, после Октябрьской революции и возникновения Болгарской Коммунистической Партии – БКП болгарский пророссийский национализм стал связываться с идеалами мировой революции и социальной справедливостью. Однако его анти-турецкая и анти-исламская направленность остались. В целом партии левых националистов не смогли стать главными политическими игроками в Болгарии. К числу причин относится противодействие со стороны прозападных сил и турецкого националистического Движения Прав и Свобод, а также раздробленность националистических партий. Тем не менее, в последнее время наметилась тенденция их единения.

Библиография

1.Бахмаейр П. Культурная политика Народной Республики Болгария: 1945-1989гг.
2.Българска национална доктрина –България през XXI век.София,2008. Электронный ресурс www.assobulg.com
3.Велев Г Българският национализм и неговото бъдеще. София:Знание, 2007, 48 с.
4.Павлов П.Болгария: страна и люди. Краткая история.София: Борина, 2009, 112 с.

УДК 008 (103)

КОНФЛИКТ ПАРАДИГМ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ

Кузьмина Т. В.
кандидат педагогических наук, доцент,
Тюменский государственный архитектурно-строительный университет, Россия.
tatiana_kuzmina@list.ru

Аннотация. В статье рассматривается комплекс современных научных подходов к исследованию потребительского поведения, выделяются основные направления в изучении поведения потребителей, которые оказывают существенное влияние на формирование современной культуры потребления. В результате исследования были выявлены противоречия, которые находят свое выражение в столкновении двух парадигм развития современной культуры потребления.

Ключевые слова: культура потребления, потребительское поведение, общество потребления.

Annotation. The article discusses the range of modern scientific approaches to the study of consumer behavior, highlights the main trends in the study of consumer behavior that have a significant influence on the formation of modern consumer culture. The research revealed the contradictions which find their expression in the collision of two paradigms in evolution of modern culture of consumption.

Keywords: culture of consumption, consumer behavior, consumer society.

Потребительское поведение в современной структуре научного знания занимает видное положение. Те или иные особенности потребительского поведения изучает сразу несколько научных областей, а именно: экономика, маркетинг, социология, психология, культурология, антропология и многие другие, к примеру, такие как педагогика и юриспруденция. В научном мире сформировались несколько отраслевых наук под разным углом зрения изучающих потребительское поведение, а именно социология потребления и сервисология, свое особое место занимает формирующаяся отрасль культурологических знаний под названием культура потребления. К примеру, Ермаков Д.Н. считает, что это очень важная область знания, которая является связующим звеном между фундаментальными науками и практикой. Она переводит абстрактные понятия на более конкретный уровень. [1, с. 146] В частности, он проводит исследование корней изучения потребительского поведения и, как и многие другие исследователи, считает, что наиболее системно эта область знания начала изучаться в середине XX века в Америке, а позднее в Европе. Ермаков Д.А. считает, что процесс институциализации «Поведения потребителей» как самостоятельной науки можно считать завершенным еще в 70-х годах XX столетия, когда в 1969 года возникла Ассоциация изучения потребителей, а в 1974 году было начато издание специального журнала, посвященного проблематике поведения потребителей. [1, с. 145] Вероятно, данный автор придерживается западной традиции изучения потребительского поведения. Однако, большинство исследователей потребления не готовы пока признать Поведение потребителей полноценной самостоятельной наукой, очевидно, это связано не только с тем, что ее предмет исследования находится в межпредметной области и испытывает влияние множества фундаментальных наук. Прежде всего, на наш взгляд, это связано с тем, что у Потребительского поведения, если рассматривать его как науку, не сформировалась концептуальная основа. В исследовании поведения потребителей наметилось несколько парадигм. Первая парадигма сформирована такими науками как экономика, маркетинг, социология, менеджмент. Ее основу составляют такие теории как теория маргинальной пользы А.Маршала и У.С. Джеванса, теория спроса Д.Ланкастера и Г.Хоттелинга, математический анализ поведения, обоснованные М.Фридманом и Л.Дж. Сэвидж, а так же теорию маркетинга, представленную такими именами как Ф.Кофлер, Г.Армстронг и другими. Таким образом, объектом внимания исследователей поведения потребителей становится экономический человек, традиции изучения которого уходят своими корнями к А.Смиту. Назовем ее экономической парадигмой, следуя логике источника происхождения данного направления мысли. Вторая парадигма, сформировавшаяся в научном мире, относительно поведения потребителей зародилась в недрах культурологии и социологии и берет свое начало с концепции потребления Ж.Бодрийяра и его знаменитой работы «Общество потребления» [2]. Сущность позиции Ж.Бодрийяра выражалась в том, что потребление для него не материальный рационально осознанный акт, потребление для него – это символическое действие, выражающее отношение человека к миру вообще и к людям, идеям, вещам в частности. В контексте данной парадигмы выстраивается противостояние идее экономического человека, выраженной в идеологии консюмеризма. Данную позицию в науке, на наш взгляд, занимает целый ряд западных исследователей таких как Р.Барт, М.Фуко, Г.Башляр, Ф. Джеймисон, Ж.Делёз и других, а так же отечественных авторов И.П. Ильин, П.С. Гуревич, Н.М. Зоркая, Н.В. Голик и другие. В русле обозначенного направления заслуживают внимания исследования Т.А. Хагурова, который рассматривает потребительское поведение как девиантное. Он пишет: «Учитывая масштабы распространения в индивидуальном и массовом сознании идеалов удовольствия, потребления и комфорта, как императивов жизнедеятельности, можно говорить о появлении особого, девиантного антропологического типа – «человека-потребителя» [3, с. 39]. Обозначим данную парадигму социокультурной, так же выбрав в качестве критерия источник происхождения, т.е. социокультурный научный контекст. Таким образом, сравнивая две парадигмы, следует отметить ряд очевидных оппозиций. Первая парадигма, экономически ориентирована и человек в ее контексте выступает объектом, на которого направлены всевозможные инструменты воздействия. Вторая парадигма аксиологически ориентирована, и рассматривает человека как субъекта взаимодействия в социальной интеракции потребления. Рассмотрим эти тезисы подробнее. Ярким подтверждением того, что первая парадигма рассматривает человека как объект потребления выступает тот факт, что во всех учебниках по

поведению потребителя более, чем 90% информации посвящено инструментам и методам целенаправленного воздействия на потребителя, включая исследование типов самих потребителей. И хотя, практически каждый учебник, содержит параграф о консюмеризме, человек-консюмерист, на наш взгляд, по сути, является идеалом человека-потребителя, необходимого и желаемого для представителей экономической парадигмы. Несмотря на негативную окраску трактовки этого явления и признания патологичности факта его существования, для экономической парадигмы человек-потребленец – это некий воплощенный образец, завершенного проекта: именно такой тип и стремятся сформировать маркетинговые технологии, ориентированные на увеличение продаж. При этом, декларируемой ценностно-ориентированной основой экономической парадигмы выступают следующие позиции: потребительское поведение определяет экономическое здоровье населения и страны, помогает формировать государственную политику. Еще одной важной этической нормой экономической парадигмы выступает негласный закон: «потребитель всегда прав» или «потребитель – король рынка». Рассмотрим известные на данный период времени типы потребителей в западном и отечественном контексте. Основные типы поведения потребителей за рубежом можно представить следующим образом: *выбирающий* – ценностью этого типа является наличие выбора товаров и услуг и чем больше выбор, тем больше они вовлечены в процесс потребления; *коммуникатор* – ценностью этого типа является потребление ради возможности выражения своих эмоций, социального статуса, стиля жизни и т.п.; *исследователь* – потребление для него выступает актом исследования окружающего пространства, привнося в его жизнь дополнительный комфорт и уверенность; *исследователь себя* – ценностью в потреблении является личностная и культурная идентичность, самовыражение через товары и услуги; *бунтовщик* – ценностью является возможность выражения протеста через покупку товара, который намеренно портит, выражая негативное отношение к навязываемым производителем ценностям общества потребления.[1, с. 146] Типы потребительского поведения россиян выделяют следующие: новаторы – ориентированы на покупку новых продуктов, товаров и услуг и стараются сделать приобретение раньше других; *благополучные* – довольные уровнем своей жизни, имеющие все необходимое для жизни и выбирающие нечто особенное в предлагаемых товарах и услугах; оптимисты - легко и энергично относятся к приобретениям, стремясь произвести впечатление успешного человека, не отягощенного проблемами; рассудительные – не склонные к импульсивным покупкам, экономны, не являются приверженцами какой либо торговой марки, сосредоточивают свое внимание на соотношении «цена-качество»; *ориентированные на бренд* – готовы переплачивать за товары известных фирм, считая их более качественными и эффективными; *западник* – ориентированные на западные продукты, т.е. товары и услуги; *молодой* – проявляют интерес ко всему затейливому и необычному, часто совершают спонтанные покупки; *фаталист* – негативно настроен к потреблению услуги, т.к. обладает высоким уровнем тревожности, консервативен; *мужской* – интересуется преимущественно товарами и услугами, традиционно ориентированными на мужчин, такими как техника, алкоголь, продукты, связанные с экстремальными видами спорта т.п. В этот тип включаются не только мужчины, но и женщины; *аутсайдеры* – ориентированы на самые дешевые товары и покупку самого необходимого. К этому типу относятся люди не адаптированные к рыночным условиям жизнедеятельности. Если сравнить данные типы, т.е. западную и отечественную типологию, то становится очевидно, что российская классификация отражает социальную ситуацию, сложившуюся в нашей стране, после распада СССР и существующую по данный период времени. В классификации отечественных потребителей значительно больше «неблагоприятных» потребителей, относящихся к низшим слоям нашего общества. Западная классификация так же выражает понимание потребительского поведения в странах запада и формирует представление о уровне жизни, ценностях общества и других особенностях западного мира. Таким образом, обозначенные выше ценностные и этические ориентиры экономической парадигмы выражают позиции устройства капиталистического общества. Используя другую классификацию общества, можно сказать, что традиционное и индустриальное общество ставило во главу угла производство материальных благ, а постиндустриальное на передовые позиции выдвигает потребление. Потребление приобретает такие масштабы, что сразу вспоминается Бенджамин Барбер, который свой труд так и называет

«Место для нас». Действительно, возникает вопрос о месте и роли человека в обществе потребления. Обратимся ко второй парадигме, социокультурной направленности, и ее ценностно-ориентационным позициям. Потребление рассматривается как поле либо арена, на платформе которой происходит выбор, который понимается не только как право на свободу самовыражения, но и, при этом, осознание социальной ответственности за гедонизм и животную неуемную страсть к удовольствиям, развращающей общество и ограничивающее человека как духовное, мыслящее создание. Зависимость от потребления понимается как форма несвободы личности, ее ограниченность. Массовость потребления становится синонимом посредственности, стирая индивидуальность личности. Консюмеризм выступает идеологией жизни человека толпы. Приведем пример проявлений данных позиций в сравнении двух парадигм – экономической и социокультурной. Если психологи, служащие экономической парадигме, могут рекомендовать в качестве снятия стресса человеку совершить акт потребления, т.е. так называемую «шопинг»-терапию, то сторонники социокультурной парадигмы не поддержат этот совет. Психологи, ориентированные на социокультурную парадигму скорее порекомендуют для снятия стресса процесс созидательного творчества, противоположный по своей сути идее потребления, понимаемой как истребления, траты, т.е. конечного потребления. Интересное выражение находит идея символического потребления в двух обозначенных нами парадигмах. Экономическая парадигма использует символическую природу потребления как маркетинговый ход, часто манипулятивно, предлагая символ как подмену качественного здорового и экологичного продукта (например, стилизованное изображение блюда в меню кафе и его оригинал, далекий от образа), а в основном использует символ как механизм создания образа продукта потребления. Другое функциональное назначение символической природы потребления в контексте экономической парадигмы – стремление предоставить все необходимое для конструирования образа личности. Использовать этот «конструктор символов», выраженный во всевозможных вещах и услугах, может как сама личность, по принципу « сделай себя сам» либо предоставить это профессиональным стилистам, имиджмейкерам, гидам и т.п. Социокультурная парадигма так же обращает внимание на символическую природу потребления и стремится выйти за рамки символа, увидеть реальный смысл и сущность потребления, сосредотачиваясь на поиске истоков, т.е. тех времен, когда потребление было носителем реализации насущных потребностей личности, когда социальное и символическое значение вещей, предметов, услуг не было столь выраженным и значимым.[4] Вот как пишет об этом Ж.Бодрийяр: «Вещи не составляют ни флоры, ни фауны. Однако они создают явное впечатление размножающейся растительности или джунглей, где новый дикий человек современности с трудом отыскивает вновь проявления цивилизации. Эти фауна и флора созданы человеком и появляются, чтобы окружить его и проникнуть в него, как в дурных научно-фантастических романах; нужно попытаться скорее описать, какими мы их видим и переживаем, никогда не забывая, что при всей их пышности и изобилии они являются *продуктом человеческой деятельности* и что они подчинены не естественным экологическим законам, а закону меновой стоимости». [2, с. 5] Если экономическая парадигма старается стереть границы потребления, то социокультурная стремится их обозначить, выделить, задавая личности саморегулирующую ответственную позицию, которая выражается в организации экологичной жизни, в разумных ограничениях своих потребительских нужд.

Противоречия и противостояние обозначенных парадигм выражаются во многих аспектах, присущих как теоретическим исследовательским дискурсам, так и их социокультурным воплощениям, т.к. современная наука, связанная с вопросами потребления, глубоко интегрирована в социально-экономическое пространство общества. Обозначенная тенденция присуща не только такой области знаний как потребительское поведение. На ее основе можно рассмотреть механизмы формирования общей культуры потребления, которую следует отличать от «потребительской культуры» (consumer culture), которая получила распространение в западной социальной науке, в конце XX века для обозначения специфического типа культуры, явившейся выразителем капиталистической идеологии и получившей известность под названием общества потребления (консюмеризм) [5, с. 131]. В целом, следует заметить, что данный конфликт парадигм, на наш взгляд, способен оказывать существенное влияние на интенсивность развития современной культуры потребления нового формата.

Библиография
1. Ермаков Д.Н. Исследование потребителей и потребительское поведение / Право и государство: теория и практика, 2014, № 5 (113).
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика; Культурная революция, 2006.
3. Хагуров Т.А. Дисфункции процессов социализации и социального контроля в условиях экспансии массовой потребительской культуры (проблемы девиантологического анализа) / Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук. Москва, 2007.
4. Галактионова Н.А. Поколенческие ценности и коллективная память как основа формирования идентичности в кризисные эпохи / Академический вестник. 2014. № 2 (28). С. 242-247.
5. Ильин В.И. Потребление как дискурс: Учебное пособие. СПб.: Интерсоцис, 2008.

УДК:323.17(478)

ОСВОЕНИЕ СТАТУСА АВТОНОМИИ ГАГАУЗ ЕРИ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.

Куйжуклу Е. С.
преподаватель кафедры общественных дисциплин
Комратского государственного университета,
elenacuijuclu@gmail.com

Аннотация. Данная работа посвящена вопросу об освоении статуса автономией в пределах своих компетенций и политико-правового порядка в государстве. В первом параграфе рассматриваются основы правового и институционального укрепления автономии. Во втором – изучаются некоторые вызовы, с которыми сталкивается территориальное образование в освоении своего статуса. Для поиска решений на существующие в настоящее время вызовы эффективного функционирования автономии, были предложены выводы и рекомендации. В материале используются методы case-study и анализ документов. Задачами исследования являются: определение характера правовой и институциональной основ укрепления автономии в Гагаузии и выявление вызовов, которые влияют на освоение правового статуса и реализацию компетенций региона.

Ключевые слова: территориальная автономия, правовой статус, укрепление, освоение статуса, участие, Гагауз Ери.

Annotation. The article is dedicated to the question of managing the status of UTA Gagauz Eri within its competences in the political and legal framework of the State. In the work are studied the legal and institutional entrenchment of autonomy and some problems, which faces territorial unit in managing its status, by applying the methods of case-study and document analysis. Objectives of the study include defining the character of legal and institutional entrenchment of Gagauz autonomy and identifying factors, which influence the management of the regions' legal status and realization of its competences.

Key words: territorial autonomy, entrenchment, management of autonomy, political participation, Gagauz Eri.

Актуальность данной темы связана с проблемой утверждения особого правового статуса Гагаузии в условиях трансформационных процессов в государстве. Освоение территориальной автономии в Республике Молдова вызывает особый интерес в связи с тем, что Гагаузский случай является одним из немногих существующих примеров мирного разрешения межэтнического конфликта с приобретаемым опытом территориального распределения власти в Юго-Восточной Европе.

Пристальное внимание исследователей обращено к изучению основ и форм укрепления автономии Гагауз Ери, а также выявлению факторов, влияющих на эффективность ее функционирования. Анализу территориальных подходов в урегулировании конфликтов и аккомодации этнических меньшинств была посвящена С. Вольффом серия работ, в рамках которых изучается опыт Гагаузии [1; 2; 3]. Особо отмечается О. Процикомом и С. Вольффом в исследовании правовых основ автономии проблема распределения и уточнения компетенций между центральными властями и Гагаузией [2; 4]. Формы укрепления территориальных автономий были рассмотрены М. Сукси в сравнительной перспективе, который обозначил общие характеристики и особенности институционального устройства Гагаузии [5**, с. 124**].

Незавершенность процесса становления институционально-правового устройства автономии способствовала возникновению противоречий в отношениях с республиканской властью. Подтверждением тому служат состоявшиеся в 2014г. референдумы в Гагаузии о внешнем векторе политики государства и об отложенном статусе, которые стали следствием отсутствия конструктивного диалога и совместных усилий сторон в достижении консенсуса. Очевидно, что в данных условиях возникает обеспокоенность в возможности проявления сепаратизма в регионе [6]. С другой стороны, вызывает интерес выявление факторов, формирующих негативную установку жителей автономии к процессу европейской интеграции Республики Молдова [7].

Правовое и институциональное укрепление автономии Гагауз Ери.

Правовые и институциональные инструменты обеспечения автономии представляют собой особую важность для полноценной реализации ее статуса, которые предоставляются государством в законодательных и конституционных рамках. М. Сукси разграничивает виды укрепления автономии: на региональном уровне, когда предусматривается реакция региона на изменения в законодательство, касающихся автономии; специальное укрепление, сформулированное в особом праве и закрепленное в соответствующих конституционных положениях на внесение поправок, касающихся статуса автономии; часто используется общее укрепление посредством конкретных норм в национальных конституциях; в случаях, когда отсутствуют подобные нормы в национальной конституции, автономия устанавливается в форме «полу-общего укрепления» на уровне органических законов. К другой форме относится международное укрепление автономии, в рамках которого ученый выделяет международное соглашение, гарантирующее определенный статус области. М. Сукси также предполагает, что возможно существует вероятность добиться определенного результата в борьбе за автономию посредством права на самоопределение народов [8, с. 152]. Среди перечисленных форм укрепления автономии наиболее распространенными в европейских странах являются общее и региональное укрепление [8, с. 171].

Статус Гагаузии основан на некоторых из вышеназванных методов укрепления автономии. Устройство данного территориального образования создано на базе общей, полу-общей и специальной форм.

Фундамент устройства заложен в положениях Конституции Республики Молдова (*общее укрепление*), в которых территориальному образованию предоставляется автономия как форма самоопределения гагаузов с правом в пределах своей компетенции самостоятельно решать вопросы политического, экономического и культурного развития в интересах всего населения, и правом Народного Собрания Гагаузии на законодательную инициативу в Парламенте [9, Ст. 73]. Основу статуса автономии также составляет органический Закон об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери) [10], в котором сформулированы компетенции региональных органов власти. Среди особенностей такого *общего и полу-общего укрепления*, наряду с автономиями в Италии, Испании, Португалии и Финляндии (Аландские острова), территориальное образование обладает исключительными полномочиями в принятии законов на уровне региона. С момента создания автономии в 1994г. до 2003г., когда были внесены некоторые поправки в конституционные законы, статус Гагаузии по сравнению с европейскими автономиями (Адандские острова, Испания, Португалия, Итальянские регионы и Крым) был слабо закреплен в Основном Законе. Следует отметить, что внесенные изменения, бесспорно, способствовали укреплению автономии в национальном законодательстве, однако процесс ее утверждения в конституционных и других нормах не доведен до конца.

Специальное укрепление статуса Гагаузии состоит в необходимом квалифицированном большинстве в 3/5 голосов депутатов Парламента для изменения Закона об особом правовом статусе автономии.

Региональное укрепление, предполагающее реакцию региона на вносимые изменения в национальное законодательство, касающиеся (статуса) автономии, не нашло своей реализации ни в Законе о правовом статусе Гагаузии, ни в Конституции РМ. Отсутствие региональной формы укрепления дает право национальным органам власти вносить изменения в законодательство, прямо или косвенно затрагивающие статус автономии, в одностороннем порядке без согласия и участия властей автономии. В данном контексте очевидна необходимость введения правового и институционального механизмов, предусматривающих реакцию автономии на изменения в законодательстве, влияющих на ее правовой статус. Данный механизм может быть создан в виде положений в законодательстве и постоянно действующего органа, включающего представителей региона и центральных властей для совместного принятия решений относительно статуса автономии. В случае Гагаузии введение регионального укрепления автономии может стать одним из эффективных механизмов сотрудничества и обеспечения постоянного диалога между республиканской властью и регионом.

Освоение статуса автономии: вызовы и перспективы.

Существование автономии определяет необходимость ее признания в общем правовом порядке государства. Гагаузская автономия, как было отмечено ранее, закреплена в конституционных законах и органическом законе об особом правовом статусе. Однако с момента ее создания в национальном законодательстве стало игнорироваться существование особого статуса региона.Например, в **Законе** о нормативных актах Правительства и других органов центрального и местного публичного управления [11, Ст. 9, 77], равно как и в Конституции Молдовы (Ст. 111) и Законе о Правительстве [12, Ст. 10(3)], не признаются законодательные компетенции Народного Собрания Гагаузии, где отсутствуют категории местных законов и Постановлений Собрания, которые зафиксированы в Законе о правовом статусе автономии (Ст.12 (2)). В соответствии с положениями данных законов, в Гагаузии действует представительный орган, издающий нормативные акты подчиненного характера актам высшего уровня, и которые не должны им противоречить. К актам высшего уровня относятся законы и нормативные акты, изданные Правительством и другими органами центрального публичного управления, которые обязательны для исполнения на всей территории республики. С другой стороны, принимаемые законы и другие нормативные акты центральными органами власти, не учитывающие полномочий автономии, фактически растворяют ее особый правовой статус. В данном контексте, уместнее применять характер подчиненности местных законов, издаваемых НСГ, Конституции РМ, компетенциям АТО Гагаузия, международным обязательствам и международным договорам, частью которых является РМ, и основным принципам социально-экономических реформ государства

Освоение компетенций органами власти автономии, сформулированных в законе 1994г., затруднено в силу незавершенности утверждения особого правового статуса территориального образования в правовой и политической системах Молдовы. В законе о правовых актах Ст.6 (7) гласит: «В случае возникновения между двумя законодательными актами, имеющими равную юридическую силу, противоречия норм, содержащих различные решения по одному и тому же объекту регулирования, применяются положения последнего по времени принятия акта» [11]. Вынесенный вначале 2014г. на обсуждение новый законопроект о правовых актах Министерством Юстиции [13] сохранил данный принцип и, как и другие предшествующие законы, игнорирует законодательные компетенции автономии. Так, противоречия, возникающие между законом о правовом статусе Гагаузии и любыми принятыми после него органическими законами, решаются не в пользу автономии.

Освоение правового статуса автономии определяется уровнем развития его институциональной системы, формируемой населением на территории.

В отношении способа взаимодействия и формы ответственности исполнительной и законодательной власти Гагаузии система автономии напоминает президентскую [5, с.124-128], где высшим должностным лицом является Башкан, которому подчиняются все органы публичного

управления территориального образования. Одновременно являясь главой исполнительного комитета Гагаузии, Башкан назначается в Правительство Молдовы декретом Президента. В данном случае отмечается высокий уровень интегрированности исполнительной власти автономии с национальными органами власти [5, с. 125], учитывая и тот факт, что по предложению Главы Гагаузии руководители соответствующих отраслевых управлений входят в состав коллегий министерств и ведомств Республики Молдова [10, Ст. 19]. Исполнительная власть региона, в отличие от других автономий, должна исполнять не только принимаемые законы и постановления НСГ, но и национальное законодательство. Такое положение региональной власти ограничивает в возможности принятия законов, отличающихся от национальных законов. Хотя система взаимоотношений между исполнительной властью автономии с национальными органами власти считается достаточно интегрированной, существует низкая эффективность в продвижении интересов Гагаузии. В повестке дня министерств и учреждений центральных органов власти проблемы автономии обсуждаются крайне редко. Существующий статус Башкана в качестве члена Правительства выполняет незначительную роль в защите интересов автономии с точки зрения разделения ответственности и компетенций. В условиях неопатримониального типа политического режима, к которому относится Республика Молдова [14], зарезервированное место в Правительстве может превратиться в новый механизм клиентарных отношений с национальной политической элитой.

Участие населения в общественно-политической жизни.

Участие в управлении на региональном (часто и на национальном) уровне является основным вопросом, волнующим все автономные образования в укреплении их особого правового статуса по отношению к центру.

В Гагаузии самостоятельно в пределах компетенций автономией организуются выборы Башкана и в Народное Собрание. Также жители территориального образования участвуют наряду со всеми гражданами в выборах Парламента и местных органов власти. Наряду со всеми видами выборов в регионе констатируется снижающийся уровень участия граждан в автономии[15; 16]. Данную тенденцию некоторые связывают с усталостью электората частотой проведения избирательного процесса. Другие относят снижение активности избирателей Гагаузии с тем, что «гражданская и избирательная идентичность гагаузов в совокупности со статусом гражданина РМ становятся затруднительным процессом» [17, с. 35-42]. На наш взгляд, идентификация гагаузов с государством не ослабевает. Данное положение подтверждают результаты социологического исследования в Гагаузии в 2012г., в котором респонденты подтвердили полное согласие с вопросом, считают ли они, что гражданин Молдовы обязан участвовать в выборах в Парламент (85,1%) в равной степени выразили согласие и с обязанностью участия жителей Гагаузии в выборах Башкана и НСГ (85,2%).

Действительно, статус автономии укрепляет региональную и этническую идентичности гагаузов (в сравнении с гагаузами, проживающими в других государствах). Однако даже при этом, согласно повторному исследованию этнической идентичности молодежи гагаузов, И. Кауненко отмечает изменение гетеростереотипа молдаван со слабо отрицательного на положительный, что «свидетельствует о гармонизации этнической идентичности молодежи, которая включает не только образ своей группы, но и другой» [18].

Гражданская идентичность у населения республики на низком уровне по причине того, что идея гражданской нации не взращивается. Дискурс идентичности в обществе «фокусируется на этнических и культурных особенностях» [19, с. 55]. Можем предположить, что одним из факторов, влияющих на участие среди населения автономии в выборах в Парламент, является снижение уровня доверия к власти, политическим силам и лидерам (как национальным, так и местным), которые были способны последовательно защищать интересы всех граждан и решать проблемы социально-экономического характера в государстве. Следует также учитывать миграционный фактор, в значительной степени сокращающий численность населения в регионе.

В Гагаузии наблюдается тенденция к установлению тесных связей общественно-политических движений и политических деятелей автономии с политическими партиями. В условиях становления парламентаризма с пропорциональной избирательной системой с патримониальным наследием прошлого, партийная система Молдовы, не способная на установление программного

ориентирования [21, с. 42], дает повод предположить о возможности наиболее простого доступа к государственным постам на национальном уровне. Распространенный способ установления связей с национальным партиями обусловлен участием в управлении на региональном уровне. Региональные институты власти становятся для многих политических деятелей автономии своеобразным путем продвижения по карьерной лестнице на национальном уровне. В силу того, что наиболее близкими электорату в Гагаузии являются левые партии с четким вектором на тесное сотрудничество РМ с РФ, политические деятели региона, общественно-политические организации и политические партии мобилизуют граждан на достижение целей и сохраняют относительную популярность. Однако в этой связи, на наш взгляд, упускается важнейшая задача, которую выполняли этнические предприниматели и интеллигенция в 90-е гг. – защита интересов региона, которая основывается на четкой стратегической цели развития автономии, социальной ответственности и умении сотрудничать с национальными институтами власти. Пренебрежение данной задачей обрекает региональных политических деятелей на утрату успешности в электоральном процессе.

Политический дискурс на региональном уровне, инициируемый политическими деятелями и организациями, с момента установления автономии носит особый характер. Вопросы, поднимаемые в регионе, в основном акцентируются на противоречивых взаимоотношениях с центральной властью и выражении позиции, зачастую отличающейся от официального мнения национальной элиты. При этом обсуждение внутренних экономических, социальных и культурных проблем автономии, требующих ответственности региональной власти, имеет незначительное место.

Освоение автономии предполагает самостоятельное решение вопросов политического, экономического, социального и культурного характера. Среди проблем региона можно особо отметить языковую. В условиях устойчивого русско-гагаузского и гагаузско-русского билингвизма населения [22; 23, с. 302-303] и утверждения официального гагаузско-молдавско-русского триязычия автономии, возникает множество вопросов. С одной стороны, остро поднимается вопрос о развитии гагаузского языка в автономии. В первую очередь, он касается развития терминологической базы для возможного перевода на гагаузский язык школьного материала. Систематическая работа с момента возникновения автономии не ведется. С другой стороны, СМИ не используют возможности в полной мере в информационном пространстве для функционирования гагаузского языка. Также немаловажным является тот факт, что помимо общеобразовательных учреждений нет возможности изучать гагаузский язык и культуру, как например, в случае широкого обеспечения курсами преподавания государственного языка.

Владение государственным языком является другая актуальная языковая проблема региона, которая способна разделить общество по лингвистическому и этническому признакам. Согласно опросам, среди населения автономии существует осознание необходимости знания государственного языка [19], однако за последние годы ситуация не улучшилась. Очевидно, что усилий по преподаванию языковых курсов не достаточно, и положение требует совместных специальных долгосрочных программ региона и центральной власти по повышению знания языков.

Миграция населения представляет собой одну из самых острых демографических проблем автономии, имеющая экономические корни. Массовый отток населения по причине высокого уровня безработицы постепенно лишает человеческих ресурсов для развития потенциала региона.

Выводы. Утверждение особого правового статуса Гагаузии в условиях трансформационных процессов в государстве на протяжении двадцати лет носит противоречивый характер. Освоение автономии в пределах своих компетенций и политико-правового порядка Республики Молдова происходит в условиях отсутствия опыта территориального распределения власти.

Устройство территориального образования Гагауз Ери создано на базе общей, полу-общей и специальной форм. Освоение компетенций органами власти автономии, сформулированных в законе 1994г., затруднено в силу незавершенности утверждения особого правового статуса в правовом порядке Молдовы. Утверждение статуса предполагает формулирование списков четких компетенций власти автономии и центральных органов власти и закрепление их в национальном

законодательстве. Помимо незавершенности процесса укрепления автономии в национальном законодательстве существует дополнительное препятствие, которое блокирует реализацию закона о Гагаузии. Противоречия, возникающие между законодательными актами, имеющими равную юридическую силу, решаются в пользу положений принятого последнего по времени принятия акта.

Необходимо введение правового и институционного механизмов, предусматривающих реакцию автономии на изменения в законодательстве, влияющих на ее правовой статус. Данный механизм может быть создан в виде положений в законодательстве и постоянно действующего органа, включающего представителей региона и центральных властей для совместного принятия решений относительно статуса автономии. В случае Гагаузии введение регионального укрепления автономии может стать одним из эффективных механизмов сотрудничества и обеспечения постоянного диалога между республиканской властью и регионом.

С институциональной точки зрения, отмечается выраженный вертикальный по сравнению с горизонтальным типом ответственности, который характеризует связь и подотчетность структур исполнительной власти автономии с национальными органами власти. Такой тип ответственности может подвергнуть сильному влиянию центра в освоении статуса регионом.

Политический дискурс в Гагаузии фокусируется на противоречивых отношениях между центром и автономией, что отвлекает от обсуждения внутренних проблем региона и демонстрирует отсутствие у политических групп и деятелей стремление к сотрудничеству.

Освоение автономии предполагает развитие культуры и языка этнической группы. В данном случае можем отметить, что у власти автономии отсутствует стратегия развития гагаузского языка. Видится необходимой разработка стратегий развития гагаузского и государственного языков с выделением отдельных фондов.

Проблема миграции значительным образом влияет на развитие автономии, проявляющаяся в постоянном сокращении населения региона, особенно молодежи. В связи с этим, необходимо разрабатывать четкие и эффективные политики развития экономики региона и создавать возможности для реализации человеческого потенциала.

В статье освещена часть исследования [24], которое было проведено в рамках проекта «Повышение гражданского участия молодёжи и гражданского общества Гагаузии (2015)», реализуемого Миссией ОБСЕ в Молдове в партнёрстве с ОО МЦ Пилигрим-Демо в Гагаузии.

Библиография

1. Wolff S. Conflict Management in Divided Societies: The Many Uses of Territorial Self-governance, In: International Journal on Minority and Group Rights, 20(2013)1, pp. 27–50; available at http://booksandjournals.brillonline.com/content/10.1163/15718115-02001003.
2. Wolff S. The Distribution of Competences between Centre and Autonomy: Issues and Options in the Functioning of the Gagauz Autonomy in Moldova. http://www.stefanwolff.com/files/Comp-Gagauzia.pdf.
3. Wolff S. Overcoming Political Deadlock in Gagauzia: Options for EUSR Mediation Team. http://www.stefanwolff.com/files/EUSR-Gagauzia.pdf.
4. Protsyk O. Gagauz autonomy in Moldova: the real and the virtual in post-Soviet state design//http://www.policy.hu/protsyk/Publications/ProtsykGagAutonomy09fx.pdf.
5. Suksi M. Governmental Accountability in Autonomies: Åland Islands in Comparison with Select Autonomies in Europe and Elsewhere. In: New Directions In Comparative Law, Antonina Bakardjieva Engelbrekt, Professor of European Law, Stockholm University, Sweden and Joakim Nergelius, Professor of Law, Örebro University (Eds.), Sweden, 2010, 304 p.
6. Calus K. Gagauzia: growing separatism in Moldova? OSV Commentary, 10 March, 2013. http://www.osw.waw.pl/en/publikacje/osw-commentary/2014-03-10/gagauzia-growing-separatism-moldova, (посетила 20.09.2014).
7. *Косенковский М., Шрейбер В. Национальные меньшинства Молдовы и их отношение к европейской интеграции*,"Russie.Nei.Visions", N° 81, Ноябрь 2014.

8. Suksi M. Autonomy: Applications and implications. The Hague: Martinus Nijhoff Publishers, 1998, 370 p.
9. Конституция Республики Молдова, Опубликован: 12.08.1994 в Monitorul Oficial Nr. 1 Дата вступления в силу: 27.08.1994, http://lex.justice.md/viewdoc.php?id=311496&lang=2.
10. Закон об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери). № 344-XIII от 23 декабря 1994. В: Официальный Монитор Республики Молдова, 14.01.1995, № 003. http://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=311656&lang=2, (посетила 20.09.2014).
11. Закон о нормативных актах Правительства и других органов центрального и местного публичного управления, Nr. 317 от 18.07.2003, В: Monitorul Oficial, 03.10.2003, Nr. 208-210, №: 783.
12. Закон о Правительстве, Nr. 64 от 31.05.1990, В: Monitorul Oficial, 26.09. 2002, Nr. 131-133 статья №: 1018, http://lex.justice.md/ru/312895/.
13. Proiectul legii pentru modificarea şi completarea unor acte legislative (Legea privind descentralizarea administrativă – art.4; Legea privind administrația publică locală – art.1, 2, 3, 63'1; ș.a.). http://www.parlament.md/ProcesulLegislativ/Proiectedeactelegislative/tabid/61/LegislativId/2393/language/ro-RO/Default.aspx, (vizitat 03.09.2014).
14. Фисун А. Постсоветские неопатримониальные режимы: генезис, особенности, типология, Отечественные записки , 2007, № 6 (39), http://www.strana-oz.ru/.
15. Gatmaniuc N. Rolul factorului etnic in determinarea compartamentului electoral (cazul Gagauziei), MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică), Revistă ştiinţifică, Chişinău: USM, Partea XXV, 2004, p.131-139.
16. Миронова С. Политическое интегрирование гагаузов – перспектива оптимизации политических отношений в Республике Молдова, MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). Revistă ştiinţifică trimestrială, Chişinău: CEP USM, nr. 4 (XLVII), 2010, P.105-112.
17. Gatmaniuc N. Compartamentul electoral al Gagauziei in cadrul alegerilor nationale parlamentare din Republica Moldova, MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică), Revistă ştiinţifică, Chişinău: USM, 2005, №2(Partea XXIX), p.35-42.
18. Кауненко И. Динамика этнической идентичности молодёжи гагаузов на современном этапе
19. Институт Публичных Политик, Интеграция этнических групп и консолидация гражданской нации в Республике Молдова, Chişinău, 2012, http://www.ipp.md/lib.php?l=ro&idc=171&year=2012,(посетила 10.12.2014).
20. Suksi M. Sub-State Governance through Territorial Autonomy: A Comparative Study in Constitutional Law of Powers, Procedures and Institutions. Berlin: Springer Science & Business Media, 2011, 718p.
21. Процик, О. Партийная конкуренция в Молдове: идеология, организационные стратегии и подходы к разрешению этно-территориальных конфликтов, Олег Процик, Игор Букатару, Андрей Волентир, Ch.: CEP USM, 2007, 214p.
22. Никогло Д. Языковая ситуация в Гагаузии: проблемы и перспективы. În: Moldova Noastră http://www.mdn.md/ru/print.php?id=2464&lang=ru, (vizitat: 09.03.2006).
23. Папцова А. Рождение нации: роль образа прошлого в этнической мобилизации гагаузов, В: Перекрестки, Журнал исследований восточноевропейского Пограничья, № 3–4/2011, с. 301-316.
24. Куйжуклу Е., Сиркели М. Освоение статуса автономии Гагауз Ери: вызовы и перспективы. В: http://piligrim-demo.org.md/studies_upld/d60.pdf.

УДК: 39(478)(=162.3)

ЧЕХИ СЕЛА ГОЛУБОЕ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА: КОНСЕРВАТИВНОСТЬ ТРАДИЦИЙ В ИНОЭТНИЧНОЙ СРЕДЕ

Никогло Д.Е.
доктор истории,конференциар, ст. н. с.
Сектор Этнологии гагаузов Института Культурного наследия АНМ
nikoglo2004@mail.ru

Аннотация. Чехи села Голубое в Республике Молдова проживают на данной территории с 1880 года. Находясь в другой этнической среде, они сохранили свои традиции. Наиболее ярким праздником у чехов является День петуха. Самыми консервативными элементами являются традиции питания.

Ключевые слова: чехи, этнические традиции, традиции питания.

Annotation. Czechs from the village of Blue in the Republic of Moldova live here since 1880. While in other ethnic environments, they have preserved their traditions. The most striking is the Czechs holiday "Day of the rooster." The most conservative elements are a traditional food.

Key words: Czechs, ethnic traditions, traditional food.

В 1880 г. из Таврической губернии (с. Чехоград) в Бессарабию переселилось 100 около чешских семей. Недалеко от селения Татар-Баурчи на берегу реки Салчия они основали село Новоград, которое в 1918 г. было переименовано в с. Голубое. Основным занятием переселенцев было земледелие [1, с.67-78]. Как отмечал И. А. Анцупов, долгое время чехи жили в Новограде обособленно, но постепенно село становилось полиэтническим. По переписи 1930 г. в селе проживали 235 чехов, 236 молдаван, 430 украинцев, 73 болгарина, 6 русских и 18 человек из других этносов. [2, с. 58-61]. Культурно-бытовые контакты с молдаванами, украинцами, болгарами и представителями других этнических общностей, несомненно, повлияли на этнический облик чешского населения. Однако наиболее устойчивые элементы их культуры продолжают сохраняться и в настоящее время. Значительные изменения наблюдаются в области материальной культуры, которая, как правило, является наиболее чувствительной к трансформациям [1, с. 68-71]. В наибольшей степени сохранились некоторые обычаи и обряды семейного и календарного цикла, а также традиции питания, представляющие собой один из наиболее консервативных элементов культуры жизнеобеспечения.

Этнокультурному облику чешского населения посвящено обстоятельное исследование российского этнографа Н. Н. Грацианской и молдавского ученого В. С. Зеленчука. [1, с. 65-74]. История переселения чехов в Бессарабию представлена в работе И. А. Анцупова [2, 58-61]. Цель исследования представить, в какой степени элементы традиционной культуры чехов сохранились в настоящее время. К сожалению, ограниченные рамки статьи не позволяют нам подробно осветить обычаи и обряды чешского населения. Поэтому мы остановимся на собственных полевых материалах, собранных в 2003 г. в с. Голубое Кагульского района.

Чешская свадьба сохранила свои традиционные черты. Рассмотрим некоторые из них. Например, у ворот дома жениха родители новобрачного угощают молодых ложечкой меда или варенья. При этом звучит песня «Злати вратка» («Золотые ворота»). После этого мать жениха набрасывает на шеи жениха и невесты полотенце и тащит в дом. В это же время в игровой манере гости слегка поколачивают молодых («дают им тумака»), что является своеобразным пожеланием счастья и благополучия [3].

Распорядителем свадебного застолья по традиции является посаженный отец (*нанашул)*. Роль посаженной матери (*нанашки)* состоит в том, чтобы одаривать молодоженов и гостей. За свадебным столом в центре сидят жених и невеста. Со стороны невесты – *нанаш*, со стороны жениха – *нанашка*. Остальные приглашенные сидят вперемешку парами. Деньги собирают в

конце застолья. На второй день свадьбы место жениха и невесты занимают ряженые. Молодожены при этом покупают у них водку и угощают ею гостей, после чего садятся на место ряженых, „выкупая" у них свои места. На третий день было принято катать родителей жениха и невесты на коляске через огонь. Можно предположить, что данный обряд совершался с целью очищения или являлся своеобразной инициацией – вступлением детей в самостоятельную семейную жизнь, а также изменением статуса родителей жениха и невесты, который заключался в том, что родители по сути прекращали осуществлять опеку над своими детьми.

Значительное место в традициях чехов занимает культ музыки. Чешская свадьба до сих пор сопровождается народными песнями и танцами. Самым популярным танцем является *«котэк»*. Его танцуют в конце первого дня свадьбы, а также в последующие дни. Примечательно, что танцы присутствуют и в похоронно-поминальной обрядности. Информаторы отмечали, что после похорон парня или девушки молодежь собирается в клубе и танцует там некоторое время. Вероятно, этот обычай моделирует свадьбу, которая должна была состояться у молодых людей, если бы они были живы. С другой стороны, можно предположить, что данный элемент представляет собой реликт древней тризны. [4]

Многие календарные обычаи и обряды схожи с таковыми у соседнего населения Молдовы, поскольку сами чехи являются православными и соблюдают общепринятые каноны. На Рождество устраиваются колядки. На Масленицу *(Востатки)* ходят с медведем (с ряженым медведем), а молодежь по дворам и собирает продукты (яйца, копченое мясо, брынзу), из которых готовит еду.

Некоторые обычаи являются специфическими. К ним относится «Праздник петуха» (*Посвицени*), который отмечается 7-8 ноября. Как отмечают В. С. Зеленчук и Н. Н. Грацианская, этот обряд был известен когда-то по всей Центральной Европе и связан с древним обычаем жертвоприношения. [1, с. 72]. Основой праздника является казнь петуха (*стинани когоута*). Праздник состоит из двух частей. Накануне парни устраивают в селе всякие беспорядки – переворачивают бочки с водой, выталкивают телегу на крышу погреба, а в одном из домов, где проживает девушка на выданье, крадут петуха, который потом обвиняется во всех этих безобразиях. На следующий день эти же парни ходят по домам и приглашают односельчан на праздник, попутно собирая информацию о знаменательных событиях, произошедших в каждой семье (кто женился, развелся, у кого родился ребенок и т.п.). И в этих деяниях тоже обвиняют петуха. При этом ватага молодых людей поет песню с основным рефреном: «*На Посвицени всешкото вони*», что означает «*На Посвицени (название праздника) все благоухает, пахнет»*. Как правило, в этот день в каждом доме готовится еда, запах которой разносится по всему селу. Народ собирается на площади. В центре ставится бочка, на которую взбирается глашатай и зачитывает все козни, „учиненные" петухом. Затем произносится приговор: «Казнить петуха!» В это время в пятидесяти метрах от бочки петуха закапывают в землю, оставляя на поверхности только голову. Из участников праздника вызываются добровольцы, которым предстоит казнить птицу. Каждого из них поят вином, завязывают глаза, раскручивают несколько раз и вручают цеп. Смельчаки должны, размахивая цепом и пританцовывая под музыку, приблизиться к петуху и задеть его голову. Тот, кому это удастся, становится победителем и героем дня. Все это действо приобретает комический характер, так как остальные участники дают советы главному исполнителю обряда, то есть мешают ему. Победителю полагается выставить для угощения вино, а из петуха сделать суп, которым потом будут угощать музыкантов. После „казни" все собираются в клубе и танцуют под музыку духового оркестра. [5].

Специфичными являются традиции питания чехов. Как и у других народов, проживающих на юге Молдовы, у них доминируют блюда из злаковых.

Самым популярным чешским блюдом считаются *кнедлики*. По традиции отдельно отваривается картофель, отдельно – капуста. В бульон, где варился картофель, опускают *кнедлики* – кусочки пресного теста, замешанного на яйцах с добавлением соли. Затем жарят копченое мясо с салом. Все компоненты (капусту, картофель, мясо) смешивают, а в конце добавляют жареный лук. В бульоне, где варился картофель, оставляют несколько картофелин и добавляют натертый чеснок. Это блюдо едят, как суп вместе с *кнедликами*. Если *кнедлики* подаются с супом, то блюдо называется *полевка чеснычка*.

Из мучных изделий довольно часто готовят *штрудли*. В данном случае тесто замешивается на яйце и раскатывается тонким листом, на который выкладывается начинка из молотых орехов, мака и варенья. Затем тесто сворачивается в рулон и выпекается в духовом шкафу. Из дрожжевого теста готовят *коблиги* – мучные изделия без начинки, которые закручивают в виде жгута и жарят на сковороде в большом количестве растительного масла.

Из пресного теста готовят *тигейнице*. Замешанное пресное тесто нарезается на небольшие порционные куски. Эти куски раскатываются при помощи скалки в виде круга. На одну половину круга выкладывается начинка из брынзы или творога. Изделие закрывается другой половиной и крепится по краю пальцами. Жарятся *тигейнице* в большом количестве растительного масла. Как правило, их едят с кислым молоком, чаем. Из жидкого теста делают налистники *(ливанце)* – блины с начинкой из варенья или творога. Нехитрым повседневным блюдом являются *строугани*. Данное яство представляет собой крутое тесто, замешанное на яйцах, которое натирается на терке, отваривается в воде до готовности. Подается с измельченной брынзой, творогом, зажаркой из муки. Из круп готовили различные каши, которые сдабривали луковой поджаркой, варили голубцы, технология приготовления которых была схожа с таковой у другого населения региона, прежде всего, у молдаван.

Жидкие блюда. Из жидких блюд наиболее популярной считалась *полевка фличкова* (*полевка с фличками*). Слово *полевка* в чешском языке обозначает «суп». Оно употребляется в сочетании с другими словами, обозначающими суповую основу: *грахова полевка* (гороховый суп), *кнедличкова полевка* (суп с кнедликами), *дробянова полевка* (суп с клецками). По традиции отваривают птицу (курицу, утку или гуся, но чаще – курицу), добавляют в бульон целую головку лука и нарезанную на соломку морковь. По готовности готовый бульон приправляют зеленью петрушки. Предварительно замешивают пресное тесто на яйцах, тонко раскатывают лист, нарезают на небольшие квадратики (*флички*), которые обжаривают с обеих сторон в большом количестве растительного масла. Готовые *флички* выкладываются в общую тарелку. Суп (*полевка*) разливается по тарелкам, а *флички* бросаются в суп. Во время пребывания в Голубом мне приходилось наблюдать довольно забавную картину. Хозяйка дома Мария Владимировна Ириневич (Лненичка) приготовила по моей просьбе на обед *фличкову полевку*. Незадолго до подачи на стол она бросила в бульон *целину* (сельдерей), чем вызвала недовольство своего супруга Иосифа Петровича. С нескрываемым возмущением он сказал: «Мария! Сколько раз я тебе говорил, что в *полевке* я целину не люблю! Ее можно класть только в заму!» Данный пример свидетельствует о том, что некоторые элементы являются настолько устойчивыми, что не подвергаются никаким влияниям. Носители определенной культуры иногда не воспринимают инновации и сохраняют свои исконные традиции.

Обрядовые блюда. На Рождество основным блюдом является гусь с капустой, выпекаемый в печи или духовке. По желанию его начинают яблоками или фаршем, состоящим из смеси риса и гусиных потрохов, приправленным луковой поджаркой, молотым черным перцем, зеленью.
Кроме того, на этот праздник выпекали *бухтички* – сдобные шарики, которые в готовом виде смазывали медом. На Пасху выпекали пасхальные куличи (*гоуски*) с изюмом и орехами. Пасхальная трапеза состояла из пасхальных куличей, яиц, мясных блюд. Перед Рождеством готовили домашнюю колбасу. Тонкую кишку наполняли смесью мелко нарезанных печени, мяса из головы, ушей, хрящей и т. д. Все это перемешивалось, приправлялось черным молотым перцем, чесноком. Кроме мяса в начинку клали манную крупу. Основным компонентом колбасы была печень (*ятра*), отсюда и название *ятерница*. Из толстой кишки изготовляли *кроупаки* – колбасу, начинкой для которой служили внутренний жир, кровь, ячневая крупа.

Первым блюдом на свадебном застолье была *фличкова полевка*, последним – лапша с мясом (*нудлэ*). Как правило, на свадьбе пили вино, водку, а конце трапезы подавали *кофе*, который является обязательным напитком на любом застолье (поминальной трапезе, трапезе по случаю рождения ребенка и т. д.). По словам информаторов, без *кофе* не обходилась ни одна трапеза. На свадьбу готовили *кшапче* – стаканчики из теста с начинкой из варенья. Ритуальным блюдом является курица с калачом, которую жениху и невесте дарят посаженые родители. В клюв этой курицы вставляют сигарету. Родители жениха и невесты встречают молодых после венчания медом и сдобным караваем (венце). [6].

Перечисленные нами традиции не утратили своей значимости и сегодня. До сих пор старожилы рассказывают о том, что до второй мировой воны въезд в село украшали «чешские врата» - резные деревянные ворота, с изображением двух лошадей и двух жеребят. Они являлись своеобразным символом села, маркером чешской идентичности. Не смотря на интенсивные этнокультурные взаимовлияния, чехам с. Голубое удалось сохранить многие элементы культуры. Даже в этнически смешанных семьях вторым языком общения является чешский. В одной из семей, где отец чех, а мать болгарка, дети говорят на чешском языке. Чешские блюда готовят почти все жители села. А праздник петуха, исчезнувший в Центральной Чехии, сохранился у чехов с. Голубое и по причине своей зрелищности стал популярным среди представителей всех национальностей. Этнокультурные взаимовлияния наиболее ярко выражаются в двуязычии и трехъязычии, смешанных браках, в симбиозе культурно-бытовых традиций, сочетающих в себе как специфические элементы чешской народной культуры, так и черты соседних культур.
Таким образом, на примере чехов с. Голубое мы наблюдаем факт того, что этническая общность, изолированная от своего основного этнического массива способна сохранять элементы традиционной культуры в инонациональной среде. Следует подчеркнуть, что специфичность чешских традиций проявляется гораздо ярче, чем у других этносов, поскольку в данном случае налицо феномен «контрастности культур». На фоне сложившегося южнобессарабского этнокультурного комплекса чешские традиции выглядят в большей степени самобытными, так как принадлежат изначально совершенно другому этнокультурному комплексу ареала Центральной Европы, имеющему свою специфику.

Библиография

1. Грацианская Н. Н., Зеленчук В. С. Этнографические особенности чешского населения села голубое Молдавской ССР. В: Известия АНМССР. Вып. 2. Кишинев, 1973. С. 67-78
2. Анцупов И. А. Миграция чехов в Молдавию в XIX в. В: Славянские чтения. Вып. 2. Материалы научно-теоретической конференции. Кишинев, 2004. С. 58-61. 2
3. Архив автора. Полевые материалы за 2003 г. Информаторы Иосиф Петрович Ириневич (1928 г. р. чех, православный, род в с. Голубое) и Мария Владимировна Ириневич (Лненичка) (1930 г.р., чешка, православная, род. в с. Голубое)
4. Архив автора. Полевые материалы за 2003 г. Информаторы те же. Лауда Иван Иванович (1946, чех, православный, род. в с. Голубое).
5. Архив автора. Информаторы Юрашко Филипп Константинович (1956 г.р. молдаванин, с. Татарешты, женат на чешке, уроженке с. Голубое).
6. Архив автора. Информация по традиционной пище предоставлена Ириневич Иосифом Петровичем и Марией Владимировной, а также Лауда Иваном Ивановичем и Анной Викторовной (1947 г.р., украинка, род. в с. Каменка на Украине

УДК: 930.1:81’28(4-924.64)

БАЛКАНИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Папцова А.К.
доктор философии, ст.преподаватель кафедры общественных дисциплин
Комратский государственный университет
papcova@mail.ru
Куцар С.
магистрант гр.МГИ14
Комратский государственный университет
svetik1999@hotmail.com

Аннотация. Данная работа посвящена исследованию сущности балканизма - концепции, в рамках которой осмысление специфики Балкан предполагает использование бинарных оппозиций

«центр-периферия», «цивилизация- варварство». Рассматривается «внешний» и «внутренний» варианты балканизма.

Ключевые слова: балканизм, ориентализм, постколониальная теория, провинция

Annotation. The article considers the nature of the balkanizm concept, in which understanding of the specifics of the Balkans requires the use of binary oppositions "center and periphery", "Civilizations and barbarizm" We consider the existence "external" and "internal" version of balkanizm.

Key words: balkanizm, Orientalism, postcolonial theory, province

Энергетика демократических преобразований в Европе в конце 80-х годов рождала надежды, воплощенные в статье Ф.Фукуямы «Конец истории?» (1989), а затем в книге «Конец истории и последний человек» (1992). Исследователь формулирует тезис об универсальном признании, формула которого, по его мнению, найдена либеральной демократией [8, с.23]. Однако, формы этого признания, как оказалось, весьма разнообразны, и ментальные карты Европы разделены границами, которые разрушить сложнее, чем Берлинскую стену. Границы формируются столетиями и преодоление их – процесс более сложный, чем политические процедуры.

В формировании стереотипов активно участвуют поэты, писатели и художники. Конструкции и образы, созданные ими, легко транслируются и проявляют устойчивость. Вот один из примеров: не прошло и двадцати лет со дня признания великими державами Европы независимости Румынии как выходит в свет роман Брэма Стокера «Дракула», и это начинает влиять на восприятие региона - новая европейская держава представляется Европе родиной вампиров и драконов. Ровно через сто лет Дж.К.Роулинг в романе «Гарри Поттер и философский камень» подкрепляет данный стереотип, отправив семью одного из главных героев на рождество в Румынию, где брат героя проводит время с драконами.

Складывающиеся стереотипы отражаются в историографии, причем не менее отчетливо, нежели идеологические конструкции, а иногда связаны с ними. Историческое сочинение, несмотря на декларируемый объективизм, включает их и историософскую концепцию, содержанием которой может быть представление о роли и месте истории региона во Всемирной истории.

Предметом рассмотрения в рамках данной работы является проблема специфики и идентичности Балкан в концепции балканизма. Осмысление конструкций, предлагаемых в рамках данного направления, позволит на конкретном примере ознакомиться с проблематикой постколониалистики, и, одновременно, станет основой для выявления интерпретационной схемы, применимой к другим регионам и культурным пространствам. Одной из задач исследования является сопоставление балканизма и ориентализма.

В какой-то мере и балканизм и ориентализм и их критика на современном этапе развития историографии продолжают рассмотрение проблематики специфики цивилизаций, обоснованной Н.Я.Данилевским, К.Н.Леонтьевым, О. Шпенглером и А.Тойнби и в конце XX века реактуализированной С.Хангтингтоном. Однако, в контекст осмысления специфики цивилизаций вносятся оценки Балкан и Востока как периферийных культурных пространств, а культурное пространство Балкан оценивается как «недоевропейское».

Важный вклад в осмысление проблематики ментальных карт внес Э.Саид. В книге «Ориентализм» он исследует феномен ориентализма, который понимает как стиль мышления, основанный на онтологическом и эпистемологическом различении «Востока» и «Запада»[7, с.9]. Первые попытки этого различения предпринимались еще в античной культуре, для которой значима идея противостояния Запада и Востока, проявлением которого может, например, служить Троянская война. Однако, Э.Саид указывает на специфическую черту нового состояния этого различения – оно включает в себя «отношение силы, господства, различных степеней комплексной гегемонии» [7, с.13-14]. Это отношение характеризует не только и не столько сущность академического подхода к изучению Востока, подхода, включающего бинарную оппозицию «центр-периферия», где в роли Центра выступает Запад. С точки зрения Э.Саида, это «знак европейско-атлантической власти над Востоком» [7, с.14].

Критика ориентализма (в понимании этого термина Э.Саидом), стала значимым направлением в постколониальной теории, дискурса, занятого анализом наследия колониализма и путями его преодоления.

Но если ориентализм опирается на очень давнюю традицию изучения Востока как Другого, хотя и значимого для Запада, то изучение места Восточной Европы в ментальной карте Европы является сравнительно новом направлением постколониалистики.

Одним из наиболее резонансных трудов в этой области стало сочинение Ларри Вульфа «Изобретая Восточную Европу. Карта цивилизаций в сознании эпохи Просвещения». Если образ Востока как Другого важен для осмысления сущности Запада и, фактически, создания его, то формирование образа Восточной Европы, которая уже не Восток, но и не Запад, помогает созданию Западной Европы.

Механизм создания образа Восточной Европы стандартен, в основе его все та же бинарная оппозиция, противопоставление «цивилизации и варварства», «центра и провинции». Констатировав, что хотя «Железный занавес» ушел в прошлое, но тень по-прежнему лежит над Восточной Европой [2, с.34], Л.Вульф видит одну из причин этого в том, что раскол возник задолго до начала «холодной войны» и относится к XVIII веку, к эпохе Просвещения [2, с.35]. Роль России в этом процессе не может быть преувеличена, так как сама она входила в это пространство. В принципе, еще в XIX веке такая характеристика места России была озвучена Н.Я.Данилевским: «Итак, принадлежит ли Россия к Европе? Я уже ответил на этот вопрос. Как угодно, пожалуй – принадлежит, пожалуй – не принадлежит, пожалуй – принадлежит отчасти и притом на-сколько кому желательно» [3, с.74]. С точки зрения Л.Вульфа возникновение концепции Восточной Европы неразрывно связано с развитием «ориентализма» [2, с.38], но сам этот процесс можно характеризовать как «недо-ориентализацию», выделение одновременно Европы и не-Европы, чему способствовала неопределенность границы между Европой и Азией.

В еще большей степени неопределенность границ отличает регион, который может быть назван Юго-Восточной Европой, но также может быть назван Балканами.

Примером этой неопределенности является вопрос, например, принадлежности к нему Румынии. Вслед за А. Цирояни Д.Белич утверждает, что румынская идентичность всегда разрывалась между стремлением отделиться от Балкан (связано со стремлением отдалиться от Востока) и желанием здесь остаться [1, с.103].

С.Жижек, говоря о гибкости и неопределенности границ Балкан, указывает, что для консервативных британских противников Европейского Союза вся континентальная Европа выглядит как новая Балкано-турецкая империя с новым Стамбулом в Брюсселе [4, с.34]. Для словенского философа это является свидетельством воображаемости данного варианта смысловой географии.

Д.Белич считает, что Балканы выполняют функцию соотнесения идентичности просвещенной Европы со своей границей, на которую она проецирует свои страхи и скрытые желания [1, с.90]. С.Жижек говорит о том, что сами Балканы в глазах Европы стали неотступно преследующим ее призраком [4, с.33].

Впрочем, Балканы не единственный «Другой» Западной Европы. Стоит согласиться с И.Нойманном, что в формировании европейских идентичностей участвовали и до сих пор участвуют самые различные образы Другого. В качестве «Другого» выступали и этнические, и культурные меньшинства. В роли примеров внутреннего «Другого» могут выступить евреи, масоны, а в настоящее время иммигранты из бывших европейских колоний в Африке и на ближнем Востоке. В роли внешнего «Другого» долгое время главным был Турок [6, с.71].

Неслучайно, Д.Белич определяет *балканизм как организованную систему знания, родственную той, которую Э. Саид назвал ориентализмом*. Исследователь указывает на сходство балканизма и ориентализма и видит ее в том, что так же как и ориентализм, балканизм основывается на ряде иерархически организованных бинарных оппозиций (рациональное/иррациональное, центр/периферия, цивилизация/варварство), в которых первый знак (быть белым, или Европа) всегда главный по отношению ко второму (быть черным, или Балканы). На основании детального изучения историографии вопроса Д.Белич указывает на

различия между ориентализмом и балканизмом, выявленные балканскими авторами, в частности М.Тодоровой.

Прежде всего, отмечается, что балканизм не опирается на столь богатую академическую традицию, как ориентализм. Действительно, если практические задачи управления колониями достаточно способствовали заинтересованности Запада в изучении Востока, то ситуация с Балканами была иной. Поэтому балканизм часто представлен именно балканскими авторами. Именно это можно назвать «внутренним балканизмом». Возможность этого Д.Белич, вслед за К.Э.Флемингом видит в существовании балканского империализма и в присущей ему амбивалентности, когда балканские народы осознавали себя как колониальных подданных, и в то же время усваивали психологию колонизаторов [1, с.93]. Это, впрочем, нельзя считать уникальной спецификой Балкан. Таков вообще путь создания новых империй. Именно поэтому в средневековье все империи назывались Римскими, борец с феодальным монархизмом Наполеон Бонапарт стал императором, а борцы за демократию в странах Прибалтики, обретя независимость, приняли дискриминационные законы о гражданстве.

Представляется, что появление имперских амбиций вполне ожидаемая стадия развития национализма. Но если ведущие европейские нации удовлетворили амбиции, создавая колониальные империи, то рождающиеся восточноевропейские нации на заре своей вновь обретенной государственности попытались реализовать их в рамках своего региона, расширяя, по возможности, свою территорию. Это удавалось либо в ходе локальных войн, таких как Балканские, либо в ходе глобальных международных катаклизмов, таких как мировые войны.

А.Кьессев указывает на то, существуют культуры, идентичность которых с самого начала искажена и даже конституирована болью и стыдом, а в обобщенном виде – травмой своего глобального отсутствия. С его точки зрения, самоколонизированные культуры совершают подмену – они помещают чужую цивилизационную модель на структурное место, где раньше была отсутствующая Трансцендентность, Универсум. Они употребляют символы чужой цивилизации в качестве универсальных генеративных знаков собственной гипотезы бытия[5, с.120].Это имеет еще одно следствие: для таких культур не только Чужое является Универсальным, но и наоборот – Универсальное (в том числе универсальные ценности) навсегда остается чужим.

Согласно А.Кьессеву, для того чтобы заместить память о травме как причине рождения травмированные самоколонизированными культуры создают рационализированные толкования самих себя.

Первое из этих толкований – Рождение Нации как Возрождение, Воскресение. Новорожденное национальное общество конструирует собственную историю – оно изобретает себе Традицию, далекое историческое Прошлое, предназначенное для прикрытия момента травмы иллюзорной связью достойного и блистательного Прошлого и светлого Будущего [5, с.123]. Согласившись с автором в том, для тех культур, развитие которых связано с ощущением травмы, потребность в срочном создании образа Прошлого является настоятельной, необходимо отметить, что создание такого образа происходит всегда, когда рождается новый этнос. И даже если к этому моменту «в активе» есть блистательные победы, образ прошлого удлиняется за счет присваивание образа прошлого уважаемого «эталонного» представителя прошлого. И тогда гот Иордан видит предков в гетах, западноевропейские короли называются королями в честь самого блистательного франкского короля Карла Великого, Карл Великий, основывая империю называет ее Римской, римляне начинают свою историю с троянца Энея, позаимствовав сюжет у греков и т.д.

Второе рациональное толкование состоит в том, что эти общества создают две симметричные и вместе с тем одинаково конфликтные доктрины. Первая именуется вестернизацией или европеизацией; она показывает историческую протяженность времени как борьбу всех со всеми, в которой некоторые нации проиграли, но способны «наверстать» упущенное, приложив достаточные усилия в области образования, просвещения и импорта цивилизации. Вторая доктрина, согласно Кьессеву именуется шовинизмом. По мысли А.Кьессева, шовинизм ищет и часто находит, а еще чаще выдумывает – собственную национальную аутентичность, не испорченную чужеродными влияниями, а потом идеализирует ее в буколической манере. Эта доктрина рассматривает борьбу против всякой чужеродной

«экспансии» как моральное и национальное обязательство[5, с.23]. Самым тяжелым проявлением этой разновидности шовинизма являются случаи, когда в качестве чужеродной рассматривается близкая по происхождению и культура (так, например, трагичны проявления конфликтов между сербами и хорватами). В русской философской мысли, пережившей травмирующее воздействие писем П.Чаадаева существовала дихотомия подходов к пониманию отношения России к Западу, представленная славянофилами и западниками, но эти философские позиции не достигали отмеченных А.Кьессевым крайностей.

Третье рациональное объяснение связано с радикальной трансформацией важнейшей фундаментальной пропорции современного символического Порядка. Переворачиваются отношения между маркированным и немаркированным членами бинарных противопоставлений, образующих этот порядок и артикулирующих несимметричные отношения между «Нашим» и «Чужим». В «нормальном» обществе «Наше» выражает свою идеальную сущность через Присутствие, Добро, Красоту, Истину, Чистоту, Гармонию – в то время как «Чужое» ассоциируется с Отсутствием, Хаосом, Грязью, Ложью, Мерзостью. «Благодаря» своему происхождению травмированные группы переживают эту бинарность с ее темной стороны. [5, с.124].

Однако, в процессе дальнейшего развития травмированной группы, происходит попытка перевернуть противопоставление – нечистое сделать чистым, неналичие трансформировать в веру своего особенного предназначения [5, с.124]. Например, знаменитый лозунг афро-американского движения провозглашает: «Черное – самое прекрасное». Интересно, что энергетический потенциал инверсии, который использовался в народно-смеховой культуре средневековья (например, во время карнавала) в настоящее время активно эксплуатируется в разных сферах общественной жизни. Один из примеров, реактуализация сюжетов путем инверсии значения персонажей («Спящая красавица»-«Малефисента»).

А.Кьессев видит пример такой инверсии в тексте Паисия Хилендарского, написанном в 1762 г., который долгое время рассматривали как самый первый текст Болгарского Возрождения: «О бестолковый, о достойный сожаления дурак! Почему ты стыдишься называть себя болгарином? Разве у болгар не было когда-то собственного царства и собственного государства? Среди всех славянских народов именно болгары были самыми прославленными – они первые короновали своих царей, они первые добились своего православного патриарха, они первые приняли крещение и когда-то завоевали огромные территории».

А.Кьессев считает, что называя своих соотечественников достойными сожаления дураками, Паисий проговаривает одну из конститутивных травм своей нации. Его текст излучает не только патриотическую гордость и желание идентифицировать себя с болгарами – одновременно он выражает стыд, ненависть и желание обособиться, дистанцироваться от травмированной группы, к которой принадлежит по рождению [5, с.124-125].

В данном случае автор, скорее исходит из стереотипов современности, нежели из понимания риторических приемов Паисия Хилендарского. Вообще, применение категории «самоколонизированная культура» именно к болгарской культуре возможно лишь с большой долей оговорок. Носителями «самоколонизированной» культуры могут считаться только те болгары, которые отказались от осознания ценности собственной культуры, опирающейся на более чем тысячелетнюю традицию (если начинать ее историю только с Первого Болгарского царства). Впрочем, даже те, кто видит в «недоевропейскости» болгарской культуры травму и проблему располагает многими вариантами компенсации. Они могут обратиться к концепции Б. Димитрова, который в книге «Болгары - первые европейцы», переворачивает конструкцию «центр-периферия» и именно Болгарии отводит роль центра. Еще одним способом компенсации может стать расширение географии символического пространства болгар, посредством включения в него и тюркский мир, так как это отражено на картах, издаваемым фондом «Тангра ТанНакРа».

Идеологическая конструкция, создаваемая теми интеллектуалами, которые готовы основание своей культуры положить чужое культурное ядро очень неустойчива. Этническая картина мира как правило этноцентрична. Если «Мы» это «периферия» , а «центр» это «Европа», то для того, чтобы обрести устойчивость, необходимо по другую сторону от «Я» поместить «Антицентр» - «Другого», мешающего «Мы» соединиться с «Центром». На Балканах в роли

такого «Другого» в XIX веке была Османская империя, во второй половине XX века – Советский Союз. В том, что и сегодня Балканы не совсем Европа (если не считать что в результате второй волны пятого расширения в ЕС вошли Болгария и Румыния, а в ходе шестого- Хорватия), тоже можно найти вину «Другого».

Но балканизм не является только лишь балканским продуктом. «Внешний балканизм» также определяет месторасположение Балкан как периферию. Критики этой разновидности балканизма указывают на то, что либеральные демократии направляют вражду на периферии, и делают это не только для того, чтобы отвести от себя угрозу общественных кризисов, но и «для того, чтобы тем самым полюбить себя и свой рафинированный капитализм» в ходе процесса «самоприукрашивания ценой уродования другого» [1, с.96]

С.Жижек видит в отношении к Балканам различные формы расизма: откровенный, «отрефлексированный», перевернутый [3, с.34]. Согласно Жижеку, существует старомодный откровенный расизм в отношении (деспотичных, варварских, православных, мусульманских, коррумпированных, восточных…) Балкан, не приемлющих подлинные (западные, цивилизованные, демократические, христианские…). Но он может принять и форму политически корректного, «отрефлестированного» расизма. Расизм здесь приписывается другому (Балканам), носитель же расистских взглядов занимает позицию участливого наблюдателя. Ведь с точки зрения мультикультурализма, Балканы – это территория этнического ужаса и нетерпимости, примитивных, иррациональных, воинствующих страстей, несовместимых с современностью. Перевернутый расизм восхищается экзотической органичностью балканского, например, проявляющейся в фильмах Э.Кустурицы [3, с.34]. Этот радикальный взгляд является реакцией на радикальные проявления «внешнего балканизма»

Заслуживает внимание отсылка С.Жижека к произведениям искусства и интерпретации этих произведений на Западе. Действительно, исследуя образ Балкан авторы указывают на то, какую роль в его создании сыграли кухня, кино, музыка и литература[1, с. 101]. В этом нет ничего уникального. Культурные стереотипы устойчивы и обладают важным интегративным ресурсом. Музыка, литература и кино в наше десакрализованное время могут стать хорошей основой для подкрепления идентичности, актуализируемой, например, при прослушивании национальной музыки или «прочтения» предмета искусства, содержащего значимые символы. Стоит вспомнить сколько веков культурные стереотипы, искусство и язык позволяло эллинам ощущать единство, несмотря на отсутствие единого политического механизма.

В ряде случаев шедевры литературы и искусства имеют успех на Западе, как это происходит с фильмами Э.Кустурицы, музыкой Г.Бреговича и прозой М.Павича. Творчество их оценивается балканскими интеллектуалами по-разному, некоторые видят в нем закрепление стереотипов и так производимых Западом, некоторые – торговлю местным колоритом. Но в большей степени их творчество может быть примером редкой пограничной ситуации, когда автор одинаково полно принадлежит и миру традиции и миру искусства-цивилизации. Кроме того, это способ диалога с Западом на равных, в рамках общей знаковой системы (например, языка кино), но используемой для того чтобы выразить нечто свое. Сопричастность традиции является очень сильным преимуществом. В настоящее время не в силах опереться на утратившую актуальность собственную мифологию, Запад вынужден создавать ее искусственно, например, в форме фэнтези.

Однако и балканизм во многом использует символический язык и метафору[1, с. 102]

Если Балканы это метафора, то важнейшей метафорой Балкан является образ вампира, образ Дракулы, созданный Б.Стокером. Вслед за К.Раветто, Д.Белич указывает на то, что тот образ порожден западной наукой о балканском насилии и западной же наукой о западном спокойствии и благополучии [1, с.98]. Как уже отмечалось, преодолеть негативизм этого стереотипа можно разными способами, в том числе, поменяв полярность. Однако, в настоящее время, когда дети вырастают на мультфильмах про корпорацию монстров и восхищаются героями «Сумерек», такой стереотип уже не является проблемой.

Формой реакции на противопоставление цивилизации провинции стала попытка создания философии провинции. Пример такого рода Д.Белич видит в книге Р.Константиновича Filosofia palanke, но подобными мотивами проникнуты литература и искусство Балкан. Однако, философия провинции не способна создать структурированное культурное пространство. Если же свое

собственное такое пространство не будет создано, то его поглотят соседние культурные миры. Однако, попытки создания такого рода философии – свидетельство социокультурных трансформаций. Важно отметить, что изменение роли провинции, периферии, является значимой чертой постмодернизма. Этой тенденции не избежал и Запад. Одним из примеров проявления ее в искусстве является эстетическая сакрализация периферии, низа, дна – Лондонской подземки - в романе «Никогде» («Neverwhere») Н.Геймана.

Примеры такого рода не просто литературная безделица. В разрушении порядка символические действия значат больше, нежели физические. Не падение Рима в 410, не его разрушение вандалами в 455 являются знаком конца античности, а то, что в 476 году военачальник Одоакр отослал в Константинополь знаки императорского достоинства последнего римского императора Ромула Августула. В хаосе разрушений, разрыва экономических связей, снижения значения городов и упадка материальной культуры, преодолевая деление на цивилизованных римлян и нецивилизованных варваров, рождалась Европа.

Новое деление на цивилизацию и периферию, характерное для современной Европы, формулирующей его в концепциях балканизма и ориентализма, преодолевается посредством их критики, посредством создания произведений искусства, выражающих специфику Балкан не с точки зрения созданных Западной Европой стереотипов, а исходя из собственных представлений о своей самости. Отражением размывания границ, преодоления Порядка и умножения Центров является философия постмодернизма.

В конечном счете, можно сделать следующие выводы: балканизм в исследуемом в работе значении представляет собой систему организованного знания, которое основывается на ряде иерархически организованных бинарных оппозиций (рациональное/иррациональное, центр/периферия, цивилизация/варварство), в которых первый знак (быть белым, или Европа) всегда главный по отношению ко второму (быть черным, или Балканы). Концепция балканизма развивается и самими балканскими авторами и западноевропейскими исследователями. Для западноевропейских последователей балканизма Балканы либо «Другой», значимый для осмысления собственной сущности и предназначения, либо периферия, позволяющая конституироваться в качестве центра-метрополии.

Библиография

1. Белич Д. Балканы как метафора. В: Перекрестки , 2004, № 1-2, с.88-108
2. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое обозрение, 2003, 560 с.
3. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Москва: Институт русской цивилизации, Благословение, 2011, 816 с.
4. Жижек С. Хрупкий абсолют, или почему стоит бороться за христианское наследие. Москва: «Художественный журнал», 2003, 178 с.
5. Кьессев А. Самоколонизированные культуры. В Перекрестки, 2005, №3-4
6. Нойманн И.Б. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. Москва: Новое издательство, 2004, 336 с.
7. Саид Э. Ориентализм. Москва: «Русский мир», 2006, 639 с.
8. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. Москва: АСТ.Ермак, 2004, 588 с.

УДК 94(477)+008 : 323.1 «1990/2013»

ТРАНСГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРЫ ЭТНОМЕНЬШИНСТВ УКРАИНЫ: ТЕНДЕНЦИИ (1990 – 2000-Х ГОДОВ)

Пекарчук В. М.
кандидат исторических наук, доцент,
Днепропетровский государственный университет внутренних дел, Украина
vladimirpkrk@rambler.ru

Annotation. In the article on the basis of archival, statistical and analytical works of previous scientists the influence of trans border cooperation in the development of ethnic minority cultures is considered as well as the intensification of ethnic identification, harmonization of interethnic relations.

Key words: ethnic minorities, state, cultural ties, revival, contract, foreign policy, culture, neighborliness.

Основной сферой внешнеполитической деятельности Украины после провозглашения Декларации о государственном суверенитете стало развитие трансграничного сотрудничества с государствами Центральной и Восточной Европы, а особенно с государствами-соседями, что обусловлено геополитическими факторами, историческими традициями и опытом политических, экономических и культурных связей.

Трансграничное сотрудничество выступало одним из эффективных инструментов решения этнических проблем. Сотрудничество в рамках Еврорегиона «Нижний Дунай», в который, кроме Одесской области, вошли соседние поветы Румынии и Молдовы, стало опытом совместной деятельности в проведении Интерэтничных форумов, первый из которых состоялся в 1999 г. в г. Галаце (Румыния).

В ноябре 1996 г. правительства Украины и Греческой республики заключили Соглашение о сотрудничестве в области культуры, образования и науки. Ст.4 Соглашения предусматривала, что сотрудничество будет развиваться путем: инициативной презентации произведений искусства и литературы каждой из стран, включая переводы литературных произведений, обмен книгами, а также публикациями в области культуры; обмена выставками искусства, проведения недель кинофильмов и других культурных мероприятий; участия в международных конференциях, соревнованиях, фестивалях, встречах; развития связей между союзами художников и писателей, а также обмена опытом и специалистами в области культуры и художественного образования и обмена отдельными писателями и художниками; обмена информацией, опытом и визитами специалистов в области охраны памятников культуры; обмена театральными, музыкальными, художественными, фольклорными коллективами; развития связи в области кино [1]. Украинско-греческие отношения в целом способствовали активизации культурной жизни греков Украины. В 1992 г. Греция признала Украину как независимое государство, и были установлены дипломатические отношения.

Культурное сотрудничество всегда служило также механизмом достижения политического согласия и налаживания плодотворных контактов в других сферах жизнедеятельности народов. В целом в межгосударственных отношениях Украины и соседних стран не было таких противоречий, которые бы мешали всестороннему развитию сотрудничества, однако некоторые факты свидетельствовали о необходимости пристального внимания к культурным запросам других народов. В частности, в украинско-польских отношениях продолжают тлеть проблемы определения конфессиональной принадлежности культовых сооружений, упорядочение захоронений, обмена культурными ценностями. В украинско-румынских отношениях одним из актуальных вопросов оставалось удовлетворение прав румынского меньшинства в Украине и украинского – в Румынии, представители венгерского и румынского меньшинств в Украине выражали заинтересованность в пересмотре языковой политики в области образования и т.д. Поэтому правильным могло быть утверждение, что если не сделаны определенные жесты, не сказаны определенные слова, не выполнены ритуалы – то есть, не выполнена работа художников, ученых, а затем и политиков, отношения между народами, как правило, не могли стать нормальными [2].

Развитию двусторонних, партнерских международных контактов способствовало также сотрудничество министерств и ведомств, которые занимались развитием культуры и искусства. Такие формы сотрудничества Украины развивались с Польшей, Словакией, Молдовой, Румынией. Они регламентировались, как правило, Протоколами о сотрудничестве, которые заключались во исполнение договоренностей, достигнутых в ходе рабочих встреч министров. Заключенный в 2009 г. такой документ между Министерством культуры и туризма Украины и Министром культуры и национального наследия Республики Польша очертил широкий круг

мероприятий, которые должны реализовываться в течение 2009 – 2012 гг. и направляться на активизацию сотрудничества между странами в сфере культуры. Предусматривалось осуществление ряда культурных обменов, участие художников и художественных коллективов в фестивалях и конкурсах, межбиблиотечный обмен, расширение сотрудничества по вопросам культурного наследия и культурных потребностей украинского этнического меньшинства в Польше и польского меньшинства в Украине. Ведомства обеих стран брали на себя обязательства способствовать проведению культурных мероприятий с учетом особенностей территорий компактного проживания украинцев в Польше и поляков в Украине, налаживание непосредственных творческих контактов между драматическими и кукольными театрами. Ст.9 Протокола предусматривала двустороннее содействие реализации проектов в сфере народной культуры и искусства (проведение выставок, мастер-классов народных мастеров, международных фольклорных фестивалей) [3].

Основой для развития трансграничного сотрудничества в области культуры стала политико-правовая база. Важным источником правовых норм, подлежащих применению, были и заключенные и ратифицированные Украиной двусторонние международные договора о дружественных отношениях и сотрудничестве со многими странами мира. В таких международных договорах Украины, в частности с Венгерской Республикой, Болгарией, Румынией, Эстонской Республикой, Словацкой Республикой, Республикой Беларусь, Республикой Грузия, Республикой Молдова, Чешской Республикой, Российской Федерацией содержатся положения по защите прав национальных меньшинств. А соглашение между Украиной и Федеративной Республикой Германией о сотрудничестве в делах лиц немецкого происхождения, проживавших в Украине, наряду с защитой немецкого этнического меньшинства в Украине предусматривало также мероприятия, направленные на реабилитацию лиц немецкого происхождения, подвергшихся политическим репрессиям.

Давняя творческая дружба связывала как органы местного самоуправления, так и учреждения культуры и искусства, художественные коллективы Закарпатской области с регионами Венгрии. Обмены художественными коллективами и опытом работы, выставками произведений изобразительного и декоративно-прикладного искусства, группами работников отрасли традиционно осуществлялись на протяжении многих лет на межобластных, межрайонных, городских и даже сельских уровнях, а также между отдельными художественными коллективами и учреждениями культуры. Ежегодно подписывался Договор о творческом содружестве между управлением культуры Закарпатской облгосадминистрации и государственным самоуправлением украинцев Венгрии, обществом украинской культуры Венгрии на 2010 год. В соответствии с Договором предусматривалось в течение года осуществлять обмен художниками и творческими коллективами, организовывать выставки работ художников и мастеров народного декоративно-прикладного искусства и т.д. Согласно соглашениям о творческом сотрудничестве Закарпатский областной венгерский драматический театр (г. Берегово) ежегодно осуществлял показ спектаклей в Венгерской Республике. Например, в 2010 г. было совершено более двадцати выступлений. Театр показал спектакли в городах Дебрецен, Соб, Будапешт, Балмазуйварош, Ясберень и других [4].

В течение исследуемых лет сотрудничество греческих общин Украины с исторической родиной осуществлялось на нескольких уровнях: личные контакты (как важная часть так называемой «народной дипломатии»); посредничество и участие в связях украинских и греческих городов и регионов; сотрудничество Федерации греческих обществ и отдельных национальных организаций с греческими государственными и общественными институтами [5].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в Украине на протяжении исследуемого периода была сформирована многоаспектная договорная основа для развития трансграничного сотрудничества в сфере развития культуры этноменьшинст Украины. Двусторонние культурные отношения в целом способствовали активизации культурной жизни большинства этносов Украины.

Библиография

1. Греки на українських теренах: Нариси з етнічної історії. Документи, матеріали, карти. Київ:Либідь, 2000, С. 321-322.
2. Щербенко Е. Співробітництво України з державами Центральної та Східної Європи у вирішенні культурних проблем. – Наукові записки. Збірник. – Київ: Інститут політичних і етнонаціональних досліджень НАН України. – 2000. Серія «Політологія і етнологія». Вип. 11, С. 232.
3. Текущий архив министерства культуры Украины. Листування № 10 (1616–1701), 2009, Д. 3. Л. 2.
4. Глеба Ю. Про дружні творчі зв'язки Закарпаття з Угорською Республікою. Режим доступу: www.centerkultur.com.archives.
5. Пахоменко С.П. Грецька діаспора України в контексті українсько-грецького культурного діалогу. –Режим доступу: www.istfak.org.ua

УДК 130.2:165.12

ОБРАЗОВАНИЕ В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРЫ

Рокачук В. Н.
Кандидат философских наук, доцент кафедры философских дисциплин,
Каменец-Подольский национальный университет имени Ивана Огиенко, Украина
Рокачук В.В.
кандидат искусствоведения, доцент исследователь,
Институт Культурного Наследия АНМ
victoriarocaciuc@mail.ru

Аннотация. В работе делается попытка, применяя принцип историзма, рассмотреть проблемы образования и воспитания, их роль в системе культуры с древних времен и до наших дней. Особенно ярко эти проблемы проявились на стыке эпох, конец XX – начало XXI века, когда после распада Советского Союза, в новых государствах, ступивших на путь независимого развития, эти проблемы обострились. Возникла проблема создания своих, национальных программ воспитания, образования и развития национальной культуры.

Ключевые слова: воспитание, образование, культура, искусство, мораль, общество.

Annotation. The author tries to investigate the problems of education and upbringing, their role in the system of culture from ancient times to our days on the basis of the principle of historicism. These problems became particularly acute at the crossroads of epochs, at the end of XX – beginning of XXI century, after the collapse of the Soviet Union. There is a problem creating national programmes of education, training and development of national culture on the of the principle of historicism, to consider problems of education, their role in system of cultures from ancient times modernity

Keywords: up*bringing*, education, culture, art, morals, society.

Впервые культура становится предметом философского изучения в рамках философии Просвещения. Она выражает здесь степень развитости разумного начала, опредмечиваясь в ходе истории в религии, морали, праве, искусстве, науке, философии [6, с.148-171]. При этом многообразие форм культуры располагалось в определенной исторической последовательности [4, с. 527-528].Представители"философии жизни"сформировали идею об исторической самобытности и локальности культур, отказались от представлений о единой линии культурного развития человеческого рода, оппозиция «природа - культура» сменилась на оппозицию «цивилизация - культура» (О. Шпенглер).

С точки зрения аксиологического подхода культура - это система ценностей, сложная иерархия идеалов и смыслов, значимая для конкретного общественного организма. Сторонники этого подхода обращают особое внимание на творческий и личностный аспекты культуры,

рассматривая ее как меру гуманизации общества и человека. С точки зрения деятельностного подхода культура –специфический способ человеческой жизнедеятельности. Как способ регуляции, сохранения и развития общества культура включает в себя не только духовную, но и предметную деятельность. Акцентируется не столько культура личности, сколько культура всего общества. Близкой к деятельностному подходу является семиотическая интерпретация культуры **Ю.М. Лотмана.** Культура рассматривается им как система информационных кодов, закрепляющая жизненный социальный опыт, а также средства его фиксации.

Культура как сложноорганизованный и развивающийся набор таких семиотических систем, транслирует программы поведения, общения и деятельности.

Культура как система разнообразных традиций, образцов поведения, норм и результатов деятельности, постоянное воспроизведение которых делает человека человеком, обладающим языком, сознанием, искусством, современной индустрией, наукой, представляет абсолютную ценность, задающую главные ориентиры всем сферам человеческой деятельности. Культура передается от поколения к поколению и является формой социального наследования, сохраняющей для будущего наш социальный опыт. Основным для философии культуры является вопрос о существовании культурных универсалий, задающих целостный обобщенный образ человеческого мира [5. 249-279].

Образование – это процесс формирования и непрерывного развития личностных и личностно-профессиональных качеств человека. Образование является результатом процессов обучения и воспитания, т.е. педагогики.

Образовательная деятельность связана с освоением и использованием выработанных в историческом развитии социокультурных способов изменения и преобразования действительности, зафиксированных в определенных установках, нормах, программах, которые задают некоторую концепцию этой деятельности. Отсюда, важнейшей функцией образовательно йдеятельности становится функция социального наследования через процессы воспитания и обучения. Следовательно, образование человека – это результат его социального воспроизводства [5, с. 217-234].

Социальная функция образования состоит в формировании социальных отношений между социальными группами и отдельными людьми. Социальную функцию образования можно рассматривать в широком аспекте: мировом, общечеловеческом и более узком, например, в рамках той или иной социальной общности. При помощи образования реализуются элементы социализации общечеловеческого характера, формируются и развиваются человеческая культура и цивилизация, что проявляется в функционировании различных социальных общностей и социальных институтов.

Духовно-мировоззренческая функция образования выступает в процессе социализации как инструмент формирования мировоззрения индивида, в основе которого всегда лежат определенные убеждения. Убеждения формируют социальные потребности и интересы, которые, в свою очередь, сами оказывают решающее влияние на убеждения, мотивацию, установки и поведение личности. Являясь сущностью самовыражения личности, убеждения и социальные потребности определяют ее ценностные ориентации.

Образование – это способ вхождения человека в мир науки и культуры. Необходимо учитывать, что образование всегда функционирует в рамках определенной культуры, оно вписано в ту или иную систему культуры. Феномены культуры искусственны, ибо они созданы из природного материала человеческими индивидами для удовлетворения их духовных потребностей. К таким феноменам культуры относится и образование, которое занимает определенное место в системе культуры, причем его роль зависит от ценностей и идеалов конкретной культуры.

В процессе образования человек осваивает духовные ценности. Культура выступает предпосылкой и результатом образования человека. Овладевая культурой, он не только адаптируется к условиям постоянно изменяющегося социума, но и становится способным к активной деятельности, позволяющей выходить за пределы заданного, развивать собственную субъектность и приумножать потенциал мировой цивилизации.

Образование является необходимым и важным фактором развития, как экономики, политики, культуры, так и всего общества. Результатом получения образования является интегрирование полученного объема знаний, навыков и умений с личностными качествами индивидов и способность самостоятельно использовать свои знания.

Культура и образование выступают в качестве одного из ведущих факторов общественного процесса и развития цивилизации. Осознание взаимосвязи образования и культуры, необходимости культурного императива в определении содержания образования дает основание говорить о культурологическом смысле содержания образования, главная задача которого развивать способности личности во всех сферах ее деятельности через приближение к достижениям мировой и отечественной культуры, через овладение знаний о природе, обществе и человеке.

Образование–это фундамент культуры не только с точки зрения институциональной, но и личностной. Ведь получение образования есть не что иное, как пробуждение и реализация потребностей в созидании, потреблении и распространении ценностей культуры.

На протяжении тысячелетий мыслители и педагоги оперируют понятием «воспитание» и рассматривают его с разных ракурсов, как общественное и педагогическое явление. Если подходить к воспитанию с точки зрения общественной обусловленности, то воспитание представляет собой сложный и противоречивый социально-исторический процесс передачи новым поколениям общественно-исторического опыта, осуществляемый всеми социальными институтами: общественными организациями, средствами массовой информации и культуры, церковью, семьею, образовательными учреждениями разного уровня и направленности. Еще Аристотель указал на то, что «для каждой формы государственного строя соответственное воспитание - предмет первой необходимости»[4, с. 57-60]. Дидро, Гельвеций, Монтескье показали, что монархия, деспотическое государство и республика создают при помощи законов разные типы воспитания, при этом худшей является воспитательная система деспотического государства, а лучшей–республика. Просвещение народа всегда прямо пропорционально его свободе, ибо воспитание целиком зависит от общества: ни одна «реформа воспитания не может произойти без реформы в области законов»[4, с.224] – отмечал Гельвеций.

В философском энциклопедическом словаре воспитание рассматривается, как «воздействие общества на человека»[4]. В узком смысле слова воспитание есть планомерное воздействие родителей и школы на воспитанника, т.е. на незрелого человека, к сущности которого принадлежат потребность и способность к дополнению. При толковании термина «воспитание», с точки зрения философской, оно имеет широкую сферу применения «распространяется на тело, душу и дух и ставит задачей образование из развертывающихся задатков и развивающихся способностей гармонического целого»[4.].

В широком и узком значениях слова толкуется термин «воспитание» в другом известном словаре понятий и терминов по образованию и педагогике под редакцией В.М. Полонского. Обратимся к сущностной характеристике понятия «воспитание»:

Воспитание в широком смысле– система специально организованной передачи из поколения в поколение социального опыта и принципов социального формирования человека.

Воспитание в узком смысле–целенаправленная деятельность по формированию у детей нравственно-волевых качеств личности, взглядов, убеждений, нравственных представлений, определенных привычек и правил поведения. Идентичное определение дается в словаре под редакцией С.М. Вишняковой, воспитание в узком значении слова –это педагогическая деятельность педагогических работников, направленная на формирование качеств, определяющих нравственно-этическую позицию человека, его социальное поведение (гражданственность, ответственность, чувство долга) формирование черт характера таких как сила воли, целеустремленность, готовность к преодолению трудностей.

Несколько иное толкование понятия «воспитание» в широком и узком значениях слова дает В.В. Краевский. «Воспитание в широком социальном смысле, – понимается ученым, – когда речь идет о воздействии на человека всей окружающей действительности, в широком педагогическом смысле, когда имеются в виду целенаправленная деятельность, охватывающая весь учебно-воспитательный процесс».

В узком педагогическом смысле, под воспитанием понимается специальная воспитательная работа, в еще более узком значении, когда имеется в виду решение определенной задачи, связанной, например, с формированием нравственных качеств (нравственное воспитание), эстетических представлений и вкусов (эстетическое воспитание). В этомслучаетерминобозначаетнекийучастокприложениявоспитательныхусилий.

Изучение воспитания как системы позволяет определять структуру, функциональное наполнение, содержание взаимодействующих элементов, выявление механизмов поддержания целостности воспитания во времени. Об этом говорится в монографии "Изобразительное искусство Республики Молдова в социокультурном контексте 1940-2000-х годов", где неоднократно подчеркнуто небрежное отношение определенных "культурологических служб" к сохранению, пропаганде культурного наследия многих выдающихся художников, деятелей искусств Молдовы.

Научное исследование изобразительного искусства Республики Молдова в социокультурном контексте 1940-2000-х годов позволяет детально проанализировать творческий процесс, аспекты и факторы, повлиявшие на него. Это сложный и противоречивый период, содержащий ценные достижения в художественной и учебно-воспитательной сферах. В процессе изучения архивных протоколов и других документальных источников, посвящённых выставочной деятельности, были выявлены основные тенденции развития изобразительного искусства характерные для каждого десятилетия исследуемого периода. Вследствие этого, следует отметить эстетические категории, которые послужили критериями анализа произведений молдавских художников в советский период. К ним относились: прекрасное и безобразное, лирическое, эпическое, драматическое, пафос, национальное, универсальное, многонациональное, интернациональное, художественная правда, типическое и др. Определяющим элементом являлась партийность, которая также включала в себя все данные категории и служила установлению и утверждению социалистического реализма в творческой среде Молдавской ССР. К упомянутым критериям был добавлен ещё один свойственный этому периоду – критерий завершённости. После окончания советского периода в молдавской художественной эстетике появится категория коммерческого.

Другим важным аспектом, повлиявшим на развитие молдавской советской эстетики, послужила тематика произведений, предложенная Министерством культуры СССР. В процессе анализа данной проблемы, были выделены две группы или два способа структурирования тематики произведений исследуемого периода:

Тематика общего характера или унитарная для всех республик бывшего СССР и частного или конкретного характера, которая была отражена в тематических планах выставок или обусловлена названием соответствующих выставок.

Исследование и систематизация фактологических данных о художественной жизни Молдовы охватило, в особенности, проблематику, связанную с творческими процессами: структуру, специфику выставочной деятельности и её эволюцию в социокультурном контексте. Структурирование экспозиций по категориям, типами формам помогло отразить объективное положение в изобразительном искусстве на протяжении исследуемого периода. В заключение была предложена модель их структуры. Таким образом, автору удалось наглядно проследить прямую взаимосвязь между выставочными, политическими и социокультурными процессами. Многие из прекрасных произведений имеющих огромный воспитательный характер небыли востребованы, не включались в учебно-воспитательные программы [7]. Аналогичная ситуация была во многих бывших советских республиках, в большинстве культурных и образовательных сфер. Как следствие этих процессов, на данном этапе происходит не совсем органичное восприятие новых изменений в данной области.

Таким образом, в настоящее время существует настоятельная необходимость в разработке теоретических и методологических основ проблем воспитания и образования, исследования содержания и сущности как воспитательной, так и образовательной системы, механизмов ее проявления и функционирования. Разработка проблем теории и методики воспитания и образования требует нахождения новых способов и приемов исследовательской деятельности, глубокого анализа и опыта выявления и осмысления новых направлений повышения

эффективности воспитательной и образовательной работы с будущими высокообразованными, воспитанными специалистами и гражданами сильного в экономическом, социальном, политическом, культурном, развитом обществе. Эти проблемы требуют определенных изменений в подходах правительств многих государств к системе образования и культуры, что привело бы общество к гуманизации, снижению негативных явлений, наркомании, алкоголизма, преступности, особенно среди молодежи.

Библиография

1. Гегель Г.В.Ф. Философия духа. В:Энциклопедия философских наук: в 3-х тт. Т.3. М., 1977, с.251-252.
2. Ильенков Э.В. Диалектика идеального .В: Философия и культура. М., 1991, С.229-269.
3. Лифшиц М.А. Об идеальноми реальном. «Вопросы философии» 1984, №10, с.С.130.
4. Новейший философскийсловарь: 3-е изд., исправл. Мн.: Книжный Дом. 2003, 1280 с. (Мир энциклопедий).
5. Рокачук В.Н. Философия. Кишинэу, 2001, 320 с.
6. Рокачук В.Н. История развития философской мысли с древнейших времен и до наших дней в кратком изложении. Кишинэу, 2001, 400 с.
7. ROCACIUC, V. Arteleplastice din Republica Moldova încontextul sociocultural al anilor 1940-2000. Chişinău, Ed. Atelier, Bons Offices SRL, 2011, 276 p.

УДК 37.013.73:355.233

ДУХОВНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОДНОГО КРАЯ В ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ МОЛОДЕЖИ И ФОРМИРОВАНИИ ГУМАНИСТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

Финин Г.И.
канд. филос. н., доцент, заведующий кафедрой социально-экономических дисциплин
Коммунальное учреждение «Харьковская гуманитарно-педагогическая академия» Харьковского областного совета, Украина.
fingeorgiy@mail.ru

Annotation. Spiritual and cultural heritage of his native land in the patriotic education of youth and the formation of humanistic values.The article contains the directions of regional activity and also the main directions of popularization of historical literature which is aimed to help in patriotic education; historical and regional ethnography forms activity in educational establishments; peculiarities of historical ethnography education in the system of the professional teachers preparation.

***Key words*:** citizenship education; patriotism, patriotic education, study of local lore, historical and regional activity

Время обучения в школах, вузах - самая благоприятная пора для воспитания священного чувства любви к Родине. Сегодня мы живём в сложное время, когда национальная самобытность отходит на задний план, когда рушатся духовно-нравственные устои и ценности, которыми столетия жил наш народ. Поэтому сложно переоценить предпринимаемые попытки воспитания в подрастающем поколении таких человеческих качеств, как: самоотверженность, честность, совесть, милосердие, доброта, доблесть, героизм, патриотизм, верность и любовь к Родине и других гуманистических ценностей, которые не подлежат пересмотру. История родного края – это неисчерпаемый источник примеров любви и святости, самоотверженности и верности, доблести и героизма.

Вобрав в себя огромный потенциал исторической науки, краеведение изучает историю отдельных регионов с учетом их локальных различий. Значение краеведения не ограничивается

его местом в исторической науке. Одновременно оно является формой привлечения широких кругов общественности к познанию истории родного края как составной части многовековой истории Отечества, проявлением творческой активности масс в поиске, сохранении и приумножении историко-культурного наследия своего народа. Историческое краеведение существует в двух формах – государственной и общественной, находящихся в тесной связи, взаимодополняют и обогащают друг друга. К первой относится деятельность институтов гуманитарного профиля, исследователей высших учебных заведений и общеобразовательных школ, сотрудников государственных архивов, библиотек, музеев и других культурно-образовательных учреждений. Ко второй – широкое движение краеведческой общественности, что объединяется вокруг общегосударственного союза краеведов, общества охраны памятников истории и культуры, историко-краеведческих музеев, действующих на общественных началах, в учебных и культурно-образовательных заведениях.

Каждое поколение вносит свои коррективы в понимание исторического процесса, делает переоценку событий, ролей отдельных фигур. На смену противостоянию с западным миром, длительному периоду запреты и возражения культурных достижений других народов, XXI века, ставит перед нами требование признать приоритеты общечеловеческих ценностей и сохранение культурного наследия каждого народа. Только цивилизованный подход к собственным достопримечательностям независимо от изменений в политических оценках того или иного периода, сохранение памятных символов других народов – важные факторы исторического познания. А еще – формирование национального самосознания, исторической памяти и гуманитарной политики государства.

В настоящее время развития государства и его стремление занять достойное место в европейском сообществе определяющими являются не только экономические реформы. Вне поля зрения государственных институтов не может остаться и гуманитарная политика. Ведь в ней не последнее место посягает охрана культурного наследия, сохранение национального достояния, восстановление исторической памяти о значительных событиях и выдающихся личностях. Весь комплекс проблем, связанный с дальнейшим развитием научных и общественных форм исследования и пропаганды края, должен предусматривать перспективную программу развития краеведения в государстве.

Сегодня, в условиях духовного возрождения народа, когда государственный атеизм уходит в небытие, необходимо глубоко и всесторонне проанализировать историю церкви, сделать созданные ею непреходящие ценности достоянием национальной культуры. В разработке региональных аспектов истории церкви, в контексте этой большой и многогранной работы вполне своевременной была бы подготовка и публикация фундаментальных трудов по истории монастырей и соборов, которые в течение последних семи десятилетий изображались только как питомники мракобесия. Между тем монастыри на протяжении многих веков были такими своеобразными островками, которые щедро рассеивали среди простого народа зерна образования и культуры, показывали образцы настоящей благотворительности, внушали духовную силу в обиженных и знедоволених. Именно монастыри сохранили для нас списки, которые позволяют осознать свое, присущее только нам место в истории мировой цивилизации. Также требуют своего дальнейшего исследования монастырские библиотеки, которые были центрами хранения и распространения знаний.

Отдельным вопросом формирования достойного гражданина проблема патриотического и военно-патриотического воспитания, которое является актуальным на современном этапе развития общества, государства и вооруженных сил. Их актуальность обусловлена тем, что в сознании населения, в том числе военнослужащих, к сожалению, получили распространение эгоизм, индивидуализм, цинизм, немотивированная агрессивность, равнодушие отдельных граждан к общественным проблемам, неуважительное отношение к государству и социальным институтам. Причины этих тревожных явлений непосредственно связаны с духовным кризисом в нашем обществе, определенным мировоззренческим "вакуумом", неэффективным государственным, гражданским и патриотическим воспитанием молодежи. Они в значительной степени вызваны неопределенностью таких базовых понятий гуманитарной науки, как "идеал воспитания", "национальные ценности" и др.

Проблема дальнейшего совершенствования военно-патриотического воспитания является чрезвычайно актуальной. Это предъявляет повышенные требования к духовной сфере граждан, их сознания, самосознания, мотивации и жизненных установок. Решить эти проблемы невозможно без совершенствования военно-патриотического воспитания. Как свидетельствует анализ современного состояния патриотического воспитания и военно-патриотического воспитания, единая система формирования у граждан патриотизма, в стадии формирования.

Краеведческая работа является действенным средством гражданского, патриотического и военно-патриотического воспитания. Изучение истории родного края формирует любовь к малой Родине, чувство принадлежности к героическому прошлому. Важными формами патриотического и военно-патриотического воспитания является привлечение молодежи к различным формам поисковой деятельности, в том числе участие в этнографических, археологических экспедициях, изучение событий второй мировой войны, истории родного города, поселка. Такие формы позволяют заинтересовать молодежь и способствовать формированию чувства достоинства и патриотизма.

Место для развития краеведческой работы предстоит педагогическим работникам, которые являются главными носителями знаний по истории родного края. Поэтому качественная краеведческая подготовка будущих педагогов является очень важной задачей педагогических учебных заведений. Но в процессе изучения научно-теоретических источников и практического опыта краеведческой подготовки будущих учителей иногда оказываются противоречия, в частности, между: целью краеведческого образования учителя и совокупностью способов ее реализации в педагогических учебных заведениях; недостаточным и здеформированым в прошлом компонентом краеведческой подготовки учителя и необходимостью его использования, как фактора формирования национальных и общечеловеческих ценностей; актуализацией тенденций формирования общеобразовательного пространства и недостаточностью культуро емкостного содержания образования, фрагментарностью содержания региональной образовательно-культурологической подготовки педагогов; изменениями требований к потребностям краеведческо-туристической деятельности учителя и уровнем их отражения в содержании и технологиях краеведческого образования учителя; существующими методами, средствами, формами краеведческой подготовки студентов и задачами личностно-профессионального восприятия учебной информации; внедрение эффективных технологий с целью перестройки учебно-воспитательного процесса и неподготовленностью преподавателей к их использованию; увеличение объема необходимой учебной информации из образовательного краеведения и малоэффективной оперативностью в поиске соответствующих форм ее структурирования и технологической реализации; тенденцией накопления узко специализированных научных разработок в аналитическом аспекте и необходимостью дополнения эмпирико-аналитической плоскости исследований ее теоретико-системным обоснованием.

Анализируя ряд научных источников можно сделать выводы, что основными направлениями краеведческой работы по патриотическому воспитанию являются:

– формирование национального сознания;

– культивирование лучших черт народной ментальности - трудолюбия, хранения истории и культуры страны;

– воспитание бережного отношения к национальному богатству страны: языка, культуры, забота о подъеме ее престижа;

– почитание семейных, религиозных, общественных обычаев, традиций, обрядов и истории своего народа, осознание своей принадлежности к нему как его представителя и наследника;

– уважение к памяти предков, к родителям, членам семьи;

– формирование готовности к творческому труду на благо людей, героического подвига во имя процветания государства;

– формирование объективных представлений об истории развития общества, его прошлое и современность;

– воспитание общественно-патриотического долга перед семьей, народом, страной, обществом;

– выработка этики межнациональных отношений, гуманности, толерантного отношения к культуре других людей.

Значительная роль в раскрытии духовного и культурного наследия Родного края принадлежит таким практическим занятиям как: - творческие мастерские и мастер-классы, помогающие приобщиться к традициям Родного края;- интерактивные походы по местам воинской славы Родного края; - встречи с ветеранами; - литературно-музыкальные композиции на исторические темы; - народные и религиозные праздники; - экскурсии по святым местам, местам, составляющим духовное, культурное и историческое наследие Родного края. Процесс формирования личности молодого человека должен осуществляться через общечеловеческие, патриотические, духовно-нравственные, культурные ценности, имеющие историческое и национальное значение.

Исходя из вышеуказанного, целостное осмысление краеведческой образования и отдельных специализированных направлений краеведческой подготовки педагогов в условиях реформирования высшего педагогического образования представляется крайне назревшим. Также необходимо определить оптимальные пути преодоления противоречий краеведческой деятельности.

Библиография

1. Вырщиков А.Н., Кусмарцев М.Б. Патриотическое воспитание молодёжи в современном российском обществе. Волгоград: НП ИПД «Авторское перо», 2006, 172 с.

2. Вырщиков А.Н., Кусмарцев М.Б. Служение Отечеству как смысл российского патриотизма. Научно-популярное издание. Волгоград: НП ИПД «Авторское перо», 2005, 119 с.

3. Теория воспитания. Лабораторно-практические занятия для студентов: Учебное пособие. Под ред. И.А. Тютьковой. М.: «РИО» Мособлупрполиграфиздата, 2000, 173 с.

УДК: 061.2 (478)

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ (НПО) МОЛДОВЫ С ДРУГИМИ СОЦИАЛЬНЫМИ ИНСТИТУТАМИ В ПОВЫШЕНИИ УРОВНЯ И КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Хорозов С.
магистр права, старший преподаватель кафедры педагогики,
Тараклийский государственный университет
horozovserghei@ya.ru

Аннотация. В статье отмечается, что неправительственные организации (НПО) Молдовы недостаточно сотрудничают с другими социальными институтами (государством, бизнесом, СМИ и др.) в реализации социальной политики. Предлагаются рекомендации по решению данной проблемы.

Ключевые слова: гражданское общество, акторы социальной политики: неправительственные организации (НПО) государство, бизнес-стуктуры, СМИ (средства массовой информации).

Annotation. The article notes that non-governmental organizations (NGOs) in Moldova insufficient cooperation with other social institutions (government, business, media, etc.) in the implementation of social policy. Offers recommendations for the solution of this problem.

Key words: civil society, the actors of social policy: non-governmental organizations (NGOs), the state, business structures, mass media (mass media).

Процесс формирования гражданского общества в Молдове далёк от завершения (зрелости). Влияниенеправительственных организаций на принятие и реализацию экономических, социальных и политических решений незначительно. Потенциал взаимодействия НПО с другими актёрами социальной политики реализуется недостаточно. Это снижает возможности привлечения различного рода ресурсов для реализации социальных задач молдавского общества. Отсюда и необходимость определить пути повышения взаимоотношения неправительственных организаций Молдовы с другими социальными институтами в повышении уровня и качества жизни населения

В реализации задач социальной политики Республики Молдова кроме НПО задействованы различные социальные структуры: государственные учреждения, бизнес, СМИ и др. Для того, чтобы оценить их вклад в реализацию социальной политики, важно понять особенности взаимоотношений, важно понять, кому больше доверяет население Молдовы, каковы принципы и уровень сотрудничества и т.д.

С целью проанализировать взаимоотношения неправительственных организаций Молдовы с другими социальными институтами в реализации социальной политики в условиях трансформирующегося молдавского социуманами было проведено социологическое исследование в четырёх основных регионах Молдовы: севере, центре, юге и отдельно в муниципии Кишинэу.

Наше исследование включало в себя различные методы : экспертный опрос, массовый опрос населения, фокус-группы, интервью с представителями государственных организаций и с представителями бизнес- структур, контент-анализ.

Таблица 1. Информационно-статистическая база исследования

	Наименование проекта	Тип исследования	Место проведения	Время проведения	Кол-во участников	Примечания
1	«Роль НПО в социальной политике РМ»	Анкетный опрос	Зоны: Север, Юг, Центр, Кишинэу	2011 - 2013 гг.	602 чел.	Авторское исследование
2	«Роль НПО в социальной политике РМ»	Экспертные стандартизированные интервью	Зоны: Север, Юг, Центр, Кишинэу	2011 - 2013 гг.	60 чел.	Авторское исследование
3	«Роль НПО в социальной политике РМ»	Фокус - группы	Зоны: Север, Юг, Центр, Кишинэу	2014 г.	65 чел.	Авторское исследование
4	«Роль НПО в социальной политике РМ»	Стандартизированные интервью представителей органов местной власти и бизнеса	Зоны: Север, Юг, Центр, Кишинэу	2013 г.	24 чел.	Авторское исследование

Одной из задач исследования было выявление представлений населения об отношениях, которые сложились у НПО с различными общественными структурами. Респондентов в анкетном опросе просили высказать своё мнение об отношениях с другими НПО, государством и бизнесом. При опросе населения были получены следующие результаты (табл. 2).

Источник: *«Социологическое исследование «Роль НПО в социальной политике РМ» 2012-2013г.г.» n=602.*

Социальные институты	Отношения			
	Партнерские	Конфликтные	Нет взаимоотношений	Затрудняюсь ответить
другие НПО	51,2%	17,4%	11,3%	20,1%
госучреждения	26,7%	24,9%	30,9%	17,4%
бизнес	25,1%	4,7%	45,2%	25,1%

Проанализирован уровень доверия населения государству и НПО. Декларируемое отношение населения к деятельности НПО и государства является позитивным. Но выражается оно по отношению к данным социальным институтам неравномерно. Для того, чтобы лучше разобраться с кредитом доверия к этим общественным структурам, проследим данный феномен в динамике. Так, аналогичный вопрос был задан жителям Молдовы в 1997г. и в 2001г [3]. Тогда исследователи констатировали низкий уровень доверия к обеим структурам. При этом, если в 1997 году государству доверяло 12% населения, НПО – 20%, нет ответа – 14%, то в 2001 году фиксируется уровень доверия государству на уровне 7%, НПО – 17%, ни тем, ни другим – 37,9%, затрудняюсь ответить – 32,6%. Наше исследование показывает, что уровень доверия населения НПО после 2001 года вырос: НПО доверяет большее количество населения -26,6 %, государству –20,3 %, ни тем, ни другим - 28,1 %, и тем и другим- 12,1%; затрудняюсь ответить - 13 %. Это можно объяснить возросшим уровнем активности НПО (с 20% в 2001г. до 25% в 2012 году) и популяризацией НПО в обществе.

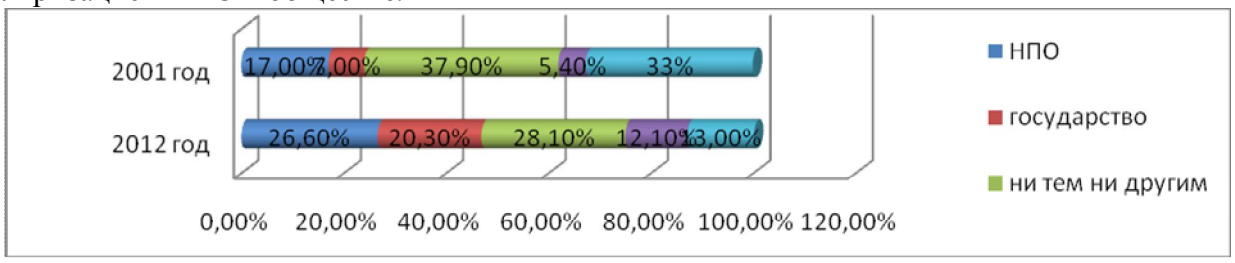

Рис. 1. Уровень доверия к НПО и государству

Источник: *«Социологическое исследование «Мнение населения о роли НПО» 2001г. НПО «Биотика»» n=731[3]; «Социологическое исследование «Роль НПО в социальной политике РМ» 2012-2013г.г.» n=602.*

Результаты нашего изучения доверия населения к социальным структурам соотносятся и с результатами аналитических исследований USAID и Барометра общественного мнения. Так, Барометр общественного мнения зафиксировал, что общественным организациям Молдовы в 2010г. доверяли примерно 30% респондентов по сравнению с 34% в ноябре 2009 года. В 2011 году уровень доверия НПО ещё больше упал и стал соответствовать 24%. При этом наибольшим доверием НПО пользуются у городского населения, у населения более молодого возраста, у людей с высшим образованием. Отмечено также что, хотя освещение в СМИ деятельности НПО Молдовы увеличивается, его положительное воздействие на восприятие общественностью НПО займёт больше времени [4].

И ещё одна особенность, выявленная в нашем исследовании, характеризует степень доверия населения НПО: это позитивная оценка, даваемая населением деятельности НПО (26,6%). Увеличение степени доверия НПО происходит на фоне снижения оценки доверия государству (20,3%).

Положительное отношение к НПО превалирует во всех трёх исследуемых регионах Молдовы и в муниципии Кишинэу. При этом, на юге страны отмечается самый низкий уровень доверия населения НПО. Это объясняется следующими факторами: на юге сосредоточено меньшее количество НПО - лишь 10%. Здесь преимущественно проживает сельское население, которое по уровню активности и характеру мышления более консервативно. Уровень доверия НПО (21,9%) ниже, чем в городе (29%). Это следствие низкого уровня информированности сельского населения (39,1%) по сравнению, чем в городе (в городе - 50,6%.) Это подводит нас к выводу о необходимости активизации информационно - пропагандистской работы по популяризации деятельности НПО на юге страны и особенно в сельской местности.

Представители практически всех сфер занятости населения доверяют НПО больше, чем государству. Исключение составляет население, задействованное в сельском хозяйстве, строительстве и торговле, т. е. в тех сферах, где информированность о НПО ниже, чем в других сферах деятельности.

Лишь незначительная часть населения (26,6%) уверена в том, что неправительственные организации занимаются разрешением общественных проблем. А большая часть жителей

придерживается точки зрения: что члены НПО преследуют цель реализации собственных профессиональных и других личных интересов. О том, что НПО для сотрудников - это дополнительный или основной источник дохода, считает 16,4% населения, что это членство в НПО обеспечивают им возможность зарубежных поездок считают 14,6%, будущей карьеры - 12:%.

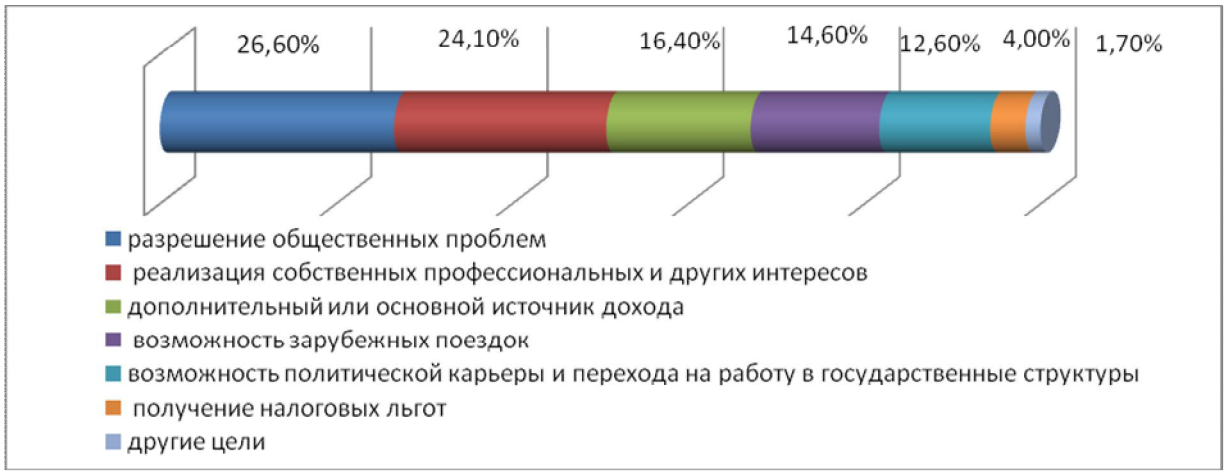

Рис. 2. Цели, преследуемые членами НПО

Источник: *«Социологическое исследование «Роль НПО в социальной политике РМ» 2012-2013г.г.» n=602.*

Полученные данные свидетельствуют о том, что население не уверено в исключительно общественно полезной мотивации людей, работающих в НПО. И это влияет на уровень доверия НПО. Интересное совпадение: выявленный нами уровень доверия населения НПО (26,6%) точно, «зеркально» соответствует числу людей, считающих, что НПО преследуют общественные интересы (26,6%). То есть, население доверяет НПО настолько, насколько они, по его мнению, заняты решением социально значимых задач. Таким образом, недостаточный уровень доверия населения НПО обусловлен осознанием того, что НПО не в должной мере решают значимые для общества задачи. А это в свою очередь, является тормозом для включения в деятельность НПО новых людей.

Сравнение оценки деятельности НПО со стороны жителей муниципия Кишинэу и жителей страны в целом, показывает, что они разнятся. Жители столицы в меньшей мере (19,4%), чем в других регионах страны, уверены в том, что НПО занимаются решением общественных проблем, т.е. жители столицы более критичны к деятельности НПО.

Итак, на основе анализа целей, преследуемых членами НПО, видно, что образ НПО в восприятии жителей Молдовы весьма неоднозначен. Возможно, причиной является то, что долгое время общественный сектор был одним из самых закрытых, непрозрачных и малопонятных для рядового молдавского гражданина. Естественно, что общественное мнение о НПО остаётся в значительной мере несформированным и полным мифов, противоречий.

Основная часть населения, представители государственной службы и бизнеса единодушно считают, что НПО не в состоянии самостоятельно решать задачи социальной политики, что они могут быть лишь помощниками и решать те проблемы, до которых у государства не доходят руки. Объясняется это тем, что их восприятие находится под сильным влиянием этатистского понимания роли государства. Такое отношение граждан объясняется традиционно: долгие годы именно государство ведало вопросами социальной защиты. И этот стереотип является весьма устойчивым.

Как следует из ответов, патерналистская установка в отношении приоритета государства в решении социальных задач продолжает оставаться весьма распространённой в общественном сознании.

Интересный опыт адекватного взаимодействия между НПО и государством в плане распределения полномочий в решении социальных проблем имеется во многих развитых странах.

Именно там общественные организации вносят наибольший вклад в решение социальных проблем общества. А государственные органы лишь определяют приоритеты распределения средств и контролируют их расходование. Молдове предстоит сделать немало в плане повышения эффективности деятельности НПО и тесном взаимовыгодном сотрудничестве в решении социальных проблем с государственными институтами.

Итак, можно сделать определённые выводы в отношении взаимодействия НПО и государства:

1) несмотря на то, что население больше доверяет НПО (26,6%), нежели государству (20,3%), оно считает, что в решение социальных проблем наибольший вклад должно вносить государство (50,3%), а не НПО (13,6%), что показано в таблице 3.

Таблица 3. Доверие населения НПО и государству и их вклад в решение социальных проблем

Источник: *«Социологическое исследование «Роль НПО в социальной политике РМ» 2012-2013г.г.» n=602.*

Направления	Вопросы	государство	НПО	ни те, ни другие	и те, и другие	мне трудно ответить
Степень доверия	Кому, НПО или государственным структурам Вы больше доверяете?	20,30%	26,60%	28,10%	12,10%	13,00%
Предполагаемый вклад в решение социальных проблем	Кто должен вносить наибольший вклад в решение социальных проблем общества?	50,30%	13,60%	0,00%	21,30%	14,80%

2) намерение в будущем участвовать в деятельности НПО (26,08%) базируется на реальном сегодняшнем уровне доверия НПО (26,6%);

3) тот факт, что 28.1% населения не доверяет ни НПО, ни государству является следствием недостаточной работы этих социальных институтов в реализации социальной политики. Это подтверждают и полученные результаты, свидетельствующие о том, что население доверяет НПО ровно настолько (26,6%), насколько они занимаются решением социально значимых проблем (26,6%). Решение членами НПО своих личных и профессиональных проблем населением не приветствуется;

4) недостаточная информированность населения о взаимодействии НПО с различными социальными институтами уменьшает степень доверия к НПО (26,6%).

Эксперты выражали различную степень удовлетворённости сотрудничеством с социальными институтами. Руководители НПО больше удовлетворены, чем не удовлетворены сотрудничеством с другими НПО, СМИ и религиозными организациями. В равной степени удовлетворённость и неудовлетворённость сотрудничеством они высказывают в отношении государства, считая, что со стороны государства оказывается недостаточная информационная поддержка и ресурсное обеспечение социальных инициатив. В большей степени руководители НПО не удовлетворены сотрудничеством с бизнесом, политическими партиями и профсоюзными организациями.

Кредит доверия у населения к НПО выше, чем к государству. Государство уже не рассматривается населением единственной общественной структурой, способной вносить наибольший вклад в решение социальных проблем. В единении усилий всех всехакторов

социальной политики – залог успешной реализации задач жизненного уровня населения, считают представители всех социальных структур и население в целом.

Как мыи предполагали, потенциал взаимодействия НПО с государством, бизнесом и другими акторами социальной политики реализуется недостаточно. Это снижает возможности привлечения различного рода ресурсов для реализации социальных задач молдавского общества. Так, характеризуя отношения, которые сложились между социальными структурами и НПО, эксперты, предприниматели и представители государственных организаций отметили, что эти отношения недостаточно активны и необходима корпоративная социальная ответственность и объединение усилий всех акторов социальной политики для успешной реализации потенциала в интересах развития общества

Результаты исследования позволяют выработать ряд **рекомендаций** неправительственным организациям, государственным организациям и бизнесу с целью укрепления потенциала молдавских НПО для эффективной реализации ими задач социальной политики.

Рекомендации неправительственным организациям: НПО желательно расширять спектр качественных и инновационных услуг с охватом различных групп бенефициаров, особенно в сельской местности.

1. В своей деятельности НПО должны особое внимание уделять тем проблемам, которые являются для общества первостепенными, учитывая потребности местных сообществ и региональные особенности.
2. Желательно, чтобы различные социальные институты и органы власти активнее информировали население о работе НПО, что будет способствовать повышению уровня доверия и вовлечению его в их деятельность (через средства массовой информации, пиар-акции о результатах деятельности НПО, через благотворительные акции, публичные мероприятия с привлечением общественности и т.д).;
3. НПО важно проявлять больше инициативы в налаживании и укреплении взаимодействия с другими социальными институтами общества, установить долгосрочные партнёрские отношения посредством коалиций, создания фондов, ресурсных центров и других видов совместной деятельности.
4. «Третий сектор» должен активнее осваивать передовой опыт западноевропейских стран и опыт стран ближнего зарубежья в реализации социальной политики, взаимодействия НПО с другими социальными структурами в области финансирования, оказания услуг и др.
5. Для обеспечения финансовой жизнеспособности НПО надо развивать социальное предпринимательство, активнее создавать ресурсные центры и местные фонды. Необходимо диверсифицировать источники финансирования за счёт не только активного использования государственных средств из центрального и местных бюджетов, но и за счет спонсорских акций, привлечения средств малого и среднего бизнеса и т.п.
6. Желательно в стране создать Центры профессиональной подготовки сотрудников НПО и волонтёров.
7. По нашему мнению, возникла необходимость активизировать работу по формированию позитивного имиджа НПО в обществе путем продуманной информационно-пропагандистской работы, обеспечения прозрачности деятельности НПО. Настало время разработать и принять единый для всех неправительственных организаций Молдовы «Этический Кодекс сотрудников и волонтёров НПО»

Рекомендации государственным организациям.

1. НПО должны стать активными помощниками местных и центральных органов власти в реализации социальной политики в стране. Для этого необходимо расширять и углублять долгосрочное сотрудничество между НПО, центральными и местными органами власти в различных областях социальной политики. Важно оказывать НПО финансовую, материально-техническую, организационную и информационную поддержку, вовлекать их в реализацию совместных проектов, заключать контракты на оказание услуг и.т.д.

2. Органы властных структур должны способствовать улучшению нормативно-правовой базы НПО, активнее привлекая их к разработке и экспертизе законодательных актов.

3. Важно также развивать механизмы социального диалога органов власти и НПО (форумы, симпозиумы, конференции и т.д.), в которые эти организации включены.

4. Все социальные институты должны быть заинтересованы в инициировании и поддержке проведения научных исследований, связанных с тематикой взаимодействия государства и НПО в реализации социальной политики.

Рекомендации бизнесу.

1. Взаимоотношения между бизнесом и НПО должны переходить к новой системе отношений, когда неправительственные организации будут выступать не столько просителями, сколько партнерами бизнеса, осуществляя совместную деятельность по решению проблем местного сообщества.

2. Бизнес - структурам различной формы собственности важно активнее информировать общественность о своей социально ориентированной деятельности, успехах и достижениях, сотрудничестве с НПО, с целью вовлечения в них новых участников. И соответственно создания своего рекламного имиджа.

3. Совместно с НПО, государственными учреждениями и другими акторами социальной политики представителям бизнеса желательно активно участвовать в реализации инновационных социальных проектов, создании социальных предприятий, фондов местных сообществ, реализации социальных заказов, проектов и др.

4. Необходимо, на наш взгляд, инициировать разработку научных исследований в области взаимодействия бизнеса и НПО, направленных на одновременное повышение потенциала бизнеса, НПО и других институтов социальной политики.

5. Считаем, что бизнес значительно выиграет, если будет использовать все возможности взаимодействия с НПО, законодательно закреплённые нормативными актами Республики Молдова, а также «Стратегией развития гражданского общества на 2012 -2015 года»[2]

Библиография

1. Закон Республики Молдова от 17 мая 1996 года №837-XIII «Об общественных объединениях» в редакции от 23.12.2013 г. №324» . В: Monitorul Oficial Nr. 153-156BIS.

2. Закон Nr. 205 от 28.09.2012 «Об утверждении Стратегии развития гражданского общества на 2012–2015 годы и Плана действий по внедрению Стратегии». В: MonitorulOficial. Nr. 1-50 4.01.2013

3. Тромбицкий И. Для чего и как создается общественные объединения. Кишинев: Biotica, 2001, С.9-18

4. Барометр общественного мнения 2009-2014. Режим доступа URL: http://www.ipp.md/libview.php?l=ro&idc=156&id=681&parent=0[посещение 05.10. 2014]

УДК 1(091)(470)

ПРИРОДА ФИЛОСОФСКОГО ТВОРЧЕСТВА В ОСМЫСЛЕНИИ РУССКИХ ФИЛОСОФОВ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Чекер Н. В.,
кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Луганский национальный аграрный университет,
tamir73@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена освещению проблемы специфики философского творчества в трудах русских мыслителей XIX- начала XX века. Рассмотрены подходы к пониманию философского творчества П. Л. Лаврова, Вл. С. Соловьёва, Н. А. Бердяева, И. И. Лапшина, Н. О. Лосского, А. Ф. Лосева.

Ключевые слова: философия, творчество, философское творчество

Annotation. The article considers the problem of the specificity of philosophical creativity in the works of Russian thinkers of the XIX - early XX century. Author examines approaches to the understanding of philosophical creativity of P. L. Lavrov, VL. S. Soloviev, N. A. Berdyaev, I. I. Lapshin, N. O. Lossky, A. F. Losev.

Key words: philosophy, creativity, philosophical works

Выявление сущностных черт философского творчества оказывается одним из важнейших вопросов, обсуждаемых в русской философской среде XIX – пер. пол. XX вв. Среди наиболее значительных работ этого периода, в которых, так или иначе, освещается проблема философского творчества, можно отметить труды П. Л. Лаврова, Вл. С. Соловьёва, Н. А. Бердяева, И. И. Лапшина, Н. О. Лосского, А. Ф. Лосева.

Для П. Л. Лаврова творческий процесс – это процесс формообразования. Он отмечает: «Там, где наша мысль, чувства, решимость находит себе форму, там присутствует творчество» [1, с. 535]. При этом философское отношение к творчеству (своему и чужому) не предполагает его безусловное принятие, но требует от мыслителя критической оценки: «Художник и мыслитель настолько философ в своих созданиях, насколько он критически относится к существующим формам творчества, как к чужим, так и к своим собственным» [1, с. 550]. В процессе такой критики осуществляется осмысление творчества. Значение философии заключено в её способности вносить смысл в непосредственно существующую реальность. Философия очеловечивает мир, раскрывает ценностное измерение мира. Каждый обязан философствовать, ибо «философствовать – это развивать в себе человека как единое, стройное существо» [1, с. 572]. В чём отличие философского творчества от других видов творческой деятельности? В том, что философствование, по мысли П. Л. Лаврова, оживляет иные виды творчества, даёт им незыблемые основания, раскрывает суть творческой деятельности человека как таковой. Пренебрежение философией – путь к искажению человеческого сознания.

Для Вл. С. Соловьёва анализ проблемы философского творчества начинается в традициях Платоновского философствования – с выявления значения термина «философия». В «Философских началах цельного знания» он выделяет два значения понятия «философия». По первому значению (академическому), философия есть теория, есть дело исключительно школы; по второму (целостному) – она более чем теория, и есть преимущественно дело преображения жизни. Вл. С. Соловьёв пишет: «По первому понятию философия относится исключительно к познавательной способности человека; по второму она отвечает также и высшим стремлениям человеческой воли, и высшим идеалам человеческого чувства, имеет, таким образом, не только теоретическое, но также нравственное и эстетическое значение, находясь во внутреннем взаимодействии со сферами творчества и практической деятельностью, хотя и различаясь от них» [2, с. 179]. Для Вл. С. Соловьёва более органично именно целостное, всеохватное понимание философии, как стремления к мудрости. Что есть мудрость? Это не начётничество, не многознание, но некая полнота знания, предполагающая нравственное совершенство (точнее говоря, упорное, неотступное совершенствование) и внутреннюю цельность духа. Вл. С. Соловьёв утверждает: «Философствование, как и само слово «философия», означает стремление к духовной целостности человеческого существа» [2, с. 180]. Философствование требует от философа полной концентрации своих сил, поскольку, занимаясь философией, он занимается делом хорошим, делом великим и для всего мира полезным [3, с. 125].

Особое внимание творчеству и, в частности, творчеству философскому уделяет Н. А. Бердяев. Творчество в высших своих проявлениях есть проблеск вечности во временном течении бытия. Творчество – выражение Бого-человеческой связности. В чём же смысл философии? Н. А. Бердяев пишет: «Философия ни в каком смысле, не есть наука и ни в каком смысле, не должна быть научной. ...Философия – первороднее, исконнее науки, она ближе к

Софии; она была уже, когда науки еще не было, она из себя выделила науку. ...Научность (не наука) есть рабство духа у низших сфер бытия, неустанное и повсеместное сознание власти необходимости, зависимости от мировой тяжести. ... Наука есть познание необходимости через приспособление к мировой данности и познание из необходимости» [4, с. 54-56]. Философия – это свободное, духовное творчество, а не приспособление. И далее: «Философия, как и всякий творческий акт, устремлена к трансцендентному, к переходу за грани мировой данности. Философия не верит, что мир таков, каким нам по необходимости навязан» [4, с. 66]. Философствование есть целостный акт человеческого духа, утверждение смыслов в катастрофическом, обессмысливающемся мире. Философия открывает пути к духовному преображению мира и человека.

Выявление специфики философского творчества является также центральной проблемой основной работы И. И. Лапшина «Философия изобретения и изобретение в философии». Исходным пунктом для философского творчества, по мнению И. И. Лапшина, является не религиозный инстинкт, а любознательность, удивление человека перед самим фактом своего существования (мысль, впервые прозвучавшая у Платона), перед загадками мира и возможностями деятельности. При этом философское творчество – это сложный мучительно-радостный процесс [5, с. 352]. И. И. Лапшин предпринимает попытку выявить те факторы, которые оказывают значимое влияние на формирование творческой личности философа. Это, во-первых, социальные условия. Во-вторых, общий культурный и философский уровень эпохи. В-третьих, тот «багаж» философских, научных, культурных знаний, который человек получает в процессе обучения и самообразования. В конечном счёте, И. И. Лапшин даёт обобщённое определение философского творчества: «Философское творчество есть одушевляемая пафосом бескорыстная пытливость человеческого духа в стремлении к установке наиболее адекватного действительности понятия о мире явлений и предвосхищению наиболее высокого и действенного социального идеала путем достижения наивысшей полноты, широты и глубины знаний, образующих органическое единство и выраженных в ясной и внушительной форме» [5, с. 353].

Интересна интуитивистская концепция философского творчества Н. О. Лосского. Отстаивая философию как творческое делание, творческое преобразование мира, Н. О. Лосский пишет: «…Для успеха практической деятельности, творчески преобразующей мир, нужна предварительная теоретическая деятельность, знание об активности, повсюду разлитой в мире. Но знание об активности может быть достигнуто не иначе как путем созерцания (интуиции), направленного на активность, пассивного в смысле невмешательства в жизнь наблюдаемого предмета» [6, с. 202]. Н. О. Лосский полагает, что созерцательное усилие необходимо предваряет усилие активно преобразующее. Философствование создаёт общее смысловое пространство, в пределах которого происходит формирование представлений об устройстве мировой действительности, выступающих фундаментом, на котором выстраивается, осуществляется творческая преобразующая деятельность человека. Он отмечает: «Наличие идеи в основе всякого действования, осуществляющего реальное бытие, не только не стесняет творчества, но есть, наоборот, условие возможности творчества, условие всякого изобретения, всякого открытия» [6, с. 240-241]. Для творческой деятельности важна свобода от иных забот, возможность настроить все душевные силы в направлении решения определённой философской или научной проблемы, отвлечься от сложной, изменчивой текучести повседневной жизни. Философия требует регулярного творческого усилия, перестройки всех обыденных привычек душевной и телесной жизни.

К проблеме философского творчества через призму истории философии обращается также А. Ф. Лосев. С его точки зрения, истинная творческая философская деятельность возможна в том случае, если философ будет постоянно обращаться к уже существующему фундаменту философского знания, поскольку «история философии – это школа мысли, без которой не может быть полноценной философской культуры, служащей, в конечном счете, базой духовной культуры вообще» [7, с. 266]. Современное философствование, по мысли А. Ф. Лосева, не должно быть ниже тех философских форм, которые были ранее, а, наоборот, должно быть лучше их. Для этого необходимо использовать в своём творчестве все положительные достижения прошлого и стремиться преодолевать его отрицательные стороны. Философствование не есть только

оперирование понятиями, это способность использовать весь, наработанный веками мыслительный аппарат к предметности, находящейся за пределами мысли. Для философского саморазвития необходимо изучать концептуальную терминологию главнейших философских систем прошлого, находя в ней особое единство, единство в многообразии, являющееся результатом целостности, цельности философского духа [7, с. 207]. А. Ф. Лосев прочнейшим образом связывает философствование со всеми другими формами духовной деятельности и рассматривает его как своеобразное отражение всей духовной культуры. «Ведь философия – это некоего рода жизненная сила, а в отрыве от всех слоев культуры, философия превращается в бессильную и безжизненную абстракцию, то есть вообще перестает быть философией» [7, с. 175].

Библиография

1. Лавров П. Л. Три беседы о современном значении философии.В: Философия и социология. Избранные произведения. В 2-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 1965, 704 с.
2. Соловьев В. С. Философские начала цельного знания. Минск: Харвест, 1999, 911 с.
3. Соловьев В. С. Лекция «Исторические дела философии».В: Вопросы философии, 1988, № 8, С. 118-126
4. Бердяев Н. А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека.Париж: ИМКА-ПРЕСС, 1985. – 425 с.
5. Лапшин И. И. Философия изобретения и изобретение в философии: Введение в историю философии. М.: Республика, 1999, 399 с.
6. Лосский Н. О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция / Н. О. Лосский. М.: Республика, 1995, 400 с.
7. Лосев А. Ф. Дерзание духа. М.: Политиздат, 1988, 366 с.

УДК: 070.3 (478):32:2

SOME POLITICAL AND RELIGIOUS PROBLEMS PRESENTED IN GAGAUZIAN PRESS – ON THE EXAMPLE OF ONE NEWSPAPER "VESTI GAGAUZII" IN THE PERIOD OF 2010-2013

Hatłas J.
PhD, University of Adam Mickiewicz Poznań, University Library, Poland
sitalkes@yahoo.com
Żyromski M.
Full Professor
Faculty of Political Sciences and Journalism A. Mickiewicz University Poznań, Poland
zyromski@interia.pl

Annotation. The main aim of this article is to present the role of Orthodox Church in the process of gaining the political and social stability in Ggauzia. Especially, the important person of Michail Cakir had been analyzed. His role in the process of revival of Gagauzian national consiousness is really very difficult to underestimate.

Key words: Gagauzia, newspapers, Orthodox Church, Michail Cakir

The regional newspaper „Vesti Gagauzii" („Вести Гагаузии", „Gagauziyanın haberleri") presents the official position of Gagauzian parliament. It is published in Russian language. Sometimes there are presented also some texts in other languages: Gagauzian and Moldavian (Romanian). On March 16, 2011 there was celebrated fifteenth anniversary of this newspaper. This newspaper began its existence in 1996 as the successor of newspaper called „Leninskoe slovo" [Вести Гагаузии, No 21-22 (7793-7794) of 18.03.2011, p. 1-2 and 6]. Together with the newspaper "Ednaja Gagauzija" („Единая Гагаузия") this newspaper belongs to the most important and generally known of its opinion-creating role newspapers on the area of the Autonomous Territorial Unit of Gagauzia (*Gagauz Yeri*) [Hatłas 2009]. These two newspapers present both local and more general social problems in the South of Moldova. Nevertheless, the newspaper „Vesti Gagauzii" presents mainly point of view of the parliament of Gagauzian Autonomy and so we can find there many information on local politics and regional economy. Sometimes there are presented also some information on the spiritual life of inhabitants of Gagauzia. Because the dominant position on this area is held by the Orthodox Church and so some information published in this newspaper are connected almost exclusive with this religion. Nevertheless, it is certainly worth to notice that quite recently on this area can be observed a strong expansion of other confessions – mainly some sorts of protestant religion.

Moreover, in the Republic of Moldova for seven years have been published the newspaper entirely devoted to some religious questions called „Toaca" [http://www.toaca.md/]. We can read in the newspaper „Edinaja Gagauzija" in 2013 the information that starting with January of 2014 there will be also some version of this newspaper in Russian language. And so, the appeal to Russian-speaking worshippers living in the Southern part of the country to subscription to this newspaper (Единая Гагаузия, No 40, 4, of 01.11.2013).

In this article there were analyzed some texts which had been published in 2010-2013. All these texts are available in the web on the page of Dmitrij Popozoglo, the editor-in-chief.

(www.dimpo67.narod.ru [access on 01.05.2014]). There are both some newspapers published in Gagauzia and some Gagauzian nation-wide (as for the example „Ana Sözi", which is published in Chişinău). This collection is complete only to some degree. This collection is fullest in case of the newspaper „Vesti Gagauzii" („Вести Гагаузии", „Gagauziyanın haberleri"); as concerns the year 2010 there are only four issues of this newspaper (11/12, 15/16, 17/18 and 19/20) but there is the complete edition of 2011-2013.

There is the main attention in this article on some information published in this newspaper and connected with the spiritual life of some inhabitants of Gagauzia and describing sone liasons between politics and religion. Such the information can be divided into some parts, such as:

1. Some respected members of clergy.

Undoubtedly for some Gagauzians living in Besarabia **Michail Chakir** (1861-1938) was the kind of person possessing the unquestionable authority [Çakir 2007; Григоров, 2008, , p. 251-261; Мошин, Копущу, 2013.]. He was the Orthodox priest. Moreover, he was named as the national "Enlightened" person. He made some translations of religious literature to the Gagauzian language. Nevertheless, the most important book in his scientific activity was quite small book on the title of "The History of Gagauzians in Besarabia", published in 1934 [the modern edition in Russian language Чакир 2005, p. 80-108.]. On December 12, 2011 (it means the 150 anniversary of his birthday) on the grave of Michail Chakir in Chişinău (on the central cemetary placed on the Armenian street) there was officially placed and consecrated his bust made of bronze. In this important ceremony participated also for instance: Mihail Formuzal (the Baskhan of Gagauzia), Irina Vlah – woman member of the Moldavian parliament from Gagauzia (representing the Moldavian Communist Party), some historians and writers and also Vladimir – the metropolitan of Chişinău and whole the Moldavia as well as many members of the clergy. The Metropolitan valuated very high the importance of Michail Chakir for the activity of the Orthodox Church. He placed him together with the other well known priest from Besarabia - Alexei Mateevici (1888 - 1917) who was not only priest but also poet and translator and his poem "Our language" forms nowadays the text of Moldavian hymn. On the other hand, the Bashkan Mihail Formuzal underlined in his speech the importance of Michail Chakir both for the education and for the development of the Gagauzian language. The photograph taken during this ceremony had been placed in the press article [Вести Гагаузии, No 95-96 (7867-7868) of 16.12.2011, p. 2]. Thanks to the initiative of some authorities of Gagauzian Autonomy the year 2011 had been proclaimed as the year of
Michail Chakir.

We can also notice the article published in „Vesti Gagauzii" on fiftieth anniversary of other (modern) priest who descended from and lived in Gagauzia. Petr Slav came to the village of Beshalma in 1989. After many years the local Orthodox Church had been reopened for worshippers. He made some great efforts to finish the renovation of this Orthodox Church. And so, the special article published in „Vesti Gagauzii" is devoted to his life and his activity as a priest [Вести Гагаузии, No 3-4 (7775-7776) of 14.01.2011, p. 5].

2. The Holiday of Orthodox Church („Prazdnik hrama").

This is the holiday celebrated every year on the area of Gagauzia in the day of patron of the local Orthodox church. This holiday is very ceremonial in its character and almost every member of the local community takes place in this holiday – together with some members of the local authorities and with some guests. There is not only some religious ceremony in the local Orthodox church but also some different sport activities take place and also some ceremonial presentations can be observed (generally on the stadium or in the community center). During the communist era almost every Orthodox church in Gagauzia had been closed (only two were opened – in the village of Kongaz and Çok Maydan). Moreover, some Orthodox churches had been destroyed. Nowadays, there is no problem with the religious life and the patron's holiday of every local Orthodox church is the great and very nice holiday for all the local community. And so, there are some scientific books and articles concerning these Orthodox churches [Бойков, 2011]. And so, nothing strange that such the holidays are presented also in the local newspapers. For instance on June 3, 2011 such the patron's holiday had been celebrated in Russkaja Kiselija. There had been present also Gagauzian Baskhan Mihail Formuzal and Irina Vlah – the woman member of the Moldavian parliament. Besides, in the short press note published in 2011 there was also the information that this locality had been found already 120 years ago [Вести Гагаузии, No 48-59 (7820-7821) of 10.06.2011, p. 7]. This holiday had been celebrated also in the next year in Russkaja

Riselija. And so, the next article was published in „Vesti Gagauzii" [Вести Гагаузии, No 45-46 (7917-7918) of 08.06.2012, p. 5]. In this article we can find also the information on quite the same holiday celebrated in the village of Dzholtaj where already in 1895 there was built the Orthodox church. In this issue of the newspaper (but in other article) had been described the church holiday which took place on June 4 in two localities that share the same patron (Kongaz and Dezgindzha). Moreover, in 2011 in the village of Avdarma [Казмалы, Мариноглу 2011] where the Orthodox church of Saint Michel is situated, had been inaugurated the folk museum and was renowated this Orthodox church in order to celebrate the patron's holiday. On this ocassion Gagauzian Bashkan M. Formuzal greeted inhabitants of Avdarma and stated that this village can form the example for all other villages in Gagauzia [Вести Гагаузии, No 89-90 (7861-7862), p. 1 of 25.11.2011]. Nevertheless, the information published in the newspaper is very short. This information even do not contain the whole program of this holiday. In the town of Komrat the holiday connected with the local Orthodox church is on January 20. Also this holiday had been presented in the local newspaper. In the short article it had been remained that in the 70-ties of 20th century the Orthodox church had been changed into a museum. And so, the interior of this building had been devastated and some religious frescoes had been destroyed [Вести Гагаузии, No 5-6 (7877-7878) of 27.01.2012, p. 2]. The analyzed newspaper published also some information on patron's holiday in Komrat in 2013 [Вести Гагаузии, No 7-12 (7976-7981) of 25.04.2013, p. 1]. Also in 2013 there was published an article on patron's holiday in the village of Kopchak in the end of August. There were even some guests from abroad (including some diplomats) and on this holiday came of course the Gagauzian Bashkan [Вести Гагаузии, No 71-72 (8040-8041) of 20.08.2013, p. 7].

3. The jubilee of two hundredth anniversary of some localities in Gagauzia.

In the analyzed period of time (2010-2013) many localities both in Gagauzia and in the whole Southern Besarabia celebrated the two hundredth anniversary of its foundation. Besides, in the case of Komrat it was even more than 200 years. Such the anniversary forced to make some holidays which had been described in the newspaper „Vesti Gagauzii". For instance, on June 13, 2011 the locality of Kongaz celebrated its 200 years. This celebration started with the holy mess in the local Orthodox church. The photograph of this Orthodox church (together with some inhabitants) had been placed in the press article. The author of this article wrote that Kongaz functions not only as the greatest village in Moldova but even in whole Europe because it is inhabited by at about 13.500 persons [Вести Гагаузии, No 50-51 (7822-7823) of 17.06.2011, p. 2]. On July 12, 2011 the village of Beshgioz celebrated the two hundredth anniversary of its foundation. This holiday had been described in the separate press article. In order to attend in this holiday came both the Gagauzian Bashkan Mihail Formuzal and the speaker of Gagauzian parliament Anna Harlamenko. Also this holiday started with the holy mess which took place in the local Orthodox church of Saints Peter and Paul [Вести Гагаузии, No 58-59 (7830-7831) of 15.07.2011, p. 2]. We can mention that this Orthodox church is quite new. The old Orthodox church had been destroyed in the Soviet era. Moreover, in the village of Avdarma the local Orthodox church had been completely renowated on the occasion of the patron's holiday [Вести Гагаузии, No 77-78 (7849-7850) of 14.10.2011, p. 3]. On August 28, 2011 the village of Kirsovo celebrated 200 years of its existence but the local Orthodox church exists here already 143 years. It is interesting that this village is inhabited roughly by the same numbers of Gagauzians and Bulgarians [Стойнов 1990]. The newspaper „Vesti Gagauzii" already a month earlier published the separate article. Unfortuntely, this text almost fully remains some standards of the Soviet literature. Only one difference is that there is short information of the local Orthodox church (together with its photograph) and its school. The rest of this article is practically only the attempt to glorify the Soviet times (for instance the establishing of kolkhoz) and some attempt to present the Romanian times in very bad light and even called as the "occupation". The author of this article writes about the presumed "universal joy of inhabitants with the liberation" of 1944. But he do not mention (with no single word) some terrible Stalinist repressions nor the tragic hunger in 1946-1947 which resulted in many deaths also in this village. And so, he presents the communist times as many successes only [Вести Гагаузии, No 62-65 (7834-7837) of 29.07.2011, p. 4]. However, if he is the same person as the author of the book on the village of Kirsovo [Стойнов 1990], it can be admit that the older text had been little more objective than the newer press article. On the other hand, on September 30, 2012 the two hundredth anniversary of its foundation celebrated the locality of Baurci. As in former analyzed

situations also during this holiday there were some mebers of clergy amongst the local population [Вести Гагаузии, No 77-78 (7949-7950) of 26.10.2012, p. 4].

On the other hand, in 2012 there was 223 anniversary of founding the town of Komrat. The holiday lasted even two days (15.-16.09.2012). There were present many guests coming from outside the area of Gagauzia, not only from some other parts of Moldova but also from abroad. There were some representatives of both civil and church authorities [Вести Гагаузии, No 70-71 (7942-7943) of 21.09.2012, p. 4].

4. The official visit of Kirill (Patriarch of Moscow and all Rus) in Moldova.

The first press information stated that this visit would last from October 8 to 12, 2011. In the short press note there were enumerated 10 dioceses which should be visited by Patriarch of Moscow and all Rus Kirill on the territory of Moldova (together with the Transnistria), except the capital of Chişinău [Вести Гагаузии, No 45 (7817) 28.05.2011, p. 1]. The article concerning meeting between Gagauzian Bashkan Mihail Formuzal and some members of Orthodox clergy on June 12, 2011 contained also the information on an official visit which Kirill, Patriarch of Moscow and all Rus should paid in autumn. There was at that time some discussion over the possibility of building the second Orthodox church at Komrat. And so, the Patriarch of Moscow and all Rus could at the same time celebrate the founding of corner-stone of this building [Вести Гагаузии, No 58-59 (7830-78310) of 15.07.2011, p. 2]. The more detailed information on this planned visit of Patriarch of Moscow and all Rus emerged in the newspaper „Vesti Gagauzii" already in the end of July, 2011. There had been written that the plan of this official visit contains visiting of all the dioceses on the territory of Moldova, together with coming to Gagauzia (Komrat) and Tiraspol (in Transnistria). The strictly religious character of this visit of the distinguished guest from Moscow had been underlined in this article. It was stated (in words of Igor Jakimchuk – synodal secretary on foreign relations), that this visit should not be treated in political terms as the high position foreign visit [Вести Гагаузии, No 60-61 (7832-7833) of 22.07.2011, p. 1].

On 8.-10.10.2011 Patriarch of Moscow and all Rus visited Moldova. On October 9 he celebrated the official holy mess in the cathedral in Chişinău. In spite of rain and cold weather a lot of worshippers came to this ceremony. The authorities of Gagauzian Autonomy made it possible for everyone to participate in these ceremonies. Some special buses to Chişinău had been organized. And so, nothing strange that such the important event emerged just on the first page of the newspaper „Vesti Gagauzii". There was also a photograph of patriarch took during his staying in the cathedral in Chişinău and a special article which described this great ceremony in details. We can find the information that patriarch Kirill was greated and welcomed as the head of state. He came to Moldova together with his "court". On the airport he was welcomed by some delegation together with Marian Lupu – acting president of Moldova. In the evening in the cathedral, patriarch Kirill was officially welcomed both by Vladimir (metropolitan of Chişinău and all the Moldova), Vlad Filat (prime minister of Moldova) and Valerij Kuz'min (ambassador of Russian Federation in Moldova). Both the prime minister of Moldova and the acting president took an officials conversations with the patriarch. Moreover, he received some officials gifts and he received also the Order of Republic. The Patriarch Kirill had a speech to the political class of this visited country. First of all he appealed for some wise and responsible governance. It is interesting that in the meeting with Kirill took part even Vladimir Voronin – chef of Moldavian Communists Party. Moreover, in this article had been placed also a short information on the protest organized by pro-Romanian Moldavian youth against this visit. Under the monument of Stephan the Great they presented some slogans, for instance that "Besarabia is Romanian soil". It had been underlined that Moldova does not constitute any part of Russia and Moldavian Orthodox Church should submit to Bucharest and not to Moscow [Вести Гагаузии, No 77-78 (7849-7850) of 14.10.2011, p. 1]. In that situation the program of visit had been changed because previously in the program there was visit of patriarch before this monument. There was also an initiative to welcome the patriarch Kirill to Gagauzia. However, in the situation of shortening the visit there were organized four (free of charge) buses to Chişinău for worshippers thanks to the decision of the authorities of Gagauzian Autonomy (*Gagauz Yeri*) [Вести Гагаузии, No 73-74 (7845-7846) of 30.09.2011, p. 2]. Already on July 25, 2011 during the meeting of Gagauzian parliament there was the decision of visit by patriarch Kirill on August 9, 2011 to the Komrat-Kagulsk dioceses. And so, the sum of 200.000 Moldavian lei had been organized from the budget of

Gagauzian Autonomy to the renovation of some sacral objects on the area of Gagauzia [Вести Гагаузии, No 66 (7838), 2, of 09.08.2011].

5. Some international Orthodox fora.

On July 27, 2011 in Kiev the international Orthodox forum devoted to the question of Orthodox women had been held. In this forum participated some members representing every region of Ukraine as well as some delegates from Russia, Belorussia and Moldova. In the opening ceremony of this forum participated not only many Orthodox priests from Ukraine but also Kirill, Patriarch of Moscow and all Rus. On this forum Moldova was represented by Anna Harlamenko – speaker (at that time) of Gagauzian parliament. She presented the speech on "Faith to Orthodox traditions" [Вести Гагаузии, No 66 (7838), 1, of 09.08.2011].

6. Some articles concerning the history of sacral objects on the territory of Gagauzia.

In 2013 the newspaper „Viesti Gagauzii" published the very interesting historical article on the oldest Orthodox church in the town of Chadyr Lunga. It had been destroyed most probably in 1941 by Soviet army and not in 1944 by the Germans, as it had been previously officially stated [Вести Гагаузии, No 38-39 (8007-8008) of 24.04.2013, p. 3].

7. The building of some new sacral objects.

There were many initiatives to build a new Orthodox church in Komrat in the recent years. On February 28, 2011 the initiative group had been organized which presented as the main goal the building a new Orthodox church in the capital of Gagauzian Autonomy (*Gagauz Yeri*). In the opinion of this initiative group this new Orthodox church should take a form of a great church complex. Stepan Topal – the first (and only) president of Gagauzian Republic – had been elected the chef of this initiative committee [Кендигелян 2009]. Mihail Formuzal, Gagauzian Bashkan declared some money from the budget of Gagauzian Autonomy in order to buy some piece of land in order to build this new, great Orthodox church [Вести Гагаузии, No 19-20 (7791-7792) of 11.03.2011, p. 5]. There is still only one Orthodox church in Komrat. In the past there was also another Orthodox church in Komrat (it was situated near the old cemetery in the center of town). This Orthodox church had been destroyed in Soviet era and on this place the monument to Soviet soldiers had been built. The question of building of a new Orthodox church in Komrat had been widely presented in the article published in 2012 [Вести Гагаузии, No 77-78 (4949-4950) of 26.10.2012, p. 2].

On the other hand, on January 9, 2012 a new Orthodox church in the town of Chadyr Lunga (near the school building No 3) had been finished after four years of construction [Вести Гагаузии, No 3-4 (7875-7876) of 20.01.2012, p. 1]. It is certainly worth mentioning that this is already the third Orthodox church in this town built in an independent Moldova. In the past there were two Orthodox churches but there were destroyed.

8. Some official greetings presented by the authorities of Gagauzian Autonomy (*Gagauz Yeri*) to the inhabitants of Gagauzia connected with Christmas and Easter and some holiday's traditions and celebrations.

Every year the newspaper „Vesti Gagauzii" publish some official greetings presented by Gagauzian Baskhan. And so, we can present few examples only instead of the full presentation.

In 2011 Anna Harlamenko presented some greetings for inhabitants of Gagauzia in 2011 in name of the Gagauzian parliament. Moreover, in the same issue of newspaper his greetings presented Gagauzian Bashkan Mihail Formuzal [Вести Гагаузии, No 29-30 (7901-7902) of 13.04.2011, p. 1]. There were also some information on Christmas' traditions in the newspaper [Вести Гагаузии, No 1-2 (7773-7774) of 06.01.2011, p. 5] and also [Вести Гагаузии, No 9-10 (7781-7782) of 04.02.2011, p. 4].

9. Some reviews of books connected with the question of religion.

In 2012 in the newspaper „Vestii Gagauzii" had been published the review of book on the Orthodox church in the village of Kirsovo [Думиника 2012]. The young Bulgarian scholar, specialist on the question of Bulgarian minority in Besarabia, presented very thoroughly in his book (basing on some archives) not only the history of local Orthodox church but he wrote also many very interesting information on the history of this village [Вести Гагаузии, No 72-73 (7944-7945) of 28.09.2012, p. 3].

When we analyzed some articles published in the newspaper „Vesti Gagauzii" in 2010-2013 there is quite clear that the Orthodox church is very close related to the political and state authorities and (of course) vice versa. Undoubtedly, such the situation of close relationship between "throne" and "altar" can

be traced even from the time of Byzantian Empire (or even later Roman Empire) and afterwards such was the situation in Moscow – as the so-called "third Rome". In modern Moldavia and Gagauzia there is practically no important public event or ceremony without any representative of Orthodox clergy. And for instance in the first (after the election on June 4, 2011) meeting of the city council in Komrat participated some representatives of the Orthodox clergy. They were not only invited to the opening meeting of this city council but they also took part in the discussion. The members of Orthodox clergy are also present on one of the photographs in the newspaper [Вести Гагаузии, No 56-57 (7828-78290) of 08.07.2011]. Anna Harlamenko as the speaker of Gagauzian parliament had been invited by the bishop of Nicodim (Vulpe) to the participation in some religious celebrations in the Orthodox church in the town of Briceni (in the Diocese of Edineţ and Briceni) [Вести Гагаузии, No 43-44 (7815-7816) of 27.05.2011, p. 2]. It is interesting that in case of the village of Etulia some celebrations of two hundredths anniversary of founding of this locality had been unified with the holiday of local Orthodox church on May 15, 2011. In some celebrations (first the holy mess in the Orthodox church and afterwards some feasts on the central square) and after sport activities took place, Gagauzian Baskhan Mihail Formuzal presented the official speech to the inhabitants of Etulia [Вести Гагаузии, No 41-42 (7813-7814) of 20.05.2011, p.3]. Some representatives of Orthodox clergy participated also in some celebrations connected with the seventeenth anniversary of establishing the security service in Gagauzia [Вести Гагаузии, No 57-58 (7929-7930) of 27.07.2012, p. 1]. The Third World Congress of Gagauzians started also with the morning holy mess in the Orthodox church in Komrat on November 2, 2012. It was certainly very important event for all the Gagauzians. Besides, as the kind of continuation of this two-days Congress, the traditional vine festival had been organized. Both these feasts took a lot of attention in the analyzed newspaper [Вести Гагаузии, No 81-82 (7953-7954) of 09.11.2012, p. 2-3]. Of course some representatives of the Orthodox clergy took an active part in this important holiday of all the Gagauzians living in Moldova and coming from abroad. One of the authors of this text (Jerzy Hatłas) also participated in this holiday. On the other hand, on February 8, 2011 in the elderly house in Komrat took place the official celebration of the tenth anniversary of this institution. In this celebration participated Nikolaj Harlamentovich Dudoglo – the mayor (primar) of Komrat as well as his deputy and some journalists [Вести Гагаузии, No 11-12 (7783-7784) of 11.02.2011, p. 1].

Thanks to the analysis of some press articles we can find out that on February 14, 2011 (in the very day of the inauguration of the second term of Baskhan Mihail Formuzal) came to Komrat from Russia Andrej Vjachelavivich Kuraev – the missionary, professor and theologian in just one person. There was one interesting question to him to answer – namely is it possible to establish an independent Gagauzian dioecese [Вести Гагаузии, No 19-20 (7791-7792) of 11.03.2011, p. 5]. On the other hand, on Komrat University (KDU) took place an interesting presentation of the Holy Bible for children printed in the Gagauzian language [Вести Гагаузии, No 19-20 (7791-7792) of 11.03.2011, p. 3]. Moreover, the newspaper „Vesti Gagauzii" published also an article written by the well-known and respectful Moldavian scholar Elizaveta Kvilinkova devoted to the question of fast-days among the Gagauzians [Вести Гагаузии, No 20-21 (7989-79-90) of 01.03.2013, p. 3].

It is characteristic that some representatives of the Orthodox clergy participated even in the inauguration of renovation of the town's park in Komrat. Undoubtedly, some members of the Orthodox clergy play an important role not only in religious but also in political, social and economic life of the modern Gagauzia. And so, it would be very difficult to share the opinion presented in analyzed press articles that the visit of patriarch Kirill in Moldova had only and entirely religious character. Undoubtedly, such the important visit had also great political importance both in case of the central authorities in Chişinău and in case of the Gagauzian Autonomy. It seems that both in case of Moldova and Gagauzia in particular it would be very difficult to distinguish between state (with its political, economic and even social activities and responsabilities) and Orthodox church, which fulfills not only religious and social role but has also great (or perhaps even dominant) political position. By the way, nowadays in Poland we can observe the political campaign before elections to the European Parliament (May 25, 2014). Undoubtedly, one of the important motives presented in this campaign is the question of possible (needed or unnecessary) separation between state and church. It is characteristic that many countries of Western Europe (especially France) such the discussion and debate undertook already many years ago. Certainly, one of the standards represented by Western European system of representative

democracy is such the separation between state and church. While in Poland such the debate is only in its beginning, it seems that in case of Gagauzia (and Moldova) the question of separation between state and church simply does not exist in the public sphere and in political discussions. After many decades of Soviet rule when the fight against church and religion was more or less visible (rather more), nowadays Gagauzians (and Moldavians) seem to renew their former interest in religion and Orthodox church. Such the attitudes can be testified for instance by the process of building new and repairing old Orthodox churches all over the country. Moreover, we have to remember than nor Gagauzia nor Moldova can not be classified as especially rich European countries. Rather we can observe the reverse situation. Nevertheless, the number of Orthodox churches is greater and greater. But it seems that such is simply the will of Gagauzians (and Moldavians) and they certainly have the full right to present such the attitudes.

Bibliograpy

1. Бойков В.Е., Димогло С.С. Православные храмы Гагаузии. Комрат, 2011.
2. Григоров Г. Родословие и националност при бесарабската фамилия Чакир. // Балканистичен Форум, нр 1-2, 2008, p. 251-261.
3. Думиника И. Храм Успения Божией Матери села Кирсово. Исторические аспекты. Кишинэу, 2012.
4. Казмалы И.М, Мариноглу Ф.И. Авдарма. История села. 1811-2011. Люди. События. Документы. – Кишинэу, 2011.
5. Кендигилян М. Гагаузская Республика. Борьба гагаузов за национальное самоопределене. 1989-1995. Воспоминания. Документы. – Комрат, 2009.
6. Мошин О., Копущу В. Протойерей Михаил Чакир: служние Богу и ближним. К 75-летию so дня кончины протореиея Михаила Чакира. – Кишинев, 2013.
7. Папцова А.К. Роль православия в формировании соционормативной культуры. Опыт гагаузов.В: Курсом развивающейся Молдовы. Москва:Старый сад, т.6, 2009, с.165-183
8. Стойнов Г. Кирсово: 180 лет Башкӱӱ. Кирсово в прошлом и настоящем. – Кишинев, 1990.
9. Чакир М. История гагаузов Бессарабии. В: Страницы истории и литературы гагаузов XIX-нач. XX вв. Кишинэу, 2005, p. 80-108
10. Çakir M. Ay Boba Mihail Çakir. Gagauzlar: Istoriya, adetlär, dil hem din. – Chişinău, 2007.
11. Hatłas J. Gagauzja oraz Gagauzi. Historia oraz współczesność. – Poznań, 2009.

УДК 266.3 + 94(478)

AY-BOBA MIHAIL ÇAKIRIN YARDIMCILARI

Kopuşçu V.
Gagauziya M. Maruneviç adına Bilim-aaraştırma merkezi
kopusciuv@mail.ru

Annotation.Today we show great honor to the labors and work of Protopresbyter Mihail Çakir, enlightener of the Gagauz. But other individuals also took part in these glorious efforts, who were his helpers in all sorts of work. There were other priests beside Mihail Çakir on the commission established in 1907 to translate religious books into the Gagauz language. Along with the priests laypersons also worked toward the goal of enlightenment. Here we shall introduce some of them, so that the Gagauz people will honor and remember those who worked for the sake of Gagauz culture and tradition.

Key words: Holy Father, work of enlightening, helpers of Mihail Çakir

XX asirin çeketmesinä kadar Besarabiyada yaşayan gagauzların ana dillerindä kiyatları hiç yoktu. Bu problemayı çözmäk için çok çalıştı Ay-Boba protoierey Mihail Çakir, angısı taa ileri istedi klisä zaabitlerindä izin tiparlamaa kiyat moldovanca moldovannara deyni. 1907-ci yılda Rus Klisesinin Sinodu iisözledi, ani Kişinövda kurulsun maasuz çeviri komisiyası, angısı çevirsin gagauz dilinä din literaturasını.

Protoierey Mihail Çakirin inişiativası üzerinä Hristosun Duumasının adına Kişinöv kardaşlıının topluşu gagauz dilini ii bilän kişilerdän bir komisiya kurdu. Komisiyaya girdi grek arhimandiriti Sofroni, protoierey Mihail Çakir hem popazlar Feodor Çakir hem Konstantin Statov. Gagauz dilinä çevirmekleri başladıynan, kardaşlıın topluşu kararladı komisiyaya başkasını da katmaa: erli din konsistoriyasının azasını protoierey Spiridon Muraneviçi, protoierey Kiriak Topalovu hem Eni-Nämţa manastırından ieromonah Nikanoru, angıları biler gagauz dilini[6,c.1333].

Şüpesiz, ani bu kişilerin arasında en çok pay aldı Ay-Boba Mihail Çakir, angısını biz herkerä saygıylan hem sevgiylän anêrız, diil salt nicä er üzündä aydınnadıcımızı, ama nicä göktä da bizim duacımızı, deyni danışêrız ona, "Ayoz boba" deyeräk. Ama ondan kaarä vardı başka popazlar da. Burada onnarın kimisini tanıdacez, ki gagauzlar saysınnar hem aklında tutsunnar, kim çalıştı gagauzluk için.

Arhimandrit Sofroni (Fotopulos), grek milletindän, duudu Konstantin Fotinin aylesindä 1841-ci yılın sürmäk ayının 1-dä (eskiycä). İlkin üürendi Stambulda grek patriarh şkolasında, angısına deniler Kuru-Çöşmä (Ksira-Krini), angısını bitirdi 1859-cu yılda. Hep o yılın Konstantinopol patriarhı VI Grigorinin nasaatına görä girdi Halki din akademiyasına.

1865-ci yılın hederlez ayının 15-dä (eskiycä) Amasiya episkopu Sofroni koydu onu diakon. Biraz vakıt izmet etti Palestinada misiyada, sora İerusalimdä ayoz Savanın adına kliseyä diakon koyuldu. 1867-1871 yıllar arasında Cümnedänayoz Üçlünün adına Stambul klisesindä nasaatçı izmet etti.

Bir yıl bulundu Fesaliyada Volos kasabasında, neredä musulmannar karşı gidärdilär hristiannara. Patriarhiyanın izininä görä iki yıl yardım topladı Fesaliyada zorluk çekän hristiannara. 1874-1877 yıllarda üüredicilik etti Stambulda Ksira-Krini şkolasında.

1877-ci yılın çiçek ayının 2-dä (eskiycä) eski patriarh VI Grigorinin iisözlemesinä görä episkop Foti Sofroniyi ieromonah yaptı. Hep o ay Konstantinopol patriarhı III İoakim onu sinkel uuruna kaldırdı.

Biraz vakıttan sora öbür patriarh IV İoakim boba Sofroniyi arhimandrit yaptı da koydu ayoz zeetçekän Kirik hem İulitanın adına Filipol manastırına igumen.

1884-cü yılın hederlez ayının 4-dä (eskiycä) patriarh IV İoakim koydu arhimandrit Sofroniyi Panaiyanın İihaber Kabletmesinin adına İzmail klisesinin başı. 1888-ci yılın kasım ayının 19-da (eskiycä) İzmail konsulunun yalvarmasına görä grek padişahı baaşladı Kurtarıcı ordenini (I uur) çalışkan zaametleri için (izin № 13042).

1891-ci yılda Konstantinopol patriarhı V Dionisi danıştı Kişinöv episkopu İakova, ani koymaa arhimandrit Sofroniyi Kişinöva ayoz Panteleimonun adına grek klisesinä popaz. Bu danışmayı baktı Rus Sinodu da iisözledi, ondan sora episkop İakov kayıllıını Konstantinop patriarhiyasına bildirdi. 1891-ci yılın orak ayının 5-dä (eskiycä) boba Sofroni Kişinöva grek klisesinä geçirildi[1, f. 208, d. 12, dos. 140, y. 152 (ard) - 154 (ard)].

Arhimandrit Sofroni izmet etti ayoz Panteleimonun adına Kişinöv klisesindä 1909-cu yılın çeketmesinä kadar, açan onun erinä Konstantinopol patriarhı yolladı arhimandrit Gerasim (Feologidisi)[4, c.166].

1907-ci yılda gagauz dilinä klisä tekstlerini hem faydalı kiyatları çıkarmaa deyni kurulan komisiyaya grek arhimandrit Sofroni dä girdi. Onun bilgileri dil uurunda, teologiya uurunda faydalı oldular Ay-Boba Mihail Çakirin izmetlerindä.

Protoierey Kiriak Topalov, gagauz, duudu 1835-ci yılın büük ayının 6-da (eskiycä) Haydar küüyündä daskalı İoan Topalın aylesindä. 1860-cı yılın sürmäk ayının 13-dä (eskiycä) din seminariyasını bitirän Kiriak Bender kafedralına popaz koyuldu. Bir yıldan sora onu koydular parasız üüretsin muzıkayı Bender bölgä şkolasında. Bu işi o götürärdi pek ii, da Odesa üüretim bölgesinin öndercilii ona şükürlük bildirdi.

1861-ci yılın orak ayının 25-dä (eskiycä) Bender bölgesinin Manzır küüyünä geçirildi, klisenin şkolasında Allahın Kanonunu üüretmää başladı. 1865-ci yılda ii çalışması hem izmetleri için nabedrennik kabletti.

1867-ci yılın orak ayının 18-dä (eskiycä) Bender bölgesinin Dizgincä küüyünä geçirildi, ama orada çok durmadı, birkaç aydan sora geeri Manzıra döndü. Bender bölgesinin ikinci kısımından popazların toplantılarına deputat ayırıldı. 1873-cü yılda Sinodtan verilän skufiya kabletti. Hep o yılın Hotin kasabasının kafedralına, cümnä başı olarak, geçirildi. Episkop Pavli (Lebedevın) rezolüţiyasına görä üüretim topluşunun Hotin bölgä bölümünün azası koyuldu hem Hotindä Allahın Kanonu dersini üüretti.

1875-ci yılın hederlez ayının 5-dä (eskiycä) çok çalışkan izmetleri hem yalpak tabeeti için hepsi sıralardan insanın istediinä görä protoierey uuruna kaldırıldı. 1878-ci yılın çiçek ayının 15-dä (eskiycä) üüretim uurunda zaametleri için kamilavka kabletti.

1881-ci yılda Sinodtan gelän izinä görä arhiepiskop Pavli (Lebedev) protoierey Kiriak Topalovu Hotin bölgesinin 1-ci kısımının baş popazı koydu. 1886-cı yılda Halk üüretimi bakannıında izmetleri için Sinodtan yaldızlı stavroz kabletti. 1888-ci yılda Odesanın üüsüzlär evinin klisesinä geçirildi, hep orada Allahın Kanonunu üüretmää başladı.

1889-cu yılda Kişinöv eparhiyasına geeri döndü da arhiepiskop Sergi (Läpidevskiyin) izininä görä Kişinöv din seminariyasının spiyada edici popazı koyuldu. Bir yıldan sora eparhiyanın üüretim topluşunun azası oldu.

1891-ci yılda seminariyanın önderciliinin hem eparhiyanın başının yalvarmasına görä imperatordan ayoz Anna ordenini (III uur) kabletti. 1892-ci yılın büük ayının 24-dä (eskiycä) episkop İsaaki (Polojenskiy) geçirdi onu Cümnedänayoz Üçlünün adına Kişinöv klisesindä. Hep o yılın arhiereyin teklifinä görä Kişinöv kliselerinin baş popazı koyuldu. 1895-ci yılda Kişinöv eparhiyasının önderciliinin yalvarmasına görä örnekli hem çalışkan izmetleri için imperatordan kabletti ayoz Anna ordenini (II uur).

1897-ci yılda Halk üüretimi bakannıında çok yıllık izmetleri için başladı kabletmää pensiya yılda 200 rublä. 1898-ci yılda Sinodun izininnän koyuldu Kişinöv din konsistoriyasının ştat azası. 1899-cu yılda şkolacılık uurunda çalışmaları için Sinodtan Bibliya kabletti. 1900-cu yılda eparhiyanın önderciliinin hem Sinodun teklifinä görä imperatordan ayoz Vladimir ordenini (IV uur) kabletti. Yaşamasında boba Kiriak çok şükürlük kabletti hem eparhiyanın önderciliindän, hem Odesadan, hem Sankt-Peterburgtan.

Protoierey Kiriak Topalovun vardı büük aylesi: eşi Olga, kızlar Vera, Nadejda, Sofiya hem oolları Vitali hem Aleksandr[1, f. 208, d. 12, dos. 140, y. 134 (ard) - 142 (ard)].

Boba Kiriak Cümnedänayoz Üçlünün adına Kişinöv klisesindä iki şkola açtı: klisä şkolasını hem bilgi şkolasını. Klisä şkolası için o satın aldı bir parça toprak hem ev, angısı genişeltti hem düzdü klisä izmetçilerinä deyni ev[5,c.156].

Pek çok istärdi yaşlı popaz, ani onun soydaşları, gagauzlar, kabletsinnär Allahın Sözünü hem başka kiyatları ana dilindä. Açan 1907-ci yılda bu iş için kuruldu maasuz komisiya artık hasta boba Kiriak da ona katıldı, deyni makarki güüdesi hasta olsa da, canı pek yanardı taa izmet etmää Allaha hem insana. Ama ne yazık, ani 1908-ci yılın canavar ayının 13-dä (eskiycä) onun erdeki yaşaması bitti. Ceviz ayında raametli boba iki kerä komka aldı, çünkü pek hastaydı. Canavar ayının 12-dä genä komka aldı da ertesi günü uslu can verdi.

Şannı popazı gömmää toplandı çok insan, duada başlık etti vikar episkop Nikodim, onunnan barabardı taa altı popaz. Liturgiyada nasaatın erinä anmak sözünü söledi protoierey Mihail Çakir. Duadan sora popazlar eldä çıkardılar protoierey Kiriakın güüdesini da gömdülär bitki 16 yıl izmet etti klisenin yanında[6, 1908, № 46, s. 1686].

Protoierey Spiridon Muraneviç Akermanda popaz İakov Muraneviçin aylesindä 1856-cı yılın canavar ayının 29-da (eskiycä). 1878-ci yılda student uurunda bitirdi Kişinöv din seminariyasını. O yılın da arhiepiskop Pavli (Lebedev) koydu onu daskalı Beşalma klisesinä hem şkolada üüredici, neredä işledi 1880-ci yıla kadar.

1880-ci yılda arhiepiskop koydu onu Kişinöv din şkolasına bakıcı, bir yıldan sora da hazırlık klasına üüredici. 1881-ci yılın canavar ayında istediinä görä diakon hem popaz hirotoniyası yapıldı, İzmail bölgesinin Reni kasabasına popaz koyuldu. Hep o ay arhiepiskoptan nabedrennik kabletti.

1882-ci yılın orak ayının 28-dä (eskiycä) Valkaneş klisesinä geçirildi hem Valkaneş şkolasına üüredici koyuldu. Dört yıl İzmail bölgesinin 2-ci kısımından deputat olarak, popazların toplantılarına katıldı.

Eparhiyanın önderciliinin izininä görä İzmail bölgesinin 2-ci kısımında klisä şkolalarının bakıcısı hem Allahın Kanonu dersinin kuratoru koyuldu. 1886-1890 yıllarda kendi kısımında baş popazlık etti. Üüretim uurunda zaametleri için 1886-cı yılın canavar ayının 29-da (eskiycä) Sinodun iisözlemäk diplomunu kabletti. Bir yıldan sora da ona skufya giimää hak verildi.

1890-cı yılın kirez ayının 19-da (eskiycä) geçirildi Saabinin Gökä Çıkmasının adına Kişinöv klisesinä. Hep o yılın ceviz ayının 1-dä (eskiycä) Sinodun kararına görä (№ 3337) Kişinöv din konsistoriyasının ştat azası koyuldu. 1891-ci yılda üüretim topluşunun Kişinöv bölümünün azası oldu.

1893-cü yılda kadifä kamilavka kabletti. 1897-ci yılda Sinod din uurunda zaametleri için ierey Spiridona yaldızlı stavroz verdi. Ertesi yıl imperator III Aleksandrın padişahlık zamanı için çıkan gümüş medali kabletti. Halk üüretiminä yaptıı büük yardımı için Sinodtan Bibliya verildi.

1900-cu yılda boba Spiridon artık duldu, onun aylesindä vardı kızlar için eparhial şkolayı bitirän kızı Zinaida hem Kişinöv din şkolasında üürenän oolları Hrisanf hem Aleksandr[1, f. 208, d. 12, dos. 140, y. 51 (ard) - 55 (ard)].

Protoierey Spiridon Muraneviç geçindi 72 yaşında 1928-ci yılın küçük ayının 19-da. Gömülü Saabinin Gökä Çıkmasının adına Kişinöv klisesinin aulunda.

Gagauz dilinä kiyatları çevirän komisiyanın azası protoierey Spiridon Muraneviç, nicä da başka popazlar, vardır söledii, ani gagauz tekstleri lääzım klisedä diil sade okunsun, ama zor erleri annadılsın da, çünkü komisiyanın çevirileri verildi gagauz küülerindä kliselerä aprobaţiyaya, da kimi popazlar söledilär, ani gagauzça okumakta var biraz zorluk. Bu üzerä komisiya ilk tiparladıı kiyadı, angısı dua kiyadı oldu, çıkardı slavän hem gagauz dilindä, paralel olarak[8, c.1521].

Protoierey Feodor Çakir, Ay-Boba Mihail Çakirin kardaşı, duudu 1864-cü yılın büük ayının 12-dä (eskiycä) Çadırda daskalı Mihail Çakirin aylesindä. 1874-cü yılda girdi Kişinöv din şkolasına, neredä artık üç yıl üürenärdi onun batüsu. 1880-ci yılda, Kişinöv din şkolasını bitirdiynän, girdi Kişinöv din seminariyasına, angısını bitirdi 1888-ci yılda.

1888-ci yılda kendi istediinä görä koyuldu üüredici Kurki manastırının şkolasında. 1890-cı yılın canavar ayının 3-dä (eskiycä) arhiepiskop Sergi (Läpidevskiyin) rezolüţiyasına görä çeketti Kişinöv din şkolasında bakıcının işini götürmää. Hep o vakıt kararlandı, ani Feodor Çakir İzmail bölgesinin Larjanka küüyünä popaz koyulacek.

1891-ci yılın büük ayının 13-dä (eskiycä) Akerman arhiepiskopu Arkadinin tarafından diakon hirotoniyası yapıldı, büük ayın 20-dä (eskiycä) dä popaz koyuldu ayoz Mihail Arhangelin adına Larjanka klisesinä. Küüyä geldiynän, başladı Halk üüretimi bakannıının şkolasında üüredici işlemää. 1892-ci yılda Kişinöv din konsistoriyasının kararına görä İzmail bölgesinin 1-ci hem 4-cü kısımnarında misionerin yardımcısı koyuldu, ama bir yıldan sora istediinä görä bu iştän alındı.

1893-cü yılda eparhial üüretim topluşunun kararına görä, angısını kaaviledi arhiepiskop Neofit (Nevodçikov), popaz Feodor Çakir üüretim topluşunun İzmail bölümünün azası ayırıldı. Birkaç aydan sora da İzmail bölgesinin üüretim topluşu onu bölümä sekretar ayırdı.

1896-ci yılda arhiepiskop Neofit (Nevodçikov) nabedrennik nışanını verdi. Hep o yılın üüretim topluşunun İzmail bölümünün kiyat skladının başı oldu. Halk üüretimi uurunda zaametleri için Sinodtan Bibliya kabletti. 1898-ci yılda imperator III Aleksandrın padişahlık zamanı hatırı için gümüş medali kabletti. 1898-1901 yıllar arasında İzmail din şkolasının gelir hem harcama işlerini kontrol edän komisiyanın azası oldu.

1900-1904 yıllarda Larjanka küüyündä ayoz Mihail Arhangelin adına klisedä açtıı fondun başı oldu. 1900-cu yılda episkop İakov (Pätniţkiyin) rezolüţiyasınnan kaldı İzmail bölgesinin klisä şkolalarının bakıcısı.

1901-ci yılın kıran ayının 23-dä (eskiycä) Larjanka küüyündän çıktı da İzmail kasabasına geçti. Bu vakıttan İzmailda kafedralda izmet etmää başladı hem Mezarlık bilgi şkolasında başlık etti. 1902-ci yılın harman ayının 27-dä episkop İakov (Pätniţkiyin) rezolüţiyasına görä üç yıla İzmail din şkolasının önderciliinin azası koyuldu. 1903-cü yılda eparhiyanın başından skufya kabletti.

1905-ci yılda imperator Nikolayın düüma günü için din uurunda izöetleri için Sinodun hem episkop Vladimir (Senkovskiyin) teklifinä görä kamilavka kabletti. 1906-cı yılda İzmal bölgesinin popazlardan deputatların toplantılarında başlık etti.

1907-ci yılın orak ayının 11-dä gagauz dilinä klisä kiyatlarını çevirmää deyni kurulan komisiyaya girdi. 1912-ci yılda eparhiyanın popazlardan deputatların toplantısına deputat olarak katıldı. 1914-cü yılda ayoz Anna ordenini (III uur) kabletti. Hep o yılın İzmail bölgesinin 1-ci kısımının baş popazı koyuldu.

1917-ci yılda protoierey uuruna kaldırıldı. Rumın vakıdında İzmaildan Broska küüyünä geçti. 1924-cü yılda Akerman eparhiyasının popazlarının hem insanın toplantısında İzmail din şkolasının remontlanması için kurulan komisiyanın hem seminariya için eni yapı düzmäk için komitetin azası ayırıldı.

1929-cu yılın hederlez ayının 1-dä pensiyaya çıktı. Kendi bölgesindä eparhial daavada azalık etti. 1934-cü yılda konom-stavrofor nışanını kabletti. Aylesindä vardı: karısı Mariya, 1874-cü yıldan duuması,

kızı Anna, 1892-ci yıldan duuması, olları Mihail hem Aleksandr, 1894-cü hem 1898-ci yıllardan[2, İA f. 626, d. 1, dos. 27, y. 8 (ard) - 11 (ard).].

Boba Feodor Çakir geçindi 1939-cu yılın büük ayının 3-dä Broska küüyündä.

İeromonah Nikanor için bulunêr çok az bilgi. Biliner, ani o baştan girmäzdi gagauz dilinä klisä kiyatlarını çevirän komisiyaya. Eni-Nämţa manastırından ieromonah Nikanor, protoiereylär Spiridon Muraneviç hem Kiriak Topalov, angıları ii bilärdilär gagauz dilini, sora koyuldular bu komisiyaya, açan o artık çekettiydi işlemää[7,c.1333].

Boba Nikanor gagauzdu, duudu Tomay küüyündä. Bunu yazêr Ay-Boba Mihail Çakir "Hakikatın sesi" gazetasının 25-ci nomerindä. "Tomaydan bir gagauz Kipriana manastırında oldu ieromonah Porfiri, öbürü oldu Kiţkan manastırında baştan ieromonah Nikanor, sora shimonah Nikolay[3, c.8]", – yazêr ilk gagauz gazetasında boba Mihail.

Popaz Konstantin Statov duudu Kongaz küüyündä Damian Statovun aylesindä. İlkiz izmet etti Akerman bölgesinin Kod-Kitay küüyündä, neredä yaşardı bulgarlar. Sora kendisi danıştı eparhiyanın başına, ki onu geçirsinnär Tatar-Kıpçak küüyünä.

Konstantin Statozun oolu Pavli Statov duudu 1906-cı yılda, bitirdi İzmail din şkolasını hem Kişinöv seminariyasını. Popaz olduynan, izmet etti Ukrainada, sora Bukureştä. 1954-cü yılda Moskva patriarhından mitra kabletti da çeketti izmet etmää Batı Berlindä. Yaşamasında onu, Rus klisesinin popazı olarak, çok devletlerdä izmet etmää yolladılar: Franţiyaya, Üülen Amerikaya, Livana. 1966-cı yılda boba Pavli Kişinöva döndü, neredä Saabinin Gökä Çıkmasının kafedralının başı koyuldu hem işledi eparhiyanın sekretarı. Protoierey Pavli Statov 1971-ci yılda katıldı Rus Klisesinin Erli Derneenä Kişinöv eparhiyasından[10, c.23-24].

Göründüü gibi, Ay-Boba Mihailın yanında bulunardı üürenmiş kişilär, angıları onun gibi istärdilär, ani gagauzlar da okusunnar Allahın Sözünü hem başka faydalı kiyatları ana dilindä. Onnar hepsi gagauz olmasa da, hep okadar çalışardılar gagauzluk için. Örnek olarak, arhimandrit Sofroni var nasıl olsun, angısı grek milletindändi, ama Stambulda yaşadıı hem izmet ettii için, bezbelli, ii bilärdi türk dilini. Olabilir, ki ondan aşırı Ay-Boba buldu karaman dilindä hristian kiyatlarını, angılarını sora kullandı, çevirärkän gagauz dilinä kimi terminneri.

Kaynaklar

1. MRMA – Moldova Respublikası Millet Arhivi
2. İA – İzmail devlet arhivi
3. Ayoz Eni Dimitrinin Basarbovun ömürü yaşaması.B: Hakikatın sesi, № 25, s. 8.
4. Poştarencu D. File din istoria bisericii greceşti Sf. Pantelimon din Chişinău.B: Identităţile 5. Chişinăului: Materiale conferenţiei, 12-13 septembrie 2011. Chişinău: "Pontos", 2012, s. 166.
5. Грек И. Ф. Село Гайдар: очерки истории и культурыB: Лукоморье, Одесса, 2011, с. 156.
6. Кишиневские епархиальные ведомости.КЕВ, 1908, № 35-36, s. 1333.
7. Отчет Кишиневского Православного Христо-Рождественского Братства за 1907 год B: КЕВ, 1908, № 35-36, s. 1333.
8. Противо-расколо-сектантская миссия с открытия Христорождественсокго Братства до настоящего времени (1899-1910).B: КЕВ, 1909, № 37-38, s. 1521.
9. Чакир М., прот. Протоиерей о. Кириак Топалов (некролог) B: КЕВ, 1908, № 46, s. 1686.
10. Юбилей пастыря B:ЖМП, 1977, №11, s. 23-24.

УДК: 811.512.165'367.625

KİMİ GAGAUZ İŞLİKLERİ İÇİN

Güllü Karanfil
доктор филологии, İMBL, Бурса, Турция
gullukaranfil@hotmail.com

Аннотация. В данной работе рассматриваются морфемы некоторых гагаузских глаголов, праформы глаголов, изменения в семантике глагола, происхождение, этимология и их продуктивность. В исследовании используется сравнительно-сопоставительный метод.

Ключевые слова: işlik, gagauz, maana, dil

Annotation. the article considers some of gagauz verb morphemes , verb protoforms, changes in the semantics of the verb, the origin, etymology. The study uses comparative comparative method.

Keywords: işlik, gagauz, maana, dil

Gagauz dilinnän baalı aaraştırmaları başka Türk dillerinnän yannaştırsak, görecez, ani gagauz dili az aaraştırılan dillerdän biri. Bunun sebebi çok: gagauz dilini dünnä türkologlarının tarafından aaraştırmaa geç başlaması (1950-cı yıllar), aaçlık, kaldırma, uzun zaman gagauz insannarının arasından gagauz bilimcilerinin olmaması hem b.

Gagauz işlikleri dilin ayrı bir tarafı gibi ayrı bir tema gibi hiç aaraştırılmadı. Bu yazımızda gagauz işliklerinin semantikalarında diişikliklär, onnarın başka türk dillerindän olan işliklerinnän yannaştırılması, işliin ilkin (pervonaçalnıy) kökeni, angı laftan geldii, hem bu işliktän yaranan başka laflar bakılacek. İlkin lääzım bildirmää, ani gagauz işliin infinitiv forması başka türk dillerinnän başkalanêr:

- *maa, - mää* afilsinnän biter.

DE-. Gagauz dilindä bu işliin bu türlü maanaları var: 1. Sölemää; 2. adlamaa; 3. maanada olmaa; 4. sımarlamaa; 5. bildirmää [GRRM, 186].

Zamandaş türk dillerindä dä bu işlii gagauzça olan maanaları var: türk., azerb., gag. *de*-, türkm. *diy*- [TLS,238].

Ne soruşunun hem *de*- işliin birleşmesindän *ne dämää*? "neçin" soruşu var: bu taa sık valkaneş rayonunda kullanılan bir soruş.

Düşüneriz, ani gagauz dilindä "için" hem "rus. çto, çtobı" maanasında olan *deyni* ardlafı da *de*- işliindän yaranmıştır: *bu dünnäya geleriz, bir gün gitmää deyni* [GK], (yannaştır: türk. *diye*).

Hep bu işliktän "rus. fraza, vırajeniye" maanasında olan *demäk* hem *deyim*

adları yaranmıştır. Hep bu işliktän *demekli* "rus. vırazitelno" nışannıı olmuş [GRRS, 186]. *Demeli* lafı da *de*- işliindän geler.

Bu işlik *te*-*ti*- ufak diişik variantlarda eski türk dilindä varmış [DTS, 545, 558]. Eski türk anıt yazılarında da – bu işliin *tä-//ti-//di*- variantları var [PDP, 428-429]. Tonyukuk anıtından bir örnek: *Altun jysta olurung, -**tidi*** [PDP, 63]«Kal Altun karannında- dedi».

Bu anıtlarda ti-\\te- işliin bu türlü maanaları var: 1. demää, sölemää; 2. adlamaa *Urum **tegän** bir kagan bar erdi* "Urum adlı bir kagan vardı"; 3. Sanmaa, düşünmää *Jadağ jabïz boldï **tep** alğalı kelti*[DTS, 545]«(üç oguzlar) geldilär karlamaa bizi, sanıp, bizi atsız hem yufka».

SÖLE-. Bu işlik *de*- işliin sinonimidir. *söle*- 1. demää; 2. annatmaa; *sölä, nasıl oldu iş* [GRRS, 602]. Gagauz dilinin valkaneş aazında *süle*- variantı kullanılêr.

Başka türk dillerindä bu işlik ufak fonetik diişikliklärlän kullanılêr: azerb. türk. *söyle*-, türkm. *sözle*- [TLS, 795]. Azerbaycan hem Türk dilindä *söyle*- işliin "türkü çal-" da maanası var.

Buradan göreriz, ani gagauz variantında *sölä*- işliin *y* sesi düşmüş, ama biz onun izini uzanan *ö* sesindän hem valkaneş dialektindeki biraz uzanan *ü* sesindän duyerız. Ukraina gagauzlarında *sölä*- işliin merkez dialekttä korunmamış, başka türk dillerindä olan bir maanası var: *türkü söle*- "türkü çalmaa".

Bununnan barabar gagauz dilindä "karar kabletmää", "nasaatlamaa" maanasında *sözle*- işlii var [603]. İşliklerin ikisi dä maanayca pek yakın, da ona görä bir semantik yuvaya girerlär.

"sölemää, annatmaa", "lafetmää" maanasında *sözle*- işliinä eski türk yazılarında da rasgeleriz: Qorkmanglar m(ä)n ämty sizlärkä tirilmiş tyltakymyn sözläjin! [PDP, 154]. «Korkmayın, bän şindi sizä dirilmemin sebepleriniannadacam»; Otağka öpkäläp sügä sözlämädük [DTS, 512] "Üfkelendiynän çadıra o askerlän dä lafetmäzdi".

Eski türk sözlüündä zorlamak forması da var: Ol meni sözlätti " o beni lafettirdi" [MK, II, 346].

Oguz grupası türk dillerindä bu eski işliin iki variantı da kullanılêr, ama kimi türk dillerindä semantik diişiklii göreriz: gag. hem türkm. *sözleş*- "lafa durmaa, lafetmää" maanasındaykan türkçä hem azerbaycanca "baarışmaa, çekişmää" hem "annaşmaa" maanasında bulunêr [ARS, 317].

Gagauziyanın Valkaneş dolayında *dilleş*- işlii kullanılêr da hep "lafetmää" maanasına geler. Bu işlik Gagauz sözlüünä alınmamış, ama dildä bu türlü kullanılêr: "Avşam Mançi bülüylan biraz oturduk, dilleştik..." (kendi arhivimdän)

Hep bu maanada hem "annaşmaa" maanasında *dilleş*- işlii kullanılêr oguz grupası türk dillerindä. Ama azerbaycan dilindä bu işliin "baarışmaa, çekişmää" maanasında kullanıldıını bileriz.

Belli olêr buradan, ani gagauz dilindä ”lafetmää” maanasında olan *dilleş-* hem *sözleş-* işlikleri sinonimdir.

Oguz grupasında türkmencedän kaarä *sölän-* işlii annadılmaa, denilmää” maanasından kaarä, “kendi kendinä lafetmää” maanasında da kullanılêr[ARS, 317], [TRS, 789], [GRRS, 602]. Bu işliktän gagauz dilinä *sölenti*«произношение» hem *söleyiş*«пословица, поговорка» adları peydalandı [GRRS, 603].

Bizim bu iki örnektän belli, ani *söle-* işlii *sözle-* işliklerin ilkin forması *sö-*morfemasıymış. V. Radlovun sözlüündä “lafetmää” hem “saymaa” maanasında olan sa-//sā- işlikleri var [RS, IV, 216-217]. Buraya eski türkçedä “söz, laf” maanasında olan *sab*//*sav**saw [DTS,* 478, 491, 492]laflarını eklesek, doorudan da aaraştırdıımız işliklerin ilkin forması olan *sa* morfemasını göreriz. Hep burada *sab ïd* “lafetmää, haber vermää” lafbirleşmesini, *savçı* “haberci” (vestnik) sözünü göreriz (478). Mahmud Kaşkarlının “Divanında” *sawla-* “annatmaa, sölemää, “söleyış” lafına rasgeleriz: *Ol tilim sawladı* “O çok lafedärdi”[MK, III, 297].

Buradan annaşılêr, ani taa eski vakıtlarda “laf, söz” annayışında olan *söz*, *sab*\\ *sav* lafları sinonimmiş. Bunnarın **sa* morfemasından yaranması da X asiräkadar artık sinonim gibi kullanılması, lafın pek eski olduunu gösterer. Bezbelli, *sa-* morfemasının gelişmesi sonucunda serbest durumda karşılayamadıımız *sö* kökü oluşêr, angısında bizim aaraştırdıımız işlik peydalanêr.

Türk dillerindä rasgelinän *sö**y**le-* hem *sö**z**le-* işliklerin bu variantlarda olmasını ta eski türkçedä *y // z* ses diişmesi olduuna (yanaştır: gag., azerb., türk. *ayak* hem*azak* “ayak, rus. noga” [DTS, 72] baalêêrız.

DANIŞ-. “nasaat almaa” maanasında *danış-* işlii gagauz dilindä sık kullanılêr: *Onun karısı İosifä danıştı* (2004, 48) Bu maana türk dilindä dä hep bir türlü [TRS, 209], [GRRS, 179]. Azerbaycan dilindä *danış-* lafetmää, annaşmaa maanasında kullanılêr [ARS, 221].

Gagauz dilindä “bir birini tanımaa” maanasında *tanış-* işlii dä var(641). Burada D//T ses geçidini göreriz. Sessiz *t* sesi taa eski olduu için, ilkin forma *tanış-* sayılêr.

Bundan çıkêr, ani ilkin *tanış-* “tanımaa, yakınnaşmaa”maanasından *danış-* “nasaat almaa” – laf forması hem maanası peydalanêr. Gagauz dilindä bu türlü ses geçitleri var: tarak// darak, tak- //dak- hem b.

OKU-.Gagauzça sözlüktä bu işliin maanaları bu türlü verilmış: 1. читать; 2 назначать; 3. *уст*. освящать; заговаривать; 4. учиться [GRRS, 491].

Ama büünkü gündä olan literaturayı aktarsak biz salt iki maanayı bulacez – “читать” hem eski nışannanan “освящать; заговаривать”.

Öbür maanalara artık rasgelinmeer. Başka türk dillerindä gagauz dilindä olan maanalarlan birerdä *üürenmää* maanası var: azerb. *oxu-*, türkm. *oka-*, türk. *oku-* [TLS, 346]. Bezbelli, gagauz dilindä üürenmää maanasında bulunan *oku-* işliin maanası eskimiş, da Sözlüktä olsa da artık bilinmeer.

“Dua okumaa” maanası Oguz grupasının türk dillerindä hepsindä var: türk. Ezan okumak [TRS, 686], türkm. Doga okamak [Turkm.RS, 486], azerb. Dua oxumaq ARS, (275).

Azerbaycan hem türkçedä *oxu-**oku-* işliini var “türkü çalmaa” maanası da [ARS, 275, TRS, 686].

Eski türk dilindä *oku-* “çaarmaa”, “okumaa” maanasında kullanılêr: mini okydy “çaardı beni” manga okydy “...bana okudu” [PDP, 154], ol meni okïdï “o beni çaardı”, Er bitig okïdï “Adam kiyadı okudu” [DTS, 369].

Oku- işliin formaları (oka-, okï,) bu işliin *ok-* //*ox-* morfemasından yarandıını gösterer.

Vilgelm Radlov “ses, baarış”, “söz” maanaasında uygur*nış*. *ok* lafınnan ona sinkretik olan “çaarmaa, adlamaa”*ok-* işliini hem *okı-*//*oku-* işliini “çaarmaa, teklif etmää, baarmaa”, “çalmaa (kuşlar hem insannar için)”, “okumaa”, “üürenmää” [RS, I, 991-993] birerdä verer. E. Sevortyanın da etimologiyası hep bu türlü veriler [ЭСТЯ, I, 439-441]. Başka türlü desek, bu iki türkolog *oku-* işliin uygurcada olan ok “ses, baarış”, “söz” maanasından geldiini deerlär.

Bu da meraklı, ani *okunmaa* lafı “rus. çitatsya, priçisçatsya” maanalarınnan barabar “kendi-kendinä sölenmää, homurdanmaa” maanasında kullanılarak, *sölenmää* işliin sinonimi sayılêr.

ÇAAR-. Bu işlik başka türk dillerindän fonetik formasına görä Ğ sesinin düşmesinnän başkalanêr: azerb., türk., *çağır-*, türkm. *çagır-* (ça:gır) “çaarmaa”, “sesetmää”, “teklif etmää”, kıpçak grupası türk dillerindä dä bu işlik *çakır**sakır**şakır* ses variantlarında raslanılêr [ME, 424].ğ sesinin düşmesinnän iki uzun vokal peydalanêr, da başka türk dillerindä olan ikikısımnı zorlama formasında bulunan *çağır* işlii gagauz dilindä bir kısımnıya döner.

Gagauz dilindä bu maanalardan kaarä “yaygara, şamata kaldırmaa”[GRRS, 124] maanasında da var. Bunu biz *çaarış- baarış* çift lafta göreriz.

M. Kaşkarlıda *čaq čuq koptï* “baarış, yaygara koptu” çümlesini inceleyeräk Sevartyan bu işliin temelindä *çag//çak* morfeması durduunu deer [Sevortyan, 1962, 268]. “çaar” maanasında olan Çağır- formasında bu işlik Abu Hayyanın sözlüündädä yer almış [AH].

Azerbaycan dilindä kullanılan *çaqnaşma düştü*“düüş, çekiş başladı”lafbirleşmesindän dä bu işliin *çak\ çag* morfemasından geldiini taa bir kerä göreriz.

AYKIR-. GRRStä olmayan, taa sık Valkaneş dialktindä raslanan bu işlik “çaarmaa, sesetmää” (rus. oklikati, podzıvati) maanasında kullanılêr: *Ya oyalan biraz, ba çocuk - aykırdı Şakaciya zaabit*(SE,).; *Te çocuk aykırer:– Mari kız, tanıyersın mı çiçeeni*? [SE, 36].

Laf Eski türk sözlüündä var: *Ajqır*- “baarmaa, naara etmää”[DTS,30]

Merkez dilalektindä olmadıı için onun *haykırmaa* variantı yok. Bu işlik başka türk dillerindä dä var: tür. haykır,

Bu işliklän barabar genä gagauz dilindä olan, *ay* morfemasınnan başlayan **aynaş**- hem **ayleş**- işliklerini dä aaraştıracez. İşliklerin üçü dä bu grupaya girip insanın ses çıkartmasınnan baalıdırlar.

Aynaş- işlii GRRStä olsa da, taa sık valkaneş taraflarda hem Ukrainanın Balboka hem Kurçu küülerindä kullanılêr da “laapça yada sokakça adınnan danışmaa”, hem “kıza takılmaa, onunnan lafetmää” maanasına geler [GRRS, 63]. Bu işliin h sesinnän başlayan variantı yok.

Ayleş- işliinä GRRStä baktıynan *haylemää*, *hayleşmää* h`lı variantları veriler dä “aalaşmaa (rus. jalovatsya, setovati, roptati)” maanasında kullanılêr [GRRS, 62-306].Bu lafa biz taa sık folklor materiallarında rasgeleriz:.....

Bizim fikirimizä görä bu üç işlii kuruluşunda hem maanalarında göreriz, ani bu işliklerin praforması *AY- morfemasınnan baalı.

Ay- morfemasına rasgeleriz Qutadqu Bilik kiyadında: *Aj* “lafetmää, annatmaa; annaştırmaa” *bab til erdemin asïγïnjasïn ajur* (yedinci) başlıkta dilin faydası hem zararı için annadılêr [QBK, 8]. Eski türkçä sözlüündä bu maanadan kaarä “adlamaa”, “nışannamaa, göstermää, kollamaa” annayışları da var [DTS, 25].

Hep bu sözlüktä *ajït*- 1.“brakmaa lafetsin”, 2. “sormaa, soruşturmaa”, 3. “göstermää, nasaatlamaa, 4.“lafetmää, sölemää” maanaları var: *męn oŋar sözajïttïm*“я сказал ему слово”[DTS, 28] Azerbaycan yazılı eski anıtlarından biri “Kitabi Dede Korkut”kiyadında *ayıttı* “söledi” maanasına da sık-sık rasgeleriz [KDQ, 23]. Eski türk sözlüündä *ajmaq*«разъяснение, беседа» [DTS, 30].

Zamandaş türk dilindä, gagauz, türk hem azerbaycan dillerdän kaarä, *ayt*-\\eyt- biçimindä “demää, sölemää” maanasında kullanılêr.

Azerbaycan türkologu Vagif Aslanovun fikirinä görä ad “имя”lafı (prototip - āt (aat) bu uzunnuk türkmen, yakut, gagauz dilindä büün dä kullanılêr) *ay*- işliindän olmuş. [1, 32]. Azerbaycan türkçesinin dialektindä *ayama* “laap, prozvisşe” lafı da gagauzcadakı *aynaşma* lafınnan hep bir köktän.

Gagauzçadakı *hayle-// hayleş*- variantları gösterer, ani *h* sesi soradan eklenmiş bu sözä (yanaştır: gag. az. halma, harpa, harmut).

Hep burada **Ay**- “1. трезветь; 2. пробуждаться” işliini de aaraşrırmaa isteriz. Başka türk dillerindä bu işlik *ayıl*- formasında kullanılêr. Hep bu formayı bulêrız M. Kaşkarlının “Divan”ında iki variantı ayıl-\ adıl- “uyanmaa, kendinä gelmää”[MK,I, 194] hem Abu Hayyanın kitabında *ayıl*- “aymaa, uyanmaa”[AH,47].

Eski Türkçe sözlüündä *ajmaq* “razyasneniye, beseda” lafı var [DTS, 30]. Sanêrız, ani gagauz dilindä kullanılan *aymaa* işliin maanası eski *ay* morfemasının maanasınnan bir semantik yuvaya girer.

Bizim fikirimizä görä, yukarıda *ay*` lan başlayan aaraştırdıımız 4 sözün temelindä -kır, -na+ş, le+ş afikslerin yardımınnan kurulmuş AY morfeması durêr.

SAY-. Pek eski sayılan bu işlik Kaşkarlı Mahmudun sözlüündä saymaa maanasında *sa*- gibi veriler: *Er qonuğ sadı* [MK,III, 247] Adam koyunnarı saydı. A. Sçerbaka görä bu işliin praforması *SA morfemasıymış, neredä *a* sesi uzun okunardı *sa*:-. Türk dillerindä salt türkmen dili bu uzunnuu korumuş: *sa:n*- “esap etmää, saymaa”, *sa:n* “sayı” [Turkm RS, 564, 562].

Bu işliktän *sayı* “rus. çislo, sifra, nomer” termini, *saygı* “hatır” lafı, *sayıklamaa* “düşündä lafetmää” işlii kuruldu [GRRS, 565].

Gagauz dilindä hem oguz grupasının kalan dillerindä “esap etmää, saymaa, düşünmää” maanasında ***san***- işlii var.

Hep bu morfemadan *sanki* lafı kurulmuş, angısı taa ileri *sanki* “esap et, ani” maanasındaydı, neredä - *san* “predpolagay” hem - *ki*paycık. Taa sora bu iki morfema birleşerek kalıplaşmış. Azerb., türk., gag. dillerindä dä hep o formada kullanılêr.

Kongaz gagauzları lafetmeklerindä *sayki* lafını kullanêrlar.

Buradan belli olêr, ani eski *say*- hem *san*- işliklärlän barabar *sanki* hem *sayki* variantların ikisi dä gagauzçada kullanılêr. *Sanmaa* hem *saymaa* işliklerin dä semantikası bir türlü, salt *say*- işliindä *sayı* maanası var.

AAR-. Gagauz sözlüündä *eski* nışancıınan verilän bu laf taa sık Valkaneş aazında kullanılêr. Sözlüktä *aydınnanmaa*: *dan eri aarêr* hem *biyazımaa* (saç için) verilän maanalarlan barabar *aarmaa* (yıkanmış giysilär için, saçlar için) maanası sık kullanılêr: Çamaşırlar büün islää aarmış [Ütülüküü, Similidi M, 72 yaş.].

Bu söz eski kiyatlarda da var: *ag̈ar*- “ihtiyar olmaa, biyazlanmaa”, gökTü, uyg. *akar*- “biyaz olmaa”. KE *ag̈ar* “benizi aarmaa”

Zamanddaş türk dillerindä bu işlik bu formada kullanılêr: türk., azerb., başk., kkalp. *ağar*-, türkm. *ağar* [TLS, 8-9].

Burada belli olêr, ani gagauz dilindeki *aar*- işliin formasında türkçedä dä olan, ama işidilmeyän *ğ* sesi düşmüş dä iki vokal yan-yana geleräk birleşmiş bir uzun a gibi olmuş. Taa doorusu, nezamansa iki kısımnı olan bu laf (*a-ğar),* şindi bir kısımnı sayılêr.

Belli ki, *aar*- işlii *ak* “biyaz” nışannıından kurulmuş. *Ak* sözü zamandaş türk dilindä olduuu gibi gagauz dilindä dä var [GRRS, 22] Bu söz Eski türk yazılarında da var: *aq* “biyaz”, “boz, biyaz” (at için), “uygun, islää”; *aq bulut* [DTS, 48].

Fikirimizcä bu işlik bölä bir yol geçmış: *aq//ak>ağ>ağar>aarmaa.*

AARI-. Gagauzsözlüündä bu işlik yukarda aaraştırdıımız işliin omonimi gibi verilmiş: *aarmaa* “acı duymaa,”gibi verilmiş [GRRS, 12]. Hep burada bu maananın *aarımaa* variantı da var, neredä *aarı* “acı”. Bu işlik eski sayılêr da taa sık folklorda rasgeliner: *Başım aarêr,*

Başım aarêr.
Ya bän pazara varayı,
Al fes başıma alayım (Gagauz Halk Türküsü).

Sözlüü hazırlayan dilcilär halk türküsündä sölenän şindiki zamanın işliinä bakarak yanılmışlar, da ilk variantı *aarmaa* gibi kabletmişlär, ama doorusu olacek *aarımaa,* çünkü işlik “aarı” lafından geler.

Buna temelleneräk bu işlik läázım *aarıyer* gibi yazılsın. Burada biz bir formada olan adlık (*aarı*) hem işlik (*aarı*-) göreriz .

Eski türkçedä aγïrï “hasta olmaa” [DTS, 19]. Zamandaş türk dillerindä: azerb., türk., türkm. ağrı [TLS, 23]

Burada da yukardakı örnektä gibi ğ sesinin düşmesini göreriz, da da iki kısımnı lafın bir kısımnı laf olmasını göreriz.

BEKLE-. Bu işlik te pek meraklı. GRRStä bu lafın “beklemää”, hem “korumaa, gözetmää”, “ummaa” maanaları var. Hep bu maana Türkiyä Türkçesindä dä. Azerbaycancada salt “korumaa, gözetmää” maanası kullanılêr [ADİL, I, 243]. Türkmencedä beklemää işliin karşılıı *garaşmak* [TLS, 58-59], neredä o taa yakın bulunêr “gözetmää” maanasına.

Eski türk dilindä däbu laf hep butürlü fonetik variantta var: bekle- “beklemää, gözetmää, kollamaa”(AH) (< *berk+le beklemek, sağlamnaştırmak) [melek, 243]

KT, uyg. Bekle- “baalamak, kaavilemää, kilitlemää [ERDAL,II 433]”;

Bekle- beklemää, gözetmää, saklamaa, tutuklamaa, pekitmää, kapatmaa [MK, III, 292]; bekle- “korumaa, saklamaa” [NF, I, 221]

Bu işliin semantikasını taa islää annamaa deyni, yannaştıralım gag. *pek*«очень, сильно», *pekişmää* «становиться твердым, крепким», *pekitmää* «укреплять, закреплять», *peklik*«целина», «твердость»[GRRS, 517]

Kıpçak grupası türk dillerindä bu işlik *bikle-//bekle*- ses variantlarına rasgeleriz da “kapamaa, halkalamaa, ezberlemää, kilitlemää” maanasında kullanıldıını göreriz [2, 424].

P//B ses diişmesi türk dillerindä belli bir olay: az. *barmaq*, gag. *parmak*; gag. *pek*, az. *berk* hem b.

Buradan belli olêr, ani gagauz dilindeki *bekle*- işliin ikinci maanası "korumaa, gözetmää" nezaman sa ilk hem tek bir maanaymış, angısı taa sora gelişmiş «ждать, ожидать» maanasına.

ADA-. Gagauz dilidä bu işliin bu türlü maanaları belli: 1.«дарить»; 2.«обещать»; 3.«отдавать»; 4. «посвящать» [GRRS, 18]. Bizim gözetmemizä görä, bu maanalardan «обещать» olanı ilk yerdä lääzım dursun, çünkü bu 4 maanadan en çok kullanılan ikincisidir. Bunu biz hem dä *adanmaa*, *adanmak*laflarının maanalarından göreriz, neredä ilk yerdä durêr «обещать» maanası.

İşlik *ad* sözündän +*a* afiksindän geler, neredä ad «имя». Eski türk sözlüündä *ad* at//āt formasında veriler [DTS, 64]. Hep burada *Ata*- işlii var 1. Ad koymaa, 2. titul vermää. 3. Adını sölemää, anmaa, lafı azından çıkarmaa [DTS, 66].

Gagauz dilindä bu işlik dar çevredä kullanılêr. Üçüncü maana gagauzçada olan bu işliin ikinci maanasına pek yakın. Başka türlü desek, bir insan bişey adarkan o insanın adını söler, buradan da *adamaa* işlii kurulmuş. Azerbaycanda verilmiş, nışannanmış kıza *adaklı kız* deerlär. Bu da «обещаный» maanasına geler. Son zamannarda gagauz radio hem televizionu gagauzça kutlama hem başka programalarda *dilemää* [GRRS, 196]işliin yerinä *adamaa* kullanêrlar. Bu da büük yannışlıktır, esapederiz.

Din- bu işliin ilk maanası "yorulmaa, kuvettän düşmää"[GRRS, 197], ikinci maanası da "durmaa" maanasında kullanılêr (örn.yaamur dindi). Bu işliktän oluşmuş, sözlää yazılmayan, *dingin* nışannıı da kullanılêr: *Yoldan geldim dingin bän*...(D. Karaçoban). Türk, türkmen, uygur hem özbek dillerindä *tın-//tin*- işlii var "durmaa, durgunmaa" maanasında [TLS, 173-174].

Gagauz dilindä siirek nışancıınnan verilän *dinç* "saalıklı, dinnenmiş, kuvetli"lafı da var [GRRS, 197]. Valkaneş dolayında bu lafa sık rasgeleriz. Bu laf bu maanada başka türk dillerindä dä var(174-176). Gagauz dilindä olan *dinnen*- hem kimi türk dillerindä olan *dinl*ä- "seslä" hep Eski Türkçä Sözlüktä olan TİN- 1. Solumaa; 2. dinnenmää; 3. uslanmaa; 4. durmaa işliindän geler (DTS, 567) Hep burada *tın*! ostanovisi, (=zamolçi!), neredän *dinle* (gag. sesl) maanası oluşmuş. Ebu Hayyanın Kitabu`l- İdrak li Lisani`l- Etrak kiyadında *dinlen* "dinnen" maanasında var (2. A. Melek Özyetkin, 448)

Aaraştırmamız gösterer, ani gagauz dilindä olan *din*- işliin ikinci maanası ilkin (pervonaçalnıy), ondan yaranmış "yorulmaa, kuvettän düşmää" maanası.Fikirimizä görä, *din*- işliin iki maanasını kaynaştıran "yavaşımaa, yavaşlamaa" annayışı durêr, neredä tabiyat olayın haseeti geçer insanın fizik durumuna da gösterer insanın yavaşımış hem yorgun olduunu. Gagauz dilindä hem kimi türk dillerindä olan *dinç* "saalam" lafı "dinnenmiş, kaavileşmiş" maanasından geler.

Kotar- ölçüylän koymaa, bölüştürmää, (paçayı, südü, imääyi kotarmaa)[GRRS, 415]. Bu işlik Mahmut Kaşkarlının "Divanu-Lugat it türk" kiyadında da var: QOTUR- II perekladıvati, perelivati; vıkladıvati, vınimati, vılivati (iz kakoy-to posudı)[MK, II, 71, 170]. Türk dillerindän kaarä salt Türkiyä türkçesindä "boşaltmaa"[TLS, 502-503] hem dä Balkannarda yaşayan türklerdä hem gagauzlarda bu işlik kullanılêr hem gagauzçada rasgelinän bu eski işlik başka türk dillerindä kaybelmiş.

Sınaş- gagauz dilindä hem Balakan türklerindä olan, başka Türk dillerindä bu formada rasgelmeyän bu işlik pek meraklı. *Sınaş*- alışmaa, adapte olmaa(bişeyä, kimä sä) [GRRS, 581]. Başka türk dillerindä rasgelmeyän aaraştırdıımız formaya yakın olan bu laf, azerbaycan dilindä *İsinişmək* formasında kullanılêr. Buradan bir çıkış yapêrız, ani gagauz dilindä *sınaş*- işliin kökündä durêr *Yısın*- işlii [GRRS, 719]. Ona görä Türk dillerindä *yısın*- işliini aaraştıralım.

Türkçä *ısın*-, az., özb., uyg. isin [TLS, 359-359], Azerbaycan dilindä "alışmaa" maanasında *İsiniş*- lafı var. Gagauz dilindä lafönü durumunda incä vokal işidildii için başlayan lafların önünä Y sesi geler deyni bizim örnektä*yısın*-. Fikirimcä, Azerbaycan dilindeki olan *isinişmäk* işliin formasına benzeyän *sınaş*- işliin Yı sesi düşmüş. Gagauz dilindä bu olaya rasgeleriz İstanbul>Stanbol, İspas > spas.

Böleliklän, sanêrız, ani *sınaş*- bu türlü meydana çıkmış: *İsinış*- > (*yı*)*sınaş*-.

Küçük uşak yabancı bir yerä musaafir geldiysä dä kendini yabancı gibi, sıkılı tutarsa Gagauzlarda bir laf var, "Brak onu, çözülecek (rus. ottayet)o şindi". Bu laf bizä*sınaş*- işliin *yısın*- kökündän geldiini annamaa yardım eder.

Bir kaç gagauz işiin aaraştırılmasının sonunda, göreriz:

1. Bu işliklär hepsi türk kökenni;
2. Kimilerin formaları salt gagauz dilindä hem Balkan Türkçesindä kullanılêr;
3. Kimileri kendi eski maanalarını korumuş, kimilerindä dä maana kayması göreriz;

Kullanılmış kiyatlar

1. Vagif Aslanov. Azərbaycan dilinin tarixinə dair tədqiqlər,II, Bakı, Elm, 2003
2.A. Melek Özyetkin. Ebu Hayyan. Kitabu`l-İdrak liLisanil-Etrak. Fiil:Tarihi-Karşılaştırmalı Bir Gramer ve Sözlük Denemesi, Köksav. Ankara,2008

Kısaltmalar

AH- Əbu Həyyan Əsirəddin Əl-əndəlusi. Əd-dürrə əlmudiyyə fi-l-luğa ət-türkiyyən "Türk dilində parlaq inci", Bakı, 1997.
Turkm.RS – Туркменско-русский словарь, M., 1969
ADİL- Azərbaycan dilinin izahlı lüğəti, Bakı, "Şərq-Qərb", 2006
GRRS- Gagauzça -romınca-rusça sözlük, Pontos, Kişineu, 2002
KDQ- Kitabi -Dədə Qorqud, Bakı, 1977.
RS – Radlov V.V. Opıt slovarya türkskih nareçiy, t. I-VI, 1893, 1899,1905, 1911.
DTS- Drevnetürkskiy slovari,L.,1969.
PDP- Malov S.E.Pamyatniki Drevnetürkskoy Pismennosti, M.-L., izd. AN SSSR, 1951
TLS- Türk Lehçeleri Sözlüğü, I cilt, Ankara, 1991
MK- Mahmud Kaşkari. Divanü luğat-it-türk tercümesi, I-III cilt,Ankara, 1939-1940
ERDAL Marcel Erdal.Old turkic Vord formation. A Funksional Apporoach To the Lexicon, I-II, Viesbaden, 1991
SE- Saveliy Ekonomov. Sınırlı. Sabaa yıldızı, 26 sayı, 2004.

УДК: 94(=512.165)(560=495)

ИСТОРИЯ ГАГАУЗОВ ТУРЦИИ И ГРЕЦИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

Булгар С.С.
заведующий отделом истории и этнологии,
Научно-исследовательский центр Гагаузии им. М.В. Маруневич
bulg2004@mail.ru

Annotation. Currently in Greece the Gagauz are inhabiting mainly three regions. The largest group of Gagauz villages is located in northern Greece, in the villages around the city of Nea Orestiada and Didymoteicho. The area of Nea Orestiada: Amovouno, Arzos, Valtos, Dilofos, Furio, Kavili, Kanadas, Keramos, Kliso, Krios, Kiprinos, Lepetit, Inoi, Ormenio, Pali, Plati, Pyrgos, Sagini, Sakkos, Spileo, Phylacio. In the area of Didymoteicho: in villages Asvestades, Eugenico, Kosti, Pulia, Savra. There are some Gagauz village around Komotini, Amphia and Nea Calista, Ksanti, Hrisohorafa and New Zihni, Serres, Lagada, Iraklio, Perivolaki and Thessaloniki, as well as Gagauz families scattered in the prefecture of Kilkis and villages of the Thessaly.

During the rule of the Ottoman Empire Gagauz inhabited the European part of the region of Thrace. You can make a list of Gagauz villages in the vicinity of Edirne in the late XIX - early XX centuries, based on the evidence of the Greek Gagauz, whose ancestors lived in Turkey. These villages are Havsa, Baba-Eski, Kyzyl Agach, Azatly, Kara-Kasim, Olpasha, Sharaplar, Aslaan, Kuleli, Imam Pazar, Osmanli, Karasykly, Tatar, Indzhekioy etc.

The second group of Gagauz settled in Greek Macedonia, where they founded the new villages Hrisohorafa and Callisto. The inhabitants of these villages are mostly immigrants from Turkey, from the village of Kara Halil , nearby the town of Kirklareli (Lozengrad). The third group of Gagauz inhabits Greek Macedonia in Nea Zihni, but this group of Gagauz, unlike the first two, are indigenous to the area.

Cultural and ethnic characteristics of the Gagauz inhabiting Turkish and Greek appear in dialects of Gagauz language, as well as local differences in spiritual and everyday culture.

Key words: Gagauz, Greek Macedonia, Greece, Nea Orestiada,

Отличительной особенностью истории гагаузов Турции и Греции является то, что эта группа гагаузов Балканского полуострова на протяжении столетий была обделена вниманием исторической науки. Скудные источники, малочисленные публикации создают сложности в исследовании данной темы. Материалы по этой теме собирались во время экспедиций по гагаузским селам Греции, в историко-этнографическом музее города Неа Орестиада[12,с.44], где представлено большое количество этнографических материалов, в городском музее города Александрополиса (административный центр греческой Фракии), в музее города Неа Зихна (греческая Македония), в Балканском научном центре в городе Салоники, а также в национальной библиотеке Турции в г. Анкара.

Первая публикация о гагаузах в периодической печати Османской Турции появляется в 1867 году в издаваемой неким Ivan Petri в Стамбуле на французском языке газете “Courrier d’Orient”. Этот же материал был перепечатан в газете “Hayâl” под заголовком «Гагауз»[11, с.166-167]. Данная публикация, небольшая по объему, интересна тем, что это одно из первых упоминаний о гагаузах на Балканах во второй половине XIX в.

Первым ученым, написавшим о гагаузах Османской Турции, проживающих в окрестностях г. Адрианополя (Едирне), в конце XIX в., является чешский исследователь Константин Иречек. В своей статье «Няколко бележки върху остатъците от Печенези, Кумани, както и върху тъй наречените народи Гагаузи и Сургучи във днешна България» он пишет: «Уголок сургучей я знаю понаслышке. Их становище – 5-6 сёл в Одринском округе и несколько поселений в Хафсе и Баба-Ескиси, о пути из Одрина в Царьград. В Кызел-Агаче в Восточной Румелии в низовье Тунджанской долины я слышал, что их называют также Зелевци. Они, должно быть, абсолютно похожи на гагаузов; они – православные христиане, говорят по-турецки и в большинстве своем – виноделы».

Следующим исследователем, который специально поехал в 1903 г. изучать гагаузов в Турции, был русский этнограф В.А. Мошков. Эту этнографическую экспедицию на Балканский полуостров финансировало Императорское Русское Георграфическое Общество. По подсчётам Мошкова, сургучей-гагаузов в казах (волостях) Андрианополя, Демоника, Узун-Кёпрю, Баба-Эски и Лозенград проживало *«около 7330 душ обоего пола»[5 с.56]*. Гагаузов-сургучей В.А. Мошков смог посетить только на короткий срок, хотя за один день пребывания в с. Кара-Касым он смог собрать *«довольно порядочно материала и составил этнографическую карту ближайших окрестностей Адрианополя»[5, с.55]* (Едирне). В этой местности гагаузы-сургучи жили в сёлах Азатлы, Кара-Касым, Олпаша, Шараплар, Аслаан, Кулели, Имам Пазар, Османлий, Карасыклий, Татаркиой. Гагаузы жили также в городе Хавса и недалеко от города Димотика в селе Инджекиой. В.А. Мошков отметил, что *«сургучей в Андрианополе называют не только этим именем, но ещё и гагаузами»[5, с.56]*. Относительно языка гагаузов-сургучей Мошков пишет, что он *«чрезвычайно близок к наречию болгарских гагаузов»[2, с. 434]*. В.Мошков указывает на диалектные отличия языка сургучей. В частности, интересно, что гагаузы-сургучи, отвечая на вопрос утвердительно там, где болгарские гагаузы говорят на болгарском *«да»*, а османы *«эввет»*, сургучи говорят, как немцы, *«йа»* или *«йо»*. Мошков отметил, что гагаузы-сургучи, живущие в сёлах вокруг г. Адрианополя (Едирне), ставят на могилу камни, на которых рисуют человеческие фигуры и знаки профессии погребённого. Если *«земледелец, то рисуется плуг, запряжённый волами, если скотовод, то человек, гонящий баранов, если женщина, то веретено»[5, с.58]*. Такого рода обычай рисовать на могильных камнях рисунок, связанный с профессией усопшего, у гагаузов Бессарабии этнографами не отмечался.

В 30-е годы XX в. болгарский исследователь К. Младенов изучал переселенцев из села Азатлы, Татаркиой, Олпаша, которые из Турции переселились в Болгарию. Часть гагаузов из этих сёл в 1923 г. переселилась в Грецию. К. Младенова интересовал также вопрос, кем себя считают переселенцы из этих сел в этническом плане. Переселенцы считали себя гагаузами. Никто из них не назвал себя сургучом[4, с.55]. Современные греческие гагаузы идентифицируют себя как гагаузы, и термин «сургуч» в их среде не употребляется [14].

Самая большая группа гагаузов поселилась в области Западная Фракия в Греции. Это историческая область на востоке Балканского полуострова, между Эгейским, Черным и

Мраморным морями. (Восточная Фракия находится в составе Турции, Западная Фракия – в составе Греции, а Северная Фракия – в составе Болгарии). Эти границы установлены Лозаннским мирным договором от 1923 г. В 1923 г., в соответствии с *Лозаннским соглашением*, произошел греко-турецкий обмен населением по религиозному признаку, и гагаузы, проживавшие в Турции вместе с греческим населением, переселились в Грецию, а турецкое население из Греции – в Турцию. В Турции гагаузы жили до 1923 года *«в 17 сёлах»[5 с.55]*, к востоку от реки Марица и к северу от реки Эргене, *«в казах: Адрианопольской, Демотике, Узун-Кöпрю, Баба-Эскийской и Лозенградской»[5 с.56]. «В Греции гагаузы обосновались в 26 населенных пунктах, большая часть которых расположена в греческой Фракии»[13, с.337]*. (рис. 1).

Ушедшие из Турции гагаузские переселенцы поселились в греческой Фракии, недалеко от турецкой границы. В настоящее время гагаузы проживают, в основном, на севере Эвроса, в селах вокруг Орестиады и Дидимотихо. Район Орестиады: села Аммовуно, Арзос, Валтос, Дилофос, Фурио, Кавили, Канадас, Керамос, Клисо, Криос, Кипринос, Лепти, Инои, Ормению, Пали, Плати, Пиргос, Сагини, Саккос, Спилео, Филакио. В районе Дидимотихо: в селах Асвестадес, Евгенико, Кости, Пуля, Савра. Села гагаузов есть и вокруг Комотини, Амфиа и Неа Калисти, в Манганах Ксантис, в Хрисохорафа и Новой Зихни Серрес, Лагада, Ираклио, в Периволаки и Калохори Салоник, а также рассеянные семьи в префектуре Килкис и в деревнях в Фессалии [13, с.338-339].

Город Неа Орестиада также был основан в 1923 г. гагаузскими и другими греческими беженцами из Восточной Фракии. Город расположен в северо-восточном крае области Греции в Западной Фракии, в долине одноимённой реки, недалеко от её русла и является экономическим и административным центром. Это растущий город, и вместе с пригородами составляет общую численность населения около 30 тысяч человек. Прибывшие в 1923 году в Грецию беженцы-гагаузы села Шараплар обосновались на окраине города Неа Орестиада, *«основав село Инои. Вскоре село разделилось на два поселения: Като (нижний) Инои и Ано (верхний) Инои, которые в настоящее время являются двумя из семи прилегающих пригорода города Неа Орестиада»[8]*.

Вторая группа гагаузов обосновалась в *греческой Македонии[9 с.173-175]*, где основали новые села Хрисохорафа и Неа Каллисти. Жители этих сел, в основном, переселенцы из Турции, из села Кара Халил, что в окрестностях города Кыркларели (Лозенград). Село Хрисохорофа известно в Греции тем, что местные гагаузы разводят буйволов, из молока которых готовят сыры[15].

Третья группа гагаузов проживает в греческой Македонии в городе Неа Зихни, но гагаузы, в отличие от первых двух групп гагаузов, являются коренными жителями этой местности. Необходимо пояснить, что в десяти километрах от Неа Зихни находится старинная крепость Зихна, а рядом – развалины села Зихна. В исторических источниках крепость Зихна упоминается с XIII века. В преданиях зихненских гагаузов рассказывается о том, что их предки жили в селе рядом с крепостью и пережили времена османского нашествия и захват самой крепости. Гагаузы, проживающие в городе Неа Зихни, считают себя *«хасыл гагаузами» («настоящие гагаузы»)[10, с.165-167]*. Некоторые сведения о гагаузах Македонии XIX века дает тот же В.А. Мошков, при этом ссылаясь на книгу Васила Кунчева «Македония», изданной в Софии в 1900 году, где пишет: *«Они живут в Солунском вилайете Серском санджаке Захненской казе в селах: Зеляхово, Дольна Нуска, Порна, Захна, Орехово, Толос, Старо-Сер, Горна Нуска, Росилово и Эридере. Всего их около 4000 душ. Они принадлежат к греческой церкви и называют себя греками, но греческого языка не знают»[5, с.59]*.

Климат Северо-Восточной Греции переходный от умеренного к средиземноморскому. Салоникская низменность – одна из наиболее крупных в Греции плодородных равнин. На территориях, близких к местам проживания гагаузов Греции, протекает три реки – Еврос (Марица), Тунжа, Ардас и ряд маленьких речек, среди которых Ана дере, Бююк дере, Чорулдек дере, Чай дере, Шифтан дере, Девижи дере, и много маленьких озер.

До настоящего времени в гагаузских селах Греции сохранились дома старой постройки из самана, крытые красной черепицей, напоминают дома гагаузов Бессарабии начала XX в. Такие примерно дома были и в селах во время их проживания в Турции. Как писал Мошков: *«Быт сургучей, как я уже сказал, очень сходен с бытом гагаузов, но поражает своею первобытностью. Так, например, плугов железных сургучи не знают и даже уже*

вышедший из употребления у бессарабских гагаузов, деревянный встречается у них как редкость, землю же пашут чаще всего сохой (сабан)»[5, с.57]. В сельском хозяйстве гагаузы Греции занимаются, в основном, выращиванием зерна, хлопка, сахарной свеклы, картофеля, овощей и фруктов. В начале XX в. было развито животноводство, держали много овец и разводили стада буйволов. Но в дальнейшем, количество овец уменьшилось, а разведение буйволов в большинстве населенных пунктов прекратилось.

В этнографическом плане большие различия есть в народном костюме, отличающие греческих и бессарабских гагаузов[3, с.108].

Исследователи гагаузского языка и фольклора отмечали влияние, которому подвергся гагаузский язык в период проживания гагаузов в пределах Османской империи. Учёный В. А. Сычёва выявила в современном гагаузском языке более тысячи арабских и персидских слов, признавая при этом самостоятельность гагаузского языка[7].

Доктор филологических наук, профессор, исследователь гагаузского языка Л.А. Покровская исследовала влияние на гагаузский язык караманлийской религиозной литературы и обнаружила группу *«религиозных терминов мусульманского происхождения»[6, с.139]*.

Но при этом учёный подчёркивает, что, *«несмотря на территориальную и лингвистическую близость гагаузских и турецких говоров в северо-восточной Болгарии, трудно предположить, что гагаузы-христиане могли заимствовать арабские и персидские термины устным путём от турок мусульман в процессе непосредственных контактов. Все эти мусульманские термины переосмыслены в гагаузском языке в соответствии с понятиями христианской религии»[6, с.139]*. Анализируя гагаузскую христианскую терминологию, Л. А. Покровская пишет, что «религиозная терминология у караманлийцев и гагаузов почти полностью совпадает», «влияние караманлийской религиозной литературы на гагаузские религиозные термины является бесспорным». Таким образом, можно сделать вывод, что как на Балканах, так и в Бессарабии, проникновение караманлийской литературы в культуру гагаузов, в первую очередь, происходило посредством православной церкви. Если печатная продукция на «караманли» имела ограниченное хождение среди гагаузов, то чтение в церкви молитв, символа веры и других православных текстов, приобщало к караманлийской христианской литературе широкие массы прихожан. *«Эту традицию развил протоиерей Михаил Чакир, осуществив перевод всех религиозных текстов, необходимых для богослужений, на гагаузский язык»[1, с.15]*, который отличается от караманлийского языка как по лексике, так и по синтаксису. Таким образом, у бессарабских гагаузов стал формироваться литературный язык, чего не происходило у греческих гагаузов. Греческие гагаузы пользовались караманлийским книгами. В настоящее время караманлийские книги в Греции мало кто читает, а служба в церквях проводится на греческом языке.

Региональные особенности гагаузов Фракии проявились в области духовной культуры, которая приобрела характерные для этого фракийского региона особенности. Греческие гагаузы на Рождество колядуют на гагаузском и греческом языках.

Признанным центром культуры гагаузов Греции является город Неа Орестиада. В этом городе создано культурное общество «Гагаузос».

В селе Ано Инои создано гагаузское фольклорное культурное общество *«Красохори»[8]*, которое назвали так в честь их старого села в Восточной Фракии. Деятельность общества является многогранной и касается, главным образом, защиты и распространения богатого культурного наследия жителей Ано Инои, обычаев и музыкально-танцевальных традиций, фольклора гагаузов. В обществе действуют танцевальные группы для взрослых и детей, которые участвуют на различных фестивалях народных танцев, танцуют и поют народные танцы и песни. Члены общества «Красохори» сохраняют традиционные фракийские гагаузские народные костюмы (рис. 2).

Еще одним очагом гагаузской культуры в Греции является село Хрисохорафа, основанное гагаузами-переселенцами из села Кара Халиль в 1923 г. В селе Хрисохорафа создан фольклорный коллектив, хорошо известный в регионе.

Культурно-этнические особенности гагаузов Греции проявляются в диалектах гагаузского языка, а также в локальных различиях в духовной и бытовой культуре.

Библиография

1. Булгар С.С. Из истории литературы гагаузов в XIX – начале XX вв. В: Страницы истории и литературы гагаузов XIX – нач. XX вв. Chişinău. 2005, с.
2. Градешлиев И.Гагаузы.Одесса.1998.
3. Маруневич М.В. Материальная культура гагаузов. Кишинев, 1988
4. Младеновъ К. Одринскитъ гагаузи. В: Архив за поселищни проучвания.София, 1938
5. Мошков В.А.Турецкие племена на Балканском полуострове Отчет о поездке на Балканский полуостров лето 1903. Chisinau, 2005
6. Покровская Л.А.Мусульманские элементы в системе христианской религиозной терминологии гагаузов.В: Советская этнография, 1997, №1
7. Сычева В.А. Арабские и персидские лексические заимствования в гагаузском языке.В: Материалы научно-практической конференции, посвященной 7-ой годовщине Гагауз Ери.
8. «Фольклорно-культурное общество «Красохори» с. Ано Инои». Неа Орестиада, Греция, 2007.
9. ΑΡΓΥΡΙΑΔΗΣ ΓΕΩΡΓΙΟΣ ΔΑΣΚΑΛΟΣ. ΚΑΡΑ ΧΑΛΗΑ Η ΧΑΜΕΝΗ ΠΑΤΡΙΔΑ. Χρισοχωραφα Σερρων 2002, 173-175.
10. Ι. Γ. ΠΡΑΖΙΟΥΤΗΣ ΔΑΣΚΑΛΟΣ. Η ΖΙΧΝΗ ΔΙΑ ΜΕΣΟΥ ΤΩΝ ΑΙΩΝΩΝ. 2η ΕΚΔΟΣΗ. Νεα Ζιχνη 1998, с. 165-167.
11. Oğuz Karakartal. “Osmanlı Basınında Gagavuz Türklerine Dair Bir Yazı” .In: Türk Dili, № 542, Şubat 1997. S. 166-167.
12. Πασχαλης Παν. Μαυριδης. *Η Νεα Ορεστιαδα στη ροη του χρονου*. Ορεστιαδα 2008,
13. Χρηστος Στ. Κοζαριδης. Εμεις οι Γκαγκαβουζηδες (Ταυτοτητες – Ιστορικες πηγες και η πορεια μας μεσα στο χροωο). ΠΑΡΑΤΗΡΗΤΗΣ. Κομοτηνη 2009, с. 337.
14. Из личного архива автора. Информатор: Антониос Каитас, 1927 г.р., г. Орестиада, Греция.
15. Из личного архива автора. Информатор: Георгиос Гонас, 1954 г.р., с. Хрисохорафа, Греция.

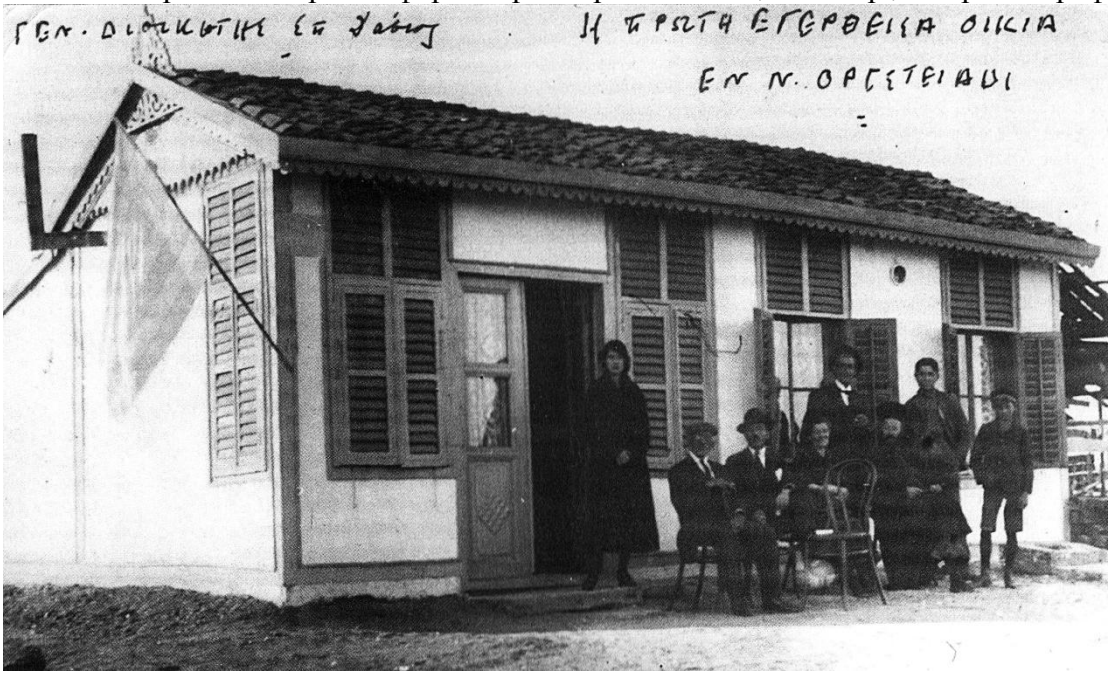

Рис. 1. Гагаузы Греции, г. Неа Орестиада, 1924 г.

Рис. 2. С. Булгар на этнографическом фестивале гагаузов Греции, г. Неа Орестиада, июль 2013 г.

УДК:398.3:291.212.4 (=512.1+512.165)

ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТА ВОЛКА В КУЛЬТУРЕ И ТРАДИЦИЯХ ДРЕВНИХ ТЮРКОВ И ГАГАУЗОВ

Бурханов А.А.
Профессор, академик РНАН, АВИН РФ и МГА «Европа – Азия»,
заслуженный деятель науки Республики Татарстан,
Институт международных отношений,
истории и востоковедения
Казанского (Приволжского) федерального университета,
председатель Волго-Уральского центра Отделения
«Археология и Антропология» РАО-РАЕН
albert_burhan@list.ru

Аннотация. Сохранность в настоящее время у тюркских народов различных элементов, связанных с культом волка, свидетельствует о живучести и значимости подобных представлений. В этой связи наша публикация представляет собой отзыв, на вышедшую работу Е. Н. Квилинковой

по культу волка у гагаузов (2014). Подчеркивается, что в оцениваемом нами объемном труде автору удалось выявить и показать этнокультурные параллели в данной области народной культуры, степень влияния христианства на традиционную обрядность, особенности данного культа у гагаузов в сравнении с другими тюркскими народами и т. д. Отмечается новизна изучения Е. Н. Квилинковой данной проблемы (культ волка у гагаузов исследуется сквозь призму этнокультурных символов), широкое привлечение собственного полевого материала, подробное освещение ею имеющихся в данной области наработок других исследователей и т. д. В заключении подчеркивается вклад автора в изучение рассматриваемой проблемы, а также отмечается значимость изданной монографии для ученых и исследователей братских народов Евразии.

Ключевые слова: тюрки, культ волка, зооморфные символы, гагаузы

Annotation. At present, the Turkic peoples have survived the various elements associated with the wolf cult. The vitality and importance of such beliefs are demonstrated. This article is a review of the published work about the wolf cult of the Gagauz peoples, written by E. N.Cvilinkova (2014). It is emphasized that in this work the author has identified and showed ethno-cultural Parallels in the field of folk culture, the influence of Christianity on the traditional rites, the cult of the Gagauz in comparison with other Turkic peoples, etc. Noted the novelty of the study E. N. Cvilincova this problem, as the wolf cult is explored through the prism of ethno-cultural. E. N. Cvilincova attracts its own field material and examines the historiography of the problem. In conclusion it is emphasized the contribution of the author in the study considered problem. Noted the importance of published monographs for scientists and researchers of the peoples of Eurasia.

Key words: Turks, the wolf cult, zoomorphic symbols, Gagauz

У коренных народов Евразии всегда был огромный интерес к истории и культуре своих предков, национальным традициям и обычаям. Особенно такой интерес усилился в конце XX – начале XXI вв. у народов постсоветского пространства, в том числе у немногочисленных этносов, среди которых важное место занимает уникальный и древний тюркоязычный народ – гагаузы.

У гагаузов, несмотря на огромные изменения в историческом развитии, сохранились многие традиции и обычаи идущих из глубины веков, генетически связанных с древнетюркскими предками.

К этому ряду относится и культ волка – важнейший сюжет в культуре и традициях древних тюрков и других этнокультурных групп Евразии.

К изучению культа волка у гагаузов посвящена недавно изданная монография известного исследователя, доктора исторических наук, доцента Е.Н. Квилинковой «Культ волка у гагаузов сквозь призму этнокультурных символов» [11].

Образ волка является одним из значительных зооморфных символов в традиции не только тюрко-монгольских народов, но также в традиции индоевропейских, финно-угорских и других групп народов [1-10; 12-17]. Тот факт, что до настоящего времени у многих тюркских народов сохраняются различные элементы, в том числе мифологические представления, связанные с культом этого животного, свидетельствует о живучести подобных представлений, в основе которых лежит способ восприятия человеком природы и придававшееся им значение.

Представленный Е.Н. Квилинковой объемный труд, включающий семь глав, посвящен изучению культа волка у гагаузов сквозь призму этнокультурных символов. Данный вопрос представляет особый интерес ввиду того, гагаузы будучи тюркоязычными, по конфессиональной принадлежности являются христианами. Тот факт, что образ волка стал у гагаузов частью национальной символики, свидетельствует об актуальности и новизне проблемы, исследованной Е. Н. Квилинковой. Это, в свою очередь, потребовало от автора рассмотрения и анализа (на основании сохранившихся у гагаузов мифов, преданий, сказок, традиционной обрядности) всего спектра его семантической нагрузки, поскольку это связано с генетической памятью. Работая над данной проблематикой, автор не только выявлял корни, содержание и сохранность того или иного народного обряда, этнокультурного символа, но и предпринял попытку объяснить причину того, почему именно волк, а не иной символ, стал у гагаузов приоритетным, доминирующим.

Как можно видеть, сбор полевого материала по данной проблеме осуществлялся автором в

течение значительного периода – с 1994 по 2014 гг. и охватил два региона, в котором проживают гагаузы – юг Республики Молдова и Северо-Восточную часть Болгарии.

Кроме того, Е.Н. Квилинкова многократно апробировала основные идеи монографии в многочисленных научных и научно-популярных публикациях, а также в ходе участия в международных и региональных конференциях.

Углубленное изучение заявленной проблемы позволило Е. Н. Квилинковой рассмотреть общее и особенное в данной области культуры гагаузов в сравнении с другими тюркскими народами, а также проанализировать влияние этого зооморфного образа на менталитет народа, на традиционные представления и народную обрядность. В ходе изучения данной тематики исследовательнице удалось выявить и показать этнокультурные параллели, степень влияния христианства на традиционную обрядность. При сравнительно-сопоставительном изучении культа волка у гагаузов автор монографии уделила особое внимание выявлению региональных особенностей «Волчьих праздников» у гагаузов в контексте обрядности народов Балканского региона, что вполне оправданно, принимая во внимание общую для данного региона форму и содержание этого культа.

На наш взгляд, Е.Н. Квилинкова, успешно справилась с поставленными в монографии задачами. Исследуя культ волка у гагаузов через призму этнокультурных символов, она не только выявила его форму и содержание, но и рассмотрела образ волка в конкретной этнолокальной традиции, привела современный полевой материал и сохранившиеся у гагаузов предания.

Всестороннее изучение и понимание символики образа волка в гагаузской традиции представляется важным не только с точки зрения понимания различных вопросов, связанных с социокультурными процессами и жизнедеятельностью их предков, но и в связи с современными этнополитическими и этнокультурными процессами, протекающими в гагаузской среде. Очевидно, что проблема, связанная с изучением культа волка, является не только частью истории, но и находит свое воплощение в мировоззрении народов современного мира, где символ волка получает новые смысловые формы и ориентиры. Таким образом, правильное понимание его смысловой нагрузки может внести ясность не только в изучение социокультурных традиций прошлого, но и найти соответствующее применение при анализе современных этносоциальных процессов, а также при прогнозировании будущих. Своей монографией Е.Н. Квилинкова вносит существенный вклад в научное изучение данной проблематики.

Основные материалы и выводы монографии гагаузского исследователя станут базовыми для ученых и исследователей братских народов Евразии при изучении данной проблематики.

Библиография

1. Алексеев Н. А. Ранние формы религии у тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1980.
2. Аннаклычев Ш. Мотивы выбора имен у туркмен. В: Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. М., 1970.
3. Безертинов Р. Н. Татары, тюрки – потрясатели вселенной (История Великих империй). Новосибирск, 2001. 733 с.
4. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1–3. М.–Л., 1950–1953.
5. Давлетшин Г. Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа. Казань. 2004
6. Золоторев А. М. Пережитки тотемизма у народов Сибири. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1934.
7. Иванов В. В. Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка В: Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1975. Т. 34. № 5. С. 399-408.
8. Иванов В. В. Древнебалканский и общеиндоевропейский текст мифа о герое-убийце Пса и евразийские параллели. В: Славянское и балканское языкознание. в 4 т. М., 1977. С. 181-213.
9. Иванов В. В. Сходные черты в культе волка на Кавказе, в древней Малой Азии и на Балканах.В: Кавказ и Средиземноморье. Тбилиси: Изд-во Тбилисского госуниверситета. 1980. С. 57-64.
10. Илимбетов Ф. Ф. Культ волка у башкир (к этимологизации этнонима «башкорт») .В: АЭБ. Т. IV. Уфа, 1971. С. 224-227.

11. Квилинкова Е. Н. Культ волка у гагаузов сквозь призму этнокультурных символов. Кишинев: Tip. Centrală, 2014.
12. Саттаров Г. Ф. Сословные титулы и древнетатарские личные имена.В: Ономастика Поволжья. Т. I. Материалы I Поволжской конференции по ономастике. Ульяновск, 1969.
13. Серебрякова Н. С. К вопросу об истоках и эволюции традиционного мировоззрения турок. В: Традиционное мировоззрение у народов Передней Азии. М., 1992. С. 77-80.
14. Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.
15. Снесарев Г. П. Люди и звери (этнографические поиски в области культа животных).В: СЭ, 1972. № 1.
16. Тюркские народы Крыма: Караимы. Крымские татары. Крымчаки. Отв. ред. С. Я. Козлов, Л. В. Чижова. М.: Наука, 2003. 459 с.
17. Этнография татарского народа. Казань: Изд-во «Магариф», 2004. 287 с.

УДК: 398.3:291.212.4(+512.165) (049.32)

ОПЫТ РАЗВИТИЯ СЕМИОТИЧЕСКОГО ПОДХОДА В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

Габдрахманова Г.Ф.
доктор социологических наук, доцент, зав. отделом этнологии
Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан,
medi54375@mail.ru

Аннотация. Написанием данной рецензии на монографию Е. Н. Квилинковой «Культ волка у гагаузов сквозь призму этнокультурных символов» (2014) мы хотели подчеркнуть значимость исследований по традиционной духовной культуре народов постсоветского пространства в семиотическом аспекте. По нашему убеждению, рецензируемый нами научный труд, выполненный в русле этнологии с использованием семиотического подхода, в значительной степени восполняет данный пробел. Новизной исследования является изучение автором монографии этнокультурной символики через призму ее значения в представлениях национальной элиты. Отмечается практическая ценность монографии Е.Н. Квилинковой. В заключении нами делается вывод о том, что работа Е.Н. Квилинковой является законченным научным трудом, выполненным на высоком научно-аналитическом уровне. Осуществленное в данной монографии исследование представляет собой серьезный вклад в развитие семиотики, ее методологии и методики, а также в пополнение базы полевых материалов.

Ключевые слова: знаки и знаковые системы, этнокультурные символы, тюркские народы, гагаузы Молдовы

Annotation. Writing this review on the monograph of E. N. Cvilincova "the cult of the wolf the Gagauz through the prism of ethno-cultural symbols" (2014) we wanted to emphasize the importance of research on traditional spiritual culture of the peoples of post-Soviet space in the semiotic aspect. In our view, peer-reviewed scientific work carried out within the framework of Ethnology, using a semiotic approach, largely fills this gap. The novelty of this study is to investigate the author of a monograph ethno-cultural symbols through the prism of its value in the views of the national elite. It is noted that the practical value of the monograph by E. N.Cvilincova. In conclusion we concluded that the work of E. N. Cvilincova is a complete scientific work performed at a high scientific and analytical level. Taken in this research monograph is a major contribution to the development of semiotics, its methodology and techniques, as well as in the database field materials.

Key words: signs and sign systems, ethno-cultural symbols of the Turkic peoples, the Gagauz of Moldova

Семиотика – подход, сосредоточивающийся на изучении знаков и знаковых систем, является одним из активно развиваемых в современной науке. На постсоветском пространстве среди гуманитарных дисциплин наибольшей результативности а этом отношении достигла лингвистика.

В значительно меньшей степени – этнология. Пока, к сожалению, можно засвидетельствовать лишь небольшое число работ этнологов России и ближнего зарубежья, посвященных семиотике традиционной культуры народов, которые проживают на данных территориях [1-4; 6-8; 10]. Причем объектом значительной части этих работ является традиционная материальная культура – жилище, костюм, вышивка, ювелирное искусство и т. д. Семантика же традиционной духовной культуры народов постсоветского пространства в значительной степени пока остается белой страницей. Научный труд Елизаветы Николаевны Квилинковой «Культ волка у гагаузов сквозь призму этнокультурных символов» [2], выполненный в русле этнологии с использованием семиотического подхода, безусловно, в значительной степени восполняет данный пробел. Автор проявил определенную профессиональную смелость, взявшись за научную проблему, которая имеет скорее больше вопросов, чем ответов.

Ценность монографии «Культ волка у гагаузов сквозь призму этнокультурных символов» заключается в том, что автор сформировал новую, интересную методологию исследования, которая вполне может быть применима и при изучении других этнокультурных духовных явлений. Методология основывается на изучении с помощью мифологии строения знака «волк», а также на его функционировании в традиционной культуре гагаузов, прежде всего, в духовной культуре народа. Данная сложная методологическая задача решается Елизаветой Николаевной весьма успешно: обстоятельно раскрывается содержание знака «волк» в легендах и поверьях гагаузов, его функции в обрядах, место в народно-религиозных воззрениях, народной медицине, в современной геральдике и политике. Семантика знака «волк» логично дополняется автором и другими зооморфными знаками – «конь» и «петух», выполняющими сходные семантические функции. На обоснованность выявления синонимических рядов вещей, а также знаков, обладающих синонимическим значением, указывает известный этнолог А. К. Байбурин в книге «Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов» [5]. Е. Н. Квилинкова, основываясь на собственном научно-аналитическом опыте, подтверждает мнение А. К. Байбурина о том, что одни и те же значения и функции могут быть приписаны разным знакам, относящимся к разным культурным кодам.

Авторская методология исследования подкрепляется богатейшим полевым материалом, который Елизавета Николаевна собирала в течение 20 лет. Специальными этнологическими экспедициями было охвачено 17 гагаузских населенных пунктов юга Республики Молдова, 7 населенных пунктов Северо-Восточной Болгарии, а также 3 села Одесской области Украины. Кроме этнографических методов (наблюдение, опрос информаторов, анализ текстовых источников), автор использовал и метод этносоциологии – полуформализованное интервью с политическими, творческими и общественными деятелями. Были привлечены и интернет-ресурсы, связанные с темой волка как символа. Не многие научные работы могут похвастаться столь солидной эмпирической базой. Сама же база является уникальной и ценной, поскольку многие сведения относительно образа волка, его символической значимости в этнокультурном коде гагаузов уже утрачены либо находятся на грани исчезновения. И этот процесс утраты традиционной культуры характерен для современного мира в целом.

Особым направлением авторской работы стало выявление параллелей в семантике духовной культуры на примере культа волка среди различных групп народов – славянских, балканских и тюркских. Путем изучения обширного круга источников Елизавета Николаевна создает богатейшую базу данных о культе волка среди болгар, румын, чувашей, алтайцев, хакасов, шорцев, якутов, кыргызов, карачаевцев, балкарцев и т. д. Приводятся сведения и по монголоязычным народам – монголам и бурятам, что в определенной степени позволяет понять ранний тюрко-монгольский этап истории формирования культа волка у тюркских народов, как и в целом традиционной духовной культуры евразийского пространства. Изложенный в монографии обширный полевой материал по культу волка у гагаузов, которые являются частью тюркского мира, представляет значительный интерес для этнологов и историков, занимающихся историей, культурой и традициями тюркских народов. В целом же анализ собранного и представленного в монографии Е. Н. Квилинковой материала показывает, что автору удалось не только выявить семантику рассматриваемого культа, но и в определенной степени реконструировать архаичный пласт народных верований, а также установить состояние сохранности «волчьих праздников» и

связанных с волком преданий у современных гагаузов, несмотря на стремительно происходящий в настоящее время процесс утраты традиционной обрядности.

Считаю, что автор внес значительный научный вклад в изучение истории Евразии и этногенеза населяющих ее народов, в выявление единого общетюркского пласта в традиционной культуре и этнокультурных локальных особенностей региона. Отдельная же глава по обрядности «волчих праздников» у балканских и восточнославянских народов доказывает глубокие и важные скрепы евразийского мультикультурного континента.

Хочется отдельно отметить авторское изучение современной символической политики Гагаузии, Болгарии и Молдовы. Использование традиционных символов национальными элитами в различных регионах сегодня приобретает нарастающий характер. Само же изучение этого процесса имеет не только научное, но и большое практическое значение. Именно удачное рекрутирование символов способно решать не только задачу брендирования территорий для внешних пользователей (инвесторов, туристов и т. д.), повышая узнаваемость и привлекательность регионов, но и повышать социальное самочувствие населения, развивать региональный патриотизм и тем самым стимулировать поступательное развитие отдельных территорий. Представляется, что результаты работы Е. Н. Квилинковой полезны представителям органов управления Гагаузии, Болгарии и Молдовы.

Считаю, что монография «Культ волка у гагаузов сквозь призму этнокультурных символов» Е. Н. Квилинковой представляет собой законченный научный труд, выполненный на высоком научно-аналитическом уровне. Данная работа, занимающая достойное место среди современных этнологических исследований, должна быть представлена ученым и широкой общественности. Это серьезный вклад в развитие семиотики, ее методологии и методики, а также в пополнение базы полевых материалов; одна из тех книг, которая побуждает к новым подобным исследованиям по семиотике традиционной духовной культуры самых разных народов. Самому же автору остается лишь пожелать обратить свое профессиональное внимание на новые объекты научных исследований – заинтересоваться семантикой традиционной духовной культуры других народов и попытаться выявить более широкие межкультурные связи в истории и культуре евразийского пространства.

Библиография

1. Аксёнов А. А. Территориальные гербы, символы и эмблемы в истории Хабаровского края (конец XVIII – начало XXI вв.) / Автореферат дисс. … канд. истор. наук. Комсомольск-на-Амуре, 2006
2. Байрамов А., Каиргали Ш., Назарбаева А., Шаймерденов Е. Государственные символы тюркоязычных стран (Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан, Турция, Узбекистан). Алматы, 1997
3. Байбурин К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993.
4. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997
Калиева О. М. Символика и ее значение при формировании положительного имиджа города [Текст] О. М. Калиева, И. В. Вакунова, А. А. Чарикова. В: Молодой ученый. 2014, № 4, с. 526-529.
5. Квилинкова Е. Н. Культ волка у гагаузов сквозь призму этнокультурных символов. Кишинев: Tip. Centrală, 2014.
6. Лотман Ю. М. Символ в системе культуры. В: Избранные статьи в трех томах.В:Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин: Александра, 1992. Т. I. с. 191-199
7. Лотман Ю. М. О роли типологических символов в истории культуры. В:Семиосфера. Санкт-Петербург: «Искусство-СПБ», 2000. С. 371-384
8. Символика культов и ритуалов зарубежной Азии. М., 1980
9. Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1980.
10. Харитонов М. А. Образ волка в социокультурной традиции народов Центральной Азии. Автореф. … канд. истор. наук. Улан-Удэ, 2000,20 с.

УДК:398.3:291.212.4 (=512.165) (049.32)

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Е.Н.КВИЛИНКОВОЙ « КУЛЬТ ВОЛКА У ГАГАУЗОВ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СИМВОЛОВ» (КИШИНЕВ, 2014, 472 с.) И РЕЦЕНЗИЮ Г.Ф.ГАБДРАХМАНОВОЙ (ВЕСТИ ГАГАУЗИИ, 2014, № 84-85, 14.11)

(Критика некритической критики)

Губогло М.Н.
Доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заместитель директора Института этнологии и антропологии Российской академии наук и руководитель Центра по изучению межнациональных отношений,
Институт этнологии и антропологии Российской академии наук, Россия
guboglo@yandex.ru

«Наивысшей гордостью у петухов считается гребень.
Учёные провели эксперимент.
Петуху «средней руки» приклеили большой красный поролоновый гребешок. До этого все кто мог бил его и третировал.
А здесь произошло нечто невероятное.
Все, даже самые крупные петухи, стали заискивать перед новоиспечённым лидером.
Петушок – поролоновый гребешок вошёл в раж,
стал задираться ко всем, даже самым крупным петухам.
Это продолжалось до тех пор, пока гребень не свалился с его головы.
Вот тут- то ему и досталось»… [http://s58.radikal.ru/i161/1104/bd/96c6754c470b.jpg.img]

В двух городах Гагаузии, что на юге Республики Молдова, – в Чадыр-Лунге и Комрате в ноябре месяце состоялась презентация книги Е.Н. Квилинковой «Культ волка у гагаузов сквозь призму этнокультурных символов» (К., 2014, 472 с.), написанной по материалам, собранным ею в течение двух десятилетий. Книгу предваряет запевная рецензия доктора социологических наук, казанского профессора Г.Ф. Габдрахмановой, хорошо известной своими трудами в области этносоциологии и политологии.

Когда выходит в свет книга, возникает вопрос о ее научной новизне, актуальности, качестве, источниковой базе и востребованности. Чем и как научный продукт отвечает на вызовы времени.

В какой мере накануне парламентских выборов в конце ноября 2014 г. культ волка гагаузов вызывал интерес у расколотой политической элиты Кишинева, и почему в свою очередь, власти Гагаузии вместе с ректоратом Комратского госуниверситета и Русским центром продвигали презентацию этой книги в ходе избирательной кампании?

Интерес к Культу волка и посвящённой ему книге определяется не только политическими задачами текущего момента, не только борьбой кандидатов в депутаты за голоса избирателей, но и научными интересами, а также амбициозными устремлениями автора, решившего имплантировать себя в ряды апологетов совершенствования этнополитической ситуации в Гагаузии. Напомним, что разработка темы Культа волка, как убедительного свидетельства кочевого прошлого гагаузов, была начата в Советском Союзе на рубеже 1950-1960-х гг. и нашла бурное продолжение в Молдове за два последние десятилетия уже на рубеже веков.

Спешно подготовленный к изданию текст книги Е.Н. Квилинковой тем не менее не лишён следов торопливости, противоречивости и редакционных шероховатостей. Особую досаду вызывает богатый иллюстративный материал, особенно взятый из творческого наследия С.С. Курогло и других гагаузских поэтов и писателей, оставленный без перевода на русский язык, что, между прочим, отражает отношение автора к русскому языку, хотя и не замеченного в отличие от некоторых её коллег в откровенной русофобии. Отсутствие переводов не затрагивает чести

именитых гагаузских поэтов, но снижает научный уровень книги и ставит её в ряд трудов, имеющих мелкозернистый, локальный характер. Иллюстрации Е.Н.Квилинковой, заимствованные из творческого наследия С. С. Курогло корреспондируют с идеями, высказанными в докладе «Этнокультурные символы и современные мифы гагаузов», с которыми выступила Д.Е.Никогло на конференции, посвящённой развитию социальных наук на Балканах (8-12 июня 2014, г. Комрат).

В статье рецензента, форсированно опубликованной в газете «Вести Гагаузии», речь идёт о рукописи книги и её готовности к изданию, а не самой изданной книге, что даёт повод считать, что рецензия была посвящена книге на стадии её рукописи. Завершая текст скороспелой рецензии, опубликованной в газете «Вести Гагаузии» (2014, 14 ноября) Г.Ф. Габдрахманова делает вывод, что «рукопись (! – М.Г.) «Культ волка у гагаузов сквозь призму этнокультурных символов» Е.Н. Квилинковой представляет собой законченный научный труд, выполненный на высоком научно-аналитическом (? – М.Г.) уровне». И, отвечая уважаемой казанской исследовательнице, императивно пожелавшей, чтобы «Данная работа… должна быть представлена ученым и широкой общественности», я позволю себе усомниться в «законченности научного труда». Г.Ф. Габдрахманова, в частности, уверена, что «Автор книги внёс значительный научный вклад в изучение истории Евразии и этногенеза населяющих ее народов, в выявление единого общетюркского пласта в традиционной культуре и этнокультурных локальных особенностей региона» [Вести Гагаузии, 2014.14.11]. Побойтесь Бога, уважаемая Гульнара Фаатовна! Неужели Вы не испытываете тоску по более требовательным читателям? Оставим воображаемый вклад в «историю Евразии и этногенез населяющих ее народов» на совести уважаемого казанского профессора. Обратимся к семиотике и семантике, в развитие которых, якобы, Е.Н. Квилинкова, по ее самооценке, также по оценке рецензента, внесла «серьезный вклад», в том числе в развитие «методологии и методики» каждой из них.

Принципиальная задача семантики, как составной части семиотики, состоит в исследовании смыслов между знаковыми средствами культуры, символами и значениями и, что особенно важно, (!) отражением их в сознании респондентов, в декодировании и понимании, в толковании и рефлексии. Однако выявление и постижение выражаемых смыслов Культа волка, сопровождающих его знаковых систем «сквозь призму выборки» (?), осталось, увы, за пределами внимания и автора, и доброжелательного рецензента книги. И если этот пробел простителен для молдавского этнографа-полевика, вряд ли можно считать исполнением профессионального долга российским рецензентом, пользующимся заслуженным уважением как автора ряда значимых и значительных трудов в области этносоциологии и политологии.

Г.Ф.Габдрахманова считает, что «научный труд Елизаветы Квилинковой в значительной степени восполняет пробел», состоящий в том, что «семантика традиционной духовной культуры народов постсоветского пространства в значительной степени пока остаётся белой страницей (с. 7). Так ли это? Успех автора рецензент видит в том, что в книге «обстоятельно раскрывается содержание знака «волк» в легендах и поверьях гагаузов, его функции в обрядах, место в народно-религиозных воззрениях, народной медицине, в современной геральдике и политике» (с. 8).

Да, действительно, всё перечисленное имеет место в соответствующих главах книги и представляет собой в значительной мере комплексное описание элементов или фрагментов ментальности народа. Для того, чтобы описание проявлений культа волка в повседневной жизни гагаузов считать семантикой образ волка, необходимо, по крайней мере, решить две задачи. Во-первых, похоже, что автор книги смыслы и знаки проявления культа волка считывает слишком упрощённо, ограничиваясь одним лишь внешним планом: конативным и когнитивным, сюжетным и композиционным, идеологическим или избирательным. Во-вторых, остаётся за пределами авторского внимания более глубокий план, который «не первый день живёт на свете». И именно этот имплицитный план несёт в себе глубокую тайну, длинный шлейф прошлого в настоящем и вместе с тем отвечает вызовам приближения к тайне происхождения гагаузов. Путь к раскрытию этой тайны лежит через постижение «Культа волка как синтезированного продукта осёдло-кочевого образа жизни, [который] неизбежно порождался тем, что евразийский материк служил исконной средой хозяйственной деятельности предков гагаузов» [Гагаузы, М.,2011,с. 452]. Попытка разграничить отдельные культы в лоне общего пантеона, например, волка и петуха и

представить отдельно функциональную и смысловую нагрузку каждого из них, лишает систему традиционной культуры устойчивости и самодостаточности. Пантеон культов повисает в воздухе.
Около десяти лет тому назад в связи с публикацией моей статьи «Культ волка у гагаузов. Этнокультурные параллели в тюркском мире» в коллективном сборнике «Русский язык в тюрко-славянских этнокультурных взаимодействиях» (М., 2005, с. 408-446) мне уже приходилось истолковывать смыслы образа волка на двух картинах известных гагаузских художников Д.И.Савастина и Д.Айоглу, понимая при этом, что каждый человек имеет право в соответствии со своим вкусом постигать тайну художника. Мне, в частности, виделось, что на картине Д.И.Савастина «Сказание о сером волке» молодая гагаузка на трёхструнной национальной скрипке исполняет ностальгические мелодии, вызывающие ассоциации с исходом кочевых пращуров гагаузов со своей исторической прародины. Путь им указывает мифический прародитель – легендарный серый волк, изображённый устремлённым вдаль, в верхней части картины. Картина Дмитрия Айоглу «Волчьи праздники» раскрывает этнокультурные смыслы образа волка. «В Буджакской степи, в пелене утреннего тумана, сквозь оголённые ветви акации и иссохшие колючки кустарника по-над крышами домов, приземистых овчарен и хозяйственных построек, видится могучая фигура серого волка, о чём-то надсадно воющего, обращаясь к тюркскому Богу неба – Тенгри».

Наряду с главой по историографии, пунктирно, случайно освещающей труды российских этнографов по проблемам тотемизма и публикации гагаузских авторов по вопросам, связанным с Культом волка, Е.Н. Квилинкова приводит данные об отображении волка в мифологии некоторых евразийских народов, в традиционной обрядности гагаузов, сравнивает обрядность «волчьих праздников» у балканских и восточнославянских народов, сообщает собранные из нарративных источников или вновь записанных, данные о гагаузских этнокультурных символах в связи с бытованием в прошлом скотоводства, как основной хозяйственной деятельности, приводит интересную информацию об отражении Культа коня и образа петуха в системе гагаузской зооморфной символики и традиционной обрядности.

Тематически книга разваливается на 3 раздела и небольшую главу об истории изучения тотемизма и проблем Культа волка в публикациях гагаузских исследователей.

Центральное место в первом разделе занимает глава III – об отражении волка в мифологии и традиционной обрядности гагаузов (с. 123-162) и глава V – об этнокультурных символах как элементах культурного наследия гагаузов (с. 216-284). Не вызывает доверия оценка рецензента Г.Ф. Габдрахмановой, увидевшей особую заслугу Е.Н. Квилинковой в том, что ей удалось «установить состояние сохранности «волчьих праздников» и связанных с волком преданий у современных гагаузов».

Как профессиональному социологу, профессору Г.Ф. Габдрахмановой, конечно, хорошо известны требования о репрезентативности и валидности материалов, вводимых в научный оборот. Между тем тематическое и стилистическое единообразие некоторых сюжетов, в том числе легенд о нарушении запрета на те или иные виды работ, которые записывались Е.Н. Квилинковой со слов тех информаторов, на самом деле были прочитаны в научных статьях и поэтических сборниках, созданных профессиональными литераторами, а также на картинах художников. Случаи фиксации вторичной информации в этнографическом «поле» хорошо известны этнографам, специалистам по методике экспедиционной работы. Не подвергая сомнению добросовестность собирателей гагаузской мифологии и реликтов устного поэтического творчества, всё же имеет смысл задуматься о возможном и необходимом контроле первичности или вторичности, оригинальности или замещенности собранной информации.

В этой главе Е.Н. Квилинкова приводит ряд литературных примеров о «волчьих праздниках» согласно народным представлениям и легендам, а также из практики эвфемизации и существования подставных имён волка. Представляя часть подобной информации, автор не считает нужным упомянуть о том, что значительная часть этой информации содержится в трудах молдавских гагаузоведов по истории и культуре гагаузов.

Во втором разделе монографии, состоящем из главы второй, – об отражении волка в мифологии евразийских народов (с. 68-122) и четвёртой - «Обрядность волчьих праздников у балканских и восточнославянских народов в сравнении с гагаузской» (с. 172-215) приведены

данные, в том числе о тотемизме, хотя прямого отношения к Культу волка у гагаузов они прямого отношения не имеют. Практически ничего нового к уже известным публикациям не добавляют. Напомню, что ещё в статье, впервые опубликованной в 1966 г. повторно в 1990 г., выдающийся советский этнограф, автор многих учебников по этнографии и истории этнографии С.А. Токарев, подводя итоги исследования в трудах советских учёных, писал, во-первых, о том, что «история данной проблемы в целом достаточно хорошо известна» [Токарев С.А., 1990, с. 564] и, во-вторых, о том, что «просто невозможно перечислить всех полевых исследователей, изучавших пережитки тотемизма у народов Средней Азии, Кавказа и Поволжья» [Токарев С.А., 1990,, с. 571].

Достаточно было упомянуть неоднократно издаваемую, общепризнанную в мировой науке обобщающую книгу С.А.Токарева «Ранние формы религии» (М., 1990, 622 с.), работы других выдающихся советских учёных – С.П. Толстова, Л.П. Потапова и Ю.И. Семёнова, или одну из новейших работ Илимбетовой (1999), чтобы не перегрузить книгу и не утруждать себя и читателей информацией, не имеющей прямого отношения к Культу волка у гагаузов, или пересказать одну из многочисленных легенд об Ашине, рожденном сыном волчицы и женщиной из Гаочана, повторенном десятки и сотни раз в типологических публикациях.

Пересказывая длинный ряд примеров о проявлении тотемизма у различных народов, Е.Н. Квилинкова делает вывод о том, что в основе тотемической сущности обычаев, обрядов и поверий, связанных с Культом волка, «лежат древние представления о волке как о прародителе и предке, заступнике и охранителе людей» [с. 121].

Согласно теории о тотемизме, как ранней форме религии, выдающиеся советские учёные С.П. Толстов и С.А. Токарев очень точно определяют тотемизм как «форму отражения внутренней сплочённости первобытного общества, его единство, его отличий от других таких не сообществ» [Толстов С.П. // Проблемы истории докапиталистических обществ, 1935, № 9-10, с. 26; Токарев С.А., 1990, с. 568]. Не ясно, почему эта теория осталась за пределами внимания Е.Н.Квилинковой .

Автор знаменитой книги «Как возникло человечество» (Изд. 2-е, М., 2002) ныне здравствующий Ю.И. Семёнов не удосужился быть упомянутым, хотя именно на созданную им теорию происхождения и сути тотемизма благосклонно ссылается С.А. Токарев. По книге Ю.И. Семёнова учились многие поколения студентов исторических факультетов и доверительно воспринимали его идеи о том, что тотемизм является «первой формой осознания единства человеческого коллектива». «Тотемизм…, – по теории Ю.И. Семенова, – возник как иллюзорная форма осознания объективной, имеющей своей основой производство общинности всех членов первобытного коллектива» [Семёнов Ю.И., 2002, с. 431].

Поддавшись магии новейших интернет-ресурсов и диссертационных работ и солидаризируясь с их выводами, Е.Н Квилинкова и Г.Р. Габдрахманова не приняли, к сожалению, во внимание выдающиеся достижения отечественных и зарубежных основоположников теории возникновения и сущности тотемизма, в основе которого лежат не кровно-родственные отношения, не «представления о волке как прародителе», а «иллюзорное отражение единства человеческого коллектива». Более того, «тотемизм первоначально не включал в себя ничего другого, кроме убеждения в том, что все члены коллектива и все животные тотемного вида образуют одну общность и что, следовательно, все они в определённом отношении тождественны друг другу. Это убеждение, – по словам Ю.И. Семенова, солидаризирующегося с автором четырехтомной монографии «Тотемизм и экзогамия» Дж. Фрезера, – и представляет собой ядро, суть тотемизма» [Семенов Ю.И., 2002, с. 431].

Наконец, в третьем разделе книги, в её 6-й главе «Волк в геральдике и эмблематике тюркских народов» (с. 285-324) и в седьмой «Образ волка в гагаузской национальной символике» (с. 324-401), а также частично в 5-й главе «Гагаузские этнокультурные символы в связи с традиционностью и сохранностью» (с. 216-284). Е.Н. Квилинкова привела ряд примеров о символике волка, петуха и лошади в современной культуре гагаузов и некоторых других тюркских народов.

В этом разделе, как считает рецензент Г.Ф. Габдрахманова, автор книги открыла для себя и для своих читателей новую тему исследований в предметной области гагаузоведения, связанную с учреждением смысловой нагрузки этнокультуных символов. «Открыла ли?»

В двух заключительных главах об отражении волка в геральдике и эмблематике тюркских народов, Е.Н.Квилинкова приводит данные о волке как общетюркской символике, политических, народных и национальных движений, ставит на повестку дня ряд новых вопросов по освещению этнокультурных символов как мощных ресурсов этнической мобилизации.

Видимо в последнем случае Е.Н. Квилинкова как опытный полевик и неутомимый собиратель, дополняя гагаузоведение информацией об элементах календарной обрядности и традиционной культуры гагаузов, действует по принципу: «Если чего-то не знаю, напишу об этом книгу».

Когда я приступал к написанию заключительной части своей трилогии «Смыслы повседневности», посвящённой анализу семантики картин гагаузских художников, я поймал себя на том же: «пишу о том, чего не знаю». Видимо, из подобной же установки исходила доктор социологических наук, Г.Ф. Габдрахманова, согласившаяся написать в рецензии о мифологии евразийских народов, о волке, как общетюркском тотеме и о Культе волка у гагаузов, об успехах лингвистики и недочетах этнологии в семиотике и семантике.

Относительно приверженности именно этому принципу автора книги и ее рецензента, можно, в частности, судить по отсутствию в обширном списке литературы ни одной специальной статьи об этнической мобилизации в современных российских, тем более в молдавских энциклопедиях и научных изданиях, ни одного упоминания из серии 130 книг, изданных об этнической мобилизации в рамках крупномасштабного проекта «Национальные движения в СССР и в постсоветском пространстве», осуществленном сотрудниками ИЭА РАН совместно с академическими центрами и университетами ряда городов России.

Неопознанными для автора «Культа волка у гагаузов», решившей обратиться от освещения религиозности и традиционной культуры гагаузов и этнополитической истории к проблемам нациестроительства гагаузов, оказались ряд основополагающих трудов, в том числе книга Ф.А. Ангели (2006), книги, труды, воспоминания непосредственных создателей и участников конструирования гагаузской государственности М.В. Кендигеляна, М.К. Пашалы, С.М. Топала, С.С. Булгара, М.В. Маруневич, С.С. Курогло Н. Димитрогло и ряда других общественных деятелей.

Эклектическое на первый взгляд содержание книги, охватывающей сюжеты от средневековой мифологии до современных трендов и брендов модерна, можно считать вполне оправданным стремлением автора книги перекинуть мост через бездну между мифологическими берегами евразийских народов в средние века и более ранними периодами истории тюркских народов и современными успехами гагаузов в нациестроительстве и в создании собственной государственности.

Несколько запоздалый, но уместный разворот профессионального этнографа-полевика в сторону этнополитики и вступление её в ряды исследователей этнической мобилизации, означает выражение амбициозности части гагаузской элиты, отражение ее комплексов и предрассудков. Одни из числа гагаузоведов, одержимые желанием прославиться и быть на плаву, воспринимают русофобию и неприязнь к русскому языку как руководство к действию, другие переключаются с изучения календарной обрядности и традиционной культуры гагаузов к проблемам постмодернизма, которые к тому же уже вышли из моды в европейских научных кругах. Очевидно, что работа значительно бы выиграла и выглядела бы как завершенное исследование, если бы автор, действительно, исследовал семиотические аспекты календарной обрядности, в том числе и волчьих праздников. В этом случае, Е. Квилинкова оставалась бы в своем профессиональном поле и не допустила бы явных недочетов и «проколов» при обращении к теме, пока находящейся вне ее компетенции. Исследование семиотики, несомненно, выявило бы глубинные смыслы, связанные с образом волка и не только. Процесс нациестроительства и этнической мобилизации, понятное дело, не обходится без конструирования этничности, без создания символов.

Завершая главу об историографии «Отражение вопроса о Культе волка в исследованиях гагаузов», изложенную торопливой скороговоркой, Е.Н. Квилинкова поучительно строго предупреждает тех исследователей кто усматривает в Культе волка у гагаузов этноспецифические элементы, «подчеркивающие их отличие от соседних народов», и в директивном порядке, как

начальник идеологического ведомства, выносит вердикт: «каждый ученый должен (подчеркнуто мной – М.Г.) руководствоваться принципом «ответственности исследователя с целью полной и объективной подачи и интерпретации материала» [с. 67].

Я без труда в этом окрике узнаю камень и в свой огород. Чтобы читатели не сомневались в адекватности моих подозрений, позволю себе привести еще одну цитату, в которой изложена критика в адрес тех ученых, кто «преувеличивая» значение Культа волка в устном народном поэтическом творчестве гагаузов, якобы усматривает в нём «этноспецифические черты». Итак, о сторонниках, акцентирующих внимание на общности Культа волка у гагаузов с другими тюркскими народами, Е.Н. Квилинкова пишет: «Ввиду общей языковой идентичности (тюркоязычные) вся мифология, а также обычаи и обряды рассматриваются ими как общее культурное наследие», а «вопросы о причинах различия форм и содержания Культа волка у гагаузов и других тюркских народов приобретают третьестепенное значение» [с. 67].

Сторонники второй точки зрения, к числу которых относит себя и Е.Н. Квилинкова, напротив, «выявляя весь комплекс обычаев, обрядов и поверий, характеризующих Культ волка у гагаузов, обращают внимание на значительное сходство с Культом волка, характерным для балканских народов» [с. 67].

Истоки этой второй точки зрения, понятное дело, восходят к взглядам тех болгарских коллег, которые отказывают гагаузам в исконно тюркском происхождении и считают гагаузов болгарами, воспринявшими тюркский язык. В этой гипотезе на заре своей научной карьеры, кстати, позиционировала себя и Е.Н. Квилинкова. Но как только гагаузская этнополитическая элита окончательно утвердила в своей государственной символике Культ волка и глубокую этногенетическую связь гагаузов с тюркским миром, она сменила свою доктринальную ориентацию с проболгарской теории происхождения гагаузов на протюркскую.

Попытки приписать Культу волка решающий «этноспецифический маркер» сегодня связан у автора книги конъюнктурной попыткой солидаризироваться с доктринальной идеологемой конструкторов гагаузской государственности.

Позволю себе обратить внимание, что в моих ранних публикациях, которые автор не замечает или старательно замалчивает, речь шла не о Культе волка, как об «этноспецифическом маркере», а как о неоспоримом аргументе в пользу кочевого прошлого гагаузов [Губогло М.Н., 1967, 1968, 1970, 1973, 1982]. И только. Не более того. В этом и состоит ключевое противоречие всей книги Е. Квилинковой: утверждение с одной стороны, этноспецифичности, с другой – стремление доказать, что в культуре гагаузов волк не играет значимой роли и настаивание на космополитической универсальности его культа.

В сборнике «Археология, этнография и искусствоведение Молдавии», ставшем классикой в становлении молдавской этнографии под руководством её основоположника – члена-корреспондента АНМ В.С. Зеленчука, речь шла о Культе волка, как свидетельстве кочевого прошлого гагаузов, а не как об элементе этноспецифической черты в традиционной культуре гагаузов. «Кочевое прошлое гагаузов, – позволю себе воспроизвести вывод упомянутой статьи 1968 года, – просматривается не только в его фольклоре, космологических представлениях и в Культе волка… Гагаузский народный календарь испытал на себе влияние окружающего славянского населения. Но в народной обрядности, народной медицине, детских играх и прочих реликтовых явлениях нетрудно видеть элементы, свойственные тем народам, которые до недавнего прошлого вели кочевую жизнь. Наконец, особый интерес представляет обильная терминология по скотоводству, которая подтверждает связь гагаузской лексики с такой формой трудовой деятельности, основу которой составляло кочевое скотоводство [Губогло М.Н., 1968, с. 60].

Феномен культа волка, свидетельствующий о кочевом прошлом гагаузов и образ волка стали олицетворением истории древних пращуров гагаузов. Он был воспринят художественной элитой и лидерами этнической мобилизации гагаузов в качестве героизации своей истории, символа национального самосознания и бренда на знамени самопровозглашённой Гагаузской Республики. Однако некоторые источники, вводимые в науку Е.Н. Квилинковой, оставлены ею без комментариев. Это, в частности, относится к сообщению ее анонимного респондента, считающего, что выбор волка вместо петуха в качестве символа на знамени гагаузской

государственности был сделан под влиянием публикации научных статей о кочевом прошлом гагаузов.

Е.Н. Квилинкова дословно приводит записанную ею аргументацию респондента об идеологических истоках появления волка на национальном флаге гагаузов. «Повидимому, флаг с изображением волка, – рассуждает респондент перед микрофоном Е.Н. Квилинковой, – это была идея М.Н. Губогло. Меня, правда, удивило, – продолжает респондент, – что взяли символ волка, а не петуха. Мне кажется, что это была общая, а не научно-аргументированная позиция. Я все-таки думаю, что они символом волка хотели подчеркнуть тюркскость гагаузов. Эта идея очень глубоко сидит у Губогло, и, видимо, она идет от него» (с. 365). Одной из задач этнографа-полевика является не только сбор первичной информации, но и ее интерпретация, объяснение фактов, их глубокий анализ. Однако явления уместнее интерпретировать осторожно. В первую очередь это касается обрядовой практики, в которой существует классическое отправление того или иного обряда и вольные его варианты, внедренные не всей этнической общностью, а всего лишь отдельными носителями культуры. Однако существуют, как считает Д.Е.Никогло, такие сферы исследования, где аналитика и комментарии необходимы. Это касается ответов представителей политической и творческой элиты Гагаузии по поводу причин появления волка на геральдике. Этническая мобилизация гагаузов – совсем не давнее прошлое.

В случае обращения к современной проблеме, в частности, с ответами респондентов – совсем иная ситуация. Е.Н.Квилинкова, как и многие её коллеги-исследователи, является современником такого исторического события как становление гагаузской государственности. Ученые не просто должны, - они обязаны в своих трудах предоставлять обновлённые комментарии и экспертные оценки к текстам интервью, особенно если тема их исследования не чисто этнографическая, а находится на стыке этнологии и социологии, этнологии и политологии. Отсутствие комментариев в некоторых трудах Е.Н.Квилинковой создает ощущение незавершенности самого исследования. Ответы респондентов «повисают» в воздухе и могут быть восприняты читателями, не имеющими отношение к науке, как непреложная истина.

Но, повторяю , не исключено, как считает Д.Е.Никогло, что именно статья М.Н.Губогло могла вызвать интерес у творческой элиты из гагаузской среды, которая в дальнейшем продолжала интересоваться культурой тюркоязычных народов, в частности, их верованиями. Об этом свидетельствует, по мнению Д.Е.Никогло, литография Д. Савастина 1981 г., где изображена Тудорка, которая отправляется вызволять из османского плена своего возлюбленного, и помогает ей в этом волк. Вопрос в том, откуда Савастин почерпнул информацию о том, что волк – общетюркский тотем? Мысль о принадлежности гагаузов к тюркскому миру не могла прийти ему в голову самому. Полагаю, Как считает Д.Е.Никогло, что эти идеи возникли при непосредственном знакомстве с научными статьями.

Ещё один сторонник символизации образа волка считает, что «волк в большей степени характеризует личность, которая хочет добиться независимости, государственности, поэтому те люди, которые шли на митинги, своим знаменем показали, что они осознали себя народом, что они с открытыми глазами уйдут или создадут свою государственность» (с. 366).

Ряд суждений и декларируемых аксиом в книге отличаются внутренней противоречивостью или неосведомлённостью автора. В самом деле, с одной стороны, Культ волка отрицается в качестве этноспецифической особенности гагаузов, а с другой – с первых страниц утверждается, что образ волка служит «этнокультурным маркером» вместе «с двумя другими символами-маркерами – конем и петухом (с. 12). Таким образом Е.Н.Квилинкова не только вводит читателя в заблуждение, но и подрывает авторитет науки, обесценивая значение своих выводов.

Подозревая современных гагаузоведов в неспособности объяснить причины «повышенной значимости данного образа (волка – М.Г.) у гагаузов и почему образ волка был взят для гагаузской национальной геральдики, … а не образ петуха, как символ христианства», автор «Культа волка» красноречиво выставляет напоказ свою неосведомленность. Хочется заметить: «А если подумать?» Ответ, между тем весьма прост: он был дан ещё в середине XX века, когда Культ волка был истолкован как элемент кочевнической культуры. Культ петуха, ошибочно приписанный одним из респондентов, а вслед за ним и самой Е.Н. Квилинковой христианству, на самом деле зарождался в древних дохристианских (языческих) земледельческих культурах в

Индии, Персии и Китае и был связан с почитанием солнца и олицетворением плодородия. Специальных свидетельств о том, что предки гагаузов, да и сами гагаузы были осведомлены о том, что петух – символ христианства не зафиксировано, а по наблюдениям В. Сырфа особо значимой сакральной функции в гагаузском фольклоре петух не несет.

Несмотря на известную избыточность материалов, придающих композиции книги изрядную рыхлость, подобие лоскутного одеяла, для начинающих исследователей опыт Е.Н.Квилинковой будет полезен уроком того, как не надо нарушать логику укладывания эмпирического материала в полусыром виде без рефлексий, без анализа и без осмысления.

Для поэтического мира гения русской литературы И.А.Бунина – пение петуха представляет собой гимн времени, мост над бездной эпох, не православие, а корни христианства в язычестве. Мелодия бесконечного круговращения, сохранившегося до наших дней с далёких дохристианских времён, неустанно вращающийся мир вещей, идей, людей в природе. Не могу отказать себе снова и снова процитировать этот шедевр, в котором образ петуха скорее являет собой символ язычества, чем христианства.

«Поёт о том, что мы живём,
Что мы умрём, что день за днём
Идут года, текут века –
Вот как река, как облака.

Поёт о том, что всё обман,
Что лишь на миг судьбою дан
И отчий дом, и милый друг,
И круг детей, и внуков круг»

Петух не просто поёт, он «кличет песню надзвёздную мне», как писал Н.А.Заболоцкий.

«Пел петух караванам Колумба,
Магеллану средь моря кричал,
Не сбиваясь с железного румба,
Корабли приводил на причал.

Сообщает он кучу известий,
Непонятных, как вымерший стих,
Но таинственный разум созвездий
Несомненно присутствует в них»
[lit.1.september.ru/article.php?id=200404205]

Образ петуха «с темной душой», « с циферблатом древних часов» (Н. Заболоцкий) отсчитывает время, символизирует утренний рассвет и тем самым служит соединительным звеном между природой и историей, между язычеством и современностью.

Нет. Не бьют эти птицы баклуши,
Начиная торжественный зов.
Я сравнил бы их темные души
С циферблатами древних часов.

Одним из наиболее почитаемых тотемов у древних славян был петух, с изумительной точностью отмечающий время и признанный вещей птицей и конь, сливавшийся в представлениях древних славян то с богом солнца, то с образом конного воина. Образы и петуха, и коня с дохристианских времён вплоть до наших дней появлялись на коньках русских домов, на наличниках, деревянных, вязанных и иных украшениях. Культы язычества имплантировались в христианскую догматику. В 17-й лекции «Курса русской истории» великий русский историк Василий Осипович Ключевский таким образом толковал первоприроду языческих культов в христианстве: « народные христианские верования, не вытесняя языческих, строились над ними, образуя верхний слой религиозных представлений, ложившийся на языческую основу. Для мешавшегося русско-чудского населения христианство и язычество - не противоположные, одна другую отрицающие религии, а только восполняющие друг друга

одной и той же веры, относящиеся к различным порядкам жизни, к двум мирам, одна к миру горнему, небесному, другая к преисподней, к «бездне». (Ключевский В.О. Сочинения в 9 томах. Том 1, часть1, Курс русской истории. М.1987. с.307)

Сравнивая символы волка и петуха на знамени гагаузов, Е.Н. Квилинкова имплицитно отдаёт предпочтение петуху, как христианскому культу, не принимая в расчёт его исконно языческое дохристианское происхождение. Такой подход согласуется с её пониманием Балкан, как основного географического ареала формирования этнической самодостаточности гагаузского этноса в окружении более многочисленного болгарского народа. На рубеже 1980-1990-х гг., когда шли интенсивные поиски символов, брендов и доктринальных идеологов обоснования гагаузской государственности, культ петуха, по сравнению с более древним культом волка мало кем воспринимался всерьез. Специальное внимание к культу петуха впервые привлёк известный гагаузский ученый, политик и дипломат Ф. Ангели в капитальной монографии «Очерки истории гагаузов – потомков огузов (середина VIII – начало XXI века)» (Кишинев, 2007), в которой он привёл некоторые аргументы в пользу существования Добруджанского княжества с петухами на его знамени.

Можно предположить, что позитивным отношением к образу петуха, как христианскому культу, Е.Н. Квилинкова, как автор книги «Православие – стержень гагаузской идентичности» (К., 2013) обязана пониманием высокого значения религиозности в идентичности гагаузов. Невероятно трудно ей, как адепту православия понимания религиозности как стержня гагаузской идентичности, занимать позицию между Сциллой ВЕРЫ и Харибдой ЗНАНИЯ. Сакральная вера порой превышает долг перед академическим познанием, от имени которого она выступает, как доктор исторической науки.

Мне, воспитаннику кафедры этнографии МГУ под влиянием моих учителей, и, прежде всего С.А. Токарева и Ю.И. Семёнова, понимание Культа волка в системе тотемизма воспринимается как отзвук той стадии дородового развития человечества, когда доминировала сначала охота и собирательство, затем кочевое скотоводство и только затем оседлое земледелие.

У гагаузов петух ассоциируется с маскулинностью, воинственностью, плодородием, агрессивностью, с тем, кто изгоняет тьму и возвещает свет. Христианство действительно заимствовало культ петуха из язычества. Об этом, в частности, известно с тех пор как по специальному указу Папы римского изображением этой птицы стали венчать шпиль каждого церковного храма. Вознесение на шпиль означало: «церковь божья бдит над душами и помыслами верующих».

«В исследованиях некоторых гагаузоведов элементы Культа волка, – критически пишет Е.Н. Квилинкова – необоснованно гиперболизируется». Без конкретного примера этот пассаж выглядит не более, чем пустой звук. Откуда, например, автору известно, что «Образ волка по-прежнему будоражит сознание гагаузской общественности»? Кто измерял уровень ее сознания?О какой общественности идет речь? В некоторых главах книги она, как и ее земляк, известный поэт Фёдор Занет, противопоставляет себя гагаузской «творческой интеллигенции», обвиняя авторов публикации о Культе волка в том, что «придание значимости Культу волка у гагаузов совершается или путем акцента на форме, содержания и мифологии данного образа у других народов».

Надуманным выглядит вывод о том, что образ петуха увязан с христианством, когда православные гагаузы до сих пор наделяют петуха как гордой птицы маскулинностью и символом плодородия.

Общепринято в гуманитарных дисциплинах, особенно в социологии и этносоциологии, считать источниковую базу не только достаточной по количеству, но и надёжной, критически выверенной по качеству.

Г.Ф. Габдрахманова высоко оценивает «богатейший полевой материал, который Елизавета Николаевна собирала в течение 20 лет», охватив этнологическими экспедициями 17 гагаузских населённых пунктов юга Республики Молдова, 7 населённых пунктов Северо-Восточной Болгарии, а также 3 села Одесской области Украины, но великодушно умалчивает о содержании собранной информации, о качестве и о необходимости критического анализа источниковой базы. Магия обширной географии путешествий Е.Н. Квилинковой позволяет рецензенту скрыть

трудности, и вопросы, возникающие при интерпретации и теоретическом осмыслении собранной информации.

Экспедиционно-полевое подвижничество Елизаветы Николаевны могло бы заслужить добрые слова благодарности со стороны её коллег и научного содружества, если бы собранные ею материалы хранились в доступном архивохранилище или могли быть подвергнуты квалифицированной экспертизе профессиональными специалистами. Между тем, её крупномасштабные труды, как правило, издаются в частном порядке, без официального благословления, института, в котором она работает, подобно изделиям участников кружка художественной самодеятельности.

Ответственность за достоверность, качество и валидность научной продукции в книге «Культ волка у гагаузов сквозь призму этнокультурных символов» взяли на себя своими грифами Государственный институт международных отношений Молдовы и Институт истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан. Однако о рекомендации Учёных советов указанных институтов об её издании сведений не приводится. Поэтому возникает ближайших вопрос о возможном недоверии автору не только со стороны её коллег молдавского Института культурного наследия, но и со стороны экспертного содружества других институтов, к которым Е.Н.Квилинкова, повидимому, вынуждена была обратиться за помощью в научной апробации и легитимизации своего сочинения.

Один из лидеров гагаузского национального движения, активист создания гагаузской государственности, известный писатель, журналист, С.С. Булгар, рассказывал лично мне как в 1960-е гг. студенты Кишиневского университета переписывали от руки статью М.Н.Губогло о гагаузах из журнала «Наука и жизнь» (1969, № 10), издаваемого семимиллионным тиражом. В той статье в осторожной форме были перечислены некоторые элементы традиционной культуры гагаузов. Вместе с Культом волка они давали основание предков оседлых гагаузов, исповедующих православие, считать степным народом с кочевым образом жизни. Е.Н. Квилинкова энергично и неустанно рекламирует собранные ею материалы в своих трудах, устраивая торопливые презентации, опережая порой выход очередной книги в свет, не задумываясь о том, что «ничто не ново под луной».

Повидимому, в чём-то она права, как она сама считает, и когда самозабвенно пишет, что «первые работы, посвящённые непосредственно изучению формы и содержания «Волчьих праздников», а также особенности проявления Культа волка у гагаузов Молдовы, были опубликованы Е.Н. Квилинковой» [Квилинкова Е.Н., 2014, с. 51] и перечисляет свои публикации, увидевшие свет в 2000 г. и позднее.

Можно допустить, что у неё под рукой не оказались материалы далеких 1960-х гг. прошлого века о Культе волка, рассмотренных в комплексе с другими элементами кочевого быта, как, например, с песней об Оглане, нормами обычного права, детскими и взрослыми клятвами именем волка, этнокультурными параллелями представлений гагаузов с древними тюрками, следами волка в топонимии Балкан и в антропонимии гагаузов и турок. Однако как можно было делать заявление о первенстве своих работ, если до нее уже были изданы научные труды и художественные произведения о Культе волка С.С. Булгара, С.С. Курогло, Е.С. Сорочяну, Д.Е.Никогло, В.И. Сырфа и ряда других учёных, писателей и поэтов? Как можно было не заметить в гагаузской живописи выдающиеся произведения Д. Айоглу, Д. Савастина, Д. Топала, П. Фазлы, проникающие в глубину гагаузской истории, впечатляющими образами высветляющие в ней кочевое прошлое народа и заметную роль Культа волка в осознании фрагментов хозяйственной деятельности, этнокультурной истории, мало отраженных в нарративных текстах?

Становление корпуса национальной, научной и художественной элиты гагаузского народа является выдающимся его достижением второй половины XX в. Функциональное рождение младописьменного гагаузского языка и художественной литературы, связанное с выходом в свет в конце 1950-х гг. знаменитого сборника «Буджактан сеслар» («Буджакские голоса»), последовавший исторический разворот художественной литературы, театра и живописи, путь, пройденный от стихов до широкомасштабного исторического романа, от нескольких минут вещания по кишиневскому радио до каналов гагаузского радио и телевидения, выдвигает на повестку дня новые задачи, решение которых выводит гагаузов в ряды цивилизованных

европейских народов. Референдум, проведённый 02.02.2014 г. в Гагаузии, и итоги парламентских выборов 30.11. 2014 г. показали, что гагаузы как молодая нация, готовы занять достойное место в ряду народов европейских стран, в том числе в параде референдумов.

Похвально стремление творческих деятелей, озабоченных своей профессиональной карьерой, заявить о себе, как об основоположниках в раскручивании той или иной проблемы, например, проблемы голодомора или ужаса принудительных депортаций (Ф. Занет), трактовки православия как стержня гагаузской идентичности (Е. Квилинкова), а Культа волка, как символа этнополитической зрелости в государственной символике Гагаузии.

Однако карьерный рост остепененных представителей молодой нации не всегда адекватен научным достижениям того или иного домогателя популярности и соискателя общенародной признательности. Можно, например, десятилетиями собирать полевые материалы по календарной обрядности в рамках традиционной культуры гагаузов, накапливать данные о Культе волка, почитании лошади и петуха, и укладывать эти материалы в многостраничные тома, но при этом не выдвигать ни одной свежей мысли или гипотезы.

В гагаузском социуме складывается парадоксальная ситуация, когда значимость и важность оригинальных идей и творческих способностей не всегда соотносится с качеством и количеством научной или художественной продукции, несмотря на более чем сверхлояльное и целеустремленное отношение законодательной и исполнительной власти Гагаузии и прежде всего башкана Гагаузии М.М. Формузала к продвижению в свет трудов профессиональных ученых, поэтов и писателей. Сегодня всем очевиден накат новой волны пишущих об истории, культуре и политике. Всем известны публикации К. Курдогло о голодоморе и переселениях, об истории становления государственности гагаузов, книги М.В. Кендигеляна, С.М. Топала, М.К. Пашалы. Радует издательский бум. Авторы ряда новейших публикаций, работающие вне академических структур, не хуже других, а порой и лучше, чем представители «чистой науки», создают и издают свои труды. Отсутствие обсуждений и экспертиз научных трудов «по всей строгости академического закона, наносит урон авторитету научного знания.

Амбиции молодых профессиональных исследователей, имеющих возможности собирать полевой материал в значительных количествах, но не желающих осваивать и осознавать накопленный до них опыт, и не делающих попыток осмысления собранного материала, не способствуют развитию науки, дискредитируют этику ученого, мешают делать общее дело во имя процветания гагаузов. Стало едва ли не правилом в научных изданиях не упоминать своих учителей. Например, в ряде книг упоминается, что автор окончила Московский государственный университет, но мало кто слышал отзыв о лекциях или имя хотя бы одного профессора, у которого она училась. Стоит ли обижаться, что после невнимательного отношения к своим предшественникам, коллегам и учителям, к работам самого такого автора складывается отношение как публикациям невысокого пошиба.

Итак, смысл затянувшихся заметок о состоянии современной гагаузологии состоит в определении её качества и места в системе молдавского обществоведения. Её поступь как в фокусе отражена в книге, посвящённой этнологическому и этнополитическому восприятию культа волка. В торопливо организованной публикации вместе с имплантированной рецензией отражается ускорение времени, жажда скоротечного успеха, забвение классических традиций этнологической науки.

Молодость - это время торопливости как в хорошем, так и не в лучшем смысле, время «бури и натиска», особенно в данном случае в деле организации самопрезентации и саморекламы, время проб и ошибок, находок и разочарований.

Маргинальное состояние Республики Молдова с её переходной экономикой и турбулентной ситуацией, когда одна часть её элиты и населения стремится на Запад, а другая ориентируется на Восток, отражается и в её научной продукции, когда количество научных публикаций не всегда переходит в новое качество.

В заключение, хотелось бы, несколько перефразируя Фридриха Ницше, сказать: «Народ характеризуется не столько своими великими людьми, сколько тем, как их признают, уважают и ценят», а не тем, как они устраивают самиздат и самопрезентации с целью придать самим себе значение.

Библиография
1. Ангели Ф.А. Гагаузская автономия. Люди и факты (1989-2005 гг.). Кишинёв, 2006, 260 с.
2. Гагаузы в мире и мир гагаузов. Том1-2, Комрат-Кишинев. 2012.
3. Губогло М.Н. Гагаузская антропонимия как этногенетический источник .В:Советская тюркология, 1973, № 2
4. Губогло М.Н. Гагаузская терминология по скотоводству. В: Тюркская лексикография и лексикология. М., 1970, с. 217-236
5. Губогло М.Н. К изучению тюркоязычного населения Юго-Восточной Европы в свете современных задач балканистики. В:Исторические и историко-культурные процессы на Балканах. М., 1982
6. Губогло М.Н. Малые тюркские народы Балканского полуострова. М., 1967
7. Губогло М.Н. Этническая принадлежность гагаузов. В: СЭ, 1967, № 3, с. 159-167
8. Губогло М.Н. Этнокультурные данные о кочевом прошлом гагаузов. В:Археология, этнография и искусствоведение Молдавии. Кишинёв, 1968, с. 51-60
9. Кендигелян Михаил. Гагаузская республика. Борьба гагаузов за национальное самоопределение. 1989-1995 гг. Воспоминания. Документы. Комрат, 2009, 632 с.
10. Курдогло Константин. Репрессии и массовые депортации жителей с.Баурчи Чадыр-Лунгского р-на Республики Молдова. 1940-1951 гг. Баурчи-Кишинэу, 2009, 608 с.
11. Семёнов Ю.И. Как возникло человечество. Изд. 2-е, М., 2002, 790 с.
12. Токарев С.А. Ранние формы религии, М., 1990, 622 с.
13. Толстов С.П. Пережитки тотемизма и дуальная организация у туркмен. В:Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935, № 9-10
14. Чешко С.В. Этнология и социальная антропология: учебное пособие. М. Издательский центр «Академия». 2014. 240 с.

УДК: 374.31:75(478)

ЧАДЫР-ЛУНГСКАЯ ДЕТСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ШКОЛА ИМ. Д.Д. ЕРЕБАКАНА – 45 ЛЕТ ТВОРЧЕСКОГО ПУТИ

Дулогло Ф.П.
директор ДХШ им. Д.Д. Еребакана, заслуженный работник культуры АТО Гагауз Ери,
член Союза художников Гагаузии
Чадыр-Лунгская Детская художественная школа им.Д.Д.Еребакана
duloglof@inbox.ru
Папцова А.К.
доктор философии, старший преподаватель
Комратский государственный университет
papcova@mail.ru

Аннотация.Данная статья посвящена истории Детской художественной школы им.Д.Д.Еребакана. Школа является старейшей в Гагаузии. Ее коллектив сохраняет приверженность традициям и открыт инновациям. Часть выпускников школы продолжила обучение, они стали живописцами, архитекторами, реставраторами, скульпторами, театральными художниками и иконописцами.

Ключевые слова: детская художественная школа, живопись, изобразительные техники, декоративно-прикладное творчество, история изобразительного искусства

Annotation. The article considered the history of children's school of Arts named by D.D.Erebakan. This school is the oldest in Gagauzia. The teachers of the School are open to innovations but also are committed to the tradition. Part of graduates continued their education, they became painters, architects, restorers, sculptors, painters and theater artists.

Key words: children's art school, painting, graphic art, decorative and applied arts, art history

Чадыр-Лунгская Детская художественная школа им.Д.Д.Еребакана – старейшая в Гагаузии. Она была основана в 1970 году. Это событие стало важной вехой в развитии города. Юные горожане Чадыр-Лунги получили возможность выражать свои чувства и мироощущение через символический язык эстетически выразительных форм (посредством живописи, графики, скульптуры). Отчасти это было данью времени: советская эпоха в жизни региона связана с активным продвижением форм элитарной культуры в массы: теле- и радиоэфир были заполнены трансляцией опер, балетов, спектаклей ведущих театров СССР. В каждом населенном пункте региона был открыт Дом культуры. Повсеместно устанавливались памятники, которые были призваны пересоздать символическое пространство, заместив в качестве сакральных центров храмы. Воспитанию подрастающего поколения уделялось огромное внимание.

Решение о создании школы было принято Министерством. Но для ее создателя – Дмитрия Дмитриевича Еребакана - основание школы стало настоятельной потребностью подарить юным горожанам способность выражать себя в творчестве, открыть для них дверь в мир художественных образов. Творчество очень значимая ипостась свободы. Лишь свободный человек может быть творцом и в творчестве свобода реализуется. Эта приверженность идеям свободы в ту эпоху считалась диссидентством и не особенно приветствовалась. Однако, предполагалось, что юные художники смогут воплощать в творчестве принципы соцреализма.

Преобразование культурного пространства началось сразу после того, как, закончив Кишиневское республиканское художественное училище им.И.Е.Репина[1], Д.Д.Еребакан был направлен в Чадыр-Лунгу. Некоторое время, параллельно с работой по созданию школы он преподавал рисование в Чадыр-Лунгской средней школе №1. Его увлеченность искусством привлекала и учеников и представителей городской интеллигенции (К.И.Поцелуев, О.Э.Раунест, В.А.Лесовая, Л.И.Антошко, Г.М.Касьян, О.А.Касьян, В.Р.Пашалы) и молодежь, увлеченную искусством (И.Н.Новаков, П.Н.Новаков).

Возможность создания детской художественной школы очень быстро стала представляться необходимостью. В 1970 году первые ученики пришли на занятия. Среди них были С.Ротарь, П.Мырмыр, Д.Киорогло, А.Хицюк, Л.Караяни, В.Колесников, С.Лесовой, П.Кулев, И.Брагарь, А. Тодиев, В.Тодиев, Л.Драгни, Н.Дулев, В.Кырмызы (рис.1). На следующий год состоялся новый набор, пришли новые талантливые ученики, среди них был К.Келеш, К.Кулев, В.Михайлов, И.Генов, Л.Курудимов (в настоящее время о.Лаврентий), П.Маринов, П.Константинов, М.Маринов, Е.Шишкова. Ребята много работали и осваивали различные техники. Первые же выставки работ учащихся имели успех. Признания на уровне Республики школа добилась тогда, когда ученики приняли участие в выставке, открытой в Центральном Выставочном зале. В 70-е годы он размещался в здании Кафедрального собора Кишинева. Ребята получили дипломы участников, их работы высоко оценили посетители выставки. Работа А.Хицюка отправилась в Бельгию.

Первые ученики школы не просто обучались приемам и навыкам, многие из них стали друзьями Учителя. Они были готовы отдавать творчеству все свободное время. Дмитрий Дмитриевич ставил перед ними задачи, которые казались невозможными. Ученики должны были делать по 200 набросков в день. Работы писали не только акварелью, но и маслом. Часто работали на пленэре. Рядом с учениками работал Учитель. Он выбирал место, остальные располагались поблизости. Позже ребята сами выбирались на этюды – и в одиночку, и группами.

Энтузиазм основателя школы навсегда связал с творчеством жизни первых ее выпускников. Театральным художником стал Леонид Караяни, он работал в Москве во МХАТе.

Александр Хицюк много лет работает главным архитектором Чадыр-Лунгского район, принимает участие во многих городских и региональных выставках. Город обязан ему памятником, посвященным жертвам Первой мировой войны. Памятник, открытый 11 ноября 2014 года, является одним из немногих в Молдове (есть еще монумент в Этулии, созданный в 20-е годы XX века и недавно отреставрированный). А.Хицюк также является автором памятного знака основателям села Бешгиоз и памятной стелы, установленной перед примарией в честь побратимства Чадыр-Лунги и Бендер и в память о братской помощи народа Приднестровья гагаузам.

Тема войны в Афганистане стала основной для Павла Кулева. В 2013 году выставка его работ открылась в Сербии[5]. Участие в выставках в России принимал протоиерей Дмитрий Киорогло[3].

К.В.Келеш, конезаводчик, руководитель конефермы «Ат-Пролин», известен в Молдове и за ее пределами как художник, график-анималист. Выставки К.В.Келеша проходили в Комрате и Чадыр-Лунге, во Франции (в Париже), в Германии, в России (в Москве, в Музее коневодства, в Институте коневодства), в Кишиневе. Календарь с его иллюстрациями вышел в Вероне (Италия). В прошлом году Константин Васильевич представил общественности Гагаузии четвертый альбом своих графических работ. Книги о лошадях с иллюстрациями К.В.Келеша неоднократно издавались в России. Он является автором рисунков в каталогах Института коневодства, а также автором иллюстраций к художественным книгам, в частности, к книге Т.Н.Иноземцевой «Ветер в гривах».

Школа разрасталась стремительно, очень скоро ей потребовалось новое помещение. Решение о его предоставлении принимались под давлением общественности. Инертность районной администрации, устоявшей перед энергетикой преобразования культурного пространства, даже стала предметом фельетона в популярном всесоюзном журнале «Крокодил».

В итоге помещение было получено, но напористость энергичного директора стала беспокоить высокое начальство. Однако, жизнь школы налаживалась. Новое помещение было отдельным зданием, по существу первым Домом изобразительного творчества, alma mater первых выпускников. Однако, что еще важнее, рождалась Школа как единомыслие и единочувствие Учителя и Учеников, складывалась традиция, формировалось особое отношение к Школе Искусств. Выпускники школы добились в жизни многого, но звание Первых учеников Школы, Друзей Учителя по-прежнему одно из почетнейших. Только после уточнений, корректировки и проверки данного текста выпускниками школы авторам данной статьи была доверена для сканирования бесценная реликвия – оригинал фото первых учеников с Учителем (рис. 1), сохраненный А.Хицюком.

Яркие события постепенно становились памятью о славном прошлом, рождались легенды. Большинство из них связаны с личностью Д.Д.Еребакана. Горожане склонны считать, что если бы не его энтузиазм, школы могло не быть. Неожиданный отъезд учителя был воспринят как невосполнимая для города потеря, результат злокозненного заговора бюрократических сил. Действительность же, как всегда, была и сложнее и проще одновременно[1]. Ему было суждено внести вклад в развитие еще одной Школы, теперь уже на Украине, в городе Первомайске, Николаевской области. И это тоже была хорошая школа. Она быстро стала одной из лучших на Украине. Однако, имя его носит именно Чадыр-Лунгская школа. Решение об этом было принято в ходе торжеств по случаю четвертьвекового юбилея школы, восторженно всеми воспринято и немедленно воплощено в жизнь. Для Д.Д.Еребакана это решение стало неожиданным. Стоит отметить, что оно нетипично для региона. У Гагаузии много славных героев, но чаще всего она замечает их тогда, когда они покидают земной мир. В данном случае герой покинул только Гагаузию, но этого оказалось достаточным. Впрочем, ему как Одиссею суждено вечно возвращаться на Родину. Стоит отметить, что он родился близ Болграда, очень значимого для болгар и гагаузов Бессарабии города на Украине. Поступил в Ленинградское художественное училище имени В. И. Мухиной, и… вернулся поближе к дому - перевелся в Кишиневское республиканское художественное училище имени И.Е. Репина. И после его окончания был направлен практически на родину (Чадыр-Лунга всего в 50 км от Болграда). И сейчас он время от времени возвращается: то из Первомайска, то из Болгарии, прародины болгар и гагаузов - задунайских переселенцев».

Дмитрий Дмитриевич и сегодня живет активной творческой жизнью (рис.2, 3)[4]. В этом году Министерство культуры Украины наградило его медалью за вклад в развитие культуры и искусства. Работы Д.Д.Еребакана можно видеть в числе других шедевров в альбоме «Современное искусство Болгарии», вышедшем в Софии в этом году. Дмитрий Дмитриевич получает приглашения и участвует в выставках в Болгарии, Турции, Греции, Македонии. Его картины хранятся в государственном Музее живописи в Софии, в частных коллекциях Украины, России, Румынии, США, Канады, Японии, Израиля, Франции, Италии и других стран. Однако,

связи с ДХШ Чадыр-Лунги не были разорваны окончательно. По инициативе Ф.П. Дулогло, возглавившего школу в 1987, они были восстановлены и с тех пор Д.Д.Ерабакан периодически встречается с коллективом. Традицией стали поездки преподавателей школы в Первомайск. Результатом таких поездок становилось огромное количество этюдов и завершенных работ. Когда ДХШ Чадыр-Лунги получила имя своего основателя, он подарил школе коллекцию книг по искусству. Особое место Чадыр-Лунги в его жизни подчеркивается и тем, что он не готов расстаться с работами, написанными в этом городе.

Темп работы первых учеников, обязанных ежедневно делать не менее 200 набросков в день сегодня кажется невероятным, но эта энергия ускорения преобразовала культурное пространство города. Потребность в приобщении к миру искусства стала естественной. Это побуждает коллектив художественной школы дважды в год устраивать городские выставки детских работ по итогам экзаменационных просмотров. Лучшие работы учеников отправляются на выставки Комрата и Кишинева (рис. 8). Выставки в Комрате стали традицией и включены в комплекс мероприятий, посвященных Дню защиты детей. Однако, существовавшая в 70-80-е годы традиция раз в два года устраивать республиканские выставки детских работ ушла в историю. Теперь республиканские выставки - редкое, хотя и радостное событие.

Ушли в прошлое и поездки в крупнейшие музеи и картинные галереи Кишинева. В 70-е годы ученики посещали даже музеи Одессы, Москвы, Ленинграда. В настоящее же время даже поездки в Кишинев – экстраординарное событие.

При создании школы удалось воспользоваться потенциалом советского государства. Был сформирован фонд гипсовых слепков с античных фигур, бюстов, голов, орнаментов, розеток и т.д. На первых порах это приобретение принесло новые проблемы энергичному директору. Увидев Венеру Милосскую, очередной проверяющий потребовал доложить ему, кто именно сотворил такое безобразие – учитель или ученики. «Агесандр» - сознался Д.Д.Еребакан. «Пусть явится завтра с родителями» - вынес приговор античному скульптору II в. до н.э. далекий от искусства чиновник.

Были приобретены станки для преподавания скульптуры (их нет в других школах региона) и мольберты. Десятилетиями создавался и пополнялся натюрмортный фонд школы. Все это удалось сохранить. Однако, век информационных технологий внес свои коррективы: телевизоры, магнитофоны и проигрыватели были заменены компьютерами и ноутбуками. Кабинет истории изобразительного искусства пополнился современной комфортабельной мебелью. К юбилею школы ожидается приобретение мультимедийного проектора. Настоятельной потребностью является приобретение интерактивной доски. К сожалению, реализация этих задач дело сложное и дорогостоящее и является лишь частью комплекса пока еще не решенных проблем. Одной из них является отсутствие в городе картинной галереи.

Школа хранит огромный фонд ученических работ, но ни эти работы, ни работы наиболее успешных в творчестве выпускников не стали частью постоянной экспозиции. А между тем эскизы будущей галереи уже разработаны А.Хицюком и более 5 лет ждут своего часа. Пока же выставки ученических работ проходят в помещении Чадыр-Лунгской районной публичной библиотеки или примарии города.

Однако, ДХШ намерена добиваться поставленных целей. Стоит особо подчеркнуть то, что коллектив школы стабилен и дружен. Старейший член коллектива работает в ДХШ с 1978, самый молодой – Н.Г.Ворникова – с 2004 года. Десятилетия совместной работы позволили сформировать и развивать традиции, осуществлять не только сотрудничество, но и со-творчество, поддерживать друг в друге стремление к активной реализации творческого потенциала.

Каждый сотрудник школы активно участвует в художественной жизни региона: Елена Петровна Дулева, Лидия Петровна Папян, Наталия Георгиевна Ворникова, Нина Федоровна Пеева принимают участие в коллективных выставках. Персональные выставки Федора Петровича Дулогло прошли в Чадыр-Лунге, Комрате, Кишиневе, Первомайске (Украина). Совместные выставки работ Василия Константиновича Михайлова и Константина Васильевича Келеша прошли в Чадыр-Лунге и Комрате. Одной из форм активизации творческого потенциала стало участие Ф.П.Дулогло, Н.Ф.Пеевой в симпозиумах в Турции, Украине, Молдове. Н.Г. Ворникова иллюстрирует детские книжки и учебные пособия.

Школа хранит память о прежних учителях школы, которые продолжили свою творческую деятельность в других местах. Среди них Григорий Дечев, Людмила Кедис. Много лет проработал в школе Петр Николаевич Новаков, заслуженный работник культуры Гагаузии. И Г.Дечев и П.Н.Новаков также принимают участие в симпозиумах и выставках. Петр Тулей реставрирует иконы в Румынии.

В 70-80-е годы школу возглавляла Софья Андреевна Жандова (до 1987). Большой вклад в формирование традиций школы внесли скульпторы Алла Михайловна Паерелий, Степан Константинович Кройтор, живописцы Владимир Иванович Смольников, Николай Григорьевич Власов, Юрий Иванович Генов, Снежана Борисовна Кичук, преподаватель истории изобразительного искусства Федор Дмитриевич Стоянов. В «доинтернетную эпоху» преподавание истории искусств было сложной задачей. Ф.Д.Стоянов проделал колоссальную работу по обеспечению курса иллюстративным материалом. Он собрал и систематизировал иллюстрации к каждой теме, самостоятельно изготовил карточки и тематические сборники. Мария Ивановна Димогло в настоящее время преподает в Комратской художественной школе

За 45 лет школа выпустила 614 учащихся. Многие из них связали свою дальнейшую жизнь с изобразительным искусством. Среди выпускников есть и живописцы и графики, и скульпторы, и архитекторы, и дизайнеры и преподаватели. В художественной школе сейчас работают бывшие ее ученики В.К.Михайлов и Н.Г.Ворникова. В Доме детского творчества, гимназиях и лицеях Чадыр-Лунги также работают бывшие учащиеся школы - Степан Железогло, Майя Маринова, Алена Хицюк (Тесленко), Петр Губогло. В Кишиневе архитекторами работают бывшие ученики ДХШ Анатолий Боев и Виталий Губогло. дизайнером - Елена Келеш. В Болгарии работает архитектором Сергей Киорогло, в Санкт-Петербурге - реставратором - Михаил Маринов.

Живописец Владимир Топал продолжает творческую деятельность в Канаде, Иван Колтуклу в России. Среди выпускников школы много дизайнеров одежды. И самый яркий из них - Николай Кывыржик – победитель конкурса имени Надежды Ламановой, обладатель Национальной премии России в области индустрии моды, лауреат многих профессиональных, международных и всероссийских конкурсов.

Н.Кывыржик прошел стажировку в London College of Fashion (Великобритания), а также в Saga Furs (Дания) и Viva Vox (Россия). Автор дизайнерской линии Nikolai Kyvyrzhik by Slava Zaitsev при Доме Моды Вячеслава Зайцева. Дипломная работа Н.Кывыржика «Гагаузская невеста» (рис.4) имела успех на «Текстильном салоне» в России, где Николай Кывыржик стал одним из победителей [2].

Успехи учеников – результаты их труда в реализации данных им талантов и полученных в школе умений и навыков, формирование которых они продолжали в ВУЗах. Академию искусств заканчивали Л.Кедис, И.Стоянова. В Минске учился И.Генов, Архитектурные факультеты Одессы и Кишинева закончили А.Хицюк, В.Губогло, А.Боев.

Базовые знания учащиеся получают в ходе изучения таких дисциплин как «Живопись», «Станковая композиция», «Рисунок», «Декоративно-прикладное искусство», «Скульптура».

Для расширения кругозора учащихся во всех классах изучается история изобразительного искусства. Более двадцати лет ее преподает Алла Константиновна Папцова. На уроках истории учащиеся знакомятся со стилями и направлениями в искусстве, с биографиями великих художников, с характерными чертами изобразительного искусства эпох и регионов. Учащиеся рисуют в стиле египетских или шумерских художников, создают «средневековые миниатюры» и украшения «первобытных охотников». Они учатся выявлять стилистические особенности и художественное своеобразие в работах художников, воссоздавать творческую биографию известных художников на основе изучения их работ. Давней традицией стали представления учащимися результатов самостоятельной работы на уроках. В этом году в помещении Районной публичной библиотеки города Чадыр-Лунги прошла первая ученическая конференция «Европейское искусство конца XIX начала XX веков» (рис. 6). Участники ее приняли решение проводить такие конференции ежегодно.

Сегодня в школе обучается 10 групп, 90 учащихся. С ними работают 7 преподавателей с высшим и средним специальным образованием и с большим опытом работы. В селе Джолтай уже на протяжении 20 лет работает филиал школы. И все это время бессменным преподавателем в нем

является Федора Федоровна Иванова. Она ведет все предметы, добивается высоких результатов своей работы.

С 1987 года школу возглавляет Ф.П.Дулогло (рис.9). Задачи, которые предстояло решить за эти годы, были достаточно сложными. Школа дает дополнительное образование, для того чтобы она продолжала существовать необходимо, чтобы каждый год в нее поступали новые ученики. В век компьютерных технологий, когда высшим уровнем мастерства считается «кликанье» компьютерной мышью, трудно убедить подростка три раза в неделю 4 урока в день отдавать для формирования умений и навыков для того чтобы нарисовать то, что можно вставить в документ при помощи комбинации «Ctrl+C» и «Ctrl+V». То, что работа школы продолжается, можно считать неплохим результатом. А свободное использование интернета помогает учащимся находить дополнительный материал к занятиям, знакомиться с новыми техниками, с творчеством художников.

Школу отличает здоровый консерватизм – при интересе к новым техникам (батик, витраж, аппликация соломкой, коллаж, создание декоративных масок в технике папье-маше), в основе все-таки классическое образование. Высокий уровень мастерства достигается упорным трудом. Организация такого труда при сохранении творческой атмосферы дело сложное. Приходится использовать весь арсенал педагогической техники, чувство юмора, личный пример. Стиль руководства Ф.П.Дулогло можно определить как «демократический аристократизм», или «аристократическую демократию». Никто не может позволить себе низкое качество работы не из-за угрозы наказания, а из осознания недостойности подобного подхода для людей искусства.

Академические дисциплины, такие как «рисунок», «живопись», и отчасти «станковая композиция» помогают учащимся постичь основы реалистического искусства, познакомиться с законами живописи (построение композиции, основы прямой перспективы). Но это гармонично сочетается с работой по развитию творческого потенциала учащихся.

В наибольшей степени этому способствует такая дисциплина как «декоративно-прикладное искусство», но также и «станковая композиция». В настоящее время содержание работ по станковой композиции не столь жестко регламентируются как в период торжества «соцреализма», когда художники-оформители должны были быть проводниками социалистической идеологии. Если в советское время воспевание сельскохозяйственных работ и строек было практически обязательным, носило идеологический подтекст и занимало много времени учащихся, то в настоящее время это может быть результатом свободного выбора преподавателя. Ряд тем не меняется десятилетиями, например, всегда ученикам интересны темы, связанные со спортом. Но в настоящее время возможны такие темы, которые в большей степени развивают фантазию: «сон», иллюстрации к абстрактным стихам. Так, например, были проиллюстрированы философские стихотворения А.К.Папцовой (рис.5)

Учащиеся работают в технике рисования тушью, гуашью, акварелью, используют смешанные техники.

Школе приходится гибко реагировать на изменение условий в доуниверситетском образовании – увеличении количества уроков, общей нагрузки учащихся. Приоритетом для преподавателей школы является качество работ учащихся, развитие их творческого потенциала. Экзаменационные работы по каждой из дисциплин в конце семестра оценивает комиссия в составе всех преподавателей школы. Это повышает степень ответственности за результаты учебы и учащихся, и преподавателей.

Более двадцати лет школа размещается на первом этаже Дома детского творчества в центре города. Это ее пятый дом. Не все в нем подходит школе, например, в нем небольшие кабинеты, нет конференц-зала, выставочного зала, нет помещений для хранения натюрмортного фонда. Однако, символично, что ранее в этом здании размещался районный комитет КПСС – игравший роль сакрального центра города. Теперь город вернул себе храмы и обрел новые культурные центры. Очень важно, что одним из них является Детская художественная школа. Она располагается на первом этаже Дома творчества: возможно, это значит, что именно она его основа и фундамент.

За 45 лет работы школы удалось создать и укрепить творческий и стабильный коллектив, хранящий традиции и открытый инновациям. Выпускники школы, как связавшие судьбы с

изобразительным искусством, так и реализовавшие свой потенциал в других областях составляют ту самую творческую среду, которая необходима для дальнейшего развития школы. Теперь уже дети выпускников школ постигают азы художественного творчества, и школа сделает все возможное, чтобы так было и в будущем.

Рис.1. Д.Д.Еребакан и первые ученики детской художественной школы Чадыр-Лунги. В первом ряду В.Тодиев, С.Лесовой, Д.Д.Еребакан, С.Ротарь, Д.Киорогло, В.Колесников. Во втором ряду стоят И.Брагарь, А.Хицюк, Л.Драгни, Л.Караяни, Н.Дулев, А.Тодиев, П.Кулев

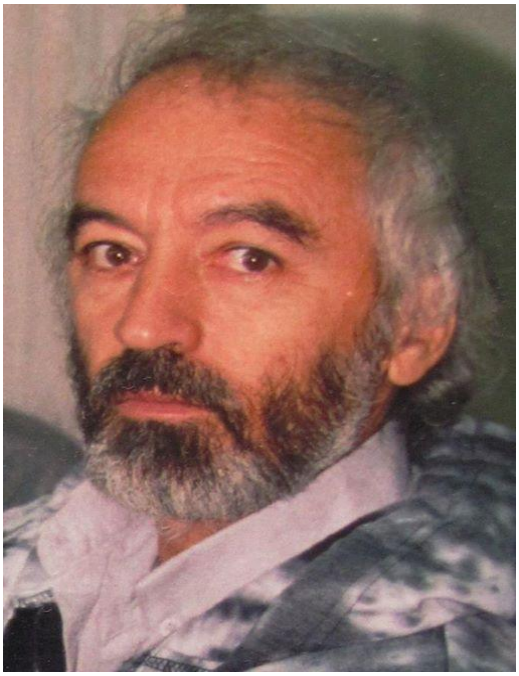

Рис. 2. Д. Д. Еребакан

Рис.3. «Зимний мотив». Автор Д.Д.Еребакан

Рис. 4. Коллекция Н.Кывыржика «Гагаузская невеста»

Рис. 5.Иллюстрация к стихотворению А.К.Папцовой

Рис. 6. Конференция «Европейское искусство конца XIX –начала XX века» 22.05.15

Рис.7. Занятие во 2 классе ведет Е.П.Дулева

Рис.8. Учащиеся и преподаватели на выставке ученических работ в Комрате. 01.06.15

Рис.9. Дулогло Ф.П.

Библиография

1. Д.Еребакан. Жил-был художник один .[Электронный ресурс].Режим доступа http://vsesvit-news.info/news/4921.html
2. Дизайнер Николай Кывыржик. [Электронный ресурс]. Режим доступа http://russianfashionroots.ru/936/
3. Духовное служение отца Дмитрия. [Электронный ресурс]. Режим доступа http://www.nm.md/article/duhovnoe-sluzhenie-otca-dmitriya

4. Картины Д.Д.Еребакана [Электронный ресурс] Режим доступа http://artistsarea.com/ru/user/politrov
5. О Войне, о Родине, о жизни. Выставка картин П.Кулева. [Электронный ресурс] Режим доступа http://srb.rs.gov.ru/ru/taxonomy/term/18?page=6

УДК - 37.0 (478)(091)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

Захария С.К.
доктор истории, конференциар университар,
Комратский государственный университет
skzaharia@mail.ru
Папцова А.К.
доктор философии, ст.преподаватель,
Комратский государственный университет
papcova@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые тенденции и перспективы развития системы образования в Республике Молдова на современном этапе развития общества. Тенденции эволюции системы образования рассмотрены в контексте социокультурных трансформаций.

Ключевые слова: система образования, социокультурные трансформации, университет, Кодекс об образовании

Annotation. The article discusses some aspects of the education system in the Republic of Moldova at the current stage of development of society. Trends in the evolution of the education system considered in the context of social and cultural transformations.

Key words: education, socio-cultural transformation of the university, the Education Code

Принятие Кодекса об образовании привлекло внимание общества к проблеме развития системы образования в Молдове. Объективная характеристика тенденций ее развития может быть дана только в контексте социокультурных трансформаций. Задачей исследования является рассмотрение некоторых аспектов модернизации системы образования в Республике Молдова на современном этапе развития общества.

Век Просвещения связал Прогресс с развитием системы образования. Становление индустриального общества потребовало широкого распространения новых коммуникативных практик. Система образования стала важнейшим институтом социализации и важнейшим условием демократизации общества. Э.Геллнер так выразил это: «все мы существуем внутри обширной бюрократической сети и тот, кто не вписывается в ее коммуникативную среду, становится второсортным гражданином» [5, с.16].

Тенденции эволюции системы образования являются индикатором демократических преобразований. В частности, эмансипация женщин сначала потребовала создания системы женского образования, а потом слияния обеих систем (женского и мужского образования) и создания равных условий доступа к образованию. Реликтом характерного для традиционного общества представления о различиях в социальных ролях женщин и мужчин оставалось во второй половине XX века только разделение на уроках труда. Создание системы бесплатного и доступного образования интенсифицировало урбанизационные процессы.

Особенно большое внимание развитию системы образования придавали в СССР, видя в этом в важнейшее средство ускоренной модернизации (включая индустриализацию и коллективизацию) и демократических преобразований. Образование стало действенным и доступным для всех каналом социальной мобильности. Предпринималась попытка установления мериократии – в ВУЗы, за некоторыми исключениями попадали способные ученики. Однако, стоит отметить, что в целях корректировки указанной системы с позиций партийной

целесообразности создавалась параллельная структура для идеологически правильных кадров – Высшая партийная школа. Появилась такая ВПШ и в МССР.

Создание системы всеобщего бесплатного среднего образования в МССР происходило на фоне глубоких социальных трансформаций, важнейшей из которых был переход от традиционного общества к индустриальному и к обществу полистилистической культуры. Первый из отмеченных аспектов трансформаций проявил себя во второй половине XX века и нашел отражение в процессе урбанизации. В регионе в этот период были преобразованы из сел города будущей Гагаузской Автономии: Комрат, Чадыр-Лунга, Вулканешты. Возросло количество городских жителей, большинство из которых представляли собой недавние жители сел, получившие среднее специальное и в меньшей степени высшее образование и перебравшиеся в ближайшие к родным селам города. Немногочисленные ВУЗы республики готовили элиту общества, не только получавшую необходимые для осуществления своих функций компетенции, но и обраставшую полезными связями, позволяющими делать карьеру на республиканском уровне и тем самым реально интегрировать регионы в единое пространство. Это имело особенное значение в свете того, что только во второй половине XX века территория республики приобрела современные очертания.

Распад Советского Союза разорвал экономические связи и сделал ненужной большую часть промышленной инфраструктуры. Количество ВУЗов в Молдове, тем не менее возросло и это было проявлением того обстоятельства, что урбанизационные процессы продолжились, хотя и трансформировались в связи с запросами информационного (постиндустриального) общества. Возрастание количества ВУЗов является проявлением и глобальной тенденции: университеты в большей степени становятся продавцами на рынке образовательных услуг; продаваемый ими продукт стандартизируется, унифицируется и становится продуктом массового потребления.

В настоящее время пик расширения количества ВУЗов пройден. Это связано со множеством факторов: спрос на образовательные услуги остался, но потребителей становится меньше. Это является отчасти следствием трансформации традиционного общества и уменьшения количества детей в семьях, отчасти результатом трансформации миграционных процессов. Спецификой их состояния на современном этапе является то, что молодежь покидает страну не после окончания учебы в университетах, а после окончания доуниверситетских учебных заведений. Мигранты реже возвращаются домой, забирая с собой своих детей. Болонский процесс и практика предоставления бюджетных мест ВУЗами Румынии, России, Болгарии, Турции и некоторых других стран способствует оттоку потенциальных абитуриентов за пределы страны. Установление современных требований государства при аккредитации ВУЗов выступило фактором «естественного отбора» в данной сфере. На Юге Молдовы в 4 из 6 городов (4 из которых стали городами во второй половине XX века, один – Твардица, в 2013) были открыты 5 ВУЗов (2 университета в Комрате, университеты в Кагуле, Тараклии, филиал СГИ в Чадыр-Лунге), но только 3 из них ныне действуют.

Региональные ВУЗы оказывают влияние на формирование современной региональной элиты. Ярким примером этому является Комратский государственный университет, который готовит региональную политическую, экономическую и культурную элиту. Это не исключат того, что выпускники КГУ потенциально способны сделать карьеру как на уровне республики, так и далеко за ее пределами.

Комратский Государственный Университет является правопреемником Гагаузского Национального Университета и был открыт совместным решением Всероссийского Фонда Образования и Исполнительным Комитетом Комратского Районного Совета народных депутатов от 11 февраля 1991 года. Правительство Республики Молдова своим Постановлением 1 августа 1991 г. за № 408 утвердило за Комратским Университетом статус государственного (Устав КГУ) [3].

Создание КГУ совпало с активизацией процесса роста национального самосознания гагаузов и шло параллельно с созданием Автономии. Придание Комратскому университету статуса государственного не только предваряло принятие Закона об особом правовом статусе Гагаузии (1994)[2], но и имело такое же важное значение в сфере духовной, какое указанный

закон имел в сфере политической. Ведь, согласно К.Ясперсу, университет это место, где общество и государство позволяют сознанию эпохи развернуться в наивысшей форме [9, с.36]

Х.Ортега-и-Гассет в исследовании, посвященном миссии университета, указывал, что современный университет почти полностью отказывается от преподавания или передачи культуры, невероятно усложняя профессиональное образование и расширяя исследовательскую деятельность [7, с.33]. Однако, по мнению мыслителя, культура – жизненная система идей каждой эпохи [7, с.33]. И миссия единственного университета в Гагаузии участвовать в процессе развития национального самосознания, в формировании образа прошлого, настоящего и будущего и создавать условия для того, чтобы эта «жизненная система идей» могла быть сформулирована и понята, в том числе и на гагаузском языке.

Распад СССР сказался на системе доуниверситетского образования. Реалии 90-х годов прошлого века едва не уничтожили систему раннего образования. Некоторые учреждения прекратили существование, некоторые перешли на сезонный режим работы. В наибольшей степени пострадали учреждения раннего образования в селах. Но осознание значимости этого элемента системы образования позволили восстановить работу многих учреждений.

Эволюционировала система среднего образования. На протяжении 90-х годов XX века осуществлялся переход к системе, включающей гимназический и лицейский циклы. В связи с тем, что многие учащиеся ориентировались на поступление в высшие учебные заведения (фактор и следствие урбанизационных процессов), очень скоро от организации районных теоретических лицеев перешли к организации и городских и сельских лицеев, снизив при этом требования к поступающим в лицеи ученикам.

В этот период серьезный урон был нанесен системе среднего профессионального образования. Это противоречило реальным потребностям общества – рабочие специальности и специальности сферы обслуживания пользовались большим спросом на рынке труда. Но чаще всего они были востребованы в сфере индивидуального предпринимательства, где не столь высоки требования к формальной стороне. Устные рекомендации, устойчивая хорошая репутация в такой сфере значат больше, чем диплом о получении рабочей специальности. Социальная инерция, инерция социальных ожиданий приводили к увеличению числа студентов ВУЗов. Эта тенденция сохранялась даже тогда, когда стало понятно, что современная система образования не является надежным каналом социальной мобильности, и что наличие диплома о высшем образовании не всегда способствует успешной карьере.

Трансформация традиционного общества приводила к снижению числа детей в семьях, урбанизационные процессы вымывали из сел активную молодежь. В начале XXI века в еще большей степени возрос размах миграционных процессов. Все это приводило к тому, что численность учащихся в учебных заведениях стала снижаться. Следствием этого стало закрытие некоторых учебных заведений. Так, в г. Чадыр-Лунга были закрыты городские школы № 3 и № 5. В настоящее время проблемы с открытием лицейских классов испытывают сельские лицеи.

В последние годы ужесточились требования к выпускникам лицеев. Это привело к оттоку учащихся из лицеев в колледжи. Региональной спецификой этих процессов стал отток учащихся, закончивших гимназии в колледжи и лицеи Тирасполя. Одной из причин проявления этой тенденции стало ужесточение требований на выпускных экзаменах по румынскому языку. В тестах, предлагаемых выпускникам Автономии, в недостаточной мере учитывалось то обстоятельство, что румынский язык для них не является родным и что румынская языковая среда для развития навыков общения отсутствует. Необходимо было бы в еще большей степени упростить выпускные тесты для алолингвов. Ведь настаивание на ужесточение требований привело не к улучшению языковой компетентности в области румынского языка, а к дефициту абитуриентов, поступающих в ВУЗы, включая ВУЗы Кишинева.

Помимо демографических факторов, на снижение абитуриентов, поступающих в ВУЗы, повлияло изменение характера миграции. Доля временной трудовой миграции сокращается в пользу постоянной. Поскольку долгосрочные перспективы с Молдовой уже не связываются, абитуриенты стали предпочитать зарубежные ВУЗы, тем более, что демографический кризис и снижение потока абитуриентов – распространенная тенденция и абитуриенты из Молдовы весьма приветствуются в Румынии, Болгарии, России.

За годы существования АТО Гагаузия создана система регионального доуниверситетского образования, работа которого организуется и контролируется Главным управлением образования Гагаузии, входящим в структуру управлений Исполнительного комитета Гагаузии [8]. Важнейшей заслугой данного учреждения является становление преподавания гагаузского языка и литературы, а также такой дисциплины как «История, культура и традиции гагаузского народа». За два десятилетия работы были подготовлены и обрели опыт педагогические кадры, изданы учебные пособия, накоплены методические разработки. Однако, создание этой структуры обернулось ликвидацией полноценных Районных отделов образования, более тесными узами связанных с учителями школ города и района. Это сместило акценты во взаимодействии методистов и учителей: организовать на расстоянии системную методическую помощь учителям отдаленных районов – Чадыр-Лунгского и Вулканештского оказалось более сложной задачей, нежели создать систему контроля и мониторинга.

Осмысление тенденций социокультурных трансформаций привело к осознанию необходимости отражения их в правовых нормах, регулирующих сферу образования. После долгих дискуссий и споров, некоторые из которых не разрешены по сегодняшний день, 17 июля 2014 года был принят Кодекс об образовании.

Перспективы дальнейшего развития системы образования отражены в положениях данного Кодекса, вступившего в силу 23 ноября 2014 года.

Положения ст.4 Кодекса об образовании отражают осознание руководством Республик Молдова значения образования: оно является основным фактором устойчивого развития общества, основанного на знаниях и, в связи с этим объявлено национальным приоритетом. Особо подчеркнута роль образования в демократизации общества, так как фундаментальное право на образование необходимо для осуществления других прав человека. Осознана и роль системы образования в процессе социализации как основополагающего механизма формирования и развития человеческого капитала. Принятие государством ответственности за решение этой важной социальной задачи отражено в том, что сохраняется блок обязательного образования (Статья 13 Кодекса об образовании). Предусмотрена ответственность за охват детей до 16 лет обязательным образованием. Она возлагается на родителей или других законных представителей и на органы местного публичного управления первого и второго уровней. Обязательное образование начинается с подготовительной группы дошкольного образования и завершается лицейским или средним и послесредним профессионально-техническим образованием. В этом есть некоторая коллизия, так как до 16 лет учащийся успевает закончить только I цикл учреждений среднего образования.

Это принятие государством ответственности за сохранение и развитие сферы образования закреплено и положениями Статьи 9 Кодекса об образовании, согласно которым, государство обеспечивает финансирование стандартного пакета образовательных услуг для дошкольного, начального, гимназического и лицейского образования независимо от вида собственности образовательного учреждения. Профессионально-техническое и высшее образование финансируется из государственного бюджета в рамках плана приема, ежегодно утверждаемого Правительством.

В Кодексе осмыслено и значение системы образования в формировании системы идентичностей подрастающего поколения, так как согласно Пункту С Статьи 4 государственная политика в сфере образования обеспечивает реализацию образовательного идеала и образовательных целей, формирование национального сознания и национальной идентичности, продвижение общечеловеческих ценностей и устремлений общества к европейской интеграции.

Перспективы развития системы образования соотносятся с интерпретацией миссии образования, которая призвана решать задачи как общества в целом, так и значимых социальных институтов и отдельных индивидов. Согласно Статье 5 Кодекса об образовании миссией образования является: удовлетворение образовательных потребностей личности и общества; развитие человеческого потенциала для обеспечения качества жизни, устойчивого развития экономики и благосостояния народа; развитие национальной культуры; продвижение межкультурного диалога, терпимости, недискриминации и социальной интеграции

Особое значение придается такому социальному институту как семья: подчеркнута важность содействия сочетанию профессиональной деятельности мужчин и женщин с семейной жизнью.

Тенденцией развития современного общества является динамичность перемен во всех сферах жизни общества. З.Бауман неслучайно назвал настоящее время «текучей современностью» [4].

Если раньше глобальные перемены становились заметными следующему поколению, призванному их решать, иногда вступая в противоречие со старшим поколением, что находило отражение в конфликте «отцов и детей», то в настоящее время их встречает каждый человек в течение своей жизни. Осознание этого отражено в пункте Е Статьи 5, согласно которой государство обеспечивает продвижение обучения в течение всей жизни.

Включенность в процесс глобализации, в миграционные процессы, в рыночный экономический механизм, повлияла на интерпретацию образовательного идеала школы Республики Молдова. Согласно Статье 6, он состоит в формировании инициативной и способной к саморазвитию личности, которая обладает не только системой знаний и необходимых компетенций для востребованности на рынке труда, но и независимостью мнений и действий, открытостью к межкультурному диалогу в контексте освоенных национальных и мировых ценностей.

Анализ сформулированных в Статье 7 Кодекса об образовании принципов образования позволяет констатировать значимость для государства идей демократии. К числу основополагающих принципов образования законодатели относят принцип справедливости, согласно которому доступ к образованию осуществляется на недискриминационной основе и принцип обеспечения равенства.

Пункт В Статьи 7 свидетельствует о том, что тенденции развития системы образования в Молдове вполне соответствуют современным реалиям. Б.Ридингс, исследуя «модерный» университет, указывает, что все формы его деятельности организуются в соответствии с единой регулирующей идеей. По мнению Б.Ридингса существовало три разновидности регулирующих идей: кантовская концепция разума, гумбольдтовская идея культуры и технократическое понятие совершенства [6, с.30]. Этот понятие совершенства интерпретировано в Кодексе об образовании как принцип качества, согласно которому учебная деятельность соотносится с базовыми национальными стандартами и передовыми национальными и международными практиками.

Законодатели осознают необходимость социальной гармонии и формулируют это, вводя в число основополагающих принципов принцип релевантности, согласно которому образование соответствует потребностям личностного и социально-экономического развития. Достижение социальной гармонии должно стать не только целью, но и организационным принципом. В Кодексе закреплен принцип участия и ответственности сообщества, родителей и других заинтересованных социальных акторов.

Положения Кодекса имплицитно содержат признание того, что сфера образования трансформируется в сферу предоставления образовательных услуг. Это несколько осложняет решение общественных задач, возложенных на систему образования, в частности задачу развития национальной культуры. Так, например, последовательная реализация принципа свободы мышления и независимости от идеологий, религиозных догм и политических доктрин – очень значимого демократического принципа - может осложнить патриотическое воспитание подрастающего поколение. И все же закрепление этого принципа в положениях Кодекса создает определенные гарантии, обеспечивает иммунитет, ограждает от проникновения идей шовинизма, дегуманизации и других деструктивных, асоциальных идей.

Независимость образования от религиозных догм закрепляется и в принципе светского характера образования. Это, однако, не исключает появления теологических факультетов университетов и специальных конфессиональных учебных заведений, как в форме воскресных школ, так и в форме семинарий. Уже сложились и эффективно действуют практики взаимодействия светского и конфессионального образования: помимо упомянутых теологических факультетов примером такого взаимодействия могут стать практика получения организаторами воскресных школ, в роли которых часто выступают супруги священнослужителей высшего

педагогического образования. В свою очередь, детальное ознакомление с библейскими сюжетами помогают учащимся воскресных школ лучше понимать произведения литературы и искусства в рамках обязательного образования.

Признание сферы образования сферой предоставления образовательных услуг также осложняет реализацию задачи реализации принципа качества, так как качественный продукт дорог и требует вложения средств, рынок же предлагает потребителям товары по различным ценам. И, поскольку существует сегмент рынка для покупателей с низкими доходами, то будет востребован продукт недорогой по стоимости, но при этом должно быть обеспечено качества. В настоящий момент это достигается посредством увеличения нагрузки преподавателей. Происходит это за счет перераспределения часов – значительная часть учебной программы теперь выполняется в форме индивидуальной работы. Ее организация не входит в нагрузку преподавателя и не оплачивается, однако он несет за нее ответственность.

Переформатирование системы образования в рынок образовательных услуг осуществляется посредством реализации принципа сосредоточения образования на потребителях такового и принципа управленческой и финансовой эффективности. Отчасти это отражено в принципе соблюдения права на мнение учащегося/студента как непосредственных потребителей системы образования. Это право может быть реализовано посредством, например, выбора дисциплин и преподавателей. Естественно, абсолютизация этого права привела бы к тому, что в системе образования, особенно, в начальном обучении единственными изучаемыми предметами могли бы остаться физическая культура, изобразительное искусство и музыка, а все принципиальные и строгие преподаватели лишились бы работы. Поэтому внедрение этого принципа сопровождается установлением стандартов в структуре ученых планов с элементами альтернативных вариантов и созданием структур мониторинга качества преподавания.

Осознание сложности обеспечения качества в условиях, когда система образования включена в рыночные отношения, нашло отражение во введении принципа поддержки и продвижения персонала сферы образования.

Сложная задача демократизации сферы образования должна осуществляться посредством гармоничного сочетания принципа единства и целостности образовательного пространства и принципа децентрализации и институциональной автономии.

Положения статьи 8 отражают осознание необходимости социальной гармонии в формулировании, планировании и реализации социальных функций системы образования, что проявляется в том, что Министерство просвещения разрабатывает и применяет национальные стратегии развития системы образования на основе консультаций с органами центрального и местного публичного управления, а также с социальными партнерам. В системе образования в целом поощряется социальный диалог, партнерство между образовательными учреждениями и учреждениями сферы исследований, профсоюзами, деловой средой, гражданским обществом и средствами массовой информации, осуществляемое в соответствии с действующим законодательством.

Эффективное взаимодействие государства, образовательных учреждений, общественных организаций, гражданского общества, СМИ обеспечивается посредством реализации принципа публичной ответственности, согласно которому образовательные учреждения публично отвечают за свои достижения, а также принципа прозрачности.

Для Автономно-Территориального Образования Гагауз Ери очень важно закрепление в Кодексе об образовании принципа признания и гарантирования прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, включая право на сохранение, развитие и выражение их этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности.

Реализация этого принципа дополнительно гарантируется в Части 5 Статьи 18 Кодекса об образовании, согласно которой отраслевые местные органы в области образования создаются органами местного публичного управления второго уровня в виде структурных подразделений, подчиненных районным/муниципальным советам. В АТО Гагаузия данные органы создаются Народным Собранием и подчиняются ему, а также положениями части 1 Статьи 21, согласно которой Публичные учреждения раннего (преддошкольного и дошкольного) и внешкольного (местного уровня) образования создаются, реорганизуются и ликвидируются органами местного

публичного управления первого уровня. Публичные учреждения начального, гимназического, лицейского и внешкольного (районного уровня) образования создаются, реорганизуются и ликвидируются органами местного публичного управления второго уровня и публичного управления АТО Гагаузия. Региональная специфика отражена в положении Части 2 Статьи 10, согласно которой в районах, где традиционно или в значительном количестве проживают лица, принадлежащие к национальным меньшинствам, в случае достаточной потребности в этом государство обеспечивает, насколько это возможно в рамках системы образования, чтобы лица, принадлежащие к этим меньшинствам, располагали надлежащими возможностями обучаться языку своего меньшинства или обучаться на этом языке на уровне обязательного образования. А также в положениях Части 7 Статьи 9, согласно которым государство гарантирует формирование и развитие навыков эффективного общения на румынском языке, по обстоятельствам – на языках национальных меньшинств и, по меньшей мере, на двух языках международного общения.

Статья 141 предусматривает круг обязанностей и пределы полномочий органов местного публичного управления второго уровня и публичного управления АТО Гагаузия. Указанные органы обеспечивают соблюдение законодательства в области образования на подведомственной территории; осуществляют руководство, мониторинг и оценку образовательных учреждений, учредителями которых являются; обеспечивают сотрудничество образовательных учреждений, учредителями которых являются, с Министерством просвещения; обеспечивают на основе показателей эффективности, экономичности и производительности эффективное функционирование сети общеобразовательных учреждений, учредителями которых являются. Они также могут участвовать в финансировании и развитии материальной базы образовательных учреждений на подведомственной территории.

На органы местного публичного управления и публичного управления АТО Гагаузия возлагается ответственность за обеспечение надлежащих условия работы для педагогического персонала и учебы – для учащихся; за поддержание и поощрение деятельность по непрерывной профессиональной подготовке педагогических кадров; за поддержание и поощрение участие учащихся в школьных конкурсах и олимпиадах. Особая ответственность лежит за реализацию обязательности образования, так как именно указанные органы совместно с родителями обеспечивают охват образованием детей в возрасте от 6(7) до 18 лет.

Органы местного публичного управления и публичного управления АТО Гагаузия имеют достаточно широкие полномочия в определении контуров организационной структуры системы образования. Именно они на основе показателей эффективности, экономичности и производительности принимают решения по оптимизации и развитию сети образовательных учреждений на подведомственной территории; определяют школьные округа созданных ими общеобразовательных учреждений; осуществляют мониторинг деятельности частных образовательных учреждений на подведомственной территории. Если принимается решение о реорганизации или ликвидации учреждений, то именно на эти органы возлагается ответственность за обеспечение бесплатного проезда учащихся и педагогических работников в образовательные учреждения/из образовательных учреждений сельской местности на расстояния, превышающие 2 километра. На них также лежит ответственность за помощь социально уязвимым слоям населения, в частности, они должны содействовать трудоустройству выпускников-сирот.

В целом, именно органы местного публичного управления второго уровня и публичного управления АТО Гагаузия обеспечивают функционирование образовательных учреждений, учредителями которых являются, принимают на работу и увольняют руководящий персонал образовательных учреждений, учредителями которых являются.

Однако деятельность указанных органов не остается без контроля. Органы местного публичного управления второго уровня и публичного управления АТО Гагаузия разрабатывают и представляют Министерству просвещения годовой отчет о состоянии дел в образовании на подведомственной территории и публикуют его на своей официальной веб-странице. Методология разработки и публикации отчета устанавливается Министерством просвещения.

Перспективы развития системы образования, предусмотренные Кодексом об образовании, предполагает сохранение и развитие ее в качестве важного социального института. Усложнение структуры общества усложняет структуру сферы образования: восьмым ее уровнем и,

соответственно, третьим уровнем образования объявлена докторантура (ст.12). Для региона важно то, что обучение на всех уровнях можно получить непосредственно в АТО Гагаузия.

Согласно положениям Кодекса, система образования переживает трансформации, проявляющиеся в усилении ее вовлеченности в рыночные отношения. Система образования становится сферой предоставления социальных услуг и это приводит к трансформации ролей участников образовательного процесса. Ключевой фигурой объявляется получатель социальных услуг. В этом заложены некоторые противоречия: сфера образования как социальный институт должна решать социальные задачи, для этого она должна способствовать формированию восприятия социальных задач как важных для получателя образовательных услуг, но делать это в условиях, когда действует принцип сосредоточения образования на потребителях такового.

В итоге можно сделать следующие выводы: социокультурные трансформации, в том числе становление информационного общества повышают значение сферы образования как важнейшего института социализации. Даже в годы кризиса, неизбежного спутника социокультурных трансформаций система образования в Республике Молдова не была разрушена и не утратила статус бесплатной (в отличие, например от системы здравоохранения). Создание АТО Гагаузии сопровождалось созданием региональной системы образования, деятельность которой регулировалась Главным управлением образования Гагаузии. Тенденции и перспективы развития системы образования в Республике Молдова отражены в Кодексе об образовании, принятом 17 июля 2014 года. Кодекс закрепляет трансформацию системы образования в сферу предоставления образовательных услуг. Вместе с тем он сохраняет и гарантирует ответственность государства за ее организацию и функционирование. Кодекс об образовании закрепляет полномочия органов публичного управления АТО Гагаузия в сфере образования.

Библиография

1. Кодекс об образовании. Nr. 152 от 17.07.2014. Опубликован : 24.10.2014 в Monitorul Oficial Nr. 319-324 статья № : 634 Дата вступления в силу : 23.11.2014[Электронный ресурс] Режим доступа http://lex.justice.md/ru/355156/
2.Закон «Об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери) » №344 от 23.12.94г., вступивший в силу с 14.01.1995 г.В: Официальный Монитор Республики Молдова № 003 от 14.01.1995 г. [Электронный ресурс] Режим доступа http://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=311656&lang=2
3.Устав Комратского госуниверситета. Зарегистрирован: Государственная Регистрационная Палата Министерства Информационных Технологий Республики Молдова от 26.08.2008 г. Утвержден: Министерство Просвещения Республики Молдова от 28.05.2008 г.
4.Бауман З.Текучая современность. СПб: Питер, 2008, 239 с.
5.Геллнер Э. Нации и национализм. Москва: Прогресс, 1991, 320 с.
6. Ридингс Б.Университет в руинах. Москва. Изд-во ВШЭ. 2010, 304 с.
7. Ортега-и-Гассет Х.Миссия университета. Минск: Изд-во БГУ, 2005, 104 с.
8. Управления Исполнительного Комитета Гагаузии [Электронный ресурс] Режим доступа http://gagauzia.md/pageview.php?l=ru&idc=94&nod=1&
9. Ясперс К. Идея университета. Минск: БГУ, 2006, 159 с.

УДК:398.3:291.4 (+512.165):001.8

ОТРАЖЕНИЕ ВОПРОСА О КУЛЬТЕ ВОЛКА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ГАГАУЗОВЕДОВ

Квилинкова Е. Н.
доктор хабилитат истории, конференциар, старший научный сотрудник,
Институт культурного наследия Академии наук Молдовы
cvilincova@mail.ru

Аннотация. В данной статье анализируются опубликованные работы, в которых в той или иной степени подробности затрагиваются вопросы о культе волка у гагаузов, а также об

этнокультурных параллелях в данной области. Довольно подробно рассматриваются имеющиеся в гагаузоведении точки зрения по вопросу о происхождении и содержании культа волка у гагаузов, которые в последнее время приобрели остро дискуссионный характер. Анализ гагаузской историографии по обозначенной проблематике показал, что существуют две противоположные точки зрения. Приверженцы одной из них, ввиду общей языковой идентичности, делают акцент на общности культа волка у гагаузов с другими тюркскими народами. Сторонники второй точки зрения, исследуя особенности формы и проявлений содержания культа волка у тюркских народов и, в то же время, выявляют весь комплекс обычаев, обрядов и поверий, характеризующих этот культ у гагаузов. Они обращают внимание на имеющееся значительное сходство с культом волка, характерным для народов Балкано-Дунайского региона (болгар, сербов, румын и др.).

Ключевые слова: культ волка, «Волчьи праздники», гагаузоведение, гагаузы Молдовы и Болгарии, этнокультурные параллели

Annotation. In this paper, we analyze published works, which in varying degree of detail raises questions about the cult of the wolf the Gagauz, and ethno-cultural Parallels in this area. Quite detail available in Gagauzian point of view on the question of the origin and contents of the wolf cult among the Gagauz, who recently acquired a very controversial character. Analysis of the Gagauz historiography outlined the problems showed that there are two opposing points of view. Adherents of one of them, due to shared linguistic identity, emphasize the generality of the wolf cult Gagauz people have with other Turkic peoples. Proponents of the second perspective, exploring the characteristics of the forms and manifestations of contents the cult of the wolf among Turkic peoples and, at the same time, reveal the whole set of customs, rituals and beliefs that characterize the cult of the Gagauz. They draw attention to a significant resemblance to the wolf cult, typical of the peoples of the Balkan-Danube region (Bulgarians, Serbs, Romanians, etc.)

Key words: the cult of the wolf, "Wolf holidays", Gagauzian, Gagauz of Moldova and Bulgaria, ethno-cultural Parallels

В связи с активизацией в среде гагаузской интеллигенции интереса к культу волка к данной проблематике все чаще стали обращаться гагаузоведы. В ходе изучения этой темы на протяжении 20 лет нами был собран обширный полевой материал, а также тщательно изучены имеющиеся по указанной проблеме публикации. Учитывая значимость данной темы мы посвятили историографии вопроса объемную главу в недавно изданной нами монографии «Культ волка у гагаузов сквозь призму этнокультурных символов» [26, с. 40-67]. Учитывая рамки настоящей статьи, мы представили в ней материал по гагаузской историографии о культе волка в значительно сокращенном виде.

Впервые сведения о содержании «Волчьих праздников» у бессарабских гагаузов были представлены в работе В. А. Мошкова «Гагаузы Бендерского уезда» [31], изданной более ста лет назад. Насколько можно судить по собранному им полевому материалу, смысл этих праздников сводился не к пышной обрядности, а к ритуальным запретам, соблюдавшимся с целью предохранения людей и скота от волков. Он также записал легенды и сказки, в которых фигурирует волк. Принимая во внимание, что в сказках волк представлен в глупом виде, можно говорить об их довольно позднем происхождении, по сравнению, например, с записанной им легендой, в которой объясняется причина необходимости соблюдения «Волчьих праздников», а также с зафиксированной им приметой, в которой образ волка сохранился как символ доброго предзнаменования. Интерес представляет бытовавшая в гагаузской среде легенда о сотворении волка чертом, широко распространенная у многих христианских народов. Материалы, собранные В. А. Мошковым, представляют значительную ценность, особенно легенды и приметы, которые в настоящее время уже утрачены. На основании имеющегося в его работе описания содержания «Волчьих праздников» можно говорить не только об их значимости в тот период, но и о степени их сохранности в настоящее время.

Фрагментарные, но ценные сведения, уточняющие в определенной степени вопрос о культе волка у населения Северо-Восточной Болгарии (регион проживания гагаузов), содержатся в работе чешского и болгарского историка К. Шкорпила. Согласно приводимым им сведениям, при значительном увеличении количества хищников, представлявших реальную угрозу домашним

животным, человек вынужден был бороться с ними. При этом исследователь отмечал, что охота на волков, совершаемая верхом на лошадях, была широко распространена у населения Делиормана и Добруджи и после освобождения Болгарии от турок [45, p. 176]. Данный вид охоты связан с воззрениями о том, что волков запрещено убивать. В качестве приемлемого способа борьбы с ними использовали следующий: волков преследовали до тех пор, пока не загоняли до смерти (что, видимо, не рассматривалось как убийство). Аналогичного рода данные приводятся и в работе В. А. Мошкова [31, с. 61].

Некоторые публикации нашего соотечественника М. П. Губоглу, проживавшего в Румынии, посвящены изучению гагаузского и турецкого фольклора. Две статьи были опубликованы в 80–90-е гг. XX в. в турецких сборниках, изданных по материалам прошедших в Турции конгрессов, в которых он принимал активное участие. В этих работах культ волка у гагаузов исследуется в связи с общетюркским фольклором («огузский дастан»), что дало основание автору говорить об общем мировоззрении, мифологии и, соответственно, общих генетических корнях у гагаузов и турок [46, с. 13; 47, s. 137-153; 17, с. 508]. В сохранении у гагаузов «Волчих праздников» М. П. Губоглу видит общие корни с культом волка, характерным для огузских кочевых племен. Обобщая содержание огузского эпоса, отражающего культ волка у указанных народов, он отмечал, что «серый волк (волчица) представлялся то материнским, то государственным символом, а то и проводником в пути» [46, с. 13]. М. Н. Губогло следующим образом сформулировал его позицию по данному вопросу: «Явные следы культа волка в представлениях гагаузов не ведут дальше восприятия его как прародителя или прародительницы, субъекта, которому следует поклоняться, проводника – пастыря – спасителя, или символа на знамени» [17, с. 508].

Активизация интереса к культу волка в среде гагаузской интеллигенции, как отмечает М. Н. Губогло, начинается «со второй половины XX в., особенно с ростом национального самосознания гагаузов и этнической мобилизацией. <…> Многие писатели, поэты, художники обратились к культу волка, лихо поэтизируя его, так как с помощью мифологического персонажа достигалось востребованное национальным самосознанием удревление исторических корней своего народа. Иными словами, самосознание подпитывалось не только мифологическими сюжетами, литературными текстами, но и художественными образами» [15, с. 84].

В качестве примера, в первую очередь, ссылка делается на одно из стихотворений С. С. Курогло – «Степная баллада» [28, с. 145-148], которое вполне правомерно рассматривается как факт использования гагаузской интеллигенцией элементов традиционной бытовой культуры, в частности образа волка. Несмотря на то, что поэт лишь касается данного образа, в этих четырех строках вполне отчетливо прослеживается содержание, которым он наделяет указанный символ этнокультурной истории гагаузов. Описывая исход предков гагаузов с мест кочевий, образно передаваемое им с помощью выражения «тропа судьбы», при упоминании о трудном перевале, Млечном пути, называемом гагаузами «Саман йолу» и Большой Медведице (*Большая арба*) он вводит образ волка [28, с. 147]:

Пылит арба с волами,
где впереди зари
волк длинными прыжками
тропу торит.

В произведении С. С. Курогло волк выступает в роли покровителя, выводящего народ на спасительный путь. Аналогичное значение данного образа – волк-покровитель – характерно для мифологии ряда тюркских народов. Отметим, что именно в таком символичном ключе образ волка представлен во взглядах многих представителей гагаузской политической элиты.

Уже в 90-х гг. С. С. Булгаром издаются два сборника – «Жанавар йортулары» и «Дев адамын оолу: Масаллар», в которых представлены легенды о праздновании «Волчьих праздников» и образ волка [4]. В одной из них, получившей название «Волчьи праздники», отражается распространенное у гагаузов предание о необходимости празднования «волчьих дней». Во втором сборнике, включающем в себя сказку под названием «Мальчик-сирота» / «Ÿÿсÿз чожÿук» [5, с. 5], говорится о том, что мальчику, помощнику чабана, явился Хромой волк и предсказал ему судьбу. Он посоветовал парню не возвращаться назад к пастуху, так как тот его накажет за то, что он не уследил за стадом и волки зарезали овец. Здесь отчетливо проявляется роль волка как регулятора

социальной справедливости – он попытался отвести незаслуженное наказание от невиновного. Из последовавшего объяснения следует, что, зарезав стадо овец, волки наказали именно пастуха за то, что он не чтил «Волчьи праздники», и более того, в эти дни зарезал овцу, сделал *каурму*, устроил пьянку (*сарфошлук*), а шкуру продал. Таким образом, через «Хромого волка» до слушателя доводится обоснование сакральности данного праздника, необходимости его соблюдения. Несмотря на то, что в указанных выше сказочных сборниках автор лишь литературно обработал и опубликовал сохранившиеся в народе легенды и предания о волке, все же, думается, что в определенной степени они способствовали реанимации у части гагаузов представлений о традиционности культа волка, тем более что изданы они были именно в революционные 90-е гг.

Гагаузский художник Д. Савастин, оформлявший это издание, сопроводил данную сказку рисунком, на котором изображенный пастух внешне напоминает среднеазиатский тип, а рядом с ним Хромого волка (с поврежденной левой передней ногой). Учитывая спокойное выражение лица парня – помощника пастуха, можно говорить о том, что он не воспринимал волка как угрозу, хотя, как следует из рассказа, он был настолько напуган, что у него от страха ноги онемели. При этом пасть волка приоткрыта – он как бы вещает парню его судьбу. То есть образ был наполнен необходимой мифологичностью. В рисунке Д. Айоглу «*Canavar yortuları*», благодаря точному воспроизведению времени года (глубокая осень) и реального образа волка, отражается непосредственно дух «Волчьих праздников».

В последующее годы «волчья тематика» приобрела особое звучание в гагаузской литературе [49]. При этом по отношению к волку уже используются не только привычные для гагаузов слова – *canavar* и *yabanı*, но и *kurt*. В произведениях гагаузских поэтов Серый волк – Boz Kurdum воспринимается как свой, родной, как спаситель: стихотворения Т. Занета – «Akar yıldız» [52], Г. Каранфил – «Selam getirdim» [50, s. 7, 11] Ю. Курдоглу – «Akar sel gücü» (2013, s. 55) и др.

В конце XX – начале XXI вв. вопрос о происхождении культа волка у гагаузов был актуальным среди гагаузоведов – как этнологов, так и фольклористов. Порой эта тема приобретала особую остроту и дискуссионность. Вопросы, связанные с содержанием образа волка в народных воззрениях, а также с культом волка у гагаузов, нашли отражение в работах М. Н. Губогло, Е. Н. Квилинковой, А. В. Шабашова, М. В. Маруневич, А. К. Папцовой, Д. Е. Никогло, В. И. Сырфа, П. А. Чеботаря и др.

В основном в исследованиях гагаузоведов акцент делался на изучении культа волка у гагаузов через призму тюркской культурной общности, этнокультурных параллелей в тюркском мире. Наличие реликтов культа волка у гагаузов связывалось многими исследователями с языческими представлениями тюркоязычных кочевников Юго-Восточной Европы, с тотемическими представлениями других тюркских народов. Через сохранение у гагаузов элементов культа волка ученые обосновывали их генетическое родство с огузскими кочевыми племенами, огузским героическим прошлым, огузским эпосом.

Одним из первых к рассмотрению истоков культа волка у гагаузов обратился профессор М. Н. Губогло [7-8]. Наличие в календарной обрядности гагаузов «Волчьих праздников», по его мнению, восходит к культу волка, который являлся тотемом у древних тюрок. При этом он полагает, что «верования о волке были распространены среди тюркских и монгольских народов евразийского пространства, а у гагаузов – шире, чем у народов, принадлежащих тюркскому миру…» [16, с. 267]. На основании проведенных параллелей по культу волка у гагаузов с другими народами, М. Н. Губогло высказал мнение о том, что цикл посвященных волкам праздников у гагаузов «…хронологически гораздо шире, чем у окружающего болгарского населения, и имеет более широкую тематику обрядовых действий» [7, с. 12; 14, с. 413]. Сравнивая обрядность и народные поверья у бессарабских гагаузов и болгар, он отмечает, что у болгар запреты налагались не столько на работы, связанные со скотоводством, сколько на работы земледельческого характера. Исходя из этого, им делается вывод о том, что в обрядовой стороне «Волчьих праздников» и связанных с ними народных поверьях отразились различные формы хозяйственной деятельности: скотоводства – у гагаузов, земледелия – у болгар [14, с. 415]. Данные выводы были оспорены нами в одной из работ [21, с. 364-412]. Вместе с тем, мы абсолютно согласны со следующим его высказыванием о том, что «сегодня односторонность и прямолинейность вывода о наличии кочевого прошлого у предков современных гагаузов с помощью описания обычаев и

ритуалов, связанных с культом волка, нуждается в корректировке, так как накопленный материал <…> свидетельствует скорее об универсальности этого культа в евразийском пространстве <…>, чем об его исключительности у гагаузов» [16, с. 267]. В одной из последующих своих работ М. Н. Губогло, на основе анализа имеющегося этнографического и фольклорного материалов, обосновал тезис о корнях культа волка у гагаузов, уходящих в кочевое прошлое этого народа, со временем уступившее место оседлой жизни земледельцев. В связи с этим логичным и обоснованным является сделанный им вывод о том, что культ волка у гагаузов «представляет собой синтезированный продукт оседло-кочевого образа жизни» [15, с. 97-99].

В результате осуществленного анализа культурно-символического пространства гагаузской мифологии М. Н. Губогло пришел к выводу о том, что «в культе волка («символ независимости») и в ассоциированных с ним культах петуха («символ воинственности и маскулинности») и лошади («символ верности») гнездится диалектически единое, исторически обусловленное цивилизационное единство тюркизма, византивизма и славянизма» [17, с. 513]. Выделенные им из пантеона культов три этнокультурных символа действительно ярче всего прописаны в гагаузской календарной обрядности и в менталитете и свидетельствуют о разных компонентах гагаузской культуры.

Рассматривая народные верования гагаузов о волке, демонстрирующие связь с кочевым прошлым народа, гагаузоведы, как правило, ссылаются на параллели с огузским героическим эпосом – «Книга моего деда Коркута», «Огуз-намэ» и др. [30, с. 25, 50-55; 14, с. 431; 34, с. 69; и др.]. В качестве примера этнокультурных параллелей, как правило, указывается на зафиксированное В. А. Мошковым имевшее место у гагаузов представление, согласно которому пастухам приписывали особую способность – умение таинственным образом общаться с волками [31, с. 61].

В связи с особым вниманием, уделявшимся гагаузскими этнографами огузскому героическому эпосу, считаем целесообразным подробнее остановиться на учебном пособии М. В. Маруневич «История гагаузского народа» (написанном в 90-е гг. XX в., но опубликованном несколько позже: Комрат, 2003), тем более что ее точка зрения относительно культа волка до настоящего времени почему-то не рассматривалась в гагаузской историографии. Это представляется важным, поскольку она, будучи ученым-этнографом, являлась одним из наиболее активных руководителей народного движения, добивавшегося признания Гагаузской Республики. Несомненно, ее мнение было весомым при принятии гагаузской национальной символики – флага с образом волка.

«Зарождение отдаленных исторических корней и истоков народов тюркского мира (в том числе гагаузов)» относится ею к периоду 3 тыс. до н. э. – 1 тыс. до н. э. («район Алтая и на сопредельные территории Центральной Азии) [30, с. 7]. В разделе «Древние тюрки (этногенез, этноним, культура, социальный строй)» исследователь подробно приводит легенду о волчице и о возникновении династии Ашина [30, с. 23]. Далее объясняется исторический контекст возникновения культа волка и причины употребления разных терминов для обозначения этого животного. При этом их использование М. В. Маруневич дифференцирует исходя из значения, которое отводится данному образу, – волк-хищник или благородный волк: «Возникновение образа волка-прародителя именно у кочевых народов Великой Евразийской степи с научной точки зрения представляется совершенно естественным. В практике скотоводческого типа хозяйственной деятельности естественным соперником по природной нише и соседом человека является умный, сильный и могучий хищник волк. Человек, находясь с ним в условиях вечного антагонизма, в эпоху первобытности вынужден был его одухотворять, почитать вплоть до обожествления и идеализации, стараясь почитанием умилостивить его. <…> В этой коллизии возникает различие понятий: **Волк** – могучий, безжалостный хищник (*canavar, börü, kara kurt, kaskır*), и **Волк** – друг, такое же мощное, но доброе, дружественное существо (*бозкурт*, благородный волк)» [30, с. 24-25].

Обращаясь к этногенетическим легендам, в которых «тюрки возводят свое происхождение к волку» (а также волчице – Е. К.), М. В. Маруневич раскрывает образ Бозкурта, отраженный в эпосе «Огуз-наме» и в дастане «Огуз-каган». «Здесь волк голубой масти (признак благородства этого тотемного животного) выступает проводником Огуз-хана в наиболее опасные моменты его походов. В этих повествованиях ощутима вера в то, что Бозкурт был послан Огуз-кагану

Всевышним великим Тэнгри. Именно это и символизирует небесно-синий цвет шерсти Бозкурта» [30, с. 25].

Рассматривая «верования, связанные с Бозкуртом в мифологических текстах тюрков», М. В. Маруневич делит их на три части:

«Вера в Бозкурта – как отца, основателя рода.

Вера в Бозкурта – как вождя.

Вера в Бозкурта – как спасителя» [30, с. 25].

Все эти составляющие, по ее мнению, «влияли на формирование у тюрков с древних времен таких качеств, как гордость, уверенность в своих силах и оптимизм в отношении своего будущего. Она помогала тюркам успешно переживать падения и кризисы, в моменты, когда этнос стоял на грани исчезновения, когда необходима была консолидация сил, то есть в исторически переломные периоды жизни тюркского суперэтноса». Таким образом, степной волк превращается в Небесного Бозкурта – символа тюркского ментального характера.

Путем подчеркивания того факта, что «легенды о Бозкурте в разнообразных сюжетных вариациях существуют у всех тюркских народов: киргизов, казахов, татар, узбеков, азербайджанцев и т. д.», М. В. Маруневич уходит от ответа на вопрос об отсутствии подобных легенд у гагаузов, делая при этом акцент на том, что «это доказывает единство этнических корней, наличие обшей культуры и генетической наследственности народов тюркского мира. Поэтому с самого начала стоило воспрянуть одному племени, как это приводило в движение весь тюркский род».

Важное значение при рассмотрении образа волка она отводит качествам его характера: «”Почитание волка было традиционно сознательным благодаря таким его качествам, как свободолюбие (его нельзя дрессировать), ум, смелость, решительность, самоотверженность, преданность другу, лидерство среди зверей”. Так сложилось в истории, что тюрков – почитателей Бозкурта можно было победить, но никогда не покорить. Настолько был силен этнопсихологический дух тюркского самосознания. Одним из древних примеров этого, как мы видим, было создание Первого Великого Тюркского каганата на руинах гуннской державы. Об этом же свидетельствуют и более поздние исторические события в жизни тюрок».

Как можно видеть из приведенной цитаты, на первый план выносятся такие черты волка, как свободолюбие и смелость, акцент на которых должен был оказывать воздействие на дух гагаузов того периода, когда велась борьба за признание Гагаузской Республики.

В заключении к работе М. В. Маруневич, довольно подробно останавливаясь на рассмотрении огузского героического эпоса («Огуз-намэ», «Книга моего деда Коркута», написанного «на языке племени огузов»), отмечает распространенность у тюрков различных культов, но при этом особый акцент делает на культе волка как традиции почитания своих предков: «В тюркской религии было много культовых обрядов. Самыми важными были культ солнца, культ предков, культ огня, культ тотемизма и т. д. тюрки имели культ предков-героев, которые прославились своими подвигами или великими творениями, возвеличивавшими имя тюрков. <…> Древние народы с древних времен имели тотемных животных, указывающих на принадлежность к данному роду. Тюрки имели отношение к Волку-предку. Поклонение этому животному объяснялось как почитание своих предков» [30, с. 50, 51-55]. Таким образом, в результате сделанных ею акцентов был проведен мостик от гагаузского культа волка к общетюркскому Бозкурту, образ которого был призван вдохновлять гагаузов в борьбе за свою государственность.

В одной из публикаций гагаузского этнографа С. С. Курогло, посвященной изучению личных имен у гагаузов [27, с. 180-188] рассматривается происхождение имени *Куртu*. Автор, проводя аналогии с традицией турок и туркмен, осторожно высказывает предположение о том, что оно происходит от древнетюркского слова *курт* – ’волк’. Отмечается, что в настоящее время оно вышло из употребления, но продолжает бытовать в некоторых гагаузских селах в качестве уличного прозвища. К этой же этимологии возводится бытующая у гагаузов фамилия *Курдогло*. Приводя точку зрения Р. Стойкова, считавшего, что «данное имя имеет протоболгарское тюркское происхождение», С. С. Курогло опустил тот факт, что аналогичные имена и фамилии широко распространены и у болгар.

Отдельные сведения о происхождении ряда фамилий у гагаузов от слова *волк*, а также о существовании данной традиции у ряда европейских народов (болгар, молдаван, немцев и др.) представлены в книге гагаузского филолога П. А. Чеботаря. Кроме того, здесь же приводится этимология названий волка. По его мнению, в слове «*canavar*» вполне уместна параллель с русским словом *животное*, которое образовано от основы *живот*, то есть 'жизнь', 'душа' – «*canı var*». В слове же *yabanı* корень *yaban*, что означает «дикий». В его работе приводятся также некоторые эвфемизмы, бытовавшие у гагаузов [43, с. 38-40].

Первые работы, посвященные непосредственно изучению формы и содержания «Волчьих праздников», а также особенностей проявления культа волка у гагаузов Молдовы, были опубликованы Е. Н. Квилинковой: «Культ волка у гагаузов» и др. [18, с. 83-85; 19, с. 17-20, 27, 55-57]. Далее эта проблематика была расширена и углублена за счет полевого материала по «Волчьим праздникам», собранного у гагаузов Болгарии [20, с. 28-30, 81 и др.]. Зафиксированные этнографические данные, а также углубленное изучение историографии вопроса (в которой были представлены сведения о форме и содержании мифологии, связанной с культом волка у тюркских и у балканских народов), позволили нам выявить общие черты культа волка у гагаузов с другими балканскими народами (болгарами, сербами, румынами). В последующих работах («Цикл "Волчьих праздников" у гагаузов в сравнении с другими народами» [21, с. 364-412]; «Образ волка и волчьи праздники – символ гагаузской этничности или общебалканское явление (к вопросу о классификации элементов культа волка у гагаузов)» [22, с. 98-102], на основании проведенного сравнительного анализа, были сделаны научно обоснованные выводы относительно формы и содержания культа волка у гагаузов. Об особом внимании, уделявшемся нами данной тематике, свидетельствует и то, что им посвящены отдельные разделы в изданных нами ранее монографиях [23, с. 441-475; 25, с. 490-500].

В этих работах делался вывод о том, что зафиксированные у гагаузов обычаи, обряды и верования, связанные с культом волка, позволяют квалифицировать их не как этноспецифические черты, свойственные в большей степени гагаузам, чем болгарам или восточнороманским народам, а как этнорегиональные. В противном случае это неоправданно уменьшало бы значение аналогичных элементов в традиционной обрядности народов Балканского региона, у которых основа «волчьих праздников» является общей.

Тем не менее, длительная сохранность обрядности «Волчьих праздников» у гагаузов свидетельствует о том, что скотоводство на протяжении многих веков являлось у них основным видом хозяйственной деятельности. Кроме того, значение данного образа в народных воззрениях и в фольклоре, а также акцент на нем в литературе и в художественном творчестве современных гагаузских поэтов и художников ***позволяет отнести культ волка к значимым этнокультурным маркерам традиционной духовной культуры гагаузов, который уходит своими корнями в далекое прошлое народа***.

Содержание «Волчьих праздников», а также вопросы о культе волка как этнокультурном маркере гагаузов нашли отражение в работах гагаузоведов Д. Е. Никогло, Е. С. Сорочяну и А. К. Папцовой. В монографии этнолингвиста Е. С. Сорочяну приводятся терминологические данные о названиях «Волчьих праздников», употребляющиеся в гагаузских селах, о датах празднований и ритуальных запретах. Автор отмечает, что «с древнейших времен из всех животных наиболее почитаемым у гагаузов был волк» [51, с. 178, 239]. Отметим, что, несмотря на приводящиеся в работе столь подробные данные о названиях праздников, отмечавшихся в честь волков, использование гагаузами термина *курт* данным исследователем также не зафиксировано.

В статьях этнолога Д. Е. Никогло, посвященных формированию у гагаузов этнических мифов и символов, этноисторических мифов, подробно рассматриваются концепции о создании этномифов, существующие в зарубежной историографии (Э. Смит, В. Ширельман, Н. С. Мухамедшина, В. А. Ачкасов и др.), и их основные компоненты. В ходе проведенного исследования высказывается тезис о том, что создание мифов и символов у гагаузов – явление современное. Вслед за Э. Смитом автор статьи указывает на особую роль интеллигенции (элиты) в создании мифолого-символической системы этноса. Ею подчеркивается, что «именно творческая интеллигенция, создавая этномифы, способствует оптимизации процесса этнической мобилизации, утверждению этнического или национального самосознания» [34, с. 56, 52].

Имеющиеся у гагаузов мифы сгруппированы Д. Е. Никогло по следующим направлениям: о славных предках, о времени принятия религии, о мессианской роли, внешнем враге и др. Рассматриваются мифы, содержащиеся не только в научных публикациях, но и в работах авторов-любителей. В заключение автор делает вывод о том, что «этноисторические мифы (в том числе и те, которые создаются в гагаузской этнической среде) почти всегда несут в себе политический подтекст». В связи с этим правомерно акцентируется внимание на негативных сторонах данного явления: «С одной стороны, наличие сочинений авторов-любителей свидетельствует о том, что в народе существует живой интерес к собственной истории. С другой – данные мифы носят деструктивный характер, так как могут внести раздор в межэтнические отношения и способствовать зарождению ксенофобии. Однако, на наш взгляд, самая главная опасность заключается в том, что эти мифы, являясь частью манипулятивных технологий, могут привести к фальсификации истории. Кроме того, исходя из опыта других стран, следует сказать, что существует также опасность использования подобного рода мифов или выдержек из них в школьных учебниках. Поэтому проблема мифотворчества в современных условиях требует серьезного изучения и постоянного мониторинга» [34, с. 75-76].

На основании опубликованного другими исследователями историографического материала Д. Е. Никогло рассматривает также и «символы, которые в большей степени сохранились в сознании народа». Нельзя не согласиться с высказанным ею выводом о том, что реанимация культа волка гагаузской интеллигенцией имеет под собой историческое и этнографическое обоснование. Именно этот символ-маркер гагаузской этничности сыграл решающую роль в период этнической мобилизации, обозначив самобытность народа и принадлежность к тюркоязычному миру [34, с. 70]. Среди символов-маркеров гагаузской этничности исследовательница выделяет также праздник Хедерлез, народную песню «Оглан», сусаки, культ коня и петуха. Относительно двух последних этнокультурных маркеров, в работе отмечается: «Культ коня не играет такой значимой роли (по крайней мере в изобразительном искусстве), как культ волка. Петух, который по некоторым сведениям, украшал знамя Добруджанского деспотства, также занимает еще более второстепенную позицию в символической системе гагаузов. <…> Скорее всего, образ петуха, общего для подавляющего большинства народов солярного (солнечного) символа – носит для гагаузов универсальный, нежели эксклюзивный характер. Так как в последнее время все чаще об этом культе заявляют художники, писатели и ученые, то не исключено, что в дальнейшем данный образ обретет статус полноправного символа» [33; 34, с. 73]. Актуальность данной проблематики была отмечена в выступлении Д. Е. Никогло 5 апреля 2012 г. на научной конференции в г. Кишиневе (которая прошла в рамках VIII симпозиума по геральдике, посвященного гагаузской символике). В своем докладе «Система этнических символов гагаузов» она обратила особое внимание на то, что для более углубленного изучения этой темы необходимо проведение специального опроса среди гагаузских художников и политической элиты по вопросу об их отношении к гагаузским национальным символам.

Отметим также, что проблема этнокультурной символики была освещена и в нашем докладе на той же конференции (Квилинкова Е. Н. «Отражение этнических символов в гагаузской календарной обрядности»). В нем были рассмотрены наиболее яркие энокультурные символы-маркеры, отраженные в гагаузском народном мировоззрении и календаре – культ волка, культ коня, культ петуха, культ солнца и др. Особое внимание в этом выступлении было уделено вопросу традиционности, сохранности, актуальности и преемственности каждого из указанных этнокультурных маркеров в качестве национальных символов. Соотношение этих компонентов мы рассматривали на основе проводившегося нами опроса респондентов в форме углубленного интервью – метода, широко распространенного в этнологии.

В связи с приведенными выше точками зрения о культе волка у гагаузов, взвешенной и в целом довольно аргументированной по данному вопросу является позиция доктора философии А. К. Папцовой. Она отмечает, что «в гагаузской традиции – за исключением того, что встреча с волком по дороге в поле перед посевом считается хорошей приметой – волк, прежде всего, опасен [36; 37, с. 425]. Специфичным было бы наличие особого положительного отношения к волку. Но этого нет, как нет табу на уничтожение этого животного (что все же не противоречит наличию у народа тотемических воззрений). Вместе с тем, – заключает автор статьи, – сакральная

“отмеченность” этого образа все же свидетельствует о его особом значении для гагаузов» [36; 38]. Поддерживая точку зрения об общих чертах культа волка у гагаузов с другими балканскими народами, А. К. Папцова вполне обоснованно видит причины слабой сохранности у гагаузов языческих обычаев и мифологии во влиянии христианства на народные представления и традиционную обрядность: «Ранняя христианизация и отсутствие литературной традиции практически исключили возможность сохранения пласта дохристианской “высшей мифологии”» [38].

Рассмотрению основных элементов мифологии в гагаузской народной волшебной сказке посвящены работы В. И. Сырфа [39-42 и др.]. В них исследуются персонажи фантастического характера, такие, как *rusáli*, колдуньи *Cadı-Bábusu* и *Cadı-Kızı*, девятиглавый дракон (*ajder*) и др. В этих работах акцент делается на выявлении мифологических представлений гагаузов о природе и обществе, в связи с мифологией древних тюрок. При рассмотрении помощников главного героя автор обращается к образу волка, его эволюции в представлениях гагаузов [40], в связи с чем приводит ряд бытующих у гагаузов эвфемизмов для обозначения этого животного. В своей монографии [42], при обосновании общих этногенетических корней культа волка у гагаузов с другими тюркскими народами, В. И. Сырф ссылается на румынского востоковеда М. П. Губоглу, прослеживающего их в огузском героическом эпосе.

Другой символ, прописанный в этнокультурной истории гагаузов и довольно широко представленный в современной историографии, – петух. Важность данного образа, по мнению ряда исследователей [29; 1; 3, с. 20-71; 48, s. 12], заключается в том, что он является реальным символом средневековой истории гагаузов, в период формирования гагаузского этноса и создания первой собственной государственности [26, с. 236-284].

В своей монографии «Очерки истории гагаузов – потомков Огузов (середина VIII – начало XXI вв.)» (2007) Ф. А. Ангели, приводя историографические данные, подробно останавливается на данном периоде истории предков гагаузов, когда в Добрудже в исторически благоприятных условиях сформировалась «Огузская держава» – «Узи еалет». В болгарских источниках это образование известно под названием «Добруджанското деспотство», Ф. Ангели его именует «независимое Гагаузское государство (1346–1417 гг.)». Им приводятся сведения (со ссылкой на историографические данные) о том, что у Добруджанского деспотства был флаг с изображением петуха [1, с. 243-246].

Наряду с этим автор указанной монографии уточняет, что «до этого на гербах всех 24 огузских родов изображались только дикие птицы (орел, сокол и т. д.). Ни при каких условиях нельзя было использовать их в качестве продуктов питания». Помимо символа петуха, Ф. Ангели «вписывает», по сути, и образ волка в средневековую историю гагаузов. Он отмечает: «Позже на гербах ряда тюркских племен стали изображаться серые волки. После того, как в начале XIV века Гагаузское государство полностью стало вассалом осман, на его знамени – уже синем – появился серый волк. Однако по краям флага сохранились белые петухи, напоминавшие о прошлом гагаузского народа. А после завоевания Добруджи Османской империей и окончательной ликвидации Гагаузского государства (1418–1419 гг.) вместе с флагом исчез и символический серый волк. Архивные источники утверждают, что балканские гагаузы из столетия в столетие передавали ностальгическое чувство своим потомкам». В связи с этим автор приводит предание о флаге с образом петуха, написанное А. Мановым [1, с. 245].

Имеющиеся в историографии сведения, уточняющие исторический контекст появления и значимость данного символа для гагаузов, обрядность «Дня петуха» (*Horoz günü*), а также распространенные у гагаузов Болгарии легенды в связи с празднованием этого дня, представлены в статьях болгарских этнографов М. Николовой, С. Гребенаровой [6, с. 305-350; 35, с. 153-181], а также в упоминавшихся работах М. Н. Губогло и Е. Н. Квилинковой. Празднование «Дня петуха» гагаузами Болгарии и сохранившиеся до настоящего времени легенды, связанные к этим праздником, основательно «прописывают» образ петуха в народном календаре гагаузов Болгарии, придав ему тем самым необходимую сакральность.

Что касается культа коня, являющегося одним из значимых этнокультурных символов у гагаузов, отметим, что данная проблематика совершенно не разработана, несмотря на то, что этот образ занимает важное место в традиционной культуре гагаузов. Возможно, слабый интерес к

указанной теме объясняется отсутствием легенд или мифов, освящающих и сакрализирующих данный образ. Видимо, этим во многом можно объяснить то место, которое занял образ коня как этнокультурный символ в гагаузской историографии [26, с. 216-284, 329-353].

Анализ гагаузской историографии по вопросу о форме и содержании культа волка у гагаузов, а также об этнокультурных параллелях показал, что по данной проблеме существуют две противоположные точки зрения. Приверженцы одной из них делают акцент на общности культа волка у гагаузов с другими тюркскими народами. Ввиду общей языковой идентичности (тюркоязычные) вся мифология, а также обычаи и обряды рассматриваются ими как общее культурное наследие. При этом вопросы о различии форм и содержания культа волка у гагаузов и у других тюркских народов нередко приобретают третьестепенное значение. В связи с этим уточним, что в основе культа волка у тюркских народов – турок, азербайджанцев, туркмен, узбеков, башкир и др., а также у монголов лежат тотемические представления о волке как о прародителе. (Данный вопрос всесторонне отражен в советской и постсоветской историографии.) Пережитки доисламских верований проявляются в сохранившемся во многих легендах образе Серого волка. В сказаниях об Огузах, легендарном предке тюрок, Серый волк выступает в качестве прародителя. Образ волка в фольклоре некоторых тюркских народов, в том числе татар и чувашей, предстает в ипостаси благородного Белого волка.

Сторонники второй точки зрения по вопросу о содержании культа волка у гагаузов, исследуя особенности формы и проявлений содержания указанного культа у тюркских народов и, в то же время, выявляя весь комплекс обычаев, обрядов и поверий, характеризующих культ волка у гагаузов, обращают внимание на значительное сходство с культом волка, характерным для балканских народов. Этнографические данные о форме и содержании «волчьих дней» у народов Балкано-Дунайского ареала, а также относительно культа волка, представленные в работах болгарских, румынских и российских ученых, демонстрируют их близость с обычаями, обрядами, поверьями и представлениями гагаузов. Они, в свою очередь, свидетельствуют о высокой степени сохранности древних традиций у указанных народов, связанных с почитанием этого животного. Причины широкого распространения и живучести элементов культа волка у народов данной территории обусловлены особенностями хозяйственно-культурного типа этого региона, в котором скотоводство всегда играло важную роль.

В связи с этой особо дискуссионной в последнее время проблемой отметим, что желание представить элементы культа волка у гагаузов как этноспецифические (а не этнорегиональные), подчеркивающие их отличие от соседних народов, и в настоящее время имеет место среди значительной части гагаузской интеллигенции. На наш взгляд, в данном контексте актуальным и важным является объяснение причин того, почему гагаузы Молдовы предпочли взять в качестве символа для гагаузского национального знамени образ волка, а не петуха или лошади, которые также «прописаны» в качестве значимых этнокультурных символов в гагаузском народном календаре и в этнической истории.

Библиография

1. Ангели Ф. Очерки истории гагаузов – потомков Огузов (середина VIII – начало XXI вв.). Кишинев: Tip. Centrală, 2007. 640 с.
2. Атанасов Г. Добруджанското деспотство. Велико Търново, 2009. 496 с.
3. Атанасов Г. Этногенез гагаузов Добруджи – теории, гипотезы и реальность.В: Курсом развивающейся Молдовы. Том 9. История в культуре и культура в истории. М., 2010. С. 20-71.
4. Булгар С. С. Жанавар йортулары. Аннатмаклар. (Волчьи праздники). Рассказы. Кишинев: Литература артистикэ, 1990. 317 с.
5. Булгар С. С. Дев адамын оолу: Масаллар. Кишинев, 1990.
6. Гребенарова С. Календарни обичаи и обреди.В: Странджа. Материална и духовна култура. София, 1996. С. 305-350.
7. Губогло М.Н. Малые тюркские народы Балканского полуострова. М., 1967.
8. Губогло М.Н. Этническая принадлежность гагаузов.В: Советская этнография, 1967. № 3. С. 159-167.
9. Губогло М.Н. Этнокультурные данные о кочевом прошлом гагаузов.В:Археология, этнография и искусствоведение Молдавии. Кишинёв, 1968. С. 51-60.

10. Губогло М.Н. Гагаузская терминология по скотоводству.В:Тюркская лексикография и лексикология. М., 1970. С. 217-236.
11. Губогло М.Н. Гагаузская антропонимия как этногенетический источник.В: Советская тюркология, 1973. № 2.
12. Губогло М.Н. К изучению тюркоязычного населения Юго-Восточной Европы в свете современных задач балканистики. В: Исторические и историко-культурные процессы на Балканах. М., 1982.
13. Губогло М. Н. Культ волка в евразийском пространстве. Эксклюзивы и универсалии в этногенезе гагаузов.В: VI конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы. 28 июня – 2 июля. СПб., 2005. С. 94.
14. Губогло М. Н. Культ волка у гагаузов. Этнокультурные параллели в тюркском мире.В: Русский язык в тюрко-славянских этнокультурных взаимодействиях (Этнологические очерки). М., 2005. С. 408-446.
15. Губогло М. Н. Именем языка. Очерки этнокультурной и этнополитической истории гагаузов. М.: Наука, 2006. 498 с.
16. Губогло М. Н. Воображаемая вероятность: новейшие размышления о происхождении гагаузов. М.: ИЭА РАН, 2010.
17. Губогло М. Н. Пантеон культов.В:Гагаузы в мире и мир гагаузов. Т. II. Мир гагаузов. Комрат–Кишинев, 2012. С. 496-535.
18. Квилинкова Е. Н. Культ волка у гагаузов.В: Мысль. Кишинев, 2000. № 2. С. 83-85.
19. Квилинкова Е. Н. Гагаузский народный календарь. Chişinău: Pontos, 2002. 184 с.
20. Квилинкова Е. Н. Гагаузы Молдовы и Болгарии (Сравнительное исследование календарной обрядности, терминов родства и фольклора). Chişinău: Pontos, 2005. 308 с.
21. Квилинкова Е. Н. Цикл «Волчьих праздников» у гагаузов в сравнении с другими народами.В:Этнографические исследования в Республике Молдова. История и современность. Кишинев: Buziness-Elita, 2006. С. 364–412.
22. Квилинкова Е. Н. Образ волка и волчьи праздники – символ гагаузской этничности или общебалканское явление (К вопросу о классификации элементов культа волка у гагаузов).В: Проблемы классификации, типологии, систематизации в этнографической науке: Материалы Пятых С-Петербургских этнографических чтений. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2006. С. 98–102.
23. Квилинкова Е. Н. Традиционная духовная культура гагаузов: этнорегиональные особенности. Кишинев: Buziness-Elita, 2007. 840 с.
24. Квилинкова Е. Н. Заговоры, магия и обереги в народной медицине гагаузов. Кишинев: Elan Inc, 2010. 390 с.
25. Квилинкова Е. Н. Православие – стержень гагаузской этничности. Комрат-София, 2013. Tip. Centrală, 2013. 872 с.
26. Квилинкова Е. Н. Культ волка у гагаузов сквозь призму этнокультурных символов. Кишинев: Tip. Centrală, 2014. 472 с.
27. Курогло С. С. Личные имена у гагаузов.В: Историческая ономастика. М., 1987. С. 180-188.
28. Курогло С. С. Родословное древо. Кишинев, 1988.
29. Манов А. Потеклото на гагаузите: техните обичаи и нрави. В две части. Варна, 1938. 183 с.
30. Маруневич М. В. История гагаузского народа (Учебное пособие). Комрат, 2003. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dimpo67. narod.ru/knigi/Istoria_Marunevici.pdf.
31. Мошков В. А. Гагаузы Бендерского уезда. Этнографические очерки и материалы // Этнографическое обозрение, 1901. № 4. С. 1-80; 1902. № 3. С. 1-63.
32. Никогло Д. Е. Этническая специфика традиционной культуры гагаузов (по материалам исследователей второй половины XIX – начала XXI вв.). Историографический обзор.В: Revista de etnologie şi culturologie». Vol. 2. Chişinău, 2007. С. 92-99.
33. Никогло Д. Е. Этноисторические мифы у гагаузов .В: газета «Столица», 11 мая, 2009 г., № 9 (107) (а также в: Этноисторические мифы у гагаузов (к постановке проблемы). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http:gua.convdocs.org/docs/155/index-195053.html.
34. Никогло Д. Е. К вопросу о формировании этнических мифов и символов у гагаузов.В: Этносоциологические и этнопсихологические практики: методологические подходы и

комментарии (учебно-методическое пособие для высшей школы). Кишинев-Комрат, 2010. С. 50-81.
35. Николова М. «Обичаят Петльовден».В:Известия на Народния музей Варна, 1973. Кн. IX (XXIV). С. 153-181.
36. Папцова А. К. Мифологическая система гагаузов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://serin.su/index/papcova_ak_mifologicheskaja_sistema_gagauzov_prodolzhenie/0-7
37. Папцова (Келеш) А. К. Некоторые архаические черты религиозности гагаузов в конце XIX – начале XX веков.В: Материалы научно-практической конференции, посвященной 7-ой годовщине Гагауз Ери (Гагаузии). Т. II. Комрат, 2003.
38. Папцова А. К. Феномен религиозности на современном этапе развития общества (конкретная ситуация) / Дисс. … канд. философ. наук. Кишинев, 2013. 212 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.cnaa.md/files/theses/2013/25642/alla_paptova_thesis.
39. Сырф В. И. Некоторые молдавско-гагаузские фольклорные взаимосвязи и параллели (на материале волшебной сказки).В: Unitatea poporului Republicii Moldova şi problema identităţii etnice: Materialele conferinţei din 4–5 mai 1999, raporturi şi comunicări. Chişinău, 2000.
40. Сырф В. И. Гагаузская мифология и ее турецко-туркменско-азербайджанские параллели.В: ЕИМИ АНМ. Т. IV. Кишинэу, 2003.
41. Сырф В. И. Эволюция образа волка в гагаузских сказках.В: Мат-лы Междунар. научно-практ. конф., посвященной 7-ой годовщине Гагауз Ери (Гагаузии) «О развитии научных исследований в области истории гагаузского народа и проблем экономического становления современной Гагаузии». Т. II. Комрат, 2003.
42. Сырф В. И. Гагаузская народная волшебная сказка. СПб., 2013. 206 с.
43. Чеботарь П. А. Что воскликнул турецкий паша? Кишинев, 1990.
44. Шабашов А. В. Гагаузы: система терминов родства и происхождение народа. Одесса, 2002.
45. Шкорпил К. Материали към въпроса за «судбата на прабългарите и на северите» и към вопроса за «происхода на днешните българи».В: Vizantinoslavica. Т. V. Praha, 1933.
46. Guboglu M. P. Gagauz folklorunun Özellikleri, Önemi ve Canavar (Kurt) Kültü In: II Milletlerarası Turk Folklor Kongresi Program ve Bildiri Özetleri. Ankara, 1981. Bursa, VI. 1981. S. 13.
47. Guboglu M. P. Gagauz halk edebiyatı-folklorundan iki tarihi efsane ve bir demet tarihsel türkü I Milletlerarası Türk Halk Edebiyatı ve Folklor Kongresi. 11–12 Ekim, 1988. Konya, 1990. S. 137-153.
48. Güngör N., Argunşah M. Gagauz Türkleri (Tarih – Dil – Folklor ve Halk Edebiyati). Ankara, 1991.
49. Karanfil G. Gagauzlarda kurt ve adları. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https:www.facebook.com/GokboruTurkculerDernegi/posts/582265595195829
50. Karanfil G. Selam getirdim. Kişinöv, 2012.
51. Soroçanu E. Gagauzların kalendar adetleri. (Etnolingvistik aaraştırması). Kişinöv, 2006.
52. Zanet T. Akar yıldız. Kişinöv, 2010.

УДК: 374.31:78(478)(=163.2)

РОЛЬ ТВАРДИЦКОГО ФИЛИАЛА МУЗЫКАЛЬНОГО КОЛЛЕДЖА «ШТЕФАН НЯГА» В СОХРАНЕНИИ И РАЗВИТИИ БОЛГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Кара А.В.
директор ТФ МК «Штефан Няга»
Музыкальный колледж «Штефан Няга», Твардицкий филиал
alakara@mail.ru
Славова П.Г.
преподаватель, завуч по учебно-воспитательной работе
Музыкальный колледж «Штефан Няга», Твардицкий филиал
muzkoleg@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена работе Твардицкого филиала Музыкального колледжа «Штефан Няга». Это уникальное учебное заведение - единственное профессиональное училище

болгарской культуры за пределами Болгарии. Два отделения училища – хореографическое и отделение музыкального исполнения готовят танцоров и музыкантов. Учащиеся колледжа показывают хорошие результаты на конкурсах и фестивалях. Исполнение народной музыки и танцев позволяет сохранять болгарскую культуру.

Ключевые слова: фольклор, музыка, танец, народная культура.

Annotation. The author considered the work of the branch Tvarditskogo College of Music "Stefan Neaga". It is a unique institution - the only professional school of the Bulgarian culture outside Bulgaria. Future dancers and musicians study on the choreographic and musical departments of the college. College students show good results at competitions and festivals. Performance of folk music and dance allows you to save the Bulgarian culture.

Key words: folklore, music, dance, folk culture.

Народные традиции, быт и культура, которые поддерживали болгарский народ в течение периода многовековой истории, истории рабства и борьбы за физическое и духовное выживание. Вплоть до настоящего времени они являются неисчерпаемым источником мудрости и познания.

Основные элементы фольклора – музыка и танец - сопровождали болгар на протяжении всей жизни, с самого рождения и до смерти, поддерживали их в горе и в радости, в труде и отдыхе. Фольклор является неотъемлемой частью в жизни болгарского народа.

Современная жизнь напоминает прошлое - кризис в экономике, борьба за хлеб насущный - которое отчуждает людей от искусства: культура отходит на задний план. Но, как и в самые отдаленные от современности времена, так и сегодня, народное искусство, народные традиции помогают молодому поколению адаптироваться, интегрироваться в современном обществе. Все, рожденное в народном творчестве, исходит из реальной жизни - сказки, пословицы, поговорки, песни. Не случайно это названо фольклором - народной мудростью. Фольклор не остается неизменным, а развивается вместе с развитием людей, сохраняя в себе все то, что существовало раньше и отражая новые социальные изменения. Поэтому фольклор всегда остается современным, уникальным и ценным.

Для этого и был создан музыкальный колледж: чтобы люди, желающие сохранить музыку и танцы и продолжить обучать им других, могли бы достичь этой цели.

Твардицкий филиал - единственное профессиональное училище болгарской культуры за пределами Болгарии. Его появление вызвано тем обстоятельством, что на юге Молдовы около двухсот лет живут болгары. Народу, находящемуся за сотни километров от своей прародины из года в год становится все труднее сохранять свои народные традиции, обычаи, устои, пришедшие из глубины веков и являющиеся базой, которая определяет сущность нации, ее духовность, ее отношение к другим народам, так как с годами его внутренние духовные ресурсы уменьшаются.

Развитие фольклора возможно лишь при условии существования профессиональной школы для изучения народного музыкально-танцевального искусства. Так в 1996 году при содействии и участии Республики Молдова и Республики Болгария приказом министра культуры №157 в Твардице был открыт филиал Республиканского Музыкального Колледжа им. Шт. Няги по изучению болгарских народных инструментов и болгарских народных танцев. Возглавил филиал доктор искусствоведения Степан Федорович Стоянов. В настоящее время более десяти лет филиал возглавляет Алла Викторовна Кара.

Было открыто два отделения, которые успешно развиваются:

1) Отделение музыкального исполнения (рис. 2);
2) Хореографическое отделение (рис. 1).

За прошедшие 19 лет завершили обучение в колледже и стали дипломированными специалистами около 165 человек. Они нашли применение своим талантам, знаниям и умениям в болгарских селах Молдовы, в государственном ансамбле «Родолюбие». г. Тараклии. Некоторые продолжили учебу в Консерваториях Молдовы и Болгарии.

Постепенно выпускники, получив образование, пополняют преподавательский состав колледжа. Среди них Е.Ламбова, А.Желяпов, М.Паскалов, Л.Кара. Так складываются и сохраняются традиции, поддерживается особая творческая атмосфера, отличающая колледж.

Молодое поколение, выпускники и учащиеся колледжа не только воспринимают и передают фольклор, но и развивают его в соответствии с современными требованиями жизни, удовлетворяют духовное стремление нации на более высокий художественно-профессиональный уровень. Не каждый выпускник связывает свою жизнь с музыкальным или хореографическим творчеством, но, безусловно, все выпускники сохраняют любовь к народной культуре.

В период учебы народные праздники становятся частью жизни учащихся: к ним готовятся задолго до их начала. Торжества по их случаю становится кульминацией долгой творческой работы, коллективным творческим делом учеников и учителей. Яркие празничные национальные костюмы, эмоциональное единение зрителей и артистов, прекрасная музыка и танцы оставляют неизгладимое впечатление.

Коллектив учащихся участвует во многих торжествах в Республике Молдова и Республике Болгария. Практически всегда участвуют в Международном фестивале «Mărţişor», в праздновании Дней славянской письменности в Молдове, Дней освобождения Болгарии в Республике Молдова (в Посольстве РБ) и в Республике Болгария.

Многое удалось реализовать благодаря участию в международных проектах по Национальной Программе «Роден език и култура зад граница», предложенной МОМН Республики Болгария. Название одного из проектов «Музикален колеж с. Твърдица – будител на народната памет и национално самосъзнание на българите в Бесарабия» ярко отражает роль колледжа в сохранении болгарской культуры. С 2010 года колледж выиграл и реализовал 5 проектов в рамках данной программы. Координатором проектов является директор филиала Алла Викторовна Кара.

Благодаря проектам в колледже

- создан певческий, танцевальный и инструментальный состав,
- организован клуб «История и этнография Болгарии», который первоначально возглавила преподаватель из Болгарии Анна Дамянова, а в настоящее время им руководит Константин Адамов.
- закуплены народные инструменты (кавал, гайда, гъдулка, тамбура), народные костюмы различных фольклорных областей Болгарии, мультимедийная техника,
- организованы поездки в Болгарию по обмену опытом в музыкальное училище в с. Широка-Лъкадля учащихся, где обе стороны дали концерты,
- издан рекламный материал: буклеты, календари, банеры, которые помогают распространять информацию о народном творчестве в самых отдаленных населенных пунктах,
- организованы концерты в разных населенных пунктах Молдовы, Украины.

Благодаря участию в проектах появилась возможность организовать конференции для представителей болгарской общественности, бизнеса и СМИ с целью сотрудничества с новыми партнерами, обмена идеями, опытом для сохранения и развития болгарской культуры и искусства.

Коллектив колледжа успешно выступает на международных фестивалях и выигрывает международные конкурсы. В ноябре 2014 года в Кишиневе вокальная группа колледжа (солистка Алла Адырова) выиграла Международный фольклорный конкурс им Штефана Няги, в котором принимали участие коллективы Украины, Молдовы и Румынии. Весной этого года на Межрегиональном конкурсе сольного исполнения народной музыки на инструменте годълка «Великденский фолклорен собор», который ежегодно проводится в Болгарии на 2 день Пасхи в Еленово (Нова Загора, Болгария) Татьяна Карагеоз получила 1 место, Иван Маленков - второе.

Большой успех имело выступление коллектива колледжа на международном фестивале танцевального искусства в Праге в марте 2014.

4 дня продолжались выступления учащихся колледжа в городе Враца в Болгарии в мае 2014 в рамках Международного конкурса фестиваля исполнителей музыки и танцев «Врачанска Пролет».

Благодаря тому, что наши учащиеся участвуют в концертах по случаю самых характерных национальных праздников Коледа, Трифон Зарезан, Гергьовден сохраняется, распространяется и развивается болгарское народное творчество, воспроизводится и укрепляется национальная идентичность, воспитывается и укрепляется болгарская духовность.

Все эти успехи были достигнуты при поддержке со стороны Министерств Культуры Молдовы и Республики Болгарии, со стороны администрации Музыкального колледжа. Если поддержка со стороны Болгарии помогает сохранять и воспроизводить болгарскую этническую идентичность, то поддержка со стороны Министерства культуры и туризма Молдовы помогает сохранять и воспроизводить гражданскую идентичность, способствует интегративным процессам, посредством которых болгары Молдовы ощущают себя частью поликультурного молдавского общества. Именно такой путь позволяет укреплять патриотизм, чувство гордости за свою страну, любви к творчеству и искусству народов Молдовы.

Поддержка со стороны администрации многопланова и многоаспектна: коллектив филиала колледжа получает материальную и методическую помощь, участвуе в твореской деятельности колледжа. Благодаря этому вниманию со стороны администрации колледжа преподавательский состав колледжа ориентирован на результативную качественную работу, на повышение квалификации.

Успехи филиала колледжа были бы невозможны без энтузиазма многонационального дружного коллектива преподавателей из Республики Болгарии и Республики Молдова. Музыкальный колледж, как единственное профессиональное училище болгарской культуры за пределами Болгарии, поддерживает тесные контакты со всеми болгарскими учреждениями в Молдове: Посольством Республики Болгарии в Республике Молдове, Болгарской общиной в Кишиневе и в Комрате, «Възраждане», «Родолюбец» и участвует во всех их мероприятиях.

Поддерживаются связи и с различными образовательными учреждениями Молдовы, в частности с Комратским государственным университетом и Такраклийским государственным университетом. Сотрудничество с университетами осуществляется в различных формах, в частности, преподаватели университетов работают по совместительству в колледже и наоборот, преподаватели колледжа получают образование в указанных университетах. Коллектив колледжа участвует в различных мероприятиях, организуемых университетами, в том числе в научных мероприятиях. Много лет подряд представители колледжа участвуют в работе конференции, инициатором которой выступила кафедра болгарской филологии Комратского государственного университета. В частности, 14 мая 2015 года для конференции «Функционирование славянских и других языков и литератур в контексте языковой ситуации Республики Молдова», организаторами которой выступили Т.И.Раковчена и Л.В.Бойкова, подготовили доклады А.В.Кара, П.Г.Славова и К.Адамов. Для преподавателей колледжа это стало еще одной возможностью обмена информацией о болгарской культуре, о способах ее сохранения и развития.

Большое значение имеет то, что учащиеся колледжа не только приобщаются к болгарской культуре, но и участвуют в ее функцировании. Они обретают навыки игры на народных музыкальных инструментах, усваивают движения народных танцев, запоминают народные песни. В век культуры потребления, когда проще удовлетворить потребность в музыке посредством нажатия кнопки на плеере, учащиеся колледжа сами поют, играют и танцуют, оживляя своей энергетикой образцы народного творчества, сохранившиеся в веках.

Приобщение наших учащихся к культуре их прадедов дает им:

- знание их исторического прошлого, которое заставляет их возгордиться тем, что они являются наследниками тысячелетней истории и культуры;
- обучение на родном языке – болгарском, что облегчает их дальнейшее обучение в ВУЗах Болгарии;
- шанс узнать больше о традициях и народном творчестве, обрядах и обычаях, обо всем, что существует и сегодня на основе народного творчества, чтобы интегрироваться в новой среде и реализоваться профессионально;
- возможность отвлечься от повседневности, посетить свою историческую прародину – Болгарию, участвуя в различных фестивалях, конкурсах, а по приезду домой ещё более усердно учиться и работать над собой, чтобы повысить свой профессиональный уровень.

Все это позволяет сделать вывод о том, что филиал колледжа не только учебное заведение, но и центр болгарской культуры на Юге и часть многонациональной культуры Молдовы.

Рис.1. Выступление учащихся хореографического отделения

Рис. 2. Выступление учащихся отделения музыкального исполнения

Рис. 3. Учащиеся колледжа – участники конкурса

УДК 392. 81

ЭЛЕМЕНТЫ КОЧЕВОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУХНИ В СИСТЕМЕ ПИТАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГАГАУЗОВ

Новожеев Р. В.
доцент, зав. кафедрой философии, истории и педагогики
Брянский государственный аграрный университет, РФ
novrom@bk.ru
Иванчогло И. С.
Брянский государственный аграрный университет, РФ

Аннотация. В статье рассматривается система питания гагаузов, выявляются ее архаические элементы. Реликтовые элементы сопоставляются с пищевыми традициями кочевников.

Ключевые слова: кочевники, гагаузы, пища, система питания

Annotation. The article considered the system of the food of the Gagauz people, identifies the archaic elements of the food system. Relict elements are compared with the dietary traditions of the nomads

Key words: nomads, Gagauzes, food, food system

Гагаузы – народ православного вероисповедания, говорящий на тюркском языке, проживающий на территории автономии Гагаузия (Гагауз Ери) на юге Молдовы и в Болградском районе Одесской области Украины, в междуречье нижнего течения Дуная и Днестра. Этногенез гагаузов до настоящего времени является сложной научной проблемой. Существует не менее десятка гипотез происхождения гагаузского народа. Однозначным является то, что в древности предки гагаузов вели кочевой образ жизни и перешли к оседлости не ранее XIII века на Балканах. Область расселения гагаузов в средние века – болгарская Добруджа. На рубеже XVIII-XIX вв. гагаузы переселяются в буджакские степи, особенно интенсивным этот процесс стал после заключения в 1812 году Бухарестского мирного договора между Россией и Османской империей, по которому земли Буджака отходили к России. По призыву императора Александра I православные подданные, в том числе и гагаузы, из Османской империи начали переселяться в Буджак.

Рацион питания современных гагаузов обусловлен их хозяйственно-культурным типом земледельцев, который они усвоили на Балканах. Однако в нем сохранились рудименты, свидетельствующие о добалканском кочевом прошлом народа. Система питания отражает также этническую специфику и явления социокультурного характера.

В исторических источниках свидетельств о системе питания древних и средневековых кочевников немного. Археология также дает только фрагментарную информацию, по которой можно судить лишь о некоторых типах продуктов питания, кухонной и столовой посуде, но, к сожалению, не о способах приготовления блюд.

В рационе питания древних и средневековых номадов, обусловленного спецификой их образа жизни и хозяйственной деятельности, присутствовала мясная, растительная и молочная пища.

Приведем несколько элементов из традиций питания кочевников. К способам приготовления пищи у древних и средневековых кочевников можно отнести – варку, жарку, вяление, сквашивание. Первый и второй способ готовки подтверждается археологическими источниками, находками котлов, крюков, щипцов, жаровен [1, с.22]. По сложившейся историографической традиции считается, что основной пищей номадов была мясная пища. И это действительно так. В рационе мясной пищи скифов конина занимала 42%, 32% - баранина и 24% - крупный рогатый скот[1, с.23]. Знать употребляла в основном конину. Не престижным было

употребление мяса крупного рогатого скота [1, с.23]. Плано Карпини называет вареное мясо единственной пищей монголов [4]. Большинство кочевников употребляло мясо в вареном виде [3, с.71]. Описание варки мяса скифами приведено у Геродота. Оно представляло собой варение кусков мяса в больших котлах. При разделке мяса у скифов и других кочевников древности существовали особые правила, когда определенные куски туши подавались лицам с определенным социальным статусом. В соответствии с такими обычаями происходила раздача мяса и у монголов: «Пищу разрезает один из них, а другой берет острием ножика кусочки и раздает каждому, одному больше, другому меньше, сообразно с тем, больше или меньше они хотят кого почтить» [4]. После поедания мяса подавался бульон в чашах. Что касается доли пищи растительного происхождения в рационе древних номадов, то она была невелика. Тот же Плано Карпини упоминает лишь похлебку из толченого проса на воде [4]. Такое же блюдо присутствовало и у других кочевников [1, с.27]. Что касается потребления хлеба древними кочевниками, то данный вопрос остается открытым. Возможно, имело место приготовление лепешек из толченого зерна [1, с.27].

Кроме вареного мяса, для долгого хранения кочевники его заготавливали путём вяления. Так, Вильгельм де Рубрук отмечал: «…они сушат мясо, разрезывая его на тонкие куски и вешая на солнце и ветер, и эти куски тотчас сохнут без соли…» [6]. Он же отметил приготовление колбас из кишок, начиненных мясом [6]. Рубрук также свидетельствует о распределении мяса между гостями в соответствии со статусом. Что касается молочной пищи в рационе питания кочевников, то это кумыс из кобыльего молока, это отмечали многие древние и средневековые авторы, описывавшие кочевников. Пили также молоко овечье, коровье и верблюжье [4], но в основном в ферментированном виде. Также из коровьего молока могли сбивать сливочное масло, затем перетапливать его для более долгого хранения в кожаных бурдюках [2]. Из овечьего молока изготавливался сухой сыр, срок хранения которого был практически неограничен, он найден, к примеру, в Пазырыкских курганах [7, с.203]. О таком сыре пишет и де Рубрук.

Кроме кумыса и вина, кочевники древности делали хмельной напиток типа пива из риса, ячменя, проса и меда [4]. Слабоалкогольный напиток из ячменя готовили и гунны Аттилы [2, с.824].

Осветив, таким образом, общие черты системы питания кочевников древности и средневековья, обратимся к системе питания современных гагаузов, а именно к тем ее сторонам, которые своими корнями восходят к кочевому прошлому гагаузского народа.

Необходимо отметить, что из домашних животных в хозяйстве гагаузов преобладают овцы, также разводят свиней и крупный рогатый скот. Такое смещение от лошади к овце связано с многовековым проживанием гагаузов на Балканах и переходу их к оседлому образу жизни. Следует отметить, что под влиянием православия гагаузы полностью отказались от употребления в пищу конины.

Наиболее типичным способом хранения мяса является каурма, тушеные в собственном жиру баранина, печень, сердце, с добавлением специй, а также стручкового и молотого красного перца, который придает готовому блюду оранжевый цвет. Затем мясо отделяют от костей и плотно укладывают в очищенный овечий желудок, в котором оно застывает и хранится долгое время в холодном месте. Такой способ заготовки мяса имеет прямые аналогии в кочевой культуре Центральной Азии, а также у курдов. Каурма также употребляется в горячем виде.

В некоторых селениях сохранилось вяление мяса (пастырма). Куски мяса, окорок, ребра вначале помещают в соленый раствор со специями - чабрецом, красным и черным перцем, а затем подвешивают вялиться на чердаке. Таким же образом обрабатывают и острую колбасу (баур), хотя для колбасы все чаще применяется жарка, варка или копчение.

У гагаузов сохранились некоторые правила потребления мяса, восходящийе к кочевой культуре. Части туши животного или птицы (чаще именно птицы) строго распределяются среди участников трапезы. Особенно это прослеживается на ритуальных трапезах, приуроченных либо к церковным праздникам, либо к важным семейным датам.

Что касается молока и молочных продуктов, то современные гагаузы, как и их кочевые предки, редко пьют молоко в чистом виде, чаще всего переработанное в простоквашу (юурт) и ферментированное. Изготавливается сливочное масло, сметана –каймак, пиинир – брынза из овечьего молока, заквашенная сычугом из желудка ягненка и засоленная в рассоле. Что касается

кобыльего молока и кумыса, то в настоящее время они в пищу не употребляются. Разве что для лечения болезней дыхательных органов [9, с.591]. Вся терминология молочных блюд имеет тюркское происхождение. В недавнем прошлом изготавливался сухой сыр, но в настоящее время его производство нами не обнаружено.

В кухне гагаузов сохранился древний хмельной напиток – буза (боза), на основе ячменя, технология приготовления которого близка к пивоварению. Данный напиток в настоящее время готовится крайне редко.

Кроме того, одним из сохранившихся элементов древней кочевой культуры, является ныне редкий обычай принимать пищу сидя на полу или подушках за низким деревянным столиком на трех ножках (софра). Подобные столики были распространены среди центрально-азиатских кочевников в древности и средневековье [8, с.30]. Несмотря на то, что за таким столиком пищу уже не принимают, он имеется практически в каждом гагаузском доме.

Можно констатировать то, что модель питания народа не утрачивается с течением времени, а сохраняется в реликтовой или видоизмененной форме. Таким образом и в современной народной кухне гагаузов до настоящего времени фрагментарно сохранились традиционные блюда, которые восходят своими корнями к системе питания кочевников. У гагаузов особенности этнического характера в какой-то мере связаны с древними элементами «добалканских» кочевых скотоводческих традиций, которые в реальных вариациях различного уровня более жестко связаны с этногенетической памятью народа [5, с.18].

В современных условиях, рацион питания подвергается значительному воздействию глобализации, и именно это делает еще более важным процесс исследования культуры повседневности, в том числе культуре традиционного питания.

Библиография

1. Гаврилюк Н.А. Пища степных скифов.В: Советская археология. 1987, №1
2. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т.1. Вып.3. СПб. 1900. С.824.
3. Жуковская Н.Л. Пища кочевников Центральной Азии.В: Советская этнография, 1979, №5.
4. Дж. дель Плано Карпини. История монголов. Электронный ресурс. Режим доступа http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/carpini.htm
5. Никогло Д.Е. Традиционная пища гагаузов XIX - начала XX вв. Автореферат канд. дис. М., 2001
6. де Рубрук В. Путешествие в Восточные страны. Электронный ресурс. Режим доступа http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/rubruk.htm
7. Руденко С.И. Культура населения центрального Алтая в скифское время. М.-Л., 1960. С.203.
8. Руденко С.И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.-Л., 1969.
9. Шабашов А.В. Гагаузы: системы терминов родства и происхождение народа. Одесса, 2002. С.591

УДК:3982 (=512.165)-053.7

ПЕРДЯНКИ, СИДЯНКИ И РОП-РОП КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ДОСВАДЕБНОГО ОБЩЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

Нягова А.Г.
доктор истории, доцент
Комратский государственный университет
niagova_anna@mail.ru
Узун Н.И.
магистрантка гр.МГИ-13,
Комратский государственный университет

Аннотация. Статья посвящена досвадебного общения молодежи как элемент семейной обрядности гагаузов. Рассмотрены основные виды досвадебного общения и их эволюция

Ключевые слова: досвадебное общение молодежи, семейная обрядность, гагаузы

Annotation. The author considered the pre-wedding youth dialogue as an element of the family rites of Gagauzia. The main types of pre-wedding communication and their evolution
Key words: pre-wedding youth communication, family rituals, Gagauz

В зависимости от времени года, различались и формы времяпровождения молодежи. Так, по описанию Мошкова В.А. в начале XX в., «если летом молодежь чаще всего встречаются на horu, то зимой на посиделках, которые называются, по-видимому, по-славянски, «пирдянка» (*pirdänka*), от слова прясть [9, с. 102]. Собирались на *pirdänki* вечером и длилась *pirdänka* где-то до полуночи, но не более чем до часа ночи. Устраиваются девушками в разных домах, при чем стараются выбрать хозяев дома подобрее и поснисходительнее к молодежи. Если у женщины не было дочери, то она могла сделать *pirdänku* для девушек. [8, с. 102].

«С началом Рождественского поста и до его конца, сообщила нам Комур Кирекия 1935 г. р.: молодежь собиралась на *pirdänki*. На *pirdänke* девушки готовили свое приданное (*çiiz*), занимались различными видами рукоделия: крючком вязали кайму (*tanteli örärdik*), полотенце вышивали, носки вязали.»

Дойкова Иванна 1933 г. р. рассказала нам, о том как девушки подбирали место для встреч: «напротив моего дома жила женщина с мужем и у них не было детей. Мы подходили к ней и просили её, чтобы у них сделать pirdänku. Обещали, что придем помочь навести в доме порядок, замазать печь. Сами приносили керосин. Керосин покупали литрами».

Pirdänku девочкам можно было посещать уже с 15 лет, так же как и мальчикам.»

Pirdänki делали в той же комнате где и спали, в зале *pirdänku* не делали.

Комур Кирекия 1935 г. р. рассказывает: «Девушка, собираясь сделать *pirdänku*, приглашала подружек, девушек-родственниц. На *pirdänku* приходили только девушки, которых пригласили, посторонние девушки не могли прийти. Приглашенные девушки, которые жили далеко приходили засветло.

Девушка не могла одна вечером прийти на *pirdänku*. Потому, что это было запрещено. В роли провожатого мог быть отец, мать, бабушка, *bulü* девушки. Провожатый мог остаться на *pirdänku* (при условии, что это была женщина), у провожатого тоже была своя работа (вязать носки, прясть шерсть (*iplik işlemää*)».

На *pirdänke* девушки до прихода парней пели песни, *maani* (частушки). Во второй половине XX века уже появились русские песни и их тоже пели на *pirdänke*.

Первыми на *pirdänku* приходили девушки, а юноши чуть позднее.

Ясыбаш Прасковьи 1932 г. р. отмечает: «Все кто был на *pirdänke* сидели, никто не стоял, но все сидели отдельно. Скамейки на *pirdänke* располагались буквой «Г». Девушка-хозяйка *pirdänki*, рассаживала девушек начиная с угла, где располагались иконы это было самое почетное место, под окнами сидели девушки. Хозяин дома сидел напротив девушек. Женщины сидели на топчане (*pat*). Парни, когда приходили на *pirdänku*, садились напротив девушек. Даже если в комнате не было места, парни ждали чтоб кто-то из парней выйдет, и они заходили к любимой».

Если собравшиеся в хате девушки им по душе, т. е. если они найдут здесь своих «яфкулу», то они остаются сидеть дольше, а в противном случае, посидевши немного, уходят в другую хату, так как в большом селе устраивается много посиделок одновременно. Если хозяин того дома, в котором устроены посиделки, сердитый и строгий, то парни ограничиваются только тем, что переглядываются со своими «яфкулу», если же он добрый и снисходительный, то разговаривают и шутят [9, с.102].

Парни ходили от одной *pirdänki* к другой. Если парень не знал где живет его возлюбленная, то он спрашивал девушек из других *pirdänok* не слышали ли, где они хотели делать *pirdänku*. Если знали, то говорили где собираются другие девушки. О том, что где-то (*filan erdä*) будем делать *pirdänku*, парни старались узнавать заранее или их оповещали, что в данный день, в данном доме будет *pirdänka*. Еще они видели, где свет туда и шли.

Юноши, прежде чем зайти в комнату смотрели через окно, и только потом заходили. Принято было заходить по одному, по двое, иногда и по втроем, но когда ходили колядовать, то заходили вшестером, пели рождественские песни (*koloda türküsü*) 2-3 песни.

Дойкова Иванна 1933 г. р. рассказывает: «Парни, заходя в дом на *pirdänku* здоровались, но не как сейчас *zdrasti*, а говорили: *avşamayêrsınız*. Как только парень заходил в комнату, то ему обязательно делали место, чтоб присесть».

Со слов Ясыбаш Прасковьи 1932 г. р.: «Парень ставил на щёку руку облакатывался на колено и разговаривал с любимой девушкой: «тебе не запрещают со мной разговаривать, где в следующий раз сделаете *pirdänku*…

«*Gençlik – delilik*» («молодость – сумасшествие»).

Pirdänkoy никто не управлял. Все были заняты своим делом, кто вязал, кто брался лускать шерсть (*didärdi*), кто прял (*işlärdi*).

На *pirdänke* застолья не было. Если кто-то из родственников оставался на ночь, то в конце *pirdänki* что было, то и накрывали на стол. А так нет, стол не накрывали.

На *pirdänke*, парни просили у девушек платок. Но девушка лично ему в руки не давала платок, все платки на *pirdänke* были у девушки, которая сидела в углу - это самое почётное место, потому что платочки всех девушек были у нее. Дойкова Иванна, 1933 г. р. вспоминает, что «если парень просил у девушки платок, то он должен спросить у девушки которая сидит в углу. А она в свою очередь спрашивала у тебя *filan çocuk isteer basmanı vereyim mi?* (некий парень просит у тебя платок, дать?), если ты разрешала, то она давала твой платок. Спрашивали: «Этот парень хочет твой платок, дать?», я знаком махала головой что, нет, «говорила, что нет платков, закончились». Если на следующей *pirdänke*, он опять просил платок, но ты должна была уже дать, потому что могли *katrannamaa evi* (мазали с сажей со свиным жиром дом)».

Парень не мог сесть рядом с девушкой на *pirdänke* – он протягивал руку (*uzadardı elini*) чтоб взять платок.

«Девушка для *pirdänki* готовила три платочка, если не хватало, то просила у первого свой платок обратно, *doorudardın onu* (выравнивал) на лампе и опять отдавали к девушке, которая сидит в углу. И еще в том случае если не хватит платков, то (могла попросить у подружки). Когда просила у парней платок обратно, разглаживала его и (под попу), потом отдавали» - рассказала Ясыбаш Прасковья 1932 г. р.

К 70-м годам девушка по-прежнему готовила на *pirdänku* 3-4 платка. Платки были сложены в треугольник, чистыми и отутюженными. В углу девушка уложила их под попу. Парень говорил: с угла второй девушки платок, испрашивала у девушки – хозяйки платка разрешение, если да, то отдавала. Не хватает платков говорили – нету, на следующий вечер.

«Передавая платок, девушка держала платок двумя пальцами, а платок был свернуть в треугольник, пальцы девушки не должны были соприкасаться с пальцами парня. Возвращая платок, юноша держал его в кулаке, и только где большой палец, там было видно угол платочка, и девушка должна была двумя пальцами (большими и указательными) взять его. Если ему девушка нравилась, то он прижимал её палец, которым она старается взять платок. А если нет, то он сразу отдавал девушке платок. Притом к моменту возврата парень платок мял (*tıkaçlardı*) и пачкал-рассказал Занет Иван 1930 г. р.

Юноши мешали (*zarar yapardı*) девушкам на *pirdänke* при выполнении какой-то работы.

Женщины, которые провели девушек на *pirdänku*, не вмешивались в разговоры девушек, но если надо было что-то спросить или сказать, то говорили, спрашивали.

Приходили на *pirdänku* и женщины другой национальности, но они обычно садились к женщинам,– их принимали.

На *pirdänke* нельзя было танцевать.

Были случаи, когда девушка сделала на *pirdänke*, и к ней парень не пришёл, чаще это происходило из-за непогоды. А когда встречались, девушка могла и отругать юношу, за то что он не пришёл.

На *pirdänke* девушка сидела, работала, смотрела перед собой, не могла поднять даже голову. Когда приходила домой мама проверяла, сколько работы сделано, не заболталась ли дочь с подружками .

Парень категорически не мог после *pirdänki* провести девушку домой.

По окончании *pirdänki*, если нескольким девушкам не было с кем идти домой, то будили хозяина, и он провожал девушек до дому.

Другой формой времяпровождения молодежи у указанный период были *sidänki*.. Они обычно устраивались осенью, как правило, проходили на улице либо во дворе. Женщины рассказывают, что *sidänki* «были вечером, когда темнело».

Освещением служила луна, но только в полнолуние. А вот в другие дни зажигали фонарь и вещали его на забор.

Sidänki также как и *pirdänki* не являлись праздным времяпрепровождением. Девушки на *sidänke* выполняли определенные виды работ, такие как, лускать или треплят шерсть (*yapaa ditmää*), чистить шерсть (*yapaa paklamaa*), вышивать дорожку (*doroşca dikmää*). Наши мамы добавляют к словам бабушек: «Шили, лускали шерсть (*yapaa didärdik*). Не было «*bakışmaa*» надо было готовить приданное (*çiiz*)».

В холода на *sidänki* собирались на крыльце дома (*sundurmada*), уже в более позднее время располагались в доме, но это уже были *pirdänki*.

Если кто либо из девушек умел петь, то могли петь *maani*, песни пели до прихода парней. В присутствии мальчиков песен не пели. На *sidänke* не принято было танцевать.

Юноши могли приходить на *sidänki*, для них стелили половики на землю, а сами девушки сидели на стульчиках. В 60-70-е гг. уже для парней ставили скамейку, а каждая девушка приходила со своей скамейкой. Парни садились перед любимой для ведения разговора. Но обнимать девушку не могли.

На вопрос: «Чем занимались парни на *sidänke*?» Комур Кирекия 1935 г. р. ответила: «приставали (*dokunardılar*)», путали нити, дергали спицы, другими словами пытались, мешая привлечь внимание девушки. Девушки с собой приносили цветы и дарили цветы всем ребятам, но своему любимому дарила самый красивый цветок. Это были живые цветы – астры (*güzçi*)».

Как на *pirdänku*, так и на *sidänku* могли приходить и женщины других национальностей, а так же пожилые женщины.

С *sidänki* девушка не могла уйти с парнем.

Так проходили осень и зима в гагаузских селах, молодежь имела возможность в будничные дни видеться друг с другом, узнавать друг друга лучше и выбирать себе пару по душе.

Весной, в пасхальный пост молодежь выходила уже на роп-роп (*rop-rop).* Это было что-то вроде народного гулянья, но здесь не было музыкантов, не было песен и танцев.

«*Rop-rop* проводился в двух частях села – верхняя магала (*yukarkı maalä*) и нижняя магала (*aşaakı maalä*), рассказывает Кюркчу Мария 1934 г. р. Парни из одной магалы в другую магалу ходить не могли. Если шли, то их там били. Если любимая девушка живет на другой магале, парень шел с ней встретиться, то его били, почему он приходил на их роп-роп; но потом все равно на хору все были вместе».

«На роп-роп девушки встречались с юношами, или говоря по гагаузски - *bakışardık, gezinärdik*», вспоминает Чебанова Иванна 1951 г. р.

Девушки на *rop-rop* облачались в другие платья, отличающиеся от платьев которые одевали на хору: одевали все черное, так как был пасхальный пост и все в трауре, этим же и объясняется отсутствие музыки и танцев. Домой возвращались цепочкой (sincir)»

К сожалению, как отмечают исследователи, судьба хору, как и прочих ритуалов исторически была обречена на исчезновение урбанизацией, интеллектуализацией и модернизацией. От них никто не заставлял отказываться, они просто потеряли целесообразность. В советское время молодежь уезжала учиться в города, менялись формы и виды общения молодежи. Знакомство между юношами и девушками стало все меньше обставляется различными ритуалами и обрядами, в городской суете они все меньше они стали зависеть от общественного мнения и родительской воли, и теперь они уже сами смогли стать хозяевами своей судьбы и своего выбора.

Библиография

1. Çakir M. Besarabiyalı gagauzların istoriyası. II-е издание. Chişinov, 2005
2. Губогло М. Н. Гагаузы. отв. ред. М.Н. Губогло, Е.Н. Квилинкова. Серия «Народы и культуры» М.: Наука, 2011.
3. Губогло М. Н. Мир гагаузов. Том 2. Комрат – Кишинев, 2012

4. Квилинкова Е.Н. О регламентации положения женщины в обычном праве гагаузов //Закон и жизнь, Кишинэу, 2005. №9; **serin.su/publ/kvilinkova_ e_n,** (скачано 27 марта 2012 г., 16:44)
5. Курогло С. С. Свадьба и свадебный фольклор гагаузов. Кишинэу: Штиинца, 1972
6. Курогло С. С. Семейная обрядность гагаузов в XIX – начале XX вв. Кишинев: Штиинца, 1980
7. Курогло С.С. Свадебная обрядность. В:История и культура гагаузов: Очерки. Комрат; Кишинэу, 2006.
8. Курогло С.С., Маруневич М.В. Социалистические преобразования в быту и культуре гагаузского населения МССР. Кишинев, 1983.
9. Курогло С.С., Филимонова М.Ф. Изменение семейного и общественного положения гагаузской женщины за годы Советской власти.В: IX конф. Молодых ученых Молдавии: ТД. Кишинев, 1975.
10. Маруневич М. В. Традиционная свадебная обрядность гагаузов в МССР .В: Этнография и искусство Молдавии. Кишинев: Штиинца, 1972.
11. Танасоглу Д. Чал тӳркӳм («Звени моя песня»). Кишинев, 1966.
12. Шорников П.М. Социально-политическое положение гагаузов в 20–40 гг. XX века В: История и культура гагаузов: Очерки. Комрат; Кишинэу, 2006.

УДК:392.1(=512.165)

РОДИЛЬНЫЕ ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ ПЕРВЫХ ЛЕТ ЖИЗНИ РЕБЕНКА

Нягова А.Г.
доктор истории, доцент
Комратский государственный университет
niagova_anna@mail.ru
Раткогло М.В.
магистрантка гр. МГИ-13,
Комратский государственный университет

Аннотация. Статья посвящена родильным обычаям обрядам первых лет жизни человека.Эти обряды – важный ритуал перехода в семейной обрядности гагаузов.

Ключевые слова: родильные обычаи, семейная обрядность, гагаузы

Annotation. The author considered to maternity customs and the rites first years of life cheloveka. These ceremonies are the important elements in family rituals Gagauz.

Key words: family rituals , Gagauz

В ходе исторического развития социальная, культурно-бытовая жизнь народа, семья, традиции и обрядность постоянно меняются. Что-то из наших традиций уходит безвозвратно, что-то мы теряем, что-то претерпевает изменения, что-то новое появляется, прочно заняв своё место в культуре. Кроме того, это некий символ непрерывности, бесконечности жизни, прочности, нерушимости семейных уз. Попробуем в этом разобраться.

Кумовство у гагаузов, как и у болгар обычно наследственное и передаётся из поколения в поколение [4]. Кум выбирается раз и навсегда из числа родственников, что ещё больше укрепляет семейные связи, родство дополняет родство. Право кумовства могут передать кумовья только своим детям. Получила распространение традиция выбирать крёстного для ребёнка из числа влиятельных односельчан, богатых почётных людей. К перемене кума прибегали только в случае его смерти. Единственным уважительным предлогом для этого считается смерть двух или трёх крестников подряд. Если дети, в каком- либо семействе очень часто умирают, то тогда, сомнению гагаузов, нет иного средства помочь горю, как переменить кума или взять на воспитание чужого ребёнка.[23] Ослушаться кума или поссориться с ним считалось тягчайшим грехом. В случае смерти родителей заботу о воспитании крёстных детей брали на себя крёстные родители. Важную роль играли они и при решение о браке крестников. Родители ребёнка называют крёстного отца «saadiç», а крёстную мать «krestniţa». Крестник своих крёстных называют «nuna», те в свою очередь крёстных детей называют-«kumi», «kumiţa». Саадыч и крестница в гагаузской семье пользуются особым уважением, почётом. Сохранилась легенда о происхождении млечного пути

«saman yolu». Будто бог сохранил соломенную дорогу на вечные времена в назидание людям, по которой куми вёз украденную у саадыча солому. Что – либо украсть или причинить другой вред крёстному считается большим грехом. [1] «Это страшный грех,-говорят гагаузы:- даже собаку саадыча нельзя палкой ударить, не то чтобы красть у него что-нибудь». В гагаузской свадьбе саадыч играет тоже весьма важное, первенствующее значение. При встрече, где бы она ни случилась, куми всегда должен был поцеловать руку крёстному. Традиция целования рук крёстным сохранилась до сих пор, но только если встреча происходит дома или во время семейных, традиционных праздников, обрядов. В советские времена эта традиция высмеивалась, порицалась, считалась унизительной.

У болгар то же придавали большое значение кумовству, зачастую приравнивая его к кровному родству. Традиционно кумовство было наследственным, и статус кума переходил к представителю следующего поколения только после смерти старшего члена семьи. Один кум был для всех детей в семье, к нему относились с большим уважением и почтением. Сегодня институт кумовства во многом видоизменился. Теперь кума выбирают для каждого ребенка, однако внимательное отношение к кумовьям сохраняется и в наши дни. Они являются первыми гостями на семейных торжествах, в календарные праздники дети в первую очередь навещают кумовьев с подарками и поздравлениями. Кумовья, в свою очередь, опекают крестных детей и нередко становятся им близкими друзьями.

Таинство крещения- одно из важнейших событий жизненного цикла для всех народов исповедующий христианство. Окончательным этапом приобщения ребёнка после его рождения к социуму является церковный обряд крещение. До его совершения ребёнок существо с неустановившимся статусом. Очень часто до крещения гагаузы ребёнка называют «çifit», «çifitçik»(жид или жидок». Использования такого рода лексики с одной стороны активизируют оппозицию свой/чужой, с другой – характеризует традиционное для гагаузов отношение к людям нехристианской веры, как к людям, живущим неправильно, не чистым людям относительно вероисповедания и традиций. Через троекратное погружение в священную воду ребёнок рождался «по образу и подобию божьему». Не случайно на крещение смотрели как на второе рождение. Поэтому важный момент – выбор крёстных родителей. По гагаузским традициям крёстные родители (nuna) известны ещё до рождения младенца.

Крещение ребёнка (vaatiz) совершается по прошествии 40 дней после родов в один из воскресных дней. Заносит ребёнка в церковь крестница, саадыч только присутствует. Перед началом обряда кум и кума бросают в купель серебряные деньги, чтобы ребёнок был чист, как серебро. «Если крестят девочку, то волосы, которые у неё подстригают, собираются в тряпочку и вешаются на ветку дерева акации. Для того, чтобы у новорождённой волосы росли также скоро, как растёт акация» (Драган М.Ф, 1922) «Плата священнику за совершение обряда крещения вносится кумовьями.»(Кынева А.Н.,1954) После крещения священник отдаёт ребёнка крёстной. Крёстная надевает на него крестик и рубашечку–тот необходимый минимум предметов-символов, которые отличают его от чужих т.е. нехристиан. И теперь он, живой, свой, крещенный.

Окрестив ребёнка, кума и повивальная бабка несли его домой и передавали матери при зажженных свечах через порог, на который клали сито вверх дном. При этом желали новорожденному быть здоровым, счастливым долго жить и проговаривала кума: «Çifit aldim hristian getirdim» («Евреем взяли, христианином вернули»). Мать брала ребёнка, ступив на кусок железа, и, трижды поклонившись, целовала руки крёстной младенца. Войдя в комнату, она клала дитя на застланную овечью шкуру или полушубок для того, чтобы у новорожденного впоследствии было много овец.

Принятие ребёнка через порог дома – обряд, известный большинству народов Балкано – Дунайского ареала. У этих народов ребёнка принимал отец и тем самым юридически как бы признавал его. Структура обрядов почти у всех народов совпадает. Содержание пожеланий ребёнку при передаче через порог так же сходно. Однако имеются и различия. У гагаузов, украинцев, молдаван, бессарабских болгар ребёнка передавали через порог не отцу , как принято у русских , а матери. По времени действия гагаузский обряд идентичен болгарскому и молдавскому. У русских и украинцев он совершался перед крещением ребёнка.

Употребление сита, укладывание ребенка в кожух, использование железа в обряде преследовали цель магически воздействовать на долголетие ребёнка , пожелать ему богатства и защитить от «злых сил» . В 19 веке – начало 20 в. Гагаузский обряд сохранил традиционную форму. Например, передаче ребёнка через сито крестьяне придают магического значения . Обряд приобретает игровой характер .

В связи с церковным миропомазанием находится обряд *mirudan çikarmak*(смывание мира), совершаемый на следующий день после крещения. Он заключался с ритуальным купании ребенка. Исполняли обряд повивальная бабка и кума в присутствии родных и знакомых рожениц .. Воду, которую предварительно кипятили, бросали зёрна пшеницы, винограда, монеты, перо три разбитых яйца вместе с скорлупой. По углам корыта зажигали свечи. Во время купания лицо ребёнка накрывали полотном (miru ,bez), принесённым кумой из церкви. В период купания было принято дуть на ребёнка, чтобы «отогнать злой дух». С этой же целью употреблялись и свечи, а также различные обереги. Искупав ребёнка, смазывали некоторые части его тела овечьим жиром. Веточкой мяты повивальная бабка обрызгивала присутствующих, за что полагалась отставлять по монете. Воду выливали обычно в корень плодового дерева или розы. Купание завершалось угощением женщин - участниц обряда.

В основе обряда смывания церковного мира лежал рациональный взгляд народа о необходимости гигиенического очищения ребёнка. Обряд был обусловлен практическими требованиями жизни. Вместе с тем многие его моменты носили магический характер. Использование при купании зёрен, пера и прочего . выливание воды в корень плодового дерева имели целью магически повлиять на будущее ребёнка. Зёрна и монеты употребляли с пожеланием здоровья и богатства, перо –с пожеланием лёгкой жизни и т. д. Опрыскивание женщин водой из купели предполагалось магически повлиять на их плодородие. Церковная терминология говорит о влиянии религии на народный обряд.

После обряд *mirudan çikarmak в тот же день вечером* проводится торжество домашнее, которое носит название «kumêtriya». В случае, если крестьянин не мог ее сразу провести, торжество откладывали на год и более. На кумэтрию приглашали родных и знакомых. Гости приходили с калачами, вином и подарками для ребёнка.

Войдя в дом, они приветствовали всех со словами: «Hoş buluştuk» (Добро пожаловать»). Им отвечают: «Hoş bulunduk» (Счастливого прибытия). Гости поздравляли родителей с новым членом семье, вручали матери ребёнка калач и подарки. Восприемников сажали на самом почётном месте «Когда усядут за стол, то кум первый наливает стакан водки и выпивает сам, а потом передаёт по старшинству сначала мужчинам, потом женщинам. Из женщин первой выпивает кума. За столом провозглашались здравицы в адрес роженице и ребёнка» (Раткогло Н.С.,1952).

За праздничным столом происходит дарообмен между кумовьями и крестниками. Обмен дарами рассматривается как универсальный способ коммуникации и является достаточно сложным актом. Можно выделить три фрагмента: само дарение, принятие и ответное одаривание. Каждое из этих действий, будучи на первый взгляд добровольным, на самом деле имело строго обязательный характер. Особенно это касалось возвращения подарка. Поэтому к подбору подарков относились очень ответственно. Боясь обидеть крестных, следили за тем, чтобы подарки понравились и были дорогими.

Гостей одаривали полотенцами и платками, а кумовьев – калачом, рубахой или платьем. В свою очередь восприемники дарили роженице kanisku (калач с отваренной курицей) и вручали ребёнку комплект одежды. Почет и уважение на торжестве оказывали повивальной бабке». Она с калачом кума и куском хлеба с солью обходила всех гостей , которые на калач клали подарок для ребёнка и деньги двумя кучками, более крупные жертвуются в пользу родильницы, а мелкие–в пользу повитухи» (Драган М.Ф.,1922). Кроме этих последних денег, бабка получает от родителей новорождённого за свои труды миску муки, кусок мыла и платок. Саадыч должен положить на тарелку больше всех гостей. Торжество сопровождалось музыкой, песнями, танцами. Завершалось оно дележом калача, кусок которого получал каждый участник кумэтрии.

Завершением обрядов крещения роль крестных в жизни нового члена общества не заканчивается. По религиозным канонам крестный – это восприемник, т.е. человек через которого происходит передача религиозных ценностей. Восприемник берет на себя обязанность

воспитывать ребенка в православном духе, и ответ за это воспитание будет давать на страшном суде. Крестные родители до конца дней своих обязаны молиться за своих крестников, в ложные моменты жизни направлять их, давать советы. Связь между восприемниками и крестниками должна быть вечной и более глубокой, чем с родителями. Это восприемственность очень хорошо согласовывается с гагаузской традицией передачи статуса крестного по наследству. Эта традиция обеспечивает преемственность, способствует формированию в сознании такого понятия как память. Обеспечивает воспроизводство в рамках одной семьи, в пределах общины, целого этноса духовных ценностей, обеспечивает сохранение традиций и национальной культуры.

Во время крещения ребёнок получал имя. Священник давал его согласно христианскому календарю. Но в быту употреблялось не церковное имя ,а то, которое родители дали ребёнку. По свидетельству В А. Мошкова, «имя, данное гагаузу при крещении, становится для него официальным именем, под которым он записан только в официальным именем, под который он записан только официальных списках, в обыденной же жизни его этим именем не зовут, а дают другое имя, под которым он остаётся в селе до смерти [6]». Церковь насильно насаждала среди крестьян имена, фигурирующие в христианском календаре. Нередко на этой почве наблюдались серьёзные разногласия между священнослужителями и крестьянами. Например, один из жителей с. Каракурт Измаильского уезда в мае 1914 г. Жаловался в духовную консисторию на священника Калудова, который вопреки тому, что восприемники назвали ребёнка Петром, записал его Трафимом, т. е. одним из трёх имён, приходившихся на 15 апреля. Оскорбленные родители в знак протеста покинули церковь [8]. Подобная практика приводила к тому, что «чаще всего между официальным именем и неофициальным не существует ничего общего: или человека зовут уменьшительным от другого имени или ж назовут таким именем, которые ничего общего с его официальным именем не имеет.

Чаще всего имя ребёнку давали крёстные, используя свои имена или имена своих детей. Родителям новорождённого, даже в случае несогласия, приходилось безропотно соглашаться с мнением садыча. Перечить ему в этом вопросе считалось верхом неприличия.

В некоторых семьях, имя ребёнку давал отец на второй или третий день после рождения. Чаще всего называли по имени деда или бабушки (родители отца), если они были живы. В противном случае называли в честь родителей мамы ребёнка. Этот обычай гагаузы объясняли желанием увековечить род. В результате родовое имя повторялось из поколения в поколение.

В быту гагаузы редко упоминали фамилии своих односельчан, называя обычно их неофициальным именами, т. е. к личному имени прибавляли имя отца и деда, например Стуянжиин Туку , т. е. Николай , сын Стояна , или Гогу Петринин Демир, т. е. Демир, сын Петра, Сына Георгия. Известен так же счет родства по материнской линии. В случае ранней смерти отца семейства к имени сына прибавляли имя матери или бабушки, например, Каля Тодурун Алексиси, т. е. Алекси, сын Тудора, сына Калины. Нередко Употреблялись уличные прозвища, указывающие на материнский счет родства: Биби Ванка, т. е. Уван, сын женщины, Кизи Костинин Пети, т. е. Петр, сын Константина, сына девушки.

Словарь гагаузских имен весьма пестр. Он складывался под влиянием соседних народов и христианской религии. Большинство имен византийского и славянского происхождения, что связано с распространением византийской ветви христианства. Бытовали и тюркские имена [6]. Изучение гагаузского антропонимического материала показало , что в прошлом у гагаузов имена были в большинстве тюркскими [2]. Однако распространение христианства и влияния соседних народов способствовали изменению фонда личных имен у гагаузов . Бытование двухименности у гагаузов, на наш взгляд , объясняется двоеверием народа, сохранением в его быту многочисленных языческих обычаев и обрядов. В первые века после принятия христианства на ряду с насильно вводными христианскими именами народ всячески старался сохранить языческие имена. Таким образом, двухименность после введения христианства выступала как результат борьбы христианской и языческой религии . Позднее в ходу этой борьба начали исчезать имена древнего происхождения и повсеместно распространились христианские имена, а обычай двухименности в пережиточных формах сохранился до наших дней.

В болгарской традиции известны три основные принципа выбора имени для ребенка: 1. по имени крестного отца (или по решению крестных); 2. по имени свекра, свекрови или родных; 3. в

честь святого, память которого отмечается в день рождения младенца, или в соответствии с близким по времени церковным праздником

У болгар не разрешается называть ребенка по имени до крещения, иначе «он вырас тет несчастливым» После церковного обряда в течение 40 дней также не упоминают детское имя, чтобы «сохранить сон младенца» и «уберечь его от нечистой силы имеются сведения, что крестильное имя скрывали вплоть до венчания. И наоборот, при «лечении» заболевшего младенца, читая заговор, трижды громко произносили имя больного младенца, как бы возвращая ему жизненную силу. Крик ребенка до крещения объясняется тем, что «он плачет по своему имени» приходя на крестины, гости произносят благопожелание «Честито да му е името». Особый случай представляет собой именование в семьях, где дети «не держатся», умирают. Новорожденного оставляют на дороге и ждут, кто первым его обнаружит и, соответственно, станет крестным. Ребенок получает имя крестного, хотя традиция в некоторых селах рекомендует «говорящие» имена для «найденных»: Найден, Горан, Божида Панталей (по прочной ассоциации этого святого с дорогой, ср.: Пантелей пътник). Близнецам следует давать сходные имена: Ненка и Нено; Даца и Да¬на, иначе один ребенок умрет. Первенца именуют Първан, Първана; рожденных в пятницу - Петко, Петка; в субботу - Събчо, Събка Если подряд рождаются только мальчики или только девочки, младенца нарекают именем родителя противоположного пола. Если считается, что в семье уже достаточно детей, новорожденный именуется Достан, Доста и мн. др. Согласно записям последних лет, молодые родители стремятся продолжить традицию и дать ребенку имя деда или бабушки. Родители выбирают имена по архаическим моделям, но частично меняют «старые» имена - это так называемые компромиссные имена (Иванка-Инна, Инесаа, Стефанка-Татьяна, Матрёна- Дарья, Донка- Дианна.) Рождение в праздник, как уже упоминалось, диктует выбор имени с учетом хрононима. По поверьям, новорожденный «приходит на свет» уже со своим именем. Нередко, представляясь, информанты сразу объясняют, почему их так назвали родители: «Меня зовут Елена, потому что я родилась в день свв. Константина и Елены, хотя крестный настаивал на имени Димитрина, в честь бабушки»

Характерен мотив «конкуренции» двух традиций, который часто составляет стержень устных рассказов. Языческий культ предков, дома, рода противостоит христианской традиции. Эти традиции у болгар обычно органично дополняют друг друга, но в случае с выбором имени они вступают в конфликт. Идея поддержания имени родового побеждает, особенно в случае рождения первенца, ср.: «...некоторые говорят, что святой не будет сердиться, а дед будет. Поставь свечку в церкви святому, а ребенка назови в честь свекра»

Народно-христианские ритуалы требуют своего исполнения (обеты, курбан, особое почитание праздника или святого и пр.), в противном случае ожидается «месть» святого или «праздника» (Ако не го уважат, той ще се разсърди и ще обърне късмета на детето - «Если его не уважить, то он перевернет удачу ребенка»

Итак, обычай «кумэтрия» означал принятие ребёнка в общество. Он носил сугубо гражданский характер. Церковь упорно пыталась подчинить его себе. Однако народная традиция продолжала сохраняться в нерелигиозной форме.

Обычай «кумэтрия» со временем эволюционировал. Состав его участников, содержание подарков, виды приготовляемых блюд менялись в зависимости от специально- экономических условий. В период, когда ещё прочны были родственны узы, состав приглашённых в основном состоял из родственников. Развитие капиталистических отношений способствовало разрыву родственных уз. Наряду с родственниками на кумэтрию стали приглашать соседей, знатных людей села, друзей. Более состоятельные крестьяне праздник отмечали богато. Бедные ограничивались скромным торжеством. Различные обычаи и обряды соблюдались в гагаузской семье в связи с важными событиями в жизни ребёнка. Знаменательной датой считалось исполнение ребёнку 6 месяцев. В этот день в доме растапливали очаг. Мать брала в руки ребёнка и трижды обносила вокруг очага, после чего давала ему глоток вина со словами: «Будь розовощёким, как это вино» [7]. Аналогичный обряд бытовал у болгар, однако он совершался в первые дни после рождения ребёнка [5]. В основе обычая лежит древнее представление о культуре домашнего очага, приобщение к которому означало вступление под его покровительство, защиту ребёнка от всех зол, которые могли выпасть на его долю.

Употребление вина в обряде связано с представлением о его благотворном влиянии на организм человека. Как известно, хлеб и вино являлись основными продуктами крестьянского хозяйства и поэтому играли существенную роль в обрядовой жизни. Словестная формула пожеланий ребёнку носила магический характер (один из видов вербальной магии).

С целью сохранения потомства совершали специальные обряды, основу которых составляет языческое мировоззрение. В тех семьях. Где дети не выживали(умирали в раннем возрасте). Совершали так называемое ритуальное воровство ребёнка(чалдырмак ушаа). Когда ребёнку исполнился один год. Обряд (кражи младенца) совершал кто-то из соседей или родственников. они тайком уносили его из дома и переодевали в новую одежду. Мать, обнаружив пропажу ребёнка. Должна была выкупить его у похитителей с помощью подарков пытаясь повлиять на «злые силы». Оказывающие влияние на судьбу ребёнка у гагаузов ребёнка трижды проносили ребёнка через тонкое раздвоенное к верху дерево « аачтан гечердик» [3]. В народе существовало поверье, что такое дерево обладает особой магической силой. Считалось, что ребёнок, пронесённый через это дерево, как бы рождался заново и для него уготована другая судьба. В данном обряде проявляются элементы анимистических воззрений. Поскольку дерево наделялось душой и ассоциировалось с роженицей.

Содержание подобных обрядов свидетельствует о том, что по форме они являются имитацией деторождения. Таким образом,«рожденный заново» ребёнок символически становился членом другой семьи и переходил под её покровительство.

Библиография

1. Айплатов. Г Российский Нострадамус Валентин Мошков. Журнал «Чудеса и приключения». 1993г. №7
2. Губогло М.Н. Гагаузская антропонимия как этногенетический источник.В:Советская тюркология,1973, №2,с.84-92
3. Иречек К. – Периодическо списание на българско книжовно дружество в Средец, год.VII,кН.32
4. Каравелов Л. «Памятники народного творчества болгар,» ч.1. М., 1861,с.180.
5. Маринов Д .И. Народна вера и религиозни народни обичаи.- Сборник за народни умотворения и народопис,София. 1914 г, стр. 54.
6. Мещерюк И.И. Переселение болгар в южную Бессарабию в 1828—1834 гг. (Из истории развития русско-болгарских дружеских связей), 1965.
7. Танасоглу Д. Хошлук. Кишинёв,1970
8. Koeppen P. Die Bolgaren in Bassarabien.-Bulleten de la classe historic-philologique de Lacademie imperial des sciences de St.- Petersbourg. St.- Petersbour-Leipzig,1854, Bd XI, N 13-14, S. 194-218

УДК: 94(497.2) «17»

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В БОЛГАРИИ XVIII ВЕКА

Папцов Ю.А.
магистр гуманитарных наук, преподаватель истории
Чадыр-Лунгское Профессиональное училище
paptsov_u@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается этнокультурная ситуация в Болгарии XVIII века, находившейся под властью Османской империи. Социально-экономический кризис, охвативший империю в XVIII веке, ухудшил положение болгар и гагаузов. Это стало одной из причин переселенческого движения, результатом которого стало появление «задунайских переселенцев» на территории Бессарабии

Ключевые слова: Османская империя, болгары, гагаузы, миллеты, чифтлики

Annotation. The article considers the ethnic and cultural situation in Bulgaria XVIII century. During this time Bulgaria was under the rule of the Ottoman Empire. Socio-economic crisis in the Empire in the XVIII century worsened the status of Bulgarians and Gagauz. This was one of the reasons for

migration movement, which resulted in the emergence of "Transdanubia settlers" on the territory of Bessarabia

Key words: Ottoman Empire, Bulgarians, Gagauz, millets, Ciftlik

В XVIII веке болгары компактно проживали на территории, входившей в состав Софийского, Видинского, Никопольского, Силистринского пашалыков Румелийского эялета. Расположенные в непосредственной близости от собственно турецких земель, они являлись форпостом Османской империи.

Находившиеся в центре европейских владений султана болгарские земли были зажаты турками, и развитие их происходило в большой изоляции от европейского мира и этим они отличались от других балканских провинций Османской империи. Это наложило отпечаток на жизнь болгар в условиях османского владычества и становления их как нации.

Для болгар османское завоевание имело особо трагические последствия. Потеряв свою государственность, народ на пять веков лишился всех внешних признанных атрибутов политического единства [5, с.7]. Он превратился в обезличенную массу, в одну из этнических общностей, обитавших на просторах многонациональной османской империи.

Более того ситуация сложилась таким образом, что этническая история именно этого народа Балкан оказалась наиболее трагична. Основная причина этого крылась в геополитическом факторе, образно говоря болгарские земли пережили своеобразную «трагедию столичности» из - за близости к Стамбулу.

Османы воспринимали территорию Балкан как территорию, которую необходимо охватить дар-уль-джихадом (мир священной войны) и установить там свое присутствие, правосудие, ислам и рассматривать Балканы как важнейший район своих действий[3, с.154]. Это способствовало тому, что местное население полностью интегрировалось в новую социально-политическую и экономическую систему не оставляя, по существу места для собственной истории и ставя под угрозу саму возможность выживания болгар в качестве самобытной этнокультурной общности. Созданная османами организация принципиально отвергала присутствие христиан в среде господствующего класса. Специфика политической структуры османского общества проявлялась в том, что ее неотъемлемой составной частью была система конфессиональной стратификации общества.

В соответствии с исламской религиозной доктриной признание гражданских прав в обществе и в государстве было закреплено исключительно за мусульманским населением. Христианам и всем остальным категориям иноверцев был полностью запрещен доступ к любым административным должностям [5, с.25]. Этот запрет распространялся и на службу во всех силовых структурах. Дискриминационным был и юридический статус христиан, чье право свидетельствования в суде уступало по своей весомости показаниям мусульман.

Исламская государственно–теократическая доктрина, принципиально не допускала отделение светского начала от духовного, пытаясь регулировать все проявления жизни общества в соответствии с законами шариата. Официальный статус христиан определялся позицией Корана в отношении завоеванных немусульманских народов. Для «людей писания» (иудеев и христиан) Коран предполагал оформление отношений на договорной основе. Для беспрепятственного исповедания своей религии христиане были обязаны вносить в казну строго установленную дань. Их правовое положение определялось рамками системы миллетов, предусматривавших в частности автономию традиционных религиозных структур. Официальным главой православного миллета османы признали константинопольского патриарха.

В результате организации миллетов ведущие религиозные деятели миллетов, называемые миллетбаши, стали управлять своими миллетами в качестве их духовных и юридических руководителей и представлять их интересы в османском государстве - прежде всего османы по аналогии со своими религиозными учреждениями обеспечили православным церковным структурам реальный финансово–экономический иммунитет. Церковные власти были обязаны вносить в государственную казну определенные отчисления, сохраняя в остальных делах полную самостоятельность. Полная свобода была представлена им также в области догматики культа и церковной дисциплины. Формально османские власти не имели даже судить священнослужителей

без согласия вышестоящих церковных инстанций. Право патриаршего, митрополичьего и епископального суда теперь не ограничивалось церковными наказаниями, а распространялось и на светские - заточение, каторга. Историк Кривопул писал, что представленные греческой патриархии полномочия были не меньше, чем в Византии [4, с. 359].

Внутренняя структура миллета находилась вне компетенции шариата, а следовательно, и османских властей. К внутренним же религиозным проблемам иноверцев османские власти были довольно равнодушны. На практике это равнодушие выражалось в частности в полном попустительстве внутрицерковным интригам при решении вопросов организационного характера [5, с.27].

Для болгар такая позиция властей имела тяжелые последствия. Влившись в состав константинопольской патриархии, они потеряли свою национальную клерикальную элиту, а вместе с ней и своих представителей перед османскими властями. Очутившись внутри иноэтнического конфессионально - правового поля болгары не могли рассчитывать на отстаивание своих интересов и интересов болгарского народа представителями греческих или сербских церковных функционеров.

Греческое духовенство, ставшее по воле османов полновластным хозяином православной церкви, проводило по отношению к болгарам жесткую ассимиляторскую политику, в результате чего церковная организация во главе с константинопольским патриархом воспринималась болгарами как враждебная. Борьба с ней стала особенностью болгарского национально-освободительного движения.

Болгарский монах Паисий Хилендарский писал: «Болгария находится среди турок близко к Царьграду и поэтому болгары столь угнетаемы и уничижаемы турками. Поэтому не могут они воспринимать ни искусство ни книжную мудрость» Другой причиной угнетения болгар Паисий считал засилье греческого духовенства: «некоторые русские и сербы издеваются над болгарами называя их простаками и невеждами, но называя их простаками и невеждами – пусть эти русские и сербы благодарят Бога , что охранил их от агарянского рабства и от власти греческих архиереев» Тех же, кто стыдится называть себя болгарином и поносит свой народ и болгарский язык, которые обращаются к чужой культуре и чужому языку, учатся читать и думать по-гречески Паисий называл «отцеругателями».

Греческий язык и греческая образованность постепенно начали завоевывать все более крепкие позиции в среде состоятельных горожан, превращаясь в символ принадлежности к верхушке буржуазного общества. Становление на Балканах буржуазного общества и главенствующее положение в этом процессе представителей греческого торгового капитала предопределили необходимость приобщения болгарских купцов и ремесленников к языку их торговых патронов. Постепенно греческая экспансия начала приобретать для болгар очертания серьезной культурной проблемы.

Если до середины XVIII века критика греческого духовенства со стороны болгар лишь намечалась и выражалась в первую очередь лишь в высказываниях о «недостойных священниках-греках подстрекавших турок к выступлению против болгарских христиан», то со второй половины XVIII века она усилилась. Причины этого заключались в ослаблении Османской империи и в росте экономических поборов в пользу константинопольской патриархии и в политике проводимой духовенством по отношению к болгарам. Торговля духовными должностями, взяточничество стали нормой в греческой духовной среде.

Отголоски этой борьбы довольно заметны у ныне проживающих народностей, а именно болгар и гагаузов. Когда болгарское духовенство стало поддерживать этнические притязания болгар, вдохновляясь призывом Паисия Хилендарского, гагаузы оставались верными Константинольской патриархии. Вместе с тем, обострение борьбы за автокефалию Болгарской православной церкви относится ко второй половине XIX века, когда задунайские переселенцы уже проживали на территории Бессарабии.

Русский академик Н.С. Державин писал: «настоящие гагаузы, которые себя называют этим именем, всегда сторонятся болгар, держат сторону греков и не чувствуют себя болгарами»[2, с.20].

Этнограф В.Мошков писал: «греки почему- то произносят имя гагаузов как гагавус и говорят, что вус по гречески значит корова, а таг или гег – имя одного из албанских племен.

Следовательно народ этот земледельческий, ибо слово вус корова, а другой слог гаг намекает на родство с албанцами, от которых до греков рукой подать. Греческие гагаузы легко воспринимали от греков их ненависть к болгарскому народу. И такую же ненависть они перенесли и к нам в Россию, когда стали переселяться на свободные бессарабские земли» [7, с.48].

Османское государство не допускало христиан к управлению, а константинопольское патриаршество стремилось поставить во главе епархий в болгарских землях греков. За болгарским духовенством оставлены лишь низкие посты.

Православные болгары испытывали двойной гнет: со стороны мусульман и греческого духовенства, которое отрицало право болгар на свою церковь, язык и этноним. Это отвечало интересам и высшей церковной власти, которая уничтожила самостоятельность Охридской архископии. Вселенский патриарх Неофит VII издал распоряжение греческим митрополитам и епископам Болгарии в юрисдикции, которых находились епархии с исконным болгарским населением, о введении греческого языка по возможности во всех школах Болгарии. А паству из болгар приказал именовать «болгаро-гласными эллинами, греками говорящими по-болгарски».

Османское господство в болгарских землях сочеталось со стремлением патриаршества в Стамбуле установить свою доминицию в духовной жизни болгар. Эллинизация наиболее зажиточных и образованных кругов общества обезглавила болгарское общество и обрекла его на ассимиляцию. Даже у авторов священников болгар Пейо и Матвея Грамматик отсутствуют и текстах болгарский этноним вместо него используется христиане, православное сословие [1, с. 271]. Все население болгарских земель именовалось не иначе как «христиане». Для эпохи средневековья, когда конфессиональная принадлежность была более значимой, это было приемлемо, но в Новое время рост этнического самосознания болгар изменил отношение к подобной практике.

Другая проблема, которая возникла на Балканах – это появление большого количества мусульман.

В результате исторического развития и перемен в османском обществе и почти на всем балканском полуострове в культуре, воспитании, языке и традициях проживающих там народов произошло много изменений. Османы построили здесь мечети, обители, мавзолеи, караван сараи, бани, фонтаны в стиле османской архитектуры привезли сюда ремесленников и сумели за короткое время их всех расселить на большей территории Балкан. Торговая и экономическая жизнь быстро развивалась, турецкий язык быстро стал языком межнационального общения. Некоторые общины проживающие на Балканах приняли ислам с цель лучше использовать специфику жизненных условий, либо усвоить основы ислама а представители еретического движения в католицизме – богомилы страдавшие от произвола католической церкви и местного населения, оказавшись под управлением Османов выбрали ислам [3, с.11].

В ислам наиболее активно переходили, боснийцы, албанцы, ромы, помаки, тюрбеши, горанцы. В тех районах, где тюркское население было многочисленным, смена вероисповедания обычно очень быстро приводила к быстрой и полной ассимиляции, включая утрату родного языка и этнокультурного облика.

Результатом этого процесса была активизация христианско-мусульманских контактов и как следствие проникновение исламской культуры в повседневную жизнь городского населения. Именно этим обстоятельством и следует объяснить внешнюю исламизацию быта городских христиан, повсеместно наблюдаемую иностранцами.

Исламизация народной культуры во многом происходила под влиянием дервишских обителей. Общины дервишей имелись даже в слабозаселенных районах, их музыка, танцы и пение привлекали внимание местного населения, а дервиши через свое искусство распространяли свои идеалы и образ жизни [3, с.413]. Французский путешественник Рико писал: «у христиан и турок почти одни и те же нравы, они мало чем отличаются друг от друга, если не принимать разницы религиозной». Одинаковость облика и нравов балканских мусульман, в том числе и болгарских христиан, отмечал и известный русский путешественник В.Барский, который в 1725-1744 годах путешествовал по Болгарии [1, с.277].

Проникновение исламских влияний затрагивало в этот период уже не только бытовую культуру, но и искусство. По мнению специалистов для произведений болгарского искусства

XVIII века характерен ярко выраженный стилистический эклектизм, появлявшийся нередко в использовании турецкого орнамента, колористической гаммы. Причем это касалось не только прикладных изделий ремесленников ориентирующихся на вкусы заказчиков, но даже и на произведения канонического церковного искусства.

Активным было и проникновение турецкой бытовой лексики в болгарский язык, в том числе и в книжный. Многие народы, в том числе и греки, утверждают, что Ходжа-Насреддин–грек. Немецкие дипломаты Дертивала и Берлах Хаймендорф писали, что города оказались полностью застроены в «магометанском стиле» и не отличались от застройки Константинополя. Дома по турецкому обычаю были повернуты окнами во двор, который ограждал высокий забор, и лишь лавки ремесленников смотрят на улицу. Сравнительные исследования, выполненные болгарскими архитекторами показывают, что уже в первые века османского владычества массовое жилище православного населения мало отличалось от мусульманского, за исключением комнаты для омовения[5, с.63].

В городе Русе, что очень показательно свидетельствует об экспансии культуры ислама, находилось 37 мечетей и 8 Меджидов. И существовала дервишская теке.

О масштабах естественной исламизации свидетельствует массовое использование турцизмов в административной, торговой, ремесленной терминологии, а также в лексики, относящейся к обозначению составных элементов одежды, названий блюд, мебелировки и элементов дома. Столь широкое проникновение элементов культуры, напрямую связанной с враждебным болгарам вероисповеданием можно объяснить лишь отсутствием в обществе серьезного противодействия.

Восточные мотивы проникают и в книжную миниатюру. Ярким примером могут служить рукописи Софийской школы, особенно сборники, связанные с деятельностью Иоанна Кратовского и его учеников. Одним из наиболее ярких примеров является растительный орнамент резного иконостаса в церкви святого Стефана в Несебре. По мнению И.Георговой, он имеет поразительное сходство с рисунками султанской одежды приписываемой Баязиду II. Кроме того примером может служить болгарская икона св. Дмитрия, датируемая первой половиной XVIII века. Для ее живописи характерен не только типично восточный орнамент и колорит, но и ориентальный облик самого святого, кроме восточной внешности иконописец снабдил его кривой турецкой саблей и богатым персидским седлом. Общественное сознание ориентированное православным духовенством на противодействие насильственным методам и на защиту христианского вероучения, оказались по всей видимости, слабо подготовленным к отражению бытовой экспансии, не встречавшая осознанного противодействия, способствовала плавному врастанию болгар в иную модель исламской культуры.

В XVIII веке одной из характерных особенностей ***социально-экономического развития*** Болгарии являлось чифтликское землевладение. Именно эти территории постепенно превращались в этот период в одну из основных сельскохозяйственных житниц Османской империи, поставляющих в столицу зерно, молоко, мясо и другие сельхозпродукты. Все это стало возможным благодаря широким масштабам происходивших здесь сдвигов в агрокультуре опирающихся на увеличение удельного веса частного сектора в общей структуре сельского хозяйства. [5, с.104].

В XVIII веке серьезную лепту в оформление новых аграрных порядков внесли янычары. Многократно задолжавшая им жалование верховная власть пыталась обезопасить себя от мятежных войск посредством удаления их из столицы. К тому же размещение янычарских гарнизонов на окраинах империи позволяло параллельно решать задачу усиления границ. Однако в провинции янычары оказались на особом положении - вне сферы действия основного законодательства. Они не подчинялись местным административным органам, а лишь своим офицерам. Им разрешалось заниматься хозяйственной деятельностью, но при этом они сохраняли свои привилегии - освобождение от налогов, сборов пошлин. Янычарский статус открывал возможность и для облегченного доступа к получению земли в частную собственность. Началось широкое проникновение янычар в сферу феодального землевладения. По наблюдениям специалистов, присутствие янычарского элемента в структуре частного землевладения на протяжении всего XVIII века непрерывно нарастало. В 1701 году земли традиционно входившие

ранее в состав султанских хассов и обладавшие широким иммунитетом, были переведены в разряд мирийских. Местная администрация сумела воспользоваться чиновнической неразберихой и тем обстоятельством, что у султанских крестьян не было на руках документов, подтверждающих их наследственные права на землю. Результатом стала передача земли в руки частных владельцев. В особом выигрыше оказались местные янычары. Крестьяне же смогли сохранить за собой лишь приусадебные участки, потеряв права на основной земельный фонд. Особо значительных размеров наступление чифтликского землевладения достигло во второй половине XVIII века.

Этому процессу в значительной мере способствовал рост самовластия местных аянов. Насильственный захват и скупка ими крестьянских хозяйств в этот период повсеместным явлением. Особенно преуспел в этом захвате земель знаменитый видинский правитель эпохи кырджалийства Осман Пазваноглу. Известно, что земли, оформленные как его частная собственность, составляли около трети контролируемых им территорий.

Однако процессы в сфере земельных отношений, нельзя сводить исключительно к кризису сипахийского землевладения и развитию чифтликского хозяйства. Параллельно с этими формами хозяйствования основной базой производства сельхозпродукции в болгарских землях продолжала оставаться сельская община. Завоевав Болгарию османы сохранили общину практически в неизменном виде, поскольку она исключительно удачно вписывалась в тимарную систему. Более того, в значительной мере именно благодаря существованию традиционного общинного землевладения и стало возможным развитие системы условных земельных держаний.

Крестьяне производители выполняли роль своеобразного буфера между верховным собственником земли в лице государства и временным пользователем, в роли которого выступал сипахи. Получив подтверждение своих прав на обрабатываемую землю, они становились своеобразным гарантом сохранения условного характера сипахилыка, тормозя процессы формирования новой феодальной знати. И лишь кризис османской военно-ленной системы стимулировавшей рост частной земельной собственности, открыл новую страницу в истории, общины, предопределив неизбежность ее внутреннего перерождения.

Роль главного защитника общинной системы сыграли непосредственно сами османские власти. Государство изначально стало рассматривать общину в качестве своеобразной первичной административной ячейки, осуществлявшей регистрацию налогоплательщиков, а также распределение и сбор налогов. Особое удобство для властей представляла и традиционная практика коллективной ответственности в сфере налога обложения и уголовно наказуемых деяний Ответственность за своевременную выплату всех платежей лежала на общине. На общине лежала и коллективная ответственность за соблюдение правопорядка на принадлежащих им землях. Встав на защиту общины, османские законодательно подтвердили сохранение ее традиционной системы землепользования. Особую важность представляло признание прав на земельный фонд в тех границах, которые сложились с доосманских «старых времен»[5, с. 107]. Что касается системы землевладения крестьян, то они сохраняли свои владельческие права на обрабатываемую землю, включая право купли- продажи и бесплатного наследования.

Главная проблема для крестьян в XVIII веке крылась в замене натурального сбора денежным и постоянным ростом налогов и массовая передача их на откуп. При заключении коллективных договоров обычно предусматривался залог недвижимостью, земельными участками, виноградниками. Именно это открыло дорогу для проникновения ростовщического капитала в сферу землевладения. Захват ростовщиками крестьянских участков принял в Болгарии такие крупные масштабы, что султан был вынужден издать специальный фирман (в 1795 году), прямо обвинявший местных ростовщиков в закабалении крестьян и принуждении их к передаче своей земли в счет погашения задолжностей. В этой связи кадиям запрещалось нотариально рассматривать такие сделки [5, с.108]. Эволюция аграрных отношений оказала решающее влияние на все сферы жизни османского общества. Появление товарного земледелия рост объемов сельхозпродукции все большая заинтересованность производителей в выращивании технических культур, продукция которых была предназначена на рынок, способствовало развитию городов, торговли, расширению ремесленного производства и все большего проникновения товарно-денежных отношений в бытовой уклад сельских жителей. Развивается и внутренняя торговля особенно ярмарочная. Характерная деталь – расширению ярмарочной торговли не смогла

положить конец даже анархия рубежа XVIII-XIX веков. Так, например, в 1799 году в самый ее разгар и едва ли не в эпицентре вооруженных столкновений открылась традиционная Сливенская ярмарка которая по оценкам австрийского представителя при Порте была в тот год одной из наиболее богатых, особенно по количеству товаров привезенных из Германии [5, с. 111]. Однако говоря о расцвете внутренней торговли, необходимо отметить, что, несмотря на развитие рыночных отношений, на протяжении всего XVIII века она продолжала оставаться в тисках средневековой государственной регламентации, типичной для стран мусульманского Востока. Тщательный административный контроль по-прежнему осуществлялся местными чиновниками и их штатом. Наибольший государственный контроль наблюдался над корпорациями, чья профессиональная деятельность хотя бы отчасти обслуживала нужды армии, или имела стратегическое значение. По всей вероятности, именно поддерживаемая Портой борьба цехов за монополию явилась одной из основных причин задержки появления в XVIII веке мануфактурного и фабричного производства. К концу XVIII века экономика Болгарии вплотную подошла, но еще не переступила черты, за которой началось развитие капиталистического способа производства. Известный российский историк Мейер отмечал, что в XVIII век стал веком перелома, растянутым на целое столетие переходным периодом.

Вместе с остальными народами Османской империи болгары мучительно переживали затяжной структурный кризис, который сопровождал переход феодального общества, на более высокий стабильный уровень отмеченный развитием частнособственнических тенденций [6, с.81]. Мейер особо подчеркивает, что причины кризиса не ограничивались социально–экономической сферой. Одной из главных причин кризиса было падение роли сипахиев в обществе, которое вело к нарушению сложившегося раннее паритета между тремя основными властными группировками спахиями – капыкулу и улемами. К концу века это приведет к ослаблению центральной власти, к криминализации общества.

В итоге можно сделать следующие выводы: Османская империя в XVIII веке переживала структурный кризис, который связан был с усилением роли частнособственнических тенденций, с развитием капитализма. Социоэкономические трансформации затянулись и негативные черты, сопровождающие структурный кризис, воспринимались болезненно. Это накладывалось на то, что для болгар османское завоевание имело особо трагические последствия. Основная причина этого крылась в геополитическом факторе, так как болгарские земли пережили своеобразную «трагедию столичности» из-за близости к Стамбулу. В XVIII веке начинается процесс возрождения болгарского национального самосознания и это усугубляет восприятие сложностей социоэкономических трансформаций.

Библиография

1. Виноградов В.И. Проблемы истории Турции. В: История Балкан. Век восемнадцатый. Москва. 2004
2. Державин Н.С.О наименовании и этнической принадлежности гагаузов. Кишинев.2005 23 с.
3. Ихсаноглу Э. История Османского государства, общества и цивилизации. Т.1.Москва: Востлит, 2006, 636 с.
4. Ихсаноглу Э. История османского государства, общества и цивилизации. Т.2.Москва:Востлит, 2006, 577 с.
5. Макарова И.Ф.Болгарский народ в 15-18 вв. Москва: Комкнига,2005, 192 с.
6. Мейер М.С.Османская империя в 18 веке Москва: Наука, Вост.Лит,1991, 261 с.
7. Мошков В.А.Гагаузы Бендерского уезда. Кишинев: Tipogr. Centr.2004, 550 с.
8. Челеби Э. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. Симферополь: Доля, 2008, 268 с.

УДК 391(=512.165)

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗНАКОВО-ВИЗУАЛЬНОЙ ПРИРОДЫ НАЦИОНАЛЬНОГО КОСТЮМА ГАГАУЗОВ

Радова-Каранастас О.К.
доктор исторических наук, ученый секретарь Ассоциации ученых Молдовы им. Н.МилескуСпатару, старший научный сотрудник
Научно-исследовательский центр Гагаузии им. М.В.Маруневич
rolgaks@yahoo.com, radova.58@mail.ru

Аннотация. В работе рассматриваются этнокультурные особенности знаково-визуальной природы национального костюма гагаузов.рассматриваются некоторые проблемы терминологии, перспективы развития национального костюма.

Ключевые слова: гагаузы, национальный костюм

Annotation. The author determines the ethnic and cultural features of the sign visual nature of the national costume of the Gagauzes, discusses some problems of terminology, and the development prospects of the national costume.

Key words: the Gagauzes, national costume.

Национальный костюм гагаузов, формируясь в теснейшей связи с природно-географической средой, экономикой, бытом, социальной структурой общества, представляет собой важнейший элемент материальной культуры этноса. В нем аккумулируются разные виды декоративного прикладного искусства, раскрывающие многовековой опыт деятельности человека, зафиксированный в народных обычаях, ритуалах, обрядах. Обязательными атрибутами традиционного праздничного костюма гагаузов являются аксессуары, украшения, символические знаки орнамента, в совокупности, отражающие этнокультурные, знаково-визуальные особенности национального костюма гагаузов.

Традиционный народный костюм отражает мировоззрение, миропонимание многих поколений и, в связи с этим, являет собой не менее важный элемент духовной культуры народа, поэтому принципиально важно исследование гагаузских национальных традиций, обычаев и обрядов, объединяющих их в национальном костюме.

Традиционный национальный костюм в основе своей, сохраняя древние элементы сложившейся культуры, характерный для гагаузского народа, может явиться одним из способов выявления его древних этнических корней.

Ссылаясь на труды известных этнографов Ю.В.Бромлей[1], Э.О.Маркарян[5], гагаузский этнограф М.В.Маруневич [7] отметила, что традиционный костюм как историческая категория, являясь, с одной стороны, достаточно мобильной частью традиционно-бытовой культуры, а с другой – одним из устойчивых этнознаковых элементов этой культуры, отражает в себе ярче, чем другие ее явления, исторические судьбы этноса в целом.

Автор научного исследования «Гагаузы Буджака. Этническая история и формирование этноса», историк, этнолог О.К.Радова (Каранастас) указывает на необходимость рассмотрения временного и территориального-пространственных критериев в процессе формирования гагаузского этноса и раскрытия этапов его этнической истории[12].

В своей книге «Устойчивость и подвижность этнокультурных границ», известный российский этнолог, директор Института этнологии и антропологии им.Н.Н.Миклохо-Маклая Российской академии наук, академик В.А.Тишков, развивая теорию культурного пространства и категории пространства, отмечает, что социально-культурную антропологию интересует не просто физическое (объективное) пространство, а конструируемая человеком пространственная среда – своего рода физическое и ментальное воображение организации пространства человек. Рассматривается не просто природная среда, что входит в сферу деятельности представителей естественных наук, а обращаемся к осмыслению, конструированию и использованию

пространства на разных его уровнях от глобально-космического до частного и индивидуального, в поле зрения социально-культурной антропологии находятся не только визуальные, но и воображаемые пространства. Он подводит к мысли, что в поле зрения социально-культурной антропологии находятся не только визуальные, но и воображаемые пространства и все это составляет то, что можно назвать культурным пространством[13].

Исторический путь, пройденный гагаузским народом, а также испытания и лишения, выпавшие на его долю, не прошли бесследно, они отразились в их традиционной одежде – в одном из пластов материальной культуры. Традиционная одежда гагаузов в основном характерна своими темными цветами, характеризующимися в народе, как траурные цвета. Выпавшие на долю гагаузского народа страдания отражены и в его духовной культуре – в песнях, которые «больше печальные» («onnar taa çok garipsal»).

Исключением являются гамма цветов в детской, подростковой и юношеской одежде, которые по традиции должны быть в большей степени светлых тонов, но они также не являются броскими, яркими, пестрыми, а спокойными.

Впервые описание традиционного гагаузского костюма, в начале XX века, изложены в трудах В.А.Мошкова (1902 г.)[11], в середине XX века, в 1953 году выходят свет труды Г.Е.Марковой «Материалы по этнографии гагаузов»[6], в 1964 г. был издан совместный труд В.С.Зеленчук, М.Ф.Филимоновой «Национальная гагаузская одежда и ее бытование в настоящее время (по материалам сел Вулканештского, Чимишлийского и Чадыр-Лунгского районов МССР)»[4], в 70-80-х годах XX века из-под пера М.В.Маруневич появляются ряд статей о материальной культуре гагаузов и монография «Материальная культура гагаузов конца XIX - начала XX вв»[7], где она исследовала и описала также традиционный гагаузский костюм, при этом опираясь на ту базу, которая была создана учеными-исследователями до нее, но она существенно дополнила и развила это направление. М.В.Маруневич отметила необходимость изучения одежды, принимая во внимание ее семиотичную (знаковую) специфику, способность демонстрировать наряду с этнической социальную и половозрастную характеристики [8].

Важным обстоятельством, ее связи с народными знаниями и сферой духовной культуры, а именно, причастность национального костюма к системе декоративно-прикладного искусства показывает прямую связь одежды с эстетическими представлениями и вкусами народах [7], [8], [9], [10].

Г.С.Маслова, а вслед за ней и М.В.Маруневич указывали, что целые комплексы традиционной одежды (обрядовая), так и ее отдельные элементы и атрибуты показывают связи народного костюма с верованиями, исследование которых дает возможность глубже изучить традиционные мировоззренческие представления народа, лучше постичь сущность самих обрядов [9], [7].

Целью нашего исследования является более подробно раскрыть этнокультурные особенности знаково-визуальной природы национального гагаузского костюма, раскрыть в каких детальных аспектах она проявляется. Следует отметить, что при исследовании проявляются ряд трудностей, тем не менее, научное исследование в этом направлении имеет большое значение. Оно дает возможность дополнить те или иные аспекты, касающиеся, как гагаузских обычаев и обрядов, так и знаково-визуальной природы традиционного костюма гагаузов.

О материальной культуре гагаузов, в том числе о гагаузском национальном костюме, впервые подробные исследования провела М.В.Маруневич, в своих работах она детально описала виды одежды у гагаузов, отражающие социальную и половозрастную характеристики [8].

О традиционном костюме Молдовы и Гагаузии, особенностях его декоративно-композиционного решения издана монография В.Л.Дъячковской, где автор делает акцент на особенностях формирования и теоретического обобщения морфологической структуры молдавской, гагаузской и болгарской народной одежды - женской и мужской. При этом выявляются традиционные особенности декоративно – композиционного решения компонентов костюма на территории современной Молдовы, в том числе и в Автономно-территориальном образовании с особым статусом управления Гагаузии (Гагауз Ери). Достоинством работы В.Л.Дъячковской также является классификация видов одежды, типов ткани и сырья.

Следует отметить, что в национальном костюме гагаузов часто название готового изделия зависела от сырья, легшего за основу при переплетении ткани, из которой впоследствии была сшита та или иная одежда. Предложенная автором их характеристика и назначение позволяет с интересом окунуться в историю развития традиционной одежды разных этносов Молдовы. Проследить за эволюционными процессами, произошедшими в национальных костюмах Молдовы, в том числе и АТО Гагаузии, в результате взаимопроникновения культур разных этносов. Региональное деление – Север, Центр, Юг, левобережное Приднестровье и отражение эволюционных процессов развития традиционного молдавского костюма – представляет основу данного научного исследования. Кандидат искусствоведения, доцент В.Л.Дъячковская является одной из первых авторов, в работах которой систематизация традиционного костюма рассматривается в комплексе с точки зрения историко-этнографического, искусствоведческого и конструкторско-технологического анализа.

В работе В.Л.Дъячковской приводится эволюция структуры комплекса женской и мужской гагаузской одежды [3]. Для обозначения терминов на гагаузском языке автор делает ссылку на работы С.С. Курогло и М.В. Маруневич, тем не менее, нельзя полностью согласиться с материалом, касающийся гагаузской терминологии [3]. Так, термин «сарафан» ею переведен как «чукман», «енсизфистан», «колсузфистан» - со ссылкой на работу М.В.Маруневич. Однако, слово «чукман», прежде всего, указывает на вид ткани [2], и «чукманом» может быть не только сарафан, кроме того сарафан может быть сшитым и из другого вида ткани, поэтому логичнее и правильно, вместо слова «чукман» (при переводе термина «сарафан») - написать «чукманенсизфистан» или «чукманколсузфистан», одновременно оставить и термины «енсизфистан» и «колсузфистан».

Далее нами (автором данной статьи) предлагается следующее пояснение к терминам:

кофта – «кофта» (“kofta”);	носки - «чорап» (“çorap”) (в Комрате принято называть «карпетки» (“karpetki”));
кофта на подкладке – «хастарлы кофта» (“hastarlı kofta”);	шерстяные носки - «йапаачорап» (“yapaa çorap”);
вышитые (выбитые – «düümä») на машине кружева - «гергеф» (“gergef”);	пояс - «колан» (“kolan”);
юбка, украшенная вышитыми (вбивными) на машине кружевами – «гергефлифыста» (“fısta”) или «фуста» (“fusta”);	шерстяной платок из белой или серой тонкой пряжи – «берта» (“berta”);
юбка, подол которой украшена кружевами (вывязанными крючком или позднее вышитыми на машине) – «тантелили фуста» (“tantelili fusta”)или «тантелилифыста» (“tantelili fısta”);	передник, фартук – «фыта» (“fıta”);
юбка, сшитая в сборку «топлулуфыста» (“toplulufısta”) или «топлулу фуста» (“toplulu fusta”), или «топлуджуклуфыста» (“toplucuklu fısta”), «топлуджуклуфуста» (“toplucuklu fusta”)	желетка – «жилетка» (“jiletka”);
юбка, сшитая в складку (крупную, со стрелками) - «складкалыфыста»или «складкалы фуста»(“skladkalı fısta” или (“skladkalı fusta”) (термин «складкалы» вошел в обиход позднее);	верхняя рубашка (куртка) из фланели – «флани» (“flani”);
платье в мелкую складочку «топлулуфистан» (“toplulu fistan”) и «топлуджуклуфистан» (“toplucuklu fistan”);	Безрукавка - «кептар» (“keptar”);
суконное пальто – «аба» (“aba”);	бусы из натурального жемчуга – «седефбонджук» (“sedef boncuk”).
чулки – «(узун) чорап» (“(uzun) çorap”);	

Вышеперечисленные авторы, проделали огромный труд, однако, в работах менее всего раскрыты тонкости знаково-визуальной природы национального костюма гагаузов, которую нам предстоит еще более детально исследовать, автор данной статью продолжает свои исследования в этом направлении.

Рассматривая этническую специфику гагаузского национального костюма, ставится цель раскрыть виды костюма и природу некоторых их знаково-визуальных особенностей.

Религиозное православное мировоззрение, которое способствовало формированию менталитета и культуры гагаузов, также отраженное в элементах гагаузского национального костюм, отличает его от мусульманского мира.

При исследовании национальной одежды, принимаются во внимание этнокультурные особенности и знаково-визуальная природа национального костюма гагаузов, демонстрирующего наряду с этнической, также социальную и половозрастную, одновременно, отражающего элементы обычаев и обрядов, ритуалов, отношение к окружающим.

Иными словами, знаково-визуальная природа национального костюма гагаузов ведет диалог индивидов через знаки, позволяющие дать ответ на вопросы, которые, в меру культуры и воспитания, этикета, не позволяло окружающим задать вопросы.

Сравнивая национальные костюмы народов, проживающие в исторической территории Бессарабия, в том числе и в южной его части – в Буджаке: гагаузов, болгар, украинцев, русских, молдаван, нельзя не заметить их цветовое различие. Из перечисленных народов, гагаузский национальный костюм (женская и мужская одежда) характерен тем, что он по цвету темнее, чем у остальных народов. Гагаузский национальный костюм отличается и по фасону. Так, к примеру, гагаузские девушки и молодые невесты носили приталенные костюмы и платья “çupaklı fistan” – «платье с приталенным верхом», со многими выточками, который, как корсет, плотно прилегал к телу, подчеркивая стройную фигуру. Девушки на выданье должны были быть нарядные, их костюму уделялось особое внимание. Еле уловимые отличительные особенности были и у молодых уже замужних «невест» (“evli, yeni gelinnär”).

Учитывалась также психология, ментальность гагаузского народа, прерывание беременности не допускалось, оно считалось (как и поныне) большим грехом. Гагаузский женский костюм должен был отражать детородную способность девушки, будущей матери, и эти элементы, также особо просматривались в гагаузском женском национальном костюме. Невесту брали в дом, чтобы она рожала детей, от нее зависело продолжение рода, поэтому ее костюм, как можно ярче, должен был отражать ее природные данные, способность рожать естественным путем здоровых детей.

Утвердившиеся устои в гагаузской национальной среде, обязывали строго придерживаться гагаузского традиционного костюма, особенно это касалось женщин и девушек, иначе общество могло их осудить. Гагаузский национальный костюм для разных возрастов отличался цветовой гаммой, которая являлась одной из основных особенностей знаково-визуальной природой женского костюма.

При разработке новых моделей, необходимо создать все условия для сохранения и развития традиционных народных костюмов всех этносов Молдовы. Все это может способствовать консолидации общества и развитию культуры разных народов края.

В Международный День музеев, который проходил 17-18 мая 2014 г., в Историко-этнографическом музее Республики Молдова, была организована выставка «Единство в разнообразии» традиционных народных костюмов разных этносов, проживающих в нашей стране. Гагаузский национальные костюмы были представлены Комратским региональным историко-краеведческим музеем и Историко-этнографическим музеем им. Дмитрия Кара Чобан, села Бешалма, Комратского долая АТО Гагаузия (Гагауз Ери) Республики Молдова.

Библиография

1. Бромлей Ю.В. Современные этнические процессы СССР. Москва, 1975. С. 205, 246;
2. Гайдаржи Г.А., Колца Е.К., Покровская Л.А., Тукан Б.П. Гагаузско-русско-молдавский словарь, 1973, стр.552.

3. Дъячковская В.Л.Традиционный костюм Молдовы и Гагаузии (Автономно-территориального образования (АТО)). Особенности его декоративно-композиционного решения. Кишинев, 2005, С.65.
4. Зеленчук В.С., Филимонова М.Ф.Национальная гагаузская одежда и ее бытование в настоящее время (по материалам сел Вулканештского, Мимишлийского и Чадыр-Лунгского районов МССР) .В: Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской СССР. Кишинев, 1964.
5. Маркарян Э.О. Соотношение формационных и локальных исторических типов культуры.В: Этнографические исследования развития культуры. Москва, 1985. С. 8, 18-19;
6. Маркова Г.И. Материалы по этнографии гагаузов.В:Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. Вып. 4 М., 1955. С.3-18.
7. Маруневич М.В. Материальная культура гагаузов конца XIX - начала XX вв. 1988, 188 с.
8. Маруневич М.В. Особенности одежды гагаузов. В:История и культура гагаузов. Комрат-Кишинев, 2006. С.684.
9. Маслова Г.С.Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX вв. М., 1984
10. Маслова Г.С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. Москва, 1978, С.16-23
11. Мошков В.А. Гагаузы Бендерского уезда.В: Этнографическое обозрение. №4, 1902. С.38.
12. Радова (Каранастас) О.К. Гагаузы Буджака. Этническая история и формирование этноса.В: Ежегодник Института межэтнических исследований Академии наук Республики Молдова. Том I. Кишинэу, 2000. С.90.
13. Тишков В.А.Устойчивость и подвижность этнокультурных границ. Москва, 2008. С. 139-160

Приложение

Рис. 1-2. Гагаузская национальная одежда. Праздничный наряд конца XIX – начала XX вв. жителей села Чок-Мейдан, из фондов Комратского регионального историко-краеведческого музея
Автор фото: *Ольга Радова-Каранастас*

Рис. 3. Гагаузская женская и мужская национальная одежда. Праздничный наряд конца XIX – начала XX вв., из фондов Историко-этнографического музея им. Дмитрия Кара Чобан, села Бешалма АТО Гагаузии (Гагауз Ери).
Автор фото: *Ольга Радова-Каранастас*

Рис. 4. В зале Историко-этнографического музея Республики Молдова
Автор фото: *Ольга Радова-Каранастас*

УДК 929 Скальковский 94(478+477)

ВКЛАД А .А. СКАЛЬКОВСКОГО В ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ БУДЖАКА

Романова С.Я.
старший преподаватель, и.о.зав.кафедрой общественных дисциплин,
Комратский государственный университет,
romanova62@list.ru

Аннотация. Эта статья представляет собой обзор работ А. Скальковского по истории Бессарабии, Буджака. Непосредственно к истории Бессарабии посвящены следующие работы: "Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае", "Дунайцы", "Историческое введение

в статистическое описание Бессарабской области", " Некрасовцы, живущие в Бессарабии.// ", "Румынские доблести", " Географическая и этнографическая терминология Новороссийского края.» , Опыт статистического описания Новороссийского края и Бессарабии», «Статистическое описание Бессарабии собственно так называемой или Буджака с приложением генерального плана этго края, составленное при гражданской сьемке Бессарабии производившей по Вьгсочайшему повелению размежевание земель оной на участки с 1822 по 1828 год».

Ключевые слова: Бессарабия, Буджак, территория Новороссии, статистическое описание, географическая и этнографическая терминология.

Annotation. The article considered the works by Skalkovsky about the history of Budjak and Bessarabia. The most famous are such works as "The Bulgarian colony in Bessarabia and Novorossiysk Territory", "Dunajec", "Historical Introduction to the statistical description of Bessarabia region", "Nekrasovtsev living in Bessarabia", "Romanian valor", "geographical and ethnographic terminology Novorossiysk Territory. "," Statistical description Bessarabiis 1822 to 1828. "

Key words: Bessarabia, Budjak, territory of Novorossiya, statistical description, geographical and ethnographic terminology .

Буджак – из турецкого *bucak* «угол» – историческая область на территории современной Юго-Западной Украины и Южной Молдовы, расположенная в южной, степной части Пруто-Днестровского междуречья. Другое ее название – Бессарабия в 1812 г. было расширено на основную территорию Пруто-Днестровского междуречья, включив также восточную (Запрутскую) часть княжества Молдавии. С юга Буджак примыкает к Дунаю, на юго-востоке омывается водами Черного моря, а с севера отделяется от лесостепи рукотворным Верхним Трояновым валом.[13]

Непосредственно вопросам истории Бессарабии посвящены следующие работы: «Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае»[3], «Дунайцы»[5], «Историческое введение в статистическое описание Бессарабской области»[4], «Некрасовцы, живущие в Бессарабии»[7], «Румынские доблести»[9], «Географическая и этнографическая терминология Новороссийского края.»[6], «Статистическое описание Бессарабии собственно так называемой или Буджака с приложением генерального плана этго края, составленное при гражданской сьемки Бессарабии производившей по его Высочайшему повелению размежевание земель оной на участки с 1822 по 1828 год.» [8]и др.

А. Скальковский в работе «Географическая и этнографическая терминология Новороссийского края.» рассуждает о происхождении местных названий Новороссийского края.[6, с. 775-776] Среди более чем 20 названий, есть упоминания о некоторых населенных пунктах АТО ГЕ.

Обратимся к работе Апполона Скальковского «Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае», которая была издана в Одессе в 1848 году.

Данная работа повествует

- об истории ислама в Буджаке,
- об истории села Буджак,
- о миграции и переселении болгар в XYIII- XIX вв. в Новороссию «в Бессарабию перешло около 2000 душ болгар, которые поселились «в крепостях Измаиле, Килии, Бендерах и Аккермане (где оставались некоторое время русские гарнизоны), в городах Кишиневе и Рени, на землях молдавских бояр и, наконец, вместе с ногайцами, в кишлах и усадьбах татарских в Буджаке или собственно Бессарабии расположенных»[3, стр. 4; 14].

Следует иметь в виду, что под именем болгар Скальковский смешивает как болгар, так и гагаузов. Но, приведенные в тексте данные, по крайней мере, отчасти, относятся к болгарам. Скальковский отмечает, что в 1821 г. заселилась большая группа, которая первоначально находилась в соседнем селе Алуат. После русско-турецкой войны 1828-1829 гг., с которой связано последнее массовое переселение болгар в Бессарабию, в Тараклии осели ещё 49 семейств. Последнее её заселение болгарами было в 1854 г., когда здесь осел 241 человек. Получив права колонистов, они строили дома, растили хлеб и детей, пользуясь несколько десятилетий льготами, предоставленными им правительством царской России. В середине позапрошлого столетия известный исследователь А.Скальковский писал о них: «Жители, хорошие хозяева, ведут большое

скотоводство, отличное овцеводство и занимаются с успехом садоводством и виноделием; женщины разводят тутовые деревья, собирают коконы и мотают шелк в большом количестве»[3, с. 50]

- об урочище Комарова балка, избранном для Парканской болгарской колонии.
- о селе Бешгез «Бешгиоз основан на речке Лунге, близ татарского селения того же имени. Название села Бешгиоз переводится как «пять глаз». Церкви нет, а молитвенный деревянный дом; домов 102; 100 семейств из 631 о.п. души;4800 десятин земли приводит список «Селение рода Орумбет оглу, в числе которых родовое имя «Беш-гиоз».
- об албанцах и единственном албанском селение Бессарабии Каракурт (Каракурты)

(Каракурт - слово турецкое и обозначает: черный червь) Измаильского уезда пишет, что расположено в 6-7 верстах от Болграда. Оно основано в 1811 г . Здесь в 1907 году было 1011 албанцев, 481 гагауз, 223 болгарина, 53 малоруса и 34 молдаванина. Следует отметить, что молдаване и малорусы переняли албанский язык. « Действительно, ногайский аул К. из рода Келеше на этом месте (около аула Кайраклы) зафиксирован в 1807 г.» [3, с. 52.] нынешнем названии - Жевтневое [3, с. 52.]

- о Комрате отмечает: «Комрат – прекрасная и многолюдная колония». «Колония весьма промышленна и богата, - пишет он, - ведёт значительную торговлю (12 колонистов записаны в гильдии) и имеет еженедельные значительные базары по понедельникам. Жители охотно занимаются садоводством, виноделием…».
- о ногайцах,
- о селе Баурчи: « Баурчи - по - татарски - богатый, счастливый»[3],[4],[12],
- о селе Гайдары «Хайдар основан в 1813 г. [3, стр. 78],
- о селе Дезгинжа «Дезгинже, на балке сего имени. Самая северная болгарская колония, основанная в 1812 году на урочище, где, по преданию, в прежние времена татары ногайские занимались любимою своею забавою – «ристалищами», которые у них назывались дизгинже. Церковь деревянная, домов 194; жители исключительно болгары (гагаузы), в числе 219 семейств из 1216 о.п. душ; земли 9120 десятин»
- о селе Авдарма Скальковский пишет, что топоним Авдарма означает «Белое ущелье». Учёный отмечает, что «жители хорошие хозяева... Церковь деревянная 1; домов 86; жителей 93 семьи, из 515 о.п. душ; земли 5700 десятин» и других населенных пунктах Гагаузии.

О Болграде пишет, что город Болград Измаильского уезда, расположенный у сев. конца озера Ялпух является центром болгарских поселений Бессарабии. Раньше поселение это именовалось Табак, Болградом же наименовано в 1819 г.[8, с. 58]. По данным „Статистического описания Буджака", Болград основан в 1821 г. [8, с. 399]..; «торжественное для болгар событие произошло 12 мая 1820 г. в церкви села Табаки, которое, согласно указу (Царя Александра I), было переименовано в Болград. Присутствовали старшины 57 болгарских колоний, а также депутаты (по 2 от каждого поселения) от этих колоний, жители села». На собрании было объявлено разрешение строитель собор вместо ветхой церквушки».

О Николаеве Скальковский пишет следующее: «адмиралом М.С.Мордвиновым (основатель города Николаева) «принято решение - основать в близи портового места, при впадении речки Терновки в Ингул, в близи от впадения последней в Буг, “турецкую” торгово–земледельческую колонию, и одновременно “гостинный двор” для купцов из Османской империи, с таким важным для правоверных мусульман атрибутом, как мечеть»[8, с. 91].

Скальковский говорит о том, что гагаузы получили земли вдоволь, каждому хозяину было выдано 50 десятин земли. Колонии получили земли:

Населенные пункты	**Количество земли (в дес.)**	**Населенные пункты**	**Количество земли (в дес.)**
Курчи	6000	Сатылык-Хаджи	5100
Этулия	3810	Димитровка	6661
Каракурт	9120	Бешгиоз	4800
Чишмикиой	8164	Конгаз	6540
Ст.Трояны	7000	Бешалма	6960
Чадыр-Лунга	7880	Болгарийка	4600

Кириет-Лунга	5100	Болбока	5760
Еникиой	6840	Ташбунар	8260
Дезгинжа	9120	Башкиой	8130
Томай	790	Комрат	20100
Казаклия	*8702*	Чок-Майдан	6720
Баурчи	6420	Табак	4000
Татар-Копчак	7681	Авдарма	5700
Вулканешты	11994	Джолтай	3060
Гайдар	4400		

Сначала поселились 5000 семейств, число душ достигало в них до 40 000. Гагаузы после вселения в колонии стали строить новые дома, стали сажать виноградники и фруктовые деревья, стали сажать леса в пустовавших местах и долинах. Гагаузы каждую колонию украсили красивой церковью. Колонии увеличились, и в настоящее время в Бессарабии живут более чем 100 000 гагаузов. Прежние гагаузы показали себя хорошими работниками, земледельцами, виноградарями, хорошими хозяевами.

А. А. Скальковский в работах «Русские диссиденты в Новороссии», «Некрасовцы, живущие в Бессарабии.» , «Опыт статистического описания Новороссийского края и Бессарабии.» повествует о старообрядцах, поселившихся в 24 селах Бессарабии.[2],[8], [7].

Одна из первых проблем, поднятая Скальковским по истории Бессарабии, находит свое отражение в исторических представлениях, собранных в 1846 году. Она касается исследования “происхождения этнического названия Бессарабии, или “Земли Basarabs,” поскольку эту область называют молдоване или румыны - коренные жители этой земли”[1, с. 175-186].

Являясь одним из первых представителей российской имперской бюрократии, Скальковский обсуждает проблему национального самосознания румын Бессарабии в уравновешенной и объективной манере. Российский историк вообще не делает различия между “румынами и молдованами”, которые живут в Бессарабии. Анализируя соответствующие архивные источники, А. Скальковский первый из представителей российского исторического письма в Бессарабии, уделяет существенное внимание территориальному обозначению Бессарабской области. Он утверждает:“ Недавно завоеванная территория, расположенная между Днестром и Прутом, которую называют "Бессарабией" во всех российских официальных документах, прежде никогда не была известна, не носила это имя. Во всех предыдущих [молдавских] официальных документах эта область рассматривается как составная часть молдавского Княжества, расположенного на левом берегу реки Прут. Название "Бессарабия" использовалось только в отношении ее южной части, а именно, Budjak” [9, с. 86]. Высказав это утверждение А. Скальковский, фактически признает, что у Бессарабии не было собственной истории никогда. И таким образом, История Бессарабии, идентична с историей молдавского Княжества и в течение многих столетий просто была частью молдавского государства, включая его восточные районы.

Развивая эту мысль далее, Аполлон Александрович достигает логического вывода, что “Бессарабия никогда не была независима”[4, с.42].Кроме того, автор подчеркивает, что “Бессарабия не была даже отдельной областью, должным образом разговором, в пределах молдавского Княжества, хотя его географическая ситуация и специфика позволят это. Это была часть румынских Княжеств, точно так же как другие районы Молдавии” [5].

Уделил внимание А. Скальковский и языку, и населению и правительству Бессарабии:

- «язык, население и правительство Бессарабии и Княжеств - по существу то же самое».
- “жители Верхней Бессарабии (этим автор подразумевает, что северные и центральные части области) являются теми же самыми румынами (как в Княжествах), то есть, смесь славян и римлян. Они - также сыновья Православной церкви”[9].
- говорит о взаимосвязи румын с римлянами "замаскированными как Латынь/Римляне.”

В работе «Биография Одесской железной дороги» есть упоминание о развитии экономики Молдовы : «Между тем, пока мы рыли землю в Феодосии, Молдавия, Турция и наконец, Венгрия устроили у себя дороги, очистили каналы, восстановили хлебопашество и основали такую

хлебную торговлю, с которою может соперничать лишь неутомимая промышленная деятельность Североамериканских штатов [10, с.10].

О развитии железнодорожного сообщения в Бессарабии: «Кн. Воронцов, авторитет которого для нас и для всякого русского экономиста служит хорошею гарантиею, еще в 1844 году, то есть когда Бессарабия не доставляла и 1/10 доли нынешнего количества своих сельских продуктов, приняв за центр южных русских дорог Одессу, а конечною целью Москву как сердце России, советовал начертать следующее направление. Он полагал сперва открыть две линии: одну, которая бы шла от Одессы до Паркан (болгарская колония насупротив кр. Бендер) на Днестре, а другую от Одессы до г. Ольвиополя (при впадении р. Синюхи в Буг, Бобринецкого уезда Херсонской губ.), где соединяется большое количество обозов, идущих к этому порту из Киевской и Подольской губерний. Эти две линии представляют протяжение около 300 верст. Дальнейшее протяжение дороги направлено было на Кременчуг, Полтаву и Харьков, дабы со временем достигнуть до Москвы. Но с тем вместе кн. Воронцов полагал устроить еще одну ветвь в 90 верст от Ольвиополя до Балты, которая привлекла бы в Одессу все произведения Волынской губер. и части Подольской, отдаленной от Днестра» [10, с.9-10].

А А. Скальковский пишет и о выдающемся бессарабце первом архипастыре Одесщины Гаврииле Бэнулеску-Бодони: «Первый среди иерархов. Гавриил 29 июня (13 июля) 1794 года «Узнав о намерении Императрицы устроить христианский православный город на вновь завоеванном мусульманском берегу, Гавриил прибыл в Хаджибей 29 июня 1794 года для присутствия при столь важном празднике. 22-е число августа было избрано для сего торжества. Митрополит, в сопровождении своего духовенства, в присутствии вице-адмирала, морских и военных чинов, чиновников, присланных от губернатора Хорвата из Екатеринослава, и двух или трех турецких кораблей, стоявших на рейде, — положил первые основные камни для храмов Божиих: во имя Св. Николая, Св. Екатерины и др., и провел первую борозду для фундаментов городских строений. Таким образом, достопамятный день 22 августа был первым днем жизни города Одессы». Говоря о значимости деяний Бэнулеску-Бодони, историк пишет: «Первым, кто выступает величиной наиболее крупной среди иерархов Русской Церкви как русского, так и иностранного происхождения, является митрополит Гавриил (Банулеску-Бодони) — человек, который «выделялся из среды своих современников прямолинейностью убеждений, несокрушимой силой воли, светлым, практическим административным умом, честолюбием без искательства, честностью и высокими для его времени идеалами» [3], [8], [11].

Заслуги А. А. Скальковского перед исторической наукой велики. Он первым поставил исследования истории Новороссии на научную основу, ввел в научный оборот значительное количество архивных источников. Кроме опубликованных и архивных документов он широко использовал в своих исследованиях памятники устного народного творчества и пересказы старожилов, обнаружил «Бопланові» карты и описал их в работе «Опыт статистического описания Новороссийского края»[8, ч. 1, с. 5].

Таким образом, можно констатировать, что работы А. Скальковского могут служить документальным свидетельством многих процессов и явлений, происходивших на территории Бессарабии в XIX веке. Для более широкого введения их в научный оборот необходимо было бы перевести их на румынский язык и переиздать их на русском (языке оригинала) и на румынском языке для использования в исследовательской работе как исследователями, так и преподавателями, студентами и учащимися.

Библиография

1. Боровой С. Я. А. А. Скальковский и его работы по истории Южной Украины .В:Записки Одесскою археологический общества. Одесса, 1960, Вып. 1,С. 175-186

2. Скальковский А.А. Русские диссиденты в Новороссии. В: Киевская старина. Киев: Типография А. Давиденко, 1887, т. VII

3. Скальковский А.А. Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае: Стат. очерк. О.: Тип. Т.Неймана й К°, 1848, 145 с.

4. Скальковский А.А. Историческое введение в статистическое описание Бессарабской области. [Б.м., б.г.], 69 с.

5. Скальковский А. Дунайцы. Киев:Старина.1885, Т. 11
6. Скальковский А. Географическая и этнографическая терминология Новороссийского края. - Сев. почта, 1868, № 194, с. 775-776
7. Скальковский А.А. Некрасовцы, живущие в Бессарабии. В: Журнал Министерства внутренних дел. 1844, No 8, с. 61-82
8. Скальковский А. Опыт статистического описания Новороссийского края и Бессарабии. /Одесса:Типография Нитче, 1853, ч.2. 552с.
9.Скальковский А.А. Румынские доблести. «Русин». 21.12.2009
10. Скальковский А.А. Биография Одесской железной дороги. Одесса,1848
11. Скальковский А.А. Болгаро-славянские колонии, Памятная книжка Таврической губернии. Под ред. Н.В. Ханацкого Симферополь, 1867, с.478
12. Скальковский А. О ногайских татарах живущих в Таврической ... Петербург, 1843, ч.1-2

УДК 398(=512.165)

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ ГАГАУЗОВ –ЛЕТОПИСЬ ИСТОРИИ ГАГАУЗСКОГО НАРОДА, РАССКАЗАННАЯ САМИМ НАРОДОМ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКЙ ОБЗОР).

Романова С.Я.
старший преподаватель, и.о.зав.кафедрой общественных дисциплин,
Комратский государственный университет,
romanova62@list.ru
Сапунжи К.С.
магистрант КГУ , научный исследователь по архивному и библиотечному делу,
НИЦ Гагаузии им. М.Маруневич
555-kristi@mail.ru

Аннотация. Фольклор является важной частью духовной культуры мелодики многих лирических песен и песен повседневной жизни гагаузов Молдовы похожих на болгарские и греческие песни. Бессарабские гагаузские народные песни, образно передают укрепившиеся модели поведения в обществе и, таким образом, вносят свой вклад в сохранение традиционных моральных норм. В связи с этим, народные песни своего рода кодекс неписаных правил или «Грамматика жизни».

Ключевые понятия: фольклор, гагаузские исторические песни, традиционные народные песни, лирические песни, традиционные нормы морали.

Annotation.Folklore is an important part of spiritual culture. Melodics of many lyrical songs and songs of everyday life of the Gagauz from Moldova are similar to Bulgarian and Greece songs. The Bessarabian Gagauz traditional folk songs shows that they figuratively transmitted the stablished model of behavior in society and thereby contribute to the preservation of traditional moral norms. In this regard, the folk songs are a kind of code of unwritten rules or «Grammar of life».

Key words: Folklore, the Gagauz historical songs, traditional folk songs, lyrical songs, traditional moral norms.

Исторические песни гагаузов являются одним из неизученных песенных жанров гагаузского фольклора, своего рода летописью истории гагаузского народа, рассказанного им самим в поэтической форме.

Учитывая дефицит знаний в области истории гагаузского народа, неопределенностью его этногенеза, неясностью многих сторон политической и социальной жизни, изучение исторических песен гагаузов приобретает особую значимость и актуальность. Как в курсе Гагаузской литературы, так и в курсе Истории, культуре и традициях гагаузского народа есть тема

«Гагаузский фольклор», включающая исторические народные песни гагаузов, но, к сожалению, ни в одном из учебников нет обобщенных сведений об этом виде фольклора. Поэтому мы решили в своей статье осуществить обзор имеющихся публикаций о исторических народных гагаузских песнях.

Об исторических песнях гагаузов в разное время писали Д.К. Крахтоглу, Н. Кауфман В.А. Мошков, А. Манов и В. Зайончковскоий, М. Дурбайло, М.В. Маруневич, Г.Н. Топузлу, И.А.Анцупов, Л.А. Покровская, Д.Никогло, Е Квилинкова и др.

Русский исследователь В.А. Мошков собрал около 50 гагаузских «тюркю» - песен и более 100 «maani»-частушек, которые публиковал как в журнале «Этнографическое обозрение» в период с 1900 по 1904гг. и в монографии «Наречия бессарабских гагаузов», которая вышла в 1904 г. Мошков классифицировал гагаузские песни отталкиваясь, от сюжетов песен и лексических особенностей и выделил 4 вида:

- собственно гагаузские песни,
- «песни, заимствованные от турок»,
- «песни, заимствованные от болгар»,
- «песни новейшие, составленные по поводу памятных происшествий».

Болгарский профессор, доктор Николай Кауфман знакомит нас в первозданном виде с фольклорным богатством гагаузов Болгарии, отметил, что есть гагаузские песни, заимствованные у болгар и собственно гагаузские песни, которые приняты гагаузами в Бессарабии. [22, с.9-30]

Кауфман отмечает, что **«** песня: «Тодор» повествует о том, как Тодор продает свою жену в рабство, чтобы выручить деньги на прокормление своих детей. Подобный сюжет встречался, кстати, нередко и у болгар». В 2010 году на «Радио Болгария» прозвучала одна из старинных песен гагаузов под названием «Петрана», звучащая именно как болгарская... В этой балладе, рассказывается, как супруг, дабы проучить свою жену, у которой грудной ребенок, впрягает ее пахать**.** Молоко матери покрывает черные комья земли. В песне «Узун кавак вардан» повествуется о крымских горах, запахе роз и большой муке. Данная песня представляет собой собственно гагаузские песни, которые приняты гагаузами в Бессарабии. [22, с.120-122]

Польский тюрколог В. Зайончковский записал значительное число песен на «турецком» языке с различными сюжетами. Анализируя текст песен, В. Зайончковский пришел к выводу о значительном турецком влиянии, что было продемонстрировано им путем выявления сходства и параллелей в гагаузском и турецком фольклоре. [21,с.65-90]

Болгарский фольклорист К. Баев в статье «Исторически народни песни у гагаузите» в 1964 г. сделал объективный и подробный анализ исторических песен гагаузов Северо-Восточной Болгарии. В данной работе приведено около 20 вариантов гагаузских баллад, в которых говорится о пленении турками девушки-христианки в сравнении с болгарскими текстами, отмечая, что их художественная форма является характерной и для болгарских народных песен. И это не случайно, так как болгары и гагаузы связаны историчностью судеб. К. Баев писал: «Эти особенности произведений данного вида не относятся ко всем остальным жанрам гагаузских народных песен, содержание и форма которых связаны с другой линией связи и влияния». [2, с.3, 73-76]

Другой болгарский исследователь Е. Боев[6, с.73-74] поддерживает точку зрения, которая была высказана болгарским филологом Л. Милетич о том, что фольклор гагаузов Болгарии соответствует фольклору болгароязычных соседей. Не анализируя песенный фольклор болгарских гагаузов, он отмечает специфику фольклорного наследия гагаузов, объясняя ее локальными и региональными характеристиками, отражающими шопские, фракийские, капанские и другие региональные особенности общеболгарского фольклора.

Русские исследователь Л. Покровская в сборнике «Песенное творчество гагаузов» [18, с.18] и «Народные песни гагаузов Молдавии и Украины» [19, с. 7-9] классифицируют гагаузские песни по жанрам. А в совместной работе с М. Чернышева «Народные песни гагаузов» семейные песни гагаузов включены в раздел лирические песни, а не в семейные обрядовые.[20,с.40-43]

В статье гагаузского историка-этнографа С. С. Курогло «Свадьба и свадебный фольклор гагаузов» (1972) дан семейный обрядовый фольклор как составная часть свадебной обрядности

бессарабских гагаузов. [13] Так же С. С. Курогло собирал частушки-маани, отмечая, что они есть душа и дух гагаузского народа. [12,с.4, 36]

Д. Н. Танасоглу в «Буджактан сеслäр» [23,с.12-13] и Н. И. Бабоглу в «Гагауз фольклору» (1969) отражают, главным образом, фольклор жителей сел Кириет-Лунга и Копчак, откуда были сами родом. В сборниках содержится обширный материал: такие жанры гагаузского устного народного творчества как сказки, пословицы, поговорки и др. Некоторые из песен встречаются и в настоящее время.[5, с.19-29]

Благодаря кропотливой собирательской работе М. Дурбайло было записано значительное число оригинальных текстов гагаузских исторических народных. Так в сборнике «Баллада тӳркӳлери» в 1991 году говорится о таком песенном жанре как баллады и отмечается сходство текстов гагаузских баллад с аналогичными произведениями народов Европы и также обращается внимание на имеющиеся общие сюжеты в песенном фольклоре гагаузов и других тюркских народов.[7, с.15-19] В другом сборнике «Gagauz halk türküleri» , опубликованном в 2001 году куда, вошло более 130 текстов песен, дается характеристика песен различного содержания без соответствующей классификации[8]. Ценность данного сборника заключается в том, что тексты песен приводятся в нотной расшифровке, сделанной болгарским музыковедом П. Стояновым, и это дает возможность современным музыкальным коллективам и фольклористам включать их в свой репертуар.

Работа Е. Квилинковой «Гагаузский песенный фольклор – «Грамматика жизни» включает 378 текстов песен[9, с.90-104]. Просмотрев список песен, можно среди них выделить следующие категории песен:

- лирические.
- семейно-бытовые,
- песни религиозного содержания,
- обрядовые песни семейного фольклора: свадебные, плачи-причитания, песни-плачи
- календарные обрядовые песни: рождественские колядки,
- песни на историческую тематику связаны с русско-турецкими войнами и освободительным движением на Балканах, о русско-японской войне 1904–1905 гг., о полете Гагарина в космос и др.
- песни о гайдуках и др.

Данная работа ценна тем, что как пишет автор «При сборе нами фольклорного материала они исполняли песни только из своего репертуара, хотя отлично знали слова песен других исполнительниц. На нашу просьбу спеть их, они отвечали отказом, мотивируя это этическими соображениями, и отсылали нас непосредственно к другим исполнителям. [9, с.23-24]

В каждом гагаузском селе сложился свой песенный репертуар, но исполнители, оказавшиеся в гостях в других селах, пытались запомнить и привезти с собой новую песню, чем доставляли особую радость своим соседям и односельчанам. Благодаря такому культурному обмену у бессарабских гагаузов со временем сформировался общий песенный фольклор.

Д. Никогло в статье « Этноисторические мифы у гагаузов (к постановке проблемы), напечатанной в газете «Столица» отмечает, что некоторые исследователи используют фольклорные источники для определения предков гагаузов и создают «миф о славных предках»[17].

Можно сделать вывод о том, что ряд исследователей отмечают, что гагаузские народные песни имеют разную тематику и

- отражают отношения между поколениями (отцами и детьми),
- раскрывают положение женщины в семье.
- показывают конфликтные, ситуации, связанные с правом наследования,
- конфликт между родственниками или односельчанами из-за земли,
- свидетельствуют о подарках, которые, согласно традиционным нормам, девушка делала возлюбленному в знак подтверждения своих чувств к нему,
- повествуют о допустимой степени близости при общении девушки с парнем – через забор,
- демонстрируют форму отказа сватам, согласно обычному праву и др.

Таким образом, мы видим, что внимание ученых было обращено на исследование баллад, гагаузских песен религиозного содержания и меньше на песни-частушки и песни исторического

содержания. К песням исторического содержания относятся баллады «Лянка», «Тудорка», песни « Бесарабиянын тюркюсу», «Нянда иши дильмишь нянда герюльмюшь», «Женкь тюркюсу», «Гагарин», «Порт Артурда», « 1-жи ватан женктя» и др.

Приведенный ниже список литературы поможет учителям при подготовке к урокам по Истории, культуре и традициям гагаузского народа.

Библиография

1. Арнаут Т. Gagauz türkü ve manilerinde deniz sembol işaretleri В: Kibatek uluslararası Türk Kültürunde Deniz Sembolu ve Deniz Edebiyatı Sempozyumu Bidirileri Antalya 27 nisan – 2 mayis 2008
2. Баев К. Исторически народни песни у гагаузите. В: ИВАД, кн. XV. Варна, 1964.
3. Байбурин А. К. Причитания: текст и контекст.В: Artes Populates 14. Yb. of the Dep. of Folklore Ed. by V. Voigt. Budapest, 1985.
4. Баурчулу Л. А. Поглед върху историята на събирането и публикуването на гагаузкия песенен фолклор . В: БСП, Т. 3. Велико Търново, 1994.
5. Бабогло Н.И. Гагауз фольклору.Кигинев,1969.
6. Боев Е. Турските песни в сборника на Ат. Вас. Върбански «Песните на Бердянските българи». В: БСП, Т. 9. Одеса: Друк, 2006

6а.Боев Е. Не заблудата, а лъжата за гагаузите. Добрич, 1995.

7. Дурбайло М. Баллада тӳркӳлери. Кишинев, 1991
8. Дурбайло М. Gagauz halk türküleri. К., 2001
9. Квилинкова Е. Н.Гагаузский песенный фольклор – «грамматика жизни». Кишинев,2011
10. Кауфман Н. Народните песни на бесарабските и таврийските българи. В: Болградската гимназия. Сборник по случай 135 години от основанието ù. София, 1993.
11. Кауфман Н. Турската, българската и еврейската градска песен от средата на XX век . В: Турският фолклор в България. Шумен, 1999
12. Курогло С.С. Маанелӓр (Серия: «Гагауз халк йаратмалары») Сост. С. С. Курогло. Одесса: Маяк,1998.
13. Курогло С. С. Свадьба и свадебный фольклор гагаузов. В: Женурь ши спечий фолклориче. Кишинэу, 1972.
14. Кръстева-Благоева Е. Сватбени обичаи на гагаузите в България.В:БЕ, 2000
15. Милетич Л. Старото българско население въ Североизточна България. София: Българско книжно дружество, 1902.
16. Мошков В.Гагаузские песни и частушки.В: ж. Этнографическое обозрение, с 1900 по 1904г.

16[a]. Мошков В.Наречия бессарабских гагаузов.М.,1904

17. Никогло Д. Этноисторические мифы у гагаузов (к постановке проблемы). В: г. “Столица» 11 мая, 2009 г., № 9 (107)
18. Покровская Л. Песенное творчество гагаузов. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л.,1953
19. Покровская Л. Народные песни гагаузов Молдавии и Украины. Сообщение советской делегации: (Первый конгресс балканских исследований. София, 26 авг. – 1 сент. 1966 г.). Москва, 1966
20. Покровская Л., Чернышева М. Народные песни гагаузов.М.,1989
21. Zajączkowski Wl. Gagauzkie teksty folklorystyczne .В: Езиковедско-етнографски изследвания в памет на академик Стояномански. София: Българска Академия на науките, 1960
22. http://www.portalostranah.ru - Гагаузы: происхождение и музыка.
23. Танасоглу Д. Буджактан сесläр. Кишинев, 1959

УДК 37.0 (478)(091)

ИЗ ИСТОРИИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В МОЛДОВЕ

Сиркели М.П.
Зам.начальника управления образования Гагаузии, магистрант КГУ,
Управление образования Гагаузии, Комратский государственный университет
mariasirkeli@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена основным этапам эволюции образования как социокультурного материала на материале Юга Молдовы, на территории, где более двухсот лет проживают гагаузы и болгары. Тенденции развития в регионе рассмотрены в контексте социокультурных трансформаций в Молдове на протяжении XIX- XX веков.

Ключевые слова: образование, гагаузы, болгары, среднее образование, высшее образование.

Annotation. The author considers the main stages of the evolution of education as a social and cultural phenomenon on the material of the South of Moldova, in an area where more than two hundred years old are Gagauz and Bulgarians. Development trends in the region considered in the context of social and cultural transformations in Moldova over XIX- XX centuries.

Key words: education, Gagauz, Bulgarians, secondary education, higher education.

Образование как социокультурный феномен прошло нелегкий путь развития и формирования под влиянием потребностей общества, поскольку оно всегда выполняло важнейшие общественные функции. И в настоящее время в обществе существует понимание необходимости повышать престиж образованности. Происходит осознание того, что от образования зависит действенность всех социально-экономических и других процессов развития общества, наращивание интеллектуального, духовного, социокультурного потенциала государства.

Однако, несмотря на очевидную необходимость и выгоду инвестиций в образование, приоритетными остаются вложения в иные сферы. А это напрямую сказывается на наукоемкости и эффективности производства, конкурентоспособности товаров, производительности труда и благосостояния общества. Но самые невосполнимые потери – это потери духовные. В то же время переход общества в качественно новое состояние закономерно сопровождается совершенствованием всех социальных институтов и систем, в том числе системы образования. Утверждаются новые методологические принципы и подходы к развитию системы образования в Молдавии.

До присоединения Бессарабии к России – май 1812 года – наш край был краем сплошной неграмотности. Даже крупные бояре и сановники вместо подписи ставили галочку или крестик. Да и в первые десятилетия вхождения в состав Российской империи народное образование Бессарабии развивалось крайне слабо. Оно было представлено министерскими школами – так называемыми школами взаимного обучения, уездными училищами, церковно-приходскими школами и школами грамоты.

Состояние образования в Бессарабии на момент ее присоединения и современники, и историки оценивают по-разному. Соратник митрополита Гавриила Бэнулеску-Бодони протоиерей Петр Куницкий в своем «Кратком статистическом описании Заднестровской области» отмечал, что в крае, как и во всей Молдавии, «образование находится в самом бедном состоянии», что неграмотны не только низшие сословия, но и бояре и духовенство недалеко отошли от простолюдинов. Куницкий отмечал, что все бояре, кроме молдавского, владеют греческим и французским языками, а некоторые – еще и немецким и итальянским, но «про словесность и другие знания» никакого понимания не имеют. Причину этого русский протоиерей видел в недобросовестности учителей, а также в том, что предыдущее правительство не обращало на это никакого внимания, а еще и намеренно стремилось держать молдаван в невежестве[5].

Бессарабские гагаузы и болгары еще до перехода в подданство России предприняли первую попытку открыть у себя школу. Истории неизвестно, была ли открыта тогда школа и где именно.

Скорее всего, решение этого вопроса было отложено, ибо устройство переселенцев на казенных землях в Буджаке затянулось до конца 1819 года. Первая частная школа грамотности для гагаузов была открыта священником Чадырской церкви Леовского района Захарием Чакиром в начале 19 века в своем доме. После переселения гагаузов из села Чадыр (селение недалеко от Прута) в Буджак и основания села Чадыр-Лунга З.Чакир и здесь открыл частную школу в своем доме. Главной ее целью была подготовка священнослужителей для Чадыр-Лунгского и других церковных приходов. У З.Чакира была единственная славянская «Азбука». Он учил детей своих прихожан славянской и молдавской грамоте, чтению, письму, счету. В 1821 году частные одноклассные школы были открыты в колониях Болград и Комрат. Активно этому содействовал председатель Попечительного комитета об иностранных поселенцах южного края России И.Н.Инзов. С их помощью он рассчитывал подготовить грамотные и преданные российскому престолу местные кадры, необходимые для управления колониями «задунайских переселенцев». Инзов полагал, что в болградской и комратской школах гагаузские дети должны обучаться русскому языку и закону Божьему. Строительство школьных зданий, их содержание, оплата труда учителей, обеспечение учащихся учебными пособиями и иной литературой полностью лежали на колонистских обществах Болграда и Комрата. И.Н.Инзов предписывал, чтобы каждому учителю за счет жителей этих сел предоставлялось жалование по 500 леев в год, а также бесплатная квартира с отоплением и пропитанием [2, с. 441].

Многие исследователи подчеркивают, что в первые десятилетия 19 века русский язык, на котором велось школьное обучение, был очень трудным для гагаузов – носителей языка тюркской группы. Даже в конце 19 века многие гагаузские юноши, служившие в царской армии, не могли говорить по-русски. Об этом говорил известный русский ученый-этнограф В.Мошков: «Но те из них, которые побывали в сельской школе, приходят на службу уже с хорошим знанием русского языка, а остальные скоро выучиваются всему на службе» [3, с.5].

Надо отметить, что немецкие колонисты решали вопрос образования своих детей намного легче. Они приглашали учителей из Германии. Оттуда же поступали учебники и учебные пособия. Первая национальная школа с преподаванием на немецком языке открылась в южной Бессарабии в 1815 году. К началу 50-х годов 19 века уже работало 24 школы с преподаванием на немецком языке, одна – на французском языке. К концу 50-х годов в них обучались свыше 4680 учащихся. В Бессарабии были и другие национальные школы – еврейские и армяно-григорианские. В некоторых из них наряду с русским языком изучался и греческий язык [1, с. 13].

Архивные данные свидетельствуют, что в 1858-1859 учебном году в крае насчитывалось 159 школ грамоты с числом учащихся 1500, 42 христианских министерских училища, где обучалось 1696 человек, 129 еврейских министерских училищ с охватом 2263 ученика. Таким образом, в среднем на 1 школу приходилось 17 детей. Причем все типы школ – «для воспитания юношества мужского пола». Приведенные данные красноречиво говорят о том, что даже в середине 19 века ни о каком массовом народном образовании в Бессарабии не могло быть и речи.
Более пристальное внимание просвещению и образованию народных масс самодержавие стало уделять в ходе буржуазных реформ 60-80-х годов 19 века. В России утверждались капиталистические отношения, по темпам экономического развития она занимала одно из ведущих мест в Европе. Капиталистический способ производств, в отличие от предшествовавших, требовал грамотного работника, умеющего работать с различными станками и механизмами. Капиталистические отношения проникали и в сельское хозяйство, особенно в окраинных губерниях России. Бессарабия относилась к числу последних, вступивших на этот путь. Здесь утверждается американский путь развития, то есть земля стала предметом купли-продажи, в сельском хозяйстве применялась наемная сила, техника, новейшие приемы агротехники, стали использовать удобрения.

В начале 20 века сеть школьных учреждений развивалась медленно и равномерно. Она состояла в основном из церковно-приходских школ, школ грамоты и министерских училищ. За обучение детей в церковно-приходской школе родители вносили 40 копеек ежемесячно. Кроме того церковно-приходские школы содержались на средства церковного прихода и епископата. Но расходы были явно недостаточны. Так, в 1902 году Синод, церкви и монастыри ассигновали для нужд народного образования Бессарабии около 49 тысяч рублей, что составляло примерно по 3

копейки на душу населения всего края. Расходы же государства были несколько выше – 7 копеек. Это при том, что согласно переписи населения Российской империи 1897 года в стране среди мужчин насчитывалось 82 % неграмотных, а среди женщин – 96 %; в Бессарабии соответственно 90 % и 98,3 % неграмотных мужчин и женщин.

Основными предметами в церковно-приходских школах были: Закон Божий, церковное чтение, славянская грамота, русский язык, чистописание, счисление, труд, гимнастика. Учебники и пособия «…употреблялись только одобренные училищным при святейшем Синоде советом»: «Закон Божий» протопопа И.Смирнова, «История земной жизни Иисуса Христа в вопросах и ответах», «Символы веры и заповедей», «Азбука», «Сборники задач» Голденберга, Лубенца и Тенищева.

Цикл сельскохозяйственных работ определял начало и конец учебного года. То есть он начинался где-то в конце октября - начале ноября, когда заканчивалась уборка поздних культур, и фактически с началом весенне-полевых работ дети переставали посещать школу. В зимний период посещаемость школы из-за отсутствия обуви оставалась низкой.

Несмотря на то, что народным образованием была охвачена лишь треть детей школьного возраста, что дети в зимний период из-за отсутствия обуви и одежды плохо посещали занятия, тяга учащихся к знаниям была сильной. Это признавали чиновники сферы образования. В одном из документов, касающихся образования Бессарабского края, отмечалось, что «польза образования крестьянами познание и стремление к просвещению замечается в сильной степени». Необходимо отдать должное тому, что до революции 1917 года детям молдавской национальности был открыт доступ в средние и высшие учебные заведения. В Бессарабии все больше нуждались в специалистах, владеющих языком коренного населения. Но фактически из-за материального положения дети крестьян в средние, тем более в высшие учебные заведения не могли поступать.

Несмотря на то, что в 1921 году в Румынии был принят закон «О всеобщем образовании», все же мало детей посещали школу. В 20-30-е годы обучение было бесплатным, а в 1941-1944 годах за обучение вновь возобновилась плата. В школу ходили в основном дети, чьи родители осознавали пользу образования, а также могли оплатить пребывание ребенка в школе. Сверхначальную школу как правило, заканчивали единицы. Нередким явлением в школе было применение палки для усмирения учащихся. Дети боялись учителей, боялись быть наказанными за малейшую шалость. Мало времени уделялось старшим классам школы, так как эти классы являлись дополнительной бесплатной нагрузкой для учителей.

По окончании войны в период восстановления народного хозяйства строятся новые здания школ. В течение нескольких лет активно вступает в силу Закон о всеобуче, то есть дети семилетнего возраста в обязательном порядке посещали школу, обучались. Так на деле стал претворяться в жизнь один из великих принципов социальной справедливости – право личности на образование.

Работа по ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения на территории Бессарабии занимала особое место в деятельности местных органов властей. На ликвидацию безграмотности ушло более 10 лет. Дело в том, что «наследство» в этом плане досталось не из лучших. По данным исследований молдавских историков процент неграмотности среди взрослого населения Правобережья Молдовы был высок. Так в конце 30-х годов в Бессарабии насчитывалось около 70% неграмотного взрослого населения, среди женщин этот показатель составил 85%. В последний год румынской оккупации, по подсчетам историка Крачуна, в Бессарабии действовали 2188 городских и сельских школ, то есть 1 начальная школа с двумя классными помещениями приходилась в среднем на 1435 жителей Бессарабии. Это означает, что не только взрослому населению, но и сотням тысяч детей школьного возраста даже низшее образование и элементарная грамота оставались недоступными. О среднем образовании подавляющая часть бессарабских детей не могли и мечтать,

После воссоединения Бессарабии с СССР – 28 июня 1940 года – в крае начались серьезные социально-экономические преобразования. В частности они касались развития школы и ликвидации безграмотности среди взрослого населения. Практическое воплощение этой задачи продолжалось в следующих направлениях: ликвидация румынской системы образования, охват образовательной системой как можно большего количества детей школьного возраста, ликвидация

неграмотности среди взрослого населения, подготовка советских педагогических кадров из местного населения. Для реализации указанной цели к процедуре получения образования необходимо было привлечь все слои населения Южной Бессарабии. 12 августа 1940 года вышло в свет Постановление Правительства МССР и Молдавского обкома ВКП(б) «О реорганизации школ Советской Бессарабии». Предписывалось обеспечить всеобщее начальное обучение детей; язык обучения детей надлежало определить согласно желаниям родителей. Принятое Постановление обязывало «уездные исполкомы и отделы народного образования установить язык преподавания в каждой школе, учитывая состав учащихся и желание их родителей, … перевести все школы на родной язык, … охватить всеобщим обучением всех детей и подростков школьного возраста». Была проведена перепись детей школьного возраста. Примерно 95 % родителей-гагаузов выбрали языком обучения русский. [2; С.360]

В соответствии с Постановлением в Южной Бессарабии вводилась советская система образования: начальные школы (I-IV кл.), неполные средние (I-VIII кл.), и средние школы (I-X кл). Духовные семинарии, женские епархиальные гимназии и семинарии ликвидировались, а их слушатели пополняли контингент неполных средних и средних школ. Школьные здания ремонтировали методом народной стройки. В Комрате были открыты 2 интерната для 60 детей, живущих далеко от школы. В большинстве случаев под школы подстраивали имеющееся жилье. В итоге уже в 1944 году в Комратском районе были открыты 15 школ, в них занимались 3420 учащихся. Обучение было организовано на русском языке. С целью изучения разговорного русского языка детьми в школах открывались нулевые классы.

Следует отметить, что в данном случае потребности местного населения и цели новой власти совпадали, поскольку во время пребывания Бессарабии под властью Румынии (1918-1940) неграмотное население составляло более 70 процентов. Учебным процессом было охвачено лишь 26 тысяч детей из 347 тысяч детей школьного возраста (около 7,5%). Обучение было платным и преследовало цель румунизовать население, поскольку язык обучения в школах был румынский. Такие подходы не отвечали потребностям населения края, которое было многонациональным.

Если дети школьного возраста были охвачены сетью школ, то для ликвидации неграмотности среди взрослого населения создавались школы ликбеза. В Измаильской области в июне 1941 года функционировало 818 групп ликбеза, 46 школ для неграмотных и 28 школ для малописьменных, где обучалось 35 тысяч человек.

Несмотря на значительные усилия органов государственной власти, охватить взрослое население процедурой обучения в первый год власти Советов удалось лишь на 60% из запланированных 90%. Местное население не спешило получить советское образование, поскольку отношение к самой власти было далеко неоднозначным.

Проблематичностью в процедуре реорганизации образовательной отрасли отмечался вопрос педагогических кадров. Для выполнения поставленных задач ЦК КП (б) направлялись учительские кадры из восточных областей. В начале 1941 года количество направленных достигала почти тысячи (961 специалист). Для преобразований в области образования государством ассигнованы значительные средства. Как пример, во второй половине 1940 года эта сумма составляла 18 миллионов рублей, что в 7 раз превышала расходы румынских властей на эту отрасль за год.

В те годы гагаузов с высшим образованием в Молдавии были единицы. Из 85 педагогов, преподававших в школах Комратского района в 1944-1945 учебном году, высшее образование имели всего 5, среднее – 26, а 47 имели неполное среднее образование. Встала задача подготовки местной советской интеллигенции, которая должна "просветить население о преимуществах социалистического образа жизни». Для этой цели в Аккермане открыт учительский институт, который должен готовить учителей на 3 факультетах: российско-украинской филологии, физико-математическом и историческом. Институт готовил специалистов как на дневном, так и на заочном отделениях. Кроме института, подготовку будущих учителей осуществляли 2 педагогические училища: в Аккермане - с украинским языком обучения, а в Измаиле - на русском. Также в Аккермане открыты курсы переподготовки старых (тех, что работали в румынских учебных заведениях) и подготовки новых педагогических кадров.

Учителей готовили на краткосрочных курсах в Вулканештах. Более солидную педагогическую подготовку обеспечивало Комратское педучилище, возобновившее работу в конце 1944 года. Учителей для начальных школ гагаузских сел готовили и в Кагульском педучилище, открытом в 1945 году [2, с.361].

В новой республике стало работать 6 вузов и 22 средних специальных учебных заведения. И если до 1940 года в правобережных районах насчитывалось примерно 5 тысяч учителей, то за год их количество увеличилось до 15 тысяч. В Кишиневе успели открыть пединститут, сельхозинститут, консерваторию.

Широкая подготовка преподавателей, а также помощь кадрами, оказанная Россией, позволила уже в начале 50-х годов охватить школьным обучением в гагаузских селах практически всех детей. В 60-е годы практически в каждом селе были неполные средние (7-летние) школы, затем преобразованные в средние. Обучение в них позволяло поступать в высшие учебные заведения.

К началу 50-х годов неграмотность удалось ликвидировать. В школах гагаузских районов был достигнут средний для сельских школ Молдавии уровень преподавания и, соответственно, успеваемости. Неудовлетворительным оставался уровень преподавания молдавского языка. [2, с.361]

Хотя по-прежнему существовала возможность выбора языка обучения – молдавского или русского, – и школьное, и высшее образование свыше 95% гагаузов получали на русском языке. Русский – язык межнационального общения в СССР и язык православной церкви, стал для гагаузов вторым родным языком. Свободное владение русским языком было важным фактором, обеспечивающим гагаузам социально-культурное равенство с другими народами страны. [2, с.382]

С 1986 года в населенных пунктах с компактным проживанием гагаузов началось преподавание гагаузского языка первоначально факультативно, а в дальнейшем – как предмет. Издаются учебники по гагаузскому языку и литературе. Этот процесс продолжается и в настоящее время, и, надо сказать, что в последние годы он приобрел более качественную форму. Наличие автономного образования позволило гагаузам в большей степени, чем другим национальным сообществам Молдовы, воспользоваться правом выбора языка обучения.

Необходимо отметить, что гагаузский язык самым последним из 130 языков народов СССР получил свою письменность. Это случилось только в 1957 г., в то время как все другие языки малочисленных народов СССР получили свою письменность ещё в 20-е - 30-е гг. XX в. В 50-х - начале 60-х гг. грамматика гагаузского языка, тем более - на самом гагаузском языке, не могла преподаваться даже в начальных классах школы, так как её попросту ещё не существовало в мире. Не существовало, естественно, и гагаузской грамматической терминологии, даже самой элементарной. Главным образом, поэтому преподавание на гагаузском языке в начальной и неполной средней школе в начале 60-х годов зашло в тупик и было отменено молдавскими властями в 1961 г. В 1986 г., в начале «перестройки» в СССР, гагаузы в Молдавии каким-то образом добились возобновления преподавания на гагаузском языке в средней школе. Но за предыдущие 20 лет так и не были подготовлены новые школьные учителя и не написаны новые учебники, хотя бы для начальной школы. Никто в Молдавии об этом не позаботился. Опять оказались не готовы к обучению на родном языке. [4]

Одной из мер, направленных на обеспечение новому поколению современного социально-культурного уровня, явилось создание в Комрате госуниверситета. Совместным решением Всероссийского фонда образования и Исполнительного комитета Комратского районного Совета народных депутатов 11 февраля 1991 года был основан Гагаузский национальный университет. 01 августа 1991 года Постановлением Правительства Республики Молдова №408 Гагаузский национальный университет в Комрате был утвержден. Его преемником стал Комратский государственный университет, осуществляющий свою деятельность автономно. Университету было передано здание районного комитета КПМ, одно из наиболее представительных в городе, а также ряд других помещений.

Библиография

1. Грек И. Ф. Школа в болгарских и гагаузских поселениях юга Российской империи в первой половине XIX века. Кишинев, 1993, 105 с.

2. История и культура гагаузов. Кишинев, 2006, 748 с.
3. Мошков В.А. Гагаузы Бендерского уезда. Кишинев, 2004, 550 с.
4. Покровская Л.А. Гагаузской письменности 50 лет**. В:**Газета «Вести Гагаузии»№77-78(7451-7452) от 12 окт.]
5. Православная церковь и развитие образования в Бессарабии [Электронный ресурс] Режим доступа http://www.vedomosti.md

УДК 37.016:94(498)

РУМЫНСКИЙ ВОПРОС В ЕВРОПЕЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ: ОТ САН-СТЕФАНО ДО БЕРЛИНСКОГО КОНГРЕССА: АСПЕКТЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ТЕМЫ В ЛИЦЕЙСКИХ КЛАССАХ

Слесарчук И.Н.
преподаватель истории, магистрант,
Комратский педагогический колледж им.М.Чакира, Комратский государственный университет
irina.slesarciuc@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассмотрены некоторые аспекты преподавания темы, касающейся решения румынского вопроса в европейской дипломатии в международных соглашениях 1878 года в лицейских классах. Подчеркивается значимость обретения Румынией независимости. Указывается необходимость учета регионального контекста рассмотрения темы.

Ключевые слова: Сан-Стефанский мирный договор, Берлинский конгресс, независимость Румынии, Венская система международных отношений. «баланс сил»

Annotation.This article considers some aspects of teaching topics related to decision of the Romanian issue in European diplomacy in the international agreements in 1878 in lyceum classes. It emphasized the importance of gaining the independence of Romania. It indicated the need to consider the regional context of the topic.

Key words: San Stefano peace treaty, the Berlin Congress, the independence of Romania, the Vienna system of international relations. "Balance of power"

События 1877-1878 года изучаются в XI классе лицеев или на 2 курсе колледжа в рамках изучения истории Нового времени. Они рассматриваются в контексте развития международных отношений в Новое время. Значимость темы связана с важными последствиями изучаемых событий, прежде всего с обретением независимости Румынии. Михай Еминеску отмечал, что «независимость - это сумма наших исторических жизней». Несомненно, объявление государственной независимости 9 мая 1977 года и признание её Сан-Стефанским мирным договором 3 марта 1978 года и Берлинским Конгрессом 1 июля 1978 года, стало заслуженным итогом героической борьбы румынского народа и румынской дипломатии.

К моменту изучения данной темы учащиеся знакомятся с положениями теоретиков национализма, включая положение доктрины национализма о необходимости соответствия общей территории границам государства [8, с.115].

Обретение независимости рассматривается как закономерное событие «века национальностей». Вместе с тем, события 1877-1878 года рассматриваются в рамках развития международных отношений Нового времени. Восточный вопрос определяется в учебнике как вопрос раздела османских владений, «больного Европы» [8, с.166]. Хотя в лицейском цикле и не рассматриваются системы международных отношений, отдельные принципы Венской системы международных отношений, некоторые ее положения все же рассматриваются. В частности, идея «европейского концерта» и «баланса сил» определяется как «европейское согласие» – система альянсов, которая предполагала союз сил против одной державы с гегемонистскими тенденциями [8, с.166]

Таким образом, закладываются основы для анализа мотивов, целей и действий основных действующих игроков на европейской арене XIX века. Однако, распределение материала в учебнике не позволяет ясно увидеть цель причинно-следственных связей, между событиями Крымской войны и войны 1877 -1878 года, в частности, когда дважды говорится о повторной «аннексии трех уездов Кагула, Измаила. Болграда Россией» и упоминается о возвращении их Молдове в 1856 году, то не акцентируется внимание на том, что это было следствием Крымской войны.

Коллизии дипломатической борьбы не изложены, потому дополнительная информация об этом ценна для учителя.

Стоит отметить то обстоятельство, что в лицейских классах колледжа и Автономии в целом учатся болгары, которые отмечают национальные праздники Болгарии, в том числе 3 марта (день подписания Сан-Стефанского договора). Задачи национального освобождения болгар также должны быть рассмотрены.

Более того, ранее в учебнике отмечалось переселенческое движение «задунайских переселенцев» в те самые районы Бессарабии, на которые претендовала Россия. В изучаемый период происходили важные процессы становления гагаузской общности в Буджаке. Речь идет не просто о развитии диаспоры (часть гагаузов осталась в районе Добруджи). Исследователи отмечают, что именно в этот период в Буджаке происходит процесс формирования новой этнической общности [2, с.80]. Поэтому рассмотрение поворотов исторической судьбы районов Бессарабии в контексте развития международных отношений, что с позиции румынской историографии однозначно определяется как аннексия должно быть дополнено рассмотрением с позиций исторической судьбы «задунайских переселенцев», проживающих на этих территориях. Стоит также подчеркнуть, что в западной историографии, не скупившейся на негативные эпитеты в адрес России, отмечается признание великими державами передачи указанных районов Бессарабии России. В частности, А.Дебидур, назвавший Сан-Стефанский договор «актом грубого и безжалостного закрепления военного торжества царя» [3, с.451], применительно к судье указанных районов в контексте описания действий румынских дипломатов на Берлинском конгрессе пишет: «Конгресс не счел возможным удовлетворить их просьбу. Несмотря на увещевания Биконсфильда и Андраши, решение об обратной уступке Бессарабии было оставлено в силе» [3, с. 463].

Война 1877-178 стала поворотным пунктом в жизни балканских народов Она известна как «восточная война» или «русско-турецкая война» и меньше как «русско-румыно-турецкая война». В советской и русской историографии освещаются в основном события и факты, связанные с вкладом русской армии и дипломатии в поражение турецкой армии и освобождение балканских народов от османского сюзеренитета. В то же время румынская историография в большей степени отражает вклад Румынии в разгром турецких войск и завоевание государственной независимости.

Турецкая историография описывает попытки Османской империи в сложных условиях преодолеть внутренний кризис, следствием которого стало обострение национально-освободительного движения. Отмечается вмешательство европейских держав, особенно России во внутренние дела Османской империи, поддержка Россией панславистского движения, руководимого, по мнению турецких историков, послом России в Стамбуле В.Игнатьевым [5, с.78]. Тщетные усилия продемонстрировать Европе стремление к реформам не имели успеха. 1876 г., называемый «годом трех султанов», в связи с частой сменой правителей завершился принятием Конституции. Османцы предложили передать решение вопроса о принятии или отклонении требований великих держав, присоединившихся к Стамбульской конференции, в новый меджлис (парламент), который будет образован после выборов. Это было расценено как «восточная хитрость» и отвергнуто[5, с.79]. В этих условиях война была неизбежной. Для балканских районов она стала судьбоносной.

Русско-румыно-турецкая война 1877-1878 годов чаще упоминается в румынской историографии как война за независимость.

Достижение Румынией независимости было подготовлено как военным, так и дипломатическим путём. В столицах европейских стран – Санкт-Петербурге, Берлине, Лондоне,

Вене, Риме, а также в Константинополе румынские дипломаты зондировали позиции правительств этих государств относительно борьбы за независимость [1].

Восточный кризис середины 70-х гг. XIX в. стал важным этапом в истории внешней политики Румынии. В условиях приближения войны России против Турции за освобождение сербов и болгар, Бухарест начал постепенно отходить от своей политики нейтралитета в пользу сближения с Санкт-Петербургом, имея главную цель – добиться полной независимости[4].

В сентябре 1876 г. новый премьер - министр Ион Брэтиану и несколько его коллег навестили в Крыму, в Ливадии, царя Александра II и канцлера А. М. Горчакова и дали согласие на пропуск русских войск через Румынию. В ходе российско-румынских переговоров в Ливадии, в сентябре 1876 г. было достигнуто неформальное соглашение о признании Россией государственной независимости Румынии в обмен на обещание Румынии, пропустить русские войска через свою территорию [1].

С вассальной по отношению к Турции Румынией (она выплачивала в середине 70-х годов Порте ежегодную дань) 4(16) апреля 1877 года Россия подписала конвенцию об условиях прохождения русских войск через территорию Румынии. Со стороны Румынии конвенцию подписал министр иностранных дел Михаил Когэлничану. Этот документ состоял из двух частей – политической и военной. В первой Россия признавала политические права Румынии и обязывалась соблюдать ее законы. Во второй части оговаривались условия прохода российских войск через территорию государства, порядок использования железных дорог, почты и телеграфа. По сути это был первый договор Румынии с иностранной державой, подписанный на условиях взаимной ответственности, что стало вехой на пути становления независимости румынского государства. Санкт-Петербург фактически признавал независимость этой страны; перед Румынией открывалась реальная перспектива, опираясь на поддержку северного соседа, добиться международного признания нового статуса страны[8].

Неделю спустя, 12(24) апреля, Россия объявила войну Турции. Перешедшие границу русские войска были тепло встречены румынским населением. «Массы жителей Галаца восторженно, с криком „Ура!" встречали и провожали нас далеко за город»,— говорилось в одном из первых донесений 28-го Донского казачьего полка.

Иной отклик получила весть о вступлении русских в Румынию в Константинополе. Порта решила приструнить вышедшего из повиновения вассала. Представительство Соединенных княжеств было закрыто. Начались рейды турецких отрядов через Дунай и налеты на прибрежные города и села, захваты румынских кораблей, артиллерийский обстрел Брэилы, Олтеницы, Калафата и других пунктов.

В ответ на это 9(21) мая 1877 г. Румыния провозгласила свою независимость от Османской Порты. 9 мая М. Когэлничану выступил в Национальном собрании со своей знаменитой декларацией: «Я без малейшего колебания и страха заявляю представителям нации, что мы являемся свободным и независимым народом».

Решающий шаг был сделан. Последние нити, связывавшие страну с отсталой феодальной Османской империей, оборвались. Опытный и проницательный политик, Когэлничану упомянул о необходимости «принести жертвы, чтобы защитить страну». Провозглашение независимости нужно было подтвить на поле битвы, чтобы доказать всему миру, что день 9 мая никогда не может быть анулирован. Вот почему война 1877-1878 годов стала войной всенародной, в которой участвовали все те, кому были дороги свобода и независимость.

3 марта 1878 года в местечке Сан-Стефано был подписан прелиминарный мирный договор, который подвел итоги русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Этот договор стал заметной вехой на пути балканских народов к независимости.

Сан-Стефанский договор признавал независимость Сербии, Черногории и Румынии, а их территория увеличивалась. Босния и Герцеговина должны были образовать автономную область. Создавалось новое автономное славянское княжество на Балканах - Болгария[8]. В целом, с точки зрения европейцев этот план был составлен исключительно в интересах славянских народов [9, с.568]. Именно поэтому он встретил такое противодействие, прежде всего англичан. Лорд Кинросс характеризует договор как «вопиющее нарушение всех этнологических принципов, попирающее законные исторические права, религиозные принцпы и растущее национальное самосознание

различных неславянских народов Балкан» [9, с.569]. Естественно, Болгария иначе оценивает этот договор. Вплоть до настоящего времени 3 марта, день подписания договора является национальным праздником Болгарии.

Представители Румынии не были приглашены на церемонию подписания. Правительство Румынии, парламент, пресса протестовали против этого решения великих держав. В статье V договора подчёркивалось, что Порта «признаёт независимость Румынии». Турция уступила России Добруджу, которую она обменяла на юг Бессарабии, признавая взамен права Румынии на Добруджу. Румыния опротестовала этот договор, как противоречащий её национальным интересам. В ответ на это канцлер Горчаков угрожал Румынии оккупацией и разоружением румынской армии. Румынское правительство ответило, что армию, которая сражалась под Плевной, не так – то легко поставить на колени [1].

Западные державы, напуганные ростом влияния России, потребовали пересмотра условий договора. Это было практическим применением одного из принципов Венской системы международных отношений, а именно «баланса сил». Одновременно Европа не желала чрезмерного ослабления Османской империи, а Сан-Стефанский договор был оценен как «конец Турции» [3, с.452] Особенно непримиримыми противниками данного варианта договора выступили Англия и Австро-Венгрия. Некоторое время Россия надеялась на смягчение позиции Австро-Венгрии, но притязания Австро-Венгрии были гораздо серьезнее тез уступок, которые предлагала Россия Францу-Иосифу и Андращи [3, с. 453].

На Берлинском конгрессе, продолжавшемся с 1 июня по 1 июля 1878 года, был подписан Берлинский трактат, значительно урезавший результаты военной победы России.

В Конгрессе участвовали премьер – министр Румынии И.К. Брэтиану и министр иностранных дел Михаил Когэлничану. Они проявили настойчивость и решительность. Предполагалось, что они должны просто ждать, когда великие державы примут решение о судьбе Румынии. Но 12 июня они направили председателю Конгресса - Отто фон Бисмарку меморандум, в котором выдвинули следующие требования: признание независимости и нейтралитета Румынии, сохранение территориальной целостности, получение репараций, как стране - победителю. Они потребовали у Конгресса выслушать их. И несмотря на резкое сопротивление России, они (при решительной поддержке Англии и Австро-Венгрии) добились своего (1 июля) [3, с.463].

Решения Конгресса были приняты в пользу великих держав: Австро-Венгрия администрировала Боснию и Герцеговину, Англия – остров Кипр. Европейские державы признали независимость Сербии, Черногории, Румынии. Болгария делилась на две части: северную – вассал Турции, и южную – автономную турецкую провинцию.

По вопросу о Бессарабии было принято благоприятное для России решение, но зато Конгресс передал Румынии в Добрудже 2000 кв. км за счет Болгарии[7].

Результатом русско-румыно-турецкой войны 1877 – 1878 годов и дипломатической деятельности правительства Румынии явилось международное признание независимости Румынии. Она приобрела все прерогативы суверенного государства. Были созданы более благоприятные условия для экономического и социально-политического развития страны.

Это предопределяет значимость рассмотрения темы в курсе истории Нового времени. Вместе с тем, преподавание темы предполагает учет регионального контекста. Важным условием рассмотрения темы является объективность ее рассмотрение, привлечение документов и литературы, отражающей харакеристику позиций с точки зрения различных историографических школ.

Библиография

1. Брынзилэ Н.Государственная независимость Румынии. В: Cugetul №1,1992 г.,с.18 – 27.
2. Грек И.Ф., Руссев Н.Д.1812 поворотный год в истории Буджака и «задунайских переселенцев», Кишинев:Stratum Pl.2011,142 с.
3. Дебидур А.Дипломатическая история Европы.1814-1878, Т.II, Ростов: Феникс, 604 с.
4. Залышкин М. М. Внешняя политика Румынии и румыно-русские отношения. 1875-1878 М.:Наука, 1974, с. 127-179

5. История Османского государства, общества и цивилизации. Под ред. Ихсаноглу Э. Т.1.Москва: Восточная литература, 2006, 636 с.
6. История Османского государства, общества и цивилизации. Под ред.Ихсаноглу Э. Т.2.Москва:Восточная литература, 2006, 577 с.
7. История Румынии.1848 -1917. М.1971, с. 206-244
8. К русско-турецкому Сан-Стефанскому мирному договору 1878 году. (Справка)10-12-2012, mid.ru/bdomp/ns-arch.nsf/88ff23e.
9. Кинросс Л.Расцвет и упадок Османской империи. Москва:Крон-пресс, 1999,606 с.
10. Кикуш Н., Шаров И., Ожог Н, Чебрушка П и др. История. Новое Время. Учебник для XI класса, Кишинев: Balacron, 2009, 256 с.

УДК: 94(497.2):94(=512.165)

ДОБРУДЖА В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ НА БАЛКАНАХ XIV ВЕКА И В ОБРАЗЕ ПРОШЛОГО ГАГАУЗОВ МОЛДОВЫ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Смирнова М.Г.
директор Теоретического лицея г.Твардица, магистрант КГУ,
Теоретический лицей г. Твардица
smirnova-22@mail.ru

Аннотация. Данная статья рассматривает отражение событий XIII-XIV века в Болгарии образе прошлого гагаузов. В Добруджанском деспотстве видится прообраз Гагаузского государства. Автор показывает необходимость точного употребления терминов и соотнесения выводов об идентичности с самосознанием носителей идентичности применительно к конкретному времени и конкретному региону. Задачей автора является постановка проблемы методологии исследования.

Ключевые слова: Добруджа, образ прошлого, гагаузы, идентичность

Annotation. The article considers the reflection of events XIII-XIV century in Bulgaria in the Image of the Past of the Gagauzes. The part of researchers are sure that the Dobruja was the prototype of the Gagauz State. The author shows the need for a precise application of the terms of reference and conclusions about the identity of a self-conscious identity in relation to a particular time and a particular region. The author is sure in the importance of the problem of the research methodology.

Key words: Dobruja, the image of the past, the Gagauz, identity

В настоящее время наблюдается возрастание интереса к истории регионов. Это связано с повышением значения региональной идентичности. Даже те регионы, которые прочно и давно вошли в состав тех или иных государств могут продемонстрировать значимость региональной идентичности и потребовать на этом основании политических решений.

Так, 18 сентября 2014 года прошел референдум о независимости Шотландии. Несмотря на то, что сторонники независимости проиграли, сам факт постановки вопроса о независимости убедительно показал, что проблема значимости региональной идентичности является актуальной. Особую остроту приобретает ситуация, когда регион отличает особый состав населения и наличие политических структур, способных довести противоречия до этнополитического конфликта. В частности, референдум 2014 года не был бы возможен без политического развития региона, одной их вех которого стало воссоздание Шотландского парламента в соответствии с Актом о Шотландии 1998 года.

Важным фактором подобного сценария является наличие независимого государства в прошлом. Это обусловливает актуальность обращения к тем сюжетам средневековой истории, которые могут быть положены в основание политических притязаний современности.

Так, события XIII-XIV веков, происходившие на Балканах оказываются весьма интересными для исследователей современной Молдовы. Это связано с тем, что они были

включены в современный образ прошлого гагаузов. Это нашло отражение не только в работах, посвященных прошлому гагаузского народа, но и в экспозициях музеев Гагаузии.

Образ прошлого не просто отражает особенности исторического развития страны, региона, этноса, а выступает в роли памяти об истории. Он определяет значение тех или иных событий в контексте национальной истории, содержит обоснование исторической миссии этноса или региона, аксиологически окрашивает пространство, соседей, персонажей исторических событий, указывает культурных героев [4, с. 96]. Исследованием образа прошлого гагаузов занята Папцова А.К.

Предметом исследования в данной работе являются тенденции развития Добруджи в XIII-XIV и их отражение в образе прошлого региона. Задачей работы является постановка проблемы, требующей длительного и тщательного изучения.

Добруджа это историческая область на севере Балканского полуострова. Ее расположение сделало ее пограничной и спорной территорией. Пестрый этнический состав и коллизии геополитических трансформаций Нового времени затруднили формирование внутренне связанного образа прошлого. Эти проблемы усугубились тем, что в настоящее время территория Добруджи разделена между Болгарией и Румынией.

События XIII-XIV века имеют для истории региона особое значение. Восстановив в XII веке государственность в форме Второго Болгарского царства, уже в XIII веке Болгария оказывается перед новыми вызовами. В 1242-1243 она завоевана татаро-монголами и вынуждена платить дань Золотой Орде.

Только в начале XIV века Болгария постепенно восстанавливает свои позиции во внутренней и внешней политике. В 1344 г. Ивану Александру удалось вернуть ранее захваченные Византией девять болгарских городов, включая Филлипополь (Пловдив). В начале 50-х годов XIV века был заключен договор Болгарии с Венецией [2, с.45].

Однако в 50-60-е годы центробежные тенденции приводят к политической раздробленности, что ослабляет сопротивление нашествию османов. Стоит согласиться с такой краткой характеристикой периода: «балканские государства не прекращали непрерывные войны друг с другом даже в обстановке османской экспансии; кроме того, для большинства этих государств постоянным явлением была острая внутренняя междоусобная борьба» [6, с.364].

Теоретически это могло завершиться возникновением новых средневековых государств – в это же самое время на западной окраине Золотой Орды начинается история Молдовы. Однако, именно в этот период начинается османское нашествие.

Первый набег на Болгарию турецкие отряды совершили в 1352 г., в1382 г.пала София (Средец). В 1389 году в еще большей степени ухудшилась международная обстановка – после поражения войск Сербии и Боснии на Косовом поле. В 1391 пала Варна, 1393 – Тырново, в 1396 – Видин.

Это не означало «конца истории»: в Османской рамках *Рум миллети* сохранялась относительная самостоятельность православной общины, объединенной под юрисдикцией Вселенского патриарха, резиденция которого оставалась в Стамбуле. Однако, какие-либо формы болгарской государственности были ликвидированы.

История региона много раз становилась объектом фундаментальных исследований – два трехтомных издания уже вышли в свет, в настоящий момент выходит третье. Вместе с тем, история Добруджи была включена в образ прошлого гагаузов.

В частности М.Чакир в «Истории гагаузов Бессарабии» выделяет целую главу «Государство гагаузов», где ссылаясь на А.Манова перечисляет тюркские народы, жившие на Балканах: «1.Начиная с 1036 года тюрко-узы, гагаузы и другие народы тюркского рода: печенеги, куманы и турки- сельджуки, жили внутри Добруджи, где 130 лет существовало гагаузское государство» [7, с.89] и делает вывод « 3.Что гагаузы происходят истинно из турецкого рода, и что в древности гагаузы имели собственное государство в губернии Балчик-Каварна, Добрудже и что самым знаменитым гагаузским падишахом был Добротич (1354-1378)» [7, с.89] Таким образом, М.Чакир отождествляет разные по происхождению и по историческим судьбам тюркские народы с гагаузами. Далее, из ситуации, связанной с политической раздробленностью Болгарии, вызванной потрясениями XIII-XIV века и фактической самостоятельностью Добруджанского

деспотства, М.Чакир выводит отождествление Добруджанского деспотства с Государством гагаузов.

Факт политической раздробленности нашел отражение и в образе прошлого болгар и о его «каноничности» свидетельствует его наличие в краткой «экспортной» версии болгарской истории Пламена Павлова: «После середины XIV века на Балканах царила разобщенность. Так, современник тех событий сообщает о существовании трех Болгарий: Тырновского и Видинского царств, а также Добруджанского деспотства, основанного братьями Баликом и Добротицей» [3, с.54].

Вопрос о реальном происхождении Добротицы, Балика и других персонажей XIV, да и XIII века необходимо рассматривать с учетом того, что в средние века конфессиональная принадлежность значила больше, чем этническая и что этническое самосознание развивается, делая иногда крутые повороты.

На это указывает Г.Атанасов, который, отмечая, что развитие этнического самоознания гагаузов, проживающих в Российской империи, приводит к тому, что «…они постепенно самоопределяются как самостоятельный этнос. Однако эти реальности с середины XIX века не имеют ничего общего с бытием и болгарским самосознанием их далеких предков, живших в границах Добруджанского деспотства во второй половине XIV века» [1, с.54].

Такие исторические повороты не являются уникальными. Не является уникальным и расширительное применение терминологии. Наибольшее число примеров такого рода связано с процессом рождения наций и созданием национальной истории, когда этнорегиональная идентичность уступает место национальной. Однако в этих случаях речь идет, скорее о формировании гражданской идентичности.

Многоэтничный состав Добруджи позволяет включить ее в образы прошлого различных этносов и наций. В частности, в 1242-1243 г. Болгария была завоевана татаро-монголами и в последней трети XIII века значительная часть Добруджи находилась под властью Ногая, ставка которого располагалась в крепости Исакча (Северная Добруджа) [3, с.50]. В настоящее время в Болгарии предпринимаются попытки расширить историческое пространство болгарской истории, включив в него пространство, занимаемое тюркскими народами. Теоретически можно ожидать и притязания ногайцев на включение ряда территорий в Болгарии. Но реально попытки предъявить претензии предпринимают те народы, у которых активизирован процесс роста национального самосознания.

Таким образом, отражение событий, связанных с политической раздробленностью Болгарии и фактической самостоятельностью Добруджанского деспотства в образе прошлого гагаузов в большей степени обосновано процессами, связанными с ростом этнического самосознания гагаузов в настоящем. Вместе с тем, эпоха XIII- XIV время столь динамичных процессов, что изучение ее может привести к выявлению интересных альтернатив исторического развития. Но подобное исследование обязано быть корректным.

Корректное исследование предполагает большую осторожность в использовании терминов. Важно понять, что процессы роста этнического самосознания в случае успешного рождения нации имеют тенденцию к расширению и это может привести к изменению этнической картины региона. История Добруджи в этом случае – многообещающее поле исследования, которое способно пролить свет на процесс формирования образа прошлого и развития этнического самосознания.

Библиография

1. Атанасов Г.Этногенез гагаузов Добруджи- теории, гипотезы и реальность. В: Курсом развивающейся Молдовы.т.9.История в культуре и культура в истории. Сост.М.Н.Губогло, И.А.Субботина, Л.В.Федотова. Общ.ред. М.Н.Губогло. Москва: Старый сад, с.20-71
2. История южных и западных славян. Под ред.Г.Ф.Матвеева и З.С.Ненашева, Москва: Изд-во МГУ, Т.1, 2008, 688 с.
3. Павлов П. Болгария: Страна и люди. Краткая история.София:Борина, 2009, 112 с.
4. Папцова А. Образ прошлого как социокультурный капитал этнорегионального развития. В:Conferinţa ştiinţifică internaţională „Politica de stat faţă de minorităţile naţionale şi securitatea în

bazinul Mării Negre" / «Государственная политика в отношении нацменьшинств и безопасность Черноморского региона» (Chişinău / Comrat, 12-13 mai 2014). Кишинев.-2014. с.99-102
5. Рансимен С.История Первого Болгарского царства.Санкт-Петербург: Евразия, 2009,384 с.
6. Средневековая Европа. В: История Европы.Москва Наука, 1992, Т.2, 808 с..
7.Чакир М. История гагаузов Бесарабии. В: Страницы истории и литературы гагаузов XIX – начала XX века. Кишинев:Pontos, 2005, с.80-108

УДК: 331.556(=512.165)

ТРУДОВЫЕ МИГРАЦИИ ГАГАУЗОВ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Субботина И.А.
кандидат исторический наук, старший научный сотрудник,
Институт этнологии и антропологии РАН, РФ
irinalsu@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу сложившихся у гагаузов в прошлом традиций миграции, в том числе, и, прежде всего трудовой, и особенностей этого вида миграции в новых политических и социально-экономических реалиях Республики Молдова.

Ключевые слова: гагаузы, миграция, трудовая миграция, гастарбайтерство

Annotation. This article analyzes the historical traditions of the migration of the Gagauz. Labour migration and its features in the new political and socio-economic realities of the Republic of Moldova are examined especially carefully

Key words: the Gagauz, migration, labour migration, gastarbeiters

С тех времен, как живет на земле человек, существует и миграция населения. Миграция – это и передвижение кочевых племен, и переселения целых народов (как добровольные, так и вынужденные), это пространственные перемещения населения, связанные с войнами, стихийными бедствиями, экологическими катастрофами, этническими конфликтами и религиозными преследованиями, это и процессы территориальной мобильности сельских жителей в города, а горожан – в села, переезды людей в поисках работы, заработка и т.п. Миграция, воспринимаемая как простой процесс передвижения из одного населенного пункта в другой, по сути своей – сложное социально-демографическое явление, которое переплетается и взаимодействует с целым комплексом различных факторов развития общества. Миграция влияет не только на экономическое, социальное и демографическое развитие полиэтничной страны, отдельных ее регионов, но в значительной степени определяет и происходящие в ней этнические процессы. Миграция лиц разных национальностей – это и перенесение определенного языка, этнической психологии и самосознания, элементов национальной культуры и бытовых особенностей на другую этническую почву, в иную этнокультурную среду, что не может не оказывать существенного воздействия на процессы взаимодействия и взаимовлияния культур мигрирующих и принимающих мигрантов этнических сообществ, их взаимной адаптации, межэтнического общения.

Бурно происходящие в последние десятилетия XX - начале XXI веков процессы глобализации, интернационализации производства, расширение и укрепление экономических, торговых, финансовых связей между странами ведут к интеграции национальных рынков труда, способствуют усилению процессов международной миграции. До середины 1980-х годов международная миграция была слабым ручейком на фоне мощных внутренних миграционных потоков в бывшем Советском Союзе из-за «закрытости государства», в силу идеологических, военных, экономических и политических причин. Миграционные перемещения иностранцев в

страну и соотечественников за рубеж (в том числе и по трудовым мотивам) строго регламентировались и носили исключительный характер [2, с.4].

После развала СССР и произошедших базовых изменений в политической и социально-экономической жизни вновь созданных государств на постсоветском пространстве процессы международной миграции, в т.ч. трудовой, получили бурное развитие. «Спусковым курком» этому послужили свобода въезда-выезда и рыночные реформы, создавшие возможности поиска альтернативных заработков, а также падение уровня жизни и безработица, обусловившие необходимость делать это»[1, с.411]. Стремительный рост масштабов международной миграции, изменение направлений ее потоков, а также сложные последствия этого явления как для самих мигрантов, так и для демографического, социального и экономического развития стран, отдающих и принимающих население, вызывают необходимость серьезного изучения происходящих процессов. Для Молдовы явление гастарбайтерства и связанной с ним безвозвратной миграции, эмиграции, становится не только социально-экономической, но и актуальной этнодемографической проблемой, особенно значимой для малочисленных народов и диаспоральных групп, населяющих республику, таких как гагаузы, болгары, русские, украинцы.

Предлагаемая вниманию читателей статья - это анализ сложившихся у гагаузов в прошлом традиций миграции, в том числе, и, прежде всего трудовой, и особенностей этого вида миграции в новых политических и социально-экономических реалиях Республики Молдова.

Традиции трудовой миграции. Традиции трудовой миграции гагаузов уходят своими корнями в далекое прошлое. Как писал И.И.Мещерюк, еще в начале XIX века попечитель задунайских переселенцев (с 1821 г.) С. Малевинский в своих рапортах генералу И.Н.Инзову, бывшему в те годы главным попечителем иностранных поселенцев юга России, считал возможным отпускать переселенцев, нуждавшихся в заработках, ***не навсегда,*** а «по примеру прочих жителей» ***на определенные сроки,*** «хотя на год ***для приискания работы*** в каких-либо местах», куда сами пожелают [4, с.263-268]. Таким образом, С. Малевинский предлагал посредством трудовой миграции использовать разоренных неурожаем переселенцев в качестве наемных рабочих с тем, чтобы дать им возможность восстановить свои хозяйства.

Появление таких временных рабочих-мигрантов наблюдалось и в конце 20-х годов XIX в. и также в связи с «крайним разорением» многих задунайских переселенцев, вызванным неурожаями и тяготами войны 1828-1829 гг.[4, с.264].

Но необходимо отметить, что отходничество в среде задунайских переселенцев, в частности, у гагаузов в первой половине XIX в., видимо, не носило массового характера. Это объяснялось тем, что при переселении в Буджак колонисты получали обширные земельные участки, освобождение на 50 лет от податей и налогов и множество других льгот. Хозяйства задунайских переселенцев были в большинстве своем самодостаточны и довольно прибыльны. Анализируя социальное расслоение в среде задунайских переселенцев, приводившее к отходничеству крестьян, И.И.Мещерюк писал, что в 1837 г., по данным И.Толстого, в Болгарском водворении на 57440 душ всех переселенцев приходилось до 1 тыс. душ, «не принадлежавших к семьям и не имевших собственного хозяйства»[4, с.273]. Таким образом, безземельные составляли лишь 1,74% всего количества переселенцев. «Появление незначительного количества безземельных переселенцев можно объяснить приходом в Буджак бессемейных болгар, гагаузов и других выходцев из-за Дуная, которые в официальных списках числились бурлаками, батраками или работниками, которые затем, по разным причинам, не были приписаны к сельским обществам в Буджаке. Поэтому они, не получив прав на пользование наделами казенной земли и не имея возможности обзавестись своим хозяйством, «составили малочисленный слой людей, шедших «в услужение», то есть нанимавшихся на работу к своим состоятельным соотечественникам»[4, с.274].

«Такие переселенцы появились в Буджаке еще в первые годы войны (1806-1812 гг. – И.С.)». «Во время второго массового переселения болгар и гагаузов из Болгарии, происходившего в ходе русско-турецкой войны 1828-1829 гг. и после ее окончания, в Буджак, кроме переселенцев, которые имели рабочий скот и орудия сельскохозяйственного производства, переселилось немало людей без какой-либо движимой собственности»[4 с.253, с.257]. «По данным особой комиссии по устройству переселенцев в южной Бессарабии в 1830 г., в Аккерманский и Измаильский уезды в

1830 г. прибыло большое количество переселенцев в «бедном» или «очень бедном» состоянии. Вскоре после переселения в Бессарабию многие бедняцкие семьи обращались к Сорокунскому и областным властям с просьбами ***о выдаче им «самостоятельных паспортов с тем, чтобы они могли свободно передвигаться по области в поисках работы по найму»***[4, с.259]**.**
Таким образом, отходничество в гагаузских селах в первой половине XIX века чаще практиковалось среди немногочисленного слоя бедных крестьян или в годы, когда земледельческие хозяйства гагаузов терпели неурожай вследствие засухи, частых в те годы гибельных налетов саранчи или других природных или житейских катастроф.

Известный исследователь жизни и быта гагаузов В.А.Мошков писал уже в конце XIX века: «…В работники чаще всего идут молодые люди из детей наименее состоятельных крестьян, которые собираются начать свое собственное хозяйство, но не имеют денег на покупку волов, без которых здешнее хозяйство немыслимо…В работниках чаще всего остаются два, три, четыре года, но иные служат до семи и до десяти лет…***Молодые люди нанимаются в работники не только в своем селе, иногда они идут в другие гагаузские села или даже в болгарские и немецкие колонии.*** У молдаван приходится наниматься довольно редко, так как молдаване живут в целом гораздо беднее гагаузов»[5, с.183-184].

Гагаузы, как писал о них В.А.Мошков, «это очень способный, энергичный и трудолюбивый народ, который ***легко сам себе найдет новый заработок даже и в том случае, если,*** вследствие естественного прироста населения, обеднеет в земельном отношении» [5, с.12], говоря современным языком, ***гагаузам уже в те годы была свойственна активная адаптивная стратегия,*** благодаря которой и в сложных условиях аграрного перенаселения юга Бессарабии конца XIX - начала XX вв. гагаузы, осуществляя дальние и ближние трудовые миграции, спасали себя и свои семьи от голода и нищеты.

Позднее, уже в XX веке, когда территория юга Бессарабии оказалась в составе королевской Румынии, традиция трудовой миграции у гагаузов проявилась с новой силой. «Низкий уровень развития производительных сил в крае, массовое обезземеливание в сочетании с аграрным перенаселением превратили Бессарабию в рынок дешевой рабочей силы. Хроническая безработица трети сельского самодеятельного населения породила массовую эмиграцию, в т.ч. в далекие Бразилию, Аргентину, Канаду. Наряду с этим в 30-е годы широко распространилось отходничество мужского населения гагаузских сел. Крестьяне нанимались работать в поместьях богачей Добруджи и в городах Румынии»[3, с.16].

Во второй половине XX века, в 1970-80-е годы, в СССР весьма ощутимые масштабы приобрела сезонная межреспубликанская трудовая миграция. Это явление, особенно сильно развившееся в Армении, республиках Северного Кавказа, Западной Украине, Грузии, Азербайджане, в несколько меньшей степени было характерно и для Молдавии. Оно имело свои социально-экономические предпосылки, среди которых основную роль играло отсутствие постоянной подходящей работы в местах проживания. Отходничество в те годы, являясь определенным механизмом перераспределения трудовых ресурсов между трудоизбыточными и трудонедостаточными районами Советского Союза, в определенной мере заменяло собой дорогостоящее и неэффективное организованное перемещение рабочей силы. Заработки сезонников являлись одним из источников, иногда главным, формирования доходов и роста уровня благосостояния семей мигрантов.

Но явление отходничества, наряду с положительным эффектом, содержало и ряд негативных социально-экономических последствий: во-первых, временный стихийный уход из села работников дезорганизовывал работу в хозяйстве; во-вторых, тяжелые условия труда и быта сезонных рабочих сказывались на здоровье, повышении заболеваемости; в-третьих, длительное пребывание мигрантов вне дома, семьи вело к ослаблению нравственных устоев, фактическому двоеженству, распаду семей и т.п.

Межреспубликанские миграции гагаузов 1970-1980-х годов

Миграционная подвижность гагаузов в середине XX века в целом была не высока. Это относилось как к их внутриреспубликанским, так и к межреспубликанским перемещениям. По данным переписи 1970 г., ежегодно около 3% гагаузов меняли место жительства, в то время как в

целом по Молдавии этот показатель достигал 5,3%, а у молдаван и русских, населяющих республику, соответственно 5,1 и 6,2% .

В следующее десятилетие (1979-89 гг.) в миграционной активности гагаузов произошли заметные сдвиги. Как показали материалы сводной миграционной статистики по городским поселениям, в этот период ежегодный миграционный оборот гагаузов (сумма выбывших и прибывших) в Молдавии увеличился с 3,8 тыс. человек до 5,3 тыс. человек, т.е. на 39%, в то время как численность гагаузов за тот же период возросла со 138 до 153 тыс. человек, или всего лишь на 11%. Это свидетельствовало о существенном усилении интенсивности миграций гагаузов в эти годы, особенно межреспубликанской, что привело к изменениям в расселении гагаузов по территории Советского Союза в последнее десятилетие его существования. Наиболее весомыми, значимыми в межреспубликанских передвижениях являлись переселения в города. Сальдо межреспубликанской миграции гагаузов складывалось не в пользу Молдавии: на каждые 100 гагаузов, выбывших из республики, приходился лишь 81 человек, возвращавшийся назад. Особенно велик был отрицательный итог межреспубликанской миграции у сельских гагаузов: на 100 человек, выехавших в другие республики, приходилось лишь 59 человек, возвращавшихся в села Молдавии.

Как показали материалы этносоциологических исследований, проводившихся автором среди гагаузов Молдавии в 1988-90 гг., из всего потока ежегодно выбывавших из городов и сел республики гагаузов, составлявшего около 3 тыс. человек, примерно 40-45% были межреспубликанскими мигрантами, перемещавшимися за пределы Молдавии, главным образом в Россию, причем необходимо отметить, что сельские мигранты-гагаузы (в силу сезонности работы на селе) в большей степени, чем городские, были ориентированы на перемещения в другие республики. Трудоизбыточность села, недостаточное развитие промышленного и образовательного комплекса в городах юга Молдавии, сложности с трудоустройством, заработком, повышением уровня образования были теми факторами, которые выталкивали гагаузов из республики.

Согласно данным нашего исследования, мужское и женское гагаузское население характеризовалось существенными отличиями в своем миграционном поведении. В целом в потоках миграции доля женщин составляла лишь около 43%, а в потоках межреспубликанских перемещений она едва достигала 30%, а в миграциях в Россию падала до 20%. У сельских гагаузских мужчин-мигрантов свыше половины (56%) были ориентированы на перемещения за пределы республики, у женщин этот показатель был в два раза ниже, составляя лишь немногим более 25%. Наблюдавшиеся у гагаузов различия между миграционным поведением мужского и женского населения во многом были сходны с миграционной картиной, характерной для титульных народов закавказских и среднеазиатских республик (за исключением Киргизии), где в потоках межреспубликанской миграции из села перевес доли мужчин был особенно велик у таджиков, азербайджанцев, туркмен и узбеков [6]. Видимо, такие демографические факторы как возраст вступления в брак и традиции многодетности гагаузов отражались на миграционном поведении женщин. Во-вторых, очевидно, не последнюю роль в миграциях играл такой социальный фактор как уровень образования. Гендерные различия в уровнях образования у гагаузов и в 1980-х годах все еще отчетливо прослеживались. В-третьих, миграции гагаузов, особенно межреспубликанские, носили преимущественно трудовой характер, и здесь сказалась сохранявшаяся еще в гагаузском обществе к 90-м годам XX века традиционная роль мужчины – главного добытчика и кормильца семьи.

Межреспубликанские миграции гагаузов в 1980-е годы, особенно в Россию, носили почти исключительно трудовой характер. Около 28% мигрантов из городов и почти 40% мигрантов из села выезжали в Россию на срок от нескольких месяцев до года, т.е. значительная часть мигрантов-гагаузов – это традиционные сельские отходники и горожане, выезжавшие на сезонные работы. Они направлялись на север Европейской России (Коми республика, Псковская обл.), в Центрально-Нечерноземные области РФ (Калужская, Владимирская и др.), на Урал (Свердловская обл.), а также в восточные районы России (Тюменская обл., Якутия, Амурская обл. и Хабаровский край). Большинство отходников-гагаузов находило себе занятия в лесхозах и на лесозаготовках, что было связано как с низким уровнем их профессиональной подготовки, так и (что главное) с

высокой заработной платой, которая являлась одним из основных движущих стимулов сезонных миграций гагаузов. Более квалифицированные рабочие, обладавшие такими универсальными профессиями как шофер, бульдозерист, сварщик и т.п. находили себе занятия на крупных промышленных стройках, заключая трудовой договор на 1-3 года.

Направленность трудовой миграции гагаузов в 1980-е годы за пределы Молдавии, преимущественно в сторону России, постепенное перерастание временной трудовой миграции в безвозвратную привели к тому, что в последнее десятилетие существования Советского Союза в картине пространственного размещения гагаузов произошли существенные изменения: компактность расселения гагаузов в Молдавии заметно снизилась (с 79,7% до 77,6%). Уменьшилась и доля гагаузов, живущих на Украине (с 17,0% до 16,2%). В целом по молдавско-украинскому ареалу компактность расселения гагаузов снизилась почти на 3%-ых пункта, одновременно с этим существенно заметной стала численность гагаузов в России, увеличившись за десятилетие с 4,2 до10,0 тыс. человек, что составило 5,1% от числа всех гагаузов СССР. Таким образом, численность гагаузов за пределами молдавско-украинского ареала расселения росла в этот период небывало высокими темпами, в два раза превосходящими темпы роста их численности в Молдавии и на Украине, что свидетельствовало о значительном повышении миграционных перемещений гагаузов за пределы основного этнического ядра расселения, в первую очередь, в Россию, адаптация в которой облегчалась для гагаузов исторически сложившимся хорошим уровнем владения русским языком, высокой степенью комплиментарности гагаузов по отношению к России, к русским, единством православной веры. Именно в это десятилетие, накануне распада СССР, резко усилились центробежные тенденции в миграциях гагаузов. Именно тогда была заложена «резидентская» база системы взаимодействия и взаимопомощи гагаузов в России, облегчившая проникновение и приспособление в стране трудовых мигрантов постсоветского времени – гагаузских гастарбайтеров.

Изменения в миграционном поведении гагаузов в постсоветский период

Стремительные и масштабные миграционные перемещения людей в постсоветский период, обусловленные на первом этапе рядом факторов этнополитического характера, таких как образование новых суверенных государств на пространстве бывшего СССР, осложнение межнациональных отношений, локальные национальные конфликты и войны, новая языковая ситуация, связанная с сужением сферы использования русского языка и т.п., испытывали воздействие и новых факторов социально-экономического порядка, в числе которых развитие рыночных отношений, предпринимательства, расширения или сокращения рынков труда и связанных с этим новых масштабов безработицы, массовое обнищание населения, резкое социально-имущественное расслоение общества и т.п.

Становление независимой Республики Молдова проходит в условиях глубокого политического и экономического кризиса, развала хозяйственных связей, спада производства, роста безработицы, инфляции и, как следствие, снижения уровня жизни, социального и имущественного расслоения населения.

Материалы первой в независимой Республике Молдова переписи населения 2004 года дали возможность получить некоторое представление о масштабах международной трудовой миграции ее населения. В численности постоянного населения Молдавии, равной 3 383 332 человек, было учтено и временно отсутствующее население, выехавшее за пределы страны, численность которого составила на момент переписи 273 056 человек, или 8,1% .

Как свидетельствуют материалы переписи населения РМ 2004 г., количество временно отсутствующих на территории Гагаузии на момент ее проведения составило 16,9 тыс. человек, или 10,9% от численности всех постоянных жителей Гагаузии, причем уровень миграционной активности сельских жителей был существенно выше, нежели у горожан. Так, удельный вес временно отсутствующих в стране на момент переписи составил в городах Гагаузии 8,9%, а в селах – 11,8%, т.е. почти на треть значительнее. Надо заметить, что в столице Гагаузии (как, впрочем, и в столице страны, Кишиневе) уровень интенсивности международной трудовой миграции был значительно ниже, чем в других городских поселениях автономного образования, что, безусловно, связано с более широкими возможностями трудоустройства, получения образования в Комрате, в сравнении с Чадыр-Лунгой и Вулканештами.

Сельские поселения Гагаузии сильно дифференцированы по степени миграционной подвижности населения. Так, самые высокие показатели (20,6%) международной миграции села Джолтай превосходят минимальные показатели (2,2%) села Дудулешты почти в десять раз. В целом же можно отметить, что наиболее высоким развитием гастарбайтерства отличается Чадыр-Лунгский долай, где доля выехавшего в другие страны населения на момент переписи 2004 г. достигла 13,6%, тогда как в Комратском долае эти показатели были аналогичны средним по Гагаузии (10,9%), а в Вулканештском долае составили лишь 8,3%. Но за усредненными показателями скрываются очень значительные различия в картине гастарбайтерства отдельных сел. Детальный анализ этих миграционных индикаторов по каждому селу Гагаузии дал возможность структурирования сельского населения автономии по уровню вовлеченности в международную миграцию. Итак, все села Гагауз-Ери можно условно разделить на три группы:

1 группа – села с наиболее высокими показателями гастарбайтерства, значительно превосходящими средние по сельским поселениям – от 20,6 до 13,2%. В нее вошли 6 сел: Джолтай, Казаклия, Бешалма, Баурчи, Копчак, Чок-Майдан;

2 группа – села с показателями гастарбайтерства, близкими к средним значениям по сельскому населению Гагаузии – от 12,8 до 10,3%. Ее составили 11 сел: Бешгиоз, Котовское, Светлый, Авдарма, Ферапонтьевка, В.Конгазчик, Н.Этулия, Дезгинжа, Томай, Буджак, Н.Конгазчик;

3 группа – села с наименьшими миграционными показателями – от 9,3 до 2,2%. В эту группу вошло 10 сел: Этулия, Кирсово, Конгаз, Карболия, Алексеевка, Гайдары, Р.Киселия, Чишмикиой, Кириет-Лунга, Дудулешты.

Факторный анализ взаимосвязи интенсивности международной трудовой миграции сельчан и таких индикаторов среды как размер сельского населенного пункта, его этнический состав, географическое положение не дали однозначного ответа. Очевидно, процессы гастарбайтерства в том или ином сельском поселении зависят от множества других факторов, среди которых можно выделить экономическую направленность хозяйства, успехи социально-экономического развития села, половозрастную и социально-профессиональную структуру населения, прошлый опыт гастарбайтерства односельчан, родственников, друзей и т.д.

Материалы исследования автора 2004 года показали, что в каждой третьей гагаузской семье один или более ее членов работает за границей, причем в селах Гагаузии это явление встречается немного чаще, чем в городах. Можно с определенной долей уверенности говорить о том, что примерно 17-20% гагаузов трудоспособного возраста, или каждый пятый трудоспособный гагауз (или гагаузка) работал в момент опроса за пределами Республики Молдова.

Каково соотношение мужчин и женщин среди уезжающих на заработки гагаузов? Как свидетельствуют материалы нашего исследования, мужчины по-прежнему гораздо активнее, чем женщины, участвуют в трудовых миграциях, составляя около 2/3 гастарбайтеров, но в постсоветский период участие гагаузских женщин в международных трудовых миграциях существенно возросло.

Данные исследования автора свидетельствуют, что 56% всех гастарбайтеров-гагаузов работают в РФ, причем чуть менее половины из них (свыше 40%) находят себе занятие в Москве и Московской области. Турция значительно уступает России по числу работающих в ней гагаузов: их число в этой стране примерно в полтора раза ниже. Особенностью направленности потоков миграции в ту или иную страну является большая ориентированность на Турцию сельских гагаузов, нежели городских. Сельские гагаузы чаще, чем горожане, уезжают на заработки и на Украину, которая является третьей после России и Турции страной трудовой миграции гагаузов.

Четвертое государство (после Украины) по численности работающих там гагаузов - Германия, что, по всей вероятности, связано с активными миграциями в эту страну турок и наличием довольно многочисленной турецкой диаспоры в Германии, что на первых порах, могло облегчать гагаузам, в силу языковой близости с турками, контакты и получение информации о трудоустройстве в этой стране. На пятом месте по удельному весу гагаузских мигрантов стоит Италия, за ней следуют США, Англия, причем в эти страны едут на заработки в основном городские гагаузы, более образованные и профессионально подготовленные [7].

Направленность сегодняшней трудовой миграции гагаузов во многом зависит от конкретного места жительства. При общей для гагаузов предпочтительности российского вектора трудовой миграции, жители таких сел как Чок-Майдан, Томай, а также села Чишмикиой, отдают первенство Турции, с чем, безусловно, связана и особая социально-демографическая структура трудовых мигрантов из этого села [14], отличная от структуры всей трудовой миграции гагаузов. Среди жителей таких населенных пунктов как Копчак, Чумай, Чишмикиой, находящихся в непосредственной близости от границ с Украиной, «украинский» вектор трудовой миграции гагаузов, будучи не преобладающим, является значительно более наполненным, чем в целом по гагаузскому населению. Село Копчак выделяется среди всех гагаузских сел повышенной долей трудовых мигрантов, выбирающих в качестве страны приложения труда Германию. В то же время в таких селах как Конгаз, Кириет-Лунга, Чумай, а также городах Комрат, Вулканешты и Кишинев трудовые мигранты в большей степени ориентированы на работу в России.

Основными сферами приложения труда гагаузов в сегодняшней России являются такие отрасли хозяйства как строительство, транспорт, лесозаготовки, нефте- и газодобыча, сфера обслуживания. В других странах, например, в Турции, гагаузские гастарбайтеры находят себе работу главным образом в сфере обслуживания, работают домработницами, ухаживают за больными, престарелыми и детьми. Помимо этого гагаузские рабочие задействованы в этой стране в строительстве, на транспорте, на сезонных сельскохозяйственных работах и пр.

Чрезвычайно важным представляется показатель времени пребывания трудовых мигрантов вне Молдавии, вне Гагаузии, в определенной мере характеризующий и степень их адаптации в стране назначения и дающий возможность прогноза масштабности явления перерастания временной трудовой миграции в постоянную, безвозвратную. Лишь пятая часть мигрантов выезжала на срок менее года. Большинство мигрантов уезжают на сроки 1-2 года (24%) и 3-4 года (21%). Но очень значительная часть мигрантов отправляется на заработки на длительный срок, годами живя без дома, семьи, лишь на короткий отпуск вырываясь на родину. Так, более трети трудовых мигрантов-гагаузов находятся на заработках 5 и более лет. Каждый 12-ый мигрант-гагауз(ка) работает в другой стране более 10 лет.

Значительная доля временных трудовых мигрантов (24%), живущих вне Молдавии от 7 лет и выше, свидетельствует о наличии среди гастарбайтеров-гагаузов многочисленной группы людей, ориентированных не на решение каких-либо микроадаптивных ситуаций (накопить денег на свадьбу, на покупку машины и пр.), а на более устойчивую адаптивную стратегию, на окончательную безвозвратную миграцию. У городских гагаузов, более образованных и квалифицированных, группы таких мигрантов многочисленнее, нежели у сельских (соответственно 29% и 20%).

Очень важно разграничивать эмиграцию, т.е. безвозвратную миграцию, и временную трудовую миграцию. Еще более значимым представляется изучение не «вчерашней» и даже не «сегодняшней» трудовой миграции, а «завтрашнего дня», перспектив этого явления, т.е. потенциальной миграции, что дает возможность оценить масштабы будущего гастарбайтерства, его возможные направления, структурные (этнические, демографические, социально-экономические и пр.) показатели потоков трудовых мигрантов, выявить миграционную мотивацию, в том числе мотивацию разных групп населения, что может помочь в анализе, регулировании, принятии ряда мер по оптимизации процессов миграции, в том числе трудовой, в конкретном регионе.

Сопоставление материалов исследований автора 1989-90 и 2004 гг. показываетсколь значительно изменились миграционные намерения гагаузов за истекшие 15 лет. Если в конце 80-х годов более 70% гагаузов (68% в городах и 74% в селах) не выражали никакого желания поехать поработать в другие республики, то в 2004 г. эта категория респондентов лишь немногим превышала треть населения (30% в городе и 44% в сельской местности).

Более половины всех опрошенных в 2004 г. гагаузов (51%) хотели бы уехать из Молдавии на заработки или уже работают за границей, часть из них (29%) ориентирована на то, чтобы вернуться через какое-то время назад, а практически каждый 5-6-ой опрошенный хотел бы устроиться за границей на постоянное жительство и не возвращаться в Гагаузию. Пятнадцать лет назад, в 1989-90 гг., настроенных на временную трудовую миграцию было в 2,5 раза меньше, а

эмиграционные настроения были характерны только для одного из 33 гагаузов. Полученные автором в ходе исследования 2004 г. материалы, касающиеся потенциальной миграции гагаузов, свидетельствуют об изменении структуры миграционных ориентаций: если 15 лет назад те, кто ориентировался на окончательную миграцию, составляли лишь пятую часть всех потенциальных мигрантов, а абсолютное большинство (80%) ориентировалось на временную миграцию, то в 2004 г. доля настроенных на безвозвратную миграцию возросла вдвое. Подобные явления заставляют еще серьезнее взглянуть на феномен гастарбайтерства и возможной дальнейшей безвозвратной эмиграции гагаузов, усиливающих дисперсность их расселения, разрушающих институт брака и семьи, этнокультурные традиции народа, угрожающих целостности и самому существованию этой этнической общности.

Доминирующим вектором и будущих миграционных устремлений гагаузов остается Россия, которая «ближе» гагаузскому населению в силу продолжительных исторически сложившихся контактов и совместного проживания, общего вероисповедания, а также широкого распространения и хорошего уровня владения гагаузов русским языком. Русский язык, русская культура, наконец, русский менталитет пока ближе гагаузам, чем турецкий, и потому сильнее влекут их на восток - в Россию, в Москву. Русский язык – язык городских гагаузских улиц, язык политики, образования. На нем преподаются почти все предметы и в школах Гагаузии, и в Комратском Университете.

Анализ структуры потоков потенциальной трудовой миграции гагаузов по возрасту, образованию, социально-профессиональному составу выявил следующее. Треть опрошенной молодежи (16-29 лет) нацелена на временную трудовую миграцию за пределы Молдавии, среди лиц в активном трудоспособном возрасте (30-49 лет) эта категория превысила 35% и даже среди пожилых гагаузов (старше 50 лет) доля выразивших желание поехать поработать в другую страну составила 20%. Что касается образовательного уровня потенциальных трудовых мигрантов, то здесь просматриваются следующие закономерности: самыми активно нацеленными на этот вид миграции у гагаузов-горожан были лица со средним специальным и высшим образованием (соответственно 56% и 46%), т.е. гагаузская интеллигенция, среди сельских гагаузов - лица со средним образованием. Анализ социально-профессионального состава потенциальных трудовых мигрантов, тесно связанного с их образовательной структурой, показал, что на работу за границей у горожан чаще ориентируются лица, занятые в Гагаузии умственным трудом в сфере образования и культуры, нежели рабочие (соответственно 56% и 32%), у сельских жителей – картина обратная: на трудовую миграцию за границу настроено 39% рабочих и лишь 18% интеллигенции.

Каковы же основные причины миграции населения из Молдовы? Что выталкивает сейчас представителей титульной нации, русских, гагаузов за пределы страны? Еще в начале 90-х годов XX века, когда Молдавия в результате миграции теряла русское, украинское, гагаузское население, но наращивала потенциал титульной нации, преобладающими были этнически окрашенные миграционные мотивы, связанные с ухудшением межнациональных отношений, унижением национального достоинства русских, законами, ущемляющими права национальных меньшинств, сужением сферы использования русского языка, в том числе и в образовательных целях и т.п. К концу 1990-х годов, когда из Молдавии хлынули потоки трудовых мигрантов всех национальностей, включая титульную, в структуре мотивов потенциальной миграции преобладающей стала экономическая составляющая. В этот период уже практически не было различий в мотивации миграции у представителей разных этносов республики: на первых местах среди мотивов миграции лиц разных национальностей появились такие как «неустойчивое экономическое положение», «угроза безработицы», «тяжелое материальное положение». Материалы исследования 2004 года показали, что в структуре мотивов потенциальной миграции гагаузов более 90% заняли мотивы экономического порядка – безработица и низкая заработная плата.

Итак, анализ статистических материалов и данных двух авторских исследований показал следующее:

1. На протяжении последнего десятилетия существования СССР и 15-летнего отрезка истории независимых государств на постсоветском пространстве важнейшей чертой трансформации расселения гагаузов является устойчивая, с нарастающей динамикой тенденция

рассредоточения гагаузского этноса. Основным фактором изменения географии расселения гагаузов следует признать центробежный характер миграций, доминирующим направлением которых является российский вектор.

2. Временные трудовые миграции за пределы территории постоянного проживания для гагаузов явление традиционное, прошедшее несколько основных этапов в своем развитии, имевших свои пики и фазы роста, стагнации и упадка. По нашему мнению, территориальные перемещения гагаузов конца 1970-х-1980-х гг. были второй (после миграций гагаузов в 1930-е годы в Румынию, Бразилию, Канаду и др.) волной массовой трудовой миграции, зачастую переросшей в безвозвратную миграцию, которая привела к 2,5-кратному увеличению численности гагаузов в означенный период только в России, не говоря о других союзных республиках. Эта вторая волна миграции гагаузов накануне распада СССР оставила на территории России мигрантскую сеть, ускорившую и облегчившую возможности переезда, трудоустройства и адаптации в новых местах следующей, третьей волне мигрантов-гагаузов. Демографические последствия второй волны миграции были не сразу ощутимы для самой Молдавии, ибо воспроизводственные процессы у гагаузов не были нарушены и определялись все еще достаточно высоким уровнем рождаемости. К началу XXI века в ходе воспроизводственных процессов у гагаузов произошли колоссальные изменения, которые, отчасти, были связаны и с безвозвратными миграциями молодого поколения, главным образом мужчин брачного возраста, за пределы Молдавии в предыдущий период. К 2004 г. коэффициент рождаемости у гагаузов сократился, в сравнении с 1989 г., вдвое, а годовой естественный прирост уменьшился с 2,5 тыс. до 60 человек. Увеличение масштабов миграции, в первую очередь, трудовой, в 1990-е годы при практически отсутствующем естественном приросте создало картину колоссального человеческого опустошения земли гагаузов.

3. В сложнейших условиях действия деструктивных факторов - социально-экономического кризиса в Молдавии в целом и в Гагаузии, в частности, безработицы, нищеты и социального расслоения общества - гагаузское население, чтобы адаптироваться к новым требованиям социальной среды, выбрало для себя активную миграционную стратегию, позволяющую избежать обнищания, компенсировать резкое падение доходов, наконец, просто физически выжить. Но результаты сопоставимых исследований, дающих возможность прогнозных оценок, свидетельствуют об усилении ориентаций гагаузов со временной трудовой миграции на безвозвратную эмиграцию.

4. Многолетние трудовые миграции гагаузов, постепенно перерастающие в окончательную эмиграцию, все возрастающий уровень потенциальной миграции, в том числе женского гагаузского населения, характерные для образованной гагаузской молодежи миграционные настроения, усиливающиеся ориентации на временный или безвозвратный отъезд из республики, создают серьезную угрозу снижения демографического, социального и интеллектуального потенциала гагаузского общества (особенно опасную своими последствиями для малочисленных народов), разрушения этнокультурной идентичности гагаузов.

5. Сегодняшняя языковая компетенция гагаузов, более свободное владение русским языком, в сравнении с гагаузским, особенно молодого, мобильного, образованного поколения гагаузов – это тот фактор, который усиливает миграционные ориентации гагаузов на Россию не только как на расширяющийся временный рынок труда, но и место возможного постоянного жительства. В условиях продолжительного демографического кризиса в России, возрастающей потребности огромной страны в миграционном притоке населения, в трудовых ресурсах это создает серьезную опасность «распыления» гагаузского этноса.

Библиография

1. Зайончковская Ж.А. Миграционный кризис и миграционный взрыв в России и 1980-е и 1990-е годы.В: Россия и ее регионы в XX веке. Территория – расселение – миграции. М., 2005. С.411.
2. Красинец Е.С. Международная миграция населения в России в условиях перехода к рынку. М., 1997. С.4.

3. Курогло С.С., Маруневич М.В.. Социалистические преобразования в быту и культуре гагаузского населения МССР. Кишинев, 1983. С.16.
4. Мещерюк И.И. Социальное и экономическое развитие болгарских и гагаузских сел Южной Бессарабии (1808-1856 гг.). Кишинев, 1970. С. С.263-268.
5. Мошков В.А. Гагаузы Бендерского уезда (Этнографические очерки и материалы). Кишинев, 2004. С.183-184.
6. Социально-культурный облик советских наций. М., 198
7. Субботина И.А. Гагаузы: расселение миграция, адаптация. М. 2007.
8. Субботина И.А. Стратегия поведения русской молодежи в странах нового зарубежья. Молдавия. М.,1998
9. Субботина И.А. Демографические перспективы русской диаспоры Молдавии. В: Диаспоры, М.,1999, № 2-3
10. Субботина И.А. Молдавия: этнические модели адаптации к условиям трансформирующегося общества. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 175. М., 2004.
11. Остапенко Л.В., Субботина И.А. Русские в Молдавии: миграция или адаптация? М., 1998;
12. Остапенко Л.В., Субботина И.А. Русские в Молдавии: потенциальные мигранты и стабильные жители. В:Вынужденные мигранты: интеграция и возвращение. М., 1997;
13. Субботина И.А. Молдавия: этнические модели адаптации к условиям трансформирующегося общества. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 175. М., 2004.
14. Ямсков А.Н., Дубова Н.М. Свет и тени гастарбайтерства в с.Чишмикиой.В: Гастарбайтерство. Факторы выталкивания и притяжения. М., 2006. С.179.

УДК: 37.016:908(478)

ДИСЦИПЛИНА «КУЛЬТУРА И ТРАДИЦИИ НАРОДОВ МОЛДОВЫ» И ЕЕ РОЛЬ В АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ (ОПЫТ КГУ)

Сурнина С.Г.
магистр филологии, инспектор отдела по работе с иностранцами,
Комратский государственный университет
kduturkmerkezi@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблемы преодоления культурного шока как одной из задач адаптации иностранных учащихся. Автор анализирует опыт преподавания дисциплины «культура и традиции народов Молдовы» студентам Комратского государственного университета. Узнавая о символике Молдовы, об обычаях и традициях народов Молдовы студенты быстрее адаптируются к новому культурному пространству

Ключевые слова: культурный шок, адаптация, иностранные студенты, культурные стеореотипы, народы Молдовы

Annotation. The article considers the problem of overcoming culture shock as one of the tasks of adaptation of foreign students. The author analyzes the experience of teaching the culture and traditions of the peoples of Moldova" students Comrat state University. Learning about the symbolism of Moldova, about the customs and traditions of the peoples of Moldova, the students quickly adapted to a new cultural space

Key words: culture shock, adaptation, international students, cultural stereotype the peoples of Moldova

Более двадцати лет Комратский государственный университет участвует в предоставлении образовательных услуг иностранным учащимся. Это не только повышает престиж университета и пополняет его бюджет, но и является фактором оптимизации учебного процесса. Преподаватели и студенты КГУ обретают важный коммуникативный опыт, обретают связи в научном пространстве, что способствует активизации сотрудничества в образовательной и научной сфере. Примером такого сотрудничества является успешная и продуктивная конференция «Диалог

цивизизаций», прошедшая в КГУ 20-21 февраля 2015 года, идейным вдохновителем которой стал выпускник КГУ Феридун Тюфекчи.

Однако организация образовательного процесса для иностранных учащихся является сложным процессом, требующим пристального внимания администрации университета. Одной из важных проблем является сложность адаптации иностранных учащихся. Прибывая в Молдову, учащиеся испытывают культурный шок, связанный с различием культурных стереотипов. Эти различия связаны и с различиями в системе идентичностей: конфессиональной, этнической и т.д. Но есть и менее заметные, но тяжело переносимые различия в бытовых стереотипах, в пищевых предпочтениях. Различаются и система праздников: студенты-мусульмане долго добивались внимания к важным для мусульман праздникам.

Наибольшее число иностранных студентов прибывает из Турции. Это не является случайностью – Турция помогала становлению Комратского государственного университета и Гагаузской Автономии. В знак признания этого перед зданием университета на Аллее Славы был установлен бюст Сулеймана Демиреля. Турецкие ученые и дипломаты являются почетными докторами КГУ.

Выбор студентами из Турции Комратского государственного университета вполне объясним – языковая среда в Гагаузии комфортабельна для турецких студентов, в университете создан Турецкий студенческий центр, недалеко от главного корпуса университета открыта Турецкая библиотека им.М.К.Ататюрка с большим фондом литературы на турецком языке. Тем не менее, приехавшие в Гагаузию турки испытывают и некоторые трудности. Одна из них связана с теми различиями в культурных стереотипах, которые вызваны разной конфессиональной принадлежностью. Турецкие студенты являются мусульманами, а гагаузы – христианами, в основном православные. Помимо этого, обучение ведется на русском языке. Для того, чтобы обучатся на русском языке, студенты изучают его на подготовительном отделении.

Несмотря на то, что гагаузы в настоящее время подчеркивают свою связь с тюркским миром, свое тюркское происхождение, немотря на близость гагаузского и турецкого языков, студенты из Турции не рассматриваются местными жителями как «безусловно свои». Это проявляется, в частности в том, что с турецких студентов хозяева сдаваемых квартир готовы взять большие арендные суммы, чем с местных студентов. Впрочем, это изменяет того, что отношение к турецким студентам со стороны местных жителей, так и со стороны студентов, преподавателей и администрации Комратского государственного университета можно оценить как положительное. Но это не исключает сложностей адаптации.

Первой реакцией турецких студентов на культурный шок и первой адаптационной их стратегией являлась частичная ассимиляция: хотя одной из их задач было изучение русского языка, они предпочитали изучать его только в ходе занятий, сохраняя по-возможности вокруг себя турецкое культурное пространство. Турецкие студенты селились вместе, предпочитая жить в привычной для себя среде.

Демократические преобразования последних десятилетий упростили взаимодействие с иностранцами. Международное сотрудничество разворачивается в различных сферах, прежде всего в сфере предпринимательства и образования. В Гагаузии есть турецкие швейные фабрики и Молдо-турецкие лицеи в Чадыр-Лунге и Конгазе. Таким образом, турецкие студенты могут рассчитывать на общение с соотечественниками. Некоторые из них предпочитают жить в общежитии Молдо-Турецкого лицея в Чадыр-Лунге. Одновременно ребята подрабатывают в нем воспитателями.

Сложности преодоления культурного шока накладываются на неизбежную ностальгию: из-за немалых расстояний студенты могут рассчитывать лишь на две поездки в год домой – в период зимних и летних каникул.

Важной задачей на этом этапе является использование ностальгии в целях адаптации: студенты пишут сочинения о своих родных городах, о своих впечатлениях, о жизни в Комрате. По инициативе С.Г.Сурниной, в мае проводился праздник, на котором ребята знакомили студентов и преподавателей с турецкой кухней, с турецким фольклором, музыкой и танцами.

Важную роль в адаптации студентов играет турецкий студенческий центр, оснастить который современной оргтехникой помогло Посольство Турции. Ребята могут отдохнуть в нем

после занятий, связаться с родными и близкими посредством интернета и почитать турецкую литературу, также подаренную Посольством.

Однако, для того, чтобы адаптация прошла максимально эффективно, необходимо было, чтобы ребята познакомились с культурой народов, населяющих Молдову и, возможно даже, усвоили часть новых для культурных стереотипов в процессе взаимодействия. Для достижения этой цели на подготовительном отделении введен курс «Культура и традиции народов Молдовы».

Данный курс рассчитан на 60 практических аудиторных учебных часов, и 60 часов для индивидуальных занятий, что предусмотрено учебным планом подготовительного отделения для иностранных студентов во II семестре [1]. Этот курс предназначен для того, чтобы студенты иностранцы имели общее понятие о культуре и традиции тех национальностей, которые проживают на территории Республики Молдова и АТО Гагаузии (Гагауз Ери). Учебная дисциплина преследует не только цели приобретения студентами необходимых знаний, но и применение их в практической деятельности. Именно из обязательности решения проблем, предлагается эффективная модель методико-дидактической стратегии обучения, содержащая новые аналитические и оценочные подходы в изучении данной дисциплины.

На уровне познания и понимания происходит аккумулирование теоретических и практических знаний со стороны студентов, на уровне применения происходит систематизация студентами пройденного материала и формирование собственного мнения по конкретному вопросу, а на уровне интегрирования происходит решение конкретных задач на основе теоретических и практических знаний и различных вопросов и принятие самостоятельных решений в конкретной обстановке и по конкретной проблеме.

В ходе занятий учащиеся узнают о символике Республики Молдова (герб, флаг), о символике АТО Гагаузии (Гагауз Ери) (герб, флаг). На основе изучения литературы и просмотра документальных фильмов учащиеся знакомятся с календарной и семейной обрядностью молдаван, гагаузов, болгар, украинцев. В ходе посещения выставок и осмотра музейных композиций учащиеся знакомятся с образцами декоративно-прикладного искусства, с народными костюмами. На основе просмотра документальных видеофильмов учащиеся знакомятся с образцами народного искусства, с лучшими фольклорными коллективами Молдовы.

В ходе организованных встреч учащиеся общаются с молдавскими и гагаузскими поэтами и музыкантами. Учащиеся сами готовят презентации и демонстрируют их на семинарах и экзамене.

Опыт показывает - информация о культуре народов Молдовы вызывает интерес студентов. Они сравнивают культурные стереотипы различных народов, выявляют общее и особенное. Узнавая традиции и обычаи народов Молдовы, студенты обретают понимание специфики повседневной жизни в нашей стране. Это важный шаг для принятия норм и традиций нашего общества. Особенно эффективными являются интерактивные методы обучения. Важным дополнением к курсу является кураторская работа, в том числе совместное празднование традиционных для Молдовы праздников. Важно то, что дисциплина преподается во втором семестре, когда студенты уже овладели азами русского языка и способны обсуждать темы курса на занятиях. В целом можно сделать вывод о том, что дисциплина «Культура и традиции Республики Молдова» является важным средством оптимизации адаптации.

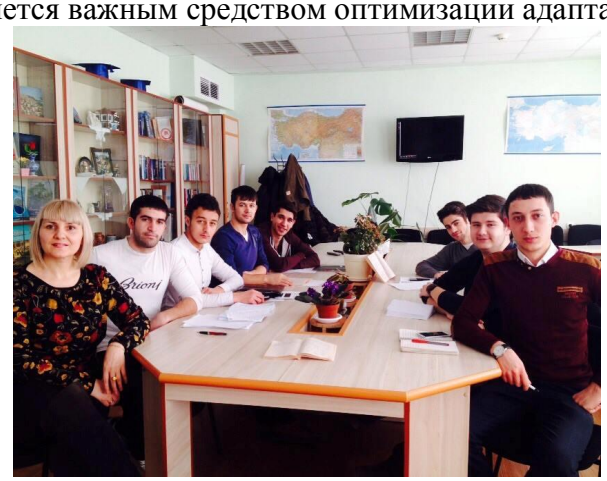

Рис. 1. Студенты в турецком студенческом центре КГУ

Библиография
1.Куррикулум по дисциплине «Культура и традиции народов Молдовы». Подготовлен Сурниной С.Г.Комрат, 2014

УДК:398.4 (=512.165)

ОБРАЗ ОБОРОТНЯ В ТРАДИЦИОННОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ ГАГАУЗОВ

Сырф В. И.
доктор филологии, ст.научный сотрудник
Институт культурного наследия Академии наук Республики Молдова
vsirf.64@gmail.com

Annotation. The paper considers the image of a shapeshifting entity in the traditional culture of the Gagauz: in the form of a special substance, a sort of ghost (*tılısım*), and as a ghoul (*hobur*). In the first case, the Gagauz people believed that the soul of man after his death (suicide) can turn into another being, appearing in the place where he had lived and bringing trouble only at night, from midnight till all hours. In the second case, they believed that after forty days after burial of an unrighteous man, the ghoul (which has the face of the deceased) comes from the grave at night in search of victims (the greatest misfortune that it can cause to people is cholera), and it is necessary to open the coffin and drive a stake through the body of the deceased to stop the atrocities of the demon.

Key words: demons, shapeshifting, ghost, ghoul, the Gagauz.

У многих народов, в том числе и у гагаузов, широко известны рассказы о всякого рода демонических существах – о духах, карликах, великанах, оборотнях и т. п., представления о которых связаны с традиционными верованиями людей. Изучение поверий и сложившихся на их основе рассказов имеет большое значение для раскрытия эволюции древних воззрений.

К исследованию привлекались в основном фольклорные материалы, как опубликованные [1; 7; 13; 16; 17], так и рукописные, хранящиеся в архиве автора [20], а также ряд научных и иных публикаций, использованных для освещения темы [2; 5; 10]. Для облегчения пользования названия произведений прозаического фольклора в списке рукописных источников даны в переводе на русский язык.

По данной проблеме специальных исследований ранее не проводилось, имеются лишь работы общего плана в контексте изучения верований языческого происхождения и в целом религиозно-мифологического мировоззрения гагаузов [12; 14; 15; 18; 19].

Рассмотрим далее ряд рассказов и сказок в гагаузском фольклоре, в которых представлены различные по виду и происхождению, но единые по функциональной направленности персонажи.

Собственно говоря, *демонологический рассказ-быличка* и сложился на основе верований и суеверий в различного рода демонов. Он повествует о сверхъестественных явлениях, якобы имевших место в действительности, или о встречах рассказчика, его односельчан, родственников, знакомых со сверхъестественными, мифическими существами (напр., с карликами (*cücä*) и/или великанами (*dev*, *tepägöz*)), а также о кладах, колдовстве или оборотничестве, о мертвецах (*hobur*), привидениях (*tılısım*), колдунах (*cadı*), чертях (*şeytan*) и других злых духах (напр., *rusáli* – контаминация самовилы, самодивы и русалки, могут быть обоего пола). Одна из особенностей бытования подобных рассказов заключается в том, что они могут свободно входить в состав волшебной сказки.

Народное представление о безобразном отчетливо проявилось в вышеуказанных образах, которые наделены отрицательными чертами характера и часто чудовищно уродливы внешне. Однако среди них встречаются и персонажи, наделенные в представлениях народа двойственной функцией, и в зависимости от обстоятельств они могут выступать либо как помощники главного героя повествования, либо как его противники. Одним из таких образов в гагаузской традиционной культуре представлен дух *tılısım* (фонетический вариант – *tılsım*).

Образ *tılısım* у гагаузов Бессарабии – добрый дух, образ домового. Они представляют его себе в виде *змеи*, берегущей счастье дома и пристроек к нему. По поверьям, если она погибнет, то вместе с нею погибнет дом и все живущие в нем. В Семенов день, 1 (14) сентября, гагаузы устраивали праздник в честь домового, то есть они не работали, иначе домовой мог разгневаться [11, с. 15–16]. Кроме того, у гагаузов распространено верование о необходимости принесения жертвы (курбана) при возведении той или иной постройки, которую также называли *tılısım* [*см., напр.*: 1, с. 51–54, 165; 11, с. 15–16]. То же представление мы находим и в болгарской народной мифологии и обрядности [*см., напр.*: 3, с. 171; 4, с. 203–204].

К демоническим персонажам гагаузского фольклора он относится потому, что гагаузы верили: душа человека после его смерти (самоубийства) может превратиться в оборотня, проявляющегося и приносящего беду как привидение только в ночное время, с полуночи до первых петухов [13, с. 141–142], его-то и называли *tılısım* [8, с. 92–93]. Чтобы его успокоить, приносили жертву – резали петуха [7, с. 73].

У турок *Tılsım* или *Ev-Bekçisi* – тоже домовой и злой дух. Представлен он также в облике змеи, но может быть и уродом со свисающей до живота нижней губой, горящими, как уголья, большими глазами, спутанными волосами, спускающимися до пят. Обитает, как правило, в заброшенных постройках [9, с. 629]. Появляется, как и у гагаузов, по ночам и исчезает при пении первых петухов.

Злой дух *hobur* (фонетический вариант – *obur*) [13, с. 34–37] у гагаузов представляется как оборотень или вурдалак (упырь, вампир), живущий в могиле неправедного в жизни человека и выходящий по ночам в поисках жертвы. Питается всем самым гнилым и вонючим.

Появляется на свет *hobur* через сорок дней после погребения покойника, имеет лицо умершего. Отличается от других людей тем, что весь субботний день лежит лицом к земле. Самое большое несчастье, которое *hobur* может причинить людям, – это холера. В этом случае открывают гроб и вбивают кол в покойника, чтобы *hobur* не вылез больше из него [13, *там же*].

Подобное представление об оборотнях, как известно, распространено у христианских народов Юго-Восточной Европы. В демонологии южных славян, например, *вампир* – это мертвец, выходящий ночами из могилы, сосущий кровь у спящих людей, в результате жертва умирает. Вампиром могла стать как сама жертва, так и нечистый покойник, самоубийца. Чтобы прекратить злодеяния вампира, как и в случае с *hobur* надо было вбить в его тело осиновый кол и т. п. [*см.*: 6, с. 283–286]

Демонические персонажи в гагаузской народной прозе определяются по отношению к главному герою как его противники. Закон контраста, антитезы является универсальным законом эпического повествования. Фантастический или сказочный вымысел имеет два художественных полюса: прекрасное и безобразное. Первый составляют светлые силы в рассматриваемых нами быличках и сказках, эти силы несут в себе нравственную красоту, добро, живое тепло жизни. С безобразным народ связывает темные силы, коварные, вероломные, несущие зло, холод смерти. Этическое и эстетическое выступают здесь в своем единстве. Хороший, счастливый конец имеют, как правило, все сказки у всех народов мира. В мифологии хороший конец обладал магическим смыслом: сбудется то, что сказано. В волшебной сказке различных народов и народностей мира, в том числе и в гагаузской, он стал выражением нравственной силы народа, его оптимизма.

Таким образом, в нашей работе исследуется образ оборотня в традиционно-бытовой культуре гагаузов: в виде особой субстанции, нечто вроде привидения (*tılısım*) и в виде вурдалака (*hobur*). В первом случае гагаузы верили, что душа человека после его смерти (самоубийства) может превратиться в оборотня, появляющегося в месте своего прежнего проживания и приносящего беду только в ночное время, с полуночи до первых петухов. Во втором – что спустя сорок дней после погребения неправедного в жизни человека оборотень (имеет лицо умершего) выходит из могилы по ночам в поисках жертвы, и чтобы прекратить злодеяния демона, надо было вскрыть гроб и вбить кол в тело покойника. Рассказы об оборотнях имеют сравнительно устойчивый сюжет и характерную композицию, в них часто описываются внешний облик сверхъестественного существа и окружающая его обстановка, иногда – психологическое состояние героя при встрече с оборотнем.

Важно для нас также отметить, что гагаузские народные рассказы-былички и волшебные сказки, уходя своими корнями в глубокую древность, несут следы различных исторических эпох. Эти следы отражены в системе образов эпического повествования. В вышеуказанных видах гагаузской народной прозы посредством демонических образов просматриваются зачатки словесной магии древних и средневековых тюрок, их представления о природе, восходя к язычеству со всеми его элементами: анимизмом, тотемизмом, антропоморфизмом и др.

Вообще говоря, многие фантастические образы, в том числе и демонические, и мотивы устного народного творчества гагаузов отражены в мифологических и сказочных представлениях народов тюркского и нетюркского мира. Это говорит, с одной стороны, о преемственности культурных традиций с древнейших времен, представляющих таким образом систему мифологических взглядов, бытовавших у предков гагаузов, с другой – о результатах межэтнических контактов с совместно проживающими народами.

Этническая специфика духовной культуры гагаузов, на наш взгляд, наблюдается в их религиозно-мифологических представлениях об окружающем мире, в их традиционной магии, в суевериях, поверьях, приметах, гаданиях, в обрядовых действиях и ритуалах, касающихся повседневной жизни и быта. Весь этот комплекс формировался на протяжении ряда веков в соседстве со многими народами Карпато-Балканского ареала.

В плане последующего изучения гагаузской народной мифологии предстоит не только описание имеющихся других мифологических образов и персонажей, но и исследование их в сравнительно-функциональном и сравнительно-типологическом аспектах.

Библиография

1. Баллада тӱркӱлери. Сӧлпет топлуму. Хазырлайан М. А. Дурбайло. Кишинев, 1991.
2. Булгар С. С. Дев адамын оолу: Масаллар. Кишинев, 1990.
3. Георгиева И. Българска народна митология. София, 1983, с. 171
4. Караджова М. Жилище как субъект обрядовых действ у населения Болгарии и болгарских поселенцев в Бессарабии. В: История и культура болгар и гагаузов Молдовы и Украины (Сборник статей к 100-летию со дня рождения И. И.Мещерюка). Кишинев, 1999.
5. Курогло С. С. Семейная обрядность гагаузов в XIX – начале XX в. Кишинев, 1980.
6. Левкиевская Е. Е. Вампир.В:Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 1. М., 1995.
7. Манов А. И. Потеклото на гагаузите и техните обичаи и нрави. Варна, 1938, с. 73–74
8. Маруневич М. В. Некоторые обряды и поверья гагаузов, связанные с жилищем.В: Известия АН МССР: Серия общ. наук. Кишинев, 1975, № 3.
9. Мифологический словарь.Главный редактор Е. М. Мелетинский. М., 1991, с. 629.
10. Мифы народов мира: Энциклопедия. Под ред. С. А. Токарева. М., 1992. Т. 2. С.540–541
11. Мошков В. А. Гагаузы Бендерского уезда (Этнографические очерки и материалы). XI. Смерть, представление о загробной жизни и похоронные обычаи.В:Этнографическое обозрение, 1901, кн. 51, № 4
12. Мошков В. А. Гагаузы Бендерского уезда (Этнографические очерки и материалы). XII. Талысым.В: Этнографическое обозрение, 1902, кн. 54, № 3, с. 25–29
13. Образцы народной литературы тюркских племен, изд. В. Радловым. Ч. X. Наречия бессарабских гагаузов. Тексты собраны и переведены В. Мошковым (С двумя прибавлениями). СПб., 1904. С. 34–37, 168–169
14. Папцова А. Мифологическая система гагаузов.В: Лукоморье: археология, этнология, история Северо-Западного Причерноморья. Вып. 2. Одесса, 2008.
15. Сырф В. И. Гагаузская мифология и ее турецко-туркмено-азербайджанские параллели.В: Anuarul Institutului de Cercetări Interetnice. AŞM. Chişinău, 2003. Vol. IV, p. 148
16. Argunşah M., Güngör H. Gagauzlar. İstanbul, 1998, s. 130–131.
17. Zanet T. Gagauzluk: kultura, ruh, adetlär. Gagauz folkloru. Chişinău, 2010.
18. Malaçlı İ. Gagauz Türklerin mitolojisi. B:Sabaa Yıldızı. Komrat, 2003, № 23, s. 60–61
19. Sârf V. Mitologismul poveştii magiçe găgăuze.B:Ştiinţa. Chişinău, 1996, № 12, p. 11

Рукописный источник

21. Дедова дочь, бабина дочь и тылысым. Инф. А. С. Колца, 43 года. МССР, г. Комрат, 1959 г. Запись Е. К. Колца. Архив автора.

УДК 008(=512.165):37

СОХРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ГАГАУЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ЗАДАЧА ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ (ОПЫТ КОМРАТСКОГО ПЕДАГИЧЕСКОГО КОЛЛЕДЖА ИМ.М.ЧАКИРА)

Танасович М.Д.
Директор Комратского педагогического колледжа им.М.Чакира
Комратский педагогический колледж им.М.Чакира
tanasovich@mail.ru
Пономарева А.М.
Завуч Комратского педагогического колледжа им.М.Чакира
Комратский педагогический колледж им.М.Чакира
comratpedcol@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена реализации задачи сохранения и развития гагаузской культуры в работе Комратского педагогического колледжа им.М.Чакира. Способы реализации включают как участие в городских и республиканских мероприятиях, так и организацию своих собственных, создание постоянно действующих структур (лабораторий, хора, ансамбля)

Ключевые слова: гагаузский язык, гагаузская культура, воспитательная работа, творчество студентов, национальное образование.

Annotation. The article is devoted to the realization of the objectives of preservation and development of Gagauz culture in the work of the Comrat pedagogical College named by M.Chakir. Methods of implementation include participation in local and national events, and the organization of its own, the establishment of permanent structures (laboratories, choir, ensemble)

Key words: Gagauz language, Gagauz culture, educational work, the creativity of students, national education.

Образование и воспитание обучающихся в колледже тесно связаны с национальным образованием. Это ставит перед нами особый комплекс образовательных и воспитательных задач. Их решение должно обеспечить молодому человеку возможность самоидентифицироваться как представителю той или иной национальной культуры, создать условия для равноправного диалога с этнокультурным окружением, вовлечь развивающую личность в цивилизованные процессы, основывающиеся на национальных общероссийских и общечеловеческих ценностях.

Язык – основное средство общения и одновременно важнейшее средство восприятия мира. Ребенок, лишенный этого средства, не сможет по-настоящему впитывать в себя другие знания и навыки, а также не сможет в полной мере развивать свои духовные способности. Родной язык является первоосновой воспитания современного гражданина. Потому владение языком – главное, чему стоит учиться в жизни, в семье и в школах любой страны родной язык – самый важный предмет

Сегодня нарушен естественный механизм передачи этнических культурных ценностей. Начальное музыкальное воспитание должно основываться на традиционной этнической музыке. Это верный путь к постижению мировой художественной культуры и сохранению фольклорного наследия. Язык не просто отражает мир человека и его культуру. Важнейшая функция языка заключается в том, что он хранит культуру и передает ее из поколения в поколение. Именно поэтому язык играет столь значительную роль в формировании личности, национального характера, этнической общности, народа, нации. Национальный язык – хранитель и зиждитель народного духа. Степень владения им – в целом определяет уровень мышления. Совершенство

речи во многом определяет совершенство культуры человека. Состояние речи – это состояние мысли, состояние мысли – это состояние сознания, состояние сознания – это предпосылки поступков, поступки – это сущность поведения людей, сущность поведения людей – это судьба народа.

Таким образом, язык не только отражает культуру своего народа, его социальное устройство, менталитет, мировоззрение и многое другое, но и хранит накопленный им социокультурный опыт, который служит важнейшим и эффективнейшим способом формирования следующих поколений, то есть инструментом культуры. Поэтому большое внимание в колледже уделяется поиску форм внеклассной воспитательной работы, содержанием которой является задача сохранения и развития народной культуры.

Важное место в исследовательской работе колледжа принадлежит «Лаборатории развития поэтического творчества на родном языке», задача которой – содействие развитию поэтического творчества. Постижение учащимися звука поэзии, формирование чувства формы, художественного вкуса, чувства своеобразности. Одной из форм работы стали мастер-классы с гагаузскими поэтами.

Учащиеся и педагоги колледжа пишут стихи на родном языке, участвуют в республиканских конкурсах стихотворений собственного сочинения на родном языке. «Гагаузия – край родной». Участие в презентации книги на гагаузском языке о судьбе гагаузской семьи и о голоде 1946-1947г.г. Отзывы учащихся 4111 группы и выступления преподавателей и учащихся колледжа опубликованы в газете.

Традиционными в колледже стали дни гагаузского языка и литературы, которые проходят ежегодно**:** встреча с гагаузскими поэтами, конкурсы стихотворений, сочинений на тему: «Гагаузия – родина моя», конкурсы слайдов по произведениям гагаузских поэтов и слайды на свободную тему, литературные вечера.

Учащиеся колледжа переводят на гагаузский язык сказки для детей дошкольного и младшего школьного возраста.

Эмоциональному сопереживанию сопричастности к гагаузскому миру способствует исполнение народной музыки и танцев. Однако, язык музыки и танца универсален и может способствовать также реализации задач поликультурного воспитания как средства достижения межкультурного диалога, повышения уровня толерантности, оптимизации интегративных процессов, столь значимых для Молдовы.

Творчество студентов отделения «Музыкальное обучение**»** становится заметным фактором культурной жизни города – телевидение и местные периодические издания, журналы на родном языке размещают на своих страницах информацию, репортажи, фотографии с мероприятий, творчество учащихся колледжа.

Коллектив педагогов уделяет большое внимание профессиональной подготовке студентов, развитию творческого потенциала. Помимо работы на уроках большое внимание уделяется внеклассной работе, в том числе организации творческих ученических коллективов. В колледже существует единственный в Гагаузии профессиональный **хор**, под руководством Ильевой Полины Ильиничны, который имеет звание «Образцовый». Хор принимал участие на фестивале хоров в муниципии Кишинев.

Танцевальная группа под руководством Пирон Дмитрия Степановича популярна не только в стенах колледжа. Зажигательные народные танцы, национальные костюмы – все это прививает любовь к народному творчеству, желание сохранить традиции и обычаи своего народа, развивать культуру.

В колледже создан оркестр народной музыки под руководством Томайлы Натальи Степановны. В репертуаре народного оркестра произведения гагаузских, молдавских, болгарских композиторов. Слушая, как играет оркестр, невольно оказываешься то в кодрах, то на берегу реки Днестр. Народная музыка учит добру, любить свой край родной, ценить творчество своего народа.

Вокальная группа « Эдельвейс» - под руководством Янчогло Екатерины Васильевны была участником фестиваля народного творчества молодежи в Турции, где представляла культуру и творчество гагаузского народа.

Мужская вокальная группа «Драйв» - под руководством Ильевой Полины Ильиничны стала участником всех мероприятий, проводимых в муниципии, в колледже.

В колледже учат хранить и развивать культура своего народа, передавать её из поколения в поколения, преумножая, создавая что-то свое новое, не утратив своих корней.

Рис. 1. Студенты отделения «Музыкальное обучение»

Рис. 2. Хор колледжа – участник конкурсов

Рис.3. Студенты колледжа танцуют народный танец

Рис.4. Праздничное мероприятие в честь юбилея Автономии

Рис. 5.Вокальная группа «Эдельвейс»

Рис. 7-9.Оркестр народной музыки

УДК 94(478Г):130.2

БУДЖАК КАК СИМВОЛИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО.

Федотова Л. В.
доктор сельскохозяйственных наук, конференциар университар, проректор, Комратский государственный университет
fedotovar@mail.ru
Папцова А. К.
доктор философских наук, старший преподаватель кафедры общественных дисциплин, Комратский государственный университет
papcova@mail.ru

Аннотация. В статье отражаются результаты исследования Буджака как символического пространства. Рассматривается смысловое значение объектов символического пространства, которое зависит от системы смыслов. Эта система смыслов может быть названа культурным проектом. Важнейшей чертой этнорегионального культурного проекта символическое освоение пространства.В настоящее время этот процесс преодолел границы региона, так как Буджак приобрел значение центра Гагаузского мира.

Ключевые слова: символическое пространство, Буджак, Автономно-Территориальное Образование Гагауз Ери, культурный проект

Annotation. The article considers Budjak, which is not only real, but also the symbolic space. The sense of the objects of the symbolical space depends on system of meanings. This system of meanings can be called by the cultural project. The development of the symbolic space is an important trend in the evolution of the region's cultural project. Now Budjak gained value of the center of the world of Gagauz.

Key words: symbolic space, Budjak, Autonomous Territorial Unit of Gagauzia, region's cultural project

Возрастание значения региональной идентичности актуализировало проблему сущности, значения и эволюции регионального культурного проекта. Процессы создания нации не смогли окончательно нивелировать региональную специфику, а геополитические трансформации в ряде случаев ее подкрепляли и усиливали. Интеграционные процессы в различных сферах общественной жизни, глобализации, унификации ослабляли роль государств, что в еще большей степени способствовало актуализации значения региональной идентичности. Наполнение региональной идентичности, смыслы ею задаваемые, интерпретируется в рамках того, что может быть названо «культурным проектом». В него включен образ прошлого, символически освоенное пространство, оппозиция «свои-чужие».

Чаще всего этот проект – складывающееся постепенно представление о времени и пространстве, целая картина мира, в центре которого расположен регион - все же включен в более широкий цивилизационный или этнический контекст. Геополитические трансформации могут вызвать смену этого контекста. Примером этому может служить Косово, чей образ прошлого был в средние века включен в сербское культурное пространство. Затем культурный контекст был сменен. Это привело, в частности, к случаям физического уничтожения символических объектов прежнего культурного контекста (православных церквей). Но все, несмотря на существование образа Косово, несмотря на признание независимости Косово, есть более широкий албанский контекст, в который он включен.

Именно на спорных или пограничных территориях региональный культурный проект может обрести особое значение. Эти спорные территории, ставшие пограничьем, могут иметь историческую судьбу и самосознание отличное от культурных центров, под перекрестное влияние которых они попадают. Х.Бхабха так определяет сущность этого процесса: «эти пространства «между» становятся фундаментом для выработки стратегии самости – индивидуальной или коллективной, - которые порождают новые черты идентичности, новые зоны взаимодействия и попытки переосмыслить идею общества самого по себе» [1, с.162]. Эта идея общества формирует

символическое пространство и время, выстраивает линию развития от специфически понимаемого прошлого к выстраиваемому в соответствии с ценностями проекту будущего, определяет центр и периферию.

Буджак – регион, который на протяжении своей истории оказывался в разных культурных пространствах. Исторически Буджак является частью более крупного, преимущественно степного макрорегиона, известного как Северное Причерноморье. Перипетии исторической судьбы региона оказали воздействие на восприятие его территориальных границ. В массовом сознании пределы Буджака могут быть расширены. В частности, популярная интернет-экциклопедия «Википедия» относит к Буджаку южную часть междуречья Дуная и Днестра [13]. Согласно этой свободной энциклопедии на востоке Буджак омывается Чёрным морем и включает в себя часть дельты Дуная[13].

В турецком источнике 1740 года «О Валахии, Молдавии и Украине», написанном турецким чиновником, в течение многих лет состоявшем в должности секретаря арсенала и финансовой канцелярии сказано: «Буджак – это отдельная от Молдавии страна, раньше называлась Сераб, а теперь называется Буджак, плодородная низменность. Там живут татары, они очень зажиточны. Каждый из них имеет большие стада баранов, скота, лошадей. Кобыл, называемых чялджи, и двугорбых верблюдов. Там в изобилии произрастает пшеница, ячмень и другие зерновые, которые вывозят на верблюдах в ближайшие местности – Килию, Измаил, Аккерман – на продажу. Страна Буджак представляет собой вход в великую степь Хейхат (древнее татарское название причерноморских либо половецких степей)»[3].

В XIX веке край пережил сложную пору смены этнического состава населения, этно-культурной среды, хозяйственных практик. Период трансформаций запечатлен Александром Защуком, согласно описанию которого, пространство Буджака «и поныне представляет пустыню. Вдали от селения путник напрасно будет искать предмета, на котором бы мог остановиться его взор: нигде ни одного деревца; даже курганов, этих свидетелей давно минувшего, не видно в этих местах…Дорога гладкая, ровная, вьется черной лентою по обнаженной, выжженной солнцем степи, по которой кое-где пасутся табуны лошадей, гурты рогатого скота и большие стада овец, сторожимые дикими собаками и одичалыми пастухами-чабанами» [6].

В конце XIX –начале XX века в регионе побывал В.А.Мошков. В серии очерков «Гагаузы Бендерского уезда (этнографические очерки и материалы)» [7], опубликованных в «Этнографическом обозрении» он нарисовал яркую картину разнообразной хозяйственной деятельности, преображающей Буджак. О многообразии занятий жителей региона пишет и Н.С.Державин и Л.С.Берг.

Этническая карта Буджака эволюционировала на протяжении столетий. Сегодня значительная часть Буджакской степи является основной средой обитания гагаузов. Под «средой обитания» можно понимать целостную систему взаимосвязанных природных и антропогенных объектов и явлений, благодаря которым осуществляется нормальная жизнедеятельность, включая труд, бытовую жизнь и отдых людей [8].

«Задунайские переселенцы» гагаузы и болгары переселились в Буджак в конце XVIII – XIX веке из Северо-Восточной Болгарии, пребывавшей на тот момент в составе Османской империи. Буджак прежде принадлежал Буджакской Орде, находившейся в двойном подчинении – Крымскому хану и Османской империи, попал в состав России в конце XVIII века. Гагаузы поселились в ногайских селах и, по словам А.Скальковского, «жили спокойно и дружно среди туземных обитателей – ногайцев»[9, с.45], переняли у них некоторые хозяйственные навыки, например, чамурную технику [5,с.94], топонимику [5, с.16]. Если в составе Османской империи православная идентичность выделяла гагаузов из числа тюркоязычных народов, то на новых землях окружение было также в основном православным. Неправославные народы постепенно покидали регион. Позже других, в XX веке, это сделали немецкие колонисты. Ногайцы были вынуждены покинуть регион еще в XIX веке и гагаузы постепенно стали считать Буджак своим. Память об эволюции этно-культурной и этно-политической специфики Буджака практически утрачивается. Значение единственного символического объекта, знаменующего переход региона в состав Российской империи, величественного и «классического» Памятника Кагульской битвы (колонны дорического ордера высотой более 25 метров), открытого 1849 году, практически не

актуализируется. Однако он востребован в символическом пространстве как знак Вулканешт (его изображение есть на гербе Вулканешт).

Даже активизация интереса к истории тюркского мира в связи с процессами этнической мобилизации у гагаузов долгое время не способствовала изучению татарско-ногайского периода истории Буджака. Однако, современные попытки распространить историю населенных пунктов Гагаузии за пределы временных рамок волн переселений конца XVIII-начала XIX веков создают предпосылки для обращения к изучению татарско-ногайского наследия и даже его символической реставрации. Так, в ходе празднования 450-летия села Авдарма был открыт Татарский родник [14].

Именно на землях Буджака сложились условия для роста этнического самосознания гагаузов. Этому способствовало то обстоятельство, что регион на протяжении двухсот лет оказывался в разных государствах (сначала был в составе Османской империи, затем Российской, дважды попадал в состав Румынии), а значит, подвергался воздействию разных культурных миров, и, в силу этого, ни одно из этих культурных влияний не могло быть особенно прочным. В настоящее время часть региона пребывает в составе Республики Молдова, территория которой оказалась соединенной и обособленной в рамках данных государственных границ во второй половине XX века, другая часть – в составе Украины. До распада СССР в 1991 году это разделение не ощущалось.

Освоение символического пространства предполагает выделение центра, потом процесс дифференциации пространства (на символической карте появляются города и села, в них выделяются районы со своими названиями).

В этнографических материалах В.А.Мошкова «Гагаузы Бендерского уезда», фиксируется наличие у гагаузов локальной идентичности, связывающей их с определенным селом. Важным моментом является то, что В.А.Мошков особо выделяет среди сел Комрат: «центром всех гагаузских колоний нужно считать Комрат – большое торговое село с 10 тысячами жителей, которое здешние русские в шутку называют «столицей Гагаузии»» [7, с.12].Таким образом, выделение центра началось еще за сто лет до того, как он получил статус реальной столицы Гагаузии – Автономно-Территориального Образования Гагаузии (Гагауз Ери).

Регион включается в бурные события XX века: в годы Революции 1905-1907 года в Комрате состоялось восстание, в ходе которого было объявлено о создании Комратской республики. Это событие не только стало важным индикатором развития этнополитического самосознания, но и подчеркнуло значение Комрата в качестве центра региона и в дальнейшем нашло отражение в символическом пространстве: в честь деятеля восстания А.Галацана названа улица в центре Комрата[15]. На ней расположен Комратский государственный университет.

В 1914-1918 году жители региона сражались на фронтах Первой мировой войны. Один из участников сражений создал в 20-е годы XX века в селе Этулия первый «свой» памятник, посвященный воинам, погибшим на войне.

Процесс роста этнического самосознания постепенно набирает обороты: возрастает значение родного языка. Гагаузский язык обретает статус сакрального, так как благодаря Михаилу Чакиру на него были переведены богослужебные тексты. Это дало возможность вести службы на гагаузском языке. Возрастание значения языка отразилось в Образе прошлого, предложенном гагаузским просветителем. Этническая история гагаузов вписывалась в контекст истории тюркского мира. К 30-м годам XX века процесс становления этнического самосознания достиг того уровня, когда в качестве обоснования необходимости существования государства в настоящем, трансформирующееся традиционное общество приводит убедительный для архаического сознания «генетический аргумент», в соответствии с которым государство сейчас нужно потому, что оно уже было в прошлом. Это закономерный и важный этап развития политического сознания, но ему присущи архаические черты, в частности, связь с мифами, в данном случае этно-политическими. И Михаил Чакир пишет о наличии государства гагаузов в прошлом, понимая под ним Добруджанское княжество. Это сложное в этническом отношении образование действительно включало значительный пласт тюркского населения. На землях Добруджи процесс этногенеза гагаузов берет свое начало. Важно и то, что, Добруджа была спорной территорией, на которую претендовали Болгария и Румыния, разделившие ее в настоящее время. Однако, отождествление Добруджанского деспотства с государством гагаузов может

характеризовать состояние образа прошлого гагаузов в настоящем, а не средневековые реалии. Впрочем, для мифо-исторической конструкции это не имеет значения. В итоге, время этнической истории гагаузов в образе прошлого удлиняется и структурируется, важнейшей его вехой становится появление в этом образе указания на «государство гагаузов». Пространство гагаузов по-прежнему включает Балканы и Буджак, но при всей значимости «государства гагаузов» в Добрудже, происходит постепенное перемещение центра символического пространства гагаузов именно в Буджак, так как труд Михаила Чакира все же назван «История гагаузов Бессарабии» [12].

С созданием МССР и определением ее границ с УССР территория компактного проживания гагаузов и болгар оказались разделены между ними, но именно в МССР оказалось больше гагаузов. Постепенно идет процесс урбанизации (обретают городской статус Комрат, Чадыр-Лунга и Вулканешты), растет слой гагаузской интеллигенции. Города начинают расти за счет жителей близлежащий сел. Их начинают отличать от сел не только промышленные объекты, но и рынки, которые постепенно начинают работать не только в «базарные дни», но и в другие дни недели. Усложняется внутригородская структура – выделяются городские районы, появляются стереотипы относительно характера их обитателей. Городские районы обрастают названиями. Поздняя дифференциации на районы сказывается на выборе названий – они связаны с промышленными и культурными объектами. Например, названия районов Чадыр-Лунги «Мясокомбинат», «Совхоз», «Вокзал» и т.д. Эти названия постепенно заменили старые названия, связанные с тем, что город возник на основе двух поселений. Более или менее старым является название «Батамания» - по названию горы.

Города перестраиваются, их планирование подчиняется не связям со средой, а неким идеальным принципам. В частности, когда в Чадыр-Лунге принимается решение разбить парк, посвященный сорокалетию ВЛКСМ, то, как указывает главный архитектор Чадыр-Лунгского района А.Хицюк, его главную аллею ориентируют на Полярную звезду.

В XX веке складываются мифы, объясняющие топонимы. Эти мифы позже повлияют на создаваемые гербы городов: на гербе Комрата изображается конь (на гербе 1932 – красный, позже черный), на гербе Чадыр-Лунги – шатер.

Во второй половине XX века пространство осваивается в соответствии с курсом строителей коммунизма: наиболее значимыми постройками становятся райкомы Коммунистической партии и Дома культуры. Именно с ними связываются центры городов. Трансформации не сразу преображают села в города. Прежде всего преобразовывается центр, но долгое время в городах сохраняются дома частного сектора. Их владельцы могли работать в колхозах, занимаясь сельским хозяйством. В настоящее время большая часть горожан занята в сфере обслуживания, или работает в бюджетных организациях. Рядом с домами сохраняются крошечные огороды. Отдаленные части городов связаны с центром маршрутами городского транспорта. Однако, вплоть до настоящего времени для жителя частного сектора выехать в центр означает «поехать в город».

Выделение центра города в Комрате и Чадыр-Лунге осуществляется по-разному.

Выше отмечалось то, что Комрат быстро стал торговым центром, неслучайно В.А.Мошков называет его «торговым селом». Торговая улица по-прежнему является одной из главных. В настоящее время на ней расположены 2 рынка и, что особенно важно, городская площадь, центр народных гуляний и политических акций. Старые и новые «сакральные объекты» – Храм Св. Иоанна Предтечи, Здание Башканата и Исполкома Гагаузии, районный лицей, музей и Комратский педагогический колледж им.М.Чакира расположены на параллельной улице Ленина. Практически напротив Собора размещен главный корпус Комратского государственного университета и Аллея славы (своего рода пантеон в виде аллеи). Улица Ленина тоже становится центральной, торжественные процессии проходят именно по ней. Но значение торговой улицы в качестве еще одной центральной это не отменяет.

Город Чадыр-Лунга образовался в результате слияния двух поселков. Это ранее отражалось в названиях («Чадыр», «Тришполь»). С той поры сохраняется несколько кладбищ. Сохраняется и 2 центра: Старый и Новый. Городская площадь расположена в Старом Центре. На ней по-прежнему стоит памятник В.И.Ленину, за ним расположено здание старого райкома партии, в котором в настоящий момент размещен Дом творчества. Рядом с площадью ранее была церковь

Св.Афанасия, после ее разрушения – Дом культуры, который позже стал Домом пионеров, затем - сквер. Мистическим кажется то, что на месте разрушенного храма «не прижились постройки». Аналогично, в Москве на месте Храма Христа Спасителя ничего, кроме бассейна построить не могли, пока Храм не был восстановлен. В настоящее время принято решение о строительстве храма на том месте Старого центра, где ранее была церковь. В то же время Дом пионеров, которому не повезло быть на месте храма, но чья функция (развитие детей) для города значима и нужна, «возродился» в стенах бывшего райкома партии в виде Дома детского творчества, где так же расположены Детская художественная школа им.Д.Д.Еребакана и Детская музыкальная школа. Неподалеку разместилась районная публичная библиотека, играющая важную роль в организации культурной жизни города. Одной из ее реликвий является подаренная о.Дмитрием икона Св.Афанасия.

Новый центр (в границах прежнего второго поселка «Тирасполь-Тришполь») возник в связи с тем, что в 70-е годы на месте разрушенной церкви был построен Дом культуры, рядом с ним – в 80-е –новый райком партии. Новый центр быстро оброс сакральными объектами. Первым из них стал памятник М.Чакиру перед Домом культуры – памятник, ставший свидетельством этнической мобилизации гагаузов. Впоследствии перед зданием нового Райкома партии, ставшим в 90-е годы XX века примарией, появились новые памятные знаки – памятник жертвам политических репрессий, первый в Гагаузии, а также памятная стела, установленной перед примарией в честь побратимства Чадыр-Лунги и Бендер и в память о братской помощи народа Приднестровья гагаузам. Разрушенный храм был восстановлен неподалеку от того места, где была взорванная в 1972 году церковь.

Оба центра соединяет улица Ленина. Торжественные процессии начинаются у Нового центра и могут завершиться у Старого центра. Исключением является празднование Дня Победы 9 мая, когда процессия направляется к памятнику в парке. Торговая улица, ведущая к рынку, в Чадыр-Лунге также была, но ее значение невелико.

В годы Советской власти закрываются церкви. Комратский собор становятся музеем, Чадыр-Лунгскую церковь взрывают в 1972 году. В регионе остается только 2 действующих храма: в Чок-Майдане и Конгазе. Строятся школы, больницы, заводы и фабрики. Улицы называют именами русских писателей и коммунистических деятелей. Центральные улицы городов традиционно получают имя В.И.Ленина. Их «освящают» колонны демонстрантов, проходящие в дни особо значимых праздников, прежде всего 7 ноября.

Памятники В.И.Ленину становятся важными культовыми местами. Их, например, включают в свадебные маршруты. Молодые пары «отмечаются» у «сакрального» места, фотографируясь в свадебных нарядах. Инерция этой традиции была такова, что в Чадыр-Лунге фотографировались у памятника В.И.Ленину на протяжении 90-х годов, и даже в начале XXI века, когда это уже не имело ни идеологического подтекста, ни сакрального значения. В советское время в центре города устанавливаются «коммунистические иконостасы» - Доски почета. Еще одним важным сакральным местом становятся памятники героям Великой Отечественной войны. Их также включают в свадебные маршруты. Память о значении Великой Победы актуализируется 9 мая.

Памятники продвигают ценности советской эпохи. Эмансипация женщин нашла отражение в скульптуре «Колхозница и Рабочий» в парке Чадыр-Лунги. Фоном для этой скульптуры служили плиты с изображением революционеров в буденовках, скачущих на конях. Символично то, что в другом парке Чадыр-Лунги были установлены отдельные скульптуры рабочего, колхозницы и учительницы, т.е. если в скульптуре «Рабочий и колхозница» линию «прогресса» и урбанизации представлял мужчина, а женщина символизировала связь с землей, с традиционностью, воплощением которой служило село, то в данном случае «интеллигенция» представлена именно женской фигурой. Ценность семьи подчеркивалась установлением в городских парках скульптуры матери и ребенка.

Во второй половине XX века резко возрастает слой гагаузской интеллигенции: как гуманитарной, так и технической. Склонная к рефлексии, она начинает осмыслять гагаузскую специфику. В конце 80-х годов начинается этническая мобилизация гагаузов, что приводит в конечном итоге к созданию Автономии. Этапы и факторы этого процесса детально описаны М.Н.Губогло, исследователем, который и сам внес важный вклад в развитие самосознания

гагаузов, причем и в качестве мыслителя, ученого и публициста и в качестве организатора научной деятельности. М.Н.Губогло указывает на роль художников и поэтов в процессе этнической мобилизации. В изобразительном искусстве и поэзии также осуществляется символическое освоение Буджака, подчеркивается его значение. С.С.Курогло пишет:

«Если спросят, что в мире подлунном
Я святее всего берегу,
Без сомненья – «Буджак мой, полынный»
Я и другу скажу и врагу» [6, с.164]

Но не менее важна политическая деятельность активистов, создававших Автономию, С.М.Топала, М.В.Кендигиляна, М.В.Маруневич, С.С.Курогло, Л.Ф.Доброва, И.Г.Бургуджи, С.С.Булгара.

В области развития теории важен вклад М.В.Маруневич и С.С.Курогло. Они также были политическими деятелями, но, помимо этого, способствовали становлению Отдела гагаузоведения Академии наук Молдовы. С.С.Курогло первым его возглавил. И М.В.Маруневич и С.С.Курогло преподавали «Историю гагаузского народа» в Комратском государственном университете. М.В.Маруневич возглавляла кафедру общественных дисциплин и добилась того, чтобы КГУ готовил специалистов в области истории. Осмысляя значение их деятельности, М.Н.Губогло особо отметил то, что они разработали доктринальную основу создания Гагаузской Автономии [2, с.495].

Важным событием, активизировавшим региональные исследования, в том числе и на «производство смыслов», стало создание в 1991 году Комратского государственного университета. Он быстро обрел статус государственного, что никак не снижает его значения для региона, напротив, увеличивает его.

Создание Автономии первоначально не стало предметом исследования и изучения. В связи с особенностями раннего этапа становления Образа прошлого наиболее значимой представлялась проблема происхождения этноса. Но сейчас и это время было символически освоено и на Аллее Славы в Комрате появились бюсты деятелей Автономии.

Символическое освоение времени постепенно разворачивается вглубь и находило отражение в символическом освоении пространства: в Комрате, затем в Чадыр-Лунге появились памятники воинам, погибшим в Афганистане, повсеместно появились памятники жертвам политических репрессий. 11 ноября 2014 года в Чадыр-Лунге был установлен памятник воинам Первой мировой войны.

С созданием Автономии столица ее, Комрат, становится центром не только самой Автономии, но и гагаузского мира. В духе глобализации в символическом плане гагаузский мир обретает планетарный масштаб, что особенно очевидно в дни Всемирных конгрессов гагаузов (2006, 2009, 2012 годы). Таким образом, историческое и символическое пространство, в котором пребывают гагаузы шире регионального, но именно региональное является его центром.

Постепенно символически осваивается внутреннее пространство – территория Автономии. Способ освоения ее вполне соответствует виртуальным формам жизни в информационном обществе: стремление подчеркнуть архаичность связи с местом подчеркивается не реставрацией домов старинного вида, а написанием книг об истории городов и сел. Эти книги пишутся как профессиональными историками, так и энтузиастами-непрофессионалами. Еще одной формой связи с землей является появление версии о родстве гагаузов со скифами.

Символическое освоение территории не привело к массовому переименованию улиц, хотя имена гагаузских деятелей были увековечены. Именами деятелей гагаузской культуры были названы культурные объекты: лицеи и гимназии были названы именами М.П.Губоглу, Д.Н.Карачобана, Г.А.Гайдаржи, С.С.Курогло и т.д., Научно-Исследовательский центр получил имя М.В.Маруневич, театр в Чадыр-Лунге имя М.Чакира. Отмечен вклад и русских исследователей в изучение культуры гагаузов: лицей в Чадыр-Лунге назван именем В.А.Мошкова Важно отметить, что и на Украине этот процесс идет, хотя и не такими темпами. Но, например, школа в Дмитровке получила имя С.С.Курогло. Однако названия гагаузских (как и болгарских) сел подверглись украинизации – Кубей стал называться Червоноармейское, Саталык-Хаджи – Александровка, болгарское село Чийшия стало Огородным и т.д.

Остались, не подверглись уничтожению памятники советской эпохи. Памятник В.И.Ленину в городе Чадыр-Лунга был даже отреставрирован в 2014 г. Здания райкомов партии не исчезли, а были использованы: в них разместились новые управленческие структуры (примэрия – в Чадыр-Лунге, органы Автономии – в Комрате). Старое здание райкома в Чадыр-Лунге стало Домом детского творчества, а здание районного комитета комсомола в Комрате - Главным корпусом Комратского государственного университета. Используются и другие постройки - на базе здания совхоза в Чадыр-Лунге появился хоспис.

К числу памятников советской эпохи прибавились памятники, увековечившие память о деятелях национальной культуры. Первым был установлен памятник гагаузскому просветителю протоиерею Михаилу Чакиру в городе Чадыр-Лунга. Большую художественную ценность имеет памятник Д.Н.Карачобану в с.Бешалма.

Тенденции социокультурной трансформации, в частности становление общества полистилистической культуры проявляются и в архитектуре: «культовые» в прямом и переносном смыслах здания постепенно перестают доминировать: их начинают догонять в размерах и оформлении коммерческие здания. Многоэтажные жилые здания теряют единообразный вид, обрастая пристройками, остекленными на разный манер балконами. Под некоторыми жилыми зданиями появляются разномастные мини-огородики. Разнообразны и скульптурные украшения: в Чадыр-Лунге перед стоматологией установлен памятник зубу, перед медицинским центром две руки по локоть держат сердце, перед зданием магазина стоят мини-львы. Львиными мордами украшены и городские урны Чадыр-Лунги.

Территория Автономии не является непрерывной, но для символического пространства это не имеет значения. Постепенно складывается несколько значимых точек маршрутов, которые имеют значение паломнических. Важнейшее место среди них занимают музеи, хранители ценного достояния гагаузского народа – его истории. Большое значение имеют музеи городов Гагаузии – Комрата, Чадыр-Лунги, Вулканешт. Но особое место в этом ряду занимает музей села Бешалма, основанный гагаузским поэтом Д.Н.Карачобаном. Одним из значимых объектов является конезавод в Чадыр-Лунге, возглавляемый К.В.Келешем. В настоящее время возрастает значение культурных объектов с.Авдарма. Постоянно действующий музей и мемориал привлекают внимание туристов.

Значимы, посещаются и играют роль в символической организации пространства храмы, которые в настоящий момент действуют в каждом населенном пункте Гагаузии, хотя в советское время оставалось лишь два таких храма (в Конгазе и Чок-Майдане). Основан и действует Свято-Димитриевский женский монастырь в Чадыр-Лунге. Он еще не обрел того значения, какое для гагаузов в XX веке имел Свято-Рождество-Богородичный женский монастырь с. Александровка Болградского района. Но границы, разделившие Молдову и Украину, теперь имеют большее значение, нежели в прошлом веке и значение монастыря в Чадыр-Лунге будет возрастать.

Есть все основания для того, чтобы считать Чадыр-Лунгу духовным центром Гагаузии. Именно в Чадыр-Лунге действует монастырь. В настоящее время действует 4 храма и планируется строительство пятого. Во многом это заслуга протоиерея Дмитрия (Киорогло), ведь все пришлось возводить заново, так как в 1972 году в Чадыр-Лунге была взорвана ее последняя церковь. По инициативе о.Дмитрия, возглавляющего Культурно-просветительский центр им. М.Чакира в Чадыр-Лунге проводятся Международные общеобразовательные Чакировские чтения. В 2013 году они прошли в шестой раз и имели широкий общественный резонанс. В тяжелые девяностые годы XX века в городе открылся театр.

Рубежи населенных пунктов отмечены распятиями, на перекрестках и у источников воды, например, у колодцев, установлены иконы. Таким образом, в символической организации пространства нашла отражение православная идентичность гагаузов.

Освоение символического пространства Гагаузии шире реального. Но реальное пространство включено в символическое и символически освоено. Границы символического пространства Буджака могут быть рассмотрены по-разному. В одном из вариантов они совпадают с центром гагаузского мира и могут быть рассмотрены как территория Автономии.

Библиография
1. Бхабха Х.Местонахождение культуры.В: Перекрестки.2005, № 3-4, с.161-192.
2.Губогло М.Н. Антропология повседневности. Москва: Языки славянской культуры., 2013, 752 с.
3.Губоглу М.Турецкий источник 1740 г. о Валахии, Молдавии и Украине.В:Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы.Москва,1964, с.142-143, 156
4.Kuroglu S.Canimi baaslarim. K., GraficDesign, 2011, 280 с.
5.Маруневич М.В. Поселения, жилища и усадьба гагаузов Южной Бессарабии в XIX –начале XX века. Кишинев: «Штиинца», 1980, 168 с.
6.Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Бессарабская область. Составил Генерального штаба капитан А.Защук. С-Пб, 1862, с.529
7.Мошков В.А.Гагаузы Бендерского уезда (Этнографические очерки и материалы).Кишинев: Tipogr.Centrala, 2004, 550 с.
8.Никитин Д.П., Новиков Ю.В. Окружающая среда и человек. Москва. 1980, с.5
9.Скальковский А. Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае.Одесса,1848-156 с.
10. Федотова Л.В. Природно-географическая и экологическая панорама Буджака – среды обитания гагаузов. В: Курсом развивающейся Молдовы. Материалы II-го Российско-Молдавский симпозиум «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период», посвященного проблеме «Адаптация культуры и культура адаптации».сост.Л.В. Федотова. Под общ. ред. Губогло М.Н. Москва: «Старый сад», 2007, том 2, с.53-74
11. Хайдарлы Д. Юг Пруто-Днестровского междуречья в XVII- начале XIX вв.: этно-миграционные аспекты. В: Курсом развивающейся Молдовы. Материалы II-го Российско-Молдавский симпозиум «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период», посвященного проблеме «Адаптация культуры и культура адаптации».сост.Л.В. Федотова. Под общ. ред. Губогло М.Н. Москва: «Старый сад», 2007, том 2, с.480-496.
12. Чакир М. История гагаузов Бессарабии. В: Страницы истории и литературы гагаузов XIX – начала XX века. Кишинев:Pontos, 2005, с.80-108
13. Электронный ресурс. Режим доступаhttps://ru.wikipedia.org/wiki/Буджак Посещение 30.01.15
14. Электронный ресурс. Режим доступа http://moldnews.md/rus/news/62870 Посещение 30.01.15
15. Электронный ресурс. Режим доступа http://gagauzinfo.md/index.php?newsid=2543 Посещение 30.01.15

УДК: 929Цанко-Кыльчик94(478-25)Комрат

ПОТОМСТВЕННЫЙ ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН КОМРАТА Г.И. ЦАНКО-КЫЛЬЧИК (1852 - 1924)

Чимпоеш В.П.
директор библиотеки КГУ
Комратский государственный университет
vera-dimcoglo@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается деятельность почетного гражданина Комрата Г.И.Цанко-Кыльчика. Выявлены направления деятельности мецената: благотворительность в сфере образования, культуры и помощь церкви.

Ключевые слова: меценат, благотворительность, попечитель

Annotation. The author considered the activities G.I.Tsanko-Kylchik. He was the honorary citizen of Comrat. The author identified the directions of activities of G.I.Tsanko-Kylchik: charity in the field of education, culture and help to the church.

Key words: maecenas, philanthropist, charity trustee

Современный бизнесмен - это человек образованный, культурный, способный анализировать ситуацию в обществе и принимать личное участие в воспитании достойных

граждан своей страны. Такой тип бизнесмена существовал в прошлом: крупные помещики, фабриканты и купцы жертвовали огромные суммы на образование и культуру, меценатство (эквивалент спонсорства) воспринималось как закономерное явление. Государство всячески поощряло лиц, отличившихся на поприще благотворительности, награждая их орденами и медалями, даруя звания.

В настоящее время социокультурные трансформации вновь привели к социальному расслоению. Помощь уязвимым слоям населения стала объектом социальной работы в рамках модели социальных служб. Но возможности и роль государства в современных экономических реалиях снизилась, активность же частных предпринимателей возросла. Этот потенциальный ресурс решения социальных проблем вполне может быть использован обществом. Необходимо в новых условиях реактуализировать традицию меценатства. Одним из способов оптимизации данного процесса является пропаганда примеров такой деятельности.

В начале XX века одним из достойных примеров меценатства в Бессарабии является деятельность почетного гражданина Комрата, крупного землевладельца Георгия Ивановича Цанко-Кыльчика. По мнению писателя и публициста Степана Булгара, автора книги «История города Комрата», благотворительная деятельность Георгия Цанко-Кыльчика по развитию культуры, образования и сферы здравоохранения Юга Бессарабии мало изучена[1, с.75-76]. Но даже известные факты о щедрости мецената – достойный образец для подражания.

Комратский кафедральный собор «Святого Иоанна Предтечи» - памятник зодчества Гагаузии. Строительство церкви велось на добровольные пожертвования местных поселенцев и помещиков-меценатов. Главный колокол для храма был приобретен на средства помещика Г.И.Цанко-Кыльчика. За активное участие в церковной благотворительности Георгий Иванович в 1893 году был награжден серебряной медалью «Усердие» на Станиславской ленте [3, с.311]. Во время русско-японской войны 1905 года Георгий Иванович взял на свое попечение больницу Русского Красного Креста.

В 1888 году состоялось открытие Комратского реального мужского училища. При домовой церкви лицея Цанко-Кыльчик, являясь старостой церкви [3, с. 174, С.579]в память миропомазания Болгарского принца Бориса построил на собственные средства колокольню. По завершении строительства со стороны главного входа на колокольне была установлена мраморная доска с соответствующей надписью: «...в ознаменование дня священного миропомазания Болгарского Принца Бориса».

Автор многочисленных книг на румынском языке о Гагаузии, ее народе и культуре, почетный гражданин Гагаузии, выпускник училища Анатол Макриш в своих воспоминаниях пишет: «При лицее была колокольня. Колокола звонили ежедневно в 6.00, 6.30, 7.00, 7.30. Звон колоколов был слышен по всему городу. Не только учащиеся, но и служащие ориентировались по звону лицейских колоколов».

Вот как описывает это событие и другой лицеист, художник Иоан Папазоглу: «Каждое утро, в 7.30, большой колокол звонницы капеллы лицея объявлял учащимся, которые жили дома, а не в интернате, что следует поторопиться, так как через 15 минут начало занятий» [1, с. 140]. «Каждое воскресенье после обеда мы давали концерты, как обычно. С площадки лицейской колокольни мы развлекали комратскую публику, которая выходила прогуляться на "центральную" улицу» [1, с.146].

В 1896 году колокольня получила название "Николаевской" по имени Его Величества Николая II [3, с.164].

Этому событию меценат Цанко-Кыльчик придал большую гласность. Он заказывает в Санкт-Петербурге богато украшенный фотоальбом с рельефом часовни на обложке. В альбом поместили фотографии, рассказывающие о деятельности Комратского реального училища. Памятный сувенир подарили русскому императорскому дому и болгарскому царю Фердинанду. Правительство царской России, наградив Георгия Ивановича орденом Св. Анны III степени за благотворительность, назначает его Почетным попечителем Комратского реального училища[3, с.495].

В 1910 году, благодаря заключению пари между помещиком Г.И. Цанко-Кыльчиком и энергичным земским начальником М.М. Колибабой, открылось женское двухклассное училище.

Спор был о том, что если последний лично выкосит восемь с половиной десятин овса, то землевладелец выделит деньги на строительство женской гимназии в Комрате. Пари выиграл местный глава. В выигрыше оказались все жители будущего городка. Эта история была широко освещена во многих газетах царского времени, таких как «Бессарабская жизнь», «Одесское обозрение», «Киевское слово», в других изданиях российской прессы. Сам спор-пари вошел в учебник «Курс нотариата» за 1910 год как юридический образец. А Георгий Иванович стал Почетным блюстителем и учебного женского заведения. Он всячески заботился о всестороннем развитии способностей и наклонностей своих учениц. Так при училище были построены мастерские, в которых ученицы кроили, шили, вышивали, ткали полотна и ковры. Один из ковров был приобретен русской императрицей Александрой Федоровной.

Доктор истории И.Ф.Грек в научном указателе «Болгары Молдовы и Украины: вторая половина XVIII в. - 1995 г.» приводит документы, которые отражают деятельность мецената в развитии Юга Бессарабии, воспитании подрастающего поколения (Приложение 1.) Из библиографического источника мы узнаем, что в сентябре 1913 года меценат Г.И. Цанко-Кыльчик был утвержден на 3 года почетным попечителем Измаильской гимназии [3, с.496]. За подаренный гимназии полный великорусский балалаечный оркестр он удостаивается от Попечителя округа благодарности [3, с.577]

Богатый меценат не только поддерживал талантливую молодежь, но и знакомил студентов с достижениями российского искусства, науки, общественной мысли. Возил их на экскурсии и выставки в Санкт-Петербург, Нижний Новгород. Так, известно о пожертвовании Цанко-Кыльчиком 50 руб. в пользу учеников Комратского реального училища для поездки на всероссийскую выставку в Нижний Новгород [3, с.578]

В течение всей своей жизни Георгий Иванович помогал молодежи Буджака, поощряя в них стремление к образованию. Миллионер создал благотворительный фонд для малоимущих учащихся в размере 15 тысяч рублей. За достижения в обучении платил студентам именные стипендии. Благодаря финансовой поддержке Цанко-Кыльчика, десятки талантливых юношей и девушек смогли получить образование и добиться успеха в жизни.

Землевладелец помогал не только своим землякам. В начале XX века с согласия болгарского правительства комратский меценат учредил специальный фонд «Георгий Иванович Цанко-Кыльчик из Комрата» (1908г.) в размере 30 тысяч левов, а также определил для способных учеников пять стипендий для получения полного среднего образования в болгарской гимназии. Через два года (1910 г.) он передает в свой фонд второй взнос - 50 тысяч левов в дело получении высшего образования. Фонд учредил четыре стипендии для болгар православного вероисповедания, желающих получить высшее образование в Болгарии. Одна стипендия была в области агрономии, вторая - по физико-математическим наукам, третья – по истории, четвертая стипендия - в области декоративного искусства. От болгарского правительства за свою благотворительскую деятельность на ниве просвещения он удостоился ордена «Гражданская заслуга III степени».

Но из всех своих высочайших наград потомственный поселянин Георгий Цанко-Кыльчик больше всего гордился почетным званием Личного почетного гражданина (1897г.) [3, с.394], которое символизировало для него исключительную форму выражения признательности и благодарности общества за его благотворительскую деятельность, а также как дань уважения к человеку, имеющему особые заслуги перед Отечеством.

Повышенный интерес к прошлому, возрастание актуальности темы меценатства обусловили подготовку книжной тематической выставки «Меценаты и благотворители Гагаузии» в библиотеке КГУ.

В перспективе планируется продолжение работы по сбору информации о благотворительности и меценатстве на территории Буджака и Молдовы, накоплению материала о вкладе в благотворительность не только отдельных личностей, но и целых семейных династий.

Библиография

1. Булгар С. История города Комрата. К.: (Tipogr. «Reklama» SA). 2008, с.75-76.
2. Булгар С. Представители колонистской элиты среди крупных бессарабских землевладельцев, XIX – начало XX века: Георгий Иванович Цанко-Кыльчик (1852-1924) В: Studii de arhondologie şi genealogie. Vol. 1.- Ch.,2013. с. 207-219.
3. Грек И.Ф. Болгары Молдовы и Украины: вторая половина XVIII в. - 1995 г.: (Библиогр.указатель лит.) / И.Ф. Грек; Науч. Ред.Н.Н.Червенков; Библ. Ред.Л.М.Коробко; Академия наук Республики Молдова. Ин-т межэтнических исслед., Науч. об-во Болгаристов РМ. – К.: «SSB», 2003 (Типогр. «Business-Elita»), 664 с.

Приложение 1.

Список документов, относящихся к деятельности Г.И.Цанко-Кыльчика, отраженных в издании И.Ф.Грека «Болгары Молдовы и Украины: вторая половина XVIII в.» с указанием страниц справочника, на которых помещены сведения о документов.

1065. ПО ходатайству о ежегодной субсидии Комратскому женскому профессиональному училищу (С.91);
2109. ВЫСОЧАЙШИЕ повеления. О присвоении устраиваемой при церкви Комратского реального училища колокольне названия «Николаевской» (С.163);
2204. РАСПОРЯЖЕНИЕ попечителя округа // Циркуляр по управлению ОУО. – 1895.- №6. – С.373 - о выражении благодарности г. Попечителю ОУО старосте церкви при Комратском реальном училище г.Цанко-Кыльчику за дарование люстры и рамы к запрестольному образу (100 руб) (С.174 и С.579);
2317. ТИТОРОВ, Й. Георгий Иванович Цанко-Кыльчик. От Комрат, Бесарабия.-С.,1910. – 38 с. (С.184);
4313. ВЫСОЧАЙШИЕ награды/Священнослужителей и законоучителей в болгарских и гагаузских поселениях…
1907. Комрат (Поч. Поп. Комратского реального училища, потомственному поселянину гр-ну Георгию Цанко-Кыльчику) (С.310);
4315. Высочайшие награды//Циркуляр по управлению ОУО.
1893.- №10.- С.519. (Цанко-Кыльчик сер. медаль «За усердие» на Станиславской ленте). (С.311);
4770. ПО ходатайству о ежегодной субсидии Комратскому женскому профессиональному училищу//Бессарабское земство. Доклады губернской земской управы губернскому земскому собранию. К.,1898. Цанко-Кыльчик – с.381. (С.365);
4903. СПИСОК лиц, коим всемилостивейшее пожалованы по Одесскому учебному округу награды// Циркуляр по управлению ОУО. - 1897. – №1. – С.9-14.
С.10 - личный почетный гражданин – староста церкви при Комратском реальном училище и почетный блюститель Комратского женского 2-классного уч-ща Георгий Цанко-Кыльчик. (С.394);
6408. ВЫСОЧАЙШИЕ приказы//Циркуляр по ОУО.
1903.- №5-6.- С.174: об утверждении почетным попечителем Комратского реального училища Цанко-Кыльчика (26.04.1903) (С.495);
6409. ВЫСОЧАЙШИЕ приказы // Циркуляр по ОУО. - 1914. –
№4. – С.487 – Утвержден на три года почетным попечителем Измаильской гимназии Цанко-Кыльчик с 10 сентября 1913 г.;
№12. - С.1751 – Цанко-Кыльчик утвержден почетным попечителем Комратского реального училища на 3 года с 26 апреля 1912 г. (С.496);
6410. ВЫСОЧАЙШИЕ приказы // Циркуляр по ОУО. – 1899. - №11. – С.711.
Личный почетный гражданин Цанко-Кыльчик – вторым попечителем Комратского реального училища на три года (С.496);
6469. ОБ исключении из обложения излишне показанной земли, принадлежащей потомственному почетному гражданину Георгию Ивановичу Цанко-Кыльчику, а также о сложении начисленного

на эту землю земского сбора // Бендерское земство. Отчеты…1912. - Бендеры, 1913. –С.302-303 (С.504).
7787. БЕНДЕРСКИЙ, С.Н. Медицинский отчет по Бендерскому уезду за 1906 год, составленный уездным земским санитарным врачом…- Бендеры, 1907. – 50 с.
Благотворительность Г.И.Цанко-Кыльчика – с.4.(С.577);
7787. ВЫРАЖЕНИЕ г.Попечителем округа благодарности//Циркуляр по ОУО.-1915. - №3. – С.419.
Поч. Попечителю Измаильской им. Генералиссимуса князя Суворова муж.гим. Г.И.Цанко-Кыльчику за подаренный гимназии полный великорусский балалаечный оркестр (С.577).
7799. ОФИЦИАЛЬНЫЕ известия// Циркуляр по управлению ОУО.- 1896.-
№11. - С.661.- о пожертвовании Цанко-Кыльчиком 50 руб. в пользу учеников Комратского реального училища для поездки на всероссийскую выставку в Нижний Новгород (С.578)

Приложение 2.

UDC 519.7

VIRAL SPREAD IN ONLINE COMMUNITY – EPIDEMIC MODEL

Jarynowski A.
Doctoral candidate, Moldova State University

Abstract. We have studied the information epidemic in a social networking platform and present the new knowledge obtained from studying natural (where people act emotionally) viral spread that took place in a closed virtual world. We run experiments, where we introduced viral to system and agents were able to propagate it with real propagation process - spontaneous organization against ACTA. We are able to capture behavior of society, when real emotions play a role, and compare results with model of infectious disease spread.

Key words: epidemiology modeling, viral marketing, social behavior, information diffusion

1. Introduction.

Diffusion of information and viral content, social contagion and influence are still topics of broad evaluation. The studies that direct attention to disease outbreaks [1], diffusion of innovation process, social influence mechanism, social contagion or cascades of influence patterns usually based on similar phenomenon: an epidemic spread (e.g. pathogen, information content, opinions, behaviors, emotions) within a network of social relations. Such epidemics may follow variety of models, depending on the spreading properties, content, incentives, risk, individual attitudes of sender and recipient to the content and other factors. Due to the fact that the knowledge of such a spread specifics is essential for the epidemiologist or sociologist researchers are constantly evaluating models and real-world data. Nevertheless, the empirical network studies seem to be promising, relatively little has been done in this area [2]. However, viral spread and even society itself change in time at different scales and in different ways. Dynamics from this perspective have not been studied in detail and an integrative framework is missing, especially for such an event like Stop-ACTA movement formation. The Anti-Counterfeiting Trade Agreement (ACTA), a treaty signed in October 2011 to establish international standards for intellectual property rights enforcement. During general-national protest against (in Poland) new antypiracy multinational agreement - ACTA, criticized for its adverse effect on e.g. freedom of expression and privacy of communication, members of chosen community could send a viral such as Stop-ACTA transparent. The research presented in this paper is targeted to online social platforms with the ability to capture different forms of users' behaviors: communications, activity and transfers among users. We propose an approach to modeling the behavior of online community exposed on external impulses as an epidemic process. The main motivation in the current research is to observe human action systems more by analyzing their behaviors related directly to viral campaign and stages of the participation for the viral action.

2. Study design

Epidemic spread can take place by external source of contact between individuals, who form different kind of social networks. Empirical research related to the question of factors driving social contagion come from diverse studies, but mostly based on networks. Nowadays, based on data gathered in computer systems, a new type of social network can be extracted and analyzed. These networks are usually automatically extracted from such data sources as: bibliographic data, blogs, e-mail systems, telecommunication data, and social services like Twitter or Facebook, video sharing systems like YouTube, Wikipedia and many more. In our case, individual could be infected by another individual. Spread of a viral can be described in terms of the epidemiological process.

Pic. 1. Visualization of different avatars (left) and Stop-ACTA stand up (right)

Let's use epidemiological notation of SEI (susceptible – exposed – infective) concept [1]. In this study, sending invitation is like transmitting pathogen from I to S and receiver changes his state to E. If agent, who was in state E, decides to send further invitation, he becomes to be in state I. Process is irreversible. Because infective agents could send invitation to any active users (in both possible states S, E, I), we can differentiate two kinds of infections: unique (when agent in state S get his first invitation) and non-unique. We define contact if an agent receives an invitation.

Pic. 2. Model definitions: full model (left), reduced model where transmission from E to I omitted (center), reduced model where state E is skipped (right)

3. Results – dynamics analysis (first day of Stop-ACTA campaign)

Trying to fit solution of standard time dependent SEI model, we found difficult to implement it directly because of user activity patterns. Such a behavior is difficult to capture, because standard dynamic model SEI requires knowing the total number of users. First, we reduced problem to SE model [Pic. 2 center]. Standard irreversible epidemic process, where receiving invitation is treated as an infection (SE) can be described by one differential equation (in standard SE models (in literature called usually SI [3]) whole population is infected, and marked simplification comes from this observation):

$$\frac{dE}{dt} = \frac{r}{N}SE \qquad (1)$$

- r is "transmission coefficient" per time unit, so it is time dependent equivalent of pe [Pic. 2 center]. That definition assumes the same probability of infections as well as the same number of contacts for all users.
- $N(t) = S(t) + E(t) = const.$

Solution of stationary case ($r = const$) is given (14) by function with initial E_0 cases:

$$E_{total}(t) = E(t) = \frac{NE_0}{E_0 + (N - E_0)\exp(-rt)} \qquad (2)$$

Main property of such a model tells that all individuals are infected (E) after some time. The same appears in our campaign that almost all users have got invitation. Unfortunately, we cannot use that model as it is because of constant exchange of users in time, combined with daily activity patterns.

Instead of constant number of user let us allow to vary it. In all cases, total number of active users (N) for one day was implemented as a decreasing function from maximum amount of (around 350-450) users around afternoon to minimum (no users) during late nights hours. We used standard analytical solution of deterministic model of SE (2) and introduced time dependence to total number of active users (N) as an effective factor of infectivity ($r = r'N(t)$). The total number of infected is approximately described by:

$$E_{total}(t) = \frac{N_{inf}E_0}{E_0 + (N_{inf} - E_0)\exp(-r'N(t)t)} \quad (3)$$

Total number of expositions at end of the day (E_{inf}) plays a role of the finite asymptotic number of users in system (N_{inf}). In more exact approach we introduced to standard model of SE (1) linear decrease (with coefficient a) of active users (4). It was implemented by imitation of decrease of total number of user from pick afternoon hours to no activity late at night by $N(t) = N_0 - at$ with respectively decrease of E population.

$$\frac{dE}{dt} = \frac{r}{N_0 - at}(N_0 - at - E)E - a\frac{E}{N_0 - at} \quad (4)$$

Simulation of the same process took place to evaluate E_{total}. Fits of solutions (2), (3) and simulations results of the model (4) were showed with cumulative number of unique exposition in first 6 hours of Stop-ACTA campaign [Fig. 1]. Empirical process is too quick, in first phase comparing to analytical solutions, but slower than simulations. That can be explained by at least two factors. First, that infectivity is changing in time, what was really observed. Users are coming in or out and population is mixing, but we introduced only decrease of number of them.

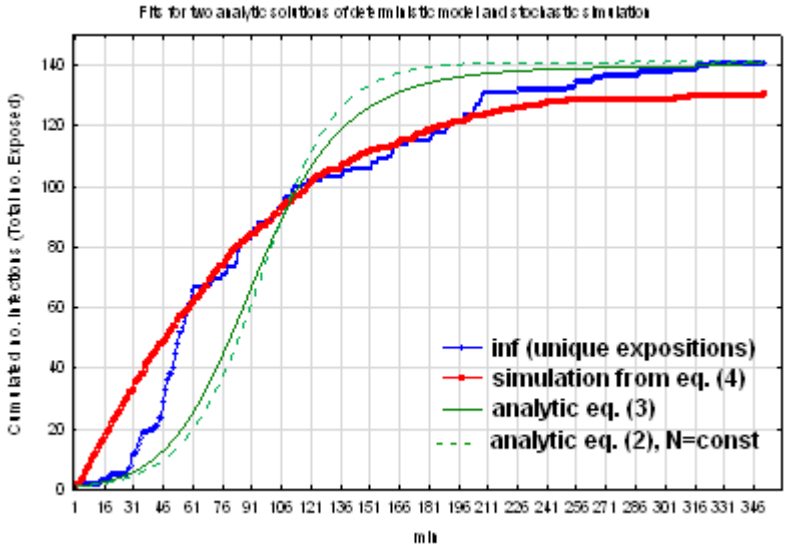

Fig. 1 Dynamics of Stop-ACTA campaign during fist day

The same evolution as in time-dependent case [Fig. 1] can be observed in sequence generation representation [Fig. 2]. Graph of 141 nodes (who get exposed - E in this short history) with 53 users who sent further infection is a tree with loops. During first day of Stop-ACTA campaign 10 waves (generation) come to alive before process died out (only for a night, because viral was propagating since morning day after but local analyses stopped at first day only).

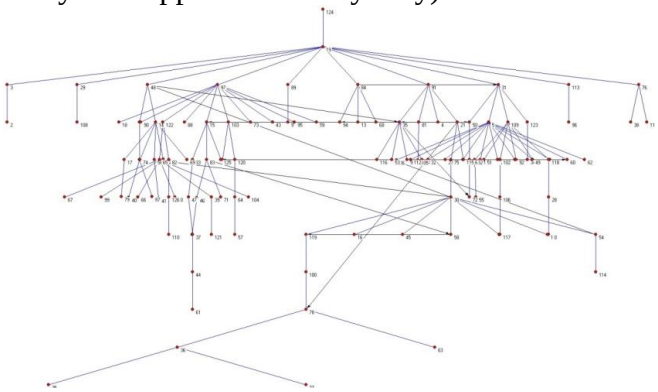

Fig. 2. Hierarchical representation of Stop-ACTA campaign during the first day. Links show branching process and arrows non-unique infections (invitations)

4. Conclusions and further work

The presented research showed epidemiological approach to viral campaign analysis by comparing emotional with epidemic model. Social contagion studies are usually a simplification of a real world situation where decisions related to participation in viral diffusion are based on many different factors which are difficult to observe and monitor. The proposed model attempts to merge micro dynamics (spread of viral [Pic. 2]) with users behavior (users activities in virtual world [Fig. 3]). Ongoing research will be focused on network-oriented agent based model of viral spread. Message exchange between users A and B, entries to individual profile, etc. will able us to constrain contact network, which was unknown in presented model [4]. The properties of individuals, like frequency of contacts can be measured (e.g. by counting messages) and applied to model. A general study on hierarchical structure of viral spread [Fig. 4] is planned as well.

Acknowledgements

This work is supported by EU project EM "IANUS". Data was provided by Jarosław Jankowski. Psychological consultant was Anita Zbieg. Author thanks to Florentin Paladi for great hospitality at USM in Kishinev.

References

1. Anderson, R. M i May, R. M. *Infectious Diseases of Humans: Dynamics and Control*, Oxford : Oxford University Press, 1992.
2. Rogers, E.M. *Diffusion of Innovations.* New York : Free Press, 2005.
3. Jarynowski, A. Human-human interaction: epidemiology. *Life time of correlation. WN:*Wrocław, 2010.
4. A. Zbieg, B. Żak, J. Jankowski, R. Michalski and S. Ciuberek, Studying Diffusion of Viral Content at Dyadic Level, in *ASONAM* 2012, Istambul, 2012.

УДК 538.958

EFFECT OF n-ZnSe INTERLAYER ON INTERNAL QUANTUM EFFICIENCY OF p-GaN/n-ZnO LIGHT-EMITTING DIODES

Vadim P. SIRKELI[1,2,3], Assoc. Prof. Dr.,
Oktay YILMAZOGLU[1], PD Dr.-Ing. habil.,
Franko KÜPPERS[1], Prof. Dr.-Ing.,
and *Hans L. HARTNAGEL*[1], Prof. em. Dr. Eng. Dr. h.c. mult., F-IoP, LF-IEEE

1. Institut für Mikrowellentechnik und Photonik, Technische Universität Darmstadt, Merckstraße 25, 64283 Darmstadt, Germany
2. Faculty of Physics and Engineering, Moldova State University, A. Mateevici street 60, MD-2009 Chisinau, Moldova
3. Department of Information Technologies, Mathematics & Physics, Comrat State University, Galatsan street 17, MD-3805 Comrat, Moldova

The III-V and II-VI wide bandgap semiconductors such as gallium nitride (GaN and zinc oxide (ZnO) have attracted significant interest of many researchers as promising materials for optoelectronic and photonic applications. GaN and ZnO materials have a similar room temperature bandgap of 3.437 eV and 3.37 eV, respectively. Both materials exhibit piezo- and spontaneous polarization, have a similar crystal wurtzite structure, and lattice mismatch ~ 1.8% [1]. Compared to GaN, zinc oxide has several advantages such as a large exciton binding energy of ~ 60 meV (~ 25 meV for GaN), good transparency in the visible spectral range, higher radiation hardness, and relative low material costs [2]. An additional advantage of ZnO is the applicability of low-temperature epitaxy and wet chemical etching for device

processing [3, 4]. Thus, these properties make ZnO attractive for the fabrication of ZnO-based light-emitting diodes (LEDs). The most frequently reported ZnO-based heterojunction LEDs are developed with the other existing p-type materials, including p-type GaN [5], Si [6], SiC(4H) [7], ZnTe, Cu_2O, $SrCu_2O_2$, AlGaN [8]. Hwang et al. [1] have reported on the fabrication of hybrid p-ZnO/n-GaN heterojunction LEDs, and Bulashevich et al. [9] have reported the simulation results for these LED structures. To improve the light emitting properties of ZnO-based LEDs, an interlayer of any other suitable material acting as buffer medium is highly required for significant improvement of the LED devices, because the interlayer provides a stable charge environment for hole and electron injections in the light emitting region of LED devices. Recently, the studies were reported of LEDs with different interlayers such as WO_3, TiO_2, Ag, MoS_2, MgO, MoO_3 and NiO, and it was established that these interlayer materials have improved the performance of polymer- and hybrid organic/inorganic LEDs significantly. These interlayers have caused the change in the barriers for electrodes of the LEDs, and also increased the hole injection, which result in the lower threshold and working voltage [10].

In this paper, we report the simulation results for p-GaN/n-ZnO light-emitting diodes by inserting p-NiO and n-ZnSe interlayers as electron blocking layer and active light emitting media. These results will be used to identify the most important parameters for achieving high performance and high efficiency ZnO-based LED devices.

The physical description of a LED device model is based on the numerical solution of the Schrödinger-Poisson system with the drift-diffusion equation. The Schrödinger-Poisson and drift-diffusion equations are solved self-consistently using a finite difference scheme with a uniform mesh and 1D-DDCC one-dimensional Schrödinger-Poisson solver software [11]. This software is based on the ABC model coupled with one-dimensional Schrödinger-Poisson and drift-diffusion equations, which are solved self-consistently [12]. The band structure and radiative recombination rate are calculated based on a self-consistent 6-band $\boldsymbol{k \cdot p}$ method [13]. To characterize performance of LED devices the different efficiency factors were used: internal quantum efficiency IQE, light extraction efficiency LEE, external quantum efficiency EQE, wall-plug efficiency WPE, luminance L, power efficiency PE, and current efficiency CE [14].

In order to enhance the electron injection to the active region, we propose to modify the design of the LED structure by inserting an additional n-ZnSe interlayer between the p-NiO and n-ZnO epi-layers. ZnSe has lower electron affinity (4.09 eV) and bandgap energy (2.70 eV) than ZnO. Moreover, Al-doped ZnSe material has high electron mobility (400 cm^2/Vs) and can be produced as low-resistivity material with a wide range of electron concentrations ($10^{17} \div 10^{19}$ cm^{-3}) [15, 16].

The simulated LED structure consists of a 500 nm thick p-GaN (Mg-doped, $N_A = 1 \cdot 10^{17}$ cm^{-3}, E_A = 170 meV) epi-layer grown on c-plane sapphire, a 50 nm thick p-NiO (Mg-doped, $N_A = 1 \cdot 10^{16} \div 1 \cdot 10^{20}$ cm^{-3}, E_A = 170 meV) interlayer, then a 50 nm thick n-ZnSe (Al-doped, $N_D = 5 \cdot 10^{17}$ cm^{-3}, E_D = 25 meV) interlayer, and a 200 nm thick n-ZnO (Al-doped, $N_D = 5 \cdot 10^{17}$ cm^{-3}, E_D = 50 meV) cap layer. This multilayer heterojunction forms a type-II band alignment. Using a schematic structure of the LED device and its simulated energy band diagram we have estimated the energy band discontinuities to be ΔE_C = 0.24 eV and ΔE_V = 1.47 eV for holes at the p-GaN/p-NiO and electrons at the n-ZnO/n-ZnSe interfaces, respectively. The lower band offset energies ΔE_C and ΔE_V in comparison with that for the p-GaN/p-NiO/n-ZnO LED structure leads to the enhancement of electron injection to the active region. From the energy band diagram of a p-GaN/p-NiO/n-ZnSe/n-ZnO LED device under forward bias voltage (at fixed current density j = 100 A/cm^2), it is established that the p-NiO interlayer act as electron blocking layer for electrons injected from n-ZnO epi-layer, n-ZnO acts as hole blocking layer for holes injected from the p-GaN epi-layer, and n-ZnSe interlayer acts as electron transport layer and as active light-emitting media, respectively. The values of electron affinity for n-ZnO and n-ZnSe are equal to 4.09 eV and 4.35 eV, respectively, and the energy barrier for electrons injected to n-ZnSe from n-ZnO is about 0.26 eV, which is lower than the energy barrier for holes (1.47 eV) transported from n-ZnSe to the n-ZnO epi-layer. As a result, under forward bias voltage, the injected electrons will be accumulated at the p-NiO/n-ZnSe interface, but injected holes will be accumulated at the n-ZnSe/n-ZnO interface. Thus, the n-ZnSe interlayer acts as an active media, which effectively confines the injected charge carriers (both electrons and holes). This was also confirmed by the depth distribution of charge carrier concentration.

From the investigation of depth distribution of the radiative recombination rate it is found that. the radiative recombination rate in the n-ZnSe interlayer is higher by about nine to ten orders of magnitude in comparison with that in p-GaN, p-NiO and n-ZnO epi-layers. Taking into account that the bandgap energy of n-ZnSe is lower than the bandgap energies of p-GaN, p-NiO, and n-ZnO, the wavelength maximum of emission light (about 478 nm) will be red shifted in comparison with that (about 386 nm) for p-GaN/n-ZnO LEDs with presence and absence of an n-ZnSe interlayer. It is found that the presence of both p-NiO and n-ZnSe interlayers leads to the enhancement of IQE efficiency of LED devices by about two to three orders of magnitude in comparison with that for the reference p-GaN/n-ZnO LED in all ranges of current density. The value of the IQE maximum is about 82% for the p-GaN/p-NiO/n-ZnSe/n-ZnO LED device, which is significantly higher than the values of IQE maximum for the p-GaN/p-NiO/n-ZnO (about 0.5%) and p-GaN /n-ZnO (about 0.12 %) LED devices.

Thus, inserting both p-NiO and n-ZnSe interlayers allow fabrication of the ZnO-based LED devices with an IQE efficiency up to 82%. This is comparable with the IQE efficiency of better AlGaN- and InGaN-based LED devices.

Acknowledgements
V.P.S. would like to thank the DAAD (German Academic Exchange Service) for financial support.

References

[1] D.-K. Hwang, S.-Y. Kang, J.-H. Lim, E.-J. Yang, J.-Y. Oh, J.-H. Yang, and S.-J. Park, *Appl. Phys. Lett.* **86** (2005) 222101.
[2] D.C. Look, *Mater. Sci. Eng. B* 80 (2001) 383.
[3] B.S. Mashford, T.L. Nguyen, G.J. Wilson, and P. Mulvaney, *J. Mater. Chem.* **20** (2010) 167.
[4] J.-P. Biethan, V.P. Sirkeli, L. Considine, D.D. Nedeoglo, D. Pavlidis, and H.L. Hartnagel, *Mater. Sci. Eng. B* **177** (2012) 594.
[5] S.P. Chang, R.W. Chuang, S.J. Chang, Y.Z. Chiou, and C. Y. Lu, *Thin Solid Films* **517** (2009) 5054.
[6] S. Li, M. Ware, J. Wu, P. Minor, Z. Wang, Z. Wu, Y. Jiang, and G. J. Salamo, *Appl. Phys. Lett.* **101** (2012) 122103.
[7] S. Li, M.E. Ware, J. Wu, V.P. Kunets, M. Hawkridge, P. Minor, Z. Wang, Z. Wu, Y. Jiang, and G.J. Salamo, *Appl. Phys. Lett.* **112** (2012) 053711.
[8] A. Osinsky, J. W. Dong, M. Z. Kauser, B. Hertog, A. M. Dabiran, P. P. Chow, S. J. Pearton, O. Lopatiuk, and L. Chernyak, *Appl. Phys. Lett.* **85** (2004) 4272.
[9] K.A. Bulashevich, I.Yu. Evstratov, and S. Yu. Karpov, *Phys. Stat. Sol. A* **204** (2007) 241.
[10] T.F. Guo, T.C. Wen, Y.S. Huang, M.W. Lin, C.C. Tsou, and C.T. Chou, *Opt. Express* **17** (2009) 21205.
[11] Y.-R. Wu, and J. Singh, *Appl. Phys. Lett.* **85** (2004) 1223.
[12] A. Nirschl, A. Gomez-Iglesias, M. Sabathil, G. Hartung, J. Off, and D. Bougeard, *Phys. Status Solidi A* **211** (2014) 2609.
[13] S. L. Chuang and C. S. Chang, *Semicond. Sci. Technol.* **12** (1997) 252.
[14] E. Fred Schubert, *Light-Emitting Diodes*, 2nd edition. (Cambridge University Press, Cambridge, 2006).
[15] G.N. Ivanova, D.D. Nedeoglo, N.D. Negeoglo, V.P. Sirkeli, I.M. Tiginyanu, V.V. Ursaki,", *J. Appl. Phys.* **101** (2007) 063543.
[16] Tiginyanu, V.V. Ursaki, A. Sarua, M. Kuball, D.D. Nedeoglo, and V.P. Sirkeli, *Semicond. Sci. Technol.* **22** (2007) 1115.

УДК: 378.146:004

ОРГАНИЗАЦИЯ ФОРМИРУЮЩЕГО ОЦЕНИВАНИЯ В ВУЗЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Великова Т.Г.
доктор педагогических наук, преподаватель кафедры ИТМФ,
Комратский государственный университет
velicovatania@gmail.com

Аннотация. В статье описаны особенности формирующего оценивания, его роль для реализации стандартов оценивания нового поколения, указывается роль информационных технологий в реализации системы формирующего оценивания. Автором выделены особенности, принципы, алгоритм организации формирующего оценивания. Предложены оценивающие техники для организации формирующего оценивания на базе новых информационных технологий.

Ключевые слова: оценивание, формирующее оценивание, принципы, преподаватель, студент, обратная связь, мотивация, инструменты оценивания, оценивающие техники, критерии оценивания, новые информационные технологии, упражнение, интерактивный модуль, LearningApps.org

Annotation. In the article are described the features of formative evaluation, it's role in implementing the standards evaluation of the new generation, indicated the role of new information technologies in the implementation of formative evaluation. The peculiarities, approaches, algorithm of organization of formative evaluation are pointed out by the author. The evaluation skills for organizing formative evaluation on the basis of new information technologies are proposed.

Key words: evaluation, formative evaluation, peculiarities, teacher, student, feedback, motivation, tools of evaluation, evaluation skills, evaluation criteria, new information technologies, exercise, interactive module, LearningApps.org

За последнее десятилетие в содержании образования произошли качественные изменения: акцент с предметных знаний, умений и навыков как основной цели обучения был перенесен на формирование компетенций. Это повлекло за собой и изменения в системе оценивания. Востребованным становится такой подход к оцениванию результатов обучения студентов, который позволяет устранить негативные моменты в обучении, способствует индивидуализации учебного процесса, позволяющий повысить мотивацию к обучению и самостоятельность студентов. «Одним из таких подходов является формативное (формирующее) оценивание, которое можно еще назвать оцениванием для улучшения обучения».

Актуальность темы исследования настоящей статьи подтверждается работами Лопаткиной Е.В. [3], Логвиной И. [6], Пинской М.А. [7], Фишмана И.С. [4], Шакирова Р.Х. [5] и др.

Формативное оценивание относится к составной части личностно ориентированного подхода к обучению студентов. Оценка при формативном оценивании, по мнению Лопаткиной Е.В. [3], «осуществляется непрерывно, оценивается сам процесс движения к качественному результату». Студент необходимо самостоятельно и осознанно научиться определять свои пробелы и вместе с преподавателем работать над их устранением. Часть нитей контроля переходит к студенту, трансформируясь в самоконтроль и самооценку.

Перечислим компоненты, на которых базируется личностно ориентированное обучение:

- информирование студентов о целях обучения и критериях оценки;
- вовлечение студентов в процесс самооценивания, самооценки, согласно критериев, разработанных преподавателем (самостоятельно или совместно со студентами);
- обеспечение обратной связи, способствующей помочь студентам в определении дальнейших шагов и способов их осуществления.

Эти компоненты пересекаются с алгоритмом деятельности учителя по организации формирующей оценки, предложенного Лопаткиной Е.В. [3, с.26]:

1) «определение планируемых результатов обучения;
2) организация деятельности учащегося по планированию и достижению субъективно значимых образовательных результатов;
3) сопровождение достижения учащимся запланированных результатов обучения с помощью механизмов обратной связи».

Формативное оценивание предполагает постоянную проверку результатов, на протяжении всего процесса обучения, обычно ориентируясь на короткие фрагменты. Переход к следующему фрагменту выполняется только после того, как становится известным способ изучения и образовательная эффективность оцениваемого фрагмента, результаты, полученные студентом, путем принятия мер по улучшению процесса обучения. Может реализовываться индивидуально или по группам, на основе интервью, решения задач с помощью компьютера, реализации некоторых этапов проектов.

Автором настоящей статьи разработан алгоритм деятельности преподавателя по организации формирующего оценивания в вузе с использованием информационных технологий, который можно представить в виде следующих последовательных действий:

1. Постановка цели формирующего оценивания.
2. Разработка критериев оценивания на основе поставленных учебных целей. Запись критериев оценивания на доске, интерактивной доске, печать в документе MS WORD, демонстрация критериев в презентации MS Power Point и др.
3. Выбор оценивающих техник (WIKI-технология, блог, форум, электронный кроссворд, творческий электронный проект, компьютерное тестирование (online), компьютерное тестирование (offline), программа удалённого администрирования, чат, пазлы, упражнения, ассоциативные игры, электронное портфолио, инструменты инфографики, веб-сервисы для создания интерактивных листов, таблиц, диаграмм, рисунков, анкет, интерактивная лекция) и др.
4. Выбор программного обеспечения для реализации соответствующей техники формирующего оценивания.
5. Выбор стратегии, т.е. для чего предназначено формирующее оценивание:
   - Рост мотивации студентов;
   - Повышение самостоятельности студентов;
   - Организация взаимооценки, взаимодействия;
   - Оценивание индивидуальных достижений;
   - Активное участие в организации собственного обучения;
   - Самооценка, способствующая улучшению результатов обучения.
6. Выполнение задания студентом. Установление обратной связи.

7. Оценивание (Фиксация прогресса студентов, с целью внесения изменений (применение разработанных критериев). Комментарии по улучшению интерактивного задания (что удачно, что рекомендуется изменить). Самостоятельное оценивание студентов, согласно критериев. При оценивании открытое сравнение результатов студентов не предполагается. Оценивание в соответствии с критериями способствует улучшению, совершенствованию задания (Таблица 1). Формирование банка заданий группы по информатике посредством страницы Wiki на платформе Moodle. При выполнении задания студентами, преподаватель находится в аудитории).

Таблица 1. Бланк для студента по организации формирующего оценивания

ФИО студента _____

№ п/п	**Критерий**	**Баллы**
1		
2		
…		
3		
Итого баллов:		

Рассмотрим организацию формирующего оценивания студентов в ВУЗе при разработке интерактивных заданий с использованием приложения Web 2.0 для поддержки обучения и процесса преподавания - LearningApps.org (http://learningapps.org/).

Предварительный этап. Знакомство студентов с сайтом LearningApps.org (http://learningapps.org/). Преподаватель знакомит студентов с интерфейсом сайта, демонстрирует возможности по созданию интерактивных упражнений, предлагает инструкцию по подготовке интерактивных упражнений.

Приведём пример, как может быть реализовано знакомство студентов с сайтом LearningApps.org (http://learningapps.org/).

LearningApps.org позволяет студенту создавать цифровые персонализированные модули для организации интерактивного, мультимедийного обучения, что очень важно для бедующего педагога. Так же студенты могут адаптировать имеющие на сайте блоки самостоятельно, использовать различные шаблоны.

Преимущества таких приложений по сравнению с традиционными упражнениями на бумаге:

- Студенты могут выполнять интерактивные задания как в аудитории, так и находясь дома.
- При разработке нового задания, можно использовать информацию, которую на бумаге не возможно разместить (звуки, музыка, видео и др.).
- Студенты могут взаимодействовать с содержанием на разных устройствах (смартфоны, интерактивные доски) и т.д.
-Можно использовать блоки и модули других пользователей в качестве шаблона, или опубликовать свои собственные упражнения на платформе, так что другие могут извлечь пользу из ваших идей.
- Студенты узнают что-то новое во время разработки приложений, что способствует развитию навыков выделения важных аспектов в теме.

История возникновения платформы. По утверждению разработчиков платформы, идея разработки интерактивных заданий не является новой. В 1990 году авторы начали разрабатывать интерактивные упражнения на компьютере. Для создания и редактирования упражнений использовались такие инструменты, как HotPotatoes или Jclic. Данные инструменты были разработаны и были предназначены для не программистов. Файлы, созданные с помощью HotPotatoes или Jclic поставлялись в школы, устанавливались на веб-сервисах или серверах образования, что было технически сложной задачей. Описание практического использования в учебном процессе программ HotPotatoes и Jclic получило отражение в работах автора настоящей статьи [1, 2, 3]. Примерно в 2000 году возникли системы управления обучением (LMS), такие как Moodle и др., что позволило упростить компьютерное обучение и цифровую публикацию контента обучения. Система Moodle позволяет внедрить разработанные интерактивные упражнения в LearningApps.org. В последние годы, Web 2.0 становится все более популярным инструментом. Сегодня существует множество технологий и инструментов, расширяющих возможности преподавателей, среди которых wikispaces.com, weebly.com, blogger.com и др. Огромное количество инструментов, виджетов, плагинов могут быть внедрены в системы дистанционного обучения. Это могут быть интерактивные карты от Google Maps, YouTube видео, специально разработанный для интерактивного обучения контент LearningApps.org и др. Приложение LearningApps.org похоже на YouTube. Студенты могут создавать учебные модули, которые могут быть найдены и использованы одногруппниками, преподавателями, учителями и другими пользователями сети Интернет.

Инструкция преподавателя по регистрация студентов на сайте. Студенту необходимо создать новый аккаунт, либо зайти под своим логином и паролем (в случае, если он ранее был зарегистрирован). При регистрации студенту необходимо ввести имя пользователя, пароль, повторить пароль, указать E-mail, имя, фамилию, код безопасности с картинки**.** При успешной регистрации будет создана страница профиля студента.

Инструкция преподавателя по созданию упражнений. Для создания нового упражнения необходимо предварительно изучить все типы упражнений (для этого необходимо щёлкнуть по типу упражнения и изучить его характеристику), предлагаемых системой и подумать, какие

упражнения можно создать. По окончанию создания интерактивного упражнения можно опубликовать созданное упражнение, чтобы и другие пользователи также могли создать свои упражнения, научиться новому, благодаря опубликованной работе. Рекомендуется посмотреть примеры упражнений, созданных ранее другими авторами. В случае, если необходимо создать подобное упражнение, то система позволят это реализовать. Автором настоящей статьи была разработана инструкция для студентов по подготовке интерактивных упражнений, и размещена на платформе Moodle.

Автором предлагается алгоритм деятельности преподавателя по организации формирующего оценивания в вузе с использованием LearningApps.org:

1. **Постановка цели.** Зарегистрироваться на сайте (http://learningapps.org/). Разработать интерактивное упражнение по информатике для гимназического или лицейского курсов посредством LearningApps.org (http://learningapps.org/). Опубликовать разработанное задание. Оценить самостоятельно выполненное задание (согласно критериев по оцениванию).
2. **Разработка критериев оценивания на основе поставленных учебных целей. Выбрать приоритетные критерии** (Таблица 2).

Таблица 2. Критерии оценивания

Результат выполнения задания	1. Регистрация студентов на сайте http://learningapps.org/ (кол-во баллов - 2). 2. Выбор типа задания (перечислить). Какой тип задания был разработан (кол-во баллов-1). 3. Соответствие разработанного задания программе гимназического и лицейского курсов информатики (кол-во баллов -3). 4. Грамотная формулировка, представление задания (без ошибок орфографических, синтаксических и стилистических) (кол-во баллов-5). 5. Публикация задания на сайте (кол-во баллов-5). 6. Проверка результатов (тестирование задания) (кол-во баллов-2). 7. Отправка ссылки задания преподавателю посредством чата (Moodle) (кол-во баллов-2).
Наблюдения преподавателя	8.Самостоятельность выполнения (кол-во баллов-5). 9.Процесс выполнения (своевременность) (кол-во баллов - от 2 до 5).

3. **Выбор оценивающих техник** (WIKI-технология, упражнения, ассоциативные игры, чат).
4. **Выбор программного обеспечения.** Необходимое программное обеспечение: Браузер (Google Chrome, Mozilla Firefox или др.), платформа Moodle (чат, Wiki), LanSchool (встроенный чат в программе).
5. **Выполнение задания.** Задание выполняется за компьютером на сайте http://learningapps.org/ согласно инструкции.

   Установление обратной связи. Преподаватель также можете создавать и управлять учетными записями студентов в LearningApps.org., увидеть, какие приложения студенты создают, комментировать выполнения задания, отправлять комментарии, замечания в чате Moodle, отвечать на вопросы в чате. В случае, если нет платформы Moodle, целесообразно использовать чат в программе LanSchool, обмен сообщениями и др.
6. **Оценивание.** Оценивание студентов осуществляется согласно критериев. Оцениваться будет Результат выполнения задания+Наблюдение преподавателя.

Выводы и рекомендации

Автором в статье предложена методология организации формирующего оценивания в вузе, с использованием информационных технологий на примере LearningApps.org. Разработан алгоритм деятельности преподавателя по организации формирующего оценивания в вузе с использованием LearningApps.org, который может быть реализован по информатике как на первом цикле обучения (лиценциат), так и на втором цикле обучения (мастерат). Использование данного алгоритма позволит преподавателю реализовать формирующее, объективное оценивание студентов по информатике, повысить мотивацию и самостоятельность студентов, оценить индивидуальные достижения студентов, реализовать самооценку студентов, что будет способствовать улучшению результатов обучения.

Библиография

1. Великова Т. Реализация новых подходов к оцениванию учебных достижений студентов средствами информационных технологий. Журнал „Univers Pedagogic”, Nr.1(37), 2013, p 26-36 (0,65 c.a.), ISSN 1857-3266.
2. Великова, Т.Г. Руководство для преподавателей по использованию новых информационных технологий в процессе оценивания студентов в ВУЗе/ Т.Г. Великова.– Комрат: Комрат. гос. ун-т, 2012.- 115 p. ISBN 978-9975-4282-6-2.
3. Лопаткина Е.В. Современные средства оценивания результатов обучения : учеб. пособие / Е.В. Лопаткина ; Владим. гос. ун-т имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2012. – 110 с. ISBN 978-5-9984-0209-8
4. Фишман И.С., Голуб Г.Б.Формирующая оценка образовательных результатов учащихся: Методическое пособие. Самара: Издательство «Учебная литература», 2007.244 с. ISBN 978-5-9507-0542-7
5. Шакиров Р. Х., Буркитова А.А. Оценивание учебных достижений учащихся. Методическое руководство/Сост. Р. Х. Шакиров, , О.И. Дудкина. – Б.: «Билим», 2012. – 80 с.ISBN 978–9967–452–02–2
6. Логвина И., Рождественская Л. Инструменты формирующего оценивания в деятельности учителя-предметника, Narva 2012 http://www.narva.ut.ee/sites/default/files/nc/oppevahend.pdf
7. Пинская М.А. Формирующее оценивание: оценивание для обучения. Практическое руководство для учителей http://www.ciced.ru/docs/publications/Ocenivanie%20dlya%20obucheniya%20M.A.%20Pinskaya.pdf/
8. Braicov A., Velicova T. *Organizarea evaluării cu ajutorul CLMS Moodle şi a altor produse soft integrabile cu el*. În: The 20th Conference on applied and industrial mathematics: Dedicated to Academician Mitrofan M. Cioban August 22 – 25, Chişinău, 2012: Comunications in Education, p. 138-141
9. LearningApps.org http://learningapps.org/

УДК 372.854

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ MICROSOFT EXCEL В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Гессе Ж.Ф., Чеснокова Л.Н., Баринова Е.В.
ФГБОУ ВО Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России,
Российская Федерация

Resume. The possibilities of Microsoft Excel program using for teaching of chemistry are reviewed and analyzed. Application prospects of this program for mathematical treatment of laboratory experiments results and for modernization of existing program are discussed.

Key words. software, education process, chemistry, information culture.

В связи с современными тенденциями внедрения компьютерных технологий, средств мультимедиа в образовательный процесс возникает необходимость активного использования программных средств для повышения уровня информационной культуры обучающихся при изучении дисциплин естественнонаучного цикла, в т.ч. дисциплины «Химия». Так, например, Microsoft Excel (ME) – мощный инструмент для создания, редактирования, обработки и отображения информации в виде электронных таблиц с последующим ее анализом [1]. Программа ME активно используется в учебном, научно-исследовательском процессе и профессорско-преподавательским составом, и обучающимися.

Спектр применения ME широк: от подведения итогов сессии и их анализа с одной стороны, до мониторинга качества изучения тем, разделов дисциплины «Химия» по учебным г.г. и учебным группам (рис. 1), до математической обработки экспериментальных и расчетных данных с другой стороны (рис. 2).

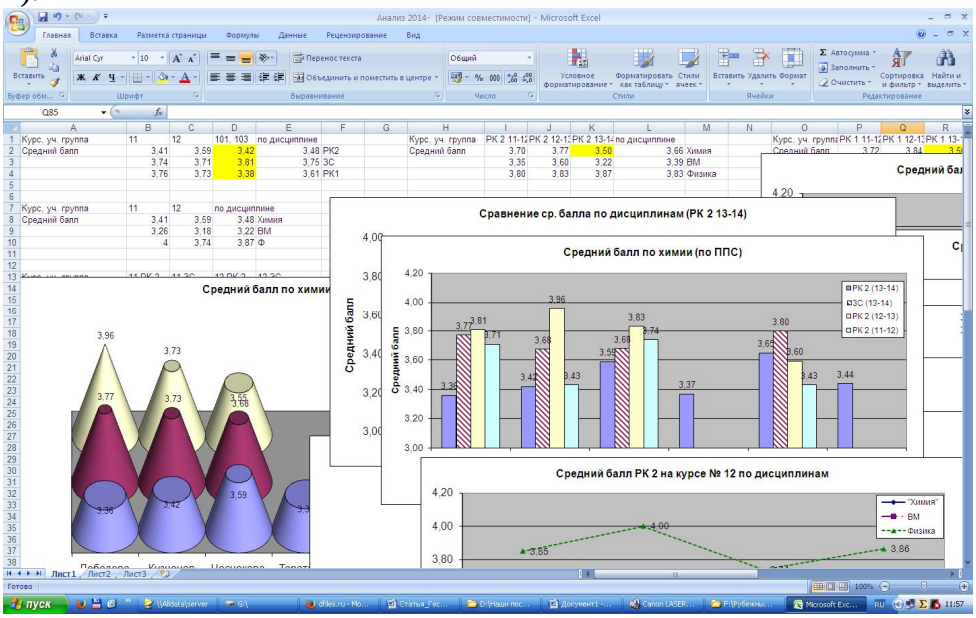

Рис. 1. Скриншот файла для обработки итогов успеваемости

По этой причине у преподавателей методической секции «Химия» кафедры химии, теории горения и взрыва возникла необходимость в создании расчетной программы для вычислений разделов курсовой работы «Расчёт основных характеристик, параметров состояния и процессов газообразных углеводородов», предусмотренной рабочим учебным планом по дисциплине «Химия».

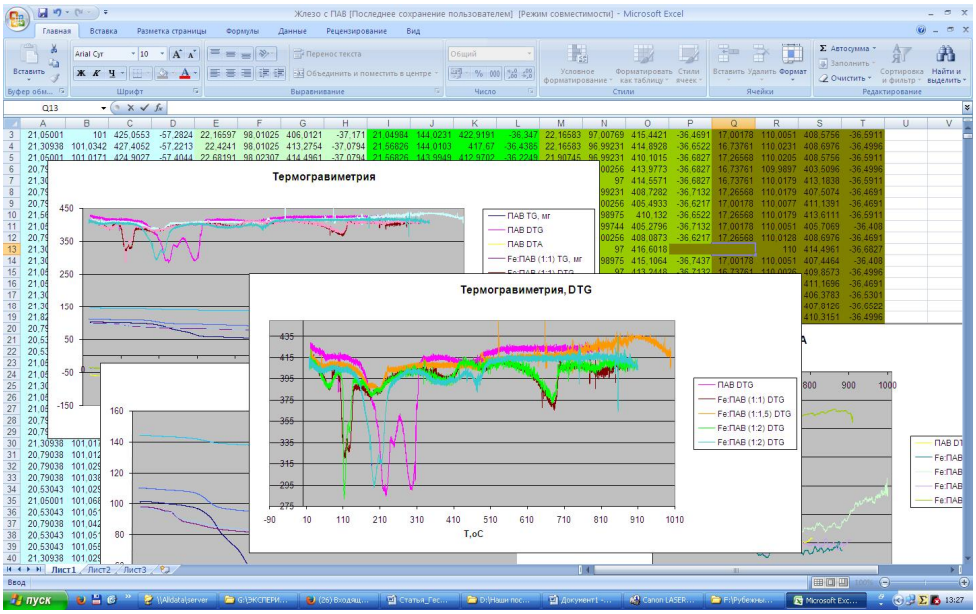

Рис. 2. Скриншот файла для обработки экспериментальных данных

Из имеющегося арсенала программных средств (Excel, Origin, Mathcad, nanoCAD) наиболее прост и удобен в использовании ME. Так, например, для проверки правильности расчетов по разделам курсовой работы, прогноза возможных ошибок, их предупреждения, анализа влияния изменения одного из исходных данных на результаты расчетов была разработана специальная программа (рис. 3). На базе данной программы может быть разработано любое количество вариантов заданий для выполнения курсовой работы с последующей их математической обработкой. Создание подобной программы существенно упрощает проверку вычислений в работах, выполненных обучающимися [2].

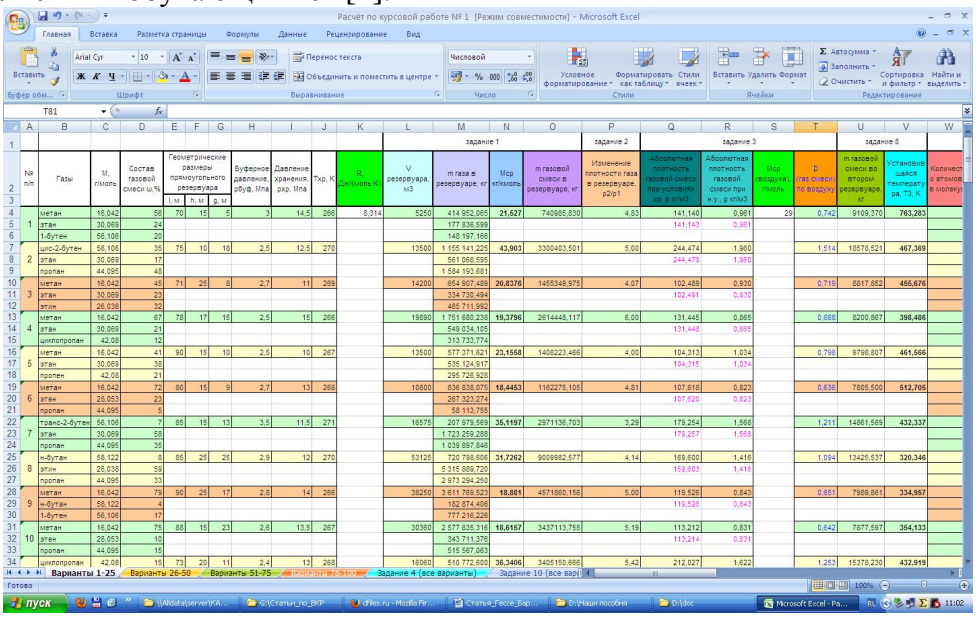

Рис. 3. Скриншот расчетного файла

Таким образом, применение электронных таблиц при изучении дисциплин естественнонаучного цикла обеспечивает межпредметную связь не только с высшей математикой, но и информатикой [2, 3].

Использование программы ME открывает новые возможности для проведения расчетов физико-химических характеристик веществ и процессов (например, расчет материального и теплового баланса химической реакции), что необходимо в научно-исследовательской деятельности (в том числе при расчетах и анализе экспериментальных данных, выполнении выпускных квалификационных работ, написании статей, тезисов).

Функции программы Microsoft Excel позволяют визуализировать результаты работ для детального анализа. Так, в выпускной квалификационной работе Предеина А.Н. «Разработка установки для испытаний ингибиторов коррозии в условиях, приближенных к реальным», выполненной в 2014 году на базе ФГБОУ ВО Ивановской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России для автоматизации расчетов, визуализации полученных данных по показателям коррозии, защитного действия ингибитора и их анализа разработано приложение с использованием программного кода электронных таблиц Excel 2003 (VBA) (рис. 4). Разработанное приложение позволяет:

– на основании введения исходных данных (масса реперного и испытуемого образцов металла, линейные размеры металлических образцов, время испытания) рассчитывать указанные показатели,

– производить построение диаграмм, графиков, отражающих изменения показателей коррозии и защитного действия,

– производить автоматический импорт таблиц и диаграмм из Excel в Word, а также обновлять их с помощью кода VBA (рис. 5).

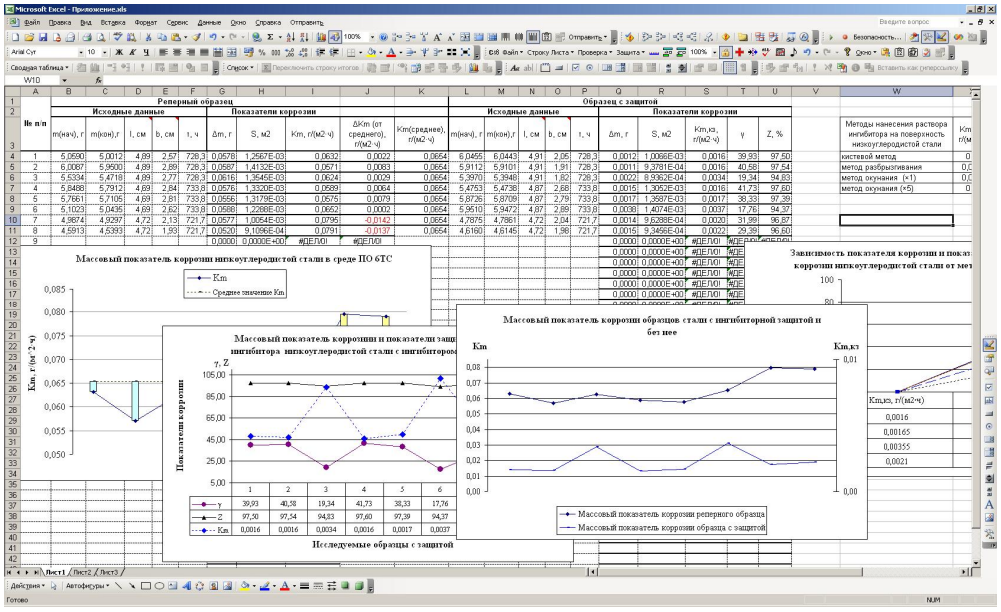

Рис. 4. Скриншот с активным окном приложения

Таким образом, использование возможностей программы Microsoft Excel в учебной, научно-исследовательской и других видах работ способствует повышению уровня практической подготовки обучающихся, самообразованию преподавателей, а также росту творческой активности субъектов и объектов учебного процесса, формированию информационной культуры.

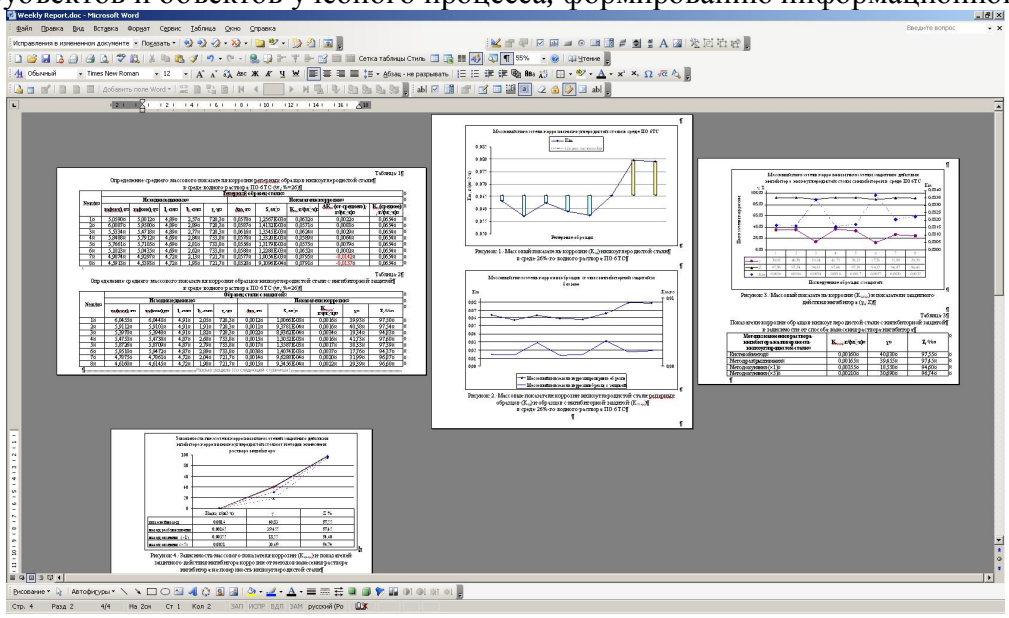

Рис. 5. Импорт таблиц и диаграмм из приложения Excel в документ Word

В перспективе планируется использование программы ME для математических обсчетов обучающимися результатов лабораторного эксперимента и модернизации описанной выше расчетной программы [2, 3]. При этом особый методический интерес будет представлять как моделирование, так и обработка экспериментально определенных и теоретических данных для установления разного рода зависимостей, подтверждение известных и априори существующих положений в химии.

Список использованной литературы

1. Харвей, Г. Excel для “чайников”. Полный справочник / Г. Харвей; – М.: Издательский дом “Вильяме”. 2005. – 688 с.

2.Эберт К. Компьютеры. Применение в химии / К. Эберт, Х. Эдерер ; пер. с нем. А.Е. Гохмана ; под. ред. Н.С. Зефирова. – М. : Мир, 1988. – 415 с.

3.Джонсон, К. Численные методы в химии / К. Дж. Джонсон ; пер. с англ. В.П. Дмитриева, С.В. Кривеко, И.Г. Сыщиковой ; под ред. А.М. Евсеева. –М. : Мир, 1983. – 503 с.

УДК: 004.9: 37.01

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТ КАРТ В РЕАЛИЗАЦИИ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА В ОБРАЗОВАНИИ

Иовчу М. И.
Комратский госуниверситет, Республика Молдова, старший преподаватель кафедры информационных технологий математики и физики,
(+373) 298 221 85, iovciu_mihail@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается возможность использования интеллект-карт в реализации компетентностного подхода в образовании. Приводятся примеры использования интеллект-карт на различных этапах обучения: подача учебного материала, оказание методического сопровождения при выполнении студентами самостоятельной работы, оценка эффективности решения задач.

Ключевые слова: компетенция, компетентностный подход, интеллект карта.

Abstract. The article discusses the possibility of using mind maps in the implementation of competence approach in education. Examples of using mind maps in various stages of learning: the supply of educational material, providing methodological support in the performance of students' independent work, evaluation of the effectiveness of problem solving.

Key words: competence, competence approach, mind map.

Реформирование высшего образования на национальном уровне сегодня выдвигает на первый план поиск новых решений, подходов и стратегий для его качественного осуществления. Как отмечается в работе [1], наиболее значимыми из них являются:

• внедрение новых механизмов управления высшим образованием;
• разработка нового поколения университетских куррикулумов;
• развитие новых личностно-ориентированных педагогических технологий;
• обоснование компетентностного подхода в системе высшего образования и т.д.

Несмотря на то, что проблема компетентностного подхода в последние годы является наиболее обсуждаемой в теории и практике высшего образования и появилось множество значимых публикаций, развивающих проблему компетентностного подхода, тем не менее до сих пор понятие «компетентностный подход» не нашло общепринятого толкования. Тем не менее, можно выделить ряд уже признанных характеристик образования, ориентированного на формирование компетенций:

• смысл образования заключается в том, чтобы развивать у студентов способность самостоятельного разрешения проблем в различных областях, и в первую очередь в учебной и профессиональной, на основе социального и индивидуального опыта;
• смысл образовательного процесса заключается в создании условий для развития у студентов опыта самостоятельной деятельности: когнитивной, коммуникативной, управленческой, ценностной и т.д.;
• смысл оценивания результатов обучения заключается в установлении уровня сформированности личности и её компетенций и т.д.

Одним из таких инструментов для достижения желаемых результатов в осуществлении реформирования образования современного является использование такого инструмента как *интеллект карты* (Mind Map), основателем которых является Тони Бьюзон[2].

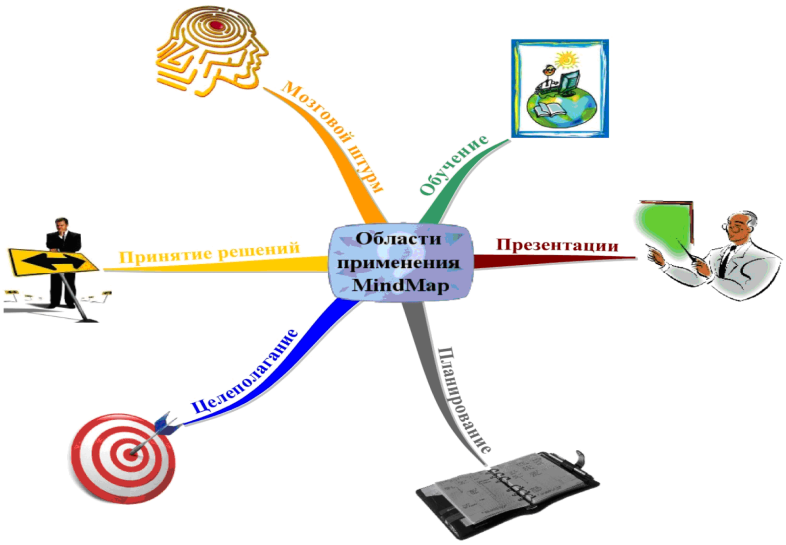

Рис. 1. Области применения *интеллект карт* (Mind Map)

Начиная с 70 –х годов прошлого века использованию *интеллект карт* в различных областях, в том числе в образовании посвящено множество изданий, тем не менее, второе рождение они получили после 90-х годов (Рис. 1). Способствовало этому в значительной мере интенсивное развитие и внедрение в образовательную сферу программных и аппаратных средств вычислительной техники.

В рамках обозначенных задач за последнее время преподавателями кафедры информационных технологий математики и физики (ИТМФ) предпринимаются шаги для их эффективного решения на основе инструментария *интеллект карт*. Авторами интенсивно внедряются в практику использование *интеллект карт* для эффективной организации работы преподавателя (представление опорных конспектов лекций, презентаций лекционных и практических занятий, представление портфолио, формирование понятий, и т. п.)[4-7]. Другое направление использования *интеллект карт* в учебном процессе – обучение студентов навыкам применения *интеллект карт* для эффективного усвоения вузовской учебной программы, а именно: для структурированного представления учебного материала при подготовке к занятиям, для планирования и написания рефератов, курсовых, дипломных работ, для эффективного поиска информации, ее структурирования и систематизации при выполнении различных учебных проектов.

Второй год в программах по Информационным технологиям для лингвистических и педагогических специальностей, таких как «Английский и немецкий языки и литература», «Начальная и дошкольная педагогика», «Информатика», «Информатика и Математика» введена тема “Интеллект карты” . Построение и применение студентами *интеллект карт* изучается на основе свободно распространяемого программного продукта Xmind (https://www.xmind.net/) , русский вариант можно скачать с сайта(http://www.sheremetev.info/articles//pograms/265-xmind-3-2-1-russkaya-versiya-skachat-besplatno). Интерфейс окна является несложным и легко усваивается студентами (рис. 2).

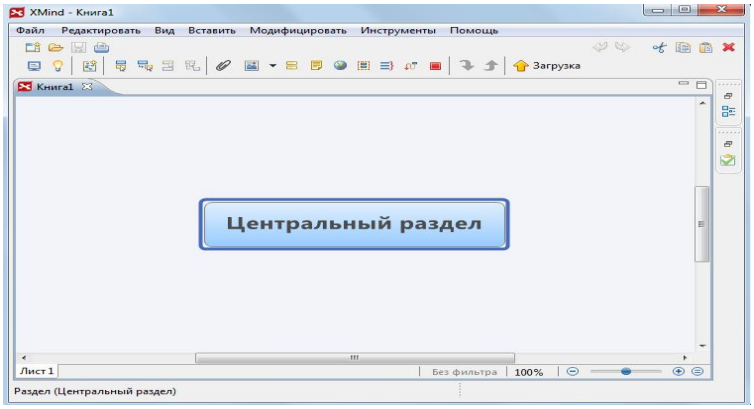

Рис. 2. Интерфейс окна Xmind

Проблема организации и оптимизации самостоятельной работы студентов (СРС) всегда стояла в центре внимания педагогической науки и практики. В рамках компетентностного подхода все более актуальной становится эта задача. Соответственно, перед каждым преподавателем сегодня ставятся задачи по разработке эффективных технологий организации СРС на уровне современного развития науки, что в свою очередь требует отбора и структурирования содержания, методов и средств организации СРС, позволяющих обеспечить саморазвитие личности; формирование профессиональной культуры специалиста на основе самостоятельной работы; усиление практической направленности профессиональной подготовки и т.д. От того, насколько студент подготовлен и включен в самостоятельную деятельность, зависят его успехи в учебе, научной и профессиональной работе.

Таким образом, речь идет о подготовке специалистов завтрашнего дня, конкурентоспособных в мировом масштабе, умеющих творчески, оперативно решать нестандартные производственные, научные, учебные задачи с максимально значимым эффектом, как для себя, так и в целом для общества.

На наш взгляд следующим направлением является применения *интеллект карт* в эффективной организации самостоятельной работы студентов. В проектировании системы заданий для СРС направленных на овладение практическими компетенциями, используется уровневый подход, структурирующий все предлагаемые студентам задания по степени сложности [8].

При проектировани системы заданий для СРС нами используются ИНТЕЛЛЕКТ КАРТЫ для уровневого подхода структуризации по степени сложности. Так для группы МЮПУ -13 по дисциплине «Информационные ресурсы и технологии в менеджменте» предусмотрена тематика с несколькими уровнями сложности.

Задания первого уровня сложности связаны с репродуктивным усвоением материала и предусматривают работу с опорой на алгоритмические предписания, инструкции в работе с научными и учебными текстами, нормативными документами.

Выполнение задания предусматривает составление *интеллект карты* разработанного плана выбранной тематики и интеллект карты по источникам информации. При этом для успешного выполнения студентами задания преподаватели сопровождают инструктивный материал в виде *интеллект карты* в дополнение к другим формам. Например, *интеллект карты* «Источники информации», «Эффективные способы поиска информации».

Задания второго уровня нацелены на аналитическую работу, предполагают подготовку студентами научных сообщений, докладов, рефератов, рецензий на научные, учебные, учебно-методические работы, в том числе и студенческие, *разработку проектов с последующими презентациями (допускается использование созданных интеллект карт)*. Так, например, к прилагаемому тексту реферата, доклада, и т. п. предлагается приложить разработанную *интеллект карты*, раскрывающую его содержание.

Задания третьего уровня ориентированы на творческие находки студентов по использованию широкого спектра современных информационных, компьютерных, интерактивных технологий «портфолио», проекты, *интеллект карт*. Данный уровень предполагает также разработку мультимедийной презентации для защиты подготовленного задания перед студенческой аудиторией, круглых столах, научно-практических конференциях. Презентацию можно выполнить как в среде MS Power Point, так и в среде Xmind, но при этом обязательным условием должно быть составление и представление *интеллект карты* сценария выполнения презентации.

Такая постановка вопроса решает следующие задачи:

Во – первых, заданий не много – одна тема, но решение ее студенты рассматривают с разных сторон и достаточно глубоко.

Во – вторых, студент несколько раз обращается к ее рассмотрению, но под разным углом (при построении плана реферата в виде *интеллект карты*, при построении презентации и т. д.).

В – третьих, представляя ее решение в виде *интеллект карт* студент видит решение задачи во всех взаимосвязях.

В – четвертых, применение инструментария *интеллект карт* индивидуализирует решение выбранной темы (использование цветов, ассоциативности, глубины раскрытия связей), снижая возможности «решать под копирку».

Таким образом, использование *интеллект карт* позволяет:

- совершенствовать организацию самостоятельной работы студентов в университете в направлении дополнения традиционных и применения новых эффективных методик;
- увеличения разнообразия заданий и повышения доли заданий, направленных на развитие логического мышления, творческой деятельности;
- повышать культуру мышления, способность к восприятию, анализу, обобщению информации;
- прививать не только способность находить, обрабатывать и анализировать информацию из разных источников, но уметь эффективно ее систематизировать и визуализировать для последующего применения;
- предоставляет возможность коллективной работы над задачей;
- позволяет увеличить творческий запас и улучшить запоминание информации.

Литература

1. Владимир Гуцу. Технология компетентностного подхода в системе высшего образования: Традиции и инновации. Studia Universitatis, Revistă Stiințifică a Universității de Stat din Moldova, 2009, nr.9(29). Режим доступа: http://studiamsu.eu/wp-content/uploads/01.P.5-12.pdf

2.Бьюзен Т., Бьюзен Б. Супермышление - М.: Попурри, 2007.- 320с. Режим доступа: http://www.twirpx.com/file/34017/

3. Никифоров О.Ю., Корепина Т.А. Использование современных интернет-сервисов для работы с интеллект-картами // Современные научные исследования и инновации. – Апрель 2013. - № 4 . Режим доступа: http://web.snauka.ru/issues/2013/04/23559

4. Иовчу М. И., Федотова Л. В. Интеллект карты в реализации проектного метода обучения в ВУЗЕ. International Scientific – Practical Conference “ Modern problems of cosial-economiic development and informatization: New challenges and perspectives”, Georgia, Kutaisi, October 26-27, 2013, p 118 -120, ISBN 978-9941-429-55-2

5. Иовчу М. И. Иовчу О. Н. Применение инновационных технологий работы с информацией - основа эффективного вузовского обучения и преподавания. Международная научно-практическая конференция, посвященная 21-летию Комратского государственного университета 10 февраля 2012года, стр. 149 -151, http://kdu.md/images/attachments/Sbornik_21.pdf

6. Иовчу М. И., Иовчу О. Н. Представление электронного портфолио педагога с помощью интелект карты. Международная научно-практическая конференция, посвященная 22-годовщине Комратского государственного университета 8 февраля 2013года, стр. 108 -110. http://kdu.md/images/attachments/Sbornik_22_New.pdf

7. Иовчу М. И., Иовчу О. Н. Инновационная техника формирования понятий Материалы Международной научно-практическая конференция, посвященная 23-годовщине Комратского государственного университета. 7 февраля 2013года http://kdu.md/images/attachments/sbornik_23-letie.pdf

8. Бухарина Г.П. Реализация компетентностного подхода в организации самостоятельной работы студентов (СРС). Режим доступа: http://uupi.ru/netcat_files/File/Doklad%20Buharina%201.doc

УДК 372.8:51:33

ПОВЫШЕНИЕ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ УЧАЩИХСЯ ГИМНАЗИИ НА УРОКАХ МАТЕМАТИКИ

Коврикова Р.Н.
доктор пед. наук, ст. преподаватель кафедры ИТМФ, КГУ
kovrikova_raisa@mail.ru
Кысса Л.П.
магистр пед. наук, ст. преподаватель кафедры ИТМФ КГУ
lilia100400@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается актуальность формирования финансовой грамотности учащихся. Предложены финансовые задачи в гимназическом курсе математики, способствующие формированию финансовой грамотности учащихся.

Ключевые слова: финансовая математика, финансовая грамотность, финансовая задача, математическое моделирование, учащиеся.

Resume. The article considers the actuality of forming the students' financial literacy. The financial problems developing the students'financial literacy are suggestedin the gymnasium course of Mathematics.

Key words: financial Mathematics, financial literacy, financial problem, mathematical modeling, students.

Основными задачами доуниверситетского образования во все времена являлось обучение и воспитание подрастающего поколения исходя из реальных требований жизни, социально-экономических перспектив и проблем окружающего общества. Возрастающая конкуренция на рынке труда предъявляет высокие требования к личности, к уровню экономического образования и степени экономической образованности.

Одним из актуальных направлений модернизированного куррикулума является повышение финансовой грамотности учащихся, через усиление экономической направленности курса математики посредством дополнения его финансовыми задачами. Вопрос повышения финансовой грамотности учащихся сегодня не просто актуален, а включен в обязательную программу доуниверситетского образования.

В новые учебники по математике, адаптированные к модернизированному куррикулуму, включены задания с элементами финансовой математики. Однако, более детальный анализ учебников выявил, действующие учебники по математике и другие учебные пособия для 5-11 классов не в полной мере приспособлены к формированию элементов финансовой грамотности. Предполагается, что более полное представление о финансовых задачах учащиеся получат в 12 классе. В учебники 12 класса включен раздел «Элементы финансовой математики» [5]. В разделе введены понятия процентных денег, процентных ставок, простых процентов, сложных процентов (капитализация), бюджет, себестоимость, общая прибыль, экономическая рентабельность, налог на добавленную стоимость (НДС), кредит и др., предложены задачи для понимания и применения названных экономических терминов.

Однако, по нашему мнению, финансовую грамотность необходимо формировать в более раннем возрасте, в частности в гимназическом курсе математики, необходим системный подход в вопросе включения задач, способствующих повышению финансовой грамотности учащихся.

Это позволит «материализовать» знания учащихся, поможет понять важность и необходимость математических знаний, будет способствовать установлению логических связей между понятиями, тем самым развивая экономическое мышление.

Решение на уроках математики задач финансовой математики позволит продемонстрировать в математике применение абстрактных понятий в реальных экономических задачах и сформировать у учащихся элементы финансовой грамотности. Кроме того, решение

задач с экономическим содержанием внесет разнообразие в урок, поможет активизировать мыслительную деятельность учащихся, расширит представление об окружающем мире и словарный математический и экономический запас учащихся, заложит зачатки экономических знаний.

В процессе разработки системы финансовых задач для гимназического курса математики и формирования у учащихся элементов финансовой грамотности**:**

a) разработаны и систематизированы финансовые задачи, которые отвечают принципам интегративности, экономической направленности, прагматизма, дифференциации содержания образования по классам с включением экономических определений и понятий, с которыми учащиеся не раз встречались в различных сферах жизни;

b) рассмотрен метод математического моделирования как основной метод решения экономико-математических задач;

Приведем примеры

Очень важной темой 6-го класса является тема «Проценты». К сожалению большинство учащихся до конца обучения так и не осваивают это понятие. Ежегодно в экзаменационных работах по математике на бакалавреате предлагаются задачи на проценты, однако только 35%-45% учащихся справляются без ошибок с этим заданием. Выходом из создавшейся ситуации, мы считаем, является увеличение экономико-математических задач на проценты. Приведем некоторые примеры.

Пример 1. Ваш капитал уменьшился в 5 раз. На сколько процентов вы стали беднее? *Ответ: на 80%*

Пример 2. Ваш капитал вырос на 50%. Во сколько раз вы стали богаче?

Ответ: в 1,5 раза

Пример 3. Себестоимость продукции сначала повысилась на 10%, а затем понизилась на 20%. .На сколько процентов понизилась себестоимость продукции?

Ответ: на 12%

При решении таких задач учащиеся усвоят экономические понятия, которые являются ключевыми для всех возрастных групп, а сами задачи и арифметические расчеты при их решении по своему содержанию и логике максимально приближены к условиям реальной действительности, с которой повседневно приходится сталкиваться детям.

При изучении преобразований алгебраических выражений и действий с ними удобно вывести формулы простых, сложных процентов в общем виде, формулы изменения цен.

Пример 4. (7 класс, «Алгебраические преобразования») Вкладчик открыл счет и положил на него сумму в 25000 лей. сроком на 4 года под простые (без капитализации) проценты по ставке 11,5 % годовых. Какой будет сумма, которую вкладчик получит при закрытии вклада? На сколько лей вырастет вклад за 4 года? Чему равен коэффициент наращения (то есть на сколько процентов вырастет сумма вклада)?

Решение. Обозначим через S_0 – первоначальный капитал, p – процентная ставка, n – количество полных лет, S_n – сумма капитала с начисленными процентами на конец n-го года.

Тогда модель функционирования вклада путем начисления простых процентов будет выглядеть следующим образом:

$$S_n = \left(1 + \frac{n \cdot p}{100}\right) \cdot S_0 .$$

Данная формула и будет выражать математическую модель данной экономической задачи.

Проведем расчеты, используя данные задачи. Так как $n = 4$, $p = 11{,}5$, а $S_0 = 25000$, получаем

$$S_2 = \left(1 + \frac{4 \cdot 11{,}5}{100}\right) \cdot 25000 = 1{,}46 \cdot 25000 = 36500 .$$

Сумма вклада через 4 года будет равна 36500 леев, то есть вклад вырастет на 11500 леев.

Коэффициентом наращения простых процентов называют отношение $\frac{S_n}{S_0} = 1 + \frac{n \cdot p}{100}$. Он показывает, во сколько раз вырос первоначальный вклад S_0 за n лет хранения этой суммы в банке по схеме простых процентов с годовой ставкой p%.

В данном случае коэффициент наращения равен 1,46.

Пример 5. Вывести формулу сложных процентов в общем виде

Сложный процент или капитализация (или по-другому "процент на процент") – это такое увеличение капитала, когда накопленная за первый период сумма прибавляется к первоначальной, то есть, говоря экономическим языком, первоначальная сумма капитализируется, и в новом периоде процент будет начисляться уже на новую, увеличенную сумму.

Пусть A_0 - начальное значение некоторой величины; A - значение, которое получилось в результате нескольких изменений **начальной** величины; n — количество изменений начальной величины; p - процент изменения. Тогда формула сложных процентов и ее частный случай имеют вид:

$$A = A_0\left(1 \pm \frac{p}{100}\right)^n \text{ (1) - при постоянном приросте,}$$

$$A = A_0\left(1 \pm \frac{p_1}{100}\right)\left(1 \mp \frac{p_2}{100}\right)\ldots\text{(2)- при различном приросте.}$$

Пример 6. Когда применяется общая формула, а когда - ее частный случай?

Ответ. Частный случай применяется тогда, когда некоторая величина A_0 изменяется несколько раз на один и тот же процент. Общая формула используется тогда, когда процент изменения не остается одним и тем же.

Пример 7. В каких случаях в формуле сложных процентов ставим знак «—», в каких «+»? Приведите примеры.

Ответ: Знак «плюс» применяется в задачах о начислении процентов по вкладу в банке, а также при подсчете увеличения цены товара. Знак «минус» применяется при подсчете снижения цены.

Пример 8. В банке получена ссуда в размере 40 тыс. долл. США на 8 лет на следующих условиях: для первых трех лет процентная ставка равна 28% годовых, на следующий год она увеличивается на 2%, и на последующие годы еще на 2,5%. Найдите сумму, которая должна быть возвращена банку по окончании срока ссуды при ежегодных начислениях сложных процентов.

Решение. Разобьем весь срок на периоды равной годовой процентной ставки. В первый период идет начисление p_1% годовых, длина периода – n_1 лет, потом n_2 лет идет начисление p_2% годовых, и в третий период продолжительностью n_3 года идет начисление p_3% и т.д. Тогда за первый период будет начислена следующая сумма:

$$S_1 = S_0\left(1 + \frac{p_1}{100}\right)^{n_1},$$

за второй и третий соответственно:

$$S_2 = S_1\left(1 + \frac{p_2}{100}\right)^{n_2} \text{ и } S_3 = S_2\left(1 + \frac{p_3}{100}\right)^{n_3}$$

и т.д.

Значит, по прошествии $n = n_1 + n_2 + \ldots + n_k$ лет наращенная сумма S равна

$$S = S_0 \cdot \left(1 + \frac{p_1}{100}\right)^{n_1} \cdot \left(1 + \frac{p_2}{100}\right)^{n_2} \cdot \ldots \cdot \left(1 + \frac{p_k}{100}\right)^{n_k}.$$

В нашей задаче три периода. В первый период идет начисление 28% годовых, длина периода – 3 года, потом 1 год идет начисление 30%, и в третий период – 4 года – идет начисление 32,5%. Тогда за первый период будет начислена следующая сумма:

$$S = 40 \cdot \left(1+\frac{28}{100}\right)^3 \cdot \left(1+\frac{30}{100}\right)^1 \cdot \left(1+\frac{32,5}{100}\right)^4 = 40 \cdot 1,28^3 \cdot 1,3 \cdot 1,325^4 \approx 336,122 .$$

Сумма возврата равна 336,122 тыс. долл. США с точностью до доллара.

Пример 9. Вкладчик решил вложить 200 000 лей под 8% годовых на два года. Определите наращенную сумму за 2 года при ежегодной капитализации, при ежеквартальной капитализации, при ежемесячной капитализации.

В качестве примеров использования квадратных уравнений, систем уравнений в экономических задачах с применением формул простых и сложных процентов можно предложить следующие.

Пример 10. (8 класс, «Квадратные уравнения») Фермер получил кредит в банке под определенный процент годовых. Через год фермер в счет погашения кредита вернул в банк ¼ от всей суммы, которую он должен банку к этому времени, а еще через год в счет полного погашения кредита он внес в банк сумму на 21% превышающую величину полученного кредита. Каков процент годовых по кредиту в данном банке?

Решение этой задачи сводится к решению квадратного уравнения $\frac{1}{4}\left(1+\frac{p}{100}\right)^2 = 1,21$, где p — неизвестный процент годовых. В результате решения квадратного уравнения получим два корня, одно из значений которых отрицательное, не подходит по смыслу, другое — p = 120%.

Ответ: 120% годовых по кредиту в данном банке.

Пример 11. (8-9 класс, «Уравнения, неравенства, системы») Два капитала, сумма которых 20000 леев были взяты с простым процентом, первый на 260 дней с 8%, второй на 310 дней с 7%. Процент первого равен двум процентам второго. Найти каждый капитал и их проценты.

Для решения этой задачи необходимо создать ее математическую модель, которая представляет собой систему двух линейных уравнений с двумя неизвестными. Решив систему, получим размер каждого капитала.

Условия предложенных экономико-математических задач представляют собой экономические ситуации, которые близки к ситуациям, знакомым учащимся. Контекст задач явно не подсказывает область знаний и метод решения. Для решения этих задач необходимо создать их математическую модель, для этого необходимо использовать знания и умения из различных тем и разделов курса математики, изучаемых в 7–9 классах.

Решение этих задач не отнимет много времен, но повысит экономическую грамотность, активизирует познавательную деятельность учащихся, повысит интерес к изучению математики. Такие задачи помогут в формировании и закреплении математических понятий.

В результате внедрения системы финансовых задач в учебный процесс нами установлено, что формирование у учащихся элементов финансовой грамотности способствует:

a) формированию математической компетентности учащихся;

b) повышению мотивации учащихся к изучению математики, активизации учебного процесса;

c) приобретению элементарных экономических знаний;

d) развитию качеств личности, необходимых в повседневной жизни, а также позволяет сформировать у учащихся готовность использовать полученные знания и умения при выборе профессии и направления дальнейшего образования.

Организация, проведение и результаты педагогического эксперимента подтвердили эффективность использования в гимназическом курсе математики задач финансовой математики.

Использованная литература

1.Башарин Г.П. Элементы финансовой математики. В: Математика в школе, № 16, 1996г.

2.Математика. Куррикулум для 10-12 кл. Авторы: В.Чапа, И.Акири, и др. Chisinău: Î.E.P. Ştiinţa, 2010, 60 с.

3.Математика. Куррикулум для гимназического образования (*V-IX классы*) Авторы: В.Чапа, И.Акири, и др. Chisinău: Î.E.P. Ştiinţa,, 2010, 41 с.
4.Математика. Методический гид для лицеев с русским языком обучения. Акири И., Чапа В., Шпуненко О., К.: Cartier, Chisinău, 2010, 125р.
5. Математика. Учебник. 12 класс. Акири И. и др. Editura Prut international, 2011. 264 с.
6.Музенитов Ш. А. Задачи с экономическим содержанием на уроках математики. // Математика в школе. №10. 2011. стр.48-52.

УДК 378.147:519.2

ПРИМЕНЕНИЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ ДЛЯ КАЧЕСТВЕННОГО ИЗУЧЕНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ТЕОРИИ ВЕРОЯТНОСТЕЙ В ВУЗЕ

Кысса Л.П.
магистр пед. наук, ст. преподаватель кафедры ИТМФ, КГУ
lilia100400@mail.ru
Коврикова Р.Н.
доктор пед. наук, ст. преподаватель кафедры ИТМФ, КГУ
kovrikova_raisa@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается применение метода моделирования для решения ряда задач теории вероятностей, предлагаемых для студентов экономических специальностей в вузе.
Ключевые слова: теория вероятностей, модель, математическое моделирование.

Resume. The article considers the use of modeling techniques to solve a number of problems in probability theory offered for students of economics at the university.
Keywords: probability theory, model, mathematical modeling.

> Теория вероятностей есть, в сущности, не что иное, как здравый смысл, сведенный к исчислению*:* она заставляет оценить с точностью то, что справедливые умы чувствуют как-бы инстинктом, часто не умея отдать себе в этом отчета.
>
> *П. Лаплас*

Элементы теории вероятностей не так давно были включены для изучения в школьные учебники, принятые в р. Молдова. При их изучении пришлось столкнуться с двумя большими проблемами: нехваткой теоретических знаний у педагогов и с тем фактом, что этот раздел математики не имеет логического посредника ни до, ни после своего изучения. Получается, что теория вероятностей остается как будто сама по себе, не взаимосвязана ни с какими текущими темами. А если учесть, что теория вероятностей не является простой для изучения, то это ведет к полному её не восприятию. Учащиеся с трудом понимают объяснения учителя по поводу решенной задачи, считая это «из области высшего разума» (из слов учащихся), ну а сами разве что способны воспроизвести решение каких- либо шаблонных задач или же вообще не стараются вникать и ждут с нетерпением окончания изучения этой темы. А жаль. Ведь теория вероятностей является той частью математики, знание и понимание которой как минимум «гимнастика ума, а как максимум – умение анализировать многие задачи прикладного характера, умение принимать решения в условиях неопределенности с определенной долей уверенности, умение оценивать шансы и мн. др.

Теория вероятностей, как известно прикладная наука, методы которой позволяют знакомиться с окружающим миром не на уровне интуиции. Изучение этого предмета необходимо экономистам разного профиля, чтобы правильно управлять экономическим развитием страны, она

нужна специалистам почти всех профессий, поэтому в вузах и в школах изучают этот предмет. Считаем, что причины экономического кризиса можно связать с неумелым управлением экономическими процессами.

В обучении, в частности при изучении математики, часто используется метод моделирования. Вспомним сначала о сути этого понятия.

Модель (лат. Modus – мера, франц. modele – образец) – искусственно созданный объект в виде схемы, чертежа, логико-математических знаковых формул, физической конструкции и.т.п., который аналогичен (подобен, сходен) исследуемому объекту [2].

Моделирование – лат. modus, франц. modele образец – исследование каких-либо объектов (конкретных и абстрактных) на моделях, т.е. на условных образах, схемах или физических конструкциях, аналогичных исследуемому объекту, с применением методов аналогии и теории подобия при проведении и обработке данных экспериментов [2].

Вот так выглядит научное определение этого понятия моделирования, принадлежащее одному из основателей кибернетики А.А.Ляпунову [3].

«Моделирование — это опосредованное практическое или теоретическое исследование объекта, при котором непосредственно изучается не сам интересующий нас объект, а некоторая вспомогательная искусственная или естественная система:

- находящаяся в некотором объективном соответствии с познаваемым объектом;
- способная замещать его в определённых отношениях;
- дающая при её исследовании, в конечном счёте, информацию о самом моделируемом объекте».

Решение любой вероятностной задачи должно являться таким исследованием. Вычисление вероятности случайного события нужно начинаться с обсуждения случайного опыта и его возможных исходов, с обоснования их равно – или, не равно возможности. Построенная модель в результате множества элементарных исходов с распределением вероятностей на нем (чаще всего равномерным) и составляет математическую модель случайного опыта. Как показывает учебная практика, именно этот этап решения вероятностной задачи вызывает у учащихся наибольшие трудности. Они не могут перечислить удачный способ их обозначения (кодирования); понять, какие детали эксперимента важны, существенны, а какие нет; попытаться свести данную ситуацию к одной из изученных ранее и т.д.

«Умение составлять адекватные математические модели реальных ситуаций должно составлять неотъемлемую часть математического образования» - писал академик В.И.Арнольд.

Рассмотрим решение задач, которые становятся проще для понимания, если в качестве **n** для наглядности в случае большого числа экспериментов взять достаточно большое число (этот подход используется обычно для выполнения расчетов для нематематиков). При таком подходе решение достаточно сложных задач сводится к простым математическим вычислениям. Суть моделирования здесь состоит в том, что описанное условие задачи (или опыт) заменяется другим, которое легче анализировать и изучать. При этом вероятность интересующего нас случайного события остается той же. Модель сохраняет при этом все существенные связи и позволяет гораздо быстрее получить ответ.

Задача. Два завода выпускают одинаковые телевизоры. Первый выпускает 40% всех телевизоров, а второй – остальные телевизоры. Известно, что из всех телевизоров, выпускаемых первым заводом, 1% имеют скрытые дефекты, а у выпускаемых вторым заводом- 1,5%. Найти вероятность того, что купленный в магазине телевизор этих заводов имеет скрытый дефект.

Решение. Предположим, что оба завода выпустили n=10000 телевизоров. По условию первый завод выпустил $n_1=0,4*n=4000$ телевизоров, а второй $n_2=n-n_1=6000$ телевизоров. Из $n_1=4000$ телевизоров, выпущенных первым заводом, скрытые дефекты имеют $0,01n_1=40$ телевизоров, а из 6000 телевизоров, выпущенных вторым заводом , скрытые дефекты имеют $0,015n_2=90$ телевизоров , поэтому общее число бракованных телевизоров равно 40+90=130 телевизоров. По отношению к общему числу телевизоров, выпущенных двумя заводами, это составляет 130/10000=0,013=1,3%-искомая вероятность.

Аналогично можно решить и следующую задачу.

Задача. Опрос, проведенный среди студентов вуза, выявил следующие факты: 65% студентов предпочитают телевизионные каналы со спортивной тематикой, 40%- с развлекательной и 25 % предпочитают обе тематики. Какова вероятность того, что студент, выбранный случайным образом, предпочитает развлекательные программы, если известно, что ему нравятся спортивные программы?

Решение. Предположим, что в опросе участвовали 1000 студентов. Из них: n_1=0,65*1000=650 студентов предпочитают телевизионные каналы со спортивной тематикой, n_2=0,40*1000=400 студентов предпочитают телевизионные каналы с развлекательной тематикой, n_3=0,25*1000=250 предпочитают обе тематики. Тогда, студенты, предпочитающие развлекательные программы, при условии, что им нравятся и развлекательные каналы составляют 250/605 или 5/13- искомая вероятность.

Рассмотрим решение более сложной задачи.

Задача. На заводе по производству лампочек 10% продукции имеет дефект. При контроле качества продукции выявляется 80% дефектных лампочек. Остальные лампочки поступают в продажу. Найдите вероятность того, что случайно выбранная при покупке лампочка не имеет дефектов.

Решение. Пусть заводом произведено n=100000 лампочек. Из них n_1=0,1n=10000 лампочек имеют дефекты, а n_2=n - n_1=90000 -нет. Из них n_1=10000 лампочек с дефектами будет забраковано 0,8 n_1=8000 лампочек, а n_1-0,8 n_1=2000 лампочек с дефектами поступят в продажу. В продажу поступят и все n_2=90000 лампочек без дефекта. Таким образом, в продажу поступят 92000 лампочек, из которых не имеют дефекта 90000, что составляет 90000/92000=45/46- искомая вероятность.

Вывод. Нами показана возможность применения метода моделирования для решения лишь некоторых задач теории вероятностей. Рассмотренные выше задачи показывают, что изучение элементов теории вероятностей идёт на пользу и самой математике, расширяя и делая доступным студенту новый круг математических идей и методов.

Использованная литература

1. Арнольд В.И. Математика и математическое образование в современном мире. «Математическое образование», 1997, №2.
2. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник, издательство «Наука», М., 1975.
3. Новик И.Б. О философских вопросах кибернетического моделирования, М., Знание, 1964

УДК: 004.9:658

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ШАБЛОННОГО МЕТОДА ПРОГНОЗА ФИНАНСОВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

Левандовский Владислав Иванович / Vlad Lewandowski
Начальник центра информационных технологий КГУ, программист, преподаватель
depechevl70@mail.ru
Молдова, г. Комрат, ул. Ленина 204 а/4, тел.: (298) 2-22-02

Annotation. In the article the author considers the procedure of constructing a mathematical model of template method of forecasting financial condition.

Аннотация. В тезисах рассмотрен порядок построения математической модели шаблонного метода прогнозирования финансового состояния.

Терминология

1. Под термином ***набор коэффициентов*** понимается определённый ряд значений финансовых коэффициентов, рассчитанных за отдельный отчетный период.
2. Под ***шаблоном коэффициентов*** понимается набор значений изменений показателей между двумя последовательными отчетными периодами. То есть в шаблоне содержится значения ретроспективной динамики изменений значений показателей.

Список сокращений

Обозначение	Наименование
KA	Коэффициент Автономии
KOR	Коэффициент Общей Рентабельности
KCOK	Коэффициент Чистого Оборотного Капитала
KTL	Коэффициент Текущей Ликвидности
KTL2	Коэффициент Текущей Ликвидности 2
KBL	Коэффициент Быстрой Ликвидности
KAB	Коэффициент Абсолютной Ликвидности
KRP	Коэффициент рентабельности продаж
KRPZ	Коэффициент рентабельности прямых затрат
KSZSS	Коэффициент Соотношения Заёмных и Собственных Средств KSZSS<0,7
KMSK	Коэффициент Маневренности Собственного Капитала от 0,2 до 0,5 норма

Кризис на предприятии не является случайным мгновенным явлением, то есть ему предшествуют определённые сценарии событий, которые находят своё отражение в финансовой отчетности.

В основе метода лежит сравнение шаблона со значениями показателей за текущий отчетный период с аналогичными шаблонами из архивной БД всех имеющихся шаблонов. В случае обнаружения сходства между шаблоном за текущий отчетный период и шаблоном из архивной БД, при этом похожий найденный шаблон из архивной БД будет соответствовать предкризисному, тогда – система должна оповестить пользователя о возможном предстоящем ухудшении финансового состояния.

Введем ряд необходимых переменных:

Обозначим переменную Q_{t0} – как шаблон значений финансовых показателей, содержащий наборы значений показателей за текущий S_{t0} и предшествующий отчетный период S_{t-1}.

Таким образом, Q_{t0} – шаблон показателей за текущий отчетный период, который нужно будет сравнивать с шаблонами Q_t из архивной БД;

$$Q_{t0} = \{S_{t-1},\ S_{t0}\}, \qquad (1)$$

где, S_{t0}- набор финансовых показателей за текущий отчетный период;

S_{t-1} – набор финансовых показателей за период предшествующий отчетному периоду;

Таким образом, шаблон содержит в себе информацию двух наборов показателей это набор за текущий отчетный период и набор за предшествующий текущему периоду.

$$Q_t = \{S_{t-1},\ S_t\}. \qquad (2)$$

Под понятием шаблон показателей также будем понимать не только как комбинацию наборов за текущий и предшествующий ему период Q_{t0} (1), но и как сочетание наборов коэффициентов за любой отчетный период и ему предшествующий Q_t (2).

Из чего можно заключить, что понятие набор показателей характеризует показатели за отдельный отчетный период, а понятие шаблон включает значения показателей за отдельный отчетный период и период ему предшествующий. Таким образом, шаблон понятие более информативное, содержащее данные двух последовательных отчетных периодов, следовательно использование такого объекта в свою очередь позволяет отслеживать ретроспективную динамику коэффициентов.

В процессе работы системы, специальные процедуры выполняют расчеты показателей. Рассчитанные результаты являются основой для формирования базы данных наборов коэффициентов DB_{sc} (DataBase Sets of Coefficients)

$$DB_{sc} = \{S_{t1}, S_{t2}, S_{t3} \dots S_{tn}\}. \quad (3)$$

Непосредственно перед сравнением система из базы данных наборов показателей будет извлекать отдельные сравниваемые шаблоны показателей. К примеру, при сравнении 5-го шаблона с 29-м, будут извлечены шаблоны: $Q_{t5}=\{S_{t4}, S_{t5}\}$ и $Q_{t29}=\{St_{28}, St_{29}\}$ (согласно (2)).

Подготовка к операции поиска схожих наборов данных

Когда сформирована база данных содержащая наборы показателей DB_{sc} (3) за отчетные периоды, необходимо проанализировать полученные данные и выявить идентичные шаблоны.

В самом процессе определения схожих шаблонов, первоначально необходимо сравнивать наборы показателей. Очевидно, что идеально точных (до тысячных или сотых) по значениям коэффициентов отыскать будет крайне трудно, а обнаружить целые наборы абсолютно совпадающие – вообще представляется задачей нереальной. Тем не менее, в архивной БД можно отыскать немало достаточно схожих по финансовому состоянию отчетных периодов. Разумеется, чтоб отыскать эти похожие отчетные периоды, для сравнения требуется допустить определённую погрешность.

Для выполнения данной задачи в работе был претворен следующий механизм. Опытным путем была определена оптимальная погрешность сравнения, составляющая 16% от хода значения показателя. Причем возможности системы позволяют варьировать этим значением.

Требуется рассчитать ход ΔK значения рассматриваемого показателя (4). Для этого определяется разница между максимальным K_{max} и минимальным K_{min} значениями показателя за все наблюдаемые отчетные периоды с момента регистрации предприятия по настоящее время. Такая разница будет представлять собой 100% хода ΔK значения показателя. Выделенные 16% от этого значения и будет представлять собой допустимую погрешность при сравнении коэффициента в шаблонах. Само собой разумеется, что формула (4) является общей формулой. В частности, при расчете хода коэффициента автономии (4) можно записать как: $\Delta K_{KA}=|K_{KAmax} - K_{KAmin}|$.

$$\Delta K = |K_{max} - K_{min}|, \quad (4)$$

Определяем разницуΔK_{fs} между фактическим значением K_f и значением показателя из сравниваемого шаблона K_s:

$$\Delta K_{fs} = K_f - K_s, \quad (5)$$

K_f - текущее значение коэффициента;

K_s - значение коэффициента из сравниваемого шаблона;

Формула (5) представляет собой общий вид формулы расчета разницы в значениях показателей сравниваемых шаблонов. К примеру, эта формула для расчета разницы коэффициентов автономии будет выглядеть: $\Delta K_{KAfs}=|K_{KAf} - K_{KAs}|$;

Вычисленную разницуΔK_{fs} нужно сопоставить с погрешностью сравнения $\Delta K_{\Delta p}$, определённую из формулы 3.8.

$$\Delta K_{\Delta p} = \frac{\Delta K * X_{\Delta p}\%}{100\%}, \quad (6)$$

Согласно формуле 3.6 выражение 3.8 для погрешности сравнения коэффициента автономии $\Delta K_{KA\Delta p}$ будет выглядеть:

$$\Delta K_{KA\Delta p} = \frac{(K_{KAmax} - K_{KAmin}) * X_{\Delta p}\%}{100\%}. \quad (7)$$

Соответственно для остальных показателей формулы 3.10-3.19 вычисления погрешностей сравнения будут выглядеть:

$$\Delta K_{KOR\Delta p} = \frac{(\Delta K_{KORmax} - \Delta K_{KORmin}) * X_{\Delta p}\%}{100\%}. \quad (8)$$

$$\Delta K_{KCOK\Delta p} = \frac{(K_{KCOKmax} - K_{KCOKmin}) * X_{\Delta p}\%}{100\%}. \quad (9)$$

$$\Delta K_{KTL\Delta p} = \frac{(K_{KTLmax} - K_{KTLmin}) * X_{\Delta p}\%}{100\%}. \quad (10)$$

$$\Delta K_{KTL2\Delta p} = \frac{(K_{KTL2max} - K_{KTL2min}) * X_{\Delta p}\%}{100\%}. \quad (11)$$

$$\Delta K_{KBL\Delta p} = \frac{(K_{KBLmax} - K_{KBLmin}) * X_{\Delta p}\%}{100\%}. \quad (12)$$

$$\Delta K_{KAB\Delta p} = \frac{(K_{KABmax} - K_{KABmin}) * X_{\Delta p}\%}{100\%}. \quad (13)$$

$$\Delta K_{KRP\Delta p} = \frac{(K_{KRPmax} - K_{KRPmin}) * X_{\Delta p}\%}{100\%}. \quad (14)$$

$$\Delta K_{KRPZ\Delta p} = \frac{(K_{KRPZmax} - K_{KRPZmin}) * X_{\Delta p}\%}{100\%}. \quad (15)$$

$$\Delta K_{KSZSS\Delta p} = \frac{(K_{KSZSSmax} - K_{KSZSSmin}) * X_{\Delta p}\%}{100\%}. \quad (16)$$

$$\Delta K_{KMSK\Delta p} = \frac{(K_{KMSKmax} - K_{KMSKmin}) * X_{\Delta p}\%}{100\%}. \quad (17)$$

Таким образом, рассчитанное значение погрешности $\Delta K_{\Delta p}$ при сравнении с разницей сравниваемых показателей ΔK_{fs} позволит определить схожесть значений. При разнице ΔK_{fs} меньшей погрешности $\Delta K_{\Delta p}$ (19) система фиксирует показатели как схожие. Например, в частном случае для схожести коэффициентов автономии K_{KA} необходимо выполнение условия:$\Delta K_{KAfs} < \Delta K_{KA\Delta p}$.

$$\Delta K_{fs} < \Delta K_{\Delta p}, \quad (18)$$

По такому же принципу сравниваются и другие показатели в наборах. Если количество показателей в сравниваемых наборах более 75%, то сравниваемые наборы рассматриваются как схожие. Такой же принцип действует при сравнении наборов показателей при сравнении шаблонов. Напомню, что шаблоны содержат наборы показателей за отчетный и предшествующий периоды.

Для обнаружения системой развивающихся кризисных явлений необходимо, чтобы в архивной БД DB_{sc} был обнаружен шаблон Q_t схожий с шаблоном показателей за текущий отчетный период Q_{t0} , и одновременно найденный в архивной БД DB_{sc} шаблон Q_t должен соответствовать предкризисному периоду, тогда текущему шаблону присваивается статус предкризисного. Таким образом, должно выполняться следующее условие (19):

$$(Q_{t0} \approx Q_t) \wedge (Q_t \in Cr) \implies Q_{t0} := Cr, \quad (19)$$

где Q_t – Шаблон значений финансовых показателей из архивной БД;

Cr – статус предкризисной ситуации (ожидается кризис).

При сравнении шаблона содержащего наборы значений показателей за текущий и предшествующий отчетный период Q_{t0} с предкризисным шаблоном из архивной базы данных Q_t необходимо выполнение условия, при котором идентичные наборы должны содержать не менее 75% совпадающих коэффициентов. При выполнении данного условия, система определяет шаблоны как схожие и соответственно предупреждает о возможном развитии кризисной ситуации.

Присвоим показателю разницы ID (indicator of the difference) значение 16 %:

$X_{\Delta p} = 16\%$

Заданное значение погрешности в процентах (19) подставим в формулы 3.9-3.19 для расчета погрешности в числовом значении. То есть для определения в числовом выражении погрешности для коэффициента автономии $\Delta K_{KA\Delta p}$, для коэффициента общей рентабельности $K_{KOR\Delta p}$, для коэффициента чистого оборотного капитала $\Delta K_{KCOK\Delta p}$и т.д.

Таким образом, рассчитав разницу ΔK_{fs} (4) межу значением коэффициента из текущего шаблона значением из сравниваемого шаблона для каждого показателя из сравниваемых шаблонов, иначе говоря, получив значения ΔK_{KAfs} для коэффициента автономии, ΔK_{KCOKfs} для коэффициента чистого оборотного капитала, ΔK_{KTLfs} для коэффициента текущей ликвидности и так далее, и получив величину погрешности сравнения коэффициентов $\Delta K_{KA\Delta p}$, $\Delta K_{KOR\Delta p}$, $\Delta K_{KA\Delta p}$ и для других показателей, если в результате сравнения выполнится условие (18), тогда выражение (19).

При сравнении показателей в наборах, для выполнения условия схожести наборов, важно чтобы разница в сравниваемых значениях ΔK_{fs} не превышала установленное пороговое значение

$\Delta K_{\Delta p}$, то есть должно выполняться условие: $\Delta K_{fs} \leq \Delta K_{\Delta p}$. В формуле (20) показано условие для всех показателей в наборе.

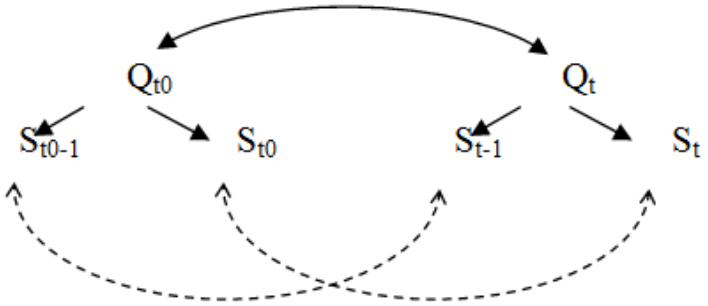

Рис. 1. Схема сравнения наборов в шаблонах Q_{t0} и Q_t

Таким образом, для совпадения шаблонов Q_{t0} и Q_t необходимо совпадение пары наборов за отчетный период S_{t0} и S_{t0-1} из шаблона Q_{t0} с парой наборов за периоды S_t и S_{t-1} из шаблона Q_t (рис. 1). Это очевидно, поскольку шаблон состоит из двух наборов, и совпадение шаблонов означает совпадение соответствующих наборов за отчетный период и ему предшествующий соответственно.

$$\begin{cases} ((\Delta K_{KAfs} \leq \Delta K_{KA\Delta p}) \wedge (\Delta K_{KORfs} \leq \Delta K_{KOR\Delta p}) \wedge (\Delta K_{KCOKfs} \leq \Delta K_{KCOK\Delta p}) \wedge \\ (\Delta K_{KTLfs} \leq \Delta K_{KTL\Delta p}) \wedge (\Delta K_{KTL2fs} \leq \Delta K_{KTL2\Delta p}) \wedge (\Delta K_{KBLfs} \leq \Delta K_{KBL\Delta p}) \wedge \\ (\Delta K_{KABfs} \leq \Delta K_{KAB\Delta p}) \wedge (\Delta K_{KRPfs} \leq \Delta K_{KRP\Delta p}) \wedge (\Delta K_{KRPZfs} \leq \Delta K_{KRPZ\Delta p}) \wedge \\ (\Delta K_{KSZSSfs} \leq \Delta K_{KSZSS\Delta p}) \wedge (\Delta K_{KMSKs} \leq \Delta K_{KMSK\Delta p})) \Rightarrow (St_0 \approx S_t), \end{cases} \quad (20)$$

В итоге, необходимо чтобы при сравнении каждого показателя текущего шаблона с шаблоном из архивной БД, разница составляла не более $X_{\Delta p}$(например - 16%, система позволяет варьировать значением от 0,1% до 25 %), при этом обнаруженный в архивной БД схожий шаблон должен быть предкризисным, в этой ситуации система присвоит текущему шаблону статус предкризисного и предупредит пользователя о том, что предприятие находится в предкризисном состоянии:

$$(St_0 \approx S_t) \wedge (St_{0-1} \approx S_{t-1}) \wedge (Q_{t0} \approx Q_t) \wedge (Q_t \in Cr) \Rightarrow Q_{t0} \coloneqq Cr. \quad (21)$$

Итак, если разница каждого показателя шаблона за текущий отчетный период Q_{t0} и аналогичного показателя из шаблона Q_t из архивной БД составляет не более 16 %, при этом совпадают более 75% коэффициентов из проверяемых шаблонов, более того, найденный схожий шаблон из архивной БД является предкризисным, в таком случае текущему шаблону Q_{t0} присваивается статус предкризисного Cr и система выдает соответствующее предупреждение о возможном развитии кризисной ситуации (21).

Литература

1. Altman E., Haldeman R.G., Narayanan P. ZETA™ analysis: A new model to identify bankruptcy risk of corporations // Journal of Banking and Finance. -June 1977. vol. 1, issue 1, pp. 29-54.
2. Begley Joy, Jin Ming., Watts Susan. Bankruptcy classification errors in the 1980s: An empirical analysis of Altman's and Ohlson's Models // Review of accounting studies. 1996. - pp.267-284.
3. Lewandowski V.I., «Software increasing the accuracy of the forecast financial condition by 8.5%» Young Scientist USA,
4. Levandovski V.I. «Template method of forecasting the financial condition» LXII International Research Practice conference “Earth in spatio-temporal coordinate system” London (UK).

УДК: 378.018.432

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ РАЗРАБОТКИ ДИСТАНЦИОННОГО КУРСА

Лупашку С.И.
магистр пед. наук, ст. препод., кафедры ИТМФ
Комратский государственный университет, Молдова

Abstract. This article describes the stages of development of a distance course, the basic principles and dtrebovaniya to design registration.
Key words: Course, distance learning, design, technology.

В настоящее время все более актуальными являются обучающие курсы для удаленного обучения или же курсы, доступные онлайн.

Создание качественных курсов, как правило, во многом зависит от правильности выделения технологических этапов при разработке и слаженности их реализации с учетом компонент, присущих большинству электронных курсов.

Первые этапы разработки могут быть связаны с основной содержательной частью электронного средства обучения, включающей:

- титульный лист, на котором отображается название курса, его автор,
- аннотацию,
- куррикулум (цели, задачи, содержание, тематический план),
- учебные тексты (структурированные, построенные с учетом требований эргономики),
- иллюстративные материалы (изобразительные, логико-структурные, разработанные сценарии для мультимедиа-фрагментов),
- список рекомендуемой основной и дополнительной литературы по всем темам, включенным в содержание,
- словарь терминов и понятий (глоссарий) по отдельным темам и ко всему курсу в целом; глоссарий должен быть связан гиперссылками с основным текстом ЭСО,
- хрестоматийные и дополнительные материалы (перечень книг, изданий, статей),
- методические рекомендации по изучению курса
- контекстно-зависимую систему помощи.

Следующие технологические этапы создания электронных средств обучения связаны с разработкой компонентов, обеспечивающих поддержку практических занятий, измерение результативности обучения.

Из этих компонентов можно выделить:

- вопросы для самоконтроля и самопроверки по каждой теме, главе, разделу и ко всему курсу
- тренинговые задания и вопросы по каждой теме, главе, разделу и ко всему курсу
- тестовые задания и вопросы для контроля уровня знаний по каждой теме, главе, разделу и ко всему курсу,
- тематический список рефератов или итоговых проектных работ,
- примерный перечень экзаменационных вопросов по всему курсу,

В принципе, не существует универсальной технологии создания электронных средств обучения. Каждый разработчик применяет собственную технологию. Ее разбиение на этапы может учитывать как компонентный состав, так и общие подходы к проектированию и разработке. Так, в частности, очень часто при разработке средств обучения выделяют два основных технологических этапа - предварительный этап и этап непосредственной разработки курса. В ходе предварительного этапа, в основном вручную, осуществляется подготовка учебных и методических материалов, необходимых для создания электронных средств обучения. В рамках этапа непосредственной разработки дистанционного курса осуществляется представление подготовленных учебных материалов в электронном виде. Оба этапа равноценны и взаимосвязаны. Вместе с тем первый этап подготовки содержательной части более трудоемок и менее поддается автоматизации.

В ходе создания дистанционных курсов, необходимо придерживаться общих принципов построения ресурса:

принцип интерактивности учебного материала, который следует учитывать при разработке электронных средств обучения. Интерактивные средства дают возможность интегрировать различные среды представления информации, такие как текст, статическую и динамическую графику, видео и аудио записи, в единый комплекс, позволяющий обучаемому стать активным участником учебного процесса, поскольку выдача информации происходит в ответ на его

соответствующие действия. Использование мультимедиа позволяет в максимальной степени учесть индивидуальные особенности восприятия информации.

*принцип мультимедийного представления учебной информации***.** Основой создания сетевых электронных средств обучения являются телекоммуникационные технологии, которые используются для доставки учебных материалов или организации контролируемого доступа к ним.

принцип адаптивности к личностным особенностям обучаемого. Несмотря на определяющую роль самостоятельной работы в обучении с применением электронных средств обучения, основными субъектами учебного процесса являются обучаемый и преподаватель. Соучастие обучаемого в познавательной деятельности наравне с преподавателем есть одно из условий качественного образования.

Использование сформулированных выше принципов при создании электронных средств обучения и внедрение их в дистанционное обучение, позволяет повысить качество и эффективность обучения. Эти принципы можно рассматривать как неотъемлемую часть общей технологии создания средств обучения.

Кроме этого, важно учитывать, что информационные технологии, используемые при создании электронных средств обучения, базируются на нескольких основных функциях, а именно:

наглядности, обеспечивающих осознанность и осмысленность воспринимаемой учебной информации, формирование представлений и понятий;

информативности, поскольку средства обучения являются непосредственными источниками знания, носителями определенной информации;

компенсаторности, облегчающей процесс обучения и способствующей достижению цели с наименьшими затратами сил и времени.

адаптивности, ориентированных на поддержание благоприятных условий процесса обучения, организацию демонстраций, самостоятельных работ, преемственность знаний;

интегративности, позволяющей рассматривать объект или явление как в целом, так и по частям.

К общим функциям относятся также инструментальная функция, ориентированная на обеспечение определенных видов деятельности, действий, операций и достижение поставленной методической цели, и мотивационная функция, которая служит формированию устойчивой (внешней) мотивации учебной деятельности.

Дидактический потенциал раскрывается не только в том, что электронные средства обучения, являются источником образовательной информации, но и в том, что они выступают как средства, инструменты для ее поиска, переработки, представления.

При компьютерном оформлении курса, перед его размещением онлайн необходимо учитывать и удобство восприятия информации. Целесообразно размещать текстовые сообщения в правой части слайда дистанционного курса, а иллюстрации – в левой. Это связано с тем, что левое и правое полушарие по-разному воспринимают и перерабатывают информацию. При запоминании слов основную роль играет левое полушарие, а при запоминании образов более активно правое. При этом информация с правой части слайда дистанционного курса поступает в левое полушарие, а с левой части – в правое.

Не желательно размещать на информационном слайде дистанционного курса более 9 различных объектов (иллюстраций, текстовых сообщений и т. д.). Это обусловлено тем, что человек не способен удерживать в оперативной памяти информацию более чем по 5 – 9 объектов. Кроме того параметры наблюдаемого человеком объекта удерживаются в оперативной памяти ограниченное время. Поэтому, если для восприятия слайда дистанционного курса требуется информация, полученная с помощью предъявленных ранее слайдов, лучше воспроизвести ее основные элементы еще раз, или предоставить пользователю дистанционного курса удобный механизм повторного вызова соответствующего слайда.

Необходимо размещать текстовые фрагменты на слайде таким образом, чтобы взгляд пользователя сам перемещался в нужном направлении.

Необходимо делать отступ от краев экрана. Объекты на слайде не должны «прижиматься» к краю экрана.

Необходимо соблюдать симметрию при размещении объектов на слайде. Целесообразно выравнивать объекты по вертикали и горизонтали.

Важным показателем качества размещения информации на экране является плотность расположения данных на экране. Следует придерживаться следующих правил:

- оставлять пустым приблизительно половину слайда;
- оставлять пустую строку после каждой пятой строки текста.

Т.о. учитывая все критерии можно рассчитывать на качественный курс.

Список используемой литературы

1. Беляев М.И., Гриншкун В.В., Краснова Г.А. Технология создания электронных средств обучения
2. http://www.web-learn.ru/biblioteka-online/47-2011-06-24-08-54-21

УДК 372.8:004.3

ПРЕПОДАВАНИЕ ВИЗУАЛЬНОГО ПРОГРАММИРОВАНИЯ В ШКОЛЕ

Попиль Г.П.
магистр информатики, ст. препод. каф. ИТМФ
Комратский государственный университет
KDU70@mail.com

Аннотация. Автором настоящей статьи рассмотрена методика и целесообразность преподавания визуального программирования в школе на примере IDE Lazarus.

Ключевые слова: ООП, Визуальное программирование, информационные технологии, информатика, школа.

Abstract. The author of this article discusses the methodology and appropriateness of teaching visual programming in school as an example IDE Lazarus.

Keywords: OOP, Visual programming, information technology, computer science, school.

Объектно-ориентированное программирование активно развивается и используется в современных языках программирования при разработке широкого спектра программных продуктов. Визуальная среда программирования Lazarus наиболее близка для понимания школьниками, так как языки Object Pascal и Free Pascal являются наследными, но более усовершенствованными продуктами языка Pascal, который знаком школьникам из курса общеобразовательной программы.

Визуальная технология программирования является современным подходом к созданию программ. В данный момент существуют различные толкования термина «визуальные языки программирования». Визуальное программирование — программирование, предусматривающее создание приложений с помощью наглядных средств. При этом, программист показывает, что должно получиться в результате, а текст программы генерируется автоматически с помощью визуального прототипа. Визуальный язык программирования делает процесс создания программ наглядным и увлекательным и берет на себя большую часть рутинной работы. Но, вместе с этим, данная технология позволяет разрабатывать достаточно сложные и профессиональные приложения. Визуальное программирование обладает достоинством наглядного представления информации и гораздо лучше соответствует природе человеческого восприятия, чем методы традиционного программирования.

При первом знакомстве с визуальным программированием учащиеся испытывают радость от простоты создания оконных приложений по сравнению со скучным и непонятным текстовым режимом Free Pascal.

Lazarus это бесплатный инструмент разработки с открытым кодом. IDE Lazarus представляет собой среду с графическим интерфейсом для быстрой разработки программ, аналогичную Delphi, и базируется на оригинальной кроссплатформенной библиотеке визуальных компонентов LCL (Lazarus Component Library), совместимых cVCL Delphi. В состав IDE входят и не визуальные компоненты. В принципе такого набора достаточно для создания программ с графическим интерфейсом и приложений, работающих с базами данных и Интернетом [1].

Технология визуального программирования позволяет строить интерфейс будущей программы из специальных компонентов, реализующих нужные свойства. Количество таких компонентов достаточно велико. Каждый из них содержит готовый программный код и все необходимые для работы данные, что избавляет программиста от создания того,что уже создано ранее.

Среда визуального программирования Lazarus сочетает в себе объектно-ориентированные средства визуального программирования и различные технологии, облегчающие и ускоряющие создание программы [2].

Среда программирования Lazarus проходит по лецензии GNU (General Public License, иногда переводят, как, например, Универсальная общественная лицензия GNU, Универсальная общедоступная лицензия GNU или Открытое лицензионное соглашение GNU) — лицензия на свободное программное обеспечение, созданная в рамках проекта GNU в 1988 г [3]. Поэтому совершенно естественным является подход к использованию в образовательных учреждениях свободного программного обеспечения. Достоинством СПО является общедоступность и бесплатность.

Среда Lazarus относятся к категории свободного программного обеспечения, что позволит снять все проблемы нелегального использования лицензионного ПО. В то же время Lazarus по своим возможностям практически не уступает Delphi. Таким образом, Lazarus является идеальным средством для изучения языка программирования Pascal в школах. В процессе обучения объектно-ориентированному программированию (ООП) преимущественно используются традиционные формы обучения, такие как комбинированные, лабораторные работы, практические занятия которые хорошо себя зарекомендовали в процессе обучения структурному программированию, но в современных условиях явно недостаточны для изучения такой сложной методологии программирования, как ООП.

Освоение учащимися на практике принципов ООП вне контекста преимуществ, которые эта методология программирования предлагает, может привести к формализму в процессе их обучения, учащиеся будут обладать необходимыми теоретическими знаниями об ООП, но не смогут эффективно применять эти знания при выполнении сложных проектов на практике. Следовательно, в процессе обучения объектно-ориентированному программированию необходимо обратить особое внимание учащихся не только на рассмотрение преимуществ ООП, но и на обучение реализации этих преимуществ на практике.

Одним из важных преимуществ ООП является возможность создания повторно используемого программного кода. Применение методологии ООП не гарантирует то, что программный код будет являться повторно используемым, но реализация принципов ООП способствует написанию повторно используемого кода. Очень сложно создавать программный код, который действительно является повторно используемым, но затраты на его создание со временем окупятся, так как этот код можно будет применять в большом числе проектов. В повторно используемом коде будут сохраняться уже имеющиеся разработки. Хорошо отлаженный и проверенный программный код при повторном использовании может обеспечить большую надежность программного обеспечения. В процессе обучения ООП рекомендуется использовать средства объектно-ориентированного проектирования, тем самым сформируем у школьников представления об ООП и объектно-ориентированном проектировании.

В современном процессе обучения ООП преобладают задачи и лабораторные работы по построению графического интерфейса пользователя. В процессе обучения ООП рекомендуется использовать сюжетные задания, лабораторные работы и проекты, которые помогут учащимся в формировании опыта по разрешению проблемных ситуаций в ООП и способствующих развитию устойчивой познавательной мотивации. Построение графического интерфейса пользователя желательно рассматривать как дополнение к учебным проектам [4]. В модели формирования рационального содержания образования по информатике в области алгоритмизации и программирования необходимо учитывать особенности визуальных сред программирования (рис. 1).

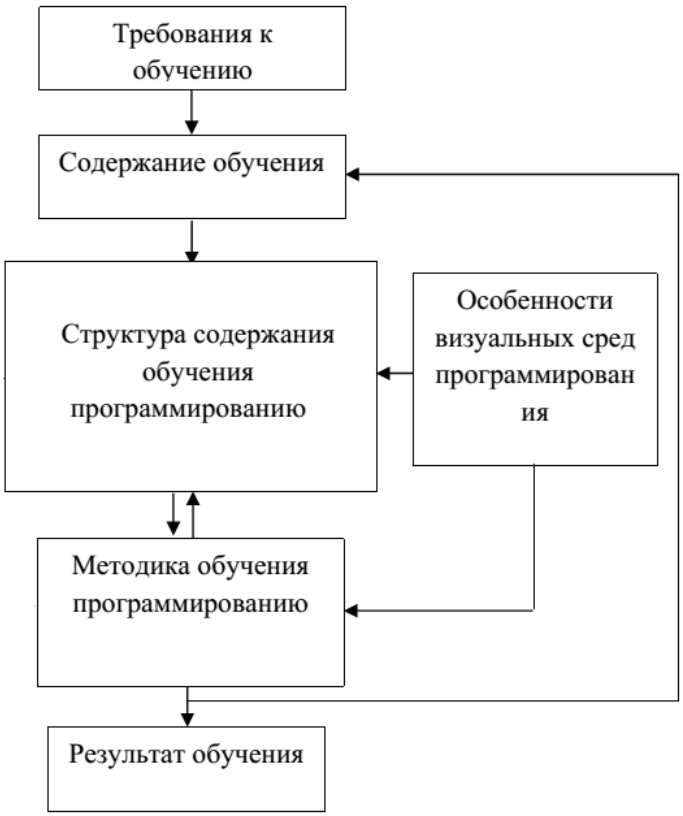

Рис. 1. Модель формирования рационального содержания обучения программированию

Структура содержания обучения визуальному программированию в данной модели раскрывается поэтапно (рис. 2). Обучение детей визуальному программированию целесообразно начать с описания особенностей и преимуществ составления программ в визуальной среде. Среда программирования Lazarus является профессиональной средой программирования и предназначена для разработки достаточно сложных и производительных программных комплексов, получивших название проектов. Для разработки грамотного и профессионального проекта требуется знание учащимися основных шагов в создании проектов.

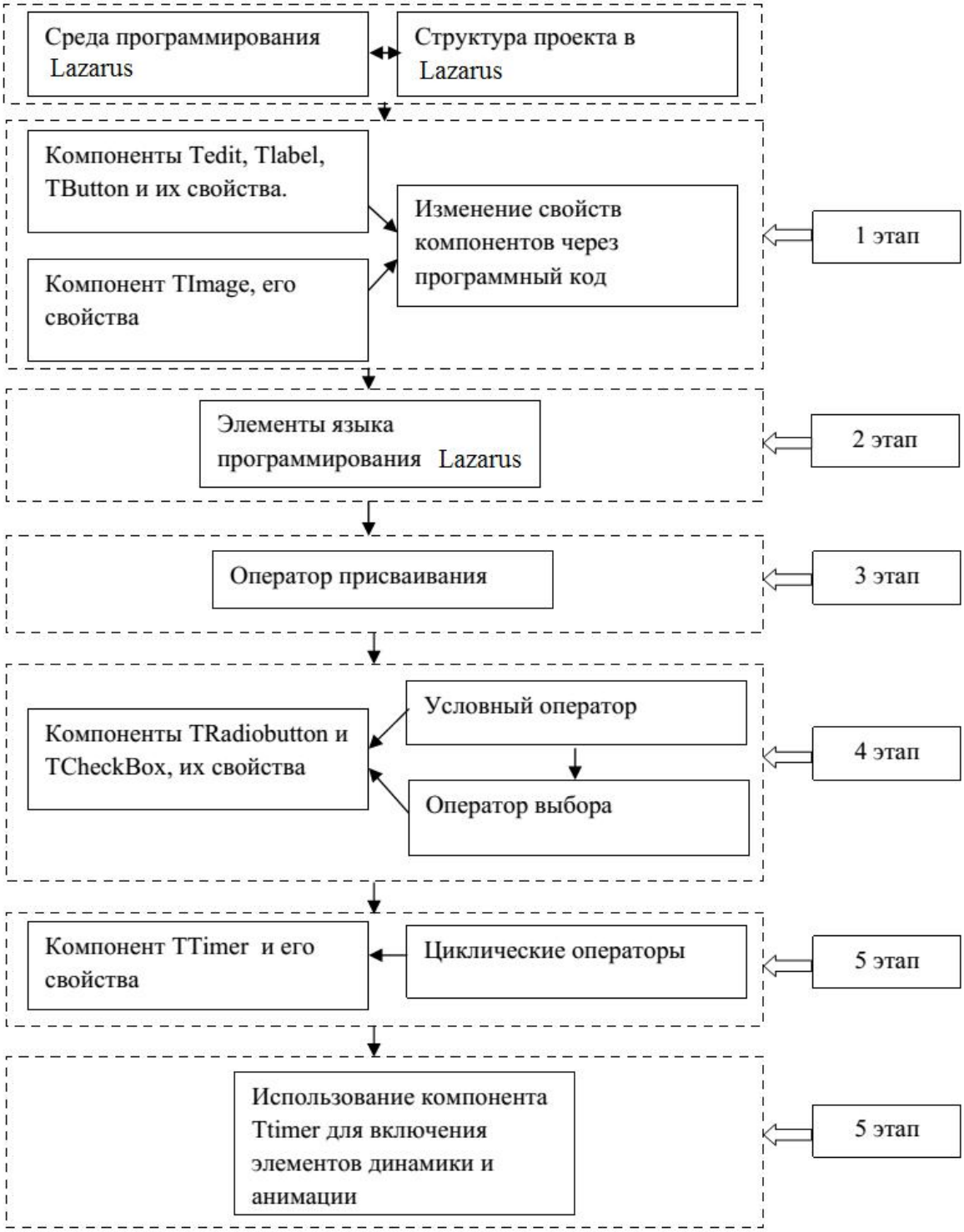

Рис. 2. Модель формирования структуры содержания обучения визуальному программированию

Итак, если в процессе обучения объектно-ориентированному программированию и проектированию:

- используют средства объектно-ориентированного проектирования;
- решают сюжетные задачи и задачи, имеющие объекты, прототипами которых являются реально существующие объекты,
- изучают на практике преимущества объектно-ориентированного программирования и проектирования;

 применяют методические рекомендации, рассмотренные в нашем исследовании, то у учащихся формируются такие знания об объектно-ориентированном программировании и проектировании, которые соответствуют современным требованиям подготовки специалистов.

Основой служит практическая и продуктивная направленность занятий, способствующая позитивному изменению индивидуально-личностных качеств учащихся. Одна из целей обучения работе в среде Lazarus заключается в предоставлении школьникам возможности личностного самовыражения и самореализации в программных продуктах, созданных в этой среде.

Достижение цели становится возможным при создании личностно значимой для учащихся образовательной продукции в рамках программирования исполняемых файлов. Реализация творческих замыслов учеников осуществляется поэтапно:

 на первом этапе создаются простейшие приложения;

 на втором этапе уделяется особое внимание объектно-ориентированным принципам работы с компонентами. Рассказывается о работе с некоторыми классами языка FreePascal;

 на третьем этапе создаются приложения для работы с графикой.

Вывод: при составнении нового куррикулума по информатике для лицейского цикла обучения предлагается включить разделы ООП и программирование в среде Lazarus.

Литература

1. http://wiki.lazarus.freepascal.org/Overview_of_Free_Pascal_and_Lazarus/ru
2. Алексеев Е.Р., Чеснокова О.В., Кучер Т.В. Самоучительпо программированию на FreePascal и Lazarus. - Донецк.:ДонНТУ, Технопарк ДонНТУ УНИТЕХ, 2009. - 503 с. – С.22.
3. http://ru.wikipedia.org/wiki/GNU_General_Public_License
4. http://www.rae.ru/fs/?section=content&op=show_article&article_id=7780826
5. Смирнов С.А., Котова И.Б., Шиянов Е.Н. и др. Педагогика: педагогические теории, системы, технологии: Учеб. пособие/ Под ред. С.Л.Смирнова. - 4-е изд., испр. - М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 512 с.

УДК 378.147:004

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОЕКТНОГО ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ ПО ИНФОРМАЦИОННЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ

Сибова О.Г.
магистр пед. наук, ст. препод., КГУ, РМ

Аннотация. Метод проектов – система обучения, в которой знания и умения студенты приобретают в процессе планирования и выполнения, постепенно усложняющихся практических заданий – проектов. В процессе реализации проекта нарабатывается материал для изучения других дисциплин. При подготовке менеджеров в сфере управления принцип совмещения практической деятельности с теоретическими знаниями, а также работа в команде должны стать ключевым.

Ключевые слова: метод проектов, модернизация, компетенции обучения, базовые компетенции, цифровые компетенции, общекультурные, межкультурные компетенции, предпринимательские компетенции, XMind.

Модернизация высшего профессионального образования ориентирует Вуз на повышение качества профессиональной подготовки специалистов, компетентных в современных технологиях, способных к новаторству и творчеству на своем рабочем месте. Модернизация образования в

Вузе, определила широкий и всесторонний интерес к проектированию. В этом смысле проектирование (метод проекта) стало рассматриваться как средство для развития компетенций.

Необходимость формирования у студентов самообразовательной компетентности обусловлена современными требованиями образовательной системы к повышению эффективности самостоятельной работы студента, доля которой все время возрастает. Поэтому на метод проекта в образовании стали возлагать огромные надежды, связанные с его возможностями организовывать обучение в процессе деятельности, развивать способность применять знания, умения и навыки для решения практических, жизненно важных задач. Если мы ориентируемся на достижение главных образовательных целей XXI века, тогда этот метод должен находиться в центре внимания.

По определению Е.С. Полат метод проектов рассматривается как совокупность приемов, действий обучающихся в их определенной последовательности для достижения поставленной задачи – решения определенной значимой для них проблемы и оформленной в виде некоего конечного продукта [2].

Универсальным компонентам процесса обучения информационных технологий становится процесс обучения, осуществляющиеся на приложениях, проектируемых, моделируемых и исследуемых в специальной компьютерной среде. Наряду с принятой в традиционной системе обучения логической схемы анализа окружающего мира добавляется схема его синтеза, реализуемая в компьютерной среде. А преподаватель – выступает в роли педагога-менеджера.

Учебные проекты - метод обучения оценивания, который позволяет студентам получить существенные знания и практические навыки, необходимые для успешного развития. Характеристики обучения на базе проектов:

1. Студенты участвуют в решении комплексных задач окружающего мира, по возможности выбирают или формулируют существенные для них задачи.
2. Студенты включаются в исследовательскую деятельность, формируют навыки планирования, развивают критическое мышление и навыки решения задач - таким образом, формируются компетенции реализации проектов.
3. Формируют специфические навыки / стандарты в контексте учебных мероприятий реализованных в проекте.
4. Способствует обучению и применению навыков межличностного общения в команде.
5. Позволяет студентам практически использовать целый набор компетенций необходимых для дальнейшего профессионального развития и построению карьеры (планирование времени /ресурсов; личная ответственность и пр.);
6. Включает перспективы достижения целей обучения (относительно куррикулума) определенных в начале проекта.
7. Включает в себя рефлективную деятельность обучаемых для критического анализа опыта, накопленного в проекте и его корреляции со специфическими стандартами обучения.
8. Заканчивается презентацией или некоторым продуктом, который доказывает выполнение поставленных учебных задач.

Курс по дисциплине «Информационные технологии» можно представить в виде одного большого проекта, в котором выделяются более мелкие проекты.

Рассмотрим, один из предложенных проектов, реализованных на экономическом факультете КГУ. Речь идет об опыте реализации проектного метода в работе со студентами специальности «Бизнес и управление» по дисциплине «Информационные технологии в менеджменте» в 2014-2015 гг. по теме «Применение технологии мультимедиа в системах интеллектуальной поддержки управленческих решений. Создание интеллект карт с помощью инструментального средства XMind». Наиболее удачным при изучении раздела является метод проектов. (http://umkitbubuxgal.ucoz.ru) Его преимущества по сравнению с другими методами:

- Умение правильно организовать работу своей группы (распределение ролей-обязанностей в группе, составление плана работы над проектом).
- Практическая направленность деятельности (студенты, работая над проектом, моделируют реальную жизненную ситуацию).

- Развитие коммуникативных навыков (умение договариваться между собой по разным вопросам, умение сотрудничать, аргументировано обосновывать свои предложения, взаимообучение).
- Получение готового, совместно созданного продукта.

Предлагаемые студентам проекты по составлению Интеллект карт в XMind преследуют следующие цели: изучит область применения, способ создания, программное обеспечение, выдвижение гипотезы, планирование путей реализации, опытно-экспериментальное испытание, формулирование выводов. Также предполагается овладение навыками работы с программой XMind [4].

После того, как студентам представлен теоретический материал, выполнены практические заданий по работе с программой XMind они приступают к самостоятельной разработке индивидуального проекта.

Преподаваемые учебные темы, которые охватит проект:

- История появления интеллект карт.
- Создание интеллект карт (ИК) в XMind.
- Область применения интеллект карт.

Дидактические цели, которые преследует проект:

- Овладеть технологией работы с интеллект карт в XMind.
- Формирование навыков создания интеллект карт в XMind.

Компетентности, которые формирует проект:

- Компетенции обучения / научиться учиться.
- Базовые компетенции по информатике, наукам и технологиям.
- Цифровые компетенции, в области технологии информации и коммуникаций (ИКТ).
- Общекультурные и межкультурные компетенции (восприятия и создания ценностей).
- Предпринимательские компетенции.

Цель проекта: Презентации MS Power Point - это здорово, но как хочется узнать о новых формах представления информации. И мы решили создать интеллект карту и представить информацию в новом виде

Постановка проблемы: Исследование, которое может дать студентам знание и применение интеллект карт в области экономики, обучении, презентации

Работа над проектом:

1-й этап - постановка задачи. Составление плана работы группы, распределение обязанностей, поиск необходимой информации для решения поставленных задач.

2-й этап - проектирование ИК. Создание структуры ИК, ввод данных.

3-й этап - демонстрация продукта проектной деятельности.

4- й этап. - анализ созданной ИК.

5- й этап. - оценивание проекта.

Чему мы научимся :

- Работать в программе в XMind.
- Создавать структуру интеллект карт в XMind.
- Взаимодействовать в группах.
- Заполнять интеллект карт в XMind.
- Использовать различные документы и сайты.
- Представлять полученный результат.
- Отстаивать свою точку зрения.

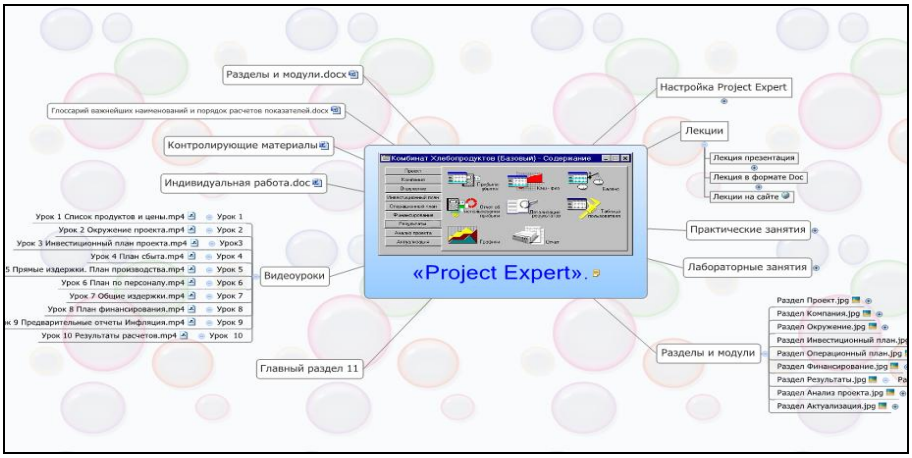

Рис. 1. Пример проект в XMind «Project Expert»

Чтобы защита прошла с интересом для всех студентов, им следует заранее продумать представление проекта (рис. 1). Студенты показывают свои ИК, и рассказывают о них самое главное. При выступлении студенты используют заранее заготовленный «План защиты проекта». Студенты получают «Оценочный лист», в котором указаны критерии оценки. По этим критериям они оценивают себя и друг друга. Максимальное количество баллов за каждый критерий - 10. После обсуждения оценочные листы сдают комиссии (преподаватели кафедры ИТМФ и Экономики), который выполняет подсчет среднего балла. Студенты заполняют «Рефлексию по проекту», где кратко описывают свои чувства и ощущения при выполнении проекта, трудности, что нового узнали в процессе выполнения проекта. В «Таблице самооценки» студенты дают самооценку качества проведенного исследования.

В качестве рекомендаций для преподавателей высшей школы, стремящихся внедрить в практику своей работы метод проектов, необходимо учитывать следующие моменты: 1) при использовании метода проектов со студентами необходимо учитывать индивидуальные особенности учебной группы и каждого студента в отдельности; 2) с целью формирования профессиональных умений и навыков рекомендуем учитывать наличие средств обучения, и программного обеспечения специфику содержания изучаемого материала, задач подготовки специалиста, особенности состава студентов.

Работа студентов над проектом при изучении дисциплины информационные технологии способствует многогранному развитию студентов - студенты набираются теоретических знаний, и практических навыков, необходимы для квалифицированной управленческой деятельности с использованием ПК и программного обеспечения.

Литература

1. Бурков В.Н., Новиков Д.А. Как управлять проектами. – М.: Синтег-ГЕО, 1997. – 188с.
2. Метод проектов / Е.С. Полат. – UVR: www.ioso.ru/distant/projtct/met%20project/metod%20pro.htm; Программа Intel «Обучение для будущего» – www.iteach.ru/met/metodica/a_2wn3.php
3. Е.С.Полат. - М.: Педагогическое общество России, 2000. – 168с.
4. Сибова О.г. Создание интеллект карт с помощью инструментального средства управления знанием XMind Материалы 23 Международной конференции Молдова Комрат 2013 стр 379.
5. Сайт преподавателя кафедры ИТМФ КГУ http://umkitbubuxgal.ucoz.ru

УДК 528.(075.8)

РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СПОРТИВНОМ ТУРИЗМЕ

Фокин Сергей Павлович
канд. пед. наук, доцент кафедры
страноведения и туризма,
Национального авиационного университета, г. Киев, Украина

Summary. Information technology and telecommunications are one of the factors of individual and social development and communication in modern civilization. The article shows some possible applications information technologies in sports tourism.

В наше время информационные технологии и телекоммуникации, стремительно вошли в повседневную жизнь общества, значительно расширили информационное поле пользователей, являются одними из важнейших факторов развития цивилизации.

Основным средством осуществления телекоммуникации в глобальном масштабе является сеть Интернет. Интернет - это сеть мирового масштаба, объединяющая компьютеры по всему миру, в то же время это глобальная информационная среда.

Во многом состояние Интернет определяет современное развитие государства и место, которое оно занимает среди других цивилизованных стран. В условиях Украины необходимость расширения Интернет-технологий обусловлена переходом к рыночным отношениям, где, как известно, информация рассматривается как ценный нематериальный ресурс. На сегодняшний день в сфере новейших информационных технологий преобладают два направления, которые развиваются наиболее интенсивно в последнее десятилетие. Это собственно геоинформационные системы (и соответствующие технологии) и Интернет.

Геоинформационные системы (ГИС) предназначены для анализа данных, которые описываются географически, то есть характеризуются четкой территориальной привязкой. Поскольку известно, что 85% всех данных содержат географический компонент и составляют мощные информационные массивы, то лишь ГИС, способны ускорить получение гарантированно достоверных результатов, которые обычными методами и средствами не могут быть выделены из электронных таблиц или баз данных. Во многих случаях другого пути просто нет - есть задачи, которые принципиально не могут быть решены без помощи геоинформационных систем. Динамика роста отрасли в последнее десятилетие показывает, что дальнейшее преобразование геоинформационных систем и технологий в активный инструмент человеческой деятельности неизбежен.

Интернет - всемирная сеть, состоящая из компьютеров, соединенных линиями связи - изменил мир, позволив свободно обмениваться различной информацией. Преимущества Интернета по сравнению с другими средствами коммуникации, особенно для туристов, более чем значительны. Прежде всего, это возможность находить и получать фактические данные из любого региона земного шара, причем в подавляющем большинстве случаев, эта информация абсолютно бесплатна. Второе преимущество - возможность быстрого ознакомления с новыми информационными источниками (книги, опубликованные в Интернет, научные статьи, дискуссии и телеконференции). Кроме того, Интернет открывает широкий простор для получения онлайновых научных консультаций со специалистами из других организаций и возможность сотрудничества с ними.

Каждая из двух указанных технологий отдельно, характеризуется множеством преимуществ, которыми могут воспользоваться туристы. Их объединение, основанное несколько лет назад, открыло принципиально новые возможности ГИС. Программный продукт, который возник в результате слияния ГИС и Интернет получил название Гис-По-Интернет и отличается от

геоинформационной системы, расположенной на изолированном компьютере, тремя принципиальными моментами:
1. Возможностью доступа к информации нескольких пользователей одновременно.
2. Подвижность данных, что позволяет резко увеличить их общий максимальный объем и, кроме того, использовать для анализа данные из нескольких источников одновременно.
3. Снятием проблемы пространства и времени при работе с геоинформационными системами в Интернете; ее пользователи могут находиться на любом расстоянии друг от друга.

Эти различия Интернета от традиционной изолированной геоинформационной системы определяют все преимущества и обусловливают превращение ГИС в совершенно новое качество - из средства проведения пространственного анализа ГИС в инструмент управления пространственно распределенными данными и исполнителями [1].

Современное состояние сети Интернет в Украине характеризуется разнообразием украинских Интернет-компаний и отсутствием полной и достоверной информации о них. Некоторые компании заявляют о своей работе в сети только в рекламных целях. В то же время по оценке Lucky Net, количество абонентов в Украине постоянно росло. В 1998 г. составляла 30 тыс., в 1999 г. - около 200 тыс., При этом количество регулярных пользователей составляло 370 тыс. чел. В 2001 р. в Украине было приблизительно 465 тыс. пользователей сети. В последнее время количество пользователей стремительно растет. Согласно результатам исследования агентства InMind, по состоянию на второй квартал 2010 года на территории Украины насчитывалось 12,6 миллионов регулярных пользователей, из которых каждый пятый выходит в Сеть ежедневно, а каждый третий — раз в месяц. По данным Киевского международного института социологии в феврале 2012 года Интернет аудитория на Украине составила 43 % взрослого населения. По оценкам группы Expert & Consulting (E&C) на конец 3-го квартала 2012 года у десяти ведущих операторов на территории Украины насчитывалось порядка 3,46 миллионов пользователей фиксированного широкополосного доступа к Интернет [2].

Для пользователей – спортивных туристов, важное значение имеет поиск нужной информации в Интернете. Интернет - это многослойная по организации система, которая характеризуется мощными массивами информации. Несмотря на достаточное количество публикаций в Интернет по практически любой теме, найти необходимую информацию задача не простая. Масштабы Интернет настолько значительны, что поиск иногда открывает сотни тысяч ссылок на различные документы по данной, даже узкой теме. Это обусловливает тот факт, что не существует и не может существовать идеальной методики поиска необходимой информации. Это не простая задача, хотя для облегчения поиска выработаны специальные средства, которые отличаются по глубине, охвату, алгоритмам осуществления, здесь могут быть выбраны множество альтернативных стратегий, однако опыт работы в Интернет показывает, что наилучших результатов можно достичь, используя следующие правила:
• поиск необходимо осуществлять по нескольким направлениям с одновременным использованием альтернативных средств и технологий;
• следует использовать все имеющиеся логические возможности ограничения пространства поиска;
• не следует ограничиваться областью одного конкретного языка, например, русского, а использовать несколько языков;
• необходимо проверять полученные ссылки на наличие документов, поскольку адреса со временем могут меняться (особенно это касается русскоязычных и украиноязычных ресурсов Интернет);
• целесообразно одновременный запуск нескольких окон браузера, с заданием в каждом из них, своих условий поиска (если позволяют компьютерные и сетевые ресурсы);

Практика показывает, что наиболее популярным украиноязычным поисковым сервером является «МЕТА», расположенный по адресу: (http://www.meta.com.ua); русскоязычными поисковыми серверами являются: Яндекс (http://www.yandex.ru); Рамблер (http://www.rambler.ru), а англоязычными Google (http://www.google.com) Yahoo (http: //www.yahoo.com), Lycos (http://www.lycos.com).

При использовании туристско-спортивных ресурсов Интернет, возможно, решать следующие задачи:

• быстрый сбор информации для составления маршрутов походов;
• размещение в сети отчетов о районах походов;
• получение картографического материала для ориентирования на маршруте;
• по электронной почте (e-mail), чата (chat) и (или) ISQ договориться с участниками спортивного похода о предстоящем путешествии;
• используя базу данных Интернет можно получить информацию о расписании движения транспорта и стоимость билетов;
• прогноз погоды на период проведения похода;
• организациях, фирмах, клубах, которые проводят туристские спортивные походы;
• с помощью базы данных Интернет получить информацию о местах проката снаряжения и специализированных магазинах, стоимости туристского снаряжения;
• дать объявление о месте сбора, начала похода и т.д. и т.п.

В Украине имеется несколько сайтов, среди которых можно найти информацию спортивно-туристского характера.

Сайт Винницкого туристско-спортивного союза (http://vtss.vetal.org.ua).

На сайте ВТСС можно найти интересную и полезную информацию об истории спортивного туризма в Винницкой области. При входе на сайт открывается страница, на которой представлены свежие новости из жизни Винницкого туристско-спортивного союза. В меню сайта: новости, планы, история, отчеты, фото, контакты и форум. Ниже можно подробно узнать о водном, горном и пешеходном туризме, а также об альпинизме и скалолазании. Дизайн сайта очень привлекательный и оригинальный, на каждой странице находятся разноцветные фотографии, текст написан очень интересно, а кнопка навигации очень удобна.

На сайте ВТСС находятся ответы на вопросы о туризме, можно получить полезные советы, о проведении соревнований, путешествий и походов. В разделе **новости** дана информация в период до 2015 года. Раздел **планы**, информирует о мероприятиях ВТСС, которые планируются провести в 2015 году. В разделе **история**, подается история создания, достижения ВТСС и Винницкого туристского клуба «Меркурий». В разделе **отчеты** размещены отчеты о мероприятиях ВТСС и о призерах соревнований по различным видам туризма. Раздел **фото** очень впечатляет красивыми фотографиями походов, соревнований.

В разделе **контакты** можно ознакомиться с ВТСС, высказать свое мнение относительно по его деятельности, предложить свои предложения и оставить свои данные. Раздел **форум** позволяет узнать, сколько людей зашло на сайт ВТСС, кто зарегистрировался, кто сейчас находится на сайте и общается в он-лайн режиме с другими людьми.

После главных разделов следуют подразделы, в которых можно найти все, что касается водного, горного и пешеходного туризма, а также альпинизма, скалолазания (положение о соревнованиях, правила соревнований, результаты соревнований, полезные вещи и обязательное снаряжение в походе, а так же многое другое) [3].

Турклуб «Кристалл» проводит активную работу в развитии спортивного спелеологического туризма. Среди основных направлений этой работы: пешеходный, горный, лыжный, спелеотуризм. На сайте можно найти информацию о ближайших событиях туристической жизни Тернопольщины, описания походов, фотографии. Сайт клуба: (http // www.krystal.te.ua) [4].

Турклуб Киевского национального технического университета КПИ. На сайте много отчетов о походах и отличная подборка бланков, документов и нормативных материалов по спортивному туризму. Постоянно обновляется раздел «Новости» (http://www.tkg.org.ua) [5].

Активно функционирует сайт Харьковского туристско-спортивного союза (http://fst-tss.kharkov.ua) [6].

К сожалению, в последнее время фактически перестал функционировать сайт Федерации спортивного туризма Украины (http://www.fstu.org.ua) [7], также некоторые сайты городских и областных федераций туризма Украины (www.fstk.kiev.ua) [8], которые до последнего времени были главными координирующими и регламентирующими организациями в спортивном туризме Украины.

Выводы. В наше время туристам практически невозможно обойтись без ресурсов Интернет. Глобальная информатизация общества приводит к тому, что потребность в информации растет с каждым новым пользователем сети. При этом задачей специалистов в области информационных технологий является обеспечение пользователей полной и достоверной информации путем простого и удобного для пользователей доступа к накопленным массивам данных. Использование передовых технологий программирования позволяет разрабатывать программы, позволяющую эффективно искать необходимую информацию в базе данных. Использование сети Интернет позволяет быстро получать необходимую информацию, помогает в организации и планировании спортивного туризма.

Литература

1. Фокін С. П. Використання Інтернет та ГІС технологій у спортивному туризмі. Географія в інформативному суспільстві. Зб. наук. праць. У 4-тт. – К.: ВГЛ Обрії, 2008. – Т. IV. – С. 129 – 130.
2. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki.
3. Режим доступа: http://vtss.vetal.org.ua.
4. Режим доступа: http // www.krystal.te.ua.
5. Режим доступа: http://www.tkg.org.ua.
6. Режим доступа: http://fst-tss.kharkov.ua.
7. Режим доступа: http://www.fstu.org.ua.
8. Режим доступа: www.fstk.kiev.ua.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 5. ЛИНГВИСТИКА

1. BABĂRĂ N. M., ***doc.hab.prof.univ., Universitatea de Stat din Comrat, PM;*** **SANDU T. I.,** ***doctorandă,USM, RM***
FONETICA ŞI IMPORTANŢA EI LINGVISTICO-DIDACTICĂ…….... 3

2. BANKOVA İ., ***Komrat devlet universiteti, Moldova;*** **MILEVA V.,** ***Komrat devlet universiteti, Moldova***
GAGAUZ DİLİNDÄ AZ PRODUKTİV HEM DİİL PRODUKTİV AFİKSLÄR…… 9

3. BLAJIN Cristina, ***MA, University Lecturer, Moldova State University, RM;*** **DUHLICHER Olga,** ***PhD, Associate Professor, Moldova State University, RM***
IDENTIFYING PLOT TECHNIQUES: FLASHBACK, FLASH-FORWARD AND FORESHADOWING IN A NARRATIVE……. 14

4. BOTEZATU L., ***doctor conf. univ., Universitatea de Stat din Comrat, RM***
SINTAXA AFECTIVĂ ŞI METODA ANALIZEI EMFATICE…….... 17

5. BOTEZATU L., ***doctor conf. univ., Universitatea de Stat din Comrat, RM***
PRINCIPIUL AXIOLOGIEI GLOBALE ŞI METODA EVIDENŢEI COMPLINIRILOR AXIOLOGICE……... 23

6. CUŢITARU N., ***doctor, lector superior, Universitatea de Stat din Comrat, RM***
AXIOMA GÂNDIRII POETICE DAMIANIENE……... 26

7. CUŢITARU N., ***doctor, lector superior , Universitatea de Stat din Comrat, RM***
RÉSISTANCE ET COMMUNION À LIVIU DAMIAN…….... 31

8. HÎRBU S., ***lector superior universitar, Academia de Studii Economice a Moldovei, RM***
УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ….. 37

9. MITITELU O., ***doctor, lector universitar, Universitatea de Stat din Comrat, RM***
DOGMA TOTALITARISTĂ CA SUPREMAŢIE A IDEOLOGICULUI ASUPRA ESTETICULUI…… 39

10. MUTCOGLO G., ***lector univ., Universitatea de Stat din Comrat, RM***
PREDAREA LIMBII ROMÂNE – ÎNTRE TRADIŢIE ŞI INOVAŢIE…… 43

11. NEDU L., ***lector univ., Universitatea de Stat din Comrat, RM***
LIMBA ROMÂNĂ ŞI ALOFONI……. 45

12. БАБЫРЭ Никонор, ***доктор хабилитат, профессор, КГУ, РМ*****; УСАТЫЙ Лариса,** ***старший препод., государственный педагогический университет имени Иона Крянгэ, РМ***
АРТИКУЛЯТОРНАЯ ДИНАМИКА МОНОФТОНГОВ |U| РУМЫНСКОГО И |U| АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ (ПО ДАННЫМ КИНОРЕНТГЕНОГРАФИРОВАНИЯ)…. 48

13. БОЙКОВА Л., ***доктор, ст. преп., КГУ, РМ***
ОСОБЕНОСТИ НА БЪЛГАРСКАТА РЕЧ В ГР. КОМРАТ (МОЛДОВА)……. 51

14. ИСАКОВА А.А., ***кандидат филологических наук, доцент, Тюменский государственный нефтегазовый университет, Россия***
КОМПЬТЕРНАЯ ДИАГНОСТИКА ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕКЛАМЫ АВТОМОБИЛЬНЫХ БРЕНДОВ……. 55

15. КИРДЯКИН А.А., ***доктор (кандидат) филологических наук, доцент, Молдавский международный независимый университет, РМ***
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОСТАНОВКИ ПРОИЗНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ НАВЫКОВ УСТНОЙ РЕЧИ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ…… 59

16. КУРТОВА Е.Р., ***магистр, препод., КГУ, РМ***
ИНТЕРАКТИВНАЯ ДОСКА КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ МОТИВАЦИИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ…… 61

17. КУРТОВА Е.Р., магистр, препод., ***КГУ, РМ*****; СУЛАК С.К., доктор, доцент,** ***КГУ, РМ***
NEOLOGISMS AND THEIR CRITERIA AT THE SYNCHRONIC ANALYSIS……. 66

18. МУТАФ Г.Н., ***препод., КГУ, РМ***
VASİ FİLİOGLUNUN UŞAKLARA DEYNİ YARATMALAR…….. 69

19. НАЧОГЛО Н.В., ***магистр, старший препод., КГУ, РМ***
ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА…….. 74

20. ПАЛИК О.П., ***мастер, препод., КГУ, РМ***
THE ROLE OF COUNTRYSIDE IN JANE AUSTEN'S WORK……. 80

21. ПАУЛИНА Сегень, ***филологический факультет, Гданьский университет, Польша***
НАЧАЛА НОВОГО РЕАЛИЗМА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XXI ВЕКА. О МАНИФЕСТАХ ПИСАТЕЛЯ И КРИТИКА…….. 83

22. РАДОВА-КАРАНАСТАС Ольга, ***доктор исторических наук, историк, этнолог, тюрколог, ученый секретарь Ассоциации ученых Молдовы им. Н.Милеску Спатару, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра Гагаузии им. М.В.Маруневич, РМ***
GAGAUZ DİLİN GELİŞMESİNDÄ BİLİM ADAMNARIN, YAZARLARIN – HEPSİ İNTELLİGENŢİYANIN ROLÜ……. 88

23. СОКОЛОВА А.А., ***кандидат филологических наук, доцент, Тюменское высшее***
военно-инженерное командное училище (военный институт) имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова, Россия
МЕСТОИМЕНИЕ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ОБЪЕКТА ПРИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ СУБКАТЕГОРИИ ОТНОШЕНИЯ…… 93

24. СУКМАН А.Г., ***мастер, препод., КГУ, РМ;*** **ПАЛИК О.П.,** ***мастер, препод., КГУ, РМ***
TEACHING VOCABULARY WITH USE OF MULTIMEDIA…….. 96

25. СУЛАК С.К., ***доктор, доцент КГУ, РМ***
О КОНЦЕПЦИИ СОСТАВЛЕНИЯ АНГЛО-РУССКО-ГАГАУЗСКОГО СЛОВАРЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ……. 99

26. ТОДОРИЧ Т.А., ***магистр, препод. КГУ, РМ***
VERWANDTSCHAFTSBEZIEHUNGEN DER GERMANISCHEN SPRACHEN…… 103

27. УМУДОВА Кямаля, ***Бакинский славянский университет, Азербайджан***
ОБРАЗ КНЯЗЯ МЫШКИНА В КОНТЕКСТЕ ХРИСТИАНСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ... 108

28. ЧАВДАРЬ О.И., ***магистр, препод., КГУ, РМ***
DIE ENTWICKLUNG DES HÖRVERSTEHENS IM DEUTSCHUNTERRICHT……. 111

СЕКЦИЯ 6. ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

ВСЕОБЩАЯЯ ИСТОРИЯ. АРХЕОЛОГИЯ

1. АГУЛЬНИКОВ С., ***ИКН АНМ, НИЦ им. М.В.Маруневич, РМ***
ИЗ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА БУДЖАКЕ……. 117

2. АГУЛЬНИКОВ С., ПОПОВИЧ С., ***ИКН АНМ, НИЦ им. М.В.Маруневич, РМ***
ГОРОДИЩЕ КАРАСУ У С. КОНГАЗ В БУДЖАКСКОЙ СТЕПИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ, КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАННИЕ……... 121

3. АГУРЕЕВ С.А., ***кандидат ист.наук, доцент, МГПУ, Россия***
ЭКСПЕДИЦИИ ИМПЕРАТОРСКОГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В ЭФИОПИЮ В КОНЦЕ XIX-НАЧАЛЕ XX В. И ИХ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ……... 124

4. БАТШЕВ Д.А., ***магистрант, МПГУ, Россия***
СПОРЫ О ГРАНИЦАХ ДУХОВНОЙ И СВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА РУБЕЖЕ XVI-XVII В СВЯЗИ С ПРИХОДОМ ДИНАСТИИ СТЮАРТОВ В АНГЛИИ……. 127

5. ВЕНГЕРСКАЯ В.А., ***канд. ист.наук, ЖГУ им. И.Франко, Украина***
ШТЕТЛ В ИСТОРИИ И ПОЛИТИКЕ ИМПЕРИЙ XIX-XX ВВ. (НА ПРИМЕРЕ МЕСТЕЧЕК УКРАИНЫ И МОЛДОВЫ)…… 131

6. ВИНОКУРОВ Н.И., ***доктор исторических наук, профессор, МПГУ, Россия***
ГОРОДИЩЕ И НЕКРОПОЛЬ АРТЕЗИАН В КРЫМСКОМ ПРИАЗОВЬЕ. ОСНОВНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ…….. 137

7. ГАЙДУКОВ Н.Е., ***кандидат ист.наук, ПСТГУ, Россия***
ХРИСТИАНСКАЯ ТОПОГРАФИЯ ОКРАИНЫ ГОРОДИЩА ЭСКИ-КЕРМЕН В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ…… 142

8. ГРИГОРОВ Григор, ***доктор културологии, доцент ЮЗУ, «Неофит Рилски», Болгария***
СВЕТЦИ ПРОСИЯЛИ В РУМЪНИЯ ОТ БЪЛГАРСКИ ЕТНИЧЕСКИ ПРОИЗХОД ….. 146

9. ГЮМЮШЛЮ Г.В., ***магистрант, КГУ, РМ***
СТРАТЕГИЯ ФИЛИППА II МАКЕДОНСКОГО: ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИИ… 148

10. ДИМОВ Т.К., ***доктор истории;*** **ИСМАИЛ А.И.** ***Регионалный исторический музей Добрича, Болгария***
ЗАПАДНОТО ЧЕРНОМОРИЕ И ДОБРУДЖА ПРЕЗ ПРАИСТОРИЧЕСКАТА ЕПОХА……..... 152

11. ДЕГТЯРЕВА А.Д., ***магистрант, МПГУ, Россия***
О РОЛИ СПАРТАНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРА ВСЕОБЩЕГО МИРА 387/6 Г. ДО Н.Э……... 155

12. ЗАЙЦЕВА А.А., ***кандидат исторических наук, ИКН, Россия***
ЖУРНАЛ ИЛИ ЗАПИСКА ЖИЗНИ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ» ДМИТРОВСКОГО КУПЦА И.А.ТОЛЧЕНОВА: ИСТОРИКО–АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ……..... 166

13. КРЫКИН С.М., ***кандидат исторических наук, доцент, МПГУ, Россия***
ДРЕВНИЙ ФРАКИЙСКИЙ РИТОН ИЗ БОЛГАРИИ…….. 170

14. КУЛИКОВА Ю.В*, **кандидат исторических наук, доцент, МПГУ, Россия***
УЗУРПАЦИЯ ИНГЕНУЯ …… 174

15. МОЖАЙСКИЙ А.Ю., ***кандидат исторических наук, доцент, МПГУ, Россия***
МИКЕНСКИЙ ДВОРЕЦ В ФИВАХ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ……...…… 178

16. МОСИЕНКО А.В., ***аспирант, ЖГУ им. И.Франко, Украина***
ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИЕЙ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРОТИВ АВСТРО-ВЕНГРИИ В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ……..... 182

17. ПАПЦОВА А.К., ***доктор философии, ст.преподаватель, КГУ, РМ***
К ВОПРОСУ О ФАКТОРАХ И ТЕНДЕНЦИЯХ ПОЛИТОГЕНЕЗА У СЕВЕРНЫХ ФРАКИЙЦЕВ…… 185

18. РОКАЧУК В.Н., ***доктор философских наук, доцент, КПНУ им.И.Огиенко, Украина***
РЕЛИГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ РУССКОГО НАРОДА XVI ВЕКА……... 194

19. ФИЛИНЮК А.Г., ***доктор исторических наук, профессор, КПНУ им.И.Огиенко, Украина***
ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ И БЕССАРАБИИВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА…….. 198

20. ЩЕМЕЛЕВ А.В., ***аспирант ФБГОУ ВПО МГПУ, Москва, Россия***
МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ В ИЗУЧЕНИИ ФЕНОМЕНА ФРАКИЙСКОГО ВСАДНИКА – РАБОТЫ А. ДЮМОНА……..... 202

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ, КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ

1. PRISAK Lidia, ***doctor în istorie, cer.*, *IPC, AŞM, RM***
FROM HISTORY OF ARMENIAN PARTICULAR HIGH SCHOOL IN CHISINAU (1918–1925)…… 205

2. BARCARI Dina, *doctorand, USM, RM*
SPECIFICUL IDENTITĂȚII RELIGIOASE ÎN CONTEXTUL GLOBALIZĂRII ……. 210

3. CAPCELEA Valeriu, *doc. hab. în filosofie, conf. univ.*, CAPCELE Arcadie *doc.hab. în ştiinţe biologice*, *FB AŞM, RM*
RESPONSABILITATEA MORALA ȘI LIBERTATEA ECOLOGICA IN CONTEXTUAL SOCIETAȚII BAZATE PE CUNOAȘTERE……. 212

4. MOTÂNGĂ Ivan, *doctorand, USM, RM*
SPIRITUALITATEA CA REALITATE TANGIBILĂ VIEȚII COTIDIENE……... 215

5. PLEȘCA Victor, *doctorand, USM, RM*
ORTODOXIA ÎNTRE TRADIȚIONALISM ȘI UNIVERSALISMUL ECUMENIC……... 218

6. ROCACIUC Victoria, ***doctor în studiul artelor, conferenţiar cercetător, IPC AŞM, RM***
ASPECTE ALE DEZVOLTARII HERMENEUTICI IN CONTEXTUAL METODOLOGIEI STUDIULUI ARTELOR…… 225

7. SAHARNEANU Eudochia, ***doc. hab. în filosofie, profesor,USM, RM***
OBIECTIV ȘI SUBIECTIV ÎN PROCESUL ISTORIC CONTEMPORAN……. 230

8. VRABIE Victoria, *doctorand, USM, RM*
FUNCȚIA TERAPEUTICĂ A FILOSOFIEI……. 232

9. АГУРЕЕВ С.А., *доцент, МГПУ, РФ*
РЕАЛИЗАЦИЯ ТРЕБОВАНИЙ ФГОС В ПРЕПОДАВАНИИ ДИСЦИПЛИНЫ «ИСТОРИЯ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ» СТУДЕНТАМ БАКАЛАВРИАТА…… 234

10. ВОЛОШИНА Т., *докторант, ИКН АНМ*
ЭТНОЯЗЫКОВАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ МОЛДАВСКИХ СТУДЕНТОВ (РЕЗУЛЬТАТЫ ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ 2011-2013 год)… 238

11. ГАЛАКТИОНОВА Н.А., *канд.филолог.наук, доцент, ТГАКИСТ, Россия*
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ ЦИРКУМПОЛЯРНОГО РЕГИОНА: СООТНОШЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО И ЭТНОКУЛЬТУРНОГО В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ …… 243

12. ГОДОРОЗЯ Д.Н., *ст. препод., докторант, УЛИМ, РМ*
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МОЛОДЁЖИ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ БУДУЩЕМ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ…… 250

13. ГУБОГЛО М.Н., *доктор исторических наук, профессор, РАН, Россия*
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ЧЕШКО С.В. ЭТНОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ: УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ДЛЯ СТУДЕНТОВ УЧРЕЖДЕНИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ. М., 2014, 240 С…….. 252

14. ИВАНОВА Н., *доктор истории, ст. науч. сотр. ИКН АНМ, РМ*
ОБРАЗ СТРАНЫ У МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)…….... 259

15. ИДЖИЛОВ Р.Д., *аспирант, ИИ АНМ, РМ*
АНТИФИЛОСОФИЯ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ……. 265

16. КАУНЕНКО И.И., *доктор психологии, ст. науч. сотр. ИКН АНМ, РМ*
ИССЛЕДОВАНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ДИСТАНЦИИ И ИЕРАРХИИ ЭТНИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА……... 268

17. КОЖУХАРЬ В., *доктор истории, ст. науч. сотр. ИКН АМН, РМ*
ХОЗЯЙСТВЕННО-БЫТОВАЯ АДАПТАЦИЯ УКРАИНЦЕВ В УСЛОВИЯХ БУДЖАКСКОЙ СТЕПИ…….. 276

18. КОЖУХАРЬ Е.С., *доктор педагогики, ст. науч. сотр. ИКН АМН, РМ*
ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ В НАЗВАНИЯХ ПИЩИ И УТВАРИ В УКРАИНСКИХ ГОВОРАХ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА……. 280

19. КОЛАРОВ Г.И., *канд. полит. наук, докторант, РУДН, РФ*
К ВОПРОСУ О ФЕНОМЕНЕ БОЛГАРСКОГО ЛЕВОГО НАЦИОНАЛИЗМА……. 285

20. КУЗЬМИНА Т.В., *канд. пед. наук, доцент, ТГАСУ, Россия*
КОНФЛИКТ ПАРАДИГМ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ…… 288

21. КУЙЖУКЛУ Е.С., *преподаватель, КГУ, РМ*
ОСВОЕНИЕ СТАТУСА АТО ГАГАУЗ ЕРИ……. 292

22. НИКОГЛО Д.Е., *докт. истор. наук, конф., ст.н.сотр ИКН, АМН*
ЧЕХИ СЕЛА ГОЛУБОЕ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА: КОНСЕРВАТИВНОСТЬ ТРАДИЦИЙ В ИНОЭТНИЧНОЙ СРЕДЕ..... 299

23. ПАПЦОВА А.К., *док. фил., ст. преподаватель КГУ;* **КУЦАР С.,** *магистрант, КГУ, РМ*
БАЛКАНИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ……. 302

24. ПЕКАРЧУК В.М., *канд. ист.наук, доцент, ДГУВД, Украина*
ТРАНСГРАНИЧНОЕ СООТРУДНИЧЕСТВО В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРЫ ЭТНОМЕНЬШИНСТВ УКРАИНЫ: ТЕНДЕНЦИИ 1990 – 2000-Х ГОДОВ…….. 308

25. РОКАЧУК В.В., *док. ис.;* **РОКАЧУК В.Н.,** *кан.фил.н., доц., КПНУ им.И.Огиенко, Украина*
ОБРАЗОВАНИЕ В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРЫ…….. 311

26. ФИНИН Г.В., *канд. филос. наук, доцент, ХПГА, Украина*
ДУХОВНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОДНОГО КРАЯ В ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ МОЛОДЕЖИ И ФОРМИРОВАНИИ ГУМАНИСТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ…….. 315

27. ХОРОЗОВ С., *Магистр права, ст. пр. каф. пед ТГУ*
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ (НПО) МОЛДОВЫ С ДРУГИМИ СОЦИАЛЬНЫМИ ИНСТИТУТАМИ В ПОВЫШЕНИИ УРОВНЯ И КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ…….. 318

28. ЧЕКЕР Н.В., ***кандидат философских наук, доцент кафедры философии Луганский национальный аграрный университет***
ПРИРОДА ФИЛОСОФСКОГО ТВОРЧЕСТВА В ОСМЫСЛЕНИИ РУССКИХ ФИЛОСОФОВ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА…….. 324

ГАГАУЗОВЕДЕНИЕ ГАГАУЗОВЕДЕНИЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. HATŁAS J, ŻYROMSKI M., ***Познань, Польша***
SOME POLITICAL AND RELIGIOUS PROBLEMS PRESENTED IN GAGAUZIAN PRESS – ON THE EXAMPLE OF ONE NEWSPAPER "VESTI GAGAUZII" IN THE PERIOD OF 2010-2013…….. 328

2. KOPUŞÇU VİKTOR, ***пред. культ.-пр. ОО «Айдынык»***, ***НИЦ им М.В. Маруневич, РМ***
AY-BOBA MİHAİL ÇAKİRİN YARDIMCILARI……... 334

3. KARANFIL G., ***доктор филологии, İMBL***
KİMİ GAGAUZ İŞLİKLERİ İÇİN……... 338

4. БУЛГАР С.С., ***зав.отд.истории и этнологии***, ***НИЦ им М. В.Маруневич, РМ***
ИСТОРИЯ ГАГАУЗОВ ТУРЦИИ И ГРЕЦИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)…….. 344

5. БУРХАНОВ А.А., ***профессор, академик РНАН, ИМОИВ КГУ, Россия***
ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТА ВОЛКА В КУЛЬТУРЕ И ТРАДИЦИЯХ ДРЕВНИХ ТЮРКОВ И ГАГАУЗОВ…… 349

6. ГАБДРАХМАНОВА Г.Ф., ***док.соц.наук, доцент, ИИ им.Марджани АНРТ, Россия***
ОПЫТ РАЗВИТИЯ СЕМИОТИЧЕСКОГО ПОДХОДА В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА... 352

7. ГУБОГЛО М.Н., ***доктор исторических наук, профессор, РАН, Россия***
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ КВИЛИНКОВОЙ Е.Н. КУЛЬТ ВОЛКА У ГАГАУЗОВ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СИМВОЛОВ. КИШИНЁВ. 2014, 472 С. РЕЦ. ГАБДРАХМАНОВА Г.Ф. //ВЕСТИ ГАГАУЗИИ, 2014, № 84-85, 14 НОЯБРЯ…… 355

8. ДУЛОГЛО Ф.П., ***дир. ДХШ им. Д.Д.Еребакана;*** **ПАПЦОВА А.К.,** ***док.фил., КГУ***
ЧАДЫР-ЛУНГСКАЯ ДЕТСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ШКОЛА ИМ. Д.Д. ЕРЕБАКАНА – 45 ЛЕТ ТВОРЧЕСКОГО ПУТИ……... 366

9. ЗАХАРИЯ С.К., ***док. истор., конф.-унив. дек.юр.ф-та;*** **ПАПЦОВА А.К.,** ***док.фил., КГУ***
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА……. 375

10. КВИЛИНКОВА Е.Н., ***доктор хаб. истории, конференциар, ст.науч.сотр. ИКН АНМ, РМ***
ОТРАЖЕНИЕ ВОПРОСА О КУЛЬТЕ ВОЛКА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ГАГАУЗОВЕДОВ…….. 382

11. КАРА А.В., ***директор ТФ МК «Шт.Няга»;*** **СЛАВОВА П.Г.,** ***пр., зав. ТФ МК «Шт.Няга»***
РОЛЬ ТВАРДИЦКОГО ФИЛИАЛА МУЗЫКАЛЬНОГО КОЛЛЕДЖА «ШТЕФАН НЯГА» В СОХРАНЕНИИ И РАЗВИТИИ БОЛГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ…… 393

12. НОВОЖЕЕВ Р.В., ***доцент*****, БГАУ, РФ; ИВАНЧОГЛО И.**
ЭЛЕМЕНТЫ КОЧЕВОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУХНИ В СИСТЕМЕ ПИТАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГАГАУЗОВ…… 398

13.НЯГОВА А.Г., ***доктор истории, доцент*****; УЗУН Н.И.,** ***магистр, КГУ, РМ***
ПЕРДЯНКИ, СИДЯНКИ И РОП-РОП КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ДОСВАДЕБНОГО ОБЩЕНИЯ МОЛОДЕЖИ…… 400

14.НЯГОВА А.Г., ***доктор истории, доцент*****; РАТКОГЛО М.В.,** ***магистр, КГУ, РМ***
РОДИЛЬНЫЕ ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ ПЕРВЫХ ЛЕТ ЖИЗНИ РЕБЁНКА…… 404

15.ПАПЦОВ Ю.А., ***магистр гуманит. наук, преп.истории Чадыр-Лунгское ПУ***
ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В БОЛГАРИИ XVIII ВЕКА……. 409

16. РАДОВА-КАРАНАСТАС О.К., ***докт.ист.наук, ст. науч. Сотр. НИЦ им. М.В.Маруневич***
ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗНАКОВО-ВИЗУАЛЬНОЙ ПРИРОДЫ НАЦИОНАЛЬНОГО КОСТЮМА ГАГАУЗОВ…….. 416

17.РОМАНОВА С.Я., ***ст.преподаватель, I дид. ст., КГУ, РМ***
ВКЛАД А.А. СКАЛЬКОВСКОГО В ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ БУДЖАКА……... 421

18.РОМАНОВА С.Я., ***ст.преп., I дид. ст., КГУ*****; САПУНЖИ К.С.,** ***магистр, КГУ, РМ***
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ ГАГАУЗОВ – ЛЕТОПИСЬ ИСТОРИИ ГАГАУЗСКОГО НАРОДА, РАССКАЗАННАЯ САМИМ НАРОДОМ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР)…… 426

19.СИРКЕЛИ М.П., ***зам.нач. Упр.образ. Гагаузии, магистрант КГУ***
ИЗ ИСТОРИИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В МОЛДОВЕ…… 430

20.СЛЕСАРЧУК И.Н., ***преп.истор. КПК им. М.Чакира, магистрант КГУ***
РУМЫНСКИЙ ВОПРОС В ЕВРОПЕЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ: ОТ САН-СТЕФАНО ДО БЕРЛИНСКОГО КОНГРЕССА: АСПЕКТЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ТЕМЫ В ЛИЦЕЙСКИХ КЛАССАХ…… 435

21.СМИРНОВА М.Г., ***директор Теор. лицея г.Твардица, магистрант КГУ***
ДОБРУДЖА В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ НА БАЛКАНАХ XIV ВЕКА И В ОБРАЗЕ ПРОШЛОГО ГАГАУЗОВ МОЛДОВЫ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)……. 439

22.СУББОТИНА И.А., ***канд.фил.наук,ст.н.сотр. ИЭА РАН, РФ***
ТРУДОВЫЕ МИГРАЦИИ ГАГАУЗОВ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ…….. 442

23.СУРНИНА С.Г., ***магистр фил.наук, инспектор по раб с иностр. КГУ***
ДИСЦИПЛИНА «КУЛЬТУРА И ТРАДИЦИИ НАРОДОВ МОЛДОВЫ» И ЕЕ РОЛЬ В АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ (ОПЫТ КГУ)……... 451

24.СЫРФ В. И., ***доктор филологии, ст.науч.сотр., ИКН АНМ, РМ***
ОБРАЗ ОБОРОТНЯ В ТРАДИЦИОННОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ ГАГАУЗОВ. ГАГАУЗОВЕДОВ……. 454

25.ТАНАСОВИЧ М.Д., ПОНОМАРЕВА А.М. ***КПК им. М.Чакира***
СОХРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ГАГАУЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ЗАДАЧА ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ (ОПЫТ КОМРАТСКОГО ПЕДАГИЧЕСКОГО КОЛЛЕДЖА ИМ.М.ЧАКИРА)…… 457

26.ФЕДОТОВА Л.В., ***док.сельх. н., проект. КГУ;*** **ПАПЦОВА А.К.,** ***док. филос., КГУ***
БУДЖАК КАК СИМВОЛИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО……. 460

27.ЧИМПОЕШ В.П., ***директор библиотеки, КГУ, РМ***
ПОТОМСТВЕННЫЙ ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН КОМРАТА Г.И.ЦАНКО-КЫЛЬЧИК…….. 467

СЕКЦИЯ 7. ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

1. JARYNOWSKI A., ***doctoral candidate, Moldova State University, RM***
VIRAL SPREAD IN ONLINE COMMUNITY – EPIDEMIC MODEL……... 472

2. SIRKELI V.P., ***доктор физ. мат. наук, доцент, КГУ, РМ*****; O.YILMAZOGLU,** ***Технический университет Дармштадта, Германия*****; KULPPERS F.,** ***Технический университет Дармштадта, Германия*****; HARTOGEL H.L.,** ***Технический университет Дармштадта, Германия***
EFFECT OF N-ZNSE INTERLAUER ON INTERNAL GUANTUM EFFICIENCY OF P-GAN/N – ZNO LED LEVICES……. 475

3. ВЕЛИКОВА Т.Г., ***доктор пед. наук, КГУ, РМ***
ОРГАНИЗАЦИЯ ФОРМИРУЮЩЕГО ОЦЕНИВАНИЯ В ВУЗЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ…… 478

4. ГЕССЕ Ж.Ф., ЧЕСНОКОВА Л.Н., БАРИНОВА Е.В., ***ФГБОУ ВО Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, Российская Федерация***
К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ MICROSOFT EXCEL В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ……... 482

5. ИОВЧУ М.И., ***ст. препод., КГУ, РМ***
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТ КАРТ В РЕАЛИЗАЦИИ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА В ОБРАЗОВАНИИ…….. 486

6. КОВРИКОВА Р.Н., ***доктор пед. наук, ст. препод., КГУ, РМ;*** **КЫССА Л.П.,** ***магистр пед. наук, ст. препод. КГУ, РМ***
ПОВЫШЕНИЕ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ УЧАЩИХСЯ ГИМНАЗИИ НА УРОКАХ МАТЕМАТИКИ……... 490

7. КЫССА Л.П., ***магистр пед. наук, ст. препод., КГУ, РМ;*** **КОВРИКОВА Р.Н.,** ***доктор пед. наук, ст. препод., КГУ, РМ***
ПРИМЕНЕНИЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ ДЛЯ КАЧЕСТВЕННОГО ИЗУЧЕНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ТЕОРИИ ВЕРОЯТНОСТИ В ВУЗЕ……... 494

8. ЛЕВАНДОВСКИЙ В.И., ***начальник центра информационных технологий, преподаватель, КГУ, РМ***
МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ШАБЛОННОГО МЕТОДА ПРОГНОЗА ФИНАНСОВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ……. 496

9. ЛУПАШКУ С.И., ***магистр пед. наук, ст. препод., КГУ, РМ***
ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ РАЗРАБОТКИ ДИСТАНЦИОННОГО КУРСА……. 500

10. ПОПИЛЬ Г.П., ***магистр пед.наук, ст. препод., КГУ, РМ***
ПРЕПОДАВАНИЕ ВИЗУАЛЬНОГО ПРОГРАММИРОВАНИЯ В ШКОЛЕ……. 503

11. СИБОВА О.Г., ***магистр пед. наук, ст. препод., КГУ, РМ***
РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОЕКТНОГО ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ ПО ИНФОРМАЦИОННЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ…….. 507

12. ФОКИН С.П., ***канд. пед. наук, доцент кафедры страноведения и туризма, Национального авиационного университета, г. Киев, Украина***
РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СПОРТИВНОМ ТУРИЗМЕ…… 511